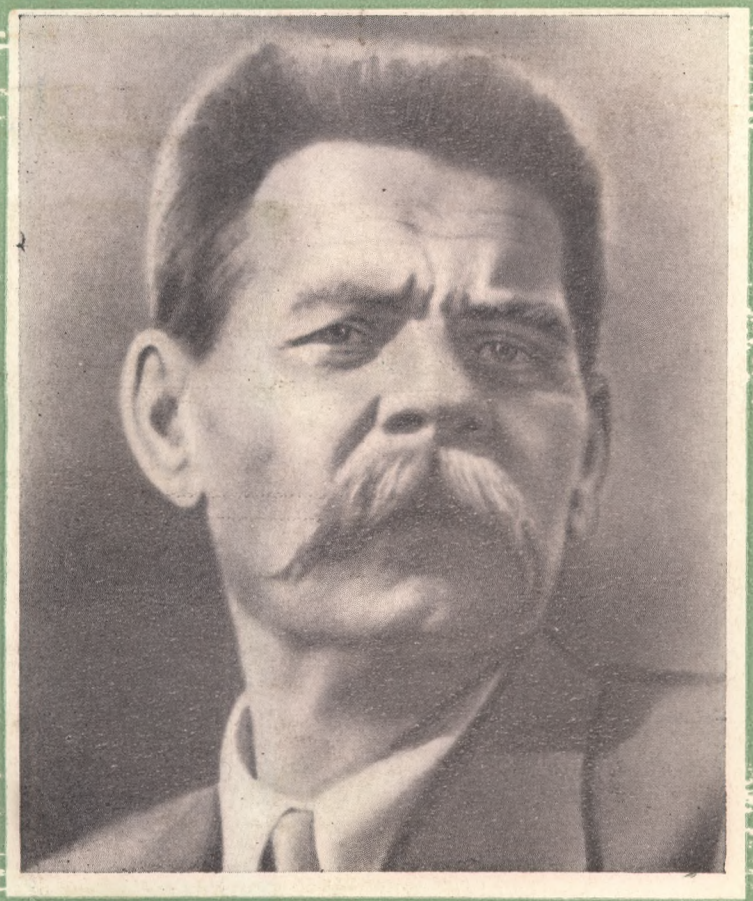
Литературное наследство



М. ГОРЬКИЙ и СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ

Неизданная переписка

В этой книге печатается более 260 ранее не опубликованных писем А. М. Горького к советским писателям: А. Н. Афиногенову, И. Э. Бабелю, В. В. Вишневскому, С. Т. Григорьеву, М. М. Зощенко, В. А. Каверину, В. М. Киршону, Л. М. Леонову, Б. Л. Пастернаку, М. М. Пришвину, Л. Н. Сейфуллиной, А. Н. Толстому, К. А. Треневу, Ю. Н. Тынянову, К. А. Федину, О. Д. Форш, А. П. Чапыгину, М. А. Шолохову и многим другим. Кроме того, публикуется около 300 писем советских писателей к Горькому. Эта двусторонняя переписка значительно обогащает представление о Горьком как руководителе советской литературы, друге и воспитателе нескольких поколений писателей.

В томе печатаются неизвестные статьи и заметки Горького, его отзывы о произведениях Вс. Иванова, Каверина, Леонова, Пастернака и др.

Публикуемая переписка важна для изучения творчества Горького и ряда его корреспондентов — крупных советских писателей, так как раскрывает их замыслы, идейные поиски, своеобразие их художественных позиций.

В целом переписка дает живую картину литературной жизни 20—30-х годов.

Том содержит большое число иллюстраций, большинство из них печатается впервые.

Книгу можно приобрести в магазинах «Академкнига»

Москва, ул. Горького, 6
Ленинград, Литейный проспект, 57.

Для получения книги почтой заказы направлять по адресу:
Москва, Центр, Б. Черкасский пер., 2/10 контора «Академкнига», или в ближайший магазин «Академкнига»

Литературное наследство

ГОРЬКИЙ И СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ

НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. М. ГОРЬКОГО

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ СЕМИДЕСЯТЫЙ

РЕДАКЦИЯ
И. И. АНИСИМОВ (главн. ред.), Д. Д. БЛАГОЙ,
А. С. БУШМИН, В. В. ВИНОГРАДОВ, А. Н. ДУБОВИКОВ,
И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, С. А. МАКАШИН,
К. Д. МУРАТОВА, Ю. Г. ОКСМАН, Р. М. САМАРИН,
Л. И. ТИМОФЕЕВ, М. Б. ХРАПЧЕНКО, В. Р. ЩЕРБИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1 · 9 · МОСКВА · 6 · 3

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО – ВОВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ГОРЬКИЙ И СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ

НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1 · 9 · МОСКВА · 6 · 3

ГОД ИЗДАНИЯ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий том подготовлен Архивом А. М. Горького совместно с редакцией «Литературного наследства» и целиком посвящен переписке Горького с советскими писателями.

Письма Горького к советским писателям печатаются уже в течение тридцати пяти лет; многие из них широко известны, и к ним постоянно обращается наша критика и литературоведение. Но от всех прежних публикаций настоящее издание значительно отличается как по своим масштабам, так и по составу горьковских корреспондентов.

Из эпистолярного наследия Горького, опубликованного до 1955 года, в тридцатитомное Собрание сочинений вошло только 230 писем к советским писателям; при этом многие из адресатов Горького — начинающие авторы, писатели-самоучки, рабкоры и т. п. В предлагаемом читателю томе печатается 262 письма Горького. Среди его корреспондентов — А. Н. Афиногенов, И. Э. Бабель, В. В. Вишневский, И. Е. Вольнов, Ф. В. Гладков, С. Т. Григорьев, М. М. Зощенко, В. А. Каверин, В. М. Киршон, П. С. Коган, Л. М. Леонов, Б. Л. Пастернак, Б. А. Пильняк, А. П. Платонов, М. М. Пришвин, Л. Н. Сейфуллина, М. Л. Слонимский, А. Н. Толстой, К. А. Тренев, Ю. Н. Тынянов, К. А. Федин, Г. С. Фиш, О. Д. Форш, А. П. Чапыгин, М. А. Шолохов, Г. П. Шторм и многие другие. Ряд писателей в качестве корреспондентов Горького впервые появляется в настоящем издании (Бабель, Григорьев, Сейфуллина, Тынянов, Шолохов и др.). В то же время ощутимо вырастает фонд известных ранее писем Горького к отдельным писателям. Так, в Собрании сочинений было помещено 7 писем Горького к Федину, здесь публикуется 29 новых писем, писем к Пришвину было опубликовано 4, в томе печатается еще 15; соответственные цифры писем: к Форш—2 и 16, Толстому — 4 и 9, Слонимскому — 1 и 10 и т. д.

Таким образом, материалы настоящего тома значительно расширяют представление об эпистолярных связях Горького с советскими писателями. Особенно важно то обстоятельство, что в отличие от подавляющего большинства предшествующих публикаций в настоящем томе печатается *двусторонняя* переписка. До сих пор письма советских писателей к Горькому крайне редко появлялись в печати. В настоящей книге помещено 291 письмо корреспондентов Горького. Среди них в первую очередь необходимо отметить такие богатые эпистолярные коллекции, как 41 письмо Федина, 32 письма Гладкова, 19 писем Пришвина, 23 письма А. Н. Толстого, 26 писем Тренева, 24 письма Чапыгина, 15 писем Форш.

В томе также печатаются статьи Горького, его заметки, отзывы о произведениях советских писателей (Вс. Иванова, Каверина, Леонова, Пастернака и др.), планы литературных сборников и т. д., которые до сих пор не были изданы (всего — 12 номеров).

Значение публикуемой переписки чрезвычайно широко и многообразно. Она в высокой степени обогащает наши знания о Горьком как о непосредственном участнике и руководителе советского литературного движения, как о друге, воспитателе, а подчас суровом, требовательном критике советских писателей разных взглядов и разных направлений. Многочисленные фактические данные вносят любопытные штрихи в биографию Горького, проясняют творческую историю его произведений. Вместе с тем переписка поднимает ряд серьезных литературно-теоретических и социально-политических вопросов, позволяет глубже и точнее охарактеризовать эволюцию философско-эстетических и общественных взглядов Горького.

В неменьшей, если не в большей мере важна переписка и для изучения творчества ряда крупных советских писателей — корреспондентов Горького, раскрывая их творческие замыслы, идейные поиски, своеобразие их художественных позиций. Чрезвычайно интересны и многочисленные оценки произведений Горького, которые содержатся в письмах писателей-современников.

Наконец, взятая в целом, переписка дает необычайно живую и многоцветную картину самой литературной жизни на протяжении почти двух десятилетий. Историк советской литературы не сможет пройти мимо материалов этой книги при воссоздании того сложного и противоречивого литературного процесса, в ходе которого мужало молодое искусство страны социализма, росли и формировались творческие индивидуальности и одновременно изживались идейные и эстетические заблуждения, свойственные в начале 20-х годов ряду писателей, в том числе иногда и самому Горькому.

Письма располагаются в томе в порядке алфавита корреспондентов Горького. В пределах данной индивидуальной переписки (раздела) письма размещаются в хронологической последовательности. Каждый раздел имеет самостоятельную нумерацию писем. Раздел предваряется вступительной заметкой, содержащей краткие сведения об адресате и его отношениях с Горьким.

В интересах полноты публикуемой переписки в том включены письма Горького, напечатанные ранее в периодических изданиях или в составе статей и мемуаров. Письма, вошедшие в тридцатитомное Собрание сочинений Горького, в настоящем издании не перепечатываются. Сведения об этих письмах даются во вступительных заметках. (При ссылках на Собрание сочинений М. Горького в 30 томах, М., Гослитиздат, 1949—1955, указывается только том и страница.)

Почти все письма печатаются по подлинникам, хранящимся в Архиве А. М. Горького; исключения оговорены в примечаниях. Часть писем печатается по автографам, которые были любезно предоставлены для настоящего издания Л. Гроссманом, В. Кавериным, Л. Леоновым, К. Фединым, О. Форш.

Письма адресатов Горького в ряде случаев даются выборочно.

Некоторые письма печатаются с незначительными сокращениями, которые обозначены многоточиями в угловых скобках.

Редакционные даты помещаются перед текстом письма в угловых скобках. При отсутствии авторской даты в примечаниях дается обоснование датировки. В переписке с писателями старшего поколения (Гладковым, Вольновым, Пришвиным, Толстым) имеются также письма, написанные до 1918 г. В этих письмах даты указываются по старому стилю или же — если письмо написано за границей — дается двойная дата.

Письма печатаются по современному правописанию при сохранении некоторых индивидуальных особенностей авторской пунктуации. Окончания недописанных слов воспроизводятся в угловых скобках. Обращение «Вы» везде печатается со строчной буквы. Сведения об именах даются в примечаниях при первом упоминании.

Редакция «Литературного наследства» приносит глубокую благодарность В. А. Каверину, Л. М. Леонову, М. Л. Слонимскому, К. А. Федину, М. А. Шолохову, оказавшим помощь в комментировании писем, а также И. И. Вольнову, Т. Н. Гладковой, Н. А. Коган, Н. А. Пешковой, В. Д. Пришвиной, Л. И. Толстой, любезно предоставившим возможность работать в личных библиотеках и архивах писателей.

Публикацию переписки Горького с советскими писателями подготовили:

И. А. Бочарова — переписку с Ф. В. Гладковым;

В. А. Диев — переписку с А. Н. Афиногеновым, В. Ф. Плетневым, Л. Н. Сейфуллиной, К. А. Треневым;

И. В. Дистлер — переписку с В. В. Вишневским, И. Е. Вольновым, П. С. Коганом, Н. А. Крашенинниковым, И. К. Луппполом, Д. М. Хаитом;

С. И. Доморацкая — переписку с И. Э. Бабелем, В. А. Кавериным, Ю. Н. Тыняновым;

Ф. М. Иоффе — переписку с М. Д. Артамоновым, В. Н. Багровым, Л. И. Гумилевским, А. А. Демидовым, В. Д. Дубровиным, В. А. Ковалевским, Ю. Г. Когбетлиевым, О. А. Колесниковой, Н. И. Колоколовым, В. А. Коршуновым, Ф. М. Ласковой, М. Е. Левберг, Л. М. Леоновым, П. Н. Лукницким, М. Г. Лукьяновым, С. Н. Марковым, Д. И. Морским, Н. С. Новоселовым, И. И. Тачаловым, К. А. Фединым (письма №№ 1—31), С. Д. Фоминым, П. В. Чацким;

Е. Г. Коляда — переписку с Л. П. Гроссманом, В. В. Князевым, Е. П. Летковой-Султановой, Б. Л. Пастернаком, М. М. Пришвиным, Н. А. Славятинским, А. А. Смирновым-Треплевым, К. А. Фединым (письма №№ 32—70), О. Д. Форш, Е. К. Феррари, А. Я. Цинговатовым, М. Ф. Чумандриным, М. А. Шолоховым;

Е. Г. Коляда (при участии З. М. Карасик)— переписку с М. М. Зощенко, И. С. Макарьевым, А. П. Платоновым, Б. А. Пильняком, М. А. Россовским, М. Л. Слонимским, Г. С. Фишем, Г. П. Штормом.

Р. Э. Корнблюм — переписку с В. М. Киршоном;

Ю. А. Крестинский (при участии З. М. Карасик) — переписку с А. Н. Толстым;

Р. П. Пантелеева — переписку с С. Т. Григорьевым;

Д. Л. Устюжанин — переписку с А. П. Чапыгиным;

А. Д. Михайлов подготовил к печати предисловие Горького к роману Леонова «Барсуки».

В редакционной подготовке тома участвовали: Л. М. Розенблюм («Литературное наследство»), С. С. Зимина и Е. Г. Коляда (Архив А. М. Горького). Подбор иллюстраций — Н. Д. Эфрос.

Редакторы тома И. С. Зильберштейн и Е. Б. Тагер.

ГОРЬКИЙ В ПЕРЕПИСКЕ С СОВЕТСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ

Статья Л. И. Тимофеева

1

Вряд ли в истории мировой литературы можно найти явление, аналогичное эпистолярному наследию, оставленному Максимом Горьким.

Количество его писем в общей сложности,— учитывая данные о многочисленных пропавших письмах и о письмах, находящихся за рубежом,— приближается (по сведениям Архива А. М. Горького) к 20 тысячам. Соответственно велико было и количество получаемых им писем. В Архиве А. М. Горького хранится более 13 тысяч писем только от советских писателей. Очевидно, какое богатство жизненных связей и взаимоотношений, охватывающих несколько десятилетий, множество людей, разнообразнейших исторических событий, вопросов общественной жизни, психологии, быта, стоит за этими числами.

Историческая судьба Горького сложилась так, что он был связан с центральными, узловыми проблемами своей эпохи, и это определяет значение писем Горького и к Горькому, освещающих самые различные стороны жизни первой трети XX в. и — в частности — жизни литературной.

Более 550 писем публикуется в настоящем томе «Литературного наследства». Они не только дают богатейший материал для суждения о характере эпистолярного наследия Горького в целом, но вместе с тем представляют первостепенный интерес для понимания ряда существенных вопросов развития советской литературы.

Еще в 1912 г. Горький писал с Капри П. Максимову: «Мне приходится прочитывать не менее 40 рукописей в месяц и каждый день писать три, пять, семь писем. Мой расход на почту не меньше 200 лир в месяц. Вхожу в подробности того ради, чтоб вы знали, что на меня нельзя обижаться, если иной раз я не отвечу в срок на письмо» (т. 29, с. 225). «...Иной раз,— писал К. Федин Горькому (27 марта 1926 г.) [1],— почту привозят вам на извозчике, а вы аккуратнейше все прочитываете, книги и рукописи, расставляете запятые малограмотным авторам, сердитесь, но все же читаете ночами напролет. У меня волосы стали дыбом, когда я подумал, что этакая война с рукописями и письмами тянется у вас всю жизнь!». И Горький писал Федину: «Писем получаю полсотни — в среднем, ежедневно...» (21 апреля 1928 г.) и жаловался М. Ф. Андреевой (13 июля 1925 г.): «Так много пишешь писем, что не хватает времени читать книги, а читать надобно много» (т. 29, с. 432) и С. Подъячеву (24 февраля 1931 г.): «Вы представить не можете, как много приходится мне писать. Вот вчера я получил 17 писем, сегодня — 14, и добрый десяток их требует обстоятельных ответов» (т. 30, с. 205). Письма его пестрят упоминаниями: «...это письмо вам сегодня одиннадцатое...» (Федину, 16 марта 1927 г.). «Постепенно превращусь в „письмописца“»,— шутил он в письме к Илье Груздеву от 31 декабря 1927 г. (Илья Груздев. Мои встречи и переписка с М. Горьким.— «Звезда», 1961, № 1, стр. 160).

Исключительно широкий размах приобрела переписка Горького после Великой Октябрьской социалистической революции и в особенности его переписка с советскими писателями.

«Сколько он отдал труда на письма, в которых он с присущим ему вниманием подробно анализировал <...> романы, повести, рассказы, очерки, поэмы, стихи, пьесы,

то восторгаясь новизной прочитанного <...>, то радуясь появлению нового талантливого произведения!

Нельзя называть имена этих писателей, потому что пришлось бы перечислить всех существующих и уже умерших писателей, потому что все мы так или иначе были в поле его внимания, сидели у него за писательской беседой, видели его среди нас на литературных собраниях и заседаниях, слышали и читали его многочисленные отзывы о наших произведениях», — вспоминал Н. Тихонов («Литературная газета», 1946, № 26, от 22 июня).

Эта переписка и, в частности и в особенности, переписка с писателями, представляет собой немаловажную сторону творческой деятельности Горького, составляет одну из существенных граней его творческого облика, необычайно богато и полно характеризует его личность писателя и вместе с тем освещает самые различные области того огромного мира разнообразнейших человеческих отношений, с которым был связан Горький. С. Маршак справедливо заметил, что «когда-нибудь, собранные воедино, эти письма покажут, с каким широким миром был связан великий писатель и замечательный человек» («Правда», 1936, № 347, от 18 декабря). В этом смысле переписка Горького уже теряет, так сказать, частный и личный характер, она превращается в явление большого общественного и исторического масштаба.

«Горькому писала Россия — старая и молодая, писал Советский Союз»,— очень верно сказал Федин (Конст. Федин. Горький среди нас, ч. II. М., Гослитиздат, 1944, стр. 73). «Где-то далеко от России,— писал он Горькому (7 декабря 1924 г.),— вы слушаете и слышите ее так, как будто бы ни на час не покидали ее. Так здесь в Питере вы стягивали у себя на Кронверкском бесчисленные нити со всех концов — Сибири, Севера, Юга». И сам Горький высказал ту же мысль в письме к А. Цинговатову (15 марта 1927 г.): «Живу я — в России, о чем свидетельствует почта, получаемая и отсылаемая мною. Это письмо сегодня девятое».

О том, какое значение имела эта переписка для самого Горького, он сказал в «Беседе с писателями-ударниками» (11 июня 1931 г.): «Меня спрашивают: интересовался ли я письмами, которые мне присылают, и какого я о них мнения? Было бы странно, если бы я не интересовался такими письмами. Ясно, что я ими интересовался, и, аллегорически выражаясь, я ими кормлюсь. Они дают мне знание той действительности, в которой вы живете, которую вы же и творите. Это тот заряд энергии, который позволяет мне говорить с вами таким тоном, которым я говорю, а я говорю с вами, как будто не неделю только приехал, а давно здесь живу. Это значит: я говорю о правде, которую знаю. А знаю я ее потому, что получаю по пятнадцать-двадцать писем в день. Когда люди из глухой щели пишут, как там живут, ругаются, как им трудно и как они все-таки работают, то ясно, что для меня это исторический документ — документ эпохи, и таких документов я имею уже тысячи. Со временем это будет материал, который кто-то прочтет, обработает, и я думаю, что этот материал даст действительно изумительную картину тех дней, в которые мы живем» (т. 26, с. 84—85).

Выступая в своей переписке в значительной мере как учитель и воспитатель молодых советских писателей, Горький настойчиво говорил и о том, что сам он учился у них: «...не стыжусь учиться даже и у „начинающих“» (Гладкову, 2 октября 1927 г.). «Учусь и по сей день, — писал он, обращаясь к М. Пришвину в декабре 1926 г.,— и не только у вас, законченного мастера, но даже у литераторов, моложе меня лет на тридцать пять, у тех, которые только что начали работать, чьи дарования еще не в ладах с уменьем, но голоса звучат по-новому сильно и свежо» (т. 24, с. 264).

В нашей критике наметилась тенденция воспринимать эти слова Горького о том, что он учится у советских писателей, в узколитературном смысле. Отсюда возникает стремление искать следы влияния советской литературы в сюжетах, характерах, лексике позднего Горького [2]. Вряд ли это верно и вряд ли эти поиски будут плодотворны. Горький, конечно, прежде всего имеет в виду то богатство жизненного опыта, которое несли в себе письма к нему советских людей. В статье «Об анекдотах — и еще кое о чем» (декабрь 1931 г.) он очень ясно выразил свое представление об этом: «Лично меня всю жизнь учили и продолжают учить. Учили Шекспир и Сервантес, Август Бебель и Бисмарк, Лев Толстой и Владимир Ленин, Шопенгауэр и Мечников, Флобер

и Дарвин, Стендаль и Геккель, учил Маркс, а также библия, учили анархисты: Кропоткин, Штирнер и „отцы церкви", фольклор и плотники, пастухи, рабочие фабрик и тысячи других людей, среди коих я прожил полсотни лет сознательной жизни. Я не нахожу, что в школе, которую я оканчиваю, преподавалось и преподается нечто лишнее для меня. Продолжая учиться у Ленина и его учеников, я чувствую, что меня одновременно учат и не очень грамотные наши ударники и весьма грамотный Шпенглер, корреспонденты мои тоже кое-чему учат меня. В конце концов я называю это „прохождение" столь пестрого курса наук обучением у действительности» (т. 26, с. 205).

Что касается «обучения» Горького у советских писателей в чисто литературном плане, то можно, пожалуй, выделить рассказ «О тараканах» (1925 г., см. т. 15). Сам Горький по поводу этого рассказа в письме к Федину (5 февраля 1926 г.) заинтересованно спрашивал: «Мне было бы весьма интересно — и полезно — знать, мерцает ли в нем нечто не „от Горького"? Это — серьезный вопрос для меня».

И действительно,— рассказ этот отмечен очевидной тенденцией к подчеркнутой «литературности», к тому, что в те годы носило демонстративное наименование «обнаженности приема», характерной для прозы «Серапионовых братьев»: повествователь, увидев на берегу озера умершего неизвестного человека, размышляет о том, что «совершенно недопустимо существование какого-то человека, который не имел бы своей истории» и «придумывает» для неизвестного его историю. Рассказ заканчивается словами: «Разумеется, вполне возможно, что „нездешний" человек, умерший „на ходу"— не тот, о котором я рассказал; что он не так жил, не так чувствовал и думал. Но — все существует лишь для того, чтоб о нем было рассказано. И совершенно недопустимо, чтобы какой-то человек валялся мертвым ночью, у камня, на берегу лужи, и чтоб поэтому нельзя было ничего рассказать» (т. 15, с. 417).

Но черты нарочитой «литературности» не характерны для прозы Горького двадцатых годов. Да и в этом рассказе в центре стоит история жизни Платона Еремина, сына жандармского вахмистра, данная — за исключением охарактеризованного выше композиционного обрамления — в чисто горьковской манере.

Горький и в переписке с писателями учился прежде всего у действительности. За рубежом, в трудной обстановке, среди зачастую чуждых советскому строю людей,— при всем единстве с Советской страной ошибаясь иногда в оценках тех или других отдельных явлений жизни в Стране Советов (характерно его отношение к деревне, выразившееся, например, в письмах к И. Вольнову, помещенных в этом томе),— он черпал в переписке с советскими людьми тот необходимый для него опыт новой жизни, который давал ему возможность ощутить новизну социалистического уклада во всей его конкретности и неповторимости. В самом тоне горьковских писем звучит та радость, с какой воспринимал он эту возможность чувствовать нерасторжимую связь со своим народом. «Получил множество писем из России» (А. Толстому, сентябрь 1922 г.), «Много интересного на святой Руси, каждый день я получаю три-четыре письма даже из Якутии, с Алданских приисков пишут» (Д. Лутохину, 15 февраля 1926 г.— «Ленинград», 1940, № 11—12, стр. 25). Письма чередовались с частыми встречами с советскими людьми и — в первую очередь — с советскими писателями: «Был у меня Леонов〈...〉 Был Катаев〈...〉 Скоро увижу Всеволода Иванова, Никулина, Ольгу Форш, Полонского. Вон сколько!» (С. Н. Сергееву-Ценскому, 7 сентября 1927 г., т. 30, с. 34).

Характерно, что отношения Горького с В. Ходасевичем (они вместе издавали в Берлине в начале двадцатых годов журнал «Беседа», в котором помещались, наряду с произведениями зарубежных писателей, произведения, присылавшиеся советскими писателями) значительно ухудшились, в частности, и после того, как Ходасевич заявил Горькому, что в России «нет воли к работе». И Горький резко писал ему: «Воли к работе у нас больше, чем где-либо в современной Европе» (13 августа 1925 г.—«Новый журнал», Нью-Йорк, XXXI, стр. 204). А. Серафимович писал в свое время о Горьком: «Его голос, голос правды о строящемся социализме в стране пролетарской диктатуры звучит до самых далеких краев» (А. Серафимович. Воспоминания о Горьком.— Собр. соч., т. X, М., Гослитиздат, 1948, стр. 425). Эту правду во многом подсказывала Горькому его переписка с Россией. Вот почему — и в двадцатые годы в особенности —

так много сил, как будто даже в ущерб непосредственной работе, отдавал Горький переписке, другими словами — живой непосредственной связи с самыми различными сторонами жизни своей страны. Именно она в годы его жизни за границей была для него «живой водой», дававшей ему в значительной мере силу и стойкость в той борьбе, которую он вел за советскую культуру.

И, конечно, на первом месте стоял для Горького тот новый человек, который рождался в России.

Воспоминания Д. Лутохина «Горький в период 1923—1934 гг.» дают ясное представление именно об этой стороне переписки Горького: «Со всех концов земли стекались корреспонденции к А. М. Горькому, отовсюду съезжались к нему люди разных племен, профессий, воззрений. Горький затрачивал на общение с людьми огромное количество времени. Однажды критик А. Г. Горнфельд высказал мне свое удивление такой растратой Горьким своих часов. Я передал Горькому слова автора „Мук слова" и присоединился к ним. А. М. откликнулся так: „Закончил II том „Клима" и вот третий день с утра до вечера пишу письма и увлекаюсь не эпистолом, а человеком. С ума меня сводят эти вчера проснувшиеся в Моршанске, в Алаиаевске, в Уфе и прочих темнейших углах земли и человека. Вот женщина 39-ти лет, освободившаяся от бога, спрашивает: так ли, надо ли..., а вот человек 59-ти лет Гете прочитал, увлекся Мефистофелем, провозгласил его властителем мира. А 17-летний юноша желает изучать миф о Прометее. И стихи, стихи, стихи... Все хотят учиться и все не тому, чему учит жизнь, и все своевольничают..., а я своевольных люблю"» (25 февраля 1928 г.— «Ленинград», 1940, № 11—12, стр. 24).

2

Но этот процесс духовного общения с родиной не был односторонним. Те идеи, эмоции, жизненный опыт, которые несли Горькому письма советских людей, возвращались от него обратно обогащенными, как бы помноженными на силу его духа и творческое воодушевление, приобретали новое общественное значение.

Современники не уставали отмечать ту роль, которую играли письма Горького в общественно-литературной жизни Советской России. «...Каждое ваше письмо — это событие не только в моей жизни, но и в жизни писателей»,— с характерным для него пафосом писал Гладков (16 апреля 1926 г.). И в другой, чуть иронической манере об этом же писал Горькому Пришвин: «Письма Горького наполнили весь литерат〈урный〉 мир» (2 февраля 1927 г.); «Писатели ходят в редакцию с письмом Горького в кармане, и когда рука опускается в карман, редактор говорит: „Знаю, знаю..."» (27 июня 1927 г.). Письма Горького проникали в печать, их публично читали, цитировали, обсуждали. Горький вынужден был даже выступить в «Известиях» в январе 1927 г. с протестом против публикации в печати его частных писем (т. 30, с. 7).

Справедливо писал Горькому Гладков (январь, до 20-го, 1926 г.): «...в нашей литературе вы — единственный писатель, который пользуется исключительным, непререкаемым авторитетом, каждым вашим словом *живут* здесь не днями, а месяцами и даже годами».

Еще в 1921 г. В. Воровский шутил в письме к Горькому из Италии: «Попеже вы являетесь наседкой современной русской литературы и под вашим... боком греется не мало гениев больших и малых, то окажите услугу отечеству, этим гениям и вселенной, поручив надежному человеку подобрать в двух экземплярах всю поэзию, беллетристику и пр. проявления русского духа (ох!), появившиеся в свет в России под большевистским игом 〈...〉 А получить эти вещи очень нужно как для издания на итальянском, так и для использования в прессе» (АГ).

Роль писем Горького увеличивалась с каждым годом: «Все влияния отступили на задний план перед влиянием Горького» (Конст. Федин. Горький среди нас, ч. II, стр. 145).

Письма Горького, встречи с ним писателей, связанные с этими письмами, воспринимались как существенные события духовной жизни. О «решающей оценке» просит его Федин (28 января 1920 г.); «Великую веру в себя дала мне наша встреча, веру и силу»,—

писал Горькому Леонов (декабрь, до 25-го, 1927 г.). Как к человеку, «ставшему неразлучным нашим спутником, другом, душевным судьей, примером», обращается к нему Бабель (10 апреля 1928 г.). «Мысль о вас,— говорит он Горькому,— заставляет кидаться вперед и работать изо всех сил. Ничего лучшего нельзя придумать на земле». Мы постоянно читаем в письмах и воспоминаниях: «Решительное, огромное влияние...» (Ф. Гладков.—«Журналист», 1928, № 3, стр. 6). «Огромное значение в моей литературной биографии...» (К. Тренев. Автобиография. — Сб. «Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков». Изд. 2. М., 1928, стр. 348). «Большая зарядка, бодрость и желание работать...» (М. Шолохов, 6 июня 1931 г.). «Если вы сочтете необходимым поговорить со мной по поводу прочитанного, то ⟨...⟩ я с большой радостью примчусь на день в Москву» (в том же письме).

Все это лишь немногие примеры того восприятия писем Горького и встреч с ним, о котором говорят писатели-современники. Речь шла при этом не только об общем так сказать, воодушевляющем воздействии Горького на писателей. Его творческая связь с ними выражалась в непосредственном и тесном участии Горького в их поисках и замыслах, в их работе над образом, сюжетом, языком. А. Афиногенов, например, не раз говорил о том, что Горький давал ему «пригоршни фактов, интереснейших тем, необыкновенных характеров,— берите, если это может хотя как-то помочь вам в работе» («Красная новь», 1932, № 9, стр. 153). О данном Горькому слове «засесть за автобиографическую книгу» говорит Гладков (22 января 1933 г.).

Письма Горького заполнены подробнейшим анализом языка, сюжетов, характеров, идейных тенденций многочисленных произведений советских писателей, советами, затрагивающими самые различные области литературного мастерства, и в особенности, советами начинающим писателям. Интерес к творчеству начинающих писателей был у Горького глубоко взвешен и продуман. Он отвечал В. Я. Зазубрину по поводу его замечаний о «назойливости», с которой к Горькому «лезут литературные младенцы»: «Знали бы вы, В⟨ладимир⟩ Я⟨ковлевич⟩, сколько на путях моих я встретил замечательно талантливых людей, которые погибли лишь потому, что в момент наивысшего напряжения их стремлений — они не встретили опоры, поддержки. Вот отсюда и происходит мое отношение к „литературным младенцам“, дважды родственным для меня— как люди с направлением к лучшему и как люди, желающие пойти путем, который мною уже пройден и снабдил меня известной долей опыта, которого у них — нет» (23 февраля 1928 г., т. 30, с. 73). И к этой же мысли он возвращается в письме к Д. А. Лутохину (18 июля 1930 г.): «„Графоманами“ вы поименовали моих корреспондентов — напрасно и обидно. Люди хотят учиться, а это — не плохо. Литераторами будут единицы, но десятки и сотни станут грамотнее. Это я говорю на основании длительного опыта и множества фактов. Люди, которые — со временем и в недалеком будущем — займутся моим архивом, увидят, что я — прав и не преувеличиваю. Я очень хорошо помню, чего стоила мне моя „учеба“, и было бы странно, если б я не пытался посильно облегчить молодым людям путь к „познанию действительности“ ⟨...⟩ Нет, надо учиться учить» (т. 30, с. 175—176).

В этом стремлении поддержать начинающего писателя он, в частности, исходил из мысли,— которая может вызвать и возражения, но к которой он не раз возвращался,— что учить писателя литературному мастерству может только писатель. «...Никогда и не было у нас критики, полезной художнику,— писал он Б. Лавреневу (12 июля 1926 г.).— Лично я думаю, что таковой может явиться лишь самокритика. И не думаю, чтоб Белинский, Добролюбов и другие помогли росту словесного искусства. Они были существенно полезны тем, что учили русского читателя понимать смысл читаемого, но — скажите-ко, чем обязаны критике Пушкин, Гоголь, Тургенев, Толстой, Лесков и т. д.? ⟨...⟩ Всем „молодым“ я упрямо советую: „критикуйте сами себя, лучших критиков вам не найти“» (т. 29, с. 471)[3].

Таким образом, и обогащение собственного опыта в переписке со старой и молодой Россией, и стремление избавить молодых писателей от трудностей, испытанных им, — все это определяло творческий пафос того своеобразного «послуга», который взял на себя Горький, отдавая переписке с литераторами значительную долю своих творческих сил.

Но главное, конечно, было все же не в этом. Центральную идею переписки Горького с советскими писателями можно определить его же словами: «Литературная работа в наши дни — работа государственного значения» (Горький Дубровину, 7 июля 1931 г.). И эти слова Горького в особенности позволяют понять воодушевление, которое он вкладывал в свою переписку, и тот размах, с которым он ее вел.

Перечисляя списки книг по самым различным вопросам, которые просил ему высылать Горький, И. Груздев замечает: «Поразительно, как много читал Алексей Максимович и хороших и плохих книг, какое разнообразное чтение. Как жадно требовал он все книги, выходящие в Советском Союзе, немедленно давая на них отзыв, если спросишь его мнение, да и по своей инициативе часто. Как молодо он откликался на только что прочитанную книгу, сопоставляя ее со всем комплексом русской литературы» (Илья Груздев. Мои встречи и переписка с М. Горьким.— «Звезда», 1961, № 1, стр. 149).

3

Горький сразу же уловил тот процесс превращения художественной литературы в Советской России в «крупную общественную силу», который был уже в 1923 г. отмечен в резолюции XII съезда партии («КПСС в резолюциях...», ч. I, 1953, стр. 736).

Уже в те годы он ясно видел, какое международное, мировое значение начинает приобретать советская литература, несущая зарубежным читателям небывалый, революционизирующий опыт Октября. Это и определило понимание им ответственности, которая ложилась на плечи советских писателей, его постоянные настойчивые заботы в письмах о переводах их произведений на зарубежные языки, выступления в зарубежной печати о советской литературе.

Этим определялось, в конечном счете, и значение той непосредственной творческой связи его с советскими писателями, которая осуществлялась им в напряженной ежедневной работе над письмами с родины и на родину.

16 июня 1924 г. Горький писал И. Калинникову: «...за последние годы и Европа и обе Америки начали относиться к русской литературе с тем серьезным вниманием, которое она давно заслужила〈...〉 Русская литература имеет все данные для того, чтоб быть литературой европейской〈...〉. Наш опыт должен быть и будет опытом, имеющим всемирное значение. Он совершенно исключителен. Отсюда вывод: русский писатель ныне является не только русским, как раньше был. Его книги переводят не только в Европе, но и в Азии — в Китае, и Африке — в Египте, а посему — еще раз — писать надо так, чтоб люди нас понимали» (АГ). И в беседе с корреспондентами тбилисских газет (27 июля 1928 г.): «...мы создали литературу, которой можем похвастаться перед Европой» (сб. «М. Горький о родине». М., Гослитиздат, 1945, стр. 222).

Позже в письме к Афиногенову (апрель, после 12-го, 1933 г.) Горький с особенной ясностью выразил это понимание всемирно-исторического значения советской литературы: «Нам, литераторам Союза Советов Социалистических, давно уже пора усвоить простую истину: мы пишем не только для пролетариев Союза нашего, но — для пролетариата всех стран. Это — факт неоспоримый, он возлагает на нас огромнейшую ответственность».

Из понимания этих задач, стоящих перед советской литературой, и вытекало то огромное внимание, с которым Горький относился к процессу ее развития.

Естественно, что внимание Горького в особенности было направлено в сторону молодых писателей: они и нуждались больше в поддержке, а с другой стороны, они и были прежде всего носителями того нового опыта, который должен был определить новизну содержания и формы советской литературы. «Молодой наш писатель,— говорил он,— заслуживает внимательнейшего и очень бережного отношения〈...〉 Надобно помнить, что наши молодые писатели, работая в условиях крайне тяжелых, все-таки за десять лет создали обильную и оригинальную литературу... „Великих“ писателей нет? Подождите, будут〈...〉 отношение к молодым писателям должно быть в высшей степени заботливым и бережным» (Илья Груздев. Мои встречи и переписка с М. Горьким.— «Звезда», 1961, № 1, стр. 154—155).

Этот интерес к литературной молодежи, вступившей в литературу в двадцатые годы, красной нитью проходит через всю переписку Горького: «Я с великим трепетом слежу, как растет на Руси новая литература, и многим восхищаюсь. Богатые всходы! Это — хорошо» (А. Демидову, 15 мая 1925 г.).

В письме к Е. Зозуле (30 апреля 1925 г.) Горький говорил: «...если б вы знали, как дорога мне каждая строчка, которая сейчас пишется в России вами, зачинателями какой-то новой литературы. С жадностью слежу за всем и жду великого, зная, что оно в мире нашем слагается из мелочей» (АГ).

В письмах к Сергееву-Ценскому (15 августа 1927 г.) и ко многим другим писателям Горький не уставал повторять: «Очень люблю я наблюдать, как растет молодежь...» (т. 30, с. 32).

Тщательно следя за всеми новыми именами, появлявшимися в советской литературе, отвечая на все письма, которые шли к нему от молодых писателей из России, Горький был, порой, излишне щедр на добрые отзывы и положительные оценки. Правда, эта щедрость возникала только тогда, когда Горький чувствовал у своих собеседников и корреспондентов хотя бы искру таланта. Если ее не было, он умел находить и в достаточной мере твердые и жесткие слова: «...примите дружеский совет: бросьте писать! Ничего у вас не выйдет〈...〉 главное — нет у вас никаких способностей для литературного труда» (В. Н. Багрову, 1 апреля 1930 г.).

Или: «Дружески советую вам: бросьте писать, попытайтесь удовлетворить вашу „жажду творчества" чем-нибудь другим. Для работы писателя у вас нет главного: серьезного отношения к литературе» (Н. Новицкому, 8 февраля 1933 г. АГ).

Но в основном в щедрости Горького была, конечно, и своя несомненная система: «О молодых писателях,—говорил он,—очень хочется написать, очень! Я—всех знаю, читаю и многие весьма радуют. А всех — необходимо приободрить» («Известия Академии наук СССР, Отделение общественных наук», 1938, № 5, стр. 53).

В письме к Д. Лутохину в мае 1925 г. Горький очень тонко заметил: «Мне кажется, что в данное время и *несправедливо* да и неинтересно подходить к оценке молодых писателей со стороны исключительно эстетической» (АГ), а в письме к Ольге Форш Горький уже прямо определил смысл своей, если можно так выразиться, эпистолярной политики: «Меня, слышал, упрекают, что неразборчиво хвалю. Возможно, что это так и есть, ибо частенько я хвалю для того, чтобы „поддержать", раздуть огонек,— м〈ожет〉 б〈ыть〉, вспыхнет пламя» (5 сентября 1926 г.). Горький, конечно, отчетливо видел, что в творчестве молодых писателей многое отнюдь еще не заслуживало похвалы: «Нашей стране нужны тысячи писателей, и вот — они идут неуклюже, крикливо, но — смело и с большой силой. У многих шапки набекрень, мозги — тоже, но — это пройдет» (А. Демидову, 15 мая 1925 г.). Но главным для него было стремление поддержать наиболее положительные черты рождавшегося революционного искусства, поэтому в его оценках писателей того времени многое понятно именно в рамках исторической обстановки. И эта «приподнятость» была, безусловно, вполне исторически оправдана.

В условиях литературного развития двадцатых годов, в особенности первой их половины, эта позиция Горького имела, конечно, чрезвычайно существенное значение. Пестрая и противоречивая картина творческих поисков, блужданий, а зачастую и заблуждений, литературных споров, достигавших крайней остроты и переходивших порою за грани допустимого, естественно, ставила перед писателями очень трудные вопросы. По-своему они решались писателями старших поколений, которые шли в революционную литературу с тяжелым грузом еще не преодоленных идеологических влияний и предрассудков. С другой стороны, молодежь, принесшая в литературу богатый жизненный опыт, не располагала еще необходимым опытом литературным, наконец, самый жизненный материал еще отстоялся далеко не в такой степени, чтобы можно было уверенно и безошибочно находить те литературные формы, которые бы ему в наибольшей степени отвечали. И сам Горький, как известно, в начале двадцатых годов далеко не всегда находил наиболее верный путь к решению многих вопросов. И об ошибках его в это время уже не раз говорилось в нашей критике.

Глубокую характеристику творческих трудностей, вставших перед писателями в начале двадцатых годов, дал Горький в письме к Федину (17 сентября 1925 г.): «Почти все современные молодые писатели и поголовно все критики не могут понять, что ведь писатель-то ныне работает с материалом, который зыблется, изменяется, фантастически соединяя в себе красное с черным и белым. Соединяя не токмо фантастически, но и неразрывно. И современное искусство еще не настолько мощно и всевластно, чтобы преодолеть эту сложность бытия, где правда с неправдою танцует весьма запутанный и мрачный танец».

В этих условиях художественный опыт Горького приобретал для молодой советской литературы особенное значение. Потому-то, в частности, и воспринимались с таким вниманием и жадностью его письма советскими писателями, что они находили в этих письмах творческую перспективу и широкую литературную оценку, которые были шире и объективнее споров, кипевших между литературными школами и группировками. В письме к Федину (20 декабря 1924 г.) Горький энергично подчеркивал именно то, что он в своих литературных суждениях не связан борьбой литературных группировок: «Школы, тенденции литературы для меня значения не имеют и поучительны лишь внешне, поскольку они являются одним из признаков стремления человека делать свое дело как можно лучше, выражением его бесчисленных усилий найти в себе *суть самого себя*, коренное свое, человеческое». Он улавливал — и с достаточным основанием —в борьбе литературных группировок и ту, к сожалению весьма значительную, примесь групповщины, которая чрезвычайно осложняла и с каждым годом все более вредно сказывалась на развитии советской литературы.

«Среди литераторов одного и того же лагеря,— писал он И. Ф. Жиге (15 августа 1929 г.),— нет единогласия. Факт крайне печальный и опасный. Констатировать наличие его — необходимо, но не в той форме, как это делаете вы, усугубляя тоном своим ожесточение и вражду в своей же, революционной среде» (АГ). И в письме к Чумандрину (12 июня 1930 г.): «Разногласия ваши очень сильно смущают меня. Весьма часто кажется, что все вы ищете друг в друге именно разногласия и что стремление к единогласию меньше интересует вас» (т. 30, с. 172).

Говоря о «мелочной, схоластической полемике всех со всеми» (там же), и — позднее — о том, что у нас «люди делают великолепное, мирового значения дело, но все еще не могут научиться уважать друг друга за это, не говоря уже о том, что не умеют восхищаться друг другом» (М. Россовскому, 7 марта 1934 г.), Горький резко отделял мелкие и частные групповые раздоры от основного реального смысла литературного развития двадцатых и тридцатых годов.

О том, что «богатая и пестрая литературная жизнь нашего Союза была до сих пор в состоянии розни и затяжной междуусобицы», что «литературные группы обессиливали друг друга в борьбе», говорил А. Толстой в 1926 г. (А. Т о л с т о й. Полное собрание сочинений, т. 13. М., Гослитиздат, 1949, стр. 298). Против вредного влияния группировок, изживавших себя к концу двадцатых годов, выступали Маяковский, Леонов и другие писатели.

Опубликованная в 1925 г. Резолюция ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» вносила в литературную жизнь и, в частности, в борьбу литературных групп очень существенное и определяющее развитие советской литературы начало, подчеркивая, что сущность литературного процесса состоит в объединении советских писателей, в постепенном переходе их на рельсы социалистической идеологии. Организация в 1927 г. Федерации объединений советских писателей (ФОСП) являлась прямым следствием осуществления этой основной идеи литературной политики партии, одним из шагов на пути к творческой консолидации писателей, вскоре реализовавшейся в создании единого Союза советских писателей. ФОСП располагала издательством, газетой, что также должно было способствовать сближению литературных групп, устранить то положение, о котором резко высказывался Горький: «Если А принадлежит к группе Б, то все другие буквы алфавита для него или враждебны, или не существуют» (т. 24, с. 323). Идея творческой консолидации писателей, борьба с «затхлостью злейшей „кружковщины“», «вредной замкнутостью в тесных квадратиках групповых интересов» (там же), составлявшая один из основных мотивов писем

ГОРЬКИЙ

Фотография, Позилиппо (близ Неаполя), 1926 г.

Музей Горького, Москва

Горького к советским писателям, свидетельствовала о той зоркости, с которой он вглядывался в литературную жизнь, и о богатстве материала, который давала ему его переписка.

Широкая литературная перспектива, которой располагал Горький, позволила ему сразу же понять определяющее значение для развития советской литературы Резолюции ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы»: «...резолюция эта, несомненно, будет иметь огромнейшее воспитательное значение для литераторов и сильно толкнет вперед русское художественное творчество»,— писал он в июле 1925 г. М. Ф. Андреевой (т. 29, с. 432).

Переписка Горького с советскими писателями, публикуемая в настоящем томе «Литературного наследства», позволяет с полной определенностью сказать, что наше представление о характере развития советской литературы, в частности в двадцатые годы, было бы весьма неполно, если бы мы не учитывали того существенного влияния, которое оказывал на нее Горький своим разносторонним живым творческим контактом с большинством советских писателей и самым непосредственным участием в разрешении творческих проблем, которые вставали перед ними.

4

В 1919 г. Горький написал предисловие к предполагавшемуся выпуску (в книгоиздательстве З. И. Гржебина) «Сказок об Италии». «Мы любовно ухаживаем за цветами,— говорилось в этом предисловии,— мы пламенно любим множество других прекрасных бесполезностей, таких же, как цветы, а вот за душой человека, за сердцем его,— не умеем так ласково ухаживать, как следовало бы.

Надо поучиться этому,— ведь человек, несмотря на всю его неприглядность,— все-таки — самое великое на земле.

Если люди знают, как они плохи,— это верный залог, что они станут лучше.

Хула на человека — нужна, но похвала ему того более необходима, и, вероятно, полезнее хулы» (т. 10, с. 516).

Пафос утверждения человека и сознание, что именно революция разбивает препятствия, стоящие на пути к его освобождению, что задача писателя прежде всего и состоит в создании образа человека революции — в этом, несомненно, центральная идея писем Горького, обращенных к советским писателям.

«...В России рождается большой человек,—писал он Федину 28 июля 1924 г.,— и отсюда ее муки, ее судороги». И в другом месте (в статье о «Серапионовых братьях», АГ): «Ныне значительность личности в процессе истории все возрастает, о чем громоподобно говорит нам история наших трудных дней» (1923 г., между 5 марта и 11 апреля).

Для начала двадцатых годов эта мысль Горького была особенно существенной, поскольку очень не сразу и очень не легко сумели советские писатели разглядеть человека и, главное, новое в человеке в первые годы революции.

На пути к пониманию нового человека советская литература прошла и через абстрактный романтизм «Кузницы», и через схематизм ранних произведений Маяковского, и через растворение человека во «множествах», в стихийном движении масс.

В упомянутой статье о «Серапионовых братьях» Горький писал: «Мы знаем, что на земле нечего любить, кроме человека, нечем возмущаться, кроме деяний человека, нечем любоваться, кроме творчества человеком новых форм жизни и красоты». Но из тогдашних произведений советских писателей лишь очень немногие могли быть соотнесены с этим призывом Горького. А именно к изображению человека и звал Горький советских писателей: «Подлинную историю человека пишет не историк, а художник» (Федину, 20 декабря 1924 г.). В том же письме к Федину Горький обосновал свое постоянно отрицательное отношение к творчеству Бориса Пильняка именно тем, что видит у него «полнейшее равнодушие к ценнейшему живому материалу искусства — к человеку».

С наибольшей полнотой участие Горького в литературной жизни двадцатых годов выразилось в его обширной переписке с К. Фединым, широко представленной в настоящем томе.

Переписка эта имела глубоко принципиальное значение. Федин ставил перед Горьким такие существенные вопросы, ответы на которые определяли задачи, стоявшие перед советскими писателями в эти годы, и Горький, отвечая Федину, по сути дела отвечал не только ему, а откликался на те творческие проблемы, которые — каждый по-своему — решали советские писатели.

В этой своеобразной дискуссии Федин во многом выступал еще как представитель литературной традиции, сложившейся в нашей литературе к началу Октября, тогда как Максим Горький формулировал в этой полемике именно новаторские задачи советской литературы.

Характерен в этом смысле спор об отношении искусства к действительности в связи с заявлением молодого писателя о том, что художник может «отталкиваться от ничтожного „знания", вверяясь воображению, и часто глубокие знания только мешают художественной правде» (Федин, 28 декабря 1924 г.). Отвечая на эти мысли Федина, говорившего, в частности, что многие герои его романа «Города и годы» — результат «чистого вымысла», Горький писал, отстаивая приоритет жизненной правды как основы художественного творчества: «...все это не „чистый вымысел", а именно та подлинная реальность, которую создает лишь искусство, та „вытяжка" из действительности, тот ее сгусток, который получается в результате таинственной работы *воображения* художника. Если вы — художник, все, что вы когда-либо узнали, будет вами, незаметно для вас, превращено в то, что вы назвали „чистым вымыслом". Черты Лепендина — в тысячах людей, встреченных вами, пыль впечатлений, которые вы получили от них, слежались в камень — явился Лепендин» (9 января 1925 г.).

Крайности сходятся,— преувеличение роли вымысла сочеталось у Федина с тем «покорствованием фактам», против которого в те годы не раз выступал Горький: «...главное: все позволяют действительности одолевать себя, покорно подчиняются фактам» (Груздеву, февраль 1929 г., т. 30, с. 126). Освобождая вымысел, обобщение, перспективу от реальности, от связи с действительностью, можно впасть и в обратную ошибку — освободить и реальность от перспективы, обобщения (присущих, в частности, истинно художественному вымыслу), т. е. ограничить реалистический кругозор, обеднить понимание художником самого направления жизненного процесса. Этой ошибки не избежал и Федин с той позицией «жалеющего гуманизма», которая характерна для его писем, относящихся к концу 1925 г. и началу 1926 г., гуманизма «Бедных людей», «Униженных и оскорбленных», «Шинели».

«...Мне не дано,— писал он (16 января 1926 г.),— вашей действенной любви к человеку: я, кажется, всегда только жалею, и восхищаюсь скупо и ненадолго. На замечательного, красивого, умного и, конечно, полезного рысака — например — я всегда немножко досадую, а забитая и никчемная кляча меня волнует глубоко. Я знаю, что в этом — порок моего зрения, но лечиться у меня не хватает выдержки, а очков я не люблю. Словом, я смирился перед неизбежностью до конца дней моих любить только жалкое и ненужное», и в другом письме (11 февраля 1926 г.): «„Клячи" же — право — трогают меня, художника, до слез, и мне *нельзя* не писать о них...〈...〉 *Несчастье* привлекает меня неизменно. Удача, преодоление, победа — оставляют меня равнодушным. Уроды, сумасшедшие, юродивые, кликуши, лишние люди положительно не дают мне покою... 〈...〉 я думаю, что „Акакий Акакиевич" подлинно *воспитал* русского читателя».

Горький отвечал Федину (28 января 1926 г.) подчеркнуто резко: «Муму Тургенева, Акакий Акакиевич Гоголя и другие „клячи" — это больше ненужно, это — патока, которой не подсластишь горечь жизни нашей, замазка, которой не закроешь глубокие, непоправимые трещины современных форм государства». Спор, таким образом, переходил в широкий политический план. И это — не случайно: поскольку в письмах Федина и Горького, относящихся к осени 1925 г., вопросы о «жалеющем гуманизме» были поставлены в более конкретном плане по поводу мыслей Федина о том, что «будущая-то культура обопрется именно на крестьянина, а никак не на понукальщиков» (сентябрь, около 10-го, 1925 г.). И тогда же Горький отвечал ему: «Ведь „понукающие" несут в жизнь именно живую, новую истину, и поэтому они являются творцами культуры. Именно — они. Так всегда было и будет 〈...〉 Все мои симпатии на стороне „понукаю-

щих" ⟨...⟩ Все это я говорю потому, что мне показалось: в письме вашем вы покорствуете фактам. Это вредно для художника, который, по существу своему, принадлежит к секции „понукающих". Именно таков истинный художник, таково искусство, которому он обреченно служит».

Если гуманистический протест против несовершенства действительности, столь характерный для русской классики XIX в., обусловливался противоречиями своего времени, отвечал передовому их пониманию, то послеоктябрьская эпоха требовала от художника перехода уже на позиции социалистического гуманизма, она уполномочивала его в свою очередь па более высокие требования к жизни, ибо жизнь могла их удовлетворить.

Ошибки Федина не были только его ошибками, и Горький отвечал не только ему, споря и против подчинения писателя действительности и против отрыва от нее. «Художник,— говорил он Д. Хаиту,— должен жить не в действительности и, конечно, не в стороне от нее, а *над нею*. Тогда-то он и найдет в ней то существенное, что даст ему неоспоримо ценный материал — для подлинного искусства» (29 ноября 1927 г.).

По сути дела, спор шел об одном из существенных принципов социалистического реализма, о новом характере искусства социалистической эпохи, не противоречившем искусству классиков, но творчески развивавшем его традиции в новых исторических условиях.

Именно этот ход мысли Горький позднее отчетливо сформулировал в письме к Афиногенову в апреле 1933 г.: «Мы, литераторы, начинаем говорить о необходимости социалистического реализма в литературе,— реализм этот может быть основан только на социалистическом опыте работы, произведенной партией за 15 лет. Вам надобно выучиться смотреть на прошлое и настоящее с высоты целей будущего».

В богатой теоретическим содержанием переписке Горького и Федина ставились очень существенные для развития советской литературы творческие проблемы, и решались они Горьким настойчиво и последовательно прежде всего в плане новаторских тенденций советского искусства. Но вместе с тем Горький, формулируя эти задачи, очень ясно представлял себе те реальные трудности, которые встречало осуществление этих задач в противоречивой обстановке двадцатых годов,— в частности, трудность проблемы приближения к действительности писателей старшего поколения.

В этом отношении поучительно значение, которое придавал Горький развитию исторического романа. Его интерес к историческому роману на первый взгляд приходит в некоторое противоречие с интересом к изображению современности, где рождался тот большой человек, о котором он говорил. В ряде писем Горький высказывает эту мысль с большой резкостью: «...крупнейшие произведения искусства почти всегда — не современны. „Война и мир" разве современна по годам, когда писалась? А — „Фауст"? „Дон-Кихот"?» (Федину, 17 сентября 1925 г.).

По воспоминаниям А. Чапыгина, Горький еще в 1918 г. говорил ему: «Вы не гнушайтесь истории, всякий исторический сюжет, изображенный художником слова, по настоящим историческим документам, равен современности» (цит. по ст.: С. Р о м м. Алексей Чапыгин.— «Звезда», 1938, № 10, стр. 238).

Вряд ли следует видеть в этом подчеркнутом внимании Горького к исторической теме в советской литературе только борьбу его с рапповской критикой, прямолинейно трактовавшей эту тему как уход писателя от современности — хотя, говоря «всякий исторический сюжет», Горький прибегает, конечно, к полемической гиперболе (см. Е. Н а у м о в. М. Горький в борьбе за идейность и мастерство советских писателей. М., 1958, стр. 239). Вопрос, очевидно, был сложнее: историческая тема, в особенности для писателей старшего поколения, была во многих случаях тем подступом к пониманию движения народных масс, без которого они не могли приблизиться и к пониманию современности, найти возможность для творческого своего проявления.

Выход к современности через историю был очень существенным путем и для К. Тренева («Пугачевщина»), и для А. Толстого («Петр Первый»), и для многих других писателей. Ю. Тынянов мог полноценно проявить себя в «Кюхле» и «Вазир-Мухтаре» и, стало быть, по-своему включиться в процесс формирования социалистической культуры, тогда как прямолинейное обращение к современной теме вряд ли могло привести

к раскрытию его возможностей художника. То же можно сказать и об О. Форш, об А. Чапыгине, С. Сергееве-Ценском и многих других писателях того времени. Каждый по-своему — они могли повторить вслед за Хлебниковым: «В пугачевском тулупчике я иду по Москве». Постепенно подходили к современности и такие писатели, как Л. Леонов или К. Федин. «Я избегаю говорить о вещах остро современных, как хозяйственное строительство, новый быт и прочее, — писал в 1927 г. Леонов,—ибо нужно время, чтобы получился отстой, кристалл, формула без исключений и мелочей» («Октябрьская газета». М., Федерация советских писателей, 8 ноября 1927 г.). Федин писал Горькому: «...почти не прикоснулся к теме, с которой все мои однокашники давным-давно обвенчались,— к современности. В „Анне Тимофевне", да и во всем „Пустыре" я отгораживался от нее умышленно, ожидая „своего времени"» (7 апреля 1923 г.).

Настойчивое утверждение равноправности исторической темы было для Горького одним из путей отстаивания, так сказать, свободы творческого жеста писателя, вытекало из понимания того, что писатели очень разными дорогами идут в лагерь революционной литературы и требуют поддержки и ободрения, в особенности в условиях групповой борьбы в литературе двадцатых годов. И здесь проявлялось то стремление «раздуть огонек, приободрить», которое определяло собой весь тон переписки Горького с советскими писателями.

Развитие исторического жанра прежде всего в литературе двадцатых годов в основном и было связано с этим сложным процессом включения ряда художников в развитие советской литературы через осмысление исторического прошлого страны, исторического прошлого революции (не говоря, конечно, о специфической творческой одаренности тех или иных писателей в области исторического жанра).

Утверждение равноправности исторического сюжета, по сути дела, требовало от писателя умения современно его осмыслить, понять его в интересах и с точки зрения современности, что тем самым включало его в общий поток развития советской литературы в целом.

5

Роль Горького как выразителя передовых тенденций развития советской литературы очень отчетливо обнаружилась в 1928 г., когда к Горькому обратился Ромен Роллан в связи с появлением за границей фальсифицированного «Письма русских писателей» о положении литераторов в Советском Союзе. Горький ответил Ромену Роллану обширным письмом, которое было частично опубликовано в «Правде», 1928, № 70, от 23 марта, и Роменом Ролланом в журнале «Europe», 1928, № 63, от 15 марта. Следует процитировать здесь это письмо более полно по рукописи Горького, поскольку оно является очень существенным документом, разносторонне раскрывающим понимание Горьким путей развития советской литературы:

«Вам пишут, что „в России нет литературы". Странное утверждение. Почему бы ей не быть? Трудно представить страну, в которой не было бы литературы, ибо абсолютно безграмотных стран — не существует.

Вы спрашиваете: что я думаю о молодых литераторах? Прежде всего—меня удивляет их обилие, я рассматриваю это явление как неоспоримый признак развития литературы в „широту". Сейчас в России — сотни писателей, количественно они все растут с быстротою, которую я не умею объяснить ничем, кроме талантливости, присущей всей массе моего народа, который, наконец, начинает чувствовать и осознавать свое „я", его ценность и его право на свободу творчества во всех областях жизни.

[Истекший год дал несколько очень заметных фигур, возбуждающих хорошие надежды. Это: Фадеев, автор романа „Разгром", Андрей Платонов, Заяицкий, Леонид Борисов, Нина Смирнова, поэт Н. Тихонов дал книгу прекрасной прозы.

Крепко встали на ноги такие талантливые люди, как Леонид Леонов, Бабель, Всеволод Иванов — ныне редактор журнала „Красная новь", хотя он не коммунист, Константин Федин, Владимир Лидин, Борис Пильняк, Сергей Семенов, рабочий, очень оригинальный талант, несколько зависимый от Кнута Гамсуна,— хорошая зависимость, на мой взгляд! — Зощенко разменялся на мелкие рассказы, что не умаляет его

таланта, он постепенно переходит от юмора к бытовой сатире; ему сопутствует хороший юморист Валентин Катаев, автор повести „Растратчики", написанной в традиции Гоголя. Хорошо растут Александр Яковлев, Каверин. Мне трудно перечислить всех, кто заслуживает не только упоминания, но и похвал. Из писателей дореволюционного времени много и отлично работают Сергеев-Ценский, Михаил Пришвин, Константин Тренев, Никандров, Вересаев, Иван Вольнов, Ольга Форш. Алексей Чапыгин напечатал прекрасный роман „Степан Разин". Поэт Сергей Клычков [написал] два интереснейших романа, немало пишет Алексей Толстой, как всегда превосходный рассказчик, выпустил книгу рассказов Иван Новиков.] Мне кажется, что сейчас во главе русской художественной литературы стоят два совершенно изумительных мастера. Это — Сергеев-Ценский и Михаил Пришвин,— книгу последнего вы должны на днях получить.

Вероятно, даже наверное, я забыл упомянуть многих, книги некоторых еще не читаны мною; я боюсь утомить вас перечислением литераторов, работающих в журнале „Сибирские огни",— среди них есть люди несомненно крупных дарований.

Не говорю о поэтах, считая себя плохим ценителем стиха. Но среди них есть признанные величины: [Пастернак, Тихонов, Асеев, Жаров, Казин, Сельвинский, Орешин и пр.]

Возникает художественная литература среди народностей Кавказа, черкесов, осетин, среди казанских татар. Да, в России есть и быстро растет прекрасная литература, и я, зачитываясь ею, очень огорчаюсь тем, что Европа слишком мало обращает внимания на эту страну и на ее творчество, слишком усердно ищет в ней дурного, враждебно игнорируя хорошее.

Я, разумеется, понимаю, что хорошего еще мало для страны с населением 150 миллионов. Не надо забывать, что этот народ только десять лет тому назад отвоевал для себя доступ к жизни культурной и только что начинает ощущать жажду культуры. И уже есть села, где 140 дворов выписывают 32 издания, уже в России печатаются миллионы газет, журналов, популярно-научных брошюр. Литераторов, конечно, еще мало для этой страны. Но я совершенно уверен, что те сотни людей, прозаиков и поэтов, которые начинают писать теперь, через пять — десять лет дадут великолепных мастеров словесного искусства.

Цензура? В свое время я был не очень цензурным писателем и знаю, что это такое. Знаю также, что „общественная" цензура не лучше „государственной". Лично я теперь не испытываю на себе давления цензуры, но жалобы на нее слышу часто, и нахожу, что большинство их — справедливы. Не знаю, кто цензурует рукописи, но вижу, что делается это очень плохо и капризно. Пропускаются книги, казалось бы, явно еретические с точки зрения, принятой властью, и поднимается компрометирующий власть шум по поводу, например, очень неудачного, но лишенного всякой „контрреволюционности" романа, а пьеса, сделанная из этого романа — ставится на сцене. Это — не один случай. Но о каком-либо особенно свирепом озорстве цензуры, весьма частом при старом режиме, я не слышал.

Бальмонт обвиняет Советскую власть в самоубийстве Есенина? Для меня Бальмонт — человек, слишком далекий от действительности для того, чтоб судить о ней более или менее правильно. К тому же, он, очевидно, забыл, что им написан цикл стихов „Серп и молот" и это стихи характера дифирамбов Советской власти. Получив разрешение на выезд за границу, он тотчас же объявил себя врагом „коммунизма", и, конечно, это очень плохо отозвалось на Блоке и Сологубе, которые тоже хлопотали о разрешении выехать.

Драма Есенина — это драма глиняного горшка, который столкнулся с чугунным, драма человека деревни, который насмерть разбился о город. Я думаю, что эта драма не однажды повторится в России, но не понимаю, как можно винить в этом Советскую власть? Этого типа драмы неизбежны при всяком режиме. О Есенине уже создана очень большая литература, она очень хорошо объясняет причины преждевременной гибели талантливого поэта.

Я не знаю, кто такой Пашуканис и за что он расстрелян. Гумилева расстреляли как участника политического заговора, организованного неким Таганцевым. [Таганцева я знал, это был болван и бездарнейший парень.]

Блок был „доведен до безумия"? Не знаю, был ли. [Но мое впечатление: он был болен атрофией воли.] Его статьи „Кризис культуры" и „Кризис гуманизма" были написаны, кажется, до большевиков. Статьи эти свидетельствуют о крайнем его пессимизме. Но поэма „12" была написана им после этих статей, как и стихи, посвященные Зинаиде Гиппиус, они заключались строчкой „Интернационала". Я никогда не слыхал от Блока осуждения Советской власти. Мне кажется, что у него была совершенно атрофированная воля к жизни. Разрешение на выезд он получил, но уже не мог воспользоваться им, был болен.

Сологуб — действительно превосходный поэт, но — несколько смешно, когда его называют мучеником. Он был пессимистом „по профессии" — по главной и единственной теме, избранной им, но он не был пессимист „по натуре". Впрочем, я его мало знал и, должен сказать, не любил как человека. Но — удивительно талантливый поэт был. А жена его была совершенно невыносимая истеричка. Ее сестра и брат тоже кончили самоубийством. После ее смерти Сологуб, как говорят, некоторое время приказывал ставить к обеду ее прибор. Мне это кажется плохою игрой.

Бунин и его товарищи пишут о жестокости Советской власти. Я не могу себе представить человека мягким, раз он находится в постоянной борьбе ради самозащиты.

Наконец: что такое Советская власть? Мне кажется, пора уже перестать рассматривать ее как группу интеллигентов. Всем известно, что за десять лет несколько десятков большевиков-интеллигентов умерло и многие потеряли работоспособность, о чем я, разумеется, искренно жалею. Советская власть по природе своей становится все более действительной властью рабочих и крестьян. Это — партия большевиков, несколько десятков тысяч рабкоров и селькоров, 620 тысяч „делегаток" с фабрик, заводов и от деревень.

Народ — жесток. Бунин хорошо знает это, он мастерски, кошмарно написал об этом ряд рассказов. Казалось бы, что ему следует знать, что в России немало таких, как полузверь, полуребенок „Захар Воробьев", милый и страшный мужик, герой его рассказа, и что вообще люди его мрачных рассказов еще живы. Затем и ему и другим — действительно „несчастным", как вы их называли, и жалким, прибавлю я,— следовало бы знать, что Россия — страна большевиков, страна максимальных требований. Бакунин, Кропоткин, Толстой, Ленин, большевики — в одну сторону. Константин Леонтьев, Победоносцев, Достоевский и т. д.— в другую.

Искренно говорю вам, дорогой Роллан, очень тяжело мне наблюдать процесс морального разложения русской эмиграции, эту болезненную гнилую злобу ее на русский народ, науськивание ею европейской прессы на Советскую власть, полемику между собою, скандалы и клевету, ложь на всех, кто иначе верует. Почти всех „вождей" эмиграции я в свое время знал, многие казались мне людьми действительно высокой культуры, искренними демократами и гуманистами. Как-то неловко, стыдно за людей» (АГ).

Это письмо в переводе на французский язык с незначительными изменениями было направлено Ромену Роллану. Следует, однако, отметить, что в оригинале Горький, очевидно позднее, зачеркнул те абзацы, в которых были названы имена писателей и поэтов, предполагая, судя по помете на полях, дать «перечень и краткие оценки тридцати с лишним авторов». Возможно, что Горький предполагал дать более точную и более широкую характеристику советских писателей, но в целом это письмо, конечно, являлось для зарубежных читателей принципиальным утверждением растущей силы советской литературы, формулировало ее существенные принципы, и — что характерно — говорило о советских писателях именно как об едином лагере революционной литературы, не упоминая о членении ее на отдельные группировки и включая в список наиболее выдающихся советских писателей, представителей самых разных группировок. В этом списке явно сказались и пристрастия Горького: не упомянут, например, Маяковский, не назван Гладков, включены имена некоторых малозначительных литераторов.

Настойчивое подчеркивание в те годы (в частности, в этом письме) значения творчества писателей старшего поколения — Пришвина, Сергеева-Ценского,

Чапыгина — возможно было связано и с тем принципом «приободрения», о котором не раз говорил сам Горький. Подчеркнуть значение культуры слова, которую несли с собой писатели прошлого, сблизить между собой советских писателей различных поколений, ослабить резкие нападки тогдашних критиков, которые были еще не в состоянии понять гуманистическую основу, например, творчества Пришвина («...Ведь через моих зверей люди видны...»,— писал Пришвин Горькому 15 мая 1931 г.) — многое, очевидно, учитывал Горький в своих иногда неожиданных и острых оценках, забывая о нашумевшем «Цементе» Гладкова и выдвигая Пришвина, «приободрить» которого в те годы, так же, как С. Сергеева-Ценского или А. Чапыгина, было далеко не лишним.

Обращенное к зарубежным читателям письмо Горького вместе с тем отражало и принципы, если можно так выразиться, той литературной политики, которая, в свою очередь, определяла переписку Горького с советскими писателями. Луначарский был глубоко прав, говоря о том, что «Горький в буквальном смысле слова находится на страже авторитета и морального достоинства нашего великого строительства» (А. В. Луначарский. Статьи о Горьком. М., Гослитиздат, 1938, стр. 107).

С переездом Горького в Советский Союз в его переписке с советскими писателями сокращается место и значение, уделяемое им характеристике литературного процесса. Горький непосредственно участвует в работе Оргкомитета и вслед за тем Союза писателей; встречи с писателями, естественно, во многом заменяют письма, бывшие для Горького основной формой общения с ними в двадцатые годы.

Историко-литературное значение писем Горького связано прежде всего с развитием советской литературы именно в двадцатые годы. В этот период письма Горького, несомненно, были одним из существенных факторов литературного процесса, и их в этом отношении трудно переоценить. Они играли очень большую роль и в тридцатые годы[4], однако следует учесть, что главную роль приобретают прямые выступления Горького в печати, его многочисленные статьи по вопросам литературы. Как справедливо вспоминает Б. Агапов, Горький «был поистине верховным руководителем нашей литературы, с той только особенностью, что, будучи „верховным", он неустанно следил, что происходит „внизу", и находил время и силы непосредственно говорить с литераторами, даже самыми малыми, именно об их работе» (Б. Агапов. О прошлом, о разном, о будущем.— Сб. «Пути в незнаемое». М., 1960, стр. 64).

6

«Может быть, вы напишете ‹...› кто такой Леонов»,— спрашивает Горький Федина (6 июля 1924 г.). «Леонов — москвич, я не знаю его, Всеволод говорил, что он— славный парень» (Федин Горькому, 16 июля 1924 г.).

Переписка Горького с советскими писателями переносит читателя в эту живую и интимную атмосферу становления советской литературы, когда еще не были написаны, а только задумывались многие крупнейшие ее произведения и появлялись — еще никому не известные авторы — будущие корифеи нашей литературы, когда Горький начинал писать «Дело Артамоновых», а «Жизнь Клима Самгина» существовала лишь в рукописи.

Переписка Горького с советскими писателями воссоздает все неповторимое своеобразие литературной эпохи двадцатых годов, ее быт, нравы, человеческие отношения, условия литературной работы, постепенное изменение литературной обстановки, появление произведений, входивших затем в основной фонд советской литературы.

«...Я шел мимо мраморной лестницы в Доме ученых, меня сверху остановил голос Алексея Максимовича: — У меня, Иванов, есть для вас в кабинете одна вещь. Обождите! И он вынес мне пару сапог. — У меня трое сапог, Алексей Максимович, умиленный сказал я.— Мне хватит надолго.— Ничего, сгодятся, берите: отличные рассказы пишете» (Всеволод Иванов. Избранные произведения, т. 1. М., Гослитиздат, 1954, стр. 386).

Так причудливо сплетались в начальные годы развития советской литературы вопросы быта и искусства. Добывание сапог для В. Иванова и башмаков для Ольги Форш

(письмо О. Форш Горькому, май 1921 г.— «Если помните, как-то в телефон вы посулили мне ордер на башмаки; если этот посул незатруднительно выполнить, была бы счастлива, ибо мучаюсь в взаимообразных в мужских, как в пароходах»), заботливые запросы о деньгах, хлопоты о выезде писателей за границу, редкие упоминания о собственных трудностях,— все это наполняет письма Горького двадцатых годов. Они характеризуют таким образом не только творческие поиски советских писателей, но и ту реальную живую бытовую обстановку, в которой они находились и знать о которой очень существенно современному читателю[5].

Но дело не только в этом. Мы говорили до сих пор об освещении проблем литературного процесса в письмах Горького советским писателям, но в этой переписке участвовала и другая, равноправная, сторона: письма к Горькому Федина, Пришвина, А. Толстого и многих других советских писателей, в свою очередь, обрисовывают многие существенные стороны литературной жизни, поднимают большие творческие вопросы.

В каждой из этих индивидуальных переписок — Горького и Федина, Горького и Пришвина, Горького и Гладкова и др.—перед нами развертываются, так сказать, самостоятельные сюжеты, обнаруживаются своеобразные характеры советских писателей. Перед нами проходит чрезвычайно интересная человеческая и творческая эволюция Федина, помогающая понять, в частности, и творческую историю его романов, и формирование его художественных принципов; острая переписка с Гладковым очень полно освещает литературную обстановку и споры двадцатых годов; широко рассказывает о своих творческих замыслах А. Толстой и т. д. и т. д.

В письмах Горького и советских писателей к нему широко освещены многие стороны жизни литературного содружества «Серапионовых братьев». Многие произведения «серапионовцев» Горький одобрял, возлагая надежды на эту группу талантливой молодежи. Но наряду с положительными отзывами Горький не раз говорил об ошибках и неудачах отдельных представителей этой группы. Например, в середине февраля 1929 г. он писал Груздеву: «О Серапионах вы написали печальную правду. Не растут, а умаляются <...>. А главное: все позволяют действительности одолевать себя, покорно подчиняются фактам. Слуховая и зрительная память, личные кожные раздражения развиваются до чувствительности болезненной, и все это подавляет воображение, домыслы, интуицию» (т. 30, с. 126; о противоречиях в мировоззрении и творчестве «серапионовцев» см. также в наст. томе, стр. 171—172, 344, 461).

Наряду с тем, что переписка Горького с советскими писателями позволяет многое увидеть и многое понять по-новому в самом процессе развития советской литературы, она представляет собой чрезвычайный интерес и потому, что полно и богато освещает отдельные стороны этого процесса, вводит в литературоведческий оборот обширный запас всякого рода частных литературных событий, оценок, споров, взаимоотношений.

В этом смысле переписка представляет для историка литературы особый интерес. Непосредственность откликов на события литературной жизни, то, что одни и те же события освещаются с различных точек зрения, интимность этого своеобразного жанра (в письмах высказываются порой суждения, которые еще не готовы для того, чтобы быть вынесенными на широкий суд читателей), упоминание всякого рода бытовых частностей, которые часто не доживают до того, чтобы быть закрепленными на страницах мемуаров,— все это с особенной живостью говорит о характере литературной жизни во всех ее частных подробностях и неповторимых деталях. Недаром Горький с такой любовью собирал свой архив, не раз упоминая о нем в письмах и тщательно готовя его для будущих исследователей.

И, наконец, еще одна—и, быть может, одна из наиболее существенных—сторона этой переписки состоит в том, что в ней с большой полнотой и многообразием раскрывается личность Горького — как она проявилась в живых, непосредственных и своеобразных откликах на самые различные события за период, охватывающий почти 20 лет. Это своего рода роман в письмах, героем которого является Горький, и изучение этого

романа дает чрезвычайно много для представления об этом исключительном человеке.

Уступая и воспоминаниям автора о себе, и воспоминаниям современников об авторе в целостности, в единстве точки зрения, письма обладают и некоторым преимуществом: они дают и более многосторонний и в некотором смысле более объективный материал для представления о человеческой личности сравнительно с тем, какой казалась она тем или иным современникам и — порою — даже самой себе.

Д. Фурманов в свое время записал в дневнике впечатления от «Детства» Горького: «Больше всего меня захватил мальчик, сам Алеша... Я понял только одно: в душе его от природы или там от самых первых впечатлений младенческих лет заложено было столько чистого и надежно-непоколебимого, что он выдержит любую борьбу, не задохнется и не испортится в любой атмосфере. Даже, может быть, чем хуже, тем лучше — тяжелая обстановка только закалит его:

Лишь в пылающем горниле
Закаляется металл».

(Д. Фурманов. Дневник 1914—1915—1916. «Московский рабочий», 1929, стр. 93).

Вот эту чистоту и надежную непоколебимость личности Горького, сочетавшуюся с исключительной многосторонностью и глубиной духовного кругозора, не может не почувствовать читатель в переписке, так же как не могли не чувствовать ее современники Горького. «Как вы умеете восхищаться!— писал Пришвин Горькому.— Никто не понимает значения ваших писем с этой стороны» (27 июня 1927 г.). И Федин: «...вы в каждую встречу со мной поражали меня вашим даром видеть всю жизнь в целом, и я восхищался вашим вкусом ко всему, из чего сложена жизнь. Письмо ваше меня поразило именно этой неумирающей вашей жаждой все знать» (7 декабря 1924 г.).

Поражает энциклопедизм Горького. С Кавериным он спорит о бароне Брамбеусе, В. Князеву он показывает, как мало тот знает о народных пословицах, с С. Григорьевым разговаривает об особенностях детской литературы — и всегда с полным знанием дела, со своим собственным пониманием предмета.

«Как-то я зашел к Гржебину,— вспоминает Федин,— чтобы оставить для Горького подарок. Горький был в издательстве, и я передал подарок лично. Это была изданная в Венеции книжечка Нерсеса Клаэнского, патриарха всеармянского. Мне показалась она любопытной лингвистически, так как содержала одну и ту же вещь в переводе на двадцать четыре языка. Горький оценил курьез, и мне было приятно, но я тотчас забыл об удовольствии, потому что оно вытеснилось изумлением. Полистав книгу и проверив,— верно ли там двадцать четыре языка,— Горький сказал:

— Да, был такой. Кажется, в XII веке. Он еще другое имя носил. Если не ошибаюсь — Шнорхали. Он был не только богослов, но и поэт... Книге место в Публичной библиотеке. Не обидитесь, если я передам?.. А что в Венеции издано, — понятно. Вам известно о тамошней армянской колонии?..

И он стал говорить о венецианских армянах так, будто только что приготовился читать курс по истории Армении...» (Конст. Федин. Горький среди нас. Двадцатые годы. М., ГИХЛ, 1943, стр. 65—66).

«...Очевидна поразительная широта запросов его исключительно пытливого ума,— пишет С. Д. Балухатый, характеризуя кругозор Горького.— Он всегда интересовался как социологией и общей историей, так и историей отдельных стран, народов, государств, сословий (Гюнтер, Тейлор, Липперт, Зибер, Гиббон, Буасье, Шлоссер, Тьерри, Спенсер, Соловьев, Ключевский, Щапов); следил за философией, в частности был знаком с религиозно-философскими книгами Востока („Буддийские сутты", „Сутту-Нипату — книга буддийских изречений и псалмов", буддийский катехизис); всегда интересовался историей религий (Библия, Штраус, Сендерленд) и сектантства. В области истории литературы он не ограничивался прекрасным знанием классического наследия, ведущих течений русской и мировой литературы, но непрерывно знакомился с обширным кругом имен и явлений второго и третьего порядка, поражая в своих цитатах и суждениях подлинной книжной эрудицией; ему были знакомы основные историко-литературные работы (А. Веселовского, Буслаева, Афанасьева, О. Миллера

область словесного фольклора была известна Горькому прекрасно, и сборники памятников народного творчества (Киреевского, Рыбникова, Гильфердинга, Афанасьева, Кирши Данилова, Шейна) были постоянными его спутниками. Область литературы, а рядом с нею и изобразительного искусства (Вазари, Каррьер, Муттер, Рескин) не покрывала всех основных интересов Горького. Его познавательные запросы были безгранично шире и выходили за пределы так называемых гуманитарных знаний. Горький осваивал общие проблемы теоретической физики и строения вещества, знакомился с историей земли и с основами мироздания (Дебо, Котик, Геккель, Лакур и Аппель, Мультон, Лесман). Весь комплекс вопросов материалистического мировоззрения в новейших научных исканиях и достижениях был всегда предметом пристального и горячего внимания Горького» (С. Д. Балухатый. Творческий путь А. М. Горького.— «Известия АН СССР, Отд. общ. наук», 1938, № 5, стр. 39—40).

Но это не только энциклопедизм знаний, это энциклопедизм и мысли, необычайная зоркость, позволяющая видеть новую и неожиданную сторону в, казалось бы, знакомых явлениях. Конечно, это в особенности относится к мыслям Горького об искусстве, иногда спорным, иногда дерзким, но всегда заставляющим увидеть какие-то новые его стороны, подойти к нему с еще не изведанной стороны.

В письме к Каверину (15 января 1924 г.) брошена мысль о том, что «все, что написал Лев Толстой, он написал о *себе*, так же, как Пушкин, Шекспир, так же, как Гете», в письме к К. Т. Орлову сказано, на первый взгляд, обратное: «В произведениях крупных художников вы всегда найдете ответ на ваш вопрос, почему человек таков, каким он изображен» (т. 30, с. 35). В письме к А. Суркову: «Подлинное искусство всегда преувеличивает или преуменьшает» (т. 30, с. 413), а в письме к Федину (9 января 1925 г.) как будто и наоборот: «Искусство — никогда не произвол, если это честное, свободное искусство», или А. А. Демидову (20 апреля 1925 г.): «Пишите честно то, что вам хочется, не считаясь ни с кем и ни с чем, кроме вашего личного опыта и той правды, которую вы носите в себе. Пишите ее, о ней, даже если она вам неприятна, что иногда бывает». Постоянная, настойчивая, тщательная забота о языке и тут же неожиданное заявление: «Гениальные писатели почти все плохие стилисты, неважные архитекторы, а человек у них всегда пластичен до физической ощутимости» (Федину, 20 декабря 1924 г.). Противоречий тут, конечно, нет, здесь только различные грани сложнейшей проблемы, охваченной целостным ее восприятием, глубокой мыслью художника.

Очень характерны для Горького и значительны сами по себе мысли об искусстве, возвращающем человека к свободе: «Художник —человек,обладающий даром волновать ближнего, заставляя его против желания восхищаться, сочувствовать, сострадать и вообще проверять эмоции, которые, воплощаясь в мысли и слова, часто становятся цепями, которые этот ближний сам же для себя и выковал. Иначе говоря, художник возвращает меня к свободе. Вот что!» (Федину, 18 января 1923 г.).

Очень существенна мысль о том, что «контраст светотени в словесной живописи так же необходим, как и в масляной» (М. Россовскому, сентябрь 1933 г.).

Для критика, для историка и теоретика литературы, для читателя все эти щедро разбросанные в письмах Горького мысли об искусстве имеют первостепенное значение. Конечно, как уже говорилось, не всегда и не все суждения Горького мы примем безоговорочно. В некоторых из них и он отдал дань ошибкам своего времени, о чем у нас много писалось. Но живая, страстная, неукротимая, стремящаяся к истине и добру мысль Горького бьется в его письмах и покоряет читателя. «Около вас, — писал ему Алексей Толстой 1 апреля 1933 г.,—чувствуется так часто заслоняемая борьбой цель всех усилий — добро. Поэтому я вас очень люблю».

И с особенной яркостью выступает в письмах Горького его безграничная любовь и преданность тому делу, которому он отдал всю свою жизнь: «Литературу люблю до самозабвения и писателя люблю. Какая еще есть радость, кроме любования талантом человека?» (О. Форш, 5 сентября 1926 г.). Даже тогда, когда он говорил о писателях, которые были ему чужды, против которых он выступал резко и непримиримо, он умел сохранять интерес и уважение к их таланту. Он был беспощаден к Ф. Сологубу в своей сатире, направленной против «сологубовщины», но не забывал сказать: «Сологуб, прекрасный поэт» (т. 30, с. 57). Говоря о чуждости ему Андрея Белого, он добавлял:

«...хотя меня и восхищает напряженность и оригинальность творчества Белого» (Б. Пильняку, 10 сентября 1922 г., см. также письмо к Федину, 27 марта 1927 г.). Но подлинную высоту творчества он видел там, где талант соединялся со служением народу, именно к этому звал он писателей: «Писательский путь... усеян гвоздями... ходить по ним придется босыми ногами, крови сойдет довольно, и с каждым годом она будет течь все обильнее... честному писателю и революционеру пройти по этой дороге — великая честь» (И. Бабель. Начало. — Альманах «Год XXI», кн. 13, 1938, стр. 79).

Письма Горького могут быть прочитаны по-разному: глазами критика и художника, биографа и историка литературы и скольких еще других,— каждый найдет в них для себя новое, ценное, нужное и дорогое,— но больше всего увидит в них читатель, который взглянет на них глазами того, к кому они прежде всего были обращены: глазами человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь и далее без указания источника цитируются письма, вошедшие в настоящий том «Лит. наследства».

[2] Характерна запись В. А. Десницкого: «В одной из наших бесед, не помню по какому поводу, он заговорил о своей учебе у предшественников. „А знаешь,— в раздумьи заговорил он,— если и учился я у кого-нибудь, то, пожалуй, только у Зарубина“» (В. А. Десницкий. М. Горький в истории русской литературы.— «Известия АН СССР. Отд. общ. наук», 1938, № 5, стр. 70). Имеется в виду кн.: П. Зарубин. Темные и светлые стороны русской жизни, т. I—II. СПб., 1872.

[3] Скептически оценивая значение критики для непосредственного творческого роста художника, Горький отнюдь не ограничивал ее значения в целом: «Титул „инженер человеческих душ“,— говорил он,— у нас относится к литератору. Я думаю, что критик не менее заслуживает этого титула в том случае, если он работает в согласии и сотрудничестве с литератором» (т. 27, с. 414). Строго отзываясь о недостатках работы критиков двадцатых и начала тридцатых годов («...на Съезде писателей критика не заявила о том, что она существует».— А. С. Щербакову, 19 февраля 1935 г., т. 30, с. 381), Горький замечал все же: «И все-таки за критикой надо признать: кое-что сделано ею и делается» (т. 27, с. 415).

[4] Интересные данные, относящиеся к деятельности Горького в тридцатые годы, содержатся в его письмах к А. С. Щербакову, опубликованных в «Историческом архиве», 1960, № 5.

[5] Многое, характеризующее и деятельность Горького той эпохи и самую эпоху, до нас не дошло: «Я думаю,— вспоминал К. Чуковский,— что, если бы во всех учреждениях собрать все письма, в которых Горький ходатайствует о русских писателях, получилось бы по крайней мере томов пять или шесть, потому что Горький в то время не писал ни романов, ни повестей, ни рассказов, а только эти бесконечные письма» (К. Чуковский. Горький во «Всемирной».— «Горький». Сб. статей и воспоминаний. М., Госиздат, 1928, стр. 339). Но и то, чем мы располагаем, позволяет ясно представить ту постоянную заботу о развитии советской литературы, которую проявлял Горький.

ГОРЬКИЙ — М. Д. АРТАМОНОВ

Михаил Дмитриевич *Артамонов* (1888 — 1958) — поэт, из кружка иваново-вознесенских пролетарских писателей, поддерживавших связь с Горьким. В 1913 г. Артамонов выпустил в Иваново-Вознесенске два сборника стихов. В 1914 г. печатался в большевистской газете «Правда», «Ежемесячном журнале» и других изданиях. Горький публиковал стихи Артамонова в редактированных им первом и втором «Сборниках пролетарских писателей» (1914 и 1918 гг.).

В 1918—1922 гг. Артамонов работал секретарем иваново-вознесенской газеты «Рабочий край», вокруг которой объединился кружок рабочих-писателей. Горький сочувственно отзывался о творчестве иваново-вознесенских поэтов в беседе с Лениным. Об этом свидетельствует записка Ленина библиотекарю от 28 января 1921 г.:

«Прошу достать (комплект) *Рабочий край* в Ив⟨ново⟩-Вознесенске.
(Кружок *настоящих* пролетарских поэтов)

Хвалил Горький { Жижин / Артамонов / Семеновский» («В. И. Ленин и А. М. Горький». Изд. 2. М., 1961, стр. 214). В автографе: Жилин.

В АГ хранятся газетные вырезки со стихотворениями Артамонова, правленные Горьким для первого «Сборника пролетарских писателей», и рукопись очерка Артамонова «Мастера села Федоскина» (1934).

Ниже печатается одно письмо Горького Артамонову.

Сорренто. ⟨12 января 1932 г.⟩

М. Артамонову

Не могу признать работу вашу удачной [1]. По форме она уныло-однотонна, однообразна; «поговорки» ваши слишком многословны, живой игры слов, яркости, остроты, меткости не чувствуется в них. Афоризмом вы владеете крайне слабо.

В «загадках» у вас ничего загадочного нет. А главное, и по существу дела, возражение против вашей попытки таково: вы как бы предугадываете то, что скажет, может сказать в будущем массовый современный человек-строитель, пословицы и поговорки всегда ведь он создавал в своем быту, в своих процессах труда. А быт сейчас — в переломе, в разрухе и созидании, труд же в напряжении, которое временно, и нельзя его признать нормальным. Ваши «поговорки» не отражают ни того, ни другого, да и вообще — не могут отразить, ибо — все течет слишком бурно.

Нет, эта ваша работа неудачна.

А. Пешков

12.I.32.

[1] Речь идет о сборнике поговорок и загадок Артамонова «Сорокоглав или сорок горок поговорок» (не опубликовано). Направляя Горькому этот сборник, Артамонов писал: «Не уделите ли вновь немного времени и не рассмотрите ли мои поговорки и загадки, высылаемые вместе с этим письмом?» (письмо от 4 января 1932 г., АГ).

ГОРЬКИЙ — А. Н. АФИНОГЕНОВ

Александр Николаевич *Афиногенов* (1904—1941) впервые встретился с Горьким в марте 1932 г. во время своей заграничной поездки (по Польше, Германии, Швейцарии, Италии, Франции). В течение двадцати дней он гостил у Горького в Сорренто, подолгу беседуя с ним о литературе, слушая воспоминания Горького о своей жизни. Горький щедро делился с Афиногеновым творческими замыслами, подсказывал ему темы для пьес. Встреча много дала Афиногенову как писателю. «Для меня ясно теперь, что что-то нужно решительно менять в моей жизни, когда я вернусь в Москву,— писал он своей матери А. В. Афиногеновой из Сорренто 11 апреля 1932 г.— Это „что-то", очевидно, решительный отход от всяких мелочей и пустяков, живые люди и знания — новые встречи, новые знакомства, может быть, большой объезд СССР. Писать мне ничего не хочется, так много надо переоценить, передумать, поставить на новые места» («А. Н. Афиногенов. Статьи. Дневники. Письма. Воспоминания». М., «Искусство», 1957, стр. 192).

Воспоминания Афиногенова об этой встрече запечатлены в его статье «В Сорренто», опубликованной в журнале «Красная новь», 1932, № 9.

Впоследствии Афиногенов неоднократно встречался с Горьким в Москве, в связи с работой в Оргкомитете и Правлении Союза советских писателей.

Горький в 1935 г. редактировал тезисы доклада Афиногенова о театральной критике на Втором пленуме ССП.

Общение с Горьким, строгая и в то же время дружелюбная горьковская критика во многом способствовали идейному, творческому росту Афиногенова.

«Когда вижу его — хочется писать лучше и стать замечательным писателем»,— записывает Афиногенов свои впечатления о Горьком в период работы Первого всесоюзного съезда советских писателей («А. Н. Афиногенов. Статьи. Дневники. Письма. Воспоминания», стр. 109).

Пьесы Горького являлись для Афиногенова подлинным образцом драматургического искусства. «„Егор Булычов",— писал он,— обрушивается лавиной людских характеров, столкнутых в яростной борьбе вокруг собственности и смерти» («Прекрасный спектакль».—«Советское искусство», 1932, № 44, от 27 сентября).

В свою очередь Горький ценил талант Афиногенова, считал его «настоящим драматургом» (см. «А. Н. Афиногенов. Статьи. Дневники. Письма. Воспоминания», стр. 99).

«Я советую вам показать пьесу Афиногенову, автору „Страха",—пишет Горький Л. Я. Колосу в начале 1932 г.— Мне кажется, что он лучше, чем я, расскажет вам о достоинствах и недостатках вашей работы и товарищески поможет вам исправить ее» (АГ).

Из переписки Горького с Афиногеновым были опубликованы три письма Горького: письмо, датируемое апрелем (после 12-го) 1933 г. («Лит. газета», 1959, № 38, от 28 марта, опубл. частично); от августа 1934 г. («А. Н. Афиногенов. Статьи. Дневники. Письма. Воспоминания»); от января 1935 г. (т. 30, с. 376—377) и три письма Афиногенова от 6 апреля 1933 г., 20 октября 1933 г. и 31 июля 1934 г. («А. Н. Афиногенов. Статьи. Дневники. Письма. Воспоминания»).

Ниже публикуются два письма Горького Афиногенову и четыре письма Афиногенова Горькому. В комментариях к письмам частично использованы материалы книги «А. Н. Афиногенов. Статьи. Дневники. Письма. Воспоминания». Составитель и редактор А. О. Богуславский. М., «Искусство», 1957.

1

АФИНОГЕНОВ — ГОРЬКОМУ

Поезд Генуя — Ветемилле ‹Вентимилья›. 17 апр‹еля 1932 г.›

Пользуясь несколькими часами, оставшимися мне до французской границы, хочу, дорогой Алексей Максимович, еще раз по-товарищески поблагодарить вас за вашу подлинную сердечность, теплоту и участие, которое проявили вы ко мне.

Признаюсь, мне трудно было ехать к вам, так как я страшно туго схожусь с людьми, это скверно для писателя, но таков уж факт, — после первой же беседы с вами я почувствовал облегчение, а после того как слушал вас и узнал вас и всех ваших поближе, — окончательно по-домашнему распоясался, чему доказательством — «афиногеновский вечер» перед отъездом.

И самое дорогое для меня — это ваша тема, подсказанная как сюжет и основа будущей пьесы [1], — это зерно я уже несу в себе, я уже «забеременел» темой, теперь осталось только переболеть и сесть за письменный стол. Я думаю начать вплотную работать над ней в Париже — после первых двух-трех недель беготни и осмотров.

И тогда — опять напишу вам, изложу все, что накопится к тому времени, и в какую форму будет отливаться.

А сейчас — желаю вам счастливой дороги в Советский Союз, куда — вопреки белой печати — вы едете несколько раньше июня [2] и не только потому, что вас вытребовал к себе Сталин!

Крепко жму вашу дружескую руку!

Привет всем, всем вашим, особенно Надежде Алексеевне[3] и Максиму, с которым я проделал, по моим подсчетам, тысячи полторы километров [4].

Ваш А. А ф и н о г е н о в

К письму сделана приписка рукой жены Афиногенова Дженни Афиногеновой на английском языке: I look forward to bring you again in Moscow my greetings and thanks. J e a n y a (Я с удовольствием думаю о том, что в Москве снова смогу передать вам мои поздравления и благодарность. Ж е н я).

[1] О какой конкретно теме идет речь, сказать трудно. В дневнике Афиногенов записал следующие высказывания Горького:

«„У меня для вас темы кое-какие есть, завтра придете — расскажу, теперь нам люди и темы нужны обобщенные, может быть, чуть символические...“ ‹...› Вторая беседа с Горьким. Темы пьес.

Министр, крупный европейский ум, а за ним политику делают те, против кого он, м‹ожет› б‹ыть›, субъективно настроен. У министра — доктор, живет прошлым авторитетом и тем, что он теперь личный врач министра, наукой своей не интересуется. Слуга — на его глазах прошли журналисты, пройдохи, советчики и капиталисты,— он знает все, что говорится о министре, он ненавидит министра, но еще продолжает ему служить, м‹ожет› б‹ыть›, пригодится и его секретарь, он умнее, после смерти министра, а министр болен безнадежно, и он знает это и к своей смерти готовится, после смерти, м‹ожет› б‹ыть›, секретарь будет на высоком посту. А секретарь уже заигрывает с будущим заместителем министра, его другом, заместитель выспрашивает секретаря об интимностях в жизни министра, а секретарь — слугу о том же, но в личном плане, чтобы иметь оружие на всякий случай.

У министра жена и любовница,— перед ней он хочет раскрыть все его мучащее, но и здесь — чужое, все чужое, распадаются скрепы этой жизни, после смерти министра распадутся связи людей, у которых сейчас уже свои интересы и своя жизнь, а за окном гремят по улицам проезжающие пушки и танки — это плод жизни министра, песни рабочих демонстраций — это ответ на пушки, умирает министр, приходят поклониться его телу десять-пятнадцать фигур, крупные промышленные тузы, каждый произносит по фразе-другой, а все вместе — та цепь фигур, которая соединяет капитализм и которая уже рвется.

Вторая тема — о СССР и отношении к нему. Материалы по документам. Белые в Париже организовали контрчеку, у них свои штабы, проникают в посольства, охраняют белых, нападают на граждан СССР, работают, словом.

То же самое в других странах. Это можно здорово разделать, как моменты окружения нас, подготовки войны, как столкновение сил и миров. В обозрении можно

противопоставить министра, выступающего с речью — долой машины, банкира, который хапнул миллионы и потому пользуется всеобщей завистью и уважением, и — с другой стороны, рабочего, ленинградского маляра, кот⟨орый⟩ внес предложение о дне индустриализации.

Приходит на завод деревенский парень. Поля рождают просторы в мыслях и неопределенности их. И тут машины, воля, скованная в станках, человек и его могущество, от одной руки — тысячи лошадиных сил приходят в движение,— это сковывает, но это и двигает вперед.

Тема сатирическая, бытовая. Перед занавесом чёрт. Он в сюртуке, он извиняется за свое существование, но он существует. Он здесь будет организовывать цепь, заговор случайностей, чтобы люди через эти случайности пришли в соприкосновение и обнаружили тем самым свои внутренние качества, свои бытовые уродства. Чёрт передвигает вещи, подсовывает письма, чёрт создает внешние мотивировки для развития поступков людей в их бытовом окружении. Он порой язвительно усмехается и спрашивает в публику: „Каково, хорошо ведь работаю, вот как людишки сталкиваются, вот какая чертовщина разыгрывается“» («А. Афиногенов. Дневники и записные книжки». М., «Советский писатель», 1960, стр. 108, 110—111).

Вопроса о новом репертуаре для советского театра касается Горький и в письме к П. А. Маркову от 4 февраля 1932 г.: «Протоколы заседаний по вопросу о праздничном репертуаре к 15 Октябрю — прочитал и все три проекта — не одобряю. У меня есть кое-какие соображения и темы, которые я хотел бы представить вниманию и суду талантливых наших драматургов: Булгакова, Афиногенова, Олеши, а также Всев. Иванова, Леонова и др. ⟨...⟩. Расскажу об этом в Москве, а пока сообщу, что мне мерещится сатирическое обозрение наиболее характерных событий европейской жизни за истекшие 15 лет. Это должна быть вещь веселая. Я вообще за веселое и против торжественного, ибо последнее гораздо чаще похоже на похороны, чем на свадьбу. Есть у меня и две темы смешных пьес, героем одной из них является Чёрт — настоящий! — а другой — министр — тоже настоящий. Чёрт — для Эрдмана, а министра надо бы обработать коллективно, ибо он не какой-нибудь определенный, а — типичный „спаситель науки“, в коем воплощаются: Бриан и Макдональд, и всякие прочие. Весьма смешно!..» (АГ).

См. также письмо Горького А. Н. Тихонову (январь 1932 г., т. 30, с. 231—233).

[2] Горький приехал из Италии в Москву 27 апреля 1932 г.

[3] Н. А. Пешкова, жена сына Горького, Максима Алексеевича Пешкова.

[4] Речь идет о поездках Афиногенова по Италии на автомобиле, которым правил М. А. Пешков.

2

АФИНОГЕНОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва. 6 апреля 1933 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

С трепетом и страхом посылаю вам свою пьесу[1].

Не потому, что боюсь строгого вашего взгляда, — в деле этом я нуждаюсь прежде всего в правдивой и ясной оценке.

Нет, страшновато мне потому, что пьеса эта для меня является откликом на многие и многие вопросы моей жизни как писателя — и выношена она с кровью...

А вопросы эти не дают мне покою, о них неоднократно начинал я писать вам, но все откладывал, не чувствуя сил и твердости высказать все до конца. В конце же решил — напишу сначала пьесу, пошлю, а потом, если вы прочтете и напишете по поводу нее,— уж я и «исповедаюсь» вам в жестоких моих мыслях, сомнениях, нерешенных вопросах.

Их, этих вопросов, не столько много, сколько острые они и не дают жить покойно. И ответов на них не получаю я ни в умных книгах, ни в беседах. ⟨...⟩

Не думайте, что мои сомнения в себе — плод интеллигентской рефлексии. Может быть, как раз интеллигентности во мне недостаточно, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ тычусь я, как слепой щенок, в уже давно пробитую дверь, но ясно для меня одно — что-то мне надо делать с собой, вылезать из прежней шкуры, поворачивать, переоценивать систему взглядов и вкусов — словом, надо построить жизнь для себя — жизнь человека, определившего свою дорогу как дорогу писателя и уверенного в себе.

О том же, почему нет уверенности и что именно тяготит меня, — позвольте уж написать после прочтения вами «Лжи».

Крепко жму вашу руку, дорогой мой.

А. Афиногенов

6.IV.33.

[1] Афиногенов прислал Горькому пьесу «Ложь» («Семья Ивановых»), написанную в начале 1933 г. (см. письмо 3, прим. 1).

ГОРЬКИЙ и А. Н. АФИНОГЕНОВ
Фотография М. А. Пешкова. Сорренто, 1932 г.
Музей Горького, Москва

3

ГОРЬКИЙ — АФИНОГЕНОВУ

〈Сорренто. Апрель, после 12-го, 1933 г.〉

Литературно — в смысле освоения вами словесной формы — пьеса весьма удачный шаг вперед от «Страха» и — с этим вас можно поздравить.

О недостатках ее художественной — эмоциональной — образной убедительности я скажу в конце письма, а сейчас разрешите изложить мой взгляд на социально-политическое значение пьесы.

Я думаю, что она была бы, вероятно, весьма полезна, если б можно было разыграть ее в каком-то закрытом театре, пред тысячей хорошо грамотных ленинцев, непоколебимо уверенных в правильности генеральной линии и действительно таких, которые,—говоря словами Рядового[1],— «на правду не молятся» и никакой лжи не боятся. При этом требовалось бы, чтоб и актеры, разыгрывающие пьесу, тоже были бы социалистами искренно, а не потому, что быть социалистом — выгодно. При наличии таких — конечно, невозможных, да и унизительных для нас условий, тысяча — или тысячи — партийцев наглядно убедились бы, какие в их среде живут уроды и какой словесный хаос кипит в башках этих уродов. С этими уродами у нас непрерывно борется партийная публицистика; соглашусь, что борется она не очень талантливо и недостаточно успешно. Однако, она всегда, более или менее ясно, различает под хаосом блуждающей и «бунтующей» мысли классовые — мещанские эмоции, классовый «атавизм».

Но пьеса ваша назначена для просмотра миллионами советских граждан, в массе коих социалисты еще не преобладают, как вам известно. ⟨...⟩

Что из вашей пьесы громче всего прозвучит в ушах мещанина, останется в памяти его и укрепит его надежды?

Фраза Кулика, пролетария, который обижен тем, «что его обгоняют сопляки, кончившие вузы». Вот он, пролетарий — спаситель мира — скажут мещане друг другу. В пьесе вашей Кулик остался ненаказанным за эту фразу.

Фраза Горчаковой: «Массы должны доверять нам, не спрашивая, правда это или ложь».

Слова Рядового: «С ложью жить теплее».

Слова Нины в третьем акте. Слова Накатова о «янычарах».

Фигура Накатова, очень знакомая и любезная мещанству. Накатов — оппозиционер — заинтересует зрителя более, чем все другие герои вашей пьесы, ибо зритель — в большинстве — тоже «оппозиционер». Вы сделали Накатова — дураком, но это — не правда, как вы знаете. Накатовы — не глупы, хотя и служат отражением глупости мещанства, отражают ее потому, что испуганы ею.

Но у вас и Рядовой — глуп, хотя вы, как будто, показываете его «положительным» героем. Глуп он во всем поведении, а особенно, когда перечисляет «слова на обман». Ложь не имеет ничего общего с «выдумкой», на которой основана вся материальная культура: письменность, книгопечатание, техника; эпос, поэзия — тоже «выдумки». Выдумка и ваша пьеса. Неудачная выдумка, хотя — не отрицаю — создана на реальном материале. Рядовой у вас — сторонник лжи как боевого приема, как «обмана» на фронте, как приема военной стратегии. Камуфляж, это — ложь? Если вы его косноязычными устами хотели утвердить необходимость лжи в борьбе за торжество мировой правды пролетариата, вы — так, как это сделано вами — компрометируете величие правды.

Партийца вы наделили фамилией Сероштанова. Мещане примут это как аллегорию, очень приятную им. Да и все фигуры пьесы сероваты. Все — устали, ни в одном из них не звучит пафос бойцов за социализм, психика всех построена на мотивах индивидуализма, на борьбе за свое «я». Такова же и Нина, которая вам, видимо, нравится больше других. Партийно мыслящих вы показали как примитивно мыслящих. Сторонники лжи у вас живее бойцов за правду, аналитики умнее синтетиков, как всегда изображала старая буржуазная художественная литература. Это было ее силой, но этим отображалась ее классовая изношенность, ее бессилие.

Вашу пьесу с огромным удовольствием примут белоэмигранты, и она, конечно, понравится всей вообще буржуазии. «Так вот каковы они,

‹. . .›»,— скажут мещане всех стран, а пролетарии будут горестно удивлены,— в лучшем случае. Вообще — она должна подействовать на них, как микстура «жаропонижающая». А — не надо забывать, что высокая температура человеческого организма — признак его энергичной борьбы против болезнетворных начал.

Дорогой мой друг. Нам, литераторам Союза Советов Социалистических, давно уже пора усвоить простую истину: мы пишем не только для пролетариев Союза нашего, но — для пролетариата всех стран. Это — факт неоспоримый. Он возлагает на нас огромнейшую ответственность.

Ваша путаная Нина в длиннейшей беседе с Рядовым сказала одну хорошую правду: «О хорошем надобно больше писать». Но, по Рядовому, хорошее — это ложь, ибо это — «выдумка», а выдумка — вытяжка из реального опыта.

Ваша пьеса неудачна и вредна потому, что вы попали в тесный плен грубейшего эмпиризма, придали слишком много значения своему личному опыту. Позвольте мне напомнить вам мой случай разногласия с Владимиром Ильичем. Я считал себя человеком более широкого опыта, чем он, теоретик. Отчасти он сам был виноват в этой моей смешной и глупой ошибке, ибо в Лондоне — и не только там — жаловался мне, что плохо знает русскую действительность и что «посредством статистики, арифметики всего человека не разоблачишь». В 17 году мой эмпиризм послужил основой моего скептического отношения к силе пролетариата и, как вы знаете, «теоретик» оказался сильнее эмпирика, ближе к исторической правде. Ошибка эта дорого стоила мне, я — глубоко, горячо любил и уважал Ильича и никогда не чувствовал себя так сиротски, таким бессильным, как в год его смерти. Вот, дорогой товарищ, над этим случаем вам нужно подумать, он — крайне поучителен. Поймите меня и не обижайтесь, я говорю с вами как друг и соратник, как боец одной роты с вами. Вы взяли тему непосильную для вас. Это — огромная тема, и вы для нее — молоды. У вас нет той широты и того разнообразия опыта, которые требуются для того, чтоб разработать эту тему во всей ее глубине. Над нею надобно работать не один год.

Теперь разрешите указать на художественные шероховатости пьесы.

Горчакова — интеллигентка, так? Вы написали ее недостаточно ясно. Примитивный и пошлейший индивидуализм Кулика настолько обнажен вами, что Горчакова должна быть показана или глупее, пошлее его или же — хитрей; в последнем случае она пользуется Куликом как орудием достижения ее целей. Крайне сомнительно, чтоб она искренно могла признать «цельным», «непоколебимым» человека, который обижен тем, что его «обгоняют сопляки, кончившие вузы». Заявить ему: «Буду учиться у тебя силе воли», она могла бы только из хитрости, из желания сделать его послушным ее намерениям.

Во втором акте она признает свою «ошибку с протоколом», но в первом искажении Куликом слов Нины — «Я хочу не только верить» — так грубо и очевидно, что Горчакова не могла согласиться с толкованием Кулика.

Сцена Рядового — Накатова сделана вяло. В ней не хватает каких-то очень сильных слов со стороны Рядового.

Совершенно не оправдан выстрел Нины, да не оправдана и «ложь» ее по поводу выстрела, что крайне усиливает пессимистическую окраску всей пьесы.

Не стану перечислять ее «недоделанностей», а они — есть. Подумав, вы сами найдете их, и — лучше, если найдете именно сами.

Так же, как Нина, вы сами, Афиногенов, несколько чрезмерно «умиляетесь собственной праведностью», «влагая палец в язвы» партии. Вы

знаете: я — не партиец, внутренняя, интимная жизнь партии — мало знакома мне. Но — большевика как тип я знаю тридцать лет. Может быть, я никогда не сумею изобразить большевика так, как он заслуживает. Но я имею все основания сказать, что вам этот тип человека — не ясен. Затрудняюсь сказать — почему? Но думаю, что по молодости вашей и вследствие малого знакомства с биографией большевика, который важен, интересен не со стороны его недостатков, а со стороны его достоинств. Его недостатки коренятся в прошлом, которое он неутомимо разрушает, достоинства — в настоящем, в работе строительства будущего.

Мы, литераторы, начинаем говорить о необходимости социалистического реализма в литературе,— реализм этот может быть основан только на социалистическом опыте работы, произведенной партией за 15 лет. Нам надобно выучиться смотреть на прошлое и настоящее с высоты целей будущего. На эту тему мы побеседуем при свидании.

Датируется на основании письма 2.

Печатается по машинописной копии из личного архива Горького.

[1] Здесь и далее— персонажи пьесы Афиногенова «Ложь».В этой пьесе Афиногенов пытался на материале общественной и личной жизни коммунистов поставить важные вопросы: о методах партийного руководства, о социалистической морали. Однако развитие характеров и драматического действия в пьесе оказалось подчиненным искусственной, надуманной схеме.После письма Горького пьеса перерабатывалась Афиногеновым и была принята к постановке многими театрами страны: МХАТ 1, МХАТ 2, Ленинградским государственным театром драмы и др. В конце октября 1933 г. состоялись две открытые генеральные репетиции «Лжи» в Харьковском государственном театре русской драмы.

Узнав об отрицательной оценке пьесы, высказанной И. В. Сталиным, Афиногенов обратился в театры с просьбой снять «Ложь» с репертуара.

4

АФИНОГЕНОВ — ГОРЬКОМУ

Москва. 20 октября 1933 г.

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Редакция журнала «Театр и драматургия» в связи с 35-летием Московского Художественного театра им. Горького выпускает специальный номер журнала [1].

Редакция просит вас не отказать дать вашу статью о Московском Художественном театре, совершенно не связывая вас темой.

Ваша статья чрезвычайно ценна для выпускаемого номера.

В состав редколлегии вошли: тт. Афиногенов А. Н., Качалов В. И., Леонидов Л. М., Москвин И. М., Марков П. А., Судаков И. Я.

Представление рукописи крайне желательно 15 ноября.

Ответственный редактор журнала «Театр и драматургия»

А. Афиногенов

Дорогой Алексей Максимович! От себя лично очень прошу вас прислать хотя бы небольшое ваше высказывание, воспоминание, статью и т. д. и т. п. о МХАТ вашего имени! Это сразу подымет журнал на три головы!

Ваш А. Афиногенов

Письмо написано на бланке журнала «Театр и драматургия».

[1] Выпуск юбилейного номера журнала, о котором пишет Афиногенов, не состоялся. Материалы, собранные для юбилейного номера, вошли в раздел «Московский Художественный театр работает с автором», помещенный в журнале «Театр и драматургия», 1934, № 3 (стр. 23—43). Здесь было напечатано письмо Горького от 22 или 23 июня 1902 г. Вл. И. Немировичу-Данченко относительно пьесы «На дне» (см. т. 28, № 217).

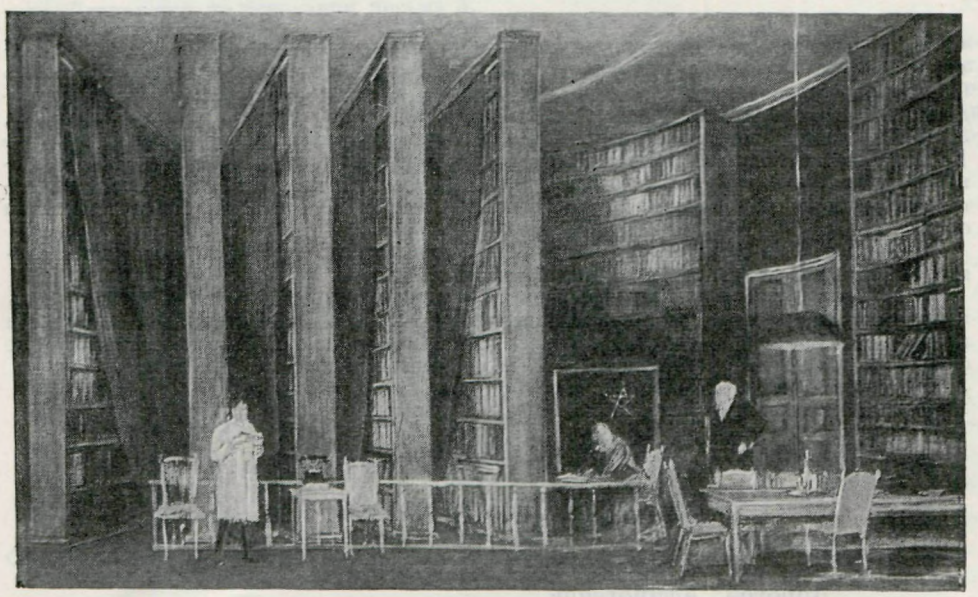
5

АФИНОГЕНОВ — ГОРЬКОМУ

М⟨осква⟩. 31 VII ⟨19⟩34.

Дорогой Алексей Максимович!

Все это время работал над пьесой. Переделал ее совершенно. И называется она теперь «Портрет» [1], так как тема ее определилась иначе. Раньше, если вы помните, героиня моя Лиза Сорокина боролась против мещанского непонимания и недоверия, против среды, из которой, в конце концов, уходила.



ЭСКИЗ ДЕКОРАЦИИ К ПОСТАНОВКЕ ПЬЕСЫ А. Н. АФИНОГЕНОВА «СТРАХ» В МОСКОВСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ ТЕАТРЕ, 1931 г.

Работа Н. А. Шифрина

Театральный музей им. А. А. Бахрушина, Москва

После разговора с вами [2] я понял, что в этом случае — получается крен в сторону огульного обвинения «среды» — и невольное противопоставление «перекованных» лагерников — «неперекованным» мещанам наших дней...

...А ведь мог бы быть иной случай... среда, окружающая Лизу, наиболее благоприятна для нее... и тогда Лиза будет бороться не *против*, а *за* эту самую среду, за свою новую жизнь — против того, кто мешает ей жить и работать.

Таким препятствием, естественно, оказывается Семен, ее первый муж, для которого новая жизнь не принесла «повышения» и он в ней «разочаровался».

...Словом, прочтя, вы увидите, как сдвинулась тема и почему я назвал пьесу «Портрет», как изменились персонажи и т. д.

Очень прошу вас, дорогой Алексей Максимович, побеседовать со мной после прочтения — или написать несколько строк, т⟨ак⟩к⟨ак⟩, признаться,

хотелось бы выйти к съезду писателей с каким-то творческим багажом, особенно после тяжелой неудачи с «Ложью» [3].

Крепко жму вашу руку!

Горячий привет!

А. Афиногенов

На обороте письма приписка рукою Горького (чернилами, красным и синим карандашом):

Мария во 2-ом акте говорит много.

Песню — вон! Дать хорошие чужие стихи. Старику череп прошибла— Лиза — лишнее! Монолог Семена в 3-м ак⟨те⟩— длинен. Лизы — тоже.

[1] Первоначальные названия пьесы — «Лиза Сорокина» и «Женщина Беломорстроя». В пьесе был использован сюжет рассказа Афиногенова «Лиза Сорокина» (М., «Советская литература», 1933), однако в процессе работы замысел заметно изменился. В новой редакции пьесы, которую Афиногенов послал Горькому, Лиза Сорокина, бывшая преступница, проходит трудовую школу на строительстве Беломорско-Балтийского канала. Создать новую жизнь ей мешает ее первый муж, Семен Казанов. Узнав о новых преступлениях Семена, Лиза хочет убить его, но в последний момент отказывается от этой мысли и решает передать Семена следственным органам.

«Портрет» был закончен в 1934 г. Шел в Ленинградском Государственном академическом театре драмы и в ряде периферийных театров.

[2] Об этом разговоре Афиногенов писал матери 20 июня 1934 г.: «Горький очень внимателен и чуток ко мне. Он считает, пьесу можно сделать гораздо интереснее и глубже, чем она есть, и я с этим согласен сам... это главное... Поэтому сейчас я уже сижу над планом переработки...» («А. Н. Афиногенов. Статьи. Дневники. Письма. Воспоминания», стр. 200—201).

[3] См. письмо 3, прим. 1.

6

ГОРЬКИЙ — АФИНОГЕНОВУ

⟨Москва. Август 1934 г.⟩

Дорогой Афиногенов.

Мне кажется, что пьеса во второй редакции сильно выиграла.

Ощутимее и ярче стали фигуры Ловидова, Казанова, не плохо очерчен Линев; Васюку дано мало места.

Очень выиграла Елизавета, но следует выбросить упоминание о том, что она «старику череп прошибла», это уж лишнее. В 3-м акте она — пожалуй — чрезмерно мелодраматична; впрочем, тут все зависит от актрисы. Монологи ее нужно сократить или разбить репликами Васюка и Семена. Его монолог тоже следует сделать нервнее, с того места, где он понял, что с ним не шутят.

Мария много болтает во 2-м акте, надо короче. Горюнова — хороша, Васюку следовало бы придать черты комизма, основанного на сознании им своего слабоволия, это особенно украсит сцену спаивания его Семеном.

Выкиньте песню Михаила, она — плоха, дайте ему хорошие, старые, лирические стихи.

За всеми поправками, которые вы сделали, основной смысл пьесы все же недостаточно ясен. По отношению к Семену смысл может быть понят так: «Черного кобеля не вымоешь до бела». А — Лиза? Ей следовало бы дать фразу или две, три на тему: ворам знакомо чувство чести, воры — не торгаши, не лавочники. Они умеют понять и достойно оценить человеческое отношение к ним. Вообще — что-то в этом роде, по этой линии. Пусть бы она сказала несколько слов о чекисте, о его беспощадности ко врагам

трудового народа, о презрении к паразитам *в среде* трудящихся, о высокой оценке им честного труда.

Основную идею пьесы должна подчеркнуть именно Лиза,— как мне кажется. А недоговоренное ею следует сказать Марии. Дайте им сценку, где они вспомнили бы о работе на канале.

Хорошо бы заставить Лизу подумать: украла Мария или нет? Спросить ее об этом, показать возмущение и горе Марии, заставить Лизу поверить ей, попросить у нее прощения,— так будет драматичнее[1].

Привет.

М. Горький

Датируется на основании письма 5.

[1] После этого письма Горького Афиногенов заново переработал вторую редакцию «Портрета». Драматург освободил роль Лизы от излишней мелодраматичности, особенно ощущавшейся в сцене суда над Семеном, развил тему нового отношения бывших заключенных к труду, к чести рабочего человека, сократил и разбил репликами Васюка и Семена монолог Лизы в III акте, снял песню Михаила, разработал предложенный Горьким мотив размолвки между Марией и Лизой.

ГОРЬКИЙ — И. Э. БАБЕЛЬ

Исаак Эммануилович *Бабель* (1894—1941) встретился с Горьким в 1916 г. в Петрограде. В ноябрьской книжке журнала «Летопись» Горький напечатал первые рассказы Бабеля: «Мама, Римма и Алла» и «Илья Исаакович и Маргарита Прокофьевна».

«Надо думать, в моей жизни не было часов важнее тех, которые я провел в редакции „Летописи“»,— писал впоследствии Бабель в своих воспоминаниях.—«Горький позвал меня в кабинет. Слова, сказанные им там, решили мою судьбу» (И. Бабель. Начало. — Альманах «Год XXI», кн. 13. М., 1938, стр. 79).

Вскоре, однако, убедившись в своей писательской неопытности, Бабель по совету Горького прервал литературную работу.

К литературе Бабель возвращается созревшим художником. В цитировавшихся выше воспоминаниях о Горьком он рассказывает: «... демобилизовавшись, я сделал вторую попытку печататься и получил от него записку: „Пожалуй, можно начинать...“». В 1923 г. появляются первые новеллы Бабеля из циклов «Конармия» и «Одесские рассказы». Горький высоко оценил книгу «Конармия». Бабель «талантливо дополнил мое представление о героизме первой за всю историю армии, которая знает, за что она борется и ради чего будет биться» (М. Горький. Ответ Буденному.— «Правда», 1928, № 275, от 27 ноября).

Отмечая наиболее выдающиеся явления советской литературы, Горький 22 февраля 1928 г. писал Ромену Роллану о Бабеле: «Это человек очень крупного и красочного таланта — и человек строгих требований к себе самому» (АГ).

На всю жизнь сохранил Бабель глубочайшую признательность и любовь к Горькому. Он посвятил ему рассказ «История моей голубятни».

После смерти Горького Бабель говорил в беседе с корреспондентом «Комсомольской правды»: «Он был моим первым и главнейшим учителем ⟨...⟩ До встречи с Горьким я не напечатал ни одной строчки и, может быть, не занимался бы литературой, если бы в течение годов меня беспрерывно и страстно не толкала его рука. Она толкала меня в течение 20 лет» («Учитель». Беседа с тов. И. Бабелем.— «Комсомольская правда», 1936, № 172, от 27 июля).

Ниже печатается одно письмо Горького и семь писем Бабеля. Остальные письма Горького Бабелю обнаружить не удалось.

1

БАБЕЛЬ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва. 25 июня 1925 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович.

Спасибо за письмо [1]. Оно рассеяло уныние, которому я был подвержен. В начале нынешнего года — после полуторагодовой работы — я усомнился в моих писаниях. Я нашел в них вычуры и цветистость. Мне казалось, что для меня наступает дурное время. В Петербурге, в 1917 г. я понял, как велика моя неумелость, и ушел в люди. В людях я прожил шесть лет, и в 1923 г. вновь принялся за литературную работу. Меня мучила мысль о том, что я обманул ваши ожидания. Но теперь вы знаете, что я

не обленился, не забросил писания, не забыл слов, сказанных вами мне в первый раз в кабинете «Летописи», на Монетной улице. Я не забыл их, Алексей Максимович. Они помогают мне в минуты неверия[2]. Изо всех сил я буду стараться писать проще, душевнее, искреннее, чем писал до сих пор. И если я буду ошибаться, то прошу вас — не теряйте веры в меня.

В начале зимы собираюсь ехать за границу, м(ожет) б(ыть), увижу вас. Вторую половину лета и осень проведу на Сев(ерном) Кавказе. Я очень люблю этот край, и там у меня есть веселые товарищи.

Стихи Есенина (прелестные, лучшие из всех, какие сейчас пишутся в России) высылаются вам[3]; книга Огнева[4] и № 6 альманаха «Круг»[5] не вышли еще из печати.

Теперь просьба, может быть, это и бестактная просьба... Жена моя, Евгения Борисовна Бабель, имеет непреодолимое желание уехать в Италию. Она учится живописи и хочет усовершенствоваться в своем искусстве. Вы помните Кудрявцева из «Нов(ой) жизни»[6]? Он изучал испанский язык, у него было необыкновенной красоты издание Дон-Кихота на испанском языке, книга эта пранадлежала в прошедшие времена какому-то герцогу, Кудрявцев читал ее с упоением. Так вот жена моя хочет ехать в Пизу, Лукку и еще куда-то. В здешнем итальянском посольстве ей сказали, что для скорейшего получения итальянской визы полезно сослаться на человека, живущего в Италии. По совету многих друзей я решился указать на вас, больше не на кого. Если вас запросят, не откажите, Алексей Максимович, ответить, что она человек тихий, для России бесполезный, для Италии безвредный. Извините, что затрудняю вас.

С рассказом, посвященным вам и напечатанным в предпоследнем № «Красной нови», вышло недоразумение. По причинам, от *меня* не зависящим, рассказ оборван на половине. Вторая половина появится в альманахе «Красная новь», выходящем на днях. Книжка будет вам послана немедленно. Я очень огорчался, что с вещью, посвященной вам, вышла глупая такая история[7].

Ваш, любящий вас всем сердцем

И. Бабель

Москва 25/VI — 25.

Мой адрес: Москва, Пречистенка, Обухов пер. 6, кв. 23.

[1] Письмо Горького обнаружить не удалось. В письме от 18 июня 1925 г. редактору «Красной нови» А. К. Воронскому Горький писал: «С вами Бабель? Пожмите ему руку, я очень благодарю его за посвящение мне „Голубятни". Растет этот человек и все лучше пишет. Ему следует отнестись к языку еще строже. Я писал ему, но не уверен, что он получил мое письмо» (АГ).

[2] В своих воспоминаниях Бабель приводит следующие слова Горького:

«Гвозди бывают маленькие,— сказал он,— бывают и большие — с мой палец.— И он поднес к моим глазам длинный, сильно и нежно вылепленный палец.— Писательский путь, уважаемый писто́лет (с ударением на о́), усеян гвоздями, преимущественно крупного формата. Ходить по ним придется босыми ногами, крови сойдет довольно, и с каждым годом она будет течь все обильнее... Слабый вы человек — вас купят и продадут, вас затормошат, усыпят, и вы увянете, притворившись деревом в цвету... Честному же человеку, честному литератору и революционеру пройти по этой дороге — великая честь, на каковые нелегкие действия я вас, сударь, и благословляю» (Альманах «Год XXI», кн. 13. М., 1938, стр. 79).

[3] С. Есенин. Стихи (1920—1924). М.— Л., «Круг», 1925.

[4] Н. Огнев. Рассказы. М.— Л., «Круг», 1925.

[5] 6-й номер альманаха «Круг» вышел в свет в 1927 г.

[6] Газета «Новая жизнь», в которой принимал деятельное участие Горький,— орган группы социал-демократов, так называемых «интернационалистов» — издавалась в Петрограде с апреля 1917 по июль 1918 г. В связи с постоянными колебаниями газеты в сторону меньшевизма ЦК РСДРП(б) 20 августа (2 сентября) 1917 г. принял постановление о выходе из «Новой жизни» всех большевиков, которые до того времени

в ней сотрудничали. Упоминаемый в письме Кудрявцев, по-видимому, изображен Бабелем в рассказе «Гюи де Мопассан» под именем Алексея Казанцева.

[7] Речь идет о рассказе «История моей голубятни», посвященном Горькому и напечатанном в «Красной нови», 1925, № 4.

В подстрочном примечании к рассказу сообщалось: «Данный рассказ является началом автобиографической повести». Продолжением «Истории моей голубятни» являлся рассказ «Первая любовь», напечатанный в альманахе «Красная новь», кн. 1. М.— Л., 1925.

2

БАБЕЛЬ — ГОРЬКОМУ

⟨Париж. 26 января 1928 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович.

Я уезжал из Парижа в деревню, вернулся и застал ваше письмо [1]. Спасибо за приглашение. От всего сердца благодарю вас. Можно ли мне приехать весной? [2] Я очень хочу вас видеть. Я все бьюсь над работой, которую начал давно [3]. Поездка в Италию — соблазнительная чрезвычайно — может рассеять рабочее мое настроение, я этого боюсь. Поэтому мне хотелось бы приехать попозже, весной. Слухи о моих «болячках» преувеличены. Еще поживу.

Любящий вас И. Бабель

26.I.28.
15 Villa Chauvelot.
Paris 15.

[1] Указанное письмо обнаружить не удалось.

[2] См. письмо 4, прим. 1.

[3] По свидетельству вдовы Бабеля А. Н. Пирожковой, — это был роман «Коля Топуз», герой которого — налетчик (во многом напоминающий Беню Крика) постепенно перевоспитывается в условиях советской действительности: он становится колхозником, а затем шахтером. Как сообщил И. Г. Эренбург автору настоящего комментария, Бабель работал над романом на протяжении многих лет.

3

БАБЕЛЬ — ГОРЬКОМУ

15 Villa Chauvelot.
Paris, 15. ⟨29 февраля 1928 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович. Начинаю хлопотать о визе. Приеду в апреле [1]. Спасибо, что не забываете меня. Тревожиться обо мне не стоит, а может стоит... Перемудрил я, кажется. Окончу проклятую книгу [2], из которой никак выбраться не могу, и снова кинусь в «мир» хлебнуть свежего воздуха. И «мир» выберу погуще. Три года живу среди интеллигентов — и заскучал. И ядовитая бывает скука. Только среди диких людей и оживаю. Вот дурак-то выдался...

Был у меня Безыменский, рассказал, что вы бодры и в добром здравии. Я очень рад. Жуткина еще не видел, бог спас... (Жаров и Уткин называются в Москве Жуткин) [3].

Посылаю вам мою пьесу «Закат», чудовищно изданную «Кругом» [4]; грубейшие опечатки совершенно искажают текст. Я, какие ошибки заметил — выправил. Пьеса эта вчера — 28/II — в первый раз была представлена на сцене 2 МХАТа, надо думать — провалилась.

До свиданья, Алексей Максимович.

Ваш всем сердцем

И. Бабель

29/II 28.

[1] См. письмо 4, прим. 1.

[2] См. письмо 2, прим. 3.

[3] А. И. Безыменский, А. А. Жаров, И. П. Уткин в феврале 1928 г. гостили у Горького в Сорренто.
[4] И. Бабель. Закат. Пьеса. М.— Л., «Круг», 1928.

4

БАБЕЛЬ — ГОРЬКОМУ

Париж. 10/IV 28.

Дорогой Алексей Максимович. Я жду итальянской визы. Ожидание это может продлиться неделю, а может и больше. Напишите мне,

ПИСАТЕЛИ У ГОРЬКОГО В КРЫМУ
Рядом с Горьким (слева направо): М. Е. Кольцов, И. Э. Бабель и французский писатель А. Мальро
Фотография, Тессели, март 1936 г.
Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

пожалуйста, когда вы едете в Россию[1]. Как бы нам не разминуться... По совести говоря, Италия потеряет для меня тогда свою притягательную силу.

Я ничего не написал по поводу вашего юбилея[2], потому что чувствовал, что не сумею сделать это так, как надо. О ваших книгах и о вашей жизни у меня есть мысли, которые мне кажутся важными, но они не ясны еще, сбивчивы, противоречивы... Придет время, когда я все додумаю и смогу написать о вас книгу, я верю в это... А пока помолчу. Но все эти дни я

шлю вам лучшие пожелания моего сердца, пожелания, какие только можно послать человеку, ставшему неразлучным нашим спутником, другом, душевным судьей, примером... Мысль о вас заставляет кидаться вперед и работать изо всех сил. Ничего лучше нельзя придумать на земле.

Ваш И. Б а б е л ь

[1] Горький выехал из Сорренто 20 мая, приехал в Советский Союз 27 мая. По свидетельству И. Г. Эренбурга и секретаря Горького М. И. Будберг, Бабель весной 1928 г. приезжал в Сорренто.

[2] В марте 1928 г. советская общественность отмечала 60-летие со дня рождения Горького.

5

БАБЕЛЬ — ГОРЬКОМУ

⟨6 июля 1931 г.⟩

Дорогой А⟨лексей⟩М⟨аксимович⟩, я переписал еще несколько старых рассказов. (Новые не замедлят последовать)[1]. Если будет время,— прочитайте, пожалуйста.

Ваш И. Б а б е л ь

6/VII 31.

[1] Возможно, речь идет о рассказах «Конец богадельни» (авторская дата: 1920—1929, первая публикация — «30 дней», 1932, № 1), «Дорога» (авторская дата: 1920—1930, первая публикация — «30 дней», 1932, № 3), «В подвале» (авторская дата: 1930, первая публикация — «Новый мир», 1931, № 10), «Пробуждение» (авторская дата 1930, первая публикация — И. Б а б е л ь. Рассказы. М., «Федерация», 1932).

6

БАБЕЛЬ — ГОРЬКОМУ

Париж. 18.III 33 г.

Дорогой Алексей Максимович, томлюсь. Хочу ехать в Сорренто [1], в Москву — и не могу, нет денег. Написал в Москву, жду ответа. Пытаюсь заработать здесь, что трудно. Мне сделали предложение кинематографические фирмы [2]; я поставил условия, очень их ограничивающие. Не знаю, примут ли. Подожду еще неделю, больше не выдержу. Если денег не добуду — займу у кого-нибудь и поеду. Несмотря на столь неопределенные обстоятельства,— все-таки до свидания. Привет семье.

Ваш И. Б а б е л ь

[1] Бабель был у Горького в Сорренто в период между концом марта и началом мая 1933 г.

[2] Как сообщает М. И. Будберг, Бабель, по предложению одной из французских кинематографических фирм, начинал работу над сценарием «Конармия», однако работа эта вскоре была им оставлена. По свидетельству А. Н. Пирожковой, Бабель писал в то время сценарий «Азеф», который также не был экранизирован.

7

БАБЕЛЬ — ГОРЬКОМУ

Флоренция. 24/V 33.

Дорогой Алексей Максимович.

Глаза мои видют, ноги мои ходют, я во Флоренции. Этого достаточно для того, чтобы быть счастливым...

Собираюсь в Париж. Меня торопят с представлением сценария [1]. Кое-что обдумал. В июне рассчитываю увидеться с вами в Москве и очень этому радуюсь.

Маршака оставил в неудовлетворительном состоянии[2]. Ничего не мог поделать; мне надо ехать; беспокоюсь об нем.

Когда приеду,— расскажу вам и Яковлеву[3], что я увидел в Неаполе; очень будет хорошо, если у нас выйдет «сочинение»...

Поклон от всего сердца чадам и домочадцам.

Ваш И. Бабель

[1] См. письмо 6, прим. 2.

[2] С. Я. Маршак в это время был болен; с помощью Горького он получил возможность жить и лечиться в Италии.

[3] Художник Василий Николаевич *Яковлев* (1893—1953) в конце 1932 — начале 1933 г. жил у Горького в Сорренто.

И. Э. БАБЕЛЬ, В. В. ИВАНОВ, Ю. Н. ЛИБЕДИНСКИЙ, А. И. БЕЗЫМЕНСКИЙ, Б. А. ПИЛЬНЯК
Шарж Кукрыниксов, 1928 г.
«Читатель и писатель», 1928, № 6 от 18 февраля

8

ГОРЬКИЙ — БАБЕЛЮ

〈Вторая половина 1933—1934 г.〉

Дорогой мой Бабель —

когда вы — в Сорренто — прочитали вашу пьесу [1], вами, вероятно, замечено было, что ничего толкового, определенного я не мог сказать о ней и по поводу ее.

Должно быть, тогда, так же, как теперь, когда я сам прочитал рукопись пьесы, она меня удивила, но не взволновала. Не буду говорить о том, что это искусная работа и в ней мастерски даны очень тонкие, острые детали, но, в целом, пьеса — холодная, назначение ее неопределенно, цель автора — неуловима.

У всех, кто искренно любит литературу, в том числе и у меня, есть к вам особое, исключительное отношение: от вас, очень талантливого и мудрого человека, ждут каких-то особенно четких и больших работ.

Эта пьеса не оправдывает ожиданий, вами внушенных. Лично меня отталкивает она прежде всего Бодлеровым пристрастием к испорченному мясу. В ней, начиная с инвалидов, все люди протухли, скверно пахнут и почти все как бы заражены или порабощены воинствующей чувственностью.

Может быть, это—чувственность отчаяния людей, которые, погибая, стремятся оставить память о себе и как месть за себя пятна гнили на полу, на стенах.

Задача «большого» искусства: показать людей во всей их сложности — дело психологов, или определенно отвратительными — дело критиков-реалистов, или даже вызвать уважение и симпатии к людям — романтизировать их.

Вы, по существу, кажетесь романтиком, но кажется, что вы почему-то не решаетесь быть таковым.

Марией, которая участвует в пьесе лишь «эпистолярно», и последним актом утверждается ваша склонность к романтизму, но выражена она фигурами, которые не кажутся удачными и даже позволяют думать, что они введены в пьесу как «уступка» некоему требованию извне, а не как противопоставление, обоснованное автором эмоционально. Последний акт весь прикреплен к пьесе механически — вот каково впечатление. В нем действует исключительно разум, тогда как в первых ясно чувствуешь наличие интуиции.

Трудно, да и не хочется допустить, что раздор или разрыв «интуицио» и «рацио» был органически дан вам; лично я убежден, что это разногласие — технического характера.

Я не считаю себя «драматургом», но, должно быть, могу более или менее интересно писать для театра забавные сценки, чем и объясняется театральный «успех» мой. Думаю, что вы тоже не драматург, ибо форма эта требует легкой и ловкой руки, а у вас — рука тяжелая. Говоря между нами, хорошая подлинная драма — исключение весьма редкое: от Гуцкова остался «Уриель Акоста», от Островского — «Гроза» и т. д.— остаются жить только те драмы, которые родственны «высокому искусству» — трагедии, и очень жизнеспособна комедия, на ней бы и должен строиться современный театр.

И вот мне думается, что вам, человеку, который обладает свойством юмора, нередко переходящего в сарказм,— вам бы попробовать комедию написать. Драму вы строите почти всегда на какой-то большой, но — подорванной, разбитой силе.

В пьесе вашей особенно не нравится мне Дымшиц, напоминающий Гржебина [2]. Вы поставили его в позицию слишком приятную для юдофобов. Все это сказано, вероятно, не очень вразумительно, а вывод я бы сделал такой: не ставьте эту пьесу в данном ее виде [3]. Критика укажет вам, что пьеса не в тоне с действительностью, что все показанное отжило, да и не настолько типично, чтоб показывать его. И будет подчеркнут пяток реплик, которые дадут охочим людям право на политические умозаключения, враждебные лично вам.

Печатается по машинописной копии из личного архива Горького.

Датируется по времени работы Бабеля над пьесой «Мария» (в период после посещения Горького в Сорренто в 1933 г.). См. письмо 6, прим. 1.

[1] Речь идет о рукописи пьесы «Мария». Впервые опубликована в журнале «Театр и драматургия», 1935, № 3.

[2] Зиновий Исаевич *Гржебин* (1869—1929) — издатель.

[3] Горький, по всей вероятности, читал пьесу в рукописи, в ранней редакции, после этого Бабель еще много над ней работал.

ГОРЬКИЙ — В. Н. БАГРОВ

Василий Николаевич *Багров* (р. 1886) — рабочий, старый член КПСС.

В период переписки с Горьким (1928—1935) был на хозяйственной работе. Написал ряд рабкоровских очерков и заметок, опубликованных в периодических изданиях. С Горьким Багров познакомился в 1917 г. в Москве на собрании, организованном обществом «Культура и свобода», где Горький председательствовал.

О своей встрече и переписке с Горьким Багров рассказал в воспоминаниях «Письмо в редакцию „Правды“» (АГ).

В публикуемом ниже письме Горький дает отзыв о рассказе Багрова «История одной любви». Рассказ в печати не появлялся. Рукопись его с пометками Горького хранится в АГ.

Письмо было опубликовано Архивом А. М. Горького в «Лит. газете», 1959, № 38, от 28 марта, в связи с сообщением о подготовке настоящего тома.

〈Сорренто. 1 апреля 1930 г.〉

В. Н. Багрову

Василий Николаевич —

примите дружеский совет: бросьте писать! Ничего у вас не выйдет, только время зря потеряете. Выгоднее и лучше будет для вас, если вы потратите это время на чтение книг. Для того, чтобы быть полезным работником литературы, необходимо хорошо знать грамоту, а вы знаете ее плохо. Литературный язык тоже незнаком вам. А главное — нет у вас никаких способностей для литературного труда.

Исправить рассказ ваш я не могу, потому что исправлять в нем нечего — нет материала. А материала нет, потому что вы не чувствуете, о чем надобно писать.

Не сердитесь. Литература — дело серьезное и трудное, иного я вам по поводу вашего рассказа ничего не могу сказать.

А. Пешков

1.IV—30.

ГОРЬКИЙ — В. В. ВИШНЕВСКИЙ

Всеволод Витальевич *Вишневский* (1900—1951) в 1930 г. послал Горькому свою пьесу «Первая конная». В ответном письме Горький положительно отозвался о пьесе.

Но вторая пьеса Вишневского «Оптимистическая трагедия», изданная в 1933 г., вызвала ряд резких критических замечаний Горького в статье «О бойкости» (февраль 1934 г., т. 27, с. 154—160).

Еще до появления статьи Горького Вишневский, неудовлетворенный пьесой, значительно переработал ее текст. Именно в этой, второй, редакции пьеса была поставлена в Государственном Камерном театре (премьера — 18 декабря 1933 г.).

В момент написания статьи «О бойкости» Горький не был осведомлен о дальнейшей работе автора над текстом пьесы «Оптимистическая трагедия». В августе 1934 г. Вишневский вместе с К. Е. Ворошиловым приехал к Горькому в Горки.

В дневнике Вишневского сохранилась следующая запись об этой встрече: «Поездка к Горькому. Беседа с Ворошиловым и Горьким. Впечатление от усадьбы Горького. Беседа с Горьким». Далее Вишневский кратко излагает высказывания Горького: «Горький о кино — примеры замечательных работ... О Довженко: Рубенсовский накал „Земли", но статика, скульптурно, скучно. „Иван" рвано, неясно... но очень способный». В конце страницы Вишневский записывает: «Извинился за „Оптимистическую трагедию"» (личный архив Вишневского).

В ИРЛИ (в фонде «Литучебы») хранится рукопись Вишневского «Как я писал „Первую Конную"» с правкой Горького.

Ниже публикуется одно письмо Горького и два письма Вишневского. Письмо Вишневского от 1 марта 1934 г. не было отослано Горькому; оно сохранилось в личном архиве писателя и сейчас находится в АГ. Письмо Горького опубл. в кн.: «Советские писатели. Автобиографии в 2-х томах», М., Гослитиздат, 1959, т. 1, стр. 250—251. Письма Вишневского к Горькому опубл. в кн.: Всеволод Вишневский. Собр. соч., т. 6, М., Гослитиздат, 1961, стр. 360—364.

1

ВИШНЕВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

23/III 30. Ленинград.

Уважаемый товарищ.

Посылаю вам свою книгу (пьесу) «Первая конная»[1] и сборник «Первая конная в изображении ее бойцов и командиров» [2].

Обе эти книги могут представить интерес — я думаю.

Вы участник значительного спора о «Конармии» Бабеля [3]. Моя книга — книга рядового буденновца, до известной степени ответ Бабелю. Так ее расценивает, в кратких словах, наша пресса («Лит⟨ературная⟩ газета» и др⟨угие⟩) [4].

Я бы хотел, чтобы вы могли глубоко вникнуть в то, что вырвалось у меня из сердца, и сказать — насколько удачна вещь и прав ли был Бабель, когда односторонне, искривленно показал нас, буденновцев.

Я 16 лет на военной (морской) службе — и написал только то, что видел и перенес. Имена в книге настоящие, факты тоже. Все сказано: как

бились, как погибали, как делали погромы и как искупали вину. Несчастье Бабеля в том, что он не боец. Он был изумлен, испуган, когда попал к нам, и это странно-болезненное впечатление интеллигента от нас отразилось в его «Конармии».

Буденный мог оскорбиться и негодовать. Мы, б⟨ывшие⟩ рядовые бойцы, тоже. Не то, не то дал Бабель! Многого не увидел. Дал лишь кусочек: Конармия, измученная в боях на польском фронте. Да и то не всю ее, а *осколки*.

Верьте бойцу — не такой была наша Конная, как показал Бабель. Жаль, что вы не были в Москве 23 февр⟨аля⟩ с. г. — на слете буденновцев в честь 10-летия Конармии. Много сказали бы мы вам в развитие спора вашего с Буденным.

Ну, ладно...

Знаю, что, прочтя посылаемые книги, вы просто и веско скажете свое слово. Жду его, жду здорово.

Дальше. Прочел вашу статью о краснофлотцах, об эскадре в Неаполе [5].

Вы нехорошо, неправильно обрисовали старых русских матросов. Взяли трех ребят, запивох (да может, и они славные парни и давно погибли в боях 1917/20 гг.) и (м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, желая сказать краснофлотцам лестное) обобщили эту тройку — вот — какие старые матросы грубые, истеричные и т. д.!

Нехорошо. Мне ли говорить вам о единстве противоположностей и т. п. Старые матросы, мы, какие бы ни были тогда, раньше, сделали много. *По результатам судите* (мы делали СССР!), по числу убитых, калек, по числу единиц, которые теперь все на высших ком⟨андных⟩ постах. Вошли старики в историю заслуженно. Видит их молодежь в исторической дали здоровых громадин, тонувших под Цусимой, расстреливаемых у Лисьего носа [6], яростных бойцов... И не поверит, пожалуй, вам, если вы скажете про них плохо.

Осталось одно: был прекрасный коллектив матросов. И если они облевались где-то трое, их обмоют, спать на койку положат, ласково. Не говорите же плохо о старых братанах. Не надо. На том, что они сделали, растут меньшие братишки, краснофлотцы. Растут, обучаемые и воспитываемые нами, старыми матросами — сейчас командирами, политработниками, уцелевшими (около пятка на сотню осталось) со старых дней.

Я пишу новую вещь «Матросы» [7]. Так же просто скажу о виденном, пережитом, как и в «Первой конной». Вы первый скажете — хорошие матросы были, что бы там ни делали. Право так. Кончаю письмо. Не буду вас утомлять.

Хочу верить, что вы все поняли. Жду вашего слова по поводу «Первой конной» — о ней разные разговоры, толки и пр. Не знаю — кто прав (в формальном и т. п. смыслах). Хочу прочесть ваш отзыв и — прямо скажу — отзыв в печати, потому что спор вокруг «Конармии» свеж, опять много говорили на эту тему на нашем слете 23/II с. г. И именно литерат⟨урный⟩ разбор нужен, а не успех на сцене. Пьеса моя идет крепко, ее взял даже Моск⟨овский⟩ Худож⟨ественный⟩ театр [8], ряд ленингр⟨адских⟩ и провинц⟨иальных⟩ театров — но нет анализа литературного. Дайте!

Привет
Всеволод Вишневский

Мой адрес: Ленинград, Проспект 25 Октября, 84, кв. 26.

[1] В. Вишневский. Первая конная, пьеса. М., «Федерация», 1930.
В личной библиотеке Горького сохранилась эта книга с дарственной надписью Вишневского: «Максиму Горькому — рассказ бойца о подлинной Конармии на память. Вс. Вишневский. 23/III 30 Ленинград».

[2] Сб. «Первая конная в изображении ее бойцов и командиров». М., Госиздат, 1930. Сборник составлен из воспоминаний, стихов и документов, посвященных Первой конной армии. Все литературные произведения принадлежат перу бойцов и командиров Первой конной. Среди них отрывки из пьесы Вишневского «Первая конная». Эта книга также хранится в личной библиотеке Горького с надписью Вишневского: «Максиму Горькому рассказы бойцов о подлинной Конармии. 23 марта 1930 г.»

[3] Появление первых очерков «Конармии» Бабеля («Красная новь», 1924, № 1) вызвало оживленные споры. Спор начал С. М. Буденный, считавший, что Бабель исказил облик Первой конной армии (см. его статью «Бабизм Бабеля из „Красной нови“».— «Октябрь», 1924, № 3). Через четыре года в статье «О том, как я учился писать» («Правда», 1928, № 228, от 30 сентября) Горький писал: «Товарищ Буденный охаял „Конармию“ Бабеля — мне кажется, что это сделано напрасно...» (т. 24, с. 473). Через месяц был помещен ответ Буденного «Открытое письмо М. Горькому» («Правда», 1928, № 250, от 26 октября). Горький ответил статьей «Ответ С. Буденному» («Правда», 1928, № 275, от 27 ноября). В ней Горький писал: «Читатель внимательный, я не нахожу в книге Бабеля ничего „карикатурно-пасквильного“, наоборот: его книга возбудила у меня к бойцам „Конармии“ и любовь, и уважение, показав мне их действительно героями,— бесстрашные, они глубоко чувствуют величие своей борьбы». Свой ответ Горький кончил так: «Бабель способен. Нас вовсе не так много, чтобы мы могли беззаботно отталкивать от себя талантливых и полезных людей. Вы не правы, тов. Буденный. Вы ошибаетесь. И вы забыли, что к вашим суждениям прислушиваются не только десятки тысяч ваших бойцов. Для правильной и полезной критики необходимо, чтобы критик был объективен и внимателен к молодым литературным силам».

См. также Горький — Хаит, письмо 4.

[4] См., например, В. Перцов. О военных писателях.— «Лит. газета», 1930, № 8, от 24 февраля.

[5] М. Горький. Советская эскадра в Неаполе.— «Наши достижения», 1930, № 2 (т. 17, с. 252).

[6] Лисий нос — мыс на северо-востоке Финского залива. Место казни (с 1906 г.) участников революционного движения.

[7] Цикл рассказов под названием «Матросы», написанный в 1929—1930 гг. При жизни Вишневского публиковались только отдельные рассказы в периодической печати. См. Вс. Вишневский. Собрание сочинений в пяти томах, т. 2. М., Гослитиздат, 1954, стр. 369.

[8] В Московском Художественном театре пьеса не шла. Первая постановка была осуществлена в Ленинграде 23 февраля 1930 г. в театре Народного дома им. К. Либкнехта и Р. Люксембург. В Москве «Первая конная» шла в театре Центрального дома Красной армии и в Театре Революции.

2

ГОРЬКИЙ — ВИШНЕВСКОМУ

‹Сорренто. 3 апреля 1930 г.›

Вс. Вишневскому

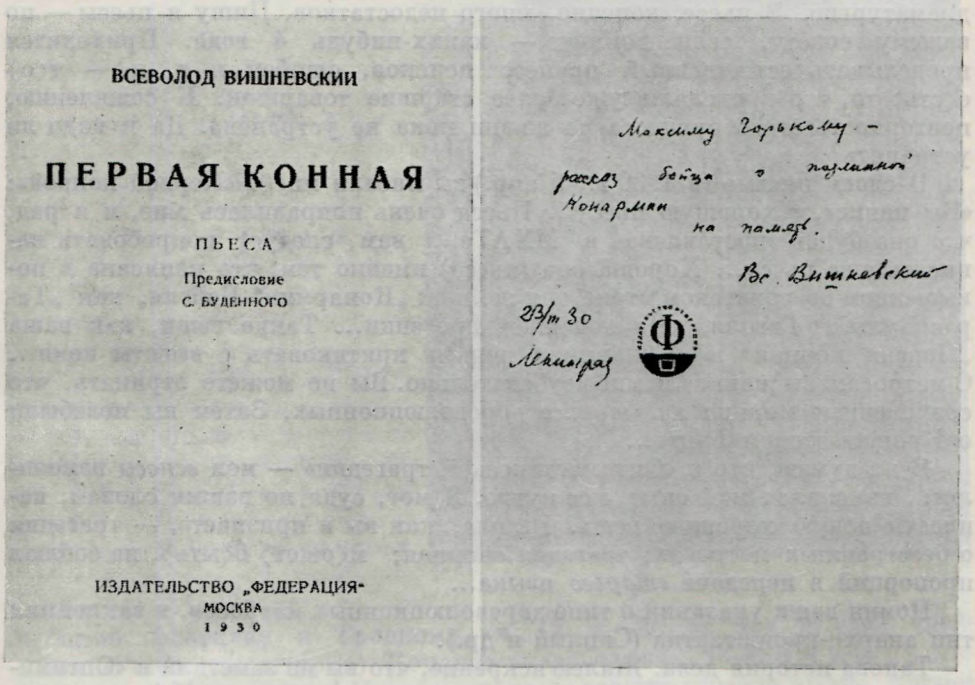
Пьесу вашу, т. Вишневский, я уже прочитал раньше, чем вы прислали мне ее. Хотел написать вам — поздравить: вы написали хорошую вещь. Вчера пришли обе ваши книжки и письмо. Пьеса очень понравилась мне, и я рад, что она будет поставлена в МХАТе [1], там ее хорошо разыграют, а это как раз — то, что надо. Вам следует попробовать написать еще пьесу. «Литературный анализ» вам даст критика, а я — плохой критик и вам — не помощь.

Могу, однако, сказать, что никакого «ответа Бабелю» в пьесе вашей — нет, и хороша она именно тем, что написана в повышенном, «героическом» тоне, так же, как «Конармия» Бабеля, как «Тарас Бульба» Гоголя, «Чайковский» Гребенки [2]. Бабеля — плохо прочитали и не поняли, вот в чем дело! Такие вещи, как ваша «Первая конная» и «Конармия», нельзя критиковать с высоты коня.

А сборник рассказов о «Первой конной» — плохо сделан. Такие работы только компрометируют тему, «мельчат» ее. «Армии» в сборнике — нет, а собраны только анекдоты о ней. Такие книжки — ничего не дают читателю. Вот уже три года я убеждаю т‹оварищей› в необходимости издать популярную «Историю гражданской войны»,— историю, которая воочию

показала бы читательской массе героизм Красной, а также и Конной армии, да вместе с тем показала бы, какой раззор и убыток внесли в страну белые генералы. Вот это — надо!

О матросах вы написали мне неубедительно. Вы не можете отрицать, что современные моряки *культурнее* дореволюционных. Затем вы позабыли о Кронштадтском бунте. Из того, что я упомянул о трех матросах, еще не значит, что я знал только трех. Нет, я знал многих и — между прочими — Матюшенко [3]. Роль старых матросов в Октябрьской революции


ВСЕВОЛОД ВИШНЕВСКИЙ

ПЕРВАЯ КОННАЯ

ПЬЕСА

Предисловие
С. БУДЕННОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ФЕДЕРАЦИЯ"
МОСКВА
1930

Максиму Горькому. —
рассказ бойца о подлинной
Конармии
на память.
Вс. Вишневский
23/III 30
Ленинград

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ В. В. ВИШНЕВСКОГО ГОРЬКОМУ НА ПЬЕСЕ «ПЕРВАЯ КОННАЯ» (М., 1930):

«Максиму Горькому — рассказ бойца о подлинной Конармии на память. Вс. Вишневский. 23/III 30. Ленинград»

Личная библиотека Горького

мне известна. После революции они несколько изменились, что отмечено нашей литературой, напр⟨имер⟩, в рассказе Артема Веселого «Реки огненные», в пьесе Тренева «Любовь Яровая» и т. д. Ну, ладно, все это не важно.

А пьеса вам удалась. Это важно.

Жму руку. А. Пешков

3.IV—30.

[1] См. письмо 1, прим. 8.

[2] Евгений Павлович *Гребенка* (1812—1848)— писатель, автор физиологических очерков и исторических произведений, одним из которых была повесть «Чайковский» (1843) из истории Запорожской Сечи. Повесть написана под значительным влиянием «Тараса Бульбы» Гоголя.

[3] Афанасий Николаевич *Матюшенко* (1879—1907) — матрос, один из руководителей восстания на броненосце «Потемкин». Эмигрировал за границу. Встречался с Горьким в Америке. В июле 1907 г. вернулся в Россию для продолжения революционной работы, но был арестован и по приговору Военного суда повешен 20 октября 1907 г.

3

ВИШНЕВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

Москва. 1 марта 1934.

Алексей Максимович!

В своей последней статье [1] вы коснулись гл⟨авным⟩ образом моей позапрошлогодней пьесы «*Оптимистическая трагедия*». — Вещь, как вы отметили, спорная. К этому я и стремился. У нас слишком много бесспорной драматургии. В пьесе, конечно, много недостатков. Пишу я пьесы — по вашему совету, если помните,— каких-нибудь 4 года. Приходится проделывать естественный процесс поисков, ошибок и т. п.,— т⟨о⟩ е⟨сть⟩ то, что проделали уже более старшие товарищи. К сожалению, повторность этого процесса из жизни пока не устранена. Да и надо ли устранять?

В своем письме (в 1930 г., 3 апр.) вы писали мне о «Первой конной»: «Вы написали хорошую пьесу... Пьеса очень понравилась мне, и я рад, что она будет поставлена в МХАТе... вам следует попробовать написать еще пьесу... Хороша она (пьеса) именно тем, что написана в повышенном „героическом“ тоне, так же, как „Конармия“ Бабеля, как „Тарас Бульба“ Гоголя, „Чайковский“ Гребенки... Такие вещи, как ваша „Первая конная“ и „Конармия“ нельзя критиковать с высоты коня... О матросах вы написали мне неубедительно. Вы не можете отрицать, что современные моряки *культурнее* дореволюционных. Затем вы позабыли о Кронштадтском бунте...»

Я не думаю, что в «Оптимистической трагедии» — мои *основы* изменились, изменился мой опыт, мое нутро. Я мог, судя по вашим словам, написать новую хорошую вещь. Вышла, как вы и признаете, — трагедия о бесстрашных матросах; трагедия спорная; м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, не соблюл пропорций в передаче *старого* языка...

Помня ваши указания о типе дореволюционных матросов, я заклеймил тип анархо-кронштадтца (Сиплый и др.).

Такова история дела. Жалею искренне, что вы не заметили в «Оптимистической» новых матросов, новых парт⟨ийных⟩ сил; кстати,— вы имели старый экземпляр. Для театров я дал новый, проверенный текст. Многое излишнее, напр⟨имер⟩ — *необходимую летом 1932 г.* полемику с рапп⟨овской⟩ критикой, душившей за одно упоминание о романтике,— я снял, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ время «изымает» такую критику[2]. (Помните — вы писали о манере «бить турку»?..[3]) Изъял и другие лит⟨ературно⟩ неудачные места. Фразу: «Украину пересекают цепи, новороссийские степи и Таврию» вы прочли без стихового ритма и без ее военного значения. Надо читать: «*Украину* пересекают цепи (т⟨о⟩ е⟨сть⟩ батальоны в боевом построении), новороссийские степи и Таврию!». Тут приподнято дан путь Кр⟨асной⟩ Армии с севера; — Белгород — Мелитополь — Джанкой... Вот и всё...

Имя Ив⟨ана⟩ Вольного я узнал лишь из вашей статьи. Случай, мной описываемый, был на миноносце Шлиссельбургского отряда (командир т. Шефнер) в 1918 г. [4]

За лексику и идеи своих *отрицательных* героев (Сиплый и К⁰) я не могу «отвечать»,— как и вы за ряд своих героев. Взятые же из контекста в статью реплики, «афоризмы» и т. п. — могут, конечно, быть иногда не очень симпатичны.

О вместимости котелка и бриллиантах — спорить не буду [5]. Упустил, очевидно, деталь: парень (Родька Бессарабов с крейсера «Алмаз» Черн⟨оморского⟩ флота) камни не вынимал, это дело, думаю, трудное,— а выламывал всю ризу, кусками. Так его с *котелком* и забрали. Доставили

В. В. ВИШНЕВСКИЙ
Фотография, 1930-е гг.
Отдел рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Москва

в штаб флотилии к Троцкому (в 12 ч. 30 м. дня 10 сент. 1918; я помню этот день штурма). Команда высвободила... — Вот и всё.

Алексей Максимович! Честное слово — все это гораздо проще, прямее выглядит, если хотя бы проверить, поговорить лично. Вы ни разу ведь со мной не говорили... Не знаете меня, моей жизни, сути... А ведь говорится о трех пудах соли, съесть их надо вместе,— чтобы узнать человека — и дать ему характеристику.

Та же «Оптимистическая». — Тов. Ворошилов считает, что она сейчас очень полезна как *военная* пьеса. Делает пьеса свое дело и ладно... На это мы и поставлены. (М〈ожет〉 б〈ыть〉, прочтете отзывы красноармейцев и рабочих; прилагаю.)

Работать трудно, пора молодой полемики (мне едва за 30 лет) проходит... Ругаться, «скандалить» *было надо*. Иначе РАПП придавил бы. В этом даю слово. Мне заявили после одного спектакля: «голову сломаем...» — Нравы были мрачноватые. (Об этом я писал в день вашего юбилея в «Правде»,— м〈ожет〉 б〈ыть〉, вспомните?) [6].

Часто хочется прочесть вам новый материал... — Служу я давно во флоте — собрал много документов. Годятся и для «ИГВ» 〈Истории гражданской войны〉[7]. Пишу сейчас (4 года уже) прозу о России, о казармах, кораблях; период с 1912 г. по 1918—19 гг. — Написал много [8]. — Надо проверять.

Просто «так» являться к вам, м〈ожет〉 〈быть〉, и неудобно. Ну, ладно...

«Обложили» вы меня для примера. Дело понятное. Здоров, крепок я, — ничего! Напишу новую пьесу. — Уж не такой я отпетый «новатор», как вам кажется. — А настоящее новаторство нужно! А познакомиться по-настоящему — было бы лучше, чем разговаривать раз в 4 года через прессу.

Могли бы с меня спросить отчет не одной моей стенограммой [9],— а поглубже.

Будет время, — напишите мне или вызовите. Почитаю вам,— и многое у вас переменится в представлении обо мне.

С приветом

Вс. Вишневский

Москва, Н.-Кисловский, д. 8, кв. 18.

Печатается по автографу (АГ). В правом углу пометка Вишневского карандашом: «Не послал».

[1] М. Горький. О бойкости.— «Правда», 1934, № 58, от 28 февраля и «Известия», 1934, № 51, от 28 февраля (т. 27, с. 154—160).

[2] В первом варианте «Оптимистической трагедии» имелись своего рода интермедии, посвященные злободневной литературной полемике. Такова, например, сцена в начале II акта: «В зале, погруженном в полумрак, беседа зрителей.

Первый зритель *(громко)*. А все-таки хотелось бы спросить — почему автор пишет о прошлом? Где у него настоящее?

Второй зритель. Когда поэт говорит о прошлом, он имеет в виду настоящее.

Первый зритель. Э, оставьте! Автор насквозь застарелый романтик.

Третий зритель. Действительно, почему здесь отрицают реалистический стиль?..» (Всеволод Вишневский. Оптимистическая трагедия. М., ГИХЛ, 1933, стр. 33).

[3] Имеется в виду следующее место из статьи Горького «О литературе и прочем» (1931): «В старое время на ярмарках была весьма популярна проба силы на „голове турка". Вырезанная из корневища и грубо раскрашенная, голова эта помещалась на тугой пружине в полой железной тумбе; люди, которым хотелось показать свою силу, били по этой голове деревянной колотушкой 〈...〉 Критики и рецензенты весьма часто относятся к литератору, как силачи к деревянной голове турка» (т. 26, с. 50).

[4] В статье «О бойкости» Горький писал: «Далее: считающий себя „новатором" Вишневский дает на 27 странице „Оптимистической трагедии" случай с кошельком 〈...〉 Случай этот дан в одном из рассказов Ивана Вольнова с той несущественной разницей, что действуют не матросы, а солдаты...» (т. 27, с. 158).

[5] В статье «О бойкости» Горький указывал на невероятность того, что с одной иконы матрос «надергал целый котелок» бриллиантов (т. 27, с. 159).

[6] В статье «Субъективные признания» («Правда», 1932, № 266, от 25 сентября) Вишневский писал: «Было очень трудно, когда за непосредственные, горластые матросские драмы-песни взяли за горло и прохрипели угрюмо и угрожающе: „Романтика? С документом РАПП не совпадает?.." Я указывал на Горького, на его поиски новой романтики. Висевшие у горла делали вид, что не слышат. В конце концов мы помогли им услышать».

[7] По инициативе и под руководством Горького в 1931 г. была организована коллективная работа по изданию многотомной «Истории гражданской войны в СССР».

[8] Вероятно, речь идет об эпопее «Война», которая полностью была опубликована после смерти Вишневского. См. Собр. соч., т. 2. М., Гослитиздат, 1954.

[9] В отдельном издании «Оптимистической трагедии» (М., ГИХЛ, 1933) было напечатано приложение: «Автор о трагедии» (Из стенограммы обсуждения «Оптимистической трагедии» в Государственном Камерном театре 8 декабря 1932 г.). В статье «О бойкости» Горький цитировал высказывания Вишневского по этой стенограмме (т. 27, с. 159).

ГОРЬКИЙ — И. Е. ВОЛЬНОВ

Иван Егорович *Вольнов* (Иван Вольный, 1885—1931) с юных лет принимал участие в революционном движении. В июне 1908 г. во время попытки застрелить мценского исправника был арестован. С 1908 по 1910 г. находился в заключении в Орловском централе. По приговору военно-окружного суда был сослан в Сибирь, откуда бежал за границу, в Швейцарию, вскоре переехал на Капри, где познакомился и сблизился с Горьким. В автобиографии Вольнов подробно рассказывает о большой помощи, которую ему как начинающему литератору оказал Горький (см. Л. М. Клейнборт. Очерки народной литературы (1880—1923). Л., 1924, стр. 149).

27 октября 1913 г. Горький писал о Вольнове Ф. И. Благову: «Вольнов — человек даровитый, серьезно работающий над собой, мне кажется, что он способен в будущем дать литературе русской вещи очень значительные» (АГ).

27 декабря 1913 г. Горький покинул Капри, но не прекратил дружеской связи с Вольновым, оставшимся в Италии. Начинается интенсивная переписка. Горький продолжает следить за творческим развитием Вольнова.

После Февральской революции Вольнов получил возможность вернуться в Россию. В ниже публикуемых письмах к Горькому Вольнов делится своими впечатлениями и планами, касающимися новой деревни.

В ответных письмах отразились взгляды Горького на русское крестьянство, связанные с его идейно-политическими ошибками первых лет революции. Впоследствии Горький пересмотрел свои взгляды (см. очерк «В. И. Ленин», а также публикуемое в этом томе письмо Горького к А. Н. Афиногенову от апреля 1933 г.).

В годы гражданской войны Горький привлек Вольнова к работе по охране памятников искусства, а в 1928 г.— к участию в журнале «Наши достижения». Очерк Вольнова «Мужицкая артель», написанный для первого номера «Наших достижений», был признан редакцией образцовым за простоту, ясность и живость изложения.

В 1928 г. Вольнов по приглашению Горького приехал в Италию. 19 января 1929 г. Горький сообщал Е. П. Пешковой: «Вольнов Иван работает с утра до поздней ночи, вижу его только за обедом, завтраком. Утверждаю — парень хороший» (АГ). В Сорренто Вольнов пишет повесть «Комиссар Временного правительства» (12 глав этой повести опубликованы под названием «Возвращение». См. Ив. Вольнов. Избранное. М., Гослитиздат, 1956).

В 1931 г. после смерти Вольнова Горький написал очерк «Иван Вольнов» (т. 17).

Ниже публикуются три письма Горького и семь писем Вольнова.

1

ВОЛЬНОВ — ГОРЬКОМУ

〈Капри. 5/18 января 1912 г.〉

Дорогой Алексей Максимович!

Я просмотрел 1-ю часть [1]. Сейчас, когда над нею пришлось все время торчать, недостатки и промахи расползлись. В корректуре, вероятно, придется кое-что еще исправить.

Вчерашний день думал над 2-ю частью [2]. Чувствую, что вы толкнули меня на *настоящую* дорогу; первые главы будут: жизнь в работниках у *кулака*, в городе перед героем пройдет:— купец, чиновник, военный, интеллигент, рабочий, босяк, городская девушка и женщина (по одной

из «верхов» и трудовой среды) и еще кто-нибудь. Чем закончится 2-я часть — не знаю. Пока это — не важно. Ко всему и везде герой будет подходить *с мужицкой* точки зрения и *с мужицкой* оценкой. Боюсь: удастся ли быть объективным и вообще — осилю ли. Чувствую минутами, что — да, а минутами — трушу.

Шлю вам свой сердечный привет и крепко жму руку.

18 — 1 — 12. И. В.

Забыл еще об одном: рассказ об «Анне Володимировой» [3] я оставил там же — во 2-й главе, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩, мне так показалось — если пересадить ее в другое место, нарушается вся 2-я глава и создается окрошка. Так, как есть,— тоже окрошка, но тогда будет хуже.

И. В.

[1] Речь идет о первой части «Повести о днях моей жизни». Публиковалась в журнале «Заветы», 1912, №№ 1—3, под названием «Повесть о днях моей жизни, радостях моих и злоключениях. Детство».

[2] Вторая часть—«Отрочество» публиковалась в «Заветах» 1912, №№ 4, 6, 8 и 9.

[3] Рассказ об «Анне Володимировой» составляет вторую главу первой части повести.

2

ВОЛЬНОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Капри. 23 июля/5 августа 1912 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

Что мне делать? Я вам уж сказывал, что Миролюбов возвратил мне рукопись обратно для сокращений [1]. По надписям на тетрадях и различным отметкам видно, что рукопись была разбита им на три книжки, но потом он, очевидно, передумал и написал мне так: «Ив⟨ан⟩ Егор⟨ович⟩, батюшка, посократите и немедленно пришлите глав 5 к этому №... Хотел пустить две главы, но скучно и малосодержательно. Желательно, чтобы в каждом листе было что-нибудь значительное в фактах и в освещении их»... и т. д. Пять дней и ночей без перерыва я работал, спешил, из 74 стр. сделал 53 и вдруг получаю открытку: «В последних главах есть сильное, перенесите часть его в первые главы. Дайте нечто значительное, а то прислали 4—5 листов с Сухоручкой... А то в газетах пишут, везде хвалят, а он и раскис»... и т. д. Я ему ответил, что я сделал так, как он сначала советовал, т. е. сократил первые пять глав, а теперь не могу переставить задние главы наперед, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ сдал рукопись на почту одновременно с открыткой от него. Написал, кроме того, что в дальнейшем буду еще щепетильнее по отношению к многословию и т. д. и всеми силами буду стараться, чтобы вещь читалась с интересом. Он ответил: «Приходится печатать гораздо менее интересное и малоразработанное в художественном отношении. Это меня не радует, и я боюсь, как бы и дальнейший присыл не опечалил нас. Мне не хочется стеснять вас, и я жалею, что не дал вам закончить всю работу. Но ведь вы же будете жить на это, а то как бы вы просуществовали. Нужда...» За тот период, когда я сокращал и обрабатывал дальнейшее, мною было получено еще несколько открыток с советами: «Не растягивайте, что может лопнуть. Работайте и верхним концом вниз — не нужно. Иначе будут писать в газетах, что «что касается г. Вольного, то он весь выдохся на своем „Детстве“...» Жаль такое обещающее начало. Необходимо в каждом листе что-либо характерное». На «обещающие начала» и на то, что скажут в газетах, я, конечно, не обращал внимания, но, переписывая продолжение, вывертывал у себя суставы, резал уши, рвал ноздри, поднимал на дыбу, одним словом делал все, чтобы «расшибиться» и «угодить»... В такой же мере, как и предыдущие пять

И. Е. ВОЛЬНОВ

Фотография с дарственной надписью: «Дорогой Екатерине Павловне Ив. Вольнов. Capri 10—IX, 914»

Собрание Е. П. Пешковой, Москва

глав, я сократил дальнейшее чуть не на $^1/_3$, но, посылая это Мир⟨олюбо⟩ву, имел неосторожность обмолвиться: тем лицам, которые читали или слышали это (имея в виду Алексеича [2], вас и Силыча [3]),— всем более или менее нравится... Открыткой он мне ответил: «Не пишите мне: всем нравится. Это не может изменить моего искреннего мнения»... А сегодня вот, через день после открытки, я получил обратно 2-ю часть отрочества (первые пять глав он удержал при себе) с такою надписью: «Я сделал ошибку, что начал „Отрочество", не имея конца. Не хотелось вас огорчать, а теперь вижу, надо обождать конца. Пришлите все „Отрочество", тогда начнем печатать. Еще раз сожалею, что, показав мне один вариант с сестрой и товарищами, вы прислали в печать Шаврова[4]. Если и последн⟨ий⟩ представит мало интереса при полной художественной неразработанности и при растянутости, печатать в осенних книжках будет трудно. Посидите, поработайте, потрудитесь и обратите внимание на мои слова»...

Что же делать, Алексей Максимович? Пожалуйста, посоветуйте, а то у меня голова кругом идет. У человека на неделе семь пятниц, как к нему приноровиться и *нужно ли это?* [5]

Крепко вас любящий Ив. В.

5—VIII—12.

[1] Речь идет о второй части «Повести о днях моей жизни» — «Отрочестве». В. С. Миролюбов заведовал литературным отделом журнала «Заветы».

[2] Алексей Алексеевич Золотарев (1878—1950).

[3] Алексей Силыч Новиков-Прибой (1877—1944).

[4] Речь идет о XVI главе «Повести о днях моей жизни».

[5] Позже, в автобиографии, Вольнов вспоминал о Миролюбове: «После Горького много, премного сделал для меня В. С. Миролюбов. Горький слишком мягко относился ко мне, часто во вред мне. Теперь я так думаю об этом. Тогда, быть может, это так и было нужно. Миролюбов был суров. Учась писать, я был между ласковой матерью — Горьким и суровым, но справедливым наставником — Миролюбовым» (Л. М. К л е й н б о р т. Очерки народной литературы (1880—1923). Л., 1924, стр. 149).

3

ВОЛЬНОВ — ГОРЬКОМУ

〈Таормина. 23 сентября 1912 г.〉6—IX—12

Шлю вам, Алексей Максимович, привет из Taormina. Хорошо тут. Пока еще отдыхаю от дороги. Завтра начну осматривать старину, которой здесь порядочно.

Привет от Шуры [1].

Будьте здоровы.

Ив. В.

Датируется по почтовому штемпелю. У Вольнова описка в дате.

[1] Сарра Григорьевна *Гольдберг-Вольнова* — первая жена Вольнова.

4

ВОЛЬНОВ — ГОРЬКОМУ

〈Таормина. 26 сентября/〉 9—X—912.

Дорогой Алексей Максимович!

Вчера я получил письмо из Сибири, где, между прочим, говорится: «В Тулуне (Иркутск〈ой〉 губ〈ернии〉) есть ссыльно-поселенец, бывший офицер. Кажется, уже в ссылке он ударился в писательство. Есть некоторый талант. Пишет в сибирских газетах (Томской и Иркутской). Рассказы по содержанию — разнохарактерны. Пытался писать более или менее крупные вещи, но в газетах их растягивают по многочисленным №№ или страшно урезают, что очень портит их. Ему хочется попробовать печататься в «толстом» журнале. Спросите, пожалуйста, у Горького,— не может ли он посодействовать ему в этом, предварительно, конечно, ознакомившись с его рассказами. Его фамилия Добров; когда-то, по его словам, он был знаком с Г〈орьким〉».

Я думаю написать ему, чтобы он прямо прислал на ваше имя, не так ли?

На всякий случай я попрошу того человека, который мне пишет, поискать там, кроме того, хорошего, толкового парня, *отлично* и более или менее всесторонне знающего Восточную Сибирь. Возможно, что такой человек там найдется, а он бы, мне думается, был бы полезен для «Современника»[1].

Когда у вас подвернется свободное время, отметьте, пожалуйста, неудачные места в моем рассказе «Осенью» [2] и перешлите мне; я его еще раза 2—3 перепишу. Не забудьте упомянуть: окажется ли он подходящим для «Современника» или его необходимо сплавить в какой-либо другой журнал, а для «Современника» написать другое — «светлое», как выражается Е. А. Ляцкий[3].

Вчера полдня просидел на развалинах греческого театра. Эх, да и хорошо, Алексей Максимович!

Вообще здесь *необыкновенно* красиво. Вид на окрестности непередаваемый. Бесчисленное множество древностей — дворцов, стен, башен, ворот... На горах, как орлиные гнезда, замки норманнов, развалины монастырей бенедиктинов, доминиканцев, еще сохранились следы от арабов, сарацин и т. д. и т. д. Сам по себе городок — незначительный, расположен на горе, основан еще греками за 400 лет до Р. Х. Немного портит бесчисленное множество самых разнообразных отелей. Местный климат — один из лучших в Сицилии зимой, поэтому, начиная с декабря, немного ранее, и до марта сюда приезжает масса англичан и американцев. О русских жители почти не имеют представления.

Ну, будьте здоровы и благополучны. Крепко жму вашу руку.

Ив. В.

Мой адрес: B. Casperovitch. Taormina (Sicilia). Poste restante.

[1] С осени 1912 г. до апреля 1913 г. Горький руководил литературно-художественным отделом журнала «Современник».

[2] «Осенью» — рассказ об Орловском централе. — Сборник «Энергия», 1914, № 2, стр. 149—172.

[3] Евгений Александрович *Ляцкий* (1868—1942)— критик и литературовед. С 1912 г. редактор журнала «Современник».

5

ГОРЬКИЙ — ВОЛЬНОВУ

⟨Москва. 28 января 1921 г.⟩

Простите, милый Иван Егорович, но, на мой взгляд, ехать жить в деревню теперь — совершеннейшее безумие. Нимало не сомневаюсь, что работать там вы не сможете,— подумав, вы согласитесь, что в этом я прав. А если бы — чудом каким-то — вам и удалось нечто написать — у вас снова отнимут и уничтожат рукописи или они сгорят, вместе с избой и последними штанами литератора Вольного [1].

Наивно думать, что какая-то «охранная грамота» оградит вас от глупости, дикарства и гнусненького зверства русской деревни. Таких грамот в природе нет и долго еще не будет,— т⟨о⟩е⟨сть⟩ их вообще не должно быть. Бумага — кем бы она ни была написана, и какие бы печати ни стояли на ней — не предохраняет черепа от удара колом или кирпичом. Гораздо практичнее всяких грамот в кармане — чугунный котел на голове.

Бросьте, сударь, все эти деревенско-истерические наивности ваши и приезжайте в тихий, полуживой, пустынный городок Петроград, где вы можете взять себе для жительства пятиэтажный дом и работать тамотка без помех, в чистоте и тишине. Ни мышей, ни тараканов, и даже мухи редко залетают в такие дома, а если и залетит какая,— то совершенно бескорыстно, ради любознательности. А возвращаясь к деревне, скажу вам: да погибнет она так или эдак, не нужно ее никому, и сама себе она не нужна. Вы знаете, что я плохой марксист, и эти мои слова не «с точки зрения», а из опыта, от многих, тяжких дум над судьбами русского народища.

Бросьте, дружище, деревню и напишите хороший реквием в память о ней[2].

Вы поступите вполне разумно, если, крепко засев в тихий угол, начнете солидно работать,— это необходимо для вас и давно пора.

А болтаясь по земле, растеряете вы все накопленное в душе или спутаете все, или укокошат вас случайно, а то — шутки ради.

Жму руку. Крепко.

Будьте здоровы. И пошлите деревню ко всем чертям.

28.I.21. Москва. А. Пешков

[1] В 1919 г. местными орловскими властями Вольнов был арестован. Благодаря вмешательству В. И. Ленина он был освобожден. Во время ареста у Вольнова был взят весь его архив, в котором находились рукописи романа «Северные огни», хроники «Огонь и воды» и ряда рассказов. Рукописи не сохранились.

После освобождения Вольнов уехал на борьбу с тифом в Самару. Впечатления от этой поездки отразились в повести Вольнова «Встреча».

[2] В этом письме концентрированно выражено то недоверие Горького к социальному разуму крестьянских масс, которое в 1917—1918 гг. заставило его усомниться в возможности победы социалистической революции. Вспоминая в очерке о В. И. Ленине, о своих настроениях первых лет революции, Горький писал: «Для большей ясности скажу, что меня всю жизнь угнетал факт подавляющего преобладания безграмотной деревни над городом, зоологический индивидуализм крестьянства и почти полное отсутствие в нем социальных эмоций». И далее: «Так думал я 13 лет тому назад и так — ошибался. Эту страницу моих воспоминаний следовало бы вычеркнуть. Но — „написано пером — не вырубишь топором". К тому же: „на ошибках — учимся"— часто повторял Владимир Ильич. Пусть же читатели знают эту мою ошибку» (т. 17, с. 25).

6

ВОЛЬНОВ — ГОРЬКОМУ

Куракино. 10 янв⟨аря⟩ 925.

Милый, дорогой Алексей Максимович, здравствуйте!

Сейчас получил от Шуры[1] письмо с вашим адресом, захотелось написать вам, поблагодарить за внимание к сыну[2] (и к ней). Я тоскую по нем (основательно), но такая интересная жизнь в России, в деревне, что все собираюсь приехать в Италию, повидать его, может быть, взять с собой и — не могу, нет времени, возможности. Я все еще не уехал из Куракина; конечно (как вы и предсказывали) не пишу, за исключением нескольких рассказов (часть их оказалась нецензурными),— все время путаюсь с мужиками, омужичился, одичал, обовшивел и т. д., но жизнь полна и радостна,—еще бы мне прожить сто лет!.. И убивать меня хотели, переживал тысячи мелких, нудных, дрянненьких неприятностей — этаких серепьких, липких,— и все это — чепуха, глупость, даже кирпич в голову — глупость, главное — в деревне ледоход, ломка, скоро весна. И знаете, ломка страшная, ломка духа и навыков, быта, основ «рассейских». И радостно, что она происходит не «по мановению жезла» деревенских дураков, уголовщины, а прет из нутра, из земли, из костей мужицких. Это хорошо!... Даже не знаю, как сказать, как это хорошо.

Мне думается, только *теперь* начинается революция в деревне в форме сознательного отношения к жизни, человеческого, не скотского, подлого, пропитанного подленьким, жадненьким, мужицким, с подленькой хитрецой, себялюбицем, переоценка идолов-китов, на которых покоилась хаматенькая и несчастная мужицкая душа. Из грязной вонючей шерсти вырастает человеческое лицо. Или, правильнее: отмирает, гниет, «ползет чулком» грязная, вонючая шерсть с мужицкого лица, а из-под нее выявляется человеческое лицо,— хорошее, милое, радостное, близкое, братское. И жить с ними, и работать — со вновь к жизни рождающимися — (экую дурацкую фразу наляпал!) — жить сейчас с ними и работать — радостно.

Я знаю, если бы я отдал свои силы городу, рабочим, я сделал бы в десять, сто раз больше для жизни, ну, а с мужиками-то кому же жить? Или — реквием, как вы советовали, и — да погибнет? [3] Я мучился над этим 4 года. Слишком больно задело меня это в вашем письме. Проверял, проверил. Много жестокой, страшной правды в словах ваших. Разумом—да, да погибнет, *теперь* сам подтолкну в петлю (падающего подтолкну — по Пруткову), а сердце кричит: да воскреснет из мертвых! Да возрастут цветы на трупе!.. Милый Алексей Максимович, ведь я же сам мужик и шкуры своей мужицкой (и души) со всеми плюсами и минусами не сумею сбросить, даже если бы я и два зуба золотых себе вставил, и брился бы ежедневно, и говорил: «Мерси, мадам, оченно вами доволен».

Скоро год, как меня перестали травить. Лишь изредка «шпыняют». А я плюю на все это. Лотошу, копаюсь, огрызаюсь и кое-что и кое-как делаю. А больше всматриваюсь, вслушиваюсь, внюхиваюсь, во все дыры сую свой нос. «Огарнизовал» общественную обработку земли [4], настрял разных товариществ: машинное (для коллективного пользования сельскохоз⟨яйственными⟩ машинами), по животноводству, коневодству, мелиоративное, семенное, кредитное, с⟨ельско⟩хозяйственное — чёрт их знает сколько! Везде мало работаю, только лотошу, а они все-таки живут, орудуют, развиваются, аттестаты получают из Орла, в газетах про нас пишут, — мнут, давят косность, хамство, сближают... ей-богу, я чужую, ворованную фразу написал раньше: «еще бы сто годов пожить!» — так некоторые мужики говорят из товариществ.

Милый, родной Алексей Максимович! Не умерла, не умрет Русь, из мук, из крови, из грязи, из слез вырастет краснощекая здоровеннейшая бабища 〈...〉

Плохо одно: тянет писать. Во сне даже снится: пишу, пишу. А времени нет. И условия дрянные — в хате с утра до ночи мужики, как на постоялом дворе. Я для них вроде помойной ямы, куда они несут свои болячки, гной, блевотину, горе и сваливают на мою голову. А русская человечина (не мне вам говорить) любит это до судорог — поплакаться, поскулить... Я иногда слушаю — слушаю и — матом как начну строчить... Глаза вылупят, замолчат. Как дети или — как бараны. Или —я перед ними баран, которого задергали, не разберешь.

Обнимаю вас крепко. Привет и поцелуй Максу [5].

Найдется время (и охота), черкните, буду рад очень [6].

Адрес: Почт. отд. Куракино, Орлов. губ.

Ив. Вольнов

[1] См. прим. к письму 3.
[2] Илья Иванович *Вольнов* — сын Вольнова, родился в Италии в 1913 г.
[3] См. письмо 5.
[4] Вольнов был первым председателем колхоза, который после его смерти назвали его именем.
[5] Максим Алексеевич Пешков.
[6] Горький 22 января 1925 г. сообщил Е. П. Пешковой: «Получил интересное письмо от Ив. Вольного. Молодец парень» (АГ).

7

ГОРЬКИЙ — ВОЛЬНОВУ

〈Сорренто. 23 января 1925 г.〉

Дорогой мой Иван Егорович,

очень обрадован вашим письмом, а еще больше тем, что оно такое бодрое: письмо человека, который верует в людей и видит смысл жизни, потому что сам творит ее. Люди, которых я изредка вижу здесь, уже не могут ни любить, ни веровать, ни сомневаться, они притворяются, что еще в силах ненавидеть, но, в сущности, не разучились только ныть и жаловаться, что, впрочем, и раньше делали весьма умело.

О том, как живет Русь и, главное, русская деревня, я кое-что знаю, читая московские газеты, письма знакомых, рассеянных по всему пространству между четырех морей, по рассказам заезжающих ко мне людей: Рыкова, Красина и др. Но и здесь интересно наблюдать, как люди медленно, но неуклонно сжимаются в крепкий кулак,— уже не далек день, когда кулак этот начнет бить. Самое печальное в вашем письме — это то, что вы не занимаетесь литературой. Это — жалко! Я читал ваши вещи в «Красной нови», в «Недрах», писать вы стали значительно лучше, чем раньше писали [1]. Сколько ценнейшего могли бы вы дать, имея такой запас впечатлений. Вы не очень «литератор», а в наше время это особенно хорошо и важно.

На праздниках был у меня Илья! Сын ваш — хороший человечек, вас можно поздравить! В нем, полностью, есть все, что требуется его возрастом, но, кроме этого, он, по природе, талантлив, об этом говорит не только тот факт, что он легко и отлично учится в школе, а, главным образом, его наблюдательность, острота и гибкость ума, точность, с которой он усваивает все, что его интересует. Он уже читает Диккенса и очень толково. Вообще — мальчуган отличный. Тащить его в Россию сейчас— на мой взгляд — нет смысла, языка он не знает, здоровьем не крепок. И, притом, люди его типа везде на своем месте. И современная жизнь

везде одинаково напряжена, и ее нужда в талантливых людях везде так же велика, как у нас. Издается в Орле газета? Нельзя ли высылать ее мне? Был бы очень благодарен. Жизнь провинции интереснее московской, я это очень понимаю.

Итак — мужичок встает на ноги? На первой поре его воскресение из мертвых, вероятно, вызовет значительное понижение культуры,— подразумеваю — городскую. Балет, которым мы «завоевали Европу», наверное не понадобится ему. Большинство здешних мудрецов, с княжескими и другими титулами, особенно сокрушаются вопросом о будущности балета в России. Сие — почти правда. Полная же правда: эмигранты всех родов и партий — народ погибший. Уже. Если б вы знали, чем стал и как плохо пишет Бунин! А Куприн — свирепейший монархист! Каково?

Дорогой мой — пишите! Я буду писать вам — идет?

От всей души — всего доброго вам!

А. Пешков

23.I.25.

[1] Речь идет о следующих произведениях Вольнова: Деревенская пестрядь.— «Красная новь», 1923, № 2, стр. 306—315. Сход.—«Красная новь», 1924, № 2, стр. 237—245. В поезде. — Сб. «Недра», № 5. М., 1924.

8

ВОЛЬНОВ — ГОРЬКОМУ

Москва. 22.XII 925

Захотелось написать вам, дорогой Алексей Максимович, поделиться радостью. Третий месяц я в Москве и много работаю. В этом моя радость. Чувствую, что я вырос за эти годы. То, что я десять лет не писал, быть может, мне пойдет на пользу. Я теперь знаю, как *не надо* писать. С наслаждением читаю и перечитываю *старого* Бунина. За два месяца я как-то ухитрился нагрохать повесть до 6-ти листов [1]. Должно быть, где-то чирей прорвался. Над повестью надо будет поработать еще месяца два. На днях я уеду в деревню,— там тихо, закончу ее там, а потом, может быть, проберусь в Неаполь [2]. Поехать мне давно хочется. Пожалуй, мне это будет на пользу.

Как интересно и хорошо сейчас жить в России, милый Алексей Максимович! Я, кажется, вылечился от слепой злобы, которая мешала мне прямо смотреть на жизнь и прямо и просто воспринимать ее. Как хорошо и крепко мы врастаем в землю. Как с каждым месяцем будто меняется лицо русской земли. И особенно радостно глядеть на деревню, которую я болезненно люблю со всею ее дикостью и хамством. Она растет и умывается — тупо, злобно или трогательно-наивно. Радостно чувствую напрасность страхов города (в частности ваши страхи), что деревня слопает революцию и город, потом отрыгнется азиатской деспотией. Не будет этого. Старое кончилось. Старая деревня и старые деревенские люди злобно умирают. Туда им дорога. По-человечески их жалко, так же жалко, как белую эмиграцию, среди которой было много талантливых людей, но «в рассуждении полезности» это хорошо и нужно. На смену им идет молодежь. Путаюсь с ними, приглядываюсь, дружу. Много в них еще скверного, грубого, но здоровое пересилит. Не я, а они в это верят.

И здесь в Москве, в литературных кругах, этот новый деревенский дух так же остр. Нравственно здоровые, крепкие парни с упрямыми глазами. Люблю встречаться с ними. Как-то попросту сходимся. С первой, второй встречи говорят «ты». Как ребята в ночном. Гладков, Леонов, Волков [3], Казин, Есенин, Клычков, Никандров, Дорохов [4], Герасимов, Кириллов...

Много рассказывала мне Ек⟨атерина⟩ П⟨авловна⟩ об Илюшке [5]. Я рад, что он научился говорить по-русски. Вообще рад, что растет умная человечина. Спасибо вам за внимание к нему.

Жму крепко руку вашу и обнимаю. Привет Максиму с семьей.

Ив. Вольнов

[1] Речь идет о повести Вольнова «Встреча».—«Молодая гвардия», 1927, №№ 3, 4 и 5. Горький в очерке «Иван Вольнов» так писал об этой повести: «Наша критика не обратила должного внимания на эту искреннюю и очень жуткую повесть, а она — один из наиболее ярких документов гражданской войны» (т. 17, с. 329).

[2] В Италию Вольнов поехал в декабре 1928 г.

[3] Михаил Иванович *Волков* (1886— ?) — писатель, крестьянин по происхождению.

[4] Павел Николаевич *Дорохов* — прозаик, писавший о крестьянстве.

[5] Е. П. Пешкова была в Сорренто с 12 сентября по 25 октября 1925 г.

9

ГОРЬКИЙ — ВОЛЬНОВУ

⟨Сорренто. 29 апреля 1927 г.⟩

Дорогой Иван Егорович —

«Встречу» — до 4-й книжки включительно — я прочитал [1], разумеется — с величайшим интересом. Комплиментов вам говорить — не намерен: вы сами знаете, что вы — талантливый человек. Я нахожу, что талант ваш стал резче и крепче. В повести есть отличные страницы и фигуры, напр⟨имер⟩— реалистик, Недоуздков. Мужиков вы пишете, пожалуй, как никто не умеет, есть что-то рубенсовское в их фигурах и есть бесстрашие пред уродливым, которым обладали только голландцы — Ван Остаде,

ВИЛЛА «ИЛЬ СОРИТО» В СОРРЕНТО. ЗДЕСЬ ГОРЬКИЙ ЖИЛ в 1924—1933 гг.
Музей Горького, Москва

например. Все это — так, и все это будет — наверное — и другими сказано вам. Дальше.

А дальше — вот что: литература для вас — не главное ваше дело, и это как-то чувствуется. Дело не в небрежности письма, не в том, что грубоватость ваша кажется — местами — нарочной, допущенной для того, чтоб скорее отделаться от трудного места, и не в том, что вы — иногда — не дописываете людей, картин, а в том, что, кажется, вам мешает нечто «изнутри», как будто недоверие к себе самому и, рядом с этим, небрежное отношение к человеку-читателю. Как будто слышишь: «Сожрет и так!» Вот каково впечатление мое. «Встречу» вы могли бы написать лучше, чем она написана; это вовсе не значит, что вы написали ее плохо. Нет, не плохо, но — не во всю силу. Силы же у вас — много.

Какого чёрта возитесь вы с артелями и вообще с каким-то сельскохозяйственным «делом»?[2] Я отнюдь не склонен сомневаться в огромном и даже решающем значении этого дела, но почему вы, оригинальный и очень талантливый писатель, должны тратить себя на это дело, а не на ваше дело? В нем вы более на месте, не говоря уж о том, что в нем вы — *я уверен — больше дали бы*. Тут я, очевидно, чего-то не понимаю. Раздвоение ваше — загадочно для меня.

Очень хорошо сделано пение «Интернац⟨ионала⟩» мужиками. Недоуздков хорошо расстреливает, он вообще удался. Чисто написан мальчик красноармеец, эдаким житийным отроком. Сведете вы его с реалистом? Вам часто удается несколькими строчками дать вполне четкий образ, характер.

Затем: предисловие мне показалось лишним[3]. И от него на всю книгу падает как бы тень *личного* раздражения, личной мести.

Мне кажется, что художник — больше историк и лучше историк, чем специалисты-историки.

Вот что я могу сказать вам о повести. Разумеется, это далеко не всё, но я хотел ответить, как можно скорей.

Крепко жму руку. Не теряю надежды видеть вас *только* писателем.

Всего доброго.

А. Пешков

29.IV.27.

[1] См. письмо 8, прим. 1.

[2] В письме от 12 апреля 1927 г. Вольнов сообщал Горькому: «Увлекаюсь организацией сельскохозяйственных артелей, коллективных хозяйств. Прививаю многопольные системы севооборотов, „учу“ луговодству и т. д.» (АГ).

[3] Речь идет о вступлении к повести Вольнова «Встреча», которую он посвятил честным людям, бывшим членам партии эсеров, и призывал их осознать свои ошибки. Он писал: «Я не зову вас перекрашиваться,—это самое бесчестное и постыдное, что только можно сделать. Ибо мы не сумеем искренно перекраситься: мы из другого теста,—я только призываю вас к мужеству осознания ошибок».

10

ВОЛЬНОВ — ГОРЬКОМУ

Куракино. 4.IV.28.

Душевно поздравляю вас, дорогой Алексей Максимович, с исполнившимся 60-тилетием. Пусть светлая жизнь ваша продлится еще долго — на пользу нам и в пример. Радостно горжусь, что я — ваш современник и ученик. Обнимаю вас крепко и жму ласковую руку вашу. Привет Максу с семьей.

Ив. Вольнов

ГОРЬКИЙ — Ф. В. ГЛАДКОВ

Федор Васильевич *Гладков* (1883—1958) — переписывался с Горьким в течение тридцати с лишним лет.

Еще совсем молодым, начинающим писателем, Гладков познакомился с рассказами Горького, навсегда его покорившими. «Все, что я писал в то время, это было только сплошным подражанием Горькому»,— признавался впоследствии Гладков (Автобиография в кн.: Ф. Г л а д к о в. Рассказы. М., «Никитинские субботники», 1929).

Первый свой рассказ Гладков послал Горькому в 1901 г. Очевидно, с этого же года начинается и их переписка. Из ранних писем сохранились лишь два письма Гладкова (1903 г.), письма Горького погибли, по свидетельству Гладкова, во время пожара.

В 1904 г. переписка временно обрывается. Гладков отходит от литературы, деятельно участвует в революционном рабочем движении в Тифлисе, Ейске, Забайкалье, подвергается аресту, а затем попадает в ссылку на Лену. Лишь в 1911 г. ему удалось закончить первую большую повесть «Изгои» (первоначальное заглавие «В изгнании») о жизни политических ссыльных; в 1912 г. Гладков направил рукопись этой повести Горькому. Горький поддерживал молодого писателя, советовал много, «не щадя себя», работать, содействовал публикации его произведений.

В 1917 г. (в феврале-марте) Гладков впервые встретился и лично познакомился с Горьким в Петрограде. Эта встреча укрепила их отношения, что подтверждается перепиской последующих лет. В 1930 г. Гладков посетил Горького в Сорренто.

Почти все, что писал и печатал Гладков, он направлял Горькому и получал от него советы, критические замечания. «Рукописи он читал с исключительной внимательностью и чуткостью. Поля были испещрены заметками, а письма были проникновенно-мудры и сердечны»,— писал Гладков в 1932 г. («Мой учитель и самый лучший друг».— «Правда», № 266, от 25 сентября).

Горький высоко оценил значение романа «Цемент», одновременно подчеркнув недостатки языка произведения, настойчиво советовал Гладкову писать автобиографическую повесть. Впоследствии замысел, поддержанный Горьким, был осуществлен в автобиографической трилогии («Повесть о детстве», «Вольница», «Лихая година»).

В публикуемой переписке большое место занимают общие проблемы советской литературы, в частности, вопросы литературной борьбы двадцатых годов, в которой Гладков как один из руководителей «Кузницы» принимал деятельное участие. Полемической остротой этой борьбы объясняются и отдельные, явно пристрастные, необоснованно резкие оценки Гладковым некоторых писателей и критиков.

Порой Гладков с болезненной чувствительностью реагировал на критические замечания Горького. Как правило, в Гладкове побеждало чувство глубочайшей любви и уважения к Горькому, в котором он неизменно видел своего великого учителя. Но в 1933 г., после сурового отзыва Горького о романе «Энергия», в их отношениях наступило охлаждение, и переписка прекратилась.

Ниже публикуется девять писем Горького и тридцать два письма Гладкова к Горькому. Пять писем Горького печатаются по черновым автографам из его личного архива, так как после смерти Гладкова этих писем в его архиве не оказалось. Не удалось обнаружить также и других писем Горького к Гладкову, которые несомненно были посланы, судя по имеющимся ответам.

Шесть писем Горького (1912, 1916, 1925 и 1926 гг.) напечатаны в т. 29 (№№ 635 (отрывок), 719, 799, 818, 836, 837)

1

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

〈Ст. Урульга, Забайкальской области.
Начало июля 1903 г.〉

Уважаемый Алексей Максимович!

Посылаю вам «Без работы» [1], сокращенное и переделанное по вашему совету. Не поставьте себе за тяжелый труд — исправить те недостатки, которые, без сомнения, встретятся в нем на всем протяжении. По совести говоря, этот рассказ мне не нравится. В настоящую минуту ощущается даже желание не посылать его. Но все-таки отправлю на ваш суд: в вашем распоряжении или уничтожить его или выпустить в свет.

Пишу новый рассказ и скоро пришлю вам [2].

По-моему, Алексей Максимович, психическая жизнь рабочего основана на стремлении освободиться от гнетущего режима и жажде личной свободы. У него я не замечал ни свободной воли, ни героических сил, как у ваших босяков, а только видел одну пассивную тоску. Они бессильны в борьбе и считают себя трусами. Они не в силах идти против условий жизни и гибнут, замученные изнурительной, но бесплодной для них работой, не добившись ни счастья, ни даже ничтожных привилегий в обществе. Правда, из них находятся натуры действительно сильные, но их мало.

Боже мой! Как здесь скучно! Дикий край! Тянет к «людям», к «жизни». Единственным источником счастья является только чтение. И чувствуешь, будто ты или заключен в тюрьму, или заброшен куда-то в «глухую пустыню».

О том, *когда* напечатают мой первый рассказ, напишите мне [3]. Я буду вам очень благодарен.

Ф. Гладков

Датируется предположительно, по содержанию письма 2.

[1] Рассказ Гладкова «Без работы», по-видимому, опубликован не был и в рукописи не сохранился.

[2] См. письмо 2, прим. 1.

[3] Возможно, имеется в виду рассказ «На ватаге, на Жилой», которую Гладков послал Горькому в 1901 г. Гладков вспоминает об этом в автобиографии: «Он возвратил мне рукопись с припиской: „Писать вам нужно. У вас есть уменье наблюдать жизнь, есть любовь к людям. Надо только писать кратко и метко,— так, чтобы читателя точно палкой по башке. Исправьте рукопись сообразно с пометками на полях и пришлите мне: я напечатаю ее в „Мире божьем““. Рассказ, к сожалению, не был напечатан и исчез навсегда» (Ф. Гладков. Собр. соч. М., Гослитиздат, 1958, т. 1, Автобиография, стр. 9—10)*. Впоследствии сюжет рассказа был использован в пьесе «Ватага» («Ватага», пьеса. Изд. «Московский рабочий», 1923).

2

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

Ст. Урульга, Заб〈айкальской〉 обл〈асти〉.
16 июля 1903 г.

Уважаемый Алексей Максимович!

Шлю вам новый рассказ — «Беспокойный».

Я думаю написать ряд набросков из жизни поселенцев под общей рубрикой: «Поселенческие наброски», из которых настоящий является первым на свет божий [1].

Какова судьба прежних рассказов? Не можете ли сообщить мне, *когда* будет напечатан первый? [2] Я бы вам был очень обязан.

* В дальнейших ссылках на это Собр. соч. будут указываться лишь том и страница.

Сибирь, без сомнения, страна интересная, но в культурном отношении она — в младенческом возрасте. Здесь не заметно движения; везде косность какая-то, какой-то гнетущий душу застой и мало «людей» в широком смысле слова... Тоска!

Тянет в Россию, живую, интеллигентную... но — «бачили очи, що куповали»...[3] Приходится мириться... Года через два думаю вырваться отсюда. Устрою своих родных по выходе их из каторги и — уеду...[4]

Теперь я хотел сказать вам кое-что насчет поселенцев: мир поселенцев — это особый мир в крестьянском быту сибирской жизни. От коренных жителей деревни они стоят отдельно. Их интересы не совпадают с интересами мужика. Это народ живой, с широким взглядом на жизнь; ему тесно жить в узких рамках крестьянской неподвижности. К мужику он относится с презрением, и если сталкивается с ним на арене его бесцветной жизни, то терпит его только потому, что он иногда бывает нужен ему. Это такие люди, у которых любовь к человеку выражается сильнее, определеннее, чем ⟨у⟩ живущего с ним в соседстве крестьянина. Это — замечательно интересные люди.

Драма «На дне» — шедевр вашей музы... Как я хотел бы посмотреть ее на сцене! Не увижу скоро...

Ф. Гладков

Адрес: ст. *Урульга*, Забайкальской обл⟨асти⟩, Федору Васильевичу Гладкову.

P. S. Кстати, не можете ли вы прислать мне книжку «Образованье» с моим рассказом (когда напечатают)[5].

Ф. Гладков

[1] Цикл рассказов о жизни поселенцев, написанных Гладковым в течение 1903—1905 гг., публиковался в газете «Забайкалье» (г. Чита) под заглавием «На каторге» («Зимние заметки о летних впечатлениях»), 1904, №№ 20, 23, 32, 33, 38, 39; 1905, №№ 26, 27, 28, 31. В последнем прижизненном Собрании сочинений эти рассказы в переработанном и отредактированном виде напечатаны под заглавием «На женской каторге» (т. 1).

Рассказ «Беспокойный» — как вспоминает Гладков в автобиографии,— «был принят в „Журнал для всех“, но не увидел света: журнал закрылся» (т. 1, стр. 10).

[2] См. письмо 1, прим. 3.

[3] Украинская народная пословица; в переводе: «Глаза видели, что покупали».

[4] Отец и мать Гладкова были сосланы в 1902 г. в Сибирь на каторгу по обвинению в укрывательстве человека, преследуемого полицией (сообщено женой писателя Т. Н. Гладковой). В 1905 г. Гладков уехал учиться в Тифлис.

[5] О каком рассказе идет речь, неизвестно; рассказ не был напечатан.

3

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

Новороссийск, Черном⟨орского округа⟩.
3 ноября 1912 г.
Михайловская, 9.

Алексей Максимович!

Однажды вы поддержали меня своим бодрым словом и заставили поверить в себя. Это было лет девять назад, когда я был еще почти мальчиком (я посылал вам тогда маленький очерк «На ватаге»)[1]. Теперь я опять обращаюсь к вашей сердечности.

Я знаю, что вы очень заняты, свободного времени у вас нет, но мне нужна помощь *живого* человека — нужна помощь ваша, который, несмотря на огромную работу, имел терпение внимательно прочитывать мои рукописи. Был длинный ряд неудач, мучительных переживаний

как у злополучного Сивачева [2], пожалуй... А теперь я нуждаюсь в правдивом слове искреннего, хорошего человека — вот и всё.

Вместе с этим письмом шлю вам обширную рукопись «Изгнание». Перелистайте ее через пятое на десятое: ведь опытными глазами вы увидите всё, что нужно (главы VII, VIII, XIII и XVII — наиболее мне дороги).

Если вещь найдете достойной того, чтобы на нее обратили внимание, — дайте ей место в вашем «Знании»; если же найдете неталантливой,— скажите прямо и сурово, чтобы потом не мучиться напрасно [3].

С глубоким уважением
Ф. Гладков

Адрес — на рукописи, в конце.

На первой странице письма сверху рукой Горького написано: Федору Васильевичу Гладкову

Отрывок из ответного письма Горького был напечатан Гладковым в журнале «Прожектор», 1928, № 13, от 25 марта и перепечатан в т. 29 (№ 635).

[1] См. письмо 1, прим. 3.

[2] Михаил Гордеевич *Сивачев* (1877—1937) — автор книги «Прокрустово ложе (Записки литературного Макара)» (М., «Современные проблемы», 1911), рассказывающей о судьбе пролетария, писателя-самоучки, стремящегося в ряды интеллигенции.

[3] В ответном письме Горький так отозвался о повести: «... в рукописи есть хорошо написанные страницы, чувствуется „искра божия", и, м〈ожет〉 б〈ыть〉, я не понял какого-то, видимо, недоступного мне, смысла. Поэтому я советовал бы вам: сократив длинноты, исправив небрежности языка и вообще хорошенько прочитав работу вашу, послать ее в редакцию журнала „Заветы". А я бы попросил вас: напишите небольшой рассказ на какую-нибудь самую простенькую тему, без мудрствований лукавых, без „надрыва" и прочих приправ, порядком уже надоевших читателю» (т. 29, с. 283).

4

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

Москва. 7 августа 1913

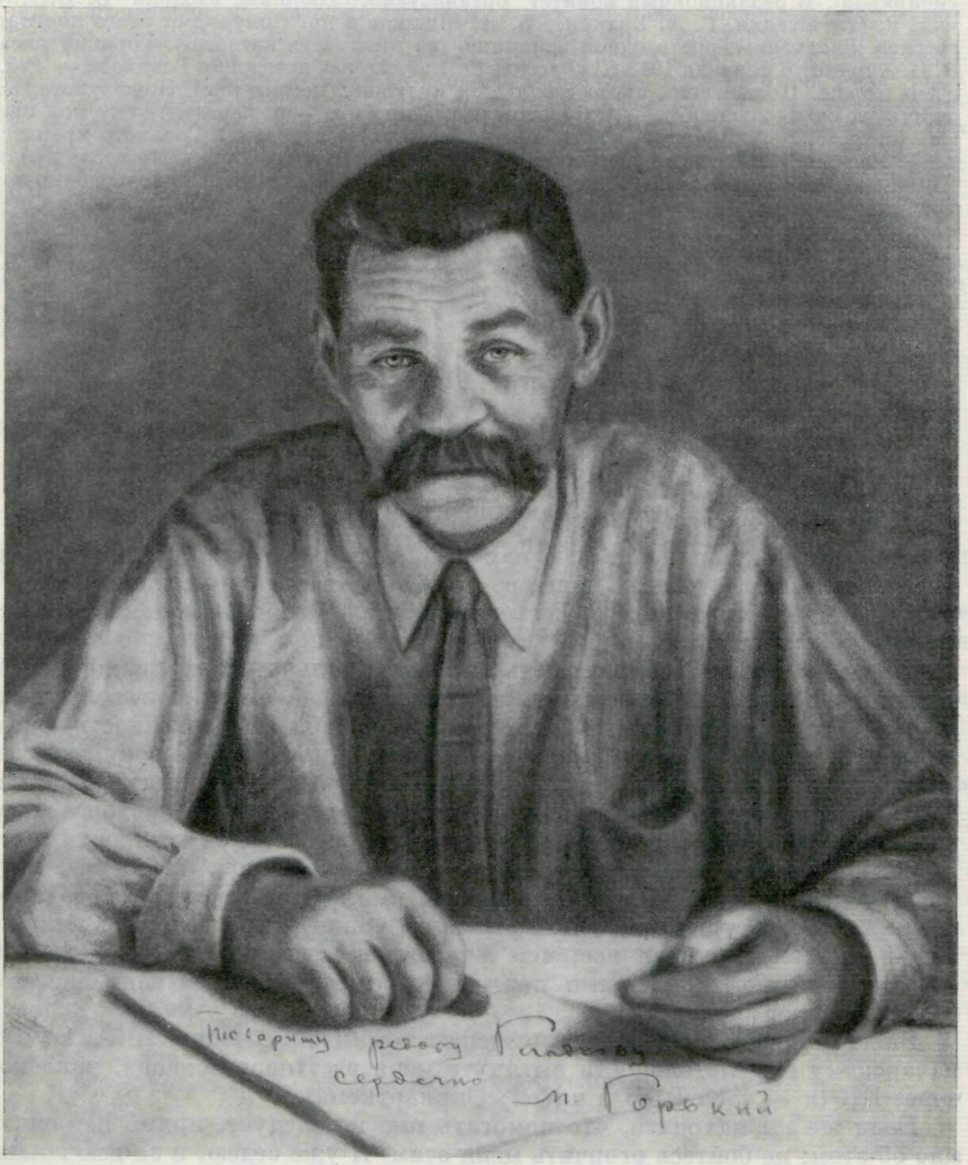
Глубокоуважаемый
Алексей Максимович!

Редакционный комитет «Сибирского сборника» сообщил мне, что рукопись моя «Трое в одной землянке» одобрена для напечатания в сборнике и что она отослана вам, как члену Комитета, которому принадлежит право решающего голоса в выборе статей [1]. Ввиду того, что рассказ подвергся более или менее значительной переработке (главным образом в отношении языка, а потом в фабулу внесено больше «движения»), я решился предупредить вас, что если вещь найдете возможным (даже при старой редакции) поместить в сборнике, то не откажите об этом сообщить мне, чтобы я мог своевременно выслать рукопись в другой редакции или вам, или куда укажете. С нетерпением жду ваших указаний (если только рассказ найдете терпимым в сборнике) относительно переработки рассказа. Рукописи в другой редакции не высылаю теперь потому, что не имею ее под рукою: с юга мне пришлось переехать в Москву, и все вещи, в том числе и рукопись, находятся в пути.

С уважением
Ф. Гладков

P. S. Повесть «В изгнании» после переработки, по вашим указаниям, отослана была, по вашему же совету, в «Заветы», где и принята к напечатанию в журнале [2].

Мой адрес: Москва, Мерзляковский, 6, редакция журнала «Бюллетени литературы и жизни», Федору Васильев〈ичу〉 Гладкову.



ГОРЬКИЙ

Фотография с дарственной надписью: «Товарищу Федору Гладкову сердечно М. Горький. Сорренто... 28»

Надпись сильно выцвела и читается предположительно

Собрание Т. Н. Гладковой, Москва

[1] Книгоиздательство «Знание», во главе которого стоял Горький, предполагало в 1912—1913 гг. выпустить специальный «Сибирский сборник» (произведения авторов-сибиряков). В редакционный комитет организуемого сборника входили В. И. Анучин, Г. Н. Потанин, Г. А. Вяткин, В. Я. Шишков и др. Получив от этого комитета рассказ Гладкова «Трое в одной землянке» (из цикла «На каторге»), Горький писал В. И. Анучину 6 февраля 1913 г.: «Рассказ Гл. Байкалова ‹псевдоним Гладкова.— *Ред.*› очень хорош. Несомненно, автор с большим будущим, несомненно! Пожалуйста, напишите возможно подробно — кто такой ваш Байкалов — и передайте ему мой привет» (т. 29, с. 296). Рукопись «Трое в одной землянке» с правкой Горького хранится в АГ. Издание «Сибирского сборника» не состоялось. Рассказ Гладкова после публикации в газете «Забайкалье», 1905, от 2, 4, 5 и 9 февраля в значительно переработанном виде под названием «Три в одной землянке» был опубликован вновь только в Собр. соч., М., 1950, т. 1.

[2] Ввиду закрытия журнала «Заветы» (в июле 1914 г.) повесть «В изгнании» не была опубликована и в переработанном виде под названием «Изгои» появилась в печати в альманахе «Наши дни», № 2, М., 1922.

5

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

г. Новороссийск, Черноморск‹ого› округа,
редакция газеты «Красное Черноморье».
‹Январь — май 1921 г.›

Дорогой Алексей Максимович,

вместе с этим письмом посылаю вам мою пьесу «Бурелом», изданную местным Госиздатом [1]. Пьеса шла в прошлый театральный сезон еще в рукописи несколько раз в Гос. театре им. Ленина. Поставлена была В. Э. Мейерхольдом [2].

Просьба: прочесть ее и помочь мне, если только вы это найдете необходимым. Вы знаете, что до сих пор силою вещей я жил в захолустьях, не знаю литературной среды, и всю тяжесть борьбы за возможность выйти на литературную дорогу вынес на собственном горбу. Теперь я почти не имею возможности писать, занятый советской и партийной работой: то я — завед‹ующий› Наробразом, то редактор газеты [3], то лектор в школах парт‹ийного› и сов‹етского› строит‹ельства›, то еще что-нибудь.

Устал я за это время непрерывной работы отчаянно. А я все-таки хочу писать, и я страдаю от невозможности иметь даже одного свободного часа для литературной работы. Урывками, ущипками, на ходу, я записываю на клочках бумаги все, чем я живу, и в результате — 5—10—20 строк ежедневно, с большими перерывами (пьеса эта была написана еще в деникинские времена).

Ваша помощь может быть выражена в том, что вы напишете А. В. Луначарскому о желательности вытянуть меня из Новороссийска, конечно, через ЦК (я — член РКП и чл‹ен› Окрпарткома).

Если же вы находите, что помогать мне не следует, прямо напишите мне об этом: не бойтесь огорчить меня этим. Я уже седею, и за всю жизнь видел всякие виды. Пишу же вам потому, что вы не раз поддерживали меня своими советами и дали мне возможность увидеть один из своих рассказов в «Летописи» («Единородный сын») [4].

Если вы найдете нужным ответить мне, то дадите мне лишнее мгновение большой радости.

С глубокой любовью
Ф. Гладков

Датируется по времени премьеры пьесы «Бурелом» в Новороссийске (лето 1920 г.) и работы Гладкова в редакции газеты «Красное Черноморье» (с 30 октября 1920 г. по май 1921 г.).

[1] Ф. Гладков. Бурелом (драматические сцены в 4 действиях). Новороссийск. Госиздат, Черноморское окружное отделение. 1921. Пьеса с дарственной надписью «Максиму Горькому» хранится в личной библиотеке Горького.

[2] В. Э. Мейерхольд в 1920 г. работал в Первом советском театре им. Ленина в Новороссийске. Премьера пьесы «Бурелом» состоялась летом 1920 г.

[3] С 30 октября по 1 декабря 1920 г. Гладков, работая в новороссийской газете «Красное Черноморье», подписывался «за ответственного редактора».

[4] Прочитав в 1916 г. рассказ Гладкова, Горький писал автору: «Вы сделали большие успехи: „Единородный" написан вполне литературно, местами очень интересно и трогательно; жаль только, что вами взята столь обычная и слишком уж использованная тема! К тому же вы невозможно растянули ее, и это сделало скучным и тяжелым рассказ, в сущности, недурной.

Я возвращаю вам рукопись с предложением сократить ее насколько найдете возможным. Кое-где я отметил повторения недопустимые и убивающие интерес читателя. Не бойтесь сокращать, пусть от рассказа останется половина, но — хорошая! Вы упрямый человек, вы можете работать, ну и работайте, не щадя себя.

Сокращения не должны огорчать вас. Исправив рассказ, пошлите его мне» (т. 29, с. 364). Рассказ был напечатан Горьким в журнале «Летопись», 1917, №№ 5—6. Под заглавием «Пучина» рассказ вошел в сб.: Ф. Гладков. Пучина. Повести и рассказы. М., «Кузница», 1923

6

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва. 28 июня 1923 г.〉

Мой адрес: Москва,
Староконюшенный пер., 33, кв. 11,
Федору Васильевичу Гладкову.

Дорогой Алексей Максимович, через берлинское издательство «Книга» посылаю вам две мои книжки: «Пучину» (сборник) и «Ватагу» (пьеса)[1]. За исключением рассказа «Пучина» (напечатанного под заглавием «Единородный сын» в «Летописи»), две остальные вещи написаны в прошлом году, по приезде из провинции в Москву (я здесь остановился крепко). «Огненный конь» прошел через альманах «Наши дни» (№№ 3)[2], «Волки» — через журн〈ал〉 «Нов〈ый〉 мир»[3]. Обе книжки критика наша встретила очень хорошо (напр. «Литер〈атурный〉 еженед〈ельник〉», №№ 20—21, Петроград, «Правда» за апрель, Воронский в № 4 «Кр〈асной〉 нови», Львов-Рогач〈евский〉 в кн. «Раб〈очие〉 и кр〈естьянские〉 писатели», Клейнборт «Очерки раб〈очей〉 интел〈лигенции〉»)[4].

Считаю радостью послать вам мои последние работы — человеку, который в моей жизни имел огромное значение и который мне бесконечно дорог. Прочтите при случае и, если будет минута доброго желания, черкните мне несколько строчек.

Как ваше здоровье? Скоро ли приедете «домой»?

Весь ваш душою Федор Гладков

28—VI—23.

[1] В сборник «Пучина. Повести и рассказы». М., «Кузница», 1923, вошли: «Пучина», «Огненный конь» и «Волки».

Ф. Гладков. Ватага (Пьеса в 4-х действиях). М., «Московский рабочий», 1923.

[2] Альманах «Наши дни», № 3, М., 1923.

[3] «Новый мир», 1922, № 1.

[4] Имеются в виду: рецензия Е. Панфилова. («Литературный еженедельник», Пг., 1923, №№ 20—21); А. Воронский. Литературные отклики о группе писателей (гл. «Кузница»).— «Красная новь», 1923, № 4; В. Львов-Рогачевский. Книга для чтения по истории новейшей русской литературы. Рабоче-крестьянское творчество за 30 лет. Л., «Прибой», 1924 (отд. III. «Несколько слов о Ф. Гладкове»).

Отклик на упомянутые произведения Гладкова содержится не в книге Л. Клейнборта «Очерки рабочей интеллигенции» (Пг., 1923), а в книге того же автора «Очерки народной литературы» (Л., 1924).

В очерках Л. Клейнборта и в книге В. Львова-Рогачевского помещена автобиография Гладкова. Возможно, в связи с подготовкой автобиографии к этим изданиям Гладков мог знать о них в 1923 г.

7

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва. 8 августа 1925 г.〉

Глубокоуважаемый Алексей Максимович,

я просил Ив〈ана〉 Ив〈ановича〉 Скворцова-Степанова обратиться к вам с предложением о сотрудничестве в «Новом мире» [1] — просил, откровенно говоря, заручиться вашим обещанием прислать что-нибудь для ближайших книжек журнала. Из полученного И. М. Касаткиным вашего письма [2] не видно, чтобы просьба эта была вам передана. В свое время я распорядился высылать вам «Новый мир», и вы, вероятно, уже знаете его характер: журнал рассчитан на читателя среднего уровня (сельская и уездная интеллигенция). До зарезу нужно, чтобы вы что-нибудь прислали — рассказ ли, повесть ли, или просто отрывки более или менее законченные. Из многочисленных писем в редакцию читатели требуют ваших вещей. Я надеюсь, что вы не откажете в просьбе и вместе с ответом пришлете рукопись [3].

Года два назад я послал вам на берлинское издательство мои книжки. Вы мне ничего не ответили: вероятно, вы их не получили [4].

После долгого прозябания в глухих углах я, наконец, перебрался в Москву и упрямо работаю, не щадя сил, по вашему совету [5]. Вы меня, должно быть, немножко помните. Если вы просматривали мой «Цемент» в «Красной нови» [6], то ваше слово для меня — драгоценно: ведь ваше имя прошло глубокой бороздой через всю мою жизнь.

Литературные нравы у нас немножко дикие: в литературных вопросах — невежество, некультурность, дилетантизм; все — в особенности «критики» и «теоретики» — размахивают руками, и каждая группировка, а наипаче каждый «критик» и «обозреватель» распоясывается, нахальничает, и большинство, в конце концов, похоже на того чеховского профессора, который пишет об искусстве, ничего в нем не понимая. Чуть ли не в один день раздуваются имена, чтобы лопнуть на другой день, как мыльный пузырь. Пример: Осинский, Фатов (вот уже бездарь-то!) Лелевич и др.; грешен в этом и Воронский. И все проходимцы, вроде Правдухина, не без успеха, обманывают публику [7]. Нет самого главного в каждом — любви к литературе, чуткости, честности и знаний. Впрочем, вам со стороны виднее. А растут писатели талантливые; есть все признаки, что в недалеком будущем будет создано действительно *новое* художественное слово. Достаточно того, что есть уже новые, не виданные раньше, люди, новые, своеобразнейшие формы жизни, новые отношения, наряду с проклятыми пережитками прошлого. И вполне естественно, что каждое ваше слово среди всех молодых писателей пользуется огромным авторитетом.

В «Нов〈ом〉 мире» я исполняю обязанности фактического редактора. «Кр〈асная〉 нива» вам выслана и будет высылаться впредь.

Очень много говорили о вас с Лидиным и Соболем [8].

С приветом
Федор Гладков

Адресуйте на мое имя: Фед. Вас. Гладкову.

Москва. 8—VIII—25.

Письмо написано на бланке журнала «Новый мир».

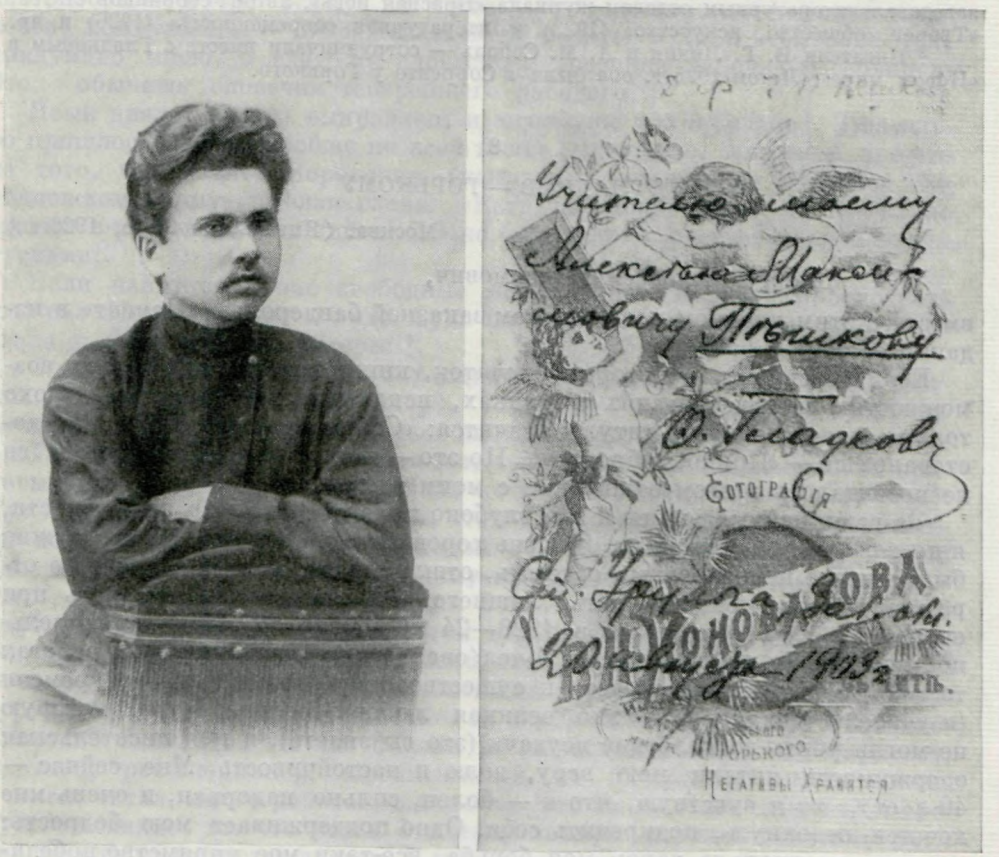
[1] Иван Иванович *Скворцов-Степанов* (1870—1928) — видный деятель партийной печати, редактировал журнал «Новый мир» с июля 1925 по октябрь 1928 г.

13 июля 1925 г. Скворцов-Степанов писал Горькому: «... я назначен редактором „Известий", а вместе с тем и двух других изданий, существующих при „Известиях" — „Красной нивы" и „Нового мира". Был бы очень рад, если бы вы в той или иной форме приняли участие в этих изданиях» (АГ).

[2] Иван Михайлович *Касаткин* (1880—1938) — писатель, редактировал журнал «Красная нива» (1924—1926).

15 июля 1925 г. И. М. Касаткин послал Горькому письмо с предложением издать его собрание сочинений в качестве приложения к журналу «Красная нива».

На предложение Касаткина и Скворцова-Степанова участвовать в работе журнала «Красная нива» Горький ответил в письме Касаткину от 24 июля 1925 г. (опубл. в «Новом мире», 1937, № 6).



Ф. В. ГЛАДКОВ

Фотография с дарственной надписью на обороте: «Учителю моему Алексею Максимовичу Пешкову. Ф. Гладков. Ст. Урульга, Заб. обл. 20 августа 1903 г.»

Музей Горького, Москва

[3] Гладков обращается к Горькому с этой просьбой как секретарь редакции журнала «Новый мир». На просьбу прислать что-нибудь в «Новый мир» Горький ответил Гладкову: «И. И. Скворцов ничего не писал мне о „Н⟨овом⟩ мире“. И. М. Касаткин — тоже не писал.

Исполнить желание ваше — не могу, готовых к печати рукописей у меня нет. все уже розданы...» (т. 29, с. 438).

[4] См. письмо 6, прим. 1.

[5] См. письмо 5, прим. 4.

[6] «Красная новь», 1925, №№ 1—6.

[7] Осинский Н. (псевдоним Валериана Валериановича *Оболенского*, 1887—1938) — партийный работник, экономист, журналист и литератор. В двадцатые годы выступал в печати со статьями о современной литературе (см. статьи: «Побеги травы».— «Правда», 1922, № 95, от 30 апреля; № 117, от 28 мая и № 148, от 4 июля; «Литературный год».— «Правда», 1925, № 26, от 1 февраля; 1926, № 1, от 1 января).

Николай Николаевич *Фатов* (1887—1961) — литературовед, в то время профессор 2-го Московского университета по кафедре новейшей русской литературы. Пре-

увеличенные оценки Н. Фатовым значения некоторых писателей, например П. Романова (альманах «Прибой», № 1, Л., 1925), вызвали резкую критику Горького (т. 27, с. 149; т. 29, с. 440).

Лелевич Г. (псевдоним Лаборя Гилелевича *Кальмансона*, 1902—1937) — литературный критик, в 1923—1925 гг.— один из руководителей журнала «На посту», член редколлегии журнала «Октябрь».

Александр Константинович *Воронский* (1884—1943) — критик и публицист; с 1921 по 1927 г. редактировал журнал «Красная новь».

Валериан Павлович *Правдухин* (1892—1947) — критик, писатель; в 1924—1925 гг. заведовал литературным отделом журнала «Красная новь», автор сборников статей: «Творец, общество, искусство» (1923), «Литературная современность» (1926) и др.

[8] Писатели В. Г. Лидин и А. М. Соболь — сотрудничали вместе с Гладковым в «Новом мире». Летом 1925 г. оба были в Сорренто у Горького.

8.

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

Москва. 〈Январь, до 20-го, 1926 г.〉

Дорогой Алексей Максимович,

вместе с этим письмом посылаю вам заказной бандеролью «Цемент» в издании «Земля и фабрика» [1].

Если не считать некоторых опечаток, книга издана, при наших возможностях и издательских порядках, исключительно хорошо. Плохо только, что на обороте титула значится: «Собрание сочинений»... Недоставало еще — «Полное собрание»!.. Но это — не моя вина. Изд〈ательст〉во не посчиталось в этом отношении с моим желанием.

За ваши ценные советы я вам глубоко признателен [2]. По возможности, я постарался выполнить их. Я очень хорошо вижу свои недостатки: нужно было многое переработать, обтесать, отшлифовать; многое в книге не отражено, много, м〈ожет〉 быть, лишнего. Но эта повесть писалась при очень тяжелых условиях: в 1923—24 г. у меня не было ни отдельной комнаты (я жил с семьей в 4 чел〈овека〉 в дрянной конуре и работал только по ночам), ни средств к существованию, ни свободного времени (я учительствовал). И только великая любовь к литературе, которую не могли убить долголетние неудачи (это вы знаете), и моя писательская одержимость питали мою веру, волю и настойчивость. Мне сейчас — 40 л〈ет〉, но я чувствую, что я — болен, сильно надорван, и очень мне хочется отдохнуть, подкрепить себя. Одно поддерживает мою бодрость: все-таки не пропала даром моя борьба, все-таки мое упрямство победило (в большой степени в этом виноваты вы): свое место в литературе — пусть скромное — я отвоевал. И вот сейчас чувствую, как много хочется сказать: и о прошлом хочется писать, и о настоящем,— и прошлое и настоящее подавляют меня своей значительностью. Сколько пришлось видеть людей, событий, сколько было страданий, борьбы, боли, гнусности жизни, трагедий, радостей и надежд!.. Право же, будто несешь в себе всю Россию за последние 25—30 лет. Если бы удалось мне выполнить из того, что задумано, хотя десятую долю, я был бы очень счастлив; больно уж условия для работы плохи — до сих пор занят посторонней работой, постоянное недомогание, жилищные лишения и т. д., и т. п.

Ваше письмо сильно взволновало меня. Получить от вас такой хороший отзыв о моей работе [3] — для меня очень много значит. Ведь в нашей литературе вы — единственный писатель, который пользуется исключительным, непререкаемым авторитетом. Каждым вашим словом *живут* здесь не днями, а месяцами и даже годами. Но ваше слово для меня драгоценно и независимо от этого обстоятельства.

Разрешите только рассеять некоторые недоразумения в связи с вашими замечаниями. Сергей, по-моему, вовсе не слаб [4]. Он — интелли-

гент, но не тот шаблонный интеллигент, которого люди напостовского толка и большевики эпохи военного коммунизма привыкли именовать «мягкотелым», «гнилым», «импотентным» и т. п. По выдержке, по напряжению воли, по силе убеждения он сильнее многих из персонажей. У него только одна небольшая слабость (если это только слабость) — склонность к рефлексии, отнюдь не разъедающей. Я его писал с большой любовью. — «Бадьин — затяжелен». Но это — тип. Такие советские администраторы — почти всюду на местах. Это — порождение эпохи военн⟨ого⟩ коммунизма. — Выражение: «крой на ять» и др. в этом роде — не придумано мною, а взято из словесного арсенала рабочих-массовиков. Это — обычные словечки теперешнего рабочего.

Язык диалога мною выправлен, и югом уже пахнет слабо [5]. Тщательно пришлось пройти вообще по всей книге. Включено, впрочем, кое-что из того, что изъято Воронским (например, подглавка «Человек на подножном корму», целая глава: «Встреча покаянных» и кое-какие абзацы в разных местах книги) [6]. Мне было жалко расставаться с этими кусками.

Если найдутся у вас свободные минуты, не откажите просмотреть еще раз «Цемент» в целом виде. Судя по газетам и журналам, книга вызвала к себе большой интерес [7].

О литературных достоинствах «Цемента» отзывы в общем очень лестные. Хотя Воронский, напр⟨имер⟩, говорить о нем совсем не собирается и на одном литературном вечере высказал мысль, что «Цемент» интересен *не* литературными достоинствами, а только *темой*. Я не склонен приписывать это личной его неприязни ко мне (эта неприязнь у него есть). Тут — другое. Он вообще считает, что т⟨ак⟩ н⟨азываемые⟩ «пролетписатели» не способны сейчас создавать подлинную литературу [8]. Но ведь темы-то одной мало: надо все-таки уметь тему-то преподнести. Не только важно — «что», но и не менее важно — «как». Это — трюизм, а вот на этой почве идут бесконечные дискуссии. Потом ведь совсем неясно, что разумеют под именем «пролетписателей». Если это — писатели-марксисты, то это вовсе не предрешает вопроса о степени их способности создавать литературу; если это — писатели-рабочие, то опять-таки очень смело и преждевременно заявлять, что «из фасоли не вырастет древа». Я — марксист, партиец, революционер. Воспитывался на литературе классической, учился, читал, много работал над собою. Что же из этого следует? А следует, очевидно, то, что раз я отмечен клеймом «пролетписателя», то... «из фасоли не вырастет древа». В конце концов все это страшно надоело, и просто стыдно и гнусно от этой пошлости.

Я никогда не делил наших советских писателей на овец и козлищ. Напостовщина мне чужда[9], так же чужд и Воронский, замкнувшийся в «круговской» оранжерее[10]. Для меня наша теперешняя литература — едина. При видоизмененных формах классовой борьбы нет ни буржуазной, ни чисто пролетарской литературы. Есть революционная литература, внутри которой совершается напряженная молекулярная творческая работа, происходит непрерывный процесс творческого взаимодействия и соревнования, создается новый писатель, ищущий новых творческих путей. Это надо, наконец, признать и громко сказать вслух. Но вся беда в том, что нашей литературе недостает хорошей, талантливой, руководяще-воспитательской критики. Существующая же критика вносит только путаницу и занимается склокой, карьеризмом, личными счетами.

Если будет подходящая минута, не откажите в ответе.

Правда ли, что вы думаете приехать в Москву для организации журнала? Об этом здесь говорят как о достоверном факте [11].

Разрешите прислать вам и остальные две мои книжки [12], которые выйдут через месяц.

В очередной книжке «Нового мира» (журнал теперь реформирован, увеличен в объеме) [13] идет статья Белозерова, посвященная вашему пребыванию и вашей революционной работе в Нижнем. Приведен богатейший материал охранки. Идет также большая литературная статья о вас Д. Горбова (молодой, способный ученый) [14]. Было бы чрезвычайно важно получить от вас хотя бы небольшой отрывок из того, что написано вами. Хочется верить, что вы не откажете.

От подписчиков я получил более 200 писем, в которых они запрашивают редакцию, будет ли у нас печататься М. Горький. И я смело отвечаю: да, будет. Обнадежьте, пожалуйста [15].

С крепкой любовью Ф. Гладков

Мой адрес: Москва, Арбат. Староконюшенный пер., д. 33, кв. 2. Фед. Вас. Гладкову.

Очень большая к вам просьба. Я все время искал здесь одного из последних ваших портретов и нигде не нашел. Если у вас есть лишняя карточка — не откажите прислать мне с вашим автографом. Вы принесете мне большую радость. Пожалуйста.

Письмо датируется по времени выхода в свет первого издания романа «Цемент» и по письму Гладкова В. П. Полонскому от 19 января 1926 г., в котором сообщалось, что 19 или 20 января Гладков уезжает на два месяца лечиться в Севастополь (ЦГАЛИ, ф. 1328, оп. 1, ед. хр. 88).

[1] Ф. Гладков. Собр. соч., тт. I — III, М.— Л., «ЗиФ», 1926, т. III.— «Цемент».

[2] Речь идет о письме Горького Гладкову от 23 августа 1925 г. с замечаниями о «Цементе» (т. 29, с. 438—440).

[3] Горький писал: «Разрешите сказать несколько слов о „Цементе". На мой взгляд, это — очень значительная, очень хорошая книга. В ней впервые за время революции крепко взята и ярко освещена наиболее значительная тема современности — труд. До вас этой темы никто еще не коснулся с такою силой. И так умно» (т. 29, с. 438).

[4] В указанном письме от 23 августа 1925 г. Горький писал о Сергее: «Да, Сергей написан по шаблону — „интеллигент, значит — слаб и жалок". Вы всё забываете, что большевизм и творец его Вл. Ленин — это пришло из интеллигенции» (т. 29, с. 439).

[5] О языке «Цемента» Горький в этом же письме писал: «Язык диалогов весьма жив, оригинален и даже правдив. Я знаю этот язык. Но, видите ли, дело происходит в Новороссийске, как я понимаю. За Нов⟨ороссийском⟩ стоит огромная разноречивая, разноязычная Россия. Ваш язык трудно будет понять псковичу, вятичу, жителям верхней и средней Волги. И здесь вы, купно со многими современными авторами, искусственно сокращаете сферу влияния вашей книги, вашего творчества...» (т. 29, с. 439).

[6] Речь идет о тексте «Цемента» в «Красной нови», 1925, №№ 1—6.

[7] Гладков имеет в виду отклики на роман «Цемент», появившиеся в журналах: «Печать и революция», 1925, кн. 7; «Звезда», 1925, № 5; «Комсомолия», 1926, № 2; «Новая Россия», 1926, № 2; «На литературном посту», 1926, январь, и др.

[8] Речь идет об одном из основных теоретических положений Воронского, которое неоднократно высказывалось им в публицистических, критических статьях и выступлениях: «Пролетарского искусства сейчас нет и не может быть, пока перед нами стоит задача усвоения старой культуры и старого искусства ⟨...⟩ То, что называется пролетарским искусством, есть прежнее искусство, имеющее, однако, своеобразную целевую установку: быть полезным не буржуазии, а пролетариату» (А. Воронский. Искусство и жизнь. Сборник статей. М.— Пг., «Круг», 1924, стр. 99).

Что касается отношения Воронского к «Цементу», то Гладков пишет об этом далеко не объективно. Роман был впервые опубликован в журнале «Красная новь», редактором которого был Воронский. Впоследствии он писал о «Цементе» как о «незаурядном явлении в литературной жизни последних лет». Далее: «Гладков впервые в художестве взял темой восстановительные годы. ⟨. . .⟩ Этот период еще свеж в нашей памяти, мы еще не отошли от него, но Гладкову удалось окутать его легендой, своеобразной революционной романтикой и, следовательно, его опоэтизировать. В факте, прозаическом на первый взгляд, писатель сумел найти и драматизм, и огромное напряжение коллективной воли рабочих масс» (А. Воронский. Литературные портреты, 1929, т. II, стр. 215, 218).

[9] Имеются в виду ошибки тогдашнего руководства РАПП, выразившиеся в литературной политике журнала «На посту» (1923—1925) под редакцией Г. Лелевича, С. Родова, Б. Волина (сектантские тенденции — недооценка творчества так называемых писателей-«попутчиков», администрирование в руководстве пролетарской литературой и пр.).

Опубликованная в июне 1925 г. резолюция ЦК «О политике партии в области художественной литературы» осудила проявления комчванства в напостовских кругах. Гладков писал: «Со многими организационными и теоретическими установками РАПП, которые считал вредными, вел активную борьбу, за что подвергался свирепой травле ряд лет» (Из автобиографической заметки, написанной для Института мировой литературы в 1939 г. Отдел рукописей ИМЛИ).

[10] Под «круговской оранжереей» Гладков имеет в виду артель писателей «Круг» (1922—1929), объединившую в основном «попутчиков» — писателей и критиков. А. Воронский руководил изд-вом «Круг» и входил в правление артели. Многие писатели «Круга» активно участвовали в журнале «Красная новь», редактировавшемся до 1927 г. Воронским.

[11] Возможно, речь идет о предполагавшемся издании журнала «Собеседник» (см. «Летопись жизни и творчества А. М. Горького», т. 3. М., 1959, стр. 417).

[12] См. след. письмо.

[13] Журнал увеличился в объеме с января 1926 г., расширились отделы художественной литературы и критики.

[14] А. А. Белозеров. Из молодых лет Максима Горького (По новым материалам).— «Новый мир», 1926, №№ 3—4. Замечания Горького по этой статье см. в письме его к А. А. Белозерову от 24 апреля 1927 г. (т. 30, с. 21—23).

Статья Д. Горбова «Путь М. Горького» была опубликована в «Новом мире», 1928, №№ 3—4.

[15] До 1928 г. Горький в «Новом мире» ничего не публиковал. В 1928 г. в №№ 5—9 журнала печатался роман «Жизнь Клима Самгина» (вторая часть трилогии «Сорок лет»).

9

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

24 марта 1926.
Москва. Арбат. Староконюшенный пер., д. 33, кв. 2 — Фед⟨ору⟩ Васильев⟨ичу⟩ Гладкову.

Дорогой Алексей Максимович!

Посылаю две остальных моих книжки [1]. «Изгои» включают то, что написано до 18 года. «Пучина» — это рассказ, напечатанный вами в «Летописи» под заглавием «Единородный сын». Пьесы — неудачная попытка испробовать силы в области драматургии. Сборник «Огненный конь» — работа в течение всего 1922 года. Как бы ни была написана повесть «Огненный конь» — я все же люблю ее: я писал ее горячей кровью [2].

Получили ли вы «Цемент»? Я посылал его вам в Сорренто. Если не получили, я немедленно вышлю. Успех «Цемента» — исключительный. 10 000 разошлись в течение одного месяца. 2-е издание печатается в количестве 15 000 экз. То же самое и с остальными книжками. Читают доклады, устраивают диспуты. Очевидно, сумел попасть в точку. Но мое состояние таково, что будто меня судят за какое-то тяжелое преступление: ни радости, ни удовлетворения. И почему-то очень мне скучно от всего этого, Алексей Максимович. Точно я поглупел и поглупели все люди. Люди же иного лагеря, начиная от «Нов⟨ой⟩ России» [3] до густопсовых белогвардейцев (эмигрантов), сильно ругают. Это — веселее. Желчные люди всегда говорят остроумные вещи.

Не откажите в ответе: жду с величайшим нетерпением.

С тяжелым чувством думаю о нашей критике. Этот род литературы у нас еще не родился. Это — болото, где квакают лягушки. И сколько пошлости и фиглярства, боже мой!

В прошлом письме я просил вас о вашей фотографии. Не откажите прислать. Для меня она очень дорога. Простите за сентиментальность.

С любовью Ф. Гладков

Мрет у нас талантливая молодежь. Очень тяжело. Скорблю о Фурманове [4].

[1] Гладков послал Горькому два тома своего первого собрания сочинений: т. I. Изгои. Повести и драматические сцены, с надписью: «Дорогому Алексею Максимовичу Пешкову с великой любовью. Ф. Гладков. 24—III—26. Москва», т. II. Огненный конь. Повести и драмы, с надписью: «Максиму Горькому— человеку и писателю, который неугасимо освещал путь мой от ранней юности и изумительной своей жизнью давал мне пример бодрости и упорства в борьбе. Ф. Гладков. 24—III—26. Москва» (титульные листы с дарственными надписями хранятся в АГ).

[2] Впоследствии Гладков писал: «Ранее написанные повести „Огненный конь“ и „Пьяное солнце“ считаю порочными и чуждыми мне по духу и по форме и отвергаю их» («Автобиография», т. I, стр. 14). «Пьяное солнце» было опубликовано в «Новом мире», 1927, №№ 8—9.

[3] Общественно-политический литературно-художественный журнал «Новая Россия», выходил под ред. И. Г. Лежнева в Петрограде в 1922 г., затем в Москве до 1925 г. под названием «Россия», и в 1926 г. вновь под названием «Новая Россия» (вышло только три номера).

В № 2 «Новой России» был помещен отзыв о романе Гладкова «Цемент»: «Замысел автора — показать пафос строительства в его буднях. Эта крайне трудная художественная задача вряд ли удалась молодому автору, склонному по форме к старому бытописательству» (заметка в отделе библиографии).

[4] Дмитрий Андреевич Фурманов умер 15 марта 1926 г.

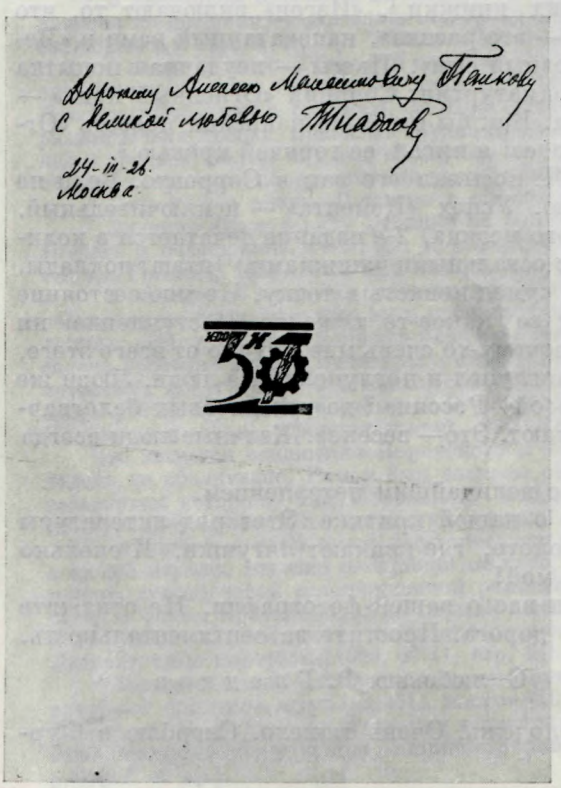
10

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

Москва, Арбат, Староконюшенный 33, кв. 2.
16—IV—26.

Дорогой Алексей Максимович!

Нужно ли говорить вам, какое значение имеют для меня ваши письма? Они окрыляют меня, насыщают силой, бодростью, верой и, чёрт возьми, еще бóльшим упрямством [1]. Нужно ли говорить, что каждое ваше письмо,



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ Ф. В. ГЛАДКОВА ГОРЬКОМУ НА ПЕРВОМ ТОМЕ «СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ» (М., 1926):

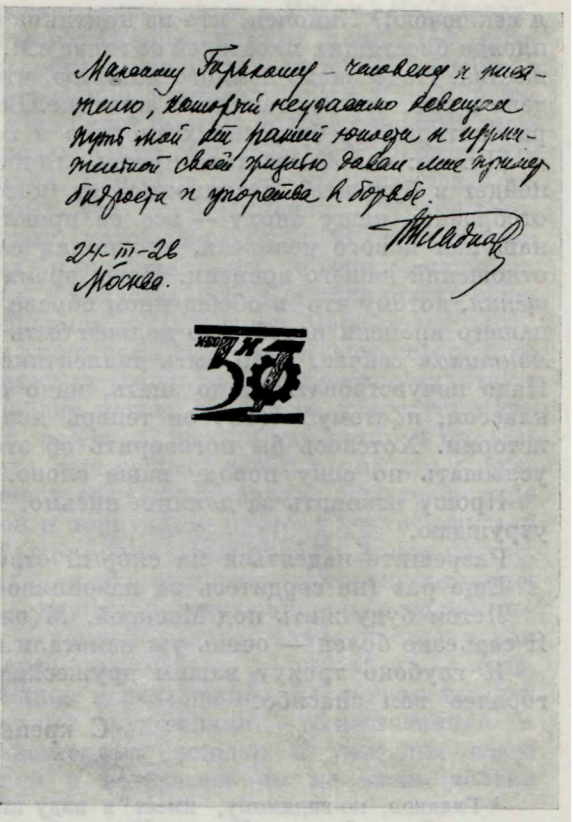
«Дорогому Алексею Максимовичу Пешкову с великой любовью. Ф. Гладков. 24—III—26. Москва».

Архив Горького, Москва

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ Ф. В. ГЛАДКОВА ГОРЬКОМУ НА ВТОРОМ ТОМЕ «СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ» (М., 1926):

«Максиму Горькому — человеку и писателю, который неугасимо освещал путь мой от ранней юности и изумительной своей жизнью давал мне пример бодрости и упорства в борьбе. Ф. Гладков. 24—III—26. Москва»

Архив Горького, Москва



это — событие не только в моей жизни, но и в жизни писателей. Характерно, что люди быстро пронюхивают о новом вашем письме, и от них нет отбою несколько дней.

Я очень покаялся, что послал вам две последние свои книжки: большинство из того, что там собрано,— дрянь. Уж лучше не читайте,— мне стыдно. Может быть, только кое-что из «Огненного коня» написано кровью, да из рассказа «Зеленя» — несколько строк, да из «Пучины»—несколько строк. А «Изгои» и глупые пьесы — сплошная ерунда. Я знаю свои недостатки и чувствую их до физической боли. Не теряйте времени даром — не читайте [2], выбросьте их, как хлам.

Принялся я опять за большую повесть. Когда ее напишу — не знаю[3]. Все будто бы ярко — и люди, и картины, и события, а начинаешь работать — ничего не выходит: плохо, бледно, и слова какие-то беспомощные, ничтожные, бескрасочные, скучные. Все дело в том, что слишком много у меня препятствий для регулярной работы. Целый год один вез на себе «Нов〈ый〉 мир» — не написал ни строки. Провел его реформу, сбил портфель [4], — поехал лечиться. Недавно убедил И. И. Скворцова освободить от работы [5]. Но не успел отдохнуть — запрягли в партработу. 〈...〉

«Маститый» А. Лежнев (*не* из «Н〈овой〉 России») [6] продолжает «создавать» критику. Недавно он изрек такую истину, что если допустить, что у нас критика плоха, то это потому, что плоха литература, ибо «каждая критика достойна своей литературы»: Белинскому соответствовали Пушкин и Гоголь, Тэну — Флобер и Золя. А кто из писателей — разночинцев в 60-х гг. соответствовал Добролюбову, Чернышевскому и Писареву? А кто из народников 70-х гг. соответствовал Михайловскому (Успенского

я исключаю)? Наконец, кто из критиков соответствовал в 900-х гг. целой плеяде блестящих писателей во главе с М. Горьким? Скучно от этого невежества. Надо знать немного историю, чтобы не говорить глупостей. Все дело в том, что нет таланта в критике. Ведь это — особый род литературы, который требует своих творцов и вождей.

Думаю: какой писатель нужен для нашего времени? Какой писатель пойдет в будущее? Несомненно тот, который способен глубоко и ярко отобразить нашу эпоху — все ее проклятые вопросы и идеалы,— кто нащупал нового человека, кто понял самую сердцевину общественных отношений нашего времени. Наше время требует художественного *обобщения*, потому что в обобщенном образе — дыхание будущего. Писатель нашего времени неизбежно должен быть *романтиком*. А чтобы быть *романтиком* сейчас, надо быть диалектиком (в марксистском понимании). Надо почувствовать, надо знать, надо органически слиться с рабочим классом, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ он теперь является главным героем мировой истории. Хотелось бы поговорить об этом побольше, но... Очень хочу услышать по сему поводу ваше слово.

Прошу извинить за длинное письмо. Ведь вы очень заняты, а я вас утруждаю.

Разрешите надеяться на скорый ответ.

Еще раз (не сердитесь за назойливость!) напоминаю о фотографии.

Летом буду жить под Москвой. М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, поеду и на Волгу. Я серьезно болен — очень уж измотали меня эти годы.

Я глубоко тронут вашим дружеским участием ко мне — большое, горячее вам спасибо.

С крепкой любовью
Ф. Гладков

[1] Гладков, по-видимому, имеет в виду письмо Горького от 3 апреля 1926 г., в котором Горький писал: «Успеху „Цемента“ я — рад. Уверенно думаю, что служебное, социальное значение этой книги будет очень значительно. Она должна многих воспитать. Я уже писал, кажется: честь вам, вы первый взяли тему „труд“ и сумели разработать ее с пафосом. Это вам зачтется» (т. 29, с. 460).

[2] В этом же письме Горький писал: «Все ваши книги я получил, дорогой Федор Васильевич, а прочитать еще не успел...» (т. 29, с. 460).

[3] Речь идет о повести «Старая секретная», которую Гладков набросал вчерне в начале первой мировой войны и вернулся к ней вторично в 1925—1926 гг. (см. «Автобиография», т. I, стр. 13). «Старая секретная» впервые была напечатана в «Новом мире», 1927, №№ 1—3.

[4] Речь идет о реорганизации журнала «Новый мир». См. письмо 8, прим. 13.

[5] В журнале «Новый мир».

[6] А. Лежнев (псевдоним Абрама Захаровича *Горелика*) (1893—1937) — критик, теоретик литературной группы «Перевал».

11

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

Москва. 5—V—26.
Арбат, Староконюшенный, 33, кв. 2.

Дорогой Алексей Максимович!

Жду тщетно от вас ответа на мое письмо и вашу фотографическую карточку, которую вы твердо обещали выслать на Пасхе. Настойчиво прошу вас сделать это, хотя бы эта настойчивость и вызвала у вас досаду. Не отстану, ей-богу!

Вы, вероятно, уже слышали о последнем нашем литературном событии. Это — конфискация 5-й кн⟨иги⟩ «Нов⟨ого⟩ мира» с рассказом Пильняка «Повесть непогашенной луны» [1]. Рассказ посвящен смерти Фрунзе,

но так преподнесен, что действительно тошно читать. Ив⟨ан⟩ Ив⟨анович⟩ Скворцов склонен видеть в нем изображение сильных личностей, рожденных великой революцией и способных на всякие жертвы. Я же вижу в нем только полное отсутствие творческой фантазии автора (которой он, кстати сказать, никогда не имел и не будет иметь), полное незнание того, что он описывает, и рабское использование обывательских сплетен, которые созданы вокруг этого события. Вся соль в том, что рассказа в редакции не читали, а пустили потому, что это — Пильняк... Кроме того, рассказ Пильняк читал Воронскому, который одобрил. В связи с этим положение Воронского одно время было безнадежно, но теперь, кажется, он остается, хотя и с выговором и с обязательством опубликовать в печати письмо с выражением «презрения» к Пильняку. Чёрт знает что!.. Из всего этого следует одно, что грош цена тому писателю, который не знает своей эпохи, людей этой эпохи (а теперь наше искусство вплотную подошло к человеку), острых проблем наших дней и не чувствует мощного дыхания будущего. Никогда, кажется, не был так четко и определенно поставлен вопрос о писателе, как сейчас: чтобы познать и почувствовать нашу сложнейшую, катастрофическую эпоху, писателю надо быть в полном смысле диалектиком и политиком, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ никогда еще так остро не ставились в искусстве социальные проблемы, как сейчас. Только тот писатель сейчас имеет большую ценность, который органически вышел из революции и сам — глубокий революционер, в нашем понимании, конечно. Несмотря на огромный талант, такие писатели, как Есенин или, скажем, Бунин,— уже рудименты, и гибель их — явление хотя и грустное, но естественное и неизбежное. Вот почему вы, так могуче насыщенный всеми дарами художника — общественника и революционера — являетесь единственным вождем и учителем всего теперешнего поколения писателей и останетесь им на очень долгие времена.

Я очень часто думал: что, если бы вы громко сказали свое слово в сторону нашей ⟨так⟩ наз⟨ываемой⟩ критики? Как она нуждается в окрике и руководительстве! Ее нужно не только направить, но и создать. Нет ничего более легкомысленного, неавторитетного, беспринципного, рептильного и беспредельно тупого, как эта чванливая, самоуверенная орда! А как вспомнишь, что в прошлом был пламеннейший и благороднейший Андреевич[2] (хотя бы) — и очень грустно становится на душе от «бедности, бедности и несовершенства»[3] нашей критики. Я хотел бы услышать от вас ваши мысли по этому поводу. Ведь такие критики, как Лежнев и ему подобные, способны заразить неизлечимой идиосинкразией против этого рода литературы.

Советом вашим о поездке по Волге воспользоваться не мог: нет денег — «ЗиФ»[4], как и все издательства, держит в черном теле — не платит денег и обжуливает, как отъявленный кулак. Живу под Москвой, в деревне, а работаю много и с упоением. Пишу, во-1-х, большую повесть из современности, во-2-х, ряд небольших рассказов о былом[5]. Дышу полной грудью березовым и липовым воздухом и купаюсь в зелени. Читаю, но, как обычно,— беспорядочно. Нервно болен довольно сильно. Еще до сих пор не оставляют (и, вероятно, долго не оставят) в покое партийные комиссии по расследованию моего революционного и иного прошлого, несмотря на помощь и защиту таких людей, как И. И. Скворцов. Хотел уже залезть в нору, чтобы не тревожили и не мучили, но Ив⟨ан⟩ Ив⟨анович⟩ толкает дело довести до конца.

Все мои «сочинения» вышли 2-м изданием: «Цемент» — в 15 000, а остальные в 7000. Сейчас, как и раньше, спрос необыкновенный. Всюду — дискуссии и толпы читателей в очередях. А читатели — *все*, без различия классов, возрастов и образования. И что особенно интересно — читают

партийцы, которые вообще ничего не читают, кроме газет, ведомственной и профессион⟨альной⟩ литературы. Некий Уманский прислал предложение перевести меня на немецкий язык (из Мюнхена).

Как ваше здоровье? Обязательно сообщите. Думаете ли приехать к нам и как *скоро*?

С крепкой любовью
Федор Гладков

[1] Рассказ Б. Пильняка вызвал возмущение всей советской общественности. Отрицательно отозвался о нем и Горький, который писал А. Воронскому 24 июля 1926 г. «Вашей истории с Пильняком не могу понять. В чем дело? К П⟨ильняку⟩ я отношусь отрицательно, это плохой литератор. „Без души", без любви к делу своему и с какой-то двусмысленной усмешечкой ⟨...⟩ Рассказ его мне очень не понравился именно двусмысленностью...» (АГ). Воронский, которому был посвящен рассказ, отказался от посвящения в письме в редакцию «Нового мира» («Новый мир», 1926, № 6). Б. Пильняк послал в редакцию «Нового мира» письмо с признанием ошибочности «Повести непогашенной луны» (см. «Новый мир», 1927, № 1).

[2] Андреевич (псевдоним Евгения Андреевича *Соловьева*, 1863—1905) — критик и публицист, автор ряда работ о Белинском, Л. Толстом, Горьком и книг «Очерки по истории русской литературы XIX века», «Опыт философии русской литературы».

[3] Слова из поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» (т. II, гл. 1).

[4] Государственное акционерное издательское общество «Земля и фабрика», возникшее в 1922 г.; с 1926 г. издавало исключительно художественную литературу. В этом издательстве выходило первое собрание сочинений Гладкова.

[5] Вероятно, речь идет о романе «Энергия» и повести «Старая секретная».

В статье «В творческой лаборатории» (по поводу работы над «Цементом» и «Энергией») Гладков писал, что первые мысли об «Энергии» зародились вскоре после выхода в свет «Цемента» в 1926 г. (Ф. Гладков. О литературе. М., Гослитиздат, 1955, стр. 24). См. также письмо 10, прим. 3.

12

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва.⟩ 22—X—26.

Дорогой Алексей Максимович!

В статье Воронского о «Чертухинском балакире» («Кр⟨асная⟩ новь» 10) приведена выдержка из вашего письма, в котором вы указываете на разноречие в литературе по отношению к деревне[1]. Разноречие это, конечно, вполне понятно и исторически оправдано. К слову сказать, меня интересует этот вопрос с другой стороны: а не намечается ли такое разноречие в литературе и по отношению к рабочему как строителю будущего? Скептическое отношение к нему более ощутимо в западной литературе. Не говоря о рукописях, не увидевших света (их мне пришлось читать довольно много), иногда и у наших литераторов приходится встречать что-то вроде неверия в творческие силы рабочего класса (именно как настроение, а не тенденция). Что касается поэтизации рабочего как «бунтаря во имя социализма», то приходится зажимать уши от фальшивых визгов и оглушительной «уры» во славу победоносного пролетариата. Пишется много рассказов и поэм на эту тему, но как это все — казенно и безграмотно! «Бунт во имя покоя» — это верно сказано, и об этом больше всего пишут наши писатели. Но «бунт во имя будущего» — это написать невероятно трудно.

Еще большее разноречие и у критиков и теоретиков искусства. Сколько мне пришлось наслушаться за эти годы пессимистических тирад насчет способности рабочего класса к созидательному труду «на тысячелетия». Один известный критик и редактор большого журнала, старый партиец, горячо и убежденно заявил однажды, что пролетариат (и наш, конечно) и впредь останется только «Джимми Хиггинсом»[2], ибо у него нет ни сил, ни знаний, ни культуры — он ничтожная кучка среди миллионных масс

крестьянства. В конечном счете и основные темы в художественной литературе намечаются и определяются этими крестьянскими массами. Поэтому, мол, мы и будем пока пробавляться и ехать на мелкобуржуазной литературе. Рано, мол, еще нам мечтать не только о коммунизме, но и о социализме. Поэтому всякая попытка художественного изображения этого «бунта во имя будущего», «работы на тысячелетие» — чистая утопия: из этого ничего не получится, кроме квасной агитки, халтуры и лганья.

Лично я решительно возражаю против этого утверждения. Я считаю, что «поэтизация созидающего труда» — это коренная задача художественной литературы нашего времени. Вот почему, несмотря на недостатки «Цемента», он захватил, взволновал самые широкие массы рабочего читателя. Целые хвосты в библиотеках, диспуты в рабочих клубах, 40 тысяч экземпляров, выброшенных на рынок. Я думаю, что это — не случайность, а явление большого общественного значения.

Причина того, что, напр⟨имер⟩, о моем «Цементе» не было ни одной строки в «Кр⟨асной⟩ нови», объясняется просто: Воронский не признает за ним художественной и общественной значимости, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ попытку поэтизации труда — этого бунта на века — считает безнадежной, хотя это обстоятельство почему-то не помешало ему печатать роман в своем журнале.

Вот тут-то и смущают меня следующие ваши слова из того же письма, которое приводит Воронский [3]: «Цемент» — произведение не художественное в принятом смысле слова, но и не чисто «агитационное»... Прожил я 43 года, учился у достойнейших учителей-художников пониманию основ художественного творчества, а теперь после ваших слов в башке — полный кавардак. Ничего не понимаю. До сих пор я привык думать, что я знаю, что такое художественное произведение, а теперь я точно кувыркаюсь в воздухе. Что значит «принятый смысл слова»? А по этому «принятому смыслу слова» произведения Л. Толстого, М. Горького, Достоевского — художественные произведения? Вероятно, нет.

Создание силою слова живых людей, уменье влить в них огненный дух эпохи, передать трепетание жизни в образе и т. д.— относится ли это к признакам художественного произведения? Думаю, что — да. Я знаю рабочие массы, знаю, чем дышит наше время, знаю, что такое «бунт» — «работа на тысячелетие». И за работу свою (не только над «Цементом», но и над «Огнен⟨ным⟩ конем») брался уверенно и вдумчиво. Пусть работа немного торопливая (таковы условия), но работал я честно, как художник, и не лгал ни в одной фигуре, ни в одном образе. А теперь оказывается, что это противоречит «принятому смыслу слова»... Нет, расколите мне череп, но то, что я делал,— художественное произведение.

Потом я не понимаю еще одного. В одном письме вы писали мне: «Язык диалогов весьма жив, оригинален и даже правдив. Я знаю этот язык... но... вы сокращаете сферу влияния вашей книги...» и т. д.[4] Теперь же вы пишете: «...поэтизация созидающего труда, ... достаточно корявая, неубедительная в диалогах»... Как согласовать эти две оценки?

Я люблю поэзию народного говора, знаю множество наречий и чувствую своеобразную их прелесть. В романе говорят двое-трое на местном наречии, остальные — нет. Согласен, что увлекаться этим не следовало. Я это понял, и во 2-м издании, по возможности, устранил,— вернее, смягчил жаргон. Но это не значит, что я не смог справиться с диалогом. Над диалогом я работаю много и долго и стараюсь довести его до совершенства. И если вы находите в одном случае его «живым, оригинальным и даже правдивым», а в другом — «корявым и неубедительным», то я — в затруднении, как согласовать эти обе характеристики [5].

Прошу извинения за эти строки. Они написаны под впечатлением того гвалта, который поднялся после выхода 10 кн⟨иги⟩ «Кр⟨асной⟩ нови».

До чего осатанела публика! Прежде всего многие не могут простить мне моей, чёрт бы ее побрал, «славы». Вот вся эта публика и свистит злорадно, с ехидством:— «А знаешь, Воронский бьет уже словами Горького»...— «Что, брат? Горький-то развенчал вдрызг твой „Цемент“ — не художественно, говорит»...— «В Союзе писателей говорят... В редакции „Нов⟨ого⟩ мира“ говорят... В „Кр⟨асной⟩ нови“ говорят...» Так надоело — мóчи нет.

Все это, разумеется,— чепуха: замолчат.

Воронский находит, что «Чертухинский балакирь» — произведение большой общественной и художественной значимости и пишет о нем большую статью[6], а вот «Цементу» он в этом отказывает. В чем дело? С одной стороны, он печатает его в своем журнале, а с другой — выступает публично и заявляет: литературных достоинств в нем нет, хотя тема исключительно талантливая (подлинные слова). Ничего не понимаю в этой абракадабре.

Что бы там ни было — буду работать до последнего издыхания. Когда-то вы мне писали: «работайте, не щадя сил», и я крепко следую этому вашему совету.

Дорабатываю сейчас повесть из прошлого (политическая тюрьма), но эта работа почему-то недостаточно волнует меня. А вот роман из современности захватил целиком. Кончу его, вероятно, не ранее, чем через год[7].

Вы обещали свой последний снимок с автографом и — не выслали.

С любовью
Ф. Гладков

Мой адрес: Москва, 34, Арбат. Староконюшенный, д. 33, кв. 11.

[1] Автор «Чертухинского балакиря» — Сергей Клычков (псевдоним Сергея Антоновича *Лешенкова*, 1889—1941). Стихи и романы Клычкова были проникнуты идеализацией старого деревенского быта, неприязнью к тому новому, что принесла революция в жизнь крестьянина.

В статье А. Воронского «Лунные туманы» о романе Сергея Клычкова «Чертухинский балакирь» («Красная новь», 1926, № 10) приведены следующие слова из письма Горького к Воронскому от 17 апреля 1926 г.: «Мне кажется, было бы своевременным отметить в текущей литературе разноречие двух отношений к деревне, наметившихся уже довольно определенно: поэтизация деревни, нисходящая до сочинений Златовратского и иже с ним, и скептическое отношение к деревне, напоминающее Слепцова. Я говорю не о тенденциях, они еще не слышны, а о настроениях,— это уже есть. Как хотите думайте,— но все-таки человек бунтует для того, чтобы достичь покоя. Поощрять его в этом не следует. Ты, милый, бунтуй, не забывая, что это — работа навсегда, на тысячелетия...»

[2] Вероятно, речь идет об А. Воронском. В одной из автобиографий Гладков писал: «... в Москве, когда я пришел в редакцию толстого журнала, я встретил неласковый прием⟨...⟩ Когда я пришел через месяц с целью взять рукопись, редактор выразил удовольствие от рассказа. Но и до сих пор у него осталось осторожное, я бы сказал, холодное отношение ко мне, как и ко всем писателям „Кузницы“. Обычные его слова: „Вы ничего не можете сотворить нового, пролетарские писатели! Мы пока будем пробавляться мелкобуржуазной литературой. Идеалы коммунизма отодвинулись от настоящего дня в бесконечность. Вам нечем питаться, и вы будете писать о Джимми Хиггинсах. А вот Пильняк, Вс. Иванов, Малышкин — люди, которые пишут так, как не писал никто за эти 15—20 лет» (Л. М. Клейнборт. Очерки народной литературы. Л., 1924. См. также Ф. В. Гладков. Автобиография, т. I, стр. 206).

Джимми Хиггинс — герой одноименного романа американского писателя Эптона Синклера.

[3] «...Я встретил „Цемент“ Гладкова — произведение не художественное в принятом смысле слова, но и не чисто „агитационное“ — с радостью, потому что это у нас первая попытка поэтизации созидающего труда и хотя достаточно корявая, неубедительная в диалогах,— но сопоставьте-ка ее с гекзаметрами Златовратского, которыми он написал картину косовицы в „Устоях“, или с гекзаметрами Радимова, с „Сахарным немцем“ Клычкова...» («Красная новь», 1926, № 10).

[4] См. письмо Горького от 23 августа 1925 г. (т. 29, № 799).

[5] В ответном письме от 30 октября 1926 г. Горький подчеркнул свою высокую оценку «Цемента», но повторил упрек в засорении романа провинциализмами, местными речениями: «Из того, что вы „любите поэзию народного говора", еще не следует, что вы любовь вашу можете втискивать в язык литературный. „Говоров" у нас десятка два, но классики наши не пользовались ими, хотя и восхищались. Нет, тут вы не правы» (т. 29, с. 482).

2 ноября 1926 г. Горький написал Воронскому: «Гладкова, кажется, очень задела опубликованная выдержка из моего письма 〈...〉 Его „Цемент" — по теме, по пафосу темы — вещь в нашей литературе новая. Это следовало бы отметить» (АГ).

А. С. НОВИКОВ-ПРИБОЙ, П. Г. НИЗОВОЙ, А. П. ЧАПЫГИН, Ф. В. ГЛАДКОВ

Фотография 1932 г.

Собрание Т. Н. Гладковой, Москва

[6] В письме Гладкову от 30 октября 1926 г. Горький писал: «Клычков написал книгу хорошую, но художественная ее значимость несколько преувеличена Воронским, а „философская" — недостаточно освещена. Клычков от „миллионных масс крестьянства", а мои симпатии навсегда с „ничтожной кучкой" городского пролетариата и с интеллигенцией» (т. 29, с. 482).

[7] См. письмо 11, прим. 5.

13

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва.〉 20—XI—26.

Дорогой Алексей Максимович!

Вы напрасно упрекаете меня в том, что я будто бы обиделся на вас, мне только показалось, что в ваших оценках моей повести есть некоторые противоречия. Мне хотелось, чтобы вы разъяснили мне некоторые недоуменные вопросы. И только. Обижаться в таких случаях было бы дикой глупостью с моей стороны.

А за то, что вы немножко и строгонько пробрали меня в своем письме [1] — за это большое спасибо.

Вы совершенно правы, когда говорите, что самокритика и есть самая настоящая критика [2]. Не думайте, что я самообольщаюсь и переоцениваю

свои силы. Наоборот, я слишком, кажется, ослабляю себя чрезмерным неверием в свою способность к художественной работе. Разве я не знаю, что я — еще очень плохой писатель? Мало того, я с болью прихожу к мысли, что я — еще не писатель, что едва ли из меня даже выйдет писатель. Бывают времена, когда я каменею на недели, на месяцы, и тогда мне жутко жить, не хочется жить.

Конечно, я был бы чистый балда, если бы по-бычьи упирался на одном месте, утверждая, что тот диалог, который я ввел в «Цементе», а в особенности в «Огненн⟨ом⟩ коне»,— диалог с «широкой сферой влияния». При 2-м и 3-м издании книги я почти совсем устранил элементы жаргонности. Ваше разъяснение получено, и я удовлетворен.

Насчет понятия «художественности» [3]. Мне не спорить с вами о том, что такое художественное произведение. Однако это понятие, очевидно, еще не совсем ясно для многих. Бестолково и по-разному подходили к определению «интеллигенции» и, кажется, ни к чему не пришли. Это было давно, и это было недавно. Сейчас на все лады определяют «сюжет». А завтра опять будут толковать и вкривь и вкось о том, что такое «художественное произведение». Ваше определение этого понятия, по-моему, относится больше к формальной стороне произведения. Конечно, *как* сделано произведение— имеет первостепенное значение. Но этим, я думаю, не вполне определяется понятие «художественности». Тогда главная масса нашей литературы, начиная от Гоголя, будет, по общепринятому смыслу слова, мало художественна. А между тем это — не так. Вы сами же противопоставляете «художественное» «агитационному», т⟨о⟩ е⟨сть⟩ грубо тенденциозному. Поэтому не является ли одним из главных признаков художественного произведения — «правдоподобность», которой не может отрицать даже заядлый формалист [4]. Эта самая правдоподобность и есть то трепетание жизни, которое в произведении силою образа создает иллюзию подлинной жизни, причем эта иллюзия тем сильнее, чем образ гуще типизирован. Этот признак — величина постоянная, а форма — функция переменная. Но и то и другое диалектически развивается в зависимости от изменений общественных отношений. И ваше заявление о том, что вы за 35 лет не написали ни одного рассказа, который удовлетворял бы формальным требованиям «в общепринятом смысле слова», я рассматриваю, как известное евангельское изречение: «будьте совершенны, как совершенен отец ваш небесный». Но кто, откровенно говоря, из писателей за все время нашей литературной истории — совершенен? Может быть, только придется отметить с некоторыми оговорками А. П. Чехова. А между прочим, кто будет оспаривать, что М. Горький — не только наша, но и мировая гордость? И все «несовершенства» его мы с удовольствием ему прощаем («несовершенства» «в общепринятом смысле слова»). И М. Горький, несмотря на его сетования, был, остается и будет огромным художником, на котором воспиталось целое поколение писателей и будет воспитываться еще несколько поколений. Только одно горько и больно, что он, М. Горький, далеко от нас — там, где гнилая и гнусная эмиграция. Я лично с этим никак не могу примириться. Разве ему было бы хуже у себя дома, где его любят, где его считают родным, где о нем позаботились бы с исключительным вниманием и трогательным участием.

Да. «Режим экономии» в художественном слове должен проводиться обязательно. Надо, хоть тресни. Мы, дорогой Алексей Максимович, строим новую литературу с таким же трудом, как строим социализм. А социализм мы строим. Это — факт. И построим, чёрт возьми! Никакие злопыхательства нам не помешают. И вот ваше руководство в «строительстве» нашей молодой литературы, со своим стилем, со своими темами — дело огромной важности. Ведь новая литература идет от вас и через вас —

это вы достаточно хорошо знаете. Но как тяжело, что недостает непосредственного общения с вами!

Я очень тронут вашим ласковым отношением ко мне. Вы все-таки считаете меня художником, хотя бы и не «в общепринятом смысле слова» (не сердитесь!). Что ж, будем работать и работать, будем учиться и посильно стремиться к совершенству: м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, что-нибудь и выйдет, а не выйдет — значит, была тонка кишка.

Этим летом написал рассказ листов на 6 — «Старая секретная» — политическая тюрьма 20 лет назад. Пойдет с январской книжки «Нового мира». А сейчас сижу за новым романом, который охватывает последние три года. Хочется художественно отразить многие острые и проклятые вопросы современности. Просижу над этой книгой не меньше года [5].

Хочется знать, как вы смотрите на нашу жизнь, на все наши переплеты, на наше будущее. Верите ли вы? Вполне ли вы с нами?[6] Мысли не допускаю, чтобы вы, друг Владимира Ленина, были против нас, как это стараются доказать некоторые из ретивых, стопроцентных «ультралевых» (а м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, скрытых «правых»?)[7].

Жму вашу руку.

Ну, пришлите же вашу последнюю фотографию, хотя бы и маленькую, без паспарту. Я уж, поверьте, позабочусь о том, чтобы предоставить вашему изображению все удобства. Вы этому, очевидно, не придаете значения, а для ⟨меня⟩ это — дело большой важности. Неужели опять откажете?

С крепкой любовью
Ф. Гладков

Адрес: Москва, 34, Староконюшенный, 33, кв. 11, Федору Васильевичу Гладкову.

[1] Речь идет о письме от 30 октября 1926 г. (т. 29, № 836).

[2] О пользе самокритики для писателя Горький писал Гладкову неоднократно. Так, например, в письме от 3 апреля 1926 г.: «Мне очень радостно знать, что успех не оглушил вас и чувства самокритики — не понизил. Самокритика и есть самая строгая критика, да и самая полезная» (т. 29, с. 460).

[3] «„Художественным“ произведением,— писал Горький Гладкову,— принято называть произведение, написанное без лишних слов, без ненужных деталей, экономно и целомудренно» (т. 29, с. 481—482).

[4] В письме от 30 ноября 1926 г. Горький отвечал: «Формалисты здесь — „не при чем“, они не с этой стороны плохи, и это не их тема, а „правдоподобность“ для художника — дело опасное. Золя, Гонкуры, наш Писемский — правдоподобны, это так, но Дефо — „Робинзон Крузо“ и Сервантес — „Дон-Кихот“ ближе к истине о человеке, чем „натуралисты“, фотографы» (т. 29, с. 484).

[5] См. письмо 11, прим. 5.

[6] В ответном письме от 30 ноября 1926 г. Горький писал: «Вы спрашиваете: „вполне ли“ я с вами? Я не могу быть „вполне“ с людьми, которые обращают классовую психику в кастовую, я никогда не буду „вполне“ с людьми, которые говорят: „мы, пролетарии“, с тем же чувством, как, бывало, другие люди говорили: „мы, дворянство“. Я уже не вижу в России „пролетариев“, а вижу — в лице рабочих — настоящих хозяев русской земли и учителей всех других жителей ее. Первое пора уже понять и пора этим гордиться, а второе требует осторожного обращения со всяким человеком, дабы „всякий человек“ не имел права сказать, что рабочий не организатор и руководитель новой жизни, а такой же тиран, как всякий иной диктатор, да и глуп так же. В частности, позиция, занятая рабочим, вовсе не требует, чтобы он воровал, хулиганил, насиловал девиц и бил докторов.

Но я „вполне“ с теми, кто, не взирая на адову трудность жизни, на свои личные муки, делает великое дело организации России как страны, из которой на всю *нашу человеком созданную землю* должна излиться и уже изливается энергия творчества. Я — с теми, кто уже научился ставить в пять лет времени предприятия, которые при старом режиме не осуществились бы и в 20 лет. С теми, кто чувствует поэзию и понимает значение свободного труда. Когда я получаю „Рабочую“ и „Крестьянскую“ газеты с их бесчисленными и умными приложениями, я — горжусь: нет страны, где такое явление было бы возможно, где умели бы *так* всесторонне заботиться об интересах народа. То, что делается сейчас на Руси, отсюда, издали, виднее, и это изумительная работа. Тяжело, конечно, видеть, как быстро, один за другим, угасают наши лучшие

люди, тяжело терять Красиных. Я его знал 23 года, это большой человек. Но — что же делать? Придут другие такие же, должны придти.

В Италии я живу потому, что, живя в России, не работал бы, а ездил из города в город, ходил из дома в дом и — разговаривал. И — обязательно, неизбежно, крепко ссорился бы со множеством разных людей, а особенно с литературными критиками, которые по умственной слепоте и духовной малограмотности своей не могут все еще понять, какое удивительное явление современная наша литература и как надобно любить и беречь нашего литератора, молодого человека с опытом полувекового старика.

Вот вам, милый Ф〈едор〉 В〈асильевич〉, мой ответ на ваше славное, дружеское письмо.

Крепко жму руку» (т. 29, с. 484—485).

[7] Возможно, Гладков имеет в виду некоторых писателей из круга Лефа. См., например, статью Н. Чужака «Новый роман М. Горького», в которой отрицательно оценивается изображение Октябрьской революции в «Деле Артамоновых» и говорится об оторванности Горького от современности («Жизнь искусства», 1926, № 34). 8 ноября 1926 г. на вечере поэтов Лефа Маяковский прочел свое стихотворение «Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому», напечатанное позднее в журнале «Новый Леф», 1927, № 1.

14

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

Москва 34. 25—I—27.
Староконюшенный пер., д. 33, кв. 11.

Дорогой Алексей Максимович!

Писать вам, а тем более получить от вас письмо для меня — большое событие. Вот и сейчас хочется сказать вам что-то важное и хорошее, а изложить в маленьком письме свои мысли не хватает пороху. Каждое ваше письмо — полно большого содержания: это — настоящее художественное произведение, которое волнует и всегда запоминается почти дословно. Из этого, очевидно, следует, что к письмам надо относиться так же вдумчиво и серьезно, как к произведению, которое требует немалого напряжения сил. Уметь написать письмо — значит уметь вообще хорошо писать. А я вот за 25 лет работы этому еще не научился.

Поводом к этому письму послужило следующее обстоятельство. С неделю тому назад какой-то незнакомый голос сообщает по телефону, что для меня у него есть посылка от М. Горького. Какой-то капитан возвратился из Италии и привез ее в Ленинград, а из Ленинграда она направлена мне с этим человеком. Я мог установить только одно, что фамилия этого человека — Корнилов, что адрес мой он знает и сам занесет посылку на следующий день в такое-то время. И вот до сих пор таинственный Корнилов не явился. Этому телефоническому Корнилову я, представьте, сразу поверил, тем более, что я продолжал ждать от вас обещанной фотографии. Потом только взяло сомнение: почему именно вы нашли нужным послать ее с каким-то случайным капитаном, когда легче всего можно было отправить ее по почте? Я волнуюсь еще до сих пор и теряюсь в догадках: а вдруг это — злая шутка кого-нибудь из товарищей-литераторов? — Действительно ли вы вручали какую-то посылку какому-то капитану, или все это — мистификация, которую не отличишь от хулиганства?

Второе обстоятельство — ваше письмо в «Известиях»[1]. Спекуляция на вашем имени — явление стихийное. Каждый старается использовать ваше слово в своих личных интересах. И это — не только в печати, но и другими путями. Хотя я и не грешен перед вами этим грехом, но и я виноват немного. Но вина моя облегчается, хотя бы потому, что я никогда и никому (за исключением очень близких людей) не читал ваших писем. Но все же вина есть, и свой проступок перед вами я совершил от чистого сердца. Дело в том, что я дал несколько строк из вашего письма «Учительск〈ой〉 газете», имеющих исключительно общественное значение.

Это — строки из той части письма, где вы говорите о смерти Красина. Я убедительно прошу вас извинить меня, и в дальнейшем не допущу таких ошибок [2].

Я несколько раз перечитывал ваше последнее письмо и с большой радостью задержался на следующих строках: «Образ, создаваемый словами художника, правдоподобен тогда, когда он является пред вами почти физически ощутимым и как бы в трех измерениях... А для того, чтобы достичь этой ощутимости, надобно писать скупо, густо и смело» [3]. Вот это-то я и хотел выразить вам. Чуть ли не в приблизительных выражениях я и писал вам. Если же я не сумел сформулировать, то простите за косноязычие. И совершенно правильно, что художественное произведение тем выше, чем оно ближе «к истине о человеке». «Натурализм» мне просто противен,— у меня идиосинкразия против фотографичности и бытовизма. Сейчас этот рабкоровский бытовизм, как плесень, пронизал всю нашу литературу, и борьба с ним очень тяжела. Долгое время наша критика, а до сих пор и руководящие авторитеты настойчиво требовали и требуют от писателей полного погружения в быт. Утилитаризм в искусстве до сих пор еще не изжит, а футуристы (Леф) [4] еще оказывают громадное влияние на начинающих и молодых художников. «Гениальный хам и нахал» Маяковский еще победно рычит на всех перекрестках, изображая из себя прословутого «людогуся»[5]. Лично я не выношу этого грубого утилитаризма во всех его видах и формах, и для меня было совсем неожиданно, что вы первый обидно бросили мне упрек в «агитационности». Я привык любить искусство таким, как его понимали Пушкин, Толстой, Чехов,— я жил до сих пор только таким искусством. А мое, пусть очень несовершенное, произведение, в котором воплощены мои радости и боли, в котором, мне казалось, трепещет настоящий живой мир,— вдруг это мое произведение относится к разряду искусства «агитационного» (= тенденциозного = вульгаризированного). Вы все время в своих письмах избегаете драгоценного слова — «художественное», а настойчиво говорите о «служебном», «педагогическом» значении книги [6]. Но ведь утилитаризм 60-х гг. эти слова смаковал и против «художественного» в литературе (в понимании Белинского) выступал с дреколиями. Я бы совсем не хотел, чтобы подобные дреколия благосклонно опустились передо мною. А ведь я только хотел одного — быть как можно «ближе к истине о человеке». В этом отношении вы были моим ближайшим учителем вместе с Лермонтовым, Толстым, с тем же Сервантесом и, мож⟨ет⟩ быть, Достоевским. Ни Гоголь, ни Писемский никогда не трогали меня. Гюго же побеждал душу, а Гонкуры и Золя (за исключением «Углекопов») не оставили никакого следа,— они были смертельно скучны. Как бы ни было велико «служебное» значение книги, я не могу отнести ее к художественным произведениям, если в ней нет горячего трепетания жизни. Вот почему я не мог дочитать до конца вашей «Матери». «Служебное», «педагогическое» значение ее велико, но мне и сейчас она — не по душе: это — не художественное произведение. Простите за откровенность: к слову пришлось. И если «Цемент» именно таков,— я готов,— если мне докажут это, а мне пока не доказали,— я готов отказаться от него, и больше его не издавать.

Я хотел бы быть упрямым в споре относительно того, как я «записывал характеры и образы» [7]. Мне кажется, вы опять здесь противоречите себе. Я меньше всего старался быть «правдоподобным» в «натуралистическом» смысле слова. Не об этом «правдоподобии» я говорил. В первом своем письме вы назвали моих персонажей в «Цементе» романтизированными. И это — совершенно верно. А разве это согласуется с «фотографическим правдоподобием»? Критика тоже находит их «романтизированными», «идеализированными», «фотографически неправдоподобными»,

и за это сильно нападали на автора. А читатель (и некоторые критики) в диспутах находил, что книга похожа на легенду и поэтому от нее (книги) нельзя оторваться. Это меня больше всего радовало. Ведь только легенда ближе к истине о человеке. А «Дон-Кихот», а ваше творчество — разве не легенды? И я вижу, что людям ничего так не дорого в искусстве, как эта самая легенда: только легенда возвышает и потрясает душу, только легенда насыщает ее силой, бодростью и верой в человека.

В ваших словах много горькой правды о мерзостях нашей жизни. Но, дорогой Алексей Максимович, вы слишком сгущаете краски и обобщаете факты[8]. Все эти гнусности, как чванство, растраты, пьянство, насилия, избиения врачей,— явления не характерные для всего рабочего класса в целом. Как я ни болезненно переживаю эту дичь, но я вижу в ней только уродливые проявления нашего ветхого еще быта. Раньше, в эпоху «военного коммунизма», можно было оглохнуть и обалдеть от этого — «мы — рабочие», «мы — соль земли», равносильного — «мы — дворяне». Теперь — не то, совсем не то. Если бы вы увидели рабочих на ячейках, на производственных совещаниях, вы поразились бы той спокойной, мудрой деловитости и заботливости, с которой они разрешают хозяйственные дела. Вы удивились бы и растрогались, когда услышали бы их откровенные признания в своей некультурности, в незнании многих простых вещей, их честное возмущение против всяких безобразий. А какое ласковое, любовное отношение к спецам и к ученым! Если бы вы посмотрели на нашу рабочую и крестьянскую молодежь в рабфаках и вузах! Какая безграничная жажда знаний! Я был около 3-х лет заведывающим одним из московских рабфаков, через мои руки прошло более тысячи человек, и я на всю жизнь сохраню восторженное воспоминание об этой чудесной молодежи, такой самоотверженной и целомудренно преданной науке. Это — они, эти рабочие и молодежь, вместе со спецами (совсем переродившимися), строят в 5 лет и меньше фабрики и заводы и возводят электростанции. Ими и только ими движется жизнь, а не этими чванливыми чиновниками и хулиганскими отбросами, с которыми жестоко расправляется и власть, и общество. Теперь один из основных лозунгов нашей страны такой: «Без культуры нельзя построить социализма — двигайся неустанно к высшим ее ступеням». И когда я слышу таких писателей, которые чванятся своей «культурностью», как Булгаков, Клычков[9], или бывший большевик Эренбург, мне горько, мне невыносимо от их, извините за выражение, блевотины, которую они изрыгают на наше «бытие», на людей, которые, жертвуя собой, строят новую жизнь на основах высокой культуры и справедливости.

Хотелось бы еще многое сказать вам — хотелось бы поговорить о нашем литературном дне, но не буду утруждать вас: и так уж очень много нагородил.

Ограничусь последним, неприятным для вас, назойливым призывом: а карточку-то свою все-таки вышлите.

С крепкой любовью
Ф. Гладков

[1] В письме редакции газеты «Известия» («Известия», 1927, № 15, от 19 января) Горький выразил недовольство тем, что некоторые литераторы публиковали его частные письма.

[2] В «Учительской газете» 11 декабря 1926 г. Гладков опубликовал выдержку из письма Горького к нему от 30 ноября 1926 г. от слов: «я вполне с теми...» до слов: «другие, такие же, должны прийти» (см. письмо 13, прим. 6). По этому поводу Горький писал Вс. Иванову 30 января 1927 г.: «...был рассержен, ибо 〈...〉 мне пришлось увидеть в печати мое письмо Гладкову, сократившему критическую часть...» (АГ).

[3] Письмо от 30 ноября 1926 г. (т. 29, с. 484).

[4] Возглавленная Маяковским группа Леф, борясь за агитационно заостренное революционное искусство, в своей литературной программе скатывалась на позиции

ИЛЬЯ АРТАМОНОВ

Рисунок (тушь) Н. Н. Купреянова к роману Горького «Дело Артамоновых», 1931 г.

Музей Горького, Москва

упрощенного, прямолинейного утилитаризма. Теоретики Лефа Н. Чужак и О. Брик, выдвигая лозунги «искусства-жизнестроения», «литературы факта», противопоставляли художественному вымыслу в романе, рассказе, поэме и т. п., отражению действительности в поэтически-обобщенных образах — работу писателя в газете: в жанре очерка, фельетона, стихов-агиток и пр. Отсюда, в частности, нападки лефовцев на «Цемент» Гладкова. Так, в статье «За политику» О. Брик писал: «Расхваленный „Цемент“ Гладкова именно тем и плох, что он берет революционную тему в ее старом обличии и поэтому только укрепляет уверенность в невозможности взять революционную тему по-новому. А вот стихи Маяковского, которые печатаются в текущем номере „Известий“ 〈«Стабилизация быта».— *Ред.*〉 по поводу очередной бытовой темы, дают ту необходимую ежедневную революционность, которая не может быть утеряна, не должна быть утеряна ни на одну секунду» («Новый Леф», 1927, № 1, стр. 22—23). В том же номере «Нового Лефа» было опубликовано и стихотворное послание Маяковского Горькому с ироническими строками о «Цементе»:

Продают «Цемент»
со всех лотков.
Вы
такую книгу, что ли, цените?
Нет нигде цемента,
а Гладков
написал
благодарственный молебен о цементе.

(См. также статью Маяковского «Подождем обвинять поэтов» — «Красная новь», 1926, № 4).

[5] Образ из поэмы Маяковского «V Интернационал».

[6] См. письмо 10, прим. 1.

[7] 30 ноября 1926 г. Горький писал Гладкову: «Вы „записываете“ образ или характер лишними словами, как живописцы „записывают“ портреты или пейзажи, достигая фотографического сходства, но лишая изображаемое „духа“» (т. 29, с. 483).

[8] См. письмо 13, прим. 6.

[9] Михаил Афанасьевич *Булгаков* (1891—1940). Опубликованная им в 1925 г. книга рассказов «Дьяволиада» — попытка сатирически изобразить новую, советскую действительность. О С. Клычкове см. письмо 12, прим. 1.

15

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

Москва 34,
Староконюшенный пер., д. 33, кв. 11.
10—III—27

Дорогой Алексей Максимович!

На мое последнее письмо вы не ответили, и меня назойливо мучает мысль: уж не обиделись ли вы, не рассердились ли на меня? Если это — так, то это — ужасно. У меня и в думках никогда не было, чтобы принести вам хотя бы маленькое огорчение: уж слишком я вас люблю, слишком вы для меня много значите, слишком уж я сроднился с вами с юных лет. Не надо сердиться. Черкните, пожалуйста, хоть несколько строк, чтобы успокоить меня.

Известно ли вам, что Воронского снимают с «Красн⟨ой⟩ нови»?[1] Снимают и Полонского с «Нов⟨ого⟩ мира»[2]. В редколлегию «Кр⟨асной⟩ н⟨ови⟩» назначают Керженцева, Ермилова (из «Мол⟨одой⟩ гв⟨ардии⟩») — очень юного парня, и Гусева из отд⟨ела⟩ печати[3]. Вопрос этот решен, кажется, окончательно. Сегодня я говорил об этом с Полонским — он очень подавлен. А Воронский настроен язвительно и держится мудрецом, точно читает Лукреция. Юбилей ему не прошел даром[4]. Некоторая часть публики на юбилее демонстративно отсутствовала. Так как я сидел в президиуме, то на меня стараются нагнать всяких страхов. Мне же на сие наплевать с высокой горы. У Воронского есть ошибки и грехи, но несравненно больше заслуг перед русской литературой, а беспардонные «напостовцы» во имя пресловутой «гегемонии» идут на всякие мерзости, вплоть до клеветы. Боюсь, что из этого ничего не будет хорошего. И все это делается вовсе не из любви к литературе, а из чистого политиканства и карьеризма. Опираясь на «6000 организованных пролетписателей», они козыряют Серафимовичем (этот добрый старичок заигрывает с ними), Гладковым, который публично и по партлинии отгораживается от них, Горьким, «Дело Артамоновых» которого считают *своим* достижением и... Фатовым!.. Картина, достойная кисти Айвазовского! Как видите, имеют успех. Вообще, чёрт знает, что делается.

А среди этой напряженной борьбы и внутренних сдвигов кричат и ломаются клоуны — футуристы (Леф, Новый леф!), которые дошли уже до полного отрицания художественной литературы, но добиваются тоже безоговорочной «гегемонии»[5].

Страшного во всем этом, конечно, ничего нет, но ералашь идет большая. И я думаю, что если бы вы были здесь, ваше авторитетное имя и могучее слово имело бы огромную организующую силу. Недаром все чаще и чаще говорят о вас на диспутах, на литературных собраниях, на массовых рабочих читательских вечерах. Какой урон для нашей литературы от того, что вы где-то за тридевять земель, что вы страшно оторваны от нашей жизни и вместо вас, живого, сильного и до зарезу нужного, вспыхивает только недостижимый призрак.

Читали ли вы мою «Старую секретную»? Окончание будет в 3-й кн⟨иге⟩ «Нов⟨ого⟩ мира»[6]. Хотелось немного коснуться прошлого. Особого значения я ей не придаю. Работаю я сейчас изо всех сил над большой книгой о современности[7]. Тема та же, что и в «Цементе» — труд, но больше «проклятых вопросов». Хочется написать настоящую легенду или поэму, где бы характеры были густо обобщены и трепетали бы, как совершенно живые. В Москве работать не могу: думаю ранней весной (приблизительно во 2-й пол⟨овине⟩ апреля) уехать на юг, в дебри, и взасос поработать до середины осени. Только вот всякие болезни мешают, а в особенности — нервная неурядица.

«Цемент» выходит уже 70-й тысячей.

Вы мне ничего не сказали об «Огненном коне» [8]. Он мне почему-то дорог: вероятно, потому, что это тоже — «легенда». Ведь гражданская война еще никак не изображалась «через нутро». Без сомнения, что вы найдете диалоги тоже «корявыми», но «чорноморцив» без такого диалога изображать я не мог. Стилизация была вполне законна. Это — не повесть, а что-то вроде баллады. Написана она в 1922 году.

В заключение — горячая просьба. Если вы безнадежно замолчали насчет своей фотографии, то не откажите прислать хотя бы «Дело Артамоновых» с автографом. Неужели нельзя и на это рассчитывать?

С крепкой любовью
Фед. Гладков

P. S. Думаете ли вы все-таки приехать и когда? Об этом меня спрашивают на каждом массовом рабочем собрании [9].

[1] В связи с ошибками Воронского (см. письмо 8, прим. 8) встал вопрос об освобождении его от работы редактора в журнале «Красная новь». В августе Воронский писал Горькому: «В „Нови“ я числюсь, но давно уже фактически не работаю» (АГ). В декабре 1927 г. Воронский был снят с работы редактора; в редколлегию журнала был введен Вс. Иванов.

[2] Вячеслав Павлович *Полонский* (1886—1932) — литературный критик и публицист. Редактировал журналы «Красная нива», «Печать и революция», «Новый мир» (1925—1931, с перерывом в апреле—августе 1928 г.). Литературная позиция Полонского была во многом близка позиции Воронского.

[3] Платон Михайлович *Керженцев* (псевдоним *Лебедева*, 1881—1940) — видный деятель советской культуры. В 1925—1926 гг. был полпредом СССР в Италии. Переписывался с Горьким. Работал редактором «Известий», редактором и членом редколлегии ряда журналов: «Пролетарская культура», «Печать и революция» и др.

Владимир Владимирович *Ермилов* (р. 1903) — критик и литературовед, был редактором журнала «Молодая гвардия» (1926—1929). С 1928 г.— член редколлегии журнала «На литературном посту» и один из секретарей РАПП. С 1932 по 1938 г.— главный редактор журнала «Красная новь».

Сергей Иванович *Гусев* (псевдоним Якова Давыдовича *Драбкина*, 1874—1933)— старый большевик, публицист, с 1926 г. (с № 4) редактировал журнал «Молодая гвардия» (до 1928 г., № 9). С 1927 г. заведовал Отделом печати ЦК ВКП(б).

Керженцев, Гусев и Ермилов в редколлегию «Красной нови» введены не были.

[4] 21 февраля 1927 г. в Москве, в Доме Герцена отмечался пятилетний юбилей журнала «Красная новь». Впоследствии организаторов этого торжества упрекали в том, что юбилей превратился в демонстрацию сочувствия взглядам А. Воронского. В адресе Воронскому, составленном комитетом по организации пятилетнего юбилея журнала «Красная новь», говорилось: «...несмотря на то, что некоторыми литературными организациями поднят вопрос об устранении вас от редактирования созданного вами журнала,— мы верим, что этого не будет» (цит. по приложению к письму Ив. Евдокимова Горькому от 1 января 1927 г., АГ).

[5] См. письмо 14, прим. 4.

[6] См. письмо 11, прим. 5.

[7] См. там же.

[8] См. письмо 9, прим. 2.

[9] Горький приехал в Москву из Италии 28 мая 1928 г.

16

ГОРЬКИЙ — ГЛАДКОВУ

⟨Сорренто. 21 марта 1927 г.⟩

Ф. Гладкову

Несколько удивлен я ироническим тоном вашим по адресу А. К. Воронского, человека талантливого и сумевшего создать хороший литературный журнал, несмотря на тяжелые условия работы.

Мне жаль, что Воронский уходит из «Кр⟨асной⟩ нови», очень жаль. И странно, чем и кому он не понравился? За пять лет работы он не сделал

таких ошибок, как редакторы «Нового мира», поместившие странный рассказ Пильняка и еще более странную — повесть?— Никандрова «Знакомые и незнакомые»[1].

Фатов — комическая фигура и плохо знает историю русской литературы. Пишет — тоже плохо.

«Секретную» — не читал еще, жду конца, не люблю читать отрывками[2].

Русского экземпляра «Артамоновых» у меня сейчас нет, выпишу из Берлина и пришлю. А фотографии мои, почему-то, плохо доходят до адресатов, послал четверым, получил же только один.

Жму руку.

А. Пешков

21.III.27 г.

[1] Речь идет о рассказах Б. Пильняка «Повесть непогашенной луны» (см. письмо 11, прим. 1) и Н. Никандрова «Знакомые и незнакомые» («Новый мир», 1927, № 2). Одновременно (21 марта) Горький писал П. М. Керженцеву: «„Новый мир“ напечатал повесть Никандрова — странная „повесть“. Что-то вроде юмористики П. Романова, но — грубее. Очень странно» (АГ).

[2] См. письмо 11, прим. 5.

17

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

7. IV. 1927
Москва 34, Староконюшенный пер., д. 33, кв. 11.

Дорогой Алексей Максимович!

Я очень смущен первой строкой вашего письма: «несколько удивлен я ироническим тоном вашим по адресу А. К. Воронского». Это — странное недоразумение: никакого иронического тона по отношению к Воронскому у меня нет, не было и быть не может. Я Воронского очень люблю и ставлю чрезвычайно высоко. Наоборот, в своем письме я выразил крайнее сожаление по поводу его отстранения. Я с удовольствием подписывал ему адрес (первым) и был в президиуме на его юбилее. Ваш упрек несправедлив, дорогой Алексей Максимович. Редакции моего письма я точно не помню, но очень хорошо знаю, что никакой иронии в нем не было.

Во всяком случае я глубоко тронут тем, что вы ответили на мое письмо. Хотя от его официально-холодного тона мне было слишком больно, но уж одно то, что это письмо лежит передо мною, и я с любовью смотрю на горьковский почерк — это доставляет мне большую радость.

Письмо ваше застало меня за чтением (который раз!) «Фомы Гордеева». Удивительно, что эта книга волнует меня так же, как и 25 лет назад. Родной мой Алексей Максимович! если бы вы знали, как я вас беспредельно люблю. Я счастлив, что живу в одну с вами эпоху. Не сердитесь за эти чувствительные строки: ведь никто, решительно никто, кроме вас, не сросся так с моей душой. С самых зеленых дней моей юности каждый час вы стояли передо мною и звали за собой. Мне очень нелегко жилось: м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, я погиб бы, если бы не ваше волшебное имя, не ваше изумительное творчество. Я не стыжусь сказать вам это, и мне до боли хочется, чтобы вы хоть немножко почувствовали меня и не относились ко мне сурово, холодно и отчужденно: я слишком от этого страдаю. Если по неосторожности в выражениях я и мог допустить что-нибудь обидное или не совсем деликатное в своих письмах,— право же, это могло произойти без всякой преднамеренности. Если что и заметили — простите

великодушно. Если же я несколько критически отнесся к некоторым вашим положениям и, кажется, к «Матери» — так разве на это можно обижаться? Ведь я живу литературой, я — весь в ней без остатка, и каждая мысль, каждое слово о литературе мне дорого и любопытно.

Вопрос о снятии Воронского опять отложен. Вернее, он остался открытым. Чем кончится все это — неизвестно. На этих днях созывается какое-то совещание в ЦК [1]. Кому не понравился Воронский? ВАППу, конечно, в первую очередь. Эти интриганы и чиновники новой формации добиваются полного уничтожения Воронского как оплота «мещанской» литературы и борются за верховное руководство всей советской литературой, чтобы стать единственным ее гегемоном. А отд⟨ел⟩ печати опирается на них. А там есть такие сильные люди, как Нарбут [2]. Потом — Воронский-оппозиционер [3]. Литературные нравы — мерзкие. Вот вам — пример: на страницах журн⟨ала⟩ «На лит⟨ературном⟩ посту» Воронский с «перевальцами» клеймятся, как «люди, лезущие в литературу с чубаровскими нравами» (ох, как грамотно!) [4]. Совместные заседания делегатов Федерации писателей [5] происходят в атмосфере непримиримой вражды — грызня, скандалы, ералашь. Пьянство, богемство, подчас хулиганство (благо есть кабак в подвале Дома Герцена) — обычное времяпрепровождение литераторов. Писатель — чудовищно некультурен. Не только нет систематической работы над собой, но почти никто не читает, и о самых простых вещах большинство имеет самое смутное понятие. Одному писателю я порекомендовал прочесть последнюю книжку акад⟨емика⟩ Павлова об опытах над человеком. В ответ я услышал следующее:

— Что я буду время терять. Я достаточно взрослый человек и имею свои мозги, чтобы набираться чужих мыслей.

А другой, очень известный вам писатель сказал:

— И зачем ты голову себе набиваешь этими книжками? Знаешь, добром ты не кончишь: высушишь мозги и убьешь в себе всякую способность к творчеству. Писатель должен быть, как ребенок: он должен быть свободен от всякой книжной скверны, чтобы писать не рассудочно, а первобытным нутром.

И вот что печально. Наш писатель не только не знает и не чувствует своей эпохи, но мало знает и историю родной литературы, не говоря уже о том, что он совсем не ощущает дыхания будущего. Вот почему нет сейчас ничего крупного, значительного в литературе, вот почему никто не способен взволновать общество своими образами. Беспредметность, или рабкоровский репортаж, или жалкое эпигонство. А без знания эпохи, без мудрого взора в будущее, без диалектического понимания жизни, без чуткого, вдумчивого отношения к сложным конфликтам человеческого сознания — немыслим ни рост, ни расцветание нашей литературы. Мало иметь жизненный опыт — надо этот опыт сорганизовать (удачное богдановское выражение, хотя я не эмпириомонист)[6]. Надо уметь «ударить в точку», а эту «точку» надо знать и знать, *как* по ней ударить. Эпоха 900-х годов выдвинула своего мятежника — Горького. Наша эпоха должна создать созвучного ей художника, насыщенного дерзновенной смелостью и силой. А такие произведения, как, напр⟨имер⟩, «Вор» Леонова [7], я считаю никчемными и по замыслу и по выполнению. Тут ничего нет, кроме шпаргалки — «Фрейшиц, разыгранный руками юных учениц» [8]... И кому нужны эти люди, уже умершие для нашей жизни, какие откровения они несут? В свое время маленький подпольный человек — разночинец — был вполне законным и нужным героем, потому что он входил в общественную борьбу как революционная сила. А теперь все эти обломки крушения — только сор и щебень на пути революционного созидания.

А. Н. Тихонов говорил мне, что вы пишете очень большую книгу[9]. О чем? Здесь много об этом толкуют, но никто ничего не знает. Тихонов говорил также о том, что вы намерены через год приехать в Россию. Все ожидают вашего приезда как события огромной важности. В связи с этим кто-то сказал: «Ленин — в политике, Горький — в литературе. Мы нуждаемся в окрике. Только Горький властен это сделать». Нужен окрик или нет — я не знаю. Но ваше присутствие нужно, и голос ваш необходим — это несомненно. И совсем не нужно вам ходить из дома в дом и ездить из города в город и — говорить, ругаться с критиками[10]. Их — нет, а есть только малограмотные рецензенты, с которыми никто не считается. Народился новый массовый читатель — рабочая и крестьянская интеллигенция, которая начинает жить литературой. Послушать ее, эту интеллигенцию,— это очень интересно, очень любопытно, очень поучительно. Невиданная раньше вещь: на фабриках, заводах рабочие, работницы, молодежь от станков огромными толпами ломятся в клубы на литературные вечера и наперебой торопятся высказаться по многим вопросам литературного дня. И это не только в Москве, но по самым глухим углам.

В начале мая уезжаю на юг, вплоть до осени. В Москве не могу работать: все время дергают — то заседания, то доклады, то рукописи, то всякого рода выступления. Теперь я нигде не служу, и это для меня очень важно.

Может быть, вы ответите мне до мая? С волнением жду от вас «Дело Артамоновых». На днях видел ваш снимок[11] в одном из театральных журналов. Очень вы изменились с тех пор, как я вас видел в 1917 году[12].

С глубокой любовью жму вашу руку.

Ф. Гладков

[1] Имеется в виду совещание Отдела печати ЦК ВКП(б) по вопросу о журнале «Красная новь», состоявшееся 18 апреля 1927 г. Воронский делал на этом совещании доклад о работе журнала за последние полтора года. В содокладе С. И. Гусева и в выступлениях представителей ВАПП — Л. Л. Авербаха, А. И. Зонина и других линия «Красной нови» и работа Воронского подверглись резкой критике. На совещании ставился вопрос о снятии Воронского с поста редактора (см. письмо 15, прим. 1).

[2] Владимир Иванович *Нарбут* (1888—1946) — поэт, в двадцатые годы руководил издательством «ЗиФ», работал в Отделе печати ЦК, был членом редакции журнала «30 дней» (1926—1928). На совещании Отдела печати ЦК ВКП(б) по вопросу о журнале «Красная новь» было оглашено заявление Нарбута в ЦК ВКП(б) с обвинением Воронского в недопустимых формах полемики.

[3] Воронский примыкал к троцкистской оппозиции 1925—1927 гг., от которой впоследствии отошел. В 1928 г. был исключен из партии. В 1931 г. Воронский был восстановлен в партии.

[4] Речь идет о членах литературного содружества «Перевал» (1924—1932), организованного Воронским при журнале «Красная новь». В «Перевал» входили писатели А. Малышкин, М. Пришвин, И. Касаткин, П. Павленко, И. Катаев и другие, печатались в «Красной нови», в «Новом мире», издавали сборники «Перевал», «Ровесники».

Взгляды теоретиков «Перевала» — А. Воронского, Д. Горбова, А. Лежнева (неверие в возможность создания пролетарской культуры, подчеркивание решающей роли интуиции и подсознания в художественном творчестве) подвергались ожесточенной критике на страницах органов РАПП. Слова, цитируемые Гладковым, взяты из рецензии А. Зонина на V сборник «Перевал» («На литературном посту», 1927, № 3).

В декабре 1926 г. происходил нашумевший судебный процесс над группой преступников, изнасиловавших женщину в переулке Чубарова в Ленинграде. Преступление вызвало широкую волну протеста трудящихся всей страны. Отсюда и пошло выражение «чубаровщина», «чубаровские нравы» как синоним бандитизма и насилия.

[5] Речь идет о Федерации объединений советских писателей (ФОСП), созданной в январе 1927 г. В Федерацию первоначально вступили три писательских организации: ВАПП, Всероссийский союз писателей и Всероссийское общество крестьянских писателей.

[6] Согласно философии эмпириомонизма, созданной А. Богдановым, внешний мир рассматривался как социально организованный опыт «коллективного человечества». Философские взгляды Богданова были подвергнуты критике Лениным в книге «Материализм и эмпириокритицизм». В первые годы Советской власти Богданов был одним из руководителей и идеологов Пролеткульта. Взгляды Богданова оказали влияние на позицию преемственно связанной с Пролеткультом «Кузницы».

[7] Роман Л. Леонова «Вор», печатался в «Красной нови» 1927, №№ 1—7.

[8] Неточная цитата из «Евгения Онегина»: «...разыгранный Фрейшиц перстами робких учениц» (гл. III, XXXI).

[9] Александр Николаевич *Тихонов* (Н. Серебров, 1880—1956) — писатель, помощник Горького по издательским делам. В письмах Тихонову (1926—1927) Горький не раз сообщал о своей работе над романом «Жизнь Клима Самгина». См. письма Горького к А. Н. Тихонову (1904—1936).— «Горьковские чтения. 1953—1957». М., Изд-во АН СССР, 1959.

[10] См. письмо Горького Гладкову от 30 ноября 1926 г. (т. 29, № 837).

[11] Возможно, Гладков пишет о снимке, помещенном в еженедельнике «Рабис», орган ЦК Всерабиса. М., 1927, № 12(54), от 5 апреля, стр. 7. Снимок был сопровожден следующей надписью: «Максим Горький. С последнего снимка, сделанного в Сорренто (Италия)».

[12] О свидании Гладкова с Горьким в 1917 г. см. письмо 23, прим. 2.

18

ГОРЬКИЙ — ГЛАДКОВУ

〈Сорренто. 17 апреля 1927 г.〉

Заподозрить вас в ироническом отношении к Воронскому заставила меня фраза ваша «читает Лукреция» и т. д. Рад, что ошибся. Вы, в свою очередь, ошибаетесь, полагая, что меня могло задеть ваше критическое — совершенно справедливое — отношение к моей «Матери». Никогда и ничья критика меня не «обижала», могу прибавить: и ничему хорошему не научила. А «Мать» — книга действительно плохая, написана «в состоянии запальчивости и раздражения», с намерениями агитационными, после 906 года. Полагаю, что своей цели она — в некоторой степени — все-таки достигла, что, однако, не делает ее лучше, чем она есть.

Все, что вы пишете о литераторах,— очень печально. Но люди этого дела, кажется, всегда были непомерно самолюбивы, завистливы и очень

НИЛОВНА РАЗБРАСЫВАЕТ ПРОКЛАМАЦИИ С РЕЧЬЮ ПАВЛА

Гравюра Н. В. Алексеева к повести Горького «Мать», 1933 г.

мало заботились о том, чтоб стать несколько грамотнее и в прямом смысле этого понятия, и — морально. Я знал не одного, чья талантливость наполовину сократилась «некультурностью», самомнением и прочими зловредностями.

Но по отношению к человеку я — оптимист и очень верю, что поколение, идущее на смену моему, «выравняется» и воспитает себя шире, глубже — лучше нас. За это говорит эпоха, насыщенная трагическими вопросами и задачами, поставленными к разрешению с резкостью, с настойчивостью никогда еще не бывалой. У нас любили цитировать Тютчева: «Блажен, кто появился в мир, В его минуты роковые» — в качестве зрителя [1]. Ныне эпоха внушает: будьте деятелем! И — будут. Не отвертятся. Никак не отвертятся. Это и воспитает каких-то новых людей, не похожих на нас.

Посылаю «Дело Артамоновых» — и карточку мою внутри книги — с обратной распиской.

Всего доброго!
А. Пешков

17.IV — 27.
S⟨orrento⟩.

[1] Неточная цитата из стихотворения Тютчева «Цицерон»: «Счастлив, кто посетил сей мир в его минуты роковые». В первой редакции Тютчева — «Блажен, кто посетил сей мир...».

19

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

Москва 34, Староконюшенный, д. 33, кв. 11.
⟨Начало мая, 1927 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

Взволнованный вашим сообщением, что вы посылаете мне «Дело Артамоновых» и карточку, я каждый день ждал посылки с большим нетерпением. Прошло уже больше десяти дней после получения вашего письма, но, к великому моему огорчению, посылки все-таки нет. Я не допускаю мысли, чтобы она пропала по дороге, тем более, что она, как вы говорите, должна быть с обратной распиской. Мне неоднократно приходилось самому посылать и получать книги из-за границы, и не было ни одного случая, чтобы посылки пропадали. Очевидно, очень занятый работой, вы просто забыли послать обещанное. Несмотря на это, я все же не теряю веры в получение от вас и книги, и карточки.

В от⟨деле⟩ печати было заседание, посвященное докладу Воронского о «Кр⟨асной⟩ нови» [1]. Впечатление у меня об этом заседании осталось тягостное. Вопрос был поставлен ребром о судьбе Воронского. Старались всеми средствами свалить его окончательно. Думаю, что едва ли это удастся: В⟨оронский⟩ держал себя, хотя и недостаточно ловко, но довольно твердо. Во всяком случае вопрос о нем остается пока открытым.

Между прочим, в своем докладе В⟨оронский⟩ выдвинул положение, что сейчас в литературе «актуальной» темой является проблема «лишнего человека в революции». По его мнению, Леонов (в «Вере») и Катаев (в «Растратчиках») эту проблему поставили очень остро. На этот счет можно было бы здорово поспорить, но я думаю, что понятие «лишнего человека» нуждается в уточнении. Когда-то классики изображали «лишнего человека» с большой внутренней «силовой установкой», как «слишком раннюю предтечу слишком медленной весны»[2]. Этот «лишний» был в трагическом противоречии с окружающей их косной и подлой действительностью, и его силы и возможности не находили себе приложения в условиях сплошной «бедности, бедности и несовершенства жизни»[3]. Но все же

это была революционная бацилла, которая разлагала и отравляла организм тогдашнего общества, задавленного бездушной системой казарменного деспотизма. Я говорю о разночинцах. Смешно мертвецов Леонова (впрочем, ведь это даже не герои нашего времени, а транспонированные им истлевшие образы из литературы классиков) считать «лишними людьми» нашей революции в том понимании, которое установилось в истории нашей общественной мысли. «Мертвый мирно в гробе спи»[4], а в наше время нелепо «тленный прах» выдавать за «силовые линии» нашей общественности. А «лишние люди» есть, и о них писать надо. Взять хотя бы старых революционеров (прежде всего старых большевиков) [5], из которых очень многие не приспособились к нашей действительности и переживают большую трагедию.

В конце этого месяца, а м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, в начале июня еду на Днепрострой. Интересно то, что целый прибрежный район Днепра будет в свое время затоплен, и многие деревни должны переселиться в другие места. Победно и беспощадно движется на старую деревню индустрия, и могилы предков исчезнут под водой. Древние домовые, д⟨олжно⟩ б⟨ыть⟩, уже в ужасе стонут. Это — тема для очередной книги, которую я начал писать[6]. Работа очень ответственная, сложная, чрезвычайно трудная, но захватила меня до самых корней.

Итак, жду с нетерпением книгу и карточку. Не забудьте же, пожалуйста.

Очень я обрадовался, что вы не сердитесь на меня. Ваше письмо бесконечно для меня дорого своей теплотой[7]. Мне жутко от всяких официальных писем.

С глубокой любовью
Ф. Гладков

Мое имя — не Ф. А., а Ф. В. (Федор Васильевич).

Датируется по предыдущему письму Горького.

[1] См. письмо 17, прим. 1.

[2] Строка из стихотворения Д. Мережковского «Дети ночи»: «слишком ранние предтечи слишком медленной весны...»

[3] См. письмо 11, прим. 3.

[4] Неточная цитата из баллады Ф. Шиллера «Торжество победителей», в переводе В. Жуковского: «Спящий в гробе, мирно спи; жизнью пользуйся, живущий».

[5] Слова: «„лишние люди“ есть... Взять хотя бы старых революционеров (прежде всего старых большевиков)...» подчеркнуты Горьким.

[6] «Летом 1927 г. поехал на Днепрострой, где жил наездами до пуска электростанции в 1932 г. В „Известиях“ печатал очерки о ходе стройки, а в 1933 г. выпустил I т. „Энергии“, через шесть лет — второй» («Автобиография», т. I, стр. 14).

[7] См. письмо 18.

20

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

Москва 34,
Староконюшенный пер., д. 33, кв. 11.
7—VIII—27.

Дорогой Алексей Максимович!

Только что прочел вашего «Самгина» [1], и в душе у меня — угарная муть — точно переживаешь тяжелый кошмар. Трудно жить с вами в одно время. Огромной глыбой распластались вы над всей литературой наших дней. Вспоминая о Толстом, вы называете его Васькой Буслаевым [2]. Когда я думаю о вас, мне кажется, что вы похожи на ту исполинскую голову из «Руслана», которая загромождала все поле (усеянное мертвыми костями!). Голова у вас гипертрофически, безжалостно велика. Очень вы много говорили и говорите о человеке, о любви к нему. А мне

кажется, что вы не любите людей, презираете их и глумитесь над ними. И все, что вы пишете о людях,— все это от ума, и ум у вас какой-то диогеновский, а м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, и аввакумовский — горький и жуткий ум. С такой головой люди могут быть только глубоко несчастными. Ядовитый червяк в мозгу, свойственный русскому мыслящему человеку, превращается у вас в змею.

«Делаем мы хорошо, а думаем скверно». А с IV т. по 20-й [3] вы только и убеждаете, что не только мы думаем скверно, но и делаем всё глупо, впустую, никудышно (т⟨о⟩ е⟨сть⟩ ничего не делаем). И характерно, что все эти «жизни» ваших людей, лишенные динамики,— тяжелые, унылые жизни — без событий, без борьбы — сплошная тоска и «неделание». Сукровицей текут эти «жизни», начиная, пожалуй, с «Фомы Гордеева» (в первых 3-х тт. люди у вас и делали неплохо, и думали блестяще и смело). Да, я сам тяжело переживал те годы, и на мне лежало проклятие эпохи — разъедающая рефлексия. Но вместе с этим я жил (а вы — тем более) с людьми большой бодрой силы, с душой, горящей великой волей к мятежу. И мне кажется, что характерной «жилой» для 90—900 гг. является не эта «самгинская» гамлетовщина («был мальчик или не был?») и отвлеченная, беспочвенная «кутузовщина», а все-таки та упрямая, живучая, мятежная сила, которая изображена у вас в «Матери». Ведь всякая эпоха определяется не «самгинщиной», не «раками, которые расползаются в разные стороны» [4], не ржавчиной и шлаком, а тем живоносным источником, который бьет под мусором отбросов и лишнего материала. Не «кутузовщиной», а, напр⟨имер⟩, «ленинщиной» (ведь Ленины, Красины, Дзержинские и т. д. тоже росли в те времена) [5]. Однажды, при разговоре о вас, я с волнением выслушал следующее: кажется в редакции «Жизни» [6] вы сидели среди сотрудников этого журнала. Разговор шел обычный — «все истекали словами». Вдруг вы встали, молча ушли в другую комнату, а через некоторое время явились с бумажкой в руках и прочли свой «Буревестник». «Это был удар грома», «все были потрясены», «что-то могучее, ослепительное брызнуло на всех», «все почувствовали необычайный прилив сил»[7]... Верю. Сам пережил нечто подобное. Мы, идущие в массы и работавшие над собой, воспитывались на вас. Те времена были связаны с вашим именем. Не только интеллигенция, но и широчайшие массы жили вашими образами. Это было неудержимое стремление живых сил к действию, к борьбе, к подвигу, к героизму. Думали и тогда неплохо, а делали хоть немножко неуклюже, но делали упорно, бодро, уверенно, с жаром — делали дело жизни. Страдания «Трех сестер» и «Самгиных» нас не трогали: мы жили страданиями Данко. Недаром эти буйные образы созданы вами в те времена. Вы горели огнем своей эпохи.

Вот и теперь эпоха наша требует художественного раскрытия ее живоносного источника. Много и теперь Самгиных и Кутузовых, много мерзости, накипи, ржавого материала, и теперь червяк точит и отравляет мозги. Но не это важно, а важно найти живой нерв настоящего. Труд, строительство, борьба за социализм, творческое напряжение рабочего класса. Разве это не великолепная поэма, которая рвется к художественному воплощению? И я мучительно думаю: вот в воспоминаниях своих и статьях вы упорно, настойчиво пишете об этом «герое-человеке», а в художественной летописи своей все пропитываете «самгинской сукровицей»: там — Дон-Кихоты, здесь — Гамлеты, там — поэма, здесь — трагедия. Почему это? А ведь вы могли бы создать эту поэму изумительно — именно вы,— Горький. (Кстати, почему в вашем Собрании нет статьи о Ленине, которая в свое время была напечатана в «Ком⟨мунистическом⟩ Интернационале»? Подлинная поэма!) [8].

Вы простите меня за эти сумбурные мысли — от души все это.

Все лето разъезжал я по Руси. Жил на Днепрострое, на Волховстрое.

Строим мы, Алексей Максимович, и недурно строим. И мыслим неплохо. Какой размах и какая трудовая бодрость! Не тот уже это рабочий, который тер лямку в минувшие годы. И баба не та, и мужик не тот, и интеллигенция не та. Чего стоят, например, эти партийные и делегатские собрания! С каким строгим вниманием и глубоким сознанием *общего* дела обсуждаются все вопросы, связанные со строительством! Какое любовное отношение к труду! Правда, есть еще и «бузотерство», и «хулиганство», и мужичья «волынка», но все это в сравнении с тем одушевлением, которое охватило всех, так ничтожно и жалко, что не хочется обращать внимания. Много и ералаши и нелепостей (особенно в начале работ), но нужно видеть и чувствовать, как дружно борется с этим вся сознательная масса самих рабочих. И система труда новая, и новые отношения между рабочими и техническим персоналом. Исключительная забота о быте рабочего. Никогда я раньше не видел таких бараков и общежитий, как сейчас. Чистота, отдельные койки, белье, мыло, полотенца, газеты, парикмахерские, чудесные дешевые столовые. Есть и курьезы на этой почве. Я был свидетелем такой сцены: приходят в рабочком несколько рабочих крестьянского облика. Возмущаются.

— Что же это, т. рабочком, за порядки? Житья ведь нет. И на пол плюнуть нельзя — норови в ящик, и по каждому пустяку — мыло, и с ногами на койку не моги... На двор пошел — мыло, на обед — мыло с обеда — мыло... Бабья понагнали — орут. Ведь сдохнуть же можно. Мы к этому — непривычны — не водится это у нас. Мы не согласны. На что же вы здесь поставлены? Сидите, а на нас — ноль внимания...

Председатель рабочкома усмехается.

— Ну, товарищи, придется к этому привыкать. Трудно это, но ничего не сделаешь. Нужно эту вашу неряшливость и свинское отношение к себе вытравить с корнем. Пора уже жить культурной жизнью, надо воспитывать в себе уважение к своей личности. Надо жить чисто и благородно. Как же мы будем строить социализм, ежели в нас нет культуры и человеческого достоинства? Бабы молодцы, что жучат вас,— сознательные бабы, и вам стыдно так унижать себя.

Стали было спорить, но скоро ушли, сконфуженные.

Очень хочется писать об этой нашей живоносной силе. Делаю попытки— не знаю, что выйдет. А работой захвачен. Жаль, что все болею.

В заключение — просьба к вам. Я имею отношение к «Лит⟨ературно⟩-худ⟨ожественным⟩ сборникам» «ЗиФа». Сборники — вне групп. Не можете ли вы прислать что-нибудь для ближайших книжек? Первая (в печати) выйдет в сентябре, вторая — в ноябре и т. д. М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, дали бы вы хоть главу из 2-й ч⟨асти⟩ «Самгина» или еще что-нибудь. Не откажите, если есть возможность. Сборники не имеют ничего общего с редакцией из⟨дательст⟩ва ЗиФ, а тем более — с напостовцами[9].

«Дело Артамоновых» получил — горячее вам спасибо.

Как ваше здоровье? Я слышал, что вы чувствовали себя неважно. Пожалуйста, берегите себя.

С крепкой любовью жму вашу руку.

Ф. Гладков

[1] В 1927 г. была опубликована 1-я часть романа Горького «Жизнь Клима Самгина». Берлин, «Книга». В том же году 1-я часть (в отрывках) печаталась в журналах «Красная новь» (№№ 5—7), «Огонек» (№№ 26—31), в альманахе «Круг» (кн. 6) и в газетах «Известия» и «Правда».

[2] См. очерк Горького «Лев Толстой» (т. 14, с. 266, 279, 290).

[3] Гладков имеет в виду Собр. соч. Горького (Берлин, «Книга», 1923—1928), т. IV. «Фома Гордеев», 1923, т. XX. «Жизнь Клима Самгина», ч. 1, 1927.

[4] Один из символических лейтмотивов в «Жизни Клима Самгина» (см. т. 19, с. 470, 505).

[5] В беседах с Б. Брайниной, уже в последние годы жизни, Гладков утверждал, что именно с появления «Самгина» начался его «внутренний спор» с Горьким: «Я сам

жил в эту эпоху, помню проклятие разъедающей души рефлексии. Но 90—900-е годы определились отнюдь не самгиновской гамлетовщиной („был мальчик или не был?") и не беспочвенно отвлеченными разговорами революционно настроенной интеллигенции, а животворным источником народных сил, близящих, творящих революцию. Ведь Горький лучше, чем кто-либо другой из писателей, знал это, знал, *что* определяет всякую эпоху. Мне казалось, что Горький недостаточно ярко показал в своем романе пролетарских революционеров как активную, деятельную силу. В свое время я все это вот так напрямик, в еще более сильных выражениях, изложил в письме к самому Горькому» (Б. Байнина. Встречи с Ф. Гладковым.— «Вопросы литературы», 1960, № 8, стр. 172).

[6] Журнал «Жизнь» издавался в Петербурге с 1897 по 1901 г. Горький участвовал в литературно-художественном отделе журнала.

[7] Об этом случае рассказано в воспоминаниях А. И. Свирского «Встречи», опубликованных в «Красной нови», 1928, № 3.

Горький откликнулся на воспоминания Свирского письмом в «Известия», в котором, в частности, сообщал: «„Буревестник" написан мною в Нижнем и был послан в „Жизнь" почтой. Чтения мною „Буревестника" Свирский не слышал...» («Известия», 1928, № 84, от 8 апреля).

В «Известиях» того же года от 3 июля (№ 152) по просьбе Горького был помещен ответ А. Свирского: «...сознаюсь,— писал Свирский,— забыл, что именно читал Горький в редакции журнала „Жизнь". Охотно верю ему, что не „Буревестник"».

[8] Речь идет о Собр. соч. Горького, выходившем в эти годы (М.— Л., ГИЗ, 1924—1929) и очерке Горького «В. И. Ленин», напечатанном в журнале «Коммунистический Интернационал», 1920, № 12 (20 июля).

[9] Литературно-художественные альманахи «ЗиФ» (№№ 1—13) выходили с сентября 1927 г. до 1931 (раз в три месяца) при участии главным образом писателей группы «Кузница». В сборниках печатались Гладков, В. Бахметьев, Г. Никифоров, С. Обрадович, П. Низовой, Н. Ляшко, И. Сельвинский, Н. Браун и др.

21

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

Москва 34,
Староконюшенный, **33**, кв. 11.
25—IX—27.

Дорогой Алексей Максимович, я не могу освоиться с мыслью, что мое последнее письмо [1] оскорбило или обидело вас: не могу допустить этой возможности. Я знаю, что некоторые из здравствующих богато одаренных писателей одержимы недугом обидчивости: не терпят даже малейшего критического отношения к их произведениям — бледнеют, враждебно бычатся, злопамятно затаивают в душе ненависть и мстительные намерения. Было это, как известно, и с некоторыми славными покойниками. Но я никогда не мог себе представить, чтобы и вас могла коснуться эта язва, и всякие намеки на вашу нетерпимость отвергал с негодованием. Я привык думать о вас как о человеке большой суровой правды, как о великом художнике, который создал целую эпоху в литературе. Я привык думать, что вы, по своей исключительной чуткости, не можете вынести ни лжи, ни лицемерия, а искреннее слово может вызвать у вас только или улыбку, или волнение. Вас никто не может обидеть, потому что вы по своему необычайному уму и мировому значению — выше этого. Очень вероятно, что я — не прав в своих суждениях о «Самгине», и совсем не спорю, что я, может быть, совсем не понял нутра этого произведения, но то, что я писал вам, я чувствовал больно, и мне хотелось высказаться от души. Я ненавижу ложь и фальшь во всех их видах, а лесть всегда вызывает у меня омерзение. Я ждал, что вы поможете мне разобраться в недоуменных вопросах и укажете на мои ошибки. Но вы не ответили, и я теперь — в тревоге. Я хочу, чтобы вы сказали мне свое слово.

Был у меня Леонов, говорил о вас, и я, право, завидовал ему[2]. Увидеть и почувствовать вас для меня было бы большим событием. Но ехать за границу и нюхать Европу сейчас мне не хочется. Мы совсем мало знаем свою страну — новую, своеобразную, удивительно многогранную. Поэтому вместо того, чтобы отправиться за советские рубежи, я все это

САМГИН И РОТМИСТР ПОПОВ

Рисунок (тушь, акварель) Кукрыниксов к роману Горького «Жизнь Клима Самгина», 1933 г.

Музей Горького, Москва

лето бродил и по северу, и по югу, и по Поволжью. И не насытился — неудержимо хочется опять бродить.

В Москве сейчас писатели — в беспокойстве: есть угроза остаться вне профсоюза. Дело в том, что писателя рассматривают наши профсоюзные бюрократы как собственника и, пожалуй, как предпринимателя (право распоряжаться своим литературным имуществом). Он, видите ли, работает не по найму, а посему в профсоюзе ему не место. По своим гражданским правам он может приравниваться только... ну, скажем, к домашним хозяйкам. Ц〈ентральное〉 Б〈юро〉 секции печати говорит об этом с циничной откровенностью. Журналисты ведут себя, на мой взгляд, по-предательски. Я стою на той точке зрения, что нам не нужно было выходить из Рабпроса, а присоединиться к секции научн〈ых〉 работников или создать свою литературную секцию. Теперь же ученые от нас решительно отмахиваются. Боюсь, как бы писатели не лишились того правового положения, которое они закрепили за собою за эти годы. Вот где до зарезу нужен ваш авторитетный голос.

Леонов говорил, что вы будто собираетесь приехать в будущем году. Это было бы чудесно, но я боюсь, что затреплют вас здесь и измучают наши писатели.

Дело с Воронским как будто безнадежно [3]. Но неудивительно будет, если скоро произойдет какой-нибудь неожиданный сдвиг. Скверно то, что очень много теперь шустрых и прилипчивых ребят вроде... Фатова. Эти пострелы везде поспевают.

Простите за назойливость, но, право же, вы должны во что бы то ни стало помочь стать крепко на ноги сборникам «ЗиФа». Ваше имя будет тем центром, вокруг которого объединятся все писатели, как старики, так и молодежь. Вы же сами знаете, что ваше имя — это лозунг, знамя

наших дней. Ваш отказ от сотрудничества и от того, чтобы поставить ваше имя на книжках, истолкуется превратно: многие будут убеждены, что вы бойкотируете эти сборники. Вы уже получили, вероятно, новое письмо от редакции сборников [4]. Пожалуйста, не отклоняйте просьбы.

Скоро ли выйдет 2-й том «Самгина»?

Я руковожу одним литерат〈урным〉 кружком молодежи («Вагранка»). Растут замечательные ребята [5].

Всего вам доброго. Хочется дружески, любовно пожать вам руку.

Фед. Гладков

Читали ли вы мое «Пьяное солнце» в «Нов〈ом〉 мире»? Просмотрел я его в печати, и мне стало жутко: много еще над ним нужно работать[6].

[1] См. письмо 20.

[2] Л. М. Леонов был в гостях у Горького в Сорренто в июле 1927 г.

[3] См. письмо 17, прим. 1 и 3.

[4] Письмо Горькому от редакции альманаха «ЗиФ» было послано 30 сентября 1927 г. за подписями Обрадовича, Бахметьева, Гладкова, Серафимовича, Новикова-Прибоя и др. (АГ).

[5] Вокруг МАПП в двадцатые годы создавалась сеть рабочих литературных кружков при райкомах партии. Один из таких кружков — «Вагранка» — был создан в 1923 г. Гладков руководил этим кружком с 1927 г. Участники кружка (Я. Шведов, К. Минаев, М. Поликарпов, И. Дорофеев и др.) печатали свои произведения в газетах и журналах. Было издано два сборника: «Вагранка». Сборник литературно-художественного кружка при Рогожско-Симоновском райкоме РКП(б). М., «Московский рабочий», 1925; «Вагранка». Рабочий литкружок. М., «Молодая гвардия», 1930.

[6] См. письмо 9, прим. 2.

22

ГОРЬКИЙ — ГЛАДКОВУ

〈Сорренто. 2 октября 1927 г.〉

Какой вы «подозревающий» человек, Федор Васильевич! Чуть только немного задержишь ответ на ваше письмо, как вы уже подозреваете: обиделся! А ведь можно объяснить медлительность моих ответов вам гораздо проще и ближе к правде: времени не хватает. Вот сегодня отвечаю вам «вне очереди».

Не следовало бы подозревать меня болеющим «недугом обидчивости», потому что в оценке вашей «Самгина» ничего «обидного» не содержится. Затем: пишу я 35 лет, но — самоуверенностью не страдаю и считать себя непогрешимым отнюдь не склонен. И не стыжусь учиться даже у «начинающих», о чем мною совершенно искренно и печатно заявлено в статейке, приложенной к первому тому рассказов прекраснейшего художника нашего М. М. Пришвина [1]. Ваше мнение о «Самгине» — мнение, с которым я также считаюсь, как и с мнением всякого другого литератора, мастера одного цеха со мною. К мнениям сотоварищей-беллетристов я всегда был более внимателен, чем к поучениям критиков. Вот «Руль» перепечатал из какой-то московской газеты — «Руль» редко указывает квартиры, из которых он ворует,— стишки, перифразу Некрасова:

Я книгу взял, восстав от сна
И — погрузился в сон.
Роман «Жизнь Клима Самгина»
На 800 персон!
Что Достоевский? Что Бальзак?
Что книги прежних дней?
Бывали лучше — точно так,
Но — не было скучней![2]

Стишки не очень остроумны, а «На 800 персон» — не плохо! И — увы! надо согласиться: книга-то скучновата. Хотя — может быть — это ей и приличествует как панихиде о русской интеллигенции.

На ваш вопрос: почему не пишу о современности? ответить легко: не могу разрешить себе писать о том, чего не вижу, что только чувствую и о чем догадываюсь. Вот, в мае, приеду в Москву, похожу, поезжу по России, побываю в местах, где живал, увижу, что случилось, и тогда, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, напишем и о современности.

Для сборников «ЗиФа» — что я могу сделать? Готового у меня нет ничего, писать одновременно рассказы и роман — не могу. И так мне приходится слишком часто отрываться от работы.

Второй том Самгина будет печататься, вероятно, с января, не раньше [3]. От редакции «ЗиФа» писем не получал.

Наступает осень, бронхитное время.

Будьте здоровы, всего доброго!

А. П е ш к о в

Каким хорошим прозаиком становится Н. Тихонов [4]. За этот год появилось четверо очень интересных людей: Заяицкий, Платонов, Фадеев, Олеша [5]. Удивительная страна.

«Пьяное сердце»[6] буду читать, когда получу конец. Жму руку.

А. П.

2.X — 27. Sorrento.

[1] Михаил П р и ш в и н. Собр. соч., т. 1. «Охота за счастьем». М.— Л., Госиздат 1927. Вступительная статья Горького.

«Я многому учился по вашим книгам ⟨...⟩ Учусь и по сей день,— писал Горький,— и не только у вас, законченного мастера, но даже у литераторов моложе меня лет на тридцать пять, у тех, которые только что начали работать, чьи дарования еще не в ладах с уменьем, но голоса звучат по-новому сильно и свежо» (стр. 8).

[2] Белоэмигрантская газета «Руль» (Берлин) перепечатала эпиграмму Арго, опубл. в газете «Вечерняя Москва», 1927, № 218, от 24 сентября. Перефразированы стихи Некрасова из поэмы «Современники»: «Я книгу взял, восстав от сна, и прочитал я в ней: „Бывали хуже времена, но не было подлей“».

[3] Вторая часть романа «Жизнь Клима Самгина» печаталась в «Новом мире», 1928, №№ 5—9 и «Красной нови», 1928, №№ 5—8; в 1928 же году была напечатана в Собр. соч. Берлин, «Книга», т. XXI.

[4] В 1927 г. вышли две книги рассказов Н. С. Тихонова «Военные кони» и «Рискованный человек». М.— Л., ГИЗ.

[5] Горький имеет в виду следующие произведения: С. С. З а я и ц к и й. Баклажаны. М., «Круг», 1927; А. П. П л а т о н о в. Епифанские шлюзы. М., «Молодая гвардия», 1927; А. А. Ф а д е е в. Разгром. Л., «Прибой», 1927 (отрывки первоначально печатались в «Молодой гвардии», 1926, №№ 7 и 12); Ю. О л е ш а. Зависть. «Красная новь», 1927, кн. 7—8.

[6] Описка Горького. Речь идет о рассказе Гладкова «Пьяное солнце».

23

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

Москва 1, Грузинский вал, д. 26, кв. 85.
17—II—28.

Дорогой Алексей Максимович!

Недели две тому назад меня посетил П. П. Крючков и вручил мне вырезку из итальянской газеты с моим «некрологом». Мы очень весело провели время по этому случаю. Я был очень тронут вашей шуткой на счет моей мнимой смерти [1].

С величайшим нетерпением жду вашего приезда в Москву. Март — апрель — май — осталось только три месяца! Очень часто вспоминаю мое свидание с вами в 1917 году на Кронверкском [2]. Ах, какой же я был дурак и дикарь в ваших глазах! Ведь я приехал из мурья — приехал

не столько для того, чтобы подышать революционным воздухом Питера, сколько для того, чтобы увидеть вас, образ которого я с любовью и волнением носил в душе с 1900 г. Сидел я тогда перед вами и — замирал, а в душе была невообразимая сумятица.

Сейчас у нас идут лихорадочные приготовления к вашему юбилею [3]. Ведь юбилей ваш — это праздник всей не только русской, но и мировой литературы. И активное участие в этом празднике — большая радость для каждого из нас. Живу робкой надеждой, что, будучи в Москве, вы не откажетесь посетить меня.

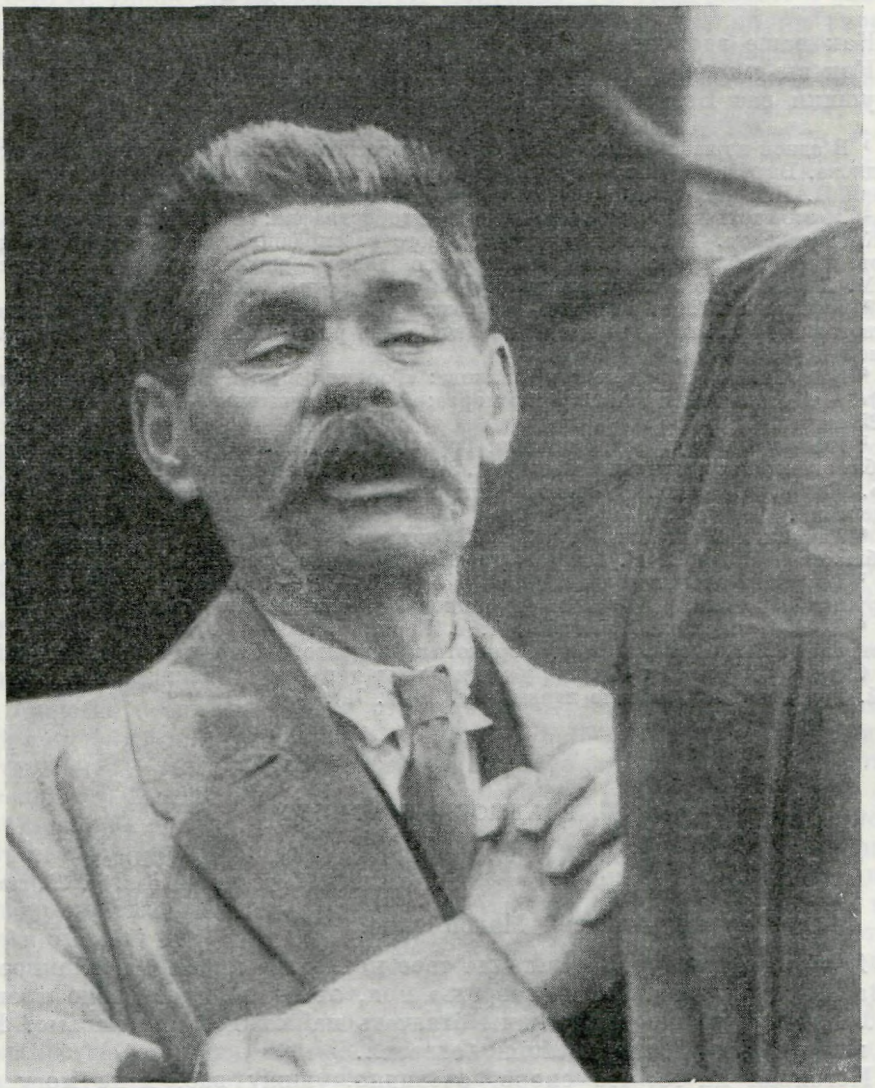
Написал я несколько статей о вас в журналы, но страшно ими (этими статьями) недоволен [4]. Глубоко жалею, что до сих пор не сумел написать хотя бы одной большой статьи, где можно было бы выложить со страстью и огнем все то, чем полна моя душа. Верю, что сделаю это после живого общения с вами. Кажется, жизнь бы отдал, чтобы написать о вас такую же чудесную поэму, какие вы писали, напр⟨имер⟩, о Ленине, Красине и др.[5]

Получили ли вы альманах «ЗиФа»?[6] Какое он произвел на вас впечатление? Повесть Бахметьева, по-моему, очень хороша, если не считать несколько необоснованного конца и некоторых погрешностей в языке. Так называемая пролет⟨арская⟩ литература, что бы ни говорили о ней скептики и недоброжелатели, все-таки бурно растет. Если признать за истину известное положение Плеханова, что художественное произведение в конечном счете определяется его содержанием, то и темы, и проблемы современности, и персонаж, и своеобразие их формального воплощения разрабатываются в пролет⟨арской⟩ литературе с размахом, который не снился и старым и новым попутчикам. И это вполне понятно: в нашей советской и партийной общественности есть очень много такого, что скрыто от т⟨ак⟩ н⟨азываемых⟩ попутчиков, и понять многое существенное они — не в состоянии. Вся болтовня о некультурности т⟨ак⟩ н⟨азываемого⟩ пролетарского писателя (я говорю о профессионалах) порядком уже надоела. Галиматья. Ведь все наиболее видные пролет⟨арские⟩ писатели — это люди, которые еще в давние времена подполья, тюрем и ссылки очень много работали и сейчас работают над собою и пишут уже по 15—20 лет. Досадно слушать, как наши «авторитетные» критики, продолжают без достаточных оснований упирать на бóльшую культурность, напр⟨имер⟩, таких писателей, как Вс. Иванова, Сейфуллиной, П. Романова, Леонова и т. д. Одним из признаков культурности является — уменье осознать свою эпоху, уменье разобраться во многих процессах нашей истории и хотя бы приблизительно верно истолковать важные явления нашей действительности. В этом отношении они до смешного беспомощны и наивны.

С другой стороны, наши шустрые пострелы и казенные писаря из «На лит⟨ературном⟩ посту» невыносимо пустозвонят с репетиловской развязностью о вещах, в которых они ничего не смыслят. Все эти Волины, Зонины, Авербахи, Ермиловы, Фатовы и К⁰, не имеющие никакого отношения к литературе, изо всех сил лезут в «вожди» и «идеологи» и с апломбом невежд и бесстыдников пророчествуют об «органически гармоническом человеке современности», о «живом человеке в художественной литературе» и т. п.

Дня через 2—3 уезжаю опять на Днепрострой. Потом, вероятно, проеду на Донщину — в колхозы. Это своеобразное хозяйство совсем у нас не изучено. Возвращусь через месяц. Надеюсь, что к приезду ответ от вас будет получен.

Нет ли все-таки у вас чего-нибудь для альманаха? Не сердитесь за назойливость: уж больно хочется выпустить книжку с вашим именем. Альманах выходит под моей редакцией.



ГОРЬКИЙ

Снимок сделан 28 мая 1928 г. во время выступления на митинге у Белорусского вокзала, по приезде в Москву

Музей Горького, Москва

Ваше последнее письмо для меня было большой радостью: это было письмо от друга.

С крепкой любовью жму вашу руку.

Ф. Гладков

Как ваше здоровье?

Как вы смотрите на Никифорова?[7] Из этого рабочего будет толк. Не оглушили вас Безыменский, Жаров и Уткин? [8]

[1] В одной из итальянских газет было напечатано ошибочное сообщение о смерти Гладкова. Вырезку с этим сообщением Горький передал Гладкову через своего секретаря П. П. Крючкова.

[2] Об этой встрече Гладков вспоминал в автобиографии: «Был у него лично в 1917 г. на Кронверкском. Встретил радушно. Много расспрашивал меня о моей жизни, о работе и все повторял: „Ведь я вас знаю давно — никогда не пишете скучно“» (Л. М. Клейнборт. Очерки народной литературы. Л., 1924, стр. 205).

[3] В феврале 1928 г. в Москве был создан Общественный комитет по организации чествования Горького в связи с 60-летием со дня рождения и 35-летием его литературной деятельности.

[4] В 1928 г. появились статьи Гладкова: «Горький в моей юности (Из воспоминаний)».— «Красная нива», № 13, от 25 марта; «Вождь и учитель».— «Прожектор», № 13, от 25 марта.

[5] Имеются в виду воспоминания Горького «В. И. Ленин», полностью впервые опубл. в кн.: «Воспоминания. Рассказы. Заметки». М., «Книга», 1927, и «Леонид Красин». Очерк о Красине впервые был напечатан в «Известиях», 1926, № 294, от 19 декабря.

[6] Альманах «ЗиФ», кн. 1. М., 1925, под ред. Ф. Гладкова. В альманахе был опубликован роман В. М. Бахметьева «Преступление Мартына».

[7] Георгий Константинович *Никифоров* (1884 — ?)— советский писатель, входил в группу «Кузница». В 1927 г. опубликовал роман «У фонаря».

[8] А. И. Безыменский (р. 1898), А. А. Жаров (р. 1904) и И. П. Уткин (1903—1944) в феврале 1928 г. были в гостях у Горького в Сорренто. 5 февраля 1928 г. Горький писал Сергееву-Ценскому: «Сейчас у меня живут три поэта: Уткин, Жаров, Безыменский. Талантливы. Особенно первый» (т. 30, с. 72).

24

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

25 марта 1928 г.
Москва 1, Грузинский вал, д. 26, кв. 85.

Дорогой Алексей Максимович!

Я опять не получил ответа на свое последнее письмо, посланное месяца полтора назад. Хотя «очередь» моя, очевидно, уже давно прошла, но... почему именно вы должны отвечать на каждое мое письмо? Ведь не каждое же письмо достойно ответа...

Невзирая на то, что скоро, очевидно, увижу вас, я не могу все-таки удержаться, чтобы не написать вам несколько строк по следующему незначительному поводу. Прошу вас только не истолковать превратно ни тона, ни содержания этого письма. Я только хочу высказать несколько недоуменных вопросов, которые сейчас встревожили не столько меня, сколько моих товарищей. Это касается одного из последних событий — вашего письма к Ромену Роллану [1].

Письмо это появилось в нашей печати на этих днях, и оно вызвало очень много толков. Лично я отнесся к нему спокойнее других: я не увидел в нем ничего предвзятого. Многие же — наоборот — увидели в этом письме определенную предубежденность вашу к некоторым литераторам и даже к целым группам. Мне пришлось горячо поспорить с этими людьми, но переубедить их все-таки не удалось. Мне кажется, что, перечисляя имена писателей, вы вовсе не задавались целью одних нарочито выделить, а других пренебрежительно замолчать, считая их недостойными упоми-

нания. Произошло это, по-моему, случайно: просто одни спрыгнули с кончика пера, а другие по забывчивости застряли (сколько ведь их!). Чем же можно объяснить, напр⟨имер⟩, следующее: вы рекомендуете какого-то Л. Борисова и, скажем, Н. Смирнову [2], а умалчиваете о замечательном парне — М. Чумандрине, говорите о Катаеве, но ни слова о Бахметьеве (который выше Фадеева), называете П. Орешина [3], но ни звука об Обрадовиче и т. д., и т. п. А так как *сейчас особенно* к каждому вашему слову прислушиваются и чуть ли не считают его законом, то целая группа писателей, именно — «Кузница» [4], склонна считать, что вы ни одного писателя этого содружества и в грош не цените: не посчитали нужным упомянуть в таком важном письме ни одного даже из видных ее писателей, известность которых распространяется далеко за пределы Советской России.

Дело в том, что так называемая пролетарская литература не только в нашей стране, но и в странах Запада завоевывает себе одно из первых мест и по мастерству, и, главным образом, по своим темам, глубоко волнующим не одни только слои пролетариата. Из вашего же письма действительно не видно, признаете ли вы за писателями этой группы какие-либо заслуги перед искусством или совсем не признаете. Получается такое впечатление, что вы как будто сознательно делаете им отвод, а единственными носителями русской литературы считаете людей, которые меньше всего характерны для нашего времени (Сергеев-Ценский, Клычков, Толстой, Пришвин, Гл. Алексеев [5], Катаев и пр.). И совсем не смягчает впечатления упоминание Фадеева, Сергея Семенова [6] и (ох!) Жарова. Хуже — читаешь эти фамилии и чувствуешь: уж лучше бы Горький совсем промолчал о них, а то что-то уж больно нехорошо выходит.

Потом это странное выпячивание Сергеева-Ценского и Пришвина как *вождей* современной русской литературы. Как они ни хороши как мастера, но беру на себя смелость и ответственность заявить вам, что никогда они вождями (или «во главе» — что одно и то же) русской литературы (и тем более — современной) не были и, конечно, не будут. Горького вот безоговорочно приемлют как вождя, и впредь ему уготована сия роль. А какие же они, извините, вожди? Неверно, Алексей Максимович! Русская литература наших дней нуждается в вождях другого рода, о чем вам должно быть известно не менее,чем нам. Ибо новые, неслыханные раньше, неведомые этим «вождям», задачи стоят теперь перед писателем, новые проблемы прут из новой жизни, которые непонятны им, чужды и от которых они бегут в панической растерянности, как от «жупела» и «металла» [7]. Теперь же всем ясно, что революция и литература — это одно, что оторвать их одно от другого невозможно. И тот, кто не живет нашей действительностью, не горит жаром нашего созидания, не страдает нашими болями, кто не может по-нашему «объяснять и изменять мир»,— тот писатель — вне нашей литературы, тот умер для нас. Что же тут говорить о водительстве...

Только об этом я и хотел написать вам. Надеюсь, что вы хотя бы в 2-х—3-х словах рассеете наше недоумение.

Ждем вас в Москву. Боюсь, что тот триумф, который готовят вам, истомит вас вдребезги. Измотают вас. Как ваше здоровье?

Душою с вами
Фед. Гладков

[1] Письмо Горького Ромену Роллану от 29 января 1928 г. было напечатано с некоторыми сокращениями в «Правде», 1928, № 70, от 23 марта. Письмо было написано Горьким по просьбе Роллана, в связи с антисоветской кампанией белоэмигрантской прессы, поднявшей шум вокруг присланного якобы из Советской России письма, в котором клеветнически изображалось бедственное положение писателей в СССР.

Ответ Горького, нарисовавшего подлинную картину литературной жизни в Советском Союзе, был опубликован Ролланом в журнале «Europe» в марте 1928 г. (см. вступительную статью к наст. тому, стр. 19—22).

[2] В 1927 г. вышли книги: Л. Борисов. Ход конем. М.— Л., «Прибой»; Н. Смирнова. Закон земли. Рассказы. М.— Л., «Прибой». Ко второму изданию книги Л. Борисова Горький написал предисловие в 1928 г., которое не было опубликовано. Горький рекомендовал редактору журнала «Красная новь» Вс. Иванову привлечь к сотрудничеству Н. В. Смирнову и Л. И. Борисова в числе других молодых писателей (письмо от 20 января 1928 г., АГ). О М. Чумандрине см. в наст. томе, стр. 673.

[3] Петр Васильевич *Орешин* (1887—1943) — писатель, один из представителей крестьянской поэзии двадцатых годов.

[4] Группа пролетарских писателей «Кузница» возникла в 1920 г. при Литотделе Наркомпроса. Ядро «Кузницы» составляли первоначально поэты-пролеткультовцы С. Обрадович, В. Кириллов, М. Герасимов и др. Позднее на первый план выступили прозаики Ф. Гладков, В. Бахметьев, Г. Никифоров, Н. Ляшко и др. В литературной борьбе двадцатых годов «Кузница» занимала особое место. Расходясь по ряду вопросов с РАПП, «Кузница» иногда объединялась с «Перевалом» против «напостовцев». Но в то же время представители «Кузницы» резко восставали против литературной политики критиков «Перевала», выдвигавших на передовую линию советской литературы двадцатых годов так называемых «писателей-попутчиков». Следы групповых пристрастий явственно ощущаются в данном письме Гладкова.

Сергей Александрович *Обрадович* (1892—1956) — один из поэтов группы «Кузница», редактировал журнал «Кузница», альманахи ЗиФ, «Рабочий журнал». В своих стихах воспевал пафос освобожденного заводского труда.

[5] Глеб Васильевич *Алексеев* (р. 1892) — советский писатель, автор романа «Тени, стоящие впереди», ряда рассказов и очерков.

Горький называл Гл. Алексеева в числе талантливых «очеркистов», которых выдвинула молодая советская литература (см. статью Горького «О литературе», т. 25, с. 256).

В личной библиотеке Горького хранятся две книги Алексеева с дарственными надписями: «Мертвый бег. Повесть зарубежных лет». Берлин, «Книгоиздательство писателей», 1923, и «Шуба». Харьков, «Пролетарий», 1927. На обеих книгах имеются пометы Горького.

[6] Сергей Александрович *Семенов* (1893—1943) — советский писатель, автор популярного в двадцатых годах романа «Наталья Тарпова».

[7] Выражение, идущее из комедии А. Н. Островского «Тяжелые дни». Героиня пьесы Настасья Петровна говорит, что наравне с «металлом» для нее самое «страшное» слово «жупел».

25

ГОРЬКИЙ — ГЛАДКОВУ

Сорренто. 〈Начало апреля. 1928 г.〉

Р. Роллан опубликовал только часть сведений о совр〈еменной〉 рус〈ской〉 лит〈ературе〉, посланных мною ему для *его личного* осведомления; я дал ему право пользоваться этими сведениями, как он захочет и в какой мере найдет нужным. Его полемика с рус〈скими〉 эмигрантами продолжается.

Ему нет никакого дела до разногласий, существующих между совр〈еменными〉 русскими писателями. Мне эти разногласия кажутся преждевременными, и я чувствую в них отголосок оскорбленных самолюбий.

О книге «какого-то» Л. Борисова [1] читайте отзывы рабочих. Откуда у вас этот «аристократический» тон по отношению к начинающему писателю — «какой-то»? Не заболели ли вы «комчванством»? Есть писатели плохие и есть хорошие. Ценский и Пришвин — отличные писатели, поэтому плохие писатели должны учиться у них как надо работать. Вот почему я их «„страшно“ выпячиваю», как вы пишете.

Стихи Обрадовича Роллан знает. Он вообще

Датируется по письмам 24 и 26.

Печатаемый отрывок представляет собой черновой набросок письма Гладкову. Полный текст письма, посланного Гладкову, не обнаружен.

[1] См. письмо 24, прим. 2.

ВСТРЕЧА ГОРЬКОГО В МОСКВЕ, 28 МАЯ 1928 г.
На площади у Белорусского вокзала в ожидании прихода поезда
Фотография
Музей Горького, Москва

26

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

17—IV—28.

Ваш раздражительный окрик, Алексей Максимович, достоин изумления: я совсем не заслужил его [1]. Мне невдомек: что вы нашли «смешного» и «забавного» в моем письме? В чем проявился этот «учительский тон»? Ваш намек на «уязвленное самолюбие» бьет мимо цели: я, кажется, как никто страдаю неизлечимой болезнью самоотрицания. Разъедающая рефлексия обессилила меня вконец. Вы даже сами заметили это. Сообщали ли вы обо мне Р. Роллану или нет, — мне совершенно безразлично. Я и не думал о себе, когда писал вам это злополучное письмо. Слово «какой-то» написано, правда, неосмотрительно — не из «аристократизма» (откуда может быть «аристократизм»?), а по другой причине. Насчет «разногласий» я с вами не вполне согласен; они — неизбежны и вызваны своеобразными условиями развития нашей литературы (не посчитайте и это за «учительский тон»). Ваше деление писателей только на грамотных и неграмотных (что же это за писатели, если они — неграмотны?) — сомнительный критерий для вскрытия сути нашего литературного движения. Очень благодарен за разъяснение недоуменных вопросов. Прошу извинить меня за прошлое письмо, которое вы нашли, очевидно, фамильярным. В дальнейшем я, конечно, не посмею больше беспокоить вас своей корреспонденцией. Преданный вам

Ф. Гладков

[1] Имеется в виду письмо Горького от начала апреля 1928 г., черновой отрывок которого приведен выше.

27

ГЛАДКОВ и С. ОБРАДОВИЧ — ГОРЬКОМУ

Москва. 30 марта 1929 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Вы уже достаточно знакомы с альманахом «Земля и фабрика», и ваше отношение к нему, надеемся, не отрицательное. Очень хотелось бы выслушать ваш отзыв о некоторых книжках, которые вышли за этот год нашей работы. Но в первую голову необходимо *ваше* близкое участие и помощь в нашей работе и словом и делом.

Не откажите, Алексей Максимович, дать для одной из очередных книжек альманаха то, что у вас есть под рукой — или законченную вещь, или отрывок из романа. Вы этим нас чрезвычайно обяжете. Читатели настойчиво выражают желание увидеть ваше имя на страницах альманаха «Земля и фабрика».

Ф. Гладков
С. Обрадович

28

ГОРЬКИЙ — ГЛАДКОВУ

⟨Сорренто. 25 апреля 1929 г.⟩

Дорогой т. Гладков.

У меня нет ничего, что я мог бы дать для альманаха «ЗиФ»; роман в этом году я не кончу, частями печатать его — не стану [1].

В четвертом альманахе [2] мне больше всего понравились стихи Брауна «Быстрота». «Соленая купель» Новикова очень напоминает перевод пло-

хого английского романа. Новикова я не люблю читать, это — литературный мастеровой; ремесло, избранное им, нимало не волнует его, равнодушный к нему, он почти не совершенствуется в нем и хотя выработал некоторую ловкость, все-таки пишет таким языком: «И не волны, а злые духи, наряженные в белые плащи, с гулом и шипением вкатывались на палубу». Вот эти «духи в плащах», и многое прочее в таком же роде, и делает сочинение Новикова похожим на дешевый английский роман.

Вообще же, мне кажется, в альманахи следует привлекать возможно больше молодежи.

На ваш вопрос о книжках, изданных «ЗиФом» за год, должен сказать, что в этой работе я многого не понимаю. Напр⟨имер⟩: зачем нужно было издать совершенно неудачный огромный роман Писемского «Люди 40-х гг.», когда можно бы заменить его небольшим и правдивым романом одного из «петрашевцев» Пальма — «Альминского» «Алексей Свободин» (м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ «Андрей», не помню) или романом Авдеева «40-е годы» [3]. Так же непонятно издание очень плохой книги Мельникова «На горах». У него «В лесах» есть хороший язык и есть объективность художника, а ведь «На горах» — ни того, ни другого, и очень много желания угодить «православию» посредством сознательного искажения диссидентства пошлостью и ложью. Так как Мельников поволжское сектантство знал отлично, он отлично и порочил его. Книг Мельникова у меня нет, и я не знаю, даны ли «ЗиФом» предисловия к ним, характеризующие фигуру автора, как «доносителя» и «гонителя» [4]. Наилучше говорит о нем его же секретная «Записка о сектантстве», опубликованная в посвященном Мельникову томе «Трудов Нижегородской губ⟨ернской⟩ Архивной комиссии» [5]. Писемский и Мельников изданы, «несмотря на реакционную идеологию» их. В массе нашего нового читателя «реакционное» настроение живет как эмоция, как инстинкт и «власть земли». Я опасаюсь, что книги реакционных писателей, предложенные читателю без предисловий, помогут ему превратить эмоции в идеи.

Издание пухлых и скучнейших книг Т. Драйзера[6] тоже не совсем понятно мне. В США есть писатели более талантливые. Обращаю ваше внимание на новую книгу Синклера Льюиса «Местечко» — и посылаю две книги Жульена Грин и Карла ван Вехтен, он — голландец, но пишет по-английски [7].

«Журнал для всех» [8] становится живее, интересней. Это — очень хорошо.

Ну, вот, написал вам ворчливое письмо, как и надлежит писать мне, старику. Скоро увидимся.

Будьте здоровы.

А. Пешков

Сорренто.
25—IV—29.

Печатается по авторизованной машинописной копии, сохранившейся в личном архиве Горького.

[1] Речь идет о работе над 3-й частью романа «Жизнь Клима Самгина».

[2] В альманахе «Земля и фабрика», № 4, М., 1928, были опубликованы следующие произведения: А. Новиков-Прибой. Соленая купель. Роман; С. Обрадович. Призрак. Стихи; Н. Браун. Быстрота. Стихи; Е. Замятин. Наводнение. Рассказ; Г. Никифоров. Ложь. Рассказ; Осип Колычев. Сады Тирасполя. Стихи; Э. Багрицкий. Cyprinus Carpio. Стихи; И. Ерошин. Алтайские песни. Стихи; М. Слонимский. Пощечина. Рассказ; Г. Алексеев. Приданое. Рассказ; М. Пришвин. Три рассказа.

[3] А. Ф. Писемский. Люди сороковых годов. Роман, кн. 1—2. М.— Л., «ЗиФ», 1928.

Автобиографический роман А. И. Пальма (1822—1889) «Алексей Свободин. Семейная история в 5-ти частях» был напечатан под псевдонимом П. Альминский в «Вестнике Европы», 1872, №№ 10—12.

М. В. Авдеев. В сороковых годах. Повесть.— «Вестник Европы», 1876, т. V, кн. 9; т. VI, кн. 11. М. В. Авдеев умер в 1876 г., и повесть осталась незаконченной.

[4] В 1928 г. издательством «ЗиФ» были выпущены оба романа П. И. Мельникова (Печерского) «В лесах» и «На горах», снабженные предисловиями. В предисловии Л. К. к роману «На горах», в частности, писалось: «Мельников-Печерский является писателем благонамеренным. Он не только не задумывался над „потрясением основ", но даже считал своей необходимой задачей охранение их».

[5] В память П. И. Мельникова (Андрея Печерского). Сборник. Издание Нижегородской ученой архивной комиссии 1911, т. IX, ч. II. «Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии, составленный состоящим при Мин. Внутр. Дел коллежским советником Мельниковым».

[6] В 1928 г. изд-во «ЗиФ» выпустило в свет тт. II—VII Собр. соч. Т. Драйзера под ред. С. С. Динамова (романы: «Финансист», «Титан», «Гений», «Освобождение», «Американская трагедия», «Цепи»).

[7] Указанные книги Горький посылал для издательства «ЗиФ», что подтверждается письмом Горького А. Б. Халатову от 27 апреля 1929 г.: «Передайте книжку в „ЗиФ". Недавно я послал туда на имя Гладкова еще две книжки, француза и голландца» (АГ).

Жюльен Грин (р. 1900) — французский писатель. Возможно, Горький послал его роман «Leviathan».

Карл ван Вехтен (1880—?) — американский писатель (по происхождению голландец).

Книги этих писателей издательством «ЗиФ» выпущены не были.

[8] «Журнал для всех» — ежемесячный литературно-художественный, научно-популярный журнал под редакцией В. Бахметьева, Гладкова и П. Ляшко. Выходил с сентября 1928 г.; со второго номера 1930 г. по 1932 г.— под названием «Пролетарский авангард».

29

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

Москва 34,
Соймоновский проезд, д. 5, кв. 36.
5—IX—30.

Дорогой Алексей Максимович!

В конце сентября я собираюсь поехать в Германию, а оттуда — в Италию. Если получу разрешение и визу, проеду сначала в Берлин, потом — в Рур, Эссен и, может быть, в другие промышленные районы. Италию я давно уже мечтал увидеть. В жизни никогда не думал о возможности побывать за границей. В последние годы я не испытывал никакого желания ехать в чужие страны: мне казалось, что я не знаю очень многих сторон нашей советской действительности, а посему должен прежде всего изучить жизнь и людей своего отечества. И я ездил, жил, наблюдал несколько лет до самого последнего времени. Немецкие рабочие и писатели не раз звали меня к себе, но я откладывал поездку год от году. Теперь вдруг пришла охота посмотреть, как и чем живут люди за нашим рубежом.

Если я буду в Италии, как же я утерплю, чтобы в первую голову не броситься к вам? Я считаю своим долгом, обязанностью увидеть вас хотя бы мимолетно, чтобы приветствовать моего любимого писателя и друга, творчество которого — единственная для меня художественная мудрость. Если мое посещение не будет вам в тягость, прошу вас известить меня об этом. За это время еще успею получить ваш ответ.

Литературные склоки опротивели ужасно. Очень нудно и долго дискуссируются творческие методы [1], шумно открываются азбучные истины, определяются какие-то ориентации, но никто толком ничего не знает, хотя апломбу пропасть. В литературе же пока тихо и скучно. И довлеет безграмотность.

Как ваше здоровье?

Всего вам хорошего, мой родной.

Фед. Гладков

[1] Очевидно, речь идет о развернувшейся в 1930 г. дискуссии о творческом методе пролетарской литературы. Дискуссия открылась статьей А. Безыменского «О творческой установке» в «Лит. газете» 14 апреля. В дальнейшем она развернулась и в ряде журналов: «Октябрь», «Литература и искусство», «На подъеме» и др. 16 июня в «Лит. газете» была напечатана статья Гладкова «О диалектическом методе в художественной литературе».

30

ГОРЬКИЙ — ГЛАДКОВУ

〈Сорренто. 15 сентября 1930 г.〉

Само собою разумеется, дорогой Ф〈едор〉 В〈асильевич〉, что я буду очень рад видеть вас, беседовать с вами.

ВСТРЕЧА ГОРЬКОГО С ПИСАТЕЛЯМИ В ПРАВЛЕНИИ ФЕДЕРАЦИИ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Выступает Ф. В. Гладков. Сидят (слева направо): Е. Д. Зозуля, А. А. Богданов, А. М. Эфрос, Горький, А. А. Фадеев, Г. К. Никифоров, А. Н. Толстой

Фотография, Москва, 7 июня 1928 г.

Музей Горького, Москва

Даже удивлен тем, что вы спрашиваете, не будет ли «визит» ваш «в тягость» мне. Что за церемонии?

Прибыв в Сорренто, велите извозчику отвезти вас на Капо ди Сорренто, в отель «Минерва». Отель — простенький, вам придется в нем только спать, я живу «через дорогу», т〈о〉 е〈сть〉 напротив. Сын мой повозит вас по интересным местам. Чай пить будем, у меня самовар есть.

Жду! Привет.

А. П е ш к о в

15.IX.30.

31

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

7—X—30
Мессина

Дорогой Алексей Максимович!

Сегодня я вышел на берег в Мессине и завтра или послезавтра прямо должен проехать в Рим для того, чтобы отсрочить визу, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ по недоразумению срок обозначен до 10—X. Там же достану визу для Германии.

Из Рима немедленно выеду в Сорренто [1]. Ваше письмо получил и в точности выполню все ваши указания. В Неаполь приеду, вероятно, числа 12-го.

Приветствую вас и крепко жму руку.

Фед. Гладков

[1] Гладков был в гостях у Горького в Сорренто в середине октября. Об этой встрече Гладков вспоминал в статье «Максим Горький в моей юности» (сб. «Горький в воспоминаниях современников». М., Гослитиздат, 1955).

32

ГОРЬКИЙ — ГЛАДКОВУ

⟨Сорренто. Середина ноября 1930 г.⟩

Дорогой Федор Васильевич,

обещал вам написать о «Новой земле»[1] и, вот, исполняю обещание. Делаю это с некоторым насилием над собой, потому что не хотел бы огорчать вас, а, кажется, огорчу: повесть, прочитанная мною вторично, еще более не понравилась мне.

Общее впечатление: вещь тяжелая, холодная, вся — «от ума» и лишена того чувства пафоса, которое вы весьма умело влагаете в форму ваших очерков. «Новая земля», кажется, не удалась. Чувствуется, что материал не продуман, не «облюбован», что вы слишком поспешили рассказать о нем, и эта спешность работы печально повлияла на художественную «изобразительность». Вероятно, материал выиграл бы, если б вы обработали его в форме очерка и от своего лица, но вы предпочли форму повести от первого лица, да еще от лица женщины. Что же получилось? Женщина повествует словами Федора Гладкова, но очень многословно и растянуто, видишь, что она добросовестно читала ваши очерки— «Авангард» [2] и др. и что этот материал подавил ее, принудив рассказывать о том, что Гладков уже рассказал лучше ее.

Сама она как женщина невидима, не ощущается читателем, хотя вы, прибегая к приемам «золаизма», и заставляете ее переживать сексуальные эмоции. На стр. 13-й она у вас «особенно чутко ощутила мягкую тяжесть грудей» своих, но для читателя это не удивительно, он принимает это лишь как чисто внешнее указание и напоминание: говорит женщина. Да и самые слова: чутко ощущать — неудачны; женщина так не скажет, к тому же и определение «чутко» более соответствует слуху. Далее она — девушка — говорит: «Это — не похоть, а инстинкт материнства». Читателю кажется, что похоть тоже лишнее слово, ибо этим словом грубо выражается все тот же инстинкт продолжения рода. Вообще же вы сделали девушку психологически женщиной раньше, чем она физиологически стала ею.

Прием Золя чрезмерно сильно использован вами в главе «Скотий двор» [3], это место весьма напоминает сцену в «Земле» Золя, и в ней очень

много неудачных слов: «Бронзовый трепет жизни», «лошади... с электрической дрожью переливались искрами», Ветров «с *неслыханной* радостью и упоением бесстрашно подошел к заду лошади и, *воркуя*, пошлепал ладонью по крутым бедрам животного». Затем он «слазил рукою между ногами и по брюху» лошади. Это весьма крутой пересол и — снова: это не девица видит и пишет, а Гладков. И даже там, где она говорит: «Ах, любовь всегда нуждается в красоте тайны!» — эти слова ее, после всего предыдущего, звучат неестественно.

И так — на протяжении всех 209 стр⟨аниц⟩. Некоторые главы, напр⟨имер⟩, «Зародыши электроэнергии», «Огненный сад» особенно изобилуют надуманностью слов. Деревенские дети спрашивают, видя снегопад: «Это — просыпалось небо?» В главе «Завоевание полей» баба напрасно «задирает юбку до живота» и «хлопает себя по могучему, туго налитому бедру». Зачем это? Чтоб подчеркнуть гармонию животной силы и земли? Прием — оглушительный. Вы пользуетесь им слишком щедро и перегрубили повесть. Вы все время забываете, что повествует девица, а не Гладков. В главе «Огненный сад» мужики уходят «в отчаянии» — почему? Это совершенно неоправданно. На мой взгляд — повесть не удалась вам. Я сожалею об этом искренно. Посылаю карточки.

Письмо печатается по черновому автографу, датируется по письму 33.

[1] Федор Гладков. Новая земля. Записки педологички. Повесть.— Альманах «ЗиФ», № 10, М., 1929.

[2] Ф. Гладков. Коммуна «Авангард». М.—Л., Госиздат, 1928.

[3] Описка: глава называется «Скотий мир».

33

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

Москва 34,
Соймоновский проезд, д. 5, кв. 36.
20—XI—30.

Мой дорогой Алексей Максимович!

Большое вам спасибо за присылку фотографий [1]. Это — очень дорогая память о днях, так чудесно и поучительно проведенных в обществе с вами.

Я очень огорчен вашим отзывом о «Новой земле». Мне казалось, что вы встретите ее более приветливо. Что ж сделаешь! Значит надо пока замолчать и подумать о себе. Но удивительно, что повесть встретила здесь единодушное одобрение, несмотря на выступление Карпинского в «Лит⟨ературной⟩ газете» [2], впрочем, не как критика, а как журналиста, который не отрицает ее художественных достоинств. На меня напали не за повесть, а за очерк «По колхозным полям», где усмотрели правые и кулацкие тенденции. Чушь, конечно.

Решил уехать из Москвы, где работать мне не удается. Думаю обосноваться или в Крыму или в Закавказье. В Москве я попал в самую гущу литературно-групповых склок и сразу же обалдел.

С нервами у меня происходят большие нелады: какой-то смутный ужас охватывает меня, особенно по ночам. Сила воли ослаблена до последней возможности. Вот достаточно было вашего отзыва о повести, и я упал духом, и мне кажется, что вы произнесли приговор над всей моей жизнью. Все это, разумеется, смешно, но факт остается фактом. Тут, должно быть, сказывается проклятое прошлое, которое достаточно безобразно исковеркало мою душу.

Но... Не будем жаловаться — будем, по силе и возможности, бороться и делать дело жизни.

Здесь — уже зима: холодно, идет снег. В Берлине я впервые за границей почувствовал дыхание революции. За две недели я облазил почти все рабочие кварталы. У интеллигенции — огромный интерес к нашей стране.

Сердечный привет всем, а вас целую и крепко жму руку.

Фед. Гладков

На этих днях вышлю вам все мои книги.

[1] Горький послал Гладкову фотографии, сделанные в Сорренто. Одна из них с изображением Горького и Гладкова воспроизведена в т. 29 (с. 464). Другая сохранилась у Т. Н. Гладковой.

[2] В. Карпинский в статье «Колхозная повесть Ф. Гладкова» («Лит. газета», 1930, № 53, от 15 ноября), одобрив тему произведения, упрекнул Гладкова в излишнем увлечении психологическим анализом.

34

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

Москва 34,
Соймоновский проезд, д. 5, кв. 36.
20—II—31.

Дорогой Алексей Максимович!

Вы дали твердое обещание прислать в феврале рассказ для альманаха «Земля и фабрика» и просили напомнить вам об этом. Разрешите попросить вас сдержать свое слово. Ваш рассказ нужен сейчас до зарезу. До вашего ответа я задержу сдачу материала в производство. Может быть, вы протелеграфировали бы свой ответ?

Еще до сих пор живу воспоминаниями о тех днях, которые проведены мною в обществе с вами. Многое по отношению к себе было передумано и взвешено. Держался я иногда нехорошо, иногда неумно. По некоторым признакам видно, что в ваших глазах я потерял всякое значение как писатель. Но представьте, что сейчас я стал крепче верить в себя. Несмотря на вашу уничтожающую критику «Новой земли», я считаю, что эта повесть все-таки написана неплохо, и вы во многом в оценке своей неправы (кстати, она еще раз тщательно проработана для отдельного издания) [1]. Знаю, что новая повесть, над которой я сейчас работаю, будет удачна: очень уж она меня захватила.

Автобиографический роман, который вы советовали писать немедленно [2], отложен до тех пор, пока не закончу новую повесть: ничего не сделаешь — темпы социалистического строительства не дают возможности предаваться воспоминаниям о прошлом.

Здесь ждут вас с большим нетерпением. Вчера у меня собралось несколько товарищей — Гронский, Стецкий и др. [3],— и мы много и тепло говорили о вас. Не забудьте вашего обещания посетить меня, когда будете в Москве.

Душою ваш
Фед. Гладков

Сердечный привет Надежде Алексеевне и Максиму Алексеевичу, поцелуй ребятишкам. Привет также и художнику [4].

[1] Отдельное издание повести вышло в 1931 г. М.— Л., ОГИЗ (приложение к журналу «30 дней»).

[2] При встрече в Сорренто Горький горячо советовал Гладкову писать автобиографическую повесть.

Замысел автобиографического произведения и начало работы над ним относятся к более раннему времени. В журнале «На литературном посту», 1926 г., № 1 (5 марта), в разделе «Среди писателей» сообщалось, что Гладков «работает над рядом рассказов из подпольного быта и над романом из современной жизни. Одновременно идет работа

над автобиографическим романом» (стр. 55). Автобиографическая трилогия была завершена Гладковым значительно позднее. «Повесть о детстве», «Вольница», «Лихая година» впервые публиковались в «Новом мире» (1949, №№ 2—4; 1950, №№ 7—9; 1954, №№ 1—4).

[3] Иван Михайлович *Гронский* (р. 1894) — старый большевик, в 1931—1934 гг.— редактор газеты «Известия» и журнала «Новый мир».

Иван Алексеевич *Стецкий* (1893—1939)— крупный партийный работник, с 1927 г.— член ЦК ВКП(б), с 1929 г.— заведующий отделом культуры и пропаганды ленинизма ЦК ВКП(б).

[4] У Горького в Сорренто жили сын — М. А. Пешков с женой Н. А. Пешковой, их дети Дарья и Марфа и друг Горького художник И. Н. Ракицкий (1883—1942).

35

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва.〉 18—V—31.
Тел. 2—71—42

Дорогой Алексей Максимович.

Мне, очевидно, не придется увидеться с вами и побеседовать. В 20-х числах мая я уезжаю на Урал.

Разрешите побеспокоить вас по следующему поводу. В ГИХЛе работает М. Д. Эйхенгольц [1], человек выдающийся по своим знаниям и талантливости. Его работу над Золя [2] вы прекрасно знаете. Из наших разговоров в Сорренто я вынес впечатление, что вы относитесь к этому изданию очень положительно. Осталось выпустить последние два тома «Ругон-Маккаров». На очереди — «Четыре евангелия» и «Города». Было бы неплохо издать и избранные статьи и новеллы. Кроме того, Эйхенгольц работает над Флобером [3], которого нужно было бы издать с таким же тщанием, как и Золя. Но работа и над Золя и особенно над Флобером встречает большие затруднения не только вследствие бумажного кризиса, но в большей степени от пренебрежения к этому предприятию со стороны ОГИЗа. Эйхенгольц просто парализован: он страшно подавлен этим пренебрежением и полным отсутствием поддержки[4]. Он — одинок и к тому же болен. Делает же он огромное культурное дело, и ему надо помочь во что бы то ни стало. Помочь же можете только вы. Было время, когда Эйхенгольц старательно и кропотливо изучал архивы Золя в Париже, и в результате мы имеем прекрасную редакцию *полного* Золя и богато представленную творческую его лабораторию. Работу над Флобером нужно было бы провести с такой же тщательностью и с внимательным изучением архивов во Франции, но Эйхенгольц не мог туда поехать: в ОГИЗе считают такую поездку лишней роскошью.

Не сможете ли вы, Алексей Максимович, принять М. Д. Эйхенгольца на короткое время и побеседовать с ним по вопросам этих изданий и оказать ему нужную поддержку? Он изложит вам очень интересные соображения по поводу своей работы, на которые некому обратить должное внимание.

Его телефон: 1—89—23.

Крепко жму вашу руку.

Фед. Гладков

Вы не сдержали своего слова относительно рассказа для альманаха «Земля и фабрика». Обещайте для альманаха свою пьесу, о которой вы говорили в поезде [5].

[1] Марк Давидович *Эйхенгольц* (1889—1953) — литературовед, специалист по истории французской литературы и театра.

[2] Э. З о л я. Полное собр. соч., со статьями, примечаниями и иконографией под общей редакцией М. Д. Эйхенгольца. М., Госиздат, 1928—1931.

[3] Г. Флобер. Собр. соч. в 10 томах, под общей редакцией А. В. Луначарского и М. Д. Эйхенгольца. М.— Л., Госиздат, 1933—1934.
[4] Эта фраза подчеркнута Горьким.
[5] Возможно, речь идет о пьесах «Сомов и другие» или «Егор Булычов и другие»; в альманахе «ЗиФ» пьесы опубликованы не были.

36

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

Москва 34,
Соймоновский проезд, д. 5, кв. 36
Тел. 2—71—42.
12—IX—32.

Дорогой Алексей Максимович!

Обращаюсь к вам с просьбой о разрешении посвятить вам мою новую книгу, первый том которой выходит из издательства «Федерация» и которая печатается сейчас в «Новом мире» [1].

И в прошлом, и в этом году я обращался к охраняющему ваши входы — Крючкову — с просьбой доложить вам о моем желании свидеться с вами. В ответ на мой телефонический запрос я не получал ответа. Из этого заключаю, что доступ мне к вам плотно закрыт. Да будет так. Вспоминается недоброжелательное отношение ко мне (в Италии) кое-кого из близких вам людей... Очевидно, я не умел держать себя у вас, будучи в гостях. Я очень об этом жалею. Я — застенчив, ненаходчив, неловок, неуравновешен...

Часто думаю о вас, и мне — тепло, радостно и больно.

Будьте здоровы.

Сердечный привет и любовь.

Фед. Гладков

P. S. Не откажите сообщить мне через того же Крючкова (по указанному телефону) ответ на первый абзац письма.

[1] «Новый мир», 1932, №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6 — «Энергия», кн. 1, в 2-х частях. Отдельное издание 1-й книги — М., «Федерация». 1933. Книга с пометами Горького хранится в его личной библиотеке.

37

ГОРЬКИЙ — ГЛАДКОВУ

⟨Москва. 16 сентября 1932 г.⟩

Уважаемый Федор Васильевич,

получил ваше письмо и крайне удивлен и его ироническим тоном, и содержанием. Ясно чувствуется: вы обижены тем, что мой друг и секретарь П. П. Крючков «плотно закрыл перед вами входы» ко мне. Разрешите сообщить, что все, что делает Петр Петрович — он делает по моей просьбе или же по указанию моему, значит: виноват перед вами не Крючков, а — я. Легко догадаться и о том, что «вход» ко мне затруднен недостатком у меня времени и что затруднение это распространяется на очень многих людей, встречи и беседы с которыми были бы очень приятны мне.

Затем: вы говорите о «недоброжелательном отношении» к вам кое-кого из близких моих. Поверьте, что у меня нет привычки навязывать близким мои симпатии или антипатии, к тому же близкие мои — народ взрослый, и они руководствуются в оценке людей и фактов своими впечатлениями. Вот уже третий раз вы пишете мне обиженное письмо, и, согласитесь, это говорит о какой-то ненормальности наших с вами отношений. Я думаю, что при наличии таких отношений вам не следует посвящать мне вашу книгу [1].

Печатается по черновому автографу, датируется по секретарской помете на машинописной копии. Возможно, письмо не было послано Гладкову.

[1] См. письмо 40, прим. 1.

38

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

〈22 января 1933 г.〉
Абхазия, Новый Афон. Дом отдыха АбЦИКа

Дорогой Алексей Максимович!

На днях вы получите первый том моей «Энергии»: она выходит в из〈дательст〉ве «Федерация» [1]. К моему огорчению, книга получилась пухлой, как я ни старался жестоко сжать журнальный текст. Этот текст в «Нов〈ом〉 мире» нельзя читать: я смотрю на него как на черновую работу. Мне

А. Г. МАЛЫШКИН, В. П. ПОЛОНСКИЙ, Ф. В. ГЛАДКОВ и В. С. СВАРОГ В МАГНИТОГОРСКЕ

Фотография, 1931 г.

Отдел рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Москва

очень жаль, что я не настоял решительно на отсрочке печатания книги до 33 года. Приходилось большую часть рукописи готовить к каждой книжке журнала. Работа была огромная, и я сидел изо дня в день часов по 10, как каторжный. Измучился до последней возможности. Каждая новая книжка журнала терзала меня, как грешника: я видел все недостатки, все провалы, все недоделки. Поэтому журнальный текст пришлось вдребезги перерабатывать, беспощадно сокращать, писать заново. Я и теперь еще слеп к своей работе, и через полгода, несомненно, мне мучительно будет видеть свое создание в том виде, в каком оно подано в книге.

«Энергия» посвящена вам. Об этом я мечтал давно. Для меня это — целое событие: во-первых, потому, что это знаменует завершение целой

эпохи моей жизни — моя литературная судьба связана с вашим именем; во-вторых, самая идея книги и образы ее — это наша борьба, наше движение в будущее — то, чем живете вы и все мы, участники чудесной эпохи. Когда я писал эту повесть, я всегда вспоминал наши с вами беседы о задачах искусства наших дней, и это укрепляло меня, и я глубоко верил в свои творческие силы. Пусть эта книга моя будет встречена бранью, травлей (это будет, признаки уже имеются налицо), но я знаю одно — «Энергию» не вычеркнешь из литературы наших лет, как «Цемент», который стал достоянием миллионов[2]. Пусть в этих книгах много недостатков, но ведь мы работаем в такие годы, когда на отработку нет лишнего дня: я всегда нахожусь под давлением времени — оно торопит, оно несется стремительно и бурно и требует своего отражения и преображения в жесткие сроки. Приходится нервничать, гореть в огне и работать сверх сил, чтобы сделать вовремя. По существу, эту книгу нужно было писать года три-четыре, чтобы выплавить из руды высококачественный металл, а я трудился над ней не больше полутора лет. Вот откуда проистекают все «неполадки». Нужно сказать *свое* слово в *свое* время. Я ненавижу всякое эпигонство, как бы оно ни было красиво и «целомудренно». А у нас сейчас это эпигонство утверждается как «столбовая дорога». Первоначальная ступень ученичества уже миновала. Мы призваны строить *свою* литературу, свой «творческий метод», который обусловливается всем ходом развития нашей революции. И линия литературного нашего развития, по-моему, скорее идет от вас, чем, напр⟨имер⟩, от Толстого. Разнородные, разноименные системы образов. Учиться, знать литературное наследство, перерабатывать его, конечно, обязательно, необходимо, но подражать-то не нужно. Когда дело идет об изучении, о здоровом исследовании литературных школ прошлого и настоящего — это хорошо, но когда люди одержимо воют на луну и создают себе фетишей — это никуда не годится. Есть у нас люди, которые каждый сезон создают себе кумиры и стараются превратить их в моду: «Ах, Дос-Пассос! Это — откровение... Джойс! Вот новый и единственный путь... Унанимизм [3]— вот настоящая мудрость в искусстве»... А этак лет пять назад кричали о Прусте, о Генри...

Мне страшно, когда некие «вожди» и критики, и иже с ними, в недалеком прошлом остервенело орали о «буржуазности» и «мелкобуржуазности» М. Горького, а теперь с тем же энтузиазмом декламируют дифирамбы «великому пролетарскому писателю». А по-настоящему не изучили всей глубины и великой значимости творческих установок этого писателя. И когда мне приходилось выступать и в печати и на дискуссиях с призывом о необходимости внимательного и глубокого исследования ваших взглядов на искусство, меня крыли в три горы. Для меня же ваше творчество и ваш путь является примером великого значения[4].

Я прошу вас, Алексей Максимович, прочесть мою книгу (а не журнальный текст) и сказать мне свое слово без всякого пристрастия в ту или другую сторону. Вы умеете сказать такое слово мудро и проникновенно.

Вы напрасно упрекнули меня при последнем нашем свидании в обидчивости. Почему и за что я мог бы на вас обижаться? Совсем я вас не понял. Я даже растерялся и изнемог от внезапности. В чем дело? На что же я буду обижаться на вас, дорогой Алексей Максимович? Вы совершенно неправы, приписывая мне обидчивость как черту характера. Не надо этого. Полноте. Я только болезненно нервный и чрезмерно застенчивый человек. В этом виною — моя уродливая биография, которую вы приблизительно знаете (кстати, после «Энергии» я сдержу данное вам слово— засесть за автобиографическую книгу). Я долго ломал голову, откуда у вас сложилось обо мне такое мнение? Уж не насплетничали ли вам какие-нибудь парнишки, которые юлили около вас? Таких прытких доброхотов

на этот счет у нас сколько угодно. Я же думал наоборот, что вы на меня за что-то рассердились — отвернулись от меня и незаслуженно отвергли.

Общение с вами для меня — большая радость. Не лишайте меня вашей дружбы. Ведь я люблю вас огромной любовью на всю жизнь.

Сейчас я живу в Новом Афоне, в доме отдыха Абхазского ЦИКа — пользуюсь гостеприимством Лакобы [5]. Здесь — чудесно: солнце, море, пальмы, лимонные и мандариновые рощи, теплынь — прямо наш май. Вспоминается Сорренто. Очень бы я хотел еще раз побывать в Италии.

Работаю здесь над вторым томом «Энергии» — работаю много, с удовольствием.

Ну, всего вам доброго, будьте здоровы. С любовью жму вам руку.

Ваш Фед. Гладков

P. S. В Москву возвращусь не раньше начала марта. Если вы успеете прочесть за это время мою книгу, не откажите написать мне в Новый Афон по адресу, указанному в заголовке письма. А, может быть, ответите и независимо от прочтения книги?

Не было под рукою бумаги, поэтому пришлось писать на редакционных бланках.

Письмо датируется по письму Гладкова жене, Т. Н. Гладковой, от 22 января 1933 г., в котором Гладков сообщал, что в тот же день послал письмо Горькому (личный архив Гладкова).

[1] См. письмо 36, прим. 1.

[2] Эта фраза от слов «я знаю одно...» подчеркнута Горьким.

[3] Унанимизм (от фр. слова «unanime» — единодушный) — литературное течение, возникшее во Франции в начале XX в. и возглавленное Жюлем Роменом. Унанимисты стремились к изображению «единодушной» жизни коллективов — различных сборищ, улиц, городов и т. д.

[4] Этот абзац отчеркнут Горьким на полях с восклицанием «Ох!».

[5] Лакоба работал в то время первым секретарем ЦК партии Абхазской республики.

39

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

Москва 34,
Соймоновский проезд, д. 5, кв. 36.
18—III—33.

Дорогой Алексей Максимович!

Получили ли вы мое письмо, которое я вам послал из Нового Афона, и книжку («Энергия»), отправленную вам из Москвы? Вы мне не отвечаете, и я — в тревоге: или не хотите, вероятно, писать мне жестоких слов, или книгу еще не прочли. Я устал от продолжительной травли наших критиков-групповиков и очень нуждаюсь в дружеском поощрении. Поневоле будешь сомневаться в своих силах. А работать хочу жадно, много, до изнеможения. Жду от вас приговора в смятении: ваше слово будет или страшный удар, или исцеляющая ласка.

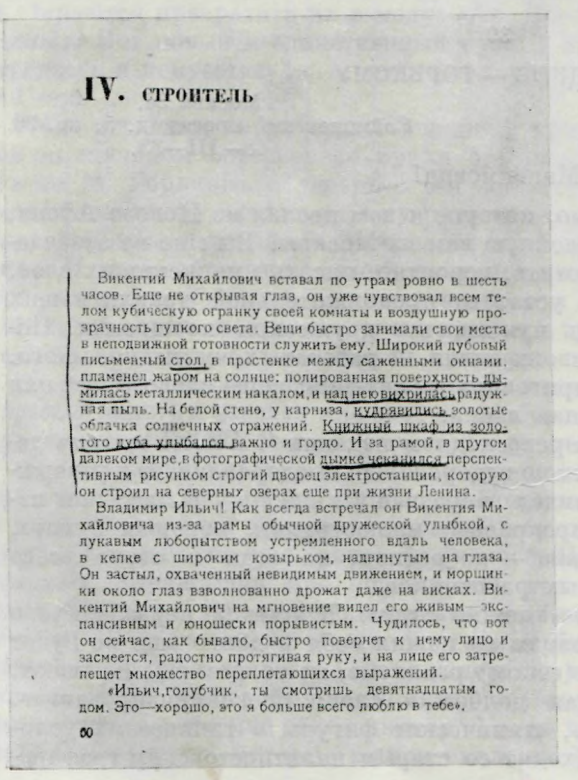
Посылаю вам «Цемент» в превосходном издании [1]. ГИХЛ *может* делать книгу чудесно и сравнительно недорого. Он выздоравливает и утверждается на хорошем пути [2]. Я видел вчера вашу книжечку в массовом издании [3],— отлично сделана: прекрасные иллюстрации, хорошая бумага, коленкоровая обложка. Книжка — добротная, на года и стоит всего 1 р. 10 к. Идет подбор дельных работников.

По «Лит‹ературной› газете» можно судить о жуткой неразберихе в литературных нравах. Групповизм не изжил себя и долго еще не будет изжит. Говорят о социалистич‹еском› реализме, но толком еще не знают, что сие значит. Механическая долбежка слов: «шекспиризирование», «шиллеризирование», «правда», «типические фигуры в типических условиях»... Но к писателям подходят со старым налитпостовским трафаре-

том и по-старому, с предвзятым готовым мнением и наклеивают старые ярлычки. Старые симпатии и антипатии.

Не говорите, что я жалуюсь: я только хочу одного — бурного роста и расцвета литературы. Она у нас ведь молода, сильна, многогранна. Нужно только, чтобы ее не загоняли палками в «творческий метод» Толстого (рабского подражательства). Мне, напр⟨имер⟩, больше нравится художественный метод Горького и Чехова и кое-что свое[4]. Предоставьте же работать именно в этом направлении, если это, по-моему, даст мне возможность выразить себя с большей полнотой. Надо уметь понять художника, а не глушить его дубиной. Надо предоставить каждому быть самим собой. Я знаю свои ошибки и недостатки, и я борюсь с ними, я мучительно ищу себя — ведь я еще, по существу, начинающий писатель. Несколько лет уже долбят, что я — романтик и реакционный писатель, что я — «классовый враг» и «вредитель» (Серебрянский) [5], «буржуазный декадент» и «натуралист» (Ермилов), что я «не прошел школы комсомола» (это — правда, стараюсь!) (Авербах), что я — не художник, а пишу только относительно полезные книжечки (Фадеев). А между тем раньше те же люди (с которыми я *еще* не боролся, *не* спорил) расточали мне похвалы и поднимали на щит. Мне совсем не нужны их похвалы, мне нужно одно — товарищеская помощь. Во всяком случае — не заушение, не улюлюканье, не «дело Бейлиса» [6]. Чего они хотят? Что им нужно? Ах, я знаю, чего они хотят и чего добиваются... Утешает меня одно: читатель (массы) меня знает и, кажется, ценит. Но страшно печалит, что вы почему-то отвернулись от меня и я больше не слышу от вас ободряющих слов. Вы же мне дороги до невозможности. Не лишайте меня вашего доброго отношения.

Работаю над вторым томом. Материал — огромный, и трудности очень большие. Много людей, много мыслей. Но это-то как раз меня и захватывает. Борьба с трудностями и препятствиями — самое замечательное в



IV. СТРОИТЕЛЬ

Викентий Михайлович вставал по утрам ровно в шесть часов. Еще не открывая глаз, он уже чувствовал всем телом кубическую огранку своей комнаты и воздушную прозрачность гулкого света. Вещи быстро занимали свои места в неподвижной готовности служить ему. Широкий дубовый письменный стол, в простенке между саженными окнами, пламенел жаром на солнце: полированная поверхность дымилась металлическим накалом, и над нею вихрилась радужная пыль. На белой стене, у карниза, кудрявились золотые облачка солнечных отражений. Книжный шкаф из золотого дуба улыбался важно и гордо. И за рамой, в другом далеком мире, в фотографической дымке чеканился перспективным рисунком строгий дворец электростанции, которую он строил на северных озерах еще при жизни Ленина.

Владимир Ильич! Как всегда встречал он Викентия Михайловича из-за рамы обычной дружеской улыбкой, с лукавым любопытством устремленного вдаль человека, в кепке с широким козырьком, надвинутым на глаза. Он застыл, охваченный невидимым движением, и морщинки около глаз взволнованно дрожат даже на висках. Викентий Михайлович на мгновение видел его живым — экспансивным и юношески порывистым. Чудилось, что вот он сейчас, как бывало, быстро повернет к нему лицо и засмеется, радостно протягивая руку, и на лице его затрепещет множество переплетающихся выражений.

«Ильич, голубчик, ты смотришь девятнадцатым годом. Это — хорошо, это я больше всего люблю в тебе».

60

ПОМЕТЫ ГОРЬКОГО НА СТРАНИЦАХ РОМАНА Ф. В. ГЛАДКОВА «ЭНЕРГИЯ» (М., 1933).

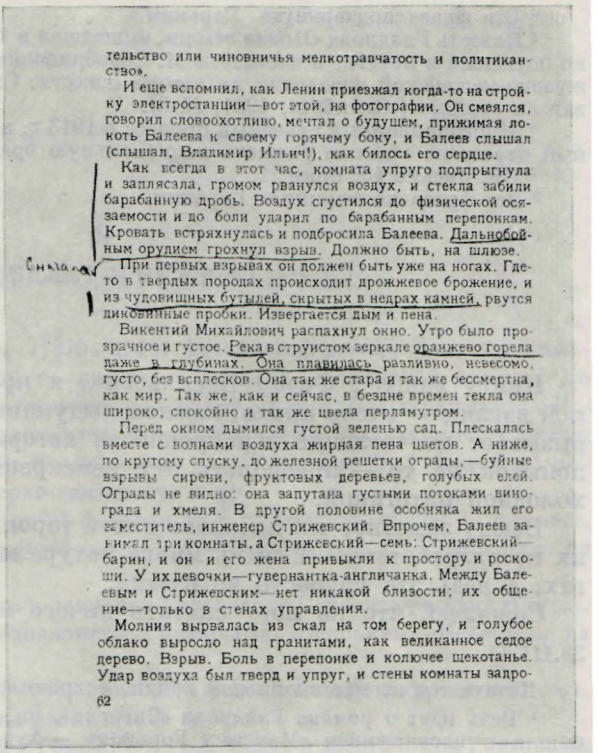
Стр. 60 книги

Личная библиотека Горького

ПОМЕТЫ ГОРЬКОГО
НА СТРАНИЦАХ РОМАНА
Ф. В. ГЛАДКОВА «ЭНЕРГИЯ»
(М., 1933)

Стр. 62 книги

Личная библиотека Горького



тельство или чиновничья мелкотравчатость и политиканство».

И еще вспомнил, как Ленин приезжал когда-то на стройку электростанции—вот этой, на фотографии. Он смеялся, говорил словоохотливо, мечтал о будущем, прижимая локоть Балеева к своему горячему боку, и Балеев слышал (слышал, Владимир Ильич!), как билось его сердце.

Как всегда в этот час, комната упруго подпрыгнула и заплясала, громом рванулся воздух, и стекла забили барабанную дробь. Воздух сгустился до физической осязаемости и до боли ударил по барабанным перепонкам. Кровать встряхнулась и подбросила Балеева. Дальнобойным орудием грохнул взрыв. Должно быть, на шлюзе.

При первых взрывах он должен быть уже на ногах. Где-то в твердых породах происходит дрожжевое брожение, и из чудовищных бутылей, скрытых в недрах камней, рвутся дикобиньные пробки. Извергается дым и пена.

Викентий Михайлович распахнул окно. Утро было прозрачное и густое. Река в струистом зеркале оранжево горела даже в глубинах. Она плавилась разливно, невесомо, густо, без всплесков. Она так же стара и так же бессмертна, как мир. Так же, как и сейчас, в бездне времен текла она широко, спокойно и так же цвела перламутром.

Перед окном дымился густой зеленью сад. Плескалась вместе с волнами воздуха жирная пена цветов. А ниже, по крутому спуску, до железной решетки ограды,—буйные взрывы сирени, фруктовых деревьев, голубых елей. Ограды не видно: она запутана густыми потоками винограда и хмеля. В другой половине особняка жил его заместитель, инженер Стрижевский. Впрочем, Балеев занимал три комнаты, а Стрижевский—семь: Стрижевский—барин, и он и его жена привыкли к простору и роскоши. У их девочки—гувернантка-англичанка. Между Балеевым и Стрижевским—нет никакой близости; их общение—только в стенах управления.

Молния вырвалась из скал на том берегу, и голубое облако выросло над гранитами, как великанное седое дерево. Взрыв. Боль в перепонке и колючее щекотанье. Удар воздуха был тверд и упруг, и стены комнаты задро-

62

творчестве. Завоевать хотя бы микроскопическую драгоценность, хотя бы с большими жертвами — в этом очень большое счастье. В творчестве должны быть не только «ума холодные наблюдения», но и страсть. Не столько важно *настоящее*, сколько *выход за пределы* настоящего. Расширяются горизонты, поднимаются выси, и реализм перестает быть плоским — настоящее переходит в будущее. Тут уже подражательство, эпигонство — собачья старость. Это — неуместно, это — нелепость, это уводит назад. С таким «методом» далеко не уедешь. Новое время — новые песни. Правда не только и не столько в изображении «отстоя»,— а в поэзии движения в завтрашний день. Борьба, муки рождения, преобразование человеческой жизни, стремление к идеалу — вот чем питается искусство наших дней.

Когда-то мы беседовали с вами об этом, и вы ободряли меня.

Вы — такой большой человек, что мне просто жутковато писать вам, а в разговоре с вами я жалко теряюсь и немею. Не раздражайтесь: это — от нервов, которые искалечены прошлым. Если ваша оценка моей книжки будет резка, удар этот будет для меня сокрушительным. Но «еже писах — писах», и вы скажете правду. Мне только будет горестно, что я посвятил вам книгу [7], которая в ваших глазах окажется неудачной. Но я думаю все-таки, что вы найдете в ней и неплохие образы. Это — моя книга, она не похожа на другие[8].

С нетерпением жду от вас ответа.

Как ваше здоровье?.. Когда приедете?

С любовью Фед. Гладков

[1] Федор Гладков. Цемент. Роман. Изд. 16. М.—Л., ГИХЛ, 1932. Экземпляр, посланный Гладковым, хранится в личной библиотеке Горького.

[2] ГИХЛ — Государственное издательство художественной литературы — часть ОГИЗ — Объединения государственных издательств, созданного в 1930 г.

[3] Речь идет о кн.: М. Горький. Хозяин. Двадцать шесть и одна. Мальва. Иллюстрации Б. А. Дехтерева. М., ГИХЛ, 1933.

[4] Эта фраза подчеркнута Горьким.

[5] Повесть Гладкова «Новая земля», вышедшая в 1931 г. третьим изданием, была резко осуждена в печати, в частности М. Серебрянским, который писал о влиянии буржуазно-мещанской идеологии на автора повести. См. статью М. Серебрянского «Новая ли земля?» («Октябрь», 1931, № 8).

[6] Провокационный судебный процесс в 1913 г. над евреем Бейлисом, организованный царизмом с целью разжечь национальную вражду.

[7] См. письмо 40, прим. 1.

[8] Эта фраза подчеркнута Горьким.

40

ГОРЬКИЙ — ГЛАДКОВУ

〈Сорренто. 28 марта 1933 г.〉

Гладкову

Книгу вашу [1], Федор Васильевич, я прочитал. Написана она — на мой взгляд — очень плохо, языком выдуманным, и язык этот весьма часто вызывает впечатление неискренности автора и тяжелых, но неудачных попыток не то — преодолеть эту неискренность, не то — прикрыть ее холодной патетикой.

Всюду заметно, что писалась книга торопливо,— фигуры и отношения их не разработаны. И очень много натуралистической грубости в диалогах, а ведь эта грубость не нужна.

Сожалею, что не могу сказать ничего иного.

28.III.33.

Печатается по машинописной копии, сохранившейся в личном архиве Горького.

[1] Речь идет о романе Гладкова «Энергия», кн. 1. М., «Федерация», 1933. Книга вышла с посвящением «Максиму Горькому — художнику, человеку».

41

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

Москва 34, Соймоновский проезд, д. 5, кв. 36.
7—VII—33. Тел. 2—71—42

Дорогой Алексей Максимович!

Издательство «Советская литература» предложило мне представить текст «Энергии» для второго и массового издания [1]. Текст мною основательно переработан, но книгу я пока задержал и вот почему.

Ваше убийственное письмо, ваши выступления в печати [2] и среди писателей резко и категорически отрицают художественную ценность моей книги. Были дни, когда я в отчаянии дошел до полной безнадежности и решил уйти из литературы. Ваша оценка моей работы всегда для меня была непреложной. Книга посвящена вам, и мне было очень горько, что все, что я мог дать вам лучшего, ничего не принесло вам, кроме неприятности.

Я нахожусь теперь в очень тяжелом положении. Я не хочу и думать, что могу причинить вам боль или оскорбить вас тем или иным знаком выражения моей любви к вам.

Поэтому очень прошу вас помочь мне выйти из мучительного затруднения.

До вашего ответа книга не будет сдана в производство [3].

Преданный вам Фед. Гладков

[1] Ф. Гладков. Энергия. Роман, кн. 1. Изд. 2, просмотренное автором. М., «Советская литература», 1933.

[2] Речь идет о статье Горького «О прозе», которая была опубликована в альманахе «Год XVI», кн. 1. М., 1933, и в журнале «Литературная учеба», 1933, № 1. Горький резко критиковал язык романа «Энергия» и писал о том, что Гладков упрощенно понимает реализм (см. т. 26, с. 401—402).

[3] Ответное письмо Горького неизвестно.

ГОРЬКИЙ — С. Т. ГРИГОРЬЕВ

Сергей Тимофеевич *Григорьев* (1875—1953) начал свою литературную деятельность в Самаре, напечатав в 1899 г. рассказ «Нюта» в «Самарской газете». До революции много работал как журналист под псевдонимами: С. Патрашкин, С. Новодумский, С. Певцов и др. Широкую известность приобрел в двадцатые годы своими рассказами и повестями для детей: «С мешком за смертью», «Красный бакен», «Амба-полосатый», «Мальчий бунт», «Берко-кантонист» и др.

В письме к Павлу Низовому от 22 февраля 1925 г. Горький писал: «...скажите, что такое романы: Клычкова „Сахарный немец" и Григорьева „Васса"? Не пришлют ли их мне товарищи авторы?» (АГ).

26 марта 1925 г. С. Т. Григорьев направил Горькому в Сорренто рассказ «Васса». С этого момента началось заочное знакомство Григорьева с Горьким. Переписка их продолжалась до мая 1933 г.

В повести «Кругосветка» (М., 1946) Григорьев рассказал об экскурсии по Волге, устроенной Горьким для самарских ребят в 1895 г.

Ниже публикуется восемь писем Горького к Григорьеву и десять писем Григорьева к Горькому.

Из печатающихся писем Горького — два письма (от 15 марта и 8 июля 1926 г.) — были частично опубликованы Григорьевым в журнале «Детская литература», 1939, № 5, стр. 20—22.

1

ГРИГОРЬЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Сергиев⟩. У Троицы. 26 марта 1925 г.

Глубокоуважаемый Алексей Максимович,

П. Низовой [1] сообщил мне, что вы желаете познакомиться с моей «Вассой». Попутно с этим письмом посылаю вам рассказ, напечатанный в альманахе К⟨нигоиздательст⟩ва писателей [2]. В этом альманахе «Васса» подверглась меньшим искажениям, чем в отдельном издании «Круга» [3]. Я люблю «Вассу» любовью матери к ребенку-уроду. Поэтому ваше желание прочесть рассказ обрадовало меня неожиданной лаской.

Уважающий вас
Сергей Григорьев

Адрес: г. Сергиев, Московской губ⟨ернии⟩, Московская улица, дом Палкина, Сергею Тимофеевичу Григорьеву.

[1] П. Низовой (псевдоним Павла Георгиевича *Тупикова*, 1882—1940) — писатель.
[2] С. Григорьев. Васса.— «Московский альманах книгоизд-ва писателей». 1923.
[3] С. Григорьев. Васса. М.— Пг., «Круг», 1923.

2

ГОРЬКИЙ — ГРИГОРЬЕВУ

〈Сорренто. 9 апреля 1925 г.〉

Сердечно благодарю вас, Сергей Тимофеевич, за вашу любезность, очень тронувшую меня.

Но «Вассу» я знаю и ценю рассказ этот, как вещь не только оригинальную 〈но〉 и смелую.

Я писал Низовому,— со слов А. Соболя [1],— о романе, вами написанном, и, кажется, уже где-то напечатанном[2]. Соболь не мог сказать — где. Правда ли, что вы написали роман? Работа ваша глубоко интересует меня, и вы можете верить, что это именно интерес литератора, а не любопытство читателя.

Извините мне хлопоты, причиненные вам. Зная, как трудно живется сейчас в России, всем сердцем желаю вам бодрости духа.

А. Пешков

9.IV.25. Sorrento — Capo

[1] Андрей Соболь (Юлий Михайлович *Соболь*, 1888—1926).

В феврале 1925 г. Соболь был у Горького в Сорренто, о чем Горький сообщал в письме к Д. А. Лутохину от 23 февраля: «Приехал Андрей Соболь, рассказывает о литераторах, о „быте“» (АГ).

[2] По-видимому, речь идет о письме к П. Низовому от 22 февраля 1925 г. (см. вступительную заметку).

3

ГРИГОРЬЕВ — ГОРЬКОМУ

У Троицы. 3 мая 1925 г.

Глубокоуважаемый
Алексей Максимович!

Благодарю вас за привет и ласку: письмо ваше я получил к светлому празднику.

Романа я не написал.

Ваше внимание к моей работе обязывает меня доложить вам о ней подробно. У меня есть несколько ненапечатанных повестей, но ни одна из них не может сойти за роман. Кроме этих повестей для «больших», я написал две повести для детей. Обе они выйдут в июне м〈еся〉це*, и я непременно вам их пришлю. Одна из повестей этих: «Мальчий бунт» [1]— о стачке морозовских ткачей в 1885 г., вторая: «Тайна Ани Гай» [2] есть продолжение моей повести «С мешком за смертью» [3], только побольше ее — но это тоже не роман: если мне бы удалось написать о судьбе этой девчонки еще три книги (как хочется), то, пожалуй, получился бы составной роман из этих пяти повестей.

Главной же темой неотступных размышлений и душевного томления служит для меня, вот уже более трех лет, поэма «Страшный суд» [4].

Мои литературные друзья, зная об этой моей работе, окрестили ее по своему: «Суд революции над русской церковью».

Это вольный перевод. На самом деле я поставил себе тему более широкую; но все, что пытаюсь делать, гнется, мнется и ломается под тяжестью заглавия.

Услышать от вас пожелание бодрости духа было для меня тревожной радостью. Но скажу: ведь в России всегда было трудно. Это трудная зем-

* В Государственном изд〈ательстве〉 〈прим. Григорьева.— *Ред.*〉.

ля. Теперь не труднее, чем в другие времена. А в некоторых смыслах, мне, по крайней мере, и легче.

Сергей Григорьев

Адрес: г. Сергиев, Московск⟨ой⟩ губ⟨ернии⟩, Московская улица, д. Палкина, Сергею Тимофеевичу Григорьеву.

[1] С. Григорьев. Мальчий бунт. М.— Л., Госиздат, 1925.
[2] С. Григорьев. Тайна Ани Гай. М.— Л., Госиздат, 1925.
[3] С. Григорьев. С мешком за смертью. М.— Л., «ЗиФ», 1924.
[4] Замысел поэмы «Страшный суд» не был осуществлен.

4

ГОРЬКИЙ — ГРИГОРЬЕВУ

⟨Сорренто.⟩ 15.V.25

Спасибо за письмо, Сергей Тимофеевич!

Рад был узнать, что повесть «С мешком за смертью» будет иметь продолжение, это очень хорошая вещь, ваша повесть. Наверное, скоро перевод ее будет напечатан в журнале «Russia» Lo Gatto [1], где уже напечатаны вещи Лунца, стихи Есенина, «Виктория Казимировна» Зощенко, Леонов, Бабель и еще многие из молодых.

Хорошо вы сказали, что Россия — «трудная земля». Вот тема для большой книги: «Трудная земля»! Особенно трудная в эти дни, когда мы переживаем нечто, текущее вне всяких возможных аналогий с нашим прошлым.

Позвольте сказать вам, что меня очень радостно взволновал бодрый тон вашего письма. Мне, старику, уже тревожно за вас, за ваш рост: знаю, что не мало горькой пыли приходится глотать вам, не столь, пожалуй, «притерпевшимся», как наше поколение. И, в частности, вам лично, чей талант я, кажется, не плохо чувствую.

Буду очень благодарен вам, когда получу ваши новые книги. А пока — крепко жму руку и желаю всего доброго.

А. Пешков

[1] Этторе Ло Гатто (р. 1890) — профессор русского языка и русской литературы Римского университета, автор многотомной истории русской литературы («Storia della letteratura russa»). Ло Гатто перевел на итальянский язык произведения А. С. Пушкина, А. Н. Островского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Д. Н. Мамина-Сибиряка, А. П. Чехова, М. Горького. В двадцатых годах переводил произведения советских писателей: А. Блока, Л. Леонова, Л. Сейфуллиной, Вс. Иванова, М. Зощенко, Л. Лунца, М. Слонимского, И. Бабеля и др.

Ло Гатто был редактором итальянского журнала «Россия» («Russia»), выходившего с 1920 по 1926 г. в Риме. Повесть Григорьева в журнале напечатана не была.

5

ГРИГОРЬЕВ — ГОРЬКОМУ

У Троицы. 25 сентября 1925 г.

Глубокоуважаемый Алексей Максимович,

посылаю вам свою новую повесть «Тайна Ани Гай». Это и есть продолжение читанной вами повести «С мешком за смертью», о котором я писал прошлою весной. Книга вышла в детской библиотеке ГИЗа, но так как пока еще меня никто (разве вы?) не признает взрослым писателем, то большой беды в этом нет? В вас я нашел читателя, для меня неоценимо дорогого, и потому считаю обязательным сообщить, что в 4-м сборнике «Круга»[1]

напечатана моя повесть «Казарма», в очень урезанном, правда, виде. В полном виде она назначалась для младенцев в политике, какими явились мы, русские люди, перед всем светом в революции нашей.

Примите мой сердечный привет.

Сергей Григорьев

Сергиев, Моск⟨овской⟩ губ⟨ернии⟩.
Московская ул., д. Палкина.

[1] Альманах артели писателей «Круг», № IV, М.—Л., изд. «Круг», 1925.

6

ГОРЬКИЙ — ГРИГОРЬЕВУ

⟨Сорренто.⟩ 11—X—25.

Дорогой С. Григорьев,

«Казарму» я, разумеется, читал. Это — отличная вещь. Она глубоко волнует. И умело, оригинально — как и требовала тема — написана вами. Поверьте, что это — так и что это не только мое мнение, но и многих, окружающих меня людей, читателей с очень капризными и требовательными вкусами. В «Казарме» чувствуются зияния, но, как я и думал, это не по вине автора.

От «Вассы» через «С мешком» до «Казармы» — диапазон широкий. Это меня радует, ибо вас, очевидно, хватит надолго и на многое.

«Аня Гай» тоже хорошо, но тут вы, конечно, не станете ждать от меня сильных похвал? В «Тайне» Ани прежде всего — нет тайны. Затем я смущен чем-то, похожим на торопливость, с которой написана эта книга. Вы, оказывается, не мало уже написали «для детей». Это — из любви к ним? Вы мне извините этот вопрос, очень естественный в наше время, когда многие принуждены писать для того, чтоб жить.

У вас в «Тайне» и в «С мешком» очень хороши — легки и просты — диалоги. Четко сделан мальчик-персианин, но в конце вы как-то забыли о нем. Жаль.

Я бы хотел прочитать все ваши книги «для детей» и, право, не только потому, что вы «интересный» писатель, а потому, что хочется знать вас. И такое предчувствие: вы, судя по «Казарме», должны написать нечто потрясающе сильное.

Простите за многословие. Сердечно желаю вам бодрости духа. Будьте здоровы.

А. Пешков

P. S. Что вы пишете? Мне кажется, вы могли бы очень оригинально, очень насыщенно писать о женщинах.

А. П.

Sorrento.

P. P. S. Сообщите ваше отчество.

7

ГРИГОРЬЕВ — ГОРЬКОМУ

У Троицы. 24 октября 1925 г.

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Ваше последнее письмо меня взволновало. Не похвалами, сколько ни приятно мне слышать их о «Казарме» — ее здесь обходят полным молчанием. Радостна мне и ваша забота, не повредил бы я себе, работая наспех, хотя я не вижу ни малой беды писать ради хлеба — мы ведь, подобно попам, «от алтаря питаемся». Меня взволновало то, что письмо ваше писано или в нездоровье или же в душевной занятости — и все-таки нашлось время и внимание для меня. Благодарю крепко и сердечно желаю вам душевной тишины.

Посылаю вам, Алексей Максимович, пять моих детских книжек — с «Мальчьим бунтом», посланным раньше, это почти всё, написанное мною «для детей». В «Опасной кругосветке»[1] надо исправить: не *Горка*, а «Красная Глинка» (наверное, и вам знакомое место под Самарой).

Вы спрашиваете, что я пишу? Сейчас я пишу не о женщинах (господь с ними!), а о паровозе [2] для лиц, окончивших свое образование на *первой* ступени. Здесь трагедия. Главный Ученый Совет (ГУС) желает иметь для «первой ступени» книжки, которые были бы вполне *научны*. А говорить о паровозе, значит объяснять самые тонкие и трудные проблемы *термодинамики*. А кроме того, еще надо считаться с тем, что большинство наших рецензентов — обскуранты и требуют, чтобы автор равнялся по ним. Все это делает работу увлекательно трудной. Что там о женщинах! И «потрясающе сильное»? Ты вот напиши о паровозе и чтобы не потрясло ГУС! Вот я и пишу. Вы спрашиваете, Алексей Максимович, люблю ли я детей (пишу для них) — вот о паровозе пишу, потому что люблю его*.

В «Тайне Ани Гай» — осмеливаюсь возразить, есть тайна. Но ваши замечания признаю правильными — написано смаху. Что делать — от алтаря кормимся!

Отца моего звали Тимофеем.

Надеюсь, Алексей Максимович, получить ваш отзыв о «Мальчьем бунте» — вещь, к которой автор питает слабость.

Шлю вам сердечный и почтительный привет.

Сергей Григорьев

[1] С. Григорьев. Опасная кругосветка. Рассказ напечатан в сборнике для детей и юношества «Кругосвет», сост. Г. Гильгендорф, М.—Л., Госиздат, 1925, стр. 4—13.

[2] С. Григорьев. Паровоз. М.— Л., Госиздат, 1926.

8

ГОРЬКИЙ — ГРИГОРЬЕВУ

⟨Сорренто. 10 ноября 1925 г.⟩

Вообще, Сергей Тимофеевич, вы пишете «детские» книжки — на мой взгляд — довольно искусно, как бы с некоторой аглицкой ухваткой, напоминая местами хорошего старого писателя Гринвуда [1]. Но, разумеется, у вас всё — и фабула и диалог — упрощеннее, примитивней; примитивизм — понятен: все мы более или менее покорствуем фактам. А Бальзак говорил: «Глупо, как факт» [2]. Лично я никогда не любил фактов и с величайшим удовольствием искажал их.

* Детей тоже люблю терзающей любовью. А паровоз спокойно, вот как у Грига — «Ich liebe dich». ⟨прим. Григорьева. — *Ред.*⟩

«Мальчий бунт» — интересно сделано, но тут я всячески смущен некоторой путаницей. Это — что? Морозовская стачка 86? [3] Не похоже. Главное же, что меня весьма смутило,— имя Саввы Морозова [4]. Это — мой друг, я был с ним «на ты», чего вообще не позволяю себе. Это был очень умный и несчастный человек. Он давал 24 тыс⟨ячи⟩ в год на издание «Искры» [5], прятал у себя Баумана[6], возил на свою фабрику чемоданы с⟨оциал⟩-д⟨емократической⟩ литературы и т. д. Родственники травили его. Нанимали мальчишек бить стекла в помещении, где он останавливался, приезжая на фабрику. Застрелился он из страха сойти с ума. Вот каков был он. Леонид Красин [7] служил у него на фабрике, будучи членом ЦК большевиков, Савва это знал. Знал он и брата Ленина — Дмитрия [8]. Так-то.

И вот, у вас я встречаю что-то непонятное мне. В чем дело?

Простите, что кончаю письмо, сердечный припадок, должен лечь в постель. Привет.

А. П.

10.XI.25 г.

[1] Джемс *Гринвуд* (1833—1929) — английский писатель, автор популярной в России книги «Маленький оборвыш» (1866). Первой переводчицей Гринвуда на русский язык была Марко Вовчок (М. Маркевич). В ее изложении книга Гринвуда вышла в 1868 г. С тех пор «Маленький оборвыш» выдержал более 30 изданий и стал классическим произведением детской литературы. После Великой Октябрьской революции книга неоднократно издавалась в пересказе Т. Богданович и К. Чуковского. Иначе сложилась судьба Гринвуда на родине. В Англии он был забыт еще при жизни

Горький познакомился с «Маленьким оборвышем» еще в детстве. Книга Гринвуда произвела на него большое впечатление. Об этом он рассказал в повести «В людях». Позднее Горький неоднократно рекомендовал печатать для детей книгу Гринвуда «Маленький оборвыш».

[2] О. Бальзак. Шагреневая кожа.— Сочинения, т. 13. М., Гослитиздат, 1955, стр. 207.

[3] Описка Горького. Морозовская стачка на текстильной фабрике товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова — сына и К°» в Никольском, Владимирской губернии, происходила 7—14 января 1885 г.

[4] Савва Тимофеевич *Морозов* (1862—1905) — крупный капиталист, владелец текстильных фабрик, меценат, принимавший деятельное участие в организации МХАТ (см. письма 9 и 10).

[5] «Искра» — первая общерусская нелегальная марксистская газета, организованная В. И. Лениным за границей в 1900 г.

[6] Николай Эрнестович *Бауман* (1873—1905) — большевик, один из руководителей Московского комитета РСДРП в период 1903—1905 гг.

[7] Леонид Борисович *Красин* (1870—1926) — с девяностых годов участник революционного движения, выдающийся советский государственный деятель.

[8] Дмитрий Ильич *Ульянов* (1874—1943) — старейший деятель большевистской партии.

9

ГРИГОРЬЕВ — ГОРЬКОМУ

У Троицы. 19 ноября 1925 г.

Дорогой Алексей Максимович!

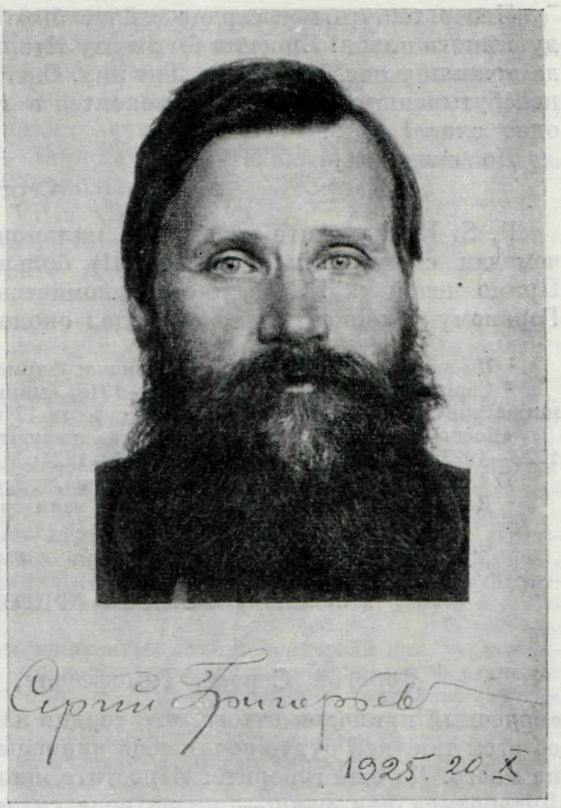
Сейчас мне принесли с почты ваше письмо — я был ему несказанно рад, а потом жестоко встревожен — сердечный припадок! Не знаю, что и писать: вам может показаться детскостью — что я подумал: лучше бы мне не посылать вам своих книжек — так как я знаю, что, конечно, у вас много причин волноваться — и боюсь, что прибавил лишний толчок вашему сердцу. Простите меня, если я виноват.

О Морозовской стачке. Это было верно, как вы пишете, в 85 году. Но ваше письмо меня сбивает с толку. Ведь хозяином фабрики «Никольская мануфактура» в 1885 году был «Саввы Морозова *сын* (и К°)» Тимофей Саввич Морозов. В 1885 г. Тимофей Саввич был уже глубоким стариком.

С. Т. ГРИГОРЬЕВ

Фотография с автографической подписью писателя, 1925 г.

Отдел рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Москва



Январское движение 1885 года так на него повлияло, что он, прибыв на Ник〈ольскую〉 ман〈уфактуру〉, телеграммой вызвал в Орехово сына своего *Савву* Тимофеевича, которому тут же и передал всё. Савва Тимофеевич и улаживал дело с рабочими. По-моему выходит так, что вы, Алексей Максимович, знали, именно, Савву Тимофеевича Морозова, *мецената*, а в «Мальчьем бунте» действует его отец*, с которым вы и по возрасту не могли быть близки: ведь всё это было *сорок* лет тому назад. Если я не путаю, то так:

Савва Морозов — основатель фирмы (сущ〈ествовала〉 с 1833 года)[1], а фабрика началась еще в 1797 г.!!

Тимофей Саввич Морозов — т. е. Саввы Морозова сын — стачка 1885 г.

Савва Тимофеевич Морозов — эпоха 1905 г. О нем и Витте в своих записках пишет [2].

Хорошо бы написать книжку для детей и о Савве Тим〈офеевиче〉 Морозове — по 1905 году — «У текстильщиков»; и об основателе фабрики Савве Морозове (ведь это эпоха около декабристов и Пушкина!). Получилось бы занятно: Н〈иколай〉 I, А〈лександр〉 III, Н〈иколай〉 II. Но мне это не по плечу.

И еще такая комбинация — Морозов + Витте + Ленин + Красин + Д. Ульянов + М. Горький (всё ведь это одна эпоха).

Простите, что я так поспешно встал на защиту *факта*, и позвольте процитировать тут же вас: «Лично я никогда не любил фактов и с величайшим удовольствием искажал их» (письмо 11.XI 1925 Сорренто)[3].

Не сердитесь на меня, Алексей Максимович, за мой задор.

---

* Это ясно на стр. 172 моей повести.

Поверьте, что мое сердце сейчас бьется тревогой за вас. Желаю вам душевного покоя! Бросили бы вы эту Италию (хоть она, наверно, хороша?) да пожили у нас, у Троицы. Тишина. Снег. Елки. И кости Преподобного, перебутыренные, но все-таки покоятся в гробу. Музей, а не жизнь — одно слово!

До свидания!

Сергей Григорьев

P. S. Не находите ли вы, что миллионер, везущий на свою фабрику чемодан с прокламациями (зная!) большевиков, фигура трагическая. Прямо непонятно! Сказать «трагикомическая» нельзя. Вот бы Максиму Горькому и написать, что́ он видел около себя *такого*.

[1] По-видимому, у Григорьева описка: фирма Морозовых существовала с 1803 г.

[2] Сергей Юльевич *Витте* (1849—1915), министр финансов, председатель Совета министров в 1905—1906 гг., автор манифеста 17 октября 1905 г.

«Воспоминания» Витте изданы посмертно в трех томах: Берлин, «Слово», 1922—1923; М.—Пг., Гослитиздат, 1923—1924; М., Соцэкгиз, 1960.

О С. Т. Морозове см. последнее издание, т. 2, стр. 487, 551—552; т. 3, стр. 82, 167.

[3] Дату письма Григорьев, очевидно, взял со штампа на конверте.

10

ГОРЬКИЙ — ГРИГОРЬЕВУ

〈Неаполь. 3 декабря 1925 г.〉

Дорогой Сергей Тимофеевич,

сердечный припадок оттого, что сердце износилось, устало, а вы пишете об этом так, как будто сочли себя виновным в печальной усталости сердца моего. Да еще говорите: «Простите меня, если я виноват». В чем это? Литература для меня — живая вода сказок, и новую книгу я встречаю с радостью большей, с интересом более острым, чем нового человека. Вероятно — так. А после «Казармы» у меня к вам большое чувство душевного доверия и уверенность, что вы дадите какую-то необыкновенно своеобразную книгу. Эту уверенность подтверждает и «Васса». Диапазон таланта у вас широкий.

О Савве я, конечно, напутал[1], — я или вы? Мы смешали внука с дедом. Вы пишете: «Вот бы вам написать такого». Написал, но — неудачно и потерял рукопись[2]. В ней, между прочим, изображалось, как Савва 9 января отворял дверь моей квартиры в Петербурге с револьвером в руках, уверенный, что ему придется защищать меня от каких-то «врагов», а может быть, и от Гапона, которого он уже тогда понимал как авантюриста и провокатора. Гапона, когда он прибежал ко мне, Савва встретил с презрением убийственным. Да. Но «таких» было у нас не мало. К ним принадлежит пермский пароходовладелец Ник. Мешков[3], ташкентский полицеймейстер — большевик Наливкин[4], кутаисский губернатор Старосельский[5], кажется,— затем большевик, князь Кугушев[6] и много иных. Отнесите сюда же и рюриковича Петра Кропоткина, да и Михаилу Бакунину место тут же. С точки зрения марксовой у всех этих людей «мозги набекрень», но для меня это — настоящие красавцы и праведники, несмотря на все их прегрешения и недостатки. «Продукты» неисчерпаемой равнинной русской тоски о чем-то, о каких-то высотах.

В «Мальчьем бунте» рассказывается о Грегере, поставщике на армию в годы балканской войны. Поставщиков было трое: Грегер, Горвиц, Коган[7]. Все они судились и осуждены, но Горвица *Александр III* признал несправедливо осужденным, приговор был отменен, Горвицу предложена компенсация — звание барона, Горвиц отказался и до конца жизни проживал в имении своем Полтавской губ〈ернии〉 уединенно и мизантропи-

чески. Боюсь, что не 3-й, а 2-й Александр извинялся пред ним, собственноручно написав ему письмо. Горвиц был, как говорили люди, знавшие его, человек честный и тоже своеобразный, в типе вышеназванных.

Простите, что наболтал, и не принимайте это за «поправки». Нет, просто хочется, чтоб еще и вы знали нечто о людях, мне знакомых.

Болен я, что-то нервное. И — бронхит, обязательный для меня каждую осень. Переехал до апреля в Неаполь.

Адрес: Napoli. Posilippo. Villa Galotti.

Неаполь. Позилиппо. Вилла Галотти.

Мой сердечный привет. Будьте здоровы.

А. Пешков

3.XII.25.

[1] См. письма 6 и 8.

[2] В 1922 г. Горьким был написан очерк «Два купца», содержащий в себе портреты Н. А. Бугрова и С. Т. Морозова. Очерк должен был войти в книгу «Мои университеты» (Берлин, «Книга», 1923), но Горький изъял его во время печатания. В 1924 г. Горький опубликовал первую часть очерка, посвященную Н. А. Бугрову. Вторая часть — о С. Т. Морозове — при жизни автора не публиковалась и впервые была напечатана в «Октябре», 1941, № 6.

[3] Никола́й Васильевич *Мешков* — пермский пароходчик, оказывавший денежную помощь эсерам (см. статью Горького «О том, как я учился писать», т. 24, с. 495).

[4] Можно предположить, что Горький имеет в виду Владимира Петровича *Наливкина* (1852—1918), писателя-публициста, исследователя Средней Азии, депутата II Государственной думы от г. Ташкента.

В 1889 г. Наливкин был назначен чиновником особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе, в 1901 г. —помощником военного губернатора Ферганской области. Наливкин большевиком не был. В Думе примыкал к социал-демократам (меньшевикам) (см. о нем: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., изд. 5, т. 15, стр. 547).

[5] Владимир Александрович *Старосельский* (ум. 1916), губернатор Грузии в 1905 г. За оппозиционные настроения был разжалован и выслан царским правительством. Умер в эмиграции.

[6] Вячеслав Александрович *Кугушев*, князь (1863—1944), студентом в восьмидесятые годы входил в одну из первых в России социал-демократических групп, созданных в Петербурге Д. Н. Благоевым, в девятисотых годах оказывал помощь большевикам, был знаком с В. И. Лениным, А. Д. Цюрупой, Л. Б. Красиным и другими деятелями партии.

[7] Грегер, Горвиц, Коген (у Горького описка) — поставщики русской армии во время турецкой кампании (1877—1878). По поводу дела об их интендантских поставках см.: С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 1. М., Соцэкгиз, 1960, стр. 317, 425.

11

ГРИГОРЬЕВ — ГОРЬКОМУ

У Троицы. 4 марта 1926 г.

Дорогой Алексей Максимович! Давно и не раз у меня живая потребность написать вам письмо. И у нас уж весна,— и зимний адрес «вилла Галотти» грозил остаться нереализованным. А я все ждал повода написать — послать мою новую книжку: «Коммуна Мар-Мила»[1], но типография тянет,— проходят дни, недели — и месяцы! Книги нет, пишу, не дождавшись. Стою в раздумье, на перепутье. Агитпроп ВКП(б) предложил мне написать роман «Через сто лет» (утопия!) по материалу, собранному нарочно ради сего несколькими очень почтенными профессорами. Вы, Алексей Максимович, очень уважаете науку,— я же ее побаиваюсь. Само-то «наука»—ничего. А уж очень профессора бывают тупые. Вот и думаю,— взять у профессоров материал и написать по нему мечту о том, что будет «через сто лет», выйдет роман ядовитый, сатирический. Если же обмануть профессоров, написав по-своему, то выйдет обман. Обманывать нехорошо, особенно профессоров. А главное не хочется разделить с «профессорами» этот испуг перед действительным и искать утешения в «научной» мечте о каком-то рае[2]. ⟨...⟩

Снегу в этом году у нас! Поезда идут в траншеях. Через заборы видно все, что делается во дворах. Ожидаем водополья. А у вас всё уже в цвету. До свиданья.

Сергей Григорьев

P. S. Однажды был у меня Бабель, самый знаменитый писатель в Москве. Говорили о вас. Он, хоть и гордый человек, но признает (в разговоре) себя вам обязанным. Вот чего мы коснулись, говоря о вас: «Почему ему (писателю) ни разу не сделалось грустно от того, что человек смертен?» Бабель задыхается. У него астма — говорит, что от контузии. Он свою жизнь строит в расчете «на пять лет». Смерть, конечно, *тема*! Но Лев Толстой мне стал ненавистен своим *погружением* в смерть. Вдова Кожевникова [3] года три-четыре тому назад мне говорила, что вы, Алексей Максимович, интересовались литературным наследством Н. Ф. Федорова [4]. Я думаю, что это верно. Если вы ни разу не *улыбнулись смерти* (как писатель), то философский большевизм Федорова в его отношении к смерти [5] вам ближе, чем испуг перед смертью Льва Толстого. Ну, а все-таки? Помириться со смертью нельзя.

С. Г.

Надеюсь, что письмо это найдет вас, если не в Неаполе, то на Сорренто. Если можно, Алексей Максимович, пришлите мне ваш роман [6], напечатанный в Берлине,— здесь он идет в клочьях, а туча хороша, когда она накрывает сразу и гремит!

В конце письма запись Горького чернилами: Из письма В. И. Нарбута: «С. Григорьев написал 3 или 4 фант⟨астических⟩ повести, увидите в „Следопыте“». Спросить [7].

[1] С. Григорьев. Коммуна Мар-Мила. М., «Круг», 1926.

[2] Григорьев заключил договор с издательством «Молодая гвардия» на роман «Через сто лет», однако замысел не был осуществлен.

[3] В. А. Кожевников — автор религиозно-философских сочинений. Под редакцией В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона была издана книга Н. Ф. Федорова «Философия общего дела» (1907).

[4] Николай Федорович *Федоров* (1828—1903). См. Горький — Пришвин, письмо 14, прим. 5, 6 и Горький — Форш, письма 4, 6.

[5] Философия Н. Ф. Федорова, разумеется, ничего общего с большевизмом не имеет, напротив — враждебна ему. Григорьев хотел в данном случае оттенить своеобразную смелость Федорова в постановке вопроса о смерти. В «Философии общего дела» Федоров выражал уверенность в безграничности развития науки, которая будет в состоянии воскрешать мертвых. Однако этот пафос науки соединяется у него с крайним мистицизмом и христианской экзальтацией. Мистик и консерватор, усвоивший многие идеи славянофилов, Федоров был воинствующим противником революции, которую он называет «отречением от праотеческого дела», т. е. от задачи воскрешения праотцов. Идея воскрешения мертвых неотделима в философии Федорова от надежд на самодержавие, которое якобы призвано быть орудием бога в осуществлении долга перед умершими, быть «орудием силы животворящей» (Н. Ф. Федоров. Философия общего дела, т. 1. Верный, 1907, стр. 375).

[6] М. Горький. Дело Артамоновых. Берлин, «Книга», 1925.

[7] См. письмо 12.

12

ГОРЬКИЙ — ГРИГОРЬЕВУ

⟨Неаполь. 15 марта 1926 г.⟩

Дорогой Григорьев — отчество ваше я забыл, простите!

Это у меня — хроническое и, вероятно, возникло потому, что всех русских людей я вижу «без отцов», т⟨о⟩ е⟨сть⟩ я хочу сказать, что нигде расстояние между «отцами и детьми» не велико и не глубоко так, как наблюдаешь это у нас.

О том, «что будет через сто лет», я думаю не так, как вы,— если говорить об этом серьезно. Мне кажется, что даже и не через сто лет, а гораздо

скорей жизнь будет несравнимо трагичнее той, коя терзает нас теперь. Она будет трагичней потому, что — как всегда это бывает вслед за катастрофами социальными — люди, уставшие от оскорбительных толчков извне, обязаны и принуждены будут взглянуть в свой внутренний мир, задуматься — еще раз — о цели и смысле бытия. Таковых людей народится неисчислимо более того числа, кое ныне существует на земле. Думается мне, что уже и теперь у людей возникает, зарождается новый инстинкт — «инстинкт познания». Имейте в виду: я говорю не о тревоге разума, свойственной некоторым холоднокровным Шопенгауэрам и Гартманам[1], не об увлекательной игре логикой, а именно об инстинкте. Познание же как сила инстинктивная, *между прочим*, вновь способно претворить телеологию в теологию.

Жили мы — и живем до сего дня инстинктом голода, откуда истекло всё, именуемое цивилизацией, инстинктом любви, создавшим всё, что мы зовем культурой, и вот находимся накануне возникновения третьего инстинкта, который неизбежно должен возникнуть на почве всех наших трагических разочарований. Вообразите, что будет, если десятки и сотни тысяч людей воспылают страстью догадаться не о том, как удобнее жить, а о том — зачем жить. Вот что я думаю. Это *одна* из тем моего романа [2], над коим сижу.

О смерти? Меня эта тема мало интересует. Между прочим: «погружение» Л⟨ьва⟩ Н⟨иколаевича⟩ в смерть, как вы пишете, было в большой степени его кокетством с нею, на мой взгляд. Он пред нею несколько «красовался», как юноша пред женщиной старше его лет на 25. Она знает нечто, что ему тоже необходимо знать, но он боится этого знания, желая его. О смерти он говорил несколько смешно, Л⟨ев⟩ Н⟨иколаевич⟩, изумительный человек.

Я в этом вопросе размышляю да и чувствую ограниченно, по-запорожски:

Пока я есть — ее нема,
А як приде — меня чёрт ма.

Несколько раз в жизни, волею и неволей, мне пришлось испытать близость смерти, и множество хороших людей умерло на моих глазах. Это заразило меня чувством органической брезгливости к «умиранию», к смерти. Страха же пред нею — никогда не испытывал, мне знакомы лишь два страха: пред безумием и слепотою. Но и то — не очень боюсь: видел — достаточно, а безумие, хотя и жутко, но — любопытно. Кто знает, что спрятано за ним? Психиатрам и невропатологам — не верю.

Науке — исследующей «материю» — верю и люблю ее как поэзию. Именно — так. Для меня современная наука — цепь блестящих, изумительных по дерзости гипотез. Всё великолепно перепутано: биология с геохимией и т. д. Осуществляются мечты алхимиков о философском камне и жизненном эликсире. Ни мало не удивлюсь, если в скорости открыто будет действительное и мощно действующее средство для продолжения жизни, хотя мечту многих о бессмертии — считаю глупой. Вопрос же о продолжении жизни так прочно поставлен учением о внутренней секреции и уже дал такие результаты в практическом применении, что я не сомневаюсь — его скоро решат.

Я — не оптимист, нет. Я никогда не умел жить для своего личного удовольствия, очень устал и для себя желал бы двух-трех лет жизни, чтоб успеть хорошо написать книгу. Но, думая о людях будущего, я улыбаюсь и вспоминаю Тютчева:

Блажен, кто появился в мир
В его минуты роковые![3]

Жизнь становится всё интересней, сложней, а я — за сложность и против всяческих «опрощений», хотя бы они сулили счастье всем ближним моим. Тревога — богаче покоя. Жизнь становится всё более виртуозной, а человек подобен виолончели: она не играет, если до нее не дотрагивается смычок артиста.

Вот вам мои мыслишки.

Засим: В. И. Нарбут, заведующий ЗиФом, пишет мне [4]:

«С. Григорьев написал 3—4 фантастических повести, увидите в „Следопыте“» [5]. Верно?

А что такое «Следопыт»?

Мне грустно узнать, что Бабель — нездоров. Я его помню красненьким и плотным, мне казалось, что он — надолго. Вы бы посоветовали ему поехать куда-либо на южные моря, это помогает при астме.

Федорова Н. Ф. я видел один раз. Книги его, конечно, читал. Не понравились.

Сейчас прочитал письма Соловьева Вл., изд. «Время» [6]. Вот нигилист! И — как он сух, какой плоский. Я всегда думал о нем не похвально, а после этих писем нахожу, что вся его «теология», идея соединения церквей, апологетика и т. д. — мастеровое дело, т. е. — бездушное. Но — диалектик превосходный. Шахматист.

Ну, до свидания. Всего доброго.

Спасибо за память, за письмо.

А. Пешков

15.III.26.

Posilippo, villa Galotti — до апреля.

[1] Артур Шопенгауэр (1788—1860), Эдуард Гартман (1842—1906) — немецкие философы-идеалисты.

[2] «Жизнь Клима Самгина».

[3] См. письмо 18 Горького Гладкову, прим. 1.

[4] Письмо В. И. Нарбута к Горькому не сохранилось.

[5] «Всемирный следопыт» — ежемесячный иллюстрированный журнал путешествий, приключений и научной фантастики (1924—1931). С. Григорьев опубликовал в журнале следующие произведения: «Тройка Ор-Дим-Стах. Радиорассказ будущего» (1925, № 1), «Московские факиры. Научно-фантастическая трилогия» (1926, № 1), «Новая страна. Научно-фантастический рассказ» (1926, № 2), «Гибель Британии. Научно-фантастический рассказ» (1926, № 3).

[6] Вл. Соловьев. Письма. Под ред. Э. Л. Радлова. Пг., «Время», 1923.

13

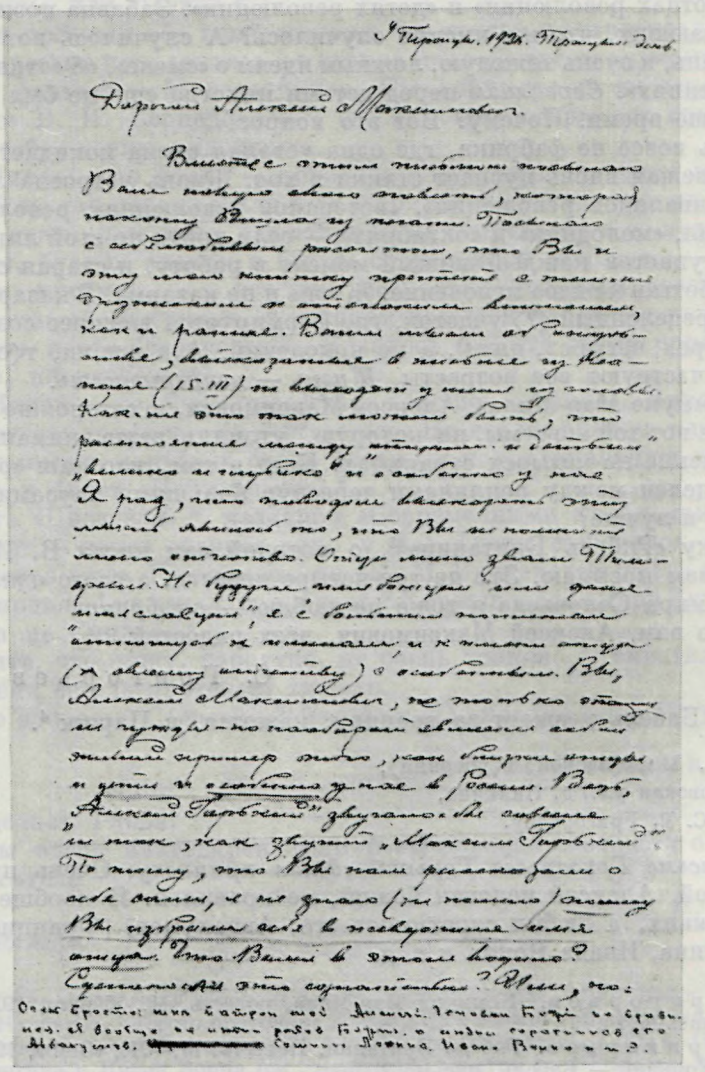
ГРИГОРЬЕВ — ГОРЬКОМУ

У Троицы. Троицын день, ⟨20 июня⟩ 1926.

Дорогой Алексей Максимович!

Вместе с этим письмом посылаю вам новую свою повесть [1], которая наконец вышла из печати. Посылаю с себялюбивым расчетом, что вы и эту мою книжку прочтете с тем же дружеским и отеческим вниманием, как и ранние. Ваши мысли об отцовстве, высказанные в письме из Неаполя (15.III), не выходят у меня из головы. Как же это так может быть, что расстояние между «отцами и детьми» «велико и глубоко» и особенно у нас? Я рад, что поводом высказать эту мысль явилось то, что вы не помните моего отчества. Отца моего звали Тимофеем. Не будучи «имябожцем» или даже «имяславцем», я с большим почтением отношусь к именам и к имени отца (к своему отчеству) с особенным. Вы, Алексей Максимович, не только этому не чужды,— но, наоборот, являете собой живой пример того, как близки отцы и дети и *особенно* у нас в России. Ведь «Алексей Горький» звучало бы совсем не так, как звучит «Максим Горький». По

тому, что вы нам рассказали о себе сами, я не знаю (не помню), почему вы избрали себе в псевдониме имя отца. Что вами в этом водило? Сделано ли это сознательно? [2] Или, повинуясь тому инстинкту, который вы в своем письме называете «инстинктом познания», где тембром служит «зачем?!»



ПОМЕТА ГОРЬКОГО НА ПИСЬМЕ С. Т. ГРИГОРЬЕВА, 1926 г.
Архив Горького, Москва

Конечно, здесь оказали свою силу те смутные еще (в познавательном смысле) идеи, которые бродили в ясном уме Сократа и его учеников и нашли властный голос в размышлениях об «отце» и «сыне» у Иоанна. Сам я считаю противопоставление «отцов и детей» совершенно ложным. От близости — отталкивание, но это отталкивание не создает пропасти. Всякое отталкивание слабеет, по закону Ньютона, пропорционально квадрату «расстояния». Это субъективно. А «объективно» в природе ведь нет этого противопоставления: в каждый данный момент (понимая момент в истинном его смысле) во всех явлениях природы наблюдается сложное

перекрытие. Поэтому ложной является, с моей точки зрения, и идея «смены поколений». В хитросплетенной ткани природы нет места «смене», — вернее, она неуловимо разостлана во времени. Мне непонятно, что мысль (формулировка) Тургенева «отцы и дети» может еще владеть умами. Теперь вот особенно остро и четко в сумятице идейных построений выступает тема об «отцах революции» и «детях революции». Забавна позиция отцов, не понимающих, что же именно случилось? А случилось вот что. Отцы платят дань, и очень тяжелую, ложным идеям о «смене», об «отцах и детях», о «поколениях». *Сервилизм* перед детьми никогда еще не был так силен, как в наше время. Почему? Вот это вопрос!

Жизнь вовсе не фабрика, где одна усталая смена покидает постылый труд, а свежая вновь пускает станки в ход. Жизнь устроена лучше. Мы видим «инвалидов революции», «ветеранов революции», революционеров в цвете сил, «молодняк» и «октябрят» — если пойти по этой линии. Новая смена вступает в каждый данный момент в работу, и старая смена отходит от работы в каждое мгновение. Жизнь и не казарма. В казарму втиснут лишь определенный ⟨?⟩ участок, где формируется внешнее сознание *возрастов* (трех, четырех, пяти), а не поколений. А в жизни, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ в работе, участвуют все возрасты. *Жизнь — непрерывность.*

В «Коммуне Мар-Мила», Алексей Максимович, я осторожно попытался коснуться вот той же темы, на которую, утомляя ваше внимание, растекся и в письме на четырех страницах. Беда в том, что наш «разговор» с вами разделен между репликами чересчур большими паузами. А может быть, так и лучше?

Книжку «Гибель Британии» [3], о которой вам писал В. И. Нарбут, я также вам посылаю. Это не три-четыре повести, а всего одна.

Владимира Соловьева я тоже не люблю — он *франт.*

Желаю вам, Алексей Максимович, всех радостей.

С. Григорьев

P. S. Бабель уезжает за границу, кажется, в Париж [4].

г. Сергиев, Моск⟨овской⟩ г⟨убернии⟩,
Московская ул., д. Палкина,
С. Т. Григорьеву.

На письме Григорьева Горький сделал приписку: Очень просто: мне патрон мой, Алексей человек божий, не нравился. Я вообще не любил рабов божьих, а любил соратников его, Аввакумов, [Францисков], сотника Логина, Ивана Воина и т. д.

[1] С. Григорьев. Коммуна Мар-Мила, повесть. М., «Круг», 1926.
[2] См. письмо 14.
[3] С. Григорьев. Гибель Британии. Повесть. М.—Л., «ЗиФ», 1926.
[4] См. Горький — Бабель, письмо 2.

14

ГОРЬКИЙ — ГРИГОРЬЕВУ

⟨Сорренто. 8 июля 1926 г.⟩

Дорогой Сергей Тимофеевич,

я думаю, что в суждениях об отцах-детях надобно восходить не к Тургеневу, даже не к царю Давиду и детищу его Авессалому, а — к Аврааму-Исааку. Лично я никогда не встречал отца, который не пытался бы — более или менее упрямо — принести сына своего в жертву верованиям своим. И я нахожу, что критическое отношение детей к вере отцов совершенно законно, биологически оправдано даже и тогда, когда отец — Петр

Первый. Вот как еретически выходит у меня, и это потому, что не могу я отрицать за человеком его права сопротивляться владычным велениям вчерашнего дня.

Имя Максим взято мною потому, вероятно, что мне очень не нравилось «житие» патрона моего Алексея человека божия. Думаю, что мог бы взять имя Аввакума или Логина [1].

Сегодня получил обе ваши книжки [2] и тотчас же прочитал. «Гибель Британии» весьма понравилась и удивила меня густотою ее насыщенности, ее *русской* фантастикой, остроумием. Пожалел, что вы не использовали «Геохимию» В. И. Вернадского [3], его гипотеза открывает широчайший простор воображению художника.

«Мар-Мила» — по форме — показалась мне возвращением к «Вассе», от которой вы так далеко ушли в «Казарме». А по содержанию вещь эта несколько ошеломила меня. Ни секунды не сомневаясь в ее художественной правде, будучи знаком с бытом современной молодежи — конечно, по газетам, письмам, — я все-таки несколько подавлен устойчивостью знакомого мне «романтизма», в котором всегда я наблюдал нечто слепое и отчаянное, нечто безрадостное. Казалось бы, что этому пора истлеть, а, видимо, не истлевает?

«Мар-Мила» — хорошая повесть, хорошо сделана. Впрочем,— вы в комплиментах, поди-ко, не нуждаетесь. Но все же скажу: вам, видимо, суждено написать какую-то очень большую и оригинальную книгу. Может — это и будет «Порт-Артур»? [4]

В книге «Писатели» [5], изданной «Современными проблемами», видел ваш портрет,— какое славное лицо у вас. Очень любовался. Серьезно. Редко русское лицо. Не знакомы ли вы с М. Булгаковым? [6] Что он делает? «Белая гвардия» [7] не вышла в продажу? Хороши у вас «Дядя Здравствуй», Мила и m-me Смильо [8].

Простите, что пишу, вероятно, не очень толково,— схватил бронхит, а это у меня всегда протекает тяжело.

Будьте здоровы, С〈ергей〉 Т〈имофеевич〉, крепко жму руку

А. Пешков

Что делает Глоба? [9]

Был бы очень благодарен, если б вы изредка сообщали о том, как живут писатели [10].

А. П.

8.VII.26. Sorrento.

[1] В «Житии Алексея — человека божия» Горькому был чужд пафос аскетизма и смирения. Наоборот, «Житие протопопа Аввакума» пленяло Горького как «непревзойденный образец пламенной и страстной речи бойца» («О языке», т. 27, с. 166). «Жития» сотника Лонгина и Ивана Воина (см., например, «Жития всех святых». М., 1916), вероятно, привлекали Горького бунтарским духом своих героев.

[2] «Гибель Британии» и «Коммуна Мар-Мила».

[3] Владимир Иванович *Вернадский* (1863—1945) — академик, выдающийся советский ученый, естествоиспытатель, минералог и кристаллограф, основоположник геохимии и биогеохимии. Имеется в виду его книга «La géochimie». Paris, 1924. См. Горький — Пришвин, письмо 15, прим. 4.

[4] О «Порт-Артуре» см. Горький — Григорьев, письмо 15.

[5] «Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков», под ред. Вл. Лидина. М., «Современные проблемы», 1926.

[6] Михаил Афанасьевич *Булгаков* (1891—1940) — писатель и драматург.

[7] Роман Булгакова «Белая гвардия» был напечатан в «России», 1925, №№ 4—5; отдельным изданием не выходил.

[8] «Дядя Здравствуй», Мила и m-me Смильо — персонажи повести «Коммуна Мар-Мила».

[9] Андрей Павлович *Глоба* (р. 1888) — поэт и драматург.

[10] Ответ Григорьева на это письмо Горького не сохранился.

15

ГРИГОРЬЕВ — ГОРЬКОМУ

г. Загорск. 19 мая 1932 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Плохо спряденная ниточка нашего знакомства (заочного), казалось мне, оборвалась безнадежно.

Но вот с помощью Михаила Михайловича [1] (это его тема — восстановление родства) концы ниточки сошлись. Мне самому хочется связать их узелком: узелок бывает у нас, русских, прочнее самой нитки.

Письмо М⟨ихаила⟩ М⟨ихайловича⟩ к вам обо мне вышло из моего разговора с ним. Я малодушно пожаловался ему на свою суровую литературную судьбу, что вот — все иду околицей, тропочками...

М⟨ихаил⟩ М⟨ихайлович⟩ взялся мне помочь и написал вам, Алексей Максимович.

Вещь, о которой теперь идет речь, в целом едва ли выполнима — потому что сроки мои стали коротки (рабочие сроки). Задуманная мною поэма — о судьбах в революции русской технической интеллигенции. Только фрагменты — инженеры в литературе (раньше).

Гарин-Михайловский сам себя не видел в целом [2], так, как мы его видим теперь в отдалении. А что, кроме Гарина? Инженер Матиец Сергеева-Ценского? [3] Кажется, и всё.

Начало моей поэмы благодаря отваге Д. М. Ханина [4] мне удалось протащить (с большим уроном) контрабандой через отдел детской литературы ГИЗа в 1930 году (три тома под общим заглавием «Революция на рельсах») [5]. Теперь я должен бы написать еще 4 романа:

1) от воцарения Н⟨иколая⟩ II, промышленное государство, Дальний Восток, Витте, японская война — до революции 1903—1906 гг. включительно; 2) ликвидация поместного дворянства — 1906—1913; 3) война, 1917 год, до октября — определеннее: постройка Мурманской дороги в условиях войны и революции; 4) 1917—1923. Поэма кончается гудками паровозов — воют над гробом Ленина.

Из семи частей моей поэмы (считая и три напечатанных) я почитаю главной пятую. Когда-то я хотел ее озаглавить «Порт-Артур» — это имя, данное рабочими Нарвского района огромному дому для комнатных жильцов, построенному чудаковатым инженером-подрядчиком за Обводным каналом. Место действия — Петербург. Тема — конец дворянства, краткая вспышка промышленного грюндерства на основе мобилизованных средств — внезапно помолодевший Петербург, последняя отчаянная попытка династии опереться на мужика — ход революции, предчувствия войны.

Вот этот роман я и хотел бы сделать теперь. Называю я его «Золотой песок». Размер — 20 (около) печатных листов. Времени для работы мне нужно 14 месяцев, считая от того дня, когда я получу возможность сесть за работу.

Очень соблазняет меня фигура Леонида Красина — место ему у меня заготовлено вместе с Гариным-Михайловским там, где речь идет о постройке Сибирской дороги (это 4-я часть поэмы).

Надеюсь, что я даю вам, Алексей Максимович, довольно полное понятие о моем замысле. Если вы сочтете его достойным реализации,— помогите осуществить в части — роман «Золотой песок». Роман будет сюжетно отделен, ни в какой мере не продолжение и со своим концом, а не с «продолжение следует».

Примите мой привет.

С. Григорьев

г. Загорск, Моск⟨овской⟩ обл⟨асти⟩,
Красная, 20.

[1] М. М. Пришвин послал письмо Горькому от 4 мая 1932 г., в котором напомнил ему о Григорьеве (АГ).

[2] Имеется в виду автобиографическая повесть Н. Г. Гарина-Михайловского «Инженеры».

[3] Инженер Матийцев (у Григорьева описка) — персонаж повестей С. Н. Сергеева-Ценского «Наклонная Елена» и «Суд». Впоследствии автор объединил повести в один роман под общим заголовком «Преображение человека» и включил его в эпопею «Преображение России».

[4] Давид Маркович *Ханин* (1903—1937), в то время заведовал отделом детской и юношеской литературы Госиздата.

[5] С. Григорьев. Революция на рельсах, роман в трех томах: т. I. «Трудная земля», т. II. «Дальний путь», т. III. «Сладкий дым». М.—Л., Госиздат, 1930.

16

ГОРЬКИЙ — ГРИГОРЬЕВУ

Москва. 〈12 июня 1932 г.〉

С. Григорьеву

Запоздал ответить вам, уважаемый сотоварищ, потому что хотелось сказать что-нибудь определенное; теперь я как будто могу сказать нечто.

А. Б. Халатов[1], начиная свою работу в транспорте, решил привлечь писателей к пропаганде значения дорог — путей, по коим распространяется культура, создаются связи людей и т. д. Не соприкасается ли ваша поэма — в той части ее, которая передана вами ГИЗу[2], — с идеей Халатова? Вы сообщаете, что вам пришлось сократить ее, а — не можете ли вы дать рукопись полностью? Тогда — пошлите ее мне, Малая Никитская, 6 Не согласитесь ли повидаться с Халатовым и сообщить ему план дальнейшей работы вашей? 13-го я буду в Москве и мог бы устроить вам свидание, да и сам с великим удовольствием встретился бы с вами.

Далее. Пересматривается литература для детей, предположено переиздать некоторые старые книги: Рони, Иенсена[3], сказки Андерсена, Пушкина и т. д. Сюда входит ваша книжка «С мешком за хлебом»[4]; мне думается, вам нужно бы ее просмотреть для нового издания.

Нет ли у вас еще чего-либо для детей?

Не хотите ли написать что-либо?

Очень нужны книжки о животных, по вопросам звероводства, скотоводства и просто «забавные» книжки. Нужно ознакомить ребят с историей и бытом нацменьшинств, с историей первобытной культуры и книжки такого типа, как «Рассказ о великом плане» Ильина[5], «Большевики завоевали Сибирь» Белобородова[6]. Вообще — нужна толковая, хорошая литература.

Надеюсь, вы получили паек? Он выписан вам.

Итак — до 13-го? Позвоните Петру Петровичу Крючкову, чтоб он указал вам точное время и вам не пришлось бы ждать.

Будьте здоровы.

А. Пешков

12.VI.32.

[1] Артемий Багратович *Халатов* (1896—1938), в 1927—1932 гг.— заведующий Госиздатом. С 1932 г. как член Коллегии НКПС руководил подготовкой кадров железнодорожного транспорта.

[2] См. письмо 15, прим. 5.

[3] Горький имеет в виду книги французских писателей: Рони (псевдоним братьев Боэ Жозефа, 1856—1940, и Боэ Жюстена, 1859—1948) — «Борьба за огонь» и «Вамирех, человек каменного века» и датского писателя Иоганнеса Вильгельма Иенсена (1873—1950) — «Ледник».

[4] Описка Горького. Имеется в виду повесть Григорьева «С мешком за смертью».

[5] М. Ильин. Рассказ о великом плане. М.—Л., Госиздат, 1930.

[6] С. К. Белобородов. Большевики открыли Сибирь. М.—Л., «Молодая гвардия», 1932.

17

ГРИГОРЬЕВ — ГОРЬКОМУ

г. Загорск, 18 июня 1932 г.

Глубокоуважаемый Алексей Максимович,

письмо ваше (помеченное 12-м числом июня) я получил 15 июня (почта у нас неисправна) и потому я не мог быть в Москве 13-го,— день вами назначенный. 16 июня я был на Никитской, 6 и виделся с П. П. Крючковым. По счастливой случайности тут же я встретился и с А. Б. Халатовым,— он обещал написать мне в ближайшие дни, возможно ли будет пристроить мою «поэму» в новом из⟨дательст⟩ве НКПС. Относительно первых трех томов («Революция на рельсах») я неточно вами понят: книги эти и писаны были с установкой на «старший возраст» детских читателей, но все-таки «вышли из габарита» и напечатаны как бы для «взрослых», после некоторых сокращений и изменений. Иной редакции этих трех романов у меня нет, но раз дело идет о переиздании, то в небольшой срок я могу (и надо это сделать) переработать эти книги. Их я вам посылаю одновременно с этим письмом.

С большой радостью я узнал из вашего, Алексей Максимович, письма, что книга моя «С мешком за смертью» будет переиздана и в таком великолепном букете книг! Но где? Кем? Когда? Конечно, ее следует пересмотреть для нового издания. Мальчишки эту книгу полюбили, а в библиотеках она везде износилась. Мне хочется еще переиздать мою книгу «Берко-кантонист»[1] — она достигла тиража в 150 000 — и ее тоже нет в продаже. Книга эта всеми без оговорок была признана полезной.

Надо ли говорить, что я с большой охотой напишу новую книгу для детей. Если я последние годы (3 года уже!) не пишу для детей, то не по своей воле, а потому, что мне уста запечатали.

Я мог бы написать «занятную» книжку (повесть) для детей о том, как вырастают они вместе со взрослыми около какого-либо (или не около, а «в») большом деле (Магнитогорск, Кузнецк, Днепрострой). Готового для детей сейчас у меня ничего нет. Глупое руководство детской литературой всех нас заторкало, задергало и сбило с толку: писать было невозможно.

Вы пишете, Алексей Максимович, что с великим удовольствием встретились бы со мной. Я много раз думал о том, что надо повидаться с вами во все ваши былые приезды — и если не добивался встречи, то лишь потому, что перед вами, утомительно мелькая, проходят тысячи людей. «Не следует отягчать такую нагрузку своей персоной», думал я. Ино хотелось и пожаловаться вам, если не лично, то письменно,— и эта мысль оставлялась,— потому что я твердо знал, что перемены к нам, политически зрелым людям, будут, и я еще получу возможность доработать себя. Так оно и случилось [2]. Теперь я радуюсь возможности видеть вас и говорить с вами. И тема деловая есть: книги для детей — я вижу, что это вас сейчас очень занимает. Хорошо бы послушать ближе к делу, как, вы думаете, нам следует работать. Беда одна — почта здесь (70 км от Москвы) приходит на 2—3 день. Когда захотите видеть меня, лучше пошлите «молнию»! ⟨...⟩

Примите мой сердечный привет.

С. Григорьев

г. Загорск, Моск⟨овской⟩ обл⟨асти⟩,
Красная, 20,
Сергею Тимофеевичу Григорьеву.

[1] Повесть «Берко-кантонист» переиздавалась неоднократно. Изд. 1. М.—Л., Госиздат, 1927; изд. 2. М.—Л., Госиздат, 1929.

[2] Имеется в виду постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций».

18

ГРИГОРЬЕВ — ГОРЬКОМУ

У Троицы. 17 мая 1933 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Ваше возвращение из «прекрасного далека»[1] меня очень радует, как радовало и раньше и в прошлом году — позволяю себе высказать вам эту радость. Особенно радостен ваш прилет в нынешнюю непохожую на вёсны весну. Хорошо, что вы примахали к нам весенним журавлем! Когда о журавле,— вспоминается *синица*. Синицу-то, благодаря вам, Алексей Максимович, я держу в руках. Вы, надеюсь, не забыли, что год тому назад я не утерпел, пожаловался вам на личные мои неудачи, близко связанные с делами детскими, литературными. Вы, конечно, следите за движением детской литературы и знаете, что за последний год мы, наконец, преодолели (если это не отзвук моего личного настроения) буксование на месте и заметно двинулись вперед. Прошлый год подарил нам, среди других, по-моему весьма занятную и свежую книгу «Кара-Бугаз» Паустовского[2] — и значит (что важнее!) нового автора — нашего полку прибыло! Знаете, как в газовой шахте приятно попасть в «свежую струю»— так и я, благодаря вам, Алексей Максимович, попал в такую струю. За год вышли две старых моих книжки «Мальчий бунт» (4-е изд.) и «Берко-кантонист» (5-е изд.). Кроме того, по новому договору с «Молодой гвардией» я пишу роман для детей «Листок счастья»[3]. Давно я уже не писал с такой легкой *натугой*. И все время дивлюсь: в чем же дело? Пишем мы за нищенские гонорары, близкие к тем, что платил когда-то Семен Иванович Костерин[4] в «Самарской газете», живем, каждый вечер читая «Отче наш», и все-таки легко? Казенная словесность мне не объясняет этой загадки. Литераторы еще не сказали — почему. Для меня непонятно, *что* двигает нами. В частности, о себе скажу: возможно, мне работается легко потому, что я снова попал в дружескую обстановку. Вера Натановна Лядова[5] обладает искусством, не частым у редакторов, вести работу «на легких вожжах». Думаю, что мне, старому жеребцу, это полезно. Знаю, что *надо* пахать и пашу (полагаю, что не хуже трактора?). Так ли это вообще,— не знаю.

«Листок счастья», как вы можете догадаться, Алексей Максимович, имеет целью загадать загадку, но не решить ее. *Решено* дело? Пусть так!

Что до наших бед — главная: нет бумаги. Почему нет? Что за нелепость! Как же литература — без бумаги? Вот это письмо написано на хорошей бумаге. Откуда она? Да недавно откопали здесь, у Троицы, случайно, бумажный клад, оставленный бывшим торговцем в давно брошенном им доме. И мне «по блату» досталась пачка. А вот уж конверта, чтобы облечь это письмо, не взыщите, я найти не мог. До того дошло, что пишем палимпсесты: на обороте старых рукописей, а потом и с лица поперек машинного текста. А. Б. Халатов[6], которому вы замолвили обо мне словечко в прошлом году, высказал «Молодой гвардии» пожелание, чтобы была переиздана моя «Революция на рельсах». Но, оказывается, это «немыслимо» — бумаги нет — и что хуже,— говорят и не будет. Что же это такое?

А ведь всего двенадцать лет тому назад т. Преображенский[7] передал Ленину мою брошюру «Книга-лист»[8], и тот сказал, что это мысль хорошая,— потом отсюда и явилась «Роман-газета». А ведь всего десять лет Ив⟨ан⟩ Ив⟨анович⟩ Острый[9] в № 1 журнала «Изобретатель» говорил, что надо печатать не дензнаки, а «живые деньги» с биографиями великих людей. Но и денег — увы! у наших издателей нет! Ну, бумаги «не будет».

А деньги будут? Нет? Тогда и книг не будет. А книги — «живые деньги». Вот вам и детская литература.

Простите, Алексей Максимович, что я разболтался на радостях. Еще раз позвольте сказать, что я рад прилету Журавля!*

Примите мой привет.

С. Григорьев

г. Загорск, Моск⟨овской⟩ обл⟨асти⟩,
Красная, 20,
Сергею Тимофеевичу Григорьеву.

[1] 17 мая 1933 г. Горький возвратился из Италии в СССР.

[2] К. Паустовский. Кара-Бугаз, повесть. М., «Молодая гвардия», 1932.

[3] С. Григорьев. Листок счастья. Роман опубликован в сокращенном виде в журнале «Пионер», 1933, №№ 13—23.

[4] Семен Иванович *Костерин* — издатель «Самарской газеты» в девяностых годах.

[5] Вера Натановна *Лядова* (р. 1900) в тридцатых годах заведовала сектором детской литературы издательства «Молодая гвардия».

[6] См. письмо 16, прим. 1.

[7] Евгений Алексеевич *Преображенский* — экономист, троцкист.

[8] С. Григорьев. Книга-лист, очерк. Опубликован как приложение к журналу «Кооперативная жизнь». Саратов, 1918.

[9] В рассказе «Изобретатель живых денег» М. М. Пришвин рассказал об идее И. И. Острого печатать на денежных знаках биографии русских классиков, художников, композиторов и т. д. (см. журнал «Изобретатель», орган УБРИЗ ВСНХ СССР, 1929, январь, № 1, стр. 23—29).

* Тут получился дурной каламбур с Буревестником. Ну, уж по старой памяти простите — не вменяйте в грех!

ГОРЬКИЙ — Л. П. ГРОССМАН

Леонид Петрович *Гроссман* (р. 1888) — писатель, критик и историк литературы.

Публикуемые письма связаны с задуманной Гроссманом статьей «Мастеровой малярного цеха», посвященной мастерству Горького, живописной яркости его словесного искусства. Статья была прочитана 26 марта 1928 г. на вечере Федерации писателей в честь 60-летия Горького в Московском Художественном театре и опубликована в «Правде», 1928, от 15 апреля. Перепечатана в кн.: Л. Гроссман. Цех пера. Статьи о литературе. М., «Федерация», 1930.

Ниже публикуется одно письмо Горького к Гроссману и одно письмо Гроссмана к Горькому.

1

ГРОССМАН — ГОРЬКОМУ

〈Москва.〉 7.IX.927.

Глубокоуважаемый Алексей Максимович,

искреннее спасибо за ваше милое и столь обстоятельное письмо, дающее мне не мало материалов по интересующему меня вопросу [1]. Думаю, что если занятия с красками в детстве и не были для вас «мастерством», их все же необходимо внимательно учитывать при изучении вашего позднейшего творчества. Пребывание в красильной «тканых материй» едва ли прошло бесследно для зоркого детского взгляда, жадного к ярким впечатлениям. Не привлекали ли вас рисунки и расцветка тканей или приемы их обработки? Еще интереснее пребывание в иконописной мастерской за растиранием красок. Вероятно, и в этих глухих провинциальных мастерских были свои художественные приемы и, может быть, некоторые живописные традиции. Существовали, вероятно, известные каноны для изображения определенных ликов и особые приемы их выполнения. Впечатлительный мальчик, вероятно, невольно засматривался на ту или иную работу и, может быть, незаметно и бессознательно проходил неплохую художественную школу. Какая чудесная «лесковская» тема! Кстати, на днях проездом был у меня сын Лескова [2], восхищавшийся между прочим вашей статьей о его отце [3]. Она каким-то образом осталась мне неизвестной, когда я недавно редактировал выпуск избранного Лескова [4], теперь непременно разыщу ее.

Живейший интерес для меня представляет все, что вы мне сообщили о Л. Андрееве. Сам он, должен отметить, всячески подчеркивал свою связанность с Достоевским, очень склонен был произносить ему апологии — иногда очень красивые и убедительные — выказывал интерес к различным деталям его творческой лаборатории, неизданным материалам и проч. Правда, это был момент, когда он задумал «Милых призраков» [5] и, видимо, искал каких-то конкретных, живых и редкостных штрихов для образа молодого Достоевского. Но говорил он на эту тему с жгучим интересом и нескрываемым волнением. Заданье, как вы знаете, сорвалось: Достоевский в его пьесе бледен и не характерен.

Посылаю вам только что вышедшую книгу «Преступление Сухово-Кобылина» [6]. С этим именем вы отчасти связаны моментом знаменитого избрания в почетные академики [7]. Но едва ли вы лично знали его. Возможно, впрочем, что история его преступления была отчасти знакома вам по устным версиям.

Буду рад, если мой рассказ заинтересует вас.

Еще раз сердечное спасибо за ваш привет и беседу.

Ваш Л. Гроссман

[1] В письме от 16 августа 1927 г. (АГ) Гроссман спрашивал Горького о той роли, которую сыграли для его творчества живописные впечатления детства — в красильной мастерской деда и иконописной мастерской Салабанова. Ответное письмо Горького не сохранилось.

[2] Андрей Николаевич *Лесков* (1866—1953) — сын Н. С. Лескова, литературовед.

[3] М. Горький. Н. С. Лесков. Вступительная статья к изданию «Н. С. Лесков. Избранные сочинения в трех томах», т. 1. М., изд. З. И. Гржебина, 1923.

[4] Н. С. Лесков. Избранные рассказы. Редакция и предисловие Л. П. Гроссмана. М.—Л., Госиздат, 1926.

[5] В драме «Милые призраки» (альманах «Шиповник», кн. 26. Пг., 1917) Л. Андреев изобразил черты молодого Достоевского в образе бывшего студента Таежникова.

[6] Л. П. Гроссман. Преступление Сухово-Кобылина. Л., «Прибой», 1927. На книге дарственная надпись: «Глубокоуважаемому Алексею Максимовичу Пешкову с искренним приветом. Л. Гроссман. 6/IX. 927» (ЛБГ).

[7] Александр Васильевич *Сухово-Кобылин* (1817—1903) был избран почетным академиком в один день с Горьким (25 февраля 1902 г.).

2

ГОРЬКИЙ — ГРОССМАНУ

⟨Сорренто. 13 сентября 1927 г.⟩

Получил и тотчас же прочитал вашу книгу о Сухово-Кобылине, отличная книга, Леонид Петрович! Я читал ее, когда она печаталась в «Н⟨овом⟩ м⟨ире⟩» [1]; теперь, прочитав вторично и всю, чувствую себя морально обязанным искреннейше сказать вам — спасибо. Потому что в работе вашей заключено нечто дорогое мне и значительно более глубокое, чем та «гуманность», которой так хвасталась русская интеллигенция, но от которой ныне остались только пыль и дым; я говорю о вашем — историка — действительно человечном отношении к человеку, хотя бы и преступному.

Очень ценная книга. Желаю ей успеха, а вам — здоровья и бодрости духа для новых работ.

А. Пешков

13.IX.27. Sorrento.

Относительно влияния на меня красок в детстве вы, полагаю, правы. Кажется, я даже писал об этом в «Детстве» и «В людях». Если же не писал, то думал писать.

А. П.

Печатается по автографу, хранящемуся у адресата.

[1] Леонид Гроссман. Преступление Сухово-Кобылина.— «Новый мир» 1926, №№ 11—12.

ГОРЬКИЙ — Л. И. ГУМИЛЕВСКИЙ

Начало знакомства Льва Ивановича *Гумилевского* (р. 1890) с Горьким относится к 1912 г., когда молодой писатель послал Горькому два маленьких рассказа с традиционным вопросом: «Есть ли у автора способности, стоит ли ему продолжать дальше?» (Л. Гумилевский. Знакомство с Горьким, АГ). Следующий рассказ «В литейной» он послал в журнал «Просвещение», редактором литературного отдела которого был в то время Горький (рассказ напечатан в «Просвещении», 1914, кн. V). Впервые Гумилевский встретился с Горьким в редакции журнала «Летопись» в 1916 г. или 1917 г. В 1918 г. он был у Горького в его квартире на Кронверкском проспекте и подарил ему первую книгу рассказов «Темный круг» (Пг., «Жизнь и знание» 1918).

В 1926 г. Гумилевский послал Горькому на отзыв свои новые книги — роман «Харита» и повесть «Собачий переулок».

В дальнейшем Гумилевский принял участие в издании серии «Жизнь замечательных людей»; его биография Рудольфа Дизеля предназначалась для первых выпусков этой серии.

Ниже публикуются два письма Горького и его отзыв о книге Гумилевского «Рудольф Дизель, его жизнь и деятельность».

1

ГОРЬКИЙ — ГУМИЛЕВСКОМУ

〈Сорренто.〉 10.III.26.

Мы — старые знакомцы, Лев Иванович, поэтому,— я надеюсь,— вас не обидит, если я подчеркну некоторые «описки» в повести вашей [1]. В языке потребна простота, краткость и точность, в этих трех свойствах сила и красота его, его обаяние.

У вас нередки прегрешения против точности. На стр. 27 — «зыбка с тоской», на 111 — «крошечное движение», а на 112-й — «феерическая быстрота». Термин — «крошечное» неприложим к измерению скорости,— это — мера тела. «Феерическое» — варваризм и решительно ничего не говорит в наше время, когда достигнуты умопомрачительные перемещения в пространстве. Затем: вы пишете: 181-я стр.— «начинают чувствоваться живыми волосы». Ся — суть — себя; получается, что не хозяин волос, а они сами себя чувствуют живыми. Старуха Еникеева, дворянка, едва ли может сказать: «Я не отстану за мои деньги». Очень сомнительна, по справедливости ее, сцена, где Харита говорит о серьгах с тетей Варей. Девочка не могла не знать, что такое серьги и зачем их носят. Тут вы лишаете ее того инстинкта, который даже птичьим птенцам, первогодкам, уже знаком.

Харита написана небрежней брата ее. Она особенно неудачна у тети Вари: груба неоправданно и слишком мало удивлена новой для нее обстановкой. Брат сделан вами лучше, естественнее и живей. Все буржуи, согласно новому канону, сильно и не очень удачно шаржированы. Это — не только ваш грешок, разумеется. Хорош рыбак, хорош

прохожий. Инспектор — не плох. В повести заметна торопливость работы.

Ее будут много читать, она — интересна. Ко второму изданию вы ее просмотрите и допишите кое-где, напр⟨имер⟩, — встречу Алексея с отцом, встречу с ним Хариты. Немножко сентиментальности не повредит «Харите».

Вот и все, что могу сказать вам. Желаю успехов.

А. Пешков

Адрес: Sorrento. M. Gorki.

[1] Речь идет о повести «Харита, ее жизнь и приключения, а также подробный рассказ о том, как был найден город Карла Маркса». М.— Л., «Молодая гвардия», 1926.

Посылая роман, Гумилевский писал Горькому: «Вспоминая вместе с тем ваше замечание при свидании с вами, что вы следите за моими работами, я набрался смелости послать вам книжку» (АГ).

2

ГОРЬКИЙ — ГУМИЛЕВСКОМУ

⟨Сорренто. 15 декабря 1926 г.⟩

Я думаю, Лев Иванович, что служебное, педагогическое значение вашей книги [1] должно быть очень велико. И, судя по всему, что мне известно о жизни современной молодежи, книга вполне своевременна, бьет по больному месту, бьет, как и следует, правдиво, безжалостно.

Мне кажется, что фигуры женщин удались вам: Анна, Вера, Варя особенно хорошо чувствуются. Анне, может быть, следовало бы придать черты комические, а то местами она чуть-чуть шаржирована.

Так же шаржированным видишь Хорохорина, но это, конечно, потому, что я таких не встречал. В книге вообще много незнакомого мне. И — страшного. Хорош Сеня. Я знаю, что *такие* живут, они мне пишут. Буров, как будто, недостаточно разработан.

С внешней стороны в книге есть недостаток: вы ее напрасно загрузили скучной первой главой и всем, чем эта глава вас в дальнейшем стеснила. Без этого книга была бы больше романом и более четкой, компактной. А так вы придали ей характер хроники и обременили многословием. Для второго издания всю эту «хронику» следовало бы вычеркнуть. Писать надобно гуще. Вот посмотрите, как прекрасно стал писать Всеволод Иванов, раньше такой несдержанный в словах.

Книга ваша — хороший шаг вперед, к искусству. Ее достоинства будут ярче, если вы выбросите «хронику».

Всего доброго и крепко жму руку.

А. Пешков

15.XII. 26. Sorrento.

[1] Л. Гумилевский. Собачий переулок (Издание автора. М, 1926).

Повесть Гумилевского, наряду с книгами П. Романова «Без черемухи» и С. Малашкина «Луна с правой стороны», посвященными вопросам половой морали современной молодежи, встретила резко отрицательное отношение в литературной критике, и, главным образом, в комсомольской и студенческой среде (см. «Правда», 1927, № 89, от 20 апреля).

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОТЗЫВ ГОРЬКОГО О КНИГЕ ГУМИЛЕВСКОГО «РУДОЛЬФ ДИЗЕЛЬ, ЕГО ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»[1]

Л. Гумилевский

«РУДОЛЬФ ДИЗЕЛЬ»

Полагаю, что все рассказанное автором по истории двигателя внутреннего сгорания должно быть проверено специалистом, ибо книгу эту будут читать преимущественно молодые техники, рабочие-изобретатели, а они заслуживают, чтоб им дан был материал научно проверенный. В рукописи — мне кажется — очень много технических неясностей, вроде, напр⟨имер⟩, стр. 100.

Стиль автора вызывает впечатление поспешного перевода с иностранного языка. Автор хочет показать Р. Дизеля человеком, как бы склонным к мышлению революционному, но по цитатам из речей и писем самого Дизеля видно ясно, что он типичный реформатор, человек, который полагает, что в области социальной достаточно изменить форму отношений и сама собой изменится основа социальных процессов. См. стр. 38, 58, 75—6—7, 102 и т. д. Едва ли возможно мыслить революционно, считая Шопенгауэра «величайшим умом человечества». Не слишком ли много отведено места братьям Нобель — «превосходным», как характеризует их автор?

А. Пешков

⟨1933, январь — февраль?⟩

Печатается по машинописной копии с подписью Горького.

Судя по времени выхода в свет 1-го издания книги Гумилевского и письму Горького М. Е. Кольцову от 6 января 1933 г., отзыв был написан, по-видимому, в январе — феврале 1933 г.

[1] Л. Гумилевский. Рудольф Дизель, его жизнь и деятельность. Изд. 1. М.—Л., Энергоиздат, 1934; изд. 2. М., серия «Жизнь замечательных людей», 1935.

В письме М. Е. Кольцову от 6 января 1933 г. Горький сообщал: «У меня на очереди „Дизель" Гумилевского и „Жорж Занд" Венкстерна — толстущие рукописи. Должен сказать, что в дизелях, так же как и в трюфелях, я ничего не понимаю, и если у Гумилевского написано, что дизель делают из дуба, так я этому поверю» («Новый мир», 1956, № 6, стр. 161).

ГОРЬКИЙ — А. А. ДЕМИДОВ

Алексей Алексеевич *Демидов* (1883—1934) — автор ряда повестей и рассказов из крестьянской жизни и автобиографической трилогии («Жизнь Ивана». М., «ЗиФ», 1923; «Вихрь». М.— Л., Госиздат, 1926; «Село Екатерининское». М.— Л., «ЗиФ», 1929). Он познакомился с Горьким в 1916 г. в редакции журнала «Летопись», куда принес два рассказа и повесть «Так жить нельзя». Эти произведения в журнале напечатаны не были, но Горький заинтересовался замыслом автобиографической повести «Жизнь Ивана», о которой ему рассказал Демидов. РаботаДемидова над повестью«Жизнь Ивана» в 1916—1918 гг. протекала при непосредственной помощи Горького (рукопись повести, правленная Горьким, хранится в АГ). «Казалось, моей работой он интересовался так, как будто переживал все то, что переживал я, автор,— пишет Демидов,— меня это глубоко трогало и ко многому обязывало» («Мои встречи с М. Горьким»). Переписка Горького с Демидовым длилась с 1922 до 1931 г.

О своих отношениях с Горьким Демидов рассказал в воспоминаниях «Из встреч с Максимом Горьким» («Красная новь», 1928, № 3) и «Мои встречи с М. Горьким» («Горький. Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком», под ред. И. Груздева, М.— Л., Госиздат, 1928).

Из публикуемых ниже четырех писем Горького к Демидову два — от 15 мая 1925 г, и второй половины октября 1927 г.— были ранее опубликованы в «Октябре», 1954, № 11, и «Молодой гвардии», 1956, № 1.

1

ГОРЬКИЙ — ДЕМИДОВУ

〈Сорренто. 20 апреля 1925 г.〉

Получил ваши книги [1], Алексей Алексеевич; очень рад успеху «Жизни Ивана». Странное совпадение: вместе с вашим письмом и книгами я получил известие из Франции о смерти провансальца-крестьянина Баптиста Бонне, автора книги «Детство крестьянина» [2], такой же, как ваша. Его книгу очень хвалил и даже, кажется, издал А. Додэ; на русском языке она печаталась в «Новом журн〈але〉 иностранн〈ой〉 литер〈атуры〉» Булгакова.

Книжка рассказов написана вами хуже «Ивана», небрежнее. «Золотая коса» и «Два вора» — рассказы, которыми вы не можете похвалиться. Таких вещей, как «Два вора», написано десятки и гораздо лучше. Вы ничего не сказали от себя в этом рассказе, а написан он газетно. Также не понравилась мне и «Золотая коса»,— это хорошая тема, но разработана она грубо, а написана наспех. На 61-й стр. у вас партработник осведомляется:

«— К*то-то*?»

«— Да вот, учителя-*то* — дребедень-*то*»,— а в следующей фразе снова: «молвил к*то-то*». Эти бесчисленные повторения излишних «то» свидетельствуют о небрежности письма, о бесцеремонности его.

Похвалам Н. А. Рубакина — не верьте [3]. И вообще не верьте критике, ни похвальной, ни злостной. Старайтесь добиться того, что〈б〉 рассказ был весь ваш и нравился вам. Но — ненадолго; сегодня — нравится,

а через неделю вы должны видеть, что всё — не так и можно писать лучше. Ставьте себе требования строгие.

Пишите честно то, что вам хочется, не считаясь ни с кем и ни с чем, кроме вашего личного опыта и той правды, которую вы носите в себе. Пишите ее, о ней, даже если она вам и неприятна, что иногда бывает.

Что это за книга Неверова «Ташкент»? [4]

А «Вихрь» [5]— повесть, роман?

Спасибо вам за письмо, за добрую память.

Будьте здоровы!

А. Пешков

Передайте мой сердечный привет писателям, товарищам вашим.

20.IV.25. Sorrento.

[1] Повесть «Жизнь Ивана» (изд. 3. М., «ЗиФ», 1925) и сборник рассказов «На шахте» (изд. 2, М., «ЗиФ», 1925).

В письме от 9 апреля 1925 г. Демидов писал Горькому: «Сегодня послал вам заказной бандеролью две мои книжки: „Жизнь Ивана“ и „На шахте“. Первую — на память о том дорогом времени, когда вы читали эту книгу в черновиках и делали на ней свои заметки,— когда я мог так часто видеть вас и слышать; а вторую — с просьбой прочесть из нее хотя бы два рассказа: „Золотая коса“ и „Два вора“ ⟨...⟩

Как я благодарен вам за те советы, какие вы мне сделали в 1916 г.! Поверьте, что в годы, последовавшие за тем, я уже не надеялся, что моя „Ж⟨изнь⟩ И⟨вана⟩“ увидит свет, что она не погибнет где-то в амбаре, и только ваша похвала поддерживала во мне веру, что книга эта стоит того, чтобы ее поберечь ⟨...⟩ А теперь она выходит в течение 2-х лет третьим изданием...» (АГ).

[2] Б. Вонне. Детство крестьянина. Провансальские очерки. Напечатаны с предисловием А. Додэ в «Новом журнале иностранной литературы, искусства и науки», 1897, т. I, №№ 1—3, июль—сентябрь. Ф. И. Булгаков был редактором-издателем журнала.

[3] Николай Александрович *Рубакин* (1862—1946) — библиограф, беллетрист и публицист. В письме Горькому от 9 апреля 1925 г. Демидов писал о рассказах «Золотая коса» и «Два вора»: «Рубакин Н. А. от них в восторге, устраивает перевод „Золотой косы“ на английский и французский языки...» (АГ).

[4] А. Неверов. Ташкент, город хлебный. М., «ЗиФ», 1923.

[5] В письме Горькому от 9 апреля 1925 г. (АГ) Демидов сообщал о работе над второй частью своей автобиографической трилогии — романом «Вихрь» (см. отдельное издание — М.— Л., Госиздат, 1926).

2

ГОРЬКИЙ — ДЕМИДОВУ

⟨Сорренто.⟩ 15.V.25.

А. Демидову

Я знаю, что писателю живется тяжело, но — такова уж его судьба, — ему всегда жилось тяжело и материально и, особенно, морально. Вот недавно Дом Пушкина в Петербурге выпустил письма Щедрина-Салтыкова[1], почитайте: десять лет,— да, что там! — всю жизнь его превосходительство волком выл. Талантливый человек Сергей Григорьев на днях правильно написал мне: «Россия— трудная страна» [2].

Конечно, она стала еще труднее теперь, поставив пред собою столь огромные задачи и выполняя их с таким героическим напряжением сил. Это изумительное время возлагает на вас, молодых писателей, обязанность мужественно, правдиво и независимо делать ваше большое, важное дело— дело правды, дело правдивого освещения всего, что творится на земле. Для того, чтоб внести свою лепту в общую массу духовной работы, творимой на Руси, вам всем надобно учиться, не щадя себя. Учитесь вы, на мой взгляд, маловато.

Вот на днях прочитал три книжки Степного [3]: плохо пишет человек, и видно, что не озабочен тем, чтоб писать лучше. И уж думает, что он — готов, что он — большой писатель. Торопится стать заметным для людей,

а сам себя еще не видит. Таков же и Пильняк, хотя он грамотнее Степного. Кажется, что Пильняк уже разболтал себя в пустяках, в словесных фокусах. «Русь» Романова написана тоже изумительно небрежно, особенно — в описаниях, хотя он показывает хорошее мастерство, изображая характеры. Герои у него говорят лучше автора, создателя их. Рассказы в «Кр〈асной〉 нови» лучше сделаны, чем «Русь» [4]. Но ведь Романов пишет давно уже, начал еще до войны. И тогда он писал толковее, чем теперь, более умело. Не знаю, что из него выйдет.

Вс〈еволод〉 Иванов — талантлив, но слишком торопится: написал много, и много написано лишнего.— Это со всеми случается, и со мной было. Кто много видел, тому трудно удержаться от желания рассказывать, но — одно дело — рассказать, другое — изобразить. Иванову бы не писать года два, т〈о〉 е〈сть〉 — не печатать, а писать маленькие рассказы, приучая себя к скупости на слова, к четкости.

Бабель — талантлив и умен. От этого можно многого ожидать, он заряжен туго, надолго и понимает себя. Там, где у него не хватит воображения, он умеет ловко прикрыться умом. Но и воображения у него много, а это — главная сила художника.

Леонов тоже крайне интересен, и тоже «многообещающий». Лично я не знаю его, но, кажется, он самолюбив. Это может помешать ему. Но он — писатель по натуре. «Обещающих» — немало. Я с великим трепетом слежу, как растет на Руси новая литература, и многим восхищаюсь. Богатые всходы! Это — хорошо. Нашей стране нужны тысячи писателей, и вот они идут. Неуклюже, крикливо, но — смело и с большой силой. У многих шапки набекрень, мозги — тоже, но — это пройдет!

Остроумно и ловко написаны «Роковые яйца» [6] Булгакова, хорошо «Болото» Яковлева [7], «Митякино» Низового [8]. Много хорошего! Жду еще больше, уверенно жду.

Ну, вот вам мой отчет, как вы этого хотели. Не обессудьте. Учитесь, это главное! Берегитесь самодовольства. Имейте в виду, что и ложь и правду вашу будут читать тысячи новых людей. Да, *новых* и чрезвычайно ценных, потому что это люди, которые жаждут создать новый мир.

Жму руку.

А. Пешков

[1] Речь идет об издании: «М. Е. Салтыков-Щедрин. Письма. 1845—1889». Под редакцией Н. В. Яковлева при участии Б. Л. Модзалевского. Л., Госиздат, 1925.

[2] См. Горький — Григорьев, письмо 3.

[3] Степной (псевдоним Николая Александровича *Афиногенова*). В 1925 г. вышли его книги: «Белые рабы», «Томский костер», «Юность» и др.

[4] П. Романов. Русь. Роман, кн. 1—2. М., Изд. М. и С. Сабашниковых 1923—1924. В «Красной нови», 1925, № 1, напечатаны рассказы Романова «Три кита», «Святая женщина», «Рябая корова», «Восемь пудов» и «Глас народа».

[5] Повесть М. Булгакова «Роковые яйца» напечатана в альманахе «Недра», кн. 6. М., 1925.

[6] Рассказ А. Яковлева «Болото» напечатан в альманахе «Недра», кн. 6. М., 1925.

[7] П. Низовой. Митякино (повесть). М., «Новая Москва», 1925.

3

ГОРЬКИЙ — ДЕМИДОВУ

〈Неаполь.〉 28.XII.25.

Дорогой Демидов,

на предложение ВЦСПС [1] издать два тома старых моих рассказов вам ответит — если уже не ответил — *Петр Крючков*,— представитель «Международной книги» в *Берлине*, *Kurfürstenstrasse 79. Buchverlag Kniga*[2]. С этой «Книгой» у меня договор, и без ее разрешения я не имею права распоряжаться моими рассказами.

Если телеграммы от Крючкова нет еще,— запросите его сами, пожалуйста, о разрешении.

Засим: разумеется, я ничего не имею — принципиально — против сотрудничества в «Новой России» [3], но фактически «сотрудничество» это было бы номинальным, ибо я занят большой работой [4], маленьких рассказов не пишу и не буду писать года два, вероятно. Так что, пожалуй, не следует включать имя мое в число сотрудников «Н⟨овой⟩ Р⟨оссии⟩».

«Прибой» [5] я не успел прочитать в Сорренто и не могу прочитать здесь, ибо книга случайно попала в ящик книг, оставшихся на старой квартире. Дело в том, что я перебрался на зиму из Сор⟨ренто⟩ в Неаполь и проживу здесь до апреля. Книги, большей частью, остались там, в ящиках. На днях — после Н⟨ового⟩ г⟨ода⟩ — туда поедет сын мой, и я попрошу его найти сборник.

Предложение ВЦСПС очень радует меня не только морально,— правду говоря: деньги нужны. Но, разумеется, прежде всего, мне приятно знать, что книжки мои попадут куда следует.

А то, знаете, у кого же хватит времени и охоты прочитать 17 томов? [6]

Будьте здоровы. Жму руку.

А. Пешков

Napoli. Posilippo. Villa Galotti.

[1] Издательство ВЦСПС, через Демидова, который исполнял должность ответственного секретаря этого издательства, предложило Горькому напечатать несколько томов его произведений для профсоюзных клубных библиотек. В письме к Горькому от 6 января 1926 г. Демидов писал:

«Очень радуемся, что вы идете нам навстречу, помогаете обогатить эти библиотеки истинно художественными произведениями.

Разумеется, каждый, начав читать ваши сочинения, нашел бы время и охотно прочитал бы их с начала и до последней книги, но полное собрание сочинений мы давали, и их приобретают пока наиболее крупные библиотеки; вероятно, когда страна разбогатеет, полное собрание ваших книг будет в каждой библиотеке, самой маленькой. Я говорю это на основании опыта. Недавно, летом, я дал одному комсомольцу „Мать“, и что бы вы думали? Он не только теперь ваш поклонник, не только все прочел, но с рассрочкой купил полное собрание ваших сочинений! Да, великая сила заключена в ваших книгах! — Сила и очарование! И я от всей души рад, что вы взялись еще за большую работу, и желаю, чтобы она вам удалась в той мере, какою вы ее задумали и какая будет достойна вашего славного, чудесного имени!..» (АГ).

Издание осуществлено не было.

[2] «Книга», позднее «Международная книга» — русско-германское издательское и торговое акционерное общество. Существовало с 1921 по 1931 г. Ставило своей задачей организацию книжной торговли между СССР и другими странами. Это издательство охраняло авторские права Горького и других советских писателей за границей.

[3] См. Горький — Гладков, письмо 9, прим. 3. Горький участия в журнале не принимал.

[4] В марте — апреле 1925 г. Горький закончил роман «Дело Артамоновых» и в первой половине марта 1925 г. приступил к работе над романом «Жизнь Клима Самгина».

[5] «Прибой. Альманах первый». Л., «Прибой», 1925. В нем были напечатаны отрывки из романа Демидова «Вихрь».

[6] Речь идет о Собр. соч. Горького, выпускавшемся издательством «Книга». В 1925 г. вышел 17-й том.

4

ГОРЬКИЙ — ДЕМИДОВУ

⟨Сорренто. Вторая половина октября, 1927.⟩

А. А. Демидову

Спасибо за поздравление [1].

Альманаха «Утро» у меня нет, поэтому не могу ответить на вопрос ваш о достоинствах «Села Екатерининского» [2]. Пришлите оттиск.

Недавно, в свободный час, снова посмотрел «Вихрь». Разумеется — книга ценная, и многое в ней рассказано неплохо. По таким книгам, со временем, будут писать историю,— это значит, что «Вихрь» имеет ценность документа. Но и воспитательное ее значение для современности — немалое.

Она была бы лучше, если б вы более внимательно относились к языку и более скупо тратили слова. Посмотрите, например, как вы злоупотребили союз⟨ом⟩ *и* в первых фразах начала: «и почти», «и ожесточенным», «и дальше», «и медицинский», «и затем», «и его», «и бой», «и второй», «и третий», «и на», «и доставляли». От этого *и* пестрит в глазах, получается звуковое однообразие, впечатление скуки.

В диалогах у вас тоже не все хорошо.

«Допрежь всего, в случае чего» — это сойдет в юмористическом рассказе, но не годится в серьезной книге.

В массовых сценах вы слишком много даете коротких фраз, отдельных слов, этим нельзя создать впечатление массового говора. Нужно разрывать такие сцены описаниями лиц, фигур, жестов.

«Звучали сапоги» — пишете вы. Зачем же? Звучат шаги людей в сапогах.

Все эти — как будто мелочи, на самом деле не мелочи. Чтобы хорошо звучал барабан, необходимо хорошо очистить кожу от мездры. Прочные здания строятся из хорошего материала, и при этом необходимо, чтоб кирпич с кирпичом лежал плотно.

Вот вам какой нагоняй закатил я! А вы не сердитесь; ничего тут обидного для вас нет. Учиться надо. Всю жизнь учиться, если хотите достойно прожить на земле.

Крепко жму руку.

А. Пешков

Ваши «Встречи» со мною прочитаю в книге Пиксанова [3], если они еще нигде не напечатаны. Читать — не успеваю. 32 книги молодых авторов лежат не прочитаны еще. Беда!

Всего доброго.

А. П.

Датируется по письмам Демидова к Горькому от 11 октября и 3 ноября 1927 г. (АГ).

[1] С 35-летием литературной деятельности.

[2] В литературном сборнике «Утро», под ред. Н. Н. Фатова (М., 1927), были напечатаны четыре главы из третьей части трилогии Демидова — «Село Екатерининское».

[3] Воспоминания Демидова «Из встреч с Максимом Горьким» были опубликованы в «Красной нови», 1928, № 3 и вошли в кн. «Горький. Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком», под ред. И. Груздева. М.—Л., Госиздат, 1928. Горький ошибочно назвал вместо И. А. Груздева Н. К. Пиксанова.

ГОРЬКИЙ — В. Д. ДУБРОВИН

Василий Дмитриевич *Дубровин* (1897—1941), посылая Горькому рукопись своей первой книги «Конец Самодуровки. Записки селькора», писал 7 июля 1931 г.: «Я вполне сознаю то, что у вас не хватает времени на всех нас, начинающих писателей. И все-таки я иду к вам. Ваше слово для меня очень много значит» (АГ). Роман «Конец Самодуровки» печатался в «Октябре», 1931, №№ 8—12. Отдельное издание — М.—Л., ГИХЛ, 1932.

В АГ хранится рукопись Дубровина «На поля пришла чудесная Москва (Рассказ колхозника)», правленная Горьким (не опубликовано).

Ниже публикуется одно письмо Горького Дубровину.

⟨Москва. 7 июля 1931 г.⟩

Товарищу В. Дубровину

Повесть ваша — своевременна и — на мой взгляд — имеет бесспорно крупное политическое значение. Отлично зная деревню, вы бьете врага метко и беспощадно, что и требуется от писателя-революционера.

Способность к литературному труду, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ — дарование, у вас есть, об этом говорят: сцена раздела с отцом,— особенно хорошо раздел муки,— уменье писать фигуры и характеры людей, еще многое и прежде всего — четко сделанная Овсянка.

Но техника работы у вас не развита, и это чувствуется почти на каждой странице. Конечно — я указываю на это не в осуждение вам, а для того, чтоб — по мере сил моих — помочь вам овладеть превосходным вашим материалом и чтоб вы придали ему более совершенную форму: материал этого требует.

Повесть перегружена лишними словами, их — сотни, и необходимо выбросить их, тогда все будет слажено крепче и убедительней. Колесо телеги требует определенного количества спиц, а если вы вставите в обод— двадцать пять спиц, так это будет не колесо, а — ошибка, скажем. Значит: надобно вымести из «Конца Самодуровки» все те лишние слова, которые засоряют и тяжелят ее. Далее: материал расположен у вас неправильно. Первая часть — не кончена и прерывается «Дневником Овсянки» очень хорошо сделанным, но поставленным как будто не на месте. Она была бы более на месте, если б вы довели первую часть до работы по организации колхоза, до обострения борьбы с кулаками. У внимательного читателя при чтении писем Овсянки является вопрос: как это Кузнецов мог прочитать такой большой дневник в одну ночь? А вот если б кулаки стукнули Кузнецова по голове чем-нибудь или угостили его пулей и он читал бы дневник, лежа в больнице,— тогда перерыв течения повести был бы оправдан. Выздоровев, он пошел бы в бой с большей яростью и силой.

Вообще — вам нужно над этой повестью усердно посидеть, поработать, если вы хотите сделать из нее хорошую, солидную вещь. Времени

БУЛОЧНИК СЕМЕНОВ И ЕГОР

Рисунок (уголь) Б. А. Дехтерева к рассказу Горького «Хозяин», 1932 г.

Литературный музей им. Горького, г. Горький

нет? Можно устроить вам отпуск, найти вам место в доме отдыха или еще где-нибудь. Средств нет? Можно достать и средства.

Литературная работа в наши дни — работа государственного значения, и писатель должен чувствовать себя «ударником». В повести вашей есть то, что может сделать ее «ударной». Стало быть, вы вправе рассчитывать на помощь вам в работе.

Сговоритесь с Петром Петровичем Крючковым, секретарем моим, пусть он выберет для вас время, когда я могу лично поговорить с вами о повести и вопросах, связанных с работой над нею.

Жму руку.

А. Пешков

7.VII.31.

ГОРЬКИЙ — М. М. ЗОЩЕНКО

Знакомство Горького с Михаилом Михайловичем *Зощенко* (1895—1958) состоялось в 1921 г.

В заметке «Горький для меня» Зощенко писал о том, что Горький пристально следил за его писательской деятельностью. «Есть мнение,— вспоминал Зощенко,— что Горький, главным образом, всех писателей хвалит и всем говорит разные добрые, приветливые и деликатные слова. Это неверно. В 1922 году, когда я написал действительно неважную повесть, Горький, помню, так выбранил меня, что я не рискнул даже напечатать эту повесть ⟨«Красные и белые» — *Ред.*⟩, за что и посейчас признателен ему ⟨...⟩ И резкая критика Горького и похвала мне были в одинаковой мере ценны и полезны» («Лит. газета», 1931, № 16, от 15 мая).

Ниже публикуется пять писем Горького, четыре письма и одна телеграмма Зощенко. Четыре письма Горького были опубликованы адресатом в «Ленинградской правде», 1937, № 138, от 17 июля. (Статья «Четыре письма Горького»).

См. также приложение к переписке Горький — Федин.

1

ЗОЩЕНКО — ГОРЬКОМУ

⟨Ленинград. 26 сентября 1927 г.⟩

Телеграмма

Сердечно поздравляю дорогого Алексея Максимовича с 35-летием литературной работы. Горячо целую. Зощенко

2

ЗОЩЕНКО — ГОРЬКОМУ

⟨28 сентября 1927 г.⟩

Сердечно поздравляю вас[1], дорогой и многоуважаемый Алексей Максимович.

Очень желаю вам здоровья и долгой жизни, которая, мне думается, зависит главным образом от воли человека.

Я прочел у Гете замечательную фразу. Когда умер один из его друзей — 70-летний старик З. — Гете сказал: «Я удивляюсь, как это у людей не хватает храбрости жить дольше».

Стало быть, Гете считал, что для долгой жизни надо только иметь желание и как бы представление, уверенность в том, что жить можно долго и даже сколько угодно.

И теперь всякий раз, читая о долгой жизни какого-нибудь великого старика, я прихожу к мысли, что это именно так и что человек, проживший 60—70 лет, либо просто животное, либо очень мудрый человек, который собственными руками делал свою жизнь, управлял собой и регулировал свой организм, как, скажем, рабочий регулирует свой станок.

Я хотел вас спросить, как вы думаете,— верно ли это? Верно ли, что люди сами, собственными руками, делают себе долгую жизнь. Верно ли,

что люди часто создают себе философию (как, например, Л. Толстой), которая не идет в разрез ни с собственными силами, ни с возможностью жить долго.

Или я заблуждаюсь. И люди живут как придется, по временам советуясь с врачами о своих недомоганиях и кушая пилюли, которые поддерживают жизнь. Мне все же кажется, что это не так.

Я не хотел бы вас затруднять ответом, дорогой Алексей Максимович. Но, если когда-нибудь на досуге у вас будет охота (хоть через год),— ответьте мне хотя бы коротеньким письмом. Мне очень важно это обстоятельство.

Еще раз поздравляю вас и благодарю вас за все, что вы (иной раз, может быть, и случайно) сделали для меня.

Извините, что пишу карандашом. Я по дороге в Ленинград застрял в одном маленьком городке, где не могу найти даже чернил. Ответ ваш я буду ждать, но только пусть это будет не обязательно и только в том случае, если найдется совершенно свободное время и желание.

Я всегда страшусь вам писать,— неохота отнимать у вас времени. И всегда побаиваюсь, как бы вы не ответили просто по деликатности.

До свиданья, Алексей Максимович. Будьте здоровы.

Мих Зощенко

28 сент⟨ября⟩
Ленинград, ул. Чайковского, 75.

[1] Письмо было послано в связи с 35-летием литературно-общественной деятельности Горького, которое отмечалось 25 сентября 1927 г.

3

ГОРЬКИЙ — ЗОЩЕНКО

⟨Москва. Октябрь 1927 г.⟩

Спасибо, М⟨ихаил⟩ М⟨ихайлович⟩, за поздравление и за интересное письмо.

Вопросы ваши: «Верно ли, что люди собственными руками делают себе долгую жизнь» и «Верно ли, что люди часто создают себе философию — как, напр⟨имер⟩, Л. Толстой — которая не идет в разрез с их собственными силами»,— вопросы эти можно понять как шутку, но можно отнестись к ним и серьезно. Я предпочитаю второе.

Не думаю, чтоб та или иная степень напряжения воли к жизни могла продлить срок нашего пребывания на земле. Впрочем — это вопрос биологический, и все зависит от того, насколько здорова, насколько гармонично работает наша нервная система.

Я не думаю, что философия Толстого гармонировала с силою его таланта. Мне кажется, что она резко противоречила таланту — не только в книжке об искусстве [1], но и всюду, вся целиком, философия у него была от ума, а талант сидел в мозгу костей его. Ум Л⟨ьва⟩ Н⟨иколаевича⟩, на мой взгляд, был не велик — сравнительно с талантом — суетлив и назойлив. Этим я хочу сказать: не философский ум. И талант весьма страдал от притязаний ума на равенство с ним [2].

Шопенгауэр — пессимист...

Печатается по черновому автографу из личного архива Горького. Было ли письмо послано, установить не удалось. Датируется по письму № 2.

[1] Л. Н. Толстой «Что такое искусство?» Отзыв Горького об этой книге см. в его письме к И. В. Львову от 24 февраля 1928 г. (т. 30, № 904).

[2] Подобные соображения изложены Горьким также в письме к С. Цвейгу от 16 мая 1928 г. (т. 30 № 923) и в очерке «О С. А. Толстой» (т. 14).

4

ГОРЬКИЙ — ЗОЩЕНКО

〈Сорренто. 16 сентября 1930 г.〉

Дорогой Михаил Михайлович!

Вместе с этим письмом послал почтительное прошение Жакту [1] и так убедительно написал ему, что — уверен: он, Жакт, прошение мое удовлетворит и комнату за техником оставит.

М. М. ЗОЩЕНКО и Ю. К. ОЛЕША

Фотография. Снимок сделан 7 мая 1939 г. на теплоходе, на котором, в составе писательской делегации, Зощенко и Олеша направлялись в Канев для участия в праздновании 125-летия со дня рождения Шевченко

Собрание Э. Ф. Ципельзона, Москва

Между нами: это — что такое Жакт? Жилтоварищество особой формы? На всякий случай пишу его с большой буквы. Вы, пожалуйста, известите меня о том, как Он с вами поступит.

Рад узнать, что вы написали большую вещь [2]. С нетерпением буду ждать вашу книгу. Недавно — недель 6 тому назад — получил четыре томика ваших рассказов [3] — исподволь прочитал их и часто читаю вслух,— вечерами, после обеда — своей семье и гостям. Отличный язык выработали вы, М〈ихаил〉 М〈ихайлович〉, и замечательно легко владеете им. И юмор у вас очень «свой». Я высоко ценю вашу работу, поверьте: это — не комплимент. Ценю и уверен, что вы напишете весьма крупные вещи. Данные сатирика у вас — налицо, чувство иронии очень острое и лирика сопровождает его крайне оригинально. Такого соотношения иронии и лирики я не знаю в литературе ни у кого, лишь изредка удавалось это Питеру Альтенберг [4], австрийцу, о котором Р. М. Рильке [5] сказал: «он иронизирует, как влюбленный в некрасивую женщину».

Почему бы вам не съездить за границу, напр⟨имер⟩, сюда, в Италию? Пожили бы здесь, отдохнули. Мне кажется, что это было бы весьма полезно вам. Груздев прислал мне вашу книжку «Сирень цветет» [6],— славное издание, но рисунки не очень понравились мне, они идут как бы мимо текста, слишком слабо задевая его скрытую значительность.

Сердечно желаю вам всего доброго и бодрости духа.

А. Пешков

16.IX.30. Sorrento.

[1] В письме от 8 сентября 1930 г. Зощенко просил Горького написать письмо в ЖАКТ им. Горького, чтобы «не вселяли чужих людей, а оставили бы того техника, который второй год проживает в моей квартире» (АГ).

[2] В том же письме Зощенко писал: «Сейчас закончил большую повесть, которую выпускаю отдельной книжкой с фотографиями героев. Это воспоминание о М. П. Синягине. Этого человека я выдумал, но он будет как живой и настоящий». См. М. Зощенко. М. П. Синягин (Воспоминания о Мишеле Синягине).— «Новый мир», 1930, № 12. В 1931 г. повесть вышла отдельным изданием в «Изд-ве писателей в Ленинграде».

[3] М. Зощенко. Собрание сочинений, тт. I—VI. Л., «Прибой», 1929—1931.

[4] Петер *Альтенберг* (псевдоним Рихарда *Энглендера*, 1859—1919) — австрийский писатель-импрессионист, мастер миниатюрной новеллы.

[5] Райнер Мария *Рильке* (1875—1926) — немецкий поэт и прозаик.

[6] М. Зощенко. Сирень цветет. Рисунки В. Конашевича. Л., «Изд-во писателей в Ленинграде», 1930.

5

ЗОЩЕНКО — ГОРЬКОМУ

⟨Ленинград, 30 сентября 1930 г.⟩

Дорогой и многоуважаемый
Алексей Максимович,

я больше не буду надоедать вам своими письмами, мне только хочется ответить на ваше письмо, еще раз поблагодарить вас за внимание и рассказать о том деле, в которое я имел бесстыдство втянуть вас.

Весь этот месяц я просто не находил себе покоя и ругал себя за то, что написал вам. Я бы никогда этого не сделал и не стал бы затруднять просьбами, но все сложилось как-то помимо моей воли. По правде сказать, мне было даже все равно — кто будет жить в моей квартире и сколько человек. Я уже с этим примирился и успокоился. Но тут жена проревела несколько дней, этот злополучный техник забросал меня письмами — как это я упустил его комнату, и домоуправление наговорило мне разных вещей. Поверьте, Ал⟨ексей⟩ М⟨аксимович⟩, я не упоминал даже вашего имени и не хвалился знакомством с вами, я даже ничего не просил, но просто в удрученном состоянии написал то первое письмецо, на которое вы так любезно и внимательно откликнулись.

Мне приятно вам сказать, что теперь, когда ЖАКТ вашего имени получил ваше письмо и пошел мне навстречу,— *я ничем не воспользовался* и попросил все оставить так, как есть, и даже оставить тех людей, которых мне вселили за это время.

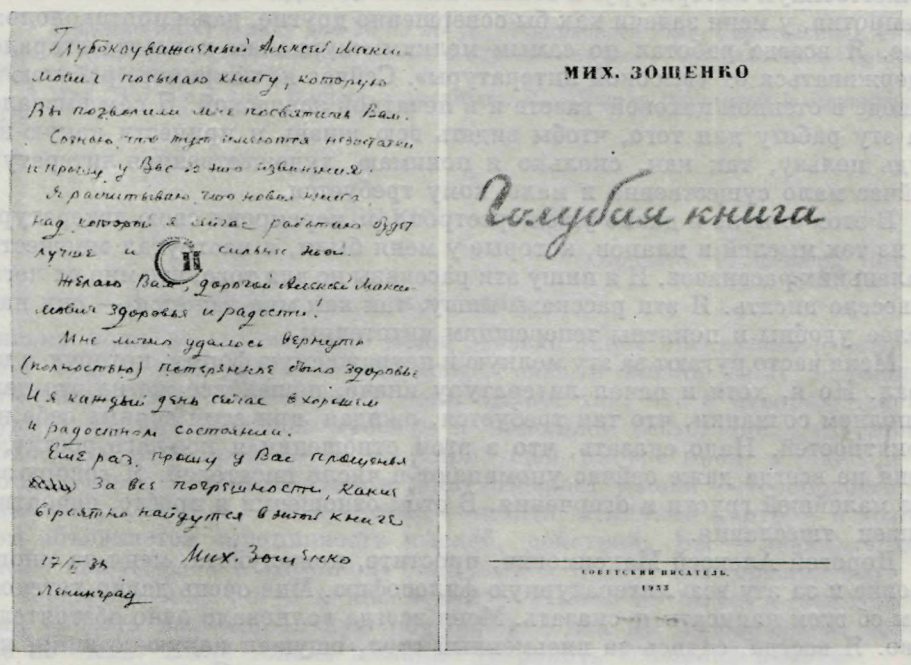
Алексей Максимович, я знал, конечно, всю силу вашего имени, но я попросту не предвидел того эффекта, который произойдет. И это, пожалуй, всего более меня удручило и переконфузило.

Секретарь ЖАКТа (ЖАКТ — это жилищно-кооперативное товарищество) прибежал ко мне, бледный и взволнованный, и стал что-то такое лепетать и говорить, что все будет сделано и ЖАКТ рад исполнить вашу небольшую просьбу. Секретарь не дал даже мне прочесть вашего письма, сказав, что там имеются обо мне некоторые лестные фразы и что я могу от этого загордиться. Все домоуправление было страшно взволновано.

Начали говорить, что будто бы вы собираетесь летом приехать в гости. И чуть ли не хотите жить в том доме, в котором вы когда-то жили (бывш. Сергиевская, 83) [1].

Но я, повторяю, Алексей Максимович, я ничем не воспользовался и впредь обещаю не стричь купонов с вашего письма.

Вместе с тем позвольте вам сказать, что я не хотел бы иметь и четверти вашей легендарной славы — настолько это ответственно и настолько это заставляет быть хорошим человеком!



Глубокоуважаемый Алексей Макси-
мович посылаю книгу, которую
Вы позволили мне посвятить Вам.
Сознаю, что тут имеются недостатки,
и прошу у Вас за это извинения.
Я рассчитываю что новая книга,
над которой я сейчас работаю будет
лучше и сильнее моей.
Желаю Вам, дорогой Алексей Макси-
мович здоровья и радости!
Мне лично удалось вернуть
(полностью) потерянное было здоровье
и я каждый день сейчас в хорошем
и радостном состоянии.
Еще раз прошу у Вас прощенья
за все погрешности, какие
вероятно найдутся в этой книге.
17/II-36 Мих. Зощенко
Ленинград

МИХ. ЗОЩЕНКО

Голубая книга

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1935

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ М. М. ЗОЩЕНКО НА КНИГЕ РАССКАЗОВ «ГОЛУБАЯ КНИГА», ПОСВЯЩЕННОЙ ГОРЬКОМУ (М., 1935):

«Глубокоуважаемый Алексей Максимович, посылаю книгу, которую вы позволили мне посвятить вам. Сознаю, что тут имеются недостатки, и прошу у вас за это извинения. Я рассчитываю, что новая книга, над которой я сейчас работаю, будет лучше и сильнее этой. Желаю вам, дорогой Алексей Максимович, здоровья и радости! Мне лично удалось вернуть (полностью) потерянное было здоровье, и я каждый день сейчас в хорошем и радостном состоянии. Еще раз прошу у вас прощенья за все погрешности, какие, вероятно, найдутся в этой книге. Мих. Зощенко. 17/II 36. Ленинград»

Личная библиотека Горького

Я бы не хотел, чтобы вы имели обо мне ложное представление. Мебель и квартира никогда еще не играли никакой роли в моей жизни. Я живу в той же обстановке, как и в 19 году. И сплю на той же кровати, на которой спал до того, как сделаться писателем. Правда, я больной, и тишина мне другой раз просто необходима, но, пожалуй, и к этому можно привыкнуть.

Я нарочно, для собственного успокоения, прочел недавно чуть ли не все биографии сколько-нибудь известных и знаменитых писателей. Я, конечно, не хочу равняться ни с кем, но вот ихняя жизнь на меня очень успокоительно подействовала и привела в порядок. В сущности говоря, страшно плохо все жили. Например, Сервантесу отрубили руку. А потом он ходил по деревням и собирал налоги. И, чтобы напечатать своего «Дон-Кихота», ему пришлось сделать льстивое посвящение какому-то герцогу. Данте выгнали из страны, и он влачил жалкую жизнь. Вольтеру сожгли дом. Я уж не говорю о других, более мелких, писателях.

И, тем не менее, они писали замечательные и даже удивительные вещи и не слишком жаловались на свою судьбу. Так что, если бы писатели дожидались золотого века, то, пожалуй, от всей литературы ничего бы и не осталось.

Вот это привело меня в порядок, и я понял, что надо работать при всех обстоятельствах и вопреки всему. И в этом смысле, обратившись к вам, я пошел на большой компромисс, за что и не устаю себя бранить.

Это не есть рассуждения человека, который углубился в свою «художественную литературу» и больше ничего не видит и ничего не понимает. Напротив, у меня задачи как бы совершенно другие, даже противоположные. Я всегда работал по самым мелким журналам и всегда старался удерживаться от «высокой литературы». Сейчас я, например, работаю на заводе в стенной цеховой газете и в печатной заводской. Я сам вызвался на эту работу для того, чтобы видеть всю жизнь и принести какую-нибудь пользу, так как, сколько я понимаю, художественная литература сейчас мало существенна и мало кому требуется.

В этом смысле я давно уже перестроил и перекроил свою литературу. И из тех мыслей и планов, которые у меня были, я настругал множество маленьких рассказов. И я пишу эти рассказы не для того, что мне их легко и весело писать. Я эти рассказы пишу, так как мне кажется — они наиболее удобны и понятны теперешним читателям.

Меня часто ругают за эту мелкую и неуважаемую форму, которую я избрал. Но я, хотя и начал литературу иначе, пошел все же на это дело в полном сознании, что так требуется, ожидая при этом всяких себе неприятностей. Надо сказать, что в этом отношении я кое-чего достиг, и меня не всегда даже сейчас упоминают в числе писателей. Я говорю это без малейшей грусти и огорчения. В этом отношении я просто, вероятно, лишен тщеславия.

Дорогой Алексей Максимович, простите, пожалуйста, меня за многословие и за эту всю литературную философию. Мне очень давно хотелось вам об этом написать и сказать. Меня всегда волновало одно обстоятельство. Я всегда, садясь за письменный стол, ощущал какую-то вину, какую-то, если так можно сказать, литературную вину. Я вспоминаю прежнюю литературу. Наши поэты писали стишки о цветках и птичках, а наряду с этим ходили дикие, неграмотные и даже страшные люди. И тут что-то такое страшно запущено.

И все это заставило меня заново перекраивать работу и пренебречь почтенным и удобным положением.

Возможно,что я ошибаюсь и уже ошибся. Возможно,что, и скорей всего, весь мой опыт ни к чему. И не меланхолия и болезни приводят меня в уныние, а вот только это обстоятельство.

Я написал вам это письмо не для того, чтобы вы хорошо обо мне подумали или не думали бы: вот живет какой-то сукин сын, который заботится о своей квартирке. Нет, это совершенно не так. Я давно хотел вам написать. И не для того, чтобы «затеять» переписку. Напротив, я искренно прошу вас не думать более обо мне и не вспоминать о той злополучной истории, в которую я так просто, бесстыдно вас втянул. И «моральной поддержки» для моей работы мне тоже не нужно. Тут очень личное ощущение. И уверенность бывает только внутренняя. А этой уверенности у меня маловато.

Сердечно любящий вас

Мих. Зощенко

30 сент⟨ября⟩ 30 г.

Алексей Максимович, я вас действительно сердечно и искренно люблю и не за то, что вы внимательно ко мне отнеслись — несколько часов писали и думали обо мне. А за то, что вы имеете правильное отношение,

правильную что ли пропорцию своего отношения к людям, чего у меня никогда не получается. Я получаю кучу писем от читателей. Я начал было подражать вам, отвечая почти на каждое письмо,— но я делал это через силу, и мне это не доставило ни радости, ни удовлетворения. Я вот выпустил, может быть вы знаете, книжку «Письма к писателю» [2]. Но эту книжку мне сейчас просто неловко взять в руки, до того я неуклюже и неискренно отнесся к читателям. Еще раз простите за многословие.

Мих. Зощенко

[1] Зощенко имеет в виду дом № 83 по ул. Чайковского (быв. Сергиевская). В этом доме, в квартире родственников М. Ф. Андреевой не раз останавливался Горький в 1904 г., приезжая из Риги.

[2] Мих. Зощенко. Письма к писателю. Л., «Изд-во писателей в Ленинграде», 1929.

6

ГОРЬКИЙ — ЗОЩЕНКО

⟨Сорренто. 13 октября 1930 г.⟩

Дорогой Михаил Михайлович —

письмо ваше весьма смутило меня, вызвав такое впечатление, как будто я оказал вам услугу «медвежью», внес в жизнь вашу излишнюю сумятицу. Это — возможно, у меня бывает так, что я отворяю дверь в чужую жизнь с большим треском и довольно бестолково, что можно объяснить некоторой грубостью, присущей натуре моей, а также и торопливостью, с коей вообще я живу. Возраст у меня — «гробовой», как сказано у Леонова, в его «Соти»,— кстати: отличной книге,— и возрастом объясняется торопливость мыслей, действий. Вы — извините мне, что я нашумел, а в «Жилкоп» чай пить я приду, как обещал ему.

Поверьте мне: когда я писал вам — у меня не было и тени желания оказать вам «моральную поддержку», как вы подозреваете, право же не было! Было только желание устранить «внешние помехи».

Против вашей оценки «Писем к читателю» [1] я — спорю. Это — хорошая книга, такие возможны только у нас и в наше время, когда писатель становится — как нигде и никогда — настоящим и близким человеком читателю. И хотя весьма часто это — процесс погружения в чепуху, в сорьё быта, но — на мой взгляд — это все же интереснейший процесс плотного сближения с жизнью сего дня.

Если разрешите сказать — скажу, что в «Письмах» вы не пользовались всею силой вашего юмора и это — ее недостаток. А юмор ваш я ценю высоко, своеобразие его для меня — да и для множества грамотных людей — бесспорно, так же, как бесспорна и его «социальная педагогика». И глубоко уверен, что, возрастая, все развиваясь, это качество вашего таланта даст вам силу создать какую-то весьма крупную и оригинальнейшую книгу. Я думаю, что для этого вам очень немного надобно, только — переменить тему. По-моему, вы уже и теперь могли бы пестрым бисером вашего лексикона изобразить — вышить — что-то вроде юмористической «Истории культуры». Это я говорю совершенно убежденно и серьезно.

Ну — ладно! Кажется, я снова вламываюсь не в свое дело.

Крепко жму вашу руку, желаю всего доброго, будьте здоровы!

А. Пешков

13.X.30.

[1] Горький имеет в виду книгу М. Зощенко «Письма к писателю». См. письмо 5, прим. 2.

7

ЗОЩЕНКО — ГОРЬКОМУ

⟨Ленинград. 27 октября 1930 г.⟩

Дорогой и многоуважаемый
Алексей Максимович.

Наверное вы меня не так поняли. Или, может быть, я как-нибудь неуклюже выразился.

Не «медвежью поддержку» вы мне сделали. Я прямо даже растерялся, когда прочел об этом. Нет! Кроме самой настоящей радости, я ничего плохого не получил от вашего письма.

Я как-нибудь неуклюже написал вам. Я написал, что поторопился к вам обратиться и браню себя за это — в том смысле, что мне стыдно было вас тревожить, стыдно было вообще просить и тем более просить вас.

Тут очень сложные ощущения. Я, например, очень давно хотел вам написать письмо, но не писал, боялся с пустяками обращаться. И вдруг неожиданно для себя сунулся с какой-то дрянью, с квартирными делами. Вот в чем суть. Вот отчего я был недоволен собой. Но не вами и вашей помощью. Поверьте, Алексей Максимович, вы, пожалуй, единственный человек, которого я по-настоящему люблю. От этого-то я и проявил такое беспокойство и суету.

Я не воспользовался вашей поддержкой, но я не воспользовался, как бы сказать, материально, то есть я оставил тех людей, которые были уже ко мне вселены. Но внутренне для меня и для моих отношений с ЖАКТом — конечно, ваше письмо сделало чрезвычайно много — больше чем я думал и хотел.

Дорогой Алексей Максимович, вероятно, какие-то вещи вам непонятны. Вероятно, вам не понять, какую радость испытывает человек, когда получает ваше письмо, или когда вы пишете о нем другим людям. Это не тщеславие. Но этим как-то вырастаешь в своих глазах.

Так что все это настолько непохоже на «медвежью услугу», что я просто даже не умею выразить свои мысли.

Я, к сожалению, не в силах вам сделать что-нибудь хорошее. Ну, я хотел посвятить вам свою последнюю повесть[1]. Но в последний момент у меня не хватило духу. Может, вам это было бы неприятно,— я подумал. Тем более у меня не было уверенности в своей работе. Я хорошо задумал эту повесть. Но написал ее с некоторой что ли усталостью. Я пришлю вам ее, как только она выйдет. Без уверенности.

До свидания, Алексей Максимович. Меня в ЖАКТе очень просили передать вам поклон, если я буду вам писать.

Будьте здоровы. Я охотно отдал бы вам свои 7—8 лет, которые мне надлежит прожить. Я не уверен, что я их хорошо проживу или проживу так, как следует.

Мне говорили, что после 30 лет (к 40 годам) очень легко и просто жить. Мне 35 лет. И я этого не нахожу. Будьте здоровы, Алексей Максимович.

Мих. Зощенко

27/X.

Простите еще раз за мою суетливость и за то беспокойство, которое я вам доставил.

[1] М. Зощенко. Возвращенная молодость. Л., «Изд-во писателей в Ленинграде», 1933.

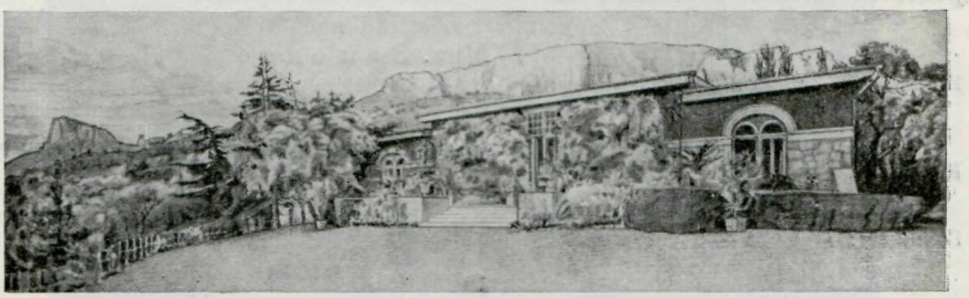
8

ГОРЬКИЙ — ЗОЩЕНКО

〈Сорренто. 8 ноября 1930〉 г.

Уверяю вас, дорогой Михаил Михайлович, что вы не внесли в мою жизнь отшельника ни малейшего беспокойства! Я был рад получить весточку от вас, потому что вы «интересный» человек, талантливый писатель и мне приятно, что я вас знаю, что вы — есть. Я был бы рад сделать что-либо приятное или полезное вам, и если это мне не удалось теперь, м〈ожет〉 б〈ыть〉, удастся когда-нибудь в будущем. Вот как расщедрился я на глагол быть, а — не люблю глагол этот, за его неблагозвучие.

Намерением вашим посвятить мне повесть — очень сконфужен и тронут. Спасибо. Повесть очень жду. Я люблю читать ваши вещи. То, что вы



ДОМ ГОРЬКОГО В ТЕССЕЛИ
Рисунок карандашом А. Д. Корина, 1936 г.
Здесь Горький жил в 1932—1936 гг.
Музей Горького, Москва

не исполнили намерения посвятить мне повесть,— никак не должно смущать вас, ведь дело не в том, чтоб засвидетельствовать в печати ваше дружеское отношение ко мне, а в том, что оно — есть!

Крепко жму руку вашу. Доброго здоровья!

А. Пешков

8.XI.30.

P. S. Некоторые здешние люди находят, что я неплохо читаю ваши бытовые миниатюры.

9

ЗОЩЕНКО — ГОРЬКОМУ

〈Ленинград. Январь 1934 г.〉

М. Горькому

Дорогой Алексей Максимович!

Два года назад в своем письме вы посоветовали мне написать смешную и сатирическую книгу — историю человеческой жизни.

Вы писали:

«По-моему, вы и теперь могли бы пестрым бисером вашего лексикона изобразить — вышить что-то вроде юмористической „Истории культуры". Это я говорю совершенно убежденно и серьезно ...»[1]

Я могу сейчас признаться, Алексей Максимович, что я весьма недоверчиво отнесся к вашей теме. Мне казалось, что вы предлагаете мне

написать какую-нибудь юмористическую книжку, подобную тем, какие уже бывали у нас в литературе, например, «Путешествие сатириконцев по Европе» [2] или что-нибудь вроде этого.

Однако, работая нынче над книгой рассказов и желая соединить эти рассказы в одно целое (что мне удалось сделать при помощи истории), я неожиданно натолкнулся на ту же самую тему, что вы мне предложили. И тогда, вспомнив ваши слова, я с уверенностью принялся за работу.

Нет, у меня не хватило бы сил и уменья взять вашу тему в полной своей мере. Я написал не Историю культуры, а, может быть, всего лишь краткую историю человеческих отношений.

Позвольте же, глубокоуважаемый Алексей Максимович, посвятить вам этот мой слабый, но усердный труд, эту мою «Голубую книгу» [3], которую вы так удивительно предвидели и которую мне было тем более легко и радостно писать, сознавая, что вы будете ее читателем.

Сердечно любящий вас
Мих. З о щ е н к о

Январь, 1934 г. Ленинград.

[1] См. письмо 6.

[2] Аркадий А в е р ч е н к о. Экспедиция в Западную Европу сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова, Крысакова. Пг., «Новый Сатирикон», 1915.

[3] Мих. З о щ е н к о. Голубая книга. М.—Л., «Советский писатель», 1935. Настоящее письмо Зощенко было напечатано в этом издании в виде посвящения Горькому.

10

ГОРЬКИЙ — ЗОЩЕНКО

⟨Тессели. 25 марта 1936 г.⟩

Дорогой Михаил Михайлович —

вчера прочитал я «Голубую книгу». Комплименты мои едва ли интересны для вас и нужны вам, но все же кратко скажу: в этой работе своеобразный талант ваш обнаружен еще более уверенно и светло, чем в прежних.

Оригинальность книги, вероятно, не сразу будет оценена так высоко, как она заслуживает, но это не должно смущать вас.

Вы уже почти безукоризненно овладели вашей «манерой» писать, но, кажется мне, иногда не совсем правильно отбираете материал, т. е. оперируете фактами не достаточно типичными.

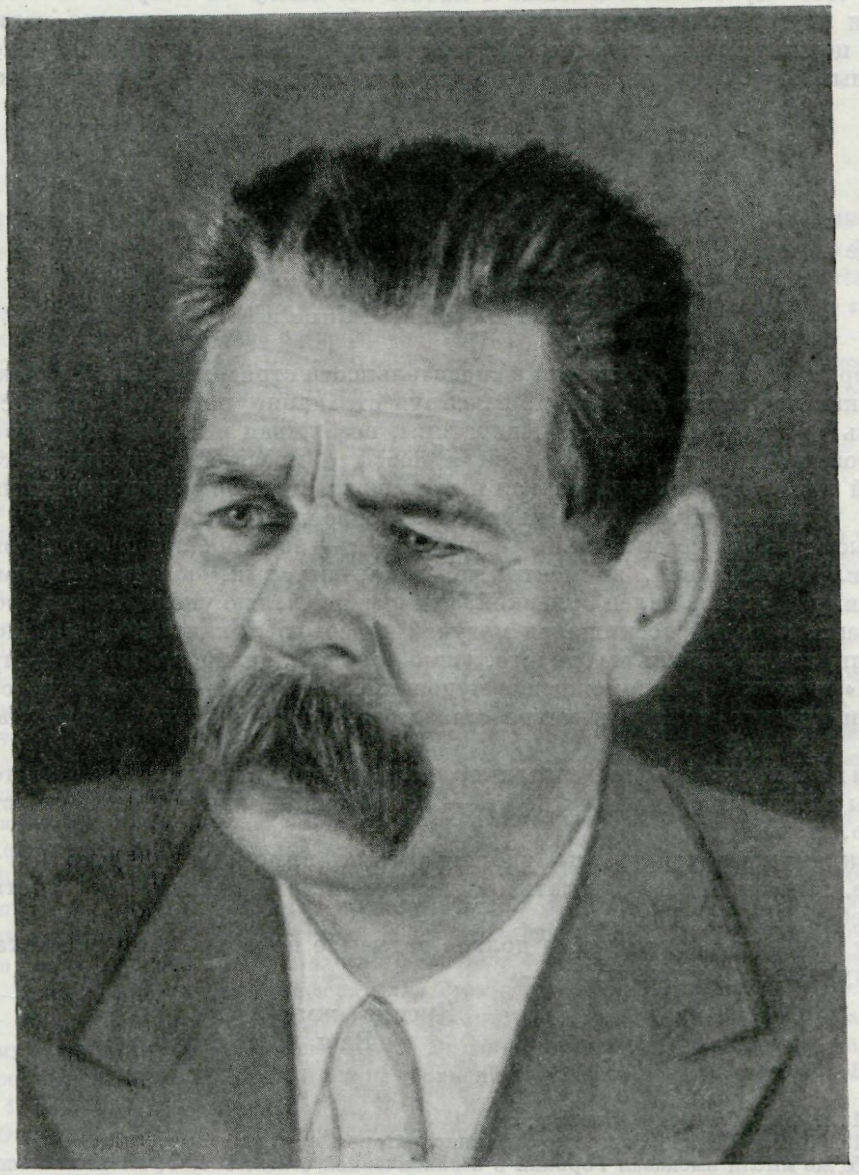
Эх, Михаил Михайлович, как хорошо было бы если б вы дали в такой же форме книгу на тему о страдании! Никогда и никто еще не решался осмеять страдание, которое для множества людей было и остается любимой их профессией. Никогда еще и ни у кого страдание не возбуждало чувства брезгливости. Освященное религией «страдающего бога», оно играло в истории роль «первой скрипки», «лейтмотива», основной мелодии жизни. Разумеется — оно вызывалось вполне реальными причинами социологического характера, это — так!

Но в то время, когда «просто люди» боролись против его засилия хотя бы тем, что заставляли страдать друг друга, тем, что бежали от него в пустыни, в монастыри, в «чужие края» и т. д., литераторы — прозаики и стихотворцы — фиксировали, углубляли, расширяли его «универсализм», невзирая на то, что даже самому страдающему богу страдание опротивело и он взмолился: «Отче, пронеси мимо меня чашу сию!»

Страдание — позор мира, и надобно его ненавидеть для того, чтоб истребить.

У скопцов есть песня, в которой содержатся такие слова:

Преподана диаволом Адаму наука
Дабы мати родила мя во грехах и муках.



ГОРЬКИЙ

Фотография, Москва, 1934 г.

Музей Горького, Москва

Но вот в наши дни роды становятся безболезненными, благодаря заботам науки о человеке.

С этого противопоставления и начать бы книгу об истреблении страдания и указать бы, что литераторы как будто до пресыщения начитались церковной агиографической литературы о великомучениках, якобы угодных богу. Указать бы, что и «революционный» поэт Маяковский кричал:

Я — где боль, везде;
На каждой капле слезовой течи
Распял себя на кресте...[1]

еще кричал:

Поэт всегда должник вселенной,
Платящий на горе проценты и пени...[2]

Из церкви идея неизбежности и спасительности страдания вошла в искусство как основная его тема, и, фиксируя страдание, искусство слова снизилось до раздачи словесной милостины, возбуждая в людях кокетство и хвастовство пережитыми муками, а поэты и прозаики, «придавая себе тощий вид, ради людских похвал и суетной славы», гордились и чванились своей ролью сеятелей добреньких и красивеньких словечек [3].

Высмеять профессиональных страдальцев — вот хорошее дело, дорогой Михаил Михайлович, высмеять человека, который, обнимая любимую женщину и уколов палец булавкой, уничтожает болью укола любовь свою, человека, который восхищался могучей красотою Кавказа до поры, пока не запнулся за камень на дороге, ушиб большой палец на ноге и — проклял «уродливое нагромождение чудовищных камней»,— высмеять всех, кого идиотские мелочи и неудобства личной жизни настраивают враждебно к миру.

Вы можете сделать это, вы отлично сделали бы эту работу. Мне кажется, что вы для нее и созданы, к ней и — осторожно — идете. Слишком осторожно, пожалуй!

Искренно рад узнать, что здоровье ваше в добром порядке, а то, знаете, тревожно было слышать от товарищей, что вы неважно чувствуете себя.

Ну и — будьте здоровы на долгие годы. Не пора ли, однако, поехать вам куда-либо отдохнуть?

Крепко жму руку.
Ваш А. Пешков

25.III.36. Тессели.

[1] Из поэмы «Облако в штанах».
[2] Из стихотворения «Разговор с фининспектором о поэзии».
[3] Те же мысли высказал Горький в незаконченной статье 1935 г. «Нечто об эпосе и прочем» («Архив А. М. Горького», т. III. М., Гослитиздат, 1951, стр. 247—249).

ГОРЬКИЙ — В. А. КАВЕРИН

Впервые Вениамин Александрович *Каверин* (псевдоним В. А. Зильбера, р. 1902 г.) встретился с Горьким весной 1921 г. в Петрограде, на квартире у Горького, на Кронверкском проспекте, куда был приглашен вместе с другими молодыми писателями. Незадолго перед тем он послал Горькому свои первые рассказы: «Одиннадцатая аксиома» и «Скиталец Ван-Вазен» (не опубликованы).

Горький с самого начала оценил своеобразное дарование молодого писателя с характерными для него чертами: склонностью к фантастике и острой сюжетности.

«Вслед за появлением каждой моей книги,— вспоминает В. А. Каверин,— я получал от него письмо, содержащее строгую, но добрую критику...» (см. В. К а в е р и н. Горький и молодые.— «Знамя», 1954, № 11, стр. 161).

В 1922 г. Горький писал М. Л. Слонимскому по поводу рассказа Каверина «Хроника города Лейпцига в 18.. году», напечатанного в первом альманахе «Серапионовы братья»: «...как всегда интересен Зильбер — оригинальнейший писатель...» (см. Горький — Слонимский, письмо 5).

Немного позже Горький писал о Каверине Федину: «Вот увидите, что этот чудотворец весьма далеко пойдет...» (см. в наст. томе Горький — Федин, письмо 5). В том же году, в статье о «Серапионовых братьях», напечатанной в журнале «Disque vert», Брюссель, 1923, №№ 4—6, Горький писал о Каверине: «Интереснейшей фигурой среди „Серапионовых братьев" является Вениамин Зильбер, фантаст, поклонник Гофмана, обладающий острым воображением и юмором, но еще не выработавший своего языка. Он очень молод, как и подобает Вениамину, но у него есть все для того, чтоб стать оригинальным писателем» (см. наст. том, стр. 562).

В статье «Призвание писателя и русская литература нашего времени», опубликованной в венгерском журнале «Nyugat» в 1925 г., Горький говорит о Каверине как о писателе, для творчества которого характерны «невероятные приключения и коллизии» (АГ). Молодой писатель чувствовал твердую направляющую руку Горького: «Он подсказывал темы, направлял мысль, предостерегал ‹...› Не выходя за пределы жанра, свойственного, как ему казалось, начинающему писателю, он вкладывал в его детские упражнения современное политическое содержание» (В. К а в е р и н. Горький и молодые.— «Знамя», 1954, № 11, стр. 161—163).

О том, как общение с Горьким внушило молодому писателю веру в свои силы и помогло найти свой путь в литературе, Каверин рассказал в статьях: «Поиски и решения» («Новый мир», 1954, № 11) и «Горький и молодые» (Знамя», 1954, № 11). В первой из этих статей он писал: «За пристрастие к острому сюжету критики преследовали меня всю жизнь, и если бы не Горький, внушивший мне, еще когда я был юношей, что мне следует дорожить этой своей склонностью, я, вероятно, стал бы в конце концов писать бессюжетные, скучные произведения» (стр. 190).

Ниже печатается восемь писем Горького по автографам, хранящимся у адресата (частично письма опубликованы в указанных выше статьях Каверина), и шесть писем Каверина.

См. также приложение к переписке Горький — Федин.

1

ГОРЬКИЙ — КАВЕРИНУ

⟨Петроград. Весна 1921 г.⟩

Хотя неясность рассказа [1] и нарочита, но в нем чувствуется нечто недоговоренное *по существу темы*. И кажется, что это уже неясность — невольная. Иными словами: интересная и довольно своеобразная тема не исчерпана автором; боюсь, что со временем — он сам пожалеет: преждевременно, не продумав до конца, использовал хорошую мысль.

Написано же довольно искусно, почти талантливо, однако — язык записок монаховых не везде точен, выдержан.

В обоих рассказах [2] — один и тот же недостаток: слишком силен запах литературы, мало дано от непосредственного впечатления, от жизни. Авторы смотрят на действительно сущее как бы сквозь бинокль книги, литературной теории.

При этом иногда бинокль употребляют с того конца, который уменьшает предметы. Размеры рассказа здесь не играют никакой роли: драгоценные камни вообще не велики. И — нередко — большой хуже малого, ибо небрежнее отшлифован.

Я бы рекомендовал авторам — больше смелости, самонадеянности самоуверенности. Теории — это весьма интересно, иной раз даже полезно, реже — необходимо, но самое-то важное для юности — учиться из опыта, не верить, исследовать, проверять и затем уже — верить! Если хочется [3].

А. П.

Датируется по времени, когда Каверин послал Горькому свои первые рассказы.

[1] Рассказ «Одиннадцатая аксиома» под девизом: «Искусство должно строиться на формулах точных наук», был представлен на конкурс начинающих писателей, организованный Петроградским Домом литераторов (в 1921 г.), и получил третью (б) премию.

[2] По поводу этого письма Каверин сообщает: «Это — отзыв Горького о двух моих рассказах: „Одиннадцатая аксиома“ и „Скиталец Ван-Вазен“. Они были посланы анонимно, и Горький ошибочно приписал их двум авторам,— очень близким в те годы,— мне и Льву Лунцу».

[3] В воспоминаниях «Горький и молодые» Каверин пишет: «Освободиться от „собственно литературы“ с тем, чтобы научиться в подлинном искусстве воплощать свой жизненный опыт,— к этой мысли он неоднократно возвращался и в других своих письмах.

Но опыта еще не было, и глубоко убежденный в том, что „искусство должно строиться на формулах точных наук“, я продолжал писать свои „геометрические рассказы“» («Знамя», 1954, № 11, стр. 162).

2

КАВЕРИН — ГОРЬКОМУ

24/IX 1922. Петербург.

Дорогой и многоуважаемый
Алексей Максимович!

Вы несколько раз упоминали обо мне в письмах к Серапионам [1], и я решил написать вам, чтобы поблагодарить за память. Спасибо вам сердечное за то, что помните меня и за то, что в меня верите. Это меня очень поддерживает и ободряет, тем более, что за последний год мне часто говорят, что мои рассказы оторваны от жизни, надуманы и т. д. Сейчас в фаворе быт и русская действительность, этакий тугой литературный диалект. И как будто мало в современной жизни всякой фантастики и даже не авантюрной, а именно романтической. А написать — так никто не поверит. И пишу, и не верят.

Наконец, можно же писать и не о России даже, но так, чтобы рассказы революционной формой были в соответствии с русской действительностью. Вы простите меня, Алексей Максимович, за то, что я затрудняю

вас своим письмом. Я очень хочу прислать вам свои рукописи. За последний год, со времени вашего отъезда я написал 7—8 рассказов. Из них 3 — никуда не годятся, а 4 вышли ничего себе. Если бы я знал, как их вам послать, я бы послал непременно.

Их заглавия: «Пурпурный палимпсест», «Щиты и свечи», «Страна геометриков», «Повесть о столяре и рубанке» [2]. Последние два— русские и о России. Это не потому, что я сдал мои иностранные позиции (можно всю жизнь писать о той же Германии), а потому, что интересно на русском материале провести какую-нибудь небывальщину.

Потом в Берлине в «Алконосте» у С. М. Алянского [3] лежит моя повесть «Пятый странник» [4]. Мне очень хочется, чтобы вы прочли все это, потому что я работал добросовестно и кое-что удалось. А печататься здесь мне совершенно невозможно, и ни одного рассказа, кроме того, что был в Альманахе [5]— я не напечатал еще.

Дорогой Алексей Максимович! Напишите Серапионам, как вы живете, как здоровы и о чем пишете.

В. Б. [6] пишет нам, что очень тоскует. Его жена и сестра с дочкой живы и здоровы. Друзья их и его не забывают и любят по-прежнему. Серапионы также все здоровы, у Федина родилась дочка. Все пишут. Миша Слонимский выпустил книгу «6-й стрелковый» [7]. Лунц написал очень интересную трагедию «Бертран де Борн» [8]. Зощенко написал «Записки офицера» [9], словом, все работают на совесть. Должно быть, вам обо всем этом пишут другие. На днях я пошлю вам по почте, на риск, рукопись. Почти все рукописи, посланные по почте, пропадают. Может быть, на этот раз дойдет.

Всего, всего доброго.
В. Зильбер

Мой адрес: Птгр. Греческий проспект, 15, кв. 18. Тынянову [10]. Чуть не забыл. Я пишу под псевдонимом: В. Каверин. И под этим псевдонимом послал Эренбургу одну статью. У нас было торжественное заседанье памяти Гофмана, и я приготовил речь о нем. Эту речь я и послал Эренбургу [11].

Ну всего доброго. Будьте здоровы

Ваш В. Зильбер

[1] Литературное содружество «Серапионовы братья» возникло в начале 1921 г. Ядром группы явилась литературная молодежь, занимавшаяся в 1919—1920 гг. в студии переводчиков при изд-ве «Всемирная литература». К «Серапионовым братьям» принадлежали: И. А. Груздев, М. М. Зощенко, В. В. Иванов, В. А. Каверин, Л. Н. Лунц, Н. Н. Никитин, В. С. Познер (вскоре, в 1922 г. уехавший во Францию), Е. Г. Полонская, Н. С. Тихонов, К. А. Федин.

В ранних опытах «серапионовцев» ощутимо влияние Е. Замятина, А. Ремизова, В. Шкловского как одного из основоположников русского формализма 20-х гг. Отсюда увлечение формалистическими экспериментами над языком, сюжетом и композицией произведения.

В 1922 г. участники группы декларативно выступили со своими автобиографиями и статьей Л. Лунца «Почему мы Серапионовы братья» («Литературные записки», 1922, № 3, от 1 августа). В статье Лунца, как и в некоторых автобиографиях, утверждалась идея автономности искусства, независимости художественного творчества от политических и общественных задач.

Однако в художественной практике ряда серапионовцев уже в те годы опрокидывались эти программные заявления, обнаруживалась органическая связь с идеями и пафосом революционной действительности. «...Некоторые из нас,— вспоминал К. Федин,— уже довольно скоро и резко поставили себе литературные задачи как задачи увлечение общественные» («Лит. газета», 1936, № 21, от 10 апреля). К середине 20-х гг. «Серапионовы братья» как группировка, объединенная общей платформой, фактически распалась, хотя дружеские связи между «серапионовцами» сохранились надолго.

Горький сыграл чрезвычайно большую роль в процессе идейного и творческого созревания большинства «серапионовцев». Он внимательно следил за их литературной деятельностью, помогая им материально, читал и правил их рукописи, в своих

письмах неизменно подвергал произведения молодых писателей дружественной но требовательной критике. Поддержка Горьким «Серапионовых братьев» объяснялась тем, что в их творчестве он видел ростки нового искусства, порожденного революционной эпохой. «Я слежу за развитием и духовным ростом «Серапионовых братьев» с великими надеждами, — пишет Горький в статье «Серапионовы братья», напечатанной в бельгийском журнале «Disque vert». — Мне кажется, что эти молодые люди способны создать в России литературу, в которой не будет ни квиетизма, ни пассивного анархизма Льва Толстого, из нее исчезнет мрачное садистическое инквизиторство Достоевского и бескровная лирика Тургенева» (см. наст. том, стр. 562).

Об отношении Горького к «Серапионовым братьям» см. также его переписку с М. Слонимским и К. Фединым.

[2] Рассказы: «Пурпурный палимпсест», «Щиты и свечи», «Повесть о столяре и рубанке» (под заглавием «Столяры»), «Страна геометриков» (под заглавием «Инженер Шварц») — напечатаны в сб.: В. К а в е р и н. Мастера и подмастерья. М., «Круг», 1923. См. письмо 5.

[3] Частное художественное издательство С. М. Алянского «Алконост» существовало в Петрограде с 1918 по 1923 г. и ориентировалось, в частности, на круг писателей-символистов —А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова, А. Ремизова, К. Эрберга и др.

[4] «Пятый странник». Альманах «Круг», кн. 1. М., 1923.

[5] «Хроника города Лейпцига за 18.. год».— «Серапионовы братья». Альманах первый. Пг., «Алконост», 1922.

[6] Виктор Борисович *Шкловский* (р. 1893) — писатель, критик, литературовед; жил в это время в Берлине.

[7] М. С л о н и м с к и й. Шестой стрелковый. Рассказы. Пг., «Время», 1922.

[8] Л. Л у н ц. Бертран де Борн. Трагедия в 5 действиях.— Сб. «Город», № 1, Пг., 1923.

[9] Повесть Зощенко, по свидетельству Каверина, была уничтожена автором.

[10] В то время Каверин жил у Ю. Н. Тынянова. Об этом см. воспоминания Каверина «Горький и молодые» — «Знамя», 1954, № 11.

[11] См. В. К а в е р и н. Э. Т. А. Гофман (Речь на заседании «Серапионовых братьев», посвященная памяти Э. Т. А. Гофмана).— «Книга и революция». М.—Пг., 1922, № VII.

3

ГОРЬКИЙ — КАВЕРИНУ

⟨Сааров. 10 октября 1922 г.⟩

В е н и а м и н у З и л ь б е р г[1]

Я наверное получу в⟨аши⟩ рукописи, если вы пошлете их в Москву, Чистые пруды, Машков переулок, д. 1, кв. 16, Ек. Пав. Пешковой для Ивана Павловича Ладыжникова, который в конце месяца поедет в Германию [2]. Здесь все рукописи, достойные — по в⟨ашей⟩ оценке — опубликования, могут быть довольно скоро изданы — для России и заграницы— «Книгой», для Госиздата. Условия издания будут приличные, часть гонорара в⟨ам⟩ переведут немедля. Вероятно, можно будет все или некоторые рассказы предварительно напечатать в разных здешних изданиях.

Целая книга сразу покажет читателю оригинальность в⟨ашего⟩ таланта, своеобразие и свежесть фантазии вашей. Читатель поймет, что пред ним не каприз, не случайная игра воображения, а — нечто исключительное и — ценное. Уверен, что не ошибаюсь.

Однако вы должны знать, что вас не сразу поймут и оценят. Вам нужно вооружиться терпением в пути, на который в⟨ас⟩ обрекает характер в⟨ашего⟩ таланта. Его надо очень любить, очень беречь, — это цветок оригинальной красоты, формы, я склонен думать, что впервые на почве литературы русской распускается столь странное и затейливое растение. Для меня, старого читателя, уже и теперь в⟨аши⟩ рассказы выше подобных у Гоголя [3]. Не люблю сравнений, но, думая о вас, всегда невольно вспоминаю Гофмана и — так хочется, чтоб вы встали выше его! Я много мог бы сказать в⟨ам⟩ комплиментов, все они были бы искренни, и я не считаю их преждевременными. Но — пока довольно, и — о другом.

Позвольте посоветовать в⟨ам⟩ вот что: держитесь крепче с друзьями:

ГОРЬКИЙ

Силуэт (гравюра) Е. С. Кругликовой, Петроград, 1921 г.

Музей Горького, Москва

Лунцем, Зощенко, Слонимским да и всеми другими, кого не оглушает, не ослепляет «базар житейской суеты» [4]. Не обращайте внимания на обезьян, вроде Пильняка, и спекулянтов красивым, но пустым словом. Вы — юноша, по мере расширения и углубления вашего опыта в⟨аша⟩ фантазия должна тоже шириться и углубляться, она может заставить вас написать вещи глубочайшего значения. Это вы должны помнить, стремясь к этому — берегите и любите в⟨аш⟩ талант.

Очень крепко жму вашу руку, милый друг.

А. Пешков

10.X.22.

Fürstenwalde. Saarow. Sanatorium.

[1] Горький всегда писал «Зильберг» вместо «Зильбер». В дальнейшем ошибочное написание Горького исправляется редакцией без оговорок.

[2] И. П. Ладыжников (1874—1945) — участник революционного движения в России, друг Горького, крупный издательский работник. В двадцатых годах в качестве одного из руководящих работников сотрудничал в книгоиздательском и книготорговом обществе «Книга», выпускавшем произведения Горького и других советских писателей (об И. П. Ладыжникове см. «Архив А. М. Горького», т. VII, ч. II. М., Изд-во АН СССР, 1959).

[3] Горький нередко подчеркивал в Гоголе черты романтика и фантаста, его склонность к гиперболизации, игнорируя реалистическую ценность его образов. Этим, до известной степени, объясняется преувеличенная оценка ранних рассказов Каверина. Вскоре, впрочем, Горький подверг первую книжку Каверина серьезной критике (см. письмо 8).

[4] «Базар житейской суеты» — это выражение получило особое распространение в европейской литературе и повседневной речи после выхода романа В. Теккерея «Ярмарка тщеславия» (1847), вскоре переведенного и на русский язык под заглавием «Базар житейской суеты».

4

КАВЕРИН — ГОРЬКОМУ

〈Петроград. 22 ноября 1922 г.〉

Дорогой и многоуважаемый
Алексей Максимович!

Сердечное спасибо вам за письмо и за ваше такое доброе обо мне мнение[1]. Оно мне чрезвычайно дорого и ценно, тем более, что почти никогда я не слышу подобных этому мнений. Однако ж я боюсь слишком вам поверить, и мне кажется, что столь чудесного отзыва я не заслужил. Мне так хочется все же оправдать его, что я поспешу как-нибудь переслать вам мои последние рассказы, и с этим письмом посылаю «Инженера Шварца». Этот рассказ я написал летом, он, по заданию, несколько современен, что не дало мне возможности соответственно со стилем усложнить и детальнее разработать сюжет. Эта фантастика настолько строится на реальности, что сложность первой неизбежно ограничивается простотой второй. Это первый опыт мой о русских. А мой второй рассказ «Столяры» [2] (по отзывам и сколько смею сам судить) — лучший, я пошлю вам в начале следующей недели. Если эти рассказы дойдут до вас, то я буду просить вас где-нибудь их напечатать.

В Москве в конце месяца выходит альманах изд〈ательства〉 «Круг». В нем будет помещена моя повесть «Пятый странник» [3], о которой я писал вам в прошлом письме. Не буду писать вам подробно о Серапионовцах. Все здоровы, много и хорошо пишут и, слава богу, перестают обращать внимание на бесполезную шумиху, вокруг нас поднятую [4]. Верно, они вам пишут.

Большое спасибо вам, дорогой Алексей Максимович, за посылку. Она пришлась кстати; но мне непонятно, какой смысл имеет переводить посредственные рассказы на франц〈узский〉 язык? Мне кажется, что г. Жермен [5] пожалеет о своем начинании. Мне кажется, что рассказы из первого альманаха [6] не будут иметь успеха во Франции.

Еще раз сердечно благодарю вас за ваш добрый отзыв, за помощь, за то, что вы так хорошо ко мне относитесь.

Весь ваш В. Каверин

22/XI — 1922 г.

Петроград. Греческая, 15, кв. 18.

Этот рассказ печатается в изд〈ательстве〉 «Круг», но выйдет не раньше, как месяца через три.

Посылаю также с П. П. Крючковым «Столяры». Если будет возможно, напечатайте это, Алексей Максимович, а то здесь никто меня не печатает. Привет сердечный и поцелуй Пушкину [7]. Его все помнят и любят по-прежнему.

[1] См. письмо 3.
[2] См. письмо 2, прим. 2.
[3] См. письмо 2, прим. 4.
[4] Имеется в виду полемика, развернувшаяся вокруг декларативных выступлений «Серапионовых братьев» в журнале «Литературные записки», 1922, № 3 (см. письмо 2, прим. 1). Резкой критике подвергся лозунг аполитичного искусства, выдвинутый в статье Л. Лунца, автобиографиях М. Зощенко, М. Слонимского и др. Следует отметить, что тогда же у некоторых «серапионовцев» возникло сожаление о «легкомыслии их собственных деклараций» (см., например, высказывания М. Слонимского, приведенные во вступительной заметке к переписке Горький — Слонимский).
[5] Андре Жермен (André Germaine) — псевдоним Луи *Сандре* (р. 1881) — французский писатель и критик. В 1917—1922 гг. редактировал журнал «Les écrits nouveaux». С 1923 по 1930 г. журнал выходил под названием «Revue européenne».

Буржуазно-либеральные взгляды Жермена сменились в тридцатые годы стремлением оправдать и защитить фашистскую идеологию.

В письме Слонимскому от 20 августа 1922 г. Горький писал: «„Викторию Казимировну“ ⟨М. Зощенко⟩, „Пустыню“ ⟨Л. Лунца⟩, „Хронику Лейпцига“ ⟨В. Каверина⟩— отдал переводить на французский язык» (см. Горький — Слонимский, письмо 6).

[6] «Серапионовы братья», Альманах первый. Пг., «Алконост», 1922. Переиздан в том же году в Берлине, с незначительными изменениями в составе сборника, издательством «Русское творчество». См. Горький — Слонимский, письмо 5, прим. 1, и письмо 8, прим. 3.

[7] По свидетельству Каверина, шутливое прозвище В. Б. Шкловского.

5

ГОРЬКИЙ — КАВЕРИНУ

⟨Сааров. 8 января 1923 г.⟩

Вениамину Зильбер

Из письма к Лунцу вы, дорогой мой, узнаете, что здесь затеян большой литературный журнал [1], в нем и будут напечатаны ваши рукописи,— если вы не против этого.

Мы хотели бы иметь еще «Пятого спутника» [2] и тот рассказ, где люди играют в карты, а карты — с людьми [3]. Если вы желаете дать их, так отнесите рукописи в «Эпоху» [4] Белицкому [5], а он уже перешлет их сюда.

Обе ваши рукописи сильно интересны, но «Инженер» оставляет впечатление рассказа недоработанного, и в нем осталось кое-что шероховатое. Напр⟨имер⟩: намеренная, озорниковатая неясность, порою производит впечатление неясности *не*намеренной. И — кое-где — небрежен язык.

«Столяры» [6] чудесно начаты, но поиски чудотворного рубанка деревянным человеком иногда принимают характер аллегории, а ведь это — очень серьезная драма тысяч людей и даже — символическая драма.

В общем же — все-таки — хорошо.

По вопросу о гонораре и пр. вам и Лунцу напишет Виктор [7].

Крепко жму руку, будьте здоровы и работайте больше.

А. Пешков

8.I.23.

Fürstenwalde. Saarow.

[1] Журнал «Беседа». См. Горький — Ласковая, письмо 2, прим. 2.
[2] Рассказ называется «Пятый странник». См. письмо 2.
[3] «Щиты и свечи», см. письмо 2, прим. 2.
[4] Издательство, выпускавшее журнал «Беседа».
[5] См. Горький — Ласковая, письмо 2, прим. 3.
[6] См. письмо 2, прим. 2.
[7] В. Б. Шкловский.

6

КАВЕРИН — ГОРЬКОМУ

Петроград. 12/XI—23

Дорогой и многоуважаемый
Алексей Максимович.

М. Слонимский передал мне, что вы спрашиваете у него обо мне и просите прислать мою книжку. Спасибо вам сердечное за память и доброе ко мне отношение.

Одновременно с этим письмом я посылаю вам мою книгу [1]. Я недоволен ею. Большинство рассказов запоздали печатью, устарели и по общему, кажется, приговору непонятны до крайности.

Возможно, что мне действительно не удавалось прояснить самый замысел рассказа, основное его ядро — как вы мне однажды указывали на это[2].

Летом я был занят работой над новым рассказом «Шулер Дье» [3] (этот Дье — dieu*). Когда я его выработаю окончательно, то непременно пошлю его вам (если можно) и буду просить отзыва о нем. Я положил довольно много труда на этот рассказ и писал честно, не позволяя себе играть словом или действием.

Все меня ругают, и мало-помалу я начинаю терять критерий для того, что хорошо и плохо в моих рассказах. Успеха не имею никакого и, кажется, это к лучшему.

Серапионовы братья — живы. Некоторые из нас достаточно определились, имеют большой, почти всегда заслуженный успех и, к сожалению, очень поддаются его влиянию. Особенно Никитин [4], который начинает писать все хуже. Должно быть, вы знаете о романе Федина («Города и годы») [5], поэме Тихонова («Шахматы») [6] и других вещах значительных и интересных.

Я не пишу вам о здешней литературной атмосфере. Все труднее становится печатать лучшее, что могут написать многие из нас. Нужна литература ясная, простая, точная. Вероятно вам известно все о Леве Лунце [7].

Он самый лучший мой друг, и мне без него бывает подчас скучно и трудно работать.

Однако ж я, кажется, держусь довольно крепко и гну свою линию. Что из этого выйдет, бог весть.

Еще раз большое спасибо вам за память.

С уважением и любовью В. К а в е р и н

Мой адрес: Проспект Карла Либкнехта, д. 32, кв. 18, Птрг.

[1] В. К а в е р и н. Мастера и подмастерья. Рассказы. М.—Пг., «Круг», 1923. «...Я послал Горькому свою первую книгу <...> это был сборник фантастических рассказов, в которых действовали алхимики, фокусники, средневековые монахи и автор, который время от времени решительно вмешивается в судьбы своих героев» (В. К а в е р и н. Горький и молодые.— «Знамя», 1954, № 11, стр. 162).

[2] См. письмо 1.

[3] Рассказ «Шулер Дье», впоследствии названный «Большая игра», напечатан в журн. «Литературная мысль», 1925, кн. III, вошел в кн.: В. К а в е р и н. Конец хазы. Повести. Л., «Жизнь искусства», 1926.

[4] Николай Николаевич *Никитин* (р. 1897) напечатал в 1923 г. следующие произведения: «Бунт». М., «Круг», 1923; «Ночной пожар» и «Русские ночи». Берлин, «Книгоизд-во писателей», 1923; «Камни». Рассказы. Пг., «Былое», 1923; «Полет». Повесть. М., «Круг», 1923.

[5] Конст. Ф е д и н. Города и годы. Л., Госиздат, 1924.

[6] Н. Т и х о н о в. Шахматы, поэма. Впервые опубликована в «Красной нови», 1923, № 6, стр. 137—144.

[7] Речь идет о тяжелой болезни Л. Н. Лунца и отъезде его для лечения за границу.

7

ГОРЬКИЙ — КАВЕРИНУ

〈Берлин. 25 ноября 1923 г.〉

В. З и л ь б е р

Ругают вас или хвалят — это должно быть совершенно безразлично для вас. Поверьте: я говорю так не потому, что меня тридцать лет ругают и хвалят и что это стало привычно мне и уже не трогает, нет,— я всегда относился равнодушно к хуле и похвале. Ни то, ни другое — ничему не учат, вот что я знаю и в чем убежден.

У вас есть главное, что необходимо писателю: талант и оригинальное воображение, этого совершенно достаточно для того, чтоб чувствовать себя независимым от учителей, хулителей и чтоб свободно отдать все силы-

* бог (франц.).— *Ред.*

духа вашего творчеству. Наперекор всем и всему оставайтесь таким, каков вы есть и — будьте уверены! — станут хвалить, если вы этого хотите. Станут!

Книжку [1] вашу еще не получил. Рассказ о «Шулере» [2] жду с нетерпением. Тема — трудная, хотя и кажется легкой; тема требует осторожности, отрицает грубость. Этакие вещи я бы писал с юмором и — с печальной улыбкой. Ибо — он шулер по роковой необходимости. Но — вы меня не слушайте!

О романе Федина [3] — ничего не знаю, «Шахматы» Тихонова тоже неизвестны мне. Тихонов для меня уже и теперь выше Есениных всех сортов.

Я был бы очень благодарен вам, если б вы время от времени писали мне о новостях и людях литературных, а также и о себе самом.

Лунца я, к сожалению, не видал. Это серьезный и большой писатель, а Никитин — в опасном положении и, боюсь, из него ничего не будет. Что Зощенко? Слонимский?

Возвращаясь к вам лично, прежде всего желаю вам бодрости духа и веры в себя. Остальное — приложится. Как вы живете? Трудно? Не надо ли вам денег? Я мог бы достать. Не стесняйтесь: мы должны жить дружно, нам необходимо помогать друг другу.

Пишите мне по адресу:

Berlin, Kurfürstenstrasse, 79. Verlag «Kniga».

Как ваш арабский язык?[4] Видите Шкловского? Каков сей мальчик и что делает?

Всем братьям — сердечный привет!

Крепко жму руку

А. Пешков

Завтра еду в Чехословакию, в Татры; у меня рецидив туберкулеза, плюю кровью. Здесь жить дорого, тяжело. Немцы — странные люди, очень! Поразительна их духовная нищета и грубость. Невероятно тяжко их политическое положение и совершенно изумительно их терпение. А я думал, что нет народа терпеливее русских. «Век живи, век учись и глупо умрешь», — как сказал недавно один немецкий ученый, любитель русских поговорок.

25.XI.23. Berlin. А. П.

[1] См. письмо 6, прим. 1.
[2] См. письмо 6, прим. 3.
[3] «Города и годы».
[4] В это время Каверин учился в Университете на историко-филологическом факультете и в Институте живых восточных языков, на арабском разряде.

8

ГОРЬКИЙ — КАВЕРИНУ

⟨Мариенбад. 13 декабря 1923 г.⟩

Вен. Зильберу

Я получил вашу книжку [1] — спасибо! — внимательно прочитал ее, но — похвалить не могу. Не сердитесь на меня и верьте, что мое отношение к вам совершенно ограждает вас от излишней придирчивости старого литератора, не чуждого, вероятно, известной доли консерватизма. Не сердитесь и спокойно выслушайте следующее: несмотря на определенно ощутимую талантливость автора, несмотря на его острое воображение и даже — порою — изящество выдумки,— вся книжка оставляет впечатление детских упражнений в литературе, впечатление чего-то не серьезного. Может быть, это потому, что вы отчаянно молоды и, так сказать, играете в куклы с вашей выдумкой, что, в сущности, было бы не плохо, обладай

вы более выработанным и богатым лексиконом. Но — языка у вас мало, он сероват, тускл и часто почти губит всю вашу игру. Вам совершенно необходимо озаботиться выработкой своего стиля, обогатить язык, иначе ваша, бесспорно интересная, фантастика будет иметь внешний вид неудачной юмористики: ваши темы требуют более серьезного и вдумчивого отношения к ним. Возьмем пример: четверо людей играют в карты; между ними — вне игры— драматическая коллизия, играя, они скрывают друг от друга свои подлинные отношения, но фигурам карт эти отношения известны, и короли, дамы, валеты, вмешиваясь в отношения людей, сочувственно, иронически, враждебно обнажают, вскрывают истинные отношения людей друг к другу, в картах тоже создается ряд комико-драматических коллизий, и вместо четырех существ — уже восемь увлечены борьбою против закона, случая, против друг друга; забава, игра превращается в трагикомедию, где фигуры карт спорят друг с другом и против людей.

У вас содержание этого рассказа [2] неясно, запутанно, не понимаешь,— зачем все это написано? И так почти везде, по всей книге.

Я не повторю достаточно истрепанного указания на вашу зависимость от Гофмана, я очень уверен, что вы — писатель, у которого есть очень много данных для того, чтобы стать независимым, оригинальным. Но для этого надо работать, вы же, кажется, работаете мало,— в книге не чувствуешь восхождения к более совершенному ни в языке, ни в архитектуре рассказов.

Затем: мне кажется, что вам пора бы перенести ваше внимание из области и стран неведомых в русский, современный, достаточно фантастический быт. Он подсказывает превосходные темы, например: о чёрте, который сломал себе ногу,— помните: «тут сам чёрт ногу сломит!», о человеке, который открыл лавочку и продает в ней мелочи прошлого,— человек этот может быть антикваром, которого нанял Сатана для соблазна людей, для возбуждения в них бесплодной тоски о вчерашнем дне [3].

Милый друг, вы должны чувствовать, что я пишу вам не как «учитель», эта роль всегда была противна мне, и я никогда никого не учил, кроме себя, но, к сожалению, делал это «вслух». Пишу я вам как товарищ, как литератор, органически заинтересованный в том, чтоб вы нашли вашему таланту форму и выражение вполне достойные его.

Здесь, в Европе, наблюдается истощение, анемия литературного творчества, здесь — общая и грозная усталость, здесь очень процветает словесное фокусничество, а у людей серьезно чувствующих возникает все более острый интерес к русской литературе. Посему: «не посрамим земли русской!» Надобно работать. Вам, новым, это особенно необходимо. Я хотел бы, чтоб всех вас уязвила зависть к «прежним» — Сергееву-Ценскому, М. Пришвину, Замятину, людям, которые становятся все богаче словом, я имею в виду «Преображение» Ценского [4] и «Кащееву цепь» Пришвина [5], и Замятина — статью в «Русском искусстве» [6], статью, в которой он сказал о вас много верного.

У всех вас — неладно с языком. Федин пишет: «...жутко ей *от носящейся* в снежных саванах головы вихрастой», нелепо связывая и путая два глагола *носиться* и *относиться*. Погоня за образом приводит его к таким неудачам: «золотые языки свечек метались, как привязанные на цепь звери». Он употребляет такие сочетания слогов, как «и их-ли». И вообще с русским языком обращаются зверски: Шагинян Мариэтта сочиняет: «подливку, настоенную на сковородках», у нее «литература, общественность, даже наука, в чем нельзя сомневаться, объединились с небывалым подъемом», а «комендант закусил рюмку водки маслиной, проколотой вилкой». За ее роман «Перемена» ей следовало бы скушать бу-

терброд с английскими булавками. У Пильняка над Северным морем летает «кондор»,— это уже от невежества.

Итак, сударь, вот я вас изругал. Подумав, почитав свою книжку, вы, я думаю, согласитесь: ругаю справедливо. Затем — верьте, что мне очень дорога ваша работа и ваш талант.

Крепко жму руку. Всем братьям — привет. Не забывайте меня.

Живу я сейчас в Чехословакии, Мариенбад, Отель «Mâxhof». Мариенбад — летний город, сейчас две трети его домов стоят пустые, с заколоченными окнами, а я, Ходасевич [7] и мое семейство живем одни в четырехэтажном доме, занимая четыре комнаты из 62 пустых. Очень тихо!

Всего доброго!
А. П е ш к о в

13.XII — 23.

«Marienbad», но так как я не знаю сколько времени проживу здесь, то лучше всего писать мне: Berlin. Verlag «Kniga». Kurfürstenstrasse, 79.

[1] См. письмо 6, прим. 1.

[2] «Щиты и свечи».

[3] Каверин вспоминает: «...юноша, получивший это письмо, не мог оценить всего значения другой темы, подсказанной Горьким: о чёрте, который сломал себе ногу. Впоследствии я обдумал (хотя еще и не написал) фантастический роман для детей, в котором хочу воспользоваться русскими поговорками в их вещественном первоначальном значении. Один из героев этого романа носит железный пояс, чтобы „не лопнуть от зависти", а другой так метко попадает соседу „не в бровь, а в глаз", что приходится немедленно вызывать скорую помощь» (В. К а в е р и н. Горький и молодые.— «Знамя», 1954, № 11, стр. 163). Мотив «чёрта, сломавшего ногу», был использован самим Горьким в рассказе «Правдивое изложение случая с почтмейстером Павловым» («Архив А. М. Горького», т. III, М., 1951).

[4] С. Н. С е р г е е в - Ц е н с к и й. Валя (первая часть эпопеи «Преображение»). Симферополь, Крымиздат, 1923.

[5] М. П р и ш в и н. Кащеева цепь. Повесть печаталась в «Красной нови», 1923, №№ 3, 4, 5, 7.

ССОРА В ДОМЕ КАШИРИНЫХ

Акварель Б. А. Дехтерева к повести Горького «Детство», 1934—1945 гг.

Музей Горького, Москва

[6] Евгений Замятин. Новая русская проза.— Журнал «Русское искусство», М.—Пг., 1923, №№ 2—3, стр. 57—67. В этой статье Замятин дал высокую оценку творчества «Серапионовых братьев».

[7] В. Ф. Ходасевич в то время сотрудничал с Горьким в журнале «Беседа». См. Горький — Ласковая, письмо 2, прим. 1.

9

КАВЕРИН — ГОРЬКОМУ

Петроград. 20/XII—23 г.

Дорогой и многоуважаемый
Алексей Максимович!

Благодарю вас за вашу сердечность и за внимание, которого я не заслужил.

С многим из того, что вы пишете о моей книжке,— не могу не согласиться [1]. В прошлом письме я, кажется, писал вам о том, что и сам считаю ее детской, рядом экзерсисов на темы, которые заслуживают лучшей участи. Правда, я не «играл в куклы» с выдумкой, наоборот, я был максимально серьезен и даже потрясен работой, но, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, это и в самом деле нужно объяснить моим возрастом. Вы правы, разумеется, касательно языка — я владею небольшим лексиконом. ⟨...⟩ В этом отношении я работаю уже давно и, признаться, меня глубоко огорчило, что касательно языка, вы не отметили в рассказах никакого успеха. Мне казалось, что «Хроника гор⟨ода⟩ Лейпцига» написана более искусственным языком, чем, напр⟨имер⟩, «Столяры». Может быть, это и не так.

Вы позволили мне писать вам как старшему товарищу. Поэтому я позволю себе написать вам все, что у меня на сердце. Вы пишете о быте, о том, что он дает ценный материал, на который мне, в частности, должно бы обратить внимание. Этот совет — простите — не нов, уже два года официальная литература проходит под этим знаменем, и под этим знаменем вокруг «Петроградской Правды» недавно объединились питерские писатели [2]. Быт — это как раз та соломинка, на которой держится современная литература — Пильняк, Никитин, Иванов — и которая своими корнями исходит от — будем говорить правду — отживших литературных форм — Ремизова и Белого. Эта соломинка рухнет и очень скоро, потому что со всех сторон уже встают писатели, которые принесут с собою то, что важнее материала — новые литературные формы. Пусть эти писатели — Лунц, Леонов, Антокольский (те, о которых пишет Замятин [3]) наконец, слабее силами и мастерством слова; они послужат почвой, на которой новая литература создаст высокие таланты, пусть на бытовом, пусть на отвлеченном материале. Это, б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩, далеко впереди, и эти ласточки еще не сделали весну — но я убежден, что эта весна настанет. Раньше так думали только Лунц и я; но недавно я писал ему, что у нас уже есть единомышленники, заявившие себя если не талантом, то способной писательской рукою. Все это растет снизу. Замятин с глубоким вниманьем и любовью следит за этим. Он и сам мало-помалу отходит от ремизовщины ⟨...⟩

Кстати о темах: нужно думать, что новое течение принесет на своих волнах и новые темы, и я не думаю, чтобы значительное место в них было отведено быту. Мне кажется, что в литературу легко входит только быт отстоявшийся, а не разметенный в куски — как быт современный. Ведь самая лучшая в рус⟨ской⟩ литературе бытовая вещь «Война и мир» написана по документам. Сейчас дело летописцев, а не художников. Художники современности возникнут, б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩, через 50 лет.

Простите меня за некоторую самоуверенность. Без нее как и без твердости трудно работать дальше.

Последнее время я много работал по университету — пишу работу по древней рус<ской> литературе, исследую «Сказание о Вавилонском царстве». Это — превосходная древнерусская повесть XVI—XVII века — как чудесно писали в старину, как полновесно и ярко!

Эта работа отвлекла меня за последнее время от литературных занятий. Теперь, на рождестве, я думаю поработать над «Шулером Дье» [4] (я не посылаю вам этого рассказа, потому что первая редакция его в результате меня самого не удовлетворила). Мысль о создании характера сейчас меня глубоко увлекает. Вы не находите, что за последнее время никто не пытался дать характер? а ведь эта задача сейчас чрезвычайно интересна.

Сердечное вам спасибо за вашу заботливость и внимание, за предложение денег. Покамест я не нуждаюсь ни в чем, но если когда-нибудь со мною что-либо случится, я не замедлю воспользоваться вашим добрым ко мне отношением.

Серапионы — живы, пишут и работают по-прежнему. Настроение общее в литературе легко определить словом — разброд,— но среди разброда уже есть на чем остановиться взгляду. В газетах писали, что вы должны скоро приехать в Россию. Есть ли здесь хоть немножко правды? Если есть, вот было бы хорошо!

Скоро, вероятно, напечатают мою «Бочку» [5]— снова не о России, но кажется с ясным содержанием. Я непременно пришлю ее вам, как и «Шулера», когда он будет готов.

Вы пишете, что в Европе — грозная усталость. Этого нельзя сказать о нашей литературе. От нашего хаоса можно ожидать целого мира.

21/XII.

Я перечитал свое письмо и вижу, что не вполне прав. С первого взгляда мне показалось, что вы зовете нас к Пришвину и Ценскому. Но ведь вы зовете состязаться с ними. Вы правы, конечно. Пора тверже становиться на ноги, больше работать, пора осознать себя и бросить вызов старой литературе. А для того, чтобы это сделать, *нужно* быть богаче словом, *нужно* обогатить стиль, *нужно*, чтобы наши пороховницы были полны порохом.

Простите, если где-нибудь я резко выразился или сказал не то слово.

Благодарю вас за ваши письма.

Сердечный привет Владиславу Фелициановичу [6], если он меня помнит.

Всего доброго.
Ваш В. К а в е р и н

В вашем первом письме [7] вы сообщаете печальные вести о вашем здоровье. Верно эта беспокойная жизнь в Германии так дурно отразилась на нем. Я вам писал тотчас же по получении первого письма, но, верно, вы ничего не получили, потому что во втором вашем письме вы ничего не пишете о здоровье. Напишите теперь непременно, дорогой Алексей Максимович! Я спрашивал у Слонимского, но он тоже ничего больше, чем я, не знает о вас. Все Серапионы этим встревожены.

Еще раз всего, всего доброго. Поправляйтесь скорее.

В. К.

[1] См. письмо 8.

[2] В 1922—1923 гг. выходило приложение к газете «Петроградская правда» под названием «Литературная неделя», где печатались произведения Н. Никитина, Вс. Иванова, М. Зощенко, А. Чапыгина и др.

[3] См. письмо 8, прим. 6.

[4] См. письмо 6, прим. 3.

[5] В. К а в е р и н. Бочка.— «Русский современник», 1924, кн. 2.

[6] В. Ф. Ходасевичу.

[7] См. письмо 7.

10

ГОРЬКИЙ — КАВЕРИНУ

〈Мариенбад. 15 января 1924 г.〉

Дорогой Каверин,

говоря о «быте», я был очень далек от мысли конфирмировать литературу Пильняка и К⁰, хотя сам и являюсь «бытовиком». Но я ведь хорошо и всюду вижу, что эта школа, во всех ее разветвлениях, сделала свое дело и давно уже не имеет сил питать как духовные запросы художника, так равно — я надеюсь — и духовные интересы читателя. Должна отмереть и «словотворческая» литература Ремизова, тоже сыгравшая свою, очень значительную роль, обогатив русский словарь, сделав язык наш более гибким, живым.

Но я думаю, что «быт» нужно рассматривать как фон, на котором вы пишете картину и, отчасти, как материал, с которым вы обращаетесь совершенно свободно. Нужно также помнить, что быт становится все более быстро текучим и что быт XIX века уже не существует для художника, если он не пишет исторический роман. Для художника вообще не существует каких-либо устойчивых форм, и художник не ищет «истин», он их сам создает. Ведь и у вас игра в ландскнехт [1] —черта бытовая, но, вообразите, что карты тоже играют людьми, играющими в карты, и вы тотчас же вышли за черту реального быта, вообразите человека, который реально — вполне одинок и одиночество понуждает его создать себе сложную «бытовую» обстановку силою только фантазии своей. Создал и — верит реальности создания своего — понимаете?

Этот человек — вы, это — художник. Это очень хороший «герой» в то же время. Все, что написал Л. Толстой, он написал о *себе*, так же, как Пушкин, Шекспир, так же, как Гете.

Вам особенно не следует бояться быта и нет нужды отрицать его, ибо у вас есть все задатки для того, чтоб легко превратить тяжелое «бытовое» в прекрасную фантазию. В конце концов — все великолепные храмы наши создаются нами из грязной земли.

В заключение: я думаю, что пришла пора немножко и дружески посмеяться над людьми и над хаосом, устроенным ими на том месте, где давно бы пора играть легкой и веселой жизни. Мы достаточно умны для того, чтоб жить лучше, чем живем, и достаточно много страдали, чтоб иметь право смеяться над собой.

Мне все кажется, что вы — из тех, кто должен хорошо понимать это. Несмотря на вашу молодость, которая, впрочем, никогда не порок. Будьте здоровы, дорогой Каверин.

А. Пешков

15.I.24.

Ходас〈евич〉 посылает вам привет, Берберова [2] — тоже.

[1] В рассказе «Щиты и свечи».

[2] Нина Николаевна *Берберова* — поэтесса, жена В. Ф. Ходасевича. В то время печаталась в «Беседе».

11

ГОРЬКИЙ — КАВЕРИНУ

〈Сорренто. 21 июня 1924 г.〉

Рассказы присылайте: теперь «Беседа» [1] допущена в Россию, и гонорар будет издателем увеличен. Разумеется, что рассказы, которые пойдут в «Беседе», уже нельзя печатать в других периодических изданиях.

ВСТРЕЧА ГОРЬКОГО С ПИСАТЕЛЯМИ В «ДОМЕ ГЕРЦЕНА», МОСКВА, ИЮНЬ 1928 г.

Сидят (слева направо): В. Л. Львов-Рогачевский, Е. Д. Зозуля, В. П. Катаев, А. М. Эфрос, Горький, В. П. Ютанов, В. Г. Лидин, Л. М. Леонов, Н. Огнев. Стоят (слева направо): С. О. Бройде (второй), Н. С. Ашукин, Д. А. Горбов (пятый), Б. В. Гиммельфарб, Т. Г. Мачтет, А. Н. Тихонов (Серебров), П. Н. Петровский, Д. Д. Благой, И. М. Новокшонов, Н. Д. Телешов

Фотография

Собрание Д. Д. Благого, Москва

Да, Лунца страшно жалко [2]. В 5-й книге «Беседы» будет напечатана его последняя пьеса [3]. Необходимо собрать и издать все, написанное им.

Для того, чтоб мне писать о нем [4], я должен иметь пред собою его вещи — не можете ли вы прислать мне «Бертрана» [5], «Обезьян» [6], «Вне закона» [7]?

Буду очень благодарен.

Всего доброго, тороплюсь отправить письмо.

А. Пешков

21.VI.24. Sorrento.

[1] См. Горький — Ласковая, письмо 2, прим. 2.
[2] Л. Н. Лунц умер 8 мая 1924 г. в возрасте 23 лет в Гамбурге, куда уехал лечиться от тяжелой болезни мозга.
[3] «Город Правды». Пьеса в 3 действиях.— «Беседа», 1924, № 5.
[4] М. Горький. Памяти Л. Лунца.— «Беседа», 1924, № 5. См. Горький — Федин, письмо 7, прим. 1.
[5] См. письмо 2, прим. 8.
[6] «Обезьяны идут», пьеса.— «Веселый альманах». Пг., «Круг», 〈б. д.〉.
[7] «Вне закона». Трагедия в 5 действиях и 7 актах.— «Беседа», 1923, № 1.

12

КАВЕРИН — ГОРЬКОМУ

〈Ленинград.〉 22/VI—24.

Дорогой и многоуважаемый
Алексей Максимович!

〈...〉 Я уже влез с головой в мой роман [1] (роман ли?) и пишу с утра до вечера.

«Бочка» [2] моя наконец выкатилась в свет (не вспомню, писал ли я вам об этом рассказе), и я жду отзывов — разумеется, ругательных. Здесь насчет новой литературы — тихо. Серапионы разъехались на лето; за последнее время никто не писал ничего нового — кроме Тихонова, который работает неустанно, и Федина, который медленно, раздумчиво, осторожно кончает «Города и годы».

Все другие — молчат (это еще хорошо) или пишут хуже, чем писали (Никитин, который совсем выдохся на своем материале, и Иванов, который начал терять себя на чужом) [3].

Из новых журналов — «Русский современник» [4], известный вам,— и больше, кажется, ничего. Здесь Шкловский; он много пишет, еще больше печатает и единственный из русских писателей приезжает в Питер за деньгами. «Сентиментальное путешествие» [5] наконец здесь выходит.

Я посылал вам оттиск «Бочки» — не знаю получили ли вы (я как-то перепутал адрес).

Когда будет готов роман,— непременно и в первую голову пошлю его вам, дорогой Алексей Максимович!

Больше никому не верю — никто про самого себя не знает, как пишет и что делает.

Все как-то потеряли свою дорогу — пишут по инерции и без прямой к тому необходимости. Русскую книгу становится трудно читать — это, по-моему, перед чем-то новым.

Будем ждать и работать (и барахтаться — без барахтания — ничего не выйдет).

Ну, всего доброго и сердечный привет.

Ваш В. Каверин

〈...〉

[1] Речь идет о романе «Конец хазы». Впервые напечатан в альманахе «Ковш», кн. 1. Л., 1925. По поводу этого романа Горький писал М. Л. Слонимскому: «Каверин смело шагнул в сторону от себя,— очень я его ценю!». См. Горький — Слонимский, письмо 14.

[2] См. письмо 9, прим. 5.

[3] В то время В. В. Иванов писал вместе с В. Б. Шкловским авантюрный роман о химической войне — «Иприт».

[4] «Русский современник» — литературный журнал, выходивший в 1924 г. (Ленинград — Москва), как значилось на титульном листе, «при ближайшем участии Горького. Евг. Замятина, А. Н. Тихонова, К.Чуковского, Абр. Эфроса». В журнале печатались: Н. Асеев, С. Есенин, В. Каверин, Л. Леонов, Б. Пастернак, А. Толстой, К. Федин и др. Вышло четыре книги журнала. Ведущая роль принадлежала в нем Е. Замятину. Горький остался в стороне от руководства журналом, о чем свидетельствует его письмо к А. Н. Тихонову от 23 октября 1924 г., в котором он резко критикует содержание и характер журнала, выражает желание снять свое имя из перечня «ближайших участников» и «отойти от журнала» (см. сб. «Горьковские чтения. 1953—1957», М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 48—50).

[5] В. Шкловский. Сентиментальное путешествие. Воспоминания 1918—1923 гг. Л., «Атеней», 1924.

13

ГОРЬКИЙ — КАВЕРИНУ

⟨Ленинград. 3 июля 1929 г.⟩

Сердечное спасибо, дорогой Каверин, за присланную книгу [1]. Я уже прочитал ее раньше, и она очень понравилась мне: отлично написана, оригинально построена. Однако ж мне кажется, что фигуру Сенковского вы несколько стиснули и принизили. От этого она стала плотнее, крепче, видней и это — хорошая работа художника, беллетриста. А исторически Брамбеус рисуется мне фигурой более широкой и высокой — более хаотической, расплывчатой. Думаю, что не совсем правильно трактовать его *только* как журналиста, ибо он обладал и дарованием беллетристическим, обладал чертами «художника». Умел не только критиковать, но и восхищаться, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ — восхищать, возвышать себя — над действительностью. Весьма возможно, что вы сочтете замечания мои неуместными и ошибочными. Но, поверьте, что сделаны они из моего искреннего интереса к вашей работе.

Надеюсь, вы не намерены вполне посвятить себя историко-литературному труду, а беллетристику — «похерить»?

Всего доброго
А. Пешков

3.VII.29. Ленинград.

[1] В. Каверин. Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». Л., «Изд-во писателей в Ленинграде», 1929.

14

КАВЕРИН — ГОРЬКОМУ

⟨Ессентуки. 20 июля 1929 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович,

спасибо вам за добрый отзыв о моей книге [1]. Он догнал меня уже в Ессентуках, вот почему я тотчас же вам не ответил. Вы немного огорчили меня, написав, что «барон Брамбеус» — это работа беллетриста. Я все же надеюсь, что моя беллетристика не помешала науке; если бы книга была построена иначе и написана по-другому — выводы ее и основные тезисы нисколько бы не изменились. Мне легче было писать так, но принялся я за дело только тогда, когда убедился, что стиль книги не мешает ее достоверности исторической и историко-литературной.

Может быть, вы и правы, утверждая, что я несколько сузил фигуру Брамбеуса, рассмотрев его преимущественно со стороны его журнальной работы. Но именно эта сторона, являющаяся богатым материалом для изучения 30-х годов, и была обойдена или искажена традиционной историей литературы.

Спасибо вам за сердечное ко мне отношение. Разумеется, я вовсе не собираюсь менять беллетристику на науку. Но наступает подчас такое время, когда устаешь от постоянных размышлений над прозой, неизменно приводящих к тому, что все, что написано, написано не так и все надо начинать сначала. Тогда наука начинает казаться делом более высоким и достойным, чем литература с ее тактикой, политикой и возней мелких честолюбий.

Впрочем, я сижу сейчас над новой повестью [2],— сообщаю это вам, чтобы вы не подумали, что я стал брюзгой или разочаровался в русской литературе.

Всего доброго.
В. К а в е р и н

20/VII — 1929 г. Ессентуки.

[1] См. письмо 13, прим. 1.
[2] «Художник неизвестен». Повесть. Л., «Изд-во писателей в Ленинграде», 1931.

ГОРЬКИЙ — В. М. КИРШОН

Владимир Михайлович *Киршон* (1902—1938) познакомился с Горьким 31 мая 1929 г., когда он в составе делегации писателей встречал на Белорусском вокзале возвращающегося из-за границы Горького.

В тридцатых годах Киршон часто встречался с Горьким на различных писательских совещаниях и в домашней обстановке.

Рукописи своих пьес Киршон, как правило, посылал Горькому для отзыва.

После смерти Горького Киршон опубликовал статью «Большое сердце» («Правда» 1936, № 168, 20 июня) и выступил на траурном митинге в Союзе писателей 26 июня 1936 г.

Ниже печатаются: одно письмо Горького Киршону, сохранившееся в черновом автографе, и шесть писем Киршона Горькому. В приложении публикуются замечания Горького о докладе Киршона «За социалистический реализм в драматургии» на Первом всесоюзном съезде советских писателей.

1

КИРШОН — ГОРЬКОМУ

Москва. 13—VI—1929.
Кремлевская больница.

Дорогой Алексей Максимович!

Очень хотел повидать вас и потолковать о многом, но на другой день после вашего приезда свалился, и вот лежу с воспалением легких. Надеюсь, что удастся потолковать перед осенью, когда вы вернетесь из вашей поездки [1].

Посылаю новую свою пьесу, которая идет тут в театре МГСПС и поставлена, по-моему, неудачно и в Ленинграде в Большом Драматическом, где постановка гораздо лучше [2].

Пьеса о Баку и о «26 комиссарах», хотя отнюдь не хроникальна и не рисует подлинных людей. Это скорей пьеса на тему о «Бакинской коммуне». Ваше мнение очень интересует меня. Если будет у вас время проглядеть до отъезда, очень прошу черкнуть мне пару слов.

Лучше всего писать мне на адрес «На литер⟨атурном⟩ посту» [3], Тверской бульвар 25, они уж передадут.

Как чувствуете себя у нас, Алекс⟨ей⟩ Максимович? Погода к вашему приезду подгуляла.

Крепко жму руку.

С ком⟨мунистическим⟩ приветом.

В. Киршон

[1] С 17 июня по 12 июля Горький совершил поездку по Советскому Союзу.

[2] Пьеса «Город ветров», поставлена в Москве театром МГСПС (премьера 16 апреля 1929 г., режиссер Е. Любимов-Ланской, художник Б. Волков) и в Ленинграде Большим драматическим театром (премьера 25 мая 1929 г., режиссер К. Тверской, художник М. Левин).

В 1930 г. пьеса вышла отдельным изданием в изд-ве «Московский рабочий».

[3] С января 1929 г. Киршон был членом редколлегии журнала «На литературном посту».

2

КИРШОН — ГОРЬКОМУ

Сочи. 2—X—1931

Дорогой Алексей Максимович!

Погода тут стоит аховая; дождь и холод. Лечения я еще, по существу, не начал и, видимо, задержусь до ноября. Это значит, что мы с вами не увидимся [1].

Очень досадно! Я хотел потолковать с вами насчет новой своей вещи и работы по Ист⟨ории⟩ гр⟨аждан⟩ской⟩ войны [2].

Беседа в Москве, на Никитской, очевидно, отпадает. Однако у меня есть мыслишка — во время моей поездки в Германию и Францию проехать в Муссолинию к вам [3].

Думаю, вы не будете против. Это будет, примерно, в конце января или в феврале.

Очень рассчитываю я, Алекс⟨ей⟩ Макс⟨имович⟩, получить от вас к тому времени пьесу. Если помните, вы обещали начать переделывать уже написанную [4]. Вернувшись из-за гран⟨ицы⟩, я сразу приступлю к нашему театру в Доме Правит⟨ельства⟩. Открыть театр хотим, обязательно, вашей новой вещью [5]. Как здоровье ваше? Не утомила ли вас поездка в Ленинград? [6] С удовольствием вспоминаю наши вечера на Никитской.

Всего доброго.

В. Киршон

[1] 18 октября 1931 г. Горький выехал из Москвы в Сорренто.

[2] По предложению Горького Киршон был введен в состав художественной редакции «Истории гражданской войны» наряду с Д. Бедным, Ф. Панферовым и др.

[3] Киршон был в Германии и Франции с декабря 1931 г. по май 1932 г. Поездка к Горькому в Италию не состоялась.

[4] По-видимому, речь идет о пьесе «Сомов и другие».

[5] В Москве, в так называемом Доме правительства, который тогда строился, предполагалось открыть театр РАПП. Театр организован не был.

[6] С 20 по 30 сентября Горький был в Ленинграде.

3

КИРШОН — ГОРЬКОМУ

⟨Берлин. 7 января 1932 г.⟩

Дорогой Алекс⟨ей⟩ Макс⟨имович⟩!

Вашу рукопись я получил, но, к сожалению, лишен возможности теперь ее передать, ибо архангел Михаил изволил отбыть в поездку по стране[1]. Как только обозначится на горизонте, немедленно передам ему. Я очень рад, что Лешка у вас подправился [2]. Здесь ждет его плохая погода экономическая, политическая и... осенняя — всё дожди, дожди. Я по горло занят изучением вопросов театра, кино, литературы, встретился с многими любопытными человеками.

Крепко жму руку.

Привет семейству.

Ваш В. Киршон

Письмо датируется по почтовому штемпелю.

[1] По-видимому, речь идет о предисловии к повести Михаила Чумандрина «Белый камень», которое было послано Горьким в Берлин в конце декабря 1931 г. или начале января 1932 г. См. Горький — Чумандрин, письма 13 и 14, прим. 1.

[2] Л. Л. Авербах. Гостил у Горького в Сорренто. См. о нем Горький — Макарьев, письмо 1, прим. 2.

4

КИРШОН — ГОРЬКОМУ

〈Москва. Февраль 1933 г.〉

Дорогой Алексей Максимович!

Посылаю вам экземпляр пьесы [1]. Немного погодя, перед тем как сдать ее в театр, я предполагаю еще работать над характерами и языком.

Мне очень хочется получить от вас указания в этой работе.

Крепко жму вашу руку.

Ваш В. Киршон

ГОРЬКИЙ и В. М. КИРШОН
Фотография, Москва, 1934 г.
Музей Горького, Москва

Датируется по упоминанию о передаче пьесы в театр.

[1] Пьеса «Суд». Написана Киршоном после возвращения его из заграничной поездки в мае 1932 г. «Пьеса „Суд“,— писал Киршон,— задумана мною задолго до поездки за границу. Однако окончательно она оформилась во время моего пребывания в Германии и во Франции. Только там я понял, что написать пьесу, не познакомившись на месте с политическими условиями, жизнью и бытом западных рабочих, интеллигенции, капиталистов, — нельзя» (см. сб. «Суд». Л., 1933, стр. 29). Дальнейшая работа над пьесой продолжалась в течение всего 1932 г. В письме от 16 ноября 1932 г. Киршон сообщал Горькому: «На днях мы с Александром Афиногеновым, самым длинным человеком в нашей среде, уезжаем в Гагры. Он там будет писать свою новую пьесу 〈„Ложь“〉, а я — лечиться и дорабатывать свой „Суд“» (АГ).

Пьеса была поставлена в МХАТе II (премьера состоялась 20 апреля 1933 г., режиссеры В. Н. Татаринов, А. И. Чебан, художник И. Нивинский) и в Ленинградском Академическом театре драмы (премьера — 4 мая 1933 г., режиссер Б. Сушкевич, художник Н. Акимов). Впервые пьеса была опубликована в «Новом мире», 1933, № 5.

5

ГОРЬКИЙ — КИРШОНУ

〈Сорренто. Март 1933 г.〉

Киршон

Весьма трудно судить о пьесе [1], в которой действуют люди мало знакомого быта. В романе характеры и мотивы действий героев дополняются описаниями и «заглядыванием» автора в «душу». Пьеса — сплошной диалог, и людей ее характеризует только слово. Отсюда возникает требование строгой индивидуализации речи каждого действующего лица. Артист сцены не может — в этом отношении — помочь автору. Только автор способен дать каждому «герою» своеобразную речь.

Речь действующих лиц «Суда» — однообразна. Но я, читатель, не чувствую в них немцев. Везде, где это возможно, следовало бы сохранить строй немецкой фразы. Затем не чувствую и того, чем отличается строй речи Рудольфа от речи Клауса, Хильды от Берты и т. д. Своим характерным языком говорит только Карл на суде и мать в VII-й картине, вообще же речь сильно «руссифицирована». Едва ли нужно, чтоб немецкий рабочий говорил словами Л. Андреева: «Так было,— так будет» [2]. Но, с другой стороны, для русского невнятно прозвучит и фраза о Клаусе, который кладет подарки в башмаки детей. Над языком нужно поработать и — не мало. В III-й картине Рудольф слишком молчалив. Восклицания «Всё» — мало для конца беседы, на угрозу редактора он, боевой человек, должен бы ответить. Кстати: Рудольф Клаусу зять, т〈о〉 е〈сть〉 взятый в семью, а не наоборот, как у вас, Клаус Рудольфу — тесть.

В IV-й кар〈тине〉 монолог — описание парада — или излишен или же должен быть написан как-то иначе — живее, горячей.

В V-й — сознание Курта, что он провокатор, — ничем не оправдано. Следовало бы указать, что он уже видит в Клаусе бургомистра, «начальство», обязанное не мешать провокатору в его действиях. Пятая картина вообще кажется недоделанной, смятой. Мало отведено места Хильде. Механически влеплены слова отца о Сталине. Молчание Клауса слишком напоминает молчание Рудольфа, хотя мотивы различны, но зритель этого различия не воспримет. Странно, что Клаус, зная, что́ хочет делать Курт, не пытается стукнуть его чем-нибудь по башке, в то время — после драки, когда провокатор готовится стрелять из окна. В театре эта сцена может показаться неправдоподобной. «Столбняк»— есть в немецком языке слово такого же смысла? Столбняк — тетанус — болезнь, вызывается бациллой. Лучше сказать: остолбенел, одеревенел и т. д.

В VI-й Клаус ведет себя так, что его поведение на суде является неоправданным. Редактор написан не настолько убедительно, чтоб можно было признать за ним гипнотическую силу. Журналисты и фотограф — мелочь, которая способна помешать процессу восприятия зрителем драмы.

VII-я. Довольно эффектна. Но, по соображениям такта, не худо было бы ввести в готическую лавочку нечто такое, что несколько понизило бы «мистику» сцены. Напр〈имер〉 служка-сторож, который встречает и провожает мать, фигура комическая. Просит на пиво, поздравив с очищением от грехов.

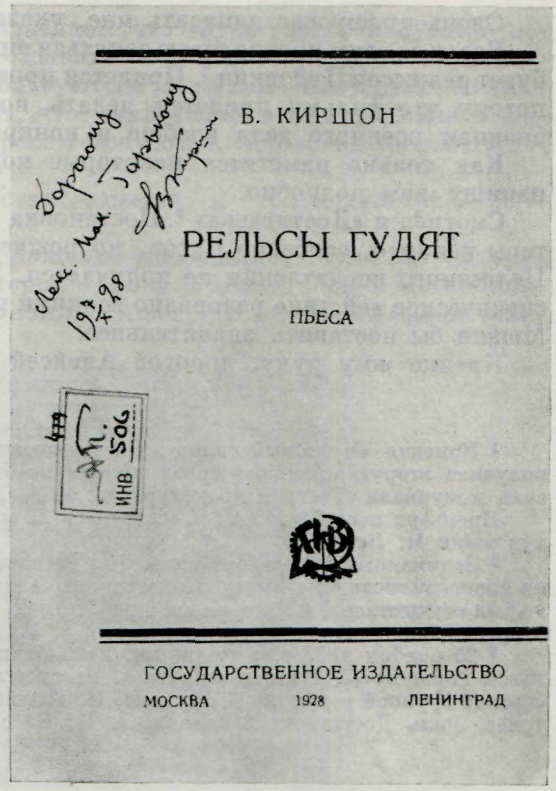
VIII-я. Ее очень украшают Рудольф и Карл. Но законники даны слишком знакомо. Прокурор не совсем согласуется с ремаркой автора, ему — прокурору — нужно что-то добавить. Защитник слишком обнаженно глуп и подл. Таким поведением на суде он компрометирует себя в глазах судей.

Восьмая картина—интересна, но дает впечатление, что драма — не окончена. Главного героя Рудольфа совершенно заслоняет Клаус, этот про-

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
В. М. КИРШОНА ГОРЬКОМУ
НА ПЬЕСЕ «РЕЛЬСЫ ГУДЯТ»
(М.— Л., 1928)

«Дорогому Алекс. Мак. Горькому
В. Киршон, 19 7/X 28»

Личная библиотека Горького



тухший кисель. Длинный его монолог неправдоподобен. Его должны были прервать: прокурор, Рудольф, судья. Очень рискованна фраза: «Он стрелял — я молчал». Почему молчал? Почему не мешал? Эти вопросы кто-то должен был поставить. Ссылка на «счастливую старость» как-то понижает значение драмы. Клаус из последних сил должен был возвыситься над «личным» своим и сказать нечто языком революционной части своего класса. Хорошо бы финал пьесы сделать дуэтом Клауса и Рудольфа при участии хора-публики. Прокурор орет: «Суд не кончен!» Судья прерывает заседание. Последнее слово оставить за Рудольфом, оно должно быть кратким и прозвучать надолго.

Печатается по черновому автографу. Датируется по сопоставлению с письмом 4.

[1] Речь идет о пьесе Киршона «Суд». Замечания Горького не были реализованы.

[2] Фраза из рассказа Л. Андреева «Так было» (1905). Эти слова сделались крылатыми после того, как министр внутренних дел А. А. Макаров, отвечая в Государственной думе 12 мая 1912 г. на запрос по поводу расстрела рабочих на Ленских приисках, заявил: «Так было и так будет впредь».

6

КИРШОН — ГОРЬКОМУ

Москва. 8 декабря 1933 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Посылаю вам сию комедию [1]. Сдал я ее на конкурс, и, признаться, весьма волнуюсь, ибо боюсь отношения к комедии как к жанру несерьезному, легкомысленному. Отдал я пьесу 1-му МХТ.

Очень прошу вас написать мне, указав недочеты и ошибки.

Вслед за этим предполагаю заняться антияпонской фильмой. Снимать ее будет режиссер Пудовкин [2]. Придется провернуть громаднейший материал, потому что фильму придется делать по-настоящему, с действительным знанием военного дела вообще и конкретной обстановки, в частности.

Как только наметятся некоторые контуры этой работы, сейчас же напишу вам подробно.

Смотрел я «Достигаева» [3]. Постановка мне не понравилась. Играют актеры неплохо, особенно Басов, но режиссерская работа снижает пьесу. Целостного впечатления не получается. Все как-то разбито на кусочки, сценическое действие разорвано всякими режиссерскими «кунстштюками». Можно бы поставить значительнее.

Крепко жму руку, дорогой Алексей Максимович.

Ваш В. Киршон

[1] Комедия «Чудесный сплав». На Всесоюзном конкурсе пьес в 1934 г. комедия получила вторую премию (первая премия не была присуждена). Впервые опубликована в журнале «Театр и драматургия», 1934, № 4.

Премьера пьесы в МХАТ I состоялась 22 мая 1934 г. (режиссер Б. Мордвинов, художник М. Левин).

[2] Задуманный фильм, очевидно, был посвящен разоблачению агрессивной политики японской военщины, выступавшей с провокационными угрозами против СССР. Фильм не был осуществлен, и материалов о работе над фильмом Киршона и Пудовкина не сохранилось.

[3] 25 ноября 1933 г. в театре им. Евг. Вахтангова в Москве состоялась премьера пьесы Горького «Достигаев и другие». Пьесу ставил Б. Е. Захава совместно с режиссерской группой в составе Б. Щукина, И. Толчанова и А. Орочко. Художник В. Дмитриев. Роль Достигаева исполнял О. Н. Басов.

7

КИРШОН — ГОРЬКОМУ

〈Москва. 27 мая 1934 г.〉

Дорогой Алексей Максимович!

Я надеюсь видеть вас и всех близких 28-го на премьере «Чудесного сплава» в филиале МХТ.

Комедия на сцене получилась смешной и бодрой.

Очень хочу крепко пожать вашу руку 28-го в театре [1].

Ваш В. Киршон

Москва, 27 мая 1934 г.

[1] Горький присутствовал на премьере «Чудесного сплава» в филиале МХАТа 28 мая 1934 г. «Я помню хорошо премьеру „Чудесного сплава“,—пишет П. А. Марков,—присутствие на ней А. М. Горького с семьей, ужин, устроенный Киршоном для всех участников „Чудесного сплава“, на котором также присутствовал Алексей Максимович, сердечно отнесшийся к спектаклю».— П. А. Марков. Киршон в Художественном театре. Сб. «В. М. Киршон». М., изд-во «Искусство», 1962, стр. 259.

ПРИЛОЖЕНИЕ

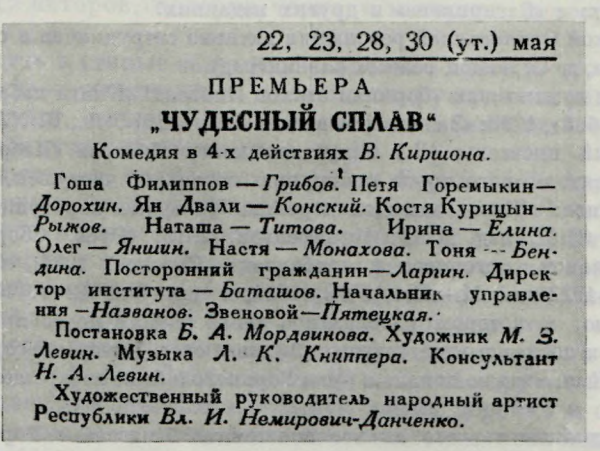
ЗАМЕЧАНИЯ ГОРЬКОГО О ДОКЛАДЕ КИРШОНА «ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ В ДРАМАТУРГИИ»

Это не доклад, а попытка дать теорию советской драмы. Далее эта попытка переходит в полемику с Вишневским о формах драмы, причем остается недостаточно ясным — какие именно формы защищает Киршон, и какие — Вишневский? Суждения автора о формализме необходимо согласовать с докладом Н. Бухарина.

На 16-й стр. докладчик утверждает, что «буржуазное искусство периода распада не в силах создавать подлинные художеств‹енные› ценности», что «новаторы» пользуются формами искусства именно этого периода, а затем говорит, что «увлечение этими формами выражается в пренебрежении к вопросам искусства, апологии бессюжетности» и т. д.

Распад буржуазии ярко стал заметен в тридцатилетие — 80—910 г.

За эти 30 лет Европа создала наиболее «рафинированную» литературу, выработала наиболее тонкое мастерство слова: Уайльд, Рембо, Метерлинк, Верлен, Жамм, Вилье де Лиль Адан, Клодель, Гофмансталь,



22, 23, 28, 30 (ут.) мая

ПРЕМЬЕРА

„ЧУДЕСНЫЙ СПЛАВ"

Комедия в 4-х действиях *В. Киршона.*

Гоша Филиппов — *Грибов.* Петя Горемыкин — *Дорохин.* Ян Двали — *Конский.* Костя Курицын — *Рыжов.* Наташа — *Титова.* Ирина — *Елина.* Олег — *Яншин.* Настя — *Монахова.* Тоня — *Бендина.* Посторонний гражданин — *Ларин.* Директор института — *Баташов.* Начальник управления — *Названов.* Звеновой — *Пятецкая.*

Постановка *Б. А. Мордвинова.* Художник *М. З. Левин.* Музыка *Л. К. Книппера.* Консультант *Н. А. Левин.*

Художественный руководитель народный артист Республики *Вл. И. Немирович-Данченко.*

ПРОГРАММА ПРЕМЬЕРЫ КОМЕДИИ В. М. КИРШОНА «ЧУДЕСНЫЙ СПЛАВ» В МОСКОВСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ ТЕАТРЕ 22, 23, 28 и 30 мая 1934 г.

Музей Художественного театра, Москва

Рильке, Гриппенберг [1], Георге и десятки других — все это тончайшие мастера «ювелирного искусства» в литературе. Из того, что они сияли так ярко,— следует сделать вывод в пользу силы слова, в доказательство необходимости изучать его, всецело обладать им. Эту литературу нельзя упрекнуть в «бессюжетности», ибо она почти единодушно звала «мудрецов и поэтов» удалиться от действительности «в катакомбы, пустыни, пещеры» [2]. «Бессюжетность» началась Прустом, и ее смысл — тоже уход из действительности.

М. Горький

Печатается по авторизованной машинописной копии.

Доклад Киршона, прочитанный на Первом всесоюзном съезде советских писателей, был одним из трех содокладов (Киршона, Н. Погодина и А. Толстого) к основному докладу о драматургии, сделанному В. Я. Кирпотиным.

Содоклад под названием «За социалистический реализм в драматургии» впервые был опубликован в кн. «Первый всесоюзный съезд советских писателей». М., 1934 (отдельное издание — М., ГИХЛ, 1934).

[1] Бертель *Гриппенберг* (1878—1947) — финский поэт, писавший на шведском языке.

[2] Горький цитирует стихотворение В. Я. Брюсова «Грядущие гунны».

ГОРЬКИЙ — В. В. КНЯЗЕВ

Василий Васильевич *Князев* (1887—1937) начал печататься с 1905 г. в юмористических журналах: в «Сатириконе» и других изданиях.

После Великой Октябрьской революции активно сотрудничал в советской прессе, главным образом, в «Красной газете» (Ленинград).

В тридцатые годы вышли сборники стихов Князева: «Книга избранных стихотворений». Л., «Прибой», 1930; «За четверть века (1905—1930)». Л., ГИХЛ, 1935. В 1959 г. изд-во «Советский писатель» (Л.) выпустило книгу Князева «Избранное».

Князев посвятил много труда собиранию пословиц, частушек, прибауток. Ему принадлежат книги: «Жизнь молодой деревни. Частушки-коротушки С.-Петербургской губернии». СПб., изд. М. Г. Корнфельда, 1913; «Русь. Сборник избранных пословиц, присловок, поговорок и прибауток». Леногиз, 1924; «Современные частушки», 1917—1922 гг., М.—Пг., ГИЗ, 1924, и др. В 1912 г. Князев направил Горькому письмо, в котором рассказал о своей работе по собиранию пословиц. В том же году он послал в издательство «Знание» свою книгу новгородских и псковских частушек. Книга эта не попала в руки Горького и была возвращена издательством автору.

Можно предположить, что личное знакомство Князева с Горьким состоялось в 1915 г. На книге «По Руси», подаренной Князеву в мае 1915 г., Горький писал: «По стихам вашим в „Дне“ чувствую, что вам не легко живется, но крепко уверен — вы выдержите» (цит. по кн.: «Пролетарские поэты первых лет советской эпохи». Л., «Советский писатель», 1959, стр. 524).

Горький намеревался выпустить в издательстве «Парус» второе, дополненное издание книги Князева «Двуногие без перьев» (СПб., изд. М. Г. Корнфельда, «Б-ка Сатирикона», 1914). Технические затруднения помешали осуществлению этого намерения. Не была напечатана также статья, присланная Князевым в журнал «Летопись».

Переписка Горького с Князевым, прерванная в 1917 г., возобновилась в тридцатых годах. Завершив работу над обширным сборником пословиц и прибауток — «Энциклопедией пословиц», Князев обратился к Горькому с просьбой содействовать изданию этого труда.

Ниже публикуется письмо Горького от 3 ноября 1930 г. об «Энциклопедии пословиц» Князева.

〈Сорренто. 3 ноября 1930 г.〉

В. К н я з е в у

Несмотря на мое достаточно ясно выраженное отрицательное отношение к вашей «Энциклопедии пословиц» [1], вы предлагаете мне содействовать изданию этой неудачной работы и хлопотать о повышении гонорара вам за нее.

Разрешите мне еще раз указать вам на причины, почему я против издания «Энциклопедии» в том ее виде, как она вами сделана и как часть ее опубликована «Красной газетой» [2].

Вы назвали труд ваш «энциклопедией», т〈о〉 е〈сть〉 книгой, которая — как всякая энциклопедия: техническая, медицинская, литературная и

т. д.— дает, по возможности, предельно полное представление о всей массе материала, ею освещаемого.

Вы — никак не освещаете ваш материал, не классифицируете его, в чем он, бесспорно, нуждается, вы даете его, как «сырье» и в хаотическом виде.

Вы обязаны были использовать «на 100%» — не только плохонькую книгу Михельсона [3] и «на 10%» сборник Даля [4], а начать работу с первого «Собрания 4291 древних российских пословиц», изданного в XVIII веке, кажется в 1770-х годах [5]. Затем вам нужно было просмотреть «Поэтические воззрения славян на природу» Афанасьева [6], книгу, в которой приведено много пословиц, не вошедших в сборники Снегирева [7] и др⟨угих⟩ авторов, которые черпали материал непосредственно «из уст народа».

Заглянуть в старые сборники следовало потому, что пословицы — как всё в жизни — изменяются, эволюционируют, отмирают, смысл многих уже непонятен, они требуют объяснений, а еще больше таких, которые и можно и следует выбросить, как сор.

Вы пишете: «я полностью ограбил Горького и Андрея Печерского». Но, во-первых, у беллетристов пословицы — т⟨о⟩ е⟨сть⟩ афоризмы — весьма часто являются продуктами личной и субъективной «выдумки», фальсифицируют подлинное народное речевое словотворчество, искажают его сообразно своим задачам и вообще мало общего имеют с подлинной продукцией, исходящей непосредственно «из уст», «от души» народа.

Во-вторых: почему только Горький и Печерский, а не Левитов, Глеб Успенский, Нефедов, Златовратский и многие другие из «народников»,— они очень любили щеголять знанием языка деревни и обильно пользовались пословицами. Далее: как различаете вы пословицу от прибаутки?

«Эх, жить весело, да — бить некого», это — что: пословица или прибаутка? И почему вы пишете: «баутка». Прибаутка — от глагола баять и значит — прибаять, чтобы — обаять, отсюда — обаяние. Торговец дегтем или патокой кричит на ярмарке:

«Эх, лей, кубышка, наливай, кубышка, не жалей, кубышка, хозяйского добришка»,— этим он «обаявает» — заговаривает — покупателя, чтоб тот не заметил, что дно мерки вогнуто или смяты ее стенки или же мерка наполнена не до краев. У вас в книжке пословицы смешаны с прибаутками [8].

В наши дни нельзя знакомить с материалом прошлого, не объясняя, как он возник, какими условиями вызван к жизни. «Энциклопедия»— издание, имеющее определенное социально-политическое значение. Для того, чтоб оправдать свое появление в свет и свой титул, она должна знать весь материал, уже собранный, и тщательно отсеять от него хлам. Нет оснований повторять, как это делаете вы:

«Нужда бездолит», «Нужда скрючит», «Нужда с костями съест», «Нужда вовсе заклюет».

Не различая пословицу от прибаутки, вы не различаете ее и от «поговорки».

В пословицах, выражающих «народную мудрость», весьма глубоко сказалось влияние церкви, церковных книг: псалтыря, Ефрема Сирина и др., влияния житий угодников, наконец — болтовни монахов. Длинный ряд пословиц — вариации одной: «Без бога — ни до порога, а с богом — хоть за море». Но есть пословица: «На бога надейся, а сам не плошай» и есть поговорки такого тона: «Бог тем негож, что сотворил вошь», «Петухом не поет, а спать тоже не дает».

Пословицы создавались на протяжении веков, их отношения к одному и тому же явлению, положению, факту — весьма различны. Мещане, лавочники, прасолы думали и думают не так, как землекопы, бурлаки,

шерстобиты, ямщики. Промысла и ремесла не могли не влиять на смыслы пословиц, прибауток, поговорок. Пословица: «Чужая болесть дает поесть, а про свою — еле пою» — сочинена, конечно, знахарем. Всё это необходимо знать, необходимо уметь сопоставить, противопоставить, и только тогда читатель может получить приблизительно точное представление о ходе мысли, об организации житейского опыта различных групп трудового народа.

В книжке вашей, изданной «Красной газетой», множество анекдотической чепухи, например: под заголовок «Преступление из-за бедности» вы поместили пословицу: «Бедному жениться и ночь коротка». А что значит: «Ласковое слово — пуще дубины»? Уральскую поговорку: «Не купи лошадь норовистую, не люби девку приисковую» вы записали так: «Не купи лошадь ямскую, не бери девку приискую»,— последнее слово — нелепо.

Следует относиться очень осторожно к пословицам и поговоркам о «бабе», в них особенно резко и гнусно выражено церковное отношение к женщине. Нам уже несколько неудобно повторять такие пошлости, как: «Собака умнее бабы, на хозяина не лает».

Вы взялись за дело, к которому совершенно не подготовлены. В наше время старый мусор выметают из жизни,— надо ли снова засорять им речь и разум людей?

М. Горький

3.XI.30 Sorrento.

[1] Отрицательную оценку «Энциклопедии пословиц» Горький дал в письмах к М. Ф. Чумандрину от 10 августа и 3 ноября 1930 г. (см. письма 6 и 7).

[2] В. В. Князев. Книга пословиц. Выборки из пословичной энциклопедии. Л., «Красная газета», 1930.

«Книга пословиц», как объяснил Князев в письме к Горькому от 8 октября 1930 г. (АГ), представляла собой лишь небольшую часть обширного труда, названного им «Энциклопедией пословиц».

[3] М. И. Михельсон. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний, тт. 1—2. СПб., 1902.

[4] В. И. Даль. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч., тт. 1—8. М., 1862.

[5] «Собрание 4291 древних российских пословиц». М., 1770 (экземпляр книги хранится в личной библиотеке Горького).

[6] А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мистическими сказаниями других родственных народов, тт. 1—3. М., 1865—1869.

[7] «Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках, И. Снегирева», кн. 1—4. М., 1834; «Русские народные пословицы и притчи, изданные И. Снегиревым». М., 1848; «Новый сборник русских пословиц и притчей, служащий дополнением к собранию русских народных пословиц и притчей, изданных в 1848 г. И. Снегиревым». М., 1857, и др.

[8] В ответном письме от 8 сентября 1931 г. Князев писал: «...слово „баутка“ (бавутка) я сам записал в деревне Княжево, Тюменского уезда, Тобольской губернии и дважды получил его из Костромской и Архангельской губерний. Значение — словесная забавка, словом всё (поговорка, прибаутка, скороговорка и т. д.), кроме пословицы» (АГ).

ГОРЬКИЙ — В. А. КОВАЛЕВСКИЙ

Вячеслав Александрович *Ковалевский* (р. 1897) в письме от 27 марта 1951 г., адресованном Архиву А. М. Горького, сообщает: «Горький изменил всю мою судьбу. Он напечатал в своем альманахе именно те рассказы („Монах" и „Сапожник"), которые были отвергнуты редакциями всех журналов. Меня потрясло то, что Горький ответил мне из Италии буквально *через девять дней* после того, как я сдал свою рукопись на почту. Исцелившее меня от депрессии письмо Горького содержало в себе не только подробный анализ данных рассказов, но обладало еще тою чудесною животворной силой, благодаря которой автор начинал отдавать себе отчет — по какой дороге ему надо теперь идти» (АГ).

По предложению Горького Ковалевский был привлечен к работе над «Историей фабрик и заводов», ему поручили написать историю Трехгорной мануфактуры. Из этой работы, поддержанной Горьким, выросла в дальнейшем книга Ковалевского «Хозяин трех гор» (М., Гослитиздат, 1939).

В АГ хранятся рукописи произведений Ковалевского, правленные Горьким: «Монах», «Сапожник», «Кладбище» и глава «Ситец» из книги «Хозяин трех гор».

В публикуемом ниже письме Горький дает отзыв о рассказах Ковалевского «В горах» и «Фальшивый случай», которые были впоследствии напечатаны в альманахе «Год XVII» (кн. 3 и 4. М.,1933—1934) под названием «Монах» и «Сапожник».

Сорренто. 14 марта 1933 г.

В. К о в а л е в с к о м у

Мне кажется, что у вас есть хорошие способности к литературной работе. Есть умение писать пейзаж простыми и ясными словами, но человеческое лицо вы пишете недостаточно четко, а очень важно, чтоб читатель видел и запоминал физиономию героев, которых вы показываете ему. Есть умение находить свои слова, напр⟨имер⟩, блики луны на воде — «лунята», это ваше слово? Очень удачно найдено. Но берегитесь подражать таким фокусникам слова, как А. Белый, или таким исказителям языка, каковы Гладков, Пильняк и многие другие. Ищите чистый русский язык у наших классиков и в фольклоре: в песнях, пословицах, сказках.

Чувствуется, что вы умеете наблюдать и любите ваш материал, но располагаете вы его неправильно, напр⟨имер⟩: начало рассказа «В горах»— на 3-й, 4-й, 5-й страницах. Рассказ следует переименовать: «Монах» и дать общий для двух заголовок — «Рассказы об остатках».

Над монахом надобно поработать. Медведя показать не только в конце, а — раньше. О том, что Алексей — белый офицер, не говорить на стр. 11—12, а открыть его только на 18—19-й, когда он рассказывает Иоанну: «Когда я ворвался в село». «Одиссею» замените *прошлым*[1]. Иоанн все-таки должен быть немножко удивлен рассказом Кулигина, удивился, но — не поверил: «Врешь всё, дурак неспособный! Пугаешь меня, цену себе поднять хочешь». Затем, продолжая слушать необыкновенный рассказ,— незаметно уснул. Абхазцы у вас оформлены менее, чем тени, их нужно оживить. Очень хорошо рассказано о ноже, удар которого придал сучку видимость зоркого глаза. Не напрасно ли «мощи смущали» Иоанна? Может быть, было бы сильнее, если бы он веровал в них. Тогда конец

рассказа был бы драматичнее. «Обман... значит — обманули? Обманом жил...». Иоанн должен подумать что-то в этом роде. Подумал и — пошел, быстро покатился с горы.

«Фальшивый случай» сделан лучше «Монаха» и обнаруживает у вас способность к юмору. Это — весьма ценная способность, и ее надобно развивать. Очень жаль, что вы не ввели несколько черточек юмористических в «Монаха»— там для них есть очень удобные места. Напр⟨имер⟩. покажите встречу Иоанна или поручика с медведем, или же пускай они — а то один из них — увидят медведя рядом с отшельником, вспомнят о Серафиме Саровском. «Сапожник» весьма удался вам, но местами, напр⟨имер⟩ в бане, он не дописан. Вообще у вас в обоих рассказах кое-где чувствуется недописанность, может быть, это от неуверенности. Оба рассказа нужно приблизить к настроению данного дня. Это не трудно сделать двумятремя штрихами. Заставьте Иоанна вспомнить о богомольцах богатых и бедных, наверное, с его точки зрения, и те и другие — дармоеды, бездельники и «нашему богу — бя». «Миряне грязные». Перестройте «Монаха», внимательно просмотрите обе рукописи, затем пошлите их мне, если успеете обработать до 15-го апреля. Очень советую вам взяться за дело серьезно, не торопясь и не жалуясь на неудачи или на внешние,— вероятно, тяжелые?— условия вашей жизни. Каково ваше материальное положение? Сообщите. Какие книги нужны вам, если нужны.

Имейте в виду, что литературная работа при серьезном к ней отношении — очень трудная работа.

Желаю успехов.

А. Пешков

14. III. 33.

В конце апреля буду в Москве.

[1] Речь идет о фразе из рассказа «Монах» в первой редакции: «Алексей принялся рассказывать свою Одиссею». Горький предложил заменить «Одиссею» словом «прошлое».

ГОРЬКИЙ — П. С. КОГАН

Переписка Горького с Петром Семеновичем *Коганом* (1872—1932), литературоведом и критиком, охватывает 1924—1929 гг. Личное знакомство Когана с Горьким состоялось в 1927 г., когда Коган, будучи в Италии в качестве организатора советского отдела на Международной выставке декоративного искусства в Милане, посетил Горького в Сорренто. Горький интересовался деятельностью Государственной Академии художественных наук (ГАХН), возглавляемой Коганом, и внимательно следил за изданиями Академии. Особый интерес проявлял Горький к работе ГАХН по изучению искусства народов СССР.

Коган неоднократно писал о творчестве Горького (см. «Литература великого десятилетия», М.—Л., 1927, «Горький», М.—Л., 1928, «Очерки по истории новейшей русской литературы», т. IV, М.—Л., 1929, и пр.). О встрече с Горьким в Сорренто Коган рассказал в очерке «Встречи и впечатления. У Горького» («Вечерняя Москва», 1927, №№ 122 и 123, от 1 и 3 июня).

Одно письмо Горького Когану от 22 июля 1927 г. опубликовано в т. 30 (№ 861). Ниже публикуются семь писем Горького и двенадцать писем Когана.

1

КОГАН — ГОРЬКОМУ

А. М. Пешкову (М. Горькому)

⟨Москва.⟩ 26 февраля 1924 г.

Многоуважаемый Алексей Максимович!

В Англии организуется Общество культурного сближения между Союзом Советских Республик и Великобританией для целей взаимной информации по вопросам науки, искусства, педагогики и проч., а также для целей обмена литературой, лекторами, для организации выставок и проч. [1]

Российская Академия художественных наук, имеющая в своем составе специальную комиссию для сближения с Западом, получила от вышеназванного Общества, организующегося в Англии, извещение с просьбою испросить согласие выдающихся русских культурных деятелей на помещение их имен (наряду с именами английских представителей) под воззванием Общества.

На основании этого Академия позволяет себе обратиться к вам; рассчитывая, что вам не может быть чуждой идея этого Общества, поставившего себе целью расчистить ту дорогу, движение по которой так необходимо для живой жизни русского искусства и науки,— Академия просит вас дать согласие на внесение вашего имени в список сочувствующих этому делу.

Президент Академии П. С. Коган

Письмо написано на бланке Российской Академии художественных наук.

[1] Речь идет об «Английском обществе культурной связи с СССР», организованном в 1924 г. и существующем по сей день.

2

КОГАН — ГОРЬКОМУ

Москва. 20 марта 1927 г.

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Посылаю вам следующее обращение, которое мне как председателю упомянутого в нем собрания поручили переслать вам. От себя добавлю, что обращение это, предложенное Президиумом, было встречено с редким энтузиазмом. Оно вполне соответствует чувствам, которые, как я думаю, питает к вам вся мыслящая Россия.

Глубоко уважающий вас
П. С. Коган

«Многочисленное собрание в Большой Аудитории Политехнического музея, посвященное вашему творчеству, шлет горячий привет любимому учителю и писателю. Мы разделяем веру всей мыслящей России, что не далеко время, когда вы вернетесь к нам и мы услышим ваше слово здесь, в освобожденной стране.

Президиум собрания»

На собрании присутствовало 800—1000 чел. интеллигенции, молодежи, рабочих и пр.

3

КОГАН — ГОРЬКОМУ

⟨Сорренто⟩. 11 мая 1927 г.

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Я бы хотел вас повидать.

Фамилия моя Коган (Петр Семен⟨ович⟩) — возможно — известна вам. Я много писал по истории лит⟨ературы⟩. В наст⟨оящее⟩ время — президент мною же основанной Академии худож⟨ественных⟩ наук в Москве.

Если вы не склонны видеть меня, то не стесняйтесь. Если вас это не затруднит и вам интересно послушать о Москве, напишите открытку по адресу: Sorrento, Hotel Cocumella, № 63, где я пробуду еще дней 7—10[1].

Ваш П. С. Коган

Из Москвы я выехал недели две тому назад.

П. К.

[1] В мае 1927 г. Коган находился в Италии в качестве генерального комиссара советского павильона на Международной выставке декоративного искусства в Милане.

4

КОГАН — ГОРЬКОМУ

Milano, Corso Buenos Aires 1.
Pens Guida 21. V—1927.

Дорогой Алексей Максимович!

Сегодня послал вам издания нашей Академии, какие оказались под рукой. Послал также «L'Art Décoratif»[1], издание о нашей худож⟨ественной⟩ промышленности, также сделанное Академией. Там найдете снимки, между пр⟨очим⟩, палеховских мастеров. Когда будут готовы фотографии и

распакованы экспонаты, пришлю вам на память о русском богомазе образчик.

Я долго буду помнить нашу встречу и мягкую мудрость в〈аших〉 речей.

Привет вашим.

Искренно ваш
П. Коган

Открытие 29-го [2]. Было бы большой радостью для нас, если бы вы приехали. Но, помня ваше здоровье, не очень настаиваю. Само собою разумеется, что в случае возможности для вас приехать все расходы были бы оплачены.

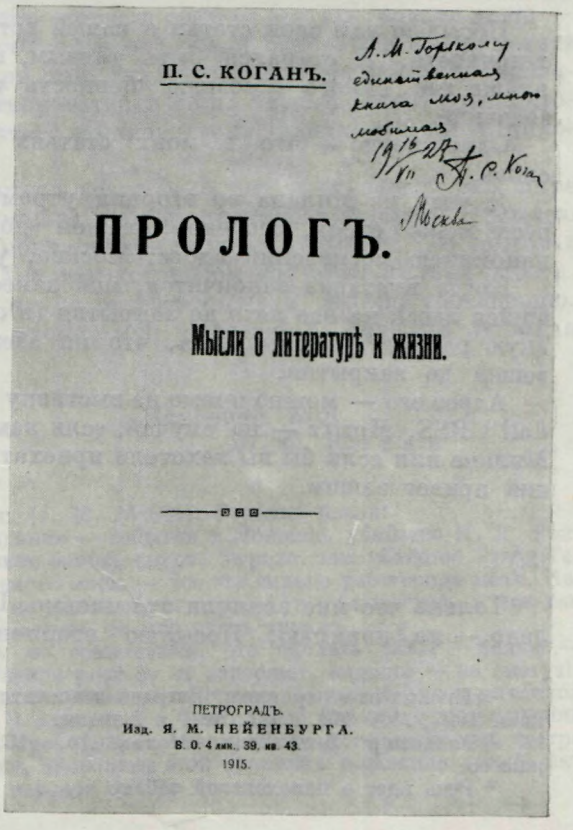
[1] «L'art décoratif URSS», Moscou — Paris, 1925.
[2] Открытие третьей Международной выставки декоративного искусства в Милане.

5

ГОРЬКИЙ — КОГАНУ

〈Сорренто. 25 мая 1927 г.〉

Знакомство с вами, дорогой Петр Семенович, одно из тех — не частых — знакомств, когда жалеешь: почему не знал этого человека раньше. Это говорится не из любезности, не ради комплимента — мы с вами уже достаточно слышали комплиментов,— нет, это от чувства искренней симпатии и уважения к вам. Спасибо за присланные книги, все они, кроме Грифцова [1],— новость для меня. Из книг, изданных Академией, я знаю еще Ронсара [2] и книжку С. Л. Толстого о Ф. Толстом [3].


П. С. КОГАНЪ.

А. М. Горькому единственная книга моя, мною любимая 19 16/VII 27 П. С. Коган Москва

ПРОЛОГЪ.

Мысли о литературѣ и жизни.

ПЕТРОГРАДЪ.
Изд. Я. М. НЕЙЕНБУРГА.
В. О. 4 лин., 39, кв. 43.
1915.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ П. С. КОГАНА ГОРЬКОМУ НА КНИГЕ: «ПРОЛОГ. МЫСЛИ О ЛИТЕРАТУРЕ И ЖИЗНИ» (Пг., 1915):

«А. М. Горькому единственная книга моя, мною любимая. 19 16/VII 27 П. С. Коган. Москва».

Личная библиотека Горького

Задачи, поставленные Академией,— широки, интересны, интересны и работы, уже выполненные ею; вы, пожалуйста, не забудьте держать меня в курсе ваших работ, Петр Семенович!

Вопрос о том, попаду ли я на выставку, еще не ясен для меня [4], мне теперь приходится сидеть за корректурой романа [5], а из Берлина присылают лист в день, книга же — л⟨истов⟩ 25!

Побывать в Милане — хочется, да и с вами побеседовал бы с наслаждением, да вот все у меня не ладится.

Крепко жму вашу руку. Какая прелесть палеховский пахарь и как великолепно блюдо Фарф⟨орового⟩ завода [6]. Совершенно удивительна быстрота, с которой наши кустари овладели новой для них художественной формой.

А. Пешков

25.V — 27.

[1] Б. А. Грифцов. Теория романа. М., ГАХН, 1926.
[2] Ронсар. Переводы С. В. Шервинского. М., ГАХН, 1926.
[3] С. Л. Толстой. Федор Толстой Американец. М., ГАХН, 1926.
[4] Горький на открытии Миланской выставки не был.
[5] В это время Горький работал над корректурой первого тома «Жизни Клима Самгина», который печатался в Берлине в изд-ве «Книга».
[6] Вероятно, Горький имел в виду репродукции в книге «L'art décoratif»: «Палеховский пахарь» И. Голикова и блюдо Ленинградского фарфорового завода.

6

КОГАН — ГОРЬКОМУ

Милан. 9/VI 1927.

Дорогой Алексей Максимович.

Посылаю вам свои статьи о нашей встрече [1]. Не сердитесь, если есть неточности. Я старался быть точным, потому что, может быть, даже лучше вас самого — сознаю ценность каждого в⟨ашего⟩ слова и его значение.

Одно верно — что в моих статьях нет ни одного неискреннего слова.

Я уеду из Милана во вторник утром. Был бы рад получить от вас неск⟨олько⟩ строк, особенно о вашем здоровье. Если это уже поздно, то напоминаю московский адрес: Москва, ул. Кропоткина, 32, кв. 6.

Когда выставка закончится, мой заместитель В. Э. Мориц [2], остающийся здесь на все лето до закрытия (в октябре), пришлет вам палеховскую работу [3]. Оказывается, что по здешним правилам нельзя снимать вещей до закрытия.

Адрес его — можно прямо на выставку — Monza villa reale. Espositione dell'URSS. Moritz — на случай, если вам что-н⟨и⟩б⟨удь⟩ понадобится в Милане или если бы вы захотели приехать, обращайтесь к нему. Искренний привет вашим.

П. С. Коган

15.VI.

Только что мне вернули это письмо. Почему оно не было вам доставлено,— не понимаю. Посылаю вторично.

[1] «Письма из-за границы. Встречи и впечатления у Горького».— «Вечерняя Москва», 1927, №№ 122 и 123, от 1 и 2 июня.
[2] Владимир Эмильевич *Мориц* (р. 1890) — переводчик, театровед и режиссер.
[3] Речь идет о палеховской табаке[illegible].

7

КОГАН — ГОРЬКОМУ

Москва. 16 июля 1927 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Получил ваше письмо, благодарю вас за хорошие строки по моему адресу. Ваши письма для меня всегда большая радость. Больше всего люблю вашу неустанно работающую и всегда строящую мысль. Нет в вас расслабляющей рефлексии и интеллигентского нытья, к сожалению еще и сейчас не вполне изжитого нами. Как хорошо из ваших уст слышать эти слова: одолеть СССР нельзя, и тысячи Чемберленов роста ее не задержат. В это необходимо верить и верить безусловно — тогда легко жить и работать. А то подчас трудно [1].

Я по приезде в Москву сразу завертелся, как это бывает со всяким москвичом, отсутствовавшим два месяца, нашел кучу накопившихся дел. Самое интересное из того, чем занята в данный момент Академия, это — подготовка грандиозной выставки искусства народов СССР [2] к X-летию Октябрьской Революции. В выставке принимают участие и центр, и самые отдаленные окраины, на ней будут продемонстрированы не только произведения индивидуального творчества, но и творчество народное, начиная с вышивок и игрушек и кончая записями музыкальной продукции, национальными музыкальными инструментами, книгами, отпечатанными на алфавитах, которых не существовало до революции у народов, впервые получивших письменность благодаря Октябрю. Мы готовим вместе с выставкой показательные вечера, лекции, демонстрации и надеемся, что это предприятие даст крупный толчок, положит начало делу взаимного ознакомления и сближения многочисленных национальностей, входящих в состав Союза. Работа сейчас в полном разгаре, задача наша — не только выставка временного характера, но и основание в результате ее постоянного научного центра при Академии с материалами, с литературой, образцами народного творчества и т. д. Здесь должно сосредоточиться дальнейшее развитие этого важного дела, начало которого положит выставка.

Вообще, Академия, основанная всего 5—6 лет тому назад, все шире развертывает свою работу. Посылаю вам ее последние издания. Посылаю также «Успехи и достижения современной науки и техники» [3], о которых говорил с вами в Сорренто. К X-летию готовится еще более полная работа, подводящая итоги советской науке, в том числе и литературоведению. Пробегите, если у вас будет время, мой «Пролог» [4]. Это моя любимая книга.

Привет вашим.

Искренне ваш
П. С. Коган

[1] В письме от 22 июня 1927 г. (т. 30, № 861). Горький писал:
«...сразу же после нашего свидания — события в Лондоне, убийство П. Л. Войкова, которого я знал, ленинградские бомбы, смерть Турова, самоубийство Л. А. Тарасевича, тоже знакомого и уважаемого мною,— все это сильно расстроило меня. Несчастия меня никогда не угнетали, не угнетают, но приводят в бешенство, и так как выразить его здесь я могу только пером, то мне очень трудно.
Разумеется — я ни на минуту не сомневаюсь, что одолеть СССР — нельзя,— опоздали! И даже тысячи Чемберленов рост ее не задержат, надолго — не смогут!»

[2] К десятилетию Октября были открыты две выставки: выставка художественной литературы, организованная ГАХН совместно с Федерацией писателей в помещении «Дома Герцена» на Тверском бульваре; выставка изобразительного искусства, театра и кино в здании Нескучного дворца. Экспонаты этой выставки положили начало нынешнему Этнографическому музею народов СССР.

[3] «Успехи и достижения современной науки и техники». Сб. статей. М., «Работник просвещения», 1926.

[4] П. С. Коган. Пролог. Мысли о литературе и жизни. Пг., изд. Я. М. Нейенбург, 1915. Книга была послана Горькому с надписью: «А. М. Горькому, единственная книга моя, мною любимая. П. С. Коган. 16 июля 1927 г. Москва» (ЛБГ).

8

ГОРЬКИЙ — КОГАНУ

〈Сорренто. 2 августа 1927 г.〉

Спасибо, дорогой П〈етр〉 С〈еменович〉, за книги; из них самая неожиданная и значительная для меня—«Пролог». Это — не комплимент, конечно, а, если хотите знать,— «конфуз». Неловко сознаться, что я, читатель весьма усердный, пропустил мимо себя книгу, написанную 12 лет тому назад и, на мой взгляд, очень ценную. Неожиданна для меня книга ваша потому, что — вы уж позвольте мне говорить «без оглядки» — некоторые из товарищей помещали вас где-то рядом с Шулятиковым [1], а я не озаботился проверить этот несправедливый взгляд читателей невнимательных. Этим я отдал дань общему, привычно-невежественному отношению к человеку, отношению, которое служит причиной множества несправедливостей, как вы знаете.

Вышло что-то вроде «покаяния» и, может быть, смешно. Пускай так и будет. А «Пролог» следовало бы переиздать и ввести его в литературные кружки молодых, начинающих писателей [2]. Не говорю, что книжка эта должна быть «катехизисом», но ее идейное богатство, идеологическая стройность, бесспорно очень обогатила бы молодежь, невежество которой почти так же велико, как и ее талантливость. Особенно ценно в «Прологе» то, как метко и крепко подобраны в ней изъявления индивидуалистов «антиобщественников», а современной молодежи очень важно понять, куда, в конце концов, доводит индивидуализм, какими искажениями он грозит человеку, как легко отрывает его от мира [3].

В книге очень много «начинки» для героев современных повестей и романов, героев, которые или совсем не умеют формулировать, или же очень туманно формулируют мотивы своих действий. Немножко разума совершенно необходимо для окраски сереньких туманов «психологии» в более яркие цвета.

Будучи издана, книжка ваша возбудила бы очень горячие, весьма полезные волнения и споры среди молодежи, которая, как я вижу и знаю, «серьезных», толстых книг не читает, а ваша книга — тонка и в прямом и в переносном смысле понятия, в то же время она достаточно серьезна.

Афористическая форма делает ее легко усвояемой. Издайте, это, на мой взгляд, очень нужно. Хорошо, что издана: «Муки слова» Горнфельда [4], но читают ли ее? Она, конечно, «в другой плоскости», но тоже весьма полезна.

Очень крепко жму вашу руку и рад, что познакомился с вами. Всего доброго!

А. Пешков

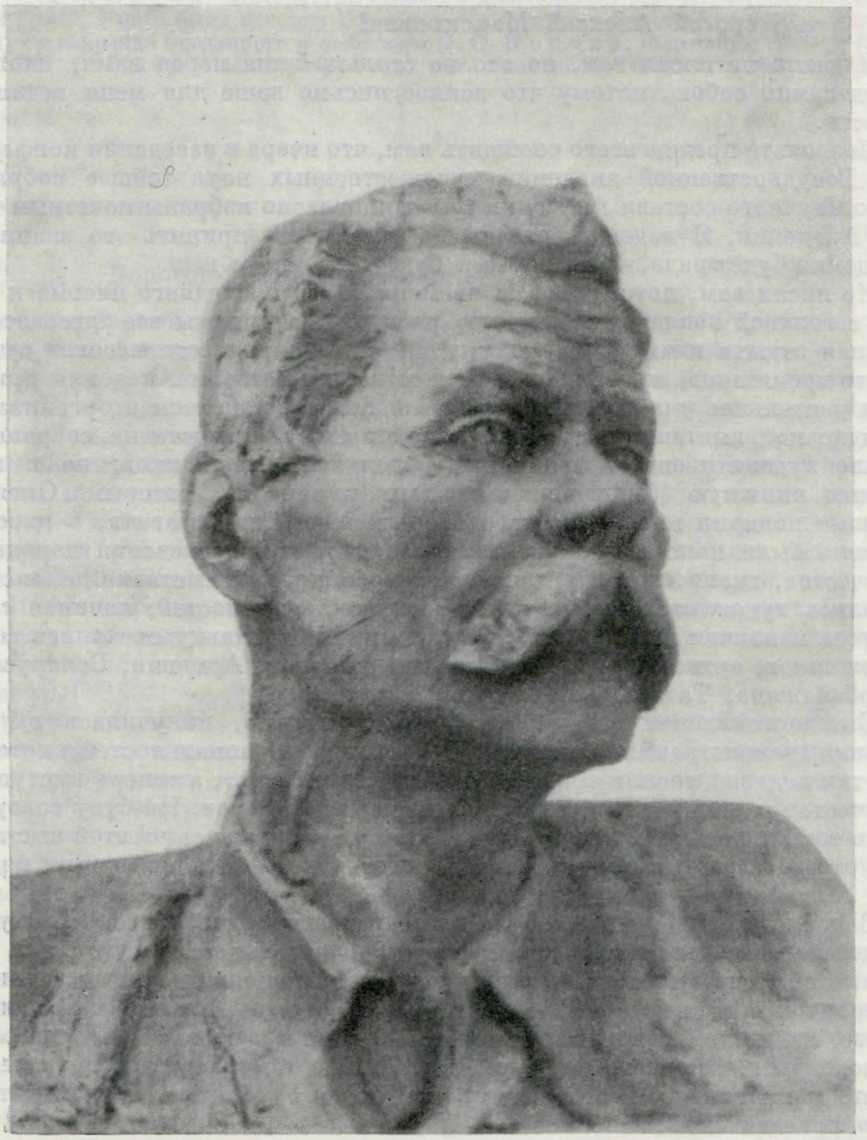
2.VIII — 27.
Sorrento.

[1] Владимир Михайлович *Шулятиков* (1872—1912) — литературный критик, трактовавший марксистские положения в духе вульгарного социологизма.

[2] В то время существовало уже второе издание «Пролога» (М.—Пг., ГИЗ, 1923), о чем Горький, очевидно, не знал.

[3] В «Прологе», в главе «О повелительном наклонении и модернизме» Коган цитировал произведения Сологуба, Бальмонта, Ницше, Штирнера, Метерлинка и др.

[4] А. Г. Горнфельд. Муки слова. М.—Л., Госиздат, 1927.



ГОРЬКИЙ

Скульптура (бронза) С. Т. Коненкова, Сорренто, 1928 г.
Музей Горького, Москва

9

КОГАН — ГОРЬКОМУ

Москва. 6 декабря 1927 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Я давно не писал вам, но это не столько вина перед вами, сколько перед самим собою, потому что всякое письмо ваше для меня истинная радость.

Позвольте прежде всего сообщить вам, что вчера в заседании конференции Государственной академии художественных наук (общее собрание всего научного состава Академии) вы единогласно избраны почетным членом Академии. Я надеюсь, что вы не откажетесь принять это звание, а Академия будет рада, что ваше имя будет связано с нею.

Не писал вам, потому что со времени моего последнего письма к вам был с головой вовлечен в кипучую работу, которую мы все здесь несем, не зная отдыха и часто уделяя сну не более пяти-шести часов в сутки. За это время прошли юбилейные торжества [1], в которых Академия принимала деятельное участие, выразившееся главным образом в организации грандиозной выставки искусства народов СССР [2]. Выставка собрала не только художественную продукцию отдельных художников, но и продукцию книжную (были книги на языках народов, которым Октябрь впервые подарил письменность, которые не имели алфавита, в царские времена были поистине «немыми» народами), и произведения народного творчества, ткани, шитье, резьбу, дерево и пр. На выставке демонстрировались художественные изделия всех национальностей, начиная с белорусов и кончая узбеками и сибиряками. На выставку съехались сотни художников, артистов и поэтов Украины, Грузии, Армении, Белоруссии, Азербайджана, Татарии, Башкирии и т. д.

Был организован ряд публичных выступлений, получилась внушительная демонстрация единения и братства национальностей, которые еще так недавно носили обидную кличку «инородцев», а теперь выступили в качестве равноправных, свободно творящих народов. Не буду говорить вам о том, какие сокровища творческого духа вскрылись на этой выставке и на этом съезде, отчасти вы прочтете об этом в прилагаемой книге, изданной Академией — «Искусство народов СССР» [3].

В последнее время мне часто приходится говорить о вас. По случаю тридцатипятилетия вашей литературной деятельности не только все ученые общества и рабочие клубы устраивали специальные заседания и вечера, посвященные вам. Приходится говорить и на лекциях в университете, где молодежь изучает ваши произведения и ставит много вопросов по поводу их. Впрочем, вы, вероятно, сами и по газетам, и по письмам знаете достаточно, как относится к вам новая Россия и как она ждет вашего приезда сюда.

Посылаю вам некоторые издания Академии и мою книгу «Литература великого десятилетия» [4], значительно переработанную после «Литературы этих лет» [5].

Напишите, если будет время. Повторяю, для меня всегда большая радость — ваши письма. Как ваше здоровье? Искренний привет вашим.

Искренно ваш
П. С. Коган

Издания Академии вам обычно посылаются по выходе в свет. Получаете ли вы их? Если вас интересует что-нибудь из вышедшего в России, сообщите — пришлю вам.

[1] В связи с десятилетием Октябрьской революции.
[2] См. письмо 7, прим. 2.
[3] «Искусство народов СССР». М., ГАХН, 1927.
[4] П. С. Коган. Литература великого десятилетия. М.—Л., «Московский рабочий», 1927. Книга была послана Горькому с надписью: «Дорогому Алексею Максимовичу от искренне преданного и любящего П. С. Когана, 6 декабря 1927 г.» (ЛБГ).
[5] П. С. Коган. Литература этих лет. Иваново-Вознесенск, «Основа», 1924.

10

ГОРЬКИЙ — КОГАНУ

⟨Сорренто. 18 декабря 1927 г.⟩

Дорогой Петр Семенович —

честью избрания меня в члены Академии очень тронут [1], прошу вас принять мою благодарность и передать таковую академикам.

Отчеты о блестящем успехе организованной Академией выставки я читал и — радовался. То, что сделано Соввластью для «бесписьменных»— «немых», как вы правильно сказали,— народов, даст в недалеком будущем, конечно, прекрасные результаты, ибо, оценив значение грамотности на своем, племенном языке, они, неизбежно, оценят и значение русского языка,— а это, так же неизбежно, вовлечет их в общее и все более расширяющееся русло русской культуры, которой суждено быть социалистической, как бы ни были велики силы, этому препятствующие.

Из Монцы получил ваш подарок — отличную палеховскую табакерку, а вслед за тем А. И. Рыков прислал мне целый, тоже палеховский, прибор для письма, чернильницу и прочее [2]. Вещи изумительной красоты!

Я писал А. И.,— благодаря его,— что это палеховское мастерство тоже одно из маленьких чудес, созданных революцией, тоже свидетельство пробуждения творческих сил в массе трудового народа. Стоит сравнить работу «богомазов» Палеха, Холуя, Мстеры до революции с тем, что они дают сейчас, и мы поистине будем изумлены прыжком, который сделали кустари. Возможно, что это один из наиболее показательных прыжков от «необходимости» подневольного труда к «свободе» творчества.

Я бы очень советовал собрать в одном из московских музеев дореволюционную работу Палеха,— иконы — «фряжского» и «византийского» письма,— сопоставить эти работы с достижениями сего дня и, показывая это прекрасное «дело» экскурсантам, говорить им о глубоком символическом значении уродства, побежденного красотой свободного творчества.

Устройте это, дорогой Петр Семенович, право же не плохо будет!

Очень благодарю за присланные книги. Отлично издают у нас.

На «Записной книжке» Чехова [3] помечено: «Выпуск второй». Разве был и первый? Если таковой имеется — пришлите, прошу!

Интереснейшая «книжка».

Крепко жму руку. Всего доброго.

А. Пешков

18.XII — 27.

[1] См. письмо 9.
[2] Письменный прибор работы И. Голикова экспонируется в Музее А. М. Горького в Москве.
[3] «А. П. Чехов. Записные книжки». Тексты и материалы». Вып. 2. М., ГАХН, 1927.

11

КОГАН — ГОРЬКОМУ

Москва. 7 января 1928 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Получил ваше письмо.

Прежде всего — небольшое недоразумение. «Выпуск II» на «Записной книжке» Чехова — это — второй выпуск серии «Текстов и материалов». Первый выпуск — «Письма Пушкина» — в свое время был вам послан.

В каждом вашем письме есть идеи, которым хотелось бы дать широкое распространение. Таково, например, в последнем письме все, что вы пишете о выставке искусства народов и о Палехе. Мне очень хотелось опубликовать эти отрывки из вашего письма, но я не решился сделать это без вашего разрешения. Если вы ничего не имеете против, то я сделаю это, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ мысль, подкрепленная вашим авторитетом, может быть легче реализована [1].

В конце апреля или в начале мая в Венеции откроется очередная международная выставка искусств, где будет и советский Отдел [2]. Организация этого Отдела возложена на Академию, и, вероятно, мне в качестве его комиссара придется снова быть в Италии. Надеюсь — попаду на юг и снова увижусь с вами.

Крепко жму в⟨ашу⟩ руку, дорогой Алексей Максимович, как приятно было читать в⟨аши⟩ прекрасные письма о Сов⟨етской⟩ России [3] в связи с десятилетием и как радостно знать, что ваша энергия, в⟨аш⟩ интерес ковсему неиссякаемы, что вы бодры и сильны духом как всегда.

Ваш П. С. Коган

[1] С разрешения Горького Коган опубликовал отрывки из письма от 18 декабря 1927 г. в статье «У Горького». См. «Горький. Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком», под ред. И. Груздева. М.—Л., Госиздат, 1928.

[2] Речь идет об очередной двухгодичной выставке в Венеции — Biennale.

[3] Имеются в виду статьи и письма Горького: «Десять лет».— «Известия», 1927, № 244, от 23 октября; «О новом и старом».— «Известия», 1927, № 250, от 30 октября; «Мой привет».— «Правда», 1927, № 255, от 6 ноября.

12

ГОРЬКИЙ — КОГАНУ

⟨Сорренто. 17 января 1928 г.⟩

Каждый раз, дорогой Петр Семенович, когда вы найдете, что то или иное мое письмо — или же часть письма — имеет практическое значение и заслуживает опубликования, вы, пожалуйста, публикуйте.

Мне думается, что показательные выставки: «Как работали» — «Как работают» имели бы дважды воспитательное значение, возбуждая — как в случае Палеха, Лукутинских работ [1] и т. д.— соревнование и — как в случае нижегородских кустарей-игрушечников — стыд; эти кустари делают игрушки хуже, чем делали раньше. Стеклянное, гончарное, посудное дело тоже требует таких сравнительных выставок. Кое-где значение их уже понимается, как увидите из прилагаемого письма и снимка [2]. Я думаю, что вам следовало бы связаться с «О⟨бщество⟩м Техмасс», которое организует В. М. Свердлов, отличнейший человек и умница [3]. Выставки, о которых мы с вами беседуем, не могут не входить в план задач этого, в высшей степени необходимого у нас О⟨бщест⟩ва. К письму этому прилагаю курьезный, но не редкий образчик бесцеремонности итальянских журналистов. Человек, не видя меня нигде, ни единого раза, напечатал безграмотнейшее интервью, а затем уже обратился ко мне с еще более бесцеремонной просьбой «подтвердить» его глупую выдумку.

Ознакомясь с этим интервью, будьте добры отправить его почтой в «Музей революции» — Тверская 59 — т. Сер⟨гею⟩ Иван⟨овичу⟩ Мицкевич [4], который предложил мне снабжать его такими курьезами.

Вам я намерен присылать статейки итальянской прессы о русских литераторах, артистах, ученых и т. д.,— если вы ничего не имеете против этого. У меня кое-что накопилось по этой части.

Будьте здоровы, дорогой П⟨етр⟩ С⟨еменович⟩.

С новым годом! И — доброго успеха в работе вашей.

А. Пешков

17.I.28. Sorrento.

[1] Речь идет о художественной артели живописцев села Федоскино Московской области. До революции она существовала как «Федоскинская кустарная артель бывших мастеров фабрики Лукутина». П. В. Лукутин был владельцем этой кустарной фабрики в середине XIX века, когда артель прославилась своими лаками и папье-маше.

[2] Письмо и снимок не сохранились.

[3] Вениамин Михайлович *Свердлов* (у Горького описка — В. Я. Свердлов) — инженер, один из инициаторов создания Общества содействия распространению технических знаний среди широких масс трудящихся («Техника — массам»). См. письмо к нему Горького — т. 30, № 886.

[4] Сергей Иванович *Мицкевич* (1869—1944) — старый большевик. С 1923 г. директор Музея революции в Москве, в организации которого принимал деятельное участие.

13

КОГАН — ГОРЬКОМУ

Москва. 30 марта 1928 г.

Поздравляю, дорогой Алексей Максимович![1] Никогда не любил вас так, как теперь, за ваши чудесные последние выступления. Никогда не нужен нам был так голос совестливого ума и пламенного сердца. Здоровья, большой жизни желаю вам.

Петр Коган

Поздравление с 60-летием со дня рождения.

14

КОГАН — ГОРЬКОМУ

⟨Москва.⟩ 16 сентября 1928 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Давно хотел и написать вам, и поговорить с вами. Но не решался сделать это, читая постоянно в газетах о том, как вас разрывают. Не хотелось увеличивать собою бесчисленное количество тех, кто и без того не дают вам покоя.

Но прочел вашу статью [1] по поводу книги, изданной Академией художественных наук, «Писатели современной эпохи»[2], и решил написать вам. Не могу скрыть от вас, что статья эта глубоко огорчила и задела меня. И не потому только, что она бросает косвенно тень на Академию. Задела и потому, что я привык относиться с глубочайшим уважением к каждому вашему слову. И мне непонятно, как вы могли написать в немногих строках столько несправедливого.

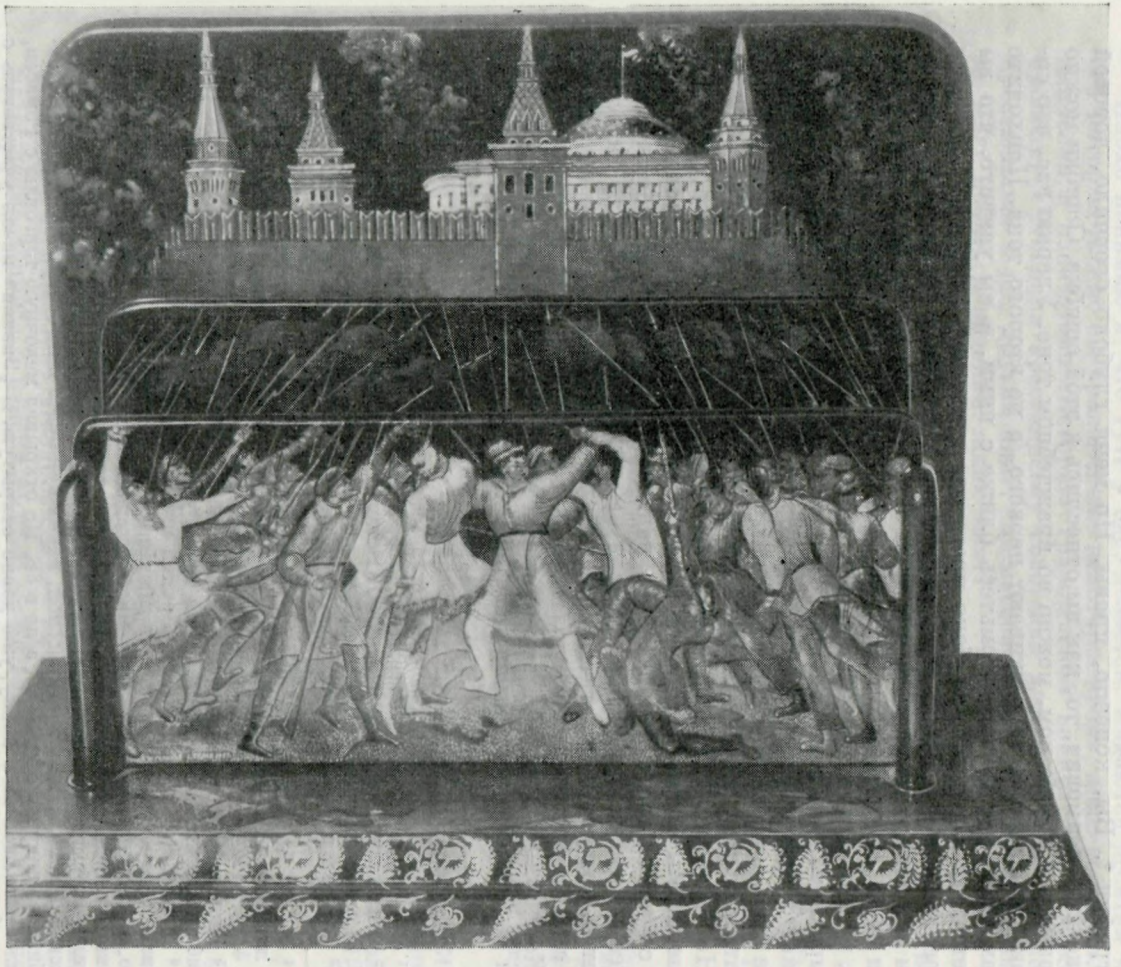
Позвольте несколько замечаний по существу. Самое тяжелое из ваших обвинений, будто составители сборника пропустили ряд имен, не включили Пришвина, Толстого, Федина и т. д., изложено так, что могут подумать, будто составители проявили непростительную ошибку или даже невежество. Ведь это несправедливо. Количество пропущенных имен можно увеличить в десятки раз, и все они войдут во второй, подготовляемый в настоящее время том, а может быть и в следующие. В предисловии

совершенно определенно говорится об этом несколько непривычном порядке издания. Там прямо сказано: «Ряд писателей, сведения о которых составители признавали целесообразным включить в первый выпуск, пришлось отложить до следующих, исключительно вследствие отсутствия у составителей материалов, достаточных для освещения биографии и истории творчества данных писателей».

Все, кто занимается подобными работами в настоящее время, на основании существующего опыта знают, что такой порядок издания является наиболее реальным. Издавать подобный био-библиографический словарь писателей в алфавитном порядке, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ сначала собрать *всех без исключения* писателей на букву А, потом на букву Б и т. д., это значит затеять неосуществимое дело. В библиографическом кабинете Академии состоялся ряд заседаний, и вопрос был подвергнут тщательному обсуждению, прежде чем указанный порядок был принят. Можно, конечно, сказать: «Соберите сначала всё, и только тогда издавайте». В письме я не могу привести вам всю аргументацию против подобного предложения, но я уверен, что если вы ознакомитесь с нею, то и вы согласитесь, что подобные издания можно осуществить только, выпуская отдельные выпуски по мере накопления материала. Ведь именно по этой причине застрял чуть ли не в самом начале знаменитый словарь Венгерова [3]. В особенности, если вы примете в расчет, что речь идет о писателях современной эпохи, то станет ясно, что издание должно быть чем-то средним между словарем и изданием периодическим.

Наконец, если вы находите самую идею издания, самый порядок его неправильными, то, конечно, я ничего не мог бы возразить против такой постановки вопроса. Но ведь ваша статья говорит о другом. Не упомянув о подходе к делу самой Академии, вы обвиняете ее в том, что она отнеслась небрежно к своей задаче. При подходе нашем ясно, что пропуск одного писателя и помещение другого, с нашей точки зрения, вовсе не означает унижения одного за счет второго. Очень незначительный писатель может оказаться в первом выпуске и очень крупный во втором. Вот почему в первый выпуск попали Выгодский и Вольпин и нет там Ивана Вольного или Пришвина, или сибирских писателей, материалы о которых в настоящее время разрабатываются. Поверьте, Алексей Максимович, что это — Сизифова работа, что ведется она фанатиками этого дела, получающими за нее гроши. Вы пишете: «Составители книги забыли о Шмелеве, Мережковских...» и т. д. Кто поверит, что они действительно могли забыть, такие участники сборника, как Мандельштам, это старая работница, которой принадлежат знаменитые «Указатели марксистской критики» [4], ставшие настольной книгой каждого исследователя литературы?

Трудностью дела объясняются и ошибки. И здесь некоторые указания ваши мне непонятны. Например, отметив, что про одного писателя сказано: «Родился в Харькове на Лысой Горе», вы иронически прибавляете: «Это очевидно весьма характерная подробность, но не совсем ясно, что же она значит? И, если не ошибаюсь, Лысая Гора в Киеве, а не в Харькове». Почему вас удивило это? Ведь в книге о каждом писателе сказано, где он родился. И данный писатель (Бибик) не может составить исключения с точки зрения принятого плана. Он действительно родился в Харькове на Лысой Горе (рабочее предместье), хотя Лысая Гора, возможно, существует и в Киеве. Вы пишете, что не упомянуто об основании Гастевым ЦИТа.— Но в книге сказано: «Стоит во главе Центрального института труда». Впрочем, не буду останавливаться на этом. В книге, конечно, есть ошибки, даже, может быть, более существенные, чем указанные вами. Но думаю, что этих ошибок здесь не больше, а, вероятно, даже меньше, чем в самых лучших энциклопедиях. Вы найдете их немало и у Рубакина [5], и даже в Большой Советской Энциклопедии, в которой каждая



ЧЕРНИЛЬНЫЙ ПРИБОР ГОРЬКОГО

Работа палехского художника И. И. Голикова, 1927 г. (Деталь)

Рисунок изображает Октябрьские дни в Москве

Музей Горького, Москва

статья проходит ряд инстанций и где я сам заведую целым отделом И опять замечу, что всякий работающий в этом деле знает, что ошибки неизбежны, что самая тщательная проверка и добросовестность не спасают от них. Я мог бы указать вам их даже в иностранных справочных изданиях, славящихся своей непогрешимостью.

Остается ваше действительно очень для нас неприятное и тягостное обвинение по поводу неточностей, допущенных по отношению к вашей биографии [6]. Вы, конечно, правы. Но меня глубоко огорчило, дорогой Алексей Максимович, то, как вы отнеслись к этой ошибке. Ошибки можно указывать в дружеском, можно во враждебном тоне. Уверяю вас, что составители сборника заслуживают первого, а не второго тона. Приходите к нам в Академию, познакомьтесь ближе с ними, и вы увидите, что вы имеете дело с людьми, глубоко преданными своему делу, а не с людьми небрежными и недобросовестными, которых следует «разделать». Мы посылаем вам все издания Академии, и вы сами не раз в письмах ко мне указывали на то, сколько среди этих изданий полезных и нужных. Известно ли вам, что Академия получает на всю свою издательскую деятельность три, четыре и только в последний год шесть-семь тысяч рублей ежегодно. Я пишу это не для того, чтобы пожаловаться, но для того, чтобы вы получили хоть слабое представление о тех усилиях, которые приходится затрачивать для издания стольких книг, при таких скудных средствах.

Не сердитесь, Алексей Максимович, на то, что я отнял у вас много времени. Мы слишком все ценим вас, чтобы не мириться с вами даже в тех случаях, когда какой-нибудь ваш шаг даже кажется нам ложным. Но если мои доводы убедили вас и вы захотите облегчить то тягостное чувство, которое ваша статья оставила у ряда работников, то вы, конечно, сами найдете способ сделать это.

Каникулы в Академии закончились. Мы были бы все очень счастливы, если бы вы посетили Академию, конечно, предупредив об этом.

Искренне ваш П. К о г а н

Ул. Кропоткина, д. 32, кв. 6.

[1] «О двух книгах».— «Известия», 1928, № 211, от 11 сентября.

[2] «Писатели современной эпохи». Составители Б. П. Козьмин, Д. Д. Благой и Р. С. Мандельштам. М., ГАХН, 1928.

[3] С. В е н г е р о в. Критико-биографический словарь русских писателей. Пг., 1899—1904, тт. I—VI (А — К).

[4] Р. С. Мандельштам была составителем ряда указателей: «Художественная литература в оценке русской марксистской критики» (изд. 1. Саратов, 1921; изд. 4. М., 1928); «Марксистское искусствоведение». М.— Л., Госиздат, 1929.

[5] Николай Александрович *Рубакин* (1862—1946) — писатель, автор ряда работ по библиографии. Наиболее крупный труд Рубакина «Среди книг». СПб., 1906.

[6] В статье «О двух книгах» Горький писал: «Несколько слов о себе самом. Я — человек, биография которого разработана весьма подробно, печатается назойливо часто, и составители книги, изданной Академией художественных наук, могли бы, мне кажется, не допускать ошибок, излагая эту, всем известную биографию. Но допустили. Бабушку мою звали Акулиной, а не „Авдотьей". Учился я в приходской двухклассной школе, а не в трехклассной, каких как будто и не было в 70-х годах. На самоубийство покушался в 87 г., а не в 88. Не открывал мелочную торговлю с Ромасем, а был приглашен им в лавку, уже давно открытую. В „Знании" начал участвовать с 902 г., а не с 4-го. Общество „Свобода и культура" организовано не мною. За границу я уехал в ноябре 21-го, а не в 20-м году» («Известия», 1928, № 211, от 11 сентября).

15

ГОРЬКИЙ — КОГАНУ

⟨Москва. 22 сентября 1928 г.⟩

Дорогой Петр Семенович —

не соглашаясь с порядком распределения материала в книге «Писатели современной эпохи», я приношу мое извинение за ошибки, допущенные

мною; извинение будет напечатано вместе с возражением составителей книги [1].

Между нами, П⟨етр⟩ С⟨еменович⟩, книга все-таки не кажется мне удачно сделанной, книга Владиславлева [2] — лучше ее.

Враждебность тона — отрицаю, ибо не чувствовал, не чувствую ее. Возможно, что близость заметки об Асееве отражается на рецензии [3].

Плохо понимаю я, что тут, у вас, делается. Издаются десятки книг, без которых можно бы прожить еще некоторое время, а вот добиться, чтоб написали и напечатали «Историю гражданской войны», для крестьян брошюру «Что дала крестьянству советская власть», «Труд рабочего и крестьянина» и ряд других книг, для массового читателя необходимых,— не могу добиться издания таких книг!

Очень грустно.

Вы на меня не сердитесь. Очень много у вас такого, что нужно бы устранить.

Жму руку. А. Пешков

22.IX.28.

Не найдете ли вы, П⟨етр⟩ С⟨еменович⟩, возможным пристроить для издания материалы, названные в прилагаемом списке?

Если не найдете,— возвратите, пожалуйста, мне этот список [4].

А. П.

[1] Возражения составителей книги напечатаны не были, так же, как и заметка Горького. Приводим текст этой заметки:

«Признать удачным тот порядок расположения материала, который защищают составители книги,— не могу. Думаю, что каждого читателя — так же, как меня — удивит тот факт, что Черубина Габриак и В. Буренин находят место в книге, где нет многих очень крупных писателей. Думаю также, что если человека именуют философом,— следует указать его философские труды. Тон заметки моей не считаю „раздражительным", за ошибки, мною допущенные, приношу составителям книги искренние мои извинения.

М. Горький

22. IX. 28» (АГ).

[2] Речь идет о книге И. В. Владиславлева «Литература великого десятилетия (1917—1927)». М.— Л., Госиздат, 1928.

[3] В статье Горького наряду с изданием «Писатели современной эпохи» была подвергнута резкой критике книга Н. Асеева «Разгримированная красавица. Путевые заметки». М., «Федерация», 1928.

[4] В АГ список не обнаружен.

16

ГОРЬКИЙ — КОГАНУ

⟨Сорренто. 7 марта 1929 г.⟩

Дорогой Петр Семенович —

разрешите напомнить вам о Вячеславе Ивановиче Иванове [1].

Он очутился в положении весьма драматическом: у него заболел сын острой формой туберкулеза. Сын — в санатории, это стоит не дешево, а заработок В⟨ячеслава⟩ И⟨вановича⟩ — ничтожен. Нельзя ли ускорить разрешение вопроса о пенсии ему? И — не издаст ли Академия перевод «Ада»? [2].

В⟨ячеслава⟩ И⟨вановича⟩ особенно следовало бы поддержать здесь, он ведь в исключительной позиции: «русский, советский профессор, с *красным* (!) паспортом читает итальянским *профессорам* лекции по литературе». Анекдот «исторический». Кстати: у него есть большая работа об Эсхиле,— Академия не могла бы издать?

Желаю вам всего доброго.

Погода здесь — ужасающая! И — грипп!

Жму руку. А. Пешков

7.III.29.

[1] Вячеслав Иванович *Иванов* (1866—1949), поэт и филолог, видный деятель русского символизма. С 1924 г. жил в Италии, до 1937 г. оставаясь советским подданным. Был профессором Римского университета.

Горький неоднократно встречался с Ивановым. Сохранилась его заметка, посвященная Иванову. См. «Архив А. М. Горького», т. VI. М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 210.

[2] «Ад», первая часть «Божественной комедии» Данте, в переводе В. И. Иванова в ГАХНе издан не был.

17

КОГАН — ГОРЬКОМУ

Москва. 4 апреля 1929 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Я уже давно хлопочу о пенсии В. И. Иванову, но, к сожалению, до сих пор мои старания были безуспешны. Надеюсь, что ваше письмо поможет мне. Я сообщил о нем лицам, от которых зависит ускорение этого дела. Было бы *очень важно*, если бы наш полпред в Риме со своей стороны прислал поддержку ходатайства В. И.

Я очень рад был получить от вас несколько строк, хотя и по случайному делу. Огорчил ваш грипп. Как вы себя чувствуете в настоящее время? Надеюсь, что болезнь прошла. У меня есть некоторая надежда, что летом удастся побывать в Италии и увидеть вас. О многом хотелось бы поговорить с вами и услышать ваше мнение. Здесь в Москве этого не пришлось сделать — уж слишком вас тормошили — и не хотелось увеличивать еще на единицу количество надоедавших вам людей.

Искренне ваш
П. С. Коган

18

КОГАН — ГОРЬКОМУ

Москва. 11 июня 1929

Дорогой Алексей Максимович!

Я очень расстроен нашим разговором во время открытия съезда без божников [1]. Более всего тяжела мне мысль, что вы могли приписать мне подобную работу [2]. Вы не представляете себе, как бережно относимся и я лично, и вся наша Академия к каждому слову, которое выходит из-под вашего пера. Когда, после наших бесед в Сорренто, мне захотелось поделиться с широкой публикой своими незабываемыми впечатлениями от этих бесед [3], вы помните, что я не решился сделать это, не запросив предварительно вашего разрешения. И так же поступил я, когда почувствовал потребность использовать одно из частных ваших писем ко мне [4]. Тем более я никогда не допустил бы каких бы то ни было изменений и сокращений в такой книге, как «Детство», да еще без вашего ведома и согласия. После нашего разговора я немедленно позвонил Пиксанову [5], и он заявил мне, что находится в таком же положении, как я. Книга вышла без моего ведома, не только корректуры или рукописи мне никто не присылал, но и даже на какое-нибудь совещание, где возникла эта идея издать в испорченном виде «Детство»,— меня никто не приглашал. Каким образом было использовано так недобросовестно мое имя, я не знаю, и дело это, конечно, придется расследовать, что я и поручил моему секретарю. Как трудно работать в наше время, хотя все это и понятно при грандиозности поставленных нашими днями задач, при сознании, что следует

быть снисходительным к перегруженным иногда работами сотрудникам! И вот я, всегда бывший врагом переделок и сокращений настоящих художественных произведений, вдруг оказался редактором испорченного издания такой книги, как ваше «Детство»! Ведь не всегда удается разъяснить подобные «недоразумения», а ведь от такого «недоразумения» часто гибнет репутация человека. Мне кажется, что Госиздат обязан реабилитировать каким-нибудь заявлением редакторов, попавших незаслуженно в неприятную историю, и принять все меры, чтобы уничтожить эту книгу. Лично я хотел бы поговорить с вами о том, какие действия нужны с моей стороны. Этот случай, Алексей Максимович, лишний раз подтверждает, до какой степени мало ценят у нас настоящую тщательную работу. Уверяю вас, что если бы наблюдение за изданием ваших книг было бы поручено нашей Академии, то такие случаи были бы невозможны или очень редки,— и мы не безгрешны.

Позвольте теперь предложить вам некоторые данные по вопросу, о котором мы говорили во время моего визита к вам, именно по вопросу об издании литературы народов СССР. При Академии, как я уже указывал вам, имеется большой комитет по изучению искусства народов Союза. В комитете организованы уже следующие разделы: украинский, грузинский, белорусский, татарский и узбекский. Ведется работа по организации и других разделов. Комитет в настоящее время объединяет около трехсот человек научно-художественных сил из самих националов, живущих в Москве и на местах. ГАХН полагает, что изучение искусства народов СССР, помимо чисто научного значения тех выводов, которые оно может дать для сравнительного искусствоведения,— имеет и важное политическое значение, поскольку научная и вообще культурная связь между союзными республиками является одним из самых действительных средств в борьбе против всякого сепаратизма и национализма.

Приступая практически к этому делу, Академия с первых же почти шагов столкнулась с большими затруднениями и прежде всего с полным почти отсутствием работ и знаний по искусствам народов СССР не только среди широких, даже интеллигентских масс, но и среди ученых. Еще менее знают народы, населяющие Союз, о быте, характере, истории национальных республик. Преодоление этих препятствий является настоятельной необходимостью во всех отношениях. Крупным шагом на этом пути могли бы послужить два начинания:

1. Организация специального издательства по национальным культурам (издание художественной литературы и научных исследований по искусству).

2. Создание театра народов СССР, в репертуаре которого должны быть представлены исключительно оригинальные пьесы (в переводе на русский язык) из жизни национальных республик Союза. Эти учреждения могли бы стать базой, при помощи которой мы могли бы сделать искусство народов СССР достоянием широких масс и развить научную проработку проблем национальных искусств. И в настоящее время организационные работы и научные исследования уже начаты по некоторым разделам комитета, по другим — разрабатываются программы работ.

Позвольте повторить вам то, о чем я уже говорил при личном свидании, что Академия считает необходимым условием быстрого и успешного развития издательства принятие вами на себя в нем руководящей роли. Не говоря уже о том, что вы являетесь пионером в деле продвижения у нас национальных литератур, ваше руководство при составлении плана, при выработке принципов всего этого начинания, при отборе материала, при оценке переводов, для которых ваша требовательность и взыскательность к слову будут иметь огромное значение, необходимо, и когда я сообщил в Академии, что вы не отказываетесь взять на себя руководство

этим делом, это вызвало общую радость[6]. Я убежден, Алексей Максимович, что мы можем сделать нужное и большое дело.

Искренно преданный вам
П. С. Коган

[1] Съезд открылся 10 июня 1929 г.
[2] Речь идет о сокращениях в повести «Детство» (изъяты I—IX главы), изданной в серии «Библиотека классиков» под общей редакцией П. С. Когана, И. Н. Кубикова и Н. К. Пиксанова. М., Госиздат, 1929.
[3] См. письмо 6, прим. 1.
[4] См. письмо 11, прим. 1.
[5] Николай Кирьякович *Пиксанов* (р. 1878) — литературовед, ныне член-корреспондент АН СССР.
[6] Издательство не было организовано.

19

ГОРЬКИЙ — КОГАНУ

⟨Сорренто.⟩ 10 октября 1929 г.

Дорогой Петр Семенович —

посылаю статейку о Р. Роллане, исправив ее [1].

Написать новую или увеличить эту — не могу, перегружен спешной работой.

Жму руку.

А. Пешков

10.X.29.

[1] «О Ромене Роллане». Статья была написана Горьким в 1926 г. в связи с 60-летием Ромена Роллана. Впервые напечатана в сборнике: «Liber amicorum Romain Rolland... Hunc librum curaverunt edendum Maxim Gorki, Georges Duhamel, Stefan Zweig» («Книга друзей Ромена Роллана... Эту книгу подготовили к печати Максим Горький, Жорж Дюамель, Стефан Цвейг». Цюрих, Лейпциг, изд. Ронигер, 1926). Одновременно статья была опубликована в журн. «L'Europe», Париж, 1926, № 38, от 15 февраля, и в «Красной нови», 1927, № 6.

Исправленный текст статьи был опубликован в виде предисловия в первом томе Собр. соч. Ромена Роллана, выходившего под общей редакцией П. С. Когана и С. Ф. Ольденбурга (М., «Время», 1930).

ГОРЬКИЙ — Ю. Г. КОГБЕТЛИЕВ

Юрий Гаврилович *Когбетлиев* (р. 1903) — художник. В период переписки с Горьким (1928—1929), будучи студентом Высшего художественно-технического института, он послал Горькому тетрадь своих стихотворных опытов, озаглавленных: «Из цикла „Переулков вереницы“ (1921—1928)». Стихотворения в печати не появились. Тетрадь с пометками Горького хранится в АГ.

Ниже публикуется письмо Горького с разбором этих стихов.

Данное письмо опубликовано Архивом А. М. Горького в «Лит. газете», 1959, № 38, от 28 марта, в связи с сообщением о подготовке настоящего тома.

〈Сорренто. 1 марта [1] 1929 г.〉

Ю. Когбетлиеву

Можно думать, что стихи писались двумя авторами, один — лирик, не чуждый иронии, с хорошим глазом на природу, вообще — на мир, на людей, с яркими признаками оригинальности в образах. А другой — эдакий посвистывающий, не верующий в себя, и — наплевать ему на всё. Они, конечно, друг другу мешают, и поэтому в недурные, иногда очень своеобразные стихи вторгается то пошлейший романс:

Ничего мне на свете не надо,
Только надо тебя мне одну

или:

Трансвааль, страна родная

Еще хуже, когда оказывается, что в этом суматошном «творчестве» принимает участие такая несоединимая тройка, как Гумилев, Есенин и Блок.

Все это вместе взятое совершенно сбивает с толка читателя, и он не знает: что сказать? Талантливый человек писал? Да. А может он стихи писать хорошие? Нет. Вот что получается, когда человек способный не умеет отнестись к себе самому с достаточной серьезностью.

Не сердитесь.

Желаю всего доброго.

А. Пешков

29.II.29.

[1] У Горького описка: 29.II.29.

ГОРЬКИЙ — С. А. КОЛДУНОВ

Сергей Александрович *Колдунов* (р. 1901) — писатель и врач. Родился в семье рабочего — судового механика. «Трудовая моя жизнь началась рано,— пишет Колдунов в автобиографической заметке,— в одиннадцать лет я уже работал кочегаром на волжских пароходах. До революции испробовал ряд профессий: кочегара, плотовщика, матроса, продавца, слесаря...» (АГ). После Октябрьской революции Колдунов учился на рабфаке, а с 1921 г. по 1926 г. на медицинском факультете Первого Московского государственного университета. Вскоре началась и писательская деятельность Колдунова. «Литературной работой занимаюсь давно, попутно с работой врачебной,—писал он.—В 1933 г. вышла в свет моя первая повесть „P. S.“ (Постскриптум), с которой А. М. Горький познакомился уже после ее опубликования. Именно по поводу этой повести он и прислал мне письмо...» (АГ). Экземпляр книги Колдунова «P. S.» (М., ГИХЛ, 1933) с большой правкой Горького хранится в АГ.

Колдунов является автором книг: «Обыкновенные признания» (1935), «Ремесло героя» (1938), «Честь флага» (1943), «Огни победы» (1946) и др.

Ниже публикуется письмо Горького Колдунову.

〈Москва. Январь 1934 г.〉

Тов. Колдунов!

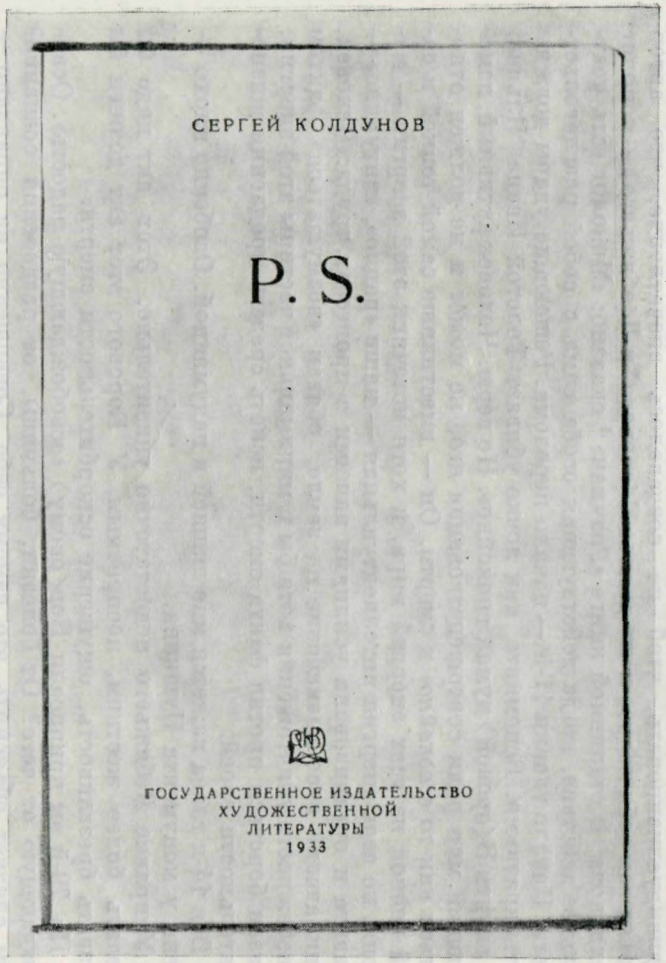
Не совсем удобно мне вступать с вами, медиком, в дискуссию, но на 5-й стр. вы слишком поторопились погасить в человеке активном сопротивление его интеллекта идиотизму «биологического закона». Физически утомленный Боровой должен был более длительно испытывать удовольствие отдыха в новой, приятно изображенной вами обстановке. Начали вы главку — правильно и хорошо, но слишком быстро перешли к намеченной теме. Главка — длинновата. На 4-й стр. вы снабдили Борового «сухим треском суставов», это не лишнее ли? Подагра с туберкулезом как будто не совмещается.

Красным сплошь вычеркиваю слова, на мой взгляд,— лишние, подчеркиваю — неудачные.

На стр. 7 перечеркнуто синим: исчисление разностей между Б〈оровым〉 и С〈околовым〉 нужно сделать менее сухим и арифметическим, а еще лучше — выкинуть, оставив равнодушие. Вообще не торопитесь показать ваш «товар лицом», дайте подумать читателю самому, он у нас уже не дурак и становится все умнее. Его надобно уважать как хорошего друга, не ставя на его место пяток, десяток читателей, лично знакомых вам. Он — очень большой.

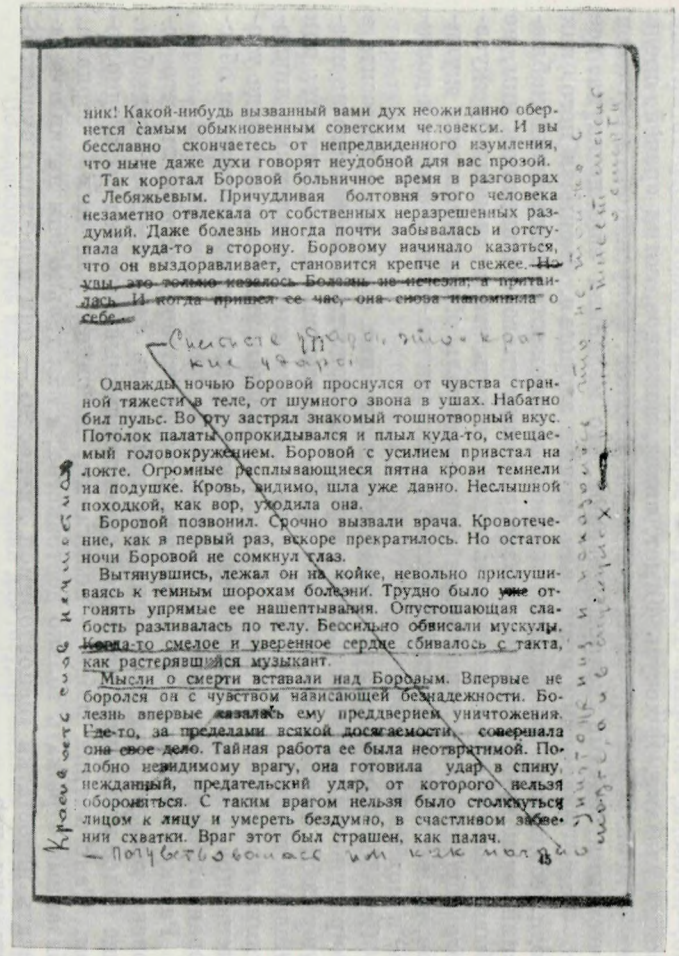
Кровоизлияние из легкого едва ли позволило бы продолжать речь, не будет ли правильней заменить кровоизлияние — кровохарканием?

На стр. 13 фразы, подчеркнутые синим, следовало бы убрать, или пусть Б〈оровой〉 осмеет их, ибо искусство есть наиболее совершенное выражение людской трудоспособности, люди издревле и всегда завершали ремесло искусством, и в будущем весь не охваченный машинами ручной труд будет, конечно, искусством.


СЕРГЕЙ КОЛДУНОВ

P. S.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1933


ник! Какой-нибудь вызванный вами дух неожиданно обернется самым обыкновенным советским человеком. И вы бесславно скончаетесь от непредвиденного изумления, что ныне даже духи говорят неудобной для вас прозой.

Так коротал Боровой больничное время в разговорах с Лебяжьевым. Причудливая болтовня этого человека незаметно отвлекала от собственных неразрешенных раздумий. Даже болезнь иногда почти забывалась и отступала куда-то в сторону. Боровому начинало казаться, что он выздоравливает, становится крепче и свежее. Но увы, это только казалось. Болезнь не исчезла, а притаилась. И когда пришел ее час, она снова напомнила о себе...

Однажды ночью Боровой проснулся от чувства странной тяжести в теле, от шумного звона в ушах. Набатно бил пульс. Во рту застрял знакомый тошнотворный вкус. Потолок палаты опрокидывался и плыл куда-то, смещаемый головокружением. Боровой с усилием привстал на локте. Огромные расплывающиеся пятна крови темнели на подушке. Кровь, видимо, шла уже давно. Неслышной походкой, как вор, уходила она.

Боровой позвонил. Срочно вызвали врача. Кровотечение, как в первый раз, вскоре прекратилось. Но остаток ночи Боровой не сомкнул глаз.

Вытянувшись, лежал он на койке, невольно прислушиваясь к темным шорохам болезни. Трудно было уже отгонять упрямые ее нашептывания. Опустошающая слабость разливалась по телу. Бессильно обвисали мускулы. Когда-то смелое и уверенное сердце сбивалось с такта, как растерявшийся музыкант.

Мысли о смерти вставали над Боровым. Впервые не боролся он с чувством нависающей безнадежности. Болезнь впервые казалась ему преддверием уничтожения. Где-то, за пределами всякой досягаемости, совершала она свое дело. Тайная работа ее была неотвратимой. Подобно невидимому врагу, она готовила удар в спину, нежданный, предательский удар, от которого нельзя оборониться. С таким врагом нельзя было столкнуться лицом к лицу и умереть бездумно, в счастливом забвении схватки. Враг этот был страшен, как палач.

ОБЛОЖКА И СТРАНИЦА 45 КНИГИ С. А. КОЛДУНОВА «P. S.» (М., 1933) С ПРАВКОЙ И ПОМЕТАМИ ГОРЬКОГО

Личная библиотека Горького

Стр. 27. Шаблонная характеристика врача несколько неожиданна у вас, человека, который хочет и — вероятно — сможет смотреть на мир своими глазами. Я лечусь 40 лет, видел, наверное, сотни врачей, среди них — немало равнодушных невежд, пошляков, фокусников, я согласен с честными врачами, которые сознают, что медицина еще не наука, все это — так. И все-таки врачи как стражи здоровья, борцы за него, как люди, создавшие, создающие непрерывно множество ценнейших наблюдений, экспериментов,— врачи заслуживают иного отношения к ним, не обывательского. Надо же понять и пора понять, что в условиях буржуазного общества медицина, играя огромную роль обогатительницы жуликов, не могла быть «точной наукой», но что она все-таки — наука и должна, и может быть «точной».

Стр. 35. Характеризуя человека сразу такими словами, вы вносите в его рисунок, данный вами, черту неверную: люди типа Лебяжьего не именуют себя «самопожирателями», они — не каются, а — обвиняют, они слишком твердо уверены в том, что являются «неповторяемыми личностями», кои украшают бытие. Самообожание наполняет их, как вода утопленников. Вы все время забегаете вперед естественного, логически обоснованного хода рассказа.

Рассказ Лебяжьего плох, длинен и неубедителен: не веришь, что человека такого типа мышления мог надломить факт неудачной любви. Еще более не веришь, что такой самовлюбленный способен быть однолюбом. Такого типа люди — полигамны, женщины для них — зеркала, обязанные отражать только достоинства, а как только они начинают замечать недостатки «неповторимой личности»,— они перестают существовать для нее.

Стр. от 35 до 45 нужно сократить, а речи Борового и Лебяжьего — индивидуализировать, чтоб не создавалось впечатление, что автор разъял сам себя надвое и что диалог Б⟨орового⟩ и Л⟨ебяжьего⟩ — монолог Колдунова. В старинной книге «Грациан» [1] сказано: «Монолог есть театральное действие, когда действующая особа сама с собой разглагольствует». Начало главки 11-й — начало перелома. Решающие удары должны быть краткими. Вспомните, как ловко убивает Толстой Ивана Ильича. «О смерти Б⟨оровой⟩ думал спокойно». Не верю. Человек активный, изменяющий мир ради совершенствования его, не может и не должен относиться как-то «*спокойно*» к смерти. Он — вместилище самой тонкой и самой ценной из всех энергий мира, и хотя источник этой энергии — материя, но ведь энергия интеллектуальная — наши «рацио», «интуицио» — развита и организована усилиями нашими в процессах труда. Человек, понимающий свое назначение на земле, обязан «возмущаться» фактом неизбежности уничтожения хотя бы и минимальной частицы этой энергии, обязан бороться против факта смерти, искать средств продления жизнедеятельности своей.

Вся 14-я глава кажется мне лишней и надуманной. Особенно плохо — сцена у монумента Пушкина.

Умирание Лебяжьего недостаточно унизительно. Этот акт надо бы сделать более жестким, неопрятным. У Борового этот акт должен бы вызвать брезгливость, ощущение оскорбительности смерти.

На 79-й вы приписали Бор⟨овому⟩ «освобождающую радость». Освобождающую от чего? От болезни, больницы, от раздвоения сознания? Вам следует объяснить это самому себе. Совершенно не оправдано — уход Б⟨орового⟩ из больницы и подражание Лебяжьему.

На 81-й — изображено отношение Б⟨орового⟩ к докторам. Неправильное, обывательски пошлое отношение, крайне вредное в нашей все еще весьма невежественной стране.

На 82-й — следовало бы к вопросу об уходе Б⟨орового⟩ из больни-

цы — вспомнить о том состоянии туберкулезных пред концом, которое именуется «надеждой фтизиков». И картина болезни была бы полнее. Кстати: там, где автор рассказывает об отношении Б⟨орового⟩ к женщинам, уместно было бы тоже вспомнить о повышенной чувственности туберкулезных.

90-я. Очень спорно определение дружбы. Автору надобно отказаться от неудобной и опасной привычки говорить неопределенно, так, что читатель не понимает — кто говорит: автор или герой?

Полемическое выступление Б⟨орового⟩ на протяжении всей 19-й главы следует сократить. Вообще конец крайне растянут, а его хочется видеть очень крепким, заостренным. Автор слишком старается писать «литературно», и в ряде мест это у него выходит сухо и холодно. Дарование — интересное, но благодаря увлечению автора красивостью фразы трудно определяется своеобразие дарования. А оно — есть, об этом говорит весьма многое, в том числе и выбор «сюжета». Очень хотелось бы побольше непосредственности, простоты, сжатости. И не злоупотреблять короткой, рубленой фразой.

Советую работать больше, ежедневно понемножку, хотя бы по десятку строк. Это поможет автору ясно увидеть недостатки и достоинства его стиля.

Всего доброго.

М. Горький

Датируется на основании письма Колдунова к Горькому от 31 декабря 1933 г. (АГ).

[1] По-видимому, речь идет о книге поучений для государственных деятелей и придворных: «Ирой Валтазара Грациана с критическими, историческими и нравоучительными примечаниями г. Курбевиля». Перевод с французского. М., 1792.

ГОРЬКИЙ — О. А. КОЛЕСНИКОВА

Ольга Александровна *Колесникова* (1898—1944) — литературный критик и редакционно-издательский работник.

В 1933 г. Колесникова послала Горькому письмо (АГ), в котором рассказывала о своей жизни. Это письмо было воспринято Горьким как план интересной автобиографической повести. «Силы собрать вам надобно для работы над книгой о вашей жизни с детства и до вступления в партию〈...〉 Письмо я сохраню, чтоб возвратить его вам в Москве, оно понадобится для работы вашей»,— писал Горький Колесниковой 4 марта 1933 г. (т. 30, с. 290).

Колесникова выполнила совет Горького, написав автобиографическую повесть. Повесть в печати не появилась, рукопись ее (без заглавия) с правкой Горького хранится в АГ.

Публикуемое письмо посвящено разбору повести Колесниковой.

〈Сорренто. Март 1934 г.〉

О. Колесниковой

Материал у вас интересный, Таня — фигурка своеобразная, но написать ее как следует, ярко — вам не удалось. Не удалось потому, что вы избрали крайне неудачный прием изображения. Пишете вы многословно и, несмотря на обилие слащавых словечек,— сухо. Короткая, рваная фраза всегда мало изобразительна и поэтому всегда излишне удлиняет повествование. Именно потому, что она короткая, она требует добавлений и дополнений, а отсюда — длинноты, пустословие и сухость. Писать надобно так, чтоб каждая фраза что-нибудь значила и, по возможности, значила бы как можно больше, давала бы точное и ясное представление о настроении и поведении людей. 68 стр〈аниц〉 повести вашей написаны так жидко, что их необходимо — и легко — сократить на две трети. Это вы и должны сделать, а также надо изменить форму фразы; пишите плавно, законченно, так «чтобы словам было тесно, мыслям — просторно» [1]. Вы — человек грамотный и поймете, в чем суть, написав две-три страницы простым, даже суровым тоном, имея в виду главным образом действия людей и не особенно стремясь к передаче их разговоров. Фигура матери у вас грубо сделана, мнение мужа о ней и отношение Лаврова — не оправданы. Обратите внимание на отметки в рукописи.

Да, еще вот что: вы смóтрите на мир то своими глазами, то глазами Тани, а нужно что-либо одно. Вас очень сбивает с толка короткая фраза, откажитесь от нее.

Желаю успеха.

М. Горький

Датируется по письму Колесниковой к Горькому от 17 февраля 1934 г. (АГ).

[1] Строка из стихотворения Н. А. Некрасова «Подражание Шиллеру». II. «Форма».

ГОРЬКИЙ — Н. И. КОЛОКОЛОВ

Николай Иванович *Колоколов* (1897—1933) — писатель и журналист. Несколько лет сотрудничал в газете «Рабочий край» (Иваново-Вознесенск) и входил в кружок писателей, группировавшихся вокруг этой газеты.

В 1928 г. Колоколов послал на отзыв Горькому первое издание своего романа «Мед и кровь». 16 декабря 1928 г. он писал Горькому: «Крепко благодарю вас, Алексей Максимович, за ваше большое и такое хорошее письмо, посвященное моему роману „Мед и кровь". Письмо это прекрасно обязывает меня к дальнейшей и лучшей работе, бурно побуждает к ней. Если в очень высоких и смелых оценках ваших, выпавших на долю языка книги, обрисовки героев и т. д., есть преувеличения, то — я страстно хочу оправдать их новыми вещами. Основание романа, его „душу", его сердце и мозг вы почувствовали, по-моему, глубоко верно. Особое спасибо — за эту чуткость» (АГ). Полный текст упоминаемого Колоколовым письма не сохранился. Ниже публикуется черновой автограф начала этого письма.

В ряде писем 1928—1929 гг. Горький дал высокую оценку роману. «А если хотите прочитать хорошую книгу, так это „Мед и кровь" Колоколова» (В. М. Ходасевич от 20 декабря 1928 г., АГ). «Вы прочитайте „Мед и кровь" Николая Колоколова — отличная вещь! Этот ударил мещанина по душе. Очень метко ударил» (И. М. Касаткину от 31 декабря 1928 г.— «Новый мир», 1937, № 6, стр. 19).

Горький читал и правил рукописи Колоколова, содействовал их опубликованию. При помощи Горького Колоколов переехал в Москву и начал сотрудничать в журнале «Наши достижения». Об отношениях Горького с Колоколовым см. в кн.: П. К у п р и я н о в с к и й. А. М. Горький в общении с ивановцами. Иваново, 1950, стр. 17—18.

Одно письмо Горького Колоколову (от 23 апреля 1929 г.) опубликовано в т. 30 (№ 958).

〈Сорренто. Начало декабря 1928 г.〉

Н. Колоколову

Сейчас кончил вашу книгу [1]. Отличная книга. Должно быть, вы очень талантливый человек и — в меру вашего таланта — умный. Вы, наверное, знаете, что в меру — редко бывает: или — умнее, или — глупей, а вот ваши ум и талант — равномерны и равно честны. Случается, что и талант и ум по силе равны, но ум — хитрей. Философствую я не к месту, но это потому, что очень взволнован и обрадован вами. Прекрасная книга. Ею впервые нанесен меткий, крепкий удар гуманизму слабых духом, тому, который в сущности своей — апология тихой мерзости житейской. Лечение Добровым онаниста-студента — замечательно умно и символично.

По началу книги, несколько скучноватому и знакомому, я подумал: снова «Уездное» [2]. Приятно ошибся. Доктор — отлично сделан. Накатов и Убоев. Сцена доктора — Накатова — великолепная драма.

Печатается по черновому автографу.

Датируется на основании письма Колоколова к Горькому от 16 декабря 1928 г. (АГ).

[1] Н. К о л о к о л о в. Мед и кровь. М., «Федерация», 1928.

В АГ хранится следующий отзыв Горького о романе «Мед и кровь»:

«Хотел или не хотел этого автор, но он нанес гуманизму мещан сокрушительный и меткий удар.

МАТВЕЙ И МАРФА ЗА ЧАЕМ

Рисунок (уголь, черная акварель) Д. А. Шмаринова к повести Горького «Жизнь Матвея Кожемякина», 1936 г.

Музей Горького, Москва

Это поистине новая книга, написанная крупным художником, который знает всю „правду" и знает величайшую правду, которая рождается, чтоб утопить все рожденное до нее.

В его книге все верно, и это признак подлинного искусства».

Характеристику этого романа см. также в статье Горького «О книгах» («Книга и революция», 1929, № 6, стр. 7—9).

[2] Повесть Е. И. Замятина «Уездное» в гротескных формах изображает застойный и зоологически примитивный мещанский быт. Впервые напечатана в журнале «Заветы», 1913, кн. V; отдельное издание — Пг., 1916. В 1923 г. в изд-ве «Круг» вышло второе издание повести.

ГОРЬКИЙ — Л. Ф. КОПЫЛОВА

Любовь Федоровна *Копылова* (1885—1936), по профессии педагог. Лучшие ее произведения посвящены изображению детей («Химеры», «Первое стихотворение» и др.).

В 1929 г., во втором очерке «По Союзу Советов», Горький обратил внимание на своеобразный талант Копыловой: «Новый тип педагога уже нашел свое отражение в литературе, такова монументальная и героическая фигура „Викниксора“ в „Республике Шкид“, намек на этот тип есть в книге Огнева „Дневник Кости Рябцева“ и даже в страшноватом рассказе очень талантливой Л. Копыловой „Химеры“» (т. 17, с. 159).

Горький читал и правил некоторые произведения Копыловой. В АГ хранится рукопись ее повести «Следы на снегу», правленная Горьким (под заглавием «Оттепель» вошла в кн.: Л. К о п ы л о в а. Избранное. М., «Советский писатель», 1941).

Посылая Горькому на отзыв свою новую повесть «Первое стихотворение», Копылова писала 1 октября 1930 г.: «Быть может, вам интересно будет встретиться с моими скромными героями, которых вы, конечно, уже знаете.

Последняя фраза — не только художественный оборот.

У нас с вами есть общие знакомые в буквальном смысле этого слова. Мой муж — уроженец Курска и в детстве очень дружил с А. Уфимцевым и всей компанией.

Лично я сама ни разу Уфимцева не видела, но, конечно, муж так ярко рассказывал мне о своем детстве, что мне кажется, будто оно протекало на моих глазах.

В „Наших достижениях“ вы упоминаете об Уфимцеве и обо мне в одной и той же статье. Конечно, Уфимцев читал ее, совершенно не подозревая, что эта самая Копылова с своим „страшноватым“ рассказом — жена Кольки Барановского, с которым он когда-то озорничал.

Вот и все наше общее знакомство. Не смейтесь, Алексей Максимович! Для меня все это овеяно какой-то поэзией. Наверно потому, что я люблю своего мужа, люблю писателя Горького и счастлива, что жизнь все так интересно устраивает» (АГ).

Упоминаемый в письме Анатолий Георгиевич *Уфимцев* (1860—1936) — известный изобретатель (см. также т. 17, с. 152—153).

Ниже публикуется письмо Горького.

〈Сорренто. 15 ноября 1930 г.〉

Веселый товарищ Любовь Копылова!

Книжечку вы написали интересную [1] и, местами, написали очень искусно, да и — правдиво, правдиво не внешне, а «по существу». Так, например, Мишутка отлично проснулся у вас на странице 8-й, и тут вы изобразили его тонко, а главное — правильно. Это я могу сказать, ибо полстолетия тому назад сам эдак-то просыпался и видел мир таким, какого вчера — не было. Вообще Мишка и предстоящие ему сделаны вами хорошо.

Но так как вы человек талантливый, то могли бы сделать и лучше. В начале повесть ваша лучше, чем в конце. Вы слишком торопитесь писать,— это чувствуется. Мишка чрезмерно быстро пережил радость причастия к поэзии, и это сделано вами нарочито, для педагогики. Ох, уж эта педагогика!

Вовсе не нужно, чтобы коса китайца полоснула поэта «прямо по лицу», да едва ли и возможно это: коса — коротка. Также не нужно, чтоб

М<ишке> «представилось, что капусту секут тяпками». Тут вы «пересолили». Конец у вас вообще смят. Есть кое-какие неловкости и неточности в языке — «сон целителен, как лекарство» — плохо, неверно. Далеко не все и не всегда лекарства целительны.

«Не сводили немигающих глаз» — зачем же два отрицания рядом?

В начале III-й главы совершенно излишнее слово «роковое». Михаил не мог почувствовать ничего рокового в звездах,— это не для его возраста.

Пишете вы мало, и это — грех ваш. Вам надобно больше писать.

На 124-й стр. «дождь сыпанул в окошко горстью крупы» — напрасно. Крупа — это и есть крупа, как град есть град; крупа нечто среднее между градом и хлопьями снега. Вы же это знаете.

Ну, я наворчал достаточно! Не сердитесь. Когда доживете до 163 лет, и вы будете ворчать на всех.

Жму руку.

А. Пешков

15.XI.30.

А писать вам нужно больше, это — факт!

[1] Горький говорит о повести Копыловой «Первое стихотворение» (Харьков, «Пролетарий», 1930).

ГОРЬКИЙ — В. А. КОРШУНОВ

Василий Архипович *Коршунов* (р. 1911) — в период переписки с Горьким был рабочим.

Настоящее письмо опубликовано Архивом А. М. Горького в «Лит. газете», 1959, № 38, от 28 марта, в связи с сообщением о подготовке настоящего тома.

〈Сорренто. Начало 1933 г.〉

В. А. Коршунову

Писатель вообще, а наш, советский,— в особенности, должен обладать, кроме хорошей грамотности, богатым запасом бытовых знаний, т〈о〉е〈сть〉знаний условий, окружающих его, и настроений, которые изменяют эти условия или задерживают процесс изменения их. На почве столкновений консерватизма и революционности возникают все наши драмы, как вы знаете.

Кроме этого, писатель должен обладать упорством и терпением в деле обработки своих впечатлений. Судя по письму вашему, у вас этого терпения и упорства — нет. Если б вы его имели, вы бы сначала сделали что-нибудь, а потом уже спрашивали: хорошо или плохо? А вы спрашиваете об этом меня, не показывая мне, что именно сделано вами. Что же я могу ответить на ваше письмо?

Печатается по черновому автографу из личного архива Горького. Подлинник утрачен. Датируется по письму Коршунова к Горькому от 19 декабря 1932 г. (АГ).

ГОРЬКИЙ — Н. А. КРАШЕНИННИКОВ

Николай Александрович *Крашенинников* (1878—1941) — беллетрист, начавший свою литературную деятельность в 1899 г. В 1911—1916 гг. вышло его Собр. соч. (М., «Знание»).

Начало переписки Крашенинникова с Горьким относится к 1904 г. Переписка носила эпизодический характер и связана преимущественно с различными просьбами Крашенинникова по поводу издания его произведений.

Ниже публикуются шесть писем Горького Крашенинникову.

1

ГОРЬКИЙ — КРАШЕНИННИКОВУ

〈Ялта. Сентябрь, после 13-го, 1904 г.〉

Милостивый государь
Николай Александрович!

«Знание» не может издать ваши рассказы[1], потому что все средства, предназначенные на новые издания, уже распределены.

Свидетельствую почтение.

А. Пешков

Рассказы возвращаются вам посылкой.

Датируется по письму Горького к Пятницкому от 12—13 сентября 1904 г., в котором он писал: «Рукописи Второва, Бородаевского, Хлебникова, Свиньиной, Крашенинникова я пошлю прямо авторам».— «Архив А. М. Горького», т. IV. М., Гослитиздат, 1954, стр. 161.

[1] О каких рассказах Крашенинникова идет речь, установить не удалось.

2

ГОРЬКИЙ — КРАШЕНИННИКОВУ

〈Финляндия. Конец 1905 — начало 1906 г.〉

Уважаемый Николай Александрович!

Пока я не присмотрюсь к физиономии вашего журнала[1] — я не могу дать ему мое имя. Впоследствии — решим этот вопрос, а пока — извиняюсь.

А. Пешков

Датируется по содержанию.

[1] «Новое слово» — еженедельный общественно-литературный и иллюстрированный журнал. Редактором журнала был Н. А. Крашенинников. Первый номер вышел 1 декабря 1905 г.

3

ГОРЬКИЙ — КРАШЕНИННИКОВУ

〈Петроград. Январь, до 10-го, 1916 г.〉

Николай Александрович!

Около 10-го буду в Москве и извещу вас, где можно встретить меня. Тогда поговорим, а теперь — рукопись ваша [1] осталась у жены в Мос〈кве〉, а без рукописи налицо неудобно говорить о ней.

Жму руку.
А. Пешков

Датируется по письму Крашенинникова от 17 декабря 1915 г. (АГ) и по содержанию письма Горького.

[1] Речь идет о рукописи романа «Барышни». В письме от 17 декабря 1915 г. Крашенинников писал: «Обращаюсь к вам с покорной просьбой 〈...〉 не откажите прочесть прилагаемую при сем большую рукопись моего романа „Барышни", правда, она представляет из себя как бы заключение имевшего некоторое распространение романа моего того же названия, но мне казалось, что он читается как самостоятельная от вышедшей книги вещь» (АГ). Первый роман Крашенинникова под тем же названием был напечатан в 1911 г. («Барышни. Простая история жизни. Роман в 4-х частях».— «Русская мысль», 1911, №№ 10, 11, 12).

4

ГОРЬКИЙ — КРАШЕНИННИКОВУ

〈Сорренто. 29 июня 1925 г.〉

Спасибо, Николай Александрович, за присланную книгу [1]! Я прочитал ее внимательно, с большим интересом. Тема пола,— как и прежде, в других ваших книгах,— владеет вами и, разумеется, упорство, с которым вы разрабатываете эту тему, должно дать свои плоды. Диспуты, устраиваемые студентами о «Целомудрии» [2], вполне естественны и как нельзя более своевременны — при той половой распущенности, о которой слышишь и читаешь. Значит, «социальная полезность» книги оправдана.

Вы, немолодой уже и опытный писатель, наверное не обидитесь на меня, если я скажу, что художественная ценность романа не равна его социальной ценности. Мне кажется, что книга написана многословно, неэкономно и даже чуть-чуть небрежно, местами. Есть излишние повторения, например: стр. 64 и 240.

Мне кажется также, что лирика детской души проще лирики Павлика и что Павлик не мог сказать на 69-й стр.: «человек родится при зубовном скрежете, в крови и отвратительном мусоре». Это уже — от автора. Павлик ведь не наблюдал акт рождения, а Пашка *не могла* рассказать ему об этом в *такой* форме. Вообще — автор в книге слишком заметен и часто подсказывает Павлику мысли из других своих книг.

Не обижайтесь Н〈иколай〉 А〈лександрович〉! Мы должны быть особенно искренни в оценке друг друга, иначе — значило бы, что мы не любим наше важное дело.

Будьте здоровы.
А. Пешков

29.VI.25.

[1] Н. А. Крашенинников. Целомудрие. М., «Современные проблемы», 1925.

[2] 14 мая 1925 г. в Театре Революции студентами-рабфаковцами Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова и Московского химико-технологического института им. Д. И. Менделеева был проведен диспут о романе Крашенинникова «Целомудрие» (см. «Известия», 1925, № 104, от 9 мая; «Вечерняя Москва», 1925, № 109, от 15 мая).

5

ГОРЬКИЙ — КРАШЕНИННИКОВУ

‹Сорренто. 29 июля 1925 г.›

Н. Крашенинникову

Написать предисловие к вашей книге [1] я не могу; только что отказал в этом одному молодому автору [2], отказывал и раньше.

Да мне кажется, что вы—писатель, давно уже заслуживший известность, и не можете нуждаться в предисловии. Тут, на мой взгляд, какое-то недоразумение.

Будьте здоровы.
А. Пешков

29.VII.25.

[1] Крашенинников в письме от 17 июля 1925 г. (АГ) просил Горького дать предисловие ко второму изданию романа «Целомудрие».

[2] Горький в письме к И. Калинникову от 23 июля 1925 г. (АГ) отказался написать предисловие к его роману «Мощи».

6

ГОРЬКИЙ — КРАШЕНИННИКОВУ

‹Сорренто. 23 января 1927 г.›

Уважаемый Николай Александрович –

телеграммой я известил вас, что беру назад запрещение ставить на сцене переделку «Матери» [1].

Я и не запрещал бы, если б вы осведомили меня о том, что половина гонорара автора переделки отчисляется им в пользу беспризорных.

Принципиально же я все-таки против загружения сцены пьесами сомнительного качества, каковыми всегда будут всякие «переделки», «инсценировки» и т. д.

Свидетельствую мое почтение.

А. Пешков

23.I.27. Sorrento.

[1] Инсценировка повести Горького «Мать» была сделана молодым драматургом Т. Бразом в сотрудничестве с Крашенинниковым. В декабре 1926 г. Крашенинников обратился к Горькому с просьбой разрешить издание инсценировки для клубной сцены. На письме Крашенинникова пометка рукой Горького: «Отказано. 7/I 27 г.» (АГ). Письмо с отказом не сохранилось. Инсценировка Т. Браза была издана в 1938 г. в изд. «Искусство» (М., стеклограф, на правах рукописи).

ГОРЬКИЙ — Ф. Г. ЛАСКОВАЯ

Фанни Григорьевна *Ласковая* (р. 1890) выступила в литературе в начале десятых годов. Ее рассказы и повести печатались в журнале «Современный мир», сб. «Жатва» (М., 1911) и других изданиях.

Горький привлек Ласковую к участию в журнале «Летопись» и помог выпустить сборник рассказов «Муть». Сборник вышел с посвящением: «Максиму Горькому с глубоким уважением». Кроме повести «Муть», в него вошли рассказы «Опавшие листья», «Лицом к лицу» и «Осеннее» (П.—М., «Книга», 1916).

Переписка Горького с Ласковой охватывает период с 1911 по 1928 г. Одно письмо Горького к Ласковой от 21 декабря 1912 г. было опубликовано Архивом А. М. Горького в «Лит. газете», 1955, № 72, от 18 июня.

Ниже публикуется девять писем Горького к Ласковой.

1

ГОРЬКИЙ — ЛАСКОВОЙ

〈Капри. 25 ноября/8 декабря 1912 г.〉

Очень рад, Фанни Григорьевна, что «Заветы» принимают вашу повесть [1], и очень советовал бы вам, когда получите с журнала гонорар,— поезжайте куда-нибудь, людей посмотреть и себя показать.

Судя по настроению вашему, как оно отражается в письмах, вам следует отдохнуть, полечиться, перевести себя в другой круг впечатлений.

Вы говорите, что вас «мучили», делали вам «гадости», в этом нет ничего исключительного, ничего необыкновенного, но это может быть прекрасным материалом для рассказа, для повести. Посмотрите на жизнь как на материал, который судьба дает вам для работы над ним, для того чтоб облагородить его, осмыслить.

Люди вовсе не мелки и не так нищи, как об этом говорят литераторы и поэты: поэту хочется видеть жизнь красивой, его требования высоки, вот отчего люди кажутся ему маленькими. Эти требования не историчны, удовлетворить их невозможно ни сегодня, ни завтра, но — требования эти вполне законны, это ими движется жизнь к лучшему, и они со временем целиком будут осуществлены. А когда это случится, — поэты все-таки будут говорить, что люди мелки, ибо вырастут новые, еще более высокие требования к людям.

Будьте осторожны в своих выводах, не торопитесь судить так же поспешно и несправедливо, как сами вы были осуждены.

Ведь вы сами же говорите, что жили только в Москве, видели мало,— могут ли ваши суждения быть верны, если ваши наблюдения так однообразны и не обширны?

В России живут 163 миллиона людей, на земле — миллиарды. Украинец почти так же мало похож на москвича, как вы — на итальянку.

Посылайте рукописи ваши,— рад быть полезен вам всем, чем могу. Затевается новый журнал [2], я буду стоять довольно близко к редакции его и очень хотел бы, чтоб вы дали для него небольшой рассказ.

Вас тяготит пошлость? Вот вам тема: напишите ваш будний день, расскажите просто — никого не судя, ничего не оправдывая — как пошлость с утра до поздней ночи серой тенью влачится за человеком и путает его шаги, отравляет его душу. Чем ближе к правде встанете вы, тем лучше будет рассказ.

Будьте здоровы!

А. Пешков

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] Повесть Ласковой «Муть» в журнале «Заветы» не публиковалась; позднее была напечатана в сб. «Муть».

[2] Проект не был осуществлен.

2

ГОРЬКИЙ — ЛАСКОВОЙ

⟨Сааров. 10 января 1923 г.⟩

Милая Фанни Григорьевна,

не велика беда в том, что украли у вас мои письма, я вам еще напишу их штук 600, а вот что рукописи ваши украли, это обидно! Это уж вам самой придется написать вновь, за что, я надеюсь, вы и приметесь немедля. Так?

Уверен, что за это время вы накопили много хорошего и написали кое-что интересное — садитесь за стол, восстанавливайте то, что украдено, и — посылайте мне. Возьмите себя в руки покрепче, не давайте воли нервам,— распускаться не время.

Мы — В. Ходасевич [1], Виктор Шкловский и я — затеваем здесь большой научно-литературный — без политики — журнал «Эпоха» [2]; сей журнал имеет отделение и в России, так что вы посылайте рукописи туда, на имя Белицкого [3], а он уже перешлет мне. Главное — не раскисайте, к чему у вас, кажется, есть склонность.

А как живет ваш сын? И — почему бы я не узнал вас «на улице»? У меня к вам — «влеченье, род недуга», я уверенно жду от вас десяток хороших рассказов, и, кроме того, у меня крепкая память.

Итак — пишите! Самое серьезное и лучшее в сей жизни — литература, все же остальное только материал для нее. Из неприятностей можно склепать приятный рассказ, из крупных несчастий — хороший роман. Вы должны чувствовать это.

Тороплюсь ехать в Берлин.

Всего доброго. Жду рукописей.

А. Пешков

Адрес:
Fürstenwalde.
Saarow—Sanatorium

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] Владислав Фелицианович *Ходасевич* (1886—1939) — поэт и литературный критик. В 1922 г. выехал за границу. В 1923—1925 гг. Ходасевич сотрудничал в литературном отделе журнала «Беседа». В 1925 г. он уехал в Париж, где примкнул к белоэмигрантским кругам (печатался в «Возрождении», «Современных записках» и других изданиях). После враждебных выступлений Ходасевича в адрес Советского Союза Горький порвал с ним. Тридцать два письма Горького Ходасевичу опубликованы в «Новом журнале» (США, Нью-Йорк), 1952, №№ XXIX, XXX и XXXI.

См. также Горький — Феррари, письмо 3, прим. 1.

[2] Журнал издавался под названием «Беседа». Выходил в Берлине с 1923 по 1925 г. Организатором и редактором журнала был Горький.

Одной из основных задач журнала Горький считал объединение прогрессивной интеллигенции разных стран и восстановление культурных связей, разорванных первой империалистической войной.

Журнал выпускался при ближайшем участии проф. Б. Ф. Адлера, Андрея Белого, проф. Ф. А. Брауна и В. Ф. Ходасевича. В семи вышедших номерах журнала печатались рассказы и заметки Горького, произведения молодых советских писателей из группы «Серапионовы братья», а также переводы произведений Р. Роллана, Ф. Элленса, Д. Голсуорси, С. Цвейга и др. Издатель — С. Каплун.

[3] Ефим Яковлевич *Белицкий* — сотрудник журнала «Беседа».

3

ГОРЬКИЙ — ЛАСКОВОЙ

⟨Фрейбург. 5 сентября 1923 г.⟩

Милая Фанни Григорьевна,

что же это с вами? «Жизнь изломала»? Не верю. Не могу представить вас изломанной жизнью, не похоже это на вас.

Что вы делаете? Пишете ли? Как живете? Почему бы вам не написать мне подробно обо всем этом? И — нет ли у вас готового рассказа, я мог бы напечатать его здесь? Если имеете рукопись — давайте. Я, действительно, все хвораю, но это не мешает мне много работать. Редактирую здесь журнал [1].

Как ваш сын?

Напишите мне! И — сердечное вам спасибо за милое письмо ваше, за добрую память.

Крепко жму руку.

А. П е ш к о в

5.IX.23.

Freiburg.
Gunterstal, мне.

[1] «Беседа». См. письмо 2, прим. 2.

4

ГОРЬКИЙ — ЛАСКОВОЙ

⟨Неаполь.⟩ 16.XII.25

Получил ваше грустное письмо, Ф⟨анни⟩ Г⟨ригорьевна⟩.

Что с вами? За истекающий год из России пишут мне письма всё более бодрые, хотя, по русской привычке, не без самоосмеяния, не без иронии над собою и над жизнью. В общем, тон такой, как будто люди, вполне способные быть губернаторами, исполняют работу околоточных надзирателей. Но — это у нас всегда было и не скоро пройдет, я думаю.

Вы всегда чувствовались мною как человек, особенно остро недовольный жизнью и в постоянной ссоре с нею. Но я плохо понимал —почему? Казалось мне, что у вас есть почти все данные для того, чтоб не очень мучить саму себя.

Коротенькое ваше письмо ничего не объясняет, молчит о причинах вашего настроения. Может быть, вы напишете более подробно, а я сумею как-то рассеять, несколько облегчить вашу тоску? Я бы хотел этого.

Каков я стал? Через два года мне будет 60 лет. У меня много вставлено золотых зубов, и со временем кладбищенский сторож, вырыв мой череп, выдернет эти зубы простыми клещами для гвоздей. Хорошо бы укусить ему палец, я очень мечтаю об этом. Седею. Лысины еще нет. Сморщилось лицо. Здоровье поскрипывает. Но веру в людей я не потерял, а сердечная жалость к ним все растет. Очень мучительна эта жалость, друг

мой. Тем более, что ведь никому ничем не поможешь. Пишу и—много. Скоро выйдет моя повесть «Дело Артамоновых» [1]. Кажется — весьма скучная.

Живу одиноко. Вот и всё о себе, если не говорить о том, что эмигрантская пресса время от времени бесстыднейше клевещет на меня. Но — к этому я уже давно привык.

Печально знать, что вы не пишете. Мне все кажется, что вы должны бы написать какую-то очень интересную и очень женскую вещь. Пора.

Ну — до свидания. Крепко жму руку.

А. Пешков

Napoli. Posilippo.
Villa Galotti.

[1] Работа над «Делом Артамоновых» была завершена Горьким в марте-апреле 1925 г. Книга вышла из печати между 28 декабря 1925 и 16 января 1926 г. в изд-ве «Книга» (Берлин).

5

ГОРЬКИЙ — ЛАСКОВОЙ

⟨Неаполь. 13 января 1926 г.⟩

Совершенно неверно, Фанни Григорьевна, что у вас нет таланта, неверно. Вы человек по натуре органически талантливый, это я знаю. Но мне кажется, что талант ваш вы тратили и тратите только на себя, на поиски в себе самой какой-то недостижимой человеку — а художнику особенно недостижимой — гармонии, ясности и прочих качеств, коими, говорят, обладал Вольфганг Гете, чему я не верю. Есенин или Перси Шелли, Бодлер или Пушкин, Гаршин, А. Белый — все это люди бунтарского начала, направленного вовне — в мир, а не в себя... ⟨...⟩ В последнем слове я бы повторил: вы слишком много возитесь с самою собой, а это изнуряющее дело.

Вот что: уж если это несчастие стало вашей привычкой,— попробуйте обратить его в искусство. Пишите автобиографию, дневник, записки женщины и тому подобное. Рассматривайте себя издали, со стороны и пишите, как о чужой вам — правдиво и безжалостно, но без «покаяния». Это отнюдь не должна быть «исповедь», а — история одного человека, история о том, как и на что он себя истратил. Пишите без пощады ко всему, что вас мучило — бог это или люди — все едино.

Пишите с гневом за человека, с ненавистью ко всему, что мешало жить ему,— пускай это будет даже материнство. Не выдумывайте себя. Не щадите.

Я уверен, что такая книга должна удаться вам. Пишите экономно в словах и щедро в образах.

Извините, что не могу продолжить письмо, явились люди из России, и тороплюсь отправить это письмо на почту сегодня же.

Будьте здоровы, Ф⟨анни⟩ Г⟨ригорьевна⟩.

Жму руку.

Napoli, Posilippo. Villa Galotti.
13.I.26.

Печатается по автографу из личного архива Горького.

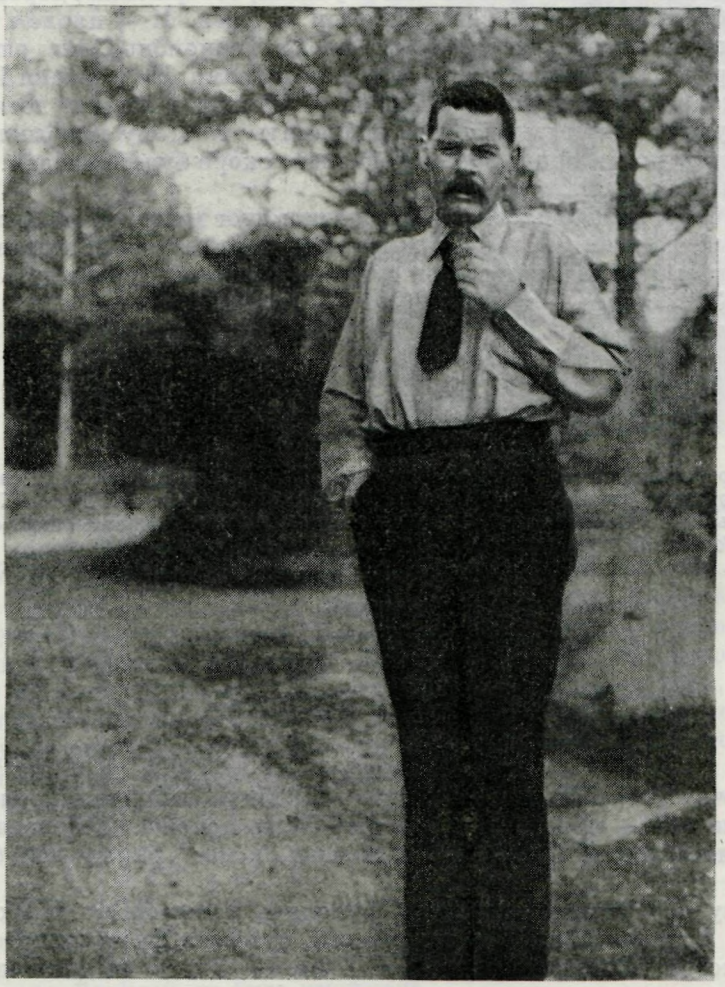
6

ГОРЬКИЙ — ЛАСКОВОЙ

〈Сорренто. 30 октября 1926 г.〉

Мне хочется изругать вас, Ф〈анни〉 Г〈ригорьевна〉!

Почему вы не пишете, почему не ведете дневник? У вас есть свои слова, свои мысли, у вас есть очень хорошая тема: одиночество женщины-



ГОРЬКИЙ

Фотография, Сааров (близ Берлина), 1922—1923 гг.

Музей Горького, Москва

матери. Тема, согласитесь, значительная и не использованная во всей ее широте и глубине.

Вы — распускаетесь, охаете для себя, почему бы не охнуть для людей? Это — не нужно? Нет,— нужно. Человеческое всегда нужно, а особенно в те дни и годы, когда оно идет на убыль как будто.

Соболь [1], с его «большими требованиями к людям», был несимпатичен мне как человек и как литератор — несимпатичен. Он много страдал,

и это его расшатало? Все мы страдаем много, но нельзя же кормить людей и свое самолюбие только своими личными страданиями. Это — скучно и эгоистично. Его «большие требования» непонятны мне. Чего он, собственно, требовал? Чтоб люди стали более прекрасными и значительными, чем он сам? Это недостижимо.

Живя здесь, он меня расспрашивал, как надо стреляться и что чувствует стрелок, прежде чем пустить в себя пулю? Но я уже давно забыл все это, да и неприятно вспоминать глупости, совершенные сорок лет тому назад [2]. Он вообще был очень тяжелый человек. И — плохой писатель.

Италия не похожа ни на Крым, ни на Черноморье. Вы ошибаетесь. Хотя, впрочем, красоту в природу вносим мы сами. Но все-таки Италия — прекрасное место на земле, и земля здесь ласкова к людям, хотя Везувий иногда буянит и всегда угрожает набуянить. К этому привыкли.

Карточку мою я пришлю вам с оказией, скоро будет таковая. На почте карточки пропадают.

Здесь тоже началась осень. Это значит: дует и воет жарчайший ветер, именуемый «широкко». Он — из Африки,— чёрт бы его проглотил,— и он расстраивает нервы. Дует третьи сутки и, возможно, будет дуть еще трое суток. Жить с ним — трудно.

Пишите!

Жму руку.
А. Пешков

30.X.26.

[1] Андрей Михайлович *Соболь* покончил с собой 7 июня 1926 г. О самоубийстве Соболя Горький писал А. П. Чапыгину 17 июня 1926 г. (т. 29, с. 470). Соболь был у Горького в Сорренто весной 1925 г., о чем написал воспоминания. «Несколько минут у Горького» («Огонек», 1925, № 26).

[2] Речь идет о попытке Горького покончить с собою 12 (24) декабря 1887 г.

7

ГОРЬКИЙ — ЛАСКОВОЙ

〈Сорренто. 28 февраля 1928 г.〉

Карточку вам? Вот вам карточка. Домашней фабрикации, очень хорошая. Я на ней — похож, комната еще более похожа. Теперь я — волосатый. Очень устал. Собираюсь в Москву, в мае[1] увижу вас, будем ругаться.

Почему невозможно отправить рукопись в Sorrento? Я их десятки получаю. Если же боитесь — потеряется, отнесите Екат〈ерине〉 Павл〈овне〉 Пешковой. Машков переулок, д. 1, кв. 16. Ек. П. на днях едет сюда и привезет мне рукопись.

Будьте здоровы, до свидания.

А. Пешков

28/II 28.

[1] Горький приехал в СССР 27 мая 1928 г.

8

ГОРЬКИЙ — ЛАСКОВОЙ

〈Сорренто. 29 марта 1928 г.〉

«Со стороны»[1] — не плохо, Фанни Григорьевна; написано — густо, хотя несколько небрежно, а конец показался мне недостаточно «звучным» и

САВЕЛИЙ КОЖЕМЯКИН
Рисунок (уголь) Д. А. Шмаринова к повести Горького «Жизнь Матвея Кожемякина», 1933 г.
Третьяковская галерея, Москва

уже не в «тон» рассказа, ниже его: напрасно вы не сдержали чувство усталости в конце. Разумеется — усталость законна, но — кому же это «интересно», кроме того, кто устал?

«Со стороны» — я послал в «Красную новь», а маленький рассказ [2] пошлите в «Прожектор», напечатав его на ремингтоне. Заголовок нужно переменить. Редакцию я извещу о том, что она получит такой рассказ. Сегодня не могу писать больше, ибо — день моего рождения, собрались итальянцы, и надобно их «занимать разговором», поить, кормить. Да. Все это очень трудно и все не нужно. Но — «цивилизация»! А потому приходится исполнять обязанности хозяина. Иду.

Всего доброго!

А. Пешков

29.III.28.
Sorrento

[1] Повесть Ласковой, не была напечатана.
[2] Рассказ «О любви», напечатан не был. Рукопись с правкой Горького хранится в АГ.

9

ГОРЬКИЙ — ЛАСКОВОЙ

〈Сорренто. 4 ноября 1928 г.〉

Случилось так, Ф〈анни〉 Г〈ригорьевна〉, что тем же, что и вас, я обидел всех моих старых друзей. У меня не нашлось свободного времени для моих личных дел и симпатий. Во всех городах, где я был [1], я не мог посетить никого из друзей. Все они, разумеется, обиделись на меня, так же, как вы. Что делать!

Но все-таки рукопись ваша послана вам вместе с письмом моим [2]. Это было сделано в конце сентября, если не ошибаюсь. Посылал секретарь. В Москве я прожил не «четыре месяца», а всего 56 дней.

Не сердитесь. В мае увидимся [3]

Всего доброго.

А. Пешков

4.X.28.

Датируется по почтовому штемпелю. У Горького — описка.

[1] В июле 1928 г. Горький отправился в длительную поездку по Союзу: побывал в Курске, Харькове, в Куряжской колонии им. М. Горького, руководимой А. С. Макаренко, на Днепрострое, в Ялте, Симферополе, Донецком бассейне, Баку, Тбилиси, Ереване, Сталинграде, Казани, Н.-Новгороде и Ленинграде.

[2] Упоминаемое письмо Горького не сохранилось. О какой рукописи идет речь выяснить не удалось.

[3] Горький приехал в СССР 31 мая 1929 г.

ГОРЬКИЙ — М. Е. ЛЕВБЕРГ

Мария Евгеньевна *Левберг* (1894—1934) познакомилась с Горьким в Петрограде около 1915 г. и встречалась с ним до его отъезда за границу (в конце 1921 г.). Горький принимал живое участие в литературной работе молодой писательницы.

Левберг принадлежат сборник стихотворений «Лукавый странник» (1915), пьесы «Шпага кавалера» (1917), «Дантон» (1919), «Монтана» (1928), повесть «Лайма» (1932) и др. Левберг переводила Р. Роллана, Мольера, Стендаля и других авторов. В 1932 г. Горький привлек ее к участию в работе над «Историей фабрик и заводов». В своем докладе на Первом всесоюзном съезде советских писателей он отметил успешную работу Левберг по созданию истории «Красного Путиловца» (книга осталась незавершенной).

Ниже публикуются шесть писем Горького к Левберг за 1926—1931 гг.

1

ГОРЬКИЙ — ЛЕВБЕРГ

⟨Сорренто. 15 сентября 1926 г.⟩

Дорогая Мария Евгеньевна,

не могу подписать вашу пьесу, ибо ни в какой мере и степени не чувствую себя сопричастным ее появлению на свет божий. Сколько помню,— «наброски», мною вам данные, были совершенно ничтожны [1].

Но я, вероятно, мог бы помочь вам устроить ее в театрах 2-м Художественном и у Н. Ф. Монахова [2]. Сообщите, желаете ли вы этого. Очень хотел бы прочитать «Актера» [3] — не пришлете ли? Возвращу быстро.

Давно не слышал ничего о вас и очень обрадовался, получив письмо. Вспоминаю вас всегда с уважением и сердечной благодарностью.

Напишите,— как живется?

М. И. Будберг (Закревская) [4] просит передать вам ее привет.

Будьте здоровы.

А. Пешков

15.IX.26. Sorrento

[1] В письме Горькому от 7 сентября 1926 г. Левберг писала: «Помните ли вы, что у меня находятся наброски вашей драмы из скандинавской жизни и что вы дали их мне когда-то для того, чтобы я сделала из них пьесу? Тогда мне это показалось трудным, теперь кажется возможным.

Но вот в чем вопрос. Поставить такую, совсем не имеющую отношения к современности пьесу для писателя без имени почти невозможно. Согласились ли бы вы, и если да, то в какой форме, присоединить к моей подписи (в том случае, конечно, если бы вы нашли пьесу стоющей) и свое имя?» (АГ).

Над стихотворной драмой из древнескандинавской жизни под названием «Норманны» Горький работал, по-видимому, в 1917—1919 гг. Черновые наброски и отдельные фрагменты пьесы опубликованы в книге «Архив А. М. Горького», т. VI. М., Гослитиздат, 1957, стр. 136—149. Свой замысел — написать пьесу по материалам «Норманнов» Горького — Левберг не осуществила.

[2] Николай Федорович *Монахов* (1875—1936) — актер и режиссер, народный артист РСФСР. В 1919 г. принял участие в организации «Большого драматического театра» в Петрограде (ныне Ленинградский Большой драматический театр им. М. Горького). Монахов был членом правления, председателем художественного совета и управляющим театра. В 1919—1920 гг. на сцене театра шла пьеса М. Левберг «Дантон».

[3] «Актер» — комедия в стихах Левберг.

[4] Мария Игнатьевна *Будберг* (урожденная Закревская)—секретарь и друг Горького.

2

ГОРЬКИЙ — ЛЕВБЕРГ

〈Сорренто. 25 мая 1927 г.〉

У меня, Мария Евгеньевна, незыблемо впечатление вашей «одержимости», полученное мною почти 10 лет тому назад, и я совершенно уверен, что, несмотря на злую путаницу «быта», вы все-таки пройдете к вашей цели, вы должны написать что-то значительное. Вот — О. Д. Форш только что развертывает свои силы — и как хорошо! — а ведь ей, слышал я, жилось и живется адски трудно. Да и вообще, всегда женщине жилось труднее, чем спутнику ее, однако она, как будто, лучше сохранила силы духа. Вероятно, это — смешно будет вам, а я на старости лет, кажется, становлюсь сторонником «гинекократического» движения, среди женщин возникающего. Нет, серьезно: опозорился мужчина здесь, в Европах, не в силах наладить жизнь, настроен сумеречно, очень ясно чувствуешь, как он злится на бессилие свое,— именно этой злостью творятся такие факты, как «пощечина мертвецу» — Ан〈атолю〉 Франсу [1], — как «обезьяний процесс» [2], борьба «низколобых» с «высоколобыми» в Северной Америке [3], всякие «Ку-клукс-кланы» — сдача позиций мелкому мещанству, судороги англичан и пр. и т. п., чего очень много и что может свидетельствовать только о том, что творческие силы мужчины — иссякают. Кажется, одна Россия вне этого процесса. А с другой стороны — изумляет быстрота *духовной* эмансипации женщин Востока — турчанок, арабок — и гинекократические теории, развиваемые немками Германии [4]. Вообще в этой области начинается интереснейший шумок, и это не «суффражизм» Панкхерст [5], а нечто более серьезное, как я думаю. Роллан, Маргерит [6] и — отчасти — Цвейг тоже, как будто, чувствуют все возрастающее значение женщины, да и не одни они только. М〈ожет〉 б〈ыть〉, я ошибаюсь?

Интереснейшее время, М〈ария〉 Е〈вгеньевна〉, милый друг! Право, так. Такие фокусы показывает жизнь, усиливаясь и в сторону небывалой пошлости, и в сторону неожиданностей, которые возбуждают радостные надежды.

Крепко жму руку.

Всего доброго.

А. Пешков

25.V.27.

Sorrento

[1] В 1924 г., после смерти А. Франса, группа молодых французских писателей-сюрреалистов (Ф. Супо, Пьер Дриe ла Рошель, Луи Арагон, Поль Элюар, Андре Бретон и Жозеф Дельтейль) выпустила сборник-памфлет «Труп», одна из статей которого называлась «Дали вы уже оплеуху мертвецу?» В памфлете отразилось огульно-отрицательное, нигилистическое отношение сюрреалистов к культурному наследию. Но до известной степени памфлет явился и реакцией на выступления буржуазной прессы, которая в начале года шумно чествовала восьмидесятилетнего Франса, как якобы защитника буржуазного миропорядка.

Когда Горький в журнале «Revue Européenne» 1 декабря 1924 г. опубликовал свою статью «Об Анатоле Франсе», он получил письмо от Р. Роллана: «Парадоксальное положение с вашей статьей, посвященной памяти Анатоля Франса, заключается именно в том, что она напечатана как раз в том журнале, один из редакторов которого, Супо, вместе с пятью другими известными молодыми писателями, подписал оскорбительный, полный жестокой ненависти к Франсу памфлет, который появился на другой день после его смерти» («Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами». М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 343).

[2] В США, в городе Дейтоне (штат Теннесси) в июле 1925 г. происходил так называемый «обезьяний процесс», на котором был осужден учитель колледжа Джон Скопс за преподавание теории Дарвина о происхождении видов.

[3] «Высоколобыми» (точнее, «высокобровыми») в США назывались представители передовой прогрессивной интеллигенции, восставшей против обывательских вкусов и идеалов так называемых «стопроцентных американцев».

[4] См. Горький — Пришвин, письмо 18, прим. 6.

[5] Сильвия *Панкхерст* (1882—1928) — одна из руководительниц суффражистского движения в Англии.

[6] Виктор *Маргерит* (1886—1942) — французский писатель, автор нашумевших романов «Холостячка» (1924), «Путь женщины» (1922—1926) и других, посвященных судьбе женщины в современном буржуазном обществе.

ГОРЬКИЙ
Портрет маслом И. Н. Ракицкого, Сорренто, 1927 г.
Музей Горького, Москва

3

ГОРЬКИЙ — ЛЕВБЕРГ

〈Морозовка. 24 августа 1928 г.〉

Дорогой друг —

тема повести о Гарденине [1] крайне оригинальная тема, но — на мой взгляд — вы отнеслись к ней не так внимательно, как она того заслуживает. Процесс трансформации Дудырина в Гарденина «ироикомический» процесс, чрезвычайно характерный для нашей действительности. И это отнюдь не игра субъективной воли, субъективного воображения, это — «насилие истории», ее команда, ее «категорический императив». Уж если вы «наскочили» на эту тему,— работайте над нею серьезно, она — ваше открытие.

То, что ваш Дудырин отказался от *созданного им* Гарденина, у вас не оправдано. Символизм — красный, маленький человечек — излишен и — по форме — неудачен. Нет, вы действуйте без символизма и без XVIII

века, столь вам любезного, тем более, что век этот не объединяется с символизмом вообще, а в теме Гарденина особенно не объединяется.

Убедительно советую вам «сесть» за повесть на эту тему, отнестись к ней более углубленно; приехав в Ленинград, буду убеждать вас с пристрастием.

«Дремучий бор» передам в «Новый мир» или «Кр‹асную› новь» [2].

Прилагаю письмо Монахову [3].

37 дней ездил по градам и весям Союза [4], ходил по заводам, в голове кружатся колеса, гремит железо и вообще — кавардак. Странно все, интересно, много неожиданного, в общем: героизм ходит под ручку с пошлостью, как всегда было, но героизм значительно выше ростом.

Скоро увидимся. Когда? Сие есть тайна, ибо не хочу шума. Крепко жму руку и до свидания.

А. Пешков

24.VIII.28. Морозовка.

[1] Повесть Левберг «Ипполит Гарденин». Сведений о публикации повести нет.

[2] Сведений о публикации произведения Левберг «Дремучий бор» нет.

[3] Приводим текст письма Горького к Н. Ф. Монахову по поводу пьесы Левберг «Монтана» (АГ):

«Дорогой Николай Федорович —

весьма прошу вас: обратите внимание на прилагаемую пьесу М. Левберг. Думается мне, что пьесы такого тона способны удовлетворить „запрос дней", особенно когда они вполне „литературны", какова пьеса Левберг. Кажется, что роль секретаря — для вас. Вообще пьеса понравилась мне.

Надеюсь скоро пожать вашу руку.

А. Пешков

24.VIII.28. Морозовка»

[4] См. Горький — Ласковая, письмо 9, прим. 1.

4

ГОРЬКИЙ — ЛЕВБЕРГ

‹Москва. 12 октября 1928 г.›

Вот вам, дорогой друг, записка в КУБУ [1].

Если не так, пошлите в Сорренто, перепишу. Нахожусь в нервозном, раздражающем процессе сборов к отъезду. Уезжать — не хочется [2]. Как всегда, в такие дни — все запуталось. Очень огорчен смертью Скворцова [3].

До свидания, до весны.

А. Пешков

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] КУБУ (Цекубу) — Комиссия по улучшению быта ученых, созданная при деятельном участии Горького в конце 1919 г.

В письме от 3 октября 1928 г. Левберг просила Горького дать ей рекомендацию для зачисления в литературную секцию научных работников.

[2] 12 октября 1928 г. Горький выехал из Москвы в Сорренто.

[3] Иван Иванович *Скворцов-Степанов* умер 8 октября 1928 г. Горьким был написан очерк «И. И. Скворцов», опубликованный в «Известиях», 1928, № 236, от 10 октября.

12 октября Горький присутствовал на похоронах Скворцова-Степанова.

5

ГОРЬКИЙ — ЛЕВБЕРГ

‹Сорренто. 6 апреля 1929 г.›

Дорогая Мария Евгеньевна —

говорят, у вас в Ленинграде есть талантливый режиссер [1], один из героев «Республики Шкид» [2],— знаете вы такую книгу? Я забыл фамилию этого парня, вы можете найти его, спросив В. М. Ходасевич [3] или одного

из авторов «Республики» — Леонида Пантелеева. Найдите его и дайте ему «Монтану». А то — подождите до мая, будем хлопотать вместе.

В стихах вы говорите [4]: «Я и Оно. И нет меж нами грани». Если — «нет грани», следовательно, должен быть какой-то монизм. Но оказывается: «И враг врага не может превозмочь». Это уже дуализм. Непонятно — почему же?

А что, если «оно» — не более, как только комплекс ваших оценок «мира», т⟨о⟩ е⟨сть⟩ — действительности и ваших мыслей о ней, о себе самой? И не есть ли вражда «я» и «оно» — отражение того векового заблуждения, которое расчленяет «плоть» и «дух», «инстинкт» и «разум»? Я — человек, который мыслит весьма примитивно. Несмотря на кажущиеся противоборства, я все-таки вижу человека существом целостным — органом, который создан природою для целей ее самопознания. Познание становится третьим *инстинктом* человека, мне кажется, что именно отсюда возникает большинство наиболее сложных драм.

Летом давайте побеседуем на эту тему, если вы не против.

Сейчас я работаю во всю силу, готовясь к поездке в Россию. Очень хочется, чтоб скорее пришла весна, а она — не идет. Апрель, юг Италии, а на горе, над Сорренто, более месяца лежит и скандально не тает снег! И раза два в неделю неожиданно, непрошенно дует «трамонтана» — северный ветерок. Испортилась вселенная.

До свидания! Будьте здоровы! И — ставьте самовар,— приду к вам чай пить.

Жму руку.

А. Пешков

6.IV.29.

БИБЛИОТЕКА ГОРЬКОГО В ДОМЕ НА МАЛОЙ НИКИТСКОЙ (ТЕПЕРЬ УЛИЦА КАЧАЛОВА) В МОСКВЕ

Фотография

Музей Горького, Москва

[1] Георгий Иванович *Ионин* (1907? — 1929) — режиссер и литератор. Л. Пантелеев сообщил о нем Архиву А. М. Горького следующее: «„Талантливый режиссер", о котором упоминает А. М.,— это Георгий Ионин (в повести „Республика Шкид" выступающий под кличкой „Японец"). Это был действительно очень талантливый человек, самый талантливый и обещающий в нашем „беспризорном лицее". В 14—15 лет он самостоятельно овладел несколькими иностранными языками, отлично разбирался в вопросах истории, философии и т. д. По выходе из Шкиды Ионин учился в Ленинградском институте сценических искусств. С блеском начал он свою самостоятельную творческую жизнь — как один из основателей и режиссеров Театра классических миниатюр и как литератор (он работал с Шостаковичем над либретто оперы „Нос", писал много для театра, собирал материалы для большого сатирического романа).

Жизнь Ионина рано оборвалась — он умер летом 1929 г. в Москве, в городской больнице, заразившись от мальчика, соседа по койке, скарлатиной» (АГ).

[2] Л. П а н т е л е е в и Г. Б е л ы х. Республика Шкид. М.— Л., Госиздат, 1927.

[3] Валентина Михайловна *Ходасевич* (р. 1894) — художница. Горький был связан с Ходасевич длительной дружбой. Она бывала у него в Саарове и Сорренто.

[4] Стихотворение Левберг «Монолог» было послано Горькому вместе с ее письмом от 7 марта 1929 г. (АГ). Горький разбирает следующие строфы стихотворения:

Вся жизнь моя короткий диалог.
Я и Оно. Я — голос. То — молчанье,
Чье имя хаос, космос или бог.
Я и Оно. Нет между нами грани.
И враг врага не может превозмочь.

В такую вот неистовую ночь,
Когда природа корчится от боли,
В кружении пространств и лет,
Я тетивы неугомонной воли
Стрелу спускаю...

6

ГОРЬКИЙ — ЛЕВБЕРГ

〈Москва. 27 июня 1931 г.〉

Дорогая Мария Евгеньевна —

желание ваше с радостью исполняю, желаемое — выслано в размере, вами указанном. (Каков стиль?) [1]

В Ленинграде буду около 15-го июля[2], а сейчас я живу подобно окуню, коего погрузили в кипяток того ради, чтоб выварить из него бульон для стерляжьей ухи. Жить в этом качестве — горячо, но приятно. К сожалению, у меня сердце в беспорядке и немножко задыхаюсь.

Рад узнать, что вы взялись за работу над романом, и почему-то мне кажется, что вас ожидает удача. Вы — женщина упрямая, работать любите.

По приезде буду говорить с вами об одном литературном предприятии, об альманахе «День» [3]. Может быть, вы уже слышали об этом?

Всего доброго, крепко жму руку. Мой адрес: Никитская 6.

27.VI.31. А. П е ш к о в

[1] В письме к Горькому от 13 июня 1931 г. Левберг сообщала: «Почти год я собирала материал для исторического романа. Подготовительная работа близится к концу. Черновые, правда, совсем черновые наброски есть! Чтобы написать этот роман (расчет, основанный на опыте товарищей), надо 5—6 месяцев. Чтобы вплотную сесть за работу, надо 1—1½ мес. отдохнуть по-настоящему 〈...〉

Два года тому назад вы предлагали мне денег в долг. Я отказалась, т〈ак〉 к〈ак〉 у меня не было в виду конкретного плана работы, а „отдых", по-моему, неубедительная вещь. Сейчас, если бы вы повторили свое предложение, я с благодарностью приняла бы его» (АГ).

[2] Горький приехал в Ленинград 20 сентября 1931 г. и 8 октября 1931 г. возвратился в Москву.

[3] Речь идет о сборнике «День мира», который был задуман Горьким в 1931 г. (вышел под редакцией М. Горького и М. Кольцова. М., Журнально-газетное объединение, 1937). О значении этого сборника Горький говорил в заключительной части речи на Первом всесоюзном съезде советских писателей (т. 27, с. 344—345, 436).

Сборнику «День мира» предпослано предисловие Горького — «Задачи нашей книги (Из письма М. Е. Кольцову)». Впервые опубликовано в журнале «За рубежом», 1936, № 18, от 25 июня под заглавием «О книге „День мира" (Из письма М. Кольцову)».

ГОРЬКИЙ — Л. М. ЛЕОНОВ

С произведениями Леонида Максимовича *Леонова* (р. 1899) Горький познакомился в 1924 г. В письме к Федину от 6 июля 1924 г. он спрашивал: «Кто такой Леонов, нет ли новых „начинающих"?», а 28 июля того же года сообщал: «Леонова я читал две вещи: „Ковякина" и „Конец лишнего человека". „Ковякин" — это все еще „Уездное" и „Городок Окуров", „Конец" — это очень Достоевский. Написал, чтоб мне прислали его книги» (см. Горький — Федин, письма 7 и 9).

2 ноября 1924 г. Горький послал письмо Леонову, приглашая его сотрудничать в журнале «Беседа». Это письмо положило начало многолетней переписке и дружбе писателей.

Горький горячо интересовался творчеством Леонова. В своих письмах он нередко обращает внимание корреспондентов на книги Леонова и предсказывает ему большую будущность: «Вышли три книги Леонова, получив их, пошлю вам, обратите внимание, это — талант» (Д. А. Лутохину, 10 августа 1924 г., АГ); «Далеко должен пойти Леонов» (Вс. Иванову, 15 октября 1926 г., т. 29, с. 480); «В Леонове чувствуется *большой* русский писатель» (И. А. Груздеву, 13 ноября 1926 г., АГ) и т. д.

Высоко оценил Горький первый роман Леонова «Барсуки». «Сердечно благодарю вас за „Барсуков",— писал он Леонову 8 сентября 1925 г.— Это очень хорошая книга. Она глубоко волнует 〈...〉 Эта книга — надолго. От души поздравляю вас» (т. 29, с. 441 — 442).

Как крупное достижение советской литературы воспринял Горький появившийся в 1930 г. роман Леонова «Соть». В статье «О литературе» он писал: «Леонид Леонов — автор книги „Вор", построение, „архитектонику" которой со временем будут серьезно изучать. Л. Леонов написал книгу „Соть", взяв для нее материалом именно текущую действительность. И—представьте! — получилось именно „подлинное творчество", замечательная вещь, написанная вкуснейшим, крепким, ясным русским языком, именно — ясным; слова у Леонова светятся. А действительность он знает, как будто сам ее делал. Он, Леонов, очень талантлив, талантлив на всю жизнь и — для больших дел. И он хорошо понимает, что действительность надобно знать именно так, как будто сам ее делал» (т. 25, с. 255). В 1931 г. в предисловии к французскому изданию «Барсуков» Горький охарактеризовал творческий облик Леонова, оспаривая мысль о близости его к Достоевскому (см. в наст. томе, стр. 262—265).

Во второй половине июля 1927 г. Леонов по приглашению Горького побывал в Сорренто. «Великую веру в себя дала мне паша встреча, веру и силу»,— писал он Горькому в декабре 1927 г. (письмо 6). И много лет спустя, вспоминая об этой встрече с глубокой признательностью, говорил: «Когда я приехал в 1927 г. к Горькому в Сорренто, он меня сразу принял, проявил ко мне просто нежность. Я возвратился в Москву буквально влюбленным в него» (В. А. Ковалев. Горький и Леонов (20-е годы).— В кн. «Вопросы советской литературы». М.— Л., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 226).

Второй раз Леонов приезжал в Сорренто в апреле — мае 1931 г. «Сейчас у меня живет Леонид Леонов,— писал Горький Р. Роллану 3 мая 1931 г.,— один из крупных наших литераторов, он просит передать вам искренний его привет. Его книги продаются в Париже. Вы получите их и, надеюсь, поделитесь со мною вашими впечатлениями от его романа „Вор" и повести „Соть"» (АГ).

В личной библиотеке Горького находятся книги Леонова с дарственными надписями автора и пометами Горького «Деревянная королева» (1923), «Барсуки» (Л., Госиздат, 1925), «Рассказы» (М.— Л., Госиздат, 1926), «Повести и рассказы» (М.—Л.,

«ЗиФ», 1930), «Соть» (М.—Л., «ЗиФ», 1930), «Саранчуки» (М.—Л., Госиздат, 1931), «Скутаревский» (М., «Советская литература», 1934), «Вор» (изд. 3-е, «Федерация», 1933; изд. 5-е, М., Госиздат, 1936), а также издание романа «Барсуки» на французском языке (Paris, 1931).

Леонов неоднократно писал об огромной роли Горького в становлении и развитии советской литературы, в воспитании молодых писателей.

«Редкий из нас не имеет писем от него, полученных именно тогда, когда это более всего было нужно. Это дружеское участие и поддержка старого мастера, которому мы верим безусловно, не раз давала нам силу для дальнейшей работы; большая доля в успехах пореволюционной литературы принадлежит ему, Алексею Максимовичу» («Известия», 1932, № 266, от 25 сентября).

О встречах с Горьким, его роли в своей жизни и творчестве Леонов рассказал в ряде статей, очерков и воспоминаний: «Советские писатели о Горьком». — «Журналист», 1928, № 3; «Человек большой жизни».— «Известия», 1936, № 143, от 21 июня и др.

Переписка Горького с Леоновым охватывает период с 1924 г. по 1935 г.

Восемь писем Горького Леонову — от 12 декабря 1924 г., 8 сентября 1925 г., 31 декабря 1927 г., 21 января 1928 г., 13 октября 1930 г., 11 декабря 1930 г., 18 марта 1931 г., 4 октября 1935 г.—опубликованы в т. 29 (№№ 788, 801) и т. 30 (№№ 889, 896, 1001, 1007, 1021, 1169).

Ниже публикуются четыре письма Горького Леонову, одно письмо, адресованное Леонову и В. П. Катаеву, и пять писем Леонова Горькому. Письма 1, 3, 9, 10 Горького публикуются по подлинникам, хранящимся у адресата.

В приложении публикуется предисловие Горького к французскому изданию романа Леонова «Барсуки».

1

ГОРЬКИЙ — ЛЕОНОВУ

⟨Сорренто. 2 ноября 1924 г.⟩

Л. Леонову

Уважаемый гр. Леонов,— не знаю отчества вашего, прошу извинить мне это обращение.

Разрешите предложить вам сотрудничество в журнале «Беседа» [1], который ныне допущен в Россию. Вы, вероятно, знаете, что это журнал аполитический, таковым он и останется до поры, пока в нем работают проф. Ф. А. Браун [2], В. Ф. Ходасевич и я.

Прочитал я четыре опубликованные вами книжки [3] и сердечно приветствую вас, искреннейше желаю свободного роста вашему таланту.

Очень хотелось бы видеть вас в «Беседе». Не известен ли вам адрес Пантелеймона Романова? Сообщите, если это не затруднит вас. А буде он в Москве и вы с ним встречаетесь,— попросите его послать мне «Русь» [4].

Желаю вам всего доброго.

А. Пешков

P. S. Письма прошу посылать заказными.

А. П.

2.XI.24. Sorrento.

M. Gorki.

[1] См. Горький — Ласковая, письмо 2, прим. 2. Леонов участия в журнале не принимал.

[2] Федор Александрович *Браун* (1862—1942) — литературовед-германист, с 1905 г. по 1920 г. профессор Петербургского университета. Ф. А. Браун был одним из редакторов журнала «Беседа».

[3] «Петушихинский пролом» (1923), «Деревянная королева» (1923), «Туатамур» (1924) и «Конец мелкого человека» (1924). Все книги вышли в издательстве М. и С. Сабашниковых.

[4] Пантелеймон Сергеевич *Романов* (1884—1938) — писатель. В 1911 г. Романов послал Горькому свой рассказ «Отец Федор» (напечатан в июльском номере «Русской

ГОРЬКИЙ, Л. М. ЛЕОНОВ и А. Б. ХАЛАТОВ
Фотография М. А. Пешкова, Сорренто, 1931 г.
Музей Горького, Москва

мысли» за 1911 г.). В ответном письме Горький указывал Романову на серьезные недостатки в языке рассказа: «Мне очень хотелось, Пантелеймон Сергеевич, побеседовать с вами о рассказе вашем: весьма значительный содержанием, во многом — новый, он показался мне испорченным неуместной, а порою некрасивой игривостью языка, тяжелыми оборотами фразы и несколько семинарским пристрастием к физиологии» (АГ). 2 декабря 1924 г., посылая Горькому первую часть романа «Русь» (1923), Романов писал: «Очень рад был получить весточку о вас от Леонова. Он мне передал о вашем желании иметь „Русь“» (АГ). Роман был послан с дарственной надписью: «Глубокоуважаемому Алексею Максимовичу Пешкову от искренно преданного автора. Москва. 1 января 25 г.»

Экземпляр с пометами Горького хранится в ЛБГ.

И на этот раз Горький резко осудил язык романа (см. Горький — Федин, письмо 15). Отзывы Горького о П. Романове см. также в статье Горького «Письма из редакции» (т. 25, с. 148).

2

ЛЕОНОВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва. 11 ноября 1924 г.〉

Дорогой Алексей Максимович,

получил письмо ваше и немедля сажусь отвечать. Во-первых, благодарю за добрые пожелания ваши: грешен человек, люблю хорошие вещи слышать, а тем более от вас. Ведь мы вас, Алексей Максимыч, очень любим, по-настоящему, а об «Воспоминаниях и заметках из дневника» [1] очень и очень часто говорим. Вы простите уж, что это вот я так сразу и сказал: ужасно трудно говорить об этом, и слова выходят всегда какие-то неловкие.

Спасибо вам за предложение участвовать в «Беседе». Конечно, не отказываюсь, но все дело в том, что покуда нет у меня свободных вещей. Самую последнюю вещь свою выдал в «Красную новь» (роман «Барсуки», где она и пойдет в несколько «обрезанном» виде. Тотчас же по выходе ее в Ленгизе непременно и немедленно пошлю ее к вам! (Там я надеюсь пропустить ее целиком.) [2]

Пантелеймону Романову звонил по телефону ровно через 10 минут по получении вашего письма. Он будет писать вам, в письме же и сообщит свой адрес. «Русь» собирается послать незамедлительно.

А. К. Воронский [3], которому я сообщил о вашем письме (случилось, что он мне позвонил сегодня вечером), приказал кланяться вам низко-низко. Также наказано им (к чему все мы, молодые, присоединяемся хором) передать искреннее и большое желание поскорее увидеть вас в России, в Москве. Это все так, конечно, но только вряд ли московский климат заменит вам Сорренто: вчера выпал снег, дни стали очень острые, вся Москва хрипит и кашляет.

Зовут меня — Леонид Максимович, а живу я — Москва, проезд Девичьего поля, д. № 8а (угол Плющихи). Еще раз благодарю вас за письмо ваше, а самому вам от всего сердца желаю много-много здоровья.

Весь ваш
Леонид Леонов

11 ноября 1924.
Москва.

Очень охотно буду отвечать на письма ваши.

[1] М. Горький. Заметки из дневника. Воспоминания. Берлин, «Книга», 1924 (см. т. 15).

[2] Роман Леонова «Барсуки» печатался в «Красной нови», 1924, №№ 6—8. Отдельное издание романа (Л., Госиздат, 1925) Леонов послал Горькому с надписью: «Алексею Максимовичу Пешкову в знак горячей признательности моей за внимание и ласку. Леонид Леонов. 11 августа 1925. Москва» (ЛБГ).

[3] См. Горький — Гладков, письмо 7, прим. 7.

3

ГОРЬКИЙ — ЛЕОНОВУ

〈Сорренто. 12 ноября 1926 г.〉

Получил вашу книгу [1], Леонид Максимович, благодарю вас за внимание.

Прочитал незнакомые мне рассказы: «Уход Хама», «Халиль», «Гибель Егорушки» и очень рад еще раз сказать: талантливый вы художник, берегите себя и не верьте никому, кроме себя, а особенно не верьте людям, которые пишут предисловия. Хотя я должен сознаться, что тоже пишу таковые, но я больше в целях поучения иностранных читателей [2].

Желаю вам всего доброго.

А. Пешков

12.XI.26. Sorrento.

[1] «Рассказы». М.— Л., Госиздат, 1926. Книга была послана Горькому с дарственной надписью: «Дорогому Алексею Максимовичу Пешкову от искренно любящего автора. 27 окт. 1926. Москва» (ЛБГ).

Кроме упомянутых в письме рассказов, в сборник входили: «Бурыга», «Туатамур», «Петушихинский пролом».

[2] В 1925—1926 гг. Горьким были написаны предисловия к переводам на английский язык сочинений А. С. Пушкина, повести Н. С. Лескова «Очарованный странник», роману Л. Андреева «Сашка Жигулев», к первой части романа С. Н. Сергеева-Ценского «Преображение», роману О. Форш «Одеты камнем» и др.

4

ГОРЬКИЙ — ЛЕОНОВУ и КАТАЕВУ

〈Сорренто. 15 июля 1927 г.〉

Л. Леонову, Вал. Катаеву

Писано было мне из противного городишки немецкого — Берлина, что имеете вы великодушное намерение заглянуть ко мне, старику, и был я этим весьма обрадован, но — усумнился.

Теперь же, получив письмецо ваше [1], того более обрадовался и — нетерпеливо жду вас с женами и детями.

Посе́литесь же вы через дорогу от меня в месте тихом и красивом, в гостинице «Минерва» — Capo di Sorrento,— от Сорренто 15 минут пешего хода.

И — выпьем.

Из Неаполя лучше всего ехать на барке — это дешевле и скорее, ибо пароход заходит в соседние города и быстротою не отличается.

Устроитесь дешево и удобно.

Очень рад.

День приезда — телеграфьте.

А. Пешков

15.VII.27.

Capo di Sorrento.

[1] Письмо Леонова Горькому из Рапалло от 12 июля 1927 г., в котором Леонов писал: «Сидим сейчас в Рапалло, дорогой Алексей Максимович, и собираемся посетить вас. Пишу во множественном числе, ибо кроме меня — моя жена и писатель В. Катаев с женой. Очень хочется познакомиться с вами и поговорить» (АГ).

Леонов и В. П. Катаев посетили Горького в Сорренто во второй половине июля 1927 г. См. Л. Леонов. «Поездка в Сорренто» («30 дней», 1927, № 11), «За все человеческое» («30 дней», 1928, № 4), «Советские писатели о Горьком» («Журналист», 1928, № 3), «О Горьком (Из записной книжки)» («Известия», 1932, № 266, от 25 сентября).

5

ЛЕОНОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва. 15 сентября 1927 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович.

Тотчас же по приезде из-за границы, обалдев от оной, отправился я в Переславль-Залесский отдыхать, да так и не собрался там написать вам, чтоб как следует поблагодарить вас за ваше радушие и гостеприимство. От души спасибо за все то хорошее, что мы с женой получили у вас в Сорренто. Если бы я умел писать письма как следует, то непременно надо бы описать все по порядку. Не умею. Попросту сознаюсь, что Переславль очень пригодился мне. Многое отстоялось и стало понятнее. Мы, конечно, лучше заграницы, но это не означает, что шапками ее закидаешь. Работать надо и выдумать хороший арагац (помните, снадобье такое было в прежние годы) на дураков и пошляков. Настроение, вообще говоря, установилось превосходное у меня. Может быть,— оттого, что сел работать. Думаю еще раз опечалить человечество пьесой [1].

Замечательный вы человек, Алексей Максимович, — не обижайтесь, что так неприлично в лицо выражаюсь. Я счастлив, что был у вас и говорил с вами. И почему-то все время такое чувство, словно совершил какую-то нечестность в отношении вас. Это, пожалуй, и хорошо. Должен всякий человек иметь в мире человека, перед которым бы он чувствовал такое.

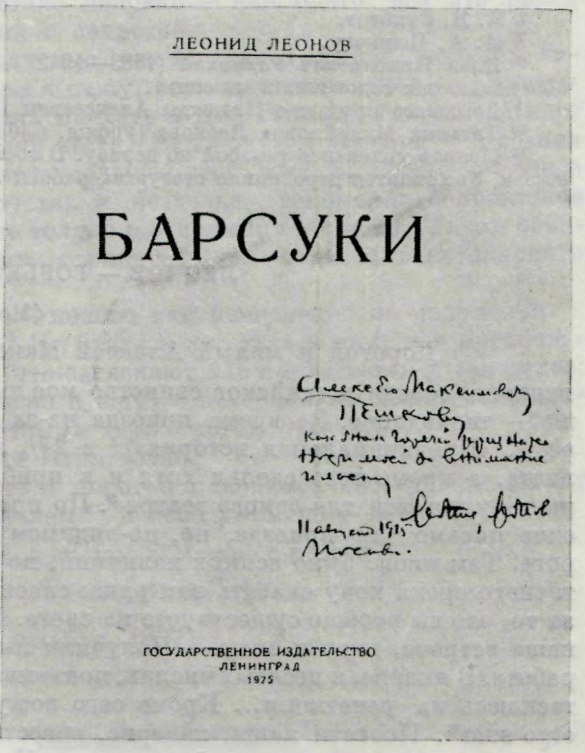
Это будит в нем хорошее, живое, шевелящееся в горле и сердце. Еще раз извините меня великодушно за словеса, которые я все равно должен был сказать вам, чтоб не лопнуть от них.

Вчера приехал Всеволод из Парижа [2]. Сейчас звонил к нему по телефону, но оттуда какой-то неистовый свищ и плищ: очевидно справляет приезд. Сам он сказал мне очень таким шатким голосом, что, дескать, вывел заключение, что все мы должны крепко любить друг друга. Говорят, что у него чрезвычайно заграничный вид. Я его еще не видел, но, должно быть, это забавное зрелище.

Холодает у нас, хотя лист еще держится. Совершенно невообразим сейчас российский пейзаж. Березовую рощу на бугре, осеннюю, пеструю, представляете? А какие горизонты в Переславльском округе! Великое дело горизонт,— у нас он тянет на великие дела, право, а у вас там теснота душе и плюнуть некуда. Мудрости у нас больше, чинности, сановитости, без которых — как существовать на свете? Настроение, говорю, у меня самое торжественное, несмотря ни на что, несмотря на то, что 22-го состоится в театре премьера «Барсуков» [3]. Жена волнуется (или делает только вид?), а мне нипочем.

Доехали мы вполне благополучно, если не считать варшавских приключений. Должно быть, я перепугал полицию (Катаев уехал из Вены днем раньше), и за нами неустанно и нагло ходили шпики, а мне было даже как-то лестно: впервые. В гостинице ночевали ужасной,— неловко было с женой входить в такое мерзопакостное место. Иных в Варшаве, кажется, и нет. Очень смешно получилось: всю ночь в подъезде этих меблирашек сидел из-за нас полицейский. Вечером я вышел с женой и решил вести себя нагло. «Какой тут у вас, братец, самолучший ресторан?» спрашиваю по-русски. «„Бахус“, налево за углом, пан...» — тоже чисто и по-русски отвечал страж и весь вытянулся. В передаче это не так смешно выходит.

Сегодня сходил в баню, выпарился,— удивительное дело баня. Когда приедете — устроим коллективный поход в Сандуны, то-то будет происшествие. Горький мылся-с! — мне банщик рассказывал. Верно это? Мылись вы в Сандуновских банях? Кстати: очень занятное присловье дове-



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ Л. М. ЛЕОНОВА ГОРЬКОМУ НА РОМАНЕ «БАРСУКИ» (Л., 1925):

«Алексею Максимовичу Пешкову как знак горячей признательности моей за внимание и ласку. Леонид Леонов. 11 августа 1925, Москва»

Личная библиотека Горького

лось слышать мне в Переславле. «Делов у меня, как у Максима Горького!» (Это значит, что очень много дел!)

К вам, кажется, собирается заехать из Парижа В. П. Полонский [4].

Воронский очень похудел и осунулся.

Красные ворота [5] снесли,— гладко, как колено.

Вот и все наши новости.

Мой сердечный привет Марии Игнатьевне [6]. Ежечасно памятуем о ней, я и жена. Вообще, я очень и очень рад, что побывал у вас, теперь понимаю, почему Сорренто у московских литераторов звучит, как Мекка, право! Максиму [7] — нижайшее, Ивану Николаевичу [8] — дражайшее. Тимоше [9] — пожелания здоровия...

Жена моя [10], влюбленная в вас всех, шлет свои всяческие хорошие слова.

А писем-то я все-таки писать не умею.

Обнимаю вас.

Всегда ваш
Леонид Леонов

15 сентября 1927.
Москва.

Обещанная вам деревяшка ждет вас [11].

[1] Речь идет о пьесе «Провинциальная история». На сцене поставлена не была. Впервые напечатана в кн.: Л. Л е о н о в. Пьесы. М., Гослитиздат, 1935. См. письмо 6.

[2] Всеволод Вячеславович *Иванов*.

[3] Премьера «Барсуков» состоялась в театре им. Евг. Вахтангова 22 сентября 1927 г.

[4] В. П. Полонский в Сорренто не приезжал.

[5] Красные ворота — триумфальная арка в Москве, построенная в 1753—1755 гг. по проекту архитектора Д. В. Ухтомского.

[6] М. И. Будберг.
[7] М. А. Пешкову.
[8] Иван Николаевич *Ракицкий* (1883—1942) — художник, друг Горького. С начала двадцатых годов жил в его семье.
[9] Домашнее прозвище Надежды Алексеевны Пешковой — жены М. А. Пешкова.
[10] Татьяна Михайловна Леонова (урожд. Сабашникова).
[11] Леонов увлекался резьбой по дереву. В московской квартире Горького (ул. Качалова, 6) хранится деревянная статуэтка работы Леонова.

6

ЛЕОНОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва. Декабрь, до 25-го, 1927 г.⟩

Дорогой и милый Алексей Максимович,

великое, совсем российское свинство мое имеет хоть и маленькое, но все же — оправдание. За время приезда из-за границы я успел сделать повесть («Провинциальная история»)[1] в $2\frac{3}{4}$ листа и три рассказа[2] на $1\frac{3}{4}$ листа, а кроме того сделал хотя и в приблизительном черновике пьесу на тему повести для одного театра[3]. По правде сказать, я уже послал вам одно письмо[4] по приезде, но, по-видимому, оно застряло где-то по дороге. Там много было всяких излияний, но и теперь по миновании достаточного срока хочу сказать вам одно: спасибо вам, Алексей Максимович, за то, что вы вообще существуете на свете. Великую веру в себя дала мне наша встреча, веру и силу. — Получили вы мое первое письмо? Живем в работе. В январе, в десятых числах, показывают мхатовцы «Унтиловск»[5], — таскаюсь на репетиции... Кроме сего вожусь с фотографией, пишу, — ergo sum*. Новости наши, наверно, известны вам: Всеволод Иванов назначен членом редакционной коллегии «Красной нови»[6]. Пильняк пребывает в хандрах и кризисах, Бабель в Париже. Катаев написал водевиль «Квадратура круга», принятый на малую сцену I МХАТа[7]. Асеев гостит у вас?[8] Ну и надоели же вам, вероятно, всякие черти драповые из Москвы? Нет, по правде, а? Я слышал, что вы были серьезно больны? Искренно надеюсь, что это так, мимоходом, а вообще все благополучно? И даже тогда, в такую минуту, я не сумел написать вам. Каюсь в хамстве моем: я не поздравил вас с юбилеем[9] вашим, когда вся Россия приветствовала вас. Мое запоздалое, но сердечнейшее пожелание здоровья и всего прочего, что зависит в конечном счете от здоровья же, примите безгневно, хотя бы и теперь, так поздно. В те сроки без отрыву сидел за столом, по-азиатски, по 12 часов в день — работал. Я свиреп в такие сроки и жесток к ближним: кроме листа бумаги перед собой, я не вижу ничего. Я заболеваю темой и, пока не отшелушусь от нее, не имею воли побороть себя и угрызения совести моей. Может быть, в наше время это и правильно. Я все больше (хотя и тоже с запозданием!) прихожу к мысли, что теперь время работы с большой буквы. Работать надо, делать вещи, пирамиды, мосты и все прочее, что может поглотить у человечества скопившуюся силу. России пора перестать страдать и ныть, а нужно жить, дышать и работать много и метко. И это не спроста, что история выставила на арену людей грубых, трезвых, сильных, разбивших вдрызг вековую нашу дребедень (я говорю об мятущейся от века русской душе) и вколотивших в нее толстую сваю под неизвестное покуда, но, по-видимому, основательное здание, судя по свае. В повести, написанной мною, не совсем развито это положение, но в пьесе непременно разовью. Мучительно, страшно, но как необходимо нам такое вот исцеление от «мечты напрасной» (помните, в «Унтиловске» расстрига горюет об ней) и прозрение для того, чтоб увидеть мир реальный, жестокий, земной, как он есть на деле...

---

* следовательно, существую (лат.) — *Ред.*

Перевернул страницу, и стало неловко — как будто вся эта рацея приведена для самооправдания в свинстве.

Морозы стоят двадцатиградусные, вся Москва в гриппу, перхает, чихает и вообще простужена. Сам я сижу, вернее, отсиживаюсь, в температурке и поэтому не мог сегодня поехать в Дом Герцена, где сейчас идет торжественное заседание в вашу честь. Екатерина Павловна [10] просила меня в президиум, и я был очень польщен этой честью, но вот... Сидя в одиночестве, за столом, в грустях и безделье, вспоминал соррентское наше житие, милое и теплое не только в отношении климата. Таким образом и написалось это письмо, отрицательный образец эпистолярного искусства.

На днях выходит «Вор» [11] — пошлю вам немедленно по получении.

Как ваше здоровье теперь? Не боитесь ли ехать к нам, как предполагали, в августе с. г.? Боюсь, что затаскают вас по банкетам и так далее: соскучились по вас здесь сильно и ждут с нетерпением. Ежедневно кто-нибудь спрашивает меня об этом, и я уже устаю отвечать.

Мой низкий поклон Марии Игнатьевне.

Привет Максиму со чадами и дорогой половиной его, привет Ивану Николаевичу, герцогам Кокачиам [12] и всем помнящим меня.

Вас крепко обнимаю и целую.

Всегда ваш Леонид Леонов

Число, ей-богу, забыл, декабря 1927.
Москва.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ТЕАТР :: :: :: имени ЕВГ. ВАХТАНГОВА

Четверг, 22-го Пятница, 23-го и Среда, 28-го Сентября

ПРЕМЬЕРА

Леонид ЛЕОНОВ:

БАРСУКИ

Пьеса в 4-х действиях и 13-ти картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Павел (тов. Антон)	Б. В. ЩУКИН
Семен	Н. Г. ГЛАДКОВ
Егор Брыкин	В. И. МОСКВИН
Настя	Е. Г. АЛЕКСЕЕВА
Дудин	Д. Н. ЖУРАВЛЕВ
Секретов	М. С. ДЕРЖАВИН
Анна Брыкина	В. Л. ГОЛОВИНА
Савелий	И. М. ТОЛЧАНОВ
Анисья	З. Н. БАЖАНОВА
Петька Грохотов	К. Я. МИРОНОВ
Стафеев	А. Д. КОЗЛОВСКИЙ
Половинкин	В. В. КУЗА
Герасим	А. М. ХМАРА
Чмелев	В. В. БАЛИХИН
Мишка Жибаида	А. И. ГОРЮНОВ
Юда	Б. М. ШУХМИН
Марфушка	А. Ф. МИЛЬНЕР
Супонев	И. М. РАПОПОРТ
Чугунов	Н. П. ЯНОВСКИЙ
Мать Брыкина	Т. М. ШУХМИНА
Муруков	Б. А. СЕМЕНОВ
Петька Ад	В. Г. КОЛЬЦОВ
Пызлов	Д. Н. ЖУРАВЛЕВ
Пред. УИК	Л. М. ШИХМАТОВ
Брозин	А. М. НАЛЬ
Помначстанции	М. С. ДЕРЖАВИН

Ответственный режиссер Б. Е. ЗАХАВА

Режиссеры О. Н. БАСОВ, Б. В. ЩУКИН

Художник С. П. ИСАКОВ Музыкальная часть К. И. СИЗОВА

Пом. режиссера Г. О. ЛИНДКВИСТ

Начало в 8 часов вечера

Билеты продаются ежедневно в кассе театра (Арбат, 26, тел. 3-70-53) и во всех справочных бюро МКХ

После подписки заявлена вход в зрительный зал не допускается

АФИША ПРЕМЬЕРЫ ПЬЕСЫ Л. М. ЛЕОНОВА «БАРСУКИ» НА СЦЕНЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕАТРА им. ЕВГ. ВАХТАНГОВА в МОСКВЕ

22, 23 и 28 сентября 1927 г.

Музей театра им. Евг. Вахтангова
Москва

Не имея вестей, получили ли вы первое мое письмо, сообщаю поговорку, слышанную мною в Переславле-Залесском, в каковом отдыхал от заграницы!

— Э, брат... да у него делов, как у Максима Горького.

Л.

Жена шлет сердечный привет всем.

Датируется по ответному письму Горького от 31 декабря 1927 г. (т. 30, № 889).

[1] Напечатана в «Новом мире», 1928, № 1.

[2] Речь идет о рассказах «Темная вода», «Возвращение Копылова», «Приключение с Ивановым», напечатанных под общим заглавием «Необыкновенные истории о мужиках» («Звезда», 1928, № 1).

[3] См. письмо 5, прим. 1.

[4] См. письмо 5.

[5] Премьера спектакля состоялась на сцене МХАТ 17 февраля 1928 г. Отрывок из пьесы «Унтиловск» был опубликован в «Красной нови», 1926, № 8, полный текст пьесы — в «Новом мире», 1928, № 3.

[6] См. Горький — Гладков, письмо 15, прим. 1.

[7] Премьера состоялась 12 сентября 1928 г. на сцене МХАТ.

[8] Н. Н. Асеев посетил Горького в Сорренто 5 ноября 1927 г. (см. Н. А с е е в. В гостях у Горького.— «Горький. Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком» под ред. И. Груздева. М.— Л., Госиздат, 1928, стр. 451).

[9] В сентябре—октябре 1927 г. советская общественность широко отмечала 35-летие литературной деятельности Горького.

[10] Е. П. Пешкова.

[11] Роман Леонова «Вор» печатался в «Красной нови», 1927, №№ 2—7. Отдельное издание — М.— Л., Госиздат, 1928.

[12] Джованни *Кокачио* — владелец отеля «Минерва» в Сорренто, в котором останавливался Леонов.

7

ЛЕОНОВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва. 10 января 1928 г.〉

Дорогой Алексей Максимович,

во-первых, простите, что употребляю самопишущий инструмент для общения с вами. Все дело в том, что опротивело мне перо свыше всякой меры и сил нет справиться с этим отвращением моим. И хотя никаких особых новостей сообщить вам не имею, все же удивительно лестно и приятно стучать по бумаге и думать о вас.

Во-первых, посылаю вам еще тепленького «Вора» [1]. Во-вторых, премьера «Унтиловска» [2] должна была состояться 19 янв〈аря〉, но Станиславский решил поработать сам, и вот уже я ничего не знаю. Думаю, однако, что публичное пропятие мое состоится не позднее последних чисел января. Вот еще новость: у редактора «Красной нови» Всеволода Иванова родилась дочь. Вот еще: я накупил себе кактусов и сейчас занимаюсь исследованием этих молчаливых субъектов. Кроме того, изощряюсь в фотографии и других ремеслах.

Ужасная вещь, только сегодня узнал. Ацаркин, зав〈едующий〉 Моск〈овским〉 отд〈елением〉 «Пролетария» (издательство такое), сообщил мне сегодня, что он послал вам письмо с просьбой написать предисловие к моему Собранию, которое выходит в этом издательстве [3]. Я оказался, таким образом, в положении чрезвычайно пиковом. Мне чрезвычайно было бы приятно иметь в своей книге вашу статью, но имейте также в виду, *что я совершенно не буду в обиде, если вы не захотите или если состояние здоровья вашего не позволит вам заняться этим скучным делом.* Поймите меня как следует, милый Алексей Максимович, и ради бога не сочтите эти строки за какой-то маневр: мне это будет очень горько и обидно.

Скучно вам, небось? А мы вот в субботу, втроем, едем в Муромские леса людей глядеть. Но делается это тоже от скуки. Ву компри, как говорит на французском диалекте писатель Катаев. Кстати, писатели медленно образумливаются: перестают пить. (Я-то, собственно, с трех рюмок пьян бываю. У вас мы ведь пили больше каприйское, нектариальное винцо, которое человеку не вредит, а только восхищает к небесам. Ведь не пьяница я, не правда ли? Но гадалка одна мне предсказала в свое время, что алкоголик я буду сверхъестественный и этим даже удивлю мир. Смиренно жду исполнения сего печального пророчества...)

Деревяшка ваша [4] находится пока у меня, не было случая передать ее Катерине Павловне, не встречались. Изображает она старичка, сделана из можжевела, ножом, в минуту жизни трудную. Эх, с каким бы потрясающим удовольствием принес бы я ее сейчас к вам, выйдя из «Минервы» [5].

Сесть бы этак, закурить (своих, своих закурить: доселе меня мучит совесть за наглое наше поведение у вас, крепко мучит, до красного стыда жжет), переглянуться и вольготно поговорить о вещах, касаемых человека на земле. Крепко мы вам мешали, Алексей Максимович, в ту пору. Скажите по правде, а? Придут, сядут, сидят, и выгнать неловко. Я только теперь начинаю понимать, что о самом-то главном мы, собственно говоря, так и не переговорили [6].

Хороший вы человек, Алексей Максимович, очень приятный, теплый, живой... а напрасно читаете всякую дребедень [7], смысл которой только в том, что она напечатана в замечательной нашей стране, на удивительном нашем языке. Время вы у самого себя крадете. Вещи надо читать (если не вру) через пять лет по выходе их в свет: не состареется, значит — хорошая книга. У нас до этого непогрешимого аршина еще не додумались.

Адрес мой, чтоб не забыть: Москва, проезд Девичьего Поля, 8а. Вот какой мой адрес. И еще, чтоб не забыть: фотографии, которые я снимал в Сорренто, я увеличил, и очень неплохо вышло. Часть их напечатал я в «30 днях» [8], не видали?

Привет мой душевный, буде не забыла про меня, Марье Игнатьевне. Максиму — нижайшее. Ивану Николаевичу привет. Мелким чадам — благожелания. Вас обнимаю и целую.

Весь ваш
Леонид Леонов

Жена крепко-крепко приветствует вас.

10 января 1928.
Москва.

[1] Отдельное издание романа «Вор». М.— Л., Госиздат, 1928.

[2] См. письмо 6, прим. 5.

[3] Александр Николаевич *Ацаркин* (р. 1904) в 1928 г. работал редактором в издательстве «Пролетарий», выпустившем собрание сочинений Леонова в 5 томах (Харьков, 1928—1930). В письме к Леонову от 21 января 1928 г. Горький сообщал, что предисловие написать не сможет за недостатком времени. «Писать о вас нужно немало и очень хорошо, очень подробно. Вы идете прыжками от „Туатамура“ к „Барсукам“, от „Барсуков“ к „Вору“, всё это вещи резко различные и разноязычные, и показать читателю, *как* именно различны они, чем столь необычно отличаются одна от другой,— на эту работу нужно много дней, нужно всё ваше перечитать и — внимательно» (т. 30, с. 68—69).

[4] См. письмо 5, прим. 11.

[5] См. письмо 6, прим. 12.

[6] В письме к Леонову от 21 января 1928 г. Горький писал: «О чем „о самом главном не переговорили мы“, как вы пишете? Мне кажется, что самое главное — почувствовать друг друга, а это, на мой взгляд, было. Слова — особенно излюбленные или при-

вычные — часто являются помехой пониманию людей, особенно если люди не только разных возрастов, но и разных эпох, как вы и я» (т. 30, с. 69).

[7] Отвечая Леонову, Горький писал 21 января 1928 г.: «Не согласен я с вами в том, что „напрасно читаю всякую дребедень". Я думаю, что это настоящее мое дело. Оно похоже несколько на работу огородника,— вот материал для неплохого каламбура! Нет, я очень люблю следить, как растет человек» (т. 30, с. 69).

[8] Очерк Л. Леонова «Поездка в Сорренто», напечатанный в журнале «30 дней», 1927, № 11, иллюстрирован двумя фотографиями: на одной снят Горький, а на другой — Горький вместе с Леоновым.

8

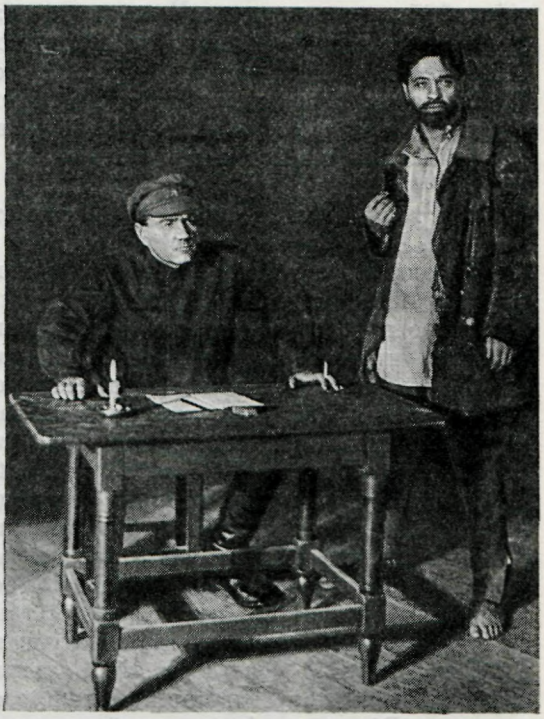
ЛЕОНОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва. 21 октября 1930 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович,

всегда как-то робею, правду (заочно) говоря, когда пишу вам. Боюсь употребить какое-то не то слово, которое надо, а слово — формула, и в делах психологической химии спутать формулу — конец, конец всему. Поймите меня правильно. Мне всегда был необходим человек, которого я бы очень любил и которому бы беспредельно верил. Долгое время таким был, между нами говоря, И⟨лья⟩ С⟨еменович⟩ Остроухов [1], человек грубый и великого чутья. (Было дело — он мне однажды запретил печатать одну повесть — «Унтиловск», я почти грызся с ним,— уходил по Трубниковскому переулку вниз и, чего греха таить, плакал от злости, а все-таки не напечатал.) С самого начала деятельности моей, с момента получения первого вашего доброго письма ко мне (о «Барсуках») [2], вы стали для меня таким же — и если так случилось, что я вам не надоедал с самым первым показом моих рукоделий, то лишь потому, что до Сорренто далеко и даже по телефону не поговоришь, а пока письмо напишешь — да получишь ответ — начальная температура падает. Счастье ваше, что в Сорренто вы живете, а не в Москве,— выгнали бы вы меня ко всем чертям. Сие не слова, а весьма основательная правда. Как и всякий, кто пишет, бывают у меня весьма нехорошие минуты каких-то внутренних кризисов... (фразочка-то, а? Не умел, не умею писем писать, и за последние шесть лет — это, ей-богу, первое письмо по душам!). Тут мне очень мутно бывает, искренно считаю себя конченным, тогда предаюсь кактусам и в этой обширной пустыне пребываю до восстановления рассудка. Тогда, бывало, приходил к И⟨лье⟩ С⟨еменовичу⟩, садился, наливал рюмку-две (не больше) водки, ему и себе, и этак просиживал вечер с ним, молча. Он очень здорово умел молчать, но обоим слышно было, как внутрях, так сказать, работают машины. Сии минуты дают душе некие морщинки — не дай бог, чтоб трещины. Сам себя я язвлю достаточно, есть за что, уязвление вошло в систему, и оттого всякое, самое даже мимоходное слово ваше, слово поддержки, давало мне очень большую нравственную помощь. Очень много раз я собирался написать вам об этом, но потом перечтешь письмо, что-то заподозришь, и письмо напополам. Ведь вы-то об этом знаете, и я, в сущности, напрасно сознаюсь в этом. В наше время не только неприлично, а и действительно излишне расписываться в чувствительностях. Дело надо делать. Но вот, все-таки, за вашу необыкновенную любовную зоркость к молодой русской литературе, за поддержку даже самых слабых ростков ее (ибо хорошего похвалой не испортишь!) великое мое вам, Алексей Максимович, спасибо.

Мы в очень трудное время живем. Перестройка идет такая, каких с самого Иеремии не бывало. (Иеремия тут со смыслом!) Все вокруг трещит, в ушах гуд стоит, и немудрено, что в Вольском уезде, говорят, 65% мужиков страдают сердечными болезнями. Нам уж теперь отступления



ПАВЕЛ и СЕМЕН. СЦЕНА ИЗ ПЬЕСЫ Л. М. ЛЕОНОВА «БАРСУКИ» В ПОСТАНОВКЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕАТРА им. ЕВГ. ВАХТАНГОВА В МОСКВЕ, 1927 г.

Павел — Б. В. Щукин; Семен — Н. Г. Гладков

Фотография

Музей театра им. Евг. Вахтангова, Москва

нет... и вот в этом пункте — о литературе. Время опасное, и о многом нельзя, а хотят — чтоб о соцсоревновании, о встречном промфинплане и т. д. Ведь все эти вещи — только маневрирование большого корабля. Не то нужно в нашей литературе. Есть особая (тут я очень неточно, ибо еще не продумал) литературная философия людей, явлений, событий. В некоем величественном ряду стоят — Дант, Атилла, Робеспьер, Наполеон (я о типах!), теперь сюда встал исторически — новый человек, пролетарий ли? не знаю,— новый, это главное. Конечно, истоки в пролетариате. Вот и требуется отыскать формулу его, найти ту филозофическую подоплеку, благодаря которой он встал так твердо и, разумеется, победит. Все смыслы мира нынешнего, скрещиваясь в каком-то фокусе, обусловливают его победу. Вот о нем надо писать — о том, чего еще нет. Самого честного, самого упорного ударника Путиловского спросите об этом — не ответит он. Ибо, что есть истина? завтрашняя, к тому же! Думаешь об этом и зачастую упираешься в вопросы, еще не решенные жизнью и страной, а ведь до утопии снижаться не хочется. Вот и выходит: жадность — хочется непременно найти этот эликсир, кристалл, алхимический камень, а колбы-то лопаются — и конфуз. Я помню один разговор с вами, в Сорренто (я их не записывал, они сами так записались в памяти, что и азотной кислотой не вытравишь!): «А вы будьте художником!» (я тогда ныл по какому-то невразумительному поводу). Правильно и даже очень, но быть только художником — это значит писать очень (порою!) неприглядный пейзаж действительности. Сейчас главное — хотеть, желать, делать что-то литературой. Ведь не то же главное, что брюк в продаже нет или что фининспектор нашего брата описывает. Итоги нужно делать, и жаль, что никто не понимает этого из тех, кто это понимать обязан. Еще раз извините за эту вдруг открывшуюся хлябь, но, судьба такая, вы есть сегодня единственный человек у нас, которому можно

признаться во всяких литературных терзаниях, и, конечно, только вы, при наличии вашего огромного литературного опыта и (попросту) крупнейшего человеческого естества, поймете сие нечленораздельное мычание. (Нарочно не перечитываю, ибо непременно разорву, все равно три дня буду устыжать себя за свое поведение в этом письме, но уж очень разволновался — письмо ваше [3] только что получил, лежит на столе передо мною.)

Вот тоже и кактусы [4]. Они неспроста. Меня тут занятная штука захватила. Любую траву земную, поглядев на нее в течение хотя бы недели, берусь описать в стихах и прозе, вне зависимости от размера оной травы, живучести, рисунка и т. д., а этой штуки не понимаю. (Я-то как раз собираю не древообразные кактусы, а лишь круглые, продолговатые, так сказать, унитарные сорта.) Ничего не разумею в них, хотя знаю о них все, даже дату появления каждого отдельного вида в Европе. Эта замкнутость, неразрешимая снаружи, крайне меня занимает... Например, расспросите вашего придворного кактусовода И⟨вана⟩ С⟨оловья⟩ Р⟨акицкого⟩ о сорте Pelecyphora aselli formis pectinata. Что он вам скажет? Ничего. Даже в дотошной одной книжке садовода из Кью о ней сказано: растет-растет и иногда гибнет «изнутря» без всяких причин, и больше ничего, а? А какие люди занятные, кои у нас делом этим занимаются! Ведь рядовой любитель ниоткуда достать какой-либо сорт не может, а вот в Киеве проживает некий Томаш-Унус (фамилия такая!), у него 250 видов, а живет он рядом с прачечной, и сырая, гнусная, бельевая вонь сочится к нему в комнату, а вид у него дикий. Сальные, длинные волосы, замасленная куртка, взгляд потусторонний, брюки люстриновые,— он дал мне какой-то лохматок Dissocactus'a (который мне не нужен), долго всовывал его мне в ладонь и все шептал: «Вы попробуйте только эти, только испытайте... редчайшее существо, поливая-поливая!..». Совсем спятил: кактусы держит в стеклянных ящиках, а сам спит на диване, который вдвое короче его самого. Нет, это занимательно, Алексей Максимович, не токмо в ботаническом смысле. Есть целая каста кактусоводов, только о своем и говорят. Будете в Москве, я расскажу вам о них.— Конечно, это пустыня, куда они уходят от нынешнего дня. Кактус можно понять, только насытив его самим собою до отказа. Вот отчего у иных они цветут каждогодно, у иных бухнут, у иных гниют на корню. (Руки у меня привычные, да они меня и не жалят совсем.) К слову, они жалят лишь, когда делаешь с ними что-либо вредное для них или несвоевременное. Кажется, П. П. Крючков сообщил мне, что Мария Игнатьевна (дай ей бог доброго здоровья!) послала мне 3 экземпляра (очень редких!). Я получил два, третий сперли по дороге, и как я ни выпытывал, кто повинен, так и не узнал. Узнаю, несомненно застрелю.

Нет, все в порядке, милый Алексей Максимович,— и дитё у меня разрастается до неслыханных размеров [5], тоже чрезвычайно занятно. Переехал я на новую фатеру, ликую и прославляю бытие. На кактусы падает солнце,— нынче последний, по-моему, день бабьей осени. Земля вертится вполне исправно, довертится до мая — ждем вас. Очень хочется увидеть вас и этак, хотя бы молча, посидеть. Каюсь, очень завидую Всеволоду, который сбирается ехать в Сорренто [6]. Он, полагаю, в кризисах, а так как он скрытен чрезвычайно, то и воздействовать на него товарищески невозможно. Зато время, что я ⟨был⟩ вместе с ним в Средней Азии [7], ужасно любопытно, рассказов уйма,— он вам будет неделю рассказывать, не меньше.

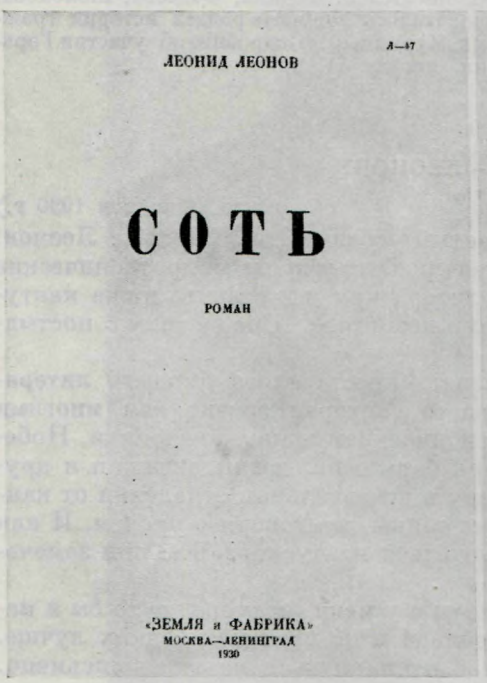
Привет мой всем, Марии Игнатьевне, Тимоше, Максиму и глубокоуважаемому коллеге по сумасшествию — И. С⟨оловью⟩ Р⟨акицкому⟩, да цветут его экземпляры, да умножатся, да украшают его пустыню,—ибо не в пустыне они не растут.

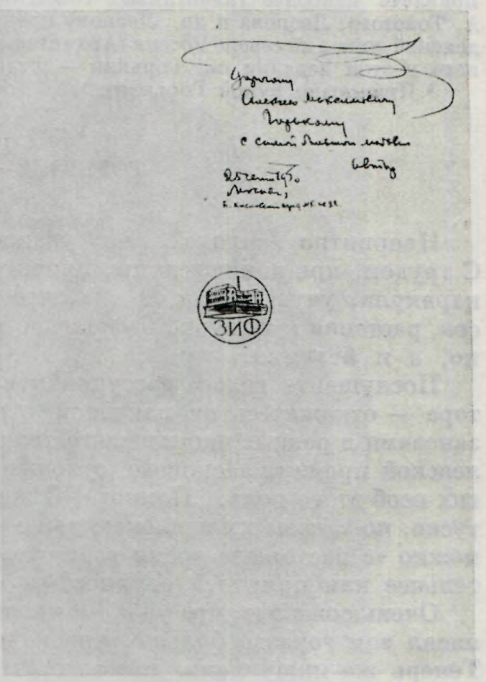
22-го собираемся у Крючкова по поводу «Истории гражданской войны» [8]. Он вам сам расскажет подробности этого совещания.

Крепко обнимаю вас, и еще раз простите за эту непреднамеренную размазню.

Леонид Леонов

21 октября 1930.
Москва.
Бол. Кисловский, 5, кв. 28[9].





ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ Л. М. ЛЕОНОВА ГОРЬКОМУ НА РОМАНЕ «СОТЬ» (М.—Л., 1930):

«Дорогому Алексею Максимовичу Горькому с самой большой любовью автор 25 сент. 1930. Москва, Б. Кисловский пер., д. № 5, кв. 28»

Личная библиотека Горького

[1] Илья Семенович *Остроухов* (1858—1929) — художник-пейзажист, коллекционер, один из первых собирателей русских икон. В начале двадцатых годов в его доме в Москве, где бывали художники и писатели, молодой Леонов читал свои первые произведения.

[2] Письмо Горького от 8 сентября 1925 г. (т. 29, № 801).

[3] В письме от 13 октября 1930 г. Горький писал: «...вчера прочитал „Соть“, очень обрадован — превосходная книга! Такой широкий, смелый шаг вперед и — очень далеко вперед от „Вора“, книги, кою тоже весьма высоко ценю.

Анафемски хорош язык, такой „кондово“ русский, яркий, басовитый, особенно — там, где вы разыгрываете тему „стихии“, напоминая таких музыкантов, как Бетховен и Бах, не преувеличиваю, ибо — так воспринял, так гудит в „ушах души“ 〈...〉 Имею право думать и утверждать, что „Соть“ — самое удачное вторжение подлинного искусства в подлинную действительность и что, если талантливая молодежь внимательно прочитает эту книгу, она — молодежь — должна будет понять, как надобно пользоваться материалом текущего дня, для того, чтоб созидать из этого материала монумент текущему дню» (т. 30, с. 186).

[4] В том же письме Горький писал: «Если кактусы отвлекли вас от резьбы из дерева — да будут прокляты и сгниют! Дрянь — кактусы. Иван Соловей-Ракицкий развел их в саду кучу, всех сортов, шипы и колючки вонзаются в брюки мои...» (т. 30, с. 187).

[5] Возможно, роман «Скутаревский», над которым Леонов начал работать в конце 1930 г. (впервые опубликован в «Новом мире», 1932, №№ 5—9).

[6] Поездка В. В. Иванова в Сорренто состоялась в конце 1932 г.

[7] По инициативе Госиздата, Наркомпроса Туркменистана и газеты «Известия» была организована первая «ударная бригада» писателей, которая в начале 1930 г. выезжала на два месяца в Туркменистан для ознакомления с колхозным строительством и культурной жизнью республики. В состав бригады входили: Вс. Иванов, П. Павленко, В. Луговской, Л. Леонов и Г. Санников. В результате этой поездки был создан альманах «Туркменистан весной», М.—Л., ГИЗ, 1932.

[8] К работе по изданию «Истории гражданской войны в СССР» Горький стремился привлечь наиболее талантливых советских писателей: Федина, Фадеева, Шолохова, А. Толстого, Леонова и др. Леонову предполагалось поручить раздел истории гражданской войны на севере России (Архангельск, Мурманск). (Подробнее об участии Горького в этом издании см. Горький — Федин, письмо 41, прим. 1).

[9] Приписано рукой Горького.

9

ГОРЬКИЙ — ЛЕОНОВУ

〈Сорренто. 8 ноября 1930 г.〉

Неприятно молодой, но уважаемый сочинитель, Леонид Леонов! С трудом, при помощи лупы, прочитав проклятые ваши микроскопические каракули, учувствовал из них, что литературу вы ставите ниже кактусов, растения культурно бесполезного и небритого. Сие не токмо постыдно, а и безумно.

Послушайте голоса рассудка и совета престарелого бывшего литератора — откажитесь от пагубной страсти, которая грозит вам многими занозами в разные части вашего тела и лишением звания академика, Нобелевской премии, ласкового отношения барышень, девиц, женщин и других особ этого пола. Полноте! Я живу в почтительном отдалении от кактусов, но занозы их извлекаю даже из спины, не говоря о прочем. И как можно «в настоящее время года» увлекаться кактусами? Чем они замечательнее или приятней огурцов?

Очень сожалею, что уже 3-й час ночи и у меня насморк, а то бы я написал вам гораздо больше, красноречивей и во всех отношениях лучше. Теперь же пишу лишь для того, чтоб откликнуться на ваше письмецо. Засим — крепко жму руку.

А. Пешков

8.XI.30.

10

ГОРЬКИЙ — ЛЕОНОВУ

〈Конец июня — начало июля 1931 г.〉

Дорогой друг
Леонид Максимович!

Посылаю для редактируемого вами уважаемого журнала [1] стихотворение Поликарпа Ксенократова, поразительное своей красочностью. Стихотворение идеологически не очень выдержано, но это объясняется только тем, что автор его страдает сонной болезнью. В письме ко мне он говорит: «Можно ли спрашивать с меня идеологию, когда мой организм не выдерживает никакой самокритики?» [2]

Сердечно приветствую.

Богомолец ваш
Горький М.

Как живете? И — где?

Датируется по письму Горького А. И. Слезавину от 19 июня 1931 г. (АГ).

[1] Имеется в виду журнал «Красная новь». В 1931 г. была создана новая редакция журнала, в состав которой вошли: Л. Леонов, А. Фадеев, Вс. Иванов.

Меня так исказили в цинкографии, что чувствую необходимость в самореабилитации, милый Алексей Максимович. Привет Вам — Ваш Леонид Леонов

27 окт 1926 Москва

Л. М. ЛЕОНОВ

Фотография с дарственной надписью Горькому: «Меня так исказили в цинкографии, что чувствую необходимость в самореабилитации, милый Алексей Максимович. Привет Вам. Ваш Леонид Леонов. 27 окт. 1926, Москва»

Архив Горького, Москва

[2] Шутливым именем Поликарпа Ксенократова Горький называет крестьянина, поэта-самоучку Андрея Ивановича Слезавина (р. 1900 г.), из письма которого он приводит выдержку (АГ). Во время гражданской войны, находясь на фронте, Слезавин тяжело заболел. Горький переписывался со Слезавиным в 1931—1935 гг. и оказывал ему разнообразную помощь.

Ряд стихотворений Слезавина был напечатан в газете «Красная Мордовия», в альманахе «Литературная Мордовия» и других периодических изданиях. Возможно, что в «Красную новь» Горький послал стихотворение Слезавина «День» (АГ). Стихотворение в журнале опубликовано не было.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ГОРЬКОГО К ФРАНЦУЗСКОМУ ИЗДАНИЮ РОМАНА ЛЕОНОВА «БАРСУКИ» [1]

Я не критик и не склонен объяснять художника; я хорошо помню, что, когда критика «объясняла» меня,— она приписывала мне намерения, которых я не имел, и деяния, которых не совершал. Все сказанное ниже сказано старым литератором о молодом товарище по работе, но — о человеке другого поколения. Это не похвала, не порицание, а только попытка рассказать о том, как я вижу Леонида Леонова.

Он — один из наиболее крупных представителей той группы современных советских литераторов, которые продолжают дело классической русской литературы — дело Пушкина, Грибоедова, Гоголя, Тургенева, Достоевского и Льва Толстого. О силе его таланта — рано говорить, эта сила — как и всякая другая — развивается упражнением. Никто не мог предчувствовать, что Достоевский, автор жалобной и, в сущности, жалкой повести «Бедные люди», окажется способным написать ядовитые «Записки из подполья» и создать роман «Братья Карамазовы»; «Детство» Льва Толстого не давало возможности предположить, что он создаст «Войну и мир».

Однако мне кажется, что талант Леонида Леонова растет необыкновенно быстро и что от «Барсуков» до «Вора», от «Вора» до повести «Соть» он сделал шаги, настолько крупные, что я лично не вижу в старой русской литературе случая столь быстрого и неоспоримого роста. Факт роста подтверждается сложностью тем, которые он разрабатывает смело и уверенно, и все большей звучностью его языка, своеобразием стиля. Над культурой стиля он работает все более успешно, и каждый новый рассказ его, каждая книга звучат все более убедительно. Если «Вор» иногда кое-где и кажется перегруженным словами,— «Соть» написана симфонически-стройно.

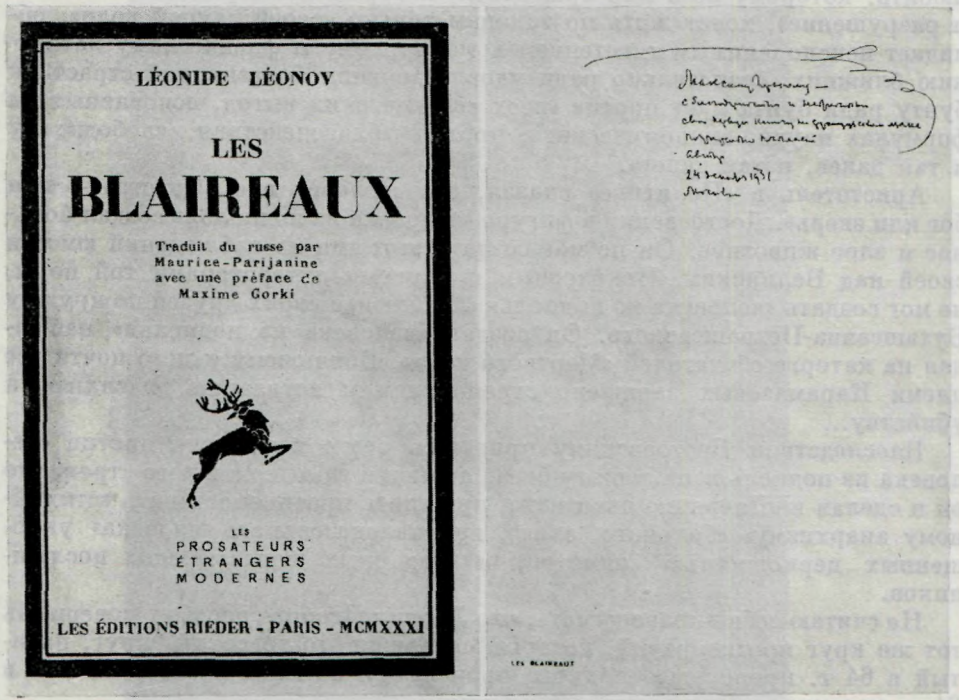
Слово, одежда лжи и правды, характеризует человека так же, как дело, и Леонов умеет наградить каждого из своих героев прекрасно подчеркнутой индивидуальной речью. Это удается далеко не каждому даже талантливому писателю. Из неисчерпаемого богатства нашего языка Леонов искусно умеет отобрать именно те слова, изобразительность и звучность которых особенно магически убедительна, и в книгах его почти нет лишних слов. Мастер своего дела, он, почти никогда не рассказывая, всегда изображает, пользуясь словом, как живописец краской. В его стиле нет излюбленной многими истерической торопливости Достоевского, который часто заставляет читателя воспринимать диалоги героев, как сплошной вопль раненых. Все более часто встречаешь в рисунке Леонова крепкие штрихи Льва Толстого, те штрихи, которыми Толстой достигал поразительной пластичности изображения, что давалось ему с таким великим трудом. Если о Толстом возможно сказать, что он «ковал свои книги из железа», а Тургенев отливал свои из меди и серебра, то — Леонов работает очень сложным сплавом металлов. В его описаниях пейзажа нередко звучит «лирика стихии» Тютчева, а в очерках фигур людей

чувствуется резкая и острая точность прозы Лермонтова. Вообще Леонов — пчела, которая собирает свой мед с цветов, наиболее богатых медом.

Я вполне сознательно измеряю Леонова столь высокой мерой, сознательно смотрю на него из ряда крупнейших людей нашей старой литературы: Леонид Леонов сам внушает предъявлять к нему высокие требования.

* * *

В одной из анкет Леонов указал, что на его творчество влияет Достоевский[2]. Действительно, под бытовыми драмами героев Леонова нередко



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ Л. М. ЛЕОНОВА ГОРЬКОМУ НА ФРАНЦУЗСКОМ ИЗДАНИИ РОМАНА «БАРСУКИ», ПАРИЖ, 1931 (С ПРЕДИСЛОВИЕМ ГОРЬКОГО)

«Максиму Горькому — с благодарностью и нежностью свою первую книгу на французском языке почтительно посылает автор. 24 декабря 1931, Москва»

Личная библиотека Горького

чувствуется «стихийный бунт инстинкта», анархизированного вековым насилием капиталистического строя,— инстинкта «ячности» и «самости», который не могли нормировать хитрые усилия даже такой мощной организации угнетения, каковой является церковь.

Мне кажется это признание Леонова непродуманным и ошибочным. Я полагаю, что оно объясняется не сродством коренных свойств «натуры» Леонова с натурой человека, у которого страх перед жизнью и болезненный гнев на людей объяснялся эпилепсией — его несчастием,— я полагаю, что это признание Леонова вызвано поспешностью, с которой он хочет найти «точку опоры» для своего творчества.

Достоевский и личностью и творчеством своим гениально показал миру, до какой чудовищной степени личность может быть изуродована

условиями ее бытования в капиталистическом обществе. «Фурьерист», он пострадал за это и всею силой чувственности своей возненавидел причину своих страданий. Это было ошибочное направление ненависти; из этой ошибки возникла другая, еще более поучительная для нас.

Достоевский стал поэтом стихийного бунта ради бунта личности, поэтом бунта ради бунта. Основное произведение свое, в котором сжаты идеи всех его гениальных книг, «Записки из подполья», он посвятил защите полного, безграничного произвола личности. Его Раскольниковы, Ставрогины и прочие Карамазовы — разнообразные воплощения основного типа «человека из подполья»,— человека, которому нечего, некого любить, которому весь мир враждебен, который «до страсти любит хаос и разрушение», хочет жить по законам только «своей глупой воли», обладает неискоренимым тяготением к моральному и физическому истязанию ближних, сознательно ради удовлетворения болезненной страсти к бунту ради бунта идет против «всех человеческих выгод, основанных на формулах научно-экономических», против «благоденствия, свободы, ну и так далее, и так далее».

Аристотель в «Политике» сказал, что «человек вне общества — или бог или зверь». Достоевский в фигуре «человека из подполья» создал больное и злое животное. Он не мог создать этот тип из наблюдений юности своей над Белинским, Некрасовым и другими литераторами той поры, не мог создать «человека из подполья», наблюдая своих друзей по кружку Буташевича-Петрашевского. Он создал «человека из подполья», наблюдая на каторге обитателей «Мертвого дома». Вот почему у него почти все племя Карамазовых заражено стремлением к истязанию, насилию, к убийству...

Впоследствии Достоевскому пришлось резко выступить против «человека из подполья» на защиту бога, церкви и самодержавного строя, что он и сделал в «Дневнике писателя», пришлось противопоставить «стихийному анархизму» «больного, злого, непривлекательного человека» укрощенных церковностью «идиотов» и бездарных монастырских послушников.

Не считаю себя вправе думать, что Леонид Леонов способен совершить тот же круг противоречий, который совершил Достоевский, круг, начатый в 64 г. проповедью полного произвола личности и завершенный в 81 г. проповедью смирения и терпения.

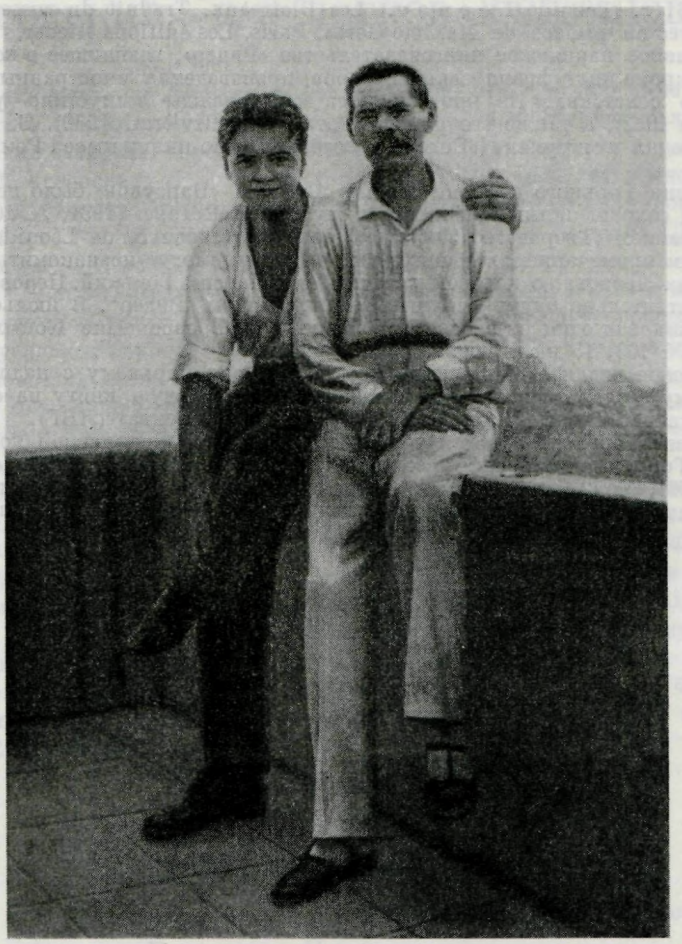
Признание Леоновым своего сродства с Достоевским я объясняю не только его, Леонова, персональной, но вообще свойственной молодежи торопливостью, с которой она выискивает «точку опоры». Торопливость эта имеет глубокие корни в прошлом, ибо капиталистический строй в России ставил так же, как везде в мире ставит, личность в состояние непрерывной, напряженной самообороны против всяческого насилия над нею со стороны классового общества.

Но в Союзе Советов уже десятки миллионов личностей сознают свое право на свободу и активно реализуют это право. Мир вступил в эпоху революций, которые всюду и неизбежно будут принимать характер социальных и, как реки в океан, сольются в единую всемирную. Для личности, искренно и серьезно озабоченной свободой саморазвития, очевидно, необходимо принять участие в борьбе за свободу массы — единственной силы, действительно способной обеспечить свободу роста личности и развития «частного хозяйства ее души» до размеров всемирного хозяйства, до тех размеров, когда человек почувствует себя не человеком науки, класса, церкви, а человеком человечества.

История показывает нам «душу» личности изнасилованной, раздробленной условиями бытования в классовом государстве и бесплодными

усилиями найти некую «объективную истину» в грозном хаосе этих условий. Истина — открыта, это — боевая истина, так сказать, ее очень просто формулировал Карл Маркс: все условия, которые затрудняют культурный рост человечества, должны быть уничтожены.

Возвращаясь к Леониду Леонову, я скажу, что его талант, глубоко радуя меня, позволяет мне уверенно ждать от молодого автора книг, которые могуче послужат делу возрождения человечества, делу объединения его в единую всемирную семью.



ГОРЬКИЙ и Л. М. ЛЕОНОВ
Фотография, Сорренто, 1927 г.
Литературный музей, Москва

[1] Предисловие Горького к французскому переводу романа Леонова «Барсуки» было написано, очевидно, летом 1931 г. 8 марта Леонов писал Горькому: «За сим пунктом следует второй; не отвергайте меня в сем пункте, дорогой Алексей Максимович! Издательство Ридер в городе Париже решило облагодетельствовать французскую нацию изданием собрания моих сочинений. Мне и издательству очень хотелось бы иметь предисловие ваше к первому тому („Барсуки“), который выходит в начале июня. Если найдете возможным прикрыть собою все мои недостатки, не откажите написать мне» (АГ). Через десять дней, 18 марта, Леонов спрашивал Горького: «Получили ли письмо мое о „Красной нови“ и просьбу о вашем предисловии для моего французского издания?» (АГ).

Отвечая Леонову на его письмо от 8 марта 1931 г., Горький писал ему: «Предисловие с удовольствием напишу» (т. 30, с. 209).

О желательности перевода «Барсуков» на иностранные языки Горький писал Леонову сразу после выхода романа в свет: «Жалею об одном: написана повесть недостаточно просто. Ее трудно будет перевести на иностранные языки. Стиль сказа крайне плохо удается даже искусным переводчикам. А современная русская литература должна бы особенно рассчитывать на внимание и понимание Европы, той ее части, которая искренно хочет „познать Россию". Честные люди Европы начинают чувствовать, что мы живем в трагический канун Возрождения нашего и что у нас следует многому учиться» (т. 29, с. 442).

Книга Леонова «Барсуки» в переводе Мориса Парижанина вышла во Франции в ноябре 1931 г. (Léonide L é o n o v. Les Blaireaux. Traduit du russe par Maurice Parijanine avec un préface de Maxime Gorki. Paris, Les éditions Rieder, MCMXXXI).

Прогрессивное парижское книгоиздательство «Ридер», возникшее в конце 1922 г., выпускало, кроме книг французских авторов, произведения иностранных писателей, в том числе советских. Из книг Леонова оно дважды выпустило роман «Барсуки» (1931 и 1932), а также его роман «Соть» («La Rivière», 1936). В издательстве «Ридер» выходил и журнал («Europe»), созданный по инициативе Ромена Роллана в 1923 г.

Предисловие Горького к французскому изданию «Барсуков» было первоначально с некоторыми сокращениями напечатано в журнале «Europe» (1931, № 106, 15 октября) под названием «Творчество Леонида Леонова» («L'oeuvre de Léonide Léonov») и со следующим примечанием: «Французские читатели смогут познакомиться с творчеством Леонида Леонова, о котором рассказывает Максим Горький. Переводы романов Леонова действительно будут выпущены издательством „Ридер". В июльском номере 1931 г. опубликован один из рассказов Леонова — „Возвращение Копылова"» («Europe», 1931, № 103, 15 июля, перев. В. Познера).

Французское издание «Барсуков» Леонов подарил Горькому с надписью: «Максиму Горькому с благодарностью и нежностью свою первую книгу на французском языке почтительно посылает автор. 24 декабря 1931, Москва» (ЛБГ).

Предисловие Горького к «Барсукам» печатается по машинописной копии из личного архива Горького. Автограф не сохранился. Опубликовано в газете «Литература и жизнь», 1961, № 72, от 18 июня в связи с сообщением о выходе наст. тома.

[2] Эта анкета была опубликована в журнале «На литературном посту», 1927, № 5—6.

ГОРЬКИЙ — Е. П. ЛЕТКОВА-СУЛТАНОВА

Екатерина Павловна *Леткова* (*Султанова*), 1856—1937, начала свою литературную деятельность в восьмидесятые годы прошлого века. Она сотрудничала в журналах «Отечественные записки», «Русское богатство» и др., была хорошо знакома с В. Г. Короленко, Г. И. Успенским, Н. К. Михайловским, Н. Ф. Анненским и многими другими писателями и общественными деятелями. С Горьким Леткова-Султанова встречалась в 1917—1919 гг. (см. об этом ее статью «М. Горький — создатель Дома искусств и Дома ученых».— «Красная панорама», 1928, № 12).

В 1919 г. Леткова-Султанова была привлечена Горьким к работе над переводами в издательстве «Всемирная литература». Горький всячески поддерживал писательницу в трудных условиях периода гражданской войны. В 1919 г. Горький настоял на том, чтобы Леткова-Султанова переехала в общежитие при Доме искусств в Петрограде. С большим сочувствием отнесся Горький к решению Летковой-Султановой написать книгу воспоминаний. Этому вопросу в основном и посвящена публикуемая переписка за период с 1923 по 1929 г.

Поощряемая Горьким, Леткова-Султанова напряженно работала над рукописью и в 1935 г. закончила первый том мемуаров (о Ф. М. Достоевском, И. С. Тургеневе, Гл. Успенском, В. Г. Короленко, П. Ф. Якубовиче-Мельшине, Н. Ф. Анненском). По замыслу Летковой-Султановой, во второй том должны были войти воспоминания о Н. К. Михайловском, А. Ф. Кони, П. Д. Боборыкине, М. М. Ковалевском; в третий — о С. В. Ковалевской, А. М. Калмыковой и др. Работу над мемуарами Леткова-Султанова продолжала до последнего дня своей жизни. В настоящее время рукописи Летковой-Султановой хранятся в ЦГАЛИ (ф. 280, оп. 1, ед. хр. 45).

Ниже публикуются шесть писем Горького Летковой-Султановой и одно письмо Летковой-Султановой Горькому.

1

ГОРЬКИЙ — ЛЕТКОВОЙ-СУЛТАНОВОЙ

〈Фрейбург. 7 августа 1923 г.〉

Дорогая Екатерина Павловна,

с удовольствием исполняю ваше желание [1].

Письмо Семашко при сем прилагается [2].

Очень прошу вас передать Президиуму Д〈ома〉 у〈ченых〉 мою записку, тоже прилагаемую при сем.

Искренно желаю вам всего доброго и благодарю вас за ваше отношение ко мне.

А. Пешков

7.VIII.23.

P. S. Письмо ваше получил только сегодня. Я живу в Шварцвальде под Freiburg'ом.

Точный адрес: Freiburg — Gunterstal Koburg.

А. П.

[1] В письме от 27 июля 1923 г. Леткова обратилась к Горькому с просьбой помочь ей вернуть рояль:

«Помню одно: я пришла к вам на Кронверкский, рассказала, что мне очень недостает рояля в скучнейшей санатории, а вывезти из квартиры нельзя, вы мне дали записку, к кому-то (кажется, к Лурье? не знаю) и через два-три дня мне был доставлен в Лесной на грузовике мой рояль. Теперь Комздрав не отдает мне его. Говорят, что зависит от „самого" Семашко» (АГ).

[2] Николай Александрович *Семашко* (1874—1949) — с 1918 по 1930 г.— народный комиссар здравоохранения РСФСР.

Горький был хорошо знаком с Семашко и переписывался с ним в 1920—1934 гг. Упоминаемое письмо Горького к Семашко не обнаружено.

2

ГОРЬКИЙ — ЛЕТКОВОЙ-СУЛТАНОВОЙ

〈Неаполь.〉 16—XII—25.

Дорогая Екатерина Павловна —

боюсь, что не сумею исполнить ваше желание [1], ибо положительно не могу представить себе, что́ из современной литературы Италии может быть издано в России? Страна эта, очумленная фашизмом, живет в некоем полусне, духовная жизнь очень подавлена, возглавляет страну «средний класс», унылое и малограмотное мещанство. Вся пресса постепенно переходит — покупается — правящей партией. Куплена лучшая газета «Corriere della Sera», вчера по Неаполю расклеены плакаты: «Граждане! Не покупайте „Mattino", бойкотируйте, не подписывайтесь», «Mat.» —самая большая газета Неаполя. По городу ходят группы студентов-фашистов, обыскивают киоски, рвут газету. В таких условиях не много попишешь, как вам известно.

Впрочем,— пишут, все-таки, немало, но — сенсационно и не талантливо. Папини стал католиком [2], Гвидо да Верона [3] — бульварен, Цукколи [4] — молчит, из новых я не знаю никого, кто мог бы заинтересовать нашего читателя и удовлетворить нашу цензуру.

Так-то. Я, конечно, подумаю, поищу, спрошу.

Но — вот что: летом у меня была Ек〈атерина〉 Пав〈ловна〉 Пешкова, она купила и увезла с собой немало книг.

Напишите ей по адресу: Москва. Чистые пруды, Машков пер., д. 1, кв. 16. Екатерине Павловне Пешковой.

Спасибо за интересное ваше письмо. Вместе с ним я получил письма из Якутска, Тифлиса, Казани и Орла, от людей совершенно различных социально и психологически. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что на Руси люди чувствуют себя всё более бодро и крепко?

Здесь — уныло. Впрочем я живу отшельником, никого не вижу и питаюсь лишь уличными впечатлениями.

Переехал на зиму в Неаполь. Отчаянная погода, ветер, дождь. У меня, конечно, бронхит.

Будьте здоровы, Е〈катерина〉 П〈авловна〉!

Всего доброго А. П е ш к о в

Napoli. Posilippo
Villa Galotti.

[1] В письме от 3 декабря 1925 г. Леткова-Султанова просила Горького выслать ей «два-три итальянских романа, таких, какие, *по вашему* мнению, могут или должны быть переведены сейчас у нас» (АГ).

[2] Джованни *Папини* (1881—1956) — один из видных итальянских писателей, автор романа «Конченый человек» (1913), переведенного в двадцатых годах на русский язык.

[3] Гвидо *да Верона* (р. 1881) — популярный итальянский романист. В 1928 г. в переводе на русский язык появились романы Верона: «Ад живых людей», «Женщина, которая изобрела любовь», «Жизнь начинается завтра!».

[4] Лючиано *Цукколи* (1868—1929) — итальянский писатель, автор многочисленных романов, созданных преимущественно в период перед первой мировой войной. В последние годы жизни активно сотрудничал в фашистской газете «Corriere della Sera» (Милан).

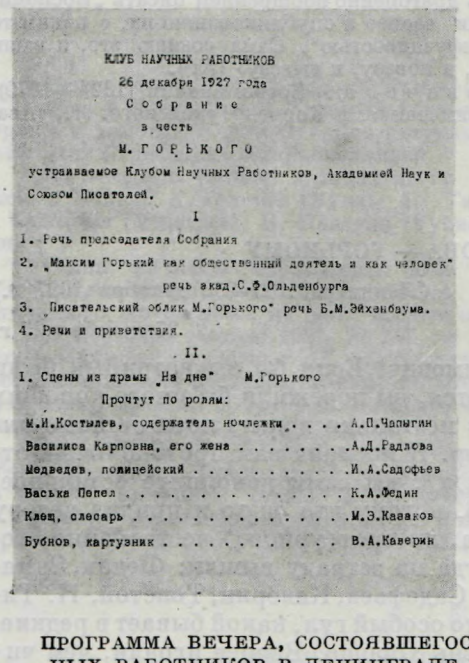
3

ГОРЬКИЙ — ЛЕТКОВОЙ-СУЛТАНОВОЙ

〈Сорренто. 30 ноября 1927 г.〉

Дорогая Екатерина Павловна —

прежде всего разрешите опровергнуть клевету В. И. Немировича: *не правда*, что я «не мог терпеть нарядных дам». Терпел. Всю жизнь терпел.



КЛУБ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ
26 декабря 1927 года
Собрание
в честь
М. ГОРЬКОГО
устраиваемое Клубом Научных Работников, Академией Наук и Союзом Писателей.

I

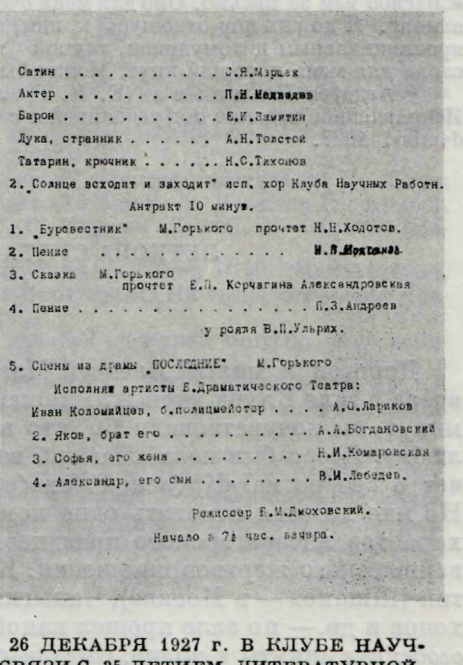
1. Речь председателя Собрания
2. „Максим Горький как общественный деятель и как человек" речь акад. С.Ф.Ольденбурга
3. „Писательский облик М.Горького" речь Б.М.Эйхенбаума.
4. Речи и приветствия.

II.

1. Сцены из драмы „На дне" М.Горького

Прочтут по ролям:

М.И.Костылев, содержатель ночлежки . . . . А.П.Чапыгин
Василиса Карповна, его жена . . . . . А.Д.Радлова
Медведев, полицейский . . . . . И.А.Садофьев
Васька Пепел . . . . . К.А.Федин
Клещ, слесарь . . . . . М.Э.Козаков
Бубнов, картузник . . . . . В.А.Каверин



Сатин . . . . . С.Я.Маршак
Актер . . . . . П.Н.Медведев
Барон . . . . . Е.И.Замятин
Лука, странник . . . . . А.Н.Толстой
Татарин, крючник . . . . . Н.С.Тихонов
2. „Солнце восходит и заходит" исп. хор Клуба Научных Работн.

Антракт 10 минут.

1. „Буревестник" М.Горького прочтет Н.Н.Ходотов.
2. Пение . . . . . И.В.Ершова.
3. Сказка М.Горького прочтет Е.П. Корчагина Александровская
4. Пение . . . . . П.З.Андреев

у рояля В.П.Ульрих.

5. Сцены из драмы „ПОСЛЕДНИЕ" М.Горького

Исполняют артисты Б.Драматического Театра:

Иван Коломийцев, б.полицмейстер . . . . А.С.Ларионов
2. Яков, брат его . . . . . А.А.Богдановский
3. Софья, его жена . . . . . Н.И.Комаровская
4. Александр, его сын . . . . . В.И.Лебедев.

Режиссер Е.М.Дмоховский.

Начало в 7½ час. вечера.

ПРОГРАММА ВЕЧЕРА, СОСТОЯВШЕГОСЯ 26 ДЕКАБРЯ 1927 г. В КЛУБЕ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ В ЛЕНИНГРАДЕ В СВЯЗИ С 35-ЛЕТИЕМ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРЬКОГО

Сцены из драмы Горького «На дне» читали писатели: Е. И. Замятин, В. А. Каверин, М. Э. Козаков, С. Я. Маршак, П. Н. Медведев, А. Д. Радлова, И. А. Садофьев, Н. С. Тихонов, А. Н. Толстой, К. А. Федин, А. П. Чапыгин

Архив Горького, Москва

И по сей день терплю. А из ложи я тогда ушел потому, что *не* терпел рыжую спину Екатерины Ивановны Немирович, урожденной Корф. И не выносил ее потрясающего вселенную смеха. Вот ему, Немировичу, за его клевету [1].

Прислать вам для публичного чтения [2] ничего не могу, ибо ничего не пишу, занят романом [3] и буду работать над ним лет 60.

Очень заинтересовали вы вашими воспоминаниями [4],— когда начнете печатать? Это будет интереснейшая книга, знаю! Сколько — и каких! — людей видели вы. Чудесная будет книга. Недавно перечитал «Воспоминания» Панаевой-Головачевой [5], как хорошо!

Искреннейше желаю вам всего доброго.

И доброго здоровья прежде всего.

А. Пешков

30.XI.27 г. Sorrento.

[1] В письме от 22 ноября 1927 г. Леткова-Султанова писала: «И теперь, когда я привожу в порядок мои заметки и записи (для мемуаров или — как я называю все мемуары — для доноса потомству) — я наткнулась вот на что: „Вчера увидела М. Горького. Он такой, каким я и представляла его себе. Он стоял в ложе (в директорской) — прислонившись к правой стене, и как только занавес задвинулся — ушел, и больше не приходил. Влад⟨имир⟩ Ив⟨анович⟩ (Нем⟨ирович⟩-Д⟨анченко⟩) сказал мне после спектакля, что Горький терпеть не может нарядных дам... С тех пор я почувствовала себя действительно нелепой дамой и, вероятно, это и мешало мне подойти к вам, как я того горячо хотела. Потом я видела вас 15 ноября 1901 года у Н. К. Михайловского и тоже не сумела, не посмела говорить с вами...» (АГ).

[2] В этом же письме от 22 ноября 1927 г. Леткова-Султанова, сообщая, что она организует 26 ноября 1927 г. литературный вечер в честь 35-летия творческой деятельности Горького, просила его прислать отрывок из какого-либо неизданного произведения.

[3] «Жизнь Клима Самгина».

[4] По этому поводу Леткова-Султанова писала Горькому 21 декабря 1927 г.: «Спасибо вам за письмо. Оно для меня очень драгоценно поощрением писать „Воспоминания". Я до сих пор отношусь к ним, или вернее к опубликованию их, с каким-то провинциальным целомудрием, глупой „конфузливостью". Сама сознаю это, и ваши слова для меня хороший кнут. Может быть, и повезу, и вывезу» (АГ).

[5] Авдотья Панаева (Е. Я. Головачева). Воспоминания (1824—1870). Исправленное издание под редакцией и с примечаниями Корнея Чуковского. Л., «Academia», 1927.

4

ЛЕТКОВА-СУЛТАНОВА — ГОРЬКОМУ

⟨Ленинград. 27—30 декабря 1927 г.⟩

27 декабря 27 г.

Дорогой и милый Алексей Максимович! Если бы вы незримый были вчера в зале Клуба ученых, мне кажется, вы пережили бы много хороших минут, вы почувствовали бы, что вас не только ценят, но и *очень*, *очень* любят. Вчера был незабываемый вечер. Я послала вам протокольный отчет о вечере из «Кр⟨асной⟩ газ⟨еты⟩» [1], вы сами дополните остальное. Но мне хочется отметить один номер, потому что он-то и придал вечеру характер литераторского празднества, литерат⟨урного⟩ чествования, товарищеского жертвоприношения. Когда на эстраду вышли: Федин, Замятин (Шишков — в Москве), Чапыгин, Садофьев, Каверин, Толстой, Н. Тихонов и др.— по зале прошел какой-то особый гул, какой бывает в редкие, *особенные* минуты в толпе. Читали очень хорошо. Вернее играли, чем читали, пот⟨ому⟩ что в книги не смотрели, но играли только на интонациях, без движений, сидя вразброс, по ходу разговора [2]... Так подают Чехова художественники, и мне кажется, что это, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ вот такое чтение, не засаривая деталями мысль автора,— как-то рельефно отчищает каждое слово.

Этот номер имел особый успех. И еще 2 сцены из «Последних». Актеры Б⟨ольшого⟩ Драм⟨атического⟩ т⟨еатра⟩ играли; и все были прекрасны, особенно Комаровская — жена полицмейстера. Они взяли сцены между ею и мужем, ею и сыном, ею и Яковом. Впечатление очень глубокое, и кажется есть мысль поставить эту драму целиком [3]. Потрясающее будет впечатление.

30/XII.

Начала писать вам 27-го и не могла окончить. Стала я разваливаться, милый А⟨лексей⟩ М⟨аксимович⟩, да и должно быть ваш вечер очень меня взволновал. Хотелось, чтобы вышел хоть сколько-нибудь достойным вас... А сердцу уже 71 год и вот иногда и заявит о себе. А тут еще газетчики: «будет что-нибудь читаться новое Ал⟨ексея⟩ М⟨аксимови⟩ча?» Я и сказала, что вы заняты романом, и т. д. Они всё пропечатали [4]. Мне неприятно, если вы

подумаете, что я злоупотребляю, или хвастаюсь, что вы мне пишете... Это совсем не в моем характере. Отчего до сих пор не печатаю напр⟨имер⟩ писем Гл⟨еба⟩Ив⟨ановича⟩ Усп⟨енского⟩? Не могу и не хочу влезать под чужие лучи... А ведь эти дни все обезумели с вашим юбилеем, хватали каждое слово, касавшееся вас и... в газеты! Ненавижу я это, а главное мне было бы очень тяжело, если вам это неприятно, хотя печаталось и говорилось, конечно, только *очень хорошее*. Ну, верьте, А⟨лексей⟩ М⟨аксимович⟩, что все было достойно вас. Речи Ольденбурга и Тонкова, выступления литераторов [5] — как сказал мне один из академиков — исторические, да и весь вечер, по настроению публики и впечатлению,— исторический. Спасибо, дорогой, что вы — да, что вы — вы! Живите долго-долго.

Посылаю вам афишу.

И до свидания. Я все-таки надеюсь — до свидания.

Ек. Л е т к о в а

[1] Вечер, посвященный 35-летию литературной деятельности Горького, состоялся 26 декабря в Центральном Доме работников просвещения. Леткова-Султанова послала Горькому заметку о вечере: «Литературный праздник». — «Красная газета», 1927, № 348, от 27 декабря (вечерний выпуск).

[2] На вечере с чтением в лицах пьесы Горького «На дне» выступили: К. Федин (Васька Пепел), А. Толстой (Лука), Н. Тихонов (Татарин), А. Чапыгин (Костылев), И. Садофьев (Медведев), В. Каверин (Бубнов), С. Маршак (Сатин), Е. Замятин (Барон).

[3] Сцены из пьесы «Последние» были сыграны артистами Н. И. Комаровской, А. А. Богдановским, В. И. Лебедевым, А. И. Лариковым. На сцене Большого Драматического театра пьеса не была поставлена.

[4] В «Красной газете», 1927, № 347, от 26 декабря (вечерний выпуск), было помещено следующее сообщение: «Е. П. Султанова-Леткова обратилась к М. Горькому с просьбой прислать несколько ненапечатанных страниц ⟨...⟩ М. Горький ответил Е. П. шутливым письмом, в котором сообщает, что он занят по горло романом, которого хватит писать „еще лет на шестьдесят“».

[5] Академик С. Ф. Ольденбург и профессор В. Н. Тонков сделали сообщения о работе Горького в Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ). На вечере выступили также Б. М. Эйхенбаум с докладом «Писательский облик М. Горького» и японский писатель Удяку Акита, который рассказал о популярности Горького в Японии («Красная газета», 1927, № 351, от 30 декабря, вечерний выпуск).

5

ГОРЬКИЙ — ЛЕТКОВОЙ-СУЛТАНОВОЙ

3.III.28. Sorrento.

Дорогая и уважаемая Екатерина Павловна,

сегодня получил извещение о праздновании вашего юбилея[1], огорчен, что не знал об этом раньше.

Но и запоздалое поздравление мое искренно и глубоко, поверьте! Хорошо помню все встречи с вами и вашу готовность всегда помочь людям.

Решили вы писать мемуары? Это нужно сделать, уверяю вас! Вы столько видели интереснейших людей. Вы принимали такое живое и широкое участие в общественной работе.

Крепко жму вашу руку и — всего доброго, от души!

А. П е ш к о в

[1] В феврале 1928 г. литературные и культурно-общественные организации Ленинграда чествовали Леткову-Султанову по случаю 50-летия ее литературно-общественной деятельности. Сообщение о праздновании юбилея Летковой-Султановой было помещено в «Красной газете», 1928, № 58, от 28 февраля (вечерний выпуск).

6

ГОРЬКИЙ — ЛЕТКОВОЙ-СУЛТАНОВОЙ

⟨Сорренто. 7 апреля 1928 г.⟩

Дорогая Екатерина Павловна —

сегодня со стыдом убедился, что не ответил на ваше милое и давно мною полученное письмо. Случайно письмо ваше попало в кучу писем, на которые мною отвечено, и — вот объяснение моей невежливости. Извините?

Вы спросили — не обижен ли я на вас? Помилуйте,— за что бы мне обижаться? За ваше дружеское отношение ко мне?

Не только не обижался я на вас, а очень порадовался, когда увидел, что вы начали печатать в «Кр⟨асной⟩ газете» ваши воспоминания, столь содержательные, интересные [1].

Значит — получим книгу? Чудесно!

А теперь простите мне то, что я своевременно не поздравил вас с вашим юбилеем. Я так заработался, Ек. Пав.! И немножко устает память. 60 лет сказываются.

Будьте здоровы! Месяца через два надеюсь пожать вашу руку.

А. Пешков

7.IV.28.

[1] Отрывок из воспоминаний Летковой-Султановой под названием «Полвека (1878—1928)» был напечатан в «Красной газете», 1928, № 58, от 28 февраля (вечерний выпуск).

7

ГОРЬКИЙ — ЛЕТКОВОЙ-СУЛТАНОВОЙ

⟨Москва. 17 августа 1929 г.⟩

Уважаемая Екатерина Павловна —

письмо проф. Курбатова [1] мною не получено, и я не знаю, о какой несправедливости говорите вы.

Куда писал Курбатов?

По поводу А. П. Карпинского [2] и переводов для вас мною сегодня же послано письмо Халатову.

Ответ его сообщу вам, если ответ застанет меня в Москве. Халатов приехал только третьего дня, он в Москве не был с июля.

Всего доброго.

А. Пешков

17.VIII.29.

[1] Владимир Яковлевич *Курбатов* (1878—1957) — профессор химии и искусствовед (специалист по истории архитектуры, прикладного искусства и паркового строительства). В письме к Горькому от 31 июля 1929 г. (АГ) Курбатов писал об увольнении из музея «Старый Петербург» Ю. Н. Султанова, сына Летковой-Султановой.

[2] Александр Петрович *Карпинский* (1847—1936) — геолог, президент Академии наук с 1917 по 1936 г. Ходатайствовал перед заведующим Госиздатом А. Б. Халатовым о работе для Летковой-Султановой.

ГОРЬКИЙ — П. Н. ЛУКНИЦКИЙ

Павел Николаевич *Лукницкий* (р. 1900) — писатель и географ. Участник ряда научных экспедиций, автор книг «У подножия смерти» (1931), «Туркмены — моряки» (1931), «Солнце все выше» (1939), «Ниссо» (1946) и др.

В автобиографии, хранящейся в АГ, Лукницкий отмечает большую роль, которую сыграл Горький в его литературном развитии.

9 декабря 1935 г., посылая Горькому книгу «Всадники и пешеходы», Лукницкий писал: «Каждое указание ваше приму с благодарностью и учту в работе моей» (АГ).

Ниже публикуется ответ Горького.

〈Тессели. 18 декабря 1935 г.〉

Павлу Николаевичу Лукницкому

Книгу вашу [1] я читал в первом издании, и мне кажется, что тогда она была стройнее, легче. Это особенно заметно по рассказу о Марод Али, который вами, должно быть, «дополнен». Есть в книге лишнее, стихи, «стружки», и вообще лишнее есть почти на каждой странице, оно торчит из таких, примерно, фраз, как: «О, Заалайский хребет, ты будешь мне сниться».

Читателю совершенно безразлично, неинтересно, что будет сниться вам и будет ли вообще сниться что-то. Даже если б вы автобиографию писали — читатель отнесся бы к этой фразе с усмешкой. Автобиографического у вас — немало, и рассеяли вы его по книжке не очень умело, а иногда и неуместно. Следует строго определить: что вы делаете? Пишете очерки никому неведомой страны, незнакомой жизни и т. д.? Это — хорошее, серьезное, нужное дело, и оно вовсе не требует такого обилия субъективизма, какое вы предлагаете. Не требует и «киплингианства», признаки которого у вас весьма чувствуются. Если же вы изображаете ваши личные приключения,— нужно более сжатое, экономное изложение и прежде всего нужны факты, а не рассуждения, особенно же лирические. Человек познается на фактах, а не на словах.

При всех ее недостатках — книга интересная по материалу и обличает несомненное литературное дарование автора — несомненное, но еще плохо развитое, неразработанное. Значит — надобно учиться. Самым строгим критиком должен быть автор, и вы не очень заботьтесь о мнении критики «профессиональной», еще весьма слабой у нас.

По поводу романа, затеянного вами[2], могу сказать только одно: рано! Лучше будет для вас, если вы еще года два-три поработаете над небольшими рассказами. Они потребуют от вас сдержанности в словах, точности изображений, характеристик, ясности сюжета, и все это очень благотворно может отразиться на романе.

Писать рассказы у нас — не умеют, не учатся и влезают в литературу обычно с «первой» книгой романа. На вторую уже не хватает уменья, да,

видимо, и материала нет. Поэтому 90 штук изданных романов не заслуживают второго издания.

Если решитесь писать рассказы — посылайте рукопись мне, прочитаю, побеседуем.

Всего доброго.

М. Горький

18.XI.35. Крым.

Письмо датировано Горьким ошибочно ноябрем. Дата исправлена по письму Лукницкого к Горькому (см. вступительную заметку).

[1] «Всадники и пешеходы» (повести, рассказы и очерки о Памире). Изд. 2. М., «Советский писатель», 1935. В письме от 9 декабря 1935 г. Лукницкий писал, что только после второго издания решился послать свою книгу на отзыв Горькому (впервые книга была напечатана в 1933 г.).

[2] В своем письме Лукницкий сообщал о работе над романом «Земля молодости»: «Это роман о таджике, родившемся в диких горах и воспитанном партией». Роман был опубликован в 1936 г. (Л., ГИХЛ).

ГОРЬКИЙ — М. Г. ЛУКЬЯНОВ

Михаил Григорьевич *Лукьянов* (1902—1943)— иваново-вознесенский журналист и поэт. В 1926—1927 гг. работал в газете «Смычка» (г. Иваново). В 1929 г. был привлечен Горьким к участию в журнале «Наши достижения» и переехал из Иваново-Вознесенска в Москву. Лукьянов много печатался в «Наших достижениях» и принимал участие в ряде сборников молодых очеркистов: «Атака», кн. 2. Иваново-Вознесенск, Госиздат, Ивановское обл. изд., 1930; «Наша жизнь», сб. 1. М., «Федерация», 1931; «Героика будней». М.— Л., Сельхозгиз, 1931, и др. В АГ хранятся две рукописи Лукьянова, правленные Горьким,— «Город ткачей» («Наши достижения», 1929, № 3), «В краю текстильном».

Ниже публикуется одно письмо Горького Лукьянову.

〈Начало 1929 г.〉

М. Г. Лукьянову

Михаил Григорьевич!

Очерк ваш «На даче фабриканта» не будет напечатан потому, что он по существу маловажен да и написан плохо. Разрешите сказать вам, что, стараясь писать красиво, вы пишете многословно и — скучно, а кроме того — недостаточно ясно. Поставьте себя на место человека, который читает, например, такую фразу: «Причудливо красовались два домика, напоминавших отчасти индийские пагоды; воздушно резные домики, в кольцах веранд, в легком беге винтовых лестниц, с башенками-вышками, со шпилями». Читатель, наверное, не видел индийских «пагод», а если видел на фотографиях, так не мог заметить с внешней стороны стен «легкого бега винтовых лестниц» и прочих деталей, пристроенных вами. В следующей фразе «домики» оказываются «поместительными, двухэтажными домами». Зачем же именовать их домиками? «Великолепие» — не изображено вами, а писать надо — изобразительно, так, чтобы читатель видел то, о чем вы пишете. Не стоит писать «симфония колокольчиков велосипедистов», «целительный озон сосен» и т. д. «Озон», «симфония», «пагода» — все это чужие, непонятные словечки для нашего читателя — массовика. Легко можно обойтись без них. Вы, злоупотребляя вашим знанием медицинских терминов: «медикоментозный», «гелиотерапия» и т. д.,— «пневмоторакс» объясняете как «вдувание в легкие воздуха». Вдувают, мне кажется, не «воздух», но — азот, и не в «легкие», а между стенок плевры для того, чтобы сжать раненую ткань легкого.

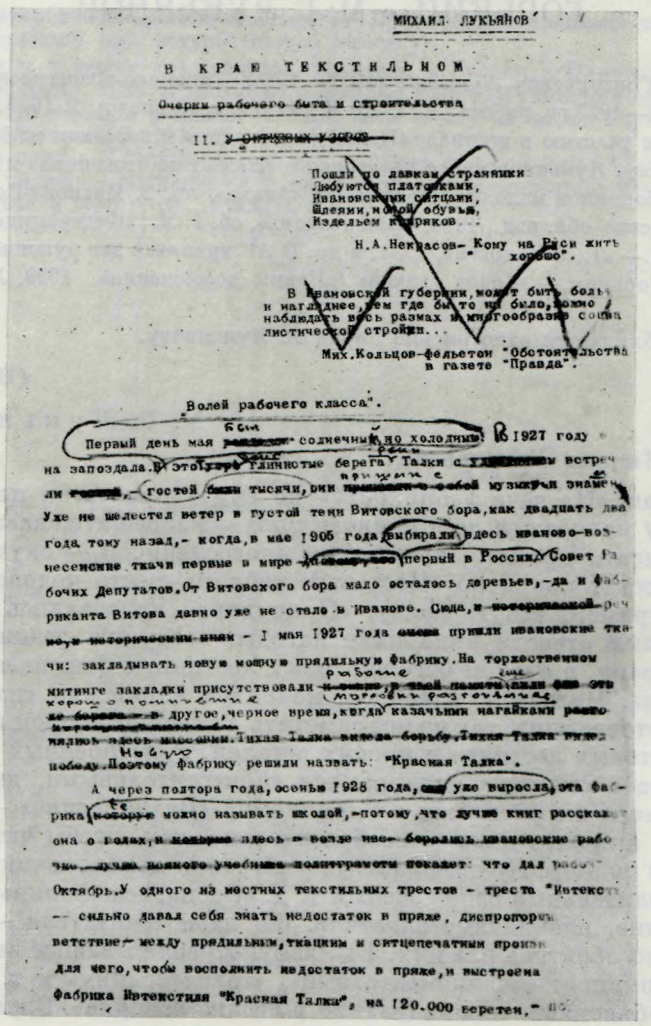
Все это я пишу, желая помочь вам научиться работать более успешно,— более просто и верно изображать то, что вы видите. Редакция журнала «Н〈аши〉 д〈остижения〉» могла бы поручить вам такое дело: напишите ряд очерков — 6—10 *о всех* достижениях Иваново-Вознесенской области, напишите их так, чтобы получилось как бы описание всей области. Часть очерков будет помещена в «Н〈аших〉 д〈остижениях〉»[1], затем все они выйдут отдельной книжкой в «Библиотеке наших достижений»[2]. Такие книги будут даны по всем областям: Сев〈ерному〉 Кавказу, Поволжью, Даль〈нему〉 Востоку, Сибири и т. д.

Подумайте над этим предложением и сообщите — можете ли принять его.

Печатается по черновому автографу.

Датируется приблизительно, по времени публикации очерка Лукьянова «Город ткачей».

[1] Осуществлением совета Горького явился очерк Лукьянова «Город ткачей» («Наши достижения», 1929, № 3), в котором подробно рассказывается о прядильно-ткацкой фабрике им. Ф. Э. Дзержинского в Иваново-Вознесенске.



МИХАИЛ ЛУКЬЯНОВ

В КРАЮ ТЕКСТИЛЬНОМ

Очерки рабочего быта и строительства

II.

Пошли по лавкам странники
Любуются платками,
Ивановскими ситцами,
Шелями, новой обувью,
Издельем кожаных...

Н.А.Некрасов- "Кому на Руси жить хорошо".

В Ивановской губернии, может быть больше и нагляднее, чем где бы то ни было, можно наблюдать весь размах и многообразие социалистической стройки...

Мих.Кольцов-фельетон "Обстоятельства в газете "Правда".

Волей рабочего класса".

Первый день мая был солнечный, но холодный. В 1927 году на запоздала. В этот день глинистые берега Талки с ... встречали гостей, - гостей были тысячи, они принесли с собой музыку и знамена. Уже не шелестел ветер в густой тени Витовского бора, как двадцать два года тому назад, - когда, в мае 1905 года выбирали здесь иваново-вознесенские ткачи первые в мире первый в России Совет Рабочих Депутатов. От Витовского бора мало осталось деревьев, - да и фабриканта Витова давно уже не стало в Иванове. Сюда, и речи, 1 мая 1927 года пришли ивановские ткачи: закладывать новую мощную прядильную фабрику. На торжественном митинге закладки присутствовали рабочие, и тысячи пришли еще раз сюда хорошо помнившие другое, черное время, когда казачьими нагайками нанесли здесь массовый. Тихая Талка видела борьбу. Тихая Талка видела победу. Новую Поэтому фабрику решили назвать: "Красная Талка".

А через полтора года, осенью 1928 года, она уже выросла, эта фабрика, которую можно называть школой, - потому, что лучше книг расскажет она о годах, в которые здесь - возле нее - боролись ивановские рабочие, - лучше всякого учебника политграмоты покажет: что дал рабочим Октябрь. У одного из местных текстильных трестов - треста "Ивтекстиль" - сильно давал себя знать недостаток в пряже, диспропорция в ветвие - между прядильным, ткацким и ситцепечатным производством для чего, чтобы восполнить недостаток в пряже, и выстроена Фабрика Ивтекстиля "Красная Талка", на 120.000 веретен, - по

ОЧЕРК М. Г. ЛУКЬЯНОВА «В КРАЮ ТЕКСТИЛЬНОМ», 1930 г., С ПРАВКОЙ ГОРЬКОГО

Лист 1-й машинописи

Архив Горького, Москва

[2] «Библиотека „Наших достижений“» — серия сборников, которая ставила перед собой задачу знакомить читателей с культурным и промышленным ростом краев, областей и республик. О замысле такой серии Горький писал В. К. Арсеньеву 23 сентября 1929 г.: «Разрешите обратиться к вам с таким предложением: необходимо, чтоб наш массовый читатель был ознакомлен — по возможности широко — с ходом культурного и промышленного роста всех областей Союза за истекшие 10 лет. С этой целью Госиздат решил выпустить серию областных сборников под общим титулом «Библиотека „Наших достижений“» (т. 30, с. 152). Издание не осуществилось.

ГОРЬКИЙ — И. К. ЛУППОЛ

Иван Капитонович *Луппол* (1896—1942) — философ и литературовед, в 1933—1935 гг. был главным редактором издательства «Художественная литература», в 1935—1937 гг.— директором Института мировой литературы АН СССР.

О творчестве Горького Лупполом написаны статьи: «Горький и мировая литература», «Дидактическая поэма М. Горького „Человек“» (см. «Горьковские чтения», I, 1938 и 1939 гг. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1940) и «Творческий путь А. М. Горького» (см. И. К. Луппол. Литературные этюды. М., Гослитиздат, 1940, стр. 92—142).

Ниже публикуется одно письмо Горького к Лупполу и одно письмо Луппола к Горькому.

1

ЛУППОЛ — ГОРЬКОМУ

〈Москва.〉 26/V—1935 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Очень прошу вас прочесть мой доклад, предназначенный для парижского конгресса [1], и дать мне ваши авторитетные указания.

Не скрою, что писать доклад, напр〈имер〉, о «философском наследстве» было бы мне не так трудно, ибо я не настолько самоуверен, чтобы считать и историю литературы своей специальностью. Конечно, в ряде мест я не мог не использовать высказанных уже вами мыслей.

Думаю, что в зависимости от объекта должен меняться и тон доклада, и потому от спокойного изложения и возможной «теплоты» (в обращении к «гуманистам») я переходил к иронии и почти к памфлету. Как все это удалось мне — судить вам. Иначе я писать не мог, да, в отношении основных идей, пожалуй, и не смогу. Первоначально я написал 60 стр., но после разговора с т. Щербаковым [2] сократил елико возможно, так что местами остались лишь намеки и исчезли иллюстрации.

Сердечный привет. И. Луппол

[1] Доклад «Проблема культурного наследства» был прочитан Лупполом на Международном конгрессе защиты культуры, состоявшемся в Париже с 21 по 25 июня 1935 г. Доклад был опубликован в «Лит. газете», 1935, № 35, от 24 июня; также в кн.: «Проблемы культурного наследства». М., Гослитиздат, 1940, стр. 3—37.

[2] Александр Сергеевич *Щербаков* (1901—1945), в то время — секретарь Союза советских писателей.

2

ГОРЬКИЙ — ЛУППОЛУ

〈Тессели. 7 июня 1935 г.〉

Дорогой и уважаемый Иван Капитонович —

солидный и отлично оформленный доклад ваш не вызывает у меня каких-либо возражений и поправок, все — ясно.

Разрешу себе отметить только тот факт, что некоторое время буржуазия ценила Э. Сю выше Бальзака,— сентиментализм первого легче проглатывался ею, чем реализм второго.

Может быть, следует указать, что фашизм, отвергая то, что создано буржуазией, вынуждает ее взрывать почву, на коей она стоит, рубить сук, на коем сидит. И — не следует ли,— в конце, — дать определение пролетарского гуманизма?

7.VI.35. Крепко жму руку. М. Горький

ГОРЬКИЙ — И. С. МАКАРЬЕВ

Иван Сергеевич *Макарьев* (1902—1958) — литературный критик, познакомился с Горьким в 1931 г., когда работал секретарем РАПП.

В неопубликованных воспоминаниях Макарьев писал: «Мне посчастливилось близко общаться с Алексеем Максимовичем Горьким в последние пять лет его жизни, то есть почти все годы пребывания его в Советском Союзе.

Я видел Алексея Максимовича в самой разнообразной обстановке — на писательских заседаниях, в семье — за обедом, на прогулке, на заседаниях Политбюро и в беседах с руководителями партии, на съезде писателей, при разговоре с колхозниками, врачами, учеными, у ночного костра на берегу Москвы-реки, на XVII съезде партии, в беседе с Гербертом Уэллсом и Роменом Ролланом, на параде на Красной площади» (воспоминания были предоставлены нам комиссией по литературному наследию И. С. Макарьева).

Макарьеву принадлежит книга «Пометки М. Горького на рукописях начинающих писателей с приложением письма Горького авторам библиотеки „Рассказов о гражданской войне“». М.— Л., ГИХЛ, 1932; (изд. 2 — «Пометки Горького на книгах начинающих писателей». М., «Советский писатель», 1957).

Ниже публикуется одно письмо Горького к Макарьеву и два письма Макарьева Горькому.

1

ГОРЬКИЙ — МАКАРЬЕВУ

⟨Москва. 23 сентября 1933 г.⟩

Ив. Макарьеву

Дорогой Макарьев —

извините, что беспокою мелочью: мне нужно знать, в какой именно деревне около Старицы вы в прошлом году видели старика [1], который собрал у себя картины крепостных художников? Назовите деревню, если помните.

Леопольд [2] сообщил мне, что живете вы трудновато, устаете сильно и что, вообще, невесело вам. Сожалею искренно, что не могу помочь вам, а — может быть — могу? Сообщите. Я сделал бы это с великим удовольствием, ибо очень ценю вас. Леопольд чувствует себя, как будто, сносно, даже — повышенно и работает за троих. Вовлечен Юдиным [3] в группу критиков, кои должны заняться изучением литературы в целях: определения признаков и смысла реализма дореволюционной литературы, а также признаков — или посылок — к социалистическому реализму советской, текущей литературы.

Вам, вероятно, известно, что предом Оргкома назначен я [4], несмотря на все мои просьбы не делать этого. И вот «взялся за гуж». Работать приходится в сущности троим: Леоп⟨ольд⟩у, Юдину, мне, я имею в виду организаторскую работу,— но, кажется, уже удалось немножко пошевелить литер⟨атурную⟩ братию. Некоторые группы [5] взялись за дело

УЧАСТНИКИ ПЛЕНУМА ПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (РАПП)

На снимке (снизу вверх, слева направо): в первом ряду: А. Грудская, М. И. Миттельман, Г. И. Мирошниченко, М. Е. Штительман, Гр. Файволович; во втором ряду: А. П. Селивановский, И. С. Макарьев, В. П. Ставский, Ю. Н. Либединский, В. М. Киршон, Л. Л. Авербах, Ф. И. Панферов, А. А. Фадеев, Б. М. Буачидзе; в третьем ряду: А. А. Исбах, А. Н. Бусыгин, Бела Иллеш, Матэ Залка, В. В. Ермилов, А. А. Сурков, Г. М. Корабельников, Н. Г. Шушканов, М. В. Лузгин, А. Н. Афиногенов; в последнем ряду: Ф. Евсеев, О. Ф. Берггольц, С. Фридман, Гр. Грин, Н. Боровой, С. Л. Кирьянов, Павел Евсеев, Ю. Г. Лаптев, В. П. Яблонский (режиссер ленинградского театра ЛАПП)

Фотография, 1931 г.

Собрание Р. Э. Киршон-Корнблюм, Москва

энергично, напр⟨имер⟩ группа изучения «детской литературы», т⟨о⟩ е⟨сть⟩ книги, критическая и тюркская, вероятно, будет работать отлично. Лео [6] со своей группой едет в Баку, Кирш [7] — в Татарию, и так во все республики Союза отправляются группочки ребят для ознакомления с лит⟨ературной⟩ работой союзников. Работы — гора! Весьма сожалею, что в делах этих нет вас и Сутырина [8], сожалею не только потому, что оба вы приятны, «симпатичны» — лично мне, а и потому, прежде всего, что вы *ясные* партийцы и хорошие работники, да и культурно выше многих.

Сутырин уехал на Беломор⟨ско⟩-Балт⟨ийский⟩ канал и пишет оттуда очень бодро, весело,— работа ему нравится. В общем — живем!

Будьте здоровы, Иван! Письмо — сумбурное, но — я тороплюсь. Столько работы, что мне скоро и чихнуть некогда будет.

Жму руку.
А. П е ш к о в

23.IX.33.

P. S. Сейчас получил вашу телеграмму. Отвечу завтра [9], телеграфом же.

А. П.

P. P. S. Не театрам, не улицам, а вот ст. Крутой — ныне «Воропоново», по имени генерала помещика — следовало бы дать имя «Горькая» — круто и тяжеленько жилось мне на этой анафемской станции! [10]

А. П.

[1] См. письмо 2.

[2] Имеется в виду Леопольд Леонидович Авербах (1903—1938) — литературный критик, был одним из руководителей РАПП.

[3] Павел Федорович *Юдин* (р. 1899) — философ, академик. В то время — заместитель председателя Всесоюзного Оргкомитета ССП.

[4] 15 августа 1933 г. состоялось заседание Пленума Всесоюзного Оргкомитета ССП, на котором Горький был единогласно избран председателем Оргкомитета.

[5] 27 августа 1933 г. на заседании Секретариата Оргкомитета ССП, которое проходило с участием Горького, было принято решение о создании ряда бригад писателей. В состав бригады по разработке вопросов детской литературы и бригады по работе с молодыми авторами был избран Горький.

[6] Авербах.

[7] Владимир Михайлович *Киршон* (1902—1938). См. переписку Горького с Киршоном в наст. томе.

[8] Владимир Андреевич *Сутырин* (р. 1902) — литературный критик. Познакомился с Горьким в 1928 г. в Тбилиси, будучи тогда секретарем Всесоюзного объединения ассоциации пролетарских писателей (ВОАПП), членом секретариата Федеративного объединения советских писателей (ФОСП). С 1929 г. работал в кинофотопромышленности и переписывался с Горьким по вопросам советской кинематографии. В 1933 г. уехал из Москвы на Беломорско-Балтийский канал в качестве начальника Туломской ГЭС.

[9] В ответ на телеграфное сообщение Макарьева об открытии в Сталинграде 26 сентября Нижневолжского краевого съезда колхозников-ударников Горький послал приветственную телеграмму съезду, которая была опубликована в «Поволжской правде», 1933, № 221, от 24 сентября.

[10] На станции «Крутая» (ныне Воропоново) Грязе-Царицынской ж. д. Горький работал в 1889 г. весовщиком.

2

МАКАРЬЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Сталинград. 9—10 января 1934 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

На письмо ваше отвечаю с запозданием на целых три месяца. Ругайте как хотите, хотя особенно ругать меня не стоит,— ибо были у меня причины и уважительные: с конца октября и по конец декабря болел.

Заполучил каким-то путем воспаление надкостницы, делали операцию, после которой моя явно выраженная рязанская физиономия украсилась мужественным шрамом.

Основная причина молчания, конечно, не болезнь (мог бы написать и до нее), а зверская загруженность. Каждый день утром думаю о том, что вечером засяду за письмо, а к вечеру так изматываюсь, что уж ничего не соображаю (не поймите это, как жалобу, что живется мне «трудно», как передал вам — неверно — Леопольд. Это только объяснение, почему я вам не писал,— не только «без поводов», как вы просили, когда я уезжал, но и «по поводам», хотя бы по поводу вашего письма).

Теперь опять лежу уже шестой день — схватил где-то ангину. Сегодня — нормальная температура, вполне работоспособен, а выходить еще нельзя. Сел за это письмо, чувствую, что выйдет оно длинным и сумбурным: очень о многом хочется написать вам, вряд ли все вместится.

Прежде всего — большое спасибо вам за ваше хорошее письмо, после которого как-то лучше себя почувствовал: и веселее стало, и работалось лучше. А раз уж вы написали несколько хороших слов обо мне лично, то получайте в ответ признание в крепкой хорошей любви к вам.

Теперь о делах.

Живется мне не то что трудно, а просто я здорово устаю. Работа занимает все время, кроме нескольких часов на еду и сон (иногда и сплю в редакции). Народу в редакции мало, типография разваленная, газета плохая [1],— а требования к газете в наше время огромные,— одним словом, очутился я здесь в положении того самого солдата, которому дали гривенник и велели принести бутылку водки, фунт колбасы и полтинник сдачи. Но, в общем, живу хорошей, интересной и *полезной* жизнью.

В Москве как-то меньше, слабее ощущаешь то, что происходит в стране (говоря «в Москве», разумею московскую литературную обстановку, интересами которой жил последние два года), начинаешь постепенно отвыкать от *чувственного* восприятия нового, представлять его несколько отвлеченно, «вообще». А это вещь довольно опасная — слишком рано начать только обобщать, не притронувшись непосредственно к жизни на разных ее участках, не изучив крепко деталей, не пережив будней строительства и повседневной драки за него. Без этого — и обобщение или будет страдать неполнотой, или заведет не туда, куда нужно, или будет уж слишком скучным и пресным, без настоящей большевистской смелости.

Выражаюсь я довольно сумбурно, точно передать мысль мне не удалось, дело, конечно, гораздо сложнее, нужны были бы некоторые оговорки к сказанному,— но думаю, что вы меня поймете.

Правда, сейчас, после пятимесячного пребывания здесь, начинает уже давать себя знать и оборотная сторона: не хватает времени как раз для *обобщения*, как-то некогда оглянуться, подвести итоги, осмотреться, приглядеться к другим, просто кое-что записать. Мешает, видимо, сама специфика работы, которая чертовски затягивает (а работу газетную я очень люблю). А работа редактора в наше время (редакторов в старое время не наблюдал) такая, что некогда *наблюдать* людей, как это ни странно звучит. Такая уйма людей, с которыми споришь, ругаешься, убеждаешь, и настолько во все это уходишь и настолько воспринимаешь все это *лично*, как свое, тебя касающееся,— что наблюдать-то и некогда. Скорее сам превращаешься в объект наблюдения.

Иной раз думаешь потом: вот побыл в колхозе, поговорил с такими-то людьми, сделал все, что надо, и уехал,— а ведь людей-то как следует не изучил, ухватил только «хвостики». И хочется опять туда поехать. Но уже поздно — наплыли новые люди, которые заслонили предыдущих.

Чёрт его знает, то ли тут дело в неумении работать, то ли в самом характере работы в наше время и в нашей стране, когда думаешь и делаешь

одновременно и когда для особых раздумываний нет времени, ибо дело не ждет. Не знаю. Только страшно завидую вашей способности уметь наблюдать, уметь взять от каждого человека не то, с чем он пришел к вам, а то, что в нем наиболее интересно, причем человек-то и не догадывается, что вы взяли от него не то, что он хотел, а *то*, что вам нужно и что, может быть, этот человек и показывать-то вам не хотел.

Одним словом, в переводе на язык литературных споров, впадаю я здесь понемногу в смертный грех «эмпиризма», строго преследовавшийся рапповской инквизицией с Леопольдом во главе и при моем непосредственном участии.

Шутка шуткой, а, по правде говоря, тянет немного передохнуть, кое-что обдумать, кое-что записать, кое-что прочитать.

Читаю, по сказанным выше причинам, мало. А читать надо ой-ой сколько! Иной раз прямо зло берет, когда подумаешь, как много хорошего и *нужного* (такого, без чего не проживешь) еще не читал.

Наше поколение (говорю про себя, Леопольда, Кирша, людей, которым сейчас по 30 лет) входило в жизнь, формировалось в полосу военного коммунизма. Время было хорошее, и вообще мы — счастливые люди, что подростками вошли в революцию. Но воспитывались мы несколько, я бы сказал, «гуманитарно» (говорю не о школьной учебе, а о жизни). В стране тогда не стоял вопрос о технике, мы росли как агитаторы, как организаторы, как профессионалы-революционеры. А теперь это сказывается.

Я, например, чувствую стыд, что я не знаю высшей математики, не знаю как следует физики, химии, точных наук вообще, а, значит, не знаю как следует электричества, радио, устройства новых машин и т. д. Помню, как-то, года два назад, у вас на даче слушали мы, кажется, с Фадеевым ваш разговор с Луначарским о новых открытиях в биологии и оба испытывали мучительный стыд, ибо о фактах, вами и А⟨натолием⟩ В⟨асильевичем⟩ упоминавшихся, даже и не слышали.

А рядом растет новое поколение, которое *начинает* с техники, с точных наук.

Мы недавно собрали здесь, в Сталинграде, школьников разных групп и беседовали с ними. В числе прочих вопросов было: «какую профессию ты наметил для себя, кем ты хочешь стать, что ты думаешь через два-три года делать?»

Шестнадцать лет назад каждый из нас,— пятнадцатилетних тогда ребят,— давал на этот вопрос один и тот же ответ: буду коммунистом, буду защищать Октябрьскую революцию, пойду туда, куда пошлет партия, умру за мировую революцию и т. д. И для тех лет такой общий ответ был вполне достаточным. Более того,— в то время, помню, мы засмеяли бы того, кто сказал бы, что он хочет быть врачом или инженером.

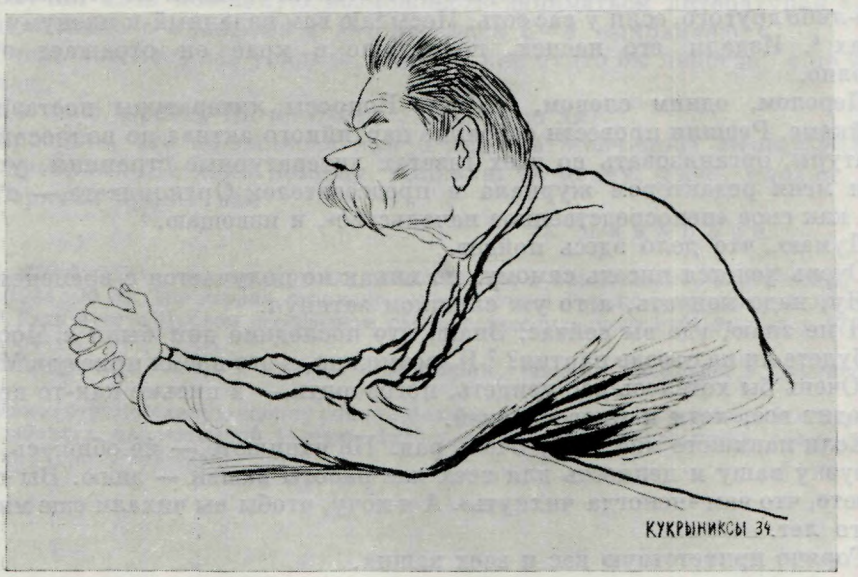
И вот сейчас — встает 12-тилетняя девочка и на тот же вопрос спокойно и уверенно отвечает: «кончу девятилетку, пойду в ВУЗ, хочу быть инженером-электриком». Другой — хочет работать по железобетону. Третья — по радиотехнике. И так *сорок человек* — без всяких изъятий!

И чувствуешь, что отстаешь от жизни, что надо догонять, надо переучиваться и доучиваться (тем более, что многим из нас учиться как следует — говорю о школьной учебе — вообще не пришлось).

Дело не в том, конечно, чтобы я стал инженером или врачом. Я не хочу им быть, меня, скажем, тянет литература, и я буду ею заниматься. Но я могу остаться редактором, критиком, писателем, просто партийным работником,— и все равно любой из этих участков требует сейчас знания точных наук, знания техники, и не только по одной какой-либо специальности.

Вот я сейчас сижу в газете. Газета теперь не похожа на прежнюю. Основным вопросом для меня сейчас вовсе не является вопрос о том, что

«англичанка гадит» (хотя это очень важно и этим надо заниматься). Основные вопросы для меня сейчас — *ремонт тракторов* к весне, планирование сельского хозяйства на будущий год, подготовка к строительству автозавода в Сталинграде (беру несколько вопросов). И я чувствую, что без освоения техники трактора, комбайна, любой машины, без изучения моторов, без серьезного изучения проблем ирригации, севооборотов, без изучения заводов Форда и Горьковского автозавода и т. д.,— я газетой буду руководить не так, как следует.



ГОРЬКИЙ
Дружеский шарж Кукрыниксов, 1934 г.
Музей Горького, Москва

То же самое с руководителем партийного комитета, то же самое (в меньшей степени) с писателем.

Хочется поэтому учиться, читать, скорей залатать этот разрыв, чтобы не оказаться в «нетях», чтобы лучше работать.

Ну, кажись, я слишком расписался. Вещи эти достаточно известны вам, и ничего нового я вам не сообщаю.

С Москвой связи у меня как-то не налаживаются. От Леопольда я не получил ни одного письма. Из Оргкомитета мне, конечно, никто не пишет. По «Литгазете» составить представление о происходящем в литературе трудновато. Кое-что понял из вашего письма. Многого не улавливаю и сейчас.

С большим интересом прочитал в «Литгазете» вашу статью — послесловие к сборнику о Беломорстрое[2] и статью коллектива авторов, написанную, судя по задорности, Леопольдом[3]. Дело не в том даже, на каком уровне будет стоять книга, а дело в том, что вы правильно уцепили,— во внесении *коллективности* и в писательский труд, в ломке старых, капиталистических методов работы и отношений к друг другу. Если дело обстоит так, как расписал Леопольд, то один факт появления такой книги (работы над ней) стоит больше, чем 20 «примирительных» пленумов

Оргкомитета [4] (хотя на первых порах Леопольду вряд ли удастся избежать новых обвинений его во всякого рода «групповщине»).

Здесь с литературными делами неважно. Я мог заняться ими только в самое последнее время. 27 декабря у нас был расширенный пленум Оргкомитета. Конечно, выяснилось, что по краю есть порядочно талантливых ребят. Сейчас собираю их, завязал переписку, отвечаю на рукописи, печатаю их в газете и журнале. С января, как обещал вам, налаживаю издание «толстого» журнала «Поволжье» [5]. Очень хотелось бы, чтобы вы прислали для первого номера приветствие и отрывок из «Клима» или чего-либо другого, если у вас есть. Посылаю вам изданный к пленуму альманах [6]. Издали его наспех, положение в крае он отражает очень неполно.

Перелом, одним словом, сделан. Вопросы литературы поставил в крайкоме. Решили провести собрание партийного актива по вопросам литературы, организовать во всех газетах литературные страницы, утвердили меня редактором журнала и председателем Оргкомитета,— о чем вас, как свое «непосредственное начальство», и извещаю.

Думаю, что дело здесь пойдет.

Очень хочется писать самому, но никак не получается с временем.

Ну, надо кончать, а то уж слишком затянул.

Я не знаю, где вы сейчас. Знаю, что последние дни были в Москве. Не будете ли на съезде партии? [7] Я, возможно, в это время приеду в Москву. Очень бы хотелось вас увидеть, поговорить,— в письме как-то не так выходит все, хотя и многословней.

Если напишете мне, буду очень рад. Не напишете,— не обижусь, ибо загрузку вашу и ценность для всех нас работы вашей — знаю. Вы сами пишете, что вам «некогда чихнуть». А я хочу, чтобы вы чихали еще много, много лет.

Горячо приветствую вас и всех ваших.

Ваш И. Макарьев

10 января.

Чуть не забыл: вы в письме просите назвать деревню около Старицы, где есть старик, собравший картины крепостных художников, которого я, якобы, видел в прошлом году.

К сожалению, вы ошиблись, А〈лексей〉 М〈аксимович〉.

В Старице я в прошлом году не был и старика такого не знаю. Но припоминаю, что при мне вам кто-то нечто подобное рассказывал, но *кто*,— не припомню (не Леонов ли?).

P. S. Не вышел ли «Клим Самгин» с Кукрыниксами? [8] Если вышел,— очень бы хотелось, чтобы прислали. Здесь не достать.

И. М.

[1] Макарьев работал в то время редактором газеты «Поволжская правда».

[2] Послесловие Горького к сборнику о Беломорско-Балтийском канале (М., ОГИЗ, изд. «История фабрик и заводов», 1934). Впервые напечатано под названием «Первый опыт» в «Лит. газете», 1933, № 59, от 23 декабря.

[3] Статья «Книга о Беломорстрое», опубликованная в том же номере «Лит. газеты».

[4] После постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» прошел ряд пленумов Оргкомитета Союза советских писателей, на которых ставился вопрос о работе «бывших рапповцев» — Авербаха, Киршона, Чумандрина и других в Союзе писателей.

[5] См. письмо 3, прим. 1.

[6] «Литературное Поволжье». Альманах 1. Сталинград. Н.-Волжское краевое гос. изд-во, 1934.

[7] Горький присутствовал на открытии XVII съезда ВКП(б) 26 января 1934 г.

[8] М. Горький. Жизнь Клима Самгина (Сорок лет), тт. 1, 2, 3. Художники Кукрыниксы. М., «Советская литература», 1934.

3

МАКАРЬЕВ — ГОРЬКОМУ

Сталинград. 8 июня 1934 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Посылаю вам первый номер нашего «Поволжья» [1]. «Первый блин» вышел, кажись, комом,— мне, во всяком случае, не нравится. Зато следующие номера (2-й выходит на днях, 3-й к съезду) будут лучше. Сейчас я получил хоть кое-какую возможность заниматься литературой,— работаю только в крайкоме и вечером часа 2—3 выкраиваю.

Очень хотелось вас увидать, скучать как будто бы некогда, а по вас я скучаю.

Не знаю, приеду ли на съезд [2], да и надо ли?

Простите, что не написал вам о книжке Молчанова «Крестьянин» [3] (вы просили). На днях напишу. Книжка, по-моему, очень плохая.

Горячий привет вам.

И. Макарьев

[1] «Поволжье» — литературно-художественный и общественно-политический журнал (1934, № 1). На первой странице — приветствие Горького журналу «Поволжье».

[2] Речь идет о Первом всесоюзном съезде советских писателей (открылся 17 августа 1934 г.).

[3] Александр Молчанов. Крестьянин. «Изд-во писателей в Ленинграде», 1934.

Резко отрицательную оценку романа Молчанова Горький дал в статье «О литературных забавах», напечатанной 14 июня 1934 г. в «Правде», «Известиях», «Лит. газете» (см. т. 27, стр. 243—248).

ГОРЬКИЙ — С. Н. МАРКОВ

Сергей Николаевич *Марков* (р. 1906) рано начал трудовую деятельность, переменил много профессий. С 1924 г. Марков стал печататься в журнале «Сибирские огни», который внимательно читал Горький. Вскоре он привлек молодого писателя к сотрудничеству в журнале «Наши достижения».

В своей автобиографии Марков сообщает: «Алексей Максимович читал ⟨...⟩ рукописи моих очерков для „Наших достижений", стихи „Заморский капитан", „Донат — Китовый дружок" и др. За год до своей смерти передал мне свое пожелание, чтобы я составил ему нечто вроде доклада о своих работах по изучению архивных и музейных богатств Великого Устюга и др. городов Севера, а также обзор исторических сведений о заселении русскими Аляски и др. областей на севере Тихого океана ⟨...⟩

Горький весьма лестно оценил мой труд и дал указание П. А. Павленко опубликовать этот доклад в альманахе „Год XX" ⟨...⟩ Рукопись, переданная Павленко, имела большую надпись, сделанную рукой А⟨лексея⟩ М⟨аксимовича⟩ синим карандашом. Надпись представляла собой своеобразное предисловие к будущей публикации. В ней положительно оценивался мой труд. А⟨лексей⟩ М⟨аксимович⟩ писал, что мой пример не должен быть единственным, что писатели должны пробовать свои силы в исследовательской работе и т. д. Но доклад, полученный П. А. Павленко в единственном экземпляре, бесследно исчез вместе с предисловием А⟨лексея⟩ М⟨аксимовича⟩» (АГ).

В АГ хранится несколько рукописей Маркова с правкой Горького: «Обновленные племена» («Наши достижения», 1929, № 1), «Мезенская прибаутка», «Донат — Китовый дружок» («Новый мир», 1938, № 1), «Карагун и Пуоли» («Северный краевед», 1935, № 2).

Ниже публикуются два письма Горького и его отзыв о статье Маркова «Обновленные племена».

1

ГОРЬКИЙ — МАРКОВУ

⟨Сорренто. 25 марта 1929 г.⟩

С. Маркову

Эта статья для «Н⟨аших⟩ д⟨остижений⟩» — не годна [1]. Обо всех этих людях — Бегичеве, Кулике и др.— писалось в газетах. Разумеется,— они интересные люди, но такие бывали и раньше. Про учительницу, которая построила уборную, вами было рассказано. Уборная — не из тех «достижений», о которых можно говорить и дважды.

Тон ваших статей слишком «фельетонен» для журнала. Надо писать несколько «солиднее», в типе очерка, а не фельетона. Не требуется, чтоб автор говорил от себя и философствовал, вполне достаточно будет, если он изобразит факты картинно и ярко.

Вы — человек даровитый и, мне кажется, могли бы делать это весьма искусно, с пользой для журнала и еще большей пользой для себя самого,— научитесь писать экономно, сжато и веско.

Жму руку

А. Пешков

25.III.29.

[1] В 1927—1928 гг. Марков написал статьи о боцмане Н. А. Бегичеве, организовавшем в 1927 г. поиски спутников Амундсена и погибшем за Полярным кругом («Отчего погиб боцман Бегичев», «Полярная одиссея боцмана Бегичева и долг газеты»).

В качестве корреспондента газеты «Советская Сибирь» Марков много писал о Л. А. Кулике (1883—1942), возглавившем в 1927 г. научную экспедицию по исследованию Тунгусского метеорита. О какой именно статье идет речь в данном письме, установить не удалось.

2

ГОРЬКИЙ — МАРКОВУ

〈Москва. 21 марта 1934 г.〉

Простите, Сергей Николаевич, что опоздал ответить вам.

Предложение ваше[1] интересно и целесообразно, хотя вы чрезмерно мелко раскрошили народности, обитающие в Союзе Советов, многие из них этнографически родственны и различаются между собою гораздо менее, чем, напр〈имер〉, татары Казани, Касимова, Усмани.

Из того, что *мы* не знаем всех племен Союза, еще не следует, что племена эти вообще неизвестны; а для того чтобы они стали известны нам, мы должны ознакомиться с трудами этнографов Финляндии, Скандинавии, Англии и др. Отсюда явствует, что силами людей, вами названных, этой работы нам не поднять.

К тому же — нужно помнить, что у нас были издания, ставившие пред собой эту цель, но намерений своих не оправдали.

Сейчас затевается издание краевых, областных и республиканских сборников, которые — частично — выполнят и работу по этнографии[2].

Я пришлю вам типовую программу этих сборников, и тогда мы с вами возобновим переписку по поводу вашего предложения.

Привет.

М. Горький

21.III.34.

[1] В письме от 13 февраля 1934 г. из Архангельска Марков писал Горькому:

«Мое предложение заключается в следующем. По-моему, необходимо издать нечто вроде „Истории народов СССР“, придав этому изданию значение „Истории фабрик и заводов“ или „Истории гражданской войны“.

Может быть, эту серию можно назвать „Племена одной шестой“, „Народы советской земли“ и т. д. Это, в конце концов, неважно. Важно осуществить издание первой правдивой истории обновленных народов.

Колонизаторы царского правительства сознательно закапывали и скрывали все ценное, оригинальное и интересное в жизни народов России. Только сейчас выявляется народное творчество, эпос, который можно поставить в ряд с шедеврами мирового искусства.

В этих книгах о народах СССР необходимо отразить:

1. происхождение народа,
2. его историю,
3. историю борьбы за освобождение в условиях царской России,
4. быт,
5. хозяйство,
6. творчество,
7. показать лучших людей народа в прошлом (повстанцы, народные вожди, поэты, сказители, писатели, художники, зодчие, певцы, музыканты),
8. показать участие каждого народа в Октябрьской революции, гражданской войне, социалистическом строительстве,
9. отразить перестройку быта и психологии за последние годы,
10. показать лучших людей современности — ударников всех участков борьбы в рядах армии социализма».

Далее приводится список народов СССР и развивается подробный план издания (АГ).

[2] Издание не было осуществлено.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОТЗЫВ ГОРЬКОГО О СТАТЬЕ МАРКОВА «ОБНОВЛЕННЫЕ ПЛЕМЕНА»[1]

Марков

«ОБНОВЛЕННЫЕ ПЛЕМЕНА»

Это — весьма неплохо; автор — видимо, осведомленный человек,— несмотря на свою молодость; я бы очень советовал привлечь его к постоянному сотрудничеству.

Но — этой статьи мало, и она все-таки жидка. Существует «Комитет по изучению Север‹ного› края», там работает некто Леонов [2], надо заказать ему статью о Мурмане, о самоедах и т. д. Статью о жизни поморов, вероятно, мог бы дать Пятигорский [3] — Архангельский Исполком.

Освещение жизни нацменьшинств чрезвычайно важно, оно показывает влияние центра на культуру периферии.

Хорошо бы выступить кому-нибудь из членов редколлегии с докладом о целях «Н‹аших› д‹остижений›» в Лазаревском институте [4]. Крючков прекрасно сделал, настроив т. Элиаву [5] на работу для нас. Нужно воодушевить армян, тюрков и племена С‹еверного› Кавказа. Вообще нужно разворачивать всё и всех — до дна!

Материал, с которым я познакомился, убеждает, что мы встали на верный путь в деле возбуждения сил «культурной революции». Надо пользоваться силами студенчества нацменьшинств.

‹Начало января 1929 г.›

Датируется по письму С. Б. Урицкого к Горькому от 18 января 1929 г., в котором Урицкий сообщал, что, по предложению Горького, собирается выступить в Институте востоковедения с докладом о № 1 журнала «Наши достижения» (АГ).

[1] Публикуемый отзыв предназначался для редколлегии журнала «Наши достижения», где была напечатана статья Маркова «Обновленные племена» (1929, № 1).

[2] Н. И. Леонов — географ и писатель, автор книг «Танну-Тува. Страна голубой реки». М., «Дешевая библиотека» (изд. журнала «Северная Азия»), 1927, «В горных долинах Алтая», 1927, «В лесах Заволжья», 1927, «География Узбекистана», 1948, «Впервые в Алай», 1951, и др.

[3] Сведений об упомянутом лице найти не удалось.

[4] Лазаревский институт восточных языков был создан в 1815 г. в Москве. После Октябрьской революции, по инициативе Горького, был реорганизован в Институт востоковедения.

[5] Шалва Зурабович *Элиава* (1885—?). В 1928 г. занимал пост председателя Совнаркома ЗСФСР. Впоследствии (с 1931 г.) был заместителем народного комиссара внешней торговли.

ГОРЬКИЙ — Д. И. МОРСКОЙ

Дмитрий Иванович *Малышев* (псевдоним — Морской, 1897—1956)— поэт, мордвин по национальности, автор сборника стихотворений «Сурдина пурги» (1927). В кн. «30 лет Мордовской АССР» (Саранск, 1961) Морской назван в числе писателей, заложивших основы мордовской советской литературы.

Переписка Горького с Морским относится к 1927—1932 гг. Приехав в Москву в мае 1928 г., Горький встретился с Морским. В АГ хранятся рукописи ряда стихотворений Морского с правкой Горького и отзыв о книге «Неслыханная гордость».

О своих отношениях с Горьким Морской рассказывает в воспоминаниях, хранящихся в АГ.

Ниже публикуется четыре письма Горького к Морскому.

1

ГОРЬКИЙ — МОРСКОМУ

〈Сорренто. 18 октября 1927 г.〉

Дмитрию Морскому

Предупреждаю: я — плохой ценитель стихов, потому вы должны относиться к моей оценке осторожно.

Мне кажется, что стихом — техникой стиха — вы владеете уже свободно, некоторые стихотворения, напр〈имер〉: «Столяр», «Зимой», «Влюбленная осень» [1] — и еще кое-что,— звучат уже вполне хорошо — и говорят о том, что дарование у вас, бесспорно, есть.

Но язык ваш страдает отсутствием четкости, ясности, и, гонясь за образностью, вы часто допускаете такие строки:

«И дни, и ночи *напролом*» — напролет? — сквозь что?
«И ветку к ветке прижимая...
Шагал в поту, как в росах мая» — это нехорошо.

«Глаза в *индевелой* печали»...

«На сердце челн тоски в причале
Огнями смутными залит» — это всё не ясно, не образно

Затем: не надо выдумывать слов, вроде «гальчатого песка»,— одно — галька, другое — песок; или «тенева паутин» — что значит — тенева?

А в стихах «Вчера сковал я серп» у вас потóм или пóтом? — не поймешь.

Не нравится мне титул стихов «Сурдина пурги» — вычурно это.

А за всеми этими техническими недостатками, которые легко устранить, лежит ваша грусть, непонятная мне. О чем бы грустить вам, человеку, испытавшему уже в начале жизни так много? Все испытанное

вами должно бы явиться богатством вашим и гордостью вашей, все это — материал для вас, поэта. А кроме того у вас есть и еще богатейший материал — в легендах, сказках, песнях вашего племени. О чем грустить? Разве вы не находите радости в работе, разве не гордитесь вы тем, что из неграмотного крестьянина превратились в поэта? Гоните прочь вашу грусть, ищите радости в работе, в самовоспитании, в той удивительной жизни, которая могуче кипит вокруг вас и за свободу которой вы боролись.

Вам есть чем гордиться, это я вижу, но я не вижу, о чем грустить?

Крепко жму руку.

А. Пешков

18.X.27.

Спасибо за то, что прислали книжку.

А. П.

[1] Стихотворения из сборника Морского «Сурдина пурги». М., «Никитинские субботники», 1927. В тексте письма приведены строки из стихотворений «Отец», «Мать», «Уход», «Дед на горе».

2

ГОРЬКИЙ — МОРСКОМУ

⟨Сорренто. 9 января 1929 г.⟩

Д. Морскому

Ваша ссылка на Гете [1] — не совсем понятна. Как вам, наверное, известно, через несколько десятков лет после его смерти французы, а позднее и наши поэты, ввели аллитерации, ассонансы, усеченные рифмы и все прочее.

Чернышевский выражает совсем не «то же», что сказано Гете, а нечто очень спорное, во всяком случае — неясное. Сказать: «Забота об оригинальности губит оригинальность» — это не значит сказать нечто вполне определенное хотя бы потому уже, что человек со *своеобразным* опытом, со своим взглядом на людей, на явления природы вовсе не заботится об оригинальности формы, его опыт самосильно отливается в наиболее совершенно подходящую ему — опыту — форму. В этих счастливых случаях мы получаем такие разнообразные фигуры, как Тютчев и Беранже, Некрасов и Верлен, как Гоголь и Чехов, Лесков и Достоевский. «У кого есть содержание, тот не будет хлопотать, чтоб отличиться оригинальностью»,— цитируете вы Чернышевского, опыт которого прекрасно отливался в формы критических и политических статей, но очень неудачно отлился в форму романа. Тут, как видите, есть некоторое противоречие: оригинальность содержания и оригинальность формы как будто «разнствуют». Это противоречие вы разрешите, подумав о том, почему большинство молодых писателей наших, обладая *небывало богатым* — для их возраста — опытом, уложить его в форму достаточно «художественную» — т. е. простую и красивую — не могут, не умеют.

Разумеется — «вопросы формы так же стары, как стара сама литература» и даже гораздо старше: люди говорили стихами, еще не имея письменности. Можно сказать, что форма стара как познание, ибо — всякое познание оформляет явление природы, мысль, чувство человека.

О стихах ваших скажу: много в них небрежности, много «несделанного», торопливого. Мне кажется, вы преждевременно пишете такие боль-

шие и «сюжетные» вещи [2], вам бы попробовать разработать дарование ваше на мелких стихотворениях. Они тоже могут быть «сюжетны», если вы возьмете «жанр» — быт.

Всего доброго.

А. Пешков

9.I.29.

[1] Письмо Морского, на которое отвечал Горький, не сохранилось. Судя по более позднему письму Морского Горькому (от 9 февраля 1929 г.), где речь идет о тех же проблемах, Морской ссылается на следующее высказывание Гете: «Вообще теперь чрезвычайно гоняются за техникой, и господа критики начинают домогаться того, чтобы простое эс непременно рифмовало с простым эс, а отнюдь не с эс-цет. Если бы я был еще молод и предприимчив, я бы умышленно стал выступать против этих технических тонкостей, я стал бы употреблять аллитерации, ассонансы, бедные рифмы с полной беззаботностью; но я обратил бы все свое внимание на самую суть дела и постарался бы написать такие хорошие вещи, что все восхищались бы и заучивали их наизусть» (И. Эккерман. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М.— Л., «Academia», 1934, стр. 546).

В том же письме от 9 февраля 1929 г. Морской писал Горькому и о своем отношении к Чернышевскому: «Его „Что делать?“ — как роман — не вызывает желания учиться у него, но мысли, выраженные им как публицистом и критиком об искусстве, по-моему, верны, и мне они кажутся точными. Конечно, спорить обо всем можно. Мне кажется: содержание само определяет свои формы, каково бы оно ни было. Например, скульптор высекает ли, лепит ли фантастическую фигуру не существующего животного — форму придает — ту, которая возникла в нем вместе с представлением о содержании. Т⟨о⟩е⟨сть⟩ содержание не могло явиться как нечто отдельное от формы. Содержание с формой одно целое» (АГ).

[2] Речь идет о стихотворении Морского «На бульваре».

3

ГОРЬКИЙ — МОРСКОМУ

⟨Сорренто. 22 февраля 1929 г.⟩

Д. Морскому

Стихотворение не понравилось мне[1], неясно и непонятно в нем многое.

Для знакомства с Гете — недостаточно «Разговоров» Эккермана, прочитайте еще что-нибудь, напр⟨имер⟩ — книгу Лихтенштейна [2]: с его эпохой хорошо знакомит Гайм «Романтическая школа» [3]. В этой книге вы найдете много весьма интересных суждений Тика о формах стиха.

Утверждая, что Гоголь «вырос из Диккенса» [4], вы слишком уж категоричны. Сказать так — мало, надо подтвердить. Подтверждение найдется лишь в сходстве *приема* «Мертвых душ» с «Записками Пикквикского клуба». Но — тем же приемом и раньше Диккенса Стерн написал «Сентиментальное путешествие».

В языке Гоголь — в первую пору — был зависим от Марлинского, сильно влиял на него Гофман. Стерна он читал, а читал ли Диккенса — сомневаюсь.

Всего доброго. А. Пешков

22.II.29.

[1] Стихотворение Морского «На бульваре».

[2] У Горького описка. Имеется в виду кн.: В. О. Лихтенштадт. Гете. Борьба за реалистическое мировоззрение. Пг., Госиздат, 1920.

[3] Р. Гайм. Романтическая школа в Германии. Вклад в историю немецкого ума. Перевод В. Неведомского. М., изд. К. Т. Солдатенкова, 1891.

[4] В письме к Горькому от 9 февраля 1929 г. Морской писал: «Гоголь, хотя и счастливый случай в смысле оригинальности фигуры, но вырос-то ведь он из Диккенса. Следуя формам изложения своего учителя, он и материал вкладывал, соответствующий данным формам. Не будь Диккенса, во что бы вылился Гоголь как художник — неизвестно...» (АГ).

4

ГОРЬКИЙ — МОРСКОМУ

⟨Сорренто. 9 ноября 1929 г.⟩

Д. Морскому

Мне кажется, что вам надобно хорошенько отдохнуть, почитать, поучиться, пожить одному где-нибудь в теплом месте и присмотреться к себе серьезнее. Я, если разрешите, мог бы помочь вам в этом, достал бы денег, а вы бы на зиму уехали куда-нибудь, где тепло, в Сухум, примерно [1].

Настроение ваше мне знакомо. Нашему брату, живущему воображением и с большими к жизни запросами,—часто комары кажутся тиграми. Хотя — не отрицаю — и комар обидно жалит, и от комара взбесишься, если его — туча.

Подумайте и напишите мне, а я тотчас достал бы денег, и — вот вам отдых, ясно, очень нужный для вас.

Жму руку. А. Пешков

9.XI.29.
Sorrento.

Пошлите на Дом Герцена.

[1] Из писем Морского (АГ) видно, что Горький оказывал ему материальную помощь и устроил его в санаторий.

ГОРЬКИЙ — Н. С. НОВОСЕЛОВ

Николай Сергеевич *Новоселов* в период переписки с Горьким (1928—1930) был преподавателем русского языка и литературы в школе крестьянской молодежи в селе Чекуеве, Архангельской области, а затем в г. Нижнем Тагиле. Новоселов получил от Горького два письма. Одно из них (от 29 сентября 1930 г.), посвященное разбору первой повести Новоселова «И ты с нами», опубликовано в т. 30 (№ 999). В 1941 г. Новоселов погиб на фронте Великой Отечественной войны.

Печатаемое ниже письмо опубликовано Архивом А. М. Горького в «Лит. газете», 1959, № 38, от 28 марта, в связи с сообщением о подготовке настоящего тома.

〈Сорренто. 28 марта 1929 г.〉

Товарищ Новоселов.

Статейка «О противоречиях» [1] не первая из тех, в которых я, в меру сил моих, *протестую против игры на понижение культурно-революционного пафоса крестьянской и рабочей молодежи.* Я считаю это моей обязанностью потому, что ежемесячно, из разных углов Союза Советов, мне присылают рабочие и крестьяне полторы-две сотни писем. Большинство этих писем наполнено жалобами на трудность жизни, на моральный развал и всяческие уродства нашей действительности. Поле зрения жалобщиков, как вы, наверное, согласитесь, не может быть особенно широким, и материал для нытья они черпают не столько из области личных неурядиц, пережитых ими, сколько из газет. Газеты, обслуживая лозунг «самокритики», работают ремесленно, придирчиво и, усердно подчеркивая темные, уродливые факты, хаотически заваливают этими фактами явления другого, положительного характера. Эти явления — есть, их не может не быть в стране, которая хотя все еще трудно живет, но уже все-таки и с необыкновенной быстротою строит новую действительность. Не отрицая социально-воспитательного влияния самокритики, я не могу не указать, что она односторонняя, казенна, большею частью — бездарна. Затем: я указываю, что «самокритика» в принятых у нас формах играет в руку нашим врагам и не только эмигрантам, не только буржуазии Европы и Америки, а и внутренним нашим врагам—«механическим гражданам». Я очень хорошо осведомлен о том, что думает и чего хочет «внутренний враг» рабоче-крестьянской власти, я знаю, как он ловко умеет пользоваться каждым фактом, который порочит рабоче-крестьянскую массу, ее власть и партию. Но я отнюдь не рекомендую молодежи смотреть на неурядицу жизни «сквозь розовые очки». Инструмент этот, искажающий зрение, вредит ей и не к лицу, так же, как он и мне не к лицу.

Я говорю: *учиться надобно не только на плохом, а и на хорошем.* Надобно помнить, что люди до ужаса тонко умеют и делать, и понимать плохое, они учились этому века. И так же до ужаса плохо они видят, низко ценят и с трудом верят в хорошее — в то хорошее, которое они впервые за всю историю трудового народа сами начали делать.

Вам, молодым строителям нового рабочего государства, надобно твердо помнить, что вы работаете в окружении, враждебном вам, и что врагов у вас неизмеримо больше, чем друзей.

Вам надобно точно и тонко знать всю ту скверну, которой так много вокруг вас и которую вы должны уничтожить, но так же тонко и точно вам необходимо знать и все то хорошее, что вашею же силою создается в стране. Вы уже имеете возможность и право противопоставить старому, плохому — новое, хорошее. Точное знание того и другого крепче поставит вас на ноги, сделает тверже и уверенней ваши шаги вперед, к организации свободного трудового социалистического государства.

Вам надобно осознать и ввести в плоть, в кровь свою простейшую идею, неоспоримую в ее истинности: все создано и создается трудом, таланты и гении — это просто люди, которые умели трудиться с великой любовью к процессу труда, к цели труда и к людям.

Необходимость подвести и подводить итоги всему новому, что строится силою рабочих и крестьян в Союзе Советов, внушила мне мысль организовать журнал «Наши достижения». Журнал этот будет выслан вам. Если вы найдете нужным написать что-либо о вашей школе для этого журнала, пишите.

Из редакционной статьи в первой книге [2] вы ознакомитесь с целями журнала.

Письмо вы мне написали очень хорошее.

Будьте здоровы. Школе — привет мой.

М. Горький

Сорренто. 28.II.29.

Горький ошибочно датировал письмо февралем. Дата исправлена по упоминанию статьи «О противоречиях».

[1] Статья Горького «О противоречиях» была опубликована в «Правде», 1929, № 55, от 7 марта. С протестом против чрезмерного подчеркивания советской прессой отрицательных сторон жизни Горький выступал в ряде статей и писем 1927—1929 гг.: «Письмо рабкору Сапелову» (т. 24), «Рабселькорам» (т. 24), «О наших достижениях», «Рабкорам депо имени Ильича» и пр. В некоторых из этих выступлений сказалась недооценка Горьким роли самокритики для социалистического строительства.

[2] В первом номере «Наших достижений» за 1929 г. под заголовком «От редакции» была напечатана статья Горького «О „маленьких людях“ и о великой их работе» (вторая часть статьи напечатана в № 2 за 1929 г.).

ГОРЬКИЙ — Б. Л. ПАСТЕРНАК

Борис Леонидович *Пастернак* (1890—1960) впервые встретился с Горьким в 1905 или 1906 году. Горький был знаком с отцом поэта, известным художником Леонидом Осиповичем Пастернаком, который в 1905 г. встречался с Горьким по делам сатирического журнала «Жупел», а в феврале 1906 г. в Берлине нарисовал портрет писателя (портрет экспонируется в Музее А. М. Горького в Москве).

В 1915 г. Горький поместил в журнале «Современник» драму Г. Клейста «Разбитый кувшин» в переводе Пастернака.

Осенью 1927 г. Пастернак послал Горькому поэму «Девятьсот пятый год» с дарственной надписью. Горький положительно отозвался о поэме, отмечая ее глубокий социальный смысл. Признавая своеобразие дарования Пастернака, Горький отрицательно относился к субъективизму и усложненности его художественного мышления. Горький всегда внимательно следил за творчеством Пастернака, о чем свидетельствуют его пометы на книгах: «Сестра моя жизнь» (Берлин — Пг., изд. З. И. Гржебина, 1923), «Избранные стихи» (М., «Советская литература», 1933) и других сборниках стихов, хранящихся в личной библиотеке писателя. Осенью 1935 г. Горький просил И. Груздева выслать ему «переводы Пастернака с грузинского» (АГ).

Ниже публикуются четыре письма Горького и восемь писем Пастернака.

В приложении печатается предисловие Горького к предполагавшемуся американскому изданию повести Пастернака «Детство Люверс», а также дарственная надпись на книге «Жизнь Клима Самгина», ч. 1. Берлин, «Книга», 1927, опубликованная в т. 30 (№ 881) в качестве письма Горького.

1

ПАСТЕРНАК — ГОРЬКОМУ

〈Москва. 5 февраля 1921 г.〉

Дорогой Алексей Максимович!

Однажды я по пустячному поводу, без основанья и несправедливо поднял ненужную и глупую историю о правке «Разбитого кувшина» [1]. Вы, наверное, уже ничего не помните, и это письмо, м〈ожет〉 б〈ыть〉, удивит вас и покажется непонятным. Но дайте мне выложить то, что на душе у меня, я его пишу не для вас, а для себя. Я страшно виноват перед вами, я без вины перед вами виноват, и этой вины я ни изжить, ни искупить не в состоянии: не знаю как. Горечь этого сознанья не оставляет меня, особенно ужасно мне было первое открытье этой моей вины, которой я за собой раньше не знал,— я вам пишу чистосердечно, т〈о〉 е〈сть〉 без преувеличений, и говорю: вина, ее и разумею, как бы противоречиво это ни казалось, как бы ни просилось на язык логически более удобное «недоразуменье». Если бы я оправдывался (хотя бы перед самим собою), психологические условья моей роковой оплошности могли бы иметь значенье,— но оправдаться я никак не надеюсь — тут важен результат, тут важно то, что в сумме целого ряда несчастных случайностей я оказался несмываемо виноватым перед вами, вот и всё. И оттого я называю это виною. Так оно и есть. Я вам пишу о своем горе, дочтите письмо до конца.

Никогда в жизни я так не бледнел от чувства непоправимости при внезапном каком-нибудь известии, как в тот вечер 18 года, когда летом я вер-

нулся от вас после первого моего посещенья и узнал то, что уже три года влачил за собой, того не зная. Я себе места не находил от этого чувства и бросился вам писать. Но это так некстати и так досадно сплелось с тем, что я у вас по делу был, что этот шаг, такой необходимый и такой единственный, показался мне немыслимым, невозможным. Я не знаю, за что судьба послала мне этот случай. Но я не преувеличиваю его тягостности: чувство это, как сознанье проклятья, пошло трещиной по всему моему миру, раздвоив все то, чем приходится жить, когда пишешь. И я не каюсь вам. В чем мне каяться? И не винюсь. Какое тут может быть извиненье? Но эта роковая бессмыслица, отравившая мне мое отношенье к двум людям, с этой бессмыслицей связанным: к себе и к вам, к себе в особенности (о хаотической путанице, царящей в последнем чувстве, уже совсем нестерпимом, мне нет надобности говорить) — эта бессмыслица мне не под силу. Я это опять испытал, будучи у вас по просьбе Пильняка [2]. Мне кажется, что когда вы узнаете все это, у меня станет чище и яснее на душе. Письмо это я передам лично: я знаю, что вы его получите. Считаться с этим письмом вам не надо. Я знаю, что оно покажется вам отвратительным — это сознанье мое — лишний пример того, как множится и плодится бацилла этой моральной горечи во мне: как в ней ни двинься, куда ни глянь, ее растишь, ее множишь: это линия безвыходности, всякий выход из которой только ее удлиняет. Что ж делать? Но надо было, чтоб вы это узнали. Если б я вам рассказал, как двойственно и как несчастно сложился мой «литературный путь» после этого случая, вы бы увидали, как планомерно и последовательно казнит жизнь за всякий поступок, сделанный без согласья с характером человека, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ за всякую нечаянность, оплошность, за все то, словом, за что может винить человека только мысль мистика. За недоразуменье.

Ваш Б. Пастернак

5.II.21.

[1] Перевод комедии Г. Клейста «Разбитый кувшин», опубликованный в журнале «Современник» (1915, № 5), был Горьким отредактирован и значительно улучшен, по позднейшему признанию самого Пастернака. Но в то время Пастернак, не зная, что правка принадлежит Горькому, в письме от 8 мая 1915 г. заявил редакции резкий протест против изменений, внесенных в текст, «Прошу препроводить прилагаемое заказное письмо Алексею Максимовичу, который, как я слышал, руководит художественным отделом „Современника“»,— писал Пастернак (ЦГАОР, ф. 1167, оп. 1, ед. хр. 2991).

[2] Как явствует из письма Б. Пильняка к Горькому от 22 февраля 1920 г., Пильняк просил Пастернака осведомиться у Горького относительно возможности публикации его нового романа в альманахе «Дом искусств» (АГ).

2

ГОРЬКИЙ — ПАСТЕРНАКУ

⟨Сорренто. 4 октября 1927 г.⟩

Дорогой Борис Леонидович —

получил книжку ваших стихов [1], сердечно благодарю вас!

Кстати, извещаю, что «Детство Люверс» переведено на английский язык и, вероятно, в ближайшие недели выйдет из печати в Америке [2]. Условий перевода и издателей я еще не знаю, узнав — немедля сообщу вам. Я не мало слышал о том, как вы живете, от Зубакина и Цветаевой [3], но они не могли сказать мне, пишете ли вы прозу? Очень хотелось бы этого, ибо, судя по «Детству», вы можете писать отличные книги.

Всего доброго. И еще раз — спасибо!

А. Пешков

4.X.27. Sorrento.

[1] Борис Пастернак. Девятьсот пятый год. М.—Л., Госиздат, 1927. Книга была послана с дарственной надписью: «Алексею Максимовичу Горькому, величайшему выраженью и оправданью эпохи с почтительной и глубокой любовью. Б. Пастернак. 20.IX.27. Москва» (ЛБГ).

[2] Повесть Пастернака «Детство Люверс» в переводе на английский язык М. И. Будберг должна была выйти в свет с предисловием Горького (см. приложение) в издательстве «Robert M. Bride and Compapy. New York». Издание не осуществилось.

[3] Борис Михайлович *Зубакин* (1894—1937) — археолог, поэт-импровизатор, и Анастасия Ивановна *Цветаева* (р. 1894) — писательница и переводчица — были в гостях у Горького в Сорренто в августе 1927 г.

3

ПАСТЕРНАК — ГОРЬКОМУ

‹Москва.› 10.X.27.

Дорогой Алексей Максимович!

Горячо благодарю вас за письмо. Ваше обещанье сообщить мне дальнейшие подробности относительно перевода «Д‹етства› Л‹юверс›» смутило меня до крайности. В неловкости, которое оно для меня несет, я неповинен. Неужели не найдется никого другого, кто бы это сделал вместо вас? Ваш рабочий день для всех нас драгоценен. Легко вообразить, сколько на него делается отовсюду покушений. Вы у всех на виду и, вероятно, связаны дружеской перепиской с лучшими людьми мира. Вы в родстве и перекличке с крупнейшими его событиями. Можно догадаться, с какой бесцеремонностью и в каком числе забрасывают вас всякими просьбами и вопросами отсюда. Ведь каждый тысячный считает себя первым и единственным, произведения же ваши, обращенные к человеку без обиняков и околичностей, вероятно развязывают в русском читателе его исконную сущность, и он, «*тоже*» не чинясь и точно делая вам этим честь, тотчас лезет к вам в прямые собеседники. К этому надо прибавить вашу удивительную отзывчивость и редкую заботливость о людях, примеры которой и у меня перед глазами. Пополнять эти ряды, даже и с вашего согласия, я считал бы преступлением. Ради бога, бросьте мысль о «Детстве Люверс» и в том случае, если только этой мысли я и обязан переводом вещи.

Выставляя себя таким непритязательным, я себе как будто противоречу. Я послал вам книжку [1], и, м‹ожет› б‹ыть›, на ваш отклик рассчитывал. Но вот и точные границы моей претензии. Я не мог не послать ее вам. О посылке вам первому и более, чем кому-либо другому, именно этой книги я мечтал, когда еще только собирал ее для отдельного издания. Определяющие мотивы этой мечты мне хотелось выразить в надписи вам, но, м‹ожет› б‹ыть›, это не удалось мне. Взволноваться вами как писателем особой заслуги не составляет. Проглотить в два долгих вечера «Артамоновых», не отрываясь, это *только* естественно для всякого, кто не кривит натурой и не создал себе искусственной чувствительности взамен прирожденной и наличной. Однако эта естественная читательская благодарность тонет у меня в более широкой признательности вам как единственному, по исключительности, историческому олицетворению. Я не знаю, что бы для меня осталось от революции и где была бы ее *правда*, если бы в русской истории не было вас. Вне вас, во всей плоти и отдельности, и вне вас, как огромной родовой персонификации, прямо открываются ее выдумки и пустоты, частью приобщенные ей пострадавшими всех толков, т‹о› е‹сть› лицемерничающим поколением, частью же перешедшие по революционной преемственности, тоже достаточно фиктивной. Дышав эти десять лет вместе со всеми ее обязательной фальшью, я постепенно думал об освобождении. Для этого революционную тему надо

было взять исторически, как главу меж глав, как событие меж событий, и возвести в какую-то пластическую, несектантскую, общерусскую степень. Эту цель я преследовал посланной вам книгой. Если бы я ее достиг, вы скорее и лучше всякого другого на это бы откликнулись. Вы о ней не обмолвились ни словом, — очевидно попытка мне не удалась. Еще раз горячо благодарю вас за письмо. Трудно говорить о неудаче без некоторой печали в голосе. Но вы бы ее только усугубили, если бы в моих последних словах прочли что либо подобное упреку. Откуда и быть ему. Не сердитесь на неприлично-скупую запись полей [2].

Глубоко вам преданный
Б. Пастернак

[1] «Девятьсот пятый год». См. письмо 2.
[2] Последние строки письма написаны на полях.

4

ПАСТЕРНАК — ГОРЬКОМУ

⟨Москва⟩ 13.X.27.

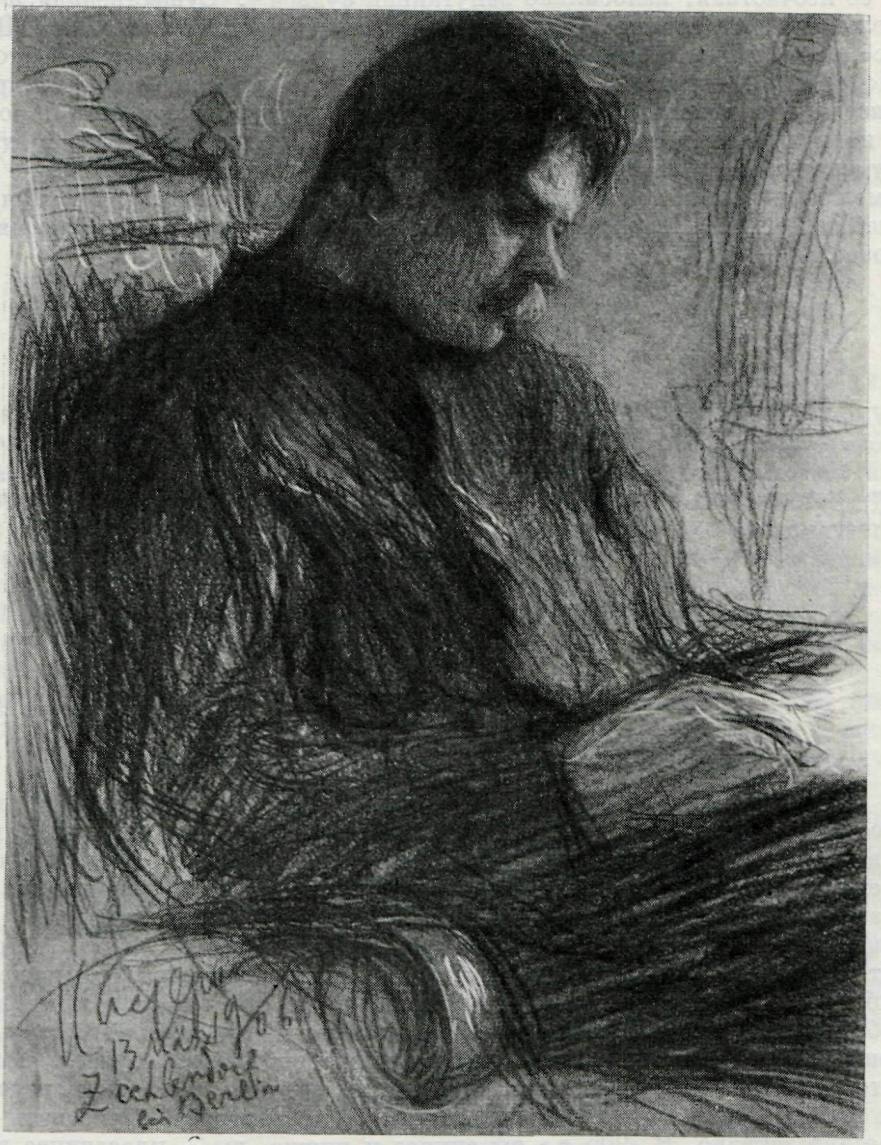
Дорогой Алексей Максимович!

Приехала Ан⟨астасия⟩ Цветаева[1], и я спешу загладить несколько оплошностей, допущенных во вчерашнем письме [2] по незнанию. Прежде всего я глубоко признателен Марии Игнатьевне [3] за перевод «Люверс». На эту тему я говорил, как о какой-то далекой, заокеанской вещи. Ничего дурного я этим не сказал, но именно в этом упоминании факта, находящегося под вашей крышей, в холодно-неопределенном тоне безразличного неведения и заключена неловкость, и вы мне ее простите. Об этом же прошу и Марию Игнатьевну.

Ан⟨астасия⟩ Ив⟨ановна⟩ передала мне вскользь и ваше впечатление от «Девятьсот пятого года». Мое предположение подтвердилось, и если бы я об этом узнал вчера, я бы его не стал высказывать вам в виде догадки. Я знаю, как неприятно бывает говорить человеку, что его работа не годится или тебе не нравится. Как ни счастлив я был бы получить от вас еще одно письмо, я еще более хотел бы вас уверить в сказанном уже вчера. Среди случаев, когда вы жертвуете своим временем и силами в чужую пользу, попадаются и стоющие, серьезные. Мой пока не из таких. Я не жду от вас ответа. Если в нем явится неизбежная и крайняя надобность, я сам вам об этом напишу.

Еще одна неотложная поправка. Не понимаю, как это могло случиться. Цветаева и Зубакин, между прочим, как-то рассказывали вам о моем житье-бытье. В том бедственном виде, в каком они вам его представили, оно было года два еще назад, однако от этих трудностей теперь ни следа не осталось. Переменой этой я как раз и обязан «1905-му году». Теперь я не только не нуждаюсь, но иногда имею возможность помогать и другим в нужде. В этом неприятном недоразумении кругом виноват я. Очевидно я не умею с таким же красноречием радоваться удачам, с каким, видно, жалуюсь на препятствия.

Алексей Максимович, оснований моей душевнейшей благодарности вам — не перечислить. Иных я и не вправе касаться. Горячо вас за всё благодарю. Кроме того, кто еще лучше вас знает природу прямых человеческих связей и их дальнейших случайных ветвлений! Поэтому я ложных сближений на мой счет с вашей стороны не боюсь.



ГОРЬКИЙ

Рисунок цветным карандашом Л. О. Пастернака, Целендорф близ Берлина, 1906 г.
Музей Горького, Москва

В том узле лиц и фактов, которого вы с таким великодушием этим летом коснулись, важно и близко мне огромное дарование Марины Цветаевой и ее несчастная, непосильно запутанная судьба [4]. Существенная и в отдельности, Ан⟨астасия⟩ Ив⟨ановна⟩ во многом родная сестра ей. Вот и всё, поскольку может быть речь обо мне. Роль же и участь первой, то есть М⟨арины⟩ Ц⟨ветаевой⟩, таковы, что если бы вы спросили, что я собираюсь *писать* или делать, я бы ответил: все, что угодно, что может помочь ей и поднять и вернуть России этого большого человека, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ не сумевшего выровнять свой дар по судьбе или, вернее, обратно. — Я не имел еще возможности прочесть «Жизнь Клима Самгина». Это моя ближайшая мечта. Если разрешите, я запишу то, что эта книга во мне вызовет.

Преданный вам
Б. Пастернак

[1] См. письмо 2, прим. 3.
[2] Имеется в виду письмо 3.
[3] Мария Игнатьевна *Будберг*.
[4] Марина Ивановна *Цветаева* (1892—1941) в 1922 г. уехала за границу, где сотрудничала в различных эмигрантских изданиях. В 1939 г. вернулась в СССР.

5

ГОРЬКИЙ — ПАСТЕРНАКУ

⟨Сорренто. 18 октября 1927 г.⟩

Дорогой мой Борис Леонидович —

я ничего не сказал о вашей книге стихов [1], потому что не считаю себя достаточно тонким ценителем поэзии и потому еще, что уверен: похвалы уже надоели вам. Но теперь, когда вам показалось, что я промолчал из нежелания сказать вам, что книга будто бы неудачна, я говорю: это — не так. Вы ошиблись. Книга — отличная; книга из тех, которые не сразу оценивают по достоинству, но которым суждена долгая жизнь. Не скрою от вас: до этой книги я всегда читал стихи ваши с некоторым напряжением, ибо — слишком, чрезмерна их насыщенность образностью и не всегда образы эти ясны для меня; мое *воображение* затруднялось вместить капризную сложность и часто — недоочерченность ваших образов. Вы знаете сами, что вы оригинальнейший творец образов, вы знаете, вероятно, и то, что богатство их часто заставляет вас говорить — рисовать — чересчур эскизно. В «905 г.» вы скупее и проще, вы — классичнее в этой книге, насыщенной пафосом, который меня, читателя, быстро, легко и мощно заражает. Нет, это, разумеется, отличная книга, это — голос настоящего поэта, и — социального поэта, социального в лучшем и глубочайшем смысле понятия. Не стану отмечать отдельных глав, как, напр⟨имер⟩, похороны Баумана, «Москва в декабре» и не отмечу множество отдельных строк и слов, действующих на сердце читателя горячими уколами.

«Детство Люверс» выйдет в Америке весною, вместе с книгой О. Форш «Одеты камнем» [2].

Что вы теперь пишете? Как живете?

У меня гостил месяца два знакомый ваш — Зубакин [3], который, по письмам его, показался мне человеком интересным и талантливым, но

личное знакомство с ним очень разочаровало и даже огорчило меня. Человек с хорошими задатками, но совершенно ни на что не способный и — аморальный человек.

Еще раз — благодарю за книгу.

Крепко жму руку.

А. Пешков

18.X.27. Sorrento.

[1] См. письмо 2, прим. 1.

[2] См. письмо 2, прим. 2. Книга О. Д. Форш «Одеты камнем» также должна была выйти в свет с предисловием Горького в издании «Robert M. Bride and Company. New York». Издание не было осуществлено.

[3] См. письмо 2, прим. 3.

6

ГОРЬКИЙ — ПАСТЕРНАКУ

〈Сорренто. 19 октября 1927 г.〉

Сегодня послал вам письмо [1], дорогой Б〈орис〉Л〈еонидович〉, и получил ваше второе [2]. Вы сообщаете, что Цветаева «передала вскользь» мое «впечатление» о «905 г.» и «подтвердила» ваше «предположение». Из моего второго письма вам вы, конечно, видите, что не «подтвердила». Но она подтвердила сложившееся у меня представление о ней как человеке слишком высоко и неверно оценившем себя и слишком болезненно занятом собою для того, чтоб уметь — и хотеть — понимать других людей. И она, и Зубакин, кроме самих себя иной действительности не чувствуют, и к рассказам их о ней следует относиться с большой осторожностью.

Говоря о стихах ваших, я, кажется, забыл сказать, что — на мой взгляд — «образность» их нередко слишком мелка для темы, чаще — капризно не совпадает с нею, и этим вы тему делаете неясной. А затем я думаю, что вы всю жизнь будете «начинающим» поэтом, как мне кажется по уверенности вашей в силе в〈ашего〉 таланта и по чувству острой неудовлетворенности самим собою, чувству, которое весьма часто звучит у вас. Это — хорошо. С в〈ашей〉 высокой оценкой дарования Марины Цв〈етаевой〉 мне трудно согласиться. Талант ее мне кажется крикливым, даже — истерическим, словом она владеет плохо и ею, как А. Белым, владеет слово. Она слабо знает русский язык и обращается с ним бесчеловечно, всячески искажая его. Фонетика, это еще не музыка, а она думает: уже музыка. Я не могу считать стихами такие штуки, как:

Глаз явно не *туплю*
Сквозь ливень — *перюсь*
Венерины куклы
Вперяйтесь.

Такого у нее — много.

И, м〈ожет〉 б〈ыть〉, еще хуже такое:

Я не более, чем животное,
Кем-то раненное в живот.

или:

Паром в дыру ушла
Пресловутая ересь вздорная
Именуемая душа[3],

или:

Горловых — горловых ущелий
Ржавь, живая соль...
Я любовь узнаю по щели,
Нет! — По трели
Всего тела вдоль [4].

М. Цветаевой, конечно, следовало бы возвратиться в Россию, но — это едва ли возможно.

«Самгина» у меня уже нет. Скоро получу московское издание [5] и пошлю вам. А вы мне, пожалуйста, пришлите ваши «Стихи», объявление о выходе которых напечатано на обложке 10-й книги «Красной нови» [6].

Крепко жму руку.

А. Пешков

19.X.27.
Sorrento.

[1] См. письмо 5.
[2] См. письмо 4.
[3] Цитаты из «Поэмы конца», напечатанной в сб. «Ковчег», Прага, изд. «Пламя», стр. 19 и 28 (см. также Марина Цветаева. Избранное. М., Гослитиздат, 1961, стр. 276, 287).
[4] Цитата из стихотворения «Приметы». (Марина Цветаева. «После России», Париж, 1928, стр. 138—139).
[5] М. Горький. Жизнь Клима Самгина (Сорок лет), ч. I. М., Госиздат, 1927.
[6] Б. Пастернак. Две книги. Стихи. М.— Л., Госиздат, 1927.

7

ПАСТЕРНАК — ГОРЬКОМУ

⟨Москва.⟩ 25.X.27.

Дорогой Алексей Максимович!

Горячо благодарю вас за письмо[1],— на него надо бы отвечать телеграммой из одних коротких, порывистых глаголов. Вы знаете, что меня им осчастливили,— так и писали. Оттого я и был неуверен насчет вещи, и ваше недовольство ею представлялось мне легко вероятным, что ради нее я покинул привычную мне область неотвязной субъективности: вы же прежде всего огромный художник, и, следовательно, неумеренный, неловко учтенный или плохо пережитый отход от нее (как бы *частная* форма этой субъективности ни была вам далека) мог вас оттолкнуть как ложное *вообще* творческое поползновение. Но, значит, это не так, и радости моей нет конца.

Письмом вашим горжусь в строгом одиночестве, накрепко заключаю в сердце, буду черпать в нем поддержку, когда нравственно будет приходиться трудно.

Пишу сейчас, потеряв голову от радости, точно пьяный,— не мой почерк, и, наверно, пишу нескладицу: не судите сегодняшних моих слов литературно.

Ради бога, не пишите мне, не тратьте на меня время и не создавайте мне праздника на самых буднях. Когда надо будет, я сам, нарушая эту просьбу, вас о том попрошу.

Цветаева рассказывает о вас с большим упоением, с глубиной, со способностью постижения и с хорошей, никого не унижающей, преданностью [2]. Зубакина не видал, но о роде нашего знакомства вы успели догадаться по моим умолчаниям. Теперь, после ваших слов о нем, не будет с моей стороны предательством, если я скажу, что встреч с ним избегаю давно и насколько возможно. Я не знаю, что вы разумели, назвав его аморальным. Надо сказать, что о нем ходит сплетня, определенно вздор-

ная, и мне кажется, что он сам ее о себе распускает. Я почти убежден в этом, да это и в духе его психологического типа. Ведь весь он из алхимической кухни Достоевского, легче всего его себе представить в Павловске на даче у Мышкина. Это надо сказать в его защиту. Он очень изломан, но никакою подлостью, ни в малейшей мере не запятнан. Я избегал его не из-за этих слухов, а оттого, что всякая встреча с ним ставит в нестерпимое положение особой двойственности. Человек ведет себя так, точно он призван *только* поражать и нравиться (если такое призвание вообще мыслимо!!), а, между тем, менее всего в *естественную тайну* настоящего воздействия посвящен. Будто он никогда и не нюхал того, чем сам хочет пахнуть. Мы даже никогда не знакомились с ним. Он мне однажды *представился*, с визитной карточкой и чепухой, точно выскочив на пружине из трескучей потешной коробки. Между тем даже и этот скачок уже поражал какой-то несоответственностью, глубоко меня переконфузившей. По всему смыслу его подорожной, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ его склонностям и притязаниям, менее всякого другого ему было позволительно выскакивать из коробки. Избытком треска одно время, под его вероятным влиянием, страдала и А⟨настасия⟩ И⟨вановна⟩.

Простите меня за это путаное письмо и по его беспорядку судите о действии вашего одобрения. От всего сердца желаю вам всего наилучшего и легких, больших дней.

Ваш Б. П.

[1] См. письмо 5.

[2] См. воспоминания А. И. Цветаевой «Из книги о Горьком», опубликованные в «Новом мире», 1930, №№ 8—9, под псевдонимом А. Мейн.

8

ПАСТЕРНАК — ГОРЬКОМУ

⟨Москва.⟩ 16.XI.1927.

Дорогой, дорогой Алексей Максимович!

Случайно позвонил Екатерине Павловне, узнав, что она приехала [1], и от нее узнал, что вы больны. Плюньте на нас порознь или всех вместе взятых и поскорее выздоравливайте. Забудьте всю ту скуку и чепуху, которую нагоняли на вас мои письма, хотя бы в той малой доле, какой они занимали ваше внимание. Верю в ваше скорое выздоровление и о состоянии вашего здоровья буду справляться у Екатерины Павловны. Всего, всего вам лучшего от всего сердца. «Клима Самгина» недавно достал и читаю урывками, вы не поверите, но письмами и рукописями из провинции завален даже и я, работать почти не приходится, и «Самгиным», как и своей работой, я жертвую слабым взрослым людям, нуждающимся в няне и за этим обращающимся ко мне. Ах, ведь и все наше недоразумение [2] из этого же круга, и как вы этого не поняли!! Но по поводу «Самгина» в данный миг, на этой странице, следующее. Всей живой первой частью он разбрелся впрок, под вторую часть, когда грянет гром и заскачут молнии над его пастбищным досугом. Вся их судьба в ней, во второй части, отложенной в эти дни в сторону, на каком-то отдалении от постели. Так вот, в начатки этой рукописи, где-то лежащей, в той ли же комнате или в соседней, я верю безгранично и больше чем в в⟨ашего⟩ врача и лекарства, которые он вам прописывает. Полное ваше исцеление и поправка придут из того угла, где она находится. Если бы я мог, я бы написал вашей второй части, как женщине, которая вас завтра поставит на ноги. Еще раз, наискорейшего вам выздоровления. Если письмо застанет вас оправившимся, то опять, как в лучшие дни переписки, прошу вас, *не занимайтесь мной*,

я все знаю и почувствую, а вы на меня время не тратьте, и будьте здоровы, о вас узнаю у Екатерины Павловны. Простите за эту новую истерику, но сегодня не могу иначе.

Весь ваш Б. П.

[1] Е. П. Пешкова приехала из Сорренто в Москву 21 октября 1927 г.
[2] См. письмо 12, прим. 2.

9

ПАСТЕРНАК — ГОРЬКОМУ

〈Москва.〉 23.XI.27.

Дорогой Алексей Максимович!

В последний раз нарушаю ваше запрещение, следуя побужденью несравненно сильнейшему, чем до сих пор. После этого раза я все равно бы надолго замолк, и без вашей просьбы. Ко многому из того, что я постараюсь тут сказать вам, я был готов наперед. Но я не мог предвидеть, что растяну и частью разорву себе плечевые связки на левой руке, что необходимость полной и продолжительной неподвижности, выведя меня из привычного строя, даст мне случай прочесть «Клима Самгина» почти без перерыва и что писать я об этом буду, превозмогая отчаянную физическую боль.

Прежде всего горячее и восхищенное спасибо вам за всю громадную 5-ю главу [1], этот силовой и тематический центр всей повести. Чем она замечательна помимо своей прямой, абсолютной художественности? Характеристика империи дана в ней почти на зависть новому Леонтьеву [2], т〈о〉 е〈сть〉 в таком эстетическом завершении, с такой чудовищной яркостью, захватывающе размещенной в отдалении времен и мест, что образ непреодолимо кажется величественным, а с тем и прекрасным. Но чем более у него этой неизбежной видимости, тем скорее он тут же, на твоих глазах, каждой строчкой своей превращается в зрелище жути, мотивированного трагизма и заслуженной обреченности. Именно неуловимостью атмосферных превращений этого удушья, с виду недвижного (почти монументального) и потрясает эта глава и остается в памяти. И я не о Ходынке только. Исход романа Клима с Лидией, как одновременность, тоже трепле́тся, сыреет и сохнет на том же воплощенном воздухе. Этим и гениальна глава, то есть тем, что существо истории, заключающееся в химическом перерождении каждого ее мига, схвачено тут, как нигде, и передано с насильственностью внушения.

Странно сознавать, что эпоха, которую вы берете, нуждается в раскопке, как какая-то Атлантида. Странно это не только оттого, что у большинства из нас она еще на памяти, но в особенности оттого, что в свое время она прямо с натуры изображалась именно вами и писателями близкой вам школы как бытовая современность. Но как раз тем и девственнее и неисследованнее она в своем новом, теперешнем состоянии, в качестве забытого и утраченного основания нынешнего мира, или, другими словами, как дореволюционный пролог под пореволюционным пером. В этом смысле эпоха еще никем не затрагивалась. По какому-то странному чутью я не столько искал *прочитать* «Самгина», сколько *увидать* его и в него вглядеться. Потому что я знал, что пустующее зияние еще не заселенного исторического фона с первого раза может быть только забросано движущейся краской, или, по крайней мере, так его занятие (оккупация) воспринимается современниками. Пока его необитаемое пространство не запружено толпящимися подробностями, ни о какой линейной фабуле не может быть речи, потому что этой нити пока еще не на что лечь. Только

такая запись со многих концов разом и побеждает навязчивую точку эпохи как единого и обширного воспоминания еще блуждающего и стучащегося в головы ко всем, еще ни разу не примкнутого к вымыслу. Благодаря тому, что современный читатель хотя бы в этой памятной причастности притянут к душевному поводу произведения, он его оценивает в некотором искажении. Он недооценивает его сюжетности и порядка. М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, он переоценивает его историчность, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ какую-то предварительность, в чей-то или какой-то прок и не догадывается, что в этом ощущении сам он, читатель, чувствует впрок *потомству*. Он забывает, что следующее же поколение воспримет Самгиных и Варавку, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ оба этажа первой главы и неназванный город круго́м дома как замкнутую самоцель, как пространственный корень повествования, а не как первую застройку запущенной исторической дали, не как явочно-случайную запись белого анамне⟨с⟩тического полотна. Однако аберрация современников так естественна, что, не гнушаясь ею, позволительно судить

ВИЛЛА «ИЛЬ СОРИТО» В СОРРЕНТО. ЗДЕСЬ ГОРЬКИЙ ЖИЛ в 1924—1933 гг.
Рисунок карандашом А. Д. Корина, 1932 г.
Музей Горького, Москва

даже под ее углом. Даже в том случае, если допустить, что работа сделана во облегчение чьего-то нового приступа (пускай и вашего, во второй, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, части), ваш подвиг не умаляется в своей *творческой колоссальности*, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ в каком-то элементе, который я бы назвал *поэтической подоплекой* прозы. Какова же радость, когда за пятой главой вдруг открывается, что она-то и является этим отнесенным в даль гаданий новым приступом, когда видишь, что он уже сделан. — Мне сейчас очень трудно писать, да, вероятно, не легко и думать, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ по ночам я не сплю. «Самгин» мне нравится больше «Артамоновых», я мог бы ограничиться одним этим признанием. Однако, вдумываясь (просто для себя) в причины художественного превосходства повести, я нахожу, что ее достоинства прямо связаны с тем, что читать ее труднее, чем «Д⟨ело⟩ А⟨ртамоновых⟩», что, обсуждая вещь, с интересом и надеждой тянешься к оговоркам и противоположениям, короче говоря, высота и весомость вещи в том, что ее судьба и строй подчинены более широким и основным законам духа, нежели беллетристика бесспорная.

Отнюдь не в пояснение сказанного, но просто по невольности, с какой это мне припомнилось, расскажу другой случай. По тому, как тут носились с «Митиной любовью» [3], по сознанию того, что может написать Бунин, и по многому другому, я начал читать книгу с понятным волнением, наперед расположенный в ее пользу. Красота изложения, наполовину бесследно прошедшая мимо меня, оставила во мне отзвук *пустоты* и психологической загадки. И это после всего! После всего, перенесенного хотя бы автором, нет — именно им! Не поймите меня превратно. Не

сюжет наперед я навязывал ему или разочаровывался выбором темы. Нет, нет. Героя и его чувство разом я принял с благодарностью как данность, в смутно нетерпеливом предвидении того, чем будет автор в дальнейшем мерить жизнь и как трактовать ее фатальность. Я простил бы ему сколь угодно чуждый комментарий, объяснимый биографически, я ждал, что разверзнутся небеса и устами писателя заговорит онтология средневековья; я ждал, что на меня пахнет *хоть чем-нибудь* из того, чего недавно нельзя было позволить себе здесь и что огульно, на круг, называют мистикой или идеализмом. Я не требовал от него историзма в смысле глубокой и далеко идущей летописности, но то, что он, историк, «обыкновенные истории» продолжает рассказывать так же, как во времена, когда об их прямом родстве не догадывались, это было неожиданностью полной, решающей и разочаровывающей вчистую.

Не могу больше писать и сейчас брошу. Я не знаю, близки ли будут вам мои слова о «Самгине», и скорее думаю, что весь круг моих рассуждений вам чужд и ничего вам не скажет. Вы как-то ложно воспринимаете меня, но, как я уже сказал, я знаю, что это выправится в свое время. Но у меня к вам есть просьба. Не отказывайтесь от обещания и пришлите мне «Клима Самгина». Пожелайте мне чего-ниб〈удь〉 хорошего в надписи, пусть это будет даже нравоучение. Это было бы огромной радостью для меня. И горячее спасибо за прочитанное.

Ваш Б. П.

Прочитав, вижу, что изложил ничтожную долю того, что хотел сказать. И вообще не умею писать письма.

[1] 5-ю главу 1-й части романа «Жизнь Клима Самгина».
[2] Константин Николаевич *Леонтьев* (1831—1891)— реакционный писатель и публицист.
[3] И. Бунин. Митина любовь, Л., «Книжные новинки», 1926.

10

ГОРЬКИЙ — ПАСТЕРНАКУ

〈Сорренто. 28 декабря 1927 г.〉

Асеев давно уехал отсюда [1], а так как московского адреса его я не знаю, то ваше письмо к нему пересылаю вам, Борис Леонидович.

Вчера послал вам «Жизнь Самгина» [2], раньше не мог, не было книги. Вместе с этим письмом посылаю XIX т. [3]

Асеев оставил мне ваши «Две книги» [4], прочитал их. Много изумляющего, но часто затрудняешься понять связи ваших образов и утомляет ваша борьба с языком, со словом. Но, разумеется, вы — талант исключительного своеобразия.

Очень понравился мне Асеев, хороший человек, и много он может сделать хорошего, кажется мне.

Будьте здоровы.

А. Пешков

28.XII.27.

[1] Асеев гостил у Горького в Сорренто в ноябре 1927 г. (см. воспоминания Н. Асеева «В гостях у Горького».— В кн.: «Горький. Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком», под ред. И. Груздева. М.— Л., Госиздат, 1928).
[2] «Жизнь Клима Самгина», ч. I. М., Госиздат, 1927.
Эта книга была послана Б. Л. Пастернаку с дарственной надписью (см. приложение).
[3] А. М. Горький. Собр. соч., т. XIX. Воспоминания. Рассказы. Заметки. Берлин, «Книга», 1927.
[4] См. письмо 6, прим. 6.

11

ПАСТЕРНАК — ГОРЬКОМУ

〈Москва.〉 4.I.1928.

Дорогой Алексей Максимович!

Горячо вас благодарю за подарок. Нелепая прихоть иметь от вас надпись в виде пожелания явилась у меня в самом разгаре очень докучливой и мучительной болезни, когда наша физиология становится суеверной и даже пожеланию выздоровления радуешься как близкому его наступлению. Вероятно, эта потребность передалась вам, потому что, взяв тему шире, вы все же в надписи пошли по ее направлению, пожелав мне выздоровления и в моей работе, которая вам кажется без надобности сложной и надломленной. У вас обо мне ложное представление. Я всегда стремился к простоте и никогда к ней стремиться не перестану.— Я со смешанным чувством читаю вашу, несмотря ни на что, все же дорогую надпись. Мне грустно, что привет в ней омрачен какой-то долей осуждения и что мое чутье отказывается решить, насколько симпатия в ней уравновешена антипатией. Что-то в моих словах очевидно до вас не доходит, и уже от того одного остальное обречено на постоянные превратности. Еще раз спасибо.

Ваш Б. Пастернак

12

ПАСТЕРНАК — ГОРЬКОМУ

〈Москва. Начало апреля 1928 г.〉

Дорогой Алексей Максимович!

Так как уже и конверт, покрытый вашей рукой, приводит в понятное волнение, то письма ваши читаешь всегда почти превратно, т〈о〉 е〈сть〉 с готовой уже и преувеличенной чувствительностью. Перечтя последнее ваше письмо (где об обеих Цветаевых и т. д.)[1], я поздно увидал, что в нем совсем нет тех нот, которые до пугающей явственности почудились мне в нем при первом чтении, и понял, что я ответил вам глупо, с тою именно истерикой, которую вы так не любите. Я не раскаиваюсь ни в одном из движений, сложивших мое нелепое письмо,— взять под защиту от вашего гнева всякого, кого бы он косвенно, через меня, ни коснулся, было и остается моим трудным долгом перед вами,— но в том-то и нелепость, что, м〈ожет〉 б〈ыть〉, вы этих движений вызывать не думали, и я неправильно понял вас[2].

Последнее время часто в газетах читаешь адреса и приветствия вам и во всех них разноречивые даты[3]. Наверное вы считаете все это докучливой пошлостью и на всех поздравителей сердиты. Однако, может быть, за далью, от вашего взгляда ускользнуло, как разительно в вашем случае все эти юбилейные тексты отличаются от извечно знакомого нам академического трафарета. Я не видал ни одного, где не жила бы, и отдельными местами не находила себя, выраженная, особая, в каждом данном случае, прямая, неповторяющаяся задетость. Так же точно, к примеру, взволновала меня вся первая, историческая часть правительственного манифеста[4]. И тут горячность правды либо рвет риторический наигрыш, либо вдруг в фальшивом ложе периода находит себе свободное, некрасноречивое место.

И так как рокочущая пошлость этой условности в вашем случае опрокинута даже фраками и крахмальными грудями, то в ту же дверь ломлюсь

и я. И вот — без красноречивых фигур. Я за несколько тысяч верст от вас. Я могу подумать и передумать. Я могу написать слово и зачеркнуть. *Так именно* мне и хочется поздравить вас, медленно, медленно, в нестесненном раздумье, с неторопливым отбором предвидений и пожеланий. Все они стекаются в одно. Оно уже давно готово. Как только его назвать? — Ну, так вот. Я желаю вам, чтобы чудо, случившееся с нашей родиной, успело в возможнейшей скорости обернуться своей особой давно заслуженной чудесной гранью лично к вам. Чтобы огромная, черная работа, взваленная в России на писателя, когда он крупен своим сердцем и своим истинным патриотизмом, была, видимо, для вас, сделана современным русским мыслителем, историком, публицистом. Чтобы дикая миссия работы за всех была снята с вас и вы могли бы дать волю вашему безошибочному воображению, избавленные от надобности исправлять чужие ошибки. Вот, в намеке, глубочайшее мое пожелание вам. Но и в ряду близких, желающих вам радости, здоровья, счастья и долголетия, позвольте мне быть не последним.

Преданный вам Б. П.

Датируется по упоминанию юбилейного приветствия.

[1] См. письмо № 6.

[2] Пастернак говорит о своем письме Горькому от 27 октября 1927 г., в котором он «взял под защиту» А. И. и М. И. Цветаевых (АГ). После этого письма переписка на время была прервана, о чем содержатся упоминания в письмах №№ 8 и 9.

[3] 29 марта 1928 г. отмечалось 60-летие со дня рождения Горького (день рождения Горького — 28 марта 1868 г.).

[4] Имеется в виду Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 29 марта 1928 г.— «Правда», 1928, № 76, от 30 марта.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГОРЬКОГО ПАСТЕРНАКУ НА КНИГЕ «ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА», Ч. 1. М., ГОСИЗДАТ, 1927[1]

Пожелать вам «хорошего», Борис Леонидович? Боюсь — не обиделись бы вы, ибо: зная, как много хорошего в поэзии вашей, я могу пожелать ей только большей простоты. Мне часто кажется, что слишком тонка, почти неуловима в стихе вашем связь между впечатлением и образом. Воображать — значит внести в хаос форму, образ. Иногда я горестно чувствую, что хаос мира одолевает силу вашего творчества и отражается в нем именно только как хаос, дисгармонично. Может быть, я ошибаюсь? Тогда — извините ошибку.

Искренно желающий вам *всего* хорошего

А. Пешков

30.XI.27.

[1] Печатается по беловому автографу на странице из блокнота. Позднее Горький написал этот текст на книге «Жизнь Клима Самгина», посланной Пастернаку. Книгой с дарственной надписью АГ не располагает. Опубликовано в Собр. соч. в т. 30 как письмо Горького Пастернаку (№ 881).

II. ПРЕДИСЛОВИЕ ГОРЬКОГО К ПОВЕСТИ ПАСТЕРНАКА «ДЕТСТВО ЛЮВЕРС»

Борис Пастернак — сын талантливого художника [1], который был близок со Львом Толстым, отлично иллюстрировал его роман «Воскресение» и дал ряд ценнейших, артистически тонких пастелей, изображающих Толстого в его домашней обстановке.

Пастернак Борис — поэт, заслуживший — как нельзя более оправданно — эпитет «оригинальнейшего» поэта. Его стихи, всегда своеобразные по ритмам, с неожиданными и капризными рифмами, отличаются, по заявлению некоторых критиков, «перегруженностью, перенасыщенностью образами», что нередко делает их даже трудными для понимания. Но, вчитываясь в них, поражаешься богатством и картинностью уподоблений, вихрем звучных слов, звоном своеобразных рифм, смелым рисунком и глубиною содержания. Его уже считают «мэтром», он обладает силою влиять на других поэтов, ему подражают, у него учатся, и он занял, неоспоримо, прочное место в истории русской поэзии XX-го века. Сам он, как все истинные художники, совершенно независим, это «человек, который родился и умрет со своим лицом».

«Детство Люверс» — одно из первых произведений Пастернака в прозе. Оно написано так же, как стихи его, тем же богатым, капризным языком, изобилующим «перегруженностью образами», задорным и буйным языком юноши-романтика, который чувствует свое искусство более реальным, чем действительность, и с действительностью обращается как с «материалом».

Все, что живет, движется, звучит, все, что видимо и осязаемо, Борису Пастернак служит именно и только материалом для того, чтоб посредством описания и противопоставления «реальностей» он мог выразить свои эмоции художника, свою интуицию, домысел о тайнах его внутренней жизни, о волнениях и горении его духа. Он чувствует себя живущим вне мира общезначимого и общепринятого, а замкнутым в самом себе. Он в своих глазах почва, для которой впечатления бытия являются только оплодотворяющим дождем. Солнце — в нем, это — его дух, его душа.

Его задача — рассказать о самом себе, о солнце в нем, о том, как он видит себя в мире. Он, конечно, видит себя центром мира, который оценивается им как мир его видений. Он, разумеется, вполне солидарен с лучшим романтиком XIX века Генрихом Гейне, который сказал:

«Каждый человек — целый мир, под каждым могильным камнем погребена всемирная история»[2]. Допустимо, что эта оценка поэтом человека — неправильна, ибо — слишком высока. Лично мне кажется, что эта дерзкая оценка прекрасна и человек заслужил ее.

Заслужил, потому что, каков бы он ни был,— он, в конце концов, всегда мученик истории, мученик тех условий, которые созданы не им, но для него, тех наследственных качеств, которые ему приданы предками, привычек, воспитанных им в себе, предрассудков, в рабстве которых он живет.

Но, кроме того, что уродует человека, в нем живет нечто протестующее против всего, что мешает ему быть лучше, чем он есть. Часто — очень часто — в своем стремлении быть лучше, человек становится еще хуже. Это — грустно, но это — так. И в этом не один он виноват. Люди, привыкшие судить ближних по фактам, были бы более справедливыми судьями, если б умели догадываться о мотивах фактов. Мы все усердно ищем людей хуже нас и очень торопимся признать их таковыми.

Это своеобразное и, в сущности, преступное коллекционерство, имея целью подчеркнуть воображаемые добродетели за счет действительных пороков, очень увеличивает пороки и — только. Романтизм, бунтуя против реального мира, великодушнее к человеку. По наивности, воспитанной мною в себе, на протяжении почти уже шестидесяти лет я думаю, что каждый человек имеет законное право бунта против условий бытия и против себя самого, против существа, психика которого тоже обусловлена бытием, но в которой уже коренится излишек, побуждающий каждого из нас думать: что я должен сделать для того, чтоб и жить и быть лучше?

Мы знаем, что существуют люди, которые не только рассуждают на эту тему, но и пытаются «совлечь с себя ветхого Адама», уничтожить в себе древнего зверя.

Романтик Борис Пастернак, стремясь рассказать себя, взял из реального мира полуребенка, девочку Люверс и показывает, как эта девочка «осваивала» мир. На мой взгляд, он сделал это очень искусно, даже блестяще, во всяком случае — совершенно оригинально.

Английского читателя трудно удивить изображением милой и забавной путаницы в душе ребенка, который «осваивает» мир, делает его понятным для себя; я знаю, что англосаксы умеют писать о детях всегда лучше, чем художники других рас. Но мне кажется, что Пастернак умел сказать нечто свое и очень значительное. «Детство Люверс» может быть прочитано не только с интересом, но можно надеяться, что эта книга разбудит много хороших мыслей о маленьких людях, которых мы весьма беззаботно вводим в наш огромный, но все-таки тесный, шумный, но не очень веселый мир.

⟨Сорренто. Между сентябрем 1926 г. и сентябрем 1927 г.⟩

Печатается по черновому автографу. Датируется по письму Горького Пастернаку от 4 октября 1927 г. (письмо 2) и письму к М. Д. Беляеву от 15 декабря 1926 г., в котором Горький писал: «С моими предисловиями должны еще выйти: том прозы Пушкина, „Детство Люверс“ Пастернака, „Одеты камнем“ О. Форш и ряд других авторов» (АГ). См. письмо 2, прим. 2. В письме к В. Ф. Ходасевичу от 13 августа 1925 г. Горький писал: «Прекрасная вещь „Детство Люверс“ Пастернака. И хорошо издана» («Новый журнал», Нью-Йорк, 1952, № XXXI, стр. 205).

[1] Леонид Осипович *Пастернак* (1862—1945).

[2] Цитата из «Путевых картин», ч. 3, гл. XXX: «Ведь каждый отдельный человек — целый мир, рождающийся и умирающий вместе с ним, под каждым надгробным камнем — история целого мира» (Генрих Гейне. Собр. соч. в десяти томах, т. 4. М., Гослитиздат, 1957, стр. 224).

ГОРЬКИЙ — Б. А. ПИЛЬНЯК

Писатель Борис Пильняк (псевдоним Бориса Андреевича *Вогау*, 1894–1937) познакомился с Горьким в 1921 г.

В письмах двадцатых годов Горький неоднократно отрицательно отзывался о писательской манере, «словесном фокусничестве» Пильняка. В письме к И. Ф. Калинникову от 11 февраля 1925 г. Горький писал: «Пильняк характерен для современной литературы русской только как явление болезненное, как неудачный подражатель Ремизова и Белого» (АГ).

Ниже публикуется одно письмо Горького Пильняку.

〈Герингсдорф. 10 сентября 1922 г.〉

Сердиться на вас, Б〈орис〉 А〈ндреевич〉, у меня нет причин[1], а очень досадно мне наблюдать, что пишете вы всё хуже, небрежнее и холодней. «Метелинка»[2] — уже совершенно мертвая вещь, несмотря на весь словесный форс и всякие фокусы. Не говорю уже о «творчестве», но даже и мастерство у вас постепенно и — неуклонно — опускается до «мастеровщинки»,— очень плохо это!

Вас явно смущает Белый,— недавно один филолог доказывал мне как вы — м〈ожет〉 б〈ыть〉, бессознательно-рабски — пользуетесь его архитектоникой, ритмом и лексиконом. О зависимости вашей от Белого я говорил вам и в Москве еще. Но Белый, человек очень тонкой, рафинированной культуры, это писатель на исключительную тему, существо его — философствующее *чувство*, Белому нельзя подражать, не принимая его целиком, со всеми его атрибутами как некий своеобразный мир,— как планету, на которой свой — своеобразный — растительный, животный и духовный миры. Не сомневаюсь, что он и чужд и непонятен вам, так же, как чужд и мне, хотя меня и восхищает напряженность и оригинальность творчества Белого.

Путь, которым вы идете, опасный путь, он может привести вас к некой клоунаде. Форма, вами взятая, настойчиво требует скепсиса, иронии или — хотя бы юмора. Этого у вас незаметно.

Поверьте — не учу вас, а — из уважения и любви к несомненному в〈ашему〉 таланту пишу, опасаясь, что вы его утопите в мутном щегольстве словами, изломаете фокусами.

Вам рано смотреть на себя как на писателя законченного, рано! И вам была бы крайне полезна некоторая доза сомнения в в〈аших〉 силах, неуверенность в себе.

Вас хвалят? Это ничего не значит. Вот — меня хвалят и ругают уже 30 лет, но каждый раз, садясь за работу, я чувствую себя начинающим писателем и ухитрился до сего дня не написать ни одной вещи, которая вполне удовлетворяла бы меня. Указываю на это потому, что считаю такое отношение правильным более, чем всякое иное.

Недавно один писатель сибиряк сказал мне: «Плюю в недалекое будущее и в самое отдаленное тоже плюю, а сейчас хочу сделать лучшее, что только возможно для человека».— Это тоже правильно.

Будьте здоровы и уверены, что написанное здесь не содержит в себе ничего обидного или даже нелестного для вас. Жму руку.

А. Пешков

Простите, что не сам пишу, рука болит.

А. П.[3]

10.IX.22.

Печатается по рукописной копии, снятой М. А. Пешковым с письма, написанного им под диктовку. Его же рукой сделана надпись на полях: «Б. Пильняку (копия)». Письмо было послано в адрес М. Л. Слонимского (см. письмо 9).

[1] В письме Горькому от 18 августа 1922 г. Пильняк писал: «Вы, должно быть, сердиты на меня за что-то,— и это связывает мне руки» (АГ).

[2] Б. Пильняк. Метелинка. Берлин, «Огоньки», 1922.

[3] Подпись и последняя строка написаны рукой Горького.

ГОРЬКИЙ — А. П. ПЛАТОНОВ

Начало литературной деятельности Андрея Платоновича *Платонова* (1889—1951) относится к двадцатым годам. В 1927 г. Горький обратил внимание на сборник рассказов Платонова «Епифанские шлюзы». М., «Молодая гвардия», 1927. 2 октября 1927 г. он писал издательскому работнику И. В. Вольфсону: «Но — должен сказать, что русских „молодых" читаю более охотно, даже с жадностью. Удивительное разнообразие типов у нас и хорошая дерзость. Понравились мне — за этот год — Андрей Платонов, Заяицкий, Фадеев, Олеша» (АГ).

Горький переписывался с Платоновым в 1929—1934 гг.

Ниже публикуются четыре письма Горького к Платонову.

1

ГОРЬКИЙ — ПЛАТОНОВУ

⟨Москва. 18 сентября 1929 г.⟩

А. Платонову

Человек вы — талантливый, это бесспорно, бесспорно и то, что вы обладаете очень своеобразным языком. Роман ваш[1] — чрезвычайно интересен, технический его недостаток — чрезмерная растянутость, обилие «разговора» и затушеванность, стертость «действия». Это особенно сильно замечаешь со второй половины романа.

Но, при неоспоримых достоинствах работы вашей, я не думаю, что ее напечатают, издадут. Этому помешает анархическое ваше умонастроение, видимо свойственное природе вашего «духа». Хотели вы этого или нет,— но вы придали освещению действительности характер лирико-сатирический, это, разумеется, неприемлемо для нашей цензуры. При всей нежности вашего отношения к людям, они у вас окрашены иронически, являются перед читателем не столько революционерами, как «чудаками» и «полоумными». Не утверждаю, что это сделано сознательно, однако это сделано, таково впечатление читателя, т. е. — мое. Возможно, что я ошибаюсь.

Добавлю: среди современных редакторов я не вижу никого, кто мог бы оценить ваш роман по его достоинствам. Это мог бы сделать А. К. Воронский, но, как вы знаете, он «не у дел» [2].

Это всё, что я могу сказать вам, и очень сожалею, что не могу сказать ничего иного.

Всего доброго.
А. Пешков

Куда направить рукопись?
18.IX.29.

[1] А. П. Платонов. Чевенгур. Роман не был напечатан. Рукопись, посланная Горькому 19 августа 1929 г., и отзыв издательства «Федерация» хранятся в фонде А. П. Платонова в ЦГАЛИ (ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 80, 128).

Посылая Горькому рукопись, Платонов писал: «Я у вас был два месяца назад. Теперь я прошу прочитать мою рукопись. Ее не печатают (в „Федерации" отказали), говорят, что революция в романе изображена неправильно, что все произведение

поймут даже как *контрреволюционное*. Я же работал совсем с другими чувствами, и теперь не знаю, что делать. Обращаюсь к вам с просьбой прочитать рукопись и, если будет ваше согласие, сказать, что автор прав и в романе содержится честная попытка изобразить начало коммунистического общества» (письмо от 19 августа 1929 г., АГ).

[2] См. Горький — Гладков, письмо 15, прим. 1.

2

ГОРЬКИЙ — ПЛАТОНОВУ

〈Москва. Осень 1929 г.〉

Дорогой Платонов —

о романе вашем [1] я говорил с Берсеневым [2], директором 2-го МХАТа. Возникла мысль — нельзя ли — не можете ли вы переделать *часть* его в пьесу? [3] Или же попробовать написать пьесу на иную тему?

Мысль эта внушена вашим языком, со сцены, из уст неглупых артистов, он звучал бы превосходно. О возможности для вас сделать пьесу говорит и наличие у вас юмора, очень оригинального — лирического юмора.

Берсенев будет искать вас в Д〈оме〉 Герцена, ибо я забыл ваш адрес, когда говорил с Берсеневым.

Всего доброго.

А. Пешков

В психике вашей,— как я воспринимаю ее,— есть сродство с Гоголем. Поэтому: попробуйте себя на комедии, а не на драме. Драму — оставьте для личного удовольствия.

Не сердитесь. Не горюйте... «Все — минется, одна правда останется».

«Пока солнце взойдет — роса очи выест»?

Не выест.

А. П.

Датируется по письму Платонова к Горькому от 19 августа 1929 г. (АГ)

[1] Роман «Чевенгур».

[2] Иван Николаевич *Берсенев* (1889—1951) — актер, режиссер, народный артист СССР.

[3] Литературный отдел МХАТ II отклонил мысль об инсценировке романа Платонова, указав, что это произведение является чисто «беллетристическим» повествованием (ЦГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 128).

3

ГОРЬКИЙ — ПЛАТОНОВУ

〈Москва. 26 июля 1932 г.〉

Андрею Платонову

Уверенно судить о достоинствах вашей пьесы [1] мешает мне плохое знание среды и отношений, изображенных вами.

А рассматривая пьесу с ее литературной, формальной стороны, нахожу ее своеобразной, интересной и достойной сцены. Недостатками являются: обилие монологов, покойники и гроба на сцене, слишком аллегорически назойливо сделанный Мешков с его «самоубийством», которое у вас похоже на «жертвенный отказ индивидуалиста от самого себя».

Забыл сказать: очень хороший язык.

Всего доброго.

А. Пешков

26.VII.32.

ГОРЬКИЙ

Дружеский шарж Б. Е. Ефимова к 40-летию литературной деятельности Горького

«Известия», 1932, № 266, от 25 сентября

[1] «Высокое напряжение». Пьеса не опубликована. Рукопись хранится в ЦГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 85.

Действующие лица пьесы — инженерно-технические работники, место действия — электростанция.

4

ГОРЬКИЙ — ПЛАТОНОВУ

〈Москва. Первая половина марта 1934 г.〉

Андрею Платонову

Рассказ ваш [1] я прочитал, и — он ошеломил меня. Пишете вы крепко и ярко, но этим еще более — в данном случае — подчеркивается и обнажается ирреальность содержания рассказа, а содержание граничит с мрачным бредом. Я думаю, что этот ваш рассказ едва ли может быть напечатан где-либо.

Сожалею, что не могу сказать ничего иного, и продолжаю ждать от вас произведения, более достойного вашего таланта. Привет.

А. Пешков

Датируется по времени поступления рассказа «Мусорный ветер» от Горького в редакцию альманаха «Год XVII».

На первой странице рассказа имеется штамп редакции с датой: «16/III 1934 г.».

[1] Рассказ «Мусорный ветер» был послан Платоновым Горькому 19 февраля 1934 г. с просьбой поместить его в альманахе «Год XVII», если он получит положительную оценку.

В АГ хранится машинописный текст рассказа с критическими замечаниями Горького.

ГОРЬКИЙ — В. Ф. ПЛЕТНЕВ

Валериан Федорович *Плетнев* (1886—1942) — писатель, драматург, один из теоретиков и руководителей Пролеткульта. Плетневым написаны пьесы «Невероятно, но возможно» (1920), «Лена» (1923), «Наследство Гарланда» (1924), «Уездное» (1926), «Шляпа» (1935) и др.

Сохранился краткий отзыв Горького о рассказе Плетнева «Кара», датированный 27 апреля 1920 г.: «Написано недостаточно отчетливо, ясно. Сцена с „заклепками" вводит в заблуждение: это издевательство или — в грубой форме — милосердие, прощение? Моральная кара или физическая?» (АГ).

Ниже публикуются два письма Горького Плетневу.

Письмо Горького от 5 декабря 1935 г. было опубликовано в «Лит. газете», 1959, № 38, от 28 марта, в связи с сообщением о подготовке настоящего тома.

1

ГОРЬКИЙ — ПЛЕТНЕВУ

⟨Москва. 10 октября 1933 г.⟩

В. Плетневу

Изображенный вами в «Шляпе» [1] быт я знаю только по литературе, и с этой моей оговоркой вы — в дальнейшем — посчитайтесь, ибо возможно, что я оцениваю пьесу не совсем правильно. Пьеса нравится мне. Написана живо, простым, хорошим языком, характеры намечены ясно, и актерам легко будет изобразить их. Сюжет пьесы тоже кажется мне значительным, воспитательное его значение — бесспорно.

Недостатки пьесы я вижу такие: директору следовало бы дать побольше остроты, юмора. Нужно бы ввести задорного комсомольца, а того лучше — комсомолку, а то у вас одна женская роль — Петровна, Птичкина — эпизодична да и «без лица». Парочку женщин добавить — очень хорошо будет. Против Петровны можно бы поставить типичную и заядлую домашнюю хозяйку, скопидомку, злюку, визгушу. Это можно сделать за счет сокращения диалогов — особенно длинен на стр. 46. Крепко дан Бубенцов. В общем пьеса читается с интересом, думаю, что и разыграть ее можно весьма интересно.

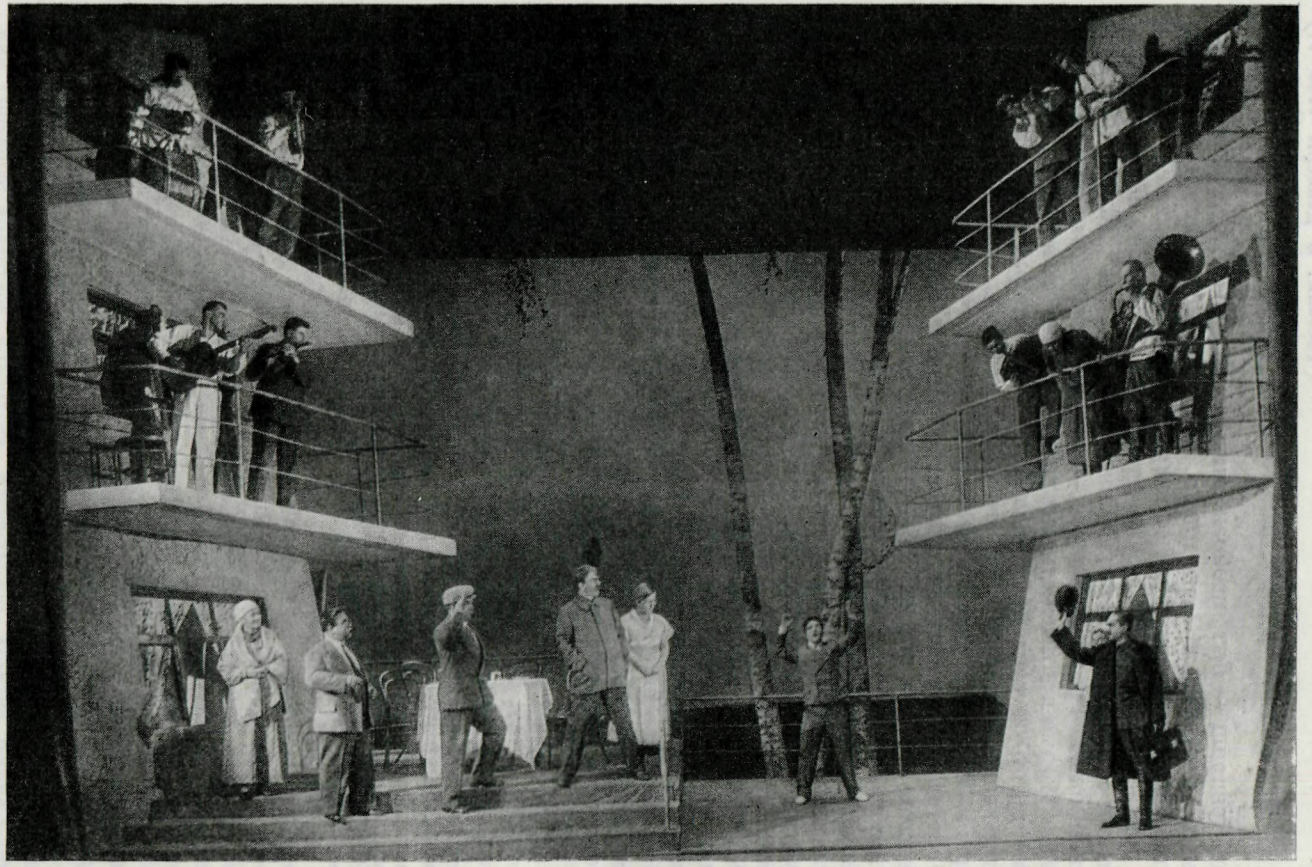
Крепко жму руку.

А. Пешков

10.X.33.

[1] «Шляпа» — комедия Плетнева в трех актах, с которой Горький ознакомился в рукописи. Темой пьесы, действие которой происходит на одном из заводов нашей страны в 1931—32 гг., является борьба за воспитание социалистического отношения к труду. Пьеса была издана в 1935 г. (М., Цедрам). Печатное издание пьесы свидетельствует о том, что Плетнев стремился доработать пьесу в соответствии с замечаниями Горького.

В том же году пьеса была поставлена в театре им. Евг. Вахтангова в Москве (премьера состоялась 13 января 1935 г.).



СЦЕНА ИЗ КОМЕДИИ В. Ф. ПЛЕТНЕВА «ШЛЯПА» В ПОСТАНОВКЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕАТРА им. ЕВГ. ВАХТАНГОВА, МОСКВА, 1935 г.

Последний акт

Фотография

Музей театра им. Евг. Вахтангова, Москва

2

ГОРЬКИЙ — ПЛЕТНЕВУ

⟨Тессели. 5 декабря 1935 г.⟩

Тов. В. Плетневу[1]

Дорогой товарищ — быт, изображенный вами в пьесе [2], я знаю только по газетам, по книжкам, т. е. — плохо. Вы, конечно, понимаете, что это весьма существенное предисловие к тому, что следует дальше.

Пьеса показалась мне достаточно интересной и живой, некоторые фигуры написаны красочно, таковы: Бабкина, ее сын, Таня [3], Шура, Варвара, Борис, Филимоныч, Гришан. Но все — знакомы по биографиям и автобиографиям, которые почти ежедневно печатаются в газетах. Ищешь, что добавил им автор от себя. И не находишь. Это говорит о «документальности», о правдивости характеров, это заставляет согласиться: «с подлинным — верно». И это придает пьесе характер фотографичности, а фотография — светопись, но еще не искусство. Иными словами — характеры не возведены на степень типов, а искусство стремится типизировать. Хулиганы у вас из милицейского протокола, и не видно, почему они — хулиганы? И почему Телеграфа — свинья, ведь не потому же, что она прачка, а не ткачиха? Вы написали «легкую» комедию, зрители в театре, наверное, будут кое-где смеяться, но что же, кроме этого, они вынесут со спектакля?

«Мнимый больной», «Мещанин во дворянстве» — тоже легкие комедии.

Я думаю, что уже наступило время, когда советский литератор должен предъявлять к себе, к своей работе более высокие требования.

Можно бы указать еще на многословие «действующих лиц», но это отшелушится на репетициях.

Таня говорит о желании иметь ребенка — очень плохо.

Жму руку.

М. Горький

5/XII — 35 г.

Печатается по машинописной копии. Со слов «Таня говорит...» и до конца написано рукой И. П. Ладыжникова.

[1] У Горького описка: А. Плетневу.

[2] «Черемуха» (комедия в 3 актах с прологом и эпилогом). Варианты пьесы находятся в ЦГАЛИ, ф. 1703, оп. 1, ед. хр. 49—51.

[3] В пьесе — Ганя.

ГОРЬКИЙ — М. М. ПРИШВИН

Первые литературные шаги Михаила Михайловича *Пришвина* (1873—1954) были сразу замечены и высоко оценены Горьким. Горький предложил Пришвину издать собрание его рассказов в «Знании». С этим связано начало переписки, открывающейся письмом Пришвина Горькому от 13 сентября 1911 г. По возвращении Горького в Россию состоялось личное знакомство писателей. Однако, по свидетельству Пришвина, их встречи были немногочисленными. «Все прочли дружеское предисловие А. М. Горького к моим книгам,— писал Пришвин,— и многие думают, что мы с Горьким были большими личными друзьями. Между тем, мы с Горьким почти не имели никаких личных соприкосновений в жизни. Раза четыре-пять всего за всю жизнь я встречался с Горьким...» («Мои читатели».— «Наши достижения», 1936, № 9, стр. 140—141). Одна из таких встреч состоялась, очевидно, в канун наступающего 1915 г. (см. письмо 3). Знаменательная для Пришвина новогодняя беседа с Горьким воспроизведена им в автобиографическом романе «Кащеева цепь» («звено» двенадцатое, глава «Житие»).

Писатели встречались, кроме того, в 1915 г. в Финляндии, в деревне Нейвола (см. воспоминания Д. Семеновского «А. М. Горький. Письма и встречи».— В сб. «М. Горький в воспоминаниях современников». М., Гослитиздат, 1955, и статью Пришвина «Любимая земля».—«Огонек», 1945, № 44).

В статье «Мятежный наказ» Пришвин вспоминает о встрече, которая состоялась 18 декабря 1916 г., «...в тот вечер, когда Распутина искали в воде» (см. в кн.: «Горький. Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком», под ред. И. Груздева. М., Госиздат, 1928, стр. 194—195). О встрече в Петрограде в 1917 г. напоминает Пришвин Горькому в письме от 2 февраля 1927 г. (см. письмо 17).

О свиданиях Пришвина с Горьким в послеоктябрьский период сведений не имеется. Но многолетняя переписка связала писателей тесными узами.

К сожалению, дореволюционные письма Горького не сохранились. За 1911—1915 гг. мы располагаем лишь пятью письмами Пришвина.

Горький был наиболее проникновенным истолкователем творчества Пришвина. В своих письмах, как и статьях («О М. М. Пришвине», предисловие к «Моему очерку»), он первый раскрыл исключительное своеобразие и глубокую значительность дарования и мироощущения Пришвина. Можно без преувеличения сказать, что Горький откликался почти на каждое новое произведение Пришвина. Пришвин придавал большое значение горьковским письмам, намереваясь опубликовать их полностью.

«Мне хочется их издать,— писал он, — с такими комментариями, чтобы из книжки ясно открывался бы путь от читателя к настоящему критику, расставляющему вехи писателю по пути к его будущему. Для меня лично такой вехой стоит создание нового мироощущения» («Наши достижения», 1936, № 9, стр. 142). В свою очередь, бесспорный интерес представляют письма Пришвина. Они содержат суждения о ряде произведений Горького: «Детство», «Ледоход», «Отшельник», «Жизнь Клима Самгина» и др. В них много данных для изучения истории создания романа «Кащеева цепь» и некоторых других произведений Пришвина, и они являются ценным материалом для осмысления сложной, порой противоречивой эволюции писателя.

Четыре письма Горького опубликованы в т. 29 (№№ 780, 789, 834) и в т. 30 (№ 1122).

Ниже публикуются пятнадцать писем Горького к Пришвину и двадцать писем Пришвина к Горькому.

1

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

Новгород, 13 сент⟨ября⟩ 1911 г.

Простите — не знаю вашего житейского имени, глубокоуважаемый и дорогой мне «Максим Горький». Писали мне, что вы желали бы иметь мою книгу «В краю непуганых птиц» [1]. Вот я вам ее и посылаю. Боюсь только, не понравится. Это была моя первая проба писать. Но там есть ценные материалы о русской жизни, и, быть может, они вам как-нибудь пригодятся.

Потом посылаю еще вам оттиски своих рассказов «У горелого пня», «Черный араб», «Птичье кладбище» и «Крутоярский зверь» [2]. Это всё вы, вероятно, читали, и посылаю я их собственно для «Знания». Виктор Сергеевич [3] писал мне, что издательство принципиально согласно издать мою книгу, содержащую эти рассказы и «Колобок» [4], который вы теперь уже наверно получили от Виктора Сергеевича. «Колобок» с рассказами составляют вторую половину моего литературного пути, так же, как «Непуганые птицы» и «У стен града невидимого» [5]— первую. После когда-нибудь я издам и эти книги вместе, но теперь хочется мне пустить «Колобок» с рассказами, под общим названием «Рассказы и очерки».

Девриен [6] разрешил мне издать «Колобок» с условием, чтобы где-нибудь было упомянуто о нем, Девриене, и чтобы я уплатил ему свой *долг*. Вот почему я и заломил с издательства, быть может, больше, чем следовало.

Так что я вот и посылаю вам оттиски, как велено мне Виктором Сергеевичем, а он мне должно быть скоро ответит об окончательном решении «Знания»: издавать мою книгу, или не издавать [7].

Кланяюсь вам низко. И Новгород вам кланяется, и Волхов кланяется, и св. София.

Сейчас плоты плывут по Волхову, и с моста кричат: «Никола в путь». Вот и вам так же из Новгорода желаю: Никола в путь!

М. Пришвин

Новгород.
Софийская сторона, Лугинская ул.
дом Перовой,
Михаилу Михайловичу Пришвину.

[1] М. М. Пришвин. В краю непуганых птиц. Очерки Выговского края. С 66-ю рисунками по снимкам с натуры автора и П. П. Ползунова. СПб., изд. А. Ф. Девриена, 1907. О желании иметь книгу «В краю непуганых птиц» Горький писал П. Романову в августе 1911 г.: «Встретив Пришвина, будьте добры передать ему мой сердечный привет. Я в великом восторге от „Черного араба“ — это чудесная вещь! И очень хорошо „Птичье кладбище“. Не укажет ли он: где могу найти его книгу „Край непуганых птиц“? Не пришлете ли ее? Что он — специалист-орнитолог? Удивительное знание птицы у него!» (АГ).

[2] «У горелого пня».— «Аполлон», 1910, № 7; «Черный араб. Степные эскизы».— «Русская мысль», 1910, № 11; «Птичье кладбище. Сельские эскизы».— «Русская мысль», 1911, № 7; «Крутоярский зверь».— Альманах «Шиповник», кн. 15. СПб., 1911.

[3] Виктор Сергеевич *Миролюбов* (1860—1939), журналист, издатель и редактор. В 1911 г. Миролюбов был привлечен Горьким к редактированию изданий «Знания». Подробнее см. Горький — Тренев, письмо 1, прим. 8.

[4] «За волшебным колобком. Из записок на крайнем севере России и Норвегии». С рисунками Г. Д. Дэнглас-Юма. СПб., изд. А. Ф. Девриена, 1908. В 1923 г. очерки вышли в изд-ве Л. Д. Френкеля (М.) под названием «Колобок».

Горький писал В. С. Миролюбову в начале сентября 1911 г.: «Пришвину скажите, что „Знание“ ничего не имеет против издания его книги и чтобы он присылал оттиски» (т. 29, с. 184).

[5] «У стен града невидимого».— «Русская мысль», 1909, кн. 1, 2, 3. В 1909 г. очерки были изданы отдельной книгой т-вом И. Н. Кушнарева (М.). В третьем томе сочинений Пришвина, выпущенных изд-вом «Знание» (СПб., 1914), очерки печатались под названием «Светлое озеро» (без первой главы «Черный сад» и с незначительными

сокращениями). В дальнейшем название «Светлое озеро» закрепилось за очерками.

[6] Альфред Федорович *Девриен* (1842— ?) — петербургский издатель. Издательство Девриена наряду с литературой для детей и юношества выпускало книги, где содержалось географическое описание различных областей России.

Девриен был первым издателем, обратившим внимание на этнографические очерки Пришвина «В краю непуганых птиц» и «За волшебным колобком».

[7] В течение 1912—1914 гг. «Знание» (СПб.) выпустило три тома Сочинений М. М. Пришвина: т. 1. Рассказы, 1912; т. 2. Очерки: «К варягам», «Выговский край», 1913; т. 3. «Славны бубны» и другие рассказы, 1914.

2

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

⟨Новгород. Конец сентября — октябрь 1911 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

Пишете вы мне, что Конст⟨антин⟩ Петр⟨ович⟩ Пятницкий [1] «деловые слова» мне шлет. А я от него ничего не получаю в ответ на свое деловое письмо. «Колобок» в исправленном виде послал В. С. Миролюбову в Sestri Levante для пересылки в «Знание» [2]. Боюсь, не потерялся ли он, ибо Викт⟨ор⟩ Серг⟨еевич⟩ все перелетывает с места на место.

Будьте добры, скажите Пятницкому о моем беспокойстве. Вероятно, что-нибудь недоброе случилось: или «Колобок» затерялся в пути, или Викт⟨ору⟩ Сергеев⟨ичу⟩ худо стало или какая-нибудь вообще заминка с изданием моей книги.

«Плясал,— пишете вы,— когда прочел „Черн⟨ого⟩ араба“»[3], а вот у меня дома, как прочли ваше письмо, стали меня качать, здорово качали, пришлось отступного поставить. В этот же день еще убил я петуха (тетерева), куропаток пару, что по этому времени и возле Новгорода случай редкий. И за это качали. Словом, день вышел хороший. А так я теперь всё под крышей сижу, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ близко к крыше, чуть форточку открыл — коты лезут, сердитые, голодные, другой раз войдешь — испугаешься. День и ночь дождь барабанит по крыше, крыша железная. Сад у соседей опал, вчера последний подсолнух срезали, снегири и синицы перебрались из леса рябину щипать, зайцы зим⟨ние⟩ белеют — приметка: зима будет ранняя, белки сизые стали, налим пошел.

Ну, всего хорошего. А Пятницкого расшевелите.

М. Пришвин

Новг⟨ород⟩.
Софийская ст⟨орона⟩. Лугинская,
д. Перовой.

Датируется по письму 1.

[1] Константин Петрович *Пятницкий* (1864—1938) — директор-распорядитель издательства «Знание», в то время находился на Капри.

[2] Вследствие болезни легких В. С. Миролюбов в начале августа 1911 г. уехал из России в Швейцарию, а затем во Францию, в район Приморских Альп («Sestri Levante»).

[3] О рассказе «Черный араб» Горький писал также П. Романову (см. письмо 1, прим. 1), А. В. Амфитеатрову (т. 29, № 501) и другим лицам.

3

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

⟨Сольцы.⟩ 8 мая 1915 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Подошло такое положение, что хоть бросай литературу и поступай в плотники, а потому обращаюсь к вам с просьбой помочь мне издать

собрание сочинений [1]. Вы знаете, мне никогда не приходилось как следует и пописаться из-за ненавистной газетной работы. Но теперь обстоятельства складываются благоприятно: с «Русск⟨ими⟩ вед⟨омостями⟩» поссорился, с «Речью» разошелся, в «Биржовке» [2] не печатают, так что как раз удобное время покончить с такого типа работой совсем.

Нужно найти какого-нибудь издателя, который взялся бы издать в течение двух лет шесть томов моих сочинений, выдавая мне со дня заключения договора 200 руб. в месяц.

Я обязуюсь с этой осени представить три тома своих сочинений и к следующей три тома остальные.

Первые три тома: «Черный араб», «Колобок» и «В краю непуганых птиц» хорошо издать с некоторыми иллюстрациями в расчете отчасти и на то, что все эти книги могут читаться и юношеством.

«Черный араб» [3] будет вдвое больше (я восстановлю сгоревшее) [4], в этом же томе будут также однородные с «Арабом» «Славны бубны» [5], которые также будут восстановлены целиком (разбросаны по газетам). Этот том будет у меня вроде южного «Колобка».

Остальные три тома: 3) Рассказы и повести («Крутоярский зверь» и проч.), 4) «Невидимый град» [6], 5) «Слоновая долина» [7], будут за год приведены в такой же стройный и законченный вид, как первые три.

Если это собрание устроится, то я года два могу заниматься настоящей литературой и не шляться по Персиям [8].

Почти наверное могу в таком случае сказать, что к осени для вашего сборника доставлю рассказ «Дольник» [9]— настоящий рассказ. Я это к тому говорю, чтобы и вам не очень было скучно хлопотать за меня.

Недели через две хотелось бы мне от вас получить определенный ответ, потому что, если так не удастся устроиться,— я займусь приисканием средств для жизни трудом, не имеющим ничего общего с литературным. Можно бы, конечно, и наладить отношения с газетами, но я дошел до точки, когда самое незаметное, скромное существование предпочитаешь существованию газетному.

Вы хотели поговорить с Сытиным [10]; конечно, это бы самое лучшее, но если не сладится с ним, то не один же он.

Еще маленькая просьба: очень хвалят мне ваше «Детство», а я его не читал и не имею ни одной вашей книги с автографом,— пришлите, пожалуйста, ее мне в Песочки, прочту,— кстати, и сам давно уже понемногу пишу на эту же тему [11].

Сейчас еду недели на две к сестре в Орловскую губерн⟨ию⟩, надеюсь, что по возвращении получу от вас и книгу, и письмо.

Часто вспоминаю вас с Шаляпиным [12] — очень, очень радостно мне было с вами обоими встретиться, живите на страх врагам, плодитесь и множьтесь. До свидания.

М. Пришвин

Сольцы. Псковск⟨ой⟩ г⟨убернии⟩,
д⟨еревня⟩ Песочки,
М. М. Пришвину. Заказное.

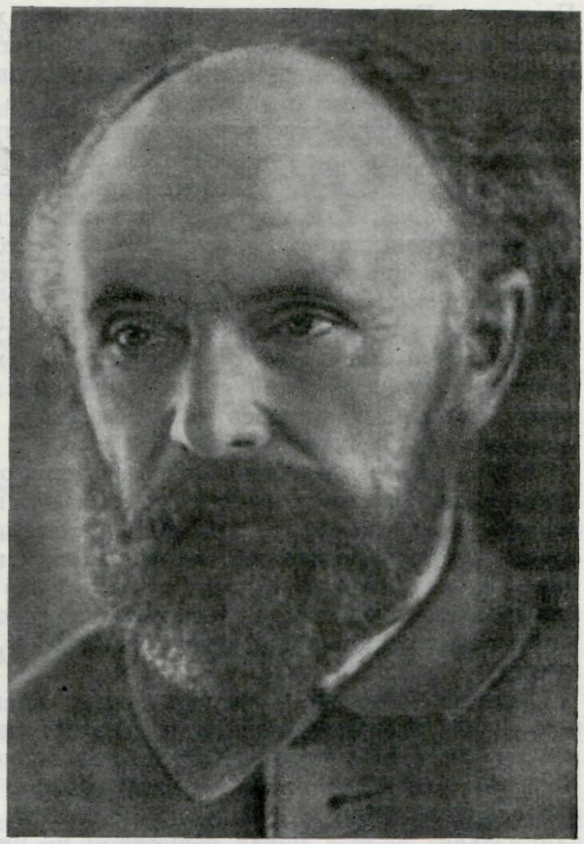
[1] Издание не состоялось.

[2] В газетах «Русские ведомости», «Речь», «Биржевые ведомости» Пришвин печатал свои очерки и рассказы, начиная с 1905 г.

Наиболее часто Пришвин печатался в газете «Русские ведомости». Здесь были напечатаны рассказы: «Манифест в деревне» (1905, № 312, от 26 ноября), «Господа умилились» (1906, № 243, от 4 октября), «Как я укреплял тещу Никифора» (1909, №№ 160 и 164, от 14 и 18 июля) и др.

[3] Цикл очерков «Черный араб» при переизданиях в двадцатых и тридцатых годах был дополнен Пришвиным очерками «Соленое озеро» и «Сопка Маира».

М. М. ПРИШВИН
Фотография, 1929 г.
Собрание В. Д. Пришвиной, Москва



[4] Имеется в виду пожар, в результате которого погибли также и письма Горького к Пришвину (см. об этом в очерке Пришвина «Мои читатели».—«Наши достижения», 1936, № 9).

[5] Очерки под таким названием были впоследствии напечатаны в журнале «Заветы», 1913, № 10.

[6] Очерки «У стен града невидимого». См. письмо 1, прим. 5.

[7] Произведение Пришвина под таким названием неизвестно.

[8] Возможно, Пришвин имел в виду свои поездки на фронт в качестве санитара и военного корреспондента.

[9] Рассказ не был написан. Он предназначался для сборника избранных произведений современной литературы, который собиралось выпустить издательство «Парус» (Пг.), основанное в 1915 г. при непосредственном участии Горького (издание неосуществленное).

[10] Иван Дмитриевич *Сытин* (1851—1934) — крупнейший издатель дореволюционной России. Горький был хорошо знаком с Сытиным и пытался осуществить при его помощи целый ряд издательских мероприятий.

[11] Возможно, имеется в виду роман «Кащеева цепь».

[12] О встрече нового, 1915 года у Горького, где присутствовал и Шаляпин, Пришвин рассказал в романе «Кащеева цепь» («звено» двенадцатое, гл. «Житие». См. Собр. соч., т. 1. М., Гослитиздат, 1956, стр. 535—538).

4

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

⟨Сольцы.⟩ Пес очки. 4 июня 1915 г.

Дорогой Алексей Максимович, наконец-то и от вас у меня есть книжки [1], очень вас благодарю. «Детство» — очень хорошая книга, но это все-таки половина того, что нужно: не хватает в ней самого мальчика

Пешкова. Посоветую вам, когда будете хорошо издавать свои книги, дайте каждой главе свое название. Моими любимыми тогда будут «Два бога» (бабушкин и дедушкин) и еще «Хорошее дело». В этих главах, мне так показалось, хотя и пишете о других, но ближе подходите к Пешкову. А ведь все наше искусство сводится к тому, чтобы чужое принять как свое, а свое дать как чужое. Но что бы там ни было, книга ваша хорошая, совестливая. А больше всего мне понравился из второй вашей книги рассказ «Ледоход». Там уж весь Горький высказался. Прочитав рассказ, я вспомнил один период своей петербургской жизни, переполненный необычайными впечатлениями от первой встречи со всей литературной средой [2]. Помню в Р⟨елигиозно⟩-ф⟨илософском⟩ о⟨бщест⟩ве [3] обсуждалось, как один из героев Горького поклонялся народушке [4], и чего-чего только не говорилось по поводу этого. Так вот «Ледоход» служит хорошим ответом на все эти толки. Как-нибудь при свидании я вам подробно расскажу о всем этом. А теперь извиняюсь за редкий свой опыт критики (умствования) и перехожу к личным делам.

В Питере я вас не нашел и, не получив от «Огней» [5] письма, сунуться туда не решился. Возвращаюсь домой, а там письмо от «Огней»: предлагают издать книгу рассказов. Я написал, что не рассказы хочу издавать, а сочинения. Заранее только знаю, что из «Огней» ничего не выйдет, Ляцкого [6] мы все знаем: наобещает кучу коробов и вильнет хвостиком, сие здание на песце зиждется, и решиться на годовую работу приведения в порядок своих сочинений я так не рискну. Ну, да ладно, как-нибудь перемелется.

Большое спасибо за предложение аванса, но взять не могу: в газетной работе это еще туда-сюда, но в художественной при авансе я писать не могу: вместе с взятым на себя долгом исчезает необходимая свобода. Вообще в своей литературной деятельности я ценю только неугасающую надежду на свободное бытие, не будь этого — никогда бы я не стал ею и заниматься: долгов перед обществом не чувствую, грехов имею очень мало, учить никого не хочу — зачем же хомут?

Прочитал в газетах, что в Финляндию к вам теперь не попасть. Если будете в Питере и вам случайно наклюнется что-нибудь определенное насчет издания моих сочинений — вызовите меня в Питер (Сольцы, Псковск⟨ой губернии⟩, Песочки), а в общем нарочно не беспокойтесь, ничего, обойдется.

До свидания.

М. Пришвин

[1] «Детство» и «По Руси».— Собр. соч., тт. XX и XIX. Пг., «Жизнь и знание», 1915.

[2] В 1908 г., после возвращения из поездки в Карелию и Норвегию, Пришвин был введен А. М. Ремизовым в круг петербургских писателей-символистов, где, в частности познакомился с А. Блоком.

[3] Религиозно-философское общество («Религиозно-философские собрания» в Петербурге) существовало с 1901 по 1915 г. (с перерывами). В собраниях общества принимали участие Д. С. Мережковский, В. В. Розанов, Д. В. Философов, З. Н. Гиппиус и представители духовенства — епископ Сергий и др. Отчеты о собраниях общества публиковались в декадентском журнале «Новый путь» (1903—1904) и выходили отдельными выпусками.

[4] Имеется в виду заседание Религиозно-философского общества в 1908 г., на котором был прочитан доклад Германа Баронова «О демотеизме (обожествлении народа) в „Исповеди" Максима Горького».

С возражениями докладчику выступил А. Блок. Его доклад «Россия и интеллигенция» был опубликован в журнале «Золотое руно», 1909, № 1 (в дальнейшем перепечатывался с изменениями и под заглавием «Народ и интеллигенция»).

[5] «Огни» — книгоиздательство в Петербурге.

[6] Евгений Александрович *Ляцкий* (1868—1942) — литературовед и критик, руководил издательством «Огни» в 1914—1915 гг.

5

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

Песочки. 22 июля 1915 г.

Дорогой Алексей Максимович,

обещанный вам к 1 августа рассказ [1] не вышел: он все рос, рос и, наконец, слился с материалами к роману [2], единственному, который я когда-нибудь напишу.

Все поджидаю от вас письма, — не удалось ли вам меня куда-нибудь устроить [3], наконец; все жданки вышли и, как ни бился, пришлось опять записать в «Речь» о войне [4] и проч.

А может быть вы еще наладите дело, время еще есть, чтобы приготовить к сезону три тома. В случае чего — вызовите меня (Сольцы, Псковск⟨ой губернии⟩, Песочки).

Всего доброго.
М. Пришвин

[1] См. письмо 3, прим. 9.
[2] Имеется в виду роман «Кащеева цепь».
[3] См. письмо 3, прим. 1.
[4] М. Пришвин. Отзвуки войны.— «Речь», 1915, № 194, от 17 июля. В статье рассказывается о том, как была воспринята весть о войне в глухой русской деревне.

6

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

Москва. 3 ноября ⟨1923 г.⟩
Тверской бульвар, 25, Общежитие Союза писателей, М. М. Пришвину

Дорогой Алексей Максимович,

не знаю, какими словами выразить вам свое восхищение перед последними вашими произведениями в «Красной нови» и в «Беседе» [1], просто скажу, это теперь лучше всего и у вас лучше всего прежнего. Радуюсь.

Возьмите меня в «Беседу» [2], могу вам доставлять очерки народной жизни «От земли и городов» [3], повести свои и маленькие рассказы. Научите меня, где бы мог я напечатать за границей отдельной книжкой «Кащееву цепь» (часть первая 7 листов), а может быть, напечатанное в «Красной нови» можно и в журнале напечатать? [4] Едва ли «Красная новь» доходит к вам в большом числе? Вообще, если я вам нужен, то вы не поленитесь подробнее написать мне свои руководящие соображения. У нас опять литературный кризис, только-только вздохнули и можно стало писать большие вещи, как опять стало туго и приходится для заработка «халтурить». Поэтому приходится рассчитывать и на гонорар от «Беседы»: вы мне и про эту сторону напишите. Опять прошу, не поленитесь в своих же интересах и напишите, что вам представляется наиболее интересным в современной России. Я живу две недели в Москве и две недели в деревне, в самой гуще, и могу давать материалы самые свежие. Советую вам для обозрения текущей литературы, театра, библиографии пригласить Юрия Васильевича Соболева [5], который живет о бок со мной, так что писать ему можно в одном пакете со мной.

Я, правда, до того обрадовался написанному вами в «Беседе», что пишу вам как родному и жду теперь с нетерпением от вас письма, быть может, оно поддаст мне пару, и я сделаю для журнала что-нибудь настоящее. Жму крепко вам руку. Сегодня у нас первая пороша, завтра пойду зайцев тропить, будь вы здесь, поднес бы вам за «Беседу» русака, а как нет, съем сам и выпью за вас с мужиками самогонки.

Михаил Пришвин

[1] В 1923 г. в «Красной нови» (№№ 1—6) были напечатаны следующие произведения Горького: «Время Короленко», «О вреде философии», «Мои университеты», «Сторож», «О первой любви»; в «Беседе» за 1923 г. (№№ 1—3) печатались: «Отшельник», «Рассказ о безответной любви» и ряд «заметок», вошедших впоследствии в книгу «Заметки из дневника. Воспоминания» (Берлин, «Книга», 1923).

[2] О «Беседе» см. Горький — Ласковая, письмо 2, прим. 2. Произведения Пришвина в журнале «Беседа» не печатались.

[3] Очерки, о которых пишет Пришвин, печатались в «Красной нови»: «История цивилизации села Талдом» («Красная новь», 1923, № 6) и «Домашние боги» («Красная новь», 1923, № 7).

Очерки под общим названием «От земли и городов» составили т. IV Собр. соч. Пришвина. М.— Л., Госиздат, 1928.

[4] Речь идет о первых трех «звеньях» автобиографического романа «Кащеева цепь» («Голубые бобры», «Маленький Каин», «Второй Адам», напечатанных в 1923 г. в «Красной нови», №№ 3, 4, 5, 7).

В 1924 г. эти «звенья» вышли отдельным изданием под названием «Курымушка», с подзаголовком «Повесть», в изд-ве «Новая Москва». Книга была послана Горькому с надписью: «Юному сердцу Алексея Максимовича с родственным чувством Михаил Пришвин. 3.III.25. Москва (АГ).

[5] Юрий Васильевич *Соболев* (1887—1940) — театровед, критик, журналист. В «Беседе» не печатался.

7

ГОРЬКИЙ — ПРИШВИНУ

15.I.24. Чехословакия. Marienbad, Otel «Maxhof».

Получили вы мое письмо [1], дорогой Михаил Михайлович?

Послал я его вам давно уже, ждал рукопись и оттиски «Кащеевой цепи», не дождался — пишу снова. И не того ради пишу, чтоб убедить вас принять немецкие, явно невыгодные для вас условия работы в «Беседе» [2], а чтоб перекинуться с вами парой-другою слов.

Ждем, что «Беседу» пустят в Россию, тогда издатель мог бы повысить гонорары в 3—4 раза, но — ждем, кажется, несбыточного.

Как вы живете? Как вообще живут люди и литераторы на Руси? Судя по вашим очеркам [3]— интересно, но — тяжко. Да?

Я вот перебрался из голодной Германии в сытую Чехословакию [4] и нахожу, что сытые живут скучнее голодных. Не делайте отсюда такой вывод, что будто мне хочется видеть голодным весь мир людской.

Духовного же голода здесь — как везде, где был, — не ощущаю. «Народы» продолжают возлагать свои надежды на «героев» и на чудеса, но поистине героически ведут себя люди науки, люди искусства, Дон-Кихоты и неутомимые будильники людей, усталых, засыпающих от усталости, от бесплодности попыток своих устроить жизнь лучше. Труднее всех живет интеллигенция, эта ломовая лошадь истории и в то же время арабский скакун ее. Чудес она не ждет, понимая, что ожидание чуда есть, в сущности, выражение скрытого неверия, что в этом ожидании теплится надежда восстановить каким-то необычным путем уже утраченную связь с чем-то.

Всюду — в Германии, Франции, Англии, и здесь, и у скандинавов,— интеллигенция становится все более активной, все лучше понимает свою роль. И — к чести нашей — в процессе этого перерождения западной интеллигенции, по ее же признанию, русская литература имеет весьма крупное значение. Переводят русские книги всюду и везде так, как еще никогда не переводили,— неизмеримо больше и даже внимательнее, чем это делалось раньше.

Не знаю, что интересует вас. Напишите — отвечу.

Если же, невзирая на низкий гонорар — два английских фунта за лист — вы дадите «Беседе» маленький очерк или рассказ — мы вам будем очень благодарны. Мы — я и Ходасевич [5].

Желаю вам всего доброго. Не знаете ли, где С〈ергеев〉-Ценский? Сообщите ему, что в «С〈овременных〉 з〈аписках〉» [6] будет напечатана восторженная рецензия Степуна [7] о «Преображении» [8].

Жму руку.
А. Пешков

[1] Письмо от 20 ноября 1923 г. (см. т. 29, № 780).
[2] См. предыдущее письмо.
[3] См. там же.
[4] Горький приехал в Чехословакию 27 ноября 1923 г.
[5] См. Горький — Ласковая, письмо 2, прим. 1.
[6] «Современные записки» — белоэмигрантский журнал, выходил в Париже с 1921 по 1940 г.
[7] Ф. А. Степун (р. 1884) — писатель, философ. В начале двадцатых годов эмигрировал за границу.
[8] С. Н. Сергеев-Ценский. Преображение, роман в 8 частях. Ч. 1. Валя. Симферополь, Крымиздат, 1923.

8

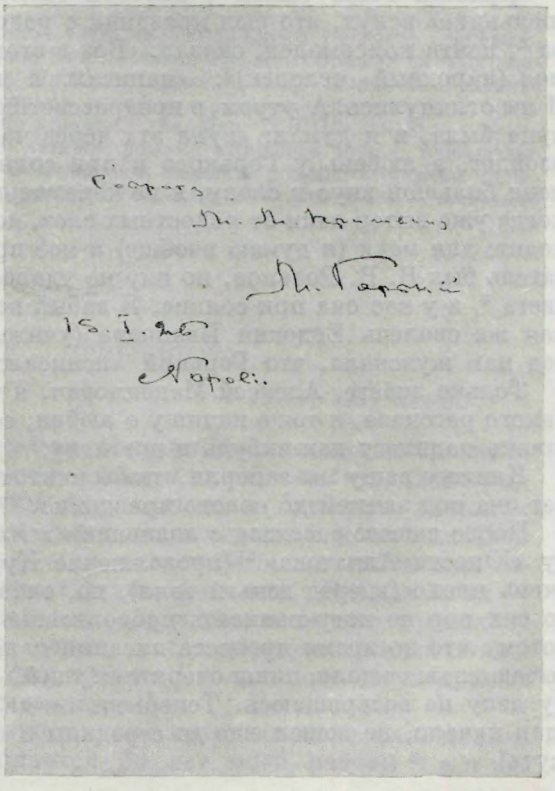
ГОРЬКИЙ — ПРИШВИНУ

〈Неаполь.〉 16.I.26

Дорогой Михаил Михайлович,

вместе с этим письмом посылаю вам две мои книги[1] — заказным пакетом с обратной распиской. Запоздал потому, что, как известно: «сапожник ходит без сапог», книг у меня не было, пришлось выписывать их из Берлина.

С большущим нетерпением буду ждать продолжения «Курымушки»[2], что очень хорошо у вас вышло.



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГОРЬКОГО М. М. ПРИШВИНУ НА КНИГЕ «МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ» (BERLIN, 1925):

«Собрату М. М. Пришвину М. Горький. 15.I.26. Napoli»

Собрание В. Д. Пришвиной, Москва

Ну вот — хотел писать много, а пришли русские из Аргентины, и надо торопиться отправить письмо, пакет на почту, я ведь живу за городом.

Напишу после, дня через два.

Крепко жму руку.

А. П е ш к о в

Napoli. Posilippo.
Villa Galotti.

[1] В письме от 10 декабря 1925 г. (АГ) Пришвин просил Горького прислать книгу с рассказами «Отшельник» и «Рассказ о безответной любви». Горький выслал Пришвину книги: «Рассказы 1922—1924 гг.» (Берлин, «Книга», 1925) и «Мои университеты» (Берлин, «Книга», 1925). На «Моих университетах» Горьким сделана дарственная надпись: «Собрату М. М. Пришвину. М. Г о р ь к и й. 15.I.26, Napoli» (личный архив Пришвина).

[2] В том же письме от 1 декабря 1925 г. Пришвин писал: «Я сейчас работаю над продолжением „Кащеевой цепи", то был Курымушка гимназистом, теперь будет студентом — эпохи начала марксизма (золотая валюта, винная монополия и т. д.). Мне представляется, что если я напишу это, то вся современность так и раскроется, но это, вы знаете, всегда что-то представляется, а выходит то, что надо. Трудная работа, упрямая, но, судя по первым трем главам, все-таки дело свое поверну» (АГ). Продолжение романа «Кащеева цепь» — «Юность Алпатова», «Любовь», «Зеленая дверь», «Юный Фауст», «Брачный полет», «Положение», «Живая ночь» — печаталось в «Новом мире» (1926, №№ 2, 3, 4, 5; 1927, №№ 1, 11, 12; 1928, №№ 4, 5, 6, 7).

9

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

Переславль-Залесский Влад⟨имирской⟩ губ.
Усадьба Ботик, М. М. Пришвину
31.I.26.

Пришли ваши книги [1], дорогой Алексей Максимович, читали «Отшельника» вслух, это был праздник с радостными слезами. Сын мой Лева [2], почти комсомолец, сказал: «Вот в этого бога и я верю!», а Павловна моя (народный человек)[3]: «написал, и нам есть на что оглянуться». И мы оглянулись. А утром, в предрассветный час, когда я встаю, на небе луна была, и я думал: «луна эта через час исчезнет, потому что солнце взойдет, а любовь у Горького и при солнце не пропадает». Конечно, у меня большой вкус к слову, я не через идеи понимаю, и говорю об идеях, когда уже вытер очки от радостных слез, но вот что еще мне в голову приходит: для меня (и думаю вообще) в мое время самый замечательный писатель был В. В. Розанов, но ему не удалось вывести любовь из лунного света [4], а у вас она при солнце. Я забыл вот еще что,— Лева сказал: какая же сволочь Евдокия Ивановна (учительница словесности), она весь год нам жужжала, что Горький «исписался».

Только знаете, Алексей Максимович, я тоже когда-нибудь доживу до такого рассказа, я тоже напишу о любви, если у меня жизни не хватит, я жизнь надплету как-нибудь и достигну.

Книжку вашу мы заперли, чтобы никто не мог отдельно прочесть, и будет она под замком до нового праздника.

После вашего рассказа с волнением взялся перечитать последнюю главу «Юности Алпатова» [5] (продолжение Курымушки),— не покажется ли очень плохо (вперед деньги взял), но, слава богу, противно не стало. Я до сих пор не могу написать продолжение Курымушки («Кащеева цепь»), потому что во время процесса писания является нужда в деньгах, откладываю главное дело, пишу очерк тек⟨ущей⟩ жизни, а после того к основному делу не возвращаюсь. Теперь же мне дали денег в «Новом мире», и я, сдав начало, не дошел еще до середины и плыву неизвестно куда, просто жуть!

Мне теперь часто в голову приходит, что люди несчастны, главным образом, потому, что им приходится разделять себя на-двое, одно делают для заработка (служба), другое для себя (игра). Вероятно, соединить одно с другим очень трудно, и, когда случается, то выходит всем на удивление, и люди эти (пять, шесть...) называются художниками. Вы как-то писали мне, что жить надо *проще*. Это, по-моему, значит жить в одно, а не в два-три дела, в этом и есть секрет труднейшего достижения, называемого «простотой», а не в том, чтобы, как учит Толстой, землю пахать. Чувствую, что, раз вы написали этот рассказ, ваша жизнь в Неаполе проще, чем толстовская пахота, и почти так же проста, как и у вашего старца в его пещере. Особенно мне понравилось, что старец себе куклу купил. Как у вас там произошло, не знаю, но точь-в-точь такой человек живет под кряжем на Шельне. Я тоже у него жил, как и вы, и мы, оба голые, искупавшись, часто сиживали на берегу и беседовали и о боге, и о бабах, и уху варили, и выпивали. А написать вот не мог, не дожил, да это и не беда, главное, что радость, восторг остались в душе, и я узнал его в вашем рассказе. 〈...〉

Всей душой ваш
Михаил Пришвин

Если бы вздумалось послать в «Беседу» рассказ [6], то как это надо, почтой, вам?

[1] См. письмо 8, прим. 1.

[2] Лев Михайлович *Пришвин-Алпатов* (1906—1957) — старший сын Пришвина

[3] Ефросинья Павловна *Пришвина* (1883—1953) — жена Пришвина. Родилась в крестьянской семье. Как вспоминает Петр Михайлович Пришвин (младший сын писателя), «мать сопровождала отца при всех его путешествиях 〈...〉 была для отца живым толковым словарем народных пословиц, поговорок, примет, обрядов, сказок, песен, названий птиц, зверей, деревьев, растений и насекомых» (письмо в Архив А. М. Горького от 18 августа 1959 г.).

[4] Василий Васильевич *Розанов* (1856—1919) — реакционный писатель, философ, критик, сотрудничал в «Новом времени». Как писатель Розанов обращал на себя внимание оригинальностью своего стиля. Пришвин имеет в виду попытки Розанова противопоставить христианскому аскетизму религию «святой плоти» (см. В. Розанов. Люди лунного света. Метафизика христианства. Изд. 2. СПб., 1913).

[5] «Юность Алпатова» — четвертое «звено» романа «Кащеева цепь», напечатано в «Новом мире», 1926, №№ 2, 3, 4, 5. В отдельном издании романа «Кащеева цепь» (М.—Л., Госиздат, 1927) «звено» четвертое — «Юность Алпатова» — получило название «Бой».

[6] См. письмо 6, прим. 2.

10

ГОРЬКИЙ — ПРИШВИНУ

11—II—26. Napoli.

Я очень взволнован вашим письмом, Михаил Михайлович, я прочитал его с великой радостью. Вы поймете ее, если я скажу вам, что, давно считая вас оригинальнейшим русским художником и глубоким знатоком духа языка нашего, я давно хотел знать ваше мнение о моих книгах и ясно понимал, что похвалить их вы — не можете. Я очень люблю ваш талант, необычная ваша жизнь внушает уважение к вам. Вы для меня — большой и настоящий русский человек, образцово и отлично русский. Теперь вам должно быть понятно, почему я так обрадован вашей похвалою «Отшельнику». Мне кажется, что в книге [1] только еще два недурных рассказа «О любви» и «О необыкновенном» [2].

М〈ожет〉 б〈ыть〉, вам это покажется смешным или даже фальшивым, но вот в этом или в 27 году исполнится 35 лет моей работы [3], а я все

еще не знаю, как надо писать, и — учусь. Посылаю вам еще книгу [4], написанную уже после «Рассказов»,— пожалуйста, прочитайте! Когда я писал ее — она мне нравилась, а напечатал и — не мог прочитать.

Пожмите от моего имени лапу вашего Льва, — хорошо он сказал о боге. Вот они, такие, пожалуй, действительно «возжгут души своя» на удивление мира и в добрую помощь ему. Но — жить им будет труднее, чем жилось нам. Уж это — так.

Павловна — жена ваша? Передайте ей привет мой за доброе слово.

Всего доброго, М⟨ихаил⟩ М⟨ихайлович⟩! И еще раз — спасибо.

А. П е ш к о в

Napoli Posilippo.

[1] См. письмо 8, прим. 1.

[2] Имеются в виду «Рассказ о безответной любви» и «Рассказ о необыкновенном».

[3] 35-летие творческой работы Горького (1892—1927) отмечалось в сентябре — октябре 1927 г.

[4] «Дело Артамоновых». Берлин, «Книга», 1925. Роман был послан Пришвину с дарственной надписью: «М. М. Пришвину с сердечной благодарностью. М. Г о р ь к и й. 10.II.26. Napoli» (личный архив Пришвина).

11

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

⟨Переславль-Залесский.⟩ 10 апреля 1926 г.

Так, Алексей Максимович, сбил меня с толку «Род Артамоновых», из-за этого и не писал вам долго ответ на ваше такое хорошее письмо. Хорошо начало, свадьба — прекрасно! и до середины отлично нарастает волнение — ярмарка превосходна! Потом как будто вам надоело, все пошло прыжками и кончаешь неудовлетворенный. Досадно, что вы не доносили это свое дитя, по началу обещавшее быть чем-то вроде «Соков земли» [1]. Я думаю, что вы по своей широте задумали во время писания этого романа какой-нибудь другой, самый большой, и это стало вам неинтересно. Изумительно ваше богатство этими «соками», ваша гравировка диалогами народной мудрости, в этом никто из предшествующих писателей не может с вами сравниться. Но этот глубокий колодец, из которого вы черпаете свои соки, обязывает вас оставаться всегда при своем роднике. Даже прежний рассказ «О любви», имевший у нас большой успех,— все-таки думаешь о нем: это могли бы написать и французы [2]. А довольно неуклюжий «Рассказ о необыкновенном» опять ваш собственный, и та серая фигура хромого человека — когда еще я читал! а все еще ходит за мной [3]. О книге «Мои университеты» писать вам мне не приходится, вы, конечно, знаете сами, что она большое событие в русской культуре, по ней будет учиться наша молодежь. Меня очень увлек рассказ «Голубая жизнь», один момент я стал трепетать за вас, и вдруг все перешло в медицину — конечно, я выругался. Но замечательная там наметилась фигура *Столяра*, вроде как бы чёрта, особенного, вашего, естественного чёрта. Да, у вас, конечно, есть свой чёрт, как и у Ремизова, только у того мистически-условный, а у вас естественный и очень уж читаемый чёрт. Но я так много думал об этом, что рассказать могу только постепенно в других письмах. Говорят о какой-то еще вашей книжке с самыми мелкими рассказами [4], когда она случится у вас под рукой, вы мне ее пришлите,— я тоже ее очень хотел бы прочитать.

А я нисколько не удивился, когда вы написали о себе, что скоро 35-лет⟨ний⟩ юбилей, а вы учитесь писать и не очень верите в написанное: это говорят в вас самые густые капли, которые остаются на дне вашего бокала. Я только этими каплями и живу, а что в прошлом, то все мне

кажется жидкостью. Иногда я даже думаю о себе, что меня просто приятели по дружбе выдумали, а реальности, вроде как, например, у мужика корова, и нет никакой. Вероятно, я из-за этого и занимаюсь краеведением и охотой, заполняю пустоту. А в том кружке [5], на который вы намекаете и к которому я принадлежал (однако не больше как в смысле равнения по высшему), о вас говорили всегда с уважением и, помню, даже слова Блока «а художник в Горьком еще и не начинался» — то и эти слова означали скорее хвалу, открывая какие-то возможности для вас в будущем, какие обыкновенные художники не имели.

Просидев целый год в пустыне, на 3 дня ездил в Москву [6]. Внешнее литер⟨атурное⟩ оживление, но лит⟨ературной⟩ общественности, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ культурной среды, еще нет. Думаю, вот бы вам приехать, большое бы дело могли сделать, по вас бы много людей сошлось, но... едва ли бы вам дали работать как художнику. От Воронского я перешел в «Новый мир» к Полонскому [7], не знаю этого человека, но относится ко мне хорошо, и журнал его «Новый мир» как-то веселей «Красной нови». Благодаря поддержке Полонского, написал новое звено «Кащеевой цепи» «Юность Алпатова». В мае все напечатается, пришлю оттиски. Теперь, надеясь на Полонского, начал писать новое звено (т⟨о⟩е⟨сть⟩повесть) «Любовь Алпатова». Разные мелкие свои книжечки, вроде как детские рассказы и «Башмаки» [8], не посылаю вам, потому что противно, небрежно издают у нас, с такими ошибками, и, право, гораздо легче в Госуд⟨арственном⟩ издательстве денег добиться, чем корректуры, другой раз о стену начинаешь головой биться от злости на небрежность, посмотрите, даже у Воронского в «Красной нови» какая масса ошибок, чуть не на каждой странице, получат рукопись и наплевать на автора. К слову: у вас в «Роде Артамоновых» с корректурой тоже неблагополучно почему-то вышло, а в других книгах хорошо. Вся моя публика, конечно, в восторге, что вы ее вспомнили.

Будьте же здоровы, дорогой человек!

Ваш Михаил П р и ш в и н

В АГ хранится вариант этого письма Пришвина Горькому от 1 апреля 1926 г. Видимо, по ошибке Пришвин послал Горькому оба письма. Они были получены и прочитаны Горьким, о чем свидетельствуют его пометы.

[1] Имеется в виду роман К. Гамсуна «Соки земли».

[2] Слова: «это могли бы написать и французы», Горький подчеркнул красным карандашом и в письме к Федину от 23 апреля 1926 г. так отозвался на замечание Пришвина: «Он ⟨Пришвин.— *Ред.*⟩ по поводу „Безответной любви“ пишет мне: „Это и французы написали бы“. Чувствуете высоту тона? Знай наших! А для меня его „и французы“ — лучший комплимент, какой я когда-либо слышал» (т. 29, № 821).

[3] В упомянутом выше варианте письма от 1 апреля 1926 г. Пришвин говорит по поводу «Рассказа о необыкновенном»: «...но при всей значительности „Рассказ о необыкновенном“ мешковат, перегроможденный, не прозрачный и стройный, как „Отшельник“» (АГ).

[4] «Заметки из дневника. Воспоминания».— Собр. соч., т. XVII. Л., Госиздат, 1926. Эта книга была послана Горьким Пришвину еще раньше с дарственной надписью: «Дорогому Михайлу Михайловичу Пришвину. А. П е ш к о в. Napoli. 20—III—26».

[5] Очевидно, подразумевается кружок писателей-символистов. См. письмо 4, прим. 2.

[6] В том же письме от 1 апреля 1926 г. Пришвин делился своими впечатлениями от посещения Москвы: «По всему заметно сильно возросло в Москве значение нас всех, „стариков“, но я замечаю то же самое и в других сферах и особенно в деревенском хозяйстве. Я, однако, надеюсь, что после некоторой заминки молодежь начнет проявлять свои новые таланты. Заминка в литературе оттого, что формируются новые огромные читательские массы: все силы идут в количество. Недавно читал о себе: „с каждой новой вещью молодой талантливый писатель М. Пришвин делает все новые и новые успехи“. Читай: „Пришвин все такой же, а читатели делают успехи“» (АГ).

[7] О Воронском см. Горький — Гладков, письмо 7, прим. 7.

О Полонском см. Горький — Гладков, письмо 15, прим. 2.

[8] Михаил П р и ш в и н. Башмаки. Исследование журналиста. М.—Л., Госиздат, 1925.

12

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

г. Сергиев Моск⟨овской⟩ губ.
Комсомольская, 75. ⟨10 сентября 1926 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович,

читая вашу книгу «Воспоминания»[1], я писал вам, и это писание разрослось почти в книгу: потому и не послал.

Только что вышла моя новая книжечка «Родники» [2], и я рад этому малому, чтобы ответить на ваше добро. В глуши, в одиночестве многое из вами написанного крепко в меня залегло, без помехи вошло и живет. Мне хотелось бы, чтобы «Родники» заменили вам письмо от близкого человека с родины, которую вы бесконечно любите и за то, подчас, и ругаете здорово.

Конечно, это не работа, а работка, но я все надеюсь, что мне скоро удастся сделать нечто большее [3].

Не хворайте, Алексей Максимович, я один из любящих вас и жизнь, больше всего желаю вам здоровья.

Михаил П р и ш в и н

10/IX -- 26.

Буду жить теперь постоянно в Сергиеве [4].

[1] См. письмо 11, прим. 4.

[2] «Родники Берендея». М.— Л., Госиздат, 1926.
Пришвин послал Горькому эту книгу с дарственной надписью: «Максиму Горькому с глубоким уважением и братской любовью. Михаил П р и ш в и н. 8/IX.26 г. Сергиев» (ЛБГ).

[3] В ответном письме от 22 сентября 1926 г. Горький писал: «Я думаю, что такого природолюба, такого проницательного знатока природы и чистейшего поэта ее, как вы, М. М., в нашей литературе — не было. Догадывался я об этом еще во времена „Черного араба", „Колобка", „Края непуганых птиц", окончательно убедился, читая совершенно изумительные „Родники"» (т. 29, с. 476).

[4] В г. Сергиеве (с 1930 г.— Загорске) Пришвин жил в 1926—1937 гг.

13

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

3/X 26. Сергиев, Комсомольская, 75.
Моск⟨овской⟩ губ.

Ваше письмо [1], Алексей Максимович, о «Родниках» все равно, как и мое об «Отшельнике» [2], говорит, если не о близости верований, то во всяком случае о близости переживаний и духовных опор. Разве у вас-то мало этого, что вы называете «гео-оптимизмом»?[3] Я бы предложил только другое название. Вы знаете, есть прекрасное латинское слово вашей второй родины Италии vita, наверно слышали, что есть еще и виталин, жизненное вещество, которое находится на свежих фруктах в саду и разлагается, как только эти фрукты выносят из сада, так что во фруктах продажных в городах уже нет виталина. Почему бы нам с вами и другим близким нам не назваться виталистами. Сознаю, что в *витализме* [4] (как во всяком *изме*) уже нет виталина, но если название необходимо, если у нас не одно только название, а есть и сама vita, то чего бояться?

Вчера были у меня Яковлев и Григорьев [5]. Мы все трое не читали друг друга, но почему-то отлично знали удельный вес каждого как писателя. Вот у вас этого нет: вы всех читаете и любите малое в частностях, восторгаясь, выходя из себя,— вы любите литературу в миллион раз больше, чем себя. Этого духа нет в Москве. Если бы не было вас и нескольких чудаков «виталистов», да вот еще русских мужиков, да... впрочем, самого

ГРИГОРИЙ И АЛЕША

Рисунок (карандаш) Б. А. Дехтерева к повести Горького «Детство», 1935 г.

Музей Горького, Москва

виталина, не стоило бы марать бумагу. Вот почему я написал Воронскому благодарственное письмо, когда он назвал вас «первым писателем» [6] (вам приходится потерпеть эту марку на себе из-за нас).

Я написал это предисловие вот зачем. Я хочу издавать собрание своих сочинений. Хотелось бы, чтобы вы написали вступительную статью [7]. Эта статья в интересах издательства и вместе с тем в моих карманных интересах. Но, если бы я не имел доказательств вашей любви к себе, если бы не было «Детства», «Отшельника», Автоб〈иографических〉 рассказов, я бы никогда не обратился к вам с просьбой. Вот зачем я написал предисловие. Ваша статья не будет «предисловием» (во избежание неловкости: один писатель рекомендует другого). Предисловие напишет маленький человек Замошкин [8], а ваша вступительная статья будет сигналом к собирателям виталина. Вы знаете, что сейчас торжествует «международный писатель» (Эренбург, Пильняк и друг.), все они талантливые, быстрые, умные люди, но они принципиально борются с виталином. Напишите ж не для меня, а через мою голову, как собиратель человека на русской земле. Я не скрываю, мне это на пользу в том смысле, как Розанов писал вам («творожку, творожку, Максимушка»[9]). Вас это не затруднит, вы всё мое прекрасно знаете, у вас это отнимет времени немного больше, чем письмо ко мне. Я посоветовался с членом правления издат〈ельства〉 «Никитинск〈ие〉 субботники» Яковлевым, он очень одобряет и неловкости никакой не находит. Если не вы, то должен писать Воронский («собрание» рассчитано на библиотеки, и потому кто-то должен писать). Его имя тоже помогает продвижению, но по-другому, и это другое мне чуждо, как-то неловко. Но мне положительно будет приятно (без творожку), если будет напечатано: «Сочинения Михаила Пришвина с предисловием Замошкина и вступительной статьей Максима Горького». Для опыта я выпущу в эту зиму только два тома, может быть три. Жду вашего отказа или статьи и, как только от вас будет получен ответ, приступлю к изданию.

После вашего письма я перечитал «Родники», и они мне понравились больше. Дал Григорьеву прочесть. Очень хвалит. Через месяц в Госиздате выйдет «Юность Алпатова» вместе с «Курымушкой»; как звено 4-е «Кащеевой цепи». Эта «Юность» меня раздражает: она «рациональна», скучновата, необходима, однако, перед звеном «Любовь» [10]. Я должен создать в этом лучшую вещь, и вот выйдет роман с окончанием на худшем. Но я не могу не печатать: необходимо было купить себе жилище, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ иначе с собаками (четыре) меня никуда не пускали. А «Любовь» эту хочу написать так, чтобы избежать в ней ошибок моей действительной любви: я не понимал в юности, что женщине, которую любишь, надо *служить*.

Но, боже, как я усложняю свое писание, как далеко все от современности, как трудно об этом говорить, не написав, и какое это чудо выходит, когда напишешь против всего и обретешь друзей, вроде как вышло с «Родниками». Жена моя, прочитав вашу трудную жизнь, всегда говорит как о родном человеке. Сын Лев поступил в университет на этнографический факультет, Петька [11] пойдет на Высшие охотничьи курсы.

Ну вот, пока всё. Не хворайте.

Ваш М. Пришвин

Алекс⟨ей⟩ Макс⟨имович⟩, а как здóрово можно написать вам о виталинето, соберите свою веру в моем и ахните манифест виталиста, самого главного нашего виталиста Горького. К случаю выйдет. Люди наши жаждут виталина.

[1] Письмо Горького от 22 сентября 1926 г. (т. 29, № 834).

[2] См. письмо 9.

[3] В письме от 22 сентября 1926 г. Горький писал Пришвину: «Когда-нибудь некий философствующий критик будет писать о вашем „пантеизме“ или „панпсихизме“ или „гилозоизме“ и замажет человеческое лицо ваше патокой похвал или горчицей поучений. А для меня вот вы теперь, *в этот день* утверждаете совершенно оправданный, крепко вами обоснованный геооптимизм, тот самый, который — рано или поздно — человечество должно будет принять как свою религию» (т. 29, с. 477).

[4] На полях письма рукою Горького сделана приписка: «Правильнее: виталинизм».

[5] Писатели А. С. Яковлев и С. Т. Григорьев.

[6] А. Воронский. О Горьком.— «Красная новь», 1926, № 4. Статья посвящена выходу в свет тт. XVI, XVII, XVIII и XIX Собр. соч. Горького (М., Госиздат, 1924—1926).

[7] Горький выполнил просьбу Пришвина. Его статья («О М. М. Пришвине»), написанная в виде письма к Пришвину, была первоначально напечатана в «Красной нови», 1926, № 12, а затем перепечатана с небольшими изменениями в Собр. соч. Пришвина, т. I. «Охота за счастьем». М.— Л., Госиздат, 1927.

Публикация в «Красной нови» сопровождалась следующим примечанием Пришвина:

«Алексей Максимович написал это для собрания моих сочинений, которое скоро я думаю выпустить в свет. Письмо Горького вышло из целого ряда писем, которые писал он мне по поводу моих книг. Известно, что Горький не мне одному пишет письма о книгах, он самый внимательный читатель и пишет их не по-дурному, а по-хорошему, так что всегда от них остается: не по милу хорош, а по хорошему мил.

„Статья“ эта так искусно написана, что восторженно-преувеличенное отношение автора к моим писаниям как-то совсем не стесняет, вероятно потому, что преувеличение идет в сторону правды, где нет ни больших ни маленьких писателей, а только поток общечеловеческих творческих сил.

Михаил Пришвин»

[8] Николай Иванович *Замошкин* (1896—1960) — литературовед и критик. Статья Замошкина «Писатель Берендей» была помещена в т. I Собр. соч. Пришвина (М., Госиздат, 1927).

[9] Пришвин ошибся. Фраза: «творожка хочется...» содержится в письме *З. В.* Розанова к Д. С. Мережковскому (декабрь 1918 г.), опубликованном вместе с письмом Розанова к Горькому от 20 января 1919 г. в «Вестнике литературы», 1919, № 8: «Целую, обнимаю вместе с Россией, несчастной и горькой. Творожка хочется, пирожка хочется ⟨...⟩ Вот мера вещей. Господи, неужели мы никогда не разговеемся больше душистой русской пасхой ⟨...⟩ Сливаться — так сливаться в бытии, сразу маслянисто и легко» (стр. 13—14).

[10] «Любовь» — пятое «звено» романа «Кащеева цепь». «Новый мир», 1927, №№ 1, 11, 12. В Собр. соч. Пришвина 1927—1930 гг. (М., Госиздат) это «звено» было названо «Государственный преступник».

[11] Петр Михайлович *Пришвин* (р. 1909) в 1929 г. окончил Высшие охотничьи курсы. В настоящее время работает заведующим Заболотским охотничьим хозяйством. «Выполнил мечту и наказ отца — соединить охотничью страсть с охраной и разведением животных на воле» (из письма П. М. Пришвина в Архив А. М. Горького от 18 августа 1959 г.).

14

ГОРЬКИЙ — ПРИШВИНУ

〈Сорренто. 17 октября 1926 г.〉

Дорогой Михаил Михайлович — статейке[1] я придал форму письма к вам, другой формы не нашел. Мне это писание о вас — не нравится, уверен, что не понравится оно и вам. Но все же посылаю «на предмет прочтения и критики». Писать было трудно, хвораю, правая рука болит, кашель одолел, и голова в тумане от нелепо-танцующей температуры.

По поводу «витализма» я хотел писать вам, что термин этот давно принят биологами, но вы сами вспомнили сие [2]. Но некоторые пишут не «витамин», а «витамин». Кажется, не совсем верно, что витамин *всегда* находится на коже фруктов, апельсины содержат его в соке своем. Так же и некоторые сорта абрикосов, как утверждает один американец-плодовод [3].

В «Башмаках» [4] — стр. 68, 8—9 стр〈оки〉 снизу — говорится о том, что «женщина дает тон художественной промышленности». Вне всякого сомнения — так. Но я думаю, что «экономистам» невыгодно подчеркивать сей факт. А вот был у нас весьма оригинальный мыслитель Н. Ф. Федоров [5], так он доказывал, что не токмо *вся* промышленность, но и вся цивилизация — дело женщины. «Женщина и провоцируемая ею половая сила» создает этот строй «изнеживающий и развращающий, ведущий к вырождению и вымиранию». Господство женщины Фед〈оров〉 называл «не тяжелым, но губительным», а мир социальный рассекал не на богатых—бедных, а на ученых — неученых. «Это разделение,— говорит он,— составляет самое великое бедствие, несравненно большее, чем распадение людей на богатых и бедных». Интереснейший старик. Мне у него ценна и близка проповедь «активного» отношения к жизни [6].

Читали вы роман Клычкова «Чертухинский балакирь»? Вот — неожиданная книга! Это — 1926 г. в коммунистическом и материалистическом государстве! А того неожиданнее — предисловие Лелевича [7].

Да — «Крепок татарин — не изломится!
А и жиловат, собака,— не изорвется!»

Это я цитирую Илью Муромца в качестве комплимента упрямому россиянину.

Будьте здоровы.
А. П е ш к о в

17.X.26.

[1] См. письмо 13, прим. 7.

[2] 6 октября 1926 г. Пришвин писал Горькому: «Дорогой Алексей Максимович, вдогонку к письму от третьего дня посылаю это, потому что в тот час, когда я писал вам, помрачен был у меня разум. Я вас просил о витализме написать, совсем упустив из виду, что „витализм“ уже существует у биологов, как нечто совсем другое, что сам же об этом когда-то слушал в Берлине лекции» (АГ).

[3] Горький имеет в виду Лютера Бербанка (1849—1926). О Бербанке как о плодоводе-«чудотворце» Горький писал в статье «Музыка толстых».

[4] См. письмо 11, прим. 8.

[5] Николай Федорович *Федоров* (1828—1903) — философ-мистик. Значительная часть написанного Федоровым была опубликована после его смерти Н. П. Петерсоном и В. А. Кожевниковым под заглавием «Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Н. Ф. Федорова» (т. I. Верный, 1906; т. II, Москва, 1913).

Взгляд Федорова на роль и значение женщины в буржуазном обществе Горький изложил в статье «О женщине» (см. т. 25, с. 161—162).

[6] Реакционная в целом философия Федорова вместе с тем привлекала внимание Горького отдельными своими положениями, в частности признанием громадной роли науки в преобразовании стихийных сил природы. В статье «Еще о механических гражданах» (1928) Горький писал: «Среди множества его ⟨Федорова⟩ оригинальных домыслов и афоризмов есть такой: „Свобода без власти над природой — то же, что освобождение крестьян без земли". Это, на мой взгляд, неоспоримо» (т. 24, с. 454).

[7] В пронизанном фантастико-мистическими мотивами романе «Чертухинский балакирь» (М.—Л., Госиздат, 1926) С. Клычков противопоставил новым социалистическим преобразованиям устои патриархальной крестьянской жизни. Горького поразило, что предисловие к этой книге, в целом одобряющее ее, было написано одним из наиболее воинствующих «напостовцев» Г. Лелевичем. В личной библиотеке Горького хранится экземпляр романа «Чертухинский балакирь» с пометами на полях статьи Г. Лелевича.

15

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

⟨Сергиев. Конец октября 1926 г.⟩

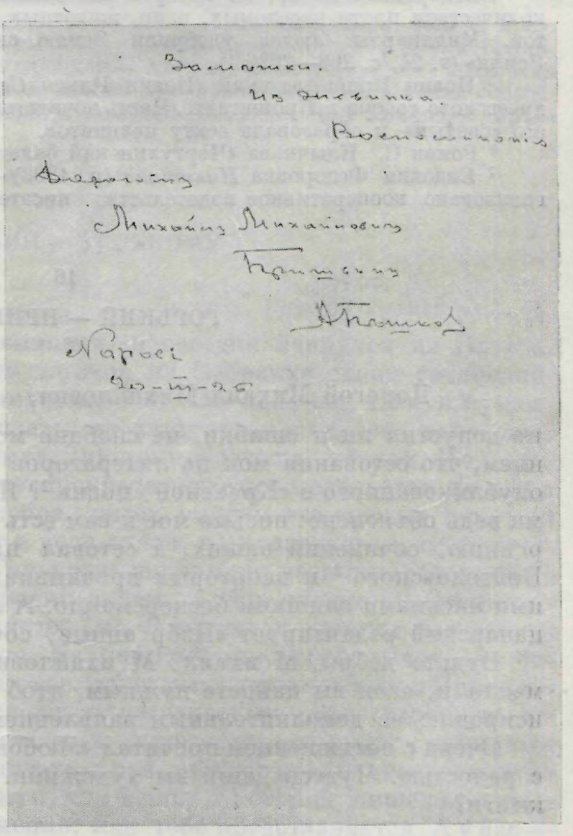
Дорогой Алексей Максимович, ну, какой я писатель, если не оставляю себе копий своих писем! Послал вам письмо о статье, в котором, помнилось, сослался на розановское письмо («творожку, творожку бы, Максимушка») [1], и вот все думал и боялся, как бы из-за этого не вышло какой осечки. Иногда это у меня в переписке бывает, напишешь в скорости, не обдумав, а там недопоймут, и так бог знает что получается. Вот, к примеру, о женщине я написал, что ей надо *служить*, и смутил вас так, что вы Федорова припомнили. Я Федоровым сам увлекался когда-то, но потом охладел, и это охлаждение как раз совпало с одним обстоятельством, которое узнал я от кого-то о Федорове, что он был истинный бытовой аскет, вши у него были в большом количестве, и спал он на досках, а между тем служил в Румянцевском музее [2]. В «Отшельнике» вошь очень к месту (я сам на охоте постоянно вшивею), а в Музее... так та́к мне противно стало (хотя вшивый холостяк приятнее очень чистого), и с тех пор я смотрю на Федорова только краешком глаза (переживаю в себе идею «воскрешения отцов») [3]. Я знаю мысль его и о женщине и до сих пор ею волнуюсь. Я подсунул ее (бессознательно) в «Башмаках», но не считаю, что она опасна в умах наших «экономистов», наши экономисты сами подчинены «экономической необходимости», и чему быть, то будет несмотря ни на что. Я же написал вам «*служить*» вот в каком смысле. Я по природе своей однолюб и, как водится, женщину эту свою единственную упустил и взамен этого стал заниматься легендой. Но когда я почуял впервые шевелящуюся в себе силу в искусстве писать, то это было очень похоже на любовь, и я сказал себе: «ну, теперь, это уж не упусти». Вот я это и выдумал себе тогда, что надо ей (литературе и жизни) *служить*. А когда вам второпях написал, то вышло, что надо бабе служить. Чёрта с два, дамся я бабе!

Ну, вот продолжаю о «творожке». Жена моя, человек здравого народного смысла, успокаивала меня и говорила напротив, что о «творожке» я очень хорошо помянул. Третьего дня лег отдыхать среди дня (встаю всегда в 4 утра), жена будит меня словами: «письмо от Горького и, кажется, с творожком».

Вчера вечером Григорьев зашел, читали вслух. Григорьев сказал, что это не только хорошо и значительно, а и ново для вашего творчества, в этом роде у вас не было. Написано, как декларация. Заметьте это между прочим, оба мы согласились, что едва ли вы к нам теперь поедете. А это вышло из того, что такие декларации создаются уже в горах и текущее таких людей не удовлетворяет (пережито). В одном месте Григорьев прицепился, считает, что «Вернадский» утяжеляет наукостью [4], но я не согла-

сен, совершенно не согласен; Вернадский нужен для гумуса непременно. Да, это «творожок» настоящий. Вот это приятно иногда сходится, когда там, в небесном, согласен и любишь, а на земле во всей своей наивности под этим местом лежит творожок. Григорьев хорошо сказал еще, что Горькому Пришвин оказался поводом высказаться, так что это не предисловие, а творчество и о Пришвине, но никак не за счет Пришвина. Вот это прекрасно! И мне понравился намек на линию «по хорошему», т⟨о⟩ е⟨сть⟩ что Пришвин может быть и не велик, да дело-то его велико. Это меня спасает от неприятного чувства, когда хвалят за что-то, сами не зная за что, какого-то Иоанна Кронштадтского [5] делают. А как я согласен с вами, и как это я сам никогда не мог осознать в себе разницу свою с обыкновенными пейзажистами в литературе. Меня тоже всегда *стыдил* пейзаж в романах. (А почему-то у Гамсуна все хорошо о природе.) Меня отбросила жизнь в природу, я спасался в ней, п⟨отому⟩ что не хотел вступать в мещанский брак с электричеством. Но я никогда, нигде не кидался со злобой на цивилизацию и считаю это вульгарностью не меньшей, чем простой мещанский брак с электричеством. Вот почему, зная лично Клычкова, я никак не могу приняться за чтение его романа «Балакирь» [6]. Знаю вперед, что непременно талантливо, но вихрасто, неврастенично. Тему эту я знал, она внутри меня, она не использована в русс⟨кой⟩ литературе, и появление такой книги есть новое доказательство, что гений наш человеческий не может быть уничтожен, а если он бывает подавлен, то выпрет свое, не считаясь с эпохой.

Хотел издавать «Собрание» у Никитиной [7] — не советуют. В Госиздате очистится для меня место только месяца через $1^1/_2$, написал в «Прибой». Сейчас получил приглашение от Ленгиза. Выговорю вам гонорар, как Горькому. Очень возможно, что вы теперь и нуждаетесь, напечатать



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГОРЬКОГО М. М. ПРИШВИНУ НА XVII ТОМЕ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ (ГИЗ, 1926):

«Заметки. Из дневника. Воспоминания Дорогому Михайлу Михайловичу Пришвину А. Пешков. Napoli, 20—III—26»

Собрание В. Д. Пришвиной, Москва

можно и до собрания,— еще, значит, гонорар. Я пишу так свободно о «напечатать», не говоря о вашем согласии, ⟨потому⟩ что ваши даже просто письма частные печатают: так повелось.

Я посоветуюсь, когда буду в Москве. Полонский уговорил меня бросить все мелочи и засесть за «Любовь Алпатова» (5-е звено «Кащеевой цепи»), дал денег — я сел.

Вот какое длинное письмо написал, а далеко не высказал всего, что пришло мне в голову, читая ваш манифест Мужа Земли. Я еще напишу вам об этом не раз. Вы сказали «трудно было писать», все, дорогой мой, хорошее трудно: трудно было, потому что это действительно трудно так сильно сказать и как-то далеко расшвырнуть от себя все мелочи, связанные с писанием предисловия. Мне очень легко на душе стало от себя самого, когда я прочел. Никак не думал, что жизнь так близко с вами сведет. Это не предисловие, а награда какая-то. Счастливый я человек. Крепко любящий вас

Михаил П р и ш в и н

Датируется по письму 14.

[1] См. письмо 13, прим. 9.

[2] Н. Ф. Федоров был заведующим Каталогом Московской публичной библиотеки при Румянцевском музее.

[3] В мистической утопии Федорова овладение силами природы должно было привести к воскрешению умерших предков.

[4] Речь идет о статье Горького «О М. М. Пришвине». Академик Владимир Иванович *Вернадский* (1863—1945) — выдающийся геохимик и минералог. В статье о Пришвине Горький писал о Вернадском: «Замечательный русский ученый Вернадский талантливо и твердо устанавливает новую гипотезу, доказывая, что плодородная почва на каменной и металлической планете нашей создана из элементов органических, из живого вещества ⟨...⟩

Плодородная почва, из которой мы добываем хлеб, образована неисчислимым количеством плоти насекомых, птиц, животных, листвою деревьев и лепестками цветов. Миллиарды людей удобрили Землю своей плотью; поистине, это — наша Земля» (т. 24, с. 266—267).

[5] Иоанн Кронштадтский (Иоанн Ильич *Сергиев*, 1829—1908) — протоиерей Андреевского собора в Кронштадте. Часть почитателей Иоанна Кронштадтского объявила его «святым» и образовала секту иоаннитов.

[6] Роман С. Клычкова «Чертухинский балакирь». См. письмо 14, прим. 7.

[7] Евдокия Федоровна *Никитина* (р. 1893) — литератор. В 1922 г. ею было организовано кооперативное издательство писателей «Никитинские субботники».

16

ГОРЬКИЙ — ПРИШВИНУ

⟨Сорренто. 25 января 1927 г.⟩

Дорогой Михаил Михайлович,

не допустил ли я ошибки, не снабдив мое письмо в «Известия» [1] указанием, что сетования мои на литераторов не имеют в виду письма к вам, опубликованного в «Кр⟨асной⟩ нови» [2]? Я не сделал этого потому, что вами ведь объяснено: письмо мое к вам есть предисловие, написанное к Собр⟨анию⟩ сочинений ваших, а сетовал на Ф. Гладкова, Всев. Иванова, Войтоловского [3] и некоторых провинциалов, которые обращаются с моими письмами слишком бесцеремонно. А затем хотелось сказать, что Луначарский редактирует «Избр⟨анные⟩ сочинения» действительно плохо [4].

Будьте добры, М⟨ихаил⟩ М⟨ихайлович⟩, ответить на мой вопрос немедля и, если вы найдете нужным, чтоб я ошибку исправил,— немедля исправлю ее дополнительным заявлением в «Известия».

Вчера с восхищением прочитал «Любовь», да и все мои читают ее также с радостью. Чудеснейший вы художник. Когда же и где выходят ваши книги?

Особенно значительны те страницы «Любви», где вы изображаете тюрьму. Плохо редактируется «Н〈овый〉 м〈ир〉»,— Гладкова не следовало помещать рядом с вами [5], «невыгодно» это для него.

Расхворался, едва избежал воспаления легких. Очень рассердился на себя за нездоровье, на англичан за интервенцию в Китай [6], потому что ведь эта посылка флота, конечно, начало интервенции и может явиться началом новых безумий, пред силою которых поблекнут и 14—19 года.

Жить далее становится трудновато, очень уж обалдели люди здешние.

Сердечный привет. Будьте здоровы.

А. Пешков

25.I.27. Sorrento.

[1] В письме в редакцию газеты «Известия», опубликованном 19 января 1927 г., Горький протестовал против публикации его частных писем писателям: «Я просил бы собратьев по перу 〈...〉 не ставить меня при жизни в смешную и неудобную позу человека, как бы раздающего „патенты", „удостоверения" и т. д.» (т. 30, с. 7).

[2] См. письмо 13, прим. 7.

[3] Имеются в виду публикации писем Горького Ф. В. Гладкову («Учительская газета», 1926, № 49, от 11 декабря), Вс. Иванову (в статье М. Ольшевца «Писатель в одиночестве. Почему?» — «Известия», 1927, № 1, от 1 января) и Л. Н. Войтоловскому (в предисловии Д. Бедного к книге Л. Войтоловского «По следам войны», т. II. М.—Л., Госиздат, 1927, стр. 3). См. Горький — Гладков, письмо 14, прим. 2.

[4] В указанном письме от 19 января 1927 г. в редакцию «Известий» Горький критиковал издававшиеся в серии «Русские и мировые классики» под общей редакцией А. В. Луначарского и Н. К. Пиксанова сборники избранных произведений Н. С. Лескова, Г. И. Успенского и В. Г. Короленко.

[5] В «Новом мире», 1927, № 1, начали печататься пятое «звено» романа «Кащеева цепь» — «Любовь» и повесть Ф. Гладкова «Старая секретная» — произведения тематически близкие, изображавшие революционеров в царской тюрьме.

[6] Концентрация английских военных кораблей с середины января 1927 г. в китайских водах была вызвана успешным наступлением революционной армии Китая. В марте 1927 г. империалистические державы — Англия, США и другие — подвергли г. Нанкин ожесточенной бомбардировке. Нажим империалистической реакции способствовал контрреволюционному перевороту, который совершил Чан Кай-ши в апреле 1927 г. в Шанхае.

17

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

2/II 27.
Сергиев, Комсом〈ольская ул.〉, 75.

Дорогой наш Алексей Максимович, я сегодня вернулся из Питера, куда ездил в Ленгиз заключать договор на Собрание своих сочинений. Принялся за письмо к вам и в этот момент от вас получил. Нет, я думаю, специально о〈бо〉 мне вам писать не следует, маленькое это дело, не стоит заряда, умные так поймут, глупые поболтают, пустяк. Но очень хорошо, что написано, это сразу прекратит все посягательства на ваши письма. Однако нет худа без добра, очень многим эти письма открыли глаза на вашу огромную работу в деле связи, на поразительную отзывчивость вашего сердца. «Письма Горького» наполнили весь литерат〈урный〉 мир, всюду слышишь: «а вот Горький пишет...» Мое письмо (к Сочинениям)[1] и дурак поймет,— отдельное письмо. Я его читал десятки раз всем и убедился, что оно замечательное. Иванов-Разумник сказал: «да, это замечательно, это Горький!». И так все, даже несогласные с вами. Впрочем, в отдельных местах и я принадлежу к несогласным, напр〈имер〉, я думаю, что нет художника без того, что в философии называется «наивным реализмом». Правда, чтобы написать о чем-нибудь, нужно довертеться до такого состояния, когда поверится, что вещь, о которой пишешь, существует помимо тебя и такой именно, как тебе представляется. А у вас —

идеализм, пахнет даже кантианством [2]. Из этого идеализма получается и тот «человек» без земли и неба, который давно уже поселился в среде русской интеллигенции. Правда, в том же письме вы этого «человека» наливаете соками земли, но выходит противоречиво. А в конце концов оказывается дело не в философии, а в самом Горьком, важно, что тут Горький сам. Ни одна статья о себе не доставила мне такой радости, как ваша, честное слово, я первый раз в жизни почувствовал, что я что-то в самом деле написал.

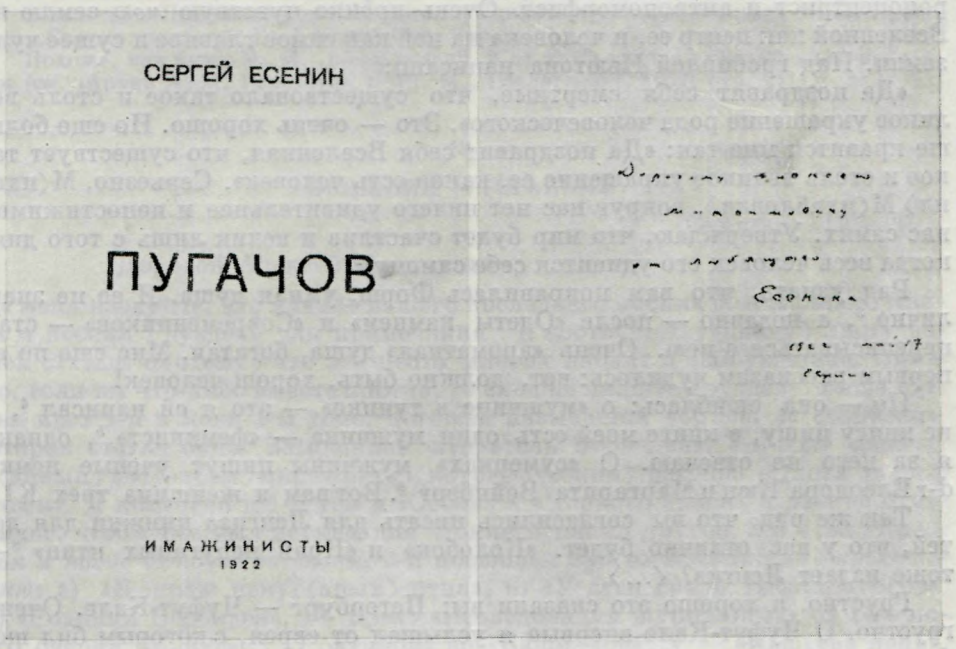
Удачный договор с Ленгизом основан в значительной степени на вашей устной и письменной пропаганде моих писаний. Теперь, если только не будет войны, которая сметет всю нашу литературу, я, первый раз в жизни, могу заниматься литературой, а не добыванием средств существования посредством литературы. Подумайте, ведь даже «Любовь», как я писал: под аванс и к сроку. Нет, Полонский прекрасный редактор. Но с Гладковым наше соседство вышло случайно. Я принес «Любовь» в редакцию, когда номер был уже сверстан. Полонский прочитал, не сходя с места, и велел приверстать мой роман. Спасибо ему! Вот у многих умных людей при чтении моего рассказа вырывается восклицание: — удивительно! Кому нужна такая литература, кто ею заинтересован! В конце концов, объясняют всё моей виртуозностью как художника. Так, помню, в религ⟨иозно⟩-фил⟨ософском⟩ собрании попы, не имея в себе ничего для возражения Розанову на его доклады о «Иисусе сладчайшем», говорили о «художестве» Розанова: «с худож⟨ественной⟩ стороны верно, а с другой...» и т. д.

Мне очень хочется написать вам немного о моих впечатлениях в Питере, где я не был 10 лет! Меня сразу обступили мертвецы, город мне представился огромным музеем, люди показались случайными. А когда я стал рассказывать об этом, никто не понимал меня, п⟨отому⟩ что на их же глазах к 700 тыс. жителей прибавился миллион. Кроме того, у них уже сложился свой маленький, местный, совершенно особенный и новый патриотизм. И у писателей особенно. В Москве я уже совсем было отвык от литерат⟨урной⟩ среды. В Питере сохранились хорошие литер⟨атурные⟩ традиции. Все переменилось: Москва стала деловой, в Питере говорят «по душам». Мы особенно сошлись в этот раз с О. Д. Форш. Мне весьма по душе эта женщина, в своей великой борьбе с нуждой сумевшая все победить: и детей воспитала прекрасно, и сохранила, пронесла в чистоте свою любовь к искусству слова. По-моему, она в Питере самый интересный человек. Не знаю, может быть, и потому, что все-таки заметно чувствуется в молодежи налет собачьей старости. Трое суток мы беседовали с Форш безотрывно, и я пришел к выводу, что право на занятия антропософией можно давать только людям, испытавшим физическую любовь и построившим хорошие семьи. Точно так же думаю о романтизме: что романтизм, проведенный через горнило жизни, превращается в мудрость и что, вероятно, и нет мудрости без предшествующего ей романтизма.

Я от Форш узнал, что вы пишете о женщине («мужчина зашел в тупик») [3]. Пошли вам бог силы совершить сей подвиг! У меня по этому поводу, однако, возникает так много своих дум, что я боюсь писать: не кончишь, как было со многими письмами к вам. Кого-кого ни повидал: между прочим, какого-то Старка [4], который подробно рассказал, как и сколько вы пишете в день писем (интересная для всех загадка). Посетил и Марсово поле, где мы с вами ехали в 17 году на извозчике и вы мне восторженно говорили о громадном памятнике [5]. Теперь я не сразу нашел этот памятник, такой он низкий. Но эти камни все-таки производят какое-то впечатление, я долго думал, что же это такое и, наконец, вспомнил: это похоже на караимское кладбище Чуфут-Кале [6]. Сейфуллина

в Питере — это вроде как прежде Зинаида Гиппиус. Я и у нее побывал, а передо мной был один из виднейших лиц, написавший перед этим хулиганскую статью о Есенине [7]. Он приезжал справиться, как думает литер⟨атурный⟩ мир о его статье. Мне показалось это хорошим поступком и отбавило во мне немного горечи и возмущения и унижения, причиненных мне этой, наверно и вам известной, статьей.

Но какой же все-таки это прекрасный город! Как хорошо в нем теперь жить художнику, истинному владыке этого мирного Чуфут-Кале.



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ С. А. ЕСЕНИНА ГОРЬКОМУ НА ПОЭМЕ «ПУГАЧЕВ» (М., 1922): «Дорогому Алексею Максимовичу от любящего Есенина. 1922, май 17, Берлин»
Личная библиотека Горького

Я счастлив, что побывал в нем и уехал из него, «вспоминая милых умерших, но втайне радуясь сердцем, что сам остался в живых».

Простите меня за болтовню. Кончайте роман и к нам. У нас для писателя есть два чудеснейших города: Питер и Сергиев. Низко вам кланяюсь.

М. Пришвин

Ваша статья пойдет при 1-м томе («Охота»), выйдет в свет 1-й том в апреле. Мне очень хорошо на душе, дорого очень и очень, что вы открываете мою выставку.

[1] См. письмо 13, прим. 7.

[2] Пришвин, вероятно, имеет в виду слова Горького о том, что человек «сам, силою воображения своего» вносит красоту в мир природы (см. т. 24, с. 265).

[3] См. Горький — Форш, письмо 9.

[4] Леонид Николаевич *Старк* (р. 1891) — поэт, знакомый Горького.

[5] Речь идет о надгробном памятнике борцам революции, созданном в 1917—1919 гг. по проекту архитектора Л. В. Руднева. Памятник расположен в центре Марсова поля.

[6] Караимский мертвый город Чуфут-Кале в Крыму изображен Пришвиным в очерках «Славны бубны» (1913) в гл. VI (Трагикомедия).

[7] Речь идет о статье Н. Бухарина «Злые заметки» («Правда», 1927, № 9, от 12 января).

18

ГОРЬКИЙ — ПРИШВИНУ

‹Сорренто. 12 февраля 1927 г.›

Нет, сударь,— я не идеалист, я очень хорошо знаю, что «мир существует помимо меня», как вы пишете [1], и знаю, что он «именно такой, как тебе представляется» — это тоже вы пишете. Как же мне этого не знать, когда шишки на лбу, да и сердце избито. Канта — не люблю, и это именно он помещает человека вне «земли и неба», а я — геоцентрист, антропоцентрист и антропоморфист. Очень крепко чувствую *мою* землю во Вселенной как центр ее, и человека на ней как самое главное и сущее чудо земли. Над гробницей Ньютона написано:

«Да поздравят себя смертные, что существовало такое и столь великое украшение рода человеческого». Это — очень хорошо. Но еще больше нравится мне так: «Да поздравит себя Вселенная, что существует такое и столь великое украшение ее, каков есть человек». Серьезно, М‹ихаил› М‹ихайлович›, вокруг нас нет ничего удивительнее и непостижимей нас самих. Утверждаю, что мир будет счастлив и велик лишь с того дня, когда весь человек его удивится себе самому [2].

Рад узнать, что вам понравилась Форш, умная душа. Я ее не знаю лично [3], а недавно — после «Одеты камнем» и «Современников» — стал переписываться с нею. Очень «ароматная» душа, богатая. Мне еще по ее первым рассказам чудилось: вот, должно быть, хорош человек!

Но — она ошиблась: о «мужчине в тупике» — это я ей написал [4], а не книгу пишу, в книге моей есть один мужчина — «феминист» [5], однако я за него не отвечаю. О «сумерках» мужчины пишут ученые немки d-r Елеонора Кюн и Маргарита Вейнберг [6]. Вот вам и женщина трех К! [7]

Так же рад, что вы согласились писать для Ленгиза книжки для детей, что у вас отлично будет. «Колобок» и «Край непуганых птиц» [8]— тоже издает Ленгиз? ‹...›

Грустно, а хорошо это сказали вы: Петербург — Чуфут-Кале. Очень грустно. О Чуфут-Кале впервые я услышал от еврея, с которым бил щебенку на шоссе около Гази-Баир. Еврей был иронический, долго и прекрасно рассказывал мне о Чуфут-Кале, а когда я предложил ему: «пойдем туда», он, дьявол, сказал: «Такого города — уже нет». Бывало с вами такое? Наговорят много, а — ничего нет. Сейфуллина? Не верю я в Сейфуллину. И не чувствую в ней — в ее книгах ничего специфически женского,— всё — под мужчину. Скажете: это и есть «специфическое». Ну, я искал всегда другого, не только этого [9].

А что вы думаете о Борисе Зубилине? [10] Весьма увлекаюсь этим человеком, замечательно по-русски сделанным. Талантлив он — несомненно. Счастливые слова расцветают в душе вашей, М‹ихаил› М‹ихайлович›. Изумительно сказали вы в одном из писем: «Святые русские писатели Успенский» и др. [11] Очень хорошо, до трепета в душе.

Жму руку.
А. П е ш к о в

12.II.27.

[1] См. письмо 17.

[2] Эта часть письма цитируется в статье Пришвина «Мятежный наказ» (см. «Горький. Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком», под ред. И. Груздева. М.— Л., Госиздат, 1928, стр. 196—197).

[3] См. предисловие к переписке Горького с О. Д. Форш в наст. томе.

[4] См. Горький — Форш, письмо 9.

[5] Имеется в виду Макаров — персонаж романа «Жизнь Клима Самгина».

[6] Lenore K ü h n. Wir, Frauen (Ленора К ю н. Мы, женщины). 1925; Margarete W e i n b e r g. Das Frauenproblem im Idealstaat der Vergangenheit und der Zukunft. Ein Streifzug durch das Wunderland der Utopisten (Маргарита В е й н б е р г. Жен-

ская проблема в идеальном государстве прошлого и будущего. Путешествие по чудесной стране утопистов). Лейпциг, 1925.

[7] Т. е. Küche, Kirche, Kinder (кухня, церковь, дети) — популярный в буржуазной Германии афоризм о сфере женской деятельности.

[8] «В краю непуганых птиц».

[9] Впоследствии Горький изменил свое мнение о творчестве Сейфуллиной (см. Горький — Сейфуллина, письмо 4 и др.).

[10] Очевидно, Горький имеет в виду Бориса Михайловича Зубакина. Впоследствии отношение Горького к Б. М. Зубакину резко изменилось. См. Горький — Пастернак, письмо 5.

[11] В известных нам письмах Пришвина к Горькому таких слов нет.

В заметке о Пришвине Горький писал: «Удивительно хорошо сказал М. М. Пришвин: „Святые писатели Глеб Успенский, Гаршин".

Похоже, как будто М. М. „обмолвился", и от этого вышло очаровательно-искренно» (см. «Архив А. М. Горького», т. VI. М., Гослитиздат, 1957, стр. 211).

19

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

〈Сергиев.〉 2/IV — 27 г.

Дорогой Алексей Максимович,

вы меня извините, что начало вашего последнего письма об идеализме Канта я послал Груздеву для примечания [1] к соотв〈етствующему〉 листу вашей статьи, п〈отому〉 что это место многих вводит в заблуждение. Однако, если вы что-либо имеете против, то спешно пишите Груздеву. Ваша статья идет 1-й в моем 1-м томе, который называется *«Охота за счастьем»*. Вторая статья будет Замошкина «Писатель Берендей», 3-м идет напечат〈анный〉 в «Нов〈ом〉 мире» автоб〈иографический〉 рассказ «Охота за счастьем». Я поместил в 1-й том и «Собак» и «Черного араба» и разное охотничье, чтобы том был легким для чтения и тащил другое. 2-й т〈ом〉 *Колобок и новые детские рассказы*, 3-й посвящен *худ〈ожественному〉 краеведению*: а) «В краю непуг〈аных〉 птиц», б) «У стен града Невидим〈ого〉», в) «Родники Берендея», IV т〈ом〉 «Исследования журналиста» от 1-го моего очерка «Манифест 17 октября» до «Башмаков», V — «Кащеева цепь», VI — «Кащеева цепь», — «Любовь», которую теперь пишу [2].

Вот вам и весь я. Очень мало сделано. Надеюсь поправиться впереди в делах «Любви». Последние наши с вами письма задевают всё «женский вопрос» от Прекрас〈ной〉 Дамы до 3-х Ка [3]. Это понятно, п〈отому〉 что я пишу об этом и верчусь мыслью кругом, когда одна сторона покажется — пишешь так, другая — по-другому. И все это кручение происходит оттого, что не всякая женщина есть женщина и не всякий мужчина — мужчина, что физика редко совпадает с психикой и множество есть «людей лунного света». Притом же все и относительно. Вот, нап〈ример〉, хотя бы 3 Ка. Помню, вы были не в духе, должно быть. Я вам говорю с возмущением о немецком быте в Лейпциге, имея в виду 3 Ка. А вы мне на это отвечаете: — но ведь надо же устроить семью разумно? Да, совершенно верно,— это одно, и совершенно другое — любовь как путь к творчеству (я об этом пишу), и вообще — любвей без конца. Я же понял ваше «мужчина в тупике» через Форш, что вы беретесь поднять, вроде Розанова, женское плодящее чрево (конечно, не в смысле «плодовитости», а в святости жизни,— намеки есть у вас в «Человеке»). Мне кто-то говорил, будто бы Розанов сказал об «экономистах»: «они не знают, что бы сделали, если бы соединились со мной». Знаете, я будто и догадываюсь о значении этих слов — не пустые слова. А ваши слова «мужчина в тупике» я понимаю как «личность в тупике» (это правда ведь). Отсюда я и вывел заключение, что вы хотите романом своим сказать нечто совершенно новое в этой области (т〈о〉е〈сть〉, что довольно бы писать о концах личностей, хорошо бы попробовать безликое сделать личностью). Извините за путаницу, я до сих пор никак

не могу признать себя настоящим писателем и не болтать в письмах, которые, как видно, останутся документами (начхать, конечно).

Моя жизнь теперь складывается в Сергиеве почти так же, как ваша в Неаполе: расстояние до Москвы не меньше. Но у меня в моем собственном доме три окна на Вифанку («Лифанку»), по которой весь день в базарные дни едут берендеи. Кроме того, методически с женами ходим друг к другу с С. Т. Григорьевым, грешным делом, немножечко зашибаем и здорово разговариваем. Вокруг много интересных русских людей. Я себе легко представляю возможность увидеть вас за своим струганым столом, чего не могу сказать о своих прежних друзьях. Хотел бы вам послать замечательные книги, но боюсь, что у вас они уже есть. Я их назову, а вы в след⟨ующем⟩ письме черкните, есть ли они у вас:

1) Альбанов «Экспедиция Брусилова» [4], 2) Арсеньев «В дебрях Уссурийского края» [5], 3) Пантелеев и Белых «Республика Шкид» [6], 4) Смельницкий «Друг человека» [7]. 1-я — гениальна, 2-я — превосходна, 3-я — очень значительная и поучительная, 4-я — трогательна. Вышла в Гизе «Кащеева цепь» [8] («Курымушка» + «Юность Алпатова»). Досадная книга: без конца. Боюсь даже вам посылать. Но если надо — пришлю.

Будьте здоровы.
Ваш М. Пришвин

С некоторого времени все письма ко мне содержат хвалу вашей статье [9], от Воронского до какой-то учительницы из Челябинска.

[1] Письмо Горького от 12 февраля 1927 г. в примечаниях к статье «О М. М. Пришвине» не было использовано.

[2] Речь идет о Собр. соч. М. М. Пришвина в шести томах. М.— Л., Госиздат, 1927—1928, т. I. «Охота за счастьем», 1927; т. II. «Колобок», 1927; т. III. «Родники Берендея», 1928 (очерки «У стен града Невидимого» напечатаны в этом томе под названием «Светлое озеро»); т. IV — получил название «От земли и городов» (1928). Точное название «1-го очерка» — «Манифест в деревне» (впервые очерк был напечатан в газ. «Русские ведомости», 1905, № 312, 26 ноября); т. V. «Кащеева цепь», 1928; т. VI. «Кащеева цепь», книга вторая, 1928. Пятое «звено» романа «Кащеева цепь» напечатано под названием «Государственный преступник»; т. VII. «Журавлиная родина», 1930.

[3] См. письмо 18, прим. 7.

[4] В. И. Альбанов. Между жизнью и смертью. Дневник участника экспедиции Брусилова. Предисловие Н. В. Пинегина. М.— Л., Госиздат, 1926.

[5] В. К. Арсеньев. В дебрях Уссурийского края. Владивосток, «Книжное дело», 1926.

[6] Г. Белых и Л. Пантелеев. Республика Шкид. М.— Л., Госиздат, 1927.

[7] Ю. М. Смельницкий. Друг человека. Казань, 1925.

[8] Михаил Пришвин. Кащеева цепь («Голубые бобры», «Маленький Каин», «Золотые горы», «Бой»). М.— Л., Госиздат, 1927.

[9] См. письмо 13, прим. 7.

20

ГОРЬКИЙ — ПРИШВИНУ

⟨Сорренто. Середина апреля 1927 г.⟩

Дорогой Михаил Михайлович,

против примечания к статье, разумеется, ничего не имею, хотя решительно не помню, что я писал о Канте, которого не люблю. Ко всем моим мыслям о том, чего я не люблю, я отношусь небрежно, и они у меня не долговечны. А, вот, женщину, особенно — мать, люблю и думаю о ней непрерывно, отовсюду выклевывая курносым носом моим мысли для нее лестные. Недавно в книжке Богданова «Борьба за жизнеспособность» вычитал: «... по своему исходному составу клетки тела мужчины менее сложны, чем клетки тела женщины, а, значит, надо полагать, и биологически ниже» [1]. Богданова я давно и хорошо знаю, высоко ценю его, ибо он — ере-

тик, а — что лучше еретика, среди человеков? И вас люблю за еретичество.

Роман мой я еще не кончил [2] и не знаю, когда кончу, но уже почти уверен, что это будет книга тяжелая и неудачная. Женщин писать я не умею, и они будут у меня, наверное, похожи на портрет римского папы, написанный католиком-китайцем (такой портрет был на Миссионерской выставке в Ватикане в anno santo*) — папа-то косоглазенький и желтый вышел. Да. И вообще — парнишка я — бойкий, а таланта у меня — мало. Факт.

Возвращаясь к женщинам: уверен, что двадцатый век будет веком гинекократического движения. Мужик — изработался. Только считает талантливо: до Марса — 16 верст, клетка нервной ткани весит 0,000? микрона, расстояние от души до души человеческой 249 миллиардов световых лет и т. д.

«Республику Шкид» — читал, с авторами переписываюсь. Видели вы их? Какие славные, скромные и умненькие они, судя по письмам. Книга их меня обрадовала и потрясла — жутко. А как они монументально изобразили зав. школой Викниксора? Это — Пантелеев, он талантливее Белых, склонного к фотографированию словами.

Если пришлете Альбанова, Арсеньева и «Друга человека», буду очень благодарен.

«Кащееву цепь» — имею, но еще не перечитывал. Читаю я много, всю «текущую литературу», ох, не туда она течет! Отдыхаю на «Записках» ехидного Вигеля [3], на «Патерике печерском» [4], на пророках и вообще на старинке разной. Глаза болят, астма душит, иностранцы наседают — беда!

С. Т. Григорьеву — привет и поклон. Хорошего заряда человек.

Сергеев-Ценский издается в «Мысли» [5]; боюсь, не обидели бы его. Ему бы надо в Ленгиз, но сей последний опоздал предложить ему свои услуги. Хотите прочитать хорошую книгу? Возьмите Перес де Айала «Белярмин и Аполлонио», издат⟨ельство⟩ «Кубуч», 25-й год [6].

Крепко жму руку.

А. Пешков

Датируется как ответное на письмо 19.

[1] А. Богданов (псевдоним Александра Александровича *Малиновского*, 1873—1928) — философ, публицист и биолог. Участник революционного движения с девяностых годов; в период первой русской революции большевик, член ЦК РСДРП. Горький познакомился с Богдановым, по-видимому, в 1905 г., в период совместного сотрудничества в большевистской легальной газете «Новая жизнь». В годы реакции Богданов выступил с ревизией марксизма с идеалистических, махистских позиций, возглавлял антипартийную группу «Вперед», был одним из руководителей так называемой «Каприйской школы». После 1917 г.— один из организаторов и руководителей Пролеткульта. Последние годы жизни был директором Московского института переливания крови.

Горький цитирует книгу Богданова «Борьба за жизнеспособность» («Новая Москва», 1927, стр. 73). Книга хранится в АГ с пометами Горького.

[2] «Жизнь Клима Самгина».

[3] «Записки Филиппа Филипповича Вигеля». Издание «Русского архива», дополненное, с подлинной рукописи. Чч. 1—7. М., 1891—1893.

[4] «Патерик Печерский» — памятник древнерусской литературы XIII в., содержащий жития иноков Киево-Печерского монастыря, рассказ о построении Печерской церкви и пр.

[5] «Мысль» — частное издательство, существовавшее в Ленинграде в двадцатых годах, выпустило Собр. соч. С. Н. Сергеева-Ценского и ряд отдельных изданий его произведений.

[6] Перес де Айяла. Белярмин и Аполлонио. Пер. с испанского Б. А. Кржевского и В. В. Рахманова. Прим. и ред. Б. А. Кржевского. Л., «Кубуч», 1925.

* святой год (итал.).— *Ред.*

21

ГОРЬКИЙ — ПРИШВИНУ

⟨Сорренто. 15 мая 1927 г.⟩

Верно, Михаил Михайлович, сказали вы о Розанове [1], что он, как «шило в мешке—не утаишь», верно! Интереснейший и почти гениальный человек был он. Я с ним не встречался, но переписывался [2] одно время и очень любил читать его противопожарную литературу. Удивляло меня: как это неохристиане [3] Р⟨елигиозно⟩-ф⟨илософского⟩ общества могли некоторое время считать своим человеком его — яростного врага Христа и христианского гуманизма? [4] Он, у нас, был первым предвозвестником кризиса гуманизма, и Блок, в этом вопросе, шел от него [5], так же как от него шел и Гершензон в своем отрицании культуры, особенно резко выразившемся в «Переписке из двух углов» [6]. В этом смысле и в этой области — борьба против Христа — Розанов был одним из наших «духовных» революционеров,— на мой взгляд, и хотя он был — из робости — косноязычен, но по прямолинейности мысли не хуже Константина Леонтьева и Михаила Бакунина.

Да, гуманизм из жизни вытравили и, подобно картофелю, лучшая часть его — в земле. Вот я смотрю на то, что осталось, и вижу: гуманитарная интеллигенция наша, сущая «в рассеянии» по Европам, изумительно быстро потеряла лицо свое и вот: профессор Ильин [7] пишет, опираясь на канонические евангелия, отцов церкви, богословов и свой собственный гниловатый, но острый разум, сочиняет Евангелие мести, в коем доказывается, что убивать людей — нельзя, если они не коммунисты. А боголюбивая неохристианка Зинаида Гиппиус возглашает присным: не нужно кричать о большевиках, «повесим их в молчании» [8]. Сюда же примыкает и «богочеловек» Н. В. Чайковский [9], благословивший интервенцию, и профессор Дух⟨овной⟩ академии Антон Карташев [10], человечек богобоязненный, но злой — как лисица.

Вы мне простите,— м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, вам неинтересно все это, но я ежедневно просматриваю две-три эмигрантских газеты, и, знаете, тяжело видеть русских людей, которые так оторвались от России, так не чувствуют ее и не хотят — или уже не могут? — понять судороги ее возрождения и убеждают друг друга изо дня в день, все более малограмотно и скучно, что это — судороги агонии. О малограмотности я сказал не зря: русский язык здесь даже старики забывают.

А вот недавно у меня была,— проездом из Константинополя, куда она ездила делать снимки с византийской живописи,— москвичка одна [11] и пела мне частушки,— удивился я что делают с русским языком в России! И — как остроумят! —

Ну-ко, встану, погляжу —
Хорошо ли я лежу?

Читаю ваши «Рассказы егеря» [12]. Отлично! До чего вы чудесно знаете язык, какая мудрая простота и звучность.

Крепко жму руку.
А. Пешков

15.V.27.
S⟨orrento⟩.

Хорошо, с большим пониманием пишут в Америке о С⟨ергееве⟩-Ценском, по поводу его «Преображения» [13]. Сегодня послал ему рецен⟨зии⟩.

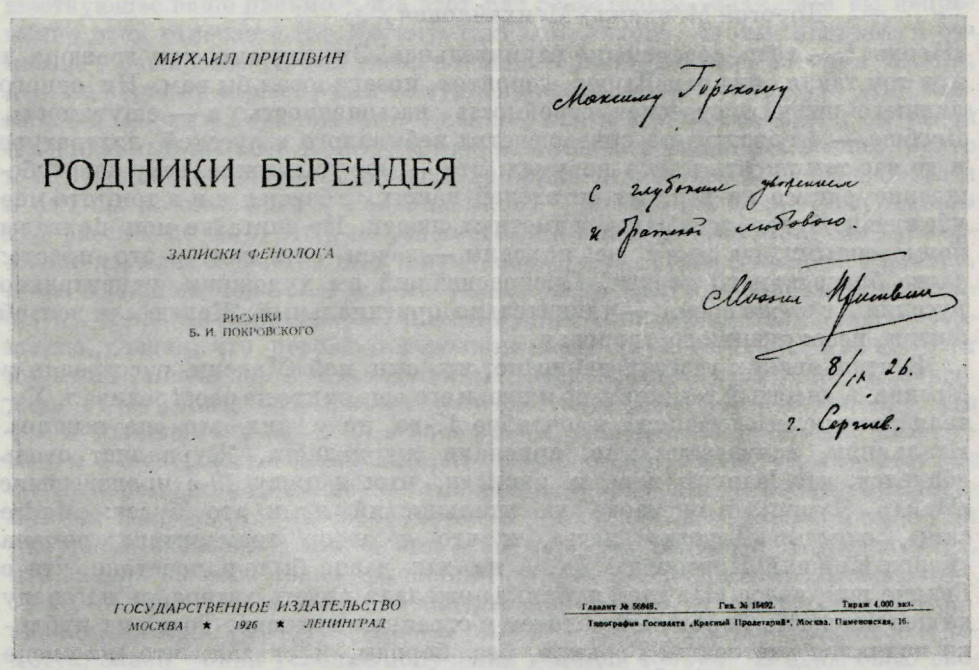
[1] В письме от 29 апреля 1927 г. Пришвин, сообщая Горькому о том, что от могилы В. В. Розанова не осталось следа, писал: «Розанов лежит, как шило в мешке» (АГ).

[2] Пять писем Розанова к Горькому опубликованы в «Беседе», 1923, № 2. Там же в примечаниях напечатано одно письмо Горького к Розанову (стр. 409—410).

Письмо Розанова к Горькому от 20 января 1919 г. опубликовано в «Вестнике литературы», 1919, № 8.

Одно письмо Горького к Розанову от 4/17 ноября 1905 г. см. в сб.: «М. Горький в эпоху революции 1905—1907 годов». М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 55—57.

[3] Члены Религиозно-философского общества (см. письмо 4, прим. 3) выдвигали идею создания «нового христианства», пытались приспособить «устаревшие формы христианской религии» к «современному состоянию человеческого ума».


МИХАИЛ ПРИШВИН

РОДНИКИ БЕРЕНДЕЯ

ЗАПИСКИ ФЕНОЛОГА

РИСУНКИ
Б. И. ПОКРОВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1926 ★ ЛЕНИНГРАД

Максиму Горькому

с глубоким уважением
и братской любовью.

Михаил Пришвин

8/IX 26.

г. Сергиев.

Главлит № 50848. Гиз. № 15492. Тираж 4.000 экз.
Типография Госиздата „Красный Пролетарий", Москва, Пименовская, 16.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ М. М. ПРИШВИНА ГОРЬКОМУ НА КНИГЕ «РОДНИКИ БЕРЕНДЕЯ» (М.—Л., 1926):

«Максиму Горькому с глубоким уважением и братской любовью. Михаил Пришвин. 8/IX 26. г. Сергиев»

Личная библиотека Горького

[4] В книгах «Темный лик», «Люди лунного света», «Опавшие листья» и других Розанов восставал против аскетизма догматического христианства во имя «религии плоти», «святости пола» и т. п.

[5] Горький имеет в виду доклад «Крушение гуманизма», прочитанный А. Блоком на заседании редколлегии издательства «Всемирная литература» 9 апреля 1919 г.

[6] Михаил Осипович *Гершензон* (1869—1925) — литературовед и публицист, автор ряда книг по истории культуры и общественной мысли, участник сборника «Вехи». В книге, написанной совместно с Вяч. Ивановым, «Переписка из двух углов» (Пг., «Алконост», 1921) Гершензон писал «о радости освобождения из плена культуры, о стремлении сбросить с души память о всех религиях и философских системах, обо всех знаниях искусства, поэзии и выйти на берег нагим, как первый человек» (стр. 11).

[7] И. А. Ильин — философ-идеалист, белоэмигрант.

[8] Строка из злобно контрреволюционных стихов З. Гиппиус в сб. «Последние стихи». Пг., 1918.

[9] Н. В. Чайковский (1850—1926) — один из лидеров партии эсеров. В 1874 г. эмигрировал за границу. В 1905 г. возвратился в Россию. В 1918 — глава белогвардейского правительства в Архангельске.

[10] Антон *Карташев* — профессор богословия, белоэмигрант. См. о нем в статье Горького «О белоэмигрантской литературе» (т. 24, с. 338).

[11] Имеется в виду Ольга Николаевна *Бубнова* —искусствовед.

[12] М. Пришвин. Рассказы егеря Михал Михалыча («Чибис», «Птицы под снегом», «Разговор птиц и зверей», «Куница»).— «Красная нива», 1927, № 18.

[13] В 1926 г. в Нью-Йорке вышел перевод первой части романа С. Н. Сергеева-Ценского «Преображение» с предисловием Горького (S. Tzensky. Transfiguration. Translated from the russian by Marie Budberg. Edited with an introduction Maxim Gorky. Robert M. Mc. Bride and Company. New York, 1926).

22

ГОРЬКИЙ — ПРИШВИНУ

〈Сорренто. 18 июня 1927 г.〉

Дорогой М〈ихаил〉 М〈ихайлович〉,

«Нерль» [1] — вещь совершенно изумительная! Это сделано, как гравюра и при том такая, что сам Дюрер, вероятно, позавидовал бы вам. Ни одного лишнего штриха, чудесная стройность, насыщенность и — ощутимость. Вообще — вы достигаете совершенства небывалого в русской литературе и до вас так писать никто не умел. Это — мое убеждение, искреннее убеждение одного из русских читателей ваших. Убежден я и в том, что мое убеждение будет всеобщим грамотных людей. Не считайте мои похвалы неумеренными, да это и не похвалы — зачем они вам? — это просто: слова благодарного сердца. Прекраснейший вы художник, удивительно русский и в то же время — удивительно оригинальный. Желаю вам долгой жизни, несокрушимого здоровья.

В итальянских газетах написано, что сын мой Максим расстрелян в Москве. А он пятый год живет со мною, и его еще никто не расстреливал. Хотели расстрелять офицера в октябре 17-го, но у них это «не вышло». Итальянцы, сочувствуя мне, прислали журналиста. Журналист очень обиделся, что Максим жив, и написал, что: я пишу *19-е* произведение «Макар Чудра», в переводе на итальянский язык это будет: «Madre cara», сиречь «Дорогая мать», и что я автор знаменитого романа «Город Нижний Новгород». Да. А не так давно было напечатано, что в Гвиане шла пьеса «На дне», публика пожелала видеть автора, и на сцену вышел большой, бородатый человек в странном костюме. Тогда из публики поднялся настоящий Горький, без бороды, и сказал, что «на сцене не он, а он — вот он!» О господи...

Вообще про нас, русских, пишут такое, что даже и не удивляешься уже. Сами о себе мы пишем тоже не очень грамотно. На днях в «Руле» [2] читаю: «граф Федор Сологуб (не автор „Тарантаса", а поэт...)». Там же: «Гулливер. Де Фо». Кандалакшу перенесли в Сибирь на Индигирку. И т. д.

Очень обрадованы гг. эмигранты убийством Войкова [3], Турова [4], бомбами в Петербурге [5]. Уверены, что скоро их пригласят строить Россию. Глупо всё.

Но — не стоит писать об этом. Так много всего и так противно.

Крепко жму руку. Сердечно поздравляю вас, удивительный.

А. Пешков

18.VI.27.

Из Владивостока получил книжку о рыбе-кете [6], прислать вам? О рыбе — интересно, но там мальчишки рассуждают, и это — плохо.

[1] Рассказ «Нерль» был напечатан в «Новом мире», 1927, № 6.

[2] «Руль» — белоэмигрантская газета (Берлин).

[3] Посол СССР в Польше П. Л. Войков был убит 7 июня 1927 г. в Варшаве белогвардейцем Кавердой.

[4] В. З. Туров — старый большевик, погиб от руки террориста 10 июня 1927 г. около станции Битца, Моск.-Курской ж. д.

[5] 7 июня 1927 г. английскими диверсантами были брошены бомбы в Центральный партийный клуб в Ленинграде, в результате чего было ранено около тридцати человек.

[6] Имеется в виду книга Трофима Борисова «Тайна маленькой речки. Из жизни дальневосточных лососей». Хабаровск—Владивосток, «Книжное дело», 1927. См. письмо 28. Книга была прислана Горькому по его просьбе изд-вом «Книжное дело».

23

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

〈Сергиев.〉 27/VI—27.

Дорогой
Алексей Максимович,

я получил письмо ваше о «Нерли», а сам все откладываю писать на предшествующее ваше письмо [1], и в этот раз сознательно, зная, что вы непременно всем отвечаете (по Когану так) [2], и, значит, своим письмом я отнимаю у вас время. Кроме того, поджидаю продолжения истории Клима, а то по первому отрывку как-то судить нельзя, чувствуется, что это Горький, но мало ли Горького было, важно, как в этот раз выйдет: вы такой неожиданный человек и натуристый, как говорят мужики. Слышал, будто в «Кр〈асной〉 нови» роман больше не будет печататься [3]. Вот беда! Но я и сам бы не стал давать Раскольникову [4], который, помню, «исправил» мой рассказ до того, что я не узнал его, а когда я обиделся, он был совершенно изумлен и ответил мне: я вам добра желал, ведь я всем исправляю, и все товарищи меня благодарят. Какие люди есть! Я не бываю в Москве, не читаю лит〈ературную〉 полемику, не занимаюсь политикой совершенно, считая, что революция должна меня (художника) освободить от политики, иначе она не революция. Я твердо стою на этой точке и, благодаря этому, пишу действительно лучше, чем писал до революции [5]. Но чем я больше понимаю себя и свое время, тем меньше понимаю эксперименты с худ〈ожественной〉 литературой. Однако, думаю, что вся история с «Кр〈асной〉 новью» какое-то слишком домашнее дело и кончится возвращением Воронского на свое место. А роман ваш все равно прочту где-нибудь. Боже мой! В свое время я бы на куски разорвал того человека, кто заявил бы свое право художника превыше обязанностей гражданина. И я был прав тогда, и я прав теперь. Дело в том, что охота и писание значат для меня свободу в полном смысле слова, деньги — как необходимость, слава — как условие получения денег, и только. Я ценю свою свободу через литературу и тем, что от этого являются на сбор какие-то родственники. Да, первое очарование от успеха в литературе были деньги: из сказки рождаются деньги, на которые можно путешествовать, второе, что я — не один на свете, что в творчестве люди объединяются. Теперь, конечно, я уже не могу чувствовать так гениально-наивно, о чудесах денег и речи не может быть, но в деле «родства» я голодный человек. Похвала — это вздор, конечно, но появление родственника — это прекрасно. И вот это меня изумляет в вашем письме. Прочитает человек «Нерль» и опрокидывает на тебя все богатство своей души. Как вы умеете восхищаться! Никто не понимает значения ваших писем с этой стороны. Писатели ходят в редакции с письмом Горького в кармане, и когда рука опускается в карман, редактор говорит: «знаю, знаю...» Вы создали какую-то огромную «Обезьянью палату» (помните, Ремизов выдавал знаки обезьяньи, 1-й и 2-й степени, и наводнил Петербург ими) [6]. Вы теперь у нас по этой силе чувства родства (т〈о〉 е〈сть〉, это, напр〈имер〉, автор «Нерли» как бы ваш брат и что в данный момент «Нерль» существует, а не я, Максим Горький) — и президент, и царь, и султан обезьяньей палаты. Я так рад, что чувство не обмануло меня обратиться с просьбой о предисловии, что выходящий на днях мой «собачий» том будет открываться вашей статьей.

Однако, признаюсь, я с отвращением читал панегирик Когана [7] вам в какой-то газете, с повторением слов «мудрец» и «Лев Толстой» 〈...〉 Вот и я тоже «Войну и мир» не написал, но на своем месте я «такой же, как Лев Толстой», да, я знаю, охотничий рассказ мой не хуже, чем Лев

Толстой, а пожалуй, и лучше: я не Толстой, а Пришвин. Так точно и Горький — в своем он Горький. И Когану надо было добраться до Горького, а не «доводить» Горького до Толстого. В Сергиеве на улице иногда слышу про себя: «вот наш новый Горький идет». А про вас теперь: «Лев Толстой».

Когда я думаю о вашей славе, то иногда представляю себя в вашем положении, что буду я делать. Ведь нельзя же сразу обернуть ее в деньги и куда-нибудь удрать на большую охоту: найдут, все равно найдут, как Толстого в Астапове. Значит, вероятно, надо нести это. Так-то, Алекс⟨ей⟩ Макс⟨имович⟩, значит: «носи». С другой стороны, думаешь, и слава на пользу идет иным, вероятно, это она воспитала в вас такую жажду по «настоящему», по родству. Без этого родства невозможна большая литература, оно питает ее, и старайтесь, как можно больше старайтесь! Вот погодите, кончу, примерно так, к рождеству «Кащееву цепь» и крикну, ей-богу, крикну об этом, невозможно жить в такой духоте, крикну и вам помогу.

Одно хорошо было у Когана узнать, что посланная мной вам книга Арсеньева нашла в вас ценителя [8]. Я очень рад. Книга, благодаря вам, станет на полки всех наших библиотек и воспитает юношество лучше, чем Майн-Рид. И человек, этот Арсеньев, говорят, очень хороший. Книгу о рыбе кет пришлите, я такие ужасно люблю.

Ну, спасибо же, спасибо вам за доброе слово. Сейчас возьму «Нерль» и прочитаю и подумаю, нет ли там какого-нибудь мотивчика для культивирования. Видите, я не «антропософ», а «собакософ», иду к человеку от собаки (не наоборот), и, вероятно, вас тронуло некоторое продвижение в сторону человека. Подумаю, и это так приятно. Вы мне напишите, где надо искать ваш роман *.

Очень обрадовали, еще раз! и обеими руками трясу вашу руку.

М. Пришвин

* Сейчас зашел Евдокимов и дал все сведения о романе [9].

[1] См. письмо 21.

[2] П. С. Коган в статье «Встречи и впечатления. У Горького» («Вечерняя Москва», 1927, №№ 1922 и 1923, 1 и 3 июня) отмечал, что Горький «ведет обширную переписку, получает тысячи писем и отвечает всем...».

[3] Отрывки из романа «Жизнь Клима Самгина» были напечатаны в «Красной нови», 1927, №№ 5 — 7; 1928, №№ 5—8.

[4] В середине 1927 г. А. К. Воронский был снят с поста главного редактора журнала «Красная новь», а затем выведен из состава редколлегии журнала. Вместо него был введен в редколлегию журнала Ф. Ф. Раскольников. См. Горький — Гладков, письмо 15, прим. 1.

[5] В дальнейшем Пришвин пересмотрел подобные взгляды. В дневнике 1943 г. в связи с работой над романом-сказкой «Осударева дорога» он писал: «... я хочу создать „ведущую" вещь, в которой я честно отстаиваю наш коммунизм против индивидуализма» (Собр. соч., т. 6. М., Гослитиздат, 1957, стр. 825).

[6] В 1919 г. А. М. Ремизов создал в Петербурге шуточное общество, названное им «Обезьяньей великой и вольной палатой». Подробнее см. об этом в книге К. Федина «Горький среди нас», ч. II (1921—1928). М., Гослитиздат, 1944, стр. 6—8.

[7] См. прим. 2.

[8] В статье «Встречи и впечатления» П. С. Коган писал: «Заговорив о современной русской литературе, он начал с книги некоего Арсеньева, называется она, кажется, „По Уссурийским степям".

Он говорил долго и с увлечением об этом „сочетании Брема и Купера", говорил, что необходимо ее переиздать».

Свое мнение о книге «В дебрях Уссурийского края» Горький изложил в письме к В. К. Арсеньеву от 24 января 1928 г. (т. 30, с. 69—70). Это письмо положило начало их переписке.

Пять писем Горького к Арсеньеву напечатаны в т. 30. Письма Арсеньева Горькому хранятся в АГ.

[9] Иван Васильевич *Евдокимов* (1887—1941) — писатель.

24

ГОРЬКИЙ — ПРИШВИНУ

〈Сорренто. 3 октября 1927 г.〉

Дорогой Михаил Михайлович,

получил и прочитал ваш 1-й том [1]; впечатление альпийского луга: все цветы — знакомые цветы земных долин, но и обилие, и крупность их, и какое-то необъяснимо мудрое сочетание этих милых цветов, все это заставляет видеть их как невиданные никогда.

Посылаю вам мою книгу [2]:

ГОРЬКИЙ НА I ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
Рядом с Горьким (слева) А. И. Безыменский и (справа) Я. Купала
Фотография. Колонный зал Дома Союзов, 17 августа—1 сентября 1934 г.
Музей Горького, Москва

«Роман: „Жизнь Клима Самгина“ на 800 персон»,— как, не без остроумия, написано в одной газете московской [3].

Всего доброго, М〈ихаил〉 М〈ихайлович〉, всего хорошего!

Привет вашим.

А. Пешков

3.X.27.
Sorrento.

Какое это изумительное явление — русский художник слова. Читаю Ценского и, право, едва не прыгаю от радости. Вы знаете — у него дом лопнул в минуты землетрясения [4].

[1] Пришвин послал Горькому первый том своего Собр. соч. («Охота за счастьем») дарственной надписью: «Алексею Максимовичу Пешкову с любовью и благодарно-

стью от чистого сердца. Михаил П р и ш в и н. 25.IX.27 г. Сергиев» (ЛБГ). Заметку Горького об этом томе Пришвина см. в «Архиве А. М. Горького», т. VI. М., Гослитиздат, 1957, стр. 212.

[2] Первая часть романа (Берлин, «Книга», 1927) была послана Пришвину с дарственной надписью: «М. М. Пришвину. М. Г о р ь к и й. 3.X.27. Sorrento» (личный архив Пришвина).

[3] См. Горький — Гладков, письмо 22, прим. 2.

[4] В июле и сентябре 1927 г. в Крыму, где жил Сергеев-Ценский, произошли землетрясения.

25

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

〈Сергиев. 2—3 ноября 1927 г.〉

Дорогой Алексей Максимович,

спасибо вам за «Клима», я прочитал ее очень внимательно и по-своему все разобрал в книге, вот почему так долго не писал вам. У меня осталось такое впечатление, что эта книга — вступление к огромной эпопее, что самое главное впереди, и потому я не стану мешать вам своим разбором. Однако все-таки я не удержусь вам намекнуть, что книга слишком насыщена афоризмами в диалогах, и это утяжеляет чтение, сужу по своему мальчику Пете: он, негодяй, их пропускает! Напротив, изображение такого живого существа, как портниха (1-я любовница Клима), охоты на сома, Ходынки, Нижегородской ярмарки очень поднимает и навсегда запоминается. Я рискну высказать мысль, что афоризмы надо писать или купно, как у Достоевского легенда о Велик〈ом〉 Инквизиторе, или же, как это сделано у Розанова, будто бы от себя, т〈о〉 е〈сть〉, какой-то одной личности. Я это говорю вам должно быть верно: диалоги в «Климе» трудноваты. Но они бывают у вас гениальны, когда уводят в стихию русской народной мудрости, как это превосходно выходит в любимом моем «Отшельнике». Когда вам захочется мне написать, то напишите, в каком положении ваша работа: когда можно ожидать окончания романа — это раз, и думаете ли по окончании побывать в России, т〈о〉 е〈сть〉, вернее, есть ли к этому возможность по состоянию вашего здоровья. Это имеет отчасти и практическое значение, т〈о〉 е〈сть〉 не хотелось бы во время вашего приезда очутиться где-нибудь в Уссурийском краю в гостях у Арсеньева (а я об этом подумываю по окончании своей затеи). Вчера я пересматривал сочинения Чехова, и вот как показалось все устарелым, жуть! И вот думаю, что если бы Чехов со своим исследовательским даром изображал бы не обреченных врачей, акушерок, а, напр〈имер〉, жизнь муравейника, т〈о〉 е〈сть〉 настоящего, лесного, то ведь это было бы бессмертное сочинение. Так вот и о себе думаю, не упустить бы со своей «Кащеевой цепью» свою бессмертную кочку. Как подумаешь, так и тянет (все еще!) на Уссури.

Сейчас получил от Иванова-Разумника письмо, написанное по новейшей орфографии, со склонением иностранных слов и без мягкого знака, вот выдержка:

«Пишу у своей бюры, с пенсном на носу и с кашнем на шее; думаю, не надеть ли пальта» и т. д. Вот чу́дно-то!

Моя книжка (1-й том) с вашей помощью, говорят, пошла очень хорошо, еще раз большое вам спасибо, Ал〈ексей〉 Макс〈имович〉, пожалуйста, не болейте, пишите «Клима» на высоких волнах «Детства», «Отшельника» и др. и *до свидания.*

М. П р и ш в и н

После этого письма прочитал в «Известиях» выдержки вашего письма к Халатову [1], которые отвечают на поставленные вам мною вопросы.

Считаю ваше намерение явиться «невидимкой» на родину и сказать всю правду по всей совести большого человека за великий подвиг.

Смеюсь над собой: робел вам предложить в письме «невидимку», а между тем это же публикуют в газетах!

Но мне по секрету вы все-таки напишите, около какого времени вы думаете быть у нас: мне очень хочется пройтись с вами в Посад за баранками: по-моему, сразу всё тут и увидите. У меня приятельские отношения с одним литер⟨атурным⟩ комсомольским кружком, тут же по пути за баранками и завернем к ним и тоже зараз посмотрим на Андрея Рублева расчищенного и без оклада — это чудо русского искусства [2]. Всё без парада увидите, без автомобиля, только один раз пройдемся за баранками. Завернем к Сергею Тимоф⟨еевичу⟩ Григорьеву, спустимся вниз к постройке электростанции и т. д.

М. П.

Датируется по упоминанию публикации отрывков «Из письма Горького к тов. А. Б. Халатову» (см. прим. 1).

[1] Горький писал А. Б. Халатову: «Кончаю второй том Самгина. Мне хочется написать книгу о новой России. Я уже накопил для нее много интереснейшего материала. Мне необходимо побывать — невидимкой — на фабриках, в клубах, в деревнях, в школах на уроках, в колониях для социально-опасных детей, у рабкоров и селькоров, посмотреть на женщин-делегаток, на мусульманок и т. д. и т. д. Это — серьезнейшее дело. Когда я об этом думаю, у меня волосы на голове шевелятся от волнения.

Очень трогательные и удивительно интересные письма пишут мне разные маленькие строители новой жизни из глухих углов страны» («Известия», 1927, № 252, от 2 ноября).

[2] Речь идет об иконе Рублева «Троица» в соборе Троице-Сергиевского монастыря. Ныне хранится в Государственной Третьяковской галерее. «Троица» Рублева была реставрирована в 1918 г. группой художников-реставраторов, в которую входили Г. О. Чириков, И. И. Суслов, А. А. Тюрин, В. О. Кириков и др.

26

ГОРЬКИЙ — ПРИШВИНУ

⟨Сорренто. 11 января 1928 г.⟩

Дорогой Михаил Михайлович,

не имея ответа на два мои письма к вам, думаю, что вы не получили их. Во втором я очень просил вас послать «Погоню за счастьем» [1] Ромен Роллану — Швейцария, Villeneuve (Vand) Villa Olga.

Если можно — сделайте это! Роллану прочитают книгу в переводе очень хорошем, можете быть уверены. А я уверен, что книга доставит ему большое наслаждение. Он, бедняга, начинает серьезно прихварывать, что, впрочем, не мешает ему работать.

Я тоже работаю во всю силу и постепенно уже собираюсь в Россию. Очень хочется. Приеду, наверное, во второй половине мая.

Как вы живете? Едете ли в Уссурийский край? И — когда? Мне хочется побывать в Новосибирске [2], интересные там литераторы.

До свидания. Всего доброго

А. Пешков

11.I.28. Sorrento.

[1] М. М. Пришвин. «Погоня за счастьем», М., 1927.

[2] Это намерение не осуществилось.

27

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

〈Сергиев.〉 20/I—28.

Дорогой Алексей Максимович,

я ваших писем не получал и упрекал себя за свое последнее [1], думал, что обидел вас. До сих пор не могу отделаться от наивного отношения к писанию этих писем. Пишу часто, что́ думаю в данный момент, а когда отправляю письмо, то вдруг оказывается, думаю совсем по-другому. Помню писал вам какую-то ерунду о Чехове и что еду в Уссурийский край, хотя совсем не еду и т. д.

С большим удовольствием отправляю сегодня же «Охоту за счастьем» Р. Роллану. А когда запечатывал бандероль, сказал Леве: — Как ты, Левка, думаешь, приятно осмелиться послать свою книгу Ромену Роллану? — Конечно, говорит, приятно. И я ему: — Вот, доживи. И он мне на это: — Постараюсь, папочка, дожить.

Недели две тому назад отправил Груздеву для вашего юбилейного сборника свою статью о Горьком под заглавием «Мятежный наказ» [2]. Я, видите ли, ввел это в статью в пику получившей у нас известность теории «социального заказа» [3]. Статейка далась мне с большим трудом, потому что очень большая у вас слава, притом еще юбилей — получается «многоуважаемый шкаф». Во избежание пошлости пришлось покапризничать и получилось немножко бароккисто и недостаточно тепло.

Постараюсь никуда не уезжать до вашего приезда и с вами непременно повидаться. Я большую ошибку сделал, что не побывал у вас за границей. Теперь, чувствую, мне не хватает несколько взгляда на действительность со стороны.

Алексей Максимович, если у вас будет минута свободного времени, подумайте и напишите мне, как устроить мне перевод хоть какой-нибудь моей книги на иностранные языки. Раньше, до войны, был у меня знакомый, отличный переводчик Элиасберг, он перевел на немецкий «Араба», «Крут〈оярского〉 зверя» и еще несколько рассказов [4], писал, что книга имела некоторый успех. Очень возможно, что и сейчас можно сделать что-нибудь вроде этого. Гонорар тут ничтожный, я не из-за этого, но приятно бы, напр〈имер〉, своих «Собак» [5] послать знаменитым французским охотникам, глядишь, мне бы за это выслали бы от Франц〈узской〉 республики в награду кобеля или медаль. Простите, договорился до кобелей... Вчера ездил в Москву сдавать Полонскому новое звено «Юный Фауст» [6], зашел перед этим в Союз охотников и там с 11 д〈ня〉 до 5 в〈ечера〉 проговорил о собаках, а когда явился к Полонскому, то оказалось, — его больше в «Нов〈ом〉 мире» не существует и на его месте сидит другой [7]. Но самое главное, оказалось, что это все равно и даже лучше, у нового я осмелился попросить прибавку к гонорару. Почему так выходит, что у нас нет незаменимых лиц, как это было раньше. Я очень об этом тоскую, и у меня есть надежда, что когда вы приедете, то с вашей помощью устроится настоящий журнал и явятся незаменимые лица.

Будьте ж здоровы, жду вас с большой радостью.

М. Пришвин

Хорошо бы на почте предъявить квитанции ваших пропавших заказных писем и таким образом, выяснить кто же ими интересуется.

[1] См. письмо 25.

[2] Статья Пришвина «Мятежный наказ» вошла в книгу «Горький. Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком». Под ред. И. Груздева, М.—Л., Госиздат, 1928.

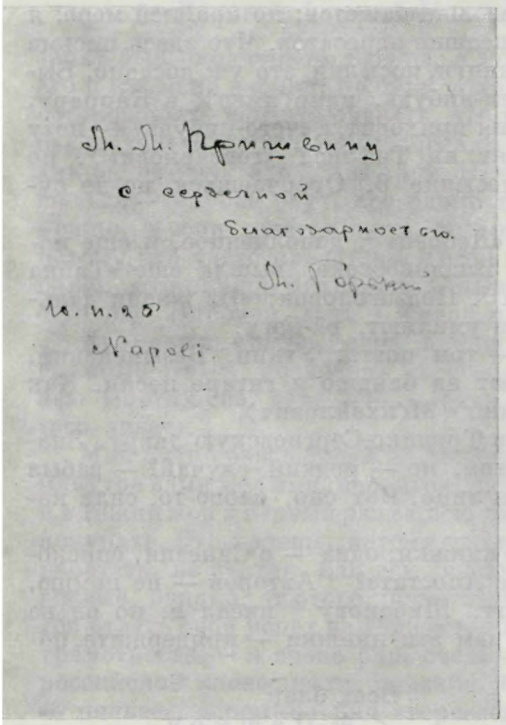
[3] Теория социального заказа была выдвинута группой Леф. Лефовцы крайне упрощенно рассматривали взаимоотношения между обществом, классом («заказчиком») и «обслуживающим» его художником, мастером.

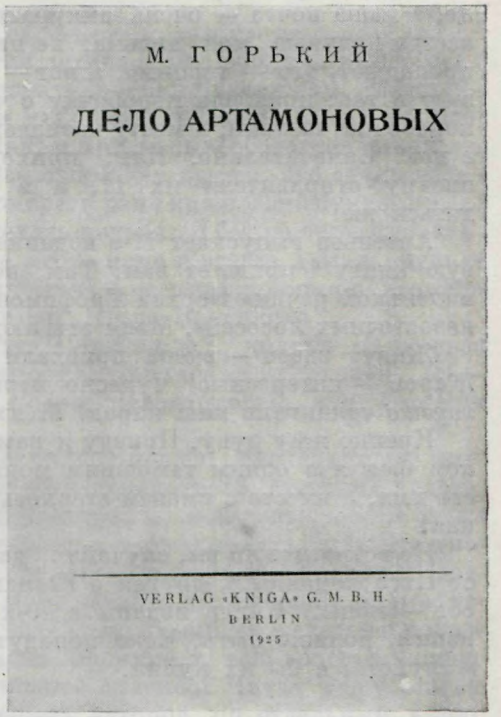
[4] Александр Самойлович *Элиасберг* (1877—1924), переводчик, родился в России, в 1906 г. эмигрировал в Германию. В переводе Элиасберга вышли книги рассказов Пришвина: M. P r i s c h v i n. Der schwarze Araber und andere Geschichten. München, Georg Müller Verlag, 1917; M. P r i s c h v i n. Das Tier von Krutojar. München, Georg Müller Verlag, 1927.

[5] Три рассказа из цикла «Собаки»: «Война и мир», «Собачья память», «Любовь Ярика», первоначально напечатанные в «Красной нови», 1926, №№ 19, 20, 25.

[6] Седьмое «звено» романа «Кащеева цепь» — «Юный Фауст»— было напечатано в «Новом мире», 1928, № 4.

[7] В начале 1928 г. в редколлегию «Нового мира» вместо В. П. Полонского был введен критик С. Б. Ингулов (р. 1893).





ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГОРЬКОГО М. М. ПРИШВИНУ НА РОМАНЕ «ДЕЛО АРТАМОНОВЫХ» (BERLIN, 1925):

«М. М. Пришвину с сердечной благодарностью. М. Горький. 10.II. 26. Napoli»

Собрание В. Д. Пришвиной, Москва

28

ГОРЬКИЙ — ПРИШВИНУ

〈Сорренто. 5 февраля 1928 г.〉

Дорогой Михаил Михайлович,

«Собаки» переводятся на английский [1], англичане же куда лучше французов понимают собак, в Лондоне даже собачьи клубы есть, и мамаша моего фокса «Кузьки» записана в какую-то особенную англо-собачью «бархатную», должно быть, книгу. Да-с. А вот «Кузькину» жену «Пикшу» никуда не запишешь, это такая двуличная, подло-умная уродина, — вы таких и не видывали. Французам «Собаки» тоже будут предложены — Кальману-Леви [2]— на днях.

Весьма удивлен опасением вашим: «думал, что обидел». Перечитал ваше письмо,— ничего «обидного» в нем не оказалось, хорошее письмо, как всегда [3]. Кстати: дорогой М⟨ихаил⟩ М⟨ихайлович⟩,— я человек вообще не обидчивый, сердиться — могу и порою крепко, но — ненадолго и больше на себя, «про себя». Всегда как-то смешно и нелепо обижаться на человека.

Почтовые расписки не храню. Мне приносят их раз в неделю, целой кучей вместе со счетом почт⟨овой⟩ конторы, но счет, конечно, не проверяется и вместе с расписками падает в корзину. Здесь ведь почт⟨овая⟩ контора в аренде у обывателей. Письма пропадают именно на этой земле, а наша почта — очень аккуратна, мне кажется; по крайней мере, я всегда получаю мои письма, не нашедшие адресатов. Что здесь письма пропадают, это — терпимо, а вот — книги, посылки, это уж досадно. Бывает и так: пошлешь коробочку с чем-нибудь, напр⟨имер⟩, в Каррару, коробочка, шельма, к месту назначения приходит, а «чего-нибудь» — нету в ней. Замечательно. Или: приходят из Тифлиса «товсаркови» [4], по письму отправителя их 11, а в посылке 6. Огорчаешься, но не судиться же!

Арсеньев выпускает II-е издание «Дебрей» [5], дополненное, и еще новую книгу [6] пришлет вам. Там, во Владивостоке, вышла еще «Тайна маленькой речки» Бориса Трофимова [7]. Подзаголовок: «Из жизни дальневосточных лососей». Меня эти люди умиляют, ей-богу!

Живут здесь — вчера приехали — три поэта: Уткин, Безыменский, Жаров — интересные! Чудесно играют на банджо и гитаре песни. Как *хорошо* талантлив наш народ, М⟨ихаил⟩ М⟨ихайлович⟩.

Крепко жму руку. Приеду к вам в Троицко-Сергиевскую лавру. Знаком был я с одним тамошним монахом, но — редкий случай! — забыл его имя, а вместе с именем стерлось и лицо. Вот оно, слово-то, сила какая!

Не встретите ли вы, случайно, две книжки: одна — о Синезии, епископе Пт⟨о⟩лемаиды [8], другая о Юлиане Апостате? [9] Авторов — не помню, оба — попы. Книги изданы в 70-х гг. Шибанову [10] писал я, но он не нашел, должно быть. Если попадут вам эти книжки — придержите, пожалуйста, я бы их купил.

Всех благ
А. Пешков

5.II.28.

[1] Рассказы из цикла «Собаки» на английском языке не появились.
[2] Известное французское издательство в Париже — Кальман-Леви.
[3] См. письмо 25.
[4] *Товсаркови* (груз.) — женские украшения для головы.
[5] В. К. Арсеньев. В дебрях Уссурийского края (Описание путешествия автора в 1906 и 1907 гг.). Изд. 2. Хабаровск — Владивосток, «Книжное дело», 1928. В этом издании в качестве предисловия к книге было напечатано письмо Горького к В. К. Арсеньеву от 24 января 1928 г. Книга была послана автором Горькому с надписью: «Алексею Максимовичу Пешкову в знак искреннего уважения к нему автора. В. Арсеньев. 12/V — 1928 г., г. Владивосток» (ЛБГ).
[6] В. К. Арсеньев. Лесные люди — удэхейцы. Владивосток, «Книжное дело», 1926. Книга была послана Горькому с посвящением: «Алексею Максимовичу Пешкову от глубоко уважающего его автора. В. Арсеньев. 2.III.1928, г. Владивосток» (ЛБГ).
[7] Описка Горького. Имеется в виду книга Трофима Борисова «Тайна маленькой речки». См. письмо 22, прим. 6.

В июне 1929 г. Горький встретился с Т. Борисовым и договорился о его сотрудничестве в «Наших достижениях» (см. письмо Горького к Арсеньеву, от 7 июня 1929 г. (т. 30, № 962, с. 140). Статья Т. Борисова «Дальневосточная рыбопромышленность» была напечатана в «Наших достижениях», 1929, № 5.
[8] А. Остроумов. Синезий — епископ птолемаидский. М., 1879.
[9] Я. Алфионов. Император Юлиан и его отношение к христианству. Казань, 1877.

В письме к В. Н. Терновскому от 7 декабря 1930 г. Горький писал о Юлиане Апостате: «К личности Юлиана у меня давнее, от юности, „влеченье, род недуга“» (АГ).

[10] Павел Петрович *Шибанов* — сотрудник антикварного отдела общества «Международная книга». Горький имеет в виду свое письмо П. П. Шибанову от 1 апреля 1927 г. (АГ).

29

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

21/IV—28. Сергиев Посад.

Дорогой Алексей Максимович,

занят был окончанием «Цепи», а потом пошел ваш юбилей, ну, думаю, его и без меня забили: не буду пока писать, вот и не писал вам. Имел неосторожность кому-то сказать, что вы к Троице приедете, и вот не отобьюсь теперь от публики: когда, и как, и при каких обстоятельствах, да как бы не упустить его и проч. Невозможно! Так думаю, что если уж решиться,— «пусть рвут, все равно помереть рано или поздно придется», то можно, а если хочется жить, то приехать нельзя. Я бы, однако, приехал, потому что часто представлял себя на месте царя и всегда думал: «будь я царем, что-нибудь непременно бы выдумал и удирал время от времени с трона». Впрочем, есть и живой пример: Петра Вел⟨икого⟩.

Две ваши статьи, одна в защиту Чуковского [1], другая «О пользе грамотности» [2], последняя в особенности, привлекли к вашему юбилею многих из тех, кто ворчал. Стали поговаривать, что Горький «все знает».

Мне лично ваш юбилей на большую пользу пошел. Несколько раз упомянутое вами мое имя, вероятно, связалось до некоторой степени с вашим, и книжки мои в первый раз за всю литер⟨атурную⟩ мою деятельность стали покупать. Это хорошо, потому что силенки у меня еще есть, и хочется поработать, не считая, как всю жизнь это было, двугривенные свои. Независимо, однако, от этого личного, я могу сказать это про себя прямо: готов отдать свой успех за торжество мыслей, высказанных в статье о пользе грамотности,— я очень рад, очень меня поднимает ваш голос в защиту российской словесности, спасибо, большое спасибо! Читая вашу статью «о пользе», вспомнил ряд второстепенных авторов, по отдельным вещам которых можно учить молодых лучше, чем по большим. Из таких на первом месте стоит «Мимочка-невеста» Микулич [3] (80-е годы). Перечитайте. Какая изящная простота языка и какую революционную роль сыграла повесть в женском движении 80-х годов. И какой тоже пример спокойного и уничтожающего внимания к жизни другого, враждебного класса. Почему не относятся у нас так к «буржуазии», почему молодые не изучают так жизнь других классов, как изучили дворян? Я хочу сделать попытку в ГИЗе переиздать эту повесть, если мне не удастся, буду вас просить [4].

Был в Питере для сдачи в ГИЗ законченного 2-го тома «Кащеевой цепи» [5]. Беседовал с О. Д. Форш. Многое она рассказала мне о нравах пар⟨ижской⟩ эмиграции,— так грустно было слушать! После того стали понятны некоторые ваши статьи, от которых, признаюсь, раньше морщился. Да, это верно, в ту сторону приходится хвалить, согласен даже: хвалиться [6].

День вашего юбилея был в Детском Селе у Разумника [7], собрал публику: Толстой, Замятин, Шишков, Петр⟨ов⟩-Водкин [8], два дня говорили о вас, читали из груздевского сборника [9]. С моей статьей вышла ерунда. Я «мятежный наказ» выдумал «в пику» ненавистному мне «социальному заказу», мятежный наказ (божьей милостью) все время у меня был в игре с понятиями «социальный заказ, соц⟨иальный⟩ приказ» [10] и т. д. Но в

самый последний момент из тактических соображений пришлось половину статьи выбросить и охолостить ее, что вышло далеко не в пользу юбиляра. Но ничего, не всё в кон, можно и за́ кон.

Вот с охотой у нас вышла беда, так беда! 20 апреля, самый сильный пролет вальдшнепов, разгар токов, а у нас в лесах еще снег толщиной в аршин и не тает, а вянет, измор! Когда это было: на пасхе с ребятами весь день дулись в снежки, а вечером катались в санях, как на рождестве.

Закончив 6-летний свой труд, «Кащееву цепь» [11], принялся, до новой большой затеи, осуществлять давнишнюю свою мечту, написать такую детскую книгу, чтобы она была не спец⟨иально⟩ детской, а настоящей литературой. Желанная работа, вот где настоящий экзамен таланту, мастерству и знанию! До сих пор не мог этим заняться, п⟨отому⟩ что детские рассказы при массовой халтуре их производства плохо оплачиваются. Вот бы вам тоже боевая тема; вот бы ахнуть в защиту ребенка. Конечно, надо основательно и всесторонне ознакомиться с темой, но пока что я вышлю вам свой рассказ «Луговку» [12] с заметками карандашом относительно иллюстраций. Я лично хочу «ахнуть» по-другому, сделать книгу как надо и не только сам работаю, но выискал одного неизвестного, толков⟨ого⟩ художника и натаскиваю его в деле внутр⟨еннего⟩ понимания труда и природы. Будет моя книжка называться «*Журавлиная родина*» [13] (журавли родятся у нас, а летят по всему свету), и я посвящу ее вам,— это и будет без пустых и громких слов мой посильный дар вам, юбиляру.

Приветствую, Ал⟨ексей⟩ Мак⟨симович⟩, кланяюсь из Сергиева в Сорренто.

Ваш М. Пришвин

[1] Имеется в виду «Письмо в редакцию».—«Правда», 1928, № 62, от 14 марта. В этом письме Горький возражал против резко отрицательной оценки сказки К. Чуковского «Крокодил», данной в рецензии Н. К. Крупской «О „Крокодиле" К. Чуковского», напечатанной в «Правде», 1928, № 27, от 1 февраля.

[2] Статья «О пользе грамотности» была напечатана в газете «Читатель и писатель», 1928, № 11, а также в «Известиях», 1928, № 92, от 20 апреля (т. 24, с. 319).

[3] Микулич В. — псевдоним писательницы Лидии Ивановны *Веселитской* (1857—1936). Повесть «Мимочка-невеста» была напечатана в «Вестнике Европы», 1883, № 9. Продолжение повести — «Мимочка на водах» и «Мимочка отравилась» напечатано в этом же журнале (1891, №№ 2—3; 1893, №№ 9—10).

[4] Повесть Микулич Госиздатом издана не была.

[5] «Кащеева цепь», книга вторая.— Собр. соч., т. VI. М.— Л., Госиздат, 1928

[6] Имеются в виду статьи Горького ⟨письмо рабкору Сапелову⟩ (т. 24, с. 299), «Анонимам и псевдонимам» (т. 24, с. 301), ⟨Рабселькорам⟩ (т. 24, с. 304) и др.

[7] У Р. В. Иванова-Разумника.

[8] Кузьма Сергеевич *Петров-Водкин* (1878—1939) — художник, автор автобиографических книг «Хлыновск» и «Пространство Эвклида».

[9] См. письмо 27, прим. 2.

[10] См. письмо 27.

[11] Десятое «звено» романа «Кащеева цепь» — «Живая ночь» — было напечатано в «Новом мире», 1928, № 7. Позднее Пришвин дополнил роман еще двумя «звеньями» — «Искусство как поведение» и «Как я стал писателем» (см. Собр. соч., т. I. М., Гослитиздат, 1956).

[12] «Луговка» — рассказ из цикла «Рассказы егеря Михал Михалыча». Первоначальное название «Чибис». Впервые напечатан в альманахе «Охотничье сердце». М., «Московское т-во писателей», 1927. Пришвин имеет в виду отдельное издание рассказа для детей: Михаил Пришвин. Луговка. Рисунки Штерн. М., Госиздат, 1982. Экземпляр книги с пометами Пришвина в ЛБГ не обнаружен.

[13] Повесть «Журавлиная родина» была напечатана в «Новом мире», 1929, №№ 4—9. Несколько рассказов из повести было напечатано ранее («Новый мир», 1928, № 12). В 1933 г. вышло отдельное издание «Журавлиной родины» (художник Д. Даран), вошло в Собр. соч. Пришвина, т. 4. М., Гослитиздат, 1957. Посвящения в книге «Журавлиная родина» нет, но во вступительной главе «Неизвестные птички» Пришвин рассказал об этом своем письме к Горькому и желании посвятить ему книгу.

30

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

⟨Сергиев. Начало июля 1928 г.⟩

Алексею Максимовичу

Водоросль Claudophora [1] из озера Заболотье, Серг. уезда, Моск. г. Это растение имеется в небольшом количестве только в двух точках земного шара, в Заболотье и, кажется, в одном из озер Калифорнии (?).

В начале августа Заболотское озеро будет в целях осушения спущено, и растение погибнет. Необходимо при спуске воды окружить небольшую площадь с водорослями плотинами. Я напишу об этом в «Известиях» [2], но если случится встретиться с ботаником, хорошо бы ему тоже об этом сказать.

М. Пришвин

Датируется на основании публикации статьи Пришвина «Claudophora Sauteri» (см. прим. 2). «Как мне помнится,— вспоминает сын писателя П. М. Пришвин,— ответа на письмо отца не было, да его и не должно было быть. Я помню (по словам отца), что Алексей Максимович предпринял действия по мобилизации внимания крупных ученых биологов к этому вопросу...» (письмо в Архив А. М. Горького от 12 октября 1959 г.).

[1] Шарообразная бархатно-зеленая водоросль.

[2] Пришвин дважды писал о «клавдофоре». Первая статья, озаглавленная «Claudophora Sauteri (К делу охраны природы)» была напечатана в «Известиях», 1928, № 157, от 8 июля. В ней Пришвин призывал ученых спасти «редчайшую в мире водоросль».

Другая статья под тем же названием была напечатана в «Известиях», 1934, № 263, от 11 ноября. В ней сообщалось, что «Военно-охотничье общество решило восстановить озеро. Водоросли сохранились и могут снова размножаться».

Об этой водоросли Пришвин рассказал в повести «Журавлиная родина», в главе «Клавдофора» (Собр. соч., т. 4. М., Гослитиздат, 1957, стр. 386—392). Образ клавдофоры приобретает у писателя и более широкое значение: «Все это непередаваемое, что при себе остается круглой зеленой нераскрываемой тайной творчества, буду я называть „Клавдофорой“ ⟨...⟩ в ней пусть и будет сердце Земли, сохраняющее лучистую энергию солнца, тайну всеобщего творчества жизни» (стр. 391).

31

ГОРЬКИЙ — ПРИШВИНУ

⟨Москва. 3 октября 1928 г.⟩

Дорогой Михаил Михайлович,

посылаю «The Dial» с переводом вашего рассказа. Журнал получил только сегодня, в октябрьском и — или — ноябрьском №№-х идут еще какие-то ваши рассказы [1].

Числа 10-го уезжаю. До свидания, до весны!

3.X.28. А. Пешков

[1] В английском журнале «The Dial», 1928, № 3, т. 85, сентябрь, была опубликована глава из девятого «звена» романа «Кащеева цепь» — «Любовь по воздуху» (M. Prishvin. Love on air. Transl. from the Russian by Marie Budberg). Очевидно, в октябрьском и ноябрьском номерах предполагалось напечатать рассказы из цикла «Собаки» (см. письмо 28), но в последующих номерах журнала «The Dial» произведения Пришвина не появлялись.

32

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

15/V—31. Загорск, Комсомольская 85.

Дорогой Алексей Максимович!

Приветствую вас и жду хорошего, свойственного всему вашему прошлому, заступничества в деле искусства даже и в то время, когда людям не до него. Читал ваши громы и молнии против загрязнения литературы и,

как с фактом, согласен [1]. Но я думаю, это происходит от общего направления механизации и обезличивания, фетиширования машины пуще капиталистического, слепой веры в число, количество, будто бы непременно переходящее в качество не путем человеческого творчества, а просто механическим накоплением единицы. Я бы много мог сказать вам об этой беде, порождающей легионы литературных комаров и ни одного литератора. Но я сейчас хочу писать вам по личному делу и это сказал лишь от полноты горечи, переполняющей мою душу.

Вы знаете, писателей-анималистов на всем свете по пальцам пересчитать, и среди них я не последний в десятке. Вчера еще мои рассказы детские «Еж», «Гаечки», «Грач» [2] и т. п. считались классическими, а сейчас такой рассказ от меня не возьмут, ссылаясь на то, что в поступках моих зверей нет генеральной линии. Живой о живом думает, начинаешь подводить если не генеральность, то хотя бы советскость, и вот вам фунт: в результате теряется самая охота писать [3]. Дошло до того, что и сам, наконец, стал подумывать о ничтожестве зайцев и птиц в плане грандиозного строительства. Но нет! Ведь пушнина не малая статья дохода. Вот я и придумал свою звериную поэзию заключить в рамки звероводства. Один очерк я дал в «Наши дост〈ижения〉» [4], одновременно с письмом препровождаю другой. Считаю в биологии величайшим достижением наш Зоопарк, трудами Мантейфеля [5] и его молодежи превращенный в биостанцию, работающую как бы не в Москве, а в недрах природы. У меня явилась мысль изучить парк и написать книгу подобную арсеньевской «В дебрях Уссурийского края». Что вы думаете, если я в этой работе свяжусь с журналом «Наши достижения»? Мне думается, что журналы от моих зверей повеселеют, ведь через моих зверей люди видны, а через очерки наших рационализаторов искусств вовсе не видно людей. Они думают, будто у них не хватает учебы, на самом же деле они не смеют и не умеют просто подходить к материалу, требующему сердца, любви человеческой, а не Виктор〈а〉 Шкловского с его рецептурой.

Но, возможно, время требует от вас такого дела большого, что вам уж не до зверей. Напишите, или поговорим, только дайте знать, где и когда встретимся, а то теперь до вас и не долезть.

До свидания, всего хорошего!

Михаил П р и ш в и н

[1] Имеется в виду статья «О работе неумелой, небрежной, недобросовестной и т. д.» (т. 25, с. 470). Впервые напечатана одновременно в «Правде» и «Известиях» от 19 апреля 1931 г.

[2] Рассказы из цикла «Рассказы егеря Михал Михалыча».

«Еж» — впервые напечатан в журнале «Искорка», 1924, № 8. «Гаечки» — в «Красной ниве», 1926, № 46. «Говорящий грач» — в «Огоньке», 1924, № 9.

Слова: «рассказы детские „Еж“, „Гаечки“, „Грач“ и т. п. считались классическими» подчеркнуты Горьким красным карандашом.

[3] Примитивно-дидактические требования к детской литературе не раз критиковались Горьким (см. в т. 25 его статьи «Человек, уши которого заткнуты ватой», «О безответственных людях и о детской книге наших дней» и др.). В докладной записке «О детской литературе», написанной Горьким совместно с группой писателей в связи с Постановлением ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» 1931 г., говорится:

«Надо отказаться от примитивного утилитаризма, от грубой дидактики и тенденциозности 〈...〉

Надо снова привлечь в детскую литературу тех авторов, которые были осуждены на бездействие или не были использованы в достаточной мере из-за ошибочной политики литературных организаций, критики и издательств (Пришвин, Григорьев, Чуковский и др.)» (цит. по сб.: «М. Горький о детской литературе. Статьи и высказывания». М., Детгиз, 1958, стр. 124—125).

[4] В журнале «Наши достижения» за 1931 г. очерки Пришвина не появлялись. Позднее в этом журнале были напечатаны очерки «Берендеева чаща» («Наши достижения», 1935, № 12; 1936, №№ 1, 2, 3).

[5] Петр Александрович *Мантейфель* (р. 1882) — ученый-натуралист и охотовед. С 1924 г.— научный руководитель Московского зоопарка. В Зоопарке Мантейфель провел эксперименты по изучению охотничье-промысловых животных.

33

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

Загорск. 31/V 33.

Дорогой Алексей Максимович!

Очень вы обрадовали меня своей статьей в «Литер‹атурной› газете» о моих работах [1]. Я не берусь судить, насколько верно вы оценили мои труды, но во всяком случае вы единственный сделали попытку серьезно оценить их, и тоже это единственный опыт (в наше время) критики писателем-художником другого писателя по чувству сорадования в творчестве, т‹о› е‹сть› высшей степени «соцсоревнования».

Алексей Максимович! я лично в своем поведении для себя допустил величайшую роскошь: стараться быть со всеми людьми, как с самим собой. Вследствие этого, я человек мало пригодный для политики и едва ли могу чем-нибудь помочь вам в деле устройства Союза писателей. Но мне кажется, что в личной беседе (без третьих лиц) я бы мог быть полезным человеком. И потому на всякий свой сомнительный случай имейте в виду, что с большой радостью готов идти вам навстречу.

Крепко жму вашу руку и желаю здоровья

Михаил П р и ш в и н

P. S. В 3-й книжке «Красной нови» напечатана моя новая повесть «Корень жизни»: эта вещь моя *коренная*, я вам ее пришлю, когда она выйдет *отдельно с иллюстрац‹иями› Фаворского*. Очень желал бы, однако, чтоб вы ее теперь же прочли (полагаю, что журнал вам шлют).

[1] Имеется в виду «Письмо в „Литературную газету“ о М. М. Пришвине» («Лит. газета», 1933, № 17, от 11 апреля). В марте 1933 г. редактор «Лит. газеты» С. С. Динамов писал Горькому: «Посылая вам копию статьи М. М. Пришвина „Мой очерк“, присланную им для помещения в нашей газете, редакция „Литературной газеты“ просит вас дать в связи с этим статью или письмо о творчестве М. М. Пришвина. „Мой очерк“ дает очень субъективную характеристику творческого пути Пришвина, и было бы желательно, чтобы вместе с этой характеристикой была напечатана ваша оценка роли и значения этого большого и интересного писателя» (АГ).

Статья Горького была напечатана в «Лит. газете» вместе со статьей Пришвина «Мой очерк».

34

ГОРЬКИЙ — ПРИШВИНУ

‹Москва. 28 апреля 1934 г.›

Михаил Михайлович, дорогой —

получив «Жень-шень» [1], я — мысленно — поблагодарил вас за добрую память, а написать вам — не собрался, в чем искренно винюсь. В отдельном издании поэму эту еще не прочитал, читаю «для себя» — мало, времени нет. Да и книгу теперь трудно найти: приехала библиотека из Сорренто, двое книголюбов [2] пытаются привести в порядок все мои книги и пока еще не достигли порядка.

История с рукописью для «Б‹еломорско›-Б‹алтийского› канала» [3] — не ясна для меня и очень длинна, поговорим о ней при свидании. «Доступ публики» ко мне закрывается и ныне закрыт по причине крайней дряхлости моей и легкой утомляемости. Силы — падают. На днях суток трое обильно кровохаркал и сейчас напрягаю все силенки для 1-го Мая.

Не думайте, пожалуйста, М〈ихаил〉 М〈ихайлович〉, что мое отношение к вам как-либо переменилось, нет —вы для меня один из оригинальнейших национальных литераторов, большого таланта и великого упрямства человек.

Будьте здоровы! Это — замечательно хорошо — быть здоровым.

А. Пешков

[1] Отдельное издание повести «Жень-шень, корень жизни» (М., 1934, художник В. А. Фаворский) Пришвин послал Горькому с дарственной надписью: «Максиму Горькому от чистого сердца. Михаил Пришвин. Загорск. 3/III—34» (ЛБГ).

[2] Иван Павлович Ладыжников и Георгий Леонардович Подольский.

[3] Осенью 1933 г. Пришвину передали предложение Горького написать очерк для коллективной книги о строительстве Беломорско-Балтийского канала (М., изд. «История фабрик и заводов», 1934). Однако очерки Пришвина «Отцы и дети (Онего-Беломорский канал)», напечатанные в «Красной нови», 1934, № 1, по невыясненным причинам не вошли в книгу «Беломорско-Балтийский канал». В том же 1934 г. «Отцы и дети» вместе с ранними очерками были опубликованы в книге под названием «В краю непуганых птиц» (М., ГИХЛ, 1934).

35

ГОРЬКИЙ — ПРИШВИНУ

〈Москва. 21 января 1935 г.〉

Дорогой Михаил Михайлович —

виноват пред вами, запоздал ответить на вопрос ваш по поводу издания Собрания сочинений ваших [1]. А теперь — как будто — вы уже и не нуждаетесь в ответе, ибо, слышал я, Накоряков заключил с вами договор по изданию его [2].

Спасибо за обещание дать материал «Колхознику» [3]. Мы пустили бы его в зимние книжки, когда у людей деревни есть время читать. Простите, пишу неразборчиво, очень устал, руки трясутся.

Всего доброго.

А. Пешков

21.I.35.

[1] В письме от 8 декабря 1934 г. Пришвин сообщил Горькому о желании выпустить новое собрание своих сочинений (см. прим. 2). «Обратите внимание,— писал Пришвин,— что книги мои не есть простое переиздание, что для уверенности в необходимости их переиздания я вновь объездил места на севере, где был 30 лет тому назад, и благодаря этому отметил новые достижения» (АГ).

[2] Николай Никандрович *Накоряков* — в то время директор Госиздата. В 1935—1939 гг. было выпущено Собр. соч. Пришвина в четырех томах: т. I. «Север». В том вошли очерки «Отцы и дети», написанные в 1934 г. (см. письмо 35, прим. 3) и очерки «В краю непуганых птиц», напечатанные в 1905 г.; т. II. «Кащеева цепь»; т. III. «Жень-шень»; т. IV. «Берендеева чаща».

[3] В письме Пришвину от 20 июня 1934 г. (т. 30, с. 351—352) Горький просил дать рассказ для вновь организуемого журнала «Колхозник» и библиотечки при этом журнале.

В цитируемом выше письме Пришвин писал по этому поводу: «В скором времени я доставлю в „Колхозник" свою работу, и, надеюсь, в известной мере, она ответит запросам конкретного колхозника.

Вместе с тем повторяю, что я охотно готов обработать любую свою вещь для той библиотечки, о которой писали вы в своем последнем письме» (АГ).

В журнале «Колхозник», 1935 г., № 4, Пришвин опубликовал четыре рассказа под общим названием «Календарь природы».

ГОРЬКИЙ — М. А. РОССОВСКИЙ

Михаил Андреевич *Россовский* (р. 1899) — журналист, в апреле 1932 г. встречал Горького на станции Негорелое в составе делегации Союза писателей.

Переписывался с Горьким в 1933—1934 гг.

Ниже публикуются два письма Горького к Россовскому.

1

ГОРЬКИЙ — РОССОВСКОМУ

〈Москва. Вторая половина сентября 1933 г.〉

М. Россовский

«ЗАПИСКИ ПОЛИТОТДЕЛЬЦА»

В письме вы сообщаете: «Книга печатается [1]. Мне же она мучительно не нравится»,— слово «мучительно» даже подчеркнуто вами.

Вы легко могли бы избежать мучительных переживаний, если б, не торопясь печатать рукопись, довели ее до уборки хлеба. Ограничась рассказом о работе тт. политотдельцев по организации пахоты и сева,— вы сделали половину дела. Как сделана работа? На мой взгляд — недостаточно продуманно и солидно. Беллетристика — весьма коварная штучка, и часто — особенно у нас — форма беллетристики понижает социально-политическое значение материала. У меня, читателя, возникает вопрос: перед тем как отправиться на работу в колхозы,— что делали тт., изображаемые вами? Это — серьезный вопрос. Ответив на него, вы дали бы читателю представление о рабочей гибкости, о разнообразной способности к труду нашей молодой интеллигенции. На работу в МТС отправилось 100 человек из Комакадемии,— партия и общественность будут очень благодарны тому автору, который сумеет правдиво рассказать о работе молодых наших философов, литературоведов, экономистов среди колхозников и единоличников. Ведь эта работа не менее серьезна, чем партчистка.

Сцена с трактором [2] — стр. 27—29 — доставит большое удовольствие нашим врагам. Такие сцены всегда требуют сопоставления с ними сцен прямо противоположных. Контраст светотени в словесной живописи так же необходим, как и в масляной.

В общем — работа интересная, читается легко, дает кое-какие не бесценные знания о ходе работы политотделов. Но — тут снова возникает вопрос: насколько типичен описываемый вами политотдел? Как работают другие? Если бы вы посмотрели работу двух-трех политотделов в Москов〈ской〉 области или хотя бы собрали сведения о них — ваша рукопись очень выиграла бы. Декрет об учреждении политотделов в МТС — гениальный декрет, он свидетельствует о великой мудрости нашей партии [3]. Вот в чем дело! Прочитать роман ваш [4] я не могу в ближайшее время, да я думаю, что вам и не нужно это,— роман ведь печатается уже.

Привет

М. Горький

Датируется на основании письма адресата от 8 сентября 1933 г. с сообщением об отправке рукописи Горькому (АГ).

[1] М. Россовский. Записки политотдельца. М., «Московское товарищество писателей», 1934.

По совету Горького автор продолжил свою работу. Вторая часть «Записок политотдельца» была опубликована в «Новом мире», 1934, №№ 4 и 10; «Октябре», 1934, № 4.

[2] Речь идет о сцене поломки трактора молодыми неопытными трактористами.

[3] В январе 1933 г. ЦК ВКП(б) принял решение о создании политических отделов при машинно-тракторных станциях, обслуживающих колхозы. Для работы в политотделах было направлено 17 тысяч партийных работников (см. «Цели и задачи политических отделов МТС и совхозов».— «Правда», 1933, № 13, от 13 января).

[4] Имеется в виду роман Россовского «Освобождение Сергея Вахрина». Роман не был издан.

2

ГОРЬКИЙ — РОССОВСКОМУ

〈Москва. 7 марта 1934 г.〉

Мих. Россовскому

Критическую заметку, посвященную книжке вашей, я не читал и не могу прочитать ее, ибо у меня нет комплекта «Литгазеты» [1]. Моя оценка такова: книжка — грамотная, автор умело пользуется формой очерка; насколько позволяет эта форма,— люди изображаются автором, хотя и внешне, в диалогах, но довольно живо, но «описательная» часть очерка — бледна и слаба. А насколько «изображение является копией действительности» — что для очерка особенно обязательно — судить не могу, ибо изображаемое неизвестно мне. Думаю, что вы неправильно именуете критику «пинком» [2]; если она груба, то у нас это признак не озлобления, а — общего всем нам «бескультурья». Тут какой-то странный парадокс: люди делают великолепное, мирового значения дело, но всё еще не могут научиться уважать друг друга за это, не говоря уже о том, что не умеют восхищаться друг другом.

М. Горький

7.III.34.

[1] Послав Горькому свою книгу «Записки политотдельца», Россовский в письме от 27 февраля 1934 г. жаловался, что книга его «обругана» в «Лит. газете». Имеется в виду статья С. Немировского «Записки политотдельца».— «Лит. газета», 1934, № 23, от 26 февраля.

[2] В указанном выше письме Россовский писал: «Буду работать вопреки пинкам и прислушиваясь к критике суровой, но товарищеской...» (АГ).

ГОРЬКИЙ — Л. Н. СЕЙФУЛЛИНА

Лидия Николаевна *Сейфуллина* (1889—1954) в своих воспоминаниях, озаглавленных «Человек», так охарактеризовала роль, которую сыграл Горький в ее жизни: «Он вошел в мою жизнь, как в тысячи жизней моих сверстников, властно и навсегда. Вошел своей творческой мыслью, своим вдохновением, своим познанием человеческого бытия. В глухом бездорожье, перед рассветом 1905 года вдруг заговорил с нами добрый, знающий дорогу человек» («М. Горький в воспоминаниях современников». М., Гослитиздат, 1955, стр. 584).

11 мая 1917 г. Сейфуллина вместе с группой сельских библиотекарей посетила публичное заседание «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук в России», в Большом театре. Тогда она впервые увидела Горького, слышала его выступление и участвовала в беседе с ним. Личное знакомство состоялось в 1928 г., в Москве, по приезде Горького из Италии. Горький вызвал Сейфуллину, чтоб расспросить о состоянии литературных дел в Сибири, о работе журнала «Сибирские огни», в котором писательница начала в 1921 г. свою литературную деятельность. О творчестве самой Сейфуллиной Горький сказал: «Мне понравилось дельное замечание одного критика. Он так выразился о вас: рано приклеивать Сейфуллиной бороду Толстого. Так вот, сударыня, не торопитесь с бородой! Литератору никогда не следует горячиться и самообольщаться. Усвойте себе это жизненное правило. Поверьте, лучше и легче работать будете» (там же, стр. 588). «Позднее он резче, прямей и настойчивей бранил меня. Сам убедительно просил написать рассказ для журнала „Колхозник“, а получив, беспощадно исчеркал и вернул даже без всякого отзыва. Зато как я была счастлива, когда он хвалил...» (там же).

Ниже публикуются два письма Горького Сейфуллиной и три письма Сейфуллиной Горькому. Письмо Горького Сейфуллиной от 8 июля 1931 г. было опубликовано в сб. «Горький и Сибирь». Новосибирск, 1961, стр. 215; письмо от 19 ноября 1934 г. — в «Лит. газете», 1959, № 38, от 28 марта в связи с сообщением о подготовке наст. тома.

1

СЕЙФУЛЛИНА — ГОРЬКОМУ

〈Москва〉. 5-го июля 1931 г.

Глубокоуважаемый
Алексей Максимович.

После вашего отрицательного отзыва о журнале «30 дней» [1] в редакции большая тревога. Она парализует работу. Создать новый журнал трудно. Просто закрыть существующий, чтоб осталось гладкое место, нельзя по многим причинам. О них я должна вам сообщить. Недавно составлена обновленная редколлегия [2]. В нее включили меня. И рабочий редсовет поручил мне обратиться к вам за указанием и помощью. Почему нельзя просто прекратить выход этого журнала? «30 дней» существует семь лет. Журнал премирован на выставке советской печати. О нем были прекрасные отзывы в «Правде», «Известиях» и др〈угих〉 центральных органах печати. Его обследовала бригада ЦК ВКП(б). Она дала хороший отзыв. Журнал представляет собой целую систему изданий для культурного обогащения современного читателя. Он дал читателям Короленко, Мопассана, Щедрина

и др. Наряду с классиками — избранные произведения советской литературы, лучшее, что появилось за последние годы. При журнале шла действенная общественная работа. Во время драки с китайскими белогвардейцами [3] журнал организовал литературную помощь красноармейской печати. Он получил от ОДВА грамоту за действенную помощь Красной Армии. «30 дней» — первый в СССР журнал, создавший настоящий рабочий редсовет. В составе его авторитетные рабочие, ударники. Один из них, С. Фридман, вошел и в новую редколлегию журнала. Кроме того, работает он в редсовете «Молодой гвардии». Другой, Астафьев, работает по выдвижению в редсовете издательства «Федерация». Третий, С. Гуров, дважды премированный ударник — рационализатор на Пресненском заводе, ударник бригады Краснопресненского райкома. Четвертый, Павлов, ударник бригады ЦК ВКП и др. Их всего семь человек. Помимо того, что все они являются отменными, прекрасными работниками у себя на заводах, они работают в печати регулярно и неустанно. В журнале «30 дней» они дежурят по очереди для бесед с авторами, никогда не задерживают рукописей, пишут сами в своей заводской и общей периодической печати. Опыт их работы получил общественное одобрение рабочих тех заводов, которые их выдвинули. Может быть, благодаря главным образом их авторитету, «30 дней» стал чрезвычайно популярным журналом в читательской рабочей массе. Здесь действительно существует связь с рабочими читателями. «30 дней» наладил работу с молодежью, с новыми кадрами. Очеркисты, в большинстве работающие и в «Наших достижениях»,— представляют, наоборот, проверенные литературные силы. И такое соединение в журнальной работе очень помогает молодежи. Малые литературные формы, укрепление и развитие которых необходимо в интересах массовых изданий, сейчас в загоне. Журналы печатают отрывки из больших повестей и романов. Законченное большое произведение может быть помещено лишь в толстых журналах. Эти журналы в рабочей массе читаются мало. Толстую книжку сейчас вообще немногие из трудящихся осиливают. У всех слишком много ежедневной насущной работы. Журнал «30 дней» мог бы бороться с этим равнодушием к периодическим изданиям. По мере сил и уменья, редакция этого и добивается. В последние годы он освещал, главным образом, вопросы советского строительства. Мы полагаем, что и теперь этот иллюстрированный журнал может освещать вопросы советской культуры, литературы, искусства и быта не только в иллюстрациях, но и в соответствующей литературной малой форме. Такого типа журналов, как «30 дней», в СССР больше нет. У него много читателей. Было бы еще больше, но не хватает бумаги. Объем «30 дней» в последние годы уменьшен. Редакционные работники, технически созидающие журнал, испытаны на двенадцатилетней советской журнальной работе (в красноармейской и гражданской печати).

Наш рабочий редсовет поручил мне, Алексей Максимович, просить вас, нельзя ли ввести «30 дней» в так называемый Горьковский литературный комбинат [4]. Это наше общее горячее желание. Во всяком случае, не откажите нам в совете, как сделать журнал хорошим. Если б вы были добры принять меня лично, можно было бы поговорить подробней. Будем ждать вашего ответа [5]. Я не могу переписать письма потому, что у меня болят глаза. Очки только что заказаны, а старческая дальнозоркость давно налицо, и я переутомила глаза. Простите мне поэтому всяческие помарки.

С глубоким искренним уважением

Л. Сейфуллина

Мой телефон: 1—75—37. Адрес: Спиридоновка, д. 26, кв. 23, А. И. Стецкого, мне.

Л. Н. СЕЙФУЛЛИНА
Рисунок В. А. Милашевского, 1932 г.
Собрание художника, Москва

[1] «30 дней» — литературно-художественный журнал, выходивший с 1925 г. по 1941 г. В статье «О работе неумелой, небрежной, недобросовестной и т. д.» («Правда», 1931, № 108, от 19 апреля) Горький писал: «В социалистическом государстве не должны иметь места такие „журналы", как „Советский следопыт", „Природа и люди", „30 дней" — пошлейшее издание». При переиздании статьи Горький исключил оценку журнала «30 дней» (см. т. 25, с. 482). «Пошлейшим журнальчиком» назвал Горький «30 дней» и в письме к А. Б. Халатову от 24 января 1931 г. (АГ).

[2] В состав новой редколлегии вошли: В. Соловьев (ответственный редактор), В. Регинин, Л. Сейфуллина и С. Фридман.

[3] Имеется в виду конфликт на КВЖД в 1929 г., окончившийся разгромом китайских милитаристов.

[4] По-видимому, в данном случае Сейфуллина имеет в виду включение журнала «30 дней» в орбиту тех изданий, которые осуществлялись по инициативе и под руководством Горького, как, например, журналы «Наши достижения», «Литературная учеба», «За рубежом», «СССР на стройке».

[5] Горький откликнулся на просьбу Сейфуллиной. В заметке «А. М. Горький о журнале „30 дней"», опубликованной в журнале «30 дней», 1931, № 8, читаем:

«Рабочий редсовет обратился к А. М. Горькому за указаниями и помощью в связи с его „сердитым" замечанием по адресу журнала в одной из статей о нашей периодике.

В беседе с представителем редсовета Алексей Максимович согласился, что журнал „30 дней", освещающий текущий день СССР,— нужен.

— Хорошо, что в журнале, — сказал А. М. Горький,— в большой мере освещается социалистическое строительство. Нужно только к самим очеркам усугубить требовательное отношение. В каждый из „тридцати дней" нашей страны входит работа и по поднятию ее культурного уровня, развитию ее искусства и литературы. Поэтому необходимо ввести в журнале литературные обзоры. Точно так же нужно усилить или даже заново организовать отдел „За рубежом", помня, что за границей происходят события чрезвычайной важности, и о них необходимо пространно сообщать читателю.

Нужно также показать в журнале, как под напором трудящихся теряет свой прежний авторитет на Западе религия. Вот, например, борьба в Италии с духовенством — явление большой важности, но ему на страницах журналов до сих пор не отведено необходимого места.

М. Горький передал редколлегии журнала „30 дней" ряд отобранных им вырезок из заграничной белогвардейской печати для использования их в отделе „За рубежом" и обещал дальнейшее свое содействие „30 дням". Алексей Максимович также взял

слово с присутствовавшего при этой беседе писателя И. Бабеля, что он напишет для „30 дней" очерк о французском суде ⟨...⟩

Последующий пакет с материалами из иностранной печати для „30 дней" Алексей Максимович сопроводил письмом, в котором, возвращаясь к своей беседе с представителями редакции, подчеркивает, что „лицо журнала должно быть изменено в том направлении, как мы говорили. И если редколлегия не против моего вмешательства в ее работу, я готов снабжать ее вырезками, подобными прилагаемым. Могу изредка давать статейки о зарубежном быте"» (стр. 60—61).

В письме к Горькому от 19 июля 1931 г. рабочий редакционный совет журнала «30 дней» писал: «Дорогой Алексей Максимович, рабочий редсовет журнала „30 дней" 19 июля обсудил ваше письмо, адресованное Лидии Николаевне Сейфуллиной, и вынес ряд конкретных решений по поводу указаний, сделанных вами.

„Ваше вмешательство" в нашу работу чрезвычайно ободрило нас, оно дает нам уверенность в том, что при вашем руководстве и помощи нам удастся добиться разрешения задач, поставленных себе редсоветом и редколлегией с первого дня их работы,— сделать журнал „30 дней" хорошим и нужным. Нас особенно обрадовало ваше обещание давать на страницах нашего журнала хотя бы изредка статьи о зарубежном быте, а материал, присланный вами (вырезки из белых газет), мы, конечно, используем в ближайшем номере.

Мы хотим, чтобы связь с вами нашего журнала стала постоянной и прочной, а пути к этому вы нам укажете сами, — при ваших „нагрузках" мы не решаемся этого сделать.

Ваше письмо не только „сгладило отзыв" о журнале: оно дает нам большую уверенность и новые силы в той новой и трудной еще для нас работе, за которую мы принялись — в овладении высотами литературной работы, в создании хорошего журнала, рассчитанного на передового рабочего читателя» (АГ).

С конца 1932 г. во главе редколлегии журнала «30 дней» стал П. А. Павленко (см. письмо Горького П. А. Павленко от 1 января 1933 г., т. 30, № 1067 и прим. к нему).

2

ГОРЬКИЙ — СЕЙФУЛЛИНОЙ

⟨Горки. 8 июля 1931⟩.

Дорогая Лидия Николаевна —

посылаю десяток вырезок, которые рисуют современное положение людей искусства в Европе.

Мне кажется, что из этого материала можно сделать интересную статейку [1].

Крепко жму руку.

А. Пешков

8.VII.31.

P. S. Прилагаю еще кое-что по САШ и о «событиях» на Корсике.

А. П.

[1] В письме от 3 февраля 1932 г. рабочий редсовет «30 дней» информирует Горького о перестройке работы журнала: «Надеемся, что вы в свободную минуту напишете, насколько успешно мы выполняем ваши указания. Насколько удовлетворительны, в частности, наши политобзоры, которые составляются на основе присылаемых вами вырезок?» (АГ).

3

СЕЙФУЛЛИНА — ГОРЬКОМУ

⟨Москва. 1 ноября 1934 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович.

Уместней было бы написать «глубокоуважаемый», но казенным стало такое обозначение большого чувства — уважения одного человека другим. И «дорогой» я пишу с ощущением первоначальной весомости этого слова. Вы не можете заподозрить меня в лести. Для этого слишком явно, грубо подбираю я слова. Так не льстят теперь. Есть форма тоньше и верней.

Я хочу рассказать вам о подлинном человеческом ощущенье — радости от того, что в жизни есть искусство. Я была третьего дня в театре Вахтангова на двухсотом представлении «Егора Булычова» [1]. Что театр был переполнен — это не удивительно. Московские театры всегда полны зрителем. Но как воспринимался спектакль, вот в чем дело. Каждое действие прерывалось аплодисментами. Ни одна удачная фраза не падала в пустоту. Со мной в директорской ложе были домашняя работница и вузовка. Естественно, что каждая воспринимала спектакль по-своему. Вузовка (медичка со второго курса) два раза плакала, когда страдал Егор от бессилья перед смертью, от чувства одиночества в этой личной своей обреченности. Моя домработница сидела с каменным нахмуренным лицом. При остроумных словах и над смешным положением героев смеялись они обе заразительно и дружно. В антракте домработница сказала мне: «вот и *прожил всю жизнь на чужой улице*» (я не подсказывала ей этих слов и не указывала на них). «Эх, отец его плоты гонял, а у него что получилось? Женился на богатой, а только и есть у него, что Шурка — незаконная да Глафира». А когда мы уходили из театра, она заявила: «Я теперь всегда буду ходить на драму. Ну, Горький! Вот так *наш* Максим Горький». До сих пор она ходила только в кино, а в Малом театре устала и вернулась до конца спектакля, с «Любови Яровой». — И вот третий день она мне и малярам (у меня в квартире ремонт) надоедает пересказом «Егора Булычова». Для вас это, конечно, не ново. Но я счастлива от сознания, что существует же сила художественного слова. А я, было, стала сомневаться в этом. Уж очень паршиво жить в нашей самодовольной, завистливой и глухой «литераторской» (по вашему обозначению) среде. Один строит дачу, другой покупает автомобиль, и каждый: «я, я — мне, мне», как будто нет и не было бесценных сокровищ русской литературы, как будто не существует огромный удивительный мир СССР, а вопят одни Яши Ячкины, прожорливые и тупые, самовлюбленные. Может быть, что я воспринимаю окружающее нервозно. Я около месяца пролежала в больнице после мучительной операции. А по возвращенье в сообщество здоровых всегда хочется жизни плодотворной и, по возможности, чистой от корысти, от зависти, от недоброжелательства. На спектакле у Вахтангова я отдохнула, и мне захотелось написать вам, дорогой, любимый Алексей Максимович. Так захотелось, что пишу я со сжатыми локтями, на краешке стола. Из-за ремонта все вещи сдвинуты в одну комнату, в другой работают. Вы знаете, Алексей Максимович, что мне от вас ничего не надо. Вы помогли мне в прошлом году [2], но не я просила вас об этом. И если уж унижаться и льстить, то нашла бы я и другие подъезды, более парадные, чем ваш. Вы должны поверить в искренность этого моего к вам посланья. Очень хочется поверить, что люди еще могут верить в непроизвольность благодарных слов. А я благодарю вас за то, что вы есть на свете, за то, что написали хорошие книги, написали и «Егора Булычова» и напишете еще новое. В больнице я перечитывала «Детство», «В людях» и «Дело Артамоновых». И в какой-то первооснове возродилось мое читательское восхищенье. Я крепко жму вашу дорогую руку, от всей полноты души желаю вам здоровья, сил и возможного счастья.

Л. Сейфуллина

1-го ноября 1934 г.

[1] Высказывания Сейфуллиной о драматургии Горького, в частности о его пьесе «Егор Булычов и другие», мы находим в ее статье «О ненависти, о любви (М. Горький — драматург)» («Литературная учеба», 1940, № 12), а также в ее воспоминаниях о Горьком «Человек» («М. Горький в воспоминаниях современников», М., Гослитиздат, 1955).

[2] О чем идет речь, установить не удалось.

4

ГОРЬКИЙ — СЕЙФУЛЛИНОЙ

〈Тессели. 19 ноября 1934 г.〉.

Многоуважаемая татарка Лидия Сейфуллина,
чёртова кукла с глазами, как шарикоподшипники!

Мною, старым воробьем от литературы и генералом от старости — могу сказать так, ибо в древнее время «бытовали» генералы от инфантерии — (терпеть не могу вводных предложений!),— мною давно уже было замечено, что вы не только весьма даровитый литератор, но человечица, влюбленная в литературу и, главное, смело честная, искренняя — качества, коими литературная «среда» не изобилует. Хотя это сказано тоже совершенно искренно и с полнейшим убеждением, но — ежели не верите, чёрт с вами! — можете считать за комплимент, дело — не в этом.

Получив ваше «объяснение в любви», я чувствую себя в праве «пробрать» вас, сиречь — изругать. 〈...〉

Вы бы лучше писали побольше, да не писем, к старикам, а — рассказов, повестей, даже роман следовало бы попытаться начать. 〈...〉 У вас есть вполне определенное, своеобразное дарование и вы — не имеете права игнорировать его. Будучи глазастым человеком, вы, конечно, видите, что у нас в литературе уже вполне достаточно равнодушных, халтурников и — вообще — паразитов пролетариата. Для вас было бы преступно включать себя в их стадо. Я вам еще раз повторю: вы человек талантливо чувствующий, и вы имеете все данные для того, чтоб талантливо знать, талантливо различать нужное от ненужного, находить в навозе жизни ее жемчужные зерна. Именно об этом говорят: «Иринея», «Правонарушители» [1] и другие рассказы, включительно с последним, прочитанным мною — о девочке [2].

Я уверен, что вы могли бы отлично писать о детях, о женщинах, в их современном виде.

Ругать вас я могу весьма длинно и много, но, к сожалению, у меня нет времени для этого полезного дела. Да и — чёрт вас знает!— еще обидитесь: какое право ругаться имеет этот старинный Нестор Кукольник? Да.

Уважаемая Сейфуллина — факт! Я — старею. Старею, как бог или как Герберт Уэллс и так же, как у последнего, у меня развивается мания величия. Я хочу сделать земной шар гладким, как биллиардный, и для этого разрушаю камни, чтоб — впоследствии — разрушить все горные хребты: Кавказы, Альпы и прочие Гималаи.

Очень неудобно будет любителям спокойной жизни на гладком-то шарике! Вообще я им устрою штучку!

Пока — до свидания! Спасибо за письмо.

Литераторы должны любить друг друга вовсе не так, как собаки любят. Или — петухи. Верно?

Жму лапу.
Иегудиил Хламида.

Он же М. Горький (А. Пешков)
и Джонатан Шекспир

19.XI.34.

Кисели [3] в Крыму.

[1] Повесть Сейфуллиной «Виринея» была впервые напечатана в «Красной нови», 1924, № 4. Рассказ «Правонарушители» — в «Сибирских огнях», 1922, № 2.

[2] Речь идет о рассказе Сейфуллиной «Таня», впервые опубликованном в «Новом мире», 1934, № 8.

МОСКОВСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ НА I ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

На снимке, снизу вверх (слева направо), на полу: В. В Казин, Г. А. Санников; в первом ряду: А. М. Файко, В. Н. Билль-Белоцерковский, В. В. Вишневский, Л. Н. Сейфуллина, В. М. Инбер, А. А. Караваева, М. С. Шагинян, Ф. В. Гладков, П. А. Павленко, А. А. Фадеев, И. Г. Эренбург, В. М. Киршон, Л. В. Никулин; во втором ряду: А. Г. Зархи, Г. Н. Гайдовский, Ф. А. Березовский, С. Д. Годинер, Д. Р. Бергельсон, К. Л. Зелинский, Н. Огнев, И. Ф. Жига, В. В. Гольцев (девятый), А. А. Богданов, Н. Н. Ляшко, А. И. Эрлих, Шалва Сослани, М. Б. Колосов, Б. М. Лапин, Б. С. Ромашов, венгерские писатели А. Барта и Шандор Гергель, Л. А. Кассиль; в последнем ряду: Б. Н. Агапов, С. П. Бородин (третий), Е. Н. Пермитин, А. Г. Митрофанов, румынский писатель М. Г. Кахана и др.

Фотография, 17 августа—1 сентября 1934 г.

Отдел рукописей Института мировой литературы им А М. Горького АН СССР, Москва

В воспоминаниях о Горьком Сейфуллина пишет: «Дороже всех его похвал было мне его поздравление с рассказом „Таня“» (сб. «М. Горький в воспоминаниях современников». М., Гослитиздат, 1955, стр. 588).

[3] Шутливое обозначение Горьким места своего пребывания: Тессели в Крыму.

5

СЕЙФУЛЛИНА — ГОРЬКОМУ

⟨Москва. Конец ноября 1934 г.⟩

Алексей Максимович!

Ваше письмо принесло мне большую радость. А их что-то мало стало в моей личной жизни, поэтому я их дорого ценю. Вы называете себя «генералом от старости». Позвольте упрекнуть вас в некотором кокетстве. В генеральстве вашем — старость — явленье привходящее, оттого сугубо досадное. А всякую досаду надо отметать. Это сделать тем более легко, что нами, людьми, пишущими вам объясненья в любви, старость ваша не воспринимается никак. Человек, умеющий так работать, столь полно ощущать жизнь и так реагировать на ее явления,— не стар. Паспортные сведенья не должны интересовать даже вас, хотя бы потому, что никто у Горького паспорта не спросит. По многим ощущеньям жизни я старее вас. И вы для меня — старший не по возрасту. Именно потому ваши указанья принимаю добровольно, как *приказанья*. ⟨...⟩ От всей души желаю вам здоровья. Остальные дары при вас, и старость пусть посторонится, подождет.

Большое вам спасибо за письмо.

Крепко жму вашу руку.

Если вы позволите назваться так, то

ваш верный друг

Л. Сейфуллина

Датируется по сопоставлению с письмом 4.

ГОРЬКИЙ — Н. А. СЛАВЯТИНСКИЙ

Литературовед Николай Андреевич *Славятинский* (р. 1902) в письме к Горькому от 29 мая 1933 г. предложил свой план создания «Словаря эпитетов русской художественной речи». «Этот словарь,— писал он,— звено ряда работ, назначение которых всесторонне выявлять богатства нашего языка и быть в помощь писателю» (АГ).

В ответ Славятинский получил от Горького два письма, оригиналы которых не сохранились.

Ниже публикуется одно письмо Горького к Славятинскому по машинописной копии из личного архива писателя.

〈Москва. Июнь 1933 г.〉

Уважаемый Николай Андреевич,

включаете ли вы в ряд классиков русского литературного языка и Н. С. Лескова?

Мне думается, что его язык вполне достоин изучения. В отношении к русскому языку Лесков — на мой взгляд — был пуристом, и его «фимиазмы», «ажидации», «мимоноски» и т. д. объясняются именно иронией пуриста, враждой к «варваризмам». Считаю ценным и его пристрастие к церковнославянскому языку, в коем весьма много красоты и силы и которым он пользовался умело.

Не полагаете ли вы, что вместе с намеченным вами словарем следовало бы дать еще «Словарь русского былинного языка»? Нам необходимо возбудить в молодых литераторах интерес к фольклору, к эпическому строю речи [1].

Датируется как ответное на письмо Славятинского от 29 мая 1933 г. (АГ).

[1] По этому поводу Славятинский писал Горькому в ответном письме (сентябрь, 1933 г.):

«Наконец, о необходимости „возбудить в молодых литераторах интерес к фольклору, к эпическому строю речи". Вас, по-видимому, не смущает то, что большая часть известных (оговариваюсь, известных мне) *попыток* современных *писателей опереться* на фольклор *носила либо реакционный характер* (Клюев, Клычков), либо карикатурно-революционный (небезызвестный Петр Орешин).

Ни то ни другое, на мой взгляд, вовсе не является чем-то неизбежным, обязательным. И это ваше замечание, Алексей Максимович, быть может, будет иметь, как многое из сказанного вами, огромное освобождающее значение. Мне только кажется, что наряду со словарем „русского былинного языка" тут нужен был бы еще ряд талантливых и живо написанных работ по поэтике фольклора, но не тех формалистически-анемичных работ, которые у нас есть, а работ совсем другого типа» (АГ).

Слова, выделенные курсивом, Горький подчеркнул и сделал пометку: «Очень верно!».

ГОРЬКИЙ — М. Л. СЛОНИМСКИЙ

Михаил Леонидович *Слонимский* (р. 1897) познакомился с Горьким в Петрограде в 1919 г. В это время он был привлечен К. И. Чуковским к работе в издательстве «Всемирная литература», руководимом Горьким. «Горький намерен был издать все лучшие произведения мировой литературы. В этом громадном деле,— вспоминает Слонимский,— мне назначено было доставать сочинения русских и иностранных писателей» («Максим Горький».— «Литературный современник», 1941, № 6, стр. 100). Слонимский был одним из членов литературной группы «Серапионовы братья». В связи с этим в его переписке с Горьким 1922—1925 гг. особенно много места уделяется творчеству молодых «серапионовцев» К. Федина, В. Каверина, М. Зощенко, Н. Никитина и др.

В письмах Слонимского к Горькому содержится ряд интересных суждений о группе «Серапионовы братья». В марте 1923 г. Слонимский писал Горькому, имея в виду декларативное выступление «серапионовцев» на страницах журнала «Литературные записки», 1922, № 3: «Автобиографии и прочую рекламную ерунду не судите строго — в этом виноваты не только мы» (АГ). В другом письме (сентябрь 1922 г.) он писал: «Не огорчайтесь на наши автобиографии. Это — легкомыслие на почве физического и нервного переутомления. Это не помешало нашей работе и не ущемило наших характеров. Надеюсь не изменило мнения к нам тех, кого мы любим» (АГ).

Уже в августе 1923 г. Слонимский писал Горькому о том, что группа оказалась недолговечной: «Серапионов тех, которых вы знали два года тому назад, нет. Есть отдельные писатели известные и неизвестные, сохранившие старую дружбу...» (АГ).

Слонимский не прерывал переписки с Горьким и в тридцатые годы. Он писал Горькому и как один из активных работников «Издательства писателей в Ленинграде».

В 1932 г. Слонимский обратился к Горькому с просьбой содействовать его отъезду за границу для литературной работы. «Поездка моя за границу,— рассказывает Слонимский,— состоялась летом 1932 г. (июнь — август). Я был в Германии — Берлин, Мюнхен, Сен-Блазиен (Шварцвальд), снова Берлин. Результат — „Повесть о Левинэ“ 〈...〉 Также очерки и рассказы „Берлин“, „Фашисты в Мюнхене“, „Блуждания“, „Католический бог“ 〈...〉 В Германию ездил для собирания материалов по „Повести о Левинэ“. Помог Горький. На вокзал я уехал, помнится, непосредственно с Малой Никитской, д. 6» (письмо в Архив А. М. Горького от 25 апреля 1960 г.).

Оценку «Повести о Левинэ» Горький дал в письме к Слонимскому от 1 июня 1935 г. (т. 30, № 1163).

Воспоминания Слонимского о встречах с Горьким опубликованы в сб. «Правда о Горьком». М., изд. ЦК ВКП(б), «Правда», 1932, стр. 129 («С первых шагов моих в литературе»), в «Литературном современнике», 1941, № 6 («Максим Горький») и в «Ленинских искрах», 1940, № 56, от 18 июня. С некоторыми сокращениями воспоминания Слонимского вошли в его книгу «Избранное». М., Гослитиздат, 1958.

Ниже публикуются десять писем Горького и четыре письма Слонимского. Письма Горького к Слонимскому печатаются по автографам, хранящимся у адресата. Письмо № 3 предоставлено К. А. Фединым.

См. также приложение к переписке Горький — Федин.

1

СЛОНИМСКИЙ — ГОРЬКОМУ

〈Петроград. 2 мая 1921 г.〉

Многоуважаемый и дорогой
Алексей Максимович,

посылаю вам две рукописи: М. Зощенки — рассказ «Старуха Врангель» и свой рассказ [1]. Зощенко — новый Серапионов брат, очень, по мнению Серапионов, талантливый.

Мне очень досадно, что Шкловский показал вам мой рассказ «Шоколад» [2]. Рассказ отвратительный. Мне очень интересно ваше мнение о моем рассказе, который передаю вам вместе с Зощенко.

Шкловский говорил также о сборнике молодежи и о том, что вы бы хотели организовать как-нибудь серапионовское собрание у себя на квартире. Он называл воскресенье, но говорил, что все же это не окончательно. В эту среду в 8 час. будет у меня следующее серапионовское собрание, и я мог бы оповестить всех друзей об этих делах.

Передаю вам также письмо Екат〈ерины〉 Павл〈овны〉 Летковой [3]. Она очень просит дать ответ.

Ваш М. Слонимский

2/V 1921 г.

[1] Речь идет о рассказе Слонимского «Поручик Архангельский» (напечатан в кн.: М. Слонимский. Рассказы. Л., Госиздат, 1924).

[2] Рассказ «Шоколад» не был напечатан.

[3] Письмо от 2 мая 1921 г., в котором Е. П. Леткова-Султанова просила Горького назначить время для встречи (АГ).

2

ГОРЬКИЙ — СЛОНИМСКОМУ

〈Петроград. 5 мая 1921 г.〉

Михаил Леонидович!

Рассказы Зощенко и ваш я прочитал,— мне очень хотелось бы побеседовать с ним и с вами по этому поводу [1].

А также, нужно бы мне поговорить со *всей* компанией вашей по вопросу об альманахе, который вам следовало бы сделать [2].

Поэтому — не соберетесь ли вы все ко мне в пятницу, часов в 8, в $^1/_2$ 9-го?

Если решите — известите меня об этом завтра.

Жму руку.
А. Пешков

5.V.21.

[1] В письме в Архив А. М. Горького от 22 января 1961 г. Слонимский сообщает: «„Поручика Архангельского“ Горький в общем, как я помню, похвалил. Точно помню, что Горький особенно выделил и даже прочел вслух начало главы VI, начиная со строк „Для отца Наташи все ясно“ и включительно до „будут ходить по комнате и зубрить“. При этом Горький сказал — „Хорошо у вас поставлен этот учитель...“» (АГ).

[2] Предполагалось выпустить альманах «1921 год». В АГ хранится набросок плана этого альманаха, сделанный Горьким:

1921.

Альманах.

Содержание
Всеволод Иванов. Жаровня Архангела Гавриила.
Хлеб.
Елизавета Полонская. Стихи.
Михаил Слонимский. Рваные люди.
Поручик Архангельский.

В. Познер. Баллада о коммунисте.
Баллада о дезертире.
Виктор Шкловский. В пустоте.
Мих. Зощенко. Любовь.
Война.
Старуха Врангель.
Ник. Радищин ⟨Радищев⟩. Голод.
Лев Лунц. Бунт.
Ник. Никитин. Рвотный форт.
В. Зильбер. Одиннадцатая аксиома.
Н. Павлович. Стихи.
Лев Лунц. Вне закона. Пьеса.

Редакция?

Для этого альманаха Горький написал до своего отъезда за границу предисловие (АГ). Издание альманаха в составе, намеченном Горьким, не осуществилось.

3

ГОРЬКИЙ — СЛОНИМСКОМУ, ЛУНЦУ, ВС. ИВАНОВУ

⟨Герингсдорф. Лето 1922 г.⟩

М. Л. Слонимскому, Лунцу, Всев. Иванову

Друзья!

Если вы пришлете мне через А. П. Пинкевича [1] рукописи для второго и третьего альманаха [2], я обязуюсь устроить здесь издание оных на условиях возможно более выгодных для вас и в самом скором времени. Выговорю вам гонорары за право перевода на иностранные языки.

Особенно рекомендую Всев. Иванову издать книгу его рассказов [3].

Сообщите, сколько вы хотели бы получить гонорара и затем — сколько тысяч экземпляров послать вам в Россию на продажу?

Будьте здоровы, будьте бодры, работайте больше, все остальное приложится!

Привет вам. А. Пешков

Датируется предположительно по выходу в свет альманаха «Серапионовы братья» (май 1922 г.).

[1] Альберт Петрович *Пинкевич* (1883—1939) — профессор, доктор педагогических наук. В двадцатые годы работал в Петроградской комиссии по улучшению быта ученых. По делам Комиссии часто бывал в Берлине.

[2] Эти издания не были осуществлены. О 1-м альманахе «Серапионовы братья» см. письмо 5, прим. 1.

[3] Был издан сборник рассказов Вс. Иванова «Седьмой берег». Берлин, «Геликон», 1923.

4

СЛОНИМСКИЙ — ГОРЬКОМУ

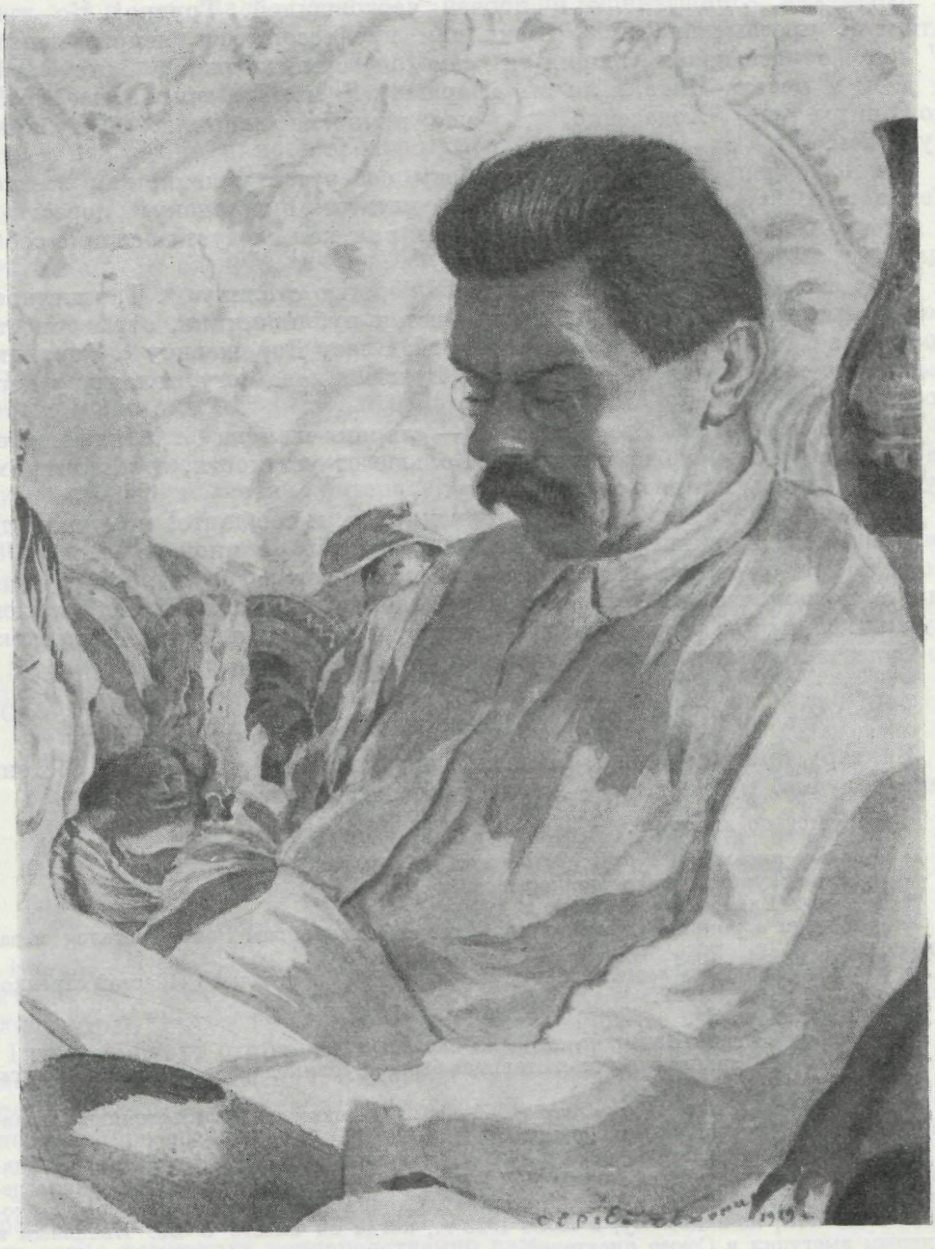
⟨Петроград. Середина августа 1922 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович,

получил от вас письмо [1] и, наконец, узнал точный ваш адрес.

Покорнейшая просьба: принять участие в нашем журнале [2]. Журнал будет называться «Двадцатые годы» (не наверняка еще). Журнал этот — следствие поездки моей со Всеволодом [3] и Фединым в Москву. Жду сейчас Всеволода, который еще в Москве,— он должен привезти деньги ⟨...⟩

Соберу с Серапионов рукописи и вышлю. Но ленивый народ — не переписывают. Да и то правда: ужасный это труд переписывать, а на перепечатку — увы! — денег нет.



ГОРЬКИЙ

Акварель С. В. Чехонина, Петроград, 1919 г.

Музей Горького, Москва

Военных рассказов больше не пишу. Пишу роман [4] авантюрный, с бандитами, Эйнштейном и прочей чертовщиной. Трудно! Но приятно до чрезвычайности. У меня там профессор есть непризнанный. У него сумасшедшая теория и сам он сумасшедший. Занят этим я днем и ночью. Читали ли вы «Варшаву» [5] мою? Меня за нее только Виктор [6] да Ходасевич, да еще немногие хвалили. А публика ругалась.

Очень по вас соскучился. В субботу соберутся у меня, как всегда, Серапионы, будет Каверин (Зильбер) читать «Гишпанскую повесть» [7], а я объявлю ваше письмо, и мы составим вам как следует послание сообща, ибо любим и помним вас очень.

Был я в Москве. Слушал Пильняка «Третью столицу» [8]. Талантливо, но Серапионы не совсем довольны: чистая публицистика, отрывочность возведена в принцип и трагически ведет к Власу Дорошевичу [9]. Торопливый человек Пильняк, мог бы писать лучше. Слава богу, таланту у него достаточно.

Читали мы там в Союзе писателей — старики шипели 〈...〉Пили много, да и вообще пьем, но не слишком. Больше от усталости, чтобы встряхнуться и вновь приняться за работу.

Пишите нам, дорогой Алексей Максимович, и сообщите, получили ли вы рукописи, посланные Чуковским А. Толстому и мной из Москвы [10]. Пожалуйста, распоряжайтесь ими (в смысле переводов и прочего) как знаете. Будем очень благодарны. Но не забывайте, пожалуйста, о нашем журнале. У нас на этот журнал — ориентация главная. Наконец-то можно будет заговорить полным голосом.

Всего вам хорошего.

Ваш М. Слонимский

Виктору пишу отдельно. Сообщите ему, пожалуйста, что все обстоит благополучно, и братство — штука хорошая, лучшая в мире.

Датируется по письму 5.

[1] О каком письме идет речь, установить не удалось.

[2] Издание журнала не состоялось.

[3] Всеволод Вячеславович Иванов.

[4] Речь идет о романе «Трактат профессора Мясникова». Роман остался незаконченным.

[5] Рассказ «Варшава» вошел в книгу рассказов М. Слонимского «Шестой стрелковый». Пб., «Время», 1922.

[6] В. Б. Шкловский.

[7] Это произведение Каверина не было напечатано.

[8] Повесть Б. Пильняка «Третья столица» была опубликована в альманахе «Круг», № 1 (М.—П., 1923).

[9] Влас Михайлович *Дорошевич* (1864—1922) — известный фельетонист, писавший короткими, отрывочными фразами.

[10] В литературном приложении к газ. «Накануне», 1922, № 34, от 7 мая, сообщалось, что от «петербургского ордена „Серапионовых братьев“» получен в Берлине целый ряд рукописей (стихи и беллетристика). Слонимский посылал Горькому рукописи из Москвы, по-видимому, в июле 1922 г., когда он вместе с Вс. Ивановым и Фединым выступал в Союзе писателей.

5

ГОРЬКИЙ — СЛОНИМСКОМУ

〈Герингсдорф.〉 19.VIII.22.

Получил ваше письмо, Михаил Леонидович,— спасибо за память! Для журнала вашего непременно что-нибудь пришлю, но — какой срок? Напишите.

На днях достал и прочитал «Серапионовы братья» — альманах [1]. Очень хорош Зощенко, как всегда интересен Зильбер — оригинальнейший писатель, сильно написал Лунц,— излишне хвалить Иванова. Сила какая!

И это — не из лучших рассказ. Ваш — хороший рассказ — испорчен, я знаю, как и кем. Жаль. Никитин — неудачно написал, но есть прелестные места, напр⟨имер⟩ — о коробке спичек и самоубийстве.

Разрешите мне указать на следующее: почти у всех вас — исключая В. Иванова — лексикон беднее ваших способностей и тем,— значительно беднее! Техника, которой вы обладаете, задачи, которые вы ставите перед собою,— неизбежно и настоятельно требуют большего богатства слов, большего обилия и разнообразия их. Не следует, конечно, пускаться на фокусы, как это делает Пильняк, заимствуя и искажая лексикон Андрея Белого,— не нужно «сочинять» слова,— но — язык наш достаточно гибок и богат — следует глубже всмотреться в него. В рассказах бытового характера у вас часто получается «единодушие» — в том его виде, который совершенно нежелателен,— один пишет, как другой. Особенно заметно это в страницах описательного характера.

Вы простите мне это указание. Поверьте, что оно вызвано моим глубоким и сердечным интересом к работе вашей группы. Она для меня — самое значительное и самое радостное в современной России. На мой взгляд — и я уверен, что не преувеличиваю — вы начинаете какую-то новую полосу в развитии литературы русской,— а это — величайшее, что есть у нас. Слежу за вами с трепетом и радостью. Будьте здоровы, живите дружно, присылайте, пожалуйста, в⟨аши⟩ книги мне. Очень прошу! Всего доброго.

А. Пешков

[1] «Серапионовы братья». Альманах первый, Пг., «Алконост», 1922.
В альманахе были опубликованы следующие произведения: М. Зощенко. Виктория Казимировна; Л. Лунц. В пустыне; Вс. Иванов. Синий зверюшка; М. Слонимский. Дикий; Н. Никитин. Дэзи; К. Федин. Песьи души; В. Каверин. Хроника города Лейпцига за 18.. год.

6

ГОРЬКИЙ — СЛОНИМСКОМУ

⟨Герингсдорф. 20 августа 1922 г.⟩

Дорогой Михаил Леонидович.

Вчера — 19-го — Андре Жермен[1] передал мне для «Серапионовых братьев» 50 т⟨ысяч⟩ гер⟨манских⟩ марок с просьбой послать вам посылки «Ара»[2].

Посылки будут отправлены на адрес «Дома искусств» и на имена Слонимского, Лунца, Зощенко, Зильбера — 22-го. Очень грустно, что ввиду падения марки на 50⟨%⟩, можно послать только четыре посылки, но я надеюсь скоро дослать еще пять или шесть. А если это вам удобнее, могу выслать деньгами.

«Викторию Казимировну», «Пустыню», «Хронику Лейпцига» отдал переводить на французский язык[3]. Гонорар будет послан редакцией «Les ecrits nouveaux» непосредственно вам.

Мне нужно бы иметь:

«Рассказы Синебрюхова»[4]
«Пятый странник»[5]
Стихи Полонской[6]
—„— Тихонова[7]

и вообще — все, что вами уже издано. Надо переиздать все это здесь, чтоб закрепить за вами права на оплату гонораром. У вас, кажется, скоро издадут закон об авторских правах[8],— как только эту штуку опубликуют, пришлите мне! Очень прошу. Если за иностранными авторами не будут признаны их права, то — разумеется — и за русскими Запад не

признает этих прав. Но — Германия связана Бернской конвенцией [9], значит: издавая здесь, вы имеете право авторизации для всех стран Европы.

Привет! Всем.

А. Пешков

Датируется по содержанию письма и по упоминанию о пребывании в Герингсдорфе Андре Жермена (уехал 27 августа 1922 г.).

[1] См. Горький — Каверин, письмо 4, прим. 5.

[2] Сокращенное обозначение организации «Американская администрация помощи» (American Relief Administration in Russia), созданной в США в 1919 г. для оказания продовольственной помощи странам, пострадавшим от первой империалистической войны, в том числе и Советской России. В 1923 г. была запрещена в РСФСР, так как выяснилось, что под флагом «помощи» АРА занималась организацией шпионажа и диверсий.

[3] Рассказ М. Зощенко «Виктория Казимировна» был напечатан в журнале «Disque vert», за 1923 г., №№ 4—6.

Рассказ В. Каверина «Хроника города Лейпцига за 18.. год» и рассказ Л. Лунца «В пустыне» в журнале «Les ecrits nouveaux» напечатаны не были.

[4] М. Зощенко. Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова. Пг., «Эпоха», 1922.

[5] Повесть В. Каверина «Пятый странник» была напечатана в альманахе артели писателей «Круг», I. Пг., 1923.

[6] Елизавета Григорьевна *Полонская* (р. 1890) — писательница, входила в группу «Серапионовы братья».

[7] Николай Семенович *Тихонов* (р. 1896).

[8] Декрет «Об основах авторского права в СССР» был принят 30 января 1925 г. (см. «Известия», 1925, № 28, от 4 февраля).

[9] Бернская конвенция по охране авторского права была заключена в 1886 г. государствами: Бельгией, Великобританией, Германией, Данией, Испанией, Италией, Либерией, Францией, Швейцарией и др.

7

ГОРЬКИЙ — СЛОНИМСКОМУ

⟨Герингсдорф. Конец августа 1922 г.⟩

Виктор должен был послать вам мое письмо [1], в котором я указывал на следующее:

Для того, чтоб вас здесь, за границей, не «разбазаривали» без пользы для ваших карманов, необходимо чтоб всё, что вы пишете, печаталось здесь *на русском языке.*

Это даст вам право авторизации, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ — защиты ваших материальных интересов в Европе,— тем самым это даст вам возможность получить здесь некие гонорары.

Здешние издатели, стремясь только «сорвать деньгу»,— не заинтересованы в защите ваших интересов.

Нужно поручить эту защиту, а равно и все дело издания ваших книг, здесь какому-то одному лицу.

Не найдете ли вы пригодным для этого дела Виктора? Он — достаточно деловит и любит вас, как вы знаете.

Если вы согласны с изложенным,— напишите Виктору.

О вас уже кое-что известно в европейской печати — здесь, во Франции, в Испании.

Скоро в «Ecrits nouveaux» Анри Жермен напечатает рецензию на альманах, и должна явиться статейка Диего Диаца в «El Sol» [2]. Здесь вами заинтересован Кайзер, а у него — свой журнал «Die neue Rundschau» [3].

Крайне необходимо, чтоб все вы как можно скорее и крепко встали на ноги,— не голодали бы, не хворали. Как вы думаете — не следует ли Зощенко поехать сюда, полечиться? Я сумел бы устроить его здесь, где-нибудь у моря, в теплом месте.

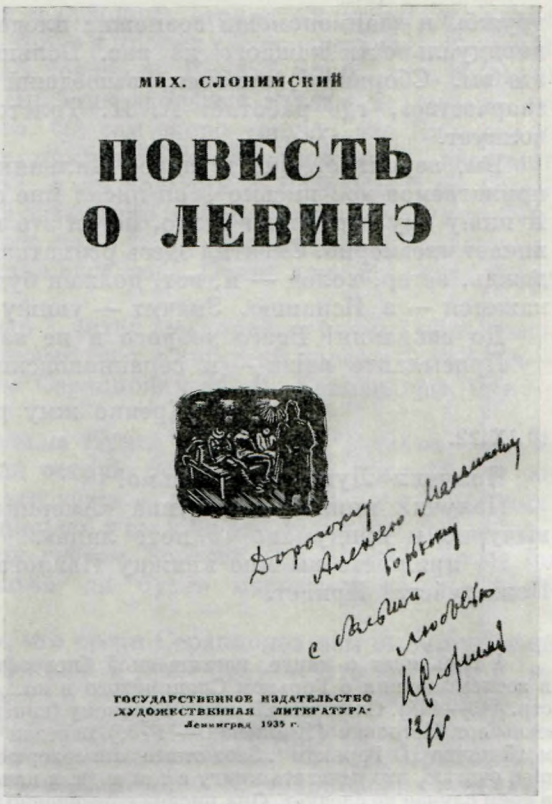
Еще раз — всего доброго!

А. Пешков

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ М. Л. СЛОНИМСКОГО ГОРЬКОМУ НА КНИГЕ «ПОВЕСТЬ О ЛЕВИНЭ» (Л., 1935):

«Дорогому Алексею Максимовичу Горькому с большой любовью М. Слонимский 12/V»

Личная библиотека Горького



Датируется по содержанию.

[1] Очевидно, через В. Б. Шкловского было передано письмо от 20 августа 1922 г. (письмо 6).

[2] Рецензия не появилась, но в этом журнале (1922, август—сентябрь, стр. 4—5) была напечатана заметка А. Жермена о его встречах с Горьким, в которой содержится горьковская характеристика группы «Серапионовы братья». «El Sol» — ежедневная мадридская газета.

[3] Рудольф *Кайзер* (р. 1889) — ученый филолог, редактор журнала «Die Neue Rundschau» (Берлин).

8

ГОРЬКИЙ — СЛОНИМСКОМУ

〈Герингсдорф. 10 сентября 1922 г.〉

Дорогой мой Михаил Леонидович.

Вы хорошо делаете, отказываясь издавать «материалы» [1],— в том виде, как они сделаны, они бы несколько скомпрометировали вас. Я давно хотел сказать вам это, но было неловко как-то, не хотелось мешать вам. Но теперь, когда я чувствую, что в то время как одни чрезмерно — на мой взгляд — ласкают Серапионов, другие зорко присматриваются, за какое место больнее укусить вас,— теперь вашу книгу встретили бы с радостью злой и вам неприятной.

Получил хорошее письмо от Федина [2], он совершенно правильно характеризует вашу группу, как оригинальное и небывалое в русской литературе явление, построенное не на основе «школы» или «тенденций», но на крепком «внутреннем» — как хочется, чтобы эта внутренняя связь все крепче связывала бы вас. Только вот на таком чувстве глубокой

дружбы и взаимопомощи возможна плодотворная работа без ущерба индивидуальности каждого из вас. Большие, яркие надежды возбуждаете вы. «Сборник»[3], наконец, вышедший здесь в издательстве «Русское творчество», где работает А. Н. Толстой, — очень читается и весьма волнует.

Вы, вероятно, знаете адрес Пильняка? Будьте добры, пошлите ему прилагаемое мое письмо[4], он писал мне с Пинкевичем, но не дал адреса. Я пишу ему несколько резко, но он это вполне заслужил, ибо — фокусничает чрезмерно. Схватил здесь ревматизм — уж очень плохое лето было: дождь, ветер, холод — и, вот, должен буду ехать на зиму в теплые края, кажется — в Испанию. Значит — увижу вас только весною.

До свидания! Всего доброго и не забывайте меня!

Присылайте ваши — и серапионовские вообще — книги.

Крепко жму руку. А. П е ш к о в

10.IX.22.

Получил Лунц мое письмо?[5]

Получил книжку Никитина «Америк〈анское〉 счастье»[6]. Немножко вычурно и придумано «в поте лица».

Не пришлете вы мне книжку Павлова — «Жученко», изд. «Былое»?[7]. Пожалуйста! Привет.

А. П.

[1] Речь идет о книге, посвященной биографии Горького (см. об этом подробнее в воспоминаниях о Горьком Слонимского в кн.: «Избранное». М., Гослитиздат, 1958, стр. 443—444). Слонимский писал Горькому (конец августа — начало сентября 1922 г.): «Альберт Петрович 〈Пинкевич.— *Ред.*〉 передал мне о ваших замечаниях по поводу моей книги „О Горьком". Этот отзыв ваш совершенно правилен, я с ним согласен вполне и считаю, что печатать книгу в том виде, в каком она написана три года назад,— ни в коем случае не следует. Она писана совершенно не моим голосом, завалена ненужным материалом,— вообще это просто бессмысленное нагромождение фактов, не получившее никакой формы. Типичная скучная ист〈орико〉-лит〈ературная〉 работа, из бездарных 〈...〉 Тема для меня — слишком важна, и я никак не согласен на всякое, бесцветное, бездарное исполнение этой темы» (АГ).

В другом письме (сентябрь 1922 г.) Слонимский писал: «Относительно материалов вы правы, но я хочу написать эту книгу. Ваша жизнь для меня пример стоицизма и мужества» (АГ).

Работа над книгой не была завершена. Позднее Слонимский передал фактический материал И. Груздеву для книги «Максим Горький. Биографический очерк (По новым материалам)». Пг., «Кубуч», 1925.

[2] См. Горький — Федин, письмо 4.

[3] «Серапионовы братья». Заграничный альманах. Берлин, «Русское творчество», 1922.

Состав сборника несколько отличался от русского издания альманаха (см. письмо 5, прим. 1). В него были дополнительно включены стихи Н. Тихонова и Е. Полонской, статья И. Груздева «Лицо и маска», не вошел рассказ Н. Никитина «Дэзи».

[4] См. Горький — Пильняк. Письмо от 10 сентября 1922 г.

[5] Писем Горького к Л. Н. Лунцу в АГ нет.

[6] Н. Н и к и т и н. Американское счастье. Рассказы, Пг., «Былое», 1922.

[7] Горький, по-видимому, имеет в виду книгу П. Павлова «Агенты, жандармы, палачи. По документам». Пг., «Былое», 1922, в которой есть глава «Героиня охранки (Из истории агентуры)», посвященная разоблачению провокаторской деятельности З. Ф. Жученко-Гернгросс.

9

ГОРЬКИЙ — СЛОНИМСКОМУ

〈Сааров, 10 октября 1922 г.〉

Очень огорчен тревожным письмом вашим [1], милый мой Михаил Леонидович, но, так как суть события вами изложена неясно,— тревога ваша кажется мне преувеличенной. Да и конец письма вашего бодрее начала.

К Пильняку как литератору я отношусь отрицательно, вы, наверное, видели это из моего письма [2], которое я просил вас передать ему. Кажется, и как человек, он — неважный товарищ. Крайне жаль, что Никитин поддается его влиянию, но — Никитин здоровый талант и, думаю, это влияние не может испортить его. Он сам скоро увидит, что Пильняк из тех, кто подражает, а не из тех, кому подражают. Пильняк — нигилист.

Вашу книгу «6 стрелковый»[3] я не получил и Лозовика [4] не видел. Это очень грустно. Пошлите мне экземпляр в Москву на имя Ек〈атерины〉 Пав〈ловны〉 Пешковой — Машков пер., 1, 16, для Ив〈ана〉 Пав〈ловича〉 Ладыжникова[5], он в конце месяца едет сюда. Очень хочу получить книгу Зощенко[6].

Вчера у меня был Вова Познер [7], читал две хорошие поэмы: «Лизанька» и «Вся жизнь г. Иванова»,— славный поэт и хороший парень 〈...〉 Затем— очень кланяется в〈ам〉 и другим Серапионам М. И. Бенкендорф, ныне— Будберг [8].

Вместе с вашим, получил письма Лунца и Зильбера [9], такие славные письма. Они несколько сгладили острую печаль вашего. Зильберу я советую издать книгу рассказов его здесь,— в «Книге» [10], не у Гржебина. Он, вероятно, покажет вам мое письмо, и вы увидите, как я это мотивирую. А Лунц написал трагедию, взяв героем Бертрана де Борн? [11] Хотел бы прочитать эту вещь, и — нельзя ли будет перевести ее на французский?

Возвращаюсь к вам. Я знаю, что среди Серапионов вам выпал жребий старшего брата, «хранителя интересов и душ» братии. Это трудная и неблагодарная роль, но это почтенно и необходимо. И ваше стремление сохранить дружескую связь, цельность братства возбуждает у меня к вам чувство искреннейшей благодарности, уважения. Скажу прямо: вы, Зильбер, Лунц, Зощенко это самое ценное ядро «С〈ерапионовых〉 б〈ратьев〉» и самое талантливое. Держитесь ближе, крепче, и вы явитесь магнитом, который привлечет к себе все наиболее значительное. Сейчас мне нужно идти на вокзал — не дописываю письма. Мой адрес: Берлин. Fürstenwalde, Saarow — Sanatorium.

Сердечный привет.

А. Пешков

10,X.22

[1] См. письмо 11, прим. 1.

[2] См. в наст. томе, стр. 309—310.

[3] М. Слонимский. Шестой стрелковый. Рассказы. Пг., «Время», 1922. В книгу вошли рассказы: «Шестой стрелковый», «Генерал», «Дикий», «Варшава».

[4] Слонимский сообщил Горькому, что Л. Лозовик, живущий в Берлине, предлагает свои услуги в качестве переводчика на английский язык рассказов «Серапионовых братьев», и просил передать ему для перевода те рассказы, которые Горький считает лучшими.

[5] Иван Павлович *Ладыжников* (1874—1945). В 1921—1923 гг. был одним из руководящих работников берлинского книгоиздательского и торгового общества «Книга».

[6] Возможно, имеется в виду книга М. Зощенко «Разнотык» (Пг., «Былое», 1923), о выходе которой сообщалось в сентябрьском номере журнала «Новая русская книга» (Берлин).

[7] См. письмо 11, прим. 8.

[8] М. И. Будберг, по первому мужу Бенкендорф.

[9] Письма от Л. Лунца от 22 сентября (АГ) и В. Каверина от 24 сентября 1922 г. (см. Горький — Каверин, письмо 2).

[10] См. Горький — Демидов, письмо 3, прим. 2.

[11] В сентябрьском номере «Новой русской книги» (Берлин) сообщалось, что Лунц закончил трагедию «Бертран де Борн». Напечатана в сборнике «Город», кн. 1. Пг., 1923.

10

СЛОНИМСКИЙ — ГОРЬКОМУ

〈Петроград. Вторая половина октября 1922 г.〉

Милый Алексей Максимович,

неврастенический период Серапионов кончился [1]. Все спят спокойно и крепко. Убедился, что разбиться мы физически не сможем. Писать халтурно и нечестно тоже вряд ли будем. Живем. И опять покорнейшая просьба: прислать нам всё, что хотите, для журнала. Журнал будет [2]. Через месяц выйдет первый номер. Размер журнала — 4 листа. С той же просьбой обращаюсь к Ходасевичу, Толстому, Эренбургу и, конечно, Виктору. Кого вы думаете хорошо было бы привлечь еще из «эмигрантов»? Журнал издается частным изд〈ательст〉вом и даже не «Кругом» (о «Круге» вы, наверное, слышали?). Хотелось бы очень вашего участия. Я вас очень люблю, Алексей Максимович, и с нетерпением жду обещанной весны и встречи.

Посылаю вам книжку [3], очень хотел бы знать о ней подробное ваше мнение. Как-то вы сказали обо мне, что я «шатаюсь». Чувствую, что вы правы. Но меня влечет к фантастике в быту. Не могу я писать бытовых рассказов, скучно, а в то же время без быта тоже не хочу. Не приемлю. Вся работа — в преодолении быта. Поэтому, м〈ожет〉 б〈ыть〉, органически чужд мне Пильняк, который бьет на натурализм.

Лунц ответил вам [4]. Я с ним много говорил о вас после ваших писем к нему, и ко мне, и к Федину. М〈ожет〉 б〈ыть〉, эти письма были одной из причин быстрого конца неврастенического периода. Опять наступает период упорства. В «Веретеныш» [5] не пойдем 〈...〉

Всего вам хорошего.
Ваш М. С л о н и м с к и й

Датируется по письму 9.

[1] Слонимский писал Горькому (начало октября 1922 г.): «Дорогой Алексей Максимович, пишу грустное письмо, ибо не могу: устал и хочу выговориться. Нахожусь в сильном сомнении. Расшатался. Дело в том, что пошатнулось благодаря Пильняку серапионовское дело. Пильняк повел линию литературно неправильную, подчинил Никитина и внес разлад...» (АГ).

[2] Издание не состоялось. См. письмо 4.

[3] Книгу рассказов «Шестой стрелковый». См. письмо 9, прим. 3.

[4] См. письмо 9, прим. 9.

[5] «Вестник критической мысли и сатиры» «Веретеныш» издавался в Берлине в 1922 г. группой писателей-эмигрантов.

11

ГОРЬКИЙ — СЛОНИМСКОМУ

〈Сааров. 13 марта 1923 г.〉

М. С л о н и м с к о м у

Дорогой мой друг, в конце концов — совершенно не важно, какова будет книга о Горьком, а важно, чтоб Михаил Слонимский писал рассказы. Вполне согласен с вами: оставьте книгу такой, какова она есть, подпишите ее инициалами М. С., и этим будет кончена канитель, которая мешает в〈ам〉 работать [1].

Очень тревожно знать, что вы чувствуете себя плохо; Лунц пишет, что вы «хандрите и нервничаете». Это — плохо. Сумеете ли вы отдохнуть в Крыму? А Лунц — теоретизирует, это тоже не очень хорошо, во всяком случае: несколько преждевременно. Я знаю, что в молодости человека весьма беспокоит зуд творчества различных законов и что всегда это приводит законоположников к дидактике, тенденции и другим грехам

против Духа искусства. И, уж если законотворчество одолевает непобедимо, так следует придавать этим законам или — точнее — издавать законы в художественной форме, оставляя за собою право иронического отношения к собственному законотворчеству. По натуре, по существу своему, Левушка прежде всего — художник.

Кстати: скажите ему, что «Пустыня» в переводе на французский язык звучит очень хорошо; ее будут печатать в «Европе», журнале Р. Роллана, Аркоса и Вильдрака [2]. И, пожалуйста, скажите, чтоб он не печатал «Закона» [3] в России, это невозможно, пьеса уже набрана «Беседой», в начале апреля выйдет, и будет нам нехорошо, а также и ему: журнал пройдет в Россию.

На днях я послал письмо о Серапионах для Франца Элленс в «Ecrits du Nord» [4], о Никитине и Всеволоде я пишу: «Они перегружены впечатлениями хаотического бытия России и не совсем еще научились справляться со своим богатейшим материалом. Мешает им и щегольство провинциализмами языка. Они слишком увлекаются местными словарями пестрой России, где почти каждая губерния говорит своими словами. Это делает их рассказы почти непереводимыми на европейские языки. Но успех не опьяняет их, наоборот: оба они знают его цену и говорят: «Нас очень хвалят, это не хорошо для нас». Слова — искренние. Я вижу, как они оба стараются преодолеть хаос своих впечатлений и несовершенства языка».

А Пильнякова «Третья столица» [5] — ужасна. И — малограмотна. Ну, будьте здоровы, берегите себя, присылайте рукописи. Не вышла ли книга Зильбера? [6] Пошлите, пожалуйста. Вам кланяется Познер [7]. Привет Ник〈олаю〉 Чуковскому, мне очень нравится его «Козленок» [8]. Идет в первой книге «Беседы» 〈...〉 Ходасевич пишет совершенно изумительные стихи.

Жму руку.

Привет мой Зощенко.

И — всем!

13.III.23. А. Пешков

Saarow

[1] См. письмо 9, прим. 1. Слонимский, обеспокоенный требованием издательства З. И. Гржебина сдать книгу о Горьком, писал: «Из книги можно сделать просто хронологическую канву, фамилию мою снять и поставить буквы „М. С.“. Как вы думаете?» (письмо от начала марта 1923 г., АГ).

[2] «Europe» — литературный и общественный журнал, основанный группой передовых писателей во главе с Роменом Ролланом в 1923 г.

Рассказ Л. Лунца «В пустыне» в журнале напечатан не был.

[3] Л. Лунц. Вне закона. Трагедия.— «Беседа», 1923, кн. 1 (май-июнь).

[4] Статья «„Группа Серапионовы братья“. Неопубликованное письмо Горького» была напечатана в журнале «Le disque vert», 1923, №№ 4—6. См. Горький — Федин, приложение II.

[5] См. письмо 4, прим. 8.

В заметке под названием «Русский язык» Горький приводит неправильные словоупотребления и неблагозвучные слогосочетания из повести Пильняка и в заключение пишет: «Пильняк называет себя подмастерьем Ремизова, но в повести „Тр〈етья〉 ст〈олица〉“ не чувствуется влияния Р〈емизова〉, а раздражает плохо усвоенный стиль Белого» (АГ).

[6] В. Каверин. Мастера и подмастерья. Рассказы. М.— Пг., «Круг», 1923.

[7] Владимир Соломонович *Познер* (р. 1905) — французский прогрессивный писатель и журналист, член французской компартии. Начинал литературную деятельность в Петрограде, в кругу «Серапионовых братьев». В 1922 г. уехал во Францию. В 1957 г. в Париже вышла его книга воспоминаний о встречах и переписке с Горьким.— «Souvenirs sur Gorki par Vladimir Pozner». Paris, Les Éditeurs Français Réunis, 1957.

[8] Н. Чуковский. Козленок. Стихотворение.— «Беседа», 1923, № 1 (май-июнь), стр. 126—131.

12

СЛОНИМСКИЙ — ГОРЬКОМУ

〈Петроград. Начало апреля 1923 г.〉

Дорогой Алексей Максимович,

вчера у Федина написал по обыкновению торопливое письмо, а сегодня хочу на свежую голову описать вам вчерашний серапионовский переполох.

Третьего дня я вернулся из Москвы. Настроение — прекрасное, ибо впереди — месяц спокойной и неторопливой работы. Прихожу вчера к Леве [1]. Лева по обыкновению лежит с градусником (он всегда чем-то болен). Лежит и дрожит в страхе. «Тебе письмо от Алексея Максимовича...[2] Страшно ругает... полная катастрофа и паника... и меня, и Федина». «За что?» «Я не разобрал». «Где письмо?» «У Федина».

Лева дрожит, я дрожу, галстух от испуга сам собой развязался, говорим шепотом, я хожу на цыпочках. Лева начинает успокаивать, но я убегаю. Трамваев нет, беру извозчика, гоню его к Федину. Приезжаю.

Федин сидит у стола и читает с карандашиком в руках собственную книгу[3]. Бледнея, подчеркивает какие-то фразы — глаза огромные, на лице — ужас. Увидев меня, сразу понимает, в чем дело, и дает мне письмо. Я прочитываю и немедленно соглашаюсь со всем решительно. Федин также согласен. Оба чувствуем себя отвратительно. Я хватаю перо, бумагу и тут же отвечаю вам, не помню что — кажется, ерунду. Полная катастрофа и паника, все погибло, мы — прохвосты и пишем дрянь, Федин плачет, я плачу, Лева у себя с градусником тоже плачет. И каждый начинает мучиться проданными и еще не напечатанными рассказами: а вдруг и они дрянь? Полное раскаяние и ужас.

Дорогой Алексей Максимович, большое спасибо вам за ваше письмо. Причина торопливости одна — невероятное отсутствие денег, гнусная бедность. Бороться с соблазнами при таких условиях необыкновенно трудно, а мы всё же боремся и халтурим только тогда, когда сил нет больше выдержать. Ведь в Москве мы, попросту говоря, если не маститые, то, во всяком случае, уважаемые и бороться с этой ложной «уважаемостью» не перестанем никогда.

Теперь у меня задача: написать такой рассказ, который бы вы и Влад〈ислав〉 Фел〈ицианович〉 [4] одобрили для «Беседы», и который бы понравился Виктору. Пишу и потом читаю вслух, воображая в кресле рядом Влад〈ислава〉 Фел〈ициановича〉. Выслушиваю от него замечания, затем иду по коридору к несуществующему Виктору, гляжу на дело его глазами и думаю о том, как отнесетесь к рассказу вы, когда я понесу рукопись вам на Кронверкский. Писать буду месяц, два месяца, три месяца, но добьюсь. Писать, наконец-то, можно спокойно, ибо деньги пока что есть.

Серапионы все живы и здоровы. Плотное ядро — Лева, Зощенко, Федин, я, Тихонов. Срослись и не разойдемся. Брань всем нам полезна. Большое спасибо, и очень я вас люблю.

Ваш М. Слонимский

Датируется по письму Федина от 7 апреля 1923 г. (см. Горький — Федин, письмо 6, прим. 2).

[1] Л. Н. Лунц.

[2] Этим письмом Горького, написанным, по-видимому, во второй половине марта 1923 г., АГ не располагает.

[3] «Пустырь». См. Горький — Федин, письмо 4, прим. 5.

[4] В. Ф. Ходасевич. См. Горький — Ласковая, письмо 2, прим. 1.

УБИЙЦА

Рисунок акварелью и цветным карандашом А. А. Пластова к «Заметкам из дневника» Горького, 1928 г.
Музей Горького, Москва

13

ГОРЬКИЙ — СЛОНИМСКОМУ

‹Сорренто›. 31. III ‹19›25.

Вчера получил «Ковш» [1],— поблагодарите Федина,— сегодня ваше письмо, Михаил Леонидович.

Прочитал в‹аш› рассказ [2]. Неплохо, даже значительно более уверенно сделано, чем прежние в‹аши› вещи, но вы и должны, и будете писать лучше.

Вы можете писать лучше, в этом меня убеждают различные кусочки, словечки, какие-то «обмолвочки», которыми пестрит рассказ и которые говорят, что вы человек, недостаточно уверенный в своих способностях. Это мое подозрение, м‹ожет› б‹ыть›, ошибочное, я мог бы иллюстрировать, но «Ковш» у меня отнял Ходас‹евич›; он и Берб‹ерова› [3] живут со мною уже несколько месяцев; скоро поедут в Париж.

Вы несколько робеете пред в‹ашим› материалом и, хорошо чувствуя иррациональное в реальном,— в фактах — не решаетесь обнаружить это ирреальное, полуфантастическое, дьявольски русское во всей его полноте. Зощенко — смелее вас, и этим — хорош. Его рассказ [4] и заставляет ждать очень «больших» книг от Зощ‹енко›. В его «юморе» больше иронии, чем юмора, а ирония жизненно необходима нам. Он обещает стать мастером. Как его здоровье, как он живет? Тут про вас разные мудрые люди вроде Степуна Ф. А. пишут и публично читают, что вы все — контрреволюционеры. Спорю, утверждая, что вы, в глубокой, органической ненависти вашей к «быту» истинные бунтари и революционеры ‹...›

Сейчас — больше, чем когда-либо, защита свободы духа человека — дело революционное. Здесь приглашают возвратиться к мироощущению

халдейских пастухов. Вообразить не мог, что доживу до такой глубочайшей духовной реакции, до проповеди такого угнетения человека догмами, какое наблюдается здесь! У вас, на Руси, это делают грубо и смешно, у вас уже начинают,— кажется,— понимать, что делать это вообще — не нужно. Здесь же проповедь средневековых идей принимает тем более жуткий и безумный характер, что ведется последовательно, упорно, а часто, и талантливо. И даже, в некоторой степени, смущает иностранцев. Г. г. эмигранты на публичных собраниях провозглашают здравицы Чингис-хану и бьют женщин по лицу, как это было в Париже. И. А. Бунин на литературных вечерах публично ругается по-матерному. И вообще — дико, безумно, болезненно.

Я с великим душевным трепетом, с радостью и, конечно, с тревогой за вас, слежу, как вы работаете. Знаю, чего это стоит вам. Я нахожу, что никогда еще русский литератор не стоял в такой трудной позиции, как стоит он сейчас на Руси. Героическая позиция. Такой ее и признáет история.

Ход⟨асевич⟩, прежде всего, прекрасный поэт. Затем он действительно зол. Очень вероятно, что в нем это — одно из его достоинств, но, к сожалению, он делает из своей злобы — ремесло. Будьте здоровы, дорогой!

А. Пешков

[1] Литературно-художественный альманах «Ковш», кн. 1. Л., Госиздат, 1925.
[2] М. Слонимский. Однофамильцы.
[3] Жена В. Ф. Ходасевича.
[4] М. Зощенко. Страшная ночь.

14

ГОРЬКИЙ — СЛОНИМСКОМУ

⟨Сорренто. 8 мая 1925 г.⟩

Я думаю, дорогой М⟨ихаил⟩ Л⟨еонидович⟩, что ощущаемый вами недостаток, который вы именуете «косноязычием», объясняется вовсе не «неполным владением материалом», как вы пишете, а некоторой робостью и запуганностью пред лицом формального метода. Мне кажется, что запуганность эта ощущается не одним вами, ее чувствуешь и у Федина, и еще кое у кого. Суть, видимо, в том, что когда писатель работает над своим материалом, то его — изредка, скажем,— смущает мысль, как бы не ошибиться, не согрешить против метода. При этом забывается, что литературные идеи, формы, школы и течения создаются не Шкловскими и Эйхенбаумами [1], а самими художниками — Флоберами, Чеховыми и т. д. ⟨...⟩. Вы предоставьте ученым филологам создавать науку о литературе, как они обещают и грозят, а себе предоставьте свободу не считаться с ними. Рассказ, написанный по Эйнштейну, как, напр⟨имер⟩, у Замятина [2], это уже не искусство, а попытки иллюстрировать некую философскую теорию — или гипотезу,— которую даже столь глубоко ученый человек, каков О. Д. Хвольсон [3], считает трудно усвояемой. И — не один Хвольсон, мне вот говорят, что в среде итальянских ученых Эйнштейна понимают лишь двое. «Форм⟨альный⟩ метод» понимается тоже не очень легко, как о том, по словам Ф. А. Брауна, свидетельствуют немцы, посвятившие ему в «Журнале славянской филологии» статью в 35 стр.[4] Этот метод — еще только работа, попытка создать метод, как мне кажется, когда я читаю «формалистов».

От Леонова можно ждать многого, он — талантлив, но пока еще не нашел своей тропы. «Барсуков» [5] его я не читал. Вышли они отд⟨ельным⟩

изданием? Бабель? Это тоже талант, он хитер, ловок в обращении со своим опытом, не скуп на «выдумку» и почти умеет быть эпическим. Но его лаконизм — качество обоюдоострое: может и научить и погубить Бабеля.

Булгаков очень понравился мне, очень, но он сделал конец рассказа плохо [6]. Поход пресмыкающихся на Москву не использован, а, подумайте, какая это чудовищно интересная картина! Каверин [7] смело шагнул в сторону от себя,— очень я его ценю! Этот должен дать что-то исключительное. Хорош Зощенко [8],— передайте ему сердечный мой привет. Лавренева не знаю [9].

Недавно вышла на итальянском пьеса Лунца «Вне закона», мило изданная. Ее скоро поставят в Риме. В последней книге «Russia» даны в переводе Ло Гатто «Пустыня» и «На Запад!», там же замечательно — как все говорят — переведена «Виктория Казимировна» [10]. Вообще русское искусство здесь, на Западе, в чести, и есть люди, которые даже понимают его. В Италии, кроме Дж. Папини [11] и старика Пиранделло — пусто. Да и везде — не богато. Всё «средние размеры». Вы, Русь, интереснее, ярче, всячески лучше. Это — не патриотизм.

«Ковш» 2-й обязательно пришлите! И вообще извещайте меня — очень прошу — обо всем интересном в литературе. Будьте здоровы, дорогой! Груздева попросите прислать мне его книжку [12]. Всех благ!

А. Пешков

8.V.25.

[1] В. Б. Шкловский и Б. М. Эйхенбаум, наряду с Ю. Н. Тыняновым и В. М. Жирмунским, в двадцатые годы были наиболее видными представителями так называемого формального метода в литературоведении. Идеи этой формалистской школы оказали известное влияние на творчество писателей из группы «Серапионовы братья».

[2] Е. Замятин. Рассказ о самом главном. «Русский современник», 1924, № 1, стр. 11—39.

[3] Орест Данилович *Хвольсон* (1852—1934) — известный русский физик.

[4] Речь идет о статье В.М.Жирмунского «Formprobleme in der russischen Literaturwissenschaft» в журнале «Zeitschrift für slavische Philologie», 1925, I, стр. 117—152.

[5] Л. Леонов. Барсуки. Л., Госиздат, 1925 (впервые было напечатано в «Красной нови», 1924, №№ 6—8).

[6] Речь идет о рассказе М. А. Булгакова «Роковые яйца», напечатанном в альманахе «Недра» (1925, VI).

[7] В. Каверин. Конец хазы. Альманах «Ковш», № 1. Л., 1925.

[8] М. Зощенко. Страшная ночь (там же).

[9] Год спустя Б. А. Лавренев написал Горькому и получил от него письмо (см. т. 29, № 829).

[10] Речь идет о № 4—6 итальянского журнала «Russia», выходившего под редакцией Ло Гатто (см. Горький — Григорьев, письмо 4, прим. 1). Кроме упомянутых Горьким произведений Л. Лунца «В пустыне», «На Запад!», М. Зощенко «Виктория Казимировна», в этом номере журнала напечатаны: В. Иванов. Лоскутное озеро (рассказ); М. Слонимский. Дикий (рассказ); Л. Лунц. Город правды (пьеса).

[11] См. Горький — Леткова-Султанова, письмо 2, прим. 2.

[12] И. А. Груздев. Максим Горький. Биографический очерк (по новым материалам). М., «Кубуч», 1925.

ГОРЬКИЙ — А. А. СМИРНОВ

Александр Александрович *Смирнов*, псевдоним — А. Треплев (1864—1943) — поэт, журналист и литературный критик.

С Горьким Смирнов познакомился в Самаре, где в 1895—1896 гг. они вместе работали в «Самарской газете».

Смирнову принадлежит ряд статей о творчестве Горького: «Горький в литературных произведениях самарского периода».— Журнал «Штурм» (Самара), 1932, №№ 10—12; «Иегудиил Хламида (М. Горький — фельетонист „Самарской газеты")».— «Штурм», 1932, №№ 6—7, и др.

Неоднократно выступал Смирнов с воспоминаниями о Горьком: «Горький на Волге (Воспоминания)». «Путь», 1913, №№ 9—10; «М. Горький в Самаре (Клочок воспоминаний)» — газ. «День рабочей печати» (Самара), 1923, от 5 мая; «Молодость Буревестника (Отрывки из воспоминаний)».— «Рабочая Самара», 1932, № 208, от 24 сентября; «М. Горький в Самаре (1895—1896 гг.)» — «Штурм», 1932, №№ 1—2; «М. Горький в Самаре (1895—1896 гг.)» — Сб. «М. Горький в воспоминаниях современников». М., Гослитиздат, 1955.

Приводим одно из свидетельств дружеского отношения молодого Горького к Смирнову — дарственную надпись на книге «Молодая поэзия», СПб., 1895: «Хорошему человеку А. А. Смирнову на память от М. Горького. Самара. Август 30. 1895» (АГ).

Часть писем Горького к Смирнову не сохранилась.

Ниже публикуются два письма Горького к Смирнову. В приложении печатается составленная Горьким для издательства «Academia» записка «История городов как история русского быта».

1

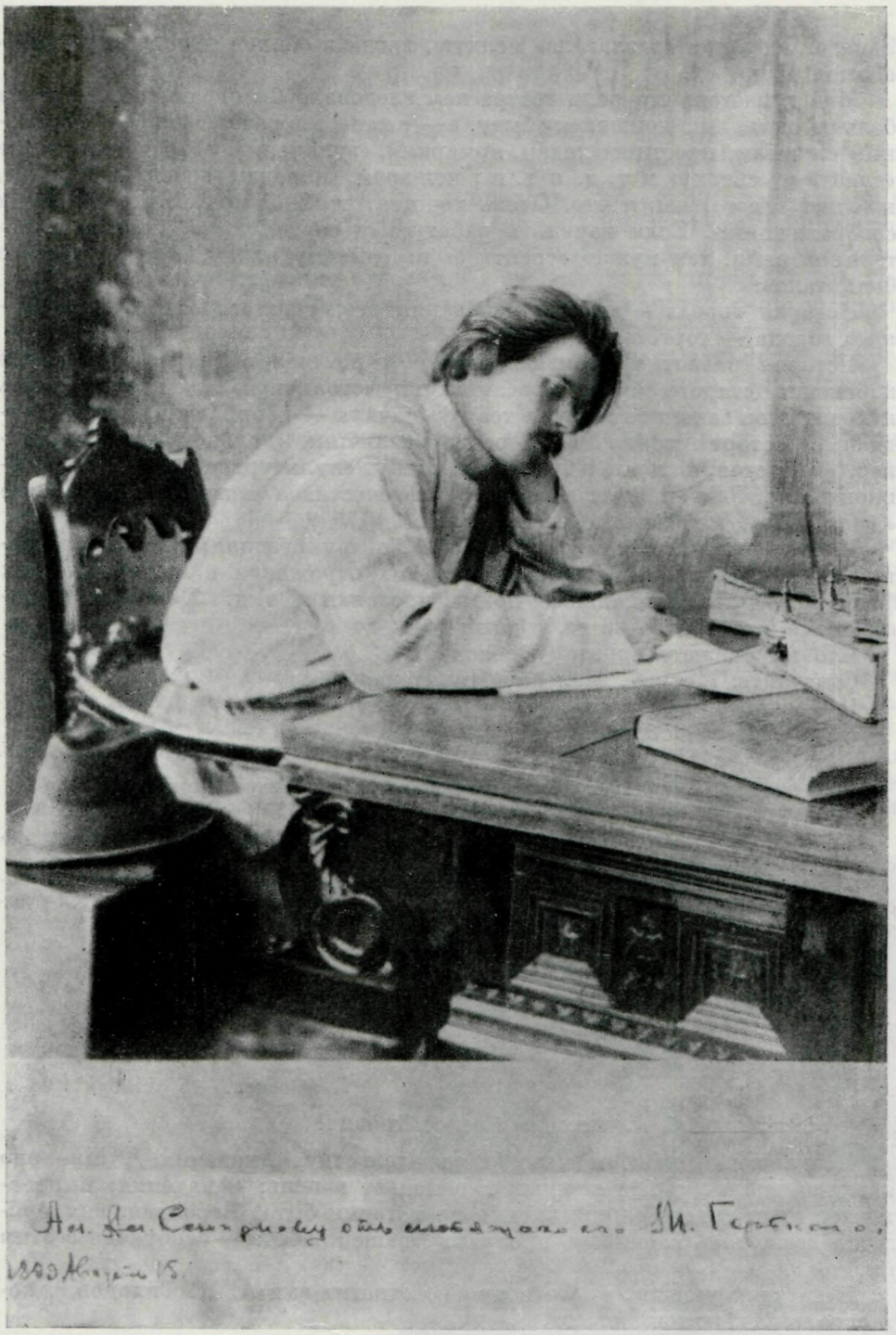
ГОРЬКИЙ — СМИРНОВУ

〈Москва. Начало октября 1931 г.〉

А. А. Смирнову (Треплеву)

Я думаю, дорогой Александр Александрович, что ваша книга [1] вполне «заслуживает внимания», весьма своевременна, может положить начало целому ряду книг такого типа и что вы правильно определяете их значение как материала для «Истории русского быта», о каковой Истории давно мечтаю.

Насколько это зависит от меня,— буду способствовать изданию вашей работы. Однако, должен сказать, что не совсем понимаю, почему вы даете так много места театру? Так ли значительно его место в истории провинциального *быта* и возможно ли учесть хотя бы с приблизительной точностью влияние театра на быт провинциалов? Основное население провинциальных городов — мелкое мещанство — не очень усердно посещало театр, ежедневно удовлетворяясь «представлениями» в церквах. А ведь «фон жизни» создавался именно «мелкой буржуазией» и у нас, и на



ГОРЬКИЙ

Фотография М. П. Дмитриева, Нижний-Новгород, 1899 г., с дарственной надписью А. А. Смирнову-Треплеву: «Ал. Ал. Смирнову от любящего его М. Горького. 1899, Август 15».

Местонахождение оригинала неизвестно

Архив Горького, Москва

Западе. Крупная «разлагала» мелкую, вводя в обиход ее оперетку, кафешантан и пр.

Мне думается, что роль театра вам следовало бы ограничить, уделив больше внимания домашнему быту, а — в качестве развлечений — церковным службам, крестным ходам, ярмаркам, «гуляньям», встрече пароходов «снизу» и «сверху» и т. д. и т. п., пожарам, парадам войск,— впрочем, вы сами знаете, как и что. Очень хочется, чтоб вы подумали над этими соображениями. Если начинать работу над серией книг, подобных затеянной вами, так нужно строить ее по единому плану, а план должен быть таков:

История города — мотивы основания его; стратегические «порубежные» города,— торговые и т. д.

История развития промышленности и ремесел в связи с историей изменения старого быта, просачивания «столичной» культуры: здесь находит свое законное место и театр, сначала — дворянский, затем «бродячий». История появления и роста различных «вольнодумцев», еретиков, фантастов, которые в 70-х годах станут «культуртрегерами», революционерами. Рост рабочего класса. Благочестивое мещанство и буйные «фабричные», их бытовые столкновения.

Именитое купечество, «отцы города», интеллигенция, газеты, просветительная деятельность. Формы быта, их отражения в идеологических формулах,— провинциальные поэты, прозаики и т. д. Хорошо бы довести все это до 905—06 гг. и даже до 14-го.

Что вы скажете по этому поводу?

Отвечайте: Москва, Мал⟨ая⟩ Никитская, 6.

И — скорее, ибо возможно, что я уеду.

Желаю всего доброго.

Печатается по секретарской машинописной копии из личного архива Горького. Датируется по сопоставлению с письмом 2.

[1] Речь идет о многолетнем труде Смирнова «Старый Самарский театр и быт (до середины XIX века)».

В дальнейшем автор продолжал работу над рукописью, доведя историю Самарского театра и быта до 1917 г. Рукопись не была опубликована. Она хранится у дочери Смирнова М. А. Николаевской.

2

ГОРЬКИЙ — СМИРНОВУ

⟨Москва.⟩ 15 октября 1931 г.

Дорогой Александр Александрович!

Предложение ваше я передал издательству «Академия» [1]. Мне оно кажется вполне своевременным и попадает в цель: «Академия» вырабатывает план издания книг именно по истории быта. Вероятно, вам придется несколько расширить программу вашей работы — сообразно с этим планом [2].

Я на днях уезжаю, более подробно ответит вам А. Н. Тихонов [3], которого вы, кажется, знаете.

Всего доброго.

15.X.31. А. Пешков

[1] Т. е. «Academia».

[2] См. приложение: Горький «История городов как история русского быта».

[3] А. Н. Тихонов был главным редактором издательства «Academia».

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. Н. ТИХОНОВУ

ИСТОРИЯ ГОРОДОВ КАК ИСТОРИЯ РУССКОГО БЫТА

Меньшинство, живущее за счет эксплуатации физической энергии рабочего класса, делится, как известно, на три группы: крупную, среднюю и мелкую буржуазию. Люди последней группы у нас именуются мещанами и количественно относятся к первым двум, примерно так же, как относятся крысы к волкам и медведям. Мещанство — преобладающее население провинциальных губернских и уездных городов. Эта масса мелких собственников всюду и всегда играла и продолжает играть в процессе развития культуры крайне и особенно вредоносную роль, что объясняется ее непосредственной физической близостью к рабочему классу. Именно мелкий собственник, выходец из деревни, являлся и является идеологическим отравителем пролетариата, заражая его одновременно и древними суевериями крестьянской массы и воспринятой мещанином от средней буржуазии психикой хищника индивидуалиста. Нужно отметить, что в то время, когда «культура» крупной и средней буржуазии, хотя и медленно, а все-таки становилась европейской, «общечеловеческой», т⟨о⟩ е⟨сть⟩ более или менее «интернациональной»,— мещанство оставалось строго и уродливо национальным.

В нашей дооктябрьской действительности был ряд специфических условий, которые позволили именно мещанству на протяжении почти трех столетий играть роль создателя и организатора русского быта.

Мещанин — враг, не менее серьезный, чем средний и крупный буржуа. Это — «враг внутренний» не только в том смысле, что он живет среди нас, а и в том, что он живет внутри каждого из нас. Надевая словесную маску социалиста, мещанин умеет весьма ловко скрывать под ней свои

А. А. СМИРНОВ-ТРЕПЛЕВ
Фотография, 1914 г.
Собрание Н. С. Ашукина, Москва

эмоции мелкого хищника. Он поет «Интернационал», но в мелодию его мысленно вставляет слова: «Господи, воззвах к тебе, услыши мя». Он органически не способен мыслить государственно и еще менее способен понимать государственное значение труда. Этот враг, количественно обильный и трудно уловимый, должен быть разоблачен и уничтожен. «История русского быта» и должна поставить целью своей освещение, обнажение системы коренных верований, специфических навыков мысли и всей «исторической» — бытовой — деятельности мелкого собственника.

План работы, на мой взгляд, должен быть таков.

1

Краткий очерк истории возникновения и развития Московского государства до начала 17 в.

Промышленность и торговля. Крестьянство, его воззрения на природу и государство. Особенно подчеркнуть роль белого и черного духовенства как духовного пастыря крестьянской массы. «Третий Рим» попов, их пропаганда национализма, борьба против скрещивания с инородцами как иноверцами и еретиками. Корыстолюбие попов, захват монастырями земель. Проповедь терпения. «Жития святых». Садизм житийной литературы; основная причина его: мстительное чувство аскета монаха, измученного безуспешной борьбой с требованиями плоти. Отношение церкви к женщине. «Домострой». С каким «умственным багажом» встало крестьянство пред реформами Петра?

2

От Петра I до отмены крепостного права.

Начать очерком строительства порубежных городов: Симбирска, Пензы, Тамбова, Курска; указать политико-экономические мотивы возникновения этих городов. Боярские дети, холопы, «инородцы» — пленники — как строители этих городов; взаимоотношения этих групп; роль воевод, формы эксплуатации ими населения; «кабацкое дело»; причины бегства холопов в глубь степи, на Дон, в Запорожье, в казаки. Постепенный рост городского ремесленного сословия: стрельцы как торговцы, кузнецы, плотники, столяры и т. д. «Посадские люди», рождение купца. «Заводские» города: Екатеринбург и т. д. «Портовые»: Архангельск, Астрахань. Кто, какое «крестьянство» бежало от реформ Петра в Поморье, Сибирь, на Алтай? Есть много данных утверждать: зажиточное, те же стрельцы, «коноводы», мастеровые. Отметить особенно резко выраженное в 17-м веке, незнакомое Европе, стремление трудового народа «разбрестись розно»,— стремление, которое задерживало рост городов, отвлекая из них наиболее энергичных людей. На место этих людей воеводы сажали крестьян. Царствование Екатерины. Провинциальное купечество настаивает на праве иметь «крепостных». Организация ремесленных и мещанских «управ». Бытовые условия жизни мещанства в 18-м веке, семейный «уклад», обычаи, верования, развлечения, грамотность. Излюбленное чтение: Часослов, Псалтырь, Кириллова книга [1], «Ефрем Сирин», апокрифы, «Сон богородицы» и т. д., «отреченные» евангелия, списки повестей 17-го века, «Повесть о горе-злочастии», «Савва Грудцын» и, конечно, «жития», Четьи-Минеи, Пролог.

3

Причины отмены крепостного права. Заселение городов «бургомистрами», приказчиками, дворовыми «вольноотпущенными», «оброчными»

людьми. Количественный рост мещанства. Формы эксплуатации им крестьянства: скупщики, мелкие торговцы, ремесленники, подрядчики. Отношение мещанства к школе, книге, театру и вообще к образованию, к «учению». Лубочная литература 70-х годов. «Пан Твардовский» [2] — одна из наиболее любимых книг. Мещанство и народническое революционное движение: мещанство в 905—7 гг. и в годы гражданской войны.

Добавьте, А〈лександр〉 Н〈иколаевич〉, к заметкам этим записку [3], которую я, кажется, передал вам в Москве.

А. Пешков

〈Сорренто. Декабрь, до 19-го, 1931 г.〉

Датируется по письму Горького к П. П. Крючкову от 19 декабря 1931 г., вместе с которым Горький послал А. Н. Тихонову публикуемый план издания серии «История городов как история русского быта» (АГ).

Горький писал Тихонову 21 декабря 1931 г. из Сорренто: «Послал вам записку по поводу „Истории быта". Написанная спешно, она едва ли вразумительна. Сообщите мне ваши критические замечания по поводу ее» (Горьковские чтения. 1953—1957 гг. М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 61).

Как вспоминал Тихонов, издательство «Academia» приступило к практическому осуществлению серии и привлекло в качестве авторов ряд писателей и историков (В. А. Десницкого, С. А. Золотарева, В. Жакову и др.).

Часть рукописей (о городах Переславль, Нижний Новгород, Москва, Углич) была представлена в редакцию, но осталась ненапечатанной.

В АГ хранится также план очерка «Нижний Новгород», составленный Горьким в 1934 г.

[1] «Кириллова книга». Сборник поучений. М., 1644. Книга напечатана кириллицей.

[2] «Пан Твардовский, или колдун XVI века. Легенда из народных польских преданий и рассказов». М., изд. И. Д. Сытина и К°, 1891.

[3] Местонахождение записки неизвестно.

ГОРЬКИЙ — И. И. ТАЧАЛОВ

Иван Иванович *Тачалов* (ум. 1929) — писатель-самоучка, автор книг «Великое имя», «Надмирные сказки», «Дурацкая карусель», «Мрачная повесть» и др.

Переписка с Тачаловым началась в 1910 г., когда Горький собирал материалы для статьи «О писателях-самоучках». В этой статье Горький привел стихотворения и автобиографию Тачалова, назвав его «человеком страшной жизни» (т. 24, с. 121—124).

В письмах 1910—1913 гг. Горький часто упоминает Тачалова как «очень любопытного» поэта-самоучку. В 1911 г. он рекомендует стихи Тачалова И. А. Белоусову, редактору журнала «Путь», в 1912 г. привлекает Тачалова к участию в намечавшихся «Знанием» «Сибирских сборниках». Публикуемое ниже единственное сохранившееся письмо Горького к Тачалову касается рукописи автобиографической повести «Ставка жизни», которую Тачалов передал Горькому в 1928 г. через М. А. Пешкова. Горький отредактировал рукопись, дал ей новое заглавие — «Мрачная повесть» и написал предисловие. В 1929 г. изд-во «Федерация» напечатало «Мрачную повесть» с предисловием Горького. Одно из писем Тачалова Горькому от 15 декабря 1911 г. опубликовано в сб.: «М. Горький. Материалы и исследования», т. 1. Л., Изд-во АН СССР, 1934, стр. 429—431. Об отношениях Горького с Тачаловым см. также «Горький и Сибирь. Письма. Воспоминания» (Новосибирск, 1961, стр. 90—92).

〈Москва. Конец августа — начало сентября 1928 г.〉

И. Т а ч а л о в у

Рукопись получил [1], не читал еще; сын читал, говорит: «хорошо». Вероятно, так и есть. Вы человек даровитый.

Прочитаю к 15 сентября. Для предисловия мне нужно знать, как вы жили с 15-го года; напишите об этом коротенько и пришлите в Машков переулок, мне. Могу дать вам р. 100.— Нужно?

Жму руку.
А. П е ш к о в

Датируется по письму Тачалова Горькому от 23 августа 1928 г. (АГ).

[1] Как видно из письма Тачалова Горькому от 23 августа 1928 г., переданная М. А. Пешкову рукопись называлась «Ставка жизни». Было и еще более раннее название — «Рожденный в спирту».

ГОРЬКИЙ — А. Н. ТОЛСТОЙ

Творчество Горького привлекло Алексея Николаевича *Толстого* (1883—1945) еще в юности, в конце девяностых годов: «...после романтичного и задумчивого Тургенева, который был моим любимым автором, мне открылась впервые другая сторона жизни, сто раз виденная, но ни разу не замеченная (вот пример огромной силы искусства): поэзия простора, свободы, силы и радости жизни...» (Полн.собр. соч., тт. 1—15. М., Гослитиздат, 1946—1953, т. 13, стр. 275).

В 1903 г., еще студентом, Толстой в критической заметке о пьесе «На дне» утверждал, что в России «два больших художника — Чехов и Горький». «Первый показывает безнадежно отчаянные картины обыкновенной жизни и ставит „аминь" над смыслом этой жизни. Второй показывает свежие растения, красоту и силу в новой, незнакомой среде» (Поли. собр. соч., т. 15, стр. 324—325).

Первые повести и рассказы Толстого сразу были высоко оценены Горьким. В письме от 20 октября 1910 г. он советовал слушателям Высшей социал-демократической агитационно-пропагандистской школы для рабочих в Болонье обратить «внимание на нового Толстого, Алексея — писателя, несомненно крупного, сильного и с жестокой правдивостью изображающего психическое и экономическое разложение современного дворянства» (т. 29, с. 142).

В письмах к другим своим корреспондентам Горький также подчеркивает дарование Толстого. «Посмотрите, как изображает Обломовых, современных нам, талантливый А. Н. Толстой»,— писал Горький Луначарскому в 1910 г. (АГ).

Позднее Горький стремится привлечь молодого писателя к своим общественно-литературным начинаниям. Предложением принять участие в сборнике «Евреи на Руси» (это письмо Горького от ноября 1915 г. не сохранилось) начинается переписка писателей. После Февральской революции Горький пригласил Толстого сотрудничать в газете «Новая жизнь».

Близкое знакомство писателей, перешедшее в дружбу, началось весной 1922 г. в Берлине, куда Горький приехал после лечения в Шварцвальде. Толстой в то время был редактором еженедельного литературного приложения к газете «Накануне», издаваемой группой эмигрантов-сменовеховцев. Встречи и беседы с Горьким в Берлине и Герингсдорфе, где Горький проводил лето 1922 г., укрепили Толстого в его решении окончательно разорвать с эмиграцией и вернуться на родину. И в последующие годы Толстой видел в Горьком старшего мудрого друга, советам которого он всегда следовал. Так, по совету Горького, Толстой, увлекавшийся многими темами, что приводило временами к распылению его сил, сосредоточил свое внимание на двух основных замыслах: эпопее о революции и гражданской войне и романе «Петр Первый».

В отношениях Горького к Толстому сердечная теплота сочетается с высокой принципиальной требовательностью. Строго критикует Горький пьесу «Патент 119» (письмо от 17 сентября 1932 г., т. 30, № 1057), журит Толстого за принижение писательского достоинства конферированием шуточных номеров с эстрады (см. статью А. Толстого «По такому образцу должны формироваться люди».— Полн. собр. соч., т. 13, стр. 393). Горький внимательно следит за его творческими планами, помогает советами, предлагает Толстому начать работу над второй книгой романа «Петр Первый» в Сорренто, большим письмом откликается на 25-летний юбилей творчества Толстого (письмо от 17 января 1933 г., т. 30, № 1074).

Толстому принадлежит ряд статей и выступлений, посвященных Горькому:

«Наш привет Горькому (К возвращению Горького из Италии)».— «Заря», 1914, № 5, от 2 февраля (т. 13, стр. 274—275);

«Великая страсть».— Литературное приложение к газ. «Накануне», 1922, № 20, от 1 октября;

«Ранний Горький».— В кн. «Горький. Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком». Под ред. И. А. Груздева. М.—Л., Госиздат, 1928, стр. 127—138 (т. 13, стр. 300—307);

«Костры» (статья к 40-летию литературной деятельности Горького).— «Известия», 1932, № 286, от 15 октября (т. 13, стр. 308—310);

«Художник великой эпохи».— «Правда», 1936, № 167, от 19 июня (под заглавием «Художник эпохи трех революций» — т. 13, стр. 383—384);

«Речь на траурном митинге на Красной площади» 20 июня 1936 г.— «Правда», 1936, № 169, от 21 июня (т. 13, стр. 143—145);

«По такому образцу должны формироваться люди» (к первой годовщине со дня смерти Горького).— «Известия», 1937, № 142, от 18 июня (т. 13, стр. 393—395);

«Да здравствует Горький!» (к 70-летию со дня рождения).— «Ленинградская правда», 1938, № 71, от 28 марта (т. 13, стр. 396—398);

«Могучее оружие».— «Известия», 1941, № 142, от 18 июня (т. 13, стр. 433—434).

Четыре письма Горького к Толстому от 2 июня 1932 г., 17 сентября 1932 г., 17 января 1933 г. и 13 февраля 1935 г. опубликованы в т. 30 (№№ 1053, 1057, 1074, 1151).

Два письма Толстого к Горькому (№№ 24 и 26) опубликованы в сб.: Алексей Толстой. О литературе. М., «Советский писатель», 1956, стр. 140—141.

Частично опубликованы письма Толстого № 11 (в кн. В. Щербины «А. Н. Толстой», М., «Советский писатель», 1956, стр. 191) и № 19 (т. 30, с. 528—529).

Ниже публикуются восемь писем и одна телеграмма Горького и двадцать одно письмо и две телеграммы Толстого.

1

ГОРЬКИЙ — ТОЛСТОМУ

⟨Петроград. Январь 1916 г.⟩

Многоуважаемый Алексей Николаевич.

В ноябре месяце п⟨рошедшего⟩ г⟨ода⟩ я обратился к вам от имени «Русского о⟨бщест⟩ва изучения жизни евреев» с просьбой принять участие в намеченном нашим о⟨бщест⟩вом к изданию сборника литературных и исторических произведений [1].

К сожалению, от вас до сих пор ответа не последовало. Полагая, что отсутствие его явилось результатом какого-нибудь недоразумения или невручения вам письма моего почтой, я снова позволяю себе обратиться к вам с предложением принять участие в указанном сборнике.

Гонорар — вы назначите сами.

Срок представления рукописи — 1 марта 1916 года.

С уважением
М. Горький

Датируется по содержанию.

[1] Общество это (точное его название — «Русское общество для изучения еврейской жизни»), одним из инициаторов создания которого был Горький, ставило своей задачей изучить жизнь евреев, их быт, экономическое и правовое положение, литературу, искусство и т. п. в прошлом и настоящем.

С предложением принять участие в сборнике под названием «Евреи на Руси» Горький обращался также к В. Г. Короленко, И. А. Бунину, В. Я. Брюсову, В. В. Вересаеву, К. А. Треневу, И. С. Шмелеву и др. Издание сборника не состоялось.

Ответное письмо Толстого не обнаружено.

2

ГОРЬКИЙ — ТОЛСТОМУ

〈Петроград. 11 марта 1917 г.〉

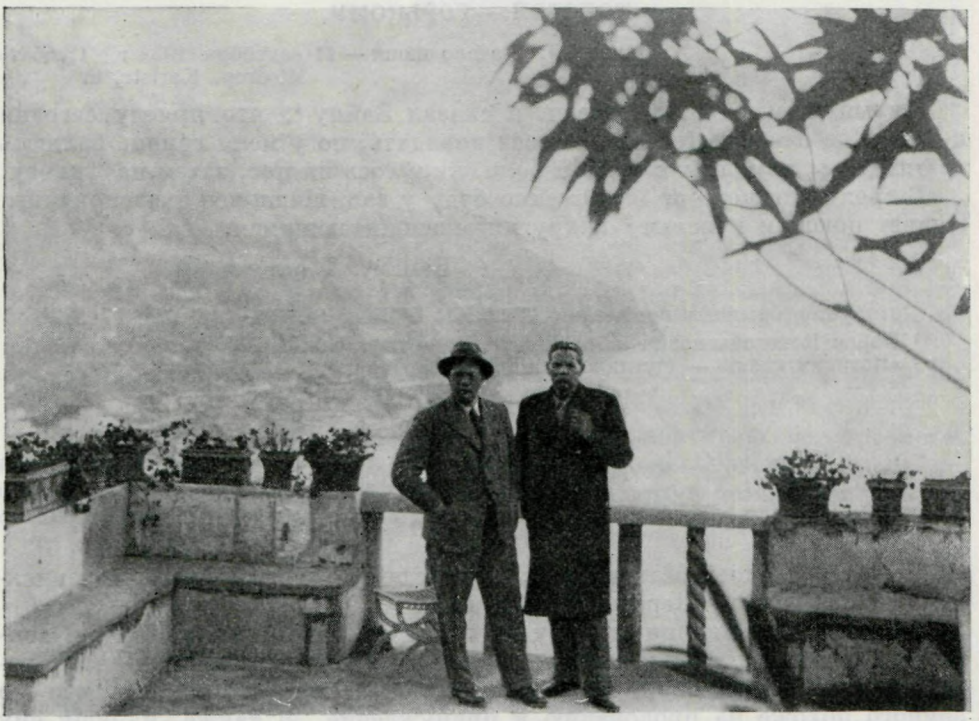
Телеграмма

Предлагаем сотрудничество социалистической газете «Новая жизнь»[1].
Горький

Датируется по телеграфному бланку.

[1] См. Горький — Бабель, письмо 1, прим. 6.

Судя по опубликованному в первых номерах газеты «Новая жизнь» списку сотрудников, Толстой ответил согласием на предложение Горького, но в «Новой жизни» не печатался.



ГОРЬКИЙ и А. Н. ТОЛСТОЙ
Фотография М. А. Пешкова, Сорренто, 1932 г.
Музей Горького, Москва

3

ТОЛСТОЙ — ГОРЬКОМУ

〈Миздрой. Начало июня—11 сентября 1922 г.〉

Ostseebad, Misdroy. Karlstrasse, 3.

Милый Алексей Максимович,

сегодня с утра купили рому, оделись по-морскому, захватили солонины, галет, пресной воды. Жена моя, Кэт — Кошачий Глаз, простилась с младшим сыном. Пасынок мой, Боб — Драное Ухо, не спал всю ночь, податель сего письма Черный Гарри — ходил по берегу морским волком,

нюхал ветер... Разрази меня Сатана — в крышку гроба! — помешал противный ветер.

Дней через пять будем у вас под черным флагом, с черепом и костями...

Лесли Проклятый Богом

Писано на борту клиппера «Звезда и Топор».

Датируется временем пребывания Толстого в Миздрое, где он жил с начала июня по 11 сентября 1922 г.

Горький жил в нескольких километрах от Миздроя в Герингсдорфе (Балтийское побережье, близ Свинемюнде).

4

ТОЛСТОЙ — ГОРЬКОМУ

⟨Миздрой. Начало июня — 11 сентября 1922 г.⟩ Суббота
Misdroy. Karlstr. 6.

Милый Алексей Максимович, я сказал Зайцу [1], что приеду сегодня к вам. Мне очень хотелось вас всех повидать, но у меня грипп, валяюсь третий день, началось с зубной боли, кинулось на нос, затем на голову.

В среду или четверг непременно буду у вас. Наши все благополучны. Привет поющим глистам [2] и другим млекопитающимся.

Ваш А. Толстой

Датируется временем пребывания Толстого в Миздрое.

[1] Борис Константинович *Зайцев* (р. 1881) — писатель, в 1920 г. эмигрировал.

[2] «Поющий глист» — шутливое домашнее прозвище М. А. Пешкова.

5

ТОЛСТОЙ — ГОРЬКОМУ

⟨Миздрой. Середина августа 1922 г.⟩
Misdroy.

Дорогой Алексей Максимович, сейчас получил от Ценского два письмеца — мне и вам. Пересылаю вам ваше [1].

До приезда в Берлин мне трудно будет что-либо сделать с визой Ценскому. Я напишу ему — если он пришлет рукопись в «Накануне», редакция устроит ему визу (таков обычай в «Накануне»). Но боюсь, что это немного похоже на провокацию и принуждение. Я также напишу ему это.

Обнимаю вас.
Ваш Толстой

Датируется по упоминанию письма С. Н. Сергеева-Ценского Горькому от 9 августа 1922 г. (АГ).

[1] С. Н. Сергеев-Ценский просил Горького похлопотать о визе на въезд в Германию.

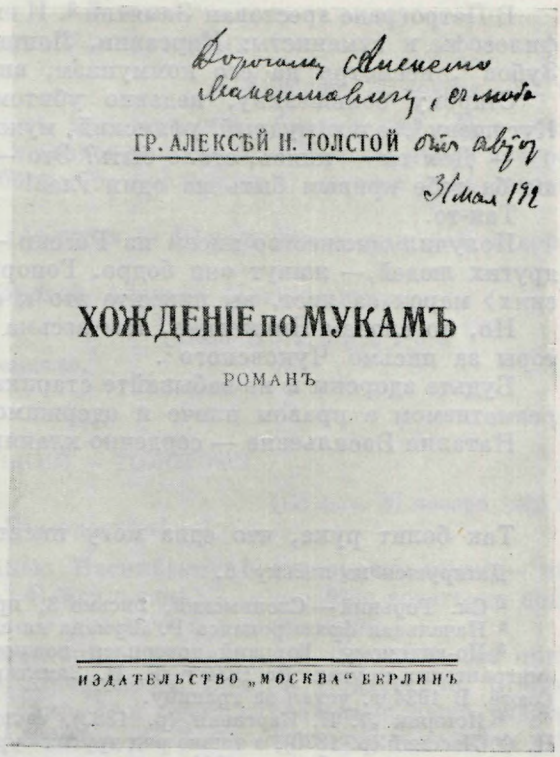
6

ТОЛСТОЙ — ГОРЬКОМУ

⟨Миздрой. Начало сентября 1922 г.⟩
Misdroy. Karlstr. 6.

Милый и дорогой Алексей Максимович, когда вы переезжаете в Берлин? [1] Мы с Наташей [2] предполагаем ехать 11-го, дети останутся до конца месяца в Миздрое. Наташа нашла очень славную и недорогую квартиру за 8 т. в месяц, сейчас ее оклеивают заново.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
А. Н. ТОЛСТОГО ГОРЬКОМУ
НА РОМАНЕ
«ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ»
(БЕРЛИН, 1922):
«Дорогому Алексею Максимовичу,
с любовью от автора. 31 мая 1922»
Личная библиотека Горького


Дорогому Алексею Максимовичу, с любовью от автора
ГР. АЛЕКСѢЙ Н. ТОЛСТОЙ
31 мая 192
ХОЖДЕНІЕ по МУКАМЪ
РОМАНЪ
ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОСКВА“ БЕРЛИНЪ

Я предпринял обработку «Аэлиты» [3] и перерабатываю ее с самого начала,— ужасно много мусора. Работаю весь день. Хотелось бы побывать у вас до отъезда, но если вы тоже переезжаете в десятых числах, — то мы увидимся в Берлине. Черкните мне.

Крепко жму вашу руку.

Ваш А. Толстой

Наташа вам всем кланяется.

Датируется по содержанию.

[1] 25 сентября Горький переехал из Герингсдорфа в дачную местность Сааров (Фюрстенвальде) близ Берлина.

[2] Наталья Васильевна *Крандиевская-Толстая* (р. 1889) — жена А. Н. Толстого.

[3] «Аэлита» — научно-фантастический роман, над которым Толстой работал летом 1922 г. С подзаголовком «Закат Марса» впервые опубликован в «Красной нови», 1922, № 6; 1923, № 2.

7

ГОРЬКИЙ — ТОЛСТОМУ

〈Герингсдорф. Середина сентября 1922 г.〉

Дорогой Алексей Николаевич —

простите! — запоздал ответить вам, ибо со всех сторон на меня наезжают разные люди,— между прочими приехал Пинкевич [1] — и мешают жить. «Я не сержусь» [2] — люди для того и созданы, чтоб мешать жить друг другу, это уж — неизбежное, роковое.

Проживу я здесь до последней возможности, в Берлин ехать мне не хочется, а хотел бы прямо отсюда удрать куда-либо в теплые места — Испанию, Африку или на раскаленные острова и чтобы океан вокруг и чтоб — рыба. И — никаких газет, однако — книги.

В Петрограде арестован Замятин [3]. И еще многие, главным образом — философы и гуманисты: Карсавин, Лапшин, Лосский [4] и т. д. Даже — Зубов [5], несмотря на его коммунизм, видимо, за то, что — граф.

Старому большевику, недавно убитому кем-то в Лондоне, князю Кугушеву [6], один мудрый уфимский мужичок сказал:

— Дак ты — князь, стало быть? Это — плохая твоя примета, и лучше ба тебе кривым быть на один глаз!

Так-то.

Получил множество писем из России — от Серапионов, Пильняка и других людей,— живут они бодро. Гонорария получают 14 т. гер⟨манских⟩ марок за лист, вы примите это к сведению!

Но, по словам Пинкевича, там весьма настроены против вас литераторы за письмо Чуковского [7].

Будьте здоровы и не забывайте старика, простуженного, страдающего ревматизмом в правом плече и одержимого писательским зудом.

Наталии Васильевне — сердечно кланяюсь. Все мои — тоже, вам и ей.

А. Пешков

Так болит рука, что едва могу писать. Дождь.

Датируется по письму 6.

[1] См. Горький — Слонимский, письмо 3, прим. 1.

[2] Начальная фраза романса Р. Шумана на слова Г. Гейне («Ich grolle nicht...»).

[3] По-видимому, Горький доверился ложному слуху, распространявшемуся в эмигрантских кругах. До 1934 г. Е. И. Замятин (1884—1937) — жил в Советском Союзе. В 1934 г. уехал за границу.

[4] Историк Л. П. Карсавин (р. 1882), философы И. И. Лапшин (р. 1870) и Н. О. Лосский (р. 1870), а также ряд других буржуазных ученых, занимавших антисоветские позиции, были в 1922 г. высланы из пределов СССР.

[5] В. П. Зубов основал в 1912 г. в Петербурге Институт истории искусств, который существовал до 1930 г.

[6] Слух об убийстве Кугушева неверен. (См. Горький — Григорьев, письмо 10, прим. 6).

[7] Толстой опубликовал в литературном приложении к «Накануне», 1922, № 6, от 4 июня, адресованное ему письмо К. И. Чуковского, содержащее характеристику настроений некоторых петроградских писателей.

8

ТОЛСТОЙ — ГОРЬКОМУ

⟨Берлин. Октябрь — ноябрь 1922 г.⟩

Милый Алексей Максимович, адрес Михайлова [1]: 4, Rue Lavoisier, Paris VIII. Пожалуйста, напишите ему построже, чтобы достал у Полнера [2] рукопись «Земные сокровища» [3].

Получил письмо от Вс. Иванова — высылает повесть «Цветные ветра» [4]. Про Чуковского пишет, что тот ужасно оправдывается за свое письмо [5].

Крепко жму вашу руку

Привет всему населению Пука-Пука [6].

Толстой

Датируется по содержанию.

[1] Михаил Александрович *Михайлов* (1878—1939) — старый член КПСС. В то время — сотрудник советского полпредства в Париже.

[2] Тихон Иванович *Полнер* (1864—1935) — журналист, статистик, участник и секретарь земских съездов в 1905 г., член Московского комитета партии кадетов. После Октябрьской революции — эмигрант.

[3] «Земные сокровища» — роман А. Н. Толстого. Первое его заглавие: «Две жизни» (1911). Последняя редакция называется «Чудаки».

[4] Повесть «Цветные ветра» вышла в свет в 1922 г.

[5] О письме Чуковского см. письмо 7, прим. 6.

[6] Так Толстой шутливо называл компанию, окружавшую Горького летом 1922 г.

9

ТОЛСТОЙ — ГОРЬКОМУ

〈Берлин. 27 ноября 1922 г.〉

Милый Алексей Максимович, простите, что обманул вас. Мне очень хотелось быть у вас сегодня, но задержало то, что Наташа вчера вечером упала и расшиблась, слава богу, без последствий, но весь день сегодня мы опасались.

Работаю плохо,— конец «Аэлиты» — 10 страниц — как воз выворачиваю. Устал и простужен.

Крепко обнимаю вас, дорогой Алексей Максимович.

Ваш А. Толстой

Датируется по почтовому штемпелю.

10

ГОРЬКИЙ — ТОЛСТОМУ

〈Сааров. 20 января 1923 г.〉

Дорогой Алексей Николаевич!

Поздравляю вас и Наталью Васильевну с новорожденным[1],— ему счастливой жизни, Н〈аталье〉 В〈асильевне〉 — скорейше встать на ноги, бодрой, здоровой, вам же всего доброго и вдохновений.

И — вот что: затеян ежемесячник литературы и науки[2] — без политики,— при постоянном сотрудничестве А. Белого, Ходасевича, Шкловского, моем, Ремизова, д-ра Залле[3], и очень желательно ваше участие на равных со всеми правах, конечно. Я бы и очень рекомендовал вам, и очень просил вас — согласитесь. Давайте работать вместе.

Слышал, что вы ушли из «Нак〈ануне〉»[4], — это очень хорошо! Но вам *необходимо* заявить об этом гласно, напечатав, хотя бы в «Днях» [5], коротенькое письмецо: больше в «Н〈аканун〉е» не сотрудничаю.

Сделайте это!

Крепко жму руку. Жду ответа.

Привет! А. Пешков

20.I.23. Saarow

[1] С рождением сына — Дмитрия Алексеевича Толстого.

[2] Журнал «Беседа». См. Горький — Ласковая, письмо 2, прим. 2.

[3] Доктор В. Залле не сотрудничал в «Беседе». Он писал Горькому, что благодарен за приглашение участвовать в журнале, но работать не сможет, так как сильно загружен (письмо от 28 января 1923 г. АГ).

[4] Толстой окончательно порвал со сменовеховской газетой «Накануне» в июле 1923 г., уезжая на родину.

[5] «Дни» — белоэмигрантская газета, издававшаяся в Париже.

11.

ТОЛСТОЙ — ГОРЬКОМУ

〈Берлин. 29 января 1923 г.〉 Вторник.
Belzigerstr〈asse〉, 46[III].
Berlin, Schöneberg.

Дорогой Алексей Максимович,

позавчера был доклад Белякова о деятельности Всероссийского союза работников печати. На собрании было предложено образовать в Берлине секцию Союза для защиты прав, труда, организации информационного бюро, бюро переводов, кассы и пр.[1] Вчера на заседании президиума секции единогласно постановили просить вас быть почетным председателем Берлинской секции Вс〈ероссийского〉 Союза раб〈отников〉 печати [2].

Ваше возглавление имеет чрезвычайное значение. Пожалуйста, дорогой Алексей Максимович, согласитесь. Передаю вам это по постановлению временного президиума бюро.

Ваш Алексей Толстой

Под письмом Толстого Горький написал: «Гей-гей! — сказали святые апостолы». Из Густава Даниловского: «Мария Магдалина».

Датируется по сообщению в газете «Накануне», 1923, № 248, от 31 января, о состоявшемся 27 января организационном собрании русских журналистов и литераторов в Берлине в целях учреждения берлинской секции Всероссийского союза работников печати.

Письмо Толстого частично опубликовано в кн.: В. Щербина. А. Н. Толстой. М., «Советский писатель», 1956, стр. 191.

[1] «Собрание постановило учредить секцию, доведя об этом через члена бюро Всероссийского союза работников печати А. А. Белякова до сведения открывающегося 4 февраля в Москве Всероссийского союза работников печати. Собрание избрало временное бюро в следующем составе: А. Н. Толстой, Г. Л. Кирдецов, З. А. Венгерова, Г. А. Гроссман, И. А. Горкин, Б. М. Шенфельд-Россов и Леонидов» («Накануне», 1923, № 248, от 31 января).

[2] В работе берлинской секции Всероссийского союза работников печати Горький участия не принимал.

12

ТОЛСТОЙ — ГОРЬКОМУ

〈Детское Село.〉 30 апр〈еля〉 1930 г

Дорогой Алексей Максимович,

посылаю вам «Юшку» — дебют Льва Савина [1]. Автор был служащим в красильне «Пеклие» и года полтора назад и не думал о литературе и вдруг — прорвало. Работает по 14 часов. За 12 месяцев написал этот роман и продолжение «Юшка в тылу» (Война)[2],— вскоре выходит в к〈нигоиздательст〉ве писателей. Ему 39 лет. Борется с языком, с формой, похож на конквистадора, попавшего в девственный лес словесности. Книга произвела очень хорошее впечатление в военных кругах.

Крепко жму вашу руку.
Алексей Толстой

P. S. Петр Петрович [3] перед отъездом виделся со мной и Фединым, много говорили об Истории гр〈ажданской〉 войны [4]. Мы все с огромной радостью пойдем в это дело.

[1] Лев Моисеевич Савин (1881—1947) — псевдоним Савелия Моисеевича *Льва*. Л. Савин. Юшка. (Роман). Предисловие Н. Свирина. М.— Л., «ЗиФ», 1930. В том же году книга вышла в «Изд-ве писателей в Ленинграде».

[2] Л. Савин. Юшка в тылу. (Роман). М.— Л., ГИХЛ, 1931. В АГ хранится переписка Горького с Савиным. В одном из писем Горький отрицательно отозвался об обоих романах Савина.

[3] Крючков.

[4] Толстой был привлечен к работе над подготовкой задуманных по предложению и под руководством Горького в 1930 г. ряда сборников по истории гражданской войны в СССР. Редакция «Истории гражданской войны в СССР» снабжала впоследствии писателя материалами, использованными им для повести «Хлеб» и третьей части «Хождения по мукам» — романа «Хмурое утро».

13

ТОЛСТОЙ — ГОРЬКОМУ

〈Детское Село.〉 10/VIII 1931 г.

Дорогой Алексей Максимович,

план моих работ до 1 января такой: в начале октября я заканчиваю «Черное золото» [1], затем пишу книжку о черной металлургии (история, ста-

рые, реконструированные и новейшие заводы, портреты, характеристики и пр.),— книжка будет печататься в 7—8 фельетонах в «Известиях», затем — повесть для юношества, затем книжка в 3 листа для малограмотных [2] и, наконец, окончание повести совместно с П. Сухотиным [3].

Волосы встают дыбом, которые (т〈о〉 е〈сть〉 волосы) остались только на нижней части черепа.

ГОРЬКИЙ и А. Н. ТОЛСТОЙ
Фотография М. А. Пешкова, Сорренто, 1932 г.
Музей Горького, Москва

Мне необходим сейчас отдых в 3—4 недели. Я еду на озеро Селигер. Но вот тут я должен просить вас буквально меня спасти. Если у меня не будет отдыха,— я не выдержу работы. «Недра» и «ГИХЛ» [4] (это выяснилось в эти дни) могут прислать мне деньги только в конце августа и в начале сентября. «Недра» задерживают платежи на полтора месяца (из-за Книгоцентра), ГИХЛ (Ленинградский) отсрочил платежи, пот〈ому〉 что сейчас весь Ленотгиз обрушился на издание учебников и ГИХЛу денег не дает.

В моей личной кассе — ударника-одиночки — денег только на пять дней. Все расчеты об отдыхе (даже о спокойной работе в Детском) полетели к чёрту. И вот, дорогой Алексей Максимович, я решил

написать вам (хотя и не люблю писать людям, которых люблю, письма о деньгах) и просить помочь мне.

Так как издание «Летописи гражданской войны» [5] решено, и я, по-видимому, принимаю в нем участие, то не мог бы я получить в счет моей работы по «Летописи», авансом,— не меньше тысячи рублей, лучше, если больше, например — 2 тысячи (тогда бы я вчистую расправился с фининспектором), но даже тысяча нас бы и меня (с отдыхом) спасла бы окончательно.

На Селигер я хочу ехать 17-го, даже 16-го, поэтому, если спасать, то нужно скоро,— иными словами, перевести мне деньги телеграфом 13-го — 14-го.

Дорогой Алексей Максимович, не было бы так нужно, честное слово, не написал бы. Сейчас мне страшно,— если не смогу отдохнуть, то не смогу ничего из задуманного ни закончить, ни выполнить.

Привет всем вашим.

Ваш Алексей Толстой

Детское Село,
Пролетарская 4.

[1] Повесть «Черное золото» опубликована в «Новом мире», 1931, №№ 1—12. В редакции 1939 г. повесть названа «Эмигранты». М., «Советский писатель», 1940.

[2] Все эти замыслы не были осуществлены.

[3] «Записки Мосолова» — повесть, написанная в соавторстве с П. С. Сухотиным (1884—1935). Первая часть напечатана в «Красной нови», 1931, №№ 5—8. Продолжение написано не было.

[4] Издательства «Недра» и ГИХЛ в 1928—1929 гг. выпускали пятнадцатитомные собрания сочинений А. Толстого.

[5] Имеется в виду «История гражданской войны в СССР», см. письмо 12, прим. 4.

14

ТОЛСТОЙ — ГОРЬКОМУ

⟨Детское Село.⟩ 10/IX—1931 г.

Дорогой Алексей Максимович,

большое спасибо за вашу отзывчивость,— тысячу рублей от Петра Петровича я получил, две недели провел в деревне Неприе на озере Селигер. Сейчас вернулся заканчивать «Черное золото». Закончу его в октябре.

Сейчас для меня стоит вопрос — что продолжать в 32 году? Вторую часть «Петра» [1] или «19-й год»? [2] Решение это зависит отчасти от моего участия в «Истории гражданской войны», вернее, от сроков, которые вы поставите для сдачи рукописи. Если ваше дело очень торопливое, то мне придется писать «19-й год» и, работая с тем же матерьялом, готовить для вас фрагмент для «Гражданской войны».

Очень бы нужно с вами поговорить. Когда вы будете в Ленинграде? В Москву я не попаду, по-видимому, раньше октября (из-за «Черного золота» [3]).

Я прочел ваш фельетон об «Истории заводов» [4], и очень обрадовался, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ план той небольшой книжки о черной металлургии (помните, я писал вам о ней) представлялся именно в историческом контексте. После вашего фельетона я окончательно остановился на историческом плане и хочу взять темой Ижорский завод [5]. Основан он Петром, там еще остались петровские и елизаветинские постройки. На заводе я был уже несколько раз, видел, между прочим, отливку самой крупной части блюминга.

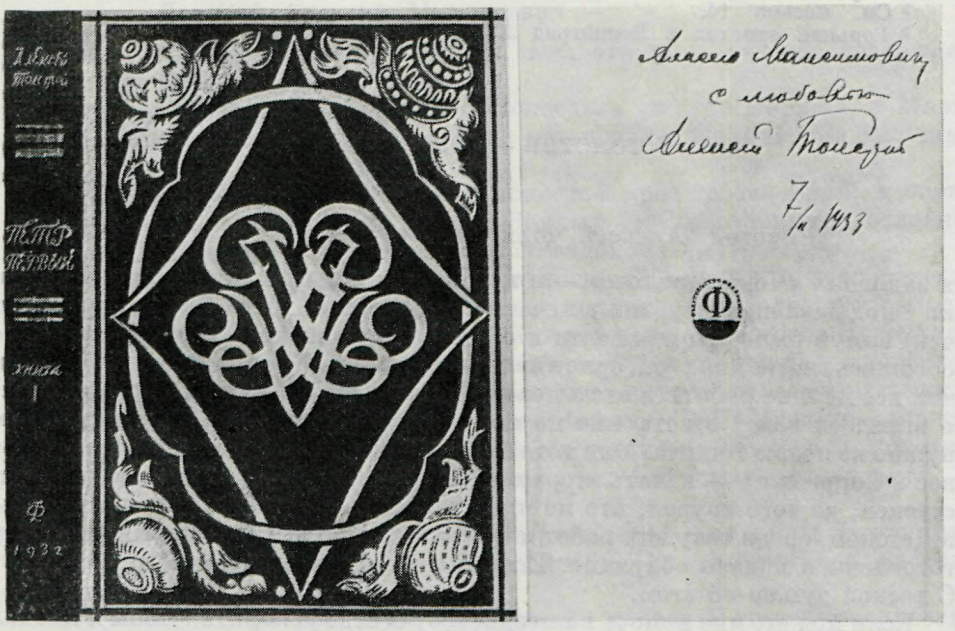
Если вы будете в Ленинграде до октября, пожалуйста, дорогой Алексей Максимович, сообщите мне об этом.

Привет всем вашим.

Ваш Алексей Толстой

Детское Село. Пролетарская, 4.

[1] Над второй книгой романа «Петр Первый» Толстой работал с декабря 1932 г. по апрель 1934 г. Печаталась в «Новом мире», 1933, №№ 2, 3, 5, 6, 7, 8, 11, 12; 1934, №№ 1, 2, 3, 4.



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ А. Н. ТОЛСТОГО ГОРЬКОМУ НА РОМАНЕ «ПЕТР ПЕРВЫЙ» (М., 1932):

«Алексею Максимовичу с любовью Алексей Толстой. 7/II 1933 г.»

Личная библиотека Горького

[2] После окончания романа «Восемнадцатый год» продолжение трилогии «Хождение по мукам» много лет фигурировало в планах автора как роман «19-й год». В конечном итоге работа над материалами истории гражданской войны привела к созданию повести «Хлеб (Оборона Царицына)» (1937) и последней части трилогии — романа «Хмурое утро» (1941).

[3] См. письмо 13, прим. 1.

[4] М. Горький. История фабрик и заводов.— «Правда», 1931, № 247, от 7 сентября (т. 26).

[5] История Ижорского завода не была написана Толстым, но в его архиве имеется материал, собранный для создания этой книги (Рукописный отдел ИМЛИ, фонд А. Н. Толстого).

15

ГОРЬКИЙ — ТОЛСТОМУ

〈Москва. 13 сентября 1931 г.〉

Дорогой дедушка [1] и тезка!

На все вопросы, поставленные вами [2], вы услышите исчерпывающие ответы из моих красноречивых уст, кои вскорости окажутся в непосредственной с вами близости и будут пить чай [3].

Сейчас же писать я не в силах по случаю зубов, которые болят, так болят, что даже рука трясется и в голове киргизская музыка играет.

За сим передайте мой искренний и пламенный привет супруге вашей Наталье Васильевне,— симпатия моя к ней не остывает ни на единый градус в течение 43 лет нашего с нею знакомства.

И крепко жму руку.

А. Пешков

13.IX.31.

[1] Обращение шуточное. Первая внучка Толстого родилась в 1937 г.
[2] См. письмо 14.
[3] Горький приехал в Ленинград 20 сентября.

16

ТОЛСТОЙ — ГОРЬКОМУ

Детское Село. 1 февраля 1932 г.
Пролетарская, 4.

Дорогой Алексей Максимович,

я закончил «Черное золото»,— с которым был такой инцидент, что Рафаил [1] под давлением ругани в печати [2] (хотя роман тогда еще не был окончен) вынул было его из печати и объявил вне закона. Но потом это дело обошлось, и на днях «Ч〈ерное〉 з〈олото〉» опять сдают в печать. Я окончил все мелкие работы и стою перед неопределенностью: на мое заявление о выезде к вам [3] ответа еще не получено (разрешения). Выехать к вам нужно не позже 1 марта. Мне хотя бы захватить 5—6 рабочих недель около вас в Сорренто [4] — начать вторую часть Петра. Этот роман до того ответственен, до того труден, что не представляю — как бы я начал его здесь, в Детском, среди текущих работ и суеты. Материалы для первых глав подготовлены и начало обдумано. Если бы я мог сидеть сейчас в Сорренто? С тоской думаю об этом.

Если можете мне помочь в выезде (т〈о〉 е〈сть〉 ускорить, чтобы я выехал в феврале) — помогите. В январе 20 дней провел в комиссии по премированию проектов для Дворца Советов [5]. Конкурс был мирового значения. Иностранцы все просыпались. Лучший проект (вернее — схема проекта, подлежащая еще разработке) — русского архитектора, год тому назад только окончил школу. Мальчик, по-моему, гениальный [6].

Крепко жму вашу руку, очень хочу вас видеть.

Привет Надежде Алексеевне, Максу и всем вашим.

Ваш Алексей Толстой

[1] Михаил Абрамович *Рафаил* — в то время заведующий Ленинградским отделением ГИХЛа.
[2] Роман «Черное золото» подвергся критике в ряде статей. Окончание романа было снабжено следующим авторским послесловием: «С первых же глав „Черного золота“ меня начали упрекать в несерьезности, в авантюризме, в халтурности и еще много кое в чем. Иногда казалось, что это делается для того, чтобы сорвать писание романа. Все же, к удовольствию или неудовольствию читателей, я его окончил. Мне нужно только прибавить, что все факты романа исторически точны и подлинны...» («Новый мир», 1931, № 12, стр. 104. См. также Собр. соч., т. 4. М., Гослитиздат, 1958, стр. 823—824).
[3] Письмом от 17 декабря 1931 г. на имя А. Б. Халатова, бывшего в то время заведующим Госиздатом, Толстой просил организовать его поездку в Италию. «М. Горький настоятельно советовал мне,— писал Толстой,— теперь же, в начале 1932 года, приступить к написанию второй части романа „Петр Первый“ и предложил начать эту работу в Сорренто, где я буду находиться в постоянном общении с ним» (Рукописный отдел ИМЛИ, фонд А. Н. Толстого, № 7079).
[4] Толстой пробыл в Сорренто с 28 марта по 18 апреля.

[5] Толстой был введен в состав комиссии по конкурсу на проект Дворца Советов. О выставке проектов Дворца Советов Толстой написал статью «Поиски монументальности» («Известия», 1932, № 57, от 27 февраля.— Полн. собр. соч., т. 13).

[6] Письмо написано Толстым до решения о премировании проектов. Постановлением от 28 февраля 1932 г. высшие премии были присуждены И. В. Жолтовскому, Б. М. Иофану и американскому архитектору Г. О. Гамильтону.

17

ГОРЬКИЙ — ТОЛСТОМУ

〈Сорренто. Начало февраля 1932 г.〉

Дорогой Алексей Николаевич —

по делу о выезде вашем за рубеж «все, что мог — я уже совершил», довершать будет П. П. Крючков.

Слухи о вашем визите в Европу донеслись уже до Парижа, и Мария Игнатьевна [1], на днях приехав оттуда, рассказала: Иван Бунин был спрошен одним из поклонников его:

«Вот приедет Алексей Толстой и покается пред тобою, гений, в еретичестве своем,— простишь ли ты его? Закрыл Иоанн Бунин православные очи своя и, подумав не мало, ответил со вздохом:— „Прощу!“»

Весьма похоже это на анекдот, сочиненный человеком недоброжелательным Бунину, но рассказано сие как подлинная правда, и я склонен думать, что так оно и есть — правда! Жутко и нелепо настроен Иван Алексеев, злопыхательство его все возрастает и — странное дело! — мне кажется, что его мания величия — болезнь искусственная, самовнушенная, выдумана им для самосохранения. Так — бывает: В. И. Икскуль однажды любезно предложила себя Дмитрию Мережковскому, но он, испуган этим, почему-то — заявил ей: «У меня — люэс!». Сходство — отдаленное, но есть.

Плохо они живут, эмигранты. Старики — теряют силы и влияние, вымирают, молодежь не идет их путями и даже не понимает настроения их.

Ну,— ладно, до свидания! Сердечный привет Наталье Васильевне. Я еду в апреле.

Жму руку.

А. Пешков

Датируется по письму 16.

[1] Мария Игнатьевна Будберг.

18

ГОРЬКИЙ — ТОЛСТОМУ

〈Москва. Начало мая 1932 г.〉

Дорогой тезка —

посылаю письмо, присланное М〈арией〉 И〈гнатьевной〉[1] вместе — т〈о〉 е〈сть〉 в одном конверте — с письмом ко мне.

Изумителен был парад! [2] Я совершенно ошеломлен красотой и силищей этого дня. Видел массу летчиков — какие великолепные люди! Вообще, я в «телячьем восторге»! А писать — некогда.

Жму руку. Привет Н〈аталье〉 В〈асильевне〉 и Никите [3].

А. Пешков

Датируется по содержанию.

[1] Письмо М. И. Будберг к Толстому в его архиве отсутствует.

[2] Первомайский парад на Красной площади. См. также письмо к В. С. Довгалевскому от 6 мая 1932 г. (т. 30, № 1051).

[3] Никита Алексеевич *Толстой* (р. 1917) — сын Толстого.

19

ТОЛСТОЙ — ГОРЬКОМУ

⟨Детское Село⟩. 23/V—1932 г.

Дорогой Алексей Максимович и земляк.

Что делается! Декретом о барраже Волги [1] открывается новая страница мировой истории. Так и будет когда-нибудь написано: в то время. когда на Западе гибли цивилизации и миллионы людей выкидывались на улицу, когда Восток заливался кровью и страны искали спасения в войне и истреблении,— Союз, поднявшись над временем, издал декрет о барраже Волги. Аркольские мосты, Аустерлицы и Иены кажутся игрой в оловянные солдатики. Обнимаю и целую вас.

Ваш А. Толстой

[1] Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 22 мая 1932 г. о комплексном переустройстве Волги («Известия», № 141, от 23 мая).

В ответном письме от 1 июня 1932 г. Горький писал: «Дорогой друг — письмо ваше получил, прочитал и — обрадовался. Очень хорошо! вы, поистине, земляк,— человек, влюбленный в свою планету, в родину свою, человечище такой же талантливый, как богата она талантами» (т. 30, стр. 254).

20

ТОЛСТОЙ и др.— ГОРЬКОМУ

Кисловодск. 23 сентября ⟨1932 г.⟩

Телеграмма

Приветствуем [1] Максима Горького, зачинателя пролетарской литературы, беспощадного разоблачителя мирового мещанства. Всю жизнь вы верили в творческую силу масс и боролись за нее. Сегодня вы видите торжество своего дела в Советском Союзе, мы верим, что завтра вы увидите освобожденное творчество пролетариата во всем мире.

Группа писателей в Кисловодске — Алексей Толстой, Лев Левин, Валентин Катаев, Маршак, Александр Тихонов, Аркин, Азадовский

Телеграмма была послана в два адреса: лично Горькому и в редакцию газеты «Известия».

[1] В связи с 40-летним юбилеем литературной деятельности Горького, отмечавшимся 25 сентября 1932 г.

Юбилею Горького Толстой посвятил также статью «Костры» («Известия», 1932, № 286, от 15 октября).

21

ТОЛСТОЙ — ГОРЬКОМУ

Кисловодск. 15 октября ⟨1932 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович, когда я поразмыслил над вашим письмом [1],— то понял, что вы правы, и я вам благодарен за верный и тонкий художественный анализ. Теперь (отдохнув в Кисловодске) вижу, что пьесу в некоторых местах нужно сломать, лишить гладкой рассудочности — внести в нее «сумасшедшинку». Я это сделаю.

Вы пишете о Старчакове. Он был мне нужен как известный этап — вернее, беседы с ним — для того, чтобы привести в порядок все мои мысли и впечатления о современности. Старчаков понадобился потому, что жизнь слишком стремительна — в движении, в задачах, в выводах, в новых формах. Но, конечно, художественно Старчаков меня сковал и повредил [2].

По приезде в Детское сажусь за «Петра» [3], работать очень хочется, хотя страшновато — слишком ответственно. Печатать думаю с января в «Но-

вом мире». Хочу дать много места характеристике Карла XII, этого последнего, запоздавшего рыцаря-бродяги, последнего кондотьера, 18-летнего озорника, распоряжавшегося судьбами Европы.

Этот кондотьер сталкивается с варваром, государственником, строителем, организатором. В романе будет Лейбниц [4], его поездки с Петром в коляске по Германии, беседы на тему о колонизаторской миссии России на Востоке. По Лейбницу, России отводится служебная роль, Россия—«транзитное» государство, полуколония. Большое место займет раскол — движение русской нарождающейся буржуазии — затяжная, пассивная революция, избравшая реакционные формы до мракобесия включительно. Все

ГОРЬКИЙ НА ОТКРЫТИИ I ВСЕСОЮЗНОГО СЪЕЗДА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В КОЛОННОМ ЗАЛЕ ДОМА СОЮЗОВ В МОСКВЕ 17 АВГУСТА 1934 г.

За столом президиума (слева направо): Л. М. Леонов, А. С. Бубнов, А. Н. Толстой, Горький, И. К. Микитенко

Фотография

Музей Горького, Москва

же, как-никак, ко времени Екатерины II три четверти русского капитала и бóльшая часть промышленности (Север, Урал) оказалась в руках у раскольников. Духовник Меньшикова, ближайший к нему человек, был поп-раскольник.

Если вам не скучно, я вам буду писать о ходе работы.

Завтра сюда приезжает Халатов [5], и мы с Тусей [6] и Тихонов [7] едем с ним по Кавказу и в Закавказье.

Здесь изумительная, лучезарная осень.

До свидания, дорогой Алексей Максимович, привет Тимоше, Максу, Марии Игнатьевне, Ивану Николаевичу, Липе [8].

Ваш А. Толстой

От Туси всем привет.

[1] В письме от 17 сентября 1932 г. (т. 30, № 1057) Горький подверг критике рукопись пьесы «Патент 119», написанной Толстым совместно с А. О. Старчаковым (р. 1892), писателем и литературным критиком.

После значительных переделок пьеса «Патент 119» была опубликована в «Новом мире», 1933, № 1.

[2] Имеется в виду совет Горького в письме от 17 сентября: «Я думаю, Алексей Николаевич, что вам никогда не следует „сотрудников" брать, они вас, на мой взгляд, стесняют» (т. 30, с. 258).

[3] За работу над второй книгой романа «Петр Первый».

[4] Поездка Петра I с Лейбницем по Германии, их спор о роли России включены Толстым в киносценарий «Петр Первый». Описание исторических событий в романе, не законченном автором, обрывается еще до этого эпизода из жизни Петра I.

[5] См. Горький — Григорьев, письмо 18, прим. 6.

[6] Туся — Н. В. Крандиевская-Толстая.

[7] Александр Николаевич *Тихонов* (А. Серебров, 1880—1956) — писатель, друг и ближайший сотрудник Горького во многих издательствах и журналах (подробнее см. в кн.: «Горьковские чтения. 1953—1957». М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 5—98. «А. М. Горький. Письма к А. Н. Тихонову»).

[8] Толстой передает приветы Н. А. и М. А. Пешковым, М. И. Будберг, художнику И. Н. Ракицкому и О. Д. Чертковой.

22

ТОЛСТОЙ и др.— ГОРЬКОМУ

〈Кисловодск. 19 октября 1932 г.〉

Телеграмма

У подножия кавказских гор шлем привет Казбеку русской литературы. Халатов, Толстые, Тихонов, Проскуряков[1], Амосов[2]

Год определяется по письму 21.

[1] Владимир Михайлович *Проскуряков* (1900—1950), литератор, работал в редакции журнала «Наши достижения».

[2] Алексей Мефодиевич *Амосов* (1896—1938), в то время член коллегии Народного комиссариата путей сообщения.

23

ТОЛСТОЙ — ГОРЬКОМУ

〈Детское Село〉. 1 янв〈аря〉 1933 г.

Дорогой Алексей Максимович, во-первых — с Новым годом, новыми надеждами и новыми делами.

Мы провели этот день грустно, потому что накануне у Шапорина[1] умерла от миокардита дочь — Алена, и мы все измучились с ними.

Живем в туманах,— зима не хочет наступать, под Новый год можно было гулять в одном пиджаке по парку. Я много работаю: заново написал пьесу[2], и теперь не только я, но театры ею удовлетворены. Признаюсь,— если бы не ваша критика, я бы ее так и не переделал. Здесь она идет одновременно в ТРАМе и передвижном, играющем в домах культуры[3]. Начал роман[4]. Тут, конечно, главное — не утонуть в материале, но пока идет гладенько. Начинать было страшно, слишком ответственно.

К вам — два дела. Первое — о *Колтоновской*[5]. Она дважды хлопотала о пенсии,— сначала через ВССП, потом, в 31 г., через Литфонд. Оба раза ей отказали на том основании, что будто бы у нее нет десятилетнего стажа, несмотря на то, что в представленных ею документах был документ о ее литературной командировке в Петроград в 1921 г. Часть бумаг затерялась в учреждениях во время этих хлопот. Уцелевшие бумаги ею были пересланы Бубнову[6] весной 1932 г. Но с тех пор — ни слуху, ни духу. Колтоновской сейчас 61 год, она инвалид 2-й группы. Она в ужасающем бедствии и не может продолжать работу «Итоги пережитых общественных эпох». Часть этой работы «Петербург 90-х годов» принята в «Звенья» (вам для

ГОРЬКИЙ НА I ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СРЕДИ ЧЛЕНОВ БАШКИРСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

Рядом с Горьким (слева) Н. С. Тихонов и А. Н. Толстой, (справа) Афзал Тагиров. Стоят (слева направо): А. М. Хадисов, Х. Л. Давлетшина, Тухват Янаби, Амантаева, Даут Юлтый, Булат Ишемгулов, Гариф Гумер, А. Амантай

Фотография, Колонный зал Дома Союзов, 17 августа — 1 сентября 1934 г.

Музей Горького, Москва

памяти: Колтоновская работала в «Образовании», «Мире божьем», «Журнале для всех», «Юном читателе», «Русской мысли», «Вестнике Европы»). Весь вопрос здесь идет о ста рублях пенсии.

Второе дело. Мы во Всероскомдраме затеяли всесоюзный конкурс на комедию (посылаю вам отчет заседания). Ваше доброжелательное отношение к конкурсу и ваше участие в жюри совершенно необходимы [7]. Было бы очень хорошо, если бы вы могли написать о комедии (о драматургии). Писательской молодежи необходимо указать русло большой драматической культуры. Все драмкружки работают вразброд и кустарно (исключая политической установки). Современной советской драматической школы нет. Прогремит какая-нибудь пьеса, и все сразу начинают брать это за образец, не сообразуясь, что часто успех на сцене еще не означает роста культуры, и какой-нибудь гремящий автор Викторин Скрежезубов просто попал в точку.

Еще одна просьба, дорогой Алексей Максимович,— сообщить Марье Игнатьевне, что я очень хочу связаться с ней по литературным делам. Новая пьеса, думаю, что могла бы пройти в Лондоне или в Америке (на Германию я не надеюсь).

Привет Тимоше, Максу, Марии Игнатьевне, Липе — всем.

Ваш Алексей Толстой

Детское Село.
Пролетарская, 4.

[1] Юрий Александрович *Шапорин* (р. 1889) — композитор.
[2] Пьеса «Патент 119». См. письмо 21, прим. 1.
[3] Пьеса «Патент 119» (другое название — «Право на жизнь») была поставлена в Театре рабочей молодежи и Театре Общества изобретателей.
[4] Роман «Петр Первый», книга вторая.
[5] Елена Александровна *Колтоновская* (1871—1952) — литературный критик.
[6] Андрей Сергеевич *Бубнов* (1883—1940) — народный комиссар просвещения с 1929 г.
[7] В ответном письме от 17 января 1933 г. Горький писал: «...для „Всесоюзного конкурса“ *семи* премий — мало, я советую увеличить хотя бы до 15, а сумму первой премии поднять до 25 тысяч. Так будет солиднее.
Затем: почему только — комедия? Включите и драму. Обязательно.
Мое участие в жюри едва ли нужно...» (т. 30, с. 279).

24

ТОЛСТОЙ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва. Конец января 1933 г.⟩

Дорогой друг, Алексей Максимович. Я был очень обрадован и взволнован вашим письмом [1]. За двадцать пять лет работы было нужно, чтобы такой художник, как вы, дали оценку работы. В этот год я, как никогда, чувствую, что всё еще впереди, всё еще начинается. Может быть это неверно, но важно *так* ощущать. И в этом, во многом, повинны вы. Обнимаю вас, дорогой Алексей Максимович.

Сдал в печать первые листки «Петра» [2], снова работаю над пьесой для МХАТа [3]. В Ленинграде и здесь были мои юбилейные дни [4]. Все хорошо, если бы в сутках было бы 48 часов. Мне очень хотелось быть и эту весну у вас, в Сорренто,— но невозможно, покуда не кончу первую книгу 2-й части, никуда не двинусь из Детского. Что вы пишете? На днях видел у вахтанговцев «Булычова» [5]. Вы никогда не поднимались до такой простоты искусства. Именно таким должно быть искусство — о самом важном, словами, идущими из мозга,— прямо и просто — без условности форм. Спектакль производит огромное и высокое впечатление. Изумительно, что, пройдя такой путь, вы подошли к такому свежему и молодому искусству. В театре мне говорили, что «Достигаев» — лучше. Не знаю.

Обнимаю вас. Ваш А. Толстой

Тимоше, Максу и всем привет. Екатерина Павловна сейчас (пишу с М. Никитской) [6] говорит, что ей ничего не пишут, и просит снабдить Тимошу письменными принадлежностями, как-то: бумагой, чернилами и пером. В случае, если этих вещей у вас не окажется,— можно прислать из Москвы.

Обнимаю.

Ваш А. Т.

Артемий Багратович [7] просит передать привет.

Датируется по письму Горького от 17 января 1933 г. (т. 30, № 1074).

[1] В этом письме Горький поздравлял Толстого с 50-летием со дня рождения и 25-летием литературной деятельности: «Вы знаете, что я очень люблю и высоко ценю ваш большой, умный, веселый талант. Да, я воспринимаю его, талант ваш, именно как веселый, с эдакой искрой, с остренькой усмешечкой, но это качество его для меня где-то на третьем месте, а прежде всего талант ваш — просто большой, настоящий русский и — по-русски — умный, прекрасно чувствующий консерватизм, скрытый во всех ходовых „истинах", умеющий хорошо усмехнуться над ними. ⟨...⟩ Мне еще хочется сказать вам, что для меня вы, несмотря на вашу четвертьвековую работу, все еще „начинающий" и таковым пребудете даже до конца дней. „Петр"— первый в нашей литературе настоящий исторический роман, книга— надолго» (т. 30, стр. 279—280).

[2] Вторая книга романа «Петр Первый» начала печататься в «Новом мире», 1933, № 2.

[3] Пьеса для МХАТа II — «Петр Первый», вторая редакция.

[4] Советская общественность Москвы и Ленинграда в середине января отметила 50-летие со дня рождения (10 января 1933 г.) и 25-летие литературной деятельности Толстого.

[5] Спектакль «Егор Булычов и другие» в театре им. Евг. Вахтангова.

[6] На Малой Никитской (ныне ул. Качалова) в д. № 6 с 1931 по 1936 г. была московская квартира Горького.

[7] А. Б. Халатов.

25

ТОЛСТОЙ — ГОРЬКОМУ

Москва. 1 апреля 1933 г.

Дорогой Алексей Максимович,

хотя и с запозданием — позвольте приветствовать вас с тринадцатью пятилетками [1]. Обнимаю вас и очень люблю. Около вас — хочется жить, около вас жизнь приобретает особые формы — большие и устремляющиеся. Меня недавно расспрашивали про вас: добрый ли вы человек? Я сказал: очень. Около вас чувствуется, так часто заслоняемая борьбой, цель всех усилий — добро. Поэтому я вас очень люблю.

В сущности я это и хотел сказать. И еще то, что у меня бывает потребность написать о своей работе, о разных больших и маленьких радостях и достижениях. Но — это честное слово — я вас стесняюсь, хотя знаю, что вы ко мне хорошо относитесь,— может быть, поэтому. Все-таки я вам напишу из Детского о планах второй части «Петра» и о всякой всячине, касающейся этой штуки.

В Детском живет Федин. С ним очень неважно. У него опять появились палочки в одном, вылеченном, легком, а другое в пневмотораксе. Он читал мне свой роман [2],— главы написаны прекрасно, четко,— немного слишком по-«европейски». Но план — сбивчив и как-то идет мимо глав. Он и сам это чувствует и страдает. Все это очень грустно — все эти палочки.

В остальной литературе никаких особых происшествий не наблюдалось.

Обнимаю вас

Алексей Т о л с т о й

[1] 28 марта 1935 г. Горькому исполнилось 65 лет.

[2] «Похищение Европы». Первая книга романа печаталась в «Звезде», 1933, №№ 4—8 и №№ 11—12.

26

ТОЛСТОЙ — ГОРЬКОМУ

〈Детское Село.〉 14/IX 1933.

Дорогой Алексей Максимович, я только что три недели провел на Севере (Хибиногорск, Нивастрой, Кандалакша, канал) [1]. О замечательных впечатлениях расскажу вам при свидании. Дело вот в чем: повсюду — на стройках, в лагерях, в городках — ужасающий книжный голод, проще говоря — никаких книг нет, какие-то жалкие обрывочки. Книга нигде так не нужна, как на Севере. Первый вопрос у каждого — дайте книг. Мы (Шишков, Никитин и я) ехали целый день на дрезине. Ночью с фонарем подходили начальники станций,— «передайте, чтобы прислали книг». О заведующих клубами и библиотеками и говорить нечего. На Нивастрое (где мы провели один из лит. вечеров) — молодежь, ударники, тут же вынесли решение: «В объявленном штурме сентябрьской программы — лучшей бригаде присвоить имя Ленинградского Союза писателей». На Медвежьей горе просили передать Оргкомитету [2] — взять культурное шефство над строительством Б〈еломорско〉-Б〈алтийского〉 комбината. А сейчас там начинают строиться социалистические города (на 50 тысяч жителей). А книг нет, и книг не будет, если не будет обращено внимание Книгоцентра на то, что книгу нужно завозить в первую голову туда, где в полярную ночь работают в три смены, где книга нужнее хлеба.

Алексей Максимович, если бы вы могли оказать давление на ОГИЗ, чтобы обратить внимание ОГИЗа на всю важность снабжения книгами Севера. Я только передаю вам вопль десятков тысяч людей.

Крепко жму вашу руку.
Ваш Алексей Т о л с т о й

[1] Толстой с ленинградскими писателями В. Я. Шишковым, Н. Н. Никитиным, И. С. Соколовым-Микитовым выезжал в Кандалакшу, чтобы присутствовать при подъеме затонувшего еще до революции парохода «Садко». Из Кандалакши писатели совершили поездку по Кольскому полуострову. В Детское Село Толстой вернулся 11 сентября 1933 г.

[2] Оргкомитет по подготовке к Первому съезду советских писателей.

27

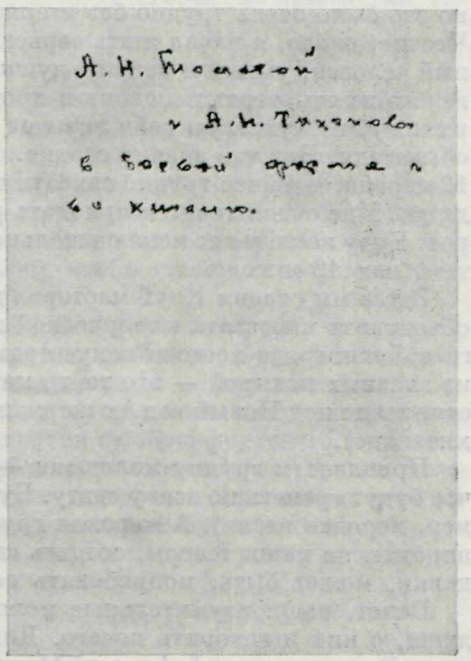
ГОРЬКИЙ — ТОЛСТОМУ

〈Москва. 1 января 1935 г.〉

Вот, сударь мой, Алексей Николаевич, получили щелчок по лбу? Так вам и надо, гулевая голова! [1] В 50 лет нельзя вести себя тридцатилетним бойкалем и работать, как четыре лошади или семь верблюдов. Винцо пить тоже следует помаленьку, а не бочонками, как пили деды в старину, им, дедам, нечего было делать, а вам нужно написать еще не менее 25 томов, по одному в год. Вино и совсем не надо бы пить, заменив его миндальным молоком с нарзаном — напиток бесполезный, но — весьма противный. И все формы духовного общения с чужеродными женщинами нужно ограничить общением с единой и собственной своей женой,— общением, кое установлено и освящено канонами православной кафолической церкви. Также и общение со множеством соплеменников (напомню, что словцо *сопле*менник производится от понятия племя, а не от иного какого-нибудь) — равно как и людей иноплеменных — в живом их виде следует сократить, а то и вовсе на время отказаться от этого сладостного, но мало поучительного истребления времени. Общение же с лицами, своевременно или преждевременно — как А. С. Пушкин — отошедшими в инобытие,—

отнюдь не возбраняется, но — поощряется. Вообще, дорогой и любимый мною сердечный друг, очень советую: отдохните недельки три или, хотя бы, годок от наслаждений жизнью, особенно же от коллективных наслаждений, сопровождаемых винопитием и пожиранием поросят, разнообразно изготовленных поварами для употребления в качестве пищи.

Могу дать и еще несколько десятков советов на все случаи жизни и, ежели испытываете нужду в таковых,— телеграфните: «требую советов» — немедленно получите оные, т〈о〉е〈сть〉 советы, а не случаи.



А. Н. ТОЛСТОЙ и А. Н. ТИХОНОВ (СЕРЕБРОВ)

Фотография 1934 г. с шуточной надписью Горького на обороте: «А. Н. Толстой и А. Н. Тихонов в боевой форме и во хмелю»

Архив Горького, Москва

Бывают шутки назойливые и неуместные, как мухи осенью, а потому, прекращая производство шуток, должен сказать, что я сугубо взволнован нездоровьем вашим, милый мой друг. Пора бы вам научиться беречь себя для той великолепной работы, которую вы так мастерски, уверенно делаете. Попробуйте пожить несколько осторожнее! Не превращайте творчество в каторжную работу, как это свойственно вам.

Поздравляю с Новым годом! Да будет он для вас — и для страны — так же продуктивен, каковы были предшествовавшие годы работы вашей.

Здоровье, здоровье восстановить надо!

Крепко обнимаю.

А. Пешков

1.I — 35.

[1] Письмо вызвано сообщением Н. В. Крандиевской-Толстой о двух тяжелых сердечных приступах у Толстого.

28

ТОЛСТОЙ — ГОРЬКОМУ

〈Детское Село.〉 15/I—1935 г.

Дорогой Алексей Максимович, спасибо за ваше доброе письмо, мне очень хочется за него обнять вас крепко, потому что, помимо прочего, я вас очень, очень люблю. Туся держит при себе это письмо вроде шестопера, чтобы бить меня по затылку в случае каких-либо легкомысленных намерений с моей стороны.

А, в общем, вышло к лучшему,— жизнь надо было давно переменить, но это было очень трудно без вторжения чего-то насильственного. Точка. Честное слово, я начал жить серьезно. Лечит меня Бадмаев [1], изумительный человек, умный и нежной души. Пью разные травы и настойки, медвежью желчь, тертых ящериц и прочие замечательные вещи. Второй день выхожу, но чувствую себя все еще неважно, так вроде какого-то серого обывателя. Вот что значит сердце. В ноябре написал пьесу [2], в 3 недели 12 картин, а сейчас трудно связать две фразы. Бадмаев говорит, что наладится. Мне очень хочется приехать работать в Тессели в апреле — до жаров. Буду вести у вас исключительно примерную и трудовую жизнь, работать над 19-м годом [3].

Здесь мы строим Клуб мастеров при Доме Союза писателей. Задача — объединить и вызвать к творческой деятельности всё, что есть талантливого в Ленинграде по всем искусствам. Сбивается кучка энтузиастов, один из главных козырей — это театр марионеток Шапориной [4] (первое ее выступление под Новый год [5] с шаржами на писателей и критиков было изумительно).

Привлекаем группу молодежи — композиторов, среди них есть такие, что будут греметь по всему свету. Будем устраивать их состязания (например, хоровая песня). Актерская группа должна у нас создать сатиру или пародию на наши театры, создать спектакль-рецензию на текущие постановки, может быть, попробовать создать водевиль.

Балет, наши изумительные молодые балерины — это уже прямо для души, о них и говорить нечего. Для песен привлекаем этнографический театр Всеволодского [6]. Алексей Максимович, вы должны послушать их песни и частушки, это гигантский вклад в наше искусство.

Клуб уже обставлен и украшен всевозможными антиками, Эрмитаж дал нам 20 картин, да своих у нас штук 70. Клуб не только для развлеченья, понемногу в нем должна сосредоточиться творческая жизнь Союза пис〈ателей〉 — авторские чтения, кровавые выступления критиков, кружки и пр. Клуб должен вмешиваться в редакционные дела наших обоих журналов [7] и литгазеты [8] и, в общем, расколыхать застаивающееся болото успокоенной средненькой литературной жизни.

Горячо вас обнимаю, дорогой мой друг. Туся вам шлет привет.

Ваш Алексей Толстой

[1] Николай Николаевич *Бадмаев* — врач, лечивший методами тибетской медицины.

[2] Пьеса «Петр Первый», вторая редакция. Толстой прочел этот новый вариант пьесы коллективу Ленинградского академического театра драмы 5 декабря 1934 г.

[3] «19-й год» — см. письмо 14, прим. 2.

[4] Любовь Васильевна *Шапорина* (р. 1885) организовала в конце 1918 г. Театр марионеток при экспериментальной студии Петроградского отделения театров и зрелищ. В 1936 г. театр перешел в систему Гос. эстрады, где просуществовал до конца 1940 г.

[5] В ночь на 1 января 1935 г. спектаклем Театра марионеток открылся ленинградский Дом писателя. Было поставлено юмористическое обозрение Е. Л. Шварца «Торжественное заседание».

[6] Ленинградский этнографический театр существовал с 1930 по 1935 г. под руководством искусствоведа В. Н. Всеволодского-Гернгросса (р. 1882).

В репертуаре театра было около 200 номеров, построенных на материале русского, белорусского и украинского фольклора.

В. Н. Всеволодский-Гернгросс предлагал Горькому рассматривать этот театр как составную единицу будущего Театра народов СССР, о желательности создания которого Горький говорил на Съезде писателей (письмо от 8 сентября 1934 г., АГ).

[7] Журналы «Звезда» и «Литературный современник».

[8] Газета «Литературный Ленинград».

29

ГОРЬКИЙ — ТОЛСТОМУ

⟨Горки. 20 января 1935 г.⟩

Многоуважаемая тезка —

получив здравомыслящее письмо ваше, премного обрадовался. Не шутя — очень приятно было видеть знакомый почерк, крупный, твердый и еще приятней читать, что «в общем вышло к лучшему». Да будет так, и не сомневаюсь, что так и будет. А что касается Туси, так это — замечательная тетя, и каждый раз, когда я ее вижу,— мне очень досадно, что по возрасту я не могу быть ее племянником, а если б мог — влюбился бы в нее смертельно. Об этом не надо говорить ей, чтобы она не испугалась и не возненавидела меня. Но — шутки прочь!

Вот что, дорогой А⟨лексей⟩ Н⟨иколаевич⟩. Амнистирован и приехал в Москву Аршинов [1], анархист, друг и «руковод» Махно. Я думаю, что вам, для работы над «19 г.», может быть, следовало бы познакомиться с ним. А посему: я бы предложил вот что: если здоровье позволяет,— перекатитесь сюда, в Горки, вместе с Тусей, захватив с собою фунтов 16 Бадмаевских трав, Черткова знает как надо обращаться с ними [2], ох! — она очень хорошо знает это! Но, разумеется, можно попросить Аршинова, чтоб он приехал к вам. Лично я думаю, что в Горках вам будет спокойней.

Засим, жму крепко вашу уродливую лапу и целую Тусину правую рукоятку.

А. Пешков

20.I.35.

[1] П. И. Аршинов — анархист, один из идеологов махновщины.

В архиве Толстого, в материалах по истории гражданской войны, есть сведения о П. И. Аршинове. Данные о встрече с ним отсутствуют. Об Аршинове упоминается только во второй части трилогии «Хождение по мукам» — романе «Восемнадцатый год».

[2] Олимпиада Дмитриевна *Черткова* — друг семьи Пешковых, имела среднее медицинское образование.

30

ТОЛСТОЙ — ГОРЬКОМУ

⟨Детское Село. Начало февраля 1935 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович, так как я не смогу быть раньше 20 февр⟨аля⟩ в Москве,— то я хотел бы вас попросить вот о чем: числа 10—15 марта наш клуб устраивает юбилей Чапыгина [1] — 35 лет. Праздник этот мы устроим, по возможности, не банально, по возможности весело, празднично, с юмором (пародия театра марионеток и разные приветствия после официальных).

К этому дню выходит в Гослитиздате массовое издание «Разина» [2] и издание 1-й книги «Гулящих людей» [3]. Вы читали эту вещь в «Звезде»? Чапыгин мне читал, кроме того, и еще не напечатанное. По-моему, это вещь замечательная, странноватая, местами наивная, но необычайная по чувству эпохи, по языку.

Так вот. Хорошо бы Алексею Чапыгину дать заслуженного деятеля искусств. Об этом к вам просьба, дорогой друг Алексей Максимович. Алексей Чапыгин прожил жизнь честную, чистую, скромную, жизнь сурового художника. И сейчас полон сил и планов.

Я работаю над «Пиноккио» [4], вначале хотел только русским языком написать содержание Коллоди. Но потом отказался от этого, выходит скучновато и пресновато. С благословения Маршака пишу на ту же тему по-своему. Мне очень хочется почитать эту книжку в Горках — посадить Марфу, Дарью [5] и еще кого-нибудь, скажем, Тимошу, и прочесть детям.

Здоровье совсем восстановилось, и даже чувствую себя лучше, чем прежде, потому что не употребляю горячительных напитков и горячим вином не упиваюсь до изумления.

Когда вы поедете в Тессели? На апрель и май я бы увязался с вами работать над «19 годом». Можно? О Тессели я мечтаю, как о счастье...

По приказу Тимоши купил вам китайскую мебель 18 века. Можете ругаться сколько хотите и барабанить пальцами, но вещи очень хорошие и совсем даром.

Наши все здоровы, кроме тещи, у нее был вроде как ударчик. Марьяна [6] разочаровалась в представителях иного пола и начала писать стихи,— неожиданно очень хорошие, и пишет их всерьез и надолго, потому что пишет их от скверного характера. Вчера видел Сперанского [7], он пьет красное вино и вслух читает Пушкина.

Обнимаю вас.
А. Толстой

Датируется по ответному письму Горького от 13 февраля 1935 г. (т. 30, № 1151), вместе с которым Горький посылал и поздравительное письмо А. П. Чапыгину (т. 30, № 1152).

[1] Юбилей А. П. Чапыгина отмечался в Ленинграде 17 марта 1935 г.

[2] А. П. Чапыгин. Разин Степан. Л., Гослитиздат, 1936.

[3] Издание было осуществлено позже: А. П. Чапыгин. Гулящие люди, кн. 1—2. Л., Гослитиздат, 1936.

[4] «Пиноккио»— сказка итальянского писателя Коллоди (псевдоним Карло Лоренцини, 1826—1890); по ее мотивам Толстой написал «Золотой ключик, или приключения Буратино». Впервые опубликована в «Пионерской правде», 1935, №№ 147—152, 154—157, 159—171; 1936, №№ 2—9.

[5] Марфа Максимовна (р. 1925) и Дарья Максимовна (р. 1927) — внучки Горького.

[6] Марьяна (р. 1911) — дочь Толстого. Несколько стихотворений М. А. Толстой были напечатаны в журналах «Новый мир», «Литературный современник» и «Красноармеец».

[7] Алексей Дмитриевич *Сперанский* (р. 1888) — известный физиолог, академик.

31

ТОЛСТОЙ — ГОРЬКОМУ

〈Детское Село.〉 22/IX 1935 г.

Дорогой Алексей Максимович, сегодня ко мне заходил К. А. Федин. Врачи разрешили ему ехать на юг,— разумеется, в такие места, где поблизости можно сделать пневмоторакс. Ему очень бы хотелось погостить у вас в Форосе [1] (затем — в Сухум). Но он стесняется написать вам об этом. Так как я — наглый, то я взялся за это. Если вы надумаете ответить мне — то до 3—4 сентября [2] я в Детском.

Я работаю над первой книгой третьей части «Хождения по мукам» [3]. Взялся с трудом, с самопринуждением, но сейчас увлечен, так что дым идет из головы. Минц [4] снабжает меня всеми материалами. Трудность написания романа — в количестве матерьяла, в том, чтобы все успеть переварить, не обожраться. Но, кажется, выходит лучше, чем «Петр».

ГОРЬКИЙ и А. Н. ТОЛСТОЙ
Фотография, Горки, 1934 г.
Музей Горького, Москва

Как вы живете? Когда едете в Тессели? Очень хочу вам перед отъездом почитать начало.

Крепко обнимаю вас.

А. Толстой

[1] Горький с 1933 г. проводил осень и зиму на даче в Тессели, близ Фороса (южный берег Крыма).

[2] Описка, имеется в виду 3—4 октября.

[3] По замыслу писателя, в период, когда писалось это письмо, третья часть «Хождения по мукам», названная «По коням», должна была состоять из четырех книг. В результате, в 1935—1937 гг. была создана повесть «Хлеб (Оборона Царицына)», тематически примыкающая к трилогии, и в 1939—1941 гг. третья часть «Хождения по мукам» — роман «Хмурое утро».

[4] Исаак Израилевич *Минц* (р. 1896) — историк, член редколлегии «Истории гражданской войны», ныне — академик. См. также письмо 12, прим. 4.

32

ТОЛСТОЙ — ГОРЬКОМУ

〈Детское Село. 28 марта 1936 г.〉

Телеграмма

Дорогой Алексей Максимович, обнимаю, желаю долгого, долгого творчества.

Алексей Толстой

Датируется предположительно по содержанию.

Телеграмма была передана по телефону из почтового отделения Байдары в Форос. Подлинник отсутствует.

Печатается по рукописной записи.

ГОРЬКИЙ — К. А. ТРЕНЕВ

В писательской судьбе Константина Андреевича *Тренева* (1876—1945) Горький сыграл очень большую роль. По собственному признанию Тренева, Горький был его «великим учителем».

«Огромное значение в моей литературной биографии,— писал впоследствии Тренев,— имел М. Горький, откликнувшийся с о. Капри на посланную ему вещь ⟨пьесу „Дорогины".—*Ред.*⟩ с горячим сочувствием и с изумительной лаской, ободрявшей меня в тяжкие минуты. Полагаю, что без этих ободрений я едва ли начал бы серьезно писать. Очень уж мало верил в свои силы» («Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков». Под ред. Вл. Лидина. М., «Современные проблемы», 1926, стр. 310).

Переписка между Горьким и Треневым началась в 1911 г., после того как Тренев послал на Капри свое первое крупное драматургическое произведение — «Дорогины».

Горький, указав в ответном письме на недостатки пьесы, писал автору: «Пьеса ваша кажется мне вещью талантливой и умной...» (т. 29, с. 161).

Почувствовав в Треневе несомненное дарование, Горький стремится привлечь его к сотрудничеству в различных литературных изданиях. «Зачиная новый журнал, поимели бы вы в виду Тренева: его следует извлечь из педагогики,— человек умный и может быть прекрасным работником»,— пишет Горький В. С. Миролюбову в 1911 г., в период организации журнала «Заветы» (т. 29, с. 208).

Переписка Тренева с Горьким продолжалась вплоть до марта 1936 г. С Горьким Тренев неоднократно встречался. Последняя их встреча состоялась в начале апреля 1936 г.

О своем знакомстве с Горьким Тренев рассказал в статьях «Великий учитель», «Великий патриот», «Из прошлого», «Последняя встреча» (см. в кн.: К. А. Тренев. Избранные произведения в двух томах, т. II. М., Гослитиздат, 1955), а также в воспоминаниях «Мои встречи с Горьким» (см. в кн.: «М. Горький в воспоминаниях современников». М., Гослитиздат, 1955).

Восемь писем Горького Треневу опубликовано в Собрании сочинений Горького (т. 29, №№ 523, 568, 576, 617, 692, 705, 718, 723).

Ниже публикуется одиннадцать писем Горького Треневу и двадцать шесть писем Тренева Горькому. Из писем Тренева четыре письма (19, 20, 22, 23) были напечатаны в сб.: «М. Горький. Материалы и исследования», ч. 1. Л., Изд-во АН СССР, 1934; одно— (письмо 8) — в «Молодой гвардии», 1958, № 6.

1

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Симферополь. Март, после 10 — июнь 1911 г.⟩

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Спасибо вам сердечное за ваше письмо. Мне крайне неловко, что первое письмо мое носило как будто бесцеремонный характер. Главное же, отправивши письмо, я вспомнил, что не попросил вас указать вообще на промахи в пьесе [1], и этим изрядно терзался. А вам пришлось извиняться за поразившее меня внимание к пьесе [2].

Пьесу исправлю в указанном вами смысле.

Заголовок, точно, и громоздкий, и кричащий [3]. Но как ее назвать? Извините, что задаю вам этот вопрос, но я над ним и прежде до такой степени ломал голову, что легче бы, кажись, новую пьесу написать. Не сочтите за назойливость, но если бы вы дали ей имя, какое вам первое подвернется! Я был бы сугубо счастлив.

Разговоры героев с собою постараюсь изъять [4]. Не знаю только, как извернусь в финале пьесы. Опять-таки скажу в оправдание себя: смущали они меня, когда я писал их. Но, представьте, это смущение рассеял во мне — мое евангелие — Чехов! Ведь у него ни одна пьеса не обошлась без нескольких таких разговоров. Для примера укажу хоть на след⟨ующие⟩: Иванов в III-м д., Нина в «Чайке» во II-м д. и Треплев в IV-м, в «Дяде Ване» Соня во II-м, Елена в III-м. Есть они и в «Трех сестрах», и в «Вишн⟨евом⟩ саде». О репликах «в сторону» уж и не говорю. А может, на этом основании и мои можно оставить или только посократить? Меня смущают еще подчас длинные монологи, на которые указывали мне актеры как на задерживающие ход пьесы.

Ваше намерение предложить пьесу Станиславскому растрогало меня, однако на практические от этого последствия я, признаться, не надеюсь. Дело в том, что экземпляр пьесы уже не 1-й месяц лежит в Художеств⟨енном⟩ театре, и мне не только не ответили, но даже просьбу мою возвратить пьесу, просьбу, подкрепленную почтовыми марками, оставили без удовлетворения. Пьеса была отправлена туда через знакомого сотрудника московских газет. Была на руках у какого-то Ликиардопуло [5] (кажется, так фамилия), и не могу с уверенностью сказать, читал ли ее Станиславский.

Посылалась пьеса также к Незлобину [6] и Коршу [7]. У первого ответили, что некогда читать, у второго не понравилась дочери. Давал еще двум провинциальным труппам: в одной ответили, что ставят только пьесы столичных авторов или поставленные на столичной сцене, в другой возвратили без объяснения причин. Т⟨аким⟩ о⟨бразом⟩ я основательно убедился, что ходы на сцену для меня, независимо от качества пьесы, плотно закрыты: в провинцию пьеса может попасть только с высоты столичной сцены, а на столичную сцену взобраться самостоятельно, без сильной посторонней помощи — все равно что на небо. После этого я и решился представить ее на ваш суд с просьбой, если найдете достойной, поместить ее в сборнике «Знания». Т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ в вашем письме нет ответа на эту просьбу, то, рискуя оказаться назойливым или намеренно непонявшим вашего деликатного умолчания, я опять-таки обращаюсь с нею: если возможно принять ее, допустив крайнюю степень снисхождения, то примите. Если пьеса этого не стоит, значит, туда ей, пустоцвету, и дорога. Уничтожу ее с чистой совестью. Значит, не судьба... Да, судьба... Очень постыдно жаловаться на судьбу, да еще в вашем присутствии, а удержаться не могу. После того как оказалось, что, во-1-х, вы уже немножко знаете меня со слов Виктора Сергеевича [8], а во 2-х, оказалось, что у вас, столь осаждаемого людьми, хватает теплого участия для всех, мне, как ребенку плакать, захотелось сказать вам два слова об этой самой своей «судьбе». Так фатально не дается счастье делать желанное дело — писать, что нахожусь на грани отчаяния.

Жизнь так сложилась, что приходится уделять по 12 час⟨ов⟩ в сутки одуряющему педагогическому труду [9]. Нет времени, главное же — нет веры в себя и в возможность выбиться. Пользуясь вашим вопросом, пишу ли рассказы,— иллюстрирую свое положение хотя бы с этой стороны. Тут моя «карьера» вся связана была с деятельностью Виктора Сергеевича. Отбившись от этого берега 1905-м и смежными годами [10], я в 1908 г., наконец, пристал было к нему: послал Виктору Серг⟨еевичу⟩ небольшой рассказ. Он так тепло приветствовал возвращение блудного сына и немед-

ленно напечатал рассказ. Но это было уже в последней книжке «Трудового пути» [11]. С прекращением издательской деятельности Викт⟨ора⟩ Серг⟨еевича⟩ закрылся и для меня доступ в столичн⟨ые⟩ журналы, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ у меня там ни души знакомых.

С ужасом вижу, как с каждым днем дальше уходит возможность выбиться.

С получением вашего письма воскрес и к вам тянусь за спасением.

Обладаю очень сомнительным здоровьем — весну прохворал и в течение 2-х месяцев лишен был возможности написать вам — все это тоже крайне осложняет борьбу.

Не бросьте меня, Алексей Максимович!

Низко кланяюсь вам.
К. Тренев

Адрес: Симферополь, гимназия Станишевской, Константину Андреевичу Треневу.

Датируется по письму Горького Треневу (март, не ранее 4-го, 1911 г., см. т. 29, № 523), ответом на которое является данное письмо, а также и по содержанию.

[1] Пьеса «Отчего порвались струны?» (позднейшее название — «Дорогины»), посланная Треневым Горькому. Пьеса была издана литографским способом в 1910 г., к печати разрешена 26 октября 1910 г.

[2] В указанном выше письме Горький, отмечая недостатки пьесы, писал: «Извините за советы, не прошенные вами» (т. 29, с. 162).

[3] В письме к Треневу Горький не писал о заглавии пьесы. Но сохранилась его запись на полях рукописи Тренева: «„Отчего порвались струны?“. Заголовок тяжеловат и как будто немного претенциозен. Не находите? Да ведь и не ясно: в конце концов — „отчего“ же» («М. Горький. Материалы и исследования», т. III. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1941, стр. 51. Это замечание Горького было ошибочно опубликовано как записка Миролюбову).

[4] «Герои ваши иногда разговаривают сами с собою,— писал Горький,— прием старый, неправдивый, от него уже отказались драматурги, что и было необходимо. После Ибсена и Чехова — неловко прибегать к этому приему» (т. 29, с. 161—162).

[5] Возможно — Михаил Федорович *Лыкиардопуло* (ум. 1925), переводчик.

[6] Незлобин (псевдоним Константина Николаевича *Алябьева*, ум. 1930) — организатор и владелец «Театра Незлобина» в Москве.

[7] Федор Адамович *Корш* (1852—1921) — основатель и владелец драматического театра в Москве.

[8] Виктор Сергеевич *Миролюбов* (1860—1939) — издатель и редактор ряда демократических журналов и сборников. Критика отмечала, что Миролюбов первый «оценил безвестного Тренева» («Биржевые ведомости», 1915, от 14 июля). Тренев опубликовал в «Журнале для всех», издававшемся Миролюбовым, рассказы «На извозчике» (1903, № 2) и «Человек» (1903, № 7). Он неоднократно печатался в журналах Миролюбова «Трудовой путь» (1908), в «Заветах» (1912—1914), в «Ежемесячном журнале» (1914—1916).

Подробнее о взаимоотношениях Тренева и Миролюбова см. в «Литературном архиве», вып. 5. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 189—225. В 1908 г., в связи с привлечением к судебной ответственности за издательско-редакторскую деятельность Миролюбов уехал за границу.

В то время, когда было написано это письмо, В. С. Миролюбов находился на Капри, участвуя в редактировании сборников «Знание» и литературно-художественного отдела «Современника», позднее — «Заветов».

[9] Педагогическую деятельность Тренев начал в 1904 г. в Новочеркасске в учительской семинарии. Затем он преподавал в Симферополе — в женской гимназии Станишевской, в мужской гимназии Волошенко. На педагогическом поприще Тренев оставался вплоть до 1931 г., до своего переезда из Симферополя в Москву. В советский период он преподавал на рабфаке. См. также письмо 8.

[10] Тренев здесь имеет в виду свою деятельность в годы первой русской революции в качестве газетного работника, публициста. С декабря 1905 по октябрь 1906 г. Тренев был редактором новочеркасской газеты «Донская жизнь».

В 1907 г. Тренев за статьи и фельетоны, опубликованные в газете «Донская жизнь» (Новочеркасск) и содержащие резкую критику черносотенной реакции, администрации и духовенства, был выслан за пределы Донской области в гор. Волчанск «в видах пользы службы», где пробыл до 1909 г.

[11] Рассказ Тренева «В консистории» был напечатан в журнале «Трудовой путь» (1908, № 1), который выходил вместо закрытого «Журнала для всех».

2

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Симферополь. 12 июля 1911 г.〉

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

До последних дней изыскивал я благоприятствующие обстоятельства, чтобы воспользоваться вашим задушевным приглашением на Капри[1].

Теперь с огорчением увидел, что таких обстоятельств нет. Пытался пристроиться еще к одной из итальянских экскурсий — оказалось — опоздал. А как хотелось увидеть вас. Я ведь и в России не видал вас, не удалось. Но такое тепло в вашем письме, что даже неловкость появления перед вами в качестве чужого, незнакомого лица не пугала. Очень уж близки и дороги мне стали вы (простите, если это сентиментально. Но ведь даже Леонид Андреев где-то писал недавно, что боится быть сентиментальным, вспоминая, чем вы были для него при первых его шагах в литературе) [2]. Ожил я теперь, и хочется верить в успех той работы, которой так неудержимо тянет отдаться.

Покамест же злочастье мое все в том же: с августа опять надеваю 12—15-ти часовую лямку педагога, из которой не вылезть уж до нового лета. И когда читаю о вашем намерении, в случае моего приезда, поговорить со мною в том направлении, чтобы «извлечь меня из педагогики и вонзить в литературу», глубоко скорблю, что этот разговор не состоялся.

До ваших и Виктора Сергеевича писем смотрел на свое учительство как на печальную, но неминуемую, суженую дорогу, а теперь уж эта дорога с беспрерывным дождем тетрадей кажется грубым над собой насилием.

А все же впереди как будто свет и нет прежнего холодного отчаяния (не выдало бы только здоровье).

Получил радостное уведомление от Викт〈ора〉 Серг〈еевича〉, что пьеса понравилась и что он напечатает ее. Делаю указанные поправки.

Там же он сообщает, что вы потребовали пьесу для прочтения кому-то из администрации Худож〈ественного〉 театра [3]. Как я уже писал вам, они пьесу игнорировали, и потому я на этот счет не питаю особенных иллюзий. Но если бы, паче чаяния, ваша рекомендация спасла пьесу от бесповоротного отвержения ее Станиславским, если бы она была признана годной при условии самой серьезной обработки, то, конечно, я за таковую, согласно указаниям, принялся бы с наслаждением. Во всяк〈ом〉 случае, до вас покорнейшая просьба — осведомить меня о мнении Станиславского.

Стыдно мне искренне, что злоупотребляю вашим вниманием и надоедаю вам своей особой да еще и просьбой.

Спасибо вам за ласку! Отогрели вы человека.

Глубоко уважающий вас
К. Тренев

12.VII.11.

Адрес: Симферополь, Новый город, д. Чудновской, Конст〈антину〉 Андр〈еевичу〉 Треневу.

[1] Письмо Горького не обнаружено.

[2] См. «Автобиографию» Л. Андреева.— Сб. «Первые литературные шаги». М., изд. Ф. Ф. Фидлера, 1911, стр. 31—32.

[3] В начале июля (до 5-го) 1911 г. Горький обратился к В. С. Миролюбову с просьбой срочно прислать рукопись пьесы Тренева «Отчего порвались струны?», чтобы показать ее находившемуся в это время на Капри администратору Художественного театра Н. А. Румянцеву (т. 29, № 530). См. письмо 6.

3

ГОРЬКИЙ — ТРЕНЕВУ

〈Капри. Между 18 и 28 июля /между 31 июля и 10 августа 1911 г.〉

Дорогой Константин Андреевич!

Пьеса ваша прочитана мною Н. А. Румянцеву, администратору и члену совета М〈осковского〉 Х〈удожественного〉 театра, но Румянцев ее не одобрил, находя, что-де:

пьеса грубовата, в теме и главных характерах — не нова, оригинально задуманы и исполнены в ней два лица: Багрецов и Пистоненко, причем первый — не дописан.

Относительно Багрецова и я скажу: вы преждевременно свели его со сцены и придали слишком шаржированный характер его беседе с мужиком и бабой, усмотревшими в нем прорицателя и блаженного. Сие — мне кажется — очень верным по существу и весьма серьезным по смыслу [1].

Где пойдет пьеса — еще не знаю, это решит В〈иктор〉 С〈ергеевич〉 совместно с Пятницким [2].

Спасибо вам за ваше доброе письмо и доверчивое отношение ко мне, но — знали бы вы, как грустно мне читать о «тетрадках», «насилии над собою» и т. д. Настроения — знакомые; тяжесть их мною, своевременно, была взвешена и горечь — испытана. И каждый раз, когда получаешь письмо, вашему подобное,— в среднем это бывает дважды в неделю,— болит душа печалью за русского писателя, входящего в литературу обыкновенно уже с ободранной кожей сердца.

А что, рассказа не написали вы?[3] Надо бы!

Жаль, что не можете попасть сюда, очень жаль!

Недавно был здесь славный парень Сургучов [4], живет Золотарев [5], вчера уехала Ольга Рунова [6], скоро жду Бунина [7] и, вероятно, еще некоторые писатели явятся.

В общем — не скучаем, пишем, строим планы,— пожелайте, чтоб осуществились!

Крепко жму руку.

А. Пешков

Датируется на основании писем 2 и 4.

[1] Оценку «Дорогиных» см. также в письме Горького В. С. Миролюбову (т. 29, № 531).

[2] Константин Петрович *Пятницкий* (1864—1938) — директор-распорядитель издательства «Знание».

[3] Этим же вопросом («А рассказы не пишете больше?») заключал Горький одно из предшествующих своих писем Треневу (см. т. 29, с. 162).

[4] Илья Дмитриевич *Сургучев* (р. 1881) — прозаик и драматург. Печатался в изданиях «Знания». Позже отошел от демократических позиций. В 1921 г. уехал за границу, примкнув к лагерю белой эмиграции.

[5] Алексей Алексеевич *Золотарев* (1878—1950) — писатель и краевед, участник сборников «Знание». В 1908—1909 гг. и в 1911—1914 гг. жил на Капри.

[6] Ольга Павловна *Рунова* (1864—1952)—писательница. Автор книг «Утреннички». М., 1905; «Лихие подарки». М., 1910; «Летящие тени». СПб., 1912; «У корня». М.— Л., 1926, и др.

[7] Бунин с женой приехали на Капри в ноябре 1911 г.

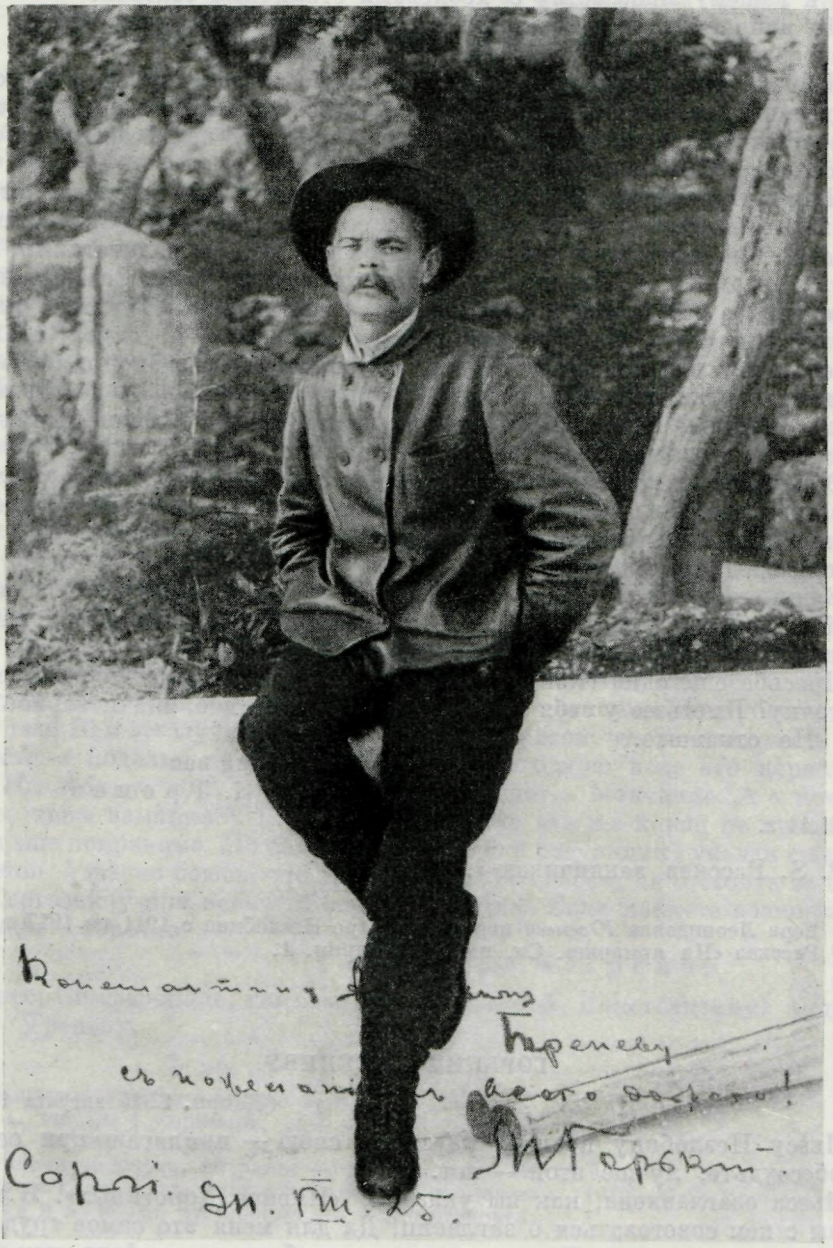
4

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Симферополь. 3 августа 1911 г.〉

Дорогой Алексей Максимович!

Письмо ваше с ответом Румянцева меня, конечно, не огорчило, т〈ак〉 к〈ак〉 на такой приблизительно отзыв о пьесе я и «рассчитывал».



ГОРЬКИЙ

Фотография, Капри 1910 г., с дарственной надписью:
«Константину Андреевичу Треневу с пожеланием всего доброго! М. Горький.
Capri. 911. VIII. 25»

Музей Горького, Москва

Но я на этом не унимаюсь и беспокою вас просьбой, прицепившись-таки к вашему знакомству с хозяевами столичных театров.

Не найдете ли вы возможным отправленный вам экземпляр пьесы в переделанном виде препроводить Незлобину.

Я знаю, что если только нет каких-л〈ибо〉 независящих препятствий, вы сделаете это. Но отважился я на эту просьбу, все-таки предварительно набравшись развязности. Будет больно причинить вам этой просьбой малейшее огорчение.

Пьесу я переделал. Вот главнейшее в переделке: по возможности смягчил весь тон пьесы и особенно Ольгу в ее отношениях к мужу. Выпустил разговоры действующих лиц с самими собою, кое-где разместив их в диалоги. Вычеркнул и выправил в разговорах книжность. Вставил некоторые сцены. В результате всего этого она мне представляется как будто грациозней, естественней. Подумавши над Багрецовым, я увидел, что выразил слишком легкомысленное к делу отношение этой сценой с паломниками, да и оборвал его насильственно.Поэтому вывел его в 3-м действии. Как назвать пьесу — не знаю. Если можно, напр〈имер〉, «Имение Дорогиных» или что-н〈ибудь〉 подобное, то благословите.

Обращаюсь к вам насчет Незлобина по след〈ующему〉 поводу. Случайно встретившись с его намеченной на этот сезон премьершей Юреневой [1], я дал ей почитать пьесу, и она одобрила. Но сама, как новичок там, не решается предложить ее от себя.

Будьте здоровы. Горячо желаю вам осуществления планов ваших.

Как хочется видеть вас... А как там погода в конце декабря и в январе?

Просьба еще одна (тоже после колебаний), не пришлете ли мне вашу карточку? Иметь ее у себя на столе — мое интимное, значительное желание. Не откажите.

Глубокоуважающий вас

К. Тренев

3/VIII.11 г.

P. S. Рассказ заканчиваю [2]. Боюсь.

[1] Вера Леонидовна *Юренева* играла в театре Незлобина с 1911 по 1917 г.
[2] Рассказ «На ярмарке». См. письмо 7, прим. 1.

5

ГОРЬКИЙ — ТРЕНЕВУ

〈Капри. 12/25 августа 1911 г.〉

Пьесу Незлобину послал, карточку свою — прилагаю при сем [1],— не обессудьте, лучше этой — нет.

Пьеса озаглавлена, как вы указали: «Имение Дорогиных». И нашли же вы с кем советоваться о заглавии! Да для меня это самое трудное.

Очень жду рассказа. Думается мне, что это более ваша сфера, чем драма.

Помимо того, что драма — труднейший род искусства,— как писать драмы в стране, где нет сильных характеров и человек неопределенен в рисунке своем, яко облако в ветряный день?

Приветствую, желаю всяческих успехов.

А. Пешков

Датируется по фотографии, посланной Горьким Треневу.

[1] Горький послал Треневу свою фотографическую карточку с надписью: «Константину Андреевичу Треневу с пожеланием всего доброго! М. Горький. Capri. 911. VIII. 25» (Музей Горького, Москва).

6

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Симферополь. 6 октября 1911 г.⟩

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Спасибо вам за вашу карточку. Я написал рассказ [1], который не решился непосредственно представить вам. А отправил сначала на усмотрение Виктора Сергеевича [2]. Так как получил от него уведомление, что рассказ будет напечатан, то заключаю, что он не безнадежно плох и не будет большой развязностью с моей стороны просить вас прочесть его и указать мне его достоинства и недостатки. Экземпляра у меня на руках нет, но, если позволите, я напишу об этом Виктору Сергеевичу, или, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, при оказии вы сделаете это сами?

Пишу к вам с щемящею болью в сердце: в газетах с августа мес⟨яца⟩ дважды промелькнули глухие заметки о некот⟨ором⟩ ухудшении в вашем здоровье и о том, что вы тоскуете по России [3]. Лично мне почти до слез тяжело было читать об этом. Алексей Максимович, родной наш! Как вас любят в России... Я стал напряженно зорко прислушиваться к этому, вообще к установившимся отнош⟨ениям⟩ к вам грамотной публики со времени получения первого письма от вас [4]. Какую большую борозду провели вы своей личностью в русской душе... Какая стихийная серьезность в отношении к вашему имени! Даже к вашим признанно «неудачным» произведениям (именно на них это сказывается) относятся с исключительно почитающей вдумчивостью. Так в России относятся только к «заблуждениям» Толстого. Тут уж мистика...

Ну, не взыщите за непрошенное сообщение. Приходилось читать и слышать, что популярность ваша менее всего вас всегда интересовала. Но ведь это вовсе не популярность. Это нечто уже органически глубокое. Ну, да что там! Вам это лучше знать. Пишу это не затем, чтобы осведомить вас, а просто — поделиться впечатлениями. Благодарю вас, что переслали пьесу Незлобину, но... должно быть, не клюет... Молчание. А с печатанием ее тоже заминка [5]. Виктору Сергеевичу все же конец не нравится. Это бы еще поправимо. Но там, пишет он, что в ред⟨акции⟩ указан еще ряд недочетов. Ужасно боюсь, что заклюют они ее совсем, не отстоять ее Виктору Сергеевичу при всем его сочувствии мне. Если найдете возможным, замолвите словечко.

Любящий вас К. Тренев

Адрес: Симферополь, гимназия Станишевской, Конст⟨антину⟩ Андр⟨еевичу⟩ Треневу.

6/X.

[1] «На ярмарке». См. письмо 7, прим. 1.
[2] См. письмо 1, прим. 8.
[3] См. письмо 7, прим. 3.
[4] Письмо от марта, не ранее 4-го, 1911 г. (т. 29, № 523).
[5] Пьеса «Дорогины» была опубликована в «Заветах», 1912, № 3. Постановка ее в МХАТе и в театре Незлобина не осуществилась.

7

ГОРЬКИЙ — ТРЕНЕВУ

⟨Капри. 14—16/27—29 октября 1911 г.⟩

Константин Андреевич!

Вы не обидитесь, если я скажу вам, что ваш хороший очерк [1] написан небрежно и прескучно?

Первые же два десятка слов вызывают у меня это вполне определенное

впечатление скуки и — не могут не вызвать, ибо посмотрите, сколько насыпано вами свистящих и шипящих слогов: — св, ст, с, со, сл, ще, ца, ща, че, че, затем четыре раза сядет в уши один и тот же звук ог, от, ог, од.

Трижды в одном предложении вы употребляете слово «сторона», в нем же даете три числительных — «одной», «двух», «четвертой» — и все это нагромождено в двадцати двух словах.

Нет музыки языка, и нет точности, хотя сказано: «одной стороной», «с двух сторон», «четвертой стороной»,— может быть, это хорошая геометрия, но — плохая пластика, и я площадь эту не вижу, не вижу потому, что ее границы показаны очень небрежно; две линии мещанских домов — это будет улица, а затем один ее конец уйдет в поле, другой упрется в торговые ряды, и для площади нет места.

Вот это, если вы позволите, я бы и назвал небрежностью, и очерк ваш преизобилует этим: всё русский язык и вдруг — «перпендикулярно», а дядя Терешко у вас идет, не встав на ноги, как сидел, так и пошел.

А за слогосочетаниями вы совершенно не следите: «вшихся», «вшимися» — очень часты у вас. Все эти вши, щи и прочие свистящие и шипящие слога надобно понемножку вытравлять из языка, во всяком случае, надобно избегать их, по возможности. «Слезящийся и трясущийся протоиерей» — разве это хорошо, метко?

И вдруг — канцелярия: «в сношениях имений телефон нашел применение»! А если земство или верблюд понадобились вам, так вы раз по пяти скажете в одном и том же месте: верблюд! — точно вам его продать хочется,— земство! — словно вы оного противник и все зло истекающим от него видите.

Нет, вы язычком займитесь, это вам необходимо!

Это написано третьего дня, по прочтении вашего рассказа; написано и передано В⟨иктору⟩ С⟨ергеевичу⟩ [2], так что, пожалуй, вы злую мою рецензию в двух экземплярах получите. Но, получив письмо ваше, уже не боюсь, что вы рассердитесь на меня. Слушайте, К⟨онстантин⟩ А⟨ндреевич⟩, — вам необходимо пресерьезно заняться языком,—этого настоятельно требует свойство дарования вашего! Побольше четкости, точности, а красота, музыкальность сама придет.

Слухи об умирании моем преждевременны. И — ох! — как мне надоели эти постоянные сведения о тоске моей по родине! Буду вынужден ругаться.

Недавно «Живое слово» наляпало статью — даже две [3],— приглашает русское о⟨бщест⟩во просить «Государя Импер⟨атора⟩», дабы он меня «простил»,— вы подумайте, каково мне читать эдакие пошлости! И — как не стыдно авторам оных: еще недавно один из отличных писателей наших С. Я. Елпатьевский, старик, 70 лет почти! — год целый в Крестах сидел [4] и никто не охнул — позор! Тан [5], тоже много старше меня и отнюдь не более здоровый парень,— тоже в тюрьме — и об этом молчат!

Нелепо все это, нелепо и волнует. А — пожалуй — и пугает немножко, так как в этих выходках полуграмотных людей нельзя не видеть понижения гражданского чутья в российском обществе.

Измучен историей Куприна — Райляна [6], со страхом беру в руки русские газеты, ожидая самых печальных происшествий.

До смерти жалко Ал⟨ександра⟩ Ив⟨ановича⟩ и страшно за него.

На днях спрошу Незлобина о пьесе [7].

А напечатана она будет, кажется, в «Знании», впрочем, не знаю, сие дело Викторово [8].

Будьте здоровы и — пишите.

Язык! Обязательно!

Не думайте, что придираюсь к мелочам, отнюдь нет!

Жму руку. А. П е ш к о в

Датируется по содержанию и письму 8.

Было опубликовано в т. 29, № 568, в сокращении и с некоторыми неточностями. В основу публикации был положен текст письма, приведенный в статье Тренева «Великий учитель» («Молодая гвардия», 1936, № 8, стр. 128—130).

В наст. томе письмо Горького публикуется целиком по автографу, переданному в АГ Н. К. Треневой.

[1] Рассказ Тренева «На ярмарке». Впервые опубликован в «Заветах», 1913 г., № 1. Был подвергнут значительной авторской переработке соответственно с замечаниями Горького о языке рассказа. См. также письмо 10, прим. 2.

[2] В. С. Миролюбову.

[3] Речь идет о статьях П. Ордынского «В защиту изгнанника» и П. В. (Мурашова) «Заметки на полях», опубликованных в газете «Живое слово», 1911, № 31, от 3 октября. В этих статьях содержалось предложение обратиться к царскому правительству с петицией о разрешении Горькому вернуться на родину.

Письмо Горького к редактору газеты с протестом против помещения этих заметок было опубликовано в «Живом слове», 1911, от 24 октября (см. т. 29, № 553).

[4] С. Я. Елпатьевский (1854—1933) был осужден в 1910 г. на год заключения в Петропавловской крепости за брошюру «Земля и свобода» (СПб., 1906). См. об этом в кн.: С. Я. Елпатьевский. Воспоминания за 50 лет. Л., 1929, стр. 352—357.

[5] Владимир Германович *Богораз-Тан* (1865—1936) — этнограф, филолог и писатель. В прошлом участник народовольческого движения, неоднократно подвергался арестам.

[6] 24 сентября 1911 г. в петербургской газете «Против течения» был опубликован фельетон издателя журнала «Свободным художествам» Фомы Райляна «Новелла», содержащий клеветнические измышления по поводу личной жизни А. И. Куприна. Предполагалась дуэль между Куприным и Райляном. Эпизод получил огласку в ряде русских газет.

Горький в письме к В. Л. Львову-Рогачевскому (ноябрь 1911 г.) писал: «Что за ужас этот инцидент Куприна — Райляна и неужели около Александра Ивановича нет никого, кто посоветовал бы ему хотя бы на время выехать из России» (АГ).

[7] «Дорогипы».

[8] В. С. Миролюбов.

8

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Симферополь. 16—17 ноября 1911 г.⟩

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Прочитав ваш уничтожающий отзыв [1] о стиле и языке моего рассказа, немедленно написал Виктору Сергеевичу, чтобы выслал мне рукопись для тщательного исправления. Письмо послано 23-го октября. А за неделю перед этим, 16-го, я с той же просьбой обратился насчет пьесы.

Сегодня — 16 ноября, но ни рукописей, ни каких-либо известий не имею. Испытываю некоторое тяжелое беспокойство.

Спасибо за обстоятельное указание и разбор моего стилистического порока. Но не скрою, что читать об этом невесело было. Прежде всего — я не знал, что у меня такой скверный язык. И когда я писал этот рассказ, то на эту сторону, действит⟨ельно⟩, мало обращал внимания. Хотя чувствовал на первых его страницах, что выражения мои выходят очень уж неуклюже, не слушаются меня (между прочим, та самая площадь, которую вы в моем описании не могли представить, написана мною по наивному методу армянских загадок: «чтоб трудней было узнать»). Дело в том, что списывал я с действительно существующей площади и вот, чтоб не узнали, нарочито напутал... Пусть представляют, кто как хочет. Неостроумно-таки получилось... Но потом мне показалось, что я-таки овладел языком и в такой уверенности пребывал, работая над двумя последними третями рассказа. И до сих пор для меня стоит вопрос: весь ли рассказ так плох по языку, как начало, или не весь? Дело-то в том, что и примеры ваши приведены только из начала рассказа.

Но у вас в письме есть одно слово, которое меня прямо до полусмерти прихлопнуло: «очерк написан небрежно и *прескучно*». Ведь это «прескучно»

касается уже не только языка, а всей формы рассказа? А это пахнет для меня очень скверным. Я, конечно, не обольщаюсь насчет художественных достоинств рассказа и, ей-богу, далеко не в восторге от него. Но, говоря голую правду, мне все же казалось, что фигуры его достаточно живы, общие картины — тоже. Есть в рассказе и известное движение, переходящее к концу его в драматизм. Словом, с этой стороны я никак не ожидал, что рассказ получится крайне скучный. А не ожидал, значит, дело-то мое писательское плохо. И вот для меня по этому поводу встает очень важный вопрос, который убедительно прошу вас, Алексей Максимович, разрешить со свойственной вам сердечной откровенностью. Да стоит ли мне заниматься этим делом? Не бросить ли? Если на основании того, что вы прочитали, затрудняетесь дать прямой ответ,— подождем. Я вот напишу и представлю вам еще одну-две вещицы. Только вопрос этот для себя мне давно уже пора решить. Ведь мне уже 35-й год, а я до сих пор не могу докарабкаться хоть до разряда маленьких литераторов, да все же литераторов. Берусь за перо раз в неделю по праздничным дням, а взявшись, вижу, что язык деревянеет. А м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, он и от природы таков. А тут еще моя учительская служба — только погибель и душе и здоровью. Педагог-то я ведь опальный [2], в свое время по какой-то непонятной случайности удержавшийся и теперь только терпимый. Невзирая на мои некоторые в этой области положительные качества, держат меня в черном теле: дальше частной женской гимназии не пускают. Свежая иллюстрация: просился я недавно в городскую гимназию, так мне отказали, а взяли кого-то не то из банка, не то из акциза. А между тем и у меня есть самолюбие, да деться некуда. Ушел бы куда-н⟨ибудь⟩ в газету, связей там нет. Тоска.

Одним словом опять распространился я — извините. Но так выходит, что даже брань ваша ободряет: столько внимания мне уделили!

Спасибо вам сердечное. А судьбу мою вы все-таки решите. Конечно, если только в языке дело, то еще не все потеряно: ведь не отметили же вы этой шероховатости в пьесе, напр⟨имер⟩. А вот если вообще-то я швах, то лучше уж сразу определиться [3].

А все-таки дерзну прислать еще один рассказ — пишу [4].

Писал было пьесу [5], да вижу — дело во всех смыслах безнадежное: на 3-м акте бросил, и навсегда.

Что значит, что Виктор Сергеевич не отсылает рукописи? М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, он моих писем не получил. Я писал ему по указанному им адресу (сестры) заказными до востребования.

Горячо желаю вам всего доброго.

К. Тренев

17/XI.

[1] См. письмо 7.

[2] См. письмо 1, прим. 10.

[3] В ответном письме (между 23 и 30 ноября 1911 г.) Горький писал Треневу: «Дело, Константин Андреевич, именно в языке и прежде всего — в нем. Скучно — потому что материал, из коего вы лепите фигуры,— сероват, а это влияет на пластику, делает лица тусклыми.

Но ведь вот Пистоненко и Багрецов и Минуточка сделаны живо, ясно, выпукло,— стало быть, язык ваш не всегда одинаков, вернее — ваше *отношение* к языку не одинаково. Поверьте, что сие говорится отнюдь не ради утешений, я достаточно осторожен вообще и особенно в отношении к вам, и я не позволил бы себе говорить вам — вы литератор, даровитый человек,— если б не был уверен в этом, если б крепко не чувствовал этого» (т. 29, с. 212).

[4] Очевидно, речь идет о повести Тренева «Владыка». Была напечатана в «Заветах», 1912, № 7. См. также письмо 13, прим. 2.

[5] О какой пьесе идет речь, не установлено.

АФИША ПРЕМЬЕРЫ ПЬЕСЫ К. А. ТРЕНЕВА «ЛЮБОВЬ ЯРОВАЯ» НА СЦЕНЕ МАЛОГО ТЕАТРА 22 ДЕКАБРЯ 1926 г.

Театральный музей им. А. А. Бахрушина, Москва

9

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Симферополь. 24 ноября 1911 г.〉

Я получил письмо от Виктора Сергеевича; уведомляет, что он и, повидимому, вы из «Современника» вышли. К сожалению, ни об обстоятельствах, ни о мотивах ухода ничего не пишет [1].

Настроение у человека, видимо, невеселое. Грустно как! И за него, и за дело, да и за себя-таки. Он пишет, что пьесу [2] не прислал для дальнейш〈его〉 исправления соответственно указаниям товарищей по «Совр〈еменнику〉», т〈ак〉 к〈ак〉 находит, что исправлять довольно. Теперь, говорит, будем стараться напечатать в «Сборнике»[3]. Да увенчаются ли старания успехом! Будет ли, будет ли напечатана? Очень уж многое связано с этим вопросом.

Кстати, Незлобин вернул ее. Говорит: «К сожалению, поставить ввиду переполнения репертуара в этом году не представляется возможности».

М〈ожет〉 б〈ыть〉, и так. А, м〈ожет〉 б〈ыть〉, это такая деликатная форма. С вами он не был откровеннее?

Рассказ [4], пишет В〈иктор〉 С〈ергеевич〉, застрял где-то у Пятницкого. А то я уже переделал бы его. Постигаю всю серую невзрачность своего языка и здорово стараюсь. Спасибо!

А пьесе, очевидно, не суждено «увидеть свет рампы». Дайте ей увидеть настоящий свет!

С глубоким уважением

24/XI. К. Тренев

[1] «Современник» — литературно-политический журнал, издавался в Петербурге в 1911—1915 гг. Именуясь внепартийным социалистическим органом, «Современник» фактически был органом ликвидаторов и либерального народничества. В письме от 22 ноября 1910 г., прочитав объявление о подписке на «Современник», В. И. Ленин писал Горькому: «Амфитеатровский журнал ⟨...⟩ есть политическое выступление, политическое предприятие, в котором даже и сознания нет о том, что общей „левизны" для политики мало, что после 1905-го года всерьез говорить о политике без выяснения отношений к марксизму и к социал-демократии нельзя, невозможно, немыслимо» («В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы». Изд. 2. М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 58).

Горький дважды пытался реорганизовать «Современник», объединив вокруг него демократические литературные силы страны, однако обе попытки окончились неудачей ввиду принципиальных расхождений между Горьким и руководящими членами редакции. В августе 1911 г. Горький отказался от работы в «Современнике». В начале 1912 г. редактором «Современника» становится вместо Амфитеатрова Е. А. Ляцкий, который тотчас же начал переговоры о вхождении в редакцию Горького. Горький состоял в редакции с сентября 1912 по апрель 1913 г.

[2] «Дорогины». См. письмо 6, прим. 5.

[3] Имеется в виду один из сборников «Знания».

[4] «На ярмарке». См. письмо 7, прим. 1, а также письмо 10, прим. 2.

10

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Симферополь. 19 января 1912 г.⟩

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Беспокою вас, не получая известий о движении к печати моей пьесы [1], да и рассказа [2]. Дело еще в том, что месяц тому назад отправил я свой рассказ в исправленном виде Виктору Сергеевичу, но от него никакого ответа не имею. А он так часто меняет свои адреса, что я уж начинаю сомневаться — дошла ли до него рукопись. Тем более, что она адресована — до востребования. М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, она и лежит там. На всякий случай сообщаю вам ее адрес: Cavi di Lavagna. Presso Genova.

Спасибо вам за последнее ваше письмо [3]. Какое оно — огромное для моей души событие... Вероятно, очень долго я в минуты уныния буду прибегать к чтению его, за помощью. Уж раз вы мне выдали права на литератора, то и буду неотступно работать над реализацией этих прав. Пишу сейчас рассказ [4]. Думал выйдет небольшой, а он что-то все пухнет. Думал на рождественских вакациях поработать (а то перед праздниками отдал дань осенней погоде — похворал), но на праздниках пронесся надо мной шквал, чуть не унесший самую дорогую для меня жизнь — единственного моего мальчика [5], а вместе с ней — так казалось мне — и мою. Боже мой — даже вспомнить об этом страшно...

Теперь снова живу. Но уж работать придется только четыре дня на масляной, а потом уж до пасхи.

А в общем — не везет мне, Алексей Максимович! Так-таки огулом не везет... Не эгоист я и не нытик и бремя свое с радостью готов нести и, кажется, вынес бы, да только по дороге все привески на тебя бросают. А тут уж и грудь болит. Ну, да авось вывезет. А любопытную, между прочим, историю пришлось наблюдать мне почти на днях, как моему начальству пришлось выбирать между педагогом — прославленным эротоманом, взяточником, полупомешанным, и мною, пользующимся прочными симпатиями среди учеников. Предпочли, конечно, его. Впрочем, огорчения от сего я не испытал ни малейшего, только получил кругленькую тему для рассказа.

Напечатайте меня, пожалуйста, дорогой Алексей Максимович! М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, рассказ [6] для «Знания» не подходит, тогда хоть пьесу пу-

скайте. А то мне в последнее время даже сны такие снятся, будто получаю от вас письмо, что ни то ни другое не будет напечатано, и просыпаюсь со страшно тяжелым чувством. Словом — казанская сирота!

Будьте здоровы и не сердитесь за болтовню мою о себе.

К. Тренев

Симферополь, Лазаревская ул., д. Вайнштейна

19.I.12.

[1] «Дорогины».

[2] Речь идет о рассказе «На ярмарке». В. С. Миролюбов писал Горькому 30 января 1912 г.: «Напишите вы мне, отдать ли „Ярмарку" Тренева в журнал или пойдет она с Гусевым в Сборник („Знание"). Если не пойдет с Гусевым, надо ее пустить сейчас же в журнал, а то мы его истомим». 22 октября 1912 г. он сообщал: «„Ярмарку" я все не пускал, боясь, как бы не придралась цензура. Теперь в октябре пускаем „Владыку", а „Ярмарку" Тренев просит пристроить в Сборник. Если найдется место для „Ярмарки" — напишите, пришлю. Он ее сильно выправил. Рассказ хороший и в Сборник пройдет». О рассказе «На ярмарке» писал Миролюбову и К. Пятницкий: «Рукопись Тренева „На ярмарке" отправлена автору. Рассказ мне положительно нравится. Он свидетельствует о наблюдательности автора. От него веет свежестью, есть юмор. Особенно хорош дед Терешко, который всем доволен и которому хочется рассказать всей ярмарке, как его били... Из-за одной этой фигуры я взял бы рассказ. Язык, конечно, плох, небрежен, особенно в описаниях. С этой стороны автор должен переработать рукопись. Но соответственные указания уже даны А〈лексеем〉 Максимычем» (цит. по кн.: «М. Горький. Материалы и исследования», т. III. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1941, стр. 102).

[3] Речь идет о письме Горького Треневу между 23 и 30 ноября 1911 г. (т. 29, № 576). См. также письмо 8, прим. 3.

[4] «Владыка». См. письмо 8, прим. 4.

[5] Сын К. А. Тренева — Виталий Константинович *Тренев* (1908—1953).

[6] См. прим. 2.

11

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Симферополь. 10 июня 1912 г.〉

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Виктор Сергеевич, вероятно, уже переслал вам мой рассказ «Владыка» (конечно, если не забраковал). Не откажитесь прочесть и сказать, что оно такое там вышло у меня.

Когда будете гневаться за язык и слог, вспомните, что много слов и оборотов славянских пущено нарочито. Другое дело, если я этим маслом кашу испортил.

Вообще же — я намерен еще и тщательно пройтись по рассказу.

Очень извиняюсь за крайне неудовлетворительный внешний вид рукописи. А тут еще переплетчик совсем ее доконал: перепутал страницы и отрезал концы строк. Переписывать заново — нет сил и времени. Не обессудьте.

Сердечно преданный вам

К. Тренев

Адрес: Симферополь, гимназия Станишевской. К. А. Треневу.

10/VI.

12

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Симферополь. 5 августа 1912 г.〉

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Послал вам рассказ свой «Владыка». Он должен был явиться пред вами еще $1^1/_2$ месяца тому назад, от Виктора Сергеевича, как я его просил. Но вернулся ко мне для исправлений.

Не откажитесь прочитать и сообщить своє впечатление. В⟨иктор⟩ С⟨ергеевич⟩ взял его в «Заветы» [1]. Но если укажете исправления,— еще можно сделать [2].

Сердечные вам благопожелания!

К. Тренев

Адрес: Симферополь, Лазаревская ул., д. Вайнштейна, Конст⟨антину⟩ Андр⟨еевичу⟩ Треневу.

5/VIII.

[1] См. письмо 8, прим. 4.

[2] Горький в ответном письме Треневу (август, не ранее 10-го, 1912 г.) писал: «Повесть — понравилась мне и по теме и по исполнению, хотя — местами — она могла бы быть несколько сокращена. Владыка — удался, но он слишком много думает текстами и — почти всегда — при этом сам себе напоминает, чей текст. О. ректор — довольно обычен, эпизодические фигуры — оригинальней.

Вообще же говоря — писать вы стали лучше. Вам необходимо больше работать, и будет очень полезно, если вы каждый день станете писать хоть по страничке, хоть по нескольку строк, добиваясь сжатости, выразительности и музыки в словах» (т. 29, с. 249—250).

13

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Симферополь. 28 ноября 1912 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

Утруждаю вас просьбой относительно своего злополучного рассказа «На ярмарке».

Вот уж 2-й год, как путешествует он по России и Европе, а в печать его не пускают [1]: в мае выяснилось, что для «Заветов» он опасен в цензурном отношении, к осени эта опасность, по-видимому, прошла, но через некот⟨орое⟩ время Виктор Сергеевич известил меня, что он отправил его Пятницкому для сборн⟨ика⟩ «Знания», а с месяц тому назад уведомил, что о рассказе написал и вам. Уповая, что к настоящему времени судьба рассказа вам уже известна, я и беспокою вас просьбой, не поставите ли и меня в известность. Просить вас о содействии помещению его в сборнике не решаюсь, памятуя, как вы испепелили меня за его язык (хотя после вашего внушения я много работал над языком этого рассказа).

А с «Владыкой» мне не повезло: книжку, в которой он напечатан, конфисковали [2].

Спасибо вам за отзыв о нем и доброе слово, столь для меня ценное.

Сердечно любящий вас К. Тренев

Адрес: Симферополь, Лазаревская ул., д. 21, К. А. Треневу.

28 ноября 1912 г.

[1] См. письмо 7, прим. 1; письмо 10, прим. 2.

[2] Седьмой номер «Заветов» за 1912 г. был конфискован цензурой из-за опубликования в нем антиклерикальной повести Тренева «Владыка» и статьи Н. Суханова «По вопросам наших разногласий (к обоснованию аграрной программы)». 5 июля 1913 г. секретарь «Заветов» С. П. Постников писал В. С. Миролюбову за границу: «Сегодня опять был в Комитете по д⟨елам⟩ п⟨ечати⟩. Оказывается, еще откопали преступление в № 7 „Заветов“. Привлекают не только за Суханова, но и за „Владыку“. А между тем „Владыка“ был очень сильно подчищен. И ничто не спасло» (Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, № 952, л. 39). По поводу повести «Владыка» протоиерей Павел Лахотский писал в Комитет по делам печати: «Названная повесть представляет из себя сплошной пасквиль на служителей православной церкви... предается поруганию и глумлению сан епископа». Петербургский комитет по делам печати возбудил против редактора «Заветов» судебное преследование, а на седьмой

номер журнала за 1912 г. наложил арест, который был снят лишь после уничтожения указанных цензором страниц журнала (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 18, № 229, лл. 23—24, 26, 64. Цит. по примечаниям А. Ф. Бритикова в кн.: «Литературный архив», вып. 5. М.— Л., 1960, Изд-во АН СССР, стр. 200).

Нападки на повесть «Владыка» не прекращались долгое время (см., например, статью «Литература из-под пера бывшего семинариста» в органе святейшего синода — «Приходский листок» от 26 сентября 1915 г.).

14

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Коктебель. 1 августа 1915 г.〉

Дорогой Алексей Максимович!

Посылаю вам на память свою книжку [1]. Вот только — не знаю, как лучше адресовать вам сейчас. А за вами 2-я кн〈ига〉 «Матвея Кожемякина»! И пожалуйста, надпишите, а то 1-я без надписи.

Из газет узнал, что у вас гостит Шаляпин; не откажите и ему передать мое скромное подношение, пусть не побрезгует [2].

Плохо работать летом: с велосипеда расшибся. Теперь наладилось.

Спасибо вам, Алексей Максимович, за тепло ваше во дни оны! Хотел всё это выразить лично, да как-то не собрался с духом.

Целую вас крепко. К. Тренев

Привет Марье Федоровне [3].

1/VIII.

[1] По-видимому, речь идет о книге Тренева «Владыка. Рассказы», т. I. М., «Книгоизд-во писателей в Москве», 1915.

[2] В ответном письме Треневу от 11 октября 1915 г. Горький писал: «Дорогой К. Д. 〈в автографе ошибка, надо: К. А.— *Ред.*〉— сердечно благодарю вас за книгу вашу, на днях пошлю вам свои. Шаляпину еще не передал его экземпляр,— летом я его не видал, а сейчас он в Москве. Как только вернется в Питер,— я передам ему книгу. Благодарю вас и за внимание к нему, он очень оценит это, я знаю» (т. 29, с. 341).

[3] Мария Федоровна *Андреева* - (*Желябужская*) (1872—1953) — вторая жена Горького.

15

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Симферополь. 15 октября 1915 г.〉

Дорогой Алексей Максимович!

Очень тронут памятью обо мне и лестным предложением вписаться в число сотрудников вашего журнала [1]. Разумеется же — согласен! Вот только насчет представления рассказа к ближайшему сроку — выйдет, кажется, заминка. Дело в том, что постигли меня напасти — болезни. Вот и сейчас пишу лежа, при $t°$ под 39. Какая-то тяжелая и затяжная форма инфлуенцы. А в сентябре совсем было собрался помирать. Вообще же — как только напишется что-нибудь, так и представлю вам. Тогда уж будем говорить и об условиях.

Здоровье брата оч〈ень〉 плохо [2]. Спасибо вам, Алексей Максимович, за письмо ваше к Манухину [3]: только благодаря письму он принципиально согласился лечить брата. Но как-то все это оттягивается до приезда в Москву что ли.

Душевно желаю вам всех благ!

К. Тренев

Любопытно, на чем основаны газетные слухи об основании вами газеты? [4]

Мой адрес: Симферополь, Константину Андреевичу Треневу.

15/X.

[1] В письме от 11 октября 1915 г. Горький писал Треневу: «Налажено издание ежемесячного литературного журнала „Летопись". Я принимаю в этом журнале ближайшее участие, печатаю в нем вторую часть „Детства" и усердно прошу вас о деятельном сотрудничестве.

Пробная книга журнала выйдет в первых числах декабря,— могу ли поместить ваше доброе имя в список сотрудников? Будьте любезны ответить немедля и дайте хотя небольшой рассказ. Укажите ваши условия» (т. 29, с. 340—341). На страницах «Летописи» Тренев не печатался.

[2] Речь идет о Николае Андреевиче Треневе, в то время студенте Московского университета. Скончался в начале января 1916 г. от туберкулеза.

[3] Иван Иванович *Манухин* (р. 1882— ?) — врач, лечивший Горького, см. о нем в письме Горького Федину от 29 марта 1932 г. (т. 30, № 1046).

[4] В июле — августе 1915 г. в редакции журнала «Современник» возникли резкие идейные разногласия. Недовольный направлением журнала, в котором начинают задавать тон шовинистические элементы, Горький замышляет создание «интернационалистической и пораженческой газеты, которая формально не прикреплялась бы и не связывалась бы с партией, но фактически, на деле проводила бы революционные и пораженческие лозунги〈...〉Однако эта идея так и не выкристаллизовалась в определенные формы» (Р. А р с к и й. В Петрограде во время войны.— «Красная летопись». М.—П., 1923, № 7, стр. 82).

16

ГОРЬКИЙ — ТРЕНЕВУ

〈Петроград. Октябрь, не ранее 18-го, 1915 г.〉

Дорогой Константин Андреевич!

Спешу известить вас, что доктор Ив〈ан〉 Ив〈анович〉 Манухин уже переехал в Москву. Его адрес брат ваш может узнать таким образом: надо позвонить в гостиницу «Боярский двор», когда соединят с гостиницей, — просить контору ее вызвать по телефону № 133-й. В этом № живет Мария Федоровна Андреева, она знает адрес Манухина.

Он только что эвакуировался из Киева, и мне пока неизвестно, где именно его лазарет. Кроме вашего брата, он будет лечить Клавдия Сапунова [1] и еще нескольких. Спасибо вам за ваше доброе отношение ко мне, за согласие сотрудничать [2]. Очень ждем ваши рукописи! Нельзя ли на январь?

Не нужно ли вам денег? В связи с поездкой брата в Москву?

Кстати: чтобы ему, больному, не хлопотать о квартире и т. д.,— поручите эти хлопоты той же М. Ф. Андреевой.

Напишите ей или дайте письмо брату, а он зайдет в «Боярский двор». Это — на Старой площади, около Лубянки.

Будьте здоровы!
А. П е ш к о в

Датируется по письму 15.

[1] Клавдий Николаевич *Сапунов*. Старший брат известного художника Н. Н. Сапунова, тоже художник. В течение многих лет участвовал в оформлении спектаклей МХАТ.

[2] См. письмо 15, прим. 1.

17

ГОРЬКИЙ — ТРЕНЕВУ

〈Петроград. Ноябрь — начало декабря 1915 г.〉

К о н с т а н т и н у А н д р е е в и ч у Т р е н е в у

Многоуважаемый Константин Андреевич.

«Русское о〈бщест〉во изучения жизни евреев» [1], предполагая издать сборник исторических и литературных произведений под общим титулом «Евреи на Руси» [2], почтительно предлагает вам: не соблаговолите ли

ГОРЬКИЙ НА СПЕКТАКЛЕ ПЬЕСЫ К. А. ТРЕНЕВА «ЛЮБОВЬ ЯРОВАЯ» В ГОСУДАРСТВЕННОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ МАЛОМ ТЕАТРЕ В МОСКВЕ 3 ОКТЯБРЯ 1928 г.

Фотография с дарственной надписью «Прекрасному Малому театру М. Горький (в состоянии крайнего истощения от пережитых восторгов)»

Снимок сделан в антракте. Рядом с Горьким (справа налево) К. А. Тренев и В. К. Владимиров

Музей Малого театра, Москва

вы принять участие вашим трудом в беллетристическом отделе сборника.

Желательно, чтобы вы поделились с русским читателем результатами ваших наблюдений над жизнью евреев в России.

Срок представления рукописи — к 1-му февраля.

Гонорар — вы назначите сами.

Всего доброго, дорогой Константин Андреевич!

А. Пешков

Кронверкский просп., д. 23.

Датируется по сопоставлению с аналогичными письмами, посланными Горьким В. Я. Брюсову, В. Г. Короленко, В. В. Вересаеву, И. С. Шмелеву, И. А. Бунину, С. Н. Сергееву-Ценскому, А. Н. Толстому, и по письму 18.

[1] См. Горький — Толстой, письмо 1, прим. 1.

[2] Издание не состоялось.

18

ГОРЬКИЙ — ТРЕНЕВУ

⟨Петроград. 17 декабря 1915 г.⟩

Дорогой Константин Андреевич!

Пошлите мне рукопись пьесы [1], я ее сейчас же предложу театру Незлобина, этот театр мог бы поставить ее и в Москве, и в Питере, если, конечно, пьеса удалась вам. Могу предложить и Художественному, если желаете, но сей последний не поставит ее раньше осени 16-го года.

Дорогой мой — не дадите ли небольшой рассказец для «Летописи»? Нам было бы очень приятно и полезно украсить вашим именем одну из первых книг журнала. А затем я упрямо прошу вас принять участие в сборнике «Евреи на Руси». Это — большое и хорошее дело. В нем участвуют весьма почтенные люди, и будут написаны статьи на такие темы, как, напр⟨имер⟩, «Религия и быт евреев» Н. М. Никольский, автор «Древнего Израиля», «Древнего Вавилона»; М. М. Ковалевский «Эмансипация евреев на Западе»; П. Н. Милюков — истор⟨ический⟩ очерк положения евреев в России, и т. д. Из литераторов-беллетристов: Куприн, Бунин, Андреев, я, Шмелев, Никандров и т. д.; поэты: Бунин, Брюсов, Бальмонт, Гиппиус, Пол⟨иксена⟩ Соловьева [2] и др.

Ваше указание, что вы не знаете быта евреев,— не существенно, дорогой; ведь вы всё же думали об этом проклятом и постыдном для всех нас вопросе, ведь болела же у вас душа этой болью!

Напишите — что́ думали, как болела. Напишите просто, как беседу с самим собою, несколько страничек! Пожалуйста не отказывайтесь!

А пока — будьте здоровы, желаю всего доброго!

Крепко жму руку.

А. Пешков

17.XII.15.

[1] Речь идет о пьесе Тренева «Папа». Опубликована в «Ежемесячном журнале», 1916, № 5, и в «Московском драматическом альманахе на 1917—1918 гг.». М., «Московское изд-во», 1917. Пьеса на сцене не шла.

[2] Поликсена Сергеевна *Соловьева* (1887—1924) — поэтесса (псевд. Allegro и др.).

19

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Симферополь. 13 января 1916 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

Молчал я непристойно долгое время, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ все бился над умирающим братом, которого пришлось-таки похоронить третьего дня в Алупке. До самой смерти надеялся бедняга на Манухина. Видно, в иных случаях полезна «праведная земля», и надо отдать честь тем, кто, и не веря, навеет умирающему «сон золотой». Если не медицинскую, то духовную помощь оказал ему Манухин, ободрив его и вселив надежду.

Прихожу в себя и принимаюсь за работу. Подправив, отошлю вам пьесу [1], а потом сяду за рассказ для «Летописи». Кстати, не нужен ли критик для журнала? Это я спрашиваю по поручению А. Дермана [2]. Он пишет в «Р⟨усских⟩ зап⟨исках⟩», «Р⟨усской⟩ мысли», и пишет хорошо. Человек принципиальный и добросовестный.

Будьте здоровы. Крепко жму вашу руку.

К. Тренев

13/I.

Относительно рассказа в еврейский сборн⟨ик⟩: собирался было дать маленький. Но теперь-то уж не успею, видно.

[1] Речь идет о пьесе «Папа». См. письмо 18, прим. 1.

[2] Абрам Борисович *Дерман* (1880—1952) — литературовед, критик и беллетрист. В то время был сотрудником «Ежемесячного журнала» (вел в нем критику и библиографию), «Русской мысли», «Заветов», «Русской жизни», «Русского богатства», «Современника» и пр. Работал с Треневым в симферопольской газете «Южные ведомости». Дерман участия в «Летописи» не принимал.

20

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Симферополь. 26 февраля 1916 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

Беспокою вас, побуждаемый желанием узнать, какова судьба моей пьесы. Пришлось ли передать ее какому-нибудь театру и, если — да, то нет ли ответа? [1]

Один мой знакомый, прочтя пьесу, отозвался о ней совсем неодобрительно. Поэтому я очень жалею, что навязал ее вам. Если она еще на руках у вас, то вы мне ее, пожалуйста, перешлите, я ее — под спуд. А если в каком-ниб⟨удь⟩ театре, то сообщите — затребую. И еще просьба: г. Суслов [2], автор пьесы, которую я, по его просьбе, переслал вам, тоже спрашивает. Если судьба ее решена,— черкните.

Извините меня за откровенное и, должно быть, неуместное слово о Тальникове. Но я знаю, что вам я должен был это написать [3]. Утруждать вас не смею. Но не скрою: для меня было бы очень важно слышать и ваше откровенное слово о моем заявлении и его мотивах.

Глубоко уважающий вас.
К. Тренев

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] Во второй половине января 1916 г. Тренев прислал Горькому свою пьесу «Папа». В письме от 22 февраля 1916 г. Горький писал Треневу: «Пьесу послал в Москву, Незлобину, но ответа еще не имею» (т. 29, с. 353). См. письмо 18, прим. 1.

[2] Онисим З. *Суслов* (Резников, Онисим Маркович) — член Московского общества драматических писателей, автор пьесы «Освобожденная Галиция» и комедий на украинском языке («Галя Гусыня» и др.). О какой пьесе идет речь в данном случае, не установлено.

[3] Тальников (псевдоним Давида Лазаревича *Шпитальникова*, 1885—1961) — литературный критик. Письмо Тренева Горькому, содержащее высказывание о Тальникове, нам неизвестно. См. также письмо 21, прим. 3 и письмо 22.

21

ГОРЬКИЙ — ТРЕНЕВУ

⟨Петроград. 5 марта 1916 г.⟩

Вот что, Константин Андреевич, написали мне по поводу вашей пьесы [1],— писал человек театрально-опытный.

«Пьеса не пригодна для сцены, слишком à thése. Уже с первого акта видно все, что должно случиться на сцене. Драма протекает за кулисами. Неясно, когда успела развиться любовь дамы к жениху дочери. Характеры — слишком использованы»[2].

Нет, видно мы, беллетристы, плохие драматурги. Я написал десяток пьес и — ни одной хотя бы порядочной, в смысле формы. Всё какие-то рассказики в диалогах.

Статья Тал⟨ьникова⟩ [3] — ошибка, одна из тех, очевидно, неизбежных ошибок, без которых никакое новое дело не строится. Следовало указать на изменение в литературе *отношения* к мужику: всё был такой милый, пряничный мужичок и — вдруг обратился в зверя черного? И не только в изображении «барина» — но в своем собственном.— Вольный, Подъячев—мужики до сего дня.

А вообще Тал⟨ьников⟩ — не сотрудник «Летописи».

Очень трудно наладить журнал,— людей нет.

Питер живет грязными анекдотами и сплетнями,— что ужасно, до отвращения!

Будьте здоровы.

А. Пешков

5.III.16.

[1] Имеется в виду пьеса «Папа». См. письмо 18, прим. 1.

[2] В письме М. Ф. Андреевой (начало 1916 г.) Горький писал: «Посылаю пьесу Тренева, прочитай и возврати. На мой взгляд, пьеска неудачная, хотя затеяна оригинально. Но сделать идеалиста взяточником надобно иначе, более тонко» (АГ).

[3] Статья Д. Л. Тальникова «При свете культуры (Чехов, Бунин, С. Подъячев, Ив. Вольный)» опубликована в «Летописи», 1916, № 1, стр. 275—299.

В статье Тальникова подчеркивались черты «азиатчины» в изображении деревни названными выше писателями.

Тренев в письме В. С. Миролюбову от 10 марта 1916 г. сообщал: «Насчет Та⟨льнико⟩ва я уже писал Горькому резкое письмо. Он выразил сожаление в оплошности и отрекается от него...» («Лит. архив», вып. 5. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 222).

22

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Симферополь. 20 марта 1916 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

Извиняюсь, что по болезни не писал вам в ответ на два ваши письма [1]. Есть у меня один рассказ, который думал было представить вам; пока писал начало и середину — казалось что-то выходит, а подошел к концу — оглянулся — чепуха. Нет, не пошлю я вам этого рассказа, сажусь за другой. Пьеса вот тоже: писал, так думал: недурно, а в итоге, видите, плохо [2]. Урок для меня: не верить себе и не со всем, что напишется, вылазить на люди.

О Шпитальнике я ведь не по поводу его статьи в «Лет⟨описи⟩» писал, а гораздо раньше. А статьей этой он только оправдал то, что приходилось слышать о нем раньше [3].

И вот опять по этому же вопросу — жалуетесь — людей нет, а мое предложение обратить внимание на Дермана игнорируете [4] (по кр⟨айней⟩ мере, в письмах не упоминаете о нем). А ведь хороший он работник, дело наше любит и хотел бы у вас работать. Еще раз надоедаю вам, Алексей Максимович, с просьбой: не прочтена ли рукопись Суслова, отправленная через меня? [5] Это пьеса, заглавие ее, кажется, «Листы и корни».

С горячей любовью

К. Тренев

20.III.16.

И еще просьба: не найдет ли редакция «Летописи» ⟨нужным⟩ высылать мне журнал в счет будущего моего гонорара?

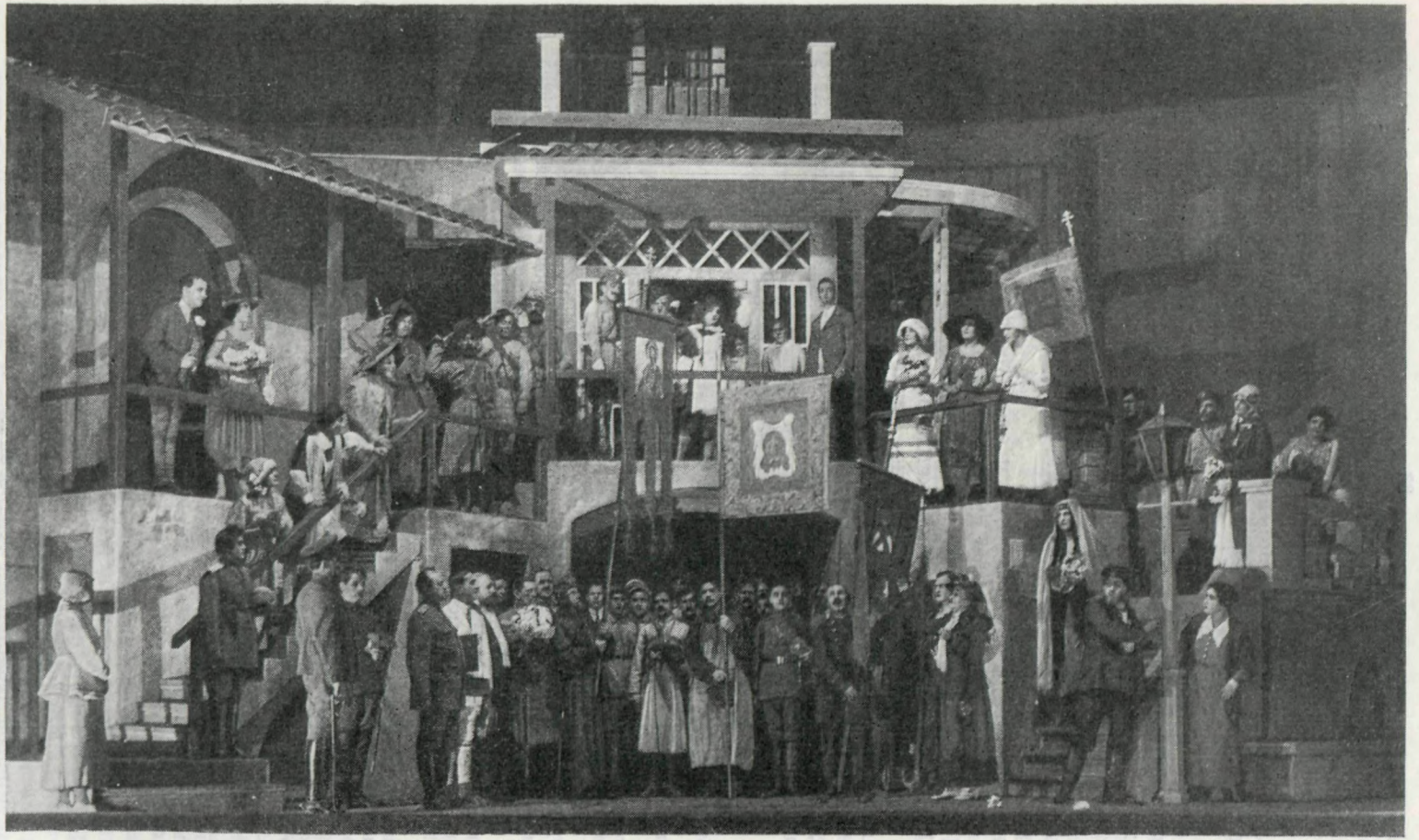
[1] Речь идет о письмах Горького Треневу от 22 февраля 1916 г. (т. 29, № 705) и от 5 марта 1916 г. (№ 21).

[2] Пьеса «Папа». В письме В. С. Миролюбову от 10 марта 1916 г. Тренев писал: «Посылаю вам пьесу. Что хотите, то и делайте с ней. Лично я ⟨о⟩ ней невысокого мнения, хотя на свое впечатление я не решаюсь полагаться. Но давал тут человечку— тоже не очаровался. А вы мне скажите о ней всё прямо и откровенно. Буду благодарен. Писалась-то она не для печати, но и для сцены — боюсь — не угодил...» См. также письма Тренева Миролюбову от 20 марта 1916 г. и А. А. Измайлову (цит. по кн.: «Лит. архив», вып. 5. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 221—222). См. письмо 18, прим. 1.

[3] См. письмо 20, прим. 3 и письмо 21, прим. 3.

[4] См. письмо 19, прим. 2.

[5] См. письмо 20, прим. 2.



ПЕРВАЯ ПОСТАНОВКА ПЬЕСЫ К. А. ТРЕНЕВА «ЛЮБОВЬ ЯРОВАЯ»
В ГОСУДАРСТВЕННОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ МОСКОВСКОМ МАЛОМ ТЕАТРЕ, 1926 г.
Сцена из 2-го действия. На переднем плане (справа) Любовь Яровая — В. Н. Пашенная

Фотография

Музей Малого театра, Москва

23

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Симферополь. 3 сентября 1916 г.〉

Дорогой Алексей Максимович!

Большой интимной радостью было для меня ваше письмецо![1] Спасибо на добром слове, которое для меня — без преувеличения — имеет силу закона. А я ведь думал: «На Украине»[2] — неважно. И иные места сопровождал фразой цыгана (из «Ярм〈арки〉 в Голтве»): «Стыд, дядько, стыд, а не хвост»![3] Да вот еще стыд, что до сих пор ничего не дал в «Летопись»... И все же — в этом году постараюсь дать рассказ во что бы то ни стало. Т〈аким〉 о〈бразом〉 заслужу право «разрешить» (!) вам поставить мое «имя» в «Лет〈описи〉» на 1917 г.[4] Кстати, насчет очерков «На Украине»: а я ведь, было, надеялся поместить их в той новой газете[5], о которой вы говорили мне в Симферополе.

Что же? Неужто отложено? Или, м〈ожет〉 б〈ыть〉, наладится? Посылал я вам в Форос стихи одного крымского поэта-переводчика (с еврейского). Получены ли? Посылал я через Байдары, и не знаю, так ли.

А в Форосе-то вы прогостили, кажется, значительно больше месяца[6]. Оч〈ень〉 жалею, что не пришлось еще увидеть вас: дельце маленькое было для личного разговора.

А за вами Кожемякин и портрет[7]!!! Мечтаю о рождестве пробраться в Питер, не знаю — удастся ли. Оч〈ень〉 уж здесь одиноко зимой.

Желаю вам сил и всех благ!

К. Тренев

3.IX.16.

Каков теперь ваш домашний адрес?

[1] Речь идет о письме Горького Треневу (от конца августа 1916 г., см. т. 29, № 718).

[2] Путевые очерки Тренева «На Украине» (I. «По Днепру»; II. «У великой могилы»; III. «У знаменитой лужи») опубликованы в «Русском слове», 1916, № 182, от 6 августа; № 188, от 14 августа; № 199, от 28 августа. В названном выше письме (от конца августа 1916 г.) Горький писал: «С завистью читаю в Р〈усском〉 с〈лове〉 „По Украйне“, дорогой Конст〈антин〉 Андреевич, с завистью,— хорошо написано! Легко, плавно, с такой острой улыбкой и такой славной грустью, кажется — понятной мне. Поверьте, что это не комплимент, нет! Я очень внимательно читаю вас и уверенно жду много великолепного из-под вашего пера» (т. 29, с. 364).

[3] Тренев приводит из рассказа Горького слова цыгана, выменивавшего лошадь у мужика-украинца: «А какой у нее хвост? Это стыд, дядько, стыд, а не хвост...» (т. 3, с. 90).

[4] В том же письме (от конца августа 1916 г.) Горький просил Тренева прислать что-нибудь для «Летописи» и спрашивал: «разрешаете вы поставить ваше имя в числе сотрудников на 17-й год?» (т. 29, с. 364). См. также письмо 15, прим. 1.

[5] В ответном письме (сентябрь, после 6-го, 1916 г.) Горький писал: «Газета — будет наверняка. Но — покамест это все-таки между нами, ибо условия питерской жизни повелевают конспирировать» (т. 29, с. 367). Речь идет о задуманной Горьким газете «Луч» (см. письмо 24). Издание газеты не состоялось.

[6] Горький пробыл в Форосе у Ф. И. Шаляпина с начала июня по конец июля 1916 г.

[7] В письме (сентябрь, не ранее 6-го, 1916 г.) Горький писал Треневу: «„Кожемякина“ посылаю, а портрета все еще нет,— не я виною этого, не я! Моего фотографа нарядили солдатом, и это нарушило все его профессиональные фокусы» (т. 29, с. 367).

24

ГОРЬКИЙ — ТРЕНЕВУ

〈Петроград. Первая половина января 1917 г.〉

Дорогой Константин Андреевич!

В конце января выходит здесь газета «Луч» радикал-демократического направления. Главный редактор — М. В. Бернацкий[1], отдел литера-

туры — я, критика — Горнфельд [2], при помощи Дермана [3]. Газета — приличная. Просим вашего сотрудничества, гонорар 50 к⟨опеек⟩ строка. Если к 25-му дадите небольшой рассказ — обрадуете.

Будьте добры,— ответьте скорее — согласны ли?

Если можно — телеграфируйте ответ.

Крепко жму руку.

А. Пешков

Датируется по содержанию.

[1] Михаил Владимирович *Бернацкий* (1876—?) — журналист, экономист, сотрудник журналов «Современный мир», «Образование» и др. Был министром финансов Временного правительства. После Октябрьской революции — белоэмигрант.

[2] Аркадий Георгиевич *Горнфельд* (1867—1941) — литературный критик, сотрудничавший в журнале «Русское богатство», а также в «Русской мысли», «Вестнике Европы» и др.

[3] См. письмо 19, прим. 2.

25

ГОРЬКИЙ — ТРЕНЕВУ

⟨Петроград ⟨?⟩ Конец 1917 г.⟩

Дорогой Константин Андреевич!

«Парус» составляет литературный сборник [1],— имеется интересная вещь Замятина, рассказ Пришвина, моя пьеса [2], Бунин; вы хотели дать рассказ,— не пришлете ли? Был бы очень рад и благодарен.

Как живете? Здесь — точно в доме умалишенных.

Крепко жму руку.

А. Пешков

Датируется предположительно по содержанию.

[1] Издание сборника не состоялось.

[2] Пьеса «Старик» (1915). Впервые напечатана отдельной книгой в изд-ве И. П. Ладыжникова, Берлин (без обозначения года издания; по-видимому, не позднее 1921 г.).

26

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

Симферополь. ⟨1921 г., до октября.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

На днях я писал вам, но ввиду того, что оказия уже была в вагоне, торопился: не выразил мою просьбу достаточно полно, просил Е. В. Выставкину [1] передать на словах. Однако боюсь, что это не будет в точности сделано, а сущность моей просьбы вот в чем: с неудержимой силой влечет меня, бытописателя, в свою стихию — пощупать собств⟨енными⟩ руками пульс народной жизни на месте — на Украине, на Дону. Три года ведь, как оторван я от этой родной мне стихии, и это иссушило, обескровило душу. А между тем там как раз в это-то время прорвала плотину живая жизнь... Народ в муках творит нечто новое и небывало прекрасное. Так велика вера в это новое, вера, основанная на знании народа, и... так велика тоска, что, сидя здесь, в безмерно чуждом мне городе экзотического Крыма, ничего не вижу, ничего не творю... В коротеньком письме ничего не скажешь, обременять вас длинным письмом не хочу. Вы и так поймете!.. И вот моя просьба — оказать мне содействие как писателю в моей поездке по Украине и Дону с гарантиями в смысле передвижения, продовольствия и проч. Очевидно, такая бумага должна быть от какого-нибудь высокоавторитетного центрального органа вроде той

телеграммы, которая для нас по ваш⟨ему⟩ представлению была прислана [2]. Я думаю, что то, что я, увидев, отразил бы в меру своих сил как бытописатель, не было бы лишней страницей в книге новой жизни.

А уж чрез Дон и Украину я проехал бы к вам. Не откажите мне. Целую вас.

К. Тренев

Адрес: Симферополь, Константину Андреевичу Треневу, Казанская, 22.

Датируется по содержанию.

[1] Екатерина Владимировна *Выставкина* — писательница, сотрудничала в журналах «Русское богатство», «Русская мысль», «Курьер» и др. Автор романа «Амазонка», Берлин, изд. Е. Выставкиной, 1923.

[2] Речь идет о телеграмме, содержавшей просьбу к местным властям оказать содействие С. Н. Сергееву-Ценскому, И. С. Шмелеву и С. Я. Елпатьевскому.

27

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Симферополь. 19 февраля 1925 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

Время от времени делал попытки добыть ваш адрес, и все не удавалось. На этих днях опять потянуло сделать это: перечитывал случайно кое-что из вашего, между прочим, «Университеты». А вчера Дерман сообщил мне, что вы и обо мне справлялись — спасибо за память. Главно дело — адрес есть — пишу.

Живу все в том же Симферополе, который возненавидел с первого дня приезда в него, с которым соединено столько кошмарно-тяжкого. А выбраться — нет возможности: здоровье жены, а особенно мальчика [1] приковывает. Собственно — надо бы уже передвинуться через горы к морю. Но это сейчас материально так трудно. Мне бы надо в Москву, хоть — и это трудно. Фу, как скверно — с нытья начал! Есть и хорошее, вот пьесу написал по прозванью «Пугачевщина». Очень нравится Немировичу. Взялся за нее с осени, чтоб поставить зимою, да, видно, и к весне не одолеют [2]. Слишком уж это у них долго — 8 месяцев! Не помните ли, сколько времени готовили «На дне»? Кстати, видел у них «На дне». По-новому хорош Москвин, превосходен Александров — Актер. А ряд персонажей — бледные места: то молодежь бесцветна, то старички слиняли. Суха Настя — молодая героиня (это для меня тревожно: в «Пугачевщине» у нее главная роль)[3]. Но все это — не суть. Плакать хотелось не оттого. А оттого, что четверть века тому назад и пьеса, и актеры, и сам был молод. Жизнь утекла, и на дне не персонажи, а исполнители и зрители. А где автор? Как вы поживаете? Прежде всего — здоровье? Газеты одно время как-то нехорошо о нем писали. Потом опровергли. Как вы теперь? У меня вот с сынишкой возня, тревога: 16 лет ему, опасный возраст, а у него сильная интоксикация, и уже в легких нечисто. Не знаю, что и делать. У Дермана вы справлялись также о Ценском. Живет все там же. Доводит до конца «Преображение» [4] и пишет пьесу о Лермонтове [5]; по осени писал мне: «заколол свинью, сидю на каменю и глядю на пустую волну».

Эх, хотел бы повидать вас, погреться на вашем солнушку и обо всем поговорить. А читаете, какой у нас климат? По Неве суда ходят, а в Закавказье вьюги извели. Был в Москве о рождестве,— лодки плавают по реке, рыбку ловят. На нашем Крымском полуострове холодней, чем непосредственно за его пределами, в Таврии. Сейчас, впрочем, почти жарко. Следите ли за русской литературой? Как она вам? Что нравится?

Не посылаю вам свою «Пугачевщину» [6]: очень уж испорчена грубейшими опечатками. Вот выйдет 2-е изд. [7] — пришлю. А м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, вам какими-нибудь путями попало и 1-е? Как скверно теперь печатают! Впрочем, нас, старое наше, совсем не издают. Иногда это покажется обидным и неправильным. Но пораздумаешься — видишь — авторские обиды, не больше.

Жму крепко вашу руку!

Ваш К. Тренев

Адрес тот же: Симферополь, Литовская, 15, Константину Андреевичу Треневу.

19.II.24.

Письмо датировано Треневым (1924 г.) ошибочно, так как Московский Художественный театр начал работать над пьесой «Пугачевщина» осенью 1924 г.

[1] Сын Тренева — Виталий Константинович *Тренев*.

[2] Ознакомившись с «Пугачевщиной», В. И. Немирович-Данченко телеграфировал в сентябре 1924 г. Треневу: «⟨С⟩ огромным интересом прочел вашу „Пугачевщину", прошу исключительное право для постановки ⟨в⟩ Московском Художественном театре» («Ежегодник МХАТ за 1948 г.», т. I. М., «Искусство», 1950, стр. 409).

Постановка «Пугачевщины» во МХАТе была осуществлена В. И. Немировичем-Данченко, В. В. Лужским и Л. М. Леонидовым. Репетиции пьесы начались 7 октября 1924 г. Премьера состоялась 19 сентября 1925 г.

[3] В спектакле «Пугачевщина» роль Устиньи исполняла А. К. Тарасова.

[4] «Преображение»— роман С. Н. Сергеева-Ценского в восьми частях. Часть первая «Валя» впервые была издана в Симферополе в 1923 г. Вторая часть под заглавием «Обреченные на гибель» впервые была напечатана в «Красной нови», 1927, №№ 9—12. Отдельной книгой обе части вышли в издании «Московского т-ва писателей» в 1929 г.

[5] Пьеса Сергеева-Ценского «Поэт и чернь» (Дуэль Лермонтова). М., Цедрам, 1934.

[6] Речь идет об издании: К. Тренев. Пугачевщина. Картины народной трагедии. М., Мосполиграф, 1924. См. письмо 29, прим. 2.

[7] Второе издание «Пугачевщины» вышло в 1927 г. (К. Тренев. Любовь Яровая. Пугачевщина. Пьесы. М., «Недра», 1927).

28

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Симферополь. 14 декабря 1925 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

Чье-то — либо мое, либо ваше письмо не дошло по адресу: зная, что вы обычно отвечаете, и скоро, на письма, не допускаю, чтобы эта многомесячная пауза зависела от вас.

Я живу благополучно. Перенес тяжелую операцию — постановку пьесы в МХАТ. Бранили за нее и меня и театр, можно сказать, беспримерно [1]. Кажется, и до сих пор страсти не улеглись. Но я не был ни на постановке, ни на последующих спектаклях, рецензий тоже почти не читал. Пережидаю все это в крымской деревне. Два здесь писателя-схимника: я и Ценский, которому сейчас живется материально туговато. Мы хотим его провести по КУБУ из 3-го в 4-й разряд. Это дало бы ему ежемесячное обеспечение в 60 руб., что для него — сам-друг, в своем углу — достаточно, чтобы спокойно работать. Так вот, нельзя ли, чтобы вы с своей стороны замолвили слово кому там следует. Я, признаться, не знаю наверное, кому именно персонально. Кажется, там Коган [2]. Я одновременно пишу В. В. Вересаеву, чтобы он на всяк⟨ий⟩ случай сообщил вам — кто именно.

Я вам не послал «Пугачевщину», т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ все жду 2-го изд⟨ания⟩. Очень уж испоганено 1-е.

Разрешите повторить просьбу прошлого письма [3]: некий переводчик Уманский из Вены взялся перевести «Пугачевщину», вел переговоры с берлинским, кажется, б. Королевским театром о ее постановке и вдруг замолчал и бесследно исчез. Не засватаете ли другого переводчика?

Со 2-м изданием пьесы вышла заминка: изд-во «Недра» [4], переиздающее ее, прикрыто, и неизвестно, чем и когда кончатся разговоры о его открытии. 1-е же изд. вам в свое время изд-во послало. Заканчиваю еще одну пьесу [5]. Обязательно пришлю вам.

А знаете, что Ценский написал пьесу о Лермонтове? [6] Интересная пьеса, хотя я ждал большего.

Крепко жму вашу руку и желаю вам здоровья. Как вы чувствуете себя сейчас?

К. Тренев

Адрес все тот же: Симферополь, Конст⟨антину⟩ Андр⟨еевичу⟩ Треневу.

14/XII.

[1] Отзывы о пьесе «Пугачевщина», поставленной на сцене Московского Художественного театра, в большинстве своем были отрицательными. Тренев болезненно переживал неуспех пьесы.

Он неоднократно писал, что считает «Пугачевщину» неизмеримо выше «Любови Яровой». Лишь много лет спустя, в своем выступлении на Первом всесоюзном съезде советских писателей, Тренев признал, что основная причина неудачи «Пугачевщины» в Художественном театре коренилась в уязвимости ее идейной концепции.

В 1937 г. Тренев создал новую редакцию «Пугачевщины», в которой был углублен историзм пьесы, резче подчеркнута связь Пугачева с народными массами, отчетливее охарактеризованы социальные силы, участвующие в восстании.

[2] П. С. Коган.

[3] Письмо не обнаружено.

[4] «Недра» — издательское товарищество, существовало с 1924 г. по январь 1932 г.

[5] «Любовь Яровая».

[6] См. письмо 27, прим. 5.

29

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Симферополь.⟩ 3/IV—26 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Благодарю вас за ваше письмо [1]. Не знаю, получена ли вами «Пугачевщина». Я посылал [2].

Недавно вернулся из Питера, где был на ее постановке в Александринке [3]. Против ожидания поставили очень неплохо — массово, ярко, страстно. И только поэтому пьеса имеет там большой успех. А Художественный споткнулся. Вот и узнай тут!

Православные критики побранивают меня, что я не выдвинул в «Пугачевщине» рабочие массы. Хочу печатно ответить, что такой уж я капризный человек: не хочу и не желаю! Единственное мое оправдание: при Пугачеве рабочих не было. Были заводские крепостные крестьяне, даже не бросавшие хлебопашества и с той же крестьянской «идеологией» (роковое для слабых рецензентских голов слово!). Да еще бранят, что Пугачев не герой. Кабы ж я его, этого яркого садиста, родил! Чтение исторических документов часто заставляло вспоминать меткую характеристику, данную ему вашим Коноваловым [4].

Пишу вам, только что отправив в Малый театр новую пьесу из эпохи гражданской войны [5]. Больше не буду. Не мое это дело. Рассказы нужно писать. А если пьесу, то — бытовую комедию. Надо писать о половых

отношениях. Мерзко, гнусно у нас с этим делом. Мало и плохо пишут у нас об этом. Нужна гневная сатира.

Спрашиваете о Ценском. Его дела сейчас очень неплохи. Переведен в 4-й разряд, усиленно печатается, пьесу его о Лермонтове я направил в 4-ю студию, где ее приняли к исполнению [6].

Укажите, Алексей Максимович, как добыть заграничное издание вашей последней вещи [7], о которой приходится только слышать и читать.

Как ваше здоровье? В прошлом письме вы что-то неладно обмолвились на этот счет. А портрет ваш в Ниве [8] как будто успокаивает. Смотрю я на него и остро хочется повидать вас. Не знаю, удастся ли это, где и когда. А очень надеюсь и шлю вам вместе с горячим пожеланием здоровья — до свидания!

Ваш К. Тренев

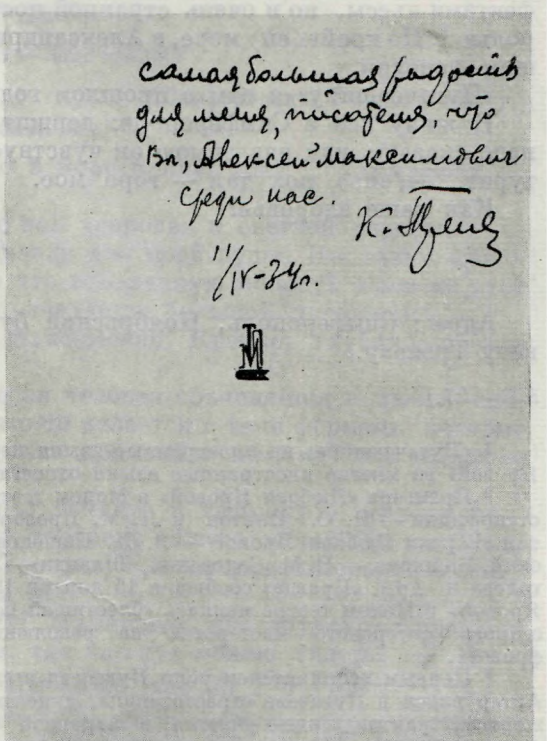
Симферополь, почт⟨овый⟩ ящ⟨ик⟩ 201.

[1] Может быть, речь идет о письме Горького от 29 декабря 1925 г. В АГ сохранился лишь конверт этого письма.

[2] В личной библиотеке Горького находится экземпляр «Пугачевщины» (Мосполиграф, 1924) с дарственной надписью: «Алексею Максимовичу с большой любовью. К. Тренев. 18/I — 1926».

[3] В бывшем Александринском театре в Ленинграде (ныне Ленинградский академический театр драмы им. А. С. Пушкина) «Пугачевщина» была поставлена в 1926 г. Ставили спектакль режиссеры Н. В. Петров, К. П. Хохлов и Л. С. Вивьен. В роли Пугачева выступил Я. О. Малютин. По сравнению с постановкой МХАТа здесь был сделан больший акцент на роли народной массы в событиях крестьянской войны.

«У меня ⟨...⟩ толпа — герой, а не фон, каким она была дана в МХАТе. Ленинградский театр Госдрамы это учел, и там пьеса имела успех»,— писал Тренев в статье «Они учатся и учат других» (К. Тренев. Избр. произв. в двух томах, т. 2. М., Гослитиздат, 1955, стр. 566).



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ К. А. ТРЕНЕВА ГОРЬКОМУ НА СБОРНИКЕ «РАССКАЗЫ И ПЬЕСЫ» (М., 1935):

«Самая большая радость для меня, писателя, что Вы, Алексей Максимович, среди нас. К. Тренев. 11/IV—34г.»

Личная библиотека Горького

[4] Тренев имеет в виду следующие слова Коновалова: «Ах, шельма клейменая,— ишь ты! Царским именем прикрылся и мутит... Сколько людей погубил, пес!.. Стеньку?— это, брат, другое дело. А Пугач — гнида и больше ничего» (т. 3, с. 26—27).

[5] Речь идет о третьем варианте «Любови Яровой».

[6] Постановка пьесы Сергеева-Ценского «Поэт и чернь» в 4-й студии Московского Художественного театра не состоялась.

[7] Имеется в виду повесть Горького «Дело Артамоновых», вышедшая в декабре 1925 г. в изд-ве «Книга» (Берлин).

[3] Речь идет о фотопортрете Горького, помещенном в «Красной ниве», 1926, № 13.

30

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Симферополь. 5 января 1927 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

Разрешите обратиться к вам с просьбой.

Есть у меня две пьесы: «Пугачевщина» и «Любовь Яровая».

По вопросу о переводе их ко мне обращалось несколько заграничных переводчиков. Но как-то ничего из этого не выходило [1]. Один все манил германскими театрами, потом пишет, будто бы телеграфно заказал перевод нью-йоркский театр.

Не придаю этому никакого значения.

Не могли ли бы вы поруководствовать и помочь мне в этом? Есть еще какая-то фирма в Питере, предлагающая сдать ей для перевода все, что пожелаю. Ничего я им не дал.

Новая моя пьеса, «Любовь Яровая», недавно прошла в Малом театре с большим успехом [2]. «Пугачевщина» же в Художеств⟨енном⟩ не имела успеха и, еле продержавшись сезон, снята. Объясняю это не только дефектами пьесы, но и очень странной постановкой и неудачей с заглавной ролью [3]. По крайн⟨ей⟩ мере, в Александринке она была поставлена с большим успехом.

«Пугачевщину» я вам в прошлом году посылал. Не знаю, дошла ли.

Я живу все в Симферополе: держит в Крыму здоровье сына. Хотя надо сказать, как раз зимою он чувствует себя скверно — температурит, оч⟨ень⟩ похудал — горе мое.

Как ваше здоровье?

Жму вашу руку.
К. Тренев

Адрес: Симферополь, Ноябрьский бульвар, 33. Константину Андреевичу Треневу.

5/I — 27.

[1] «Пугачевщина» на иностранные языки переведена не была. Переводы «Любови Яровой» на многие иностранные языки относятся к более поздним годам.

[2] Премьера «Любови Яровой» в Малом театре состоялась 22 декабря 1926 г. (постановщики — И. С. Платон и Л. М. Прозоровский. Художник Н. А. Меньшутин. В роли Любови Яровой — В. Н. Пашенная, Михаила Ярового — В. Р. Ольховский, Кошкина — П. М. Садовский, Шванди — С. Л. Кузнецов, Пановой — Е. Н. Гоголева и др.). «Правда» сообщала 15 января 1927 г. о том, что постановка «Любови Яровой» в Малом театре явилась «блестящей победой нашей молодой драматургии и старого актерского мастерства на революционном участке нашего творческого фронта».

[3] Первым исполнителем роли Пугачева в спектакле МХАТ был И. М. Москвин. Актер видел в Пугачеве страстотерпца, акцентировал в этом образе мотивы личной жертвы, трактовал идею участия в народной борьбе как нравственное очищение через страдание. Пугачев был недостаточно показан как вождь народных масс, талантливый военачальник.

31

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

Симферополь, Ноябрьский бульвар, 33.
29/XII ⟨1927 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

Давно уже написал я вам два письма и ответа на них не получил.

Не доходят ли письма или вы не отвечали?

Последнее мое письмо — была просьба — посодействовать мне в смысле перевода на европейск⟨ие⟩ яз⟨ыки⟩ своих пьес («Пугачевщина», «Любовь Яровая»). Уже несколько случаев было — обращались ко мне переводчики, но из этого ничего не выходило.

Писатели, ездившие за границу и устраивавшие там свои, даже не идущие на русск⟨ой⟩ сцене пьесы, тоже говорят мне: вот вашими пьесами интересуется такой-то и такой театр. Но этими приятными разговорами дело и кончается.

Пишут, что приедете вы к нам скоро. Правда ли? Это очень нужно и нам и вам, пишущему о нас.

Вот ленинградск⟨ий⟩ Госизд⟨ат⟩ обратился, между проч⟨им⟩, и ко мне с предложением дать воспоминания о вас. Да вы же еще, слава богу, живехоньки! Надо видеть, приветствовать вас и выражать пожелания, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ не всегда для вас приятные, но нужные, нужные. А поминать нас ненужным добрым словом — и после смерти успеется.

Будьте здоровы и в таком виде приезжайте.

Ваш К. Тренев

Адрес: Симферополь, Ноябрьск⟨ий⟩, 33. Констант⟨ину⟩ Андр⟨еевичу⟩ Треневу.

32

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Симферополь. 9 апреля 1928 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

Топлю и свою горячую каплю в море приветствий [1], хлынувших на вас со всех концов земли.

Примите искреннее пожелание вам здоровья и светлой радости.

Во время оно вы так много сделали для моей души. Вы таким ласковым солнцем согрели мою только что вспаханную полосу! Если на этой полосе кое-что уродило, то вам причитается большой продналог!

Очень я люблю вас, Алексей Максимович! Крепко, глубоко, да еще и благодарно.

Но таков уж закон природы: если человек объясняется в любви, значит — неладно что-то. Неладное что-то делается с теми формами, которые принимает у нас ваш юбилей. И это причиняет тем, кто вас искренне любит, глубокую боль.

Приезжайте к нам скорей, сами увидите и выпрямите искривления.

С месяц тому назад я отправил, согласно вашего письма, на ваше имя пьесы мои («Пугачевщина» и «Яровая») [2] и сопроводительное письмо (это на предмет перевода). Дошли ли?

Когда же вас ждать в Крыму? Напишите, пожалуйста, насколько можно точней, о месте и времени, где вас тут можно видеть.

Любящий вас К. Тренев

Адрес: Симферополь, Ноябрьский бульвар, Константину Андреевичу Треневу.

9/IV — 28 г.

[1] В связи с 60-летием со дня рождения Горького и 35-летием его литературной деятельности. Юбилей Горького был отмечен в марте 1928 г.

[2] Возможно, речь идет о кн.: К. Тренев. Пьесы. «Пугачевщина», «Любовь Яровая». М., «Недра». 1927. Упомянутого письма Горького и сопроводительного письма Тренева в АГ нет.

33

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Ментона. 13 июля 1930 г.〉

Дорогой Алексей Максимович!

Виза, наконец-то, получилась [1]. Но... «приснился мужику кисель, да ложки нет» и т. д. К глубокому огорчению, теперь уж визой воспользоваться не могу: уповалось, что это получится в течение месяца, ан — завернуло на третий, и валюту, ассигнованную на Италию, я проел в прочих прилегающих к ней странах. Теперь я сына оставляю в Ментоне, где ему, крымчаку, очень пришлось по душе. Сам же, чтобы не оторвать у него две тысячи франков, еду прямо домой.

Вышло все это как-то по отношению к вам неладно: столько и зря надоедал и беспокоил!.. Но, по-моему, тут больше виноваты «живущие в прошлом» итальянцы. Мне ведь так хотелось взглянуть на Италию в настоящем! Ибо в будущем это уж наверное не удастся... Да и вас-то вот как хотелось видеть... Хотелось поговорить, да и насчет сына посоветоваться, ибо положение его сложно. Всем этим прошу извинить, что причинял вам хлопоты, держа курс на Италию (на которую я все-таки «взглянул»: Сан-Ремо из Ментоны-то видно!) Так некогда Моисей взглянул с горы Нево на землю обетованную и — в мире почил.

Целую вас К. Тренев

13/VII.

Не собираетесь ли в Россию? [2] Когда? А м〈ожет〉 б〈ыть〉, есть какие поручения? Я пробуду в Ментоне еще с неделю, до выяснения положения сына.

Menton. Poste restante.

[1] В мае-июне 1930 г. Тренев в связи с болезнью сына, В. К. Тренева, находился в Германии и Франции.

В письме речь идет о визе на выезд в Италию, в получении которой Тренев просил посодействовать Горького. Горький откликнулся на просьбу Тренева, о чем, в частности, свидетельствуют письма последнего в Сорренто от 18 мая и 4 июня 1930 г. (АГ); однако, ввиду помех, чинимых итальянским консульством в Берлине, визы Тренев так и не получил (см. письмо 34).

[2] Горький приехал в Москву из Сорренто 14 мая 1931 г.

34

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Симферополь.〉 10/VIII—1930 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Не знаю, получили ли вы мое письмо из Ментоны с сообщением о неудавшейся моей поездке в Италию за истощением средств. Но — чтобы отчитаться — конечная-то причина — все та же виза: в послед〈ний〉 день, когда я решил хоть возвратиться через верхнюю Италию, визы в Ментоне, вопреки обещанию берлинск〈ого〉 консульства, не оказалось. Как сообщили мне в Берлине, она отправлена в Ниццу, а не в Ментону, где «*консульства нет*». Тогда как я в этом несуществующем консульстве пороги обил... Трудно поверить, даже итальянцам, чтобы они в берлинск〈ом〉

кон⟨сульст⟩ве не знали о существовании консульства в Ментоне. Я, по кр⟨айней⟩ мере, вынес впечатление, что это — сознательное непущание нашего брата... Ну, и чёрт с ними. Еще раз извините, что зря вам причинил хлопоты. Одначе признаю себя не виновным, а потерпевшим. Знай я, что эта игра будет тянуться без малого 3 месяца, я бы не начинал ее и вас бы не беспокоил.

Сына оставил в санатории в ⟨нрзбр. 1 слово.— *Ред.*⟩ (французские Альпы между Лионом и Женевой).

Остро сожалею, что не удалось повидаться с вами. Сами-то вы к нам не приедете? Это, по-моему, необходимо.

Обращаете ли внимание, как издает вас Госиздат?[1] Я не помню ни одного издания, которое имело бы такую цинически гнусную корректуру. Но верх техники это 12—13 том. В чем дело? Букв что ли не хватает? Есть страницы, где чуть ли не каждая строка этих букв не досчитывается. Просто затрудняет чтение: то и дело надо расшифровывать слова (которые иногда имеют просто нецензурное, заборное начертание!)

Сердечный привет. К. Тренев

[1] Речь идет о Собр. соч. М. Горького, тт. I—XXIII. М.— Л., ГИХЛ, 1928—1930.

35

ГОРЬКИЙ — ТРЕНЕВУ

⟨Сорренто. 4 сентября 1930 г.⟩

Да, Константин Андреевич, не удалось нам встретиться и побеседовать. А я был вполне уверен, что встретимся, итальянцы дали визы очень быстро.

То, что вы сообщили о корректуре моих книг, для меня — грустная новость. Сам я еще не видел этого юбилейного издания, но вижу — читаю много новых книг и совершенно поражен неряшливостью работы и корректоров, и редакторов, и типографии. Вот и мне попало!

Иногда книга вызывает такое впечатление, что невольно думаешь: работали вредители. Я часто пишу Халатову[1] по поводу скверной работы с книгой, но он занят организацией дела, а к продукции — равнодушен что ли, не знаю! Думаю, что теперь, когда вся художественная литература переходит в «ЗиФ»[2] Ионову,— книги будут издаваться более тщательно. Ионов хорошую книгу любит и ценит[3].

Я все что-то кисну, «печали и болезни вон полезли». Скучно это, да и времени нет хворать.

Крепко жму руку. Что вы пишете? Пьесу? Вам бы пора большой роман писать, опыт у вас огромный.

Привет.

А. Пешков

Под письмом Горького Треневу ошибочно проставлена дата: 5.IX. 30. Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

[1] См. Горький — Григорьев, письмо 18, прим. 6.

[2] «Земля и фабрика»— государственно-акционерное издательское общество, существовавшее с 1922 по 1930 г. Издавало главным образом художественные произведения, мемуары и литературно-критические статьи. В октябре 1930 г. влилось в Государственное издательство «Художественная литература», созданное согласно Постановлению ЦК ВКП(б) об организации ОГИЗа и создании типизированных издательств. К этому времени вопрос о необходимости концентрации издательств, выпускающих художественную литературу, весьма назрел. Как это явствует из письма Горького, он полагал, что объединение будет осуществлено на базе «ЗиФ».

[3] Илья Ионович *Ионов* (1887—1942) — видный издательский работник, поэт. В конце 1924 г. был назначен заведующим Госиздатом, был заведующим издательством «ЗиФ».

36

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва. 30 марта 1936 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

Поздравляя вас с шестидесятивосьмилетием, горячо, всем сердцем желаю вам здоровья на дальнейшие многие годы!..

Мне, Алексей Максимович, давно и очень хотелось повидаться с вами: накопился ряд вопросов, с которыми можно обратиться лишь к вам. Осенью, проезжая из Ялты в Севастополь, так и решил было завернуть к вам, но постеснялся надоедать.

А теперь вот еще один срочный большой вопрос, требующий свидания с вами. Это — в связи со включением меня в число 9-ти авторов в закрытый конкурс по работе над юбилейной пьесой к 20-тилетию Октября [1].

Дело у меня обстоит так, что без свидания с вами не может быть и речи о начале этой работы.

Я через неделю буду в Крыму, в Симферополе. Не разрешите ли проехать к вам?

Сердечный привет.
К. Тренев

Адрес с 6-го апреля: Симферополь, Ноябрьский бульвар 33. Конст⟨антину⟩ Андр⟨еевичу⟩ Треневу.

30/III — 36 г.

[1] «Постановлением Совета народных комиссаров группе драматургов предложено было написать пьесу к 20-летию Великой Октябрьской социалистической революции с разрешением дать сценический образ Владимира Ильича Ленина,— писал Тренев в статье „Мои встречи с Горьким“.—Я взял тему „Октябрьская революция в Петрограде“» («М. Горький в воспоминаниях современников». М., Гослитиздат, 1955, стр. 369).

Тренев представил на конкурс пьесу «На берегу Невы». Пьеса была в 1937 г. опубликована издательством «Искусство» (М.). В том же году поставлена на сцене Малого театра (премьера — в ноябре 1937 г.), а также в Ленинградском академическом театре драмы им. А. С. Пушкина и в Ростовском-на-Дону театре им. М. Горького. Однако Тренев не прекращал работы над совершенствованием пьесы вплоть до 1939 г., стремясь прежде всего усилить звучание образа Ленина.

Одновременно с Треневым с пьесами, приуроченными к 20-й годовщине Октябрьской революции, выступили Н. Погодин («Человек с ружьем»), А. Корнейчук («Правда») и др.

37

ГОРЬКИЙ — ТРЕНЕВУ

⟨Тессели. Начало апреля 1936 г.⟩

Телеграмма

Треневу. Симферополь. Ноябрьский бульвар 33. Жду [1]. Горький.

Печатается по черновому автографу. Датируется по пометке Горького на этом листе: «Приедет в Симферополь 6-го апр⟨еля⟩» и по письму 36.

[1] Встреча Тренева с Горьким состоялась в начале апреля 1936 г. См. воспоминания Тренева «Мои встречи с Горьким» (Сб. «М. Горький в воспоминаниях современников». М., Гослитиздат, 1955, стр. 369—371).

ГОРЬКИЙ — Ю. Н. ТЫНЯНОВ

Юрий Николаевич *Тынянов* (1895—1943) начал свою литературную деятельность в качестве литературоведа. Участник группы «Опояз», он вскоре выдвинулся как один из лидеров русской формалистической школы в литературоведении.

С середины двадцатых годов Тынянов приступает к созданию исторических повестей и романов, сразу привлекших внимание Горького. «Пишутся очень значительные книги, совершенно неожиданные, как, напр⟨имер⟩, „Кюхля" Тынянова...» — сообщал Горький В. В. Иванову 15 октября 1926 г. (т. 29, с. 480).

«Очень обрадован тем, что роман Тынянова ⟨„Кюхля".— *Ред.*⟩ понравился вам, высоко ценю эту книгу»,— писал Горький Д. А. Лутохину (т. 30, с. 6. См. также в наст. томе письма Горького к Федину, стр. 504, и к Форш, стр. 584, 587).

В статье «О литературе» (1930) Горький, говоря о создании в советской литературе «подлинного и высокохудожественного исторического романа», в числе наиболее выдающихся произведений этого жанра назвал и «два отличных, мастерских романа Юрия Тынянова — „Кюхля" и „Смерть Вазир-Мухтара"» (т. 25, с. 254).

Поводом для возникновения переписки послужило письмо Горького И. А. Груздеву от 12 января 1926 г. (АГ), посвященное анализу «Кюхли» (см. письмо 1, прим. 2).

Позднее Горький, положительно относившийся к историко-литературным работам Тынянова, привлек его к деятельному участию в издании серии «Библиотека поэта».

Тынянов посвятил Горькому статью «Алексей Максимович Горький» («Литературный современник», 1938, № 6).

Во время Великой Отечественной войны в Ленинграде погиб архив Тынянова, в котором, по-видимому, находились и письма Горького.

Ниже печатаются одно письмо Горького и два письма Тынянова.

1

ТЫНЯНОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Ленинград. 21 февраля 1926 г.⟩

Я очень порадовался, глубокоуважаемый Алексей Максимович, вашему вниманию к «Кюхле»[1]. Груздев мне показал ваше письмо о нем[2]. Относительно первых «авенариусовских»[3] глав вы не только правы, но так оно фактически и было: издательство заказало мне маленькую повестушку для юношества; но, написав первые главы, я почувствовал, что дальше так не могу и что повесть выйдет не маленькой и не для маленьких. Издательство согласилось, но первые главы уже некогда было писать наново.

Писал (старался писать) повесть как «свободную»,— мне очень приелось обычное сейчас «авторское насилие» в размещении материала и в связи действующих лиц, — это насилие сказывается и в фрагментарной бессюжетной прозе (Пильняк) и в сюжетных вещах. Там автор по своей воле двигает словесными глыбами, здесь — фабульными переходами. Я отдался на волю материала, пусть ведет; поэтому в главах — из главы к главе даже мало повторяющихся лиц. Главной задачей было для меня — дать людей эпохи, не археологически их реконструируя («археология»

в историческом романе ведет к ощущению актера, играющего в подлинном, взятом на прокат костюме), а как бы влезая в их положение... Тогда и читатель уже должен пойти не за автором, а за его героями.

Не знаю, насколько мне это удалось, книга писалась в очень короткий срок. То, что вы пишете о самом Кюхле, Вильгельме, меня несколько удивило как взгляд со стороны: признаюсь, что о нем самом, как о «характере» или «главном действующем лице» я как-то мало думал; я хорошо знаю его историю и его писания (в историко-литературном плане) и относился к нему как 〈к〉 само собою разумеющемуся. Относительно немцев такого типа, кажется, вы правы. Достану книжечку Леонтьева [4]. Но, по-моему, лучше всех чувствовал этот немецкий налет в русских немцах — «действователях» Лесков. У него необычайно чистое и сдержанное письмо в этом отношении (в «Инженерах-бессребрениках» у него выведен Фермор). Вы хотели иметь мою книжечку «Достоевский и Гоголь»[5]. Посылаю ее вам. Книжечка еще молодая. С тех пор у меня был ряд работ — историко-литературных и теоретических. Одна из них, написанная года за 3, но печатающаяся теперь,— о литературных отношениях Пушкина и группы архаистов — Грибоедова, Катенина и Кюхли [6]. Если вас интересует тема, вышлю вам как выйдет.

Вы назвали мою книжку грустной. Это, конечно, так и есть. Грусти у нас теперь много — кто-то давно ее посеял, а мы жнем. Урожай. Самый грустный человек 20-х годов был Грибоедов.

Всего хорошего, Алексей Максимович. Здесь вас любят и ждут.

1926. 21/II.

Юр. Тынянов

Мой адрес, если захотите как-нибудь написать: Ленинград, Греческий пр., д. 15, кв. 18.

[1] Ю. Тынянов. Кюхля. Л., Госиздат, 1925.

[2] Приводим полностью письмо Горького И. А. Груздеву от 12 января 1926 г. (АГ).

«12. I. 26.

Я думаю, что Тынянова можно от души поздравить: он сумел написать интересную книгу и весьма неплохо написал ее. По первым страницам показалось, что это немножко Авенариус и „для детей старшего возраста“, но по мере того как автор все более тщательно и тонко разрисовывал Кюхельбекера, убедительно развертывалась русская „хорошая книга“ и, м〈ожет〉 б〈ыть〉, одна из самых грустных русских книг.

Против манеры Тынянова можно спорить,— она несколько суховата, излишне „описательна“, местами даже как будто не „сердечна“, но, допустимо, что бессердечие— не что иное, как авторская скромность, целомудрие.

Весьма странно, что российские художники слова как-то игнорировали этот тип — Кюхли, русского Новалиса из немцев. Это звучит чепухово — „русский Новалис из немцев“, но это вполне в стиле треклятой русской чепухи: у нас, среди старцев Оптиной пустыни, был православный немец Зюдергейм, о котором К. Леонтьев очень плохо написал брошюрку. А мне о Зюдергейме рассказывал некий иеромонах, друг его детства, и по рассказу его с ясностью выходило, что в юности „православный немец“ был весьма кюхельбекерен, соединяя в себе Гаршина с Андреем Белым и немножко — Чаадаева. Да, этот тип у нас обошли, если забыть о Пьере Безухом, который, к сожалению, написан не столько Толстым, сколько „толстовцем“.

Мимоходом взят у Тынянова Трубецкой, но очень верно. Трубецкие — тоже примечательны, посмотрите-ко на них от времен „семибоярщины“ до современника нашего „евразийца“ Трубецкого.

М〈ожет〉 б〈ыть〉, я неправильно ценю, но мне „Кюхля“ очень нравится, так же, как „Одеты камнем“ Форш. Как будто у нас зарождается очень оригинальный исторический роман, чего никогда не было. Ибо Мережковский — не искусство и даже „литература“ плохая.

Ну, довольно. Вы передайте Тынянову привет мой, пожалуйста.

И будьте здоровы.

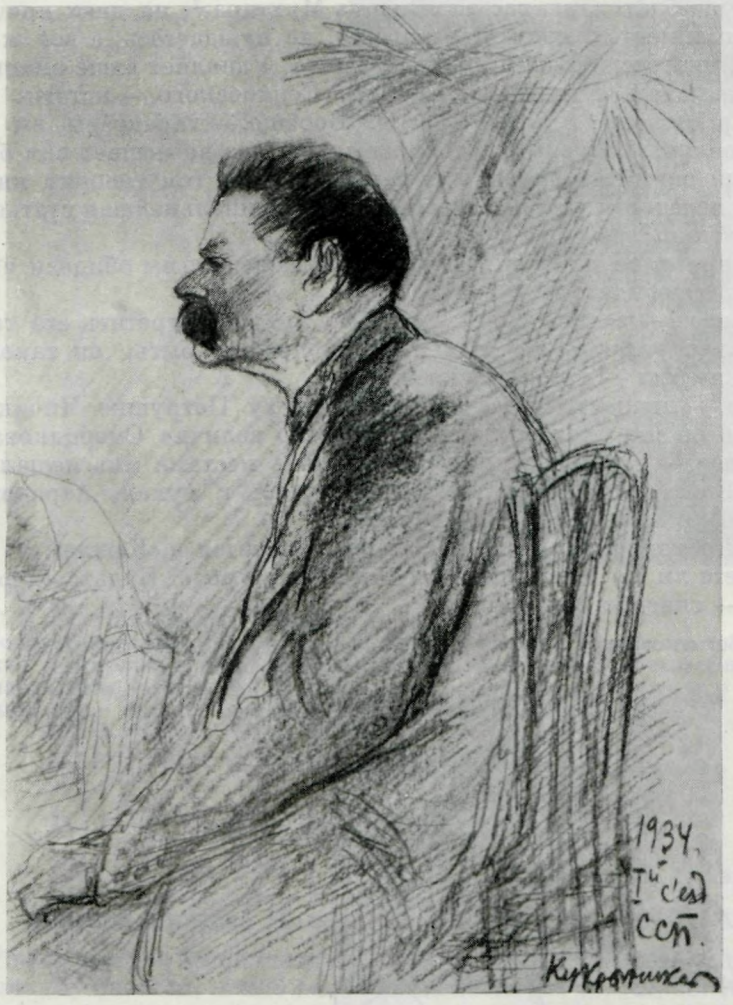
А. Пешков

P. S. Да, статья о Дост〈оевском〉 — Гоголе его? Попросите прислать мне.

А. П.

Posilippo, Napoli. Villa Galotti».

[3] Василий Петрович *Авенариус* (1839—1919) — известен как писатель для детей и юношества. Пользовались популярностью его повести: «Отроческие годы Пушкина», «Гоголь-гимназист», «Гоголь-студент», «Детские годы Моцарта», «Создатель русской оперы Глинка» и др.



ГОРЬКИЙ
Рисунок цветным карандашом Кукрыниксов, 1934 г.
Музей Горького, Москва

[4] Речь идет о книге К. Н. Леонтьева: «Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной пустыни». М., «Моск. товарищество», 1882. Другие издания: «Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной пустыни (с приложением его писем)». Изд. Казанской Амвросиевской женской пустыни. Шамордино, 1915. «Православный немец. Оптинский иеромонах отец Климент (Зедергольм)». Варшава, изд. В. Истомина, 1880.

[5] Ю. Тынянов. Достоевский и Гоголь (К теории пародии). Пг., «Опояз», 1921.

[6] Статья «Архаисты и Пушкин» вошла в сборник статей Ю. Тынянова «Архаисты и новаторы». Л., «Прибой», 1929.

2

ГОРЬКИЙ — ТЫНЯНОВУ

〈Сорренто. 24 марта 1929 г.〉

Ю. Н. Тынянову

Сердечно благодарю вас за «Визирь Мухтара»[1], на днях прочитал.

В комплиментах моих вы, конечно, не нуждаетесь, а все же скажу: хорошая, интереснейшая и «сытная» книга. Удивляет ваше знание эпохи. Четко написаны фигуры Булгарина, Сенковского,— кстати: любимца моего. Превосходно сделан Самсон. Вообще,— характеры вы рисуете, как настоящий, искусный художник слова, что не мешает вам быть проницательнейшим историком литературы, как о том говорит книга «Архаисты и новаторы», а в ней — особенно оригинальнейшая статья «Гоголь и Достоевский»[2].

Не понравился мне Чаадаев, кажется даже, что вы обидели его чем то или — он вас обидел.

Грибоедов — замечателен, хотя я не ожидал встретить его таким. Но вы показали его так убедительно, что, должно быть, он таков и был. А если и не был — теперь будет.

Сашка — личность, родственная по духу Петрушке Чичикова, так показался он мне, хотя в нем уже заметно величие Смердякова.

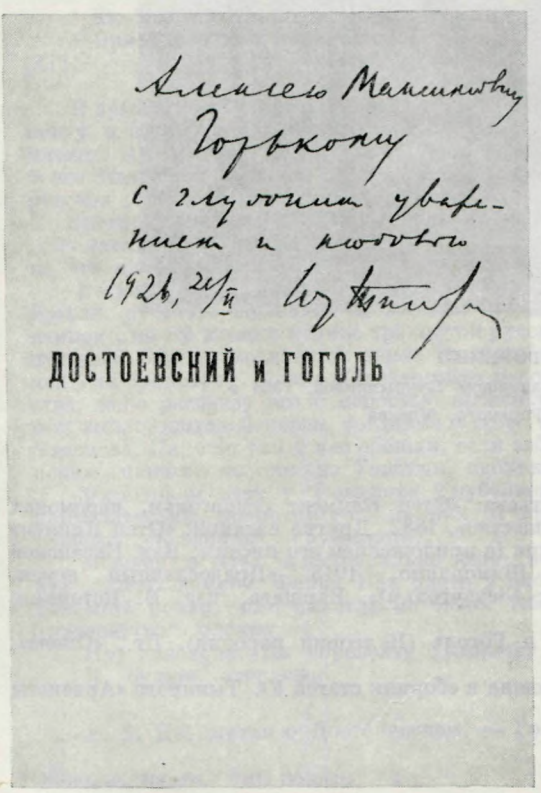
В общем — все очень интересно и лишь местами мне мешал язык — «стиль» Викт〈ора〉 Шкловского — короткая и сухая, парадоксальная фраза.

Вас не обидит это замечание? Оно не относится к «Кюхле».

Думаете ли вы еще и еще писать в этом же роде? Будьте здоровы. И— еще раз — спасибо за книгу.

24.III.29. Sorrento.

А. Пешков



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ Ю. Н. ТЫНЯНОВА ГОРЬКОМУ НА КНИГЕ «ДОСТОЕВСКИЙ И ГОГОЛЬ» (Пг., 1921):

«Алексею Максимовичу Горькому с глубоким уважением и любовью. Ю. Тынянов. 1926, 21/II»

Личная библиотека Горького

Ю. Н. ТЫНЯНОВ
Фотография, 1930 г.
Отдел рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Москва

[1] Ю. Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара. Л., «Прибой», 1929.
[2] В сборник Тынянова «Архаисты и новаторы» вошло и раннее его исследование «Достоевский и Гоголь», в котором доказывается, что в образе Фомы Опискина из «Села Степанчикова» Достоевский пародийно воспроизвел некоторые черты Гоголя — автора «Выбранных мест из переписки с друзьями».

3

ТЫНЯНОВ — ГОРЬКОМУ

〈Ленинград. 14 декабря 1931 г.〉

Дорогой Алексей Максимович!

Принужден еще раз беспокоить вас по личному делу; состояние здоровья моей дочки ухудшается, и мне необходимо поскорее ее отправить с женою в Германию.

В Гамбурге существуют специальные септические институты проф. Шотмюллера и Муха, где исследуют и лечат ее болезнь новыми препаратами.

Между тем дело задержалось и нужно ваше вторичное напоминание.

Вопрос же о необходимой валюте (хотя бы и в ограниченном количестве) зависит, главным образом, от А. Б. Халатова [1]. Ваше письмо к нему помогло бы и этому.

Дорогой Алексей Максимович, это для меня дело жизненной важности, поэтому вас и беспокою.

Если напишете о моем деле, прошу вас не отказать сообщить мне об этом [2].

«Библиотека поэтов» подвигается [3], работа идет, все работают хорошо и заинтересованно. В каждом почти сборнике будут новости, иногда меняющие взгляд на поэтов. В первом сборнике будет обращено внимание на Тредьяковского, неприемлемого в его время социально и отчасти поли-

тически, и поэтому захаянного свыше меры Екатериной. У Державина будет несколько новых, нигде не напечатанных произведений (свыше десятка) — и исключенные Гротом места, где Д⟨ержавин⟩ выступает против Павла (очень резко). Совершенной новостью будет поэзия «Вольного общества» — гражданская лирика Пнинского кружка (ученика Радищева).

Деятельно собираются материалы по «Гражданской и революционной поэзии 1860—80-х гг.». Образцы агитационной поэзии, уже собранные, крайне любопытны. И т. д.

А с бумагой все же плохо.

Надеемся, что ваша статья, из которой ясно серьезное значение серии, поможет [4].

Крепко жму вашу руку.

Юр. Тынянов

14.XII.31 г.

Ленинград. Греческ. пр., д. № 15, кв. 18.

[1] См. Горький — Григорьев, письмо 18, прим. 6.

[2] Горький помог Тынянову отправить дочь для лечения за границу. В письме от 21 января 1932 г. Тынянов писал: «Дорогой Алексей Максимович, очень вас благодарю за ваше участие и помощь. Жена с дочкой завтра уже выезжают» (АГ).

[3] Тынянов был членом редколлегии издания «Библиотека поэта». См. также Горький — Федин, письмо 44, прим. 1.

[4] Статья Горького «О „Библиотеке поэта“» впервые напечатана одновременно в газетах «Правда» и «Известия», 1931, от 6 декабря; в качестве вводной статьи к серии «Библиотека поэта» помещена в кн.: Г. Р. Державин. Стихотворения. Л., «Изд-во писателей в Ленинграде», 1933.

ГОРЬКИЙ — К. А. ФЕДИН

Публикуемая переписка Горького с Константином Александровичем *Фединым* (р. 1892), содержащая семьдесят писем, воссоздает картину творческих взаимоотношений писателей на протяжении многих лет.

«Я не только ваш „старый" ученик, но и старый читатель; читаю я вас лет двадцать, с 1905 года...»,— писал Федин Горькому в одном из писем. Переписка началась в январе 1920 г., когда молодой Федин обратился к Горькому с письмом, спрашивая: «...где, в каком направлении и как должен я искать себя?» Одновременно с письмом он послал Горькому несколько своих произведений, опубликованных в периодической печати. В начале февраля того же года произошла первая встреча писателей в издательстве З. И. Гржебина. «Выйдя от Алексея Максимовича,— вспоминал Слонимский,— Федин повторял в чрезвычайном волнении:

— Горький сказал мне, что я буду писателем!» («Литературный современник», 1941, № 6, стр. 110).

Горький принял горячее участие в судьбе Федина. Большое значение имели для Федина горьковские оценки его ранних произведений: «Сад», «Тишина», «Анна Тимофевна» и др. Особенное внимание уделил Горький первому роману Федина «Города и годы», который был прочитан им дважды. После отъезда за границу Горький продолжает следить за работой Федина, неоднократно осведомляясь о нем в письмах к разным лицам. В письме к Н. С. Тихонову от 25 января 1925 г. Горький писал: «Да, Федин написал хорошую книгу, и хорош рассказ „Тишина" — по форме хорош. Я очень люблю его, Ф〈едина〉, настоящий, отлично родившийся человек» (АГ).

В этот период личное общение заменяется постоянной перепиской между писателями. В письмах к Горькому Федин делится своими исканиями, сомнениями, удачами и неудачами, всегда чутко прислушиваясь к советам Горького. Писателями обсуждаются общие проблемы литературного творчества, имеющие актуальное значение для развития молодой советской литературы.

В ряде конкретных литературных оценок, содержащихся в письмах, большое место уделяется группе «Серапионовы братья», участником которой был Федин. В приложении печатаются: статья Горького «Группа „Серапионовы братья"», написанная в качестве предисловия к переводам рассказов К. Федина «Сад» и Зощенко «Виктория Казимировна», а также отзыв Горького о рассказах В. Каверина, Вс. Иванова, М. Зощенко и М. Слонимского. В статье о «Серапионовых братьях» отразилась известная противоречивость идейно-эстетических позиций Горького начала двадцатых годов. Борясь за активное, подлинно гуманистическое революционное искусство, Горький вместе с тем в ряде высказываний тех лет явно недооценивал значение четко выраженной общественно-политической направленности в творчестве художника.

В переписке конца двадцатых — начала тридцатых годов отражена общественно-литературная деятельность Федина: его работа как одного из руководителей «Изд-ва писателей в Ленинграде», активного участника издания серии «Библиотека поэта», сотрудника редакций «История фабрик и заводов» и «История гражданской войны».

В многочисленных статьях (см. библиографию высказываний советских писателей о Горьком, составленную К. Д. Муратовой, в сборнике «Вопросы литературы», т. 1. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 409—410) и в книге «Горький среди нас» Федин обрисовал роль Горького в развитии советской литературы и своей собственной литератур-

ной судьбе (ч. I. «Двадцатые годы». М., Гослитиздат, 1943; ч. II. «Картины литературной жизни». М., Гослитиздат, 1944. См. также Конст. Федин. Собр. соч. в 9 томах, т. 9, М. Гослитиздат, 1962, стр. 200—202).

Семь писем Горького вошло в тридцатитомное Собрание сочинений (т. 29, №№ 792, 815, 821; т. 30, №№ 1004, 1046, 1066, 1140).

Ниже публикуются двадцать девять писем Горького и сорок одно письмо Федина. Часть писем Горького Федину в отрывках была опубликована в книге Федина «Горький среди нас».

Необходимо отметить большую дружескую помощь, которую оказал Федин Архиву А. М. Горького в подготовке его переписки с Горьким. Некоторые сведения, сообщенные Фединым, включены в примечания и отмечены инициалами *«К. Ф.»*.

Все письма Горького к Федину, а также письмо Горького к Д. Н. Аврову (в примечаниях к письму 2) печатаются по подлинникам, хранящимся у адресата.

1

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Петербург. 28 янв⟨аря⟩ 1920.

Алексей Максимович,

просьба, с которой я обращаюсь к вам — не прихоть и не случайность. Внутренний голос, толкающий меня написать вам, сломил в конце концов возражения, которые нашлись у меня против, и я сдался. Я чувствую, что выходит нелепо, как нелепа всякая откровенность, которой никто не ищет, но не могу начать иначе. Я избрал именно этот путь — письменное обращение — чтобы, не отнимая у вас времени больше, чем вы захотите уделить, дать сложиться вашему мнению независимо от тех или иных качеств моей личности.

Начиная с юношеских лет, я не только мечтаю о литературной работе; я учусь, работаю, достигаю. Но вся моя жизнь слагалась до сих пор так, что я ни разу не встретил оценки моих способностей, оценки, которой я мог бы поверить и которая была бы для меня решающей.

О такой решающей оценке я и прошу вас.

Воспитав себя в мысли, что я — беллетрист, я иду ощупью, то отчаиваясь, то загораясь уверенностью, производя эксперименты, бросаясь из стороны в сторону. У меня нет и не было живого учителя, который сказал бы: вот это — дрянь, а это — хорошо.

Мне кажется иногда, что мои рассказы — публицистика... и, может быть, я должен искать себя в ней?

В дни отчаяния чувствую я, как вот-вот готова рухнуть вера моя в себя — писателя. Но она вспыхивает помимо моей воли всякий раз, как только воображение дарит меня новым образом. Здесь не может быть врача. и я не ищу исцеления, потому что в этих падениях и взлетах и есть восторг работы. Но мне нужно, необходимо нужно знать, где, в каком направлении и как должен я искать себя.

И я почему-то уверен (и эта уверенность заставила меня сесть за письмо), что вы можете помочь мне, сказав, что́ у меня скверно и в чем могу я достичь хорошего.

То, что я посылаю вам — не лучшее, но и не худшее из моих работ — мое обычное (рассказы «Прискорбие», «Дядя Кисель» и статья «И на земле мир»)[1].

О том, что они скажут вам, прошу вас дать мне знать письменно или как найдете удобнее.

Примите уверение в искренней любви к вам.

Константин Федин

10-я Рождественская, 14, кв. 18.

«Это первое мое письмо Горькому, за которым последовало его приглашение прийти к нему — и наше знакомство».— *К. Ф.*

[1] Рассказ «Прискорбие», по сообщению Федина, был забракован Горьким и не публиковался. Рассказ «Дядя Кисель» впервые опубликован в газете «Сызранский коммунар», 1919, №№ 56 и 57, от 22 и 23 ноября. Он получил вторую премию на литературном конкурсе газеты «Роста» в 1919 г. Позднее образ дяди Киселя был перенесен Фединым в роман «Города и годы» («Глава о девятьсот восемнадцатом»).

Статья «И на земле мир» напечатана в журнале «Отклики» (Сызрань), 1919, № 6.

ГОРЬКИЙ и К. А. ФЕДИН
Фотография, Горки, 1934 г.
Музей Горького, Москва

2

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

1 июля 1920. Петербург.

Дорогой Алексей Максимович,

Недаром вы советовали мне не зарекаться: почти два месяца прошло с тех пор, как был я у вас последний раз и обещал не показываться на глаза иначе, как с законченной частью своей драмы[1]. Признаться, нарочно связал себя таким словом в надежде подогнать в работе, потому что знал, что увидеть вас потянет очень скоро. Может, об этом не нужно бы лучше говорить, но ведь и за это письмо сел я, уступая все той же потребности говорить с вами, потребности, преобороть которую не в моих силах. Последнее время был даже рад, что вы отсутствовали из Петрограда [2]. Иначе непременно пришел бы к вам. Прийти же боялся не потому, что дал глупое слово не являться, пока не напишу своего «урока», а потому, что знал, что, придя, непременно начну с того, почему не исполнил урока, и получится что-то жалостное, словно пришел на судьбу поплакать.

В то же время страшно хочется дать вам знать, что работа моя не канула в Лету, а по-прежнему волнует и занимает меня. Даже, пожалуй, еще больше волнует, чем прежде, потому что взглянешь на исчерканные листы, подумаешь, что *и сегодня* не прикоснешься к ним, как вчера, третьего дня, и такое найдет, что хоть головой о стену бейся.

И как же тут не поплакать на судьбу! Газетная работа [3], которую возненавидел с тех пор, как узнал, пожирает время и силы, подобно тощей фараоновой корове. Все, что внутри меня, тянется к работе иной. Не только сознание того, что писать *надо*, как вы не раз говорили мне, но и негаснущее *желание* писать захлестнули меня какой-то петлей постоянной напряженности, и даже во сне я думаю, как бы урвать минутку для «своей» работы. Но нужно измышлять фельетоны, копаться в провинциальных газетах, читать новые книжки и журналы, по вечерам корпеть над телеграммами, резолюциями, письмами, а по ночам, сплошь и рядом, верстать газету.

Конечно, урвать минутку удается. Но ведь это — мученье! И иногда так хочется взвыть по-звериному, опуститься куда попало — на землю, на пол — и вопить, вопить до потери сознания. Этого я боюсь и изо всех сил отучаю себя от «чувствительности».

И все-таки — видите — не удержался, поплакался.

В настроении моем преобладает какое-то странное злорадство, в котором не могу разобраться. Чем больше я занят, чем тяжелее живется мне, тем с большей страстностью отдаюсь я старой мечте своей: стать «настоящим писателем». И тут уверенная радость того, что я могу, доходит до неистовства, и тогда, в горькой обиде на несвободу свою, я готов кричать назло всем препонам, тяготам и нужде:

— Наваливайтесь, давите его, ни вздоху ему ни передышки, выдержит, живуч!..

Должно, и правда — выдержу.

Хочется скорее довести задуманную часть работы до конца. Часть эта («Бакунин в Дрездене») состоит из двух сцен, первую из которых я теперь заканчиваю. Решил обойтись (в этой части работы) без книги, на которую возлагаю большие надежды и которой пользовались все биографы М. А. Бакунина (Max Nettlau «Michel Bakunin» [4]). Здешняя публичная библиотека свой единственный экземпляр этого сочинения отослала в Москву. В конце мая, пользуясь отпуском, ездил туда, но и в Румянцевском книги Неттлау не оказалось. В дальнейшем без нее не обойтись, да и теперь, думаю, знакомство с ней могло бы во многом помочь мне.

Вот написал вам, дорогой Алексей Максимович, и от одной этой мысли хорошо стало. Теперь буду жить надеждой, что скоро кончу работу и отдам ее на ваш суд. Пока же примите уверения в моей глубокой любви.

Преданный вам
Константин Ф е д и н

В редакцию «Северного сияния»[5] заходил всего один раз, не застал там никого, а после не выбрал времени. Думаю, что это дело терпит.

К. Ф.

[1] Пьеса «Бакунин в Дрездене» была начата Фединым по предложению Горького написать что-либо для задуманной им в 1919 г. серии драматических картин и инсценировок на темы истории культуры всех веков и народов. Горький написал статью «Инсценировка истории культуры» («Жизнь искусства», 1919, №№ 251—254) и составил несколько планов таких инсценировок, один из которых опубликован в сб.: «М. Горький. Материалы и исследования», т. I. Л., Изд-во АН СССР, 1934.

[2] С 14 по 25 июня 1920 г. Горький находился в Москве.

[3] В это время Федин сотрудничал в ряде периодических изданий («Петроградская правда», «Боевая правда», «Известия Петросовета» и др.).

Стремясь помочь Федину, Горький решил привлечь его к работе Экспертной комиссии при Петроградском отделении Народного комиссариата торговли и промышленности (в задачу возглавлявшейся Горьким комиссии входил учет, собирание и охрана художественных ценностей).

Приводим письмо Горького к коменданту Петроградского укрепленного района Д. Н. Аврову (1891?—1921?).

<Петроград, 25 декабря 1920 г.>

Уважаемый товарищ Авров!

Я убедительно прошу вас откомандировать подателя сего Константина Федина в Экспертную комиссию при Комвнешторге, в Петрограде.

Основания просьбы моей таковы:
постановлением Совнаркома от 23/X Петроградская Экспертная комиссия усиливается до 200 человек, ибо работа ее признана очень важной. В этой работе необходимо участие людей, которые не могут соблазняться разными блестящими пустяками, людей честных и серьезных. Я знаю, что Федин именно таков и что его участие в работе комиссии даст хорошие результаты. Очень прошу вас дать его мне.

Помимо этого — Федин обладает недюжинным литературным дарованием, которое требует развития. В Экспертной ком<иссии> он имел бы часа два-три в сутки для работы над собой, чего невозможно достичь, работая в газете.

Думаю, что вы не откажете помочь мне и этому юноше, заслуживающему серьезного внимания.

Привет
М. Горький

25.XII.20.

[4] Max Nettlau. Michel Bakunin. Eine biographische Skizze. Berlin, Pawlowitsch, 1901. Русский перевод: Макс Неттлау. Жизнь и деятельность Михаила Бакунина. М., «Голос труда», 1920.

[5] «Северное сияние» — журнал для детей, выходивший в Петрограде с февраля 1919 г. по декабрь 1920 г. под ред. Горького. Федин в журнале не печатался.

3

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Петербург. 1921, 17 марта.

Дорогой Алексей Максимович!

Пишу вам, потому что мои старания увидеть вас в последние дни были безуспешны и потому что я слышал, что вы опять уезжаете в Москву [1].

Начну с самого важного для меня: прошу о дальнейшей поддержке моего «Бакунина»...

Мне как-то стыдно благодарить вас за то, что вы сделали для меня [2]. Когда я думаю об этом, мне кажется, что вы должны очень устать от частых, вероятно, выражений признательности. Но не чувствовать в душе глубочайшей благодарности я не могу — это мое состояние,— и мне хочется хоть раз сказать вам об этом.

Над «Бакуниным» я работаю все время с таким чувством, что вы «помогаете», и теперь так нужно, чтобы труд во что-то воплотился, чтобы что-то осуществилось.

Если можно, сделайте так, чтобы «Бакунин в Дрездене» был поставлен в Москве или здесь (лучше здесь: хочется работать и дальше, в театре — ведь это — «воплощение»). Все несчастье в рукописях. Неужели они не нашлись? Сейчас у меня только первый список первого акта (вернул К. И. Чуковский); первый список второго акта вы брали с собой в Москву, а второй список обоих актов — всю пьесу, с постановлением ПТО — передали, кажется, Марии Федоровне [3] еще в январе. Если рукописи не найдутся и если будет нужно,— напишу новый экземпляр от руки.

Прочитав первый акт, вы говорили мне, что находите нужным напечатать его. Вашего мнения о втором акте я так и не узнал (письмо ваше из Москвы [4], на мое горе, затерялось бесследно).

Может быть, следовало бы издать пьесу отдельной книжкой: эта часть — совершенно самостоятельное целое. И если да, то мог ли бы

я просить вас написать к пьесе короткое предисловие? На эти вопросы скажите мне что-нибудь до отъезда в Москву, если найдете время.

Насчет «Нашего журнала» я писал Г. Сухановой [5], но пока не получил никакого ответа, а без него нет уверенности даже в том, живо ли намерение издавать журнал. Не откажите, дорогой Алексей Максимович, сказать Сухановой, что я жду повелений редакции.

Желаю вам всего доброго.

Ваш Константин Ф е д и н

Адрес мой: Стремянная, 16, кв. 12.
Телефоны: от 12 до 4-х — 2.65.10,
после 5-ти — 2.46.27.

[1] 25 марта 1921 г. Горький выехал из Петрограда в Москву.

[2] Речь идет о материальной помощи Горького, благодаря которой Федин смог поправиться после перенесенной им тяжелой операции. См. письмо 39.

[3] Мария Федоровна *Андреева* с 1918 по 1921 г. была комиссаром театров и зрелищ Союза коммун Северной области, то есть театров Петрограда и пяти примыкающих к нему губерний.

[4] «Речь идет о письме Горького по поводу 2-го акта моих драматических сцен — „Бакунин в Дрездене"; в этом письме, посланном Горьким из Москвы в Петербург с оказией и недоставленном мне, он давал свой отзыв о 2-м акте „сцен". Постановление ТЕО (Петрогр. театротдела) заключалось в одобрении „Бакунина" и в решении поставить пьесу на сцене, что не было осуществлено ввиду неодобрения „сцен" Петроградским Пролеткультом (А. И. Самобытником и И. Садофьевым)».— *К. Ф.*

[5] «Наш журнал» — журнал промышленной пропаганды для рабочих. Издавался в 1921 г. редакционно-издательским отделом ВСНХ по инициативе Горького, который собрал вокруг журнала рабочих корреспондентов, журналистов и молодых писателей. В первом номере журнала (май) была напечатана статья Горького «К читателям», характеризующая направление и задачи журнала. В связи с отъездом Горького за границу журнал прекратил свое существование.

Галина Константиновна *Суханова* (Флаксерман) (1888—1950) — секретарь редакции «Нашего журнала». Ранее работала секретарем редакции «Летописи».

«Горький предложил написать ч⟨то⟩-н⟨ибудь⟩ для журнала. Я спросил Суханову— что именно редакцию интересует. Тем дело и кончилось».— *К. Ф.*

4

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Петербург. 28.VIII.1922.
Литейный, 33, кв. 13.

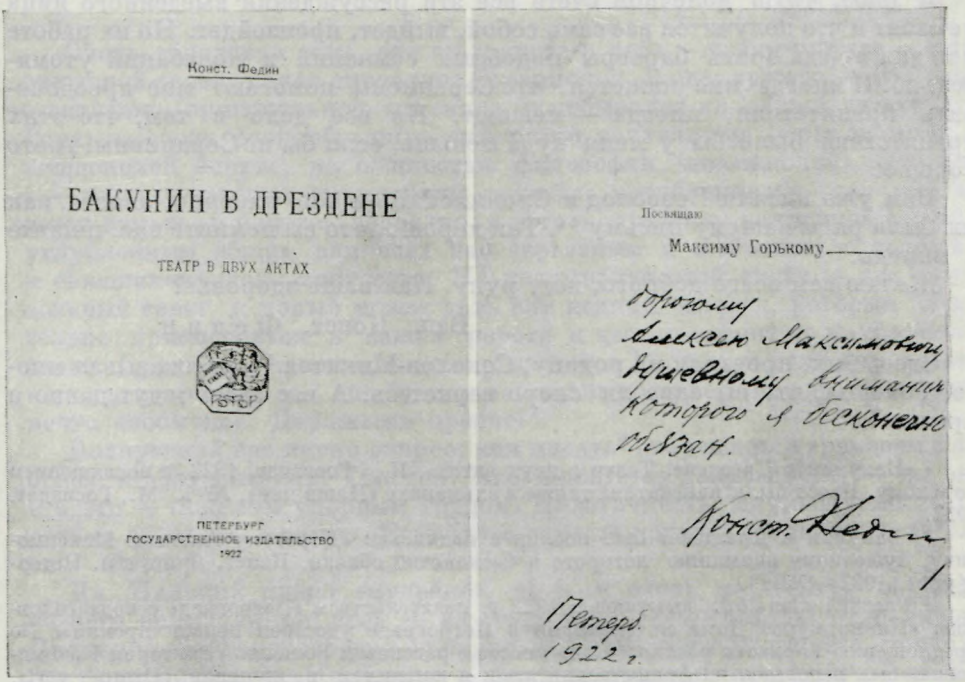
Дорогой Алексей Максимович.

Весной этого года послал вам предлинное письмо, рассказав о всех Серапионах. Оказывается, вы не получили ни этого письма, ни книжки моей [1], ни писем других Серапионов. Шлю вам «Бакунина в Дрездене» [2] и «Сад» [3] — это все, что удалось выпустить отдельным изданием. В Москве, в только что возникшем издательстве «Круг»[4], куда входят от Серапионов Всев⟨олод⟩ Иванов, Ник⟨олай⟩ Никитин и я, в конце года выйдет первая моя книга рассказов «Пустырь»[5]. В нее включаю и повесть «Анна Тимофевна» — сравнительно большую «историю одной жизни», которая будет напечатана сначала в альманахе «Круга». В «Круге» печатаются все Серапионы. Изд⟨атель⟩ство большое, и мы связываем с ним много надежд. Совсем было наладилось дело с изданием в Петерб⟨урге⟩ серапионовского журнала [6], но в последний момент затею пришлось отложить, как ни странно — не из-за денег. Журнал, по-видимому, все-таки будет.

Точно сговорившись, все мы засели за «романы». Всеволод работает сразу над двумя — «Голубые пески» и «Ситцевый зверь» [7] (первый печатается в «Кр⟨асной⟩ нови»), Слонимский пишет фантастическую авантюру из революционной поры [8], Зощенко — цикл рассказов «Записки

бывшего офицера»[9], я — роман о войне и революции [10]. Каверин (Зильбер) продолжает гофманианить, пересадив своих советников, мастеров и студентов на новгородско-московскую почву [11]. Лунц написал новую трагедию [12], но не читал еще нам — выдерживает в столе.

Только один Никитин ездил этим летом «в вояж за впечатлениями», на Урал. Остальные побывали в пригороде, Москве, на даче. Не собирались, т⟨аким⟩ обр⟨азом⟩, всего две субботы и теперь серапионим нормально.


Конст. Федин

БАКУНИН В ДРЕЗДЕНЕ

ТЕАТР В ДВУХ АКТАХ

ПЕТЕРБУРГ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1922

Посвящаю
Максиму Горькому

Дорогому
Алексею Максимовичу
душевному вниманию
которого я бесконечно
обязан.
Конст. Федин

Петерб.
1922 г.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ К. А. ФЕДИНА НА ПЬЕСЕ «БАКУНИН В ДРЕЗДЕНЕ» (Пб., 1922, С ПОСВЯЩЕНИЕМ ГОРЬКОМУ):
«Дорогому Алексею Максимовичу, душевному вниманию которого я бесконечно обязан. Конст. Федин. Петерб. 1922 г.»
Личная библиотека Горького

К сожалению, невозможно рассказать вам в письме, какая игра закрутилась вокруг братства [13], как трудно бывало иной раз сохранить спокойствие и как, в сущности, удивительно, что мы не поползли каждый по особой дорожке, а продолжаем жить и работать скопом. Не знаю, но кажется, не было в России ни одной литературной группы, которая держалась бы так долго на одной дружбе (школы бывали, «направления» — тоже, но ведь у нас ни школ, ни направлений!). Все это радует и бодрит. Думаю, что через год все мы обрадуем вас, дорогой Алексей Максимович, каждый по-своему, хорошими книжками: на предстоящую зиму я крепко рассчитываю.

Еще о нас и о себе. Всех нас изумительно связало наше братство и взаправду сроднило. Все прошли какую-то неписаную науку, и науку эту можно выразить так: «писать очень трудно». Об этом как-то и все и всегда говорят. И это, думаю, верно. Я, по крайней мере, чувствую это болезненно, мне писать трудно и особенно трудно после того, как я сдружился с серапионовцами. Вот только *на деле* не решено для меня: *просто* ли писать трудно (Толстой) или *мудрено* (... Пильняк) и

не есть ли «трудность» искусства результат борьбы мудрености с простотой? Все такие вопросы приходится разрешать буквально на своей шкуре, на работе, бесконечно пробуя, нащупывая и примеривая. До сих пор я был не только убежден, но и видел (на работе), что содержание обусловливает собою форму произведения. Но в таком случае, чего ж я бьюсь над поисками формы (не над ее выделыванием), когда у меня есть тема, сюжет, какая-то музыкальная наполненность, словом — содержанье. Очевидно, одно и то же можно сказать по-разному. А раз так — как идти, чтобы не сорваться в пропасть?

Я знаю, что в конечном счете все эти рассуждения выеденного яйца не стоят и что получится все само собой, выйдет, произойдет. Но на работе изо дня в день брать барьеры подобных сомнений и колебаний утомительно. И иногда мне кажется, что Серапионы помогают мне преодолевать препятствия, иногда — мешают. Но все дело в том, что этих препятствий было бы у меня куда меньше, если бы не Серапионы! А это хорошо.

Вам уже писали Всеволод и Слонимский, и вы, наверно, знаете, как мы были рады вашему письму [14]. Так хорошо, что вы помните нас, пишите и впредь.

Желаю вам всего доброго, жму руку. Как ваше здоровье?

Ваш Конст. Ф е д и н

Здесь был, проездом на родину, Соколов-Микитов [15], рассказывал много. Говорил, что вы едва ли скоро вернетесь. А вас здесь ждут давно и крепко.

[1] «Бакунин в Дрездене. Театр в двух актах». П., Госиздат, 1922, с посвящением Горькому. Пьеса была напечатана также в альманахе «Наши дни», № 1. М., Госиздат, 1922.

[2] «Бакунин в Дрездене» был послан с надписью: «Дорогому Алексею Максимовичу, душевному вниманию которого я бесконечно обязан. Конст. Ф е д и н. Петерб〈ург〉, 1922» (ЛБГ).

[3] Рассказ «Сад» был выпущен в 1922 г. издательством «Петроград» с подзаголовком: «На конкурсе Дома литераторов в Петрограде удостоен первой премии». По предложению Горького рассказ «Сад» вместе с рассказом Зощенко «Виктория Казимировна» был переведен на французский язык и напечатан в журнале «Disque vert», (Paris—Bruxelles), 1923, №№ 4—6, с предисловием Горького, посвященным характеристике группы «Серапионовы братья». См. стр. 561—564 (Приложение II).

[4] «Круг»— издательство, организованное в 1922 г. См. Горький — Гладков, письмо 8, прим. 10.

[5] «Пустырь». М.— Пг., «Круг», 1923. В сборник вошли: «Анна Тимофевна», «Сад», «Песьи души», «Конец мира», «Рассказ об одном утре», «Старший комендор», сказочки «Еж», «Блинки».

Повесть «Анна Тимофевна» напечатана в альманахе «Круг», кн. 2. М.— П., 1923. В этом же году вышло отдельное издание (Книгоизд-во писателей в Берлине).

[6] Группа «Серапионовы братья» предполагала издавать журнал «Двадцатые годы». Издание не осуществилось. См. Горький—Слонимский, письмо 4.

[7] Роман «Голубые пески» печатался в «Красной нови», 1922, №№ 3—6; 1923, №№ 1—3, Отдельное издание: М., «Круг», 1923, и одновременно — «Книгоизд-во писателей в Берлине».

«Ситцевый зверь»,— по сообщению Вс. Иванова, это — неосуществленный замысел романа о партизанах Дальнего Востока.

[8] «Трактат профессора Мясникова». См. Горький—Слонимский, письмо 4, прим. 4.

[9] Этот замысел осуществлен не был.

[10] «Города и годы».

[11] По-видимому, речь идет о рассказах «Инженер Шварц» и «Столяры», о которых Каверин сообщил Горькому в письме от 22 ноября 1922 г.: «Это первый мой опыт о русских». См. Горький — Каверин, письмо 4.

[12] По-видимому, трагедия «Бертран де Борн» (напечатана в сб. «Город», кн. 1. Пг., 1923).

[13] Речь идет о той резкой критике, которую вызвали выступления «серапионовцев» в журнале «Литературные записки», 1922, № 3. См. Горький— Каверин, письмо 4, прим. 4.

[14] См. Горький—Слонимский, письмо 4, прим. 1.

[15] Иван Сергеевич *Соколов-Микитов* (р. 1892) — писатель. Познакомился с Горьким в 1917 г. в редакции «Новой жизни». Летом 1922 г., будучи в Германии, посетил Горького в Герингсдорфе.

5

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

〈Герингсдорф. Начало сентября 1922 г.〉

К. Федину

Очень обрадован всем, что вы пишете о себе — и как пишете — о той душевной связи, какая скрепляет Серапионов. Ваша дружба — это, действительно, оригинальное, и ценное, и небывалое явление в литературе. Таланты столь разнообразные, так резко различимые — вы связаны не «тенденцией эпохи», не общностью философии, не «школой», наконец, а — видимо — чувством крепкой дружбы, углубленным — как мне хочется думать, и как это, вероятно, и есть — чувством искренней дружбы, углубленным общим для всех вас серьезным и любовным отношением к священному делу искусства. Не разрывайте этой связи — вот самый дельный совет, который может дать вам всякий человек, который внимательно присмотрится к вашей работе и честно оценит ее крупное значение. Дружба — чувство, плохо развитое в России, и если вам удастся надолго сохранить его, оно будет и вам взаимно полезно и другим покажет нечто необычное. Держитесь крепче!

Волнующий вас лично вопрос: как писать? разрешается временем и любовью к делу писания. Толстой? Его «простота» давалась ему — вы знаете это — тяжелым упорным трудом. Пластичность, скульптурность его письма очень не «проста». Еще более «прост» другой великомученик слова — Флобер.

Да, Пильняк пишет «мудрёно», но — я очень не советую обращать на него внимание. Он весь — из Белого и — немножко — от Ремизова. Пильняка как такового еще не видно. И — не надеюсь увидеть, прочитав его фокусническую «Метелицу» — вещь совершенно мертвую [1]. Белый — человек тонкой культуры, широко образованный, у него есть своя оригинальная тема, ее, пожалуй, другим языком и невозможно развивать, она требует именно того языка, тех хитросплетений, которые доступны и уместны только для Белого. Ремизов — человек, совершенно отравленный русскими словами, он каждое слово воспринимает как образ, и потому его словопись безóбразна,— не живопись, а именно словопись. Он пишет не рассказы, а — псалмы, акафисты.

Пильняк — странно говорить о нем рядом с этими — Пильняк же — пока — имитатор, да еще и не очень искусный. Имитирует грубовато, ибо — не культурен и не понимает всей глубины и сложности образца. Он — больше выдумывает, чем чувствует. Белый же чувствует нечто, что даже и всей роскошью его слов, всей змеиной гибкостью языка его — выразить трудно. Нет, Пильняка вы оставьте, вы не меньше его, поверьте-ка!

Но — не поймите, что я рекомендую вам Белого или Ремизова в учителя — отнюдь! Да, у них — изумительно богатый лексикон, и, конечно, это достойно внимания, как достоин его и третий обладатель сокровищами чистого русского языка — Н. С. Лесков. Но — ищите себя. Это тоже интересно, важно и, может быть, очень значительно.

«Писать очень трудно» — это превосходный и мудрый лозунг. Не отступайте от него, и — все пойдет хорошо. С этим лозунгом — один и верный путь — к совершенству. И — позвольте дать вам — всем — грубый, но

добрый совет: не очень подчиняйтесь литературным «отцам» и «старшим». Лучше самим ошибиться, чем повторять ошибки других, хотя ошибки всегда поучительны. История человечества суть история разнообразнейших ошибок его, и было бы всем нам легче, если б они остались неповторяемыми — на страницах книжной истории. А в жизни — можно сделать другие, более веселые, менее глупые и кровавые.

О Зильбере. Вот увидите, что этот чудотворец весьма далеко пойдет,— его фантастика уже и сейчас интереснее и тоньше Гоголевых подражаний Гофману.

С трепетным нетерпением жду книжку Зощенка [2]. Ваши две — «Сад» и «Бакунина» получил, сердечное спасибо вам за милые и лестные надписи.

Письма от вас — не получал, кроме того, на кое отвечаю. Вообще же — спасибо вам. За границей — скверно, ибо она медленно, но неуклонно изгнивает, но — тем очень хорошо, что здесь напряженно думается по всем «большим» вопросам. Ибо — все здесь наго, все бесстыдно и жалостно обнажено. Жму руку вам и всем мой сердечный привет.

А. Пешков

Скажите Лунцу, чтоб ответил мне.

Датируется по письму 4.

[1] Речь идет о рассказе Б. Пильняка «Метель». Берлин, «Огоньки», 1922.
[2] Находились в печати два сборника рассказов М. Зощенко: «Рассказы». Пг., «Картонный домик», 1923 и «Юмористические рассказы». Пг., «Радуга», 1923.

6

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

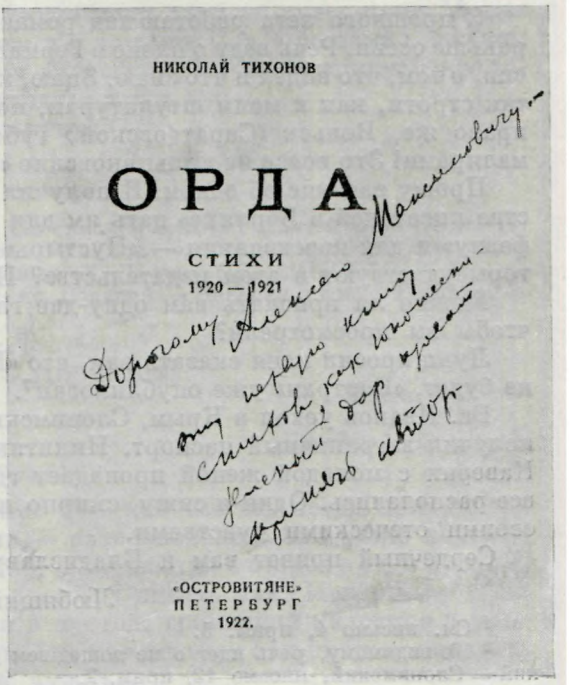
Петербург. Литейный, 33, кв. 13
7 апреля 1923.

С месяца на месяц откладывал я ответ на ваше письмо, дорогой Алексей Максимович; все ожидал выхода своей книжки [1]. Наконец, она вышла. Высылая ее вам теперь, я не испытываю того чувства, с каким сделал бы это прошлым летом, когда только что закончил «Анну Тимофевну» и — как всегда — думал, что закончил хорошо. И хотя к тому времени мне уже успело разонравиться начало, но я еще крепко верил, что удался конец. Теперь эта вера пошатнулась, и мне еще больше нужен ваш отзыв. Судя по письму к Слонимскому [2], он будет нелестен — этот отзыв — потому что упрек в небрежности, с какой теперь работают молодые писатели, отнесен вами и ко мне. Уверяю вас, Алексей Максимович, я не повинен в общем грехе: повесть в 4 листа писалась с октября 21 г. до июня 22-го, т. е. больше полугода, и за это время я почти не писал ничего другого. При всем том она может быть плохой повестью. То, что вы относите на счет небрежности, я считаю неуменьем или плохим знаньем слова. Мне иной раз кажется, что неудачная фраза в моих рассказах — скорее результат неуверенности в себе, боязливо-щепетильного отношения к языку, нежели — небрежность или спешка. Я так часто озираюсь, так долго ищу, что впадаю в манерность, в изысканную нарочитость. И тут вечный вопрос о простоте в искусстве или простоте искусства — об этом я писал вам, так же, как и о том, что «писать трудно». Трудно, конечно, не потому, что всю жизнь надо учиться, а потому, что вся жизнь насыщена ежечасными влияниями школ, теорий, приемов, наконец — живых людей. Нужна какая-то китайская стена, чтобы оградить свою душу, сознание, сердце от этих влияний. Борьба с ними не всем по плечу, а иногда всем не по плечу. То, что вы заметили на альманахах «Круга»[3], мы видим здесь ежедневно на бесчис-

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ Н. С. ТИХОНОВА ГОРЬКОМУ НА КНИГЕ СТИХОТВОРЕНИЙ «ОРДА» (Пб., 1922):

«Дорогому Алексею Максимовичу — эту первую книгу стихов, как юношески-зеленый дар просит принять автор»

Личная библиотека Горького


НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

ОРДА

СТИХИ

1920—1921

«ОСТРОВИТЯНЕ»
ПЕТЕРБУРГ
1922.

ленных более мелких примерах — во всех журналах, листках и листишках: повальное подражанье, заимствование, просто плагиат. Люди торопятся, скачут через головы, хватают, рвут друг у друга — слова, названья, манеру, стиль. Самая граница между «можно» и «нельзя» давно стерлась, и я — к примеру — по опыту знаю, как небезопасно делиться с нынешними литераторами своими планами и намерениями: обойдут на голову у самого старта! После долгого перерыва настал час «делать себе имя», и его делают, пока не поздно. Тут, конечно, не до тонких чувств — «валяй наши, валяй, знай, поваливай, валяй!» В нашем положении (я говорю о Серапионах) страшнее всего, пожалуй, то, что влияния идут не по прямой (т⟨о⟩ е⟨сть⟩ стилистика и тема одного писателя воздействует не прямо на стилистику и тему другого), а просачиваются какими-то нелитературными путями. Хаотичность, раздерганность, торопливость, малограмотность нынешней московской литературы сами по себе не могли послужить образцом для разборчивого и строгого Петербурга. Но успех этой литературы, спрос на нее в Москве, которая теперь буквально кормит нас, постепенно стирают в литературе следы петербургской традиции. Работать в этих условиях тяжело. Нужны большие силы и большое, веское слово, чтобы что-нибудь противопоставить коломенско-московской разнузданности [4]. Здесь не на кого опереться, не к кому взывать. Каждый действует за свой риск и страх, заботясь меньше всего о литературе, по неразумию или запальчивости величая себя литераторами.

Дорогой Алексей Максимович, здесь, в полунасмешку, зовут меня «академиком». Может быть, за то, что я не преступил заповеди: «не пожелай жены искреннего твоего...»— не только не подражал, но почти не прикоснулся к теме, с которой все мои однокашники давным-давно обвенчались,— к современности. В «Анне Тимофевне», да и во всем «Пустыре», я отгораживался от нее умышленно, ожидая «своего времени». Что из этого получилось, каков «Пустырь»? — Жду с нетерпением вашего отзыва.

С прошлого лета работаю над романом [5], который начну печатать не раньше осени. Речь веду о плене в Германии, о революции в уездной России, о том, что видел и что знаю. Знаю, конечно, «по-своему». Но не будьте так строги, как к моим штукатурам, которые сведущи в малярном деле: право же, Вольск (Сарат〈овской〉 губ〈ернии〉) славится штукатурами-малярами! Это вовсе не пильняковские «соски́ и со́ски».

Прошу вас еще об одном. Я получил предложение от «Книгоиздательства писателей в Берлине» дать им для отдельного издания «Анну Тимофевну» и для переиздания — «Пустырь» [6]. Следует ли давать? Что за авторы участвуют в этом издательстве? Посоветуйте.

Можно ли прислать вам одну-две главы из романа до напечатания, чтобы вы просмотрели?

Лунц просил меня сказать вам, что «Вне закона» напечатано в России не будет. «Бертран» уже опубликован [7].

Вс. Иванов уехал в Крым, Слонимский собирается тоже на юг, Лунц получил заграничный паспорт, Никитин едет с Пильняком в Лондон, Каверин с молодой женой пропадает где-то в Псковской губернии,— все расползлись. Один я сижу смирно и грузно: ращу дочь и умиляюсь своими отеческими чувствами.

Сердечный привет вам и Владиславу Фелициановичу [8].

Любящий вас Конст. Федин

[1] См. письмо 4, прим. 5.

[2] По-видимому, речь идет о не дошедшем до нас письме Горького. См. Горький — Слонимский, письмо 12, прим. 2.

[3] В личной библиотеке Горького сохранились книги I и II альманаха «Круг» за 1923 г. с большим количеством помет Горького на полях и в тексте. Пометы эти, главным образом, указывают на погрешности языка и ненужные заимствования в ряде произведений. Так, в повести Б. Пильняка «Третья столица» (кн. I), на стр. 207 Горький, подчеркнув большую часть текста, написал на полях: «А. Белый!», а в отдельной заметке «Русский язык» указал: «Бор. Пильняк в повести „Третья столица“ пишет: „В поезде был вагон детских *сосков*, закупленных за границей Внешторгом. Впоследствии выяснилось, что вместо *сосков* оказалась в вагоне другая резина“.

Б. Пильняку, видимо, не совсем ясна разница между соском и соской» (АГ).

В повести Федина «Анна Тимофевна» Горький также отметил ряд стилистических погрешностей. По-видимому, об этом Горький писал в вышеупомянутом письме Слонимскому. См. также письмо 11.

[4] Намек на Б. Пильняка, который жил в Коломне, под Москвой. Быт и нравы дореволюционной Коломны Пильняк изобразил в рассказе «Колымен-город» (Сб. «Быльё», М., «Звенья», 1920).

[5] «Города и годы».

[6] См. письмо 4, прим. 5. Сборник К. Федина «Пустырь» «Изд-вом писателей в Берлине» издан не был.

[7] Трагедия Л. Лунца «Вне закона» напечатана в «Беседе», 1923, кн. 1; «Бертран де Борн»; — см. письмо 4, прим. 12.

[8] В. Ф. Ходасевичу.

7

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

〈Сорренто. 6 июля 1924 г.〉

Дорогой Федин, я получил письмо от Слонимского, он предлагает мне написать статью о Лунце [1]. Я уже пробовал сделать это, но — не сумел. Не вышло. И — вижу — не выйдет. Не знаю почему. Принужден отказаться от участия в сборнике и сожалею об этом.

Я мало знал, мало наблюдал Лунца, но мне он и лично нравился — своей скромностью, серьезностью, и как на литератора я возлагал на него большие надежды. Талант чувствовался в том, как он смотрел на людей, в его хороших глазах. Какая бессмысленная смерть!

Как живете вы, что делаете? Давно уже не имею писем ни от одного из вас — впрочем, на днях писал Зильбер. но, так сказать, «деловое» письмо,

не о литературных работах ваших, что меня глубоко интересует. Может быть, вы напишете, что делается вами и другими Сер⟨апионами⟩, в каком вы — и др⟨угие⟩ ⟨отношении⟩ — к «Русс⟨кому⟩ современнику»[2], кто такой Леонов, нет ли новых «начинающих» и т. д.?

Буду очень благодарен. Жму руку.

А. Пешков

6.VII.24. Sorrento.

[1] В письме от 31 мая 1924 г. М. Л. Слонимский просил Горького написать статью для сборника памяти Л. Лунца, умершего 8 мая 1924 г. Сборник не был осуществлен. Позднее Горький написал статью «Памяти Л. Лунца» («Беседа», 1924, № 5).

[2] О журнале «Русский современник» см. Горький — Каверин, письмо 12, прим. 4.

8

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Ленинград.
16.VII.1924.
Литейный, 33, кв. 13.

Дорогой Алексей Максимович,

только что распечатал ваше письмо и — как всегда, когда прикасаюсь к чему-нибудь, связанному с вами,— разволновался. Это очень хорошее чувство, и приходит оно очень редко. Я отодвинул в сторону свой роман [1], который начал угнетать меня, и *бросился* писать вам. Наверно, у меня сейчас смешной вид: я сижу один в пустой, громадной квартире и улыбаюсь. Письмо выйдет глуповатым, но мне хочется как-нибудь передать вам мое взволнованное хорошее чувство.

Я собирался сто раз написать вам и все откладывал. Хотелось «выступить отчетно», рассказать о том, что сделал за эти годы, и «приложить документ» — книжку. Вообще — похвастаться. Ну, о себе — в конце.

Жалко, что вы не можете написать о Лунце. Мы собирались выпустить небольшой сборник статей о нем, чтобы отметить его значение для молодой — «начинающей» — русской литературы. Ваша статья предназначалась для этого сборника. Лунца никто не заменит. Не только для Серапионов. Ведь Серапионы — малая толика в новой пажити «братьев» по искусству. Все они слушали с любовью неистовые призывы Лунца к новой сюжетной новелле, к новому романтическому театру. Я прилагаю к этому письму заметку, написанную мною в тот день, когда пришло известие о смерти Лунца [2]. В ней мне не нравится предпоследняя фраза. В тот момент, когда на нас свалилась эта смерть (странно, мы ждали ее со дня на день, но она все-таки ошеломила нас), мне казалось, что она сплотит нас. Но это случилось, может быть, на один вечер. Конечно, каждый из нас переболел по-своему утрату. Но мы связаны теперь прошлым и личной дружбой, а не той литературной порукой, которая скрепила в свое время братство. Мы не распались, потому что Серапионы существуют вне нас. Одно это имя, живущее своей жизнью, держит нас вместе, помимо нашей воли, а для некоторых и против воли. Вероятно, так когда-то некоторых писателей держало вместе имя декадентов или символистов. Ведь не случайно, что мы не сумели выпустить больше одного серапионовского альманаха [3], в то время как каждый из Серапионов издал по две, по три, по десяти книг. И даже смерть кого-нибудь из нас, как смерть Лунца, вырвав из жизни личного друга, вырвав брата, ничего не изменит в «литературном обществе Серапионовы братья». Это общество дифференцировалось, братья стали подрастать, приобретать привычки, оттачивать характеры. Мы часто бываем вместе, мы любим бывать вместе, но наши встречи обусловлены привычкой, дружбой, необходимостью, *но не потребностью*. Потребность жить и работать в братстве исчезла с условиями и романтикой голодного Петербурга.

Я говорю обо всем этом с болью, как скажут вам об этом Слонимский, Зощенко, Каверин, Тихонов, сказал бы Лунц. Для Никитина Серапионы были только трамплином. Всеволод в глубине души относился к нам не как к братьям, а как к сыновьям.

Это — не панихида. Я верю в Серапионов. Каждый из нас или все вкупе что-нибудь сделаем в литературе. Мне просто грустно, что мы... что я не могу написать вам: Серапионы крепнут с каждым часом!

Теперь по очереди обо всех.

Слонимский выпустил новую книгу — «Машина Эмери»[4]. Для него — новые темы, новый материал. Он увлекся «производством», второе лето ездит в Донецкий бассейн. На днях вернулся в Петербург, привез кучу записей, сел писать. Начал роман [5]. Каверин пишет тоже роман [6], впервые делая попытку ввести в рассказ русский живой материал и почти отказываясь от схематики. Сюжет, конечно, авантюрный. Зощенко вынужден по-прежнему писать для юмористических журналов. Это ему, очевидно, вредит, он устал, износился. В книгу, которую он вскоре выпускает, войдут два новых рассказа в духе «Аполлона и Тамары»[7] — сентиментальные и немного стилизованные. У Тихонова изумительные стихи. Работает он неустанно, добивается, отказывается, идет упрямо и стремительно, как конь. Пастернак, Маяковский уже позади. Он теперь один, на воле, веселый и крепкий. Почитали бы вы в наших журналах, — какое множество появилось «подтихоновцев»,— везде и всюду «Баллады». А Тихонов давно уже бросил все эти песни про гвозди, пакеты и отпускных солдат и живет «на доходы» с популярнейших своих прекрасных поэм, над которыми тоже смеется [8]. Жалко, что вы, кажется, не знали Тихонова. Удивительный человек. Всеволод написал еще роман — «Северосталь»[9]. Судьба этого произведения горька: он переделывал его раза три, а от него требуют новых и новых поправок. К сожалению, никто из нас не читал этого романа. Всеволод живет большей частью в Москве, наезжает сюда редко, летом катается по югу. Говорят, что он написал очень хорошую повесть о похождениях портного [10] — в необычном для него стиле и духе. О Никитине мне лень говорить. Разве что — недавно у него родился сын. Впрочем, еще: он выпустил книжку под названием «Сейчас на Западе»[11], где с легкостью необычайной рассказывает об англичанах, немцах и бельгийцах, которых он видел из окна вагона и гостиницы в прошлогоднюю свою поездку. Книжка может поспорить разве только с «Английскими рассказами» Пильняка [12], который тоже съездил в Англию и «изучил» в корень всю западноевропейскую цивилизацию...

К «Рус‹скому› совр‹еменнику›» Серапионы относятся сдержанно. Он не то что бы академичен, а как-то сух, строг и в то же время неровен. Есть много наивностей. В отделе критики самые живые люди засыхают, потому что чувствуют накрахмаленное окружение. Пока еще есть надежда на то, что журнал выровняется. Однако... какие же мы «современники» Кузьмы Пруткова, Щедрина и даже Андреева?[13] Я дал рассказ «Тишина»[14] для одного из ближайших номеров; пойдет, вероятно, в № 3. Это — единственный рассказ, написанный мною во время работы над романом. Написал я его после житья в Дорогобужских дебрях, в деревне, где еще жгут лучину и верят одним колдунам. Он вышел чуточку старомодным, вроде «Сада». Я отдыхал на нем от тряски и ухабов романа, в котором еще не все отстоялось и многое не отстоится вообще.

Этот роман занимает меня целиком вот уже почти два года. Сейчас я оканчиваю его, в августе сдаю в набор. Выйдет он осенью, сразу книгой. Кое-какие главы будут напечатаны в журналах [15], но целиком провести роман в журнале не удастся. Название его — «Города и годы». Материал — война и — отчасти — революция. На три четверти роман германский: действие развивается в немецком городишке, на фоне

обывательского «тыла». Я до такой степени влез в Германию, что сплошь и рядом не пишу, а «перевожу» с немецкого, думаю по-немецки и чувствую. Когда перехожу на русскую землю, к русским людям, к русской речи — испытываю непреоборимые трудности: чужой материал! Я попробовал в этом романе сдвинуть пласты общественного материала механикой авантюрно-романического сюжета. Но я — не Каверин, не часовщик и не математик, и — вероятно — расчеты мои очень часто неверны: то чересчур много общественности и мало авантюры, то наоборот. Композиция — самая трудная на свете вещь. На первый взгляд в большом романе («Города и годы» будут по объему листов 17) легко спрятать концы в воду, а на деле, наверно, всякая лишняя косточка торчит и выпирает корявой стрехой.

Как только выйдет книжка, пошлю вам, дорогой Алексей Максимович, и буду просить о подробном сужденье — оно мне очень дорого.

Леонов — москвич. Я не знаю его. Всеволод говорил, что он — славный парень. Вышло три его книжки: «Петушихинский пролом», «Туатамур» и «Деревянная королева»[16]. Первая — сказ. Вторая — повесть о Чингис-хане, сделана *очень* хорошо: рассказ о России, какой ее нашел азиатский победитель,— его словами, сквозь его глаза. Третья — в духе Гофмана, но слабо. Знаю еще о Леонове, что он — зять Сабашникова и что — поэтому — все его книжечки роскошно изданы. Повесть, которая печатается в «Русск⟨ом⟩ совр⟨еменнике⟩» — стилизация мало известной книжечки «Автобиография и стихотворения купца-самоучки М. А. Поликарпова»[17]. Я сравнивал «Записи Ковякина»[18] с этой книжечкой. Поликарпов, конечно, разительнее.

В Москве шумит последнее время Бабель. Этот человек пробыл долгое время в коннице, а вернувшись, высыпал целый сундук рукописей и затопил ими московские редакции. От него все в восторге. Кажется, должен быть обижен Зощенко, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ Бабель разжижил его и в сказ Синебрюхова[19] ввел одессизмы.

Вот — все, что мне пришло на ум сейчас, под впечатлением от вашего письма. Может быть, что-нибудь и пропустил.

Простите ради бога, что намазал в письме и начиркал.

Желаю вам здоровья. Как вы чувствуете себя сейчас, на юге?

Любящий вас
Конст. Ф е д и н

У меня хорошая дочь Нинка — ей скоро два года. Это — самое главное в моей личной жизни. Ну, конечно, еще роман...

[1] «Города и годы».

[2] «Лев Лунц».— «Жизнь искусства», 1924, № 22.

[3] «Серапионовы братья». Альманах первый. Пг., «Алконост», 1922. В дополненном виде альманах был переиздан под заглавием «Серапионовы братья. Заграничный альманах». Берлин, «Русское творчество», 1922.

Как сообщает Федин, оба издания этого сборника печатались без участия Горького, но им предшествовал неосуществленный альманах, который готовился под руководством Горького и должен был выйти с его предисловием в издательстве З. И. Гржебина. (См. Горький — Слонимский, письмо 2, прим. 2).

[4] «Машина Эмери». Пг., «Атеней», 1924.

[5] Возможно, что речь идет о романе Слонимского «Лавровы». Первая публикация в «Звезде», 1926, №№ 4—5. Отдельное издание — М.—Л., Госиздат, 1927.

[6] Повесть «Конец хазы» (альманах «Ковш», кн. 1. Л., Госиздат, 1925). Отдельное издание — Л., Госиздат, 1925.

[7] В 1924 г. Зощенко выпустил два сборника рассказов «Аристократка». П.—М., «Новелла», 1924; «Веселая жизнь», Ленгиз, 1924. Рассказ «Аполлон и Тамара» вошел в сб. «Рассказы». Пг., «Картонный домик», 1923.

[8] Речь идет о поэмах Н. Тихонова 1924 г.: «Лицом к лицу», «Красные на Араксе» «Дорога».

[9] Роман Вс. Иванова в печати не появлялся, за исключением отрывка, напечатанного в «Красной нови», 1924, № 5.

[10] Вс. Иванов. Чудесные похождения портного Фокина. Л., ГИЗ, 1925.
[11] Н. Никитин. Сейчас на Западе. Пг., «Петроград», 1924.
[12] Б. Пильняк. Английские рассказы. М.—Пг., «Круг», 1924.
[13] В 1-м номере журнала «Русский современник» были напечатаны стихи и пародии Козьмы Пруткова, водевиль Л. Андреева «Конь в сенате» и др.
[14] «Тишина».— «Русский современник», 1924, № 4. См. письмо 15.
[15] Отдельные главы и отрывки из романа «Города и годы» печатались в журналах «Россия» (1922, № 4), «Звезда» (1924, № 4), альманахах «Наши дни» (кн. 4. М., Госиздат, 1924), «Литературная Россия» (№ 1. М., 1924) и других изданиях.
[16] Книги вышли в Москве в изд-ве М. и С. Сабашниковых: «Петушихинский пролом», 1923; «Туатамур», 1924; «Деревянная королева». Сборник рассказов. 1923 (экземпляр книги с пометками Горького хранится в его личной библиотеке).
[17] Речь идет о книге М. А. Поликарпова «Стихотворения (С автобиографией автора)». СПб., 1908.
[18] Л. Леонов. Записки некоторых эпизодов, сделанных в г. Гогулеве А. П. Ковякиным.— «Русский современник», 1924, №№ 1 и 2.
[19] Синебрюхов — персонаж ранних рассказов Зощенко. См. «Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова». Петроград — Берлин, «Эпоха», 1922; «Рассказы Синебрюхова», Берлин, «Эпоха», 1923 (экземпляр книги хранится в личной библиотеке Горького) и другие издания.

9

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

⟨Сорренто. 28 июля 1924 г.⟩

К. Федину

Дорогой Федин,

спасибо вам за интересное письмо, тоже очень взволновавшее меня и тоном его, и содержанием. «Я говорю об этом с болью»,— пишете вы, изображая процесс «оттачивания» характеров в среде Серап⟨ионовых⟩ братьев. Я прочитал эти слова с радостью, она будет, конечно, понята вами, если я скажу, что процесс «оттачивания» характеров есть процесс роста индивидуальностей, с чем и вы, наверное, согласитесь. Это — положительное явление социальной жизни. Величайшие эпохи возбуждения духа творились, творятся и долго еще будут зависеть от духовной энергии индивидуумов. Итальянское — сиречь общеевропейское — «возрождение» было торжеством индивидуализма. Вам, может быть, покажется парадоксальным взгляд на современную русскую действительность тоже как на возрождение индивидуализма? Но я думаю, что это именно так: в России рождается большой человек, и отсюда ее муки, ее судороги.

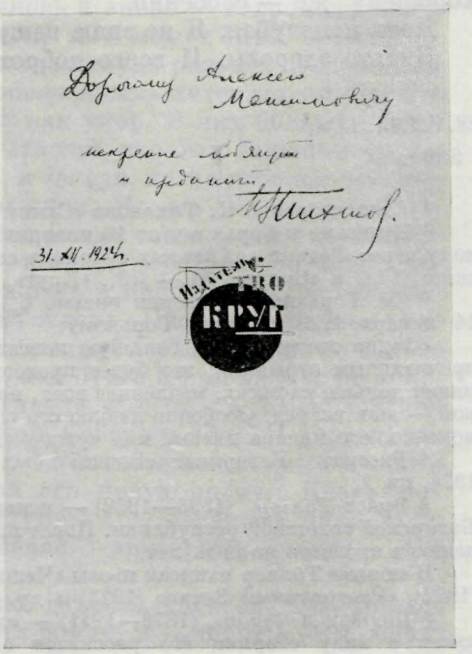
Мне кажется, что он везде зачат, этот большой человек. Разумеется, люди типа Махатма Ганди еще не то, что надо, и я уверен, что Россия ближе других стран к созданию больших людей. Это отнюдь не мешает коммунизму и социализму, а они, в свою очередь, не в силах помешать этому, ибо — тут процесс стихийный, тут как бы совершается создание нового атома, дабы он организовал некое новое психическое существо.

Те стихи Тихонова, которые мне удалось прочитать, рисуют предомною автора человеком исключительно талантливым, хотя он и пишет иногда плохо, пример — поэма об индийском мальчике [1]. Есть у Тих⟨онова⟩ изданные стихи? Не пришлет ли он мне? [2] Спросите.

О том, что вы затеяли роман, мне писал Каверин, писал Лунц [3]. Очень жду: что вы сделаете? И очень уверен, что это будет серьезная, внутренно большая вещь.

По вашему письму видно, что вы становитесь «одержимым», обреченным литератором. Чувствуется это и в письмах Слонимского, Каверина. Кстати: его «Бочка» [4] вещь совершенно несделанная. Он взвешивает свою фантазию в воздухе, и она у него как пылинка в луче солнца,— радужно, а — что это такое? Не поймешь и не волнует. А если не волнует, значит не совершенно, не поэзия, не красиво и еще сто не.

И не верьте, когда говорят, что будто бы Европа отчего-то и как-то погибает. Здесь идет процесс быстрого отмирания всего, что больше не нужно. А Европа остается — в целом — большим, зорким, умным человеком, который и хочет, и будет жить. То, о чем пишут газеты, только возня политических кашеваров, нечто инертное и автоматическое. А то, о чем они не пишут,— «быт» — являет собою картину удивительного напряжения чувств и мыслей. Говоря «быт»—я говорю именно о комплексе чувств и мыслей, о ненависти и жалости к людям, о чувстве недоумения



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ Н. С. ТИХОНОВА ГОРЬКОМУ НА КНИГЕ СТИХОТВОРЕНИЙ «БРАГА» (М.— Пб., 1922):

«Дорогому Алексею Максимовичу искренне любящий и преданный Н. Тихонов. 31.XII.1924 г.» Личная библиотека Горького

пред жизнью, о том, что́ испытывает здоровый человек, пережив кошмар.

Для современности характерен Толлер [5], который пишет комедию, сидя в тюрьме, и, считаясь коммунистом, нежно любит людей, Шервуд Андерсон [6], неожиданное явление американской литературы, невозможное десять лет тому назад, старик Гамсун, с его последними книгами [7], фантастический Пиранделло [8] и тот же Тихонов, у которого есть какая-то удивительная черта: он живет бегом и прыгает через все, что ему внутренно мешает.

Леонова я читал две вещи: Ковякина и «Конец лишнего человека» [9]. Ковякин — это все еще «Уездное» [10] и «Городок Окуров», «Конец» — это очень Достоевский. Написал, чтоб мне прислали его книги.

В «Отчете Акад〈емии〉 наук» [11] вы найдете хвалу и благодарность некоим Элькину и Смотрицкой, они собрали 79 ящиков различных предметов культа и быта островов Меланезии. Я знаю этих людей: он — рабочий, металлист, она — учительница. Бежали от Колчака и четыре года путешествовали, живя — она — уроками языков, он — сваривал металлы

а попутно собрали изумительно полную — по словам Академии — коллекцию.

Вот — люди наших дней. Они живут в горах Атласа, в древней Нумидии, в Бразилии и Патагонии, могут жить на луне. Я читаю их письма, вижу, на фотографиях, их донские, кубанские, нижегородские рожи и, знаете, радуюсь. Удивительный народ. Всё поглощающий народ. Толк — будет. Так или иначе, а — будет толк!

Еще раз — спасибо за письмо. Очень, очень желаю вам успеха в работе, и здоровья, и маленьких радостей, необходимых всякому человеку, хорошему же — особенно.

Дочь поцелуйте. Я не знаю вашу жену?

Будьте здоровы. И всего доброго.

А. Пешков

28.VII.24.

Sorrento

[1] Стихотворение Н. Тихонова «Сами».

[2] В письме к Горькому от 10 января 1925 г. Тихонов сообщал, что послал Горькому через Федина два первых сборника своих стихотворений: «Орда». Пг., «Островитяне», 1922 и «Брага». (М.— Пб., «Круг», 1922). См. письмо 15, прим. 1.

[3] См. Горький — Каверин письмо 6, от 12 ноября 1923 г. Л. Лунц в письме от 14 января 1923 г. писал Горькому:

«Федин пишет сейчас большую повесть (называет ее роман — неверно). Судя по прочитанным отрывкам, это будет превосходная вещь. В Федина я очень верю. Он пишет дольше нас всех, медленнее всех, но работает верно и твердо. С каждой новинкой — шаг вперед. Особенно люблю его спокойный язык без вывертов, хоть в общем, конечно, его манера письма мне чужда» (АГ).

[4] Рассказ Каверина «Бочка» был напечатан в «Русском современнике», 1924, кн. 2.

[5] Эрнст *Толлер* (1893—1939) — немецкий драматург — один из руководителей Баварской советской республики. После падения республики был приговорен к заключению в крепости на пять лет.

В тюрьме Толлер написал пьесы «Человек-масса» (1921), «Разрушители машин» (1922), «Раскованный Вотан» (1923) и др.

[6] Шервуд *Андерсон* (1876—1941) — американский писатель. Горький, очевидно, имеет в виду сборник его рассказов об американской провинции «Уайнсбург, Огайо» (1919), переведенный С. Д. Матвеевым на русский язык в 1924 г. (М., Госиздат).

Рецензия на книгу Андерсона была напечатана в «Русском современнике», 1924, № 3.

[7] По-видимому, речь идет о романах К. Гамсуна «Соки земли» (1919) и «Женщины у колодца» (1920—1923).

[8] Горький имеет в виду полуфантастическую пьесу Луиджи Пиранделло «Шесть персонажей ищут автора» (1921).

[9] См. письмо 8, прим. 18. Речь идет о повести «Конец мелкого человека» («Красная новь», 1924, № 3).

[10] Повесть Е. Замятина «Уездное». См. письмо Горького Колоколову в наст. томе.

[11] «Отчет о деятельности Российской Академии наук в 1923 году». Л., 1924 стр. 118—119.

10

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Ленинград, 7.XII.1924.
Литейный, 33, кв. 13.

Дорогой Алексей Максимович.

На этих днях я послал вам только что вышедший роман свой «Города и годы»[1]. Я сделал это с особой радостью и с особым нетерпением ожидаю от вас отзыва. В сущности, этот роман — всё, что я мог сказать об изумительной полосе своей жизни и жизни двух народов, с которыми связана моя судьба. Я припоминаю, как вы однажды сказали о пороке русских

литературных произведений: во всех них отсутствует герой. Традиция оказалась сильнее меня, и как ни героична эпоха, о которой я писал, герой мой прочно удержал наследие своих литературных предков. Но я не ставил себе задачей героизировать лица своей повести, а только хотел показать характер эпохи и стремился сделать это правдиво.

В писательском отношении книга моя — отчет в работе за три последних года. Вот почему я не писал вам о множестве своих литературных волнений, хотя писать хотелось. Я не уверен, что, написав роман, я вышел победителем хотя бы из части тех сражений, которые приходится вести с вопросом «как писать». Трудности — вновь и вновь — нагромождаются вокруг меня, я ни минуты не знаю покоя, и — может быть, поэтому — мне хочется писать теперь больше, чем когда-нибудь раньше. Ваши слова о том, что я становлюсь «одержимым, обреченным» литератором (вместе с другими Серапионами), я почувствовал как укор. В них большая доля правды, горькой для меня. Я объясняю это тем, что был слишком упрям в стремлении своем стать «литератором», и теперь, когда добился возможности стать им, упиваюсь литературным ядом. Но это — только объяснение. Я вижу, что жизнь, проходившая прежде через меня, понемногу пошла сбоку от меня. Я помню, как вы, в каждую встречу со мной, поражали меня вашим даром видеть всю жизнь в целом. И я восхищался вашим вкусом ко всему, из чего сложена жизнь. Письмо ваше меня поразило именно этой неумирающей вашей жаждой все знать. Где-то далеко от России вы слушаете и слышите ее так, как будто бы ни на час не покидали ее. Так здесь, в Питере, вы стягивали у себя на Кронверкском бесчисленные нити со всех концов Сибири, Севера и Юга. Я уверен, что вам пришелся бы по душе Н. Тихонов — действительно, самый мощный поэт наших дней. (Мы недавно слушали его новую поэму о Кавказе — «Дорога»[2] — и сходим сейчас от нее с ума.) Он, вероятно, никогда не станет только «литератором», да и сейчас — «литератор» меньше нас всех.

За ваше письмо горячо благодарю вас, дорогой Алексей Максимович. Оно пришло в то время, когда я кончал роман, и — правда — я обязан ему бесконечно многим, как вам вообще. Я не ответил на него тогда же только потому, что не мог ни о чем говорить, кроме как о своей работе. Думал, что исцелюсь, «изгоню беса», да, видно, ошибся, пишу все о том же, простите... Рассчитывал написать потом с Кавказа, где отдыхал месяца полтора. Но Кавказ обленил меня и развратил до крайности. Я не ожидал ни такой пышности, ни такого безделья. Это не страна, а какая-то пастила, и люди там, как карамель. И — конечно — это не Россия! Мы там даже не гости, а так, какие-то пассажиры: дышим, пока нас не стряхнул под откос возница. Я жил некоторое время в Гудаутах, где к моему дому в сумерки подбирались стаями шакалы и выли всю ночь напролет. Бродил по реке Келасури (под Сухумом) и был в гостях у честных абхазских разбойников, которые платят налоги на украденные табуны скота. Бывал дважды на Нов⟨ом⟩ Афоне, где теперь «совхоз» и несколько престарелых монахов в качестве привратников и «спецов» по виноделию, маслинному хозяйству и пр. Остальная братия рассеялась по свету, не пожелав снять рясу, ловит кефаль, торгует на майдане в Тифлисе и просит Христа ради в Туапсе. Живут. Жил я в Тифлисе, Сухуме, Батуме. Юг был для меня неожиданностью, которая потрясла воображение. Но, проснувшись однажды в вагоне, где-то в Орловской губернии (незадолго перед тем я купался в море) и увидев простую, как блюдо, землю, в снегу, под сереньким небом, и черную цепочку подвод, дергавшуюся по первопутку куда-то в даль от поезда,— увидев это, я внезапно ощутил такую радость, что чуть не заплакал. И потом выскакивал, раздевшись, на каждую станцию, чтобы постукать каблуками по замерзшей слегка земле платформы

и вдохнуть крепкий душок молодого снежка. Как хорошо побывать в чужой стране, когда есть своя!

После этой поездки мне стало веселей житься. Но было бы еще лучше, если бы мне удалось совершить какое-нибудь дальнее плавание. И тут мне приходит на ум, что вы могли бы помочь мне выбраться в Италию [3]. Дело в том, что в мае будущего года во Флоренции состоится вторая международная книжная выставка, в которой примет участие и Гос⟨ударственное⟩ изд⟨атель⟩ство, в лице Ионова [4]. Ионов теперь заведует всем Г⟨осударственным⟩ изд⟨атель⟩ством (Моск⟨ва⟩ влилась в Петербург). Может быть, вам возможно будет замолвить слово Ионову о том, чтобы он командировал меня во Флоренцию для устройства отдела прозы, поэзии и истор⟨ии⟩ литературы в русском павильоне? Эта мысль, впрочем, пришла мне в голову только сейчас, за письмом, и я не знаю, стоящая она или нет. Прошу вас, дорогой Алексей Максимович, не отзываться на нее вовсе, если это почему-нибудь неудобно. За границу рано или поздно я выберусь.

Шлю вам самый искренний привет, желаю здоровья. Здесь было много противоречивых сведений о вашей болезни. Что с вами? — Жена кланяется вам. Вы можете помнить ее: она служила у Гржебина —Дора Сергеевна Александер [5],— трещала на ундервуде. Она передала вам мои рукописи, после чего вы и узнали обо мне.

Еще раз — всего доброго вам, главное — здоровья.

Ваш Конст. Федин

[1] Федин послал Горькому отдельное издание романа «Города и годы» (Л., Госиздат, 1924) с надписью: «Алексею Максимовичу Пешкову от любящего автора. Ноябрь 1924».

В личной библиотеке Горького хранится экземпляр книги с большим количеством помет в тексте и на полях.

[2] Напечатана в альманахе «Ковш», кн. 2. Л., Госиздат, 1925.

[3] Поездка в Италию осуществлена не была.

[4] См. Горький — Тренев, письмо 35, прим. 3.

[5] Дора Сергеевна *Федина* (*Александер*) (1895—1953).

11

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

⟨Сорренто. 13 декабря 1924 г.⟩

К. Федину

Дорогой сотоварищ,

получил «Города и годы» [1], благодарю вас! Книгу прочитал сразу, «в один присест», затем, с удовольствием, прочитал сегодня еще раз. Интересная книга и сделана интересно, местами очень чутким художником, но иногда задумываешься: не соблазняет ли вас Эренбург, этот нигилист на все руки и во сто лошадиных сил. Это — там, где вы, подчеркивая немецко-мещанскую тупость и фетишизм «дисциплины», прибегаете к плакатам, но не там, где у вас моют улицу. Улицу моют превосходно. Вам, художнику, мешают — на мой взгляд — иронические отступления; ценности их я не отрицаю, но — против излишества.

Очень хороша фигура Лепендина, а его песенка — превосходна! Так же хороши Покисен и Голосов. В общем — удачная книга, и я вас от всей души поздравляю!

Но позвольте указать на некоторые неточности языка, например: стр. 13 «треснутый» лист железа, 71-я «не похитимый патент», 309 «колче холод» — это все сомнительно, 326 «визжал, как зарезанный» — визжать зарезанному не полагается, недорезанному — да!

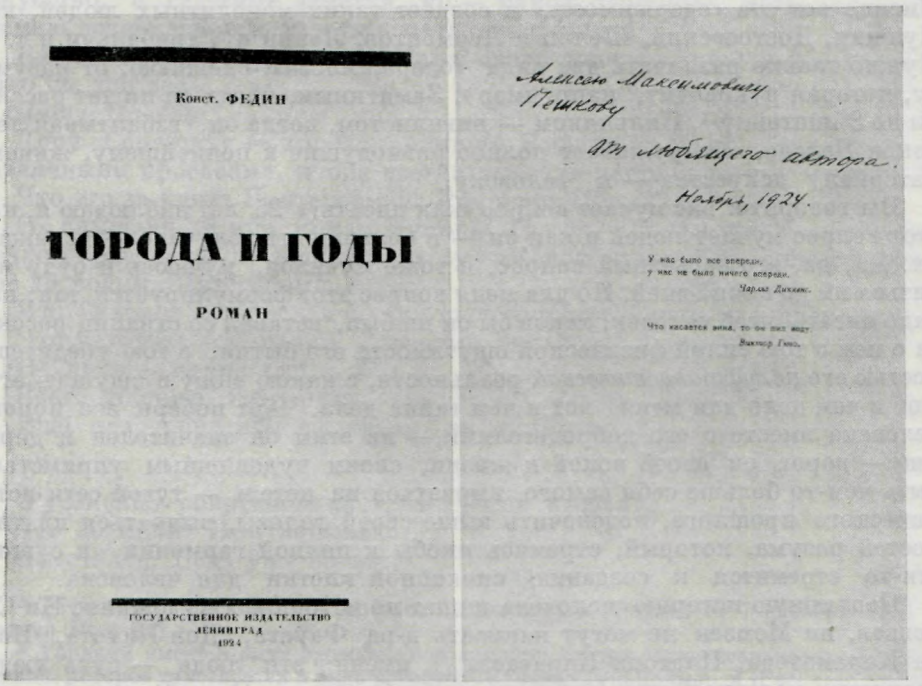
От этих шатких словечек лучше избавиться.

В «Анне Тимофевне»[2] у вас: «жутко ей от носящейся в снежных саванах головы вихрастой» — здесь двусмысленность, спутаны глаголы носиться и относиться.

Есть у вас и такая фраза, в точках:

«В умятый снег вросли тупоносые, круглые валенки,— неподвижны парни, молчаливы».

От этих неуклюжестей в новой книге вы избавились, язык ее богаче, красивей и точнее и вообще она звучит более «культурно», чем множество других современных книг, более «европейски».


Конст. ФЕДИН

ГОРОДА И ГОДЫ

РОМАН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1924

Алексею Максимовичу
Пешкову
от любящего автора.
Ноябрь, 1924.

У нас было все впереди,
у нас не было ничего впереди.
Чарлз Диккенс.

Что касается меня, то он шел вперед.
Виктор Гюго.

ДАРСТВЕННАЯ| НАДПИСЬ К. А. ФЕДИНА ГОРЬКОМУ НА РОМАНЕ «ГОРОДА И ГОДЫ» (Л., 1924):

«Алексею| Максимовичу Пешкову от любящего автора. Ноябрь, 1924».
Личная библиотека Горького

С печалью вижу, как мало обращает внимания молодежь на язык, стремясь не к пластичности фразы, а к фигурности ее, редко удивляя и почти никогда не убеждая.

Очень подкупает в вашу пользу серьезность намерений ваших и мужественное отношение к фактам. И очень я рад за вас.

Будьте здоровы, пишите больше.

Крепко жму руку.

А. Пешков

13.XII.24. Capo di Sorrento

P. S. Мордва хороша. Шенау — тоже. Откуда вы знаете мордву?

[1] См. письмо 10, прим. 1.
[2] См. письмо 4, прим. 5.

12

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

〈Сорренто.〉 20.XII.24.

Дорогой дружище,

три, четыре дня тому назад я послал вам письмо по адресу Госиздата, заказным. Сейчас получил ваше [1].

Меня искренно радуют ваши слова: «хочу писать теперь больше, чем когда нибудь ранее». Это — очень хорошо! В моих словах, что вы становитесь «одержимым, обреченным» литератором,— не было скрытого укора, вы ошибаетесь. Одержимость, обреченность — неизбежна, необходима для человека, который всем существом своим любит дело и предан ему. Именно вот эта «одержимость» и создает таких монолитных людей, как Пушкин, Достоевский, Шелли и Лермонтов, Ленин и Гарибальди и т. д. Нужно только различать два вида «одержимости»: внешнюю, от разума, ту, которая руководит, напр〈имер〉, Замятиным, когда он пишет рассказы по Эйнштейну [2], Пильняком — нигилистом, когда он, взбалтывая лексикон Белого, обнаруживает полное равнодушие к ценнейшему, живому материалу искусства — к Человеку.

Вы говорите: вас мучает вопрос «как писать?» 25 лет наблюдаю я, как этот вопрос мучает людей и как он — в большинстве случаев — искажает их. Да, да, это серьезный вопрос, я тоже мучился, мучаюсь и буду мучиться им до конца дней. Но для меня вопрос этот формулируется так: как надо писать, чтоб человек, каков бы он ни был, вставал со страниц рассказа о нем с тою силой физической ощутимости его бытия, с тою убедительностью его *полуфантастической* реальности, с какою вижу и ощущаю его? Вот в чем дело для меня, вот в чем тайна дела. Чёрт побери все пороки человека вместе с его добродетелями,— не этим он значителен и дорог мне,— дорог он своей волей к жизни, своим чудовищным упрямством быть чем-то больше себя самого, вырваться из петель — тугой сети исторического прошлого, подскочить выше своей головы, выдраться из хитростей разума, который, стремясь якобы к полной гармонии, в сущности-то стремится к созданию спокойной клетки для человека.

Подлинную историю человека пишет не историк, а художник. Ни Соловьев, ни Момзен не могут написать д-ра Фауста, Дон-Кихота, Ивана Карамазова, Платона Каратаева, а именно эти люди — суть люди, творящие материал для Нибуров и Ключевских. Петр Великий — это Федор Достоевский, работавший не пером, а топором и дубиной.

Дело — не в словах, не в том, как поставить их, чтоб они звучали музыкально и гипнотически убеждали людей — в чем? Гениальные писатели почти все плохие стилисты, неважные архитекторы, а человек у них всегда пластичен до физической ощутимости. Лишь немногие из них соединяли искусство слова с поражающей убедительностью пластики, напр〈имер〉 Флобер.

«Как писать?» Мне кажется, что вы близки к решению этого вопроса для себя. Внимательный читатель, я ваших людей ощущаю даже тогда, когда они мне чужды, напр〈имер〉 — немец художник. Значит ли вышесказанное, что я отстаиваю приоритет «психологического» романа? Нет, не значит. Школы, тенденции литературы для меня значения не имеют и поучительны лишь внешне, поскольку они являются одним из признаков стремления человека делать свое дело как можно лучше, выражением его бесчисленных усилий найти в себе *суть самого себя*, коренное свое, человеческое.

«Вертер» — интересно, Новалис написал очень хороший роман, но согласитесь, что «Записки из подполья» или «Очарованный странник» показывают нам людей более значительных вовсе не потому только, что они — наши, русские, а потому, что они — больше люди.

Человек — существо физиологически реальное, психологически — фантастическое. Таков — Лепендин, вы это знаете? У Бабеля — все герои фантасты, может быть, это именно и делает их столь неотразимо живыми. Но разумеется, у Бабеля и обстановка фантастическая.

Мне кажется, Федин, что вы мало верите в свои силы. Самоуверенность — плохая штука, особенно для художника, но все-таки вам, думаю я, нужно прибавить веры в себя. Она явилась бы сама собою, если б вы задумались немножко, в какой мере важно и нужно то, что вы делаете. А ведь вы творите священное писание о человеке — ни более, ни менее. Вы будете писать, и вы должны писать хорошо.

Недавно прочитал книжку Чадаева «В гуще обыденного»[3]. Это — не искусство, а газетные заметки, но — какой огромный материал к познанию современности дает эта печальная книга!

Ваше желание посмотреть Италию очень понятно мне и очень полезно было бы для вас.

Пишу Ионову [4].

Дору Сергеевну — хорошо помню. Бывало — очень беспокоил ее различными просьбами, и она всегда любезно исполняла их. Привет ей.

Что это за книга Пантелеймона Романова «Русь»? [5]

Не слышали ли имя Роман Кумов?[6] Где он? Он выпустил небольшую книжку рассказов и написал пьесу «Конец рода Коростомысловых», еще до войны. Интересный.

Что Тихонов не прислал бы мне свои книжки? Стихи его прекрасны [7].

Что делают Слонимский, Зощенко, Зильбер?

Не лень — напишите!

Всего доброго, жму руку.

Еще раз — спасибо за книгу, за внимание.

А. Пешков

«Русск⟨ий⟩ совр⟨еменник⟩», 4-я — не вышел?

Что со мной? Прихварываю.

Измотался. Ведь уже 55 лет.

[1] Речь идет о письмах Горького от 13 декабря и Федина от 7 декабря 1924 г. (письма 10 и 11).

[2] Горький имеет в виду своеобразное влияние теории относительности А. Эйнштейна, которое чувствуется в ряде рассказов Замятина, например, в «Рассказе о самом главном» («Русский современник», 1924, № 1).

[3] В. Чадаев. В гуще повседневности. Бытовые очерки. 1923. Л., Госиздат, 1924.

[4] «Горький писал И. И. Ионову по поводу моего желания поехать во Флоренцию на книжную выставку. Ионов не говорил мне ничего о возможности осуществить поездку».— *К. Ф.*

Это письмо Горького к Ионову не обнаружено.

[5] П. Романов. Русь. Роман. М., изд. М. и С. Сабашниковых, кн. I, 1923; кн. II, 1924.

[6] О сборнике рассказов Р. П. Кумова «В Татьянину ночь» (Пб., «Жизнь для всех», 1913) Горьким была напечатана сочувственная рецензия («Современник», 1913, кн. 7). В АГ хранятся письма Кумова к Горькому, из которых видно, что Горький помогал ему как начинающему писателю.

[7] См. письмо 9, прим. 2.

13

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Ленинград. 28.XII.1924.
Литейный, 33, кв. 13.

Душевное спасибо за письмо[1], дорогой Алексей Максимович! Это — самая большая и самая желанная награда за мой труд. И — право — мне теперь почти безразлично, «как слово наше отзовется» [2] здесь, в среде, едва

ли не разучившейся отзываться. Ваш отклик на книгу углубляет для меня смысл моей работы — от всего сердца благодарю вас!

Я заметил странную вещь. Те части романа, которые представляют собою чистый вымысел, производят большее впечатление на читателя. Основанные на опыте, наблюдениях, на знании, иногда — просто факты редко порождают несогласие или возражения, но почти всегда остаются незамеченными. Мне и раньше доводилось наблюдать это любопытное явление, даже читать о нем, но только теперь оно мне кажется чем-то закономерным: так часто его подтверждают разговоры о моей книге. Лепендин — вымысел от начала до конца. Тоже — Шенау, тоже мордва, Покисен и пр. Мари ближе к действительности, Андрей, может быть, чересчур к ней близок. Я очень нерешительно писал о мордве: я не знаю ее. В детстве я слышал от матери рассказы о мордве Наровчатского уезда; как-то раз, в Хвалынском уезде, я повстречал мордвинов-рекрутов, которых отправляли на барже в губернию. Это всё. Остальное — из книг. Очевидно, можно отталкиваться от ничтожного «знания», вверяясь воображению, и часто глубокое знание только мешает художественной правде. Так ли это?

«Иронические отступления» не в моей природе. Я прибегал к ним в надежде умалить таким путем мрачную безнадежность самого предмета повествования, не допускающего, в сущности, иронического отношения. Ведь моя тема — ужас. Но мыслимо ли на протяжении сотен страниц говорить об ужасе в неизменно трагическом тоне? Честное слово, меня не смущали при этом лавры Эренбурга! Они не смущают меня вообще 〈...〉 Вероятно, из боязни сделать книгу однообразной, скучной, неодолимой для читателя, я увлекся контрастными приемами. Отсюда — плакат, не всегда нужный и не оправданный общим строем произведения.

Я принимаю ваши указания на неточности языка. Я бесконечно благодарен вам за них и только сожалею, что вы поскупились на замечания: для меня особенно дорого считать вас своим учителем, Алексей Максимович,— про себя я горжусь этим. Я чувствую, что еще не исцелился от манерности в языке, еще барахтаюсь в этих литературных пеленках. Выпутаться из них — в этом и заключается моя постоянная работа. Я всегда считал язык самым трудным делом в писательской работе, и меня гнетет сознание, что словарь мой убог. «Найти слово» — вот что всегда мучит меня, вот что тормозит на каждой строчке. Я рад, что вторая моя книга с языковой стороны благополучнее первой.

Получили ли вы мое письмо [3], отправленное вслед за книгой? Нельзя ли переслать для меня (хотя бы через Ионова) пятую книгу «Беседы»? Пожалуйста.

Мне хочется прочесть вашу заметку о Лунце и его пьесу [4].

Сообщаю вам новости:

1) женился Мих. Слонимский;

2) родилась дочь у В. Каверина;

3) при смерти, пожалуй, даже умерла «Всемирная литература»: ее «влили» в Гос. изд-ство. А. Н. Тихонов не у дел.

Все эти «акты гражданского состояния» совершились перед самым рождеством 1924 года.

«Р〈усский〉 современник»... еще выходит, выпущена 4-я книга, в ней, между прочим, мой рассказ «Тишина». Очень хочется знать ваше мнение об этом рассказе.

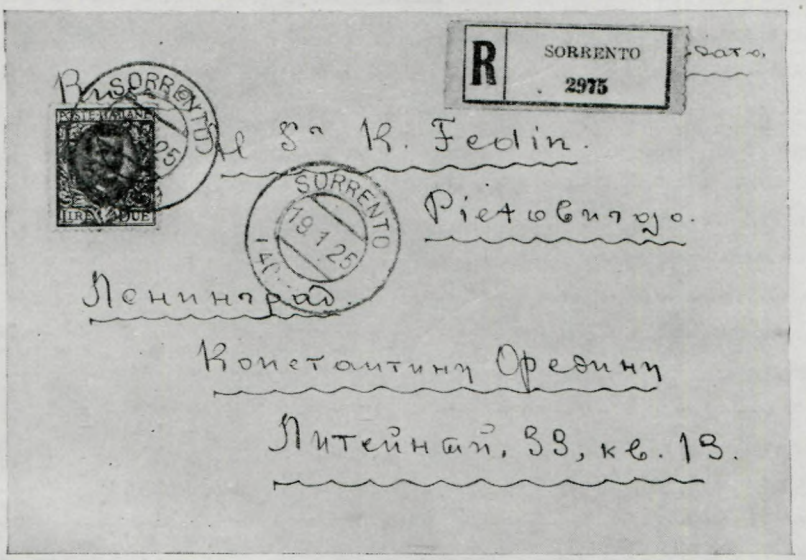
Всего доброго вам, дорогой Алексей Максимович,— главное — будьте здоровы! И еще раз — душевное спасибо вам за всё.

Ваш Конст. Ф е д и н

[1] См. письмо 11.
[2] Цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева:

«Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовется,
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...».

[3] Письмо 10.
[4] В 5-м номере журнала «Беседа» за 1924 г. были опубликованы статья Горького «Памяти Л. Лунца» и пьеса Лунца «Город правды».



КОНВЕРТ ПИСЬМА ГОРЬКОГО К. А. ФЕДИНУ ОТ 18 ЯНВАРЯ 1925 г.
Автограф
Собрание К. А. Федина, Москва

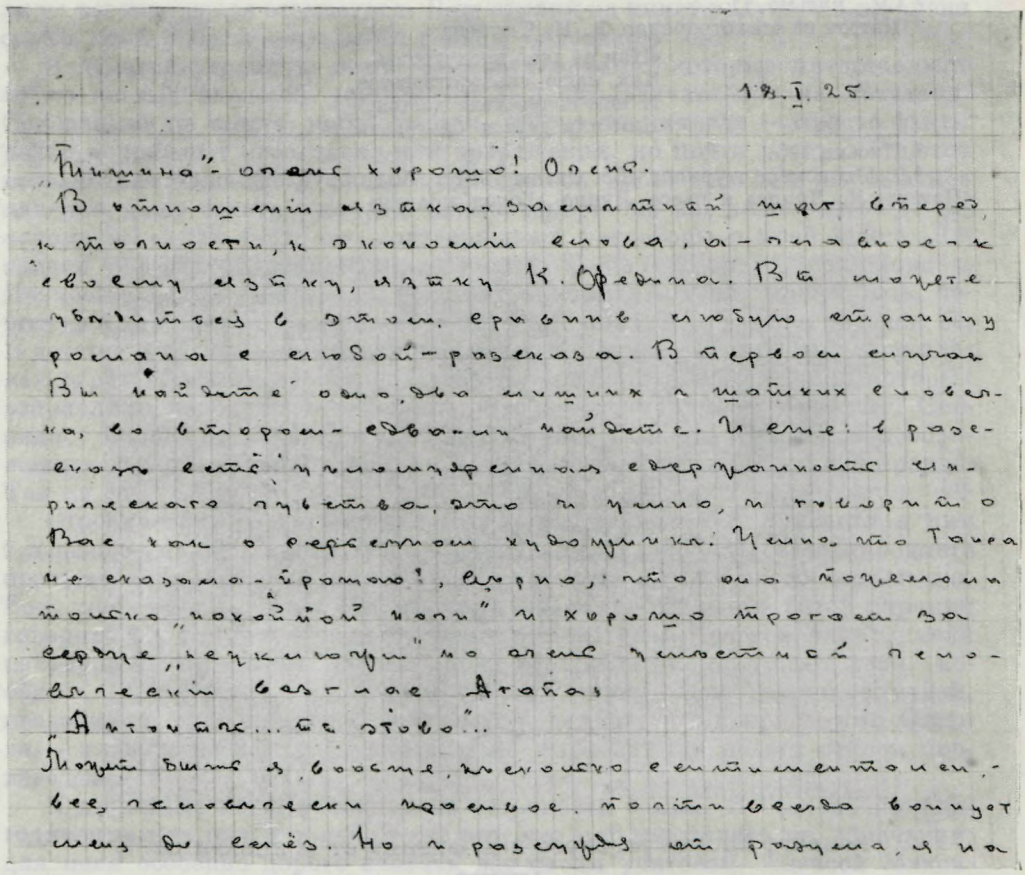
14

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

⟨Сорренто.⟩ 9.I.25.

«...Чистый вымысел производит большее впечатление на читателя»,— пишете вы. Мысль — верная, но выражена — не точно. Лепендин, Шенау, мордва — все это не «чистый вымысел», а именно та подлинная реальность, которую создает лишь искусство, та «вытяжка» из действительности, тот ее сгусток, который получается в результате таинственной работы *воображения* художника. Если вы — художник, все, что вы когда-либо узнали, будет вами, но незаметно для вас, превращено в то, что вы назвали «чистым вымыслом». Черты Лепендина — в тысячах людей, встреченных вами, пыль впечатлений, которые вы получили от них, слежалась в камень — явился Лепендин. Его песенка содержит в себе туго сжатый политический и моральный трактат; если эту песенку развернуть — получим одну из сотен книг, написанных о войне, после войны.

Дорогой мой — цените ваше воображение, не стесняйте ничем и никак его свободу, и тогда вы сделаете прекрасные вещи. «Действительность» для вас только материал, какова бы она ни была. Люди — тоже материал, кто бы они ни были, святые, преступники, идиоты, мудрецы, Достоевские, Жоресы и т. д. Для художника и гений совершенно равноценен идиоту, ибо он так же, как идиот, дан художнику камнем, из



АВТОГРАФ ПИСЬМА ГОРЬКОГО
Начало и
Собрание

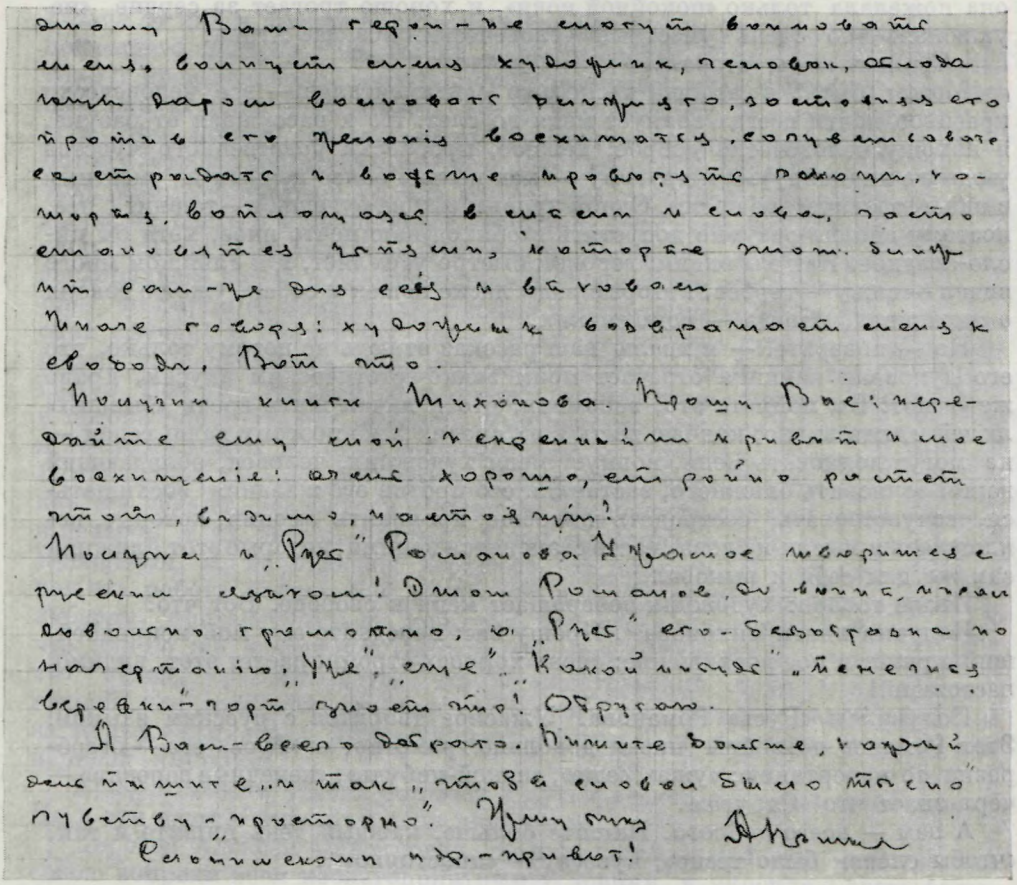
которого художник может вычеканить словами великолепнейший образ человека.

Искусство — никогда не произвол, если это честное, свободное искусство, нет, это священное писание о жизни, о человеке — творце ее, несчастном и великом, смешном и трагическом.

Я очень рад, что мои письма вам приятны, но все-таки посоветую вам: ничего не принимайте на веру! Как только вы почувствуете, что чужое слово, чужая мысль входит в ваше «я» углом, как-то мешает вам,— значит между вами и ею нет «химического сродства» и вы отодвиньте ее в сторону, — не вкрапляйте ее насильно в ваш духовный обиход. Мы учимся тогда, когда накопляем впечатления и факты, а не тогда, когда строим их в систему, т〈о〉е〈сть〉 я хочу сказать: не верить, не анализировать, а дать фактам и впечатлениям свободно отстояться, и лишь тогда получится Дон-Кихот, Обломов, Онегин, Лепендин — безразлично кто, но — художественный образ!

Вот что хотелось сказать вам. Еще письмо я послал вам на адрес Госиздата [1]. Это — третье.

Будьте здоровы. Работайте. Писать нужно каждый день. 4-ю книгу «Рус〈ского〉 совр〈еменника〉» не получил. Можете прислать?



К. А. ФЕДИНУ ОТ 18 ЯНВАРЯ 1925 г.
конец письма
К. А. Федина, Москва

Всего доброго! Очень рад за вас, очень! Ваша книга понравилась Ходасевичу, а он — строгий читатель. Поклон всем. Слонимского, Каверина — поздравьте!

А. Пешков

[1] Письмо 12.

15

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

〈Сорренто.〉 18.I.25.

«Тишина» — очень хорошо! Очень.

В отношении языка — заметный шаг вперед, к точности, к экономии слова, а — главное — к своему языку, языку К. Федина. Вы можете убедиться в этом, сравнив любую страницу романа с любой — рассказа. В первом случае вы найдете одно, два лишних и шатких словечка, во втором — едва ли найдете. И еще: в рассказе есть целомудренная сдержанность лирического чувства, это и умно, и говорит о вас как о серьезном художнике. Умно, что Таиса не сказала — прощаю! Верно, что

она пожелала только «покойной ночи», и хорошо трогает за сердце «неуклюжий», но очень уместный человеческий возглас Агапа:

«Антоныч... ты этово...»

Может быть, я вообще несколько сентиментален,— все человечески красивое почти всегда волнует меня до слез. Но и рассуждая от разума, я нахожу человечески доброе, нежное, проблески родственного чувства у одного индивидуума к другому — как нельзя более ценным и уместным в наше трагическое время. Одной кровью сыт не будешь, и—тошнит с нее, поэтому вполне разумно допустить в обиход наш нечто иное, хотя бы кисло-сладкое. Как мы видим, героизм быстро утомляет, и я слишком много видел — вижу — героев, которые рады ласке кошек и собак, уже не говоря о женщинах, иногда — пошленьких.

Но — поверьте! — я хвалю ваш рассказ отнюдь не потому только, что его духовная начинка отвечает моим этико-эстетическим вкусам, право же — нет! Вы поймете это, вспомнив, что я начал жить среди «бывших» людей и, как видно, кончаю жить в их среде. Уже поэтому ваши герои — не могут волновать меня, волнует меня художник, человек, обладающий даром волновать ближнего, заставляя его против его желания восхищаться, сочувствовать, сострадать и вообще проявлять эмоции, которые, воплощаясь в мысли и слова, часто становятся цепями, которые этот ближний сам же для себя и выковал.

Иначе говоря: художник возвращает меня к свободе. Вот что.

Получил книги Тихонова [1]. Прошу вас: передайте ему мой искреннейший привет и мое восхищение: очень хорошо, стройно растет этот, видимо, настоящий!

Получил и «Русь» Романова. Ужасное творится с русским языком! Этот Романов до войны писал довольно грамотно, а «Русь» его — безобразна по начертанию: «уже», «еще», «какой-нибудь», «пенечные веревки» — чёрт знает что! Отругаю.

А вам — всего доброго. Пишите больше, каждый день пишите и так, «чтобы словам было тесно», чувству — «просторно» [2].

Жму руку.

А. Пешков

Слонимскому и др.— привет!

[1] См. письмо 9, прим. 2. В личной библиотеке Горького хранится сборник стихотворений Тихонова «Орда» с дарственной надписью: «Дорогому Алексею Максимовичу — эту первую книгу стихов, как юношески зеленый дар просит принять автор». На книге много помет и надписей Горького (см. наст. том, стр. 471).

[2] Измененная строка из стихотворения Н. А. Некрасова «Подражание Шиллеру». У Некрасова: «Чтоб словам было тесно,
Мыслям — просторно».

16

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Ленингр⟨ад⟩. 19.II.1925.
Литейный, 33, кв. 13.

Дорогой, милый Алексей Максимович,— в третий раз принимаюсь написать вам, и опять не уверен, что найду нужные слова и — наконец — отправлю вам письмо. Вероятно, я дошел до жестокого внутреннего разлада, если не могу оформить своих чувств так, как хочу. Письма к вам, которые я должен был уничтожить, были полны жалоб на разнообразнейшие явления, в которых я сам виноват — по-видимому — больше, чем кто-нибудь другой. Но эти явления угнетают меня, я не в силах освобо-

диться от них и против воли говорю только о том, что заполнило меня до последнего предела. Что бы ни делал я сейчас,— мои мысли кружатся вокруг представления, неожиданно поразившего меня и отнявшего у меня ничтожную долю спокойствия, которой я обладал. Жалко говорить обо всем этом, потому что это может показаться преувеличенным; скучно — потому что это «обыкновенная история». Но я обречен на жалобы, мне необходимо выкричаться, во мне не осталось ни одной покойной клеточки, я ложусь спать и просыпаюсь с сознанием, что *и сегодня* я буду отдавать свои силы не тому делу, без которого не могу жить, а нелепым пустякам, заслонившим собою всё, решительно всё! Если это и «обыкновенная история», то форма ее представляет собою какую-то редкость, почти клинический случай! Я скован по рукам и ногам крепким кольцом, образовавшимся из мельчайших, иной раз — вовсе незаметных для глаза — отношений. Вот уже седьмой год я служу, чиновничаю, верчусь, как щепка, в потоке повседневных мелочей. Мне некогда остаться наедине с собою, я вечно на людях, которые давно изучены до крупицы, исчерпаны до дна. Я буквально завален негодными рукописями, число которых, с тех пор как вы уехали, возросло в России до астрономических величин. Утром и вечером я их читаю, читаю... Днем я говорю о них с их авторами. Временами я не отличаю хорошего от плохого. Я чувствую, *вижу*, как эта работа портит мой язык, как я тупею от усилий вникнуть в белиберду, притекающую на мой стол, как мусор в половодье. Я понимаю, что нужно же чем-нибудь «окупить» свое физическое существование, что нельзя рассчитывать, чтобы писательский труд был признан годной для этой цели валютой! Но ведь еще год-два такой расплаты за право заниматься литературным трудом — и я вполне созрею для нервной клиники!

Арифметически у меня остается в сутки несколько часов «свободных». Но в эти часы я чувствую себя инвалидом...

Дорогой Алексей Максимович, до сего дня я думал, что, работая над собою вопреки всем неблагоприятным условиям, я укрепляю свою волю. Я думал и продолжаю думать, что в жизни ценно только то, что достигнуто преодолением препятствий, ценою жертв и самоотречения. Мне было весело исполнять чуждую работу, голодать и бедствовать, чувствуя, как с каждой минутой я продвигаюсь вперед. В сокровенном уголке своего существа я постоянно носил уверенность в конечном одолении всех препятствий. Я должен был выбирать минуту, чтобы дать волю своему желанию писать. У меня оставались для этого силы. Теперь у меня их нет. И если желание писать вырвется наружу «не вовремя» — его пожрет всякая дрянь, заполнившая меня без остатка.

Мне нужно какую-нибудь крепкую встряску, может быть, просто хороший отдых, может быть,— хорошие люди. Я чувствую себя опустошенным, хотя я полон планов и желаний. Кажется — это симптом неврастении...

Вот, дорогой Алексей Максимович,— крик, без которого я не мог написать вам. Надеялся, что пройдет, что обойдусь без «жалких слов». Не вышло. Простите меня за истерику, она вас не должна, во всяком случае, ни к чему обязать. И не сердитесь на меня. Вы несколько раз повторили в своих письмах: «Пишите каждый день». Боже мой, если бы были у меня силы! И какая боль — вдруг признаться самому себе, что их не стало! Я, конечно, верю в себя, верю больше, чем думаете вы, иначе я не стал бы вопить о своем бессилии и не решился бы писать вам о нем. Но сейчас, в обстановке, о которой я сказал, я не могу уже делать того, что делал в течение семи лет: я переключал тогда себя на «свое» и на «чужое» по произволу, как машинист на электрической станции переключает ток на район А или район В. Продолжая жить «на два дома», я вовсе не укрепляю

волю, а расшатываю ее. Нужно что-то, а что — я не знаю. Вижу только, что необходимо по-прежнему «окупать» свое физическое существование. Иначе не исполнишь и ничтожной доли того, что исполнить должен.

Все ваши письма — числом три — получил, от всей души благодарю вас за нежность, с какой вы говорите со мной, и за дружеские чувства! Я не могу передать вам, как взбудораживает — пугает или волнует — меня иное ваше слово. И мне стыдно, что я не нашел для своего письма ничего, кроме житейских жалоб. Очарование ваших писем в том, что вы отвечаете на мои повести, рассказы — на то главное и важное, что я стараюсь в них вложить. Я вижу, что самая неудачная страница моей книги говорит вам больше, чем пространное письмо, и я счастлив, что образы моих рассказов иногда убеждают вас в своей художественной правде. До глубины трогает меня, что вы видите всю боль моего неверия в себя, радость веры, немощь мастерства и его достиженья. Все это — самое главное для меня, и в этом смысле я, конечно, становлюсь «одержимым» и жизнь моя превращается в «житие». Каково оно — вы прочли в начале этого сумбурного письма.

Совет «ничего не принимать на веру» вы мне дали в первые дни знакомства со мной, и — единственный случай—этот совет я принял на веру. Но у меня слишком много «химического сродства» с мыслями, которые вы высказали в последних письмах ко мне, и это поднимает меня, особенно теперь, когда я так устал. Когда я употребил выражение «чистый вымысел», говоря о его большей действенности, чем сила реального изображения (в обычн⟨ом⟩ смысле), я думал именно о той подлинной реальности, которая получается «в результате работы воображения». Вы особенно отчетливо дали понять мне это, сказав, что человек всегда «физиологическая реальность и психологическая фантастика». В этом — ключ к пониманию того, что люди, созданные литературой, живут в нашем представлении гораздо более реально, чем все «исторические» лица, если к их образу не прикоснулось воображение художника. Вы, таким образом, укрепили меня в убеждении, слагавшемся во мне — может быть — чересчур медленно. Но, поверьте, это не от «недостатка веры в себя», а только от осторожности, с какою я даю фактам убеждать себя. Впрочем, я не считаю «осторожность» большим достоинством, и она часто мне мешает.

Вы несколько раз говорили о том, что «творится с русским языком».

В своей работе я всегда чувствую необыкновенную трудность овладения словарем. Я никогда не владею словом с легкостью, о которой так часто приходится слышать от многих писателей. Обычно вопрос решается так, что совершенство техники зависит от систематичности труда. В значительной степени это, по-видимому, верно. Но ведь словарь — не постоянная величина. Он определяется материалом. Ясно, что, чем шире тематический и прочий диапазон художника, тем больше словарей ему нужно (мне кажется, словарь «Тишины» немногим лучше словаря «Гор⟨одов⟩ и годов»; но ведь это совершенно *разные* словари!). Стало быть — где же конец изучению словаря? И почему систематическая работа над повестью из жизни деревни должна помочь работе над рассказом о европейском городе (только относительно словаря, конечно)? Между тем словарь — повторяю — самое трудное во всей писательской технике. Что нужно делать, чтобы обогащать не словарь для к⟨акого⟩-н⟨ибудь⟩ рассказа, а *словари*? Над этим у нас здесь вовсе не задумываются. Суждение Шкловского играет громадную роль [1]. Он определяет удельный вес произведения (мне он сказал, что роман — очень плох, язык — переводной; Германии, оказывается, я вовсе не знаю!) (Кстати, на поверку обнаружилось, что, ругая меня за роман, Шкловский просто не прочел его.) К слову — «Тишина» на чтении у Серапионов не имела никакого успе-

ха именно из-за преобладания в рассказе орнамента над сюжетом, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ из-за моей излишней склонности к «языковым красóтам».

Сердечное спасибо за письмо к Ионову [2]. Он, правда, до сих пор ничего еще не сказал мне о возможности поехать в Италию. Я пытался говорить, но неудачно. Не знаю, выйдет ли что-нибудь. Поехать не только хочется, поехать нужно. Это дало бы мне бесконечно много. Очень хочу повидать вас, дорогой Алексей Максимович, надо посмотреть на вас, надо пожать вам руку. Был бы счастлив, если б удалось осуществить поездку. Если дело провалится, постараюсь уехать в деревню, в Дорогобужский уезд, в «затвор». Здесь, и вообще в большом городе России, я больше жить не в состоянии. Надо писать, читать, думать. Все это сейчас для меня — «бессмысленные мечтания».

Имени Роман Кумов [3] я не встречал, и узнать о нем не удалось.

Жму вам руку, благодарю за всё — и не ругайте меня за это письмо: стройнее и лучше я не могу сейчас написать, а мне совестно не отвечать на ваши — дорогие для меня — письма.

Любящий вас Конст. Ф е д и к

Привет Владиславу Фелициановичу [4]. Получил ли он мое письмо, отправл⟨енное⟩ в прошл⟨ом⟩ году в Ирландию?

Жена кланяется вам, благодарит за привет.

На днях пошлю вам альманах «Ковш» I — там замечательный рассказ М. Зощенки [5]. Ему удалось сказать самое главное. Скоро все мы совершим нечто подобное тому, что сделал его герой — Котофеев [6].

[1] «Думается, я имел в виду популярность и авторитет В. Б. Шкловского в кругах сторонников формальной школы, ЛЕФа и пр.». — *К. Ф.*

[2] См. письмо 12, прим. 4.

[3] См. письмо 12, прим. 6.

[4] В. Ф. Ходасевичу.

[5] «Ковш» — литературно-художественный альманах, издававшийся Государственным издательством в 1925—1926 гг. в Ленинграде. Редактором альманаха был С. Семенов. В редколлегию его входили — Федин, И. Груздев, М. Слонимский и др.

В 1-й книге альманаха за 1925 г. были напечатаны: М. З о щ е н к о. Страшная ночь; Н. Т и х о н о в. Красные на Араксе; А. Т о л с т о й. Семь дней, в которые был ограблен мир; С. С е м е н о в. Петли одного и того же узла; Л. Л е о н о в. Три рассказа; М. С л о н и м с к и й. Однофамильцы; В. К а в е р и н. Конец хазы; А. Г о л и к о в. В дни поражений и побед, и др.

«В том же номере „Ковша“ — *первая* напечатанная вещь *Гайдара* под его настоящей фамилией: А. Голиков (открыли Голикова мы: Семенов, я, Груздев)».— *К. Ф.*

[6] В рассказе Зощенко «Страшная ночь» был создан образ «маленького человека» Котофеева, взбунтовавшегося против пошлости окружающей жизни.

17

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

⟨Сорренто. 3 марта 1925 г.⟩

Вы совершенно напрасно уничтожаете письма «с жалобами», посылали бы их такими, как они написались, и тогда вам не пришлось бы дважды и трижды терзать себя одним и тем же. Я — человек достаточно грамотный и, вероятно, сумею прочитать то, что вам нужно сказать мне, хотя бы вы и сказали это не вполне «оформленно».

Мне тоже не раз в жизни моей бывало трудно от различных «обыкновенных» и необыкновенных историй, это всегда обижало меня и, *в гневе на себя*, я говорил себе: я живу не за тем, чтоб мне было трудно, у меня есть призвание, есть любимое дело, мое настоящее «я» — в нем, в этом деле, а потому — к чёрту все остальное!

У вас — то же самое призвание, такое же значительное дело; в нем, в его круге ваши самые сильные радости и муки,— так должно быть, так оно и есть, судя по в⟨ашему⟩ письму. Я не верю, что вы «не в силах освободиться», нет, конечно; это временная слабость. Вам, видимо, следует «переменить обстановку» — всю: и пейзаж, и жанр. Как бы устроить, чтоб вы приехали сюда и, отдохнув, поработали здесь? Не написать ли мне Рыкову А. И., чтоб в⟨ам⟩ дали командировку за границу для работы над книгой? Ионов мне до сего дня не ответил [1], и, признаться, я не очень верю в его желание ответить. Мне кажется, здесь, т⟨о⟩е⟨сть⟩ вообще в Южной Европе, вам было бы не плохо пожить. Не придумаете ли, как можно устроить это? Сообщите мне. Скорее.

Очень обрадован тем, что Зощенко написал хорошую вещь [2]. Он, конечно, должен был сделать это, но последнее время о нем я слышал, что он устал от «юмористики», от мелкой журнальной работы и — болен. С нетерпением жду «Ковш». А что Каверин? Слонимский?

Кстати: вы хорошо знаете немецкий язык? Насколько? Где, собственно, работаете вы?[3] Вопросы эти имеют практический характер: тут затевается некое издательское предприятие [4], в котором вы, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, нашли бы заработок.

Простите, что пачкаю письмо, я — нездоров, едва сижу за столом, а в голове лошади топают.

Шкловский — увы! «Не оправдывает надежд». Парень без стержня, без позвоночника и все более обнаруживает печальное пристрастие к словесному авантюризму. Литература для него — экран, на котором он видит только Виктора Шкловского и любуется нигилизмом этого фокусника. Жаль. Но — здесь люди изживают себя еще быстрей, подразумеваю — русских.

Отвечайте скорей и, главное, на тему о том, как бы вам выбраться сюда?

Жму руку.
А. Пешков

3.III.25.

[1] См. письмо 12, прим. 4.
[2] См. письмо 16, прим. 5 и 6.
[3] В 1921—1926 гг. Федин работал в Госиздате (Ленинградское отделение). В 1925 г. заведовал Отделом русской литературы.
[4] Можно предположить, что речь идет о задуманном Горьким в 1925 г. издании журнала «Собеседник», который ставил своей задачей печатать переводы новинок иностранной литературы. Журнал должен был выходить в России. Издание его не состоялось. См. письмо 31, прим. 8.

18

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

⟨Ленинград.⟩ Литейный, 33, кв. 13.
22.V.1925.

Дорогой Алексей Максимович, моя поездка в заморские страны сорвалась. Полтора месяца я надеялся, что осуществление такого плана вовсе не так фантастично. Оказалось, что я — наивный человек. Все дело стало за деньгами. Надо было на время моего отсутствия обеспечить жену с ребенком и в то же время запастись деньгами на дорогу. Я решил «продаться» газетам, насулил фельетонов, очерков и пр. Одни редакции вовсе не отозвались, другие предложили мизерные условия. Словом, я решил отложить поездку до осени, до поздней осени. За лето я рассчитываю написать повесть; при удаче — продам второе издание романа [1] (он почти разошелся — 7000) — тогда можно будет двинуться. Признаться, я уже спал и видел, как неожиданно заявлюсь к вам, как лягу где-нибудь на при-

пеке — на итальянском припеке. Теперь я очнулся; кругом ничто не изменилось, «вселенная улыбается на меня» * под тем же градусом широты и долготы, а я молюне бесные силы, чтобы выбраться хоть в деревню. Поеду в Дорогобужский уезд, в леса. Очень мне хочется, вернувшись из деревни, не возвращаться к службе, бросить ее навсегда, она стоит у меня поперек горла.

Задумал я повесть [2], выходит любопытно, вся забота моя в том, чтобы не было похоже на «Мертвые души»: у меня тоже похождения человека по нынешней Руси, без троек, впрочем, и без Селифана.

ГОРЬКИЙ

Фотография, Позилиппо (близ Неаполя), 1926 г. с дарственной надписью К. А. Федину: «Константину Федину — М. Горький. Napoli 10.III.26»

Собрание К. А. Федина, Москва

Другую — небольшую — повесть уже написал, пойдет она во втором «Ковше» — «Наровчатская хроника, веденная Симоновского монастыря послушником Игнатием в лето 1919-е»[3]. Получилось неожиданно для меня весело (хотя и грустно, конечно). Это — первая вещь, получившая единодушное одобрение Серапионов: прежде я всегда вызывал своими вещами жестокие разногласия. Надо сказать, что единодушие это меня смутило: не средняя ли вещь эта «хроника», если она примирила все противоречия Серапионов? Но я воспринимаю ее весело, непривычно.

Пишу «Кавказские рассказы» [4] (кончил пока один) и умиляюсь: прекрасный материал! Вообще, Алексей Максимович, у меня реакция: я положительно спокоен за свою работу, мне кажется, что у меня неисчерпаемый

* Это, кажется, по Бабелю... ⟨прим. Федина.— *Ред.*⟩.

запас материала и что пишу я — право же — хорошо! Я думаю, будет полезно, если этакое умиление продержится год-другой. Посмотреть, что делается кругом! Толстые, Достоевские, Горькие размножаются простым делением, как амебы. О множестве других талантов и говорить не приходится. Мне становится стыдно за себя, и я «переменяю станок»: работаю на «благополучие»...

Большущая просьба к вам, дорогой Алексей Максимович. В Берлине вышел т. XVII вашего Собрания [5], его здесь еще нет. Не будете ли добры выслать мне эту книгу? Пожалуйста! И еще: правда ли, что вы написали роман? [6] Если он выйдет сначала за границей, можно вас просить выслать его мне? И — наконец — давнишнее мое желание, о котором почему-то не сказалось до сих пор: хочу иметь ваш портрет [7]. Не найдется ли у вас вашей фотографии, относящейся к последним годам? Пришлите, пожалуйста, — благодарю вас заранее со всей искренностью.

Будете писать мне — не забудьте о романе: я узнал случайно, передают как «слухи», верно ли? Не забудьте написать и о своем здоровье. Адрес мой — на лето — прежний.

Желаю вам всего хорошего!

Ваш
Конст. Ф е д и н

Ответное письмо Горького от 3 июня 1925 г. опубликовано в т. 29, с. 430—431.

[1] «Города и годы».

[2] Замысел не был осуществлен.

[3] «Наровчатская хроника». Альманах «Ковш», кн. 2. Л., Госиздат, 1925. Отдельное издание повести (Харьков, «Пролетарий», 1926) Федин послал Горькому со следующей надписью: «Алексею Максимовичу Пешкову — с любовью и преданностью *К. Ф.*» (ЛБГ).

[4] «Абхазские рассказы». М.—Л., Госиздат, 1926.

[5] М. Г о р ь к и й. Собр. соч., т. XVII. Берлин, «Книга», 1925. В том вошли: «Заметки из дневника. Воспоминания».

[6] «Романа я не написал, а — пишу,— отвечал Горький Федину.— Долго буду писать, год и больше, это будет вещь громоздкая и, кажется, не роман, а хроника, 80-е — 918 г⟨оды⟩. Не уверен, что справлюсь. Тема интересная: люди, которые выдумали себя.

Написал большую повесть „Дело Артамоновых“, история трех поколений одной семьи» (т. 29, с. 430).

[7] Фотография была прислана Горьким Федину в 1926 г. с надписью: «Константину Федину — М. Г о р ь к и й. Napoli, 10.III.26». Впервые воспроизведена в кн.: И. Г р у з д е в. Жизнь и приключения Максима Горького. М.—Л., Госиздат, 1926.

19

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Ленинград. ⟨Начало сентября, 1925 г.⟩
Литейная, 33, кв. 13.

Дорогой Алексей Максимович,

три месяца я прожил в Дорогобужских дебрях, изъездил на лошадях верст тысячу, исходил сотни верст пешком, переродился во многих зверей и человеков и только на днях вернулся в прежнее свое состояние: опять живу среди нелепых городских условий, от которых весною бежал, поджав хвост. Лето было очень хорошо — единственное, может быть, на всю жизнь, наполненное бодрым, крепким чувством, благостное, изобильное. Крестьяне для меня, как заграница, и жить среди них, с ними — как с заморскими чудовищами: что ни шаг — открытие. Приятель мой — Мих⟨аил⟩ Погодин (внук историка) [1], этнограф и археолог,— работая в тех местах, где я жил, проходил как-то деревней, остановился посмотреть на избу: очень уж хорош был на избе конек, причудливый. Постоял, по-

стоял, пошел своей дорогой. Вышел за деревню — догоняет его мужик, кличет, машет руками, запыхался:

— Ты што-йто на мою хату смотрел?

— А так.

— А-а-а... А я думал, с ей чего неладно...

Ну, разве не заграница?!

Видел я необыкновенные вещи. Жил, например, в Болдином монастыре, *единственном* в России, где сохранились еще монахи, служащие в соборе, ведущие старый образ жизни — т〈о〉е〈сть〉 принимающие странников, гостей, постящиеся, блюдущие устав. Всего их тринадцать человек, двенадцать из них—иеромонахи, и только один—«певчий». Этот «певчий»— 18-летний паренек, пришел в монастырь недавно, крестьянин, добрый и приятный малый; пришел он «по указанию божию», сделанному не раз в «видениях»; батька его бил, не пускал, он ушел и держится в монастыре твердо; с виду он очень здоров. Старики-монахи его любят. Это, пожалуй, из Карамазовых... Как уцелел монастырь? А он «в ведении Главмузея», он «исторический памятник», и старую шатровую церковку, построенную еще при Герасиме (в XVI веке) — основателе монастыря, вот уже третий год реставрирует Главнаука... Церковь, действительно, прекрасна.

Бывал я у колдунов, людей чудны́х и несчастных: мужики теперь все до́ма, гадать о них нечего, доходы плохи, да и веры стало немного в ворожбу — очень уж набрехали колдуны за войну. И я видел умирающего *с голода* колдуна — бобыля, до которого никому не стало дела. А жил он в войну и революцию, как барин, давал деньги в рост и хлебом торговал...

Перевидал я множество усадеб, теперь возрождающихся по-новому или окончательно сравнявшихся с землей. Пожил у доброго десятка мужиков — самых разных мастей и — в общем — одномастных. Прочный мир, и жутковато становится, но в то же время и необыкновенно *хорошо* (нет другого слова!). Вас, дорогой Алексей Максимович, я часто вспоминал именно у мужиков, с мужиками, по контрасту ли с вашими образами, по тому ли, что вы какой-то стороной суждений ваших о крестьянине очень правы, а тут же, в правоте этой как-то и ошибаетесь. Мне кажется, что будущая-то культура обопрется именно на крестьянина, а никак не на его понукальщиков. Ведь все упорство, с каким мужик держится за старое,— не от порочных качеств его, а оттого, что с нас — понукальщиков — *нечего* взять, и это он видит на деле. А время не ждет, и опыт сохи с бороной — опыт верный, надежный, круговорот хозяйства (по старинке!) не обманет, только поспешай поворачиваться. И мужик поворачивается! Поворачивается *ровно настолько*, чтобы на третий год после гражданской войны и голода вся страна позабыла и о войне, и о голоде. Пресловутая крестьянская «темнота», «косность» и пр.— жалкие слова. Преимущество молотилки перед цепом мужику более очевидно, чем Наркомзему. Да дело-то тут кое в чем другом: мужики-то для нас — заграница, и понукание наше — простое незнанье грамоты, непониманье основ культуры, давно имеющейся и почти окостеневшей вследствие постоянного *противодействия* понукальщикам. Дать возможность *и время* свободно развиться этой культуре — значит сделать все, что требуется разумом.

Сказалось у меня это нечаянно и мало внятно,— трудно сказать об этом кратко. Но мысль моя не «народническая» и не «эсеровская», дело не в крестьянской какой-нибудь «доминанте», а в естественном ходе вещей. Ход этот медленен настолько, что — надо думать — живи я сто и двести лет назад в Дорогобужском уезде, я нашел бы *тех же людей*, что и нынешним летом.

Много дала мне охота. С ружьем непрестанно передвигаешься, подолгу не засиживаешься, надоело, устал ли говорить с кем — вперед! И опять

новое, новое без конца. Сама охота — прекрасная штука! Кончилась она у меня волчьей облавой, на которой убили 4-х волков, один из них — мой! Горд я и счастлив, как конквистадор: ведь *квалификация*! Облава была в Бездоне (каково названье?)— это волчий *город*, с площадями, проспектами, канализацией (вырытые на болоте колодцы). Прямо чудо!

Не писал ничего, не ругайте меня! Зато набрался всякой всячины, и того гляди — лопну от изобилия! Теперь сажусь, пишу до Рождества и — рассчитываю — писать буду неплохо. Без философии о крестьянстве — не сердитесь на меня за нее.

Письма мне не пересылали, и, вернувшись, нашел ваше письмо, старое, от 3.VI [2]. Для меня оно ново, я прочел и — как всегда — перечитал его с радостью и крепко, крепко благодарю вас за дружеские чувства, в нем выраженные. Вы и не знаете, как я оживаю от ваших писем!

XVII тома из Москвы мне *не* прислали [3]. Пришлите, пожалуйста, вы сами, по адресу Ленгиза, на мое имя. *Жду* также *с нетерпением обещанный портрет* [4]. Его, конечно, можно послать по моему домашнему адресу. Где напечатано «Дело Артамоновых»? [5] В «Беседе»? Нельзя ли и эту повесть получить от вас? Как пишется роман? [6] Напишите. Как чувствуете себя, лучше ли, чем зимой?

Жму руку и шлю сердечный привет.

Ваш Конст. Ф е д и н

P. S. Читали ли «Наровчатскую хронику»? «Ковш» [7] вам послал Груздев.

А настоящую заграницу, вашу Италию, а не Дорогобужскую, держу прочно в сердце. Но теперь до зимы, сейчас надо писать.

Датируется по письму 20.

[1] Михаил Иванович *Погодин* — археолог и краевед, впоследствии библиотечный работник, внук известного историка М. П. Погодина.

[2] См. т. 29, № 792.

[3] См. письмо 18, прим. 5.

[4] См. письмо 18, прим. 7.

[5] «Дело Артамоновых» впервые напечатано отдельной книгой в 1925 г. (Берлин, «Книга»).

[6] «Жизнь Клима Самгина».

[7] «Ковш», кн. 2. Л., Госиздат, 1925.

20

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

〈Сорренто.〉 17.IX.25.

Вчера получил ваше глубоко интересное письмо, дорогой Федин.

Вы, конечно, совершенно верно говорите, что в моем суждении о крестьянстве я и неправ, и прав. И, разумеется, вы знаете, что наши правда-неправда — родные сестры, а также знаете и то, что не дело, не задача художника открывать и утверждать истины. Вполне допустимо, что «неправда» есть только умершая, отжившая истина, а правда — истина живая, рожденная как вывод из ряда новых фактов бытия. Сие не очень новое соображение, да и неуклюжее, вызвано вашими словами о мужике, «постоянно противодействующем понукающим». Нет ли здесь ошибки у вас? Ведь «понукающие» несут в жизнь именно живую, новую истину, и поэтому они являются творцами культуры. Именно — они. Так всегда было и будет. Лично я привык думать, что «постоянное противодействие» истекает у людей из желания покоя, «более или менее устойчивого равновесия». К этому «равновесию» стремятся не только люди, но и так называемая «мертвая материя». И даже те ученые люди, кои утверждают, что материи — нет, а существует лишь энергия, не могут отрицать, что и энергия стремится к энтропии, к состоянию покоя. Наверное, и я тоже хочу достичь этого состояния, хочу решительного и все разрешающего

вывода, продолжая, однако, думать, что все мои симпатии на стороне «понукающих» и что мне органически враждебно постоянное противодействие мужика неотразимым требованиям истории.

Все это я говорю потому, что мне показалось: в письме вашем вы покорствуете фактам. Это вредно для художника, который, по существу своему, принадлежит к секте «понукающих». Именно таков истинный художник, таково искусство, которому он обреченно служит. «Истинное искусство не философствует, не проповедует, оно только любит»,— говорит один из героев романа, который я пишу. Я прибавил бы к его словам: и ненавидит.

Однако из «Наровч⟨атской⟩ хроники», которая мне очень понравилась и по языку, и по содержанию, не видно, чтоб вы безусловно покорствовали фактам, хотя автор хроники и говорит о привычке: «Кроткое, но роковое слово». И вообще я вас не вижу способным покорствовать. Вы — человек хорошо, спокойно упрямый. Вы становитесь все более художником. Чепуха, что все у вас «неустойчиво», как пишет в «Н⟨овом⟩ мире» Вешнев [1]. Это материал неустойчив, а не вы. Почти все современные молодые писатели и поголовно все критики не могут понять, что ведь писатель-то ныне работает с материалом, который зыблется, изменяется, фантастически соединяя в себе красное с черным и белым. Соединяя не токмо фантастически, но и неразрывно. И современное искусство слова еще не настолько мощно и всевластно, чтоб преодолеть эту сложность бытия, где правда с неправдою танцуют весьма запутанный и мрачный танец. Надо помнить, что такого времени еще не было и что крупнейшие произведения искусства почти всегда — не современны. «Война и мир» разве современна годам, когда писалась? А — «Фауст»? «Дон-Кихот»?

Возвращаясь к вам, скажу: вы пишете все лучше и все значительней. Видимо, вы станете писать отлично и займете в русской литературе место очень видное. Только не теряйте — несмотря ни на что — ощущения вашей свободы, сознания вашей одержимости.

Извинитесь перед Груздевым: я не ответил ему на вопрос о «Ковше» [2]. Лучшие вещи в нем: ваша и Зощенко. Если последний остановится на избранном им языке рассказа, углубит его и расширит, наверное можно сказать, что он создаст вещи оригинальнейшие. Люди, которые сравнивают его с Лесковым, ошибаются, на мой взгляд. Зощенко заряжен иначе, да и весь — иной. Очень хорош. Интересен Лавренев, но хаотичен и форсит, щеголяет, пишет с кокетливым росчерком и небрежно, в разных тональностях. Плох Семенов. Грустно, что Тихонов подчиняется Пастернаку, и получаем из него Марину Цветаеву, которая истерически переделывает в стихи сумасшедшую прозу Андрея Белого. В общем же «Ковш» — более искусство, чем остальные альманахи: «Круг», «Красная новь» и т. д.

Тихонов, А⟨лександр⟩ Н⟨иколаевич⟩, писал мне, что возникает «Русский соврем⟨енник⟩» [3]. Значит — снова сухая, головная выдумка Замятина и болтовня Чуковского, который так нелепо и неуместно прославил О. Генри [4], писателя, утешающего продавщиц и клерков надеждами на счастье: замужество или женитьбу обязательно на богатых. Тошнотворно сентиментален. Это даже американцы поняли. О том, где будет печататься моя повесть [5],— ничего не знаю. Спрашиваю, но толка добиться не могу. XVII том посылаю вам отсюда без надежды, что дойдет. Пробовал — не доходит.

Портрета все еще нет. Снимал американский профессор [6], наверное скоро пришлет.

У меня по вечерам температура пляшет, но это пока не мешает мне.

Ну, будьте здоровы. Какой удивительный сюжет—колдун, умирающий с голода! Мне это напомнило Петра Кропоткина, хотя он с голода

и не умирал. Это — удивительно и трагично, колдун! В эмиграции колдуны умирают от голода духовного. Проф‹ессор› Ильин сочинил «Религию мести» [7], опираясь на евангелие. Струве ходит вверх ногами. Вл. Ходасевич, переехав в Париж, тоже печатно заявляет о своей эмигрантской благонадежности. Скучно, как в погребе, где соленые огурцы прокисли уже.

Крепко жму руку. Поклон Зощенко и прочим.

А. Пешков

Sorrento.

[1] В. Вешнев. Константин Федин (Литературный портрет).— «Новый мир», 1925, № 9.

[2] Речь идет о 2-й книге альманаха «Ковш» за 1925 г. В ней были напечатаны: К. Федин. Наровчатская хроника; Н. Тихонов. Дорога; С. Семенов. Предварительная могила; Б. Лавренев. Рассказ о простой вещи; Б. Пастернак. Из романа в стихах «Спекторский»; М. Зощенко. О чем пел соловей; Н. Асеев. Ленинграду; А. Голиков. В дни поражений и побед (окончание) и др.

[3] Выпуск журнала не возобновлялся. См. Горький— Каверин, письмо 12, прим. 4.

[4] Возможно, речь идет о предисловиях К. Чуковского к книгам О. Генри «Благородный жулик» и «Короли и капуста», выпущенным издательством «Всемирная литература». Л., 1924.

[5] «Дело Артамоновых». См. письмо 19, прим. 5.

[6] Александр *Каун* (1889—1944) —американский литературовед-руссист, профессор кафедры славянских языков Калифорнийского университета. Каун является автором больших исследований о Горьком — «Максим Горький и его Россия» (1931) и «Максим Горький в поисках синтеза» (1939). В июле—августе 1925 г. Каун бывал у Горького в Сорренто.

[7] По-видимому, речь идет о книге реакционного философа И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою» (Берлин, «Книга», 1925).

21

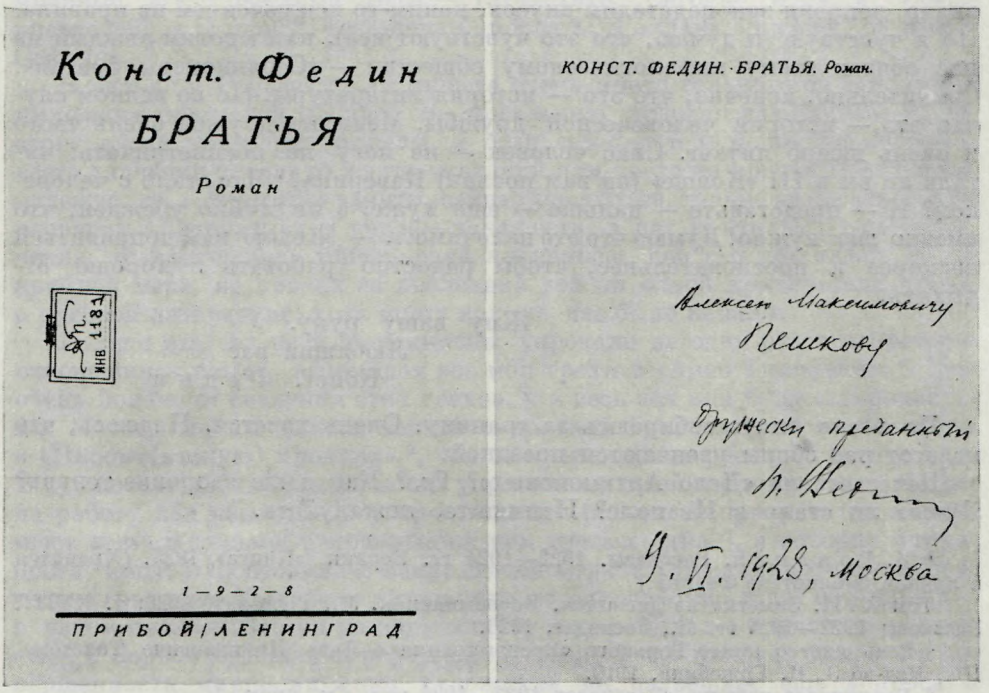
ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

‹Ленинград.› 16 января 1926 г.
Литейный, 33, 13.

Дорогой Алексей Максимович,

незадолго до Рождества я получил, наконец, от «Междунар‹одной› книги» ваши рассказы (1922—24), а на днях приобрел и вышедшие недавно тома XVII и XVIII вашего Собрания в издании здешнем («Рассказы» изд‹атель›-ства «Kniga» — XVIII том Собрания) [1]. За исключением двух-трех рассказов, книги эти для меня совершенно новы — в буквальном и всяком ином смысле. Я не только ваш «старый» ученик, но и старый читатель: читаю я вас лет двадцать, с девятьсот пятого года, когда — собственно — только что начал кое-что соображать. Так вот на правах читателя (очень сомнительных, впрочем, правах) хочется мне сказать вам, что никогда еще не испытывал я такого изумления перед вашими книгами, как теперь. Это неточно сказалось: изумление. Но это ближе все-таки к тому, что я хочу сказать, чем всякие другие слова. По книгам, напросто, ходят люди,— так ощутимы, телесны герои повестей! И — другое: даже там, где автор ведет повествование от своего лица, он не стесняет меня — читателя — своим отношением к герою. Я остаюсь совершенно свободным в своей связи с героем повести, в своем понимании его. Особенно это касается XVIII тома, и особенно — «Отшельника». Здесь я ощутил героев буквально, т‹о› е‹сть› наощупь. Я всплакнул, признаться, от радости, что это *так* понятно! Вы меня простите, дорогой Алексей Максимович, за неуклюжесть моего отзыва. Да это и не отзыв, а просто — потребность сказать вам, что мне было *хорошо*, когда я читал вашу книгу, было необыкновенно хорошо. Книга эта нова для меня (так нова была только книга о Толстом) [2], и вас я почувствовал после нее еще шире, чем раньше.

Покаюсь вам — я думал о себе и о том, что мне не дано вашей действенной любви к человеку: я, кажется, всегда только жалею и восхищаюсь скупо и ненадолго. На замечательного, красивого, умного и, конечно, полезного рысака — например — я всегда немножко досадую, а забитая и никчемная кляча меня волнует глубоко. Я знаю, что в этом — порок моего зрения, но лечиться у меня не хватает выдержки, а очков я не люблю. Словом, я смирился перед неизбежностью до конца дней любить только



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ К. А. ФЕДИНА ГОРЬКОМУ НА РОМАНЕ «БРАТЬЯ» (Л., 1928):
«Алексею Максимовичу Пешкову дружески преданный К. Федин. 9.VI.1928, Москва»
Личная библиотека Горького

жалкое и ненужное, «покорился,— как писали вы мне,— факту». Не смейтесь над этой неожиданной параллелью — вы и я,— но я не мог не думать о себе, читая вас, не мог не вспомнить, что я всегда почти «соболезную» несчастным, в то время как вы самим несчастьем украшаете и утверждаете жизнь (я говорю, конечно, об иллюзии, возникающей из ваших произведений).

Спасибо за книгу, присланную мне по вашей просьбе [3]. Очень жалко, что та книга, которую вы послали из Италии, не дошла, как вы и предсказали.

Это мое письмо, отчасти,— ответ на ваше [4]. Ответ запоздалый, русский, спустя четверть года. «Покорствуя фактам», я все старался разрешить вопросы, явившиеся в результате поездки в деревню и жизни там. В конце концов, упрямство, в котором вы подозреваете меня не напрасно, взяло верх, и я решил, что «философию и пророчество» можно оставить в стороне. Мне кажется, что рассказы о деревне, над которыми я работаю [5], будут достаточно неуместны в наши дни, в них начисто будет отсутствовать объяснение фактов, и я надеюсь, что они доставят мне небольшое

удовлетворение. Увязнув с потрохами в деревне, я не перестаю мечтать о новом романе [6] и втихомолку коплю записочки и листочки со всякими планами, нотабенами и пр. Ну, это не на один год! Можете себе представить, Алексей Максимович, каков я стал после того, как добрый год только «начинал» и решал — как писать дальше? Какая-то символическая смоковница.

1-го февраля Серапионы справляют пятую годовщину. К этому сроку все заново сошлись, по-новому все поняв и пересмотрев. Живем мы, очевидно, вопреки законодателям вкусов, каким-то исключением из правила. Но я чувствую (и думаю, что это чувствуют все), как многим каждый из нас обязан этому мифологическому обществу — «Серапионовы братья». Сомнительно, конечно, что это — история литературы. Но во всяком случае это — история человеческой дружбы. Меня эта дружба очень часто и очень щедро питает. Слаб человек — не могу не посплетничать: читали ли вы в III «Ковше» (он вам послан) Каверина? [7] Что стало с человеком? И — представьте — дальше — еще хуже, а он стойко убежден, что именно *так* нужно! Думаю что это излечимо... — Желаю вам поправиться поскорее и поосновательнее, чтобы радостно работать и хорошо отдыхать.

Жму вашу руку.
Любящий вас
Конст. Ф е д и н

По весне опять собираюсь за границу. Очень хочется. Надеюсь, что на этот раз сборы увенчаются поездкой.

Печатаете ли «Дело Артамоновых»? Где? Как ваше здоровье теперь? Лучше ли стало в Неаполе? Напишите, пожалуйста.

[1] М. Г о р ь к и й. Рассказы. 1922—1924 гг. Берлин, «Книга», 1925. (Хранится в личной библиотеке Федина.)
Том XVII. Заметки из дневника. Воспоминания. Л., Госиздат, 1926; т. XVIII. Рассказы 1922—1924 гг. Л., Госиздат, 1926.

[2] Речь идет о книге Горького «Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом», Пг., Изд-во З. И. Гржебина, 1919.

[3] Берлинское издание «Рассказов 1922—1924 гг.». См. прим. 1.

[4] Т. е. на письмо 20.

[5] В этот период Фединым были написаны рассказы «Утро в Вяжном» (1925—1926), «Мужики» и «Трансвааль» (1926).

[6] «Братья».

[7] В 3-й книге альманаха «Ковш» (Л., Госиздат, 1925) начал печататься роман В. Каверина «Девять десятых судьбы».

22

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

20.I.1926. Ленинград.

Дорогой Алексей Максимович,

вчера мы получили вашу рукопись — «О тараканах» [1]. Большое спасибо за память о «Ковше» и доброе отношение к нашей стряпне. Альманах можно было бы составлять гораздо лучше в художественном смысле, стройней и строже, если бы не было бестолочи в требованиях (издательских и многих прочих), предъявляемых ныне к литературе. Ведь многие вещи, которые ⟨не⟩ были приняты нами в «Ковш», оказались напечатанными в московских изданиях, где они — почему-то — пришлись ко двору, в то время как у нас от этих вещей шарахались в сторону, точно от ереси. Смешней и печальней всего то, что нас же и попрекают этими зарезанными в «Ковше» рассказами, появившимися у «конкурентов» в Москве: вот прозевали-де хорошую вещь, а в Москве, мол, не спят!

IV-ю книгу сдаем в набор в конце января. Выход приурочен к середине марта. Рукопись вашу, как только перепишем ее, возвратим вам. За корректуру не беспокойтесь, проведем тщательно. Очень хотелось бы, чтобы рассказ ваш появился у нас раньше, чем в Сибири. Будем торопить выпуск книги. Давно ли передали вы рукопись Вяткину? [2]

Р. Роллану пошлем приветствие [3]— каждый из нас (в этом я уверен) ценит его как писателя и человека, каждый помнит, что он сделал в самые мрачные и бессовестные годы — 1914—1918. Сегодня буду в Союзе писателей, предложу товарищам послать Роллану письмо от имени Союза.

В письме к Груздеву [4] вы пишете очень много горького об отношении нынешних писателей к слову. К сожалению, условия для борьбы за чистоту слова чрезмерно тяжелы, и если сам писатель не вполне понимает всего значения слова, то ждать указаний или протеста критики — тщетная надежда: «г. г. критики» заняты сейчас чем угодно, только не писательским словарем. Литература у нас кое-какая есть, а вот критики...— это изречение правдоподобно теперь едва ли меньше, чем сто лет назад. Я, по крайней мере, не прочел за последний год ни одной критической статьи о русской литературе, хотя шуму вокруг нее было немало.

И меня вы, Алексей Максимович, упрекали не один раз в небрежном отношении к языку, вспоминая все мои грехи в «Анне Тимофевне» [5]. Мне очень больно от сознания этих грехов, и я весь век мой буду «замаливать» их. Я рад, что вы нашли меньше оснований бранить меня за «Тишину» и «Наровч〈атскую〉 хронику» [6], чем за прежние мои рассказы и за роман. В сущности, львиная доля моего упрямства и моей настойчивости уходит на работу над языком. Я уверен, что эта работа не прекратится именно «весь век». В письме, отправленном вам третьего дня [7], я говорил о трудности темы, о постоянной, изнуряющей борьбе художника с «истолкователем» (разумею претензию художника на философские и др. обобщения— в узком смысле). Но ни на одну минуту я не забывал о трудности мастерства, о борьбе художника с формой. Я уверен, что никакая ясность и завершенность миропонимания художника не разрешает еще вопроса о форме. «Как писать?» — вопрос этот останется вопросом до конца дней. «Писать совершеннее» — единственно возможный, хотя и несовершенный, ответ на него. Думая так, я не могу не понимать значения работы над словом. Все дело здесь в размере дарования писателя, в том — «что ему дано».

Еще раз — «Ковш» благодарит вас за рукопись. И все вам шлют сердечный привет.

Будьте здоровы!

Любящий вас
Конст. Ф е д и н

[1] Рассказ Горького «О тараканах» напечатан в 4-й книге альманаха «Ковш» за 1926 г.

[2] Георгий Андреевич *Вяткин* (р. 1885) — писатель, в то время секретарь редакции журнала «Сибирь». В письме от 23 ноября 1925 г. Г. А. Вяткин обратился к Горькому с просьбой прислать что-либо из своих новых произведений.

На этом письме Горький сделал помету: «10.XII.25 послал „Убийц“» (АГ). Очерк «Убийцы» был напечатан (не полностью) в журнале «Сибирь», 1926, № 2, с примечанием редакции: «Прислан автором специально для „Сибири“».

Рассказ «О тараканах» в журнале «Сибирь» не печатался.

[3] Как вспоминает Федин, Р. Роллану было послано приветствие в связи с его 60-летием (текст приветствия не сохранился).

[4] Письмо Горького Груздеву с оценкой 3-й книги альманаха «Ковш» не обнаружено.

[5] См. письмо 11.

[6] См. письма 15, 20.

[7] См. письмо 21.

23

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

⟨Неаполь. 28 января 1926 г.⟩

К. Федину

Сердечно благодарю вас за письмо [1], очень тронувшее меня, но, пожалуй, слишком лестное. Знаю, что за последние два-три года я стал писать несколько лучше, но, ведь, в 27 году исполнится 35 лет моей работы, и было бы стыдно за такой срок не выучиться чему-нибудь. Однако — «выучился» я мало, и писать так, как хотел бы — не могу, не удается. Вероятно, это потому, что «таланта» у меня не хватает для моих задач, лексикон мой недостаточно богат и, наконец, было много отступлений от настоящей моей работы в сторону «злобы дня». Сие последнее особенно вредно для нашего брата, сколь бы много ни писали против этого люди, поучающие нас, как следует писать, неспособные понять, что мы суть люди «ретроспективного» склада души и что «Войну и мир» невозможно было создать в 814 или даже 20 годах. Критикам следовало бы заглянуть в работы И. П. Павлова о рефлексах, и опыты Павлова с собаками, пожалуй, помогли бы критикам более толково рассуждать о том, как создается искусство. Разумеется, лично я не должен жаловаться и не жалуюсь на критиков, — они меня похваливали столь же часто, как и бестолково.

Крайне интересно пишете вы о рысаке, который возбуждает у вас досаду, и о «ничтожной кляче», которая волнует вас. Это — на мой взгляд — нечто очень древнее и очень христианское. «Муму» Тургенева, Акакий Акакиевич Гоголя и другие «клячи» — это больше не нужно, это — патока, которой не подсластишь горечь жизни нашей, замазка, которой не скроешь глубокие, непоправимые трещины современных форм государства. Но и «рысак» не должен, не может быть идолом художника,— нет. Художник говорит себе:

Как странники по большой дороге,
Сквозь сердце мое прошли
В печали, сомненьях, тревоге
Тысячи детей земли [2],—

и все они только мой материал. Только — это.

Я думаю, что «действенная моя любовь к человеку» — ваши слова — эта любовь, вероятно,— миф. Истина же, реальное же в том, что человек мучительно интересует меня, не дает мне покоя, желает, чтоб я его хорошо понял и достойно изобразил. И с этой «точки зрения» Эйнштейн, пытающийся радикально изменить все наше представление о вселенной, равен — для меня— герою рассказа «О тараканах», посланного мною Груздеву для четвертого «Ковша» [3]. В кратких — и не новых — словах задача художника изображать мир, каким он его видит, ничего не порицая, ничего не восхваляя, ибо порицание — несправедливо, похвала — преждевременна, ибо мы живем всё еще в хаосе и сами частицы хаоса. Я очень рад слышать, что «философию и пророчества» вы решаете оставить в стороне, и, следуя доброму примеру вашему, хочу сказать несколько слов по поводу пятилетия «Серапионов».

«Сомнительно, конечно, что это история литературы»,— пишете вы. У меня этого сомнения — нет. Да, вы, «Серапионы», история литературы. В невероятно трудные годы, в условиях, отчаянно тяжелых, вы сумели остаться «свободными художниками» именно «вопреки законодателям вкусов», как вы пишете, вопреки создателям канонов или — точнее — кандалов для души. Это — заслуга не малая. Ее — не забудут. Не забывайте и вы то время, когда в голоде и холоде вас не покидала «одержи-

мость», когда чувство дружбы так хорошо, крепко держало вас на земле и не дало погибнуть вам.

Дело прошлое: немало страха натерпелся я за вас, когда, наобещав вам «три короба» всякой всячины, уехал из России и ничего не мог сделать, будучи обманут, как это со мною бывало и бывает нередко. Но вот вы все-таки преобороли внешнее, выжили здоровыми и твердо идете своим путем. Путь — верный. Каверин? Он — умник, он скоро догадается, что так писать ему не следует, не его дело [4].

Пожалуйста — передайте всем Серапионам сердечный мой привет и пожелание успехов.

Собираетесь писать роман? [5] Это — превосходно. Вот бы сюда приехать вам, работать. Я тоже сижу над романом [6], вернее — хроникой русской жизни с 80-х по 918 год. Не знаю, что будет, но, разумеется, очень увлечен и ни о чем больше думать — не могу.

О III «Ковше» писал Груздеву [7]. Изумлен был «Кругом»,— зачем? Чулков! Да он же не литератор. Белый, еще раз желающий распять отца своего. Пильняк. Этого, кажется, скоро невозможно будет читать [8].

«Дело Артамоновых» вышло в Берлине, но посылать вам книгу оттуда — бесполезно, не дойдет. Разве на Ленгиз попробовать? Попробую.

Всего доброго! Еще раз — спасибо за письмо ваше.

И — вот что: 29 января исполнилось Ромен Роллану 60 лет. Я писал кому-то из москвичей и из ваших, чтоб этому человеку послали поздравление [9]. Его адрес: Швейцария. Кантон Во, Villa Olga — Вилла Ольга. Человек — достойный всяческого уважения и честный человек, за что его и не любят.

Крепко жму руку.

Привет. А. П е ш к о в

28.I.26.

[1] См. письмо 21.

[2] Цитата из стихотворения Горького, написанного в 1892 г. в Тифлисе. Впервые напечатано в кн.: И. А. Г р у з д е в. Горький и его время, т. 1. Л., ГИХЛ, 1938, стр. 340.

[3] См. письмо 22, прим. 1.

[4] Речь идет о романе Каверина «Девять десятых судьбы». См. письмо 21, прим. 7.

[5] «Братья».

[6] «Жизнь Клима Самгина».

[7] См. письмо 22, прим. 4.

[8] В альманахах «Круг» за 1925 г. были напечатаны: рассказ Г. И. Чулкова «Кинжал» (кн. 5); роман А. Белого «Москва» (кн. 4—5); повесть Б. Пильняка «Заволочье» (кн. 4—5). В образе профессора Коробкина, главного героя романа «Москва», А. Белый воспользовался рядом черт своего отца — математика Н. В. Бугаева. Ранее этот характер был изображен А. Белым в рассказе «Иог» (журнал «Сирена», Воронеж, 1918, №№ 2—3).

[9] См. письмо 22, прим. 3.

24

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

〈Неаполь.〉 5.II.26.

Не помню, сообщил ли я Груздеву, что рассказ «О тараканах» Вяткину не посылался [1] и нигде в России — кроме «Ковша», печататься не будет. Напечатан же, пока, только в одном из французских журналов [2].

Как вы и Груздев цените этот рассказ? [3] Мне было бы весьма интересно — и полезно — знать, мерцает ли в нем нечто не «от Горького»? Это — серьезный вопрос для меня.

Не лень — ответьте.

Вы неоспоримо правы: работа над языком, над формой — цель всей жизни художника. Не хочу говорить комплиментов, но уже «Наровчат-

ская хроника» звучит у вас по-новому. Шопен «Тишины», «Сада», Скрябин некоторых страниц романа «Гор〈ода〉 и годы» как будто уступают место Глинке и Мусоргскому. Сей последний особенно, как мне кажется,— нужен вам. Говорю уподоблениями потому, что очень тороплюсь дописать письмо до визита доктора.

Крепко жму руку. Всего доброго!

А. Пешков

Художнику слова вообще следует внимательно слушать музыку, это — так!

[1] См. письмо 22, прим. 2.

[2] Рассказ под названием «Les Cafards» был напечатан в журнале «Mercure de France», 1925, № 656, от 15 октября; № 657, от 1 ноября.

[3] В письме Горькому от 27 февраля 1926 г. И. Груздев писал: «„Тараканы" ваши меня восхитили. Какая молодость во всем, что вы сейчас делаете!» (АГ).

25

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

〈Неаполь.〉 10.II.26

Дорогой Федин,

посылаю вам «Дело Артамоновых» [1]. Прочитав, сообщите, не стесняясь, что вы думаете об этой книге и, в частности, о Вялове, о Серафиме. О личном моем мнении я, пока, умолчу, дабы не подсказывать вам тех уродств, которых вы, м〈ожет〉 б〈ыть〉, и не заметите.

Здесь мои знакомые, умеющие ценить подлинную литературу, восхищаются «Кюхлей» Ю. Тынянова. Я тоже рад, что такая книга написана. Не говорю о том, что она вне сравнения с неумными книжками Мережковского и с чрезмерно умным, но насквозь чужим «творчеством» Алданова [2]. Об этом нет нужды говорить. Но вот что я бы сказал: после «Войны и мира» в этом роде и *так* никто еще не писал. Разумеется, я не профессор Фатов и Тынянова с Толстым не уравниваю, как он, Фатов, уравнивает Пантелея Романова со всеми русскими классиками[3]. Однако у меня такое впечатление, что Тынянов далеко пойдет, если не споткнется, опьянев от успеха «Кюхли».

А вот Никулина — «Никаких случайностей» [4] я сравниваю с Пьером Бенуа [5] и другими сего рода и, не смущаясь, говорю: если Никулин будет писать книги *так серьезно*, как эта — первая? его — он, конечно, встанет выше всех французов-«авантюристов». В этом жанре у нас не умели писать. Никулин начал хорошо.

Знали бы вы, как меня радует разнообразие литературного творчества в России и обилие творчества.

Вы, там, вблизи, на кухне, смотрите недостаточно зорко, к тому же вы — сами повара, а я — отдаленный читатель, мне лучше видно. И я — рад. Очень.

Крепко жму руку.

А. Пешков

[1] «Дело Артамоновых». Берлин, «Книга», 1925, с дарственной надписью: «Константину Федину. М. Горький. 10.II.26. Napoli» (книга хранится у Федина).

[2] Алданов — псевдоним писателя-белоэмигранта М. Ландау (1886?—1957), автора исторических романов.

[3] Горький имеет в виду статью Н. Н. Фатова «Пантелеймон Романов» в альманахе «Прибой», кн. 1. Л., 1925.

[4] Л. В. Никулин. Никаких случайностей (Дипломатическая тайна). Кинематографический роман. М.—Пг., «Пучина», 1924.

В письме И. Груздеву от 23 января 1926 г. Горький писал: «„Никаких случайностей" Никулина — ловко сделано! Это для России „новая литература"» (АГ).

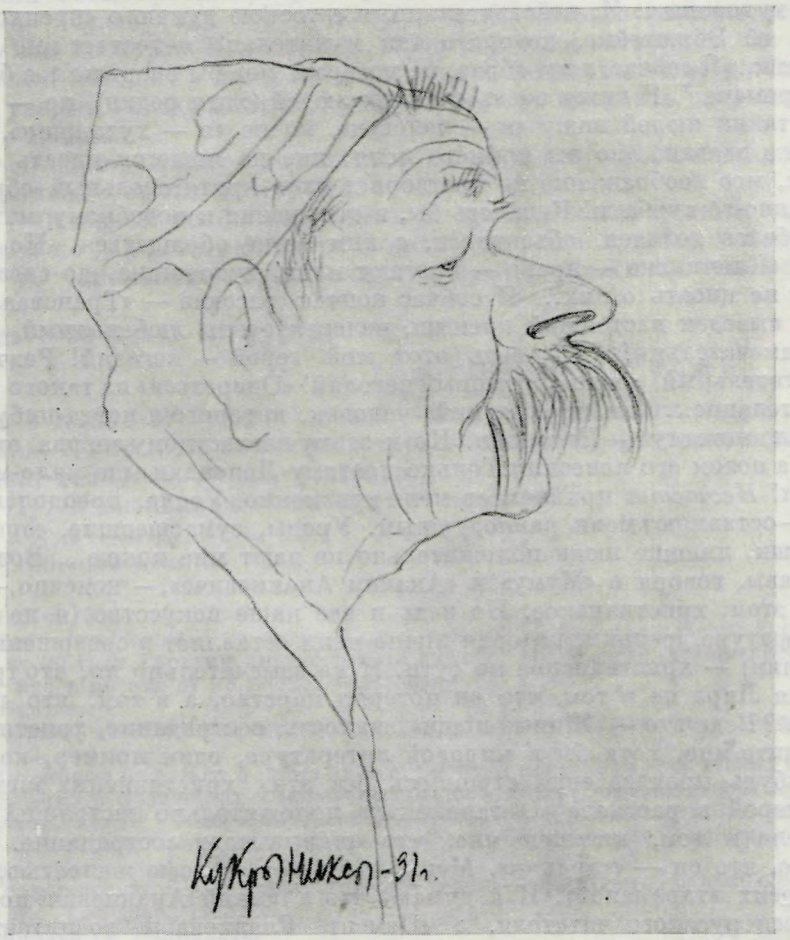
[5] Пьер *Бенуа* (1886—?) — французский писатель, автор популярных в двадцатых годах авантюрных романов.

26

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Ленинград, Литейный, 33, кв. 13.
11.II.1926.

Получил ваше письмо [1], дорогой Алексей Максимович, благодарю вас за ваше приветствие Серапионам — от себя и от всех товарищей. На



ГОРЬКИЙ
Рисунок цветным карандашом Кукрыниксов, Москва, 1931 г
Музей Горького, Москва

годовщине мы с благодарностью вспоминали обо всем, что вы сделали для каждого из нас. Шлем вам сердечный привет и желаем всего лучшего! Какая радость — видеть в вас внимательного и хорошего друга! Я уверен, что ваше отношение к работе Серапионов не просто поддерживало молодых писателей, но и *обязало* их к особой серьезности в труде, углубило чувство ответственности. Это особенно, может быть, касается меня: я много раз говорил вам о том, как я обязан вашему пристальному вниманию к себе и как благодарен вам.

Взгляд ваш на задачу художника («изобразить мир, каким он его видит, ничего не порицая и ничего не восхваляя») я считаю верным, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ разделяю его, и мне думается, что это — мой взгляд. Понимая так задачу художника, я все же не перестаю быть человеком, не теряю качеств, присущих именно мне. «Мир, как понимаю, как вижу его *я*». Я же вижу «ничтожных кляч», они приковывают меня к себе, меня, человека, и — через него — меня — художника. Вот почему я говорил вам о «действенной моей любви» к «ничтожным клячам» [2] и о «досаде, которую вызывает во мне рысак». Вероятно, человеческое перетягивает здесь художника. И, действительно, я с тоскою думаю о «крепком человеке», об Эйнштейне, которого так мучительно недостает мне в моих писаниях. Я сейчас *ищу* образ, на который мог бы опереться в будущем моем романе [3]. Я вижу очень стойких людей (хотя редко), но — поистине — таких людей вижу «я — человек», но не «я — художник». Это неуклюже сказано, но вы поймете меня: мне не можется писать об этих людях, мое воображение не претворяет их в притягательный образ, это всё какие-то чурбаки! Казалось бы, в отношении к подобному материалу я наиболее холоден, объективен, с ним легче обращаться. Но он мне чужд! «Клячи» же — право — трогают меня, художника, до слез, и мне *нельзя* не писать о них... Я сейчас кончаю рассказ — «Трансвааль» [4],— в нем выведен настоящий крепыш, человек очень любопытный, характер замечательный. Но ведь этот мой герой — негодяй! Редчайший, восхитительный, очень потешный негодяй! «Опереться» на такого — дело сомнительное... Самый «крепкий» человек, которого я когда-нибудь изображал, пожалуй —Лепендин. Но и этому несчастному сперва оторвали ноги, а потом его повесили.Только поэтому Лепендин мне мало-мальски удался! *Несчастье* привлекает меня неизменно. Удача, преодоление, победа —оставляют меня равнодушным. Уроды, сумасшедшие, юродивые, кликуши, лишние люди положительно не дают мне покою... Возможно, вы правы, говоря о «Муму» и «Акакии Акакиевиче»,— конечно,— древнее в этом, христианское. Но ведь и все наше искусство (я не говорю о литературе древних, которая лично меня оставляет в совершенном безразличии) — христианское по сути. И не замечательно ли, что трагедия Короля Лира не в том, что он потерял царство, а в том, что потерял *дочерей*? Ведь это — «Живые мощи», жалость, сострадание, христианство! Покажите мне, хотя бы в мировой литературе, один пример, когда какое-нибудь произведение строилось без этих христианских элементов? Ваш герой в рассказе «О тараканах» положительно настоящий герой! Все дело в том, кажется мне, что он вызывает сострадание. Что ж из того, что он — «таракан». Меня, например, с моею жалостью, хватит на многих «тараканов». И я думаю, что «Акакий Акакиевич» подлинно *воспитал* русского читателя, а «Цемент» Гладкова не воспитает никакого... С Эйнштейном дело обстоит сложнее. В моем представлении образ подобного масштаба в литературе мог бы перевернуть все искусство, как сам Эйнштейн перевернул науку. Но и здесь, я думаю, не обойтись без трагедии, без несчастья, без того, чтобы образ вызывал сострадание. Иначе — гончаровский Штольц в увеличенном виде... [5]

В «поисках героя» (вы напрасно, Алексей Максимович, попрекнули Н. Тихонова стихотворением «Поиски героя» [6]: кончается оно очень иронично, и автор явно издевается над рекомендованными и одобренными героями, покрытыми ранами, в орденах и звездах...) так вот, в «поисках героя» меня потянуло за границу. Я уже писал вам, что собираюсь выехать в конце апреля или начале мая [7]. Маршрут — Осло, Берлин, Саксония, Бавария, через Тироль в Италию, на юг. Почему Осло? Очень мне любопытна Норвегия, и есть случай пострансствовать по ней. Не там ли мой «герой»? Конечно, это — карманная Германия, и всё там,

вероятно, мизерно. Но там *камни* и *море*, и люди сеют хлеб на *камнях*. Мне эти люди привлекательны.

Начал хлопоты о разрешении. Тут я должен, памятуя ваше обещание помочь мне в поездке, обратиться к вам. Не напишете ли вы Керженцеву [8] (к которому я отнесусь сам), чтобы он помог мне заполучить визу в Италию? Будьте добры, Алексей Максимович. Италия — мой конечный пункт, я собираюсь побродить по ней и очень хотел бы повидать вас, если это возможно. И потом. В прошлом году вы любезно предложили мне свою протекцию у А. И. Рыкова. Возможно ли это теперь? Если да — прошу вас черкнуть ему, чтобы он распорядился ускорить выдачу мне паспорта. Пожалуйста. Простите, что я затрудняю вас своими просьбами, которых у вас и без меня много. Но поехать мне необходимо, а я не уверен, что без вашего содействия сумею получить разрешение на въезд в Италию.

За обещание ваше — попытаться послать мне «Дело Артамоновых» из Берлина — очень благодарю.

С IV «Ковшом» положение в данный момент неопределенно: нас «закрывают» по два раза на номер! Но надежда сдать в набор в феврале — есть [9]. «О тараканах» переписана и сверена. Оригинал вам отошлет Груздев.

Будьте здоровы! Жму руку.

Ваш Конст. Ф е д и н

Как в Неаполе? Расцвет? Здесь — вьюги, горы снегу, морозы. Зима жестокая. Костры. По ночам у костров — милиционер, стрелочница, проститутка; топчутся, курят; разговор:

— Ну, а сколько ж — на круг — выходит?

— Когда как...

— Чижолое дело...

[1] Письмо 23.

[2] «Это — моя ошибка: я писал о „действенной любви к человеку" Горького (в письме от 20.I), и Горький именно в этом смысле, т. е. о *своей* „действенной любви" отвечал мне в письме от 28.I.1926».— *К. Ф.*

[3] «Братья».

[4] Рассказ «Трансвааль» вошел в книгу Федина «Наровчатская хроника» (см. письмо 29, прим. 1).

[5] В ответном письме от 3 марта 1926 г. Горький писал: «Аз есмь старый ненавистник страданий и физических и моральных. И те и другие, субъективно и объективно взятые, возбуждают у меня негодование, брезгливость и даже злость. Страдание необходимо ненавидеть, лишь этим уничтожишь его. Оно унижает Человека, существо великое и трагическое» (см. т. 29, с. 457).

[6] Стихотворение Н. Тихонова «Поиски героя» напечатано в альманахе «Ковш», кн. 3. Л., Госиздат, 1925.

[7] Поездка не состоялась.

[8] Платон Михайлович *Керженцев* (*Лебедев*) (1881—1940) — в 1925—1926 гг. был советским полпредом в Италии.

[9] 4-я книга альманаха «Ковш» вышла в 1926 г. В ней были напечатаны: М. Г о р ь к и й. О тараканах; Л. С е й ф у л л и н а. Налет; Ив. С о к о л о в - М и к и т о в. Чижикова лавра; В. К а в е р и н. Девять десятых судьбы (окончание); стихи Н. Тихонова, И. Садофьева, Б. Пастернака и др.

27

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

〈Ленинград〉 23.II.1926.

Пишу вам, дорогой Алексей Максимович, только для того, чтобы уведомить вас о получении «Дела Артамоновых» и вашего последнего письма [1]. Другое письмо [2] — небольшое — также дошло, и я очень благодарен вам за всё.

Сегодня начну читать «Д〈ело〉 Арт〈амоновых〉» и попробую написать об этой книге вашей подробно и «не стесняясь».

Жму крепко руку, желаю здоровья!

Ваш Конст. Ф е д и н

На письме Федина Горький написал: Вам, молодым, надобно читать нас, стариков, очень внимательно, очень *придирчиво*. Очень. Не упуская из виду некоторых достоинств наших, вы все же ищите — где, в чем недостатки? Это, наверное, не позволит вам повторить ошибки наши. Да ведь и достоинства тоже — не вечны; прочность, надобность их должна быть исследована. Лучшим критиком художника может быть лишь художник [3].

[1] Письмо 25.
[2] Письмо 24.
[3] Эта же мысль высказана в письме Горького к Федину от 23 апреля 1926 г. (см. т. 29, № 821).

28

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Ленинград. 27.III.1926.

Получил ваш портрет [1], дорогой Алексей Максимович душевно благодарю вас за память! Как, однако, вы похудели, видно здоровье ваше не очень хорошо, или чересчур много работаете? Вы никогда ничего не напишете попросту о своем самочувствии, если и упомянете о здоровье, то вскользь, между прочим. Думаю, что вы слишком переутомляете себя. Последнее время я часто видался с Валентиной Михайловной [2], она много рассказывала о вас, о вашей тамошней жизни. Говорит, что — иной раз — почту привозят к вам на извозчике, а вы аккуратнейше все прочитываете, книги и рукописи, расставляете запятые малограмотным авторам, сердитесь, но все же читаете, ночами напролет. У меня волосы стали дыбом, когда я подумал, что этакая война с рукописями и письмами тянется у вас всю жизнь! Ведь от одного этого не поздоровится! Признаться, подумал я и о себе грешном: не слишком ли много отнимаю у вас внимания? Вот даже затеял какое-то подобие спора о вещах, давно для вас решенных, и вы правы, что свели все дело «к вопросам морали» [3]. Признаю, что неудачно выразил свою мысль, потому что — конечно — я далек от «утверждения необходимости тенденции в искусстве». В 4-й кн. «Нов〈ого〉 мира» пойдет моя статья об искусстве [4], написанная $2^1/_2$ года назад (тогда ее не напечатали). В ней есть и о «тенденции». Если это можно было заключить из моего последнего письма,— значит письмо это никуда не годно (с моей точки зрения!). Очень хорошо вы говорите в конце вашего письма о «биологической силе», которая внушает вам *вражду* ко всякому страданию. Я завидую такой силе, потому что не обладаю ею. И вся моя мысль о «клячах и рысаках» (ей-богу, в последний раз о «клячах»!) сводилась к тому что я — по-видимому — биологически неспособен действенно *ненавидеть* страдание, но только всегда *сочувствую* ему. Художник же, думаю я, обращает свой взор преимущественно туда, где есть простор и почва для его «сочувствия». Вот почему я часто вижу себя в кольце: о чем ни начал бы я говорить, я говорю только о страдании.

Не писал вам долго по многим причинам. Давно уже прочел и перечитал «Дело Артамоновых», и мое впечатление об этой книге вполне отстоялось. Попробую передать вам его.

Совершенно изумительно начало романа. Илья Артамонов — старик поражает, *подавляет* своею жизненностью. С первых строк книги и до самой своей нелепой смерти он *движется* по книге, так что страшновато

и сладко *за ним глядеть*. Замечательно вот что: когда я прочел *его* (это именно так), мне показалось, что я — выше ростом, что у меня очень широкие плечи, что я силен и немножко неуклюж. Я поймал себя на том, что у меня переменился голос, я помню, как заговорил с дочерью — по-новому — со странным чувством превосходства отца. Мне стало казаться, что я напложу много детей и они будут грубоваты, я буду с удовольствием и видимой строгостью понукать ими. А жену свою я совсем по-особому в этот день похлопал по плечу. Это длилось, конечно, недолго, минуту-другую, когда я, оторвавшись от книги, вышел в соседнюю комнату, *к семье*. Это заражение, исходящее от Артамонова Ильи, по-моему, решает всё: книгу уже нельзя не полюбить. Хорош Тихон Вялов, и совершенно неожиданно открывается — кто́ он, так что только в конце книги понимаешь всю силу этого человека. Думаю, что Вялов искуснее других героев раскрыт читателю; он все время — загадочен и кажется «хорошим человеком» неспроста, но почему — так и не знаешь; конец же подымает его на голову выше «хорошего человека», делает его героем, вся его жизнь у Артамонова, у «убийцы», становится послухом, борьбою с искушением. Образ Натальи хорош вначале, так же — Алексея (Никита от начала до конца сделан очень сильно, человек «во плоти»). К концу Алексей как будто туманнее, его превращение в либеральствующего дельца воспринимается сухо, это что-то головное. Наталья-невеста — прекрасна, первая ночь ее с Петром (и Петр в эту ночь) — взволнованная, чистая и мастерски совершенная сцена. Не знаю, была ли это ваша композиционная задача: строить первые части романа на «людях», вторую — на «деле». Это совпадает с темой (я понимаю ее так: дело, движимое вначале волею человека, постепенно ускользает из-под его влияния, начинает жить само собою, *своею* волей, более мощной и непреоборимой, пока — в революцию — окончательно не освобождается от человека). Но такое построение романа привело к тому, что он стал несоразмерен в частях, ибо вам пришлось во второй половине либо кратко упоминать об обстоятельствах и условиях роста «дела», либо повествовать о людях (излагать), тогда как в первой половине вы *изображаете* людей. Ведь то, что происходит на протяжении 90-х — 917 годов, несравненно больше *количественно*, чем 60-е — 80-е годы. Основание «дела» Артамоновыми, его первые шаги заняли, примерно, лет 7, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ к 70-му году «дело» уже вертелось. На изображение этого ушло полкниги, а в другую половину книги умещено 47 лет (приблизительно, конечно), причем в эти 47 лет происходит *тематически* самое важное: «дело» становится действующим лицом, «дело» сминает породивших его. Мне думается, этот композиционный недочет заметно повлиял на эффект конца: книга под конец схематичнее и суше. С этим обстоятельством совпадает другое. Характеры артамоновских внучат мельче и случайнее, чем — деда, отцов. Это так и должно быть, так и есть (к несчастью). Но это усугубляет разряжение конца романа.

Замечательно в книге то, что вы выступаете в ней с новой, молодой мощью. При чтении ускользает от внимания *род* материала, он кажется невиданным, небывалым в литературе. Только вдумавшись — видишь, что это материал Горького — уездное, Окуров, Гордеев, российское купечество из разночинцев и богатеи из мужичков. Но Дрёмов совершенно заново поставлен перед читателем, обернут такою стороной, которую мы ни разу прежде не примечали. Очень сильно и молодо.

Вот что мне грустно и больно видеть в вашей книге: ведь старик-то, поистине, великолепен, Илья старший! Ведь он *умел* и *сумел*. А сыны? У Петра все катится потому, что не может не катиться. Алексей форсит и сюсюкает (в Нижнем Петр хорош, Алексей отвратителен). А внучата —

дрянь. И «дело» — под конец тоже дрянь. Вот, разве, Илья — внук? Да ведь он *так и не появился на «деле»* и, надо думать,— ходит нынче с портфелем, заседает, «прекрасен в абстракции». Я не насчет идеологии, а насчет «дела»..

Серафим хорош, но из «утешителей» у вас лучший в рассказе «Отшельник». Серафим циничнее, суетливее, не излучает того света, что Отшельник. Никита очень примечателен. Жалко, что он слегка глуповат: поумней— восстал бы.

Ну вот. Простите мне мои неловкости в отзыве. Книгу эту вашу я полюбил [5].

Жму вам руку, от всей души желаю здоровья и сил.

Ваш Конст. Ф е д и н

В «Нов⟨ом⟩ мире» А. Белозеров пишет о вас. В 4-й кн. будет окончание. Там же отзыв на книги о Горьком [6].

Жена моя просит передать вам привет и свое восхищение вашими двумя последними книгами.

О заграница очень мечтаю. В мае надеюсь двинуться. «Гор⟨ода⟩ и годы» вышли 2-м изданием.

[1] См. письмо 18, прим. 7.

[2] В. М. Ходасевич (р. 1894), художница, в 1925 г. посетила Горького в Сорренто.

[3] См. письмо Горького от 3 марта 1926 г. (т. 29, № 815).

[4] В этом номере статья Федина напечатана не была. Она появилась через год («Новый мир», 1927, № 3) под заглавием «Об искусстве и критике».

[5] Отвечая Федину, Горький писал 23 апреля 1926 г.: «Дорогой Федин, спасибо за ваш отзыв об „Артамоновых“. Я считаю, что ваши указания на недостатки конструкции — совершенно правильны ⟨...⟩ Кое с чем в письме вашем я не согласен, но это для вас не интересно. А вот хороший, серьезный и открытый голос вашего письма очень дорог мне» (т. 29, с. 462).

[6] А. Б е л о з е р о в. Из молодых лет Максима Горького (По новым материалам).— «Новый мир», 1926, №№ 3, 4. Отзыв Горького об этой статье см. в письме его к А. А. Белозерову от 24 апреля 1927 г. (т. 30, № 858).

В 3-м номере «Нового мира» за 1926 г. помещена также рецензия Н. К. Пиксанова на кн.: Р. Г р и г о р ь е в. М. Горький. М., Госиздат, 1925; И. Г р у з д е в. Максим Горький. Биографический очерк (по новым материалам). Л., «Кубуч» 1925.

29

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Ленинград. Литейный 33, 13.
4.XI.1926.

Послал вам, дорогой Алексей Максимович, свою книжку [1], в которой вы не знаете одной повести (в книжке — две) — «Трансвааль». Все ждал, когда выйдет сборник последних моих вещей, но вдруг обнаружилось, что ГИЗ, с коим я подписал договор на сборник, восстал против «Трансвааля» (дважды напечатанного в России, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ у нас, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ в СССР, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ под наблюдением Главлита), находя эту повесть зловредной и еретической. Откуда мне сие? Ни сном ведь, ни духом! Ан, нет! Дискуссия в редпланах, коллегиях, кабинетах редакторов и прочее длилась многие месяцы, Москва собиралась изничтожить остатки ленинградского своеволия, обрушив на мою голову великое множество канонических отзывов весьма почтенных редакторов. Я буквально подломился под тяжестью поучительства всякого рода надзирателей, пока, наконец, Ленинград не пересилил. Дело, однако, конечно же!! в режиме экономии, не позволившем ГИЗу выкинуть на воздух мой аванс, а вовсе не в победах и триумфах так называемого здравого смысла. Я же проявил никак не похвальное упрямство, не согласился ни на купюры, ни на перемену названия книги. Так она и будет называться «Трансвааалем»,

обобщая этим именем все мои рассказы о русской деревне наших дней. Кстати, об опасностях обобщений. Вместе с книжкой я послал вам оттиск рассказа «Мужики» [2], названного «Новым миром» поскромнее — «Пастухом». Это последнее название, изобретенное лукавым умом, говорит о том, что в нашей деревне *может случиться* история, описанная в моем рассказе,— и только. «Мужики» же — это дело серьезное, бог

ГОРЬКИЙ и А. Б. ХАЛАТОВ С ИНОСТРАННЫМИ ПИСАТЕЛЯМИ

На фотографии (слева направо): Дж. Джерманетто, А. Б. Халатов, Горький, И. Бехер и Бела Иллеш Снимок сделан у дома Горького на Малой Никитской (теперь улица Качалова) в Москве, 13 июня 1931 г.

Отдел рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Москва

знает, что под сим именем таится, может, чего доброго, автор хочет сказать, что история, описанная в рассказе, как бы перманентно *случается*. Впрочем, все эти соображения — сущие пустяки, и не нам, российским писателям, говорить о них хотя бы даже вскользь. Сообщаю вам эти ничтожности просто в качестве, ну, скажем, подстрочных примечаний к истории текстов...

Пока суд да дело — сборник мой выйдет не скоро, поэтому и отослал вам разрозненные свои вещи.

Самая большая моя новость — я свободен от всяких «служб». Далось это ценою продажи на корню нового романа [3], над которым сейчас тружусь. Чувствую, что с выходом этого романа обрушится на меня поток шишек и не потому, что опасаюсь литературной неудачи, а просто таковы уже нравы Растеряевой нашей улицы: на втором или третьем шагу писателя надо его бить дубьем, батогами, кольями, кнутовищами, сапогом,

лучше всего — в морду, в самое хайло, чтобы чувствовал, паскуда, что над ним есть управа! Признаюсь, ожидаю такого самосуда даже с некоторым удовольствием. Ведь приятно как-никак приобщиться к сонму великомучеников и на каком-нибудь небесном конкурсе оспаривать первое место: а и меня кипятили во смолушке горячией, и меня жарили на сковородочке, да и не мне ль вогнали под ноготки да дюжину булавочек, да не меня ль подтянули на дыбушку, не меня ль клеймили клеймами железными?! А и спросит тут небесный отец: а и кто ты будешь, раб наш, добрый молодец, какого роду, какого племени? И ответит добрый молодец: а и роду мы рассейские, а и племени рабоче-крестьянские, а по промыслу да по отхожему — писатели! И простятся тут все грехи наши, все прегрешения, да и вольные и невольные...

Думаю, впрочем, что казнить меня будут нешибко, потому, что величали меня невысоко, и падение будет не бог весть сколь сокрушительное. Но уж побранят со вкусом и расстановочкой!

Вся «вышеизложенная» апелляция касается больше не меня, а моих друзей, я же все это лишь только предчувствую.

Опасений за литературную неудачу, говорю я, у меня нет, хотя это только внешне. До сего дня не могу понять я формулы об «установившемся писателе». Кажется, придумана эта формула людьми религиозными, любящими спокойствие, подобно тому, как отцами церкви решены все вопросы душеспасения и основ. И вот не могу я «установиться» и в каждой новой работе своей «мятусь», так что дни мои исполнены сомнений, и так я живу. Может быть, это слегка и глуповато, но верно вы сказали о моей «одержимости»...

В романе будут у меня такие люди: «иногородние» уральцы, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ купцы Нижне-Уральска, казаки с фарфосов (форпостов), немного волжан, много столичной интеллигенции — питерцев, иностранных людей немного; зверств тоже немного, смертей среднее количество, ужасов — в меру. Время наше, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ и предвоенные годы, и теперешний Ленинград, и даже гражданская война, но тоже в умеренной дозе (будет бой сынов с отцами на реке Чагане). Вообще хочется сказать о времени такое, что оно вовсе не нарублено кусочками, как капуста, а целостно, и что так называемая современность деликатно заготовлена нам нашими многоуважаемыми родителями. Трудность тут в композиции, чёрт ее знает, как свернуть в трубку конец прошлого века с пятым и двадцать пятым годами! Надеюсь, что сравнительная независимость, которой я ныне добился, поможет мне справиться с работой. А впрочем — как знать?

Заграничные мечтания мои, как видите, и в этом году не осуществились. Вместо всяческих Европ смотрел я снова и снова обычаи и норов нашей родительницы, проникаясь к ней ненавистнейшей ненавистью и другими чувствами, которых в письмо не вместишь. Проплыл на лодке много сотен верст, по Угре и Оке, в губерниях Смоленской, Калужской, Тульской, Московской. Был на Волге. В Нижнем, на ярмарке, думал о той поре, когда там «лечился» ваш Артамонов. Думал так: попади Артамонов вот теперь, на *эту* ярмарку (я бывал в Нижнем в 1904, 1908, 1912 гг.), сразу бы старик исцелился! Знаете, как дети говорят: это что — дяденька, или нарочно?.. Был в Черемшане, под Хвалынском, у староверов, в скитах. Замечательный народ! Испытав необычайные «утеснения» (из всех скитов остался один, наибольший, где старцы живут *вместе* со старицами, с беглыми купцами, а схимники, заготовившие себе гробы, — рядом с молоденькими послушницами), староверы наипаче всего помнят обиду исконную, от «ваших попов», рядом с которыми какой-нибудь коммунистический Мельников-Печерский — ангел во плоти! Отец Серафим — существо беззлобное, хотя шумливое, как все «австрийцы»,— раз-

откровенничавшись со мною, вдруг улыбнулся ненавистно, почти демонически, и прошипел: «Ну, да теперь им тоже попало, получше, как нам» (это — «вашим попам»). Крепкий народ, стоющий!.. В самом Хвалынске, при зоологическом музее, принадлежавшем правнуку Радищева, основан богатейший музей икон, изъятых из скитов. Заведует музеем корреспондент академии, немец, ботаник Варшавского университета Гросс. «Страшен вид этого человека!» Эвакуированный в войну из Варшавы, он застрял на Волге, пережил голод, но остался нерушим и тверд. По виду похож на святого римской церкви: худ до ужаса, брит гладко, обезображен базедовой болезнью, высок необычайно. За всю революцию музей не получал *ни одной копейки*, заведующий же состоит на окладе в 18 рублей и *часть этого оклада* уделяет на нужды музея. Так вот этот Гросс — тайная привязанность всего скитческого люда, ибо он, Гросс, хотя и «не наш», больше того — как бы агент нечистого, приставленный к благочестию,— но все же бережет от гнуса поповского святыню. Покропят потом (когда-то?) музейные иконы святою водицей и спрячут подальше. А пока пусть — лучше уж у немца, состоящего на жалованье в совете, чем еще где!..

Был я, конечно, и в «настоящих» волжских городах — в Самаре, Саратове. Все так же на тротуарах взвозов режется «помидора», так же отсыпаются на земле полуголые «галахи», такая смертная безотрадность, такая пьяная тоска!

И вот, два месяца побродив по Руси, опять я дома, в евразийском своем кабинете. Ничего не привез я нового, все то же! Какие-то свечки горят по земле мерклo, от свечки до свечки сотня верст, «тлеют по господу богу», а кругом великая скука, великое «зачем?» Эх, если бы вы, дорогой Алексей Максимович, опять все это увидели!

Простите, что пишу вам ни о чем и обо всем. Но, как всегда, пишу вам с радостью.

Как ваше здоровье? Ходит слух, что вы чувствуете себя хуже, верно ли это? Работаете ли над большим романом [4], о котором тут писалось? Есть ли новые издания, после «Артамоновых», не пришлете ли?

От всей души желаю вам здоровья, жму руку.

Любящий вас Конст. Ф е д и н

[1] «Наровчатская хроника». Харьков, «Пролетарий» (Библиотека современных писателей), 1926.

В книжку, кроме повести «Наровчатская хроника», вошел и рассказ «Трансвааль». На книге дарственная надпись: «Алексею Максимовичу Пешкову с любовью и преданностью. *К. Ф.*» (ЛБГ).

[2] Рассказ «Пастух».— «Новый мир», 1926, №№ 8—9. В отдельном издании вышел под названием «Мужики». Л., «Прибой», 1926.

[3] «Братья». Вышел в 1928 г. (Л., «Прибой»).

[4] «Жизнь Клима Самгина».

30

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

⟨Сорренто, 13 ноября 1926 г.⟩

Дорогой мой друг — замечательно интересное письмо прислали вы. И написано оно — прекрасно. Гневно-тоскливый тон его тоже как нельзя более оправдан. Для меня в этом письме вы встаете прежде всего как художник, очень серьезный, талантливый и зоркий. А как сегодняшний русский человек — вызываете такие размышления: жизнь — алогична, и нет и едва ли может быть такая идеология, которая могла бы удовлетворительно объяснить все алогизмы. Они — мучительны, да! Но ведь именно они главный и ценнейший материал художника. Когда предо мною некто очень мудрый трясет решето идеологии — все равно какой —

я не всегда ясно понимаю, что для меня питательнее: мука или отруби? Чаще мне кажется, что именно — отруби. Консерватор Хвалынского музея, Сваакер «Трансвааля», Игнатий «Наровчатской хроники» — отруби, не так ли? Но ведь:

На них-то всю историю
Построила судьба!—

как писал Добролюбов по поводу спора Погодина с Костомаровым о происхождении Руси [1].

Процесс осваивания художником действительности — тяжелый процесс. Жизнь, оплодотворяя его опытом — не церемонится, не щадит его души, но ведь только это ее безжалостное своекорыстие и насыщает художника волей к творчеству. Это говорится мною не ради утешения, а беседы ради, хотя, признаюсь, что я несколько встревожен, вам, видимо, очень нелегко.

И «Трансвааль» и «Мужиков» я читал, конечно. Сваакер показался мне сделанным несколько суховато, вы недостаточно подчеркнули смешное в нем, это его смягчило бы. А «Мужиков» прочитал тотчас же после романа Клычкова «Чертухинский балакирь» [2]. Знаменательно ваше разноречие с Клычковым, и, конечно, это разноречие — надолго. Как спаять сталь с медью? Город и деревня все более озорно́ дразнят друг друга.

Пишу — торопясь, ждут американцы [3], а ответить вам хочется сейчас же.

Очень рекомендую вам изданную «Временем» книжку Стефана Цвейг‹а› «Смятение чувств» [4] — замечательная вещь! Прочитайте. Этот писатель растет богатырски и способен дать великолепнейшие вещи.

Где Груздев? Я писал ему об одном предложении немцев [5],— он не ответил мне, что неважно, но — ответил ли он им?

Если встречаете Каверина — попросите его прислать мне «Конец хазы» и «Щиты и свечи» [6] — это нужно для одного «поклонника его таланта».

Крепко жму руку.
А. П е ш к о в

13—XI—26.

Кем-то издан мой рассказ «О тараканах» — не могу ли я получить его? Интересно [7].

[1] Горький приводит неточно строки из стихотворения Н. А. Добролюбова «Два порога», которое вошло в статью «Наука и свистопляска, или как аукнется, так и откликнется». У Добролюбова: «На них мою теорию поставила судьба» (см. Н. А. Д о б р о л ю б о в. Собр. соч. в шести томах, т. 6. М., Гослитиздат, 1939, стр. 111).

[2] См. Горький — Пришвин, письмо 14, прим. 7.

[3] О ком идет речь, установить не удалось.

[4] С. Ц в е й г. Собр. соч., т. III. «Смятение чувств». «Время», 1926. Книга была послана Горькому заведующим издательством «Время» И. В. Вольфсоном 22 октября 1926 г. Позже (8 декабря) Вольфсон просил Горького написать предисловие к собранию сочинений Стефана Цвейга, подготовляемому издательством «Время». Первый том собрания сочинений Стефана Цвейга вышел в 1927 г. с предисловием Горького (об отношениях Горького и Стефана Цвейга см. «Архив А. М. Горького», т. IX. «Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами»).

[5] В октябре 1926 г. в Сорренто приезжал директор берлинского издательства Malik Verlag Эд. Фукс с предложением издать биографию Горького на немецком языке. Горький рекомендовал для издания книгу, над которой работал Груздев, о чем сообщил Груздеву в письме от середины октября 1926 г. (АГ).

[6] См. Горький — Каверин, письма 2, 8, 10, 12. Отдельное издание повести «Конец хазы» вышло в 1926 г. (Л., «Жизнь искусства»). Экземпляр хранится в ЛБГ.

[7] Намек на то, что Горькому не был выслан номер альманаха «Ковш», в котором был напечатан его рассказ «О тараканах».

31

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Ленинград. Литейный, 33, 13.
4.III.1927.

Дорогой Алексей Максимович,

позвольте прежде всего сказать о том деле, по поводу которого я тороплюсь написать вам. Группе здешних писателей, после долгих стараний, удалось получить разрешение на создание в Ленинграде товарищеского (кооперативного) «Издательства писателей» [1]. Инициаторами дела были Семенов [2], Груздев, Слонимский, я и др. Очень помогли нам М. А. Сергеев [3] (сейчас он заведует «Прибоем» [4], который много внимания уделяет новой русской прозе), Ф. Э. Кример [5], которых мы привлекаем к участию в работе. О намерениях наших организовать такое изд⟨атель⟩ство вы — помнится — знали хорошо, и мои товарищи писали вам об общей нашей надежде, что вы не откажетесь поддержать дело своим участием в нем. Позвольте мне еще раз просить вас, дорогой Алексей Максимович, о вступлении в будущее «Книгоиздательство писателей в Ленинграде». Желательнее всего для нас и ценнее всего для изд⟨атель⟩ства было бы ваше согласие войти в редакцию и возглавить ее. Прошу вас об этом убедительно: одно вхождение ваше в редакционный совет принесло бы великую пользу и решило бы все дело наилучшим образом. В зависимости от участия вашего находится самое формирование редакции, и было бы хорошо, если вы, согласившись войти в изд⟨атель⟩ство, сообщили бы мне свое мнение о составе ред. совета, желательном и полезном для успеха работы. Другая наиважнейшая часть дела заключается в просьбе к вам дать что-нибудь для издания в этом писательском издательстве. Тут я не решаюсь говорить пространно, потому что только вы один в состоянии решить вопрос наилучшим для вас и для издательства образом. Но сугубо прошу не отказать!

Хлопоты о разрешении начаты были в сентябре прошлого года. К концу февраля разрешение оформлено. За это время многое изменилось, особенно по части рукописей, которые могли бы нас интересовать: писатели — народ нетерпеливый и голодный, ждать нельзя, и все распродано старым изд⟨атель⟩ствам. Таким образом дело приобретения рукописей и накопления т⟨ак⟩ н⟨азываемого⟩ «портфеля» — это дело сейчас становится трудным. Люди же практические, знающие книжный рынок, не только не боятся приближения летнего «мертвого» сезона, но всячески стремятся употребить его для издательской работы, говоря, что русская беллетристика «идет» теперь лучше другой литературы и не знает никакого «мертвого» сезона. (Пример — изд. «Прибой», на складах которого по беллетристике 1,5% остатков, или, как говорят книжники, «затоваривания».) Как видите, трудность дела обнаруживается с неожиданной стороны: раньше рукописей некуда было девать, а нынче их негде стало взять. И основная работа будущей редакции нашей будет состоять *в борьбе за рукопись*, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ ее — рукопись-то — придется почти что отбивать у конкурирующих издательств, кинувшихся за беллетристикой ввиду ее «рентабельности»! Что до денежных средств книгоиздательства, то их у него нет. И тем не менее: 1) мы не будем искать ни ссуд, ни субсидий; 2) мы не будем нуждаться в деньгах. Вот схема отношений, которые должны помочь нам осуществить эти два сакраментальные пункта. Наше изд⟨атель⟩ство заключает с «Прибоем» договор, по которому «Прибой» дает изд⟨атель⟩ству аванс под тираж такой-то книги. Изд⟨атель⟩ство оплачивает из этого аванса приобретенную рукопись и сдает выпущенную на средства «Прибоя» книгу на склад «Прибоя», который распространяет ее по соглашению с издательством.

Часть тиража, таким образом, гарантирует «Прибою» получение выданного изд⟨атель⟩ству аванса и затраченных на выпуск книги денег, а другая часть тиража приносит известный доход издательству, который идет на усиление его средств. При таких условиях через какой-то промежуток времени мы накапливаем оборотные средства и можем работать вполне независимо. Чем заинтересован «Прибой»? Тем, что его типография получает «нагрузку», т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ наше издательство увеличивает число выпускаемых «Прибоем» листов, и тем, что он увеличивает свои оборотные средства. При нынешних условиях это — такая выгода, что «Прибой» идет на наше предложение (на первый взгляд — бездоходное) с большой охотой. (Не могу не рассказать, à propos, про словечко, придуманное совсем недавно нашими издателями: «листаж». Слышали вы что-нибудь подобное? Это означает «количество листов, выпускаемых изд⟨атель⟩ством». Говорят: «а у них какой листаж?», «мы увеличили листаж в два раза». Тут издателям не дают спать лавры кинорежиссеров, давно уже употребляющих такое слово: «типаж», — «у него типаж неврастеника...»).

Хорошо было бы начать работу изд⟨атель⟩ства весною, чтобы к сезону выпустить сразу несколько книг. Но добрые люди торопят, говорят — надо выпускать скорее, теперь же, весной. Думаю, что лучше не спешить. Если нам удастся выбрать наилучшее из того, что в ближайшем будущем окажется у писателей, — мы обеспечим успех писательского дела. Но оно легко и конфузно может прогореть, если мы поведем его, сообразуясь только с «листажем»...

Весьма вероятно, что в Ленинграде удастся организовать журнал [6]. Об этом часто говорит Сергеев (он хотел вам написать на этих днях), припоминая, что полученное когда-то разрешение издавать журнал (под редакцией вашей, Ольденбурга[7], Вяч. Иванова и др.) [8] пропало всуе. Многие надеются на возможный ваш приезд в Россию на будущий год, ко дню шестидесятилетия вашего, и рассчитывают, что такой приезд ваш мог бы оказать большую услугу и радость литературе. Может быть, и правда соберетесь? Очень, очень было бы хорошо. Разрешите, к слову, поздравить вас с приближающимся днем рождения и пожелать вам всего хорошего. Я часто вспоминаю свое восторженное и глупое письмо, какое послал вам семь лет назад[9] вскоре после знакомства с вами. Письмо было совсем гимназическое (хотя я был очень взрослым человеком), я был болен тогда и жил очень трудно, но мне очень легко и хорошо было писать вам — просто так, по-глупому, — и поздравлять вас с днем рожденья. За письмо это, если бы показать его стороннему человеку, мне было бы сейчас очень неловко. Но когда я думаю о вас, я и сейчас чувствую все то же, и вот эти мои слова, которые я пишу, — такие же наивно-неуклюжие и смешные слова. Но перед вами мне даже не стыдно, и я с непонятной радостью говорю вам это.

Не писал я вам с осени. За эти месяцы я успел очуметь от работы и безалаберной, путаной российской жизни: так, наверно, и умрешь где-нибудь на полпути, на полуслове, все будет некогда, недосуг. Тружусь над романом[10]. Он пойдет в третьей книге «Звезды» (плохой журнал, единственный, впрочем, в Питере), которая выйдет скоро. Самое страшное: начинаю печатать его, не дописав, и работы еще очень много. Так вышло, к несчастью. От города бегу, заточаюсь, да будет он треклят... пока я не кончил писать!

У вас, наверно, давно не стало веры в меня, а я опять и опять пишу вам, что осенью хочу поехать на Запад, между прочим — на юг, в Италию. За деньгами и прочим, как будто, дело не станет: продал Собрание — четыре книги [11]. Продал «Прибою», а нужно было бы нашему изд⟨атель⟩ству, и «Прибой» переуступил бы, вероятно, если бы не Госиздат, с которым я поссорился.

ГОРЬКИЙ
Рисунок карандашом П. Д. Корина, Сорренто, 1932 г.
Музей Горького, Москва

Если мои книги выйдут под маркой «Книгоизд⟨ательства⟩ писателей», Гос⟨ударственное⟩ изд⟨ательство⟩ не спустит это ему и мне, ибо считает меня своим крепостным. А хорошо бы, лучше бы печататься в своем изд⟨атель⟩стве!

Жду вашего ответа, дорогой Алексей Максимович, и — еще раз — всего хорошего!

Любящий вас
К. Ф е д и н

Привет вам от жены.

[1] «Издательство писателей в Ленинграде» (1927—1934). Федин был председателем правления Издательства.

[2] Сергей Александрович *Семенов* (1893—1943) — писатель.

[3] Михаил Алексеевич *Сергеев* (р. 1888) — издательский работник, критик, очеркист, впоследствии этнограф, автор трудов о народах Севера Советского Союза.

[4] Рабочее кооперативное издательство «Прибой» возникло в Петрограде в 1922 г., выпускало общественно-политическую и художественную литературу. В ноябре 1927 г. в организационном и хозяйственном отношении было передано Госиздату РСФСР. В 1930 г. издательство влилось в систему ОГИЗа.

[5] Фридрих Эдуардович *Кример* (р. 1888) — по образованию экономист. Познакомился с Горьким в 1913—1914 гг. в Мустамяках. Принимал участие в издании газеты «Новая жизнь». В 1919—1920 гг. жил вместе с Горьким в Детском Селе. С 1929 г. работал на Дальнем Востоке. По предложению Горького, материалы, присланные Кримером, были использованы в номере журнала «СССР на стройке», посвященном Камчатке.

[6] Имеется в виду попытка М. А. Сергеева начать издание журнала под названием «Минувшие дни». Вместо журнала в 1927—1928 гг. были выпущены четыре книжки «Минувшие дни» (иллюстрированный исторический альманах, под редакцией М. А. Сергеева и П. И. Чагина).

[7] Сергей Федорович *Ольденбург* (1863—1934) — востоковед, академик. Был близко знаком с Горьким и участвовал в ряде его литературных начинаний.

[8] Замысел создания журнала относится к 1925 г. 9 сентября 1925 г. М. А. Сергеев писал Горькому по этому поводу:

«Меня послали врачи в Меран, и Илья Ионович Ионов, заместителем которого я работаю около года (в Ленгизе), поручил мне повидаться с вами и окончательно сговориться относительно издания предложенного вами в записке вашей от 25 июля журнала ⟨...⟩

Согласно московскому решению — журнал издается в Питере нами (Ленгизом), состав редакции определен в 4—5 человек, из них персонально — вы, Ф. А. Браун и В⟨яч.⟩ Иванов, а один или два человека — питерцы, относительно которых нам с вами следует столковаться.

Название — предложенное вами — „Собеседник“» (АГ).

[9] Речь идет о письме от 27 марта 1921 г. (АГ).

[10] «Братья». Роман впервые опубликован в «Звезде», 1927, №№ 3—9, 11—12; 1928, №№ 2—3.

[11] Издательством «Прибой» было выпущено в ^свет первое Собр. соч. Федина (Л., 1927—1928).

32

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

⟨Сорренто. 16 марта 1927 г.⟩

Дорогой мой Федин —

согласитесь, что быть редактором номинально — я не могу, а фактически редактировать — как же это возможно? [1] Затем: примите во внимание мою загруженность работой и корреспонденцией. Вот это письмо вам — сегодня одиннадцатое. И, наконец, вот что: если б я был в Петербурге, то и тогда отказался бы от редакторского чина. ибо не чувствую себя способным на это дело, особенно трудное и глубоко серьезное в наши дни.

Не могу я и дать вашему издательству какую-либо свою книгу, ибо — связан договором с Госиздатом. Да и нет еще у меня никакой книги.

Почему бы вам не привлечь Сергеева-Ценского, если не в качестве редактора, то участником издательства, сотрудником? И — Пришвина? Это писатели более талантливые, чем я, и люди более тонкого литературного вкуса, — они оба умеют брать литератора чисто, как такового, а мне за рукописью всегда виден человек, и это мешает правильной оценке его работы. Пришвин особенно мощно растет как художник, его искусство уже почти волшебство. То же можно сказать и о Ценском.

Вы, Федин, знаете, что я не ленив, работы не бегу, но мне так сейчас много нужно свободного времени, что, право же, я отказываюсь от предложения вашего на основаниях солидных для меня. И — повторяю — отказался бы, даже будучи в Петербурге.

Не сердитесь на меня.

Крепко жму руку. С нетерпением жду вашего романа[2].

А. Пешков

16.III.27.

Какая интересная книга «Республика Шкид» [3].

[1] Впоследствии, в 1931 г., Горький принял деятельное участие в работе «Издательства писателей в Ленинграде» (см. письмо 44).

[2] «Братья».

[3] Г. Белых и Л. Пантелеев. Республика Шкид. М.—Л., Госиздат, 1927.

33

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Саратов. 8.III.1928.

Дорогой Алексей Максимович,

сегодня я кончил своих «Братьев», и вот пишу вам первому об этой радости. Право, давно я не чувствовал такого счастья, и ни разу за истекшие полтора года не мог бы написать вам с таким легким сердцем. Только поэтому и не писал. Я привык обращаться к вам или с решенной или с безнадежно брошенной задачкой, как прилежный ученик — к учителю. А последнее ваше письмо (весной прошлого года, правда, — по второстепенному «деловому» поводу) немного напугало меня тем, что уж очень вы утруждаете себя ответами даже на «коротенькие» письма. Я тогда же положил не писать вам, пока не решу своей «задачки». А сегодня не могу удержаться — пишу беспредметно, ни о чем, просто вот «так»! Уж очень хочется сказать, что я рад! Радость, конечно, не от того, *как* я выполнил работу, а от того, что *выполнил*. Сейчас я вовсе не способен судить о сделанном. Одно я знаю твердо: работал я над романом, пожалуй, так же упрямо, как мой Никита над музыкой, и теперь у меня вместо сердца — дырявый мешок и вместо головы — пустое ведро. Жить же мне вкусно, как никогда!

Груздев говорил мне, что за «Братьями» по журналу вы не следили. Я рассчитываю на скорый выход отдельного издания (раньше, наверное, в Берлине)[1] и пошлю вам книгу, как только она выйдет. Тогда буду просить вас уделить роману свободный вечер. Пожалуйста, не сочтите мою просьбу докукой.

Простите бестолковую мою неловкость: я хотел начать письмо с приветствия по поводу вашего юбилея [2], но непосредственность сегодняшних моих чувств оказалась сильнее моих намерений. Настолько сильнее, что вот... я простодушно сознаюсь в этом!

Я очень хочу присоединиться к самым искренним поздравлениям, которые вы получаете теперь, дорогой Алексей Максимович. Но только один способ сделать это кажется мне сердечным: я просто еще раз благодарю вас за все, что вы сделали для моей личной судьбы и для судьбы литературной. Чувство настоящей человеческой признательности к вам и есть мой привет ко дню вашего рождения.

У меня большое желание повидать вас, Алексей Максимович. Вы изверились, конечно, в том, что я когда-нибудь выберусь за границу, и махнули на мою болтовню рукой. Но теперь у меня найдутся и деньги и другие возможности поехать. Однако здесь уверенно пишут, что весной вы собираетесь в Россию. Будьте добры написать мне, когда вы поедете и каким путем. Весною я буду в Германии. Если ваш путь лежит через Берлин, то я постараюсь встретить вас там. Впрочем, все зависит от того, когда вы поедете: возможно, что я буду еще в России [3].

Очень прошу сообщить мне ваш маршрут и сроки поездки.

Желаю вам всего, всего наилучшего. Как вы теперь чувствуете себя и не боитесь ли нашей капризной весны?

Будьте здоровы!

Любящий вас
Конст. Ф е д и н

Адрес мой прежний: *Ленинград, Литейный пр., 33, 13.*

Простите за торопливость письма: уж очень я к себе не требователен сейчас!

[1] «Братья». Берлин, «Петрополис», 1928.
В Ленинграде роман «Братья» был выпущен в 1928 г. изд-вом «Прибой». Книга была послана Горькому с дарственной надписью: «Алексею Максимовичу Пешкову дружески преданный К. Ф е д и н. 9.VI.1928, Москва» (ЛБГ).

[2] 28 марта Горькому исполнилось 60 лет.

[3] Поездка Федина за границу (в Норвегию, Голландию, Данию, Германию) состоялась летом 1928 г. после встречи с Горьким в Москве.

3

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

⟨Сорренто. 21 апреля 1928 г.⟩

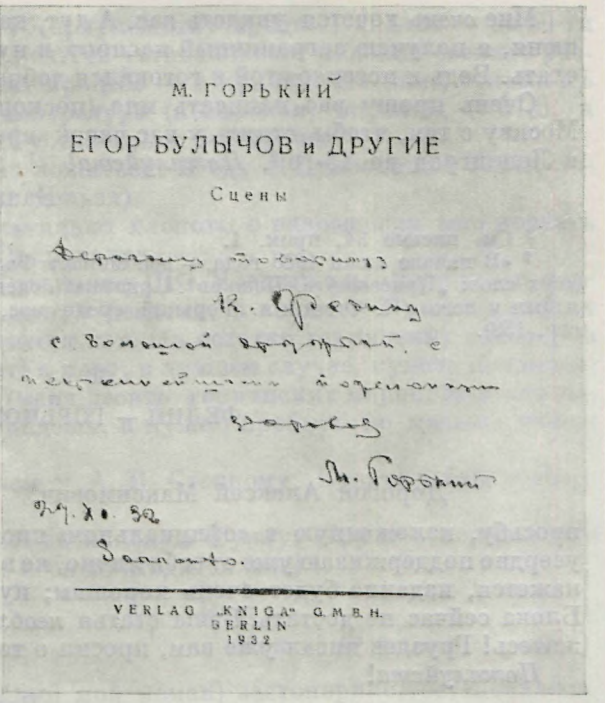
Более м⟨еся⟩ца тому назад получил ваше письмо, читал и посмеивался, чувствуя в словах и за словами вашу, очень понятную мне, радость. Это всегда хорошо — кончить какое-нибудь трудное дело, но у меня к радости примешивается еще и тревожный вопросец: а еще что ты можешь? И — можешь ли уже? Недоверчив я к себе. Этим, наверное, можно объяснить торопливость и шероховатость моего «творчества», как теперь говорят.

А «Братьев» прочитать мне, кажется, не суждено. Начал в «Звезде», но некто взял «почитать» две книжки и, разумеется, не возвратил их, а увез в Турцию. Начало мне очень понравилось строгим тоном, экономностью слов, точностью определений. Жду отдельного издания. М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, оно уже вышло и послано мне, но — до меня не дошло. Тут со мной невесело играет почта. Вот уже более м⟨есяца⟩ я не получаю из Рос⟨сии⟩ ни одной газеты, ни журналов, ни книг, хотя, по письмам, знаю, что все это мне послано и посылается аккуратно. Писал в полпредство: в чем дело? «Спросим», — ответили мне. Странно. Писем получаю полсотни — в среднем — ежедневно, простых и заказных; на многих конвертах адреса пишутся только по-русски, карандашом, безграмотно, а все это — доходит. Книг, журналов, газет — ни одной!

В Россию еду около 20-го мая. Сначала — в Москву, затем — вообще. Обязательно — в Калугу [1]. Никогда в этом городе не был, даже как будто сомневался в факте бытия его, и вдруг оказалось, что в этом городе некто Циолковский открыл «Причину Космоса» [2]. Вот вам! А недавно 15-летняя девочка известила меня: «Жить так скучно, что я почувствовала в себе литературный талант», а я почувствовал в ее сообщении что-то общее с открытием «Причины Космоса».

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГОРЬКОГО К. А. ФЕДИНУ НА КНИГЕ «ЕГОР БУЛЫЧОВ И ДРУГИЕ» (БЕРЛИН, 1932):

«Дорогому товарищу К. Федину с большой дружбой, с искреннейшими пожеланиями здоровья.
М. Горький. 27.XI.32. Sorrento»
Собрание К. А. Федина, Москва


М. ГОРЬКИЙ

ЕГОР БУЛЫЧОВ и ДРУГИЕ

Сцены

VERLAG „KNIGA" G.M.B.H.
BERLIN
1932

Вообще же наша Русь — самая веселая точка во Вселенной. «Я человек не первой молодости, но безумно люблю драмы писать», — сказал мне недавно некто. Никто в мире не скажет этакого!

До свидания! Обязательно встретимся, да?

А. Пешков

21.IV.28. Sorrento.

[1] 28 мая 1928 г. Горький приехал в Москву. В июле-августе им была совершена поездка по Советскому Союзу. Горький посетил Курск, Харьков и др. города, но в Калуге не был.

[2] К. Э. Циолковский. Причина космоса (Конспект. Август 1925 г. С доб〈авлением〉 отзыва о «Монизме вселенной» и ответов на вопросы по поводу этой книжки). Калуга, 1925.

Об интересе Горького к личности К. Э. Циолковского свидетельствует его письмо к писателю К. Н. Алтайскому (т. 30, № 981) и поздравительная телеграмма, посланная ученому в день его 75-летия (т. 30, № 1056). В АГ хранятся письма К. Э. Циолковского Горькому от сентября 1932 и от 24 декабря 1933 г.

35

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Ленинград. Литейный, 33, кв. 13.
3.VI.1928.

Дорогой Алексей Максимович,

поздравляю с приездом [1] и благодарю за поклон, который привез мне от вас Груздев. Надо же случиться такой незадаче: я рассчитывал, что вы приедете в Ленинград до 15-го июня (да и все здесь ждут вас недели через полторы), а вы — как будто — не очень торопитесь и, судя по тому, что рассказывает Груздев, может быть, поедете сначала по провинции (мы ведь упрямо считаем Ленинград столицей).

Мне *очень* хочется увидеть вас. А тут, как на грех, именно в середине июня, я получаю заграничный паспорт, и нужно будет, не теряя времени, ехать. Ведь к поездке этой я готовился добрых пять лет.

Очень прошу вас написать мне (поскорее) — могу ли я приехать в Москву с тем, чтобы отнять у вас часок времени (если вы не соберетесь в Ленинград до 15-го)[2]. *Пожалуйста*!

Ваш Конст. Ф е д и н

[1] См. письмо 34, прим. 1.

[2] «В начале июня 1928 года,— вспоминает Федин,— я получил телеграмму из двух слов: „Приезжайте. Пешков". Приезжать следовало в Москву. ‹...› Через день я был у него» (К. Ф е д и н. Горький среди нас, ч. II. М., Гослитиздат, 1944, стр. 159).

36

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Ленинград. 26.X.1930.

Дорогой Алексей Максимович,

просьбу, изложенную в «официальном» письме изд‹атель›ства [1], я очень усердно поддерживаю уже от себя лично, не в ипостаси «председателя». Мне кажется, издание будет очень хорошим; нужда в нем большая, так как Блока сейчас не достать. Ваша статья *необходима*! Пожалуйста, не откажитесь! Груздев писал уже вам, просил о том же.

Пожалуйста!

Ваш Конст. Ф е д и н

Я все хвораю, без конца лечусь, ничего не выходит. Однако работаю: сижу над романом [2], современным и страх каким трудным! Не знаю, что получится.

[1] В письме от 26 октября 1930 г. (АГ) Федин от имени правления «Издательства писателей в Ленинграде» просил Горького написать вступительную статью к собранию сочинений А. А. Блока. 9 ноября 1930 г. Горький ответил Федину: «Я уже сообщил И. А. Груздеву, что не ‹в› силах написать об А. А. Блоке, ибо уверен: написал бы что-нибудь грубоватое и несправедливое. Мизантропия и пессимизм Блока — не сродни мне, а ведь этих его качеств — не обойдешь, равно как и его мистику‹...› Вообще — у меня с Блоком „контакта" нет. Возможно, что это — *мой* недостаток. По этим причинам — отказываюсь писать, не сердитесь!» (т. 30, с. 191—192).

Предисловие к собранию сочинений поэта было написано А. В. Луначарским (см. А. А. Б л о к. Собрание сочинений, тт. 1—12. «Издательство писателей в Ленинграде», 1932—1936).

[2] «Похищение Европы». Первая книга романа была окончена в 1933 г. Печаталась в «Звезде», 1933, №№ 4—8, 11—12. Отдельное издание первой книги романа («Издательство писателей в Ленинграде», 1934) было послано автором Горькому с дарственной надписью: «Дорогому Алексею Максимовичу — затянувшееся предисловие к роману — Конст. Ф е д и н — с любовью и преданностью. Москва, 5 июня 1934» (ЛБГ).

«Первую книгу ‹„Похищение Европы"› Горький читал и говорил со мною о ней в Горках — не помню, в какое именно мое пребывание там. Особенно подробно остановился А. М. на амстердамских главах романа и сценах базара, понравившихся ему, кажется, больше всего. Вообще 1-ю книгу он одобрил» *(К. Ф.)*

37

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Ленинград. 26 мая, 1931 г.

Дорогой Алексей Максимович,

со мной случилась беда: заболел туберкулезом. В апреле был грипп, в какой-то неподобной форме, а потом обнаружилось, что в обоих легких —

активно-прогрессирующий туб‹еркулезный› процесс; анализ — до 50-ти палочек Коха в поле зрения; рентген устанавливает явления свежего распада в левом легком и старый процесс — в правом. На днях открылось кровохарканье. Конечно, температура (невысокая, впрочем, — 37,5, а сначала доходила до 39), пот, усталость и все прочее.

Приказано мне немедленно ложиться. Я еду в Пушкинские Горы, ложусь (климата менять сейчас нельзя).

Тем временем товарищи начинают хлопоты о разрешении мне поехать за границу. Врачи гонят в Шварцвальд.

Я подал ходатайство в Культпроп ЦК. Убедительно прошу вас поддержать мою просьбу! Все дело в деньгах, в валюте. У меня никаких средств для заграничного лечения нет. На остатки германских гонораров (другие иностранцы не платят) я могу, в лучшем случае, купить полдюжины галстуков. А мне нужно тысяч десять германских марок: дешевле тысячи в месяц санатория не найдешь, а нужно пробыть не меньше десяти месяцев.

С ходатайством я обратился к А. И. Стецкому. Будьте добры поговорить с ним.

Жму вам руку, благодарю за папскую «буллу» (Груздев передал мне этот опереточный документ, и он пригодится мне) [1].

Ваш

Конст. Ф е д и н

«Похищение Европы» (новый мой роман) застопорило, остановилось. Но все-таки надеюсь напечатать первую книгу осенью.

[1] Вероятно, имеется в виду энциклика римского папы Пия XI «О восстановлении социального порядка» (от 15 мая 1931 г.), которая обнаружила идеологическую близость католической церкви с фашизмом, несмотря на видимость идейных разногласий между ними.

38

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

‹Москва. Между 28 мая — 5 июня 1931 г.›

Дорогой Константин Александрович!

Крайне огорчен и напуган вашим сообщением о болезни. О необходимости отъезда вашего за границу говорил с кем следовало, и всё, что для вас в этом случае потребно, мне обещали сделать. Но говорят, что немедленный отъезд может дурно повлиять на вас, а потому вам предложено будет полежать, кажется, в Петергофе. Хлопот о валюте не прекращу, доколе она не будет в руках у вас.

Очень советую: не останавливайтесь в Сан-Блазиене в санатории проф. Бакмейстера [1], я у него жил, это весьма грубый и жадный человек: его считают опытным туберкулезником, но с больными он небрежен.

Если окажется, что вы останетесь на месяц, — не премину увидаться с вами, чтоб пожать вашу руку, заочно пожимаю ее и сейчас.

А. П е ш к о в

Питайтесь получше, пообильнее!

Датируется по помете Федина: «Получено в Вороничах — из Москвы, 7.VI.1931 г. Письмо было прислано с оказией в дер. Вороничи, через Ленинград».

[1] В санатории Бакмейстера Горький лечился в 1922 г.

39

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Деревня Вороничи, дом Черепнина,
п/о Пушкинские Горы, Ленингр. обл.
9 июня, 1931.

Большое спасибо за участие и помощь в моем невеселом деле, дорогой Алексей Максимович! Груздев переслал мне сюда ваше письмо, за которое особенно благодарю вас, потому что сочувствием вашим дорожу не меньше, чем деловою поддержкой. Второй раз за истекшие десять лет, и в самое неблагоприятное — в бытовом отношении — время, я попадаю в беду из-за нездоровья, и второй раз вы мне так живо и действительно помогаете. В 21-ом году, когда меня наново перекроил и перешил Греков[1], я ведь быстро и хорошо поправился только благодаря вашему «миллиону», обеспечившему мне нужный стол. Сейчас наступило дело, как будто, более затяжное. Но я слегка надеюсь на свой возраст (мне уже сороковой год!), не очень, словно, опасный по туберкулезу, хотя у меня и отвратительная наследственность.

Почему Пушк⟨инские⟩ Горы? Прежде всего — потому, что *питание*. Я здесь *утопаю* в молоке, сливках, сметане и других молочных произведениях, ем сколько могу (и сколько не могу) яйца, получаю кур. Местность тут высокая, сухая, открытая, вне влияния капризов нашей Маркизовой лужи. Таких условий питания нигде под Питером получить нельзя. Потом: я устроился во вполне человеческих условиях — в смысле чистоты, услуг. Уход за мной обеспечен, — я живу с женой. Петергоф? Я не знаю, чем прославлен Петергоф, кроме фонтанов и Дома ученых, говорят — очень плохого. Речь может идти — кажется мне — о Детском Селе. Там есть туб⟨еркулезный⟩ диспансер, я бывал в нем. Но заведующий этим санаторием — д⟨окто⟩р Крижевский — лечит меня. Он не рекомендовал мне поселяться там, потому что в этом, в общем хорошем, учреждении сейчас из рук вон плохо с питанием. Это сейчас повсеместная и главная беда. Именно по настоянию Крижевского я и поехал в деревню, благо мне посчастливилось найти хорошие условия. Пишу вам так подробно об этом, чтобы вы не беспокоились о моем теперешнем положении. Доктор, лечивший меня последнее время, должен приехать сюда, посмотреть меня и переменить лекарственные назначения, ежели понадобится.

С каким-то странным недоумением привыкаю к состоянию человека, который чувствует себя иногда совсем неплохо, но опасно болен и должен лежать на воздухе, прикрыв ноги и тело пледом, поплевывая в плевательницу, нося эту плевательницу повсюду с собою, раздумывая о сквозняках, о погоде, о непостоянстве ветров и прочем. Нельзя подойти к дочери так, как привык подходить к ней, нельзя не думать о своей ложке, чашке, подушке. Странно. Мучит меня кашель. Половина Ленинграда мобилизована мною, чтобы достать тиокол. И вот все жду. Наверно потом сразу посыплется со всех сторон, так что можно будет открыть свою аптечку. Режим я соблюдаю педантично, одно несчастье — не могу бросить курить. Довел свой паек до 10—12 папирос, а надо бы еще меньше, да не в силах. Хороших папирос нет, достал немного перед отъездом — теперь они на исходе, и надежда только на одного благородного голландца (моего эксперта по голландской части «Похищения Европы» Пельтенбурга[2], которого вы, к⟨ак⟩ б⟨удто⟩, знаете). Пожалуйста, не сочтите это за неловкий намек: мой голландец *наверно* пришлет папирос, и я обойдусь.

Страшно тоскливо, что нельзя как следует работать. Вся история разразилась в разгар работы; я довел ее до такого уровня, что оставалось только писать — все было слажено, пригнано, заготовлено, и осенью

я хотел начать печатать. А теперь не знаю. Боюсь страшно, что немцы запретят мне писать, пока буду в санатории. Я тогда совсем свяну. Вообще немного побаиваюсь немецкой санаторной тоски. Если буду погибать,— вышишу туда жену, тогда не откажите, Алексей Максимович, помочь ей в получении паспорта, если ей будет трудно добиться и она обратится к вам. Она могла бы тогда поселиться неподалеку от санатория, да и я, после нескольких месяцев санаторного лечения, вероятно, получу возможность перебраться в пансион, — надеюсь, по крайней мере.

Сейчас мне, конечно, трудно ехать. Из Псковской губернии в Шварцвальд — не такой простой путь. Но через месяц я окрепну, и тогда можно будет трогаться. Главное — к этому времени оформить дело с получением валюты. Я поручил вести все дело (т⟨о⟩е⟨сть⟩ формально-бумажную, техническую сторону дела) Михаилу Алексеевичу Сергееву. Если бы вам, Алексей Максимович, понадобилось узнать что-нибудь о ходе и движении хлопот, или же — сообщить что-нибудь со своей стороны — вы можете написать Груздеву: он связан с Сергеевым, и может быстро обо всем разузнать.

Писали мне о литературном собрании у вас, на Никитской [3]. И — не знаю, как пришлось это собрание вам,— мне оно вчуже показалось тяжким. Словно у людей начисто выхолощена любовь к литературе (экое старое слово!), всякое чувство к ней. Словно распахнулась дверь в кино, и люди табуном кинулись занимать ненумерованные места, чтобы усесться на передних стульях. Зачем? Может лучше-то видно со средних или с задних? Это нелепое состязание за первенство — в чем, где, зачем?! Эта всеобщая свалка, называемая литературной борьбой, причем за свалкой уже не видно литературы! И эти скучные страстишки, страстишки... Впрочем, может быть, я не знаю всего, может быть, было и хорошее. Но вряд ли было. Правда?

Сердечно рад, что вы хотите повидаться со мной, и сам очень, очень хочу увидеть вас! Но как это сделать? Сюда вас невозможно пригласить— далеко и крайне неудобно ехать. Когда вы будете в Ленинграде? Не совпадет ли ваш приезд туда с моим отъездом в Германию? Вот было бы чудесно! Напишите, пожалуйста, буду ждать. Есть у меня одно сокровенное желание — *прочитать* вам несколько глав из «Похищения». Да едва ли это удастся.

Будьте здоровы и — еще раз — благодарю вас за помощь!

Ваш Конст. Ф е д и н

[1] Иван Иванович *Греков* (1867—1934) — известный хирург. С 1895 г. работал в хирургическом отделении Обуховской больницы в Ленинграде.

Об И. И. Грекове см. в кн.: Ф е д и н. Горький среди нас, ч. II. М., Гослитиздат, 1944, стр. 25—30.

[2] Генрих Федорович Пельтенбург, которого Горький просил выслать в Сорренто книгу с описанием работ по осушению залива Зейдер-Зе в Голландии.

[3] Имеется в виду совещание советских писателей, состоявшееся 30 мая 1931 г. на московской квартире Горького (Малая Никитская, 6).

«Здесь были члены РАППа — Российской ассоциации пролетарских писателей — и так называемые попутчики. Шел разговор о литературе, но вначале он сводился к взаимным упрекам, недоверию друг к другу, сомнениям в искреннем желании работать рука об руку. Писатели, члены РАППа, упрекали „попутчиков“ в безыдейности, аполитичности, попутчики отвечали жалобами на грубость рапповской критики, говорили о пренебрежении рапповцев к художественной форме; спор принял хаотичный, бессодержательный характер. И тогда взял слово Алексей Максимович. Он говорил о самом главном — о том, что этот спор и взаимные упреки свидетельствуют о равнодушии к литературе, к ее великим задачам⟨...⟩ Он призывал писателей к тому, чтобы общими усилиями создать великую, передовую советскую литературу, которая будет служить народу и помогать строить социализм» (Л. Н и к у л и н. Жизнь есть деяние.— Сб. «М. Горький в воспоминаниях современников». М., Гослитиздат, 1955, стр. 544—545).

40

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

‹Горки. 16 июня 1931 г.›

Дорогой Константин Александрович —

деньги обеспечены в размере тысячи дол‹ларов› на первые два-три месяца; потребуется еще — сообщите заранее письмом, отсюда не замедлят выслать, ручаюсь. Лучше всего — пишите об этом на мое имя, я из Москвы не уеду все лето, а если и уеду, так в Ленинград, на несколько дней. Значит: одновременно пишите И. А. Груздеву.

Слышал, что здоровье ваше не столь плохо, как вы пишете, однако же, если б захотелось возвратиться в октябре — ноябре, предположим — так возвращайтесь в Крым или Абхазию, сиречь в Гагры.

О том, что лит‹ературное› собрание было сумбурным и грустным,— вам сообщили правильно, о том, что «любовь к литературе выхолощена», вы пишете верно. Никто не умеет говорить о литературе как целом, всякий говорит только о себе, точно он и есть — вся литература. Очень скучно! И очень плохо знают люди жизнь, да как будто и знать ее не хотят, а если и хотят, так с каким-то судейским — судебных следователей — садизмом ищут в ней преступного, ищут черты отрицательного значения. Очень удивляет меня эта профессиональная склонность к поискам всего, что, так или иначе, способно обидеть работу дня, дело жизни.

Не вразумительно говорю? Устал очень.

Крепко жму вашу руку и усердно советую: не увлекайтесь думами о болезни, ставьте против ее вашу волю к жизни. Это — неплохой совет.

А. Пешков

31.VI.16.

41

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Вороничи. 11 августа 1931.

Дорогой Алексей Максимович,

вчера меня известили, что паспорт и разрешение на валюту получены, и таким образом мой отъезд на лечение стал реален. Еще раз крепко благодарю вас за помощь в этом моем деле. Последнюю неделю мне стало опять хуже, я лежал с темпер‹атурой› до 38,4, кашель дергает и треплет до изнеможения. Надеюсь, что этот приступ утихнет, и числа 17-го я перееду в Ленинград, где пробуду дня четыре. Хотелось бы с первого сентября уже залечь в санатории. Думаю, что удастся.

Трудно строить к‹акие›-н‹ибудь› планы, перед тем, как на полгода собираешься в санаторий, но по привычке неизбежно заглядываешь вперед. Мне очень хотелось бы, наприм‹ер›, быть в курсе работы по изданию «Истории гражд‹анской› войны». Первоначальный проект, видимо, изменился [1], и должны возникнуть новые задачи для редакторов. Пожалуйста, скажите кому нужно из товарищей по работе в этом издании, чтобы меня не забывали извещать о ходе работ и прежде всего о том, что будет делаться в художественной редакции. Я сейчас разыскиваю одного человека, который много может помочь в воссоздании интереснейшей страницы из истории анархо-бандитизма на Волге (Пугачевск, Хвалынск). Такой материал можно было бы, по-моему, поднести и в повествовательно-художественной форме. Не так ли?

Связь со мною можно будет поддерживать через И. А. Груздева или адресуясь прямо на мою квартиру: Ленингр‹ад›, Пр‹оспект› Володарск‹ого›, 33, 13. Желаю вам всего хорошего!

Ваш Конст. Федин

ГОРЬКИЙ НА ЗАСЕДАНИИ ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
15 АВГУСТА 1933 г. В МОСКВЕ

Выступает А. А. Фадеев. Среди присутствующих: в первом ряду (слева направо): М. А. Алексеев, И. Ю. Кулик (третий), В. Я. Кирпотин; во втором ряду: А. Лахути, Г. К. Никифоров, Л. М. Леонов и др.

Фотография

Музей Горького, Москва

[1] Летом 1930 г. Горький задумал организовать издание серии книг по истории гражданской войны. Предложение Горького обсуждалось на заседании правления Госиздата 10 июля 1930 г. Основную роль в создании «Истории гражданской войны», рассчитанной на широкие массы рабочих и крестьян, Горький отводил советским писателям.

«Историю гражданской войны,— писал А. М. Горький,— должны литературно обработать наши наиболее талантливые литераторы, активные ее участники, непосредственные свидетели и люди хорошо знающие места действия.

К работе этой надо привлечь:
По Средней Волге — К. Федина,
Северному Кавказу и по Гуляй-Полю — А. Толстого,
Сибири — Зазубрина, Фадеева, Вс. Иванова, Шишкова,
Украине — Петро Панча и А. Давидовича,
Крыму — Ал. Малышкина,
Петербургу — Ю. Тынянова,
Флоту — Либединского, Лавренева,
Донбассу — Олешу, а Шолохов — казачество,
Одессе и Григорьевщине — Соколова-Микитова,
Северу (Архангельск, Мурманск) — Леонида Леонова,
Туркменистану — Н. Тихонова,
Басмачам и Афганистану — Льва Никулина,
Уральским заводам — Артема Веселого,
Заговорам — Ольгу Форш.

Участие названных писателей в литературной обработке материала истории я считаю совершенно необходимым. Они должны придать „Истории“ удобочитаемость, яркость, картинность, эмоциональную заразительность художественного произведения.

Побочный результат: эта работа приблизит наших литераторов к делу рабочего класса, обогатит новыми темами. Наша путаная, легкомысленная и слишком

самовлюбленная критика не воспитывает писателей. Она стоит еще дальше от жизни, чем те, кого она пробует научить, не совсем ясно понимая, чему именно следует учить» (письмо к И. В. Сталину. 1930 — начало 1931. Машинописная копия, АГ).

Инициатива Горького была поддержана Постановлением ЦК ВКП(б) от 30 июля 1931 г.— «Об издании „Истории гражданской войны"».

По мере развертывания работы представление о типе издания и характере сборников менялось. Первоначально предполагалось, что каждый сборник будет состоять из двух самостоятельных разделов: научно-исторических статей и литературно-художественных произведений на темы гражданской войны и революции. Горький придерживался иной точки зрения, считая, что каждый том должен представлять собой целостное произведение.

«Представьте себе,— говорил Горький,— что, например, т. Фадеев берет тему по Дальнему Востоку. Подбирает группу литераторов, участников событий того времени. Он работает вместе с военным редактором, который проверяет весь стратегический смысл событий, и редактором политическим, который освещает вопрос с идеологической стороны. Тогда получится, несомненно, цельное произведение, которое уложится в один из томов» (Выступление Горького на заседании редколлегии «ИГВ» 10 августа 1931 г. Стенограмма, АГ).

Можно предположить, что Федин имеет в виду именно это изменение первоначального проекта.

В дальнейшем Горький вновь обращался к обсуждению структуры томов «Истории гражданской войны». На письме начальника Военной академии РККА Р. П. Эйдемана от 3 февраля 1932 г. в Главную редакцию «ИГВ» Горький сделал следующую надпись: «Ориентироваться на Ленина — на простоту, связность изложения» (АГ).

42

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

〈Горки. 18 августа 1931 г.〉

Дорогой Константин Александрович —

не отвечал вам до сего дня, потому что надеялся увидеть вас в Ленинграде, но поездку пришлось отложить на несколько дней. Прибуду в конце месяца, привезу план издания «Истории гр〈ажданской〉войны» [1], побеседуем.

Очень советовал бы вам: нездоровьем вашим — не смущайтесь. Вам за 30, а в этом возрасте Коховы палочки милостивы, ибо слабосильны. У меня правое легкое совсем кончилось, не дышит, а — живу и даже очень.

Почему вы пишете «залечь в санаторию», — разве решили не ехать в Шварцвальд? Или вы его и подразумеваете?

Впрочем обо всем этом поговорим лично, а до той поры — умолкаю.

Если увидите даму Форш, — скажите ей, чтоб она не сердилась на меня, я не ответил на письмо ее тоже потому, что надеялся увидеть. И — увижу.

Крепко жму руку.

А. Пешков

18.VIII.31.

[1] «История гражданской войны». Пр〈оект〉 плана издания. М., ОГИЗ, 1931. На правах рукописи.

В плане намечалось издание тринадцати томов «Истории гражданской войны». Впоследствии количество проектируемых томов увеличилось сначала до пятнадцати, потом до шестнадцати. По предложению Горького теме «Партия и гражданская война» посвящался специальный том издания.

Ориентировочный перечень пятнадцати томов был опубликован в «Лит. газете», 1931 (№ 62 (161) от 17 ноября, стр. 2).

Развернутый план издания шестнадцати томов «Истории гражданской войны», утвержденный главной редакцией «ИГВ», был опубликован в мае 1932 г. на страницах «Правды» («Правда», 1932, № 141, от 23 мая; № 142, от 24 мая; № 143, от 25 мая; № 144 от 26 мая; № 145, от 27 мая).

43

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

〈Давос. 29 октября — 5 ноября 1931 г.〉

Davos-Platz. Sanatorium «Helios».
29.X.1931.

Дорогой Алексей Максимович,

мне писали из Питера, что вы справлялись о моих делах, стало быть,— знаете, что немцы меня направили в Давос и что я здесь с начала сентября [1]. Если принять в расчет немецкий патриотизм, то направление больного в чужую страну, когда санатории и пансионы Германии пустуют, надо признать образцом беспристрастия. Шварцвальд оказался для меня «низок», а здесь, в поднебесье, мне дышется действительно легко, как никогда в жизни. Вот уже почти два месяца я не вылезаю из кровати, и только в дневные часы и в хорошую погоду меня вывозят на балкон. Результаты этого скучнейшего лежания пока не велики, но я доволен ими, мне кажется, что меня держат в постели не напрасно. В самые последние дни я стал меньше кашлять, значительно меньше — это почти чудесно, потому что до сих пор кашель не поддавался никаким увещаниям. В ближайшие недели решится вопрос о пневмотораксе, мне кажется — отрицательно, так как появляется надежда на заживление каверн без помощи пневм〈отора〉кса, и так как, несмотря на похвальную свою отвагу, здешние врачи больше *говорят* о двустороннем пневм〈отора〉ксе, чем делают его, а в моем случае неизбежен именно двусторонний. Признаться, я думаю о пневм〈отора〉ксе без всякого воодушевления. Я стараюсь не смущаться болезнью — как вы пишете — и очень рассчитываю на то, что в моем возрасте «кохова палочка милостива». О, да, Алексей Максимович, мне «за тридцать», мне настолько сильно за тридцать, что через три месяца будет сорок. Вы меня всегда считали моложе, чем я есть (?!), и я нахожу это чрезвычайно деликатным выражением того, что вы еще не отчаялись в моих писательских способностях. Как только это случится, вы мне напишете: «Ну, Федин, теперь, когда вам стукнуло пятьдесят...»

5.XI.31.

Вот так пишутся теперь у меня письма — с недельными перерывами и соответственно бессвязно: поднялась температура, пришлось отказаться даже от тех немногих и несложных занятий, какие в моем лежачем положении возможны. Нет, видно не удастся отвертеться от пневмоторакса — доктора клонят к этому. Быть посему.

Страшно я здесь досадовал, что мне не довелось присутствовать на заседаниях нашего изд〈атель〉ства, на которых были вы (или — которые были у вас) [2]. Ведь до весны этого года я, в чине и почете председателя Правления, тянул весь этот бумажный кораблик противу вод, ветров и многих других стихий нашего отечества. Я убежден, что это одно из самых любопытных издательских предприятий за все время революции и что хотя оно долго еще будет черпать поочередно носом и кормою, ему — право — предстоят славные дела.

Но еще раньше и еще больше досадовал я, что мне так и не удалось вас увидеть! Я уехал из Ленинграда 22.VIII, так что даже ваше последнее письмо не застало меня дома, и мне переслали его в Берлин. То, что никогда нельзя высказать в письмах и что обычно откладываешь до личной встречи, так и осталось у меня «отложенным» — не знаю, до какого срока.

Как ваше здоровье? — напишите. Из Питера мне сообщали, что вы там хворали.

Шлю сердечный привет!

Ваш Конст. Ф е д и н

[1] В конце августа 1931 г. Федин уехал лечиться от туберкулеза легких в Давос (Швейцария), где пробыл до весны 1932 г., затем до декабря 1932 г. лечился в Германии, в Сан-Блазиене.

[2] Одно из таких заседаний президиума «Издательства писателей в Ленинграде» состоялось 28 сентября 1931 г. На этом заседании обсуждались планы новых изданий, предложенных Горьким: серии «Библиотека поэта», ежегодника «День» (см. письмо 44) и др. Отчет о заседании см. в «Лит. газете», 1931, № 53, от 2 октября.

44

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

⟨Сорренто. 15 ноября 1931 г.⟩

Запоздал ответить вам, дорогой Константин Александрович, все еще не мог опомниться от Москвы, отлежаться, разобрать почту и т. д.

Очень обрадован мужественным тоном вашего письма,— хорошее настроение это как раз то, что определенно и серьезно помогает в борьбе с надоедливой этой болезнью. У меня было три рецидива, да воспаление легких, не считая ежегодных бронхитов,— вот и летом схватил в Ленинграде грипп с температурой до 40 гр⟨адусов⟩, и, знаете, мне кажется, что я преодолеваю эти нападения не столько с помощью медиков, как напряжением воли. Назойливая и кокетливая болезнь, есть в ее характере нечто от старой девы.

Я тоже несколько раз и вслух сожалел о том, что вы не могли быть на некоторых заседаниях по делам литературно-издательским. Мне кажется, что у нас не плохо выйдет «Библиотека поэта» [1] и альманах «День» [2] — мировой день. Мы решили построить альманах этот так: взять крупнейшие газеты всех стран за *один* день,— скажем: 6-е XII, или 1-е января, и обработать бытовые, политические, научные события этого дня в форме художественных миниатюр по 10 т. букв, гонорар за эту $^1/_4$ листа — 250 р. Я настойчиво прошу вас «включиться» в эту работу. В сущности не обязательно писать на темы избранного дня, ибо есть ведь темы неизбежные «по вся дни» — не так ли? Вот вы и напишите на одну из таковых.

Работа по «Истории гр⟨ажданской⟩ войны» начата и двигается, хотя и не с тою быстротой, как хотелось бы. Вы намечены литредактором на 1-й т⟨ом⟩ — Октябрь — и на Урал [3].

Очень дружно и горячо взялись рабочие за «Историю заводов» [4],— в первую очередь мы наметили 102 завода старых и новых, но работу начали на всех. Идут опросы старых рабочих, стенографирование их рассказов о прошлом, разрабатывается материал архивов и т. д. Вообще: «дело взято за рога».

А потому — выздоравливайте! Вы—крупная культурная сила, талантливый человек, ваше участие во всех этих начинаниях — необходимо. Это — не комплимент, а — скорее — просьба товарища о помощи, вот что это! В истекшее лето удалось начать много, но — необходимо продолжать и надо кончить. Сил у нас — маловато, каждый человек—на счету.

Обнимаю вас, очень хочу весною встретить где-либо на юге. Будьте здоровы! Напишете — обрадуете.

А. П е ш к о в

15.XI. 31.

[1] «Библиотека поэта» — серия комментированных изданий произведений поэтов XVIII—XX вв. Начала выходить в свет с 1933 г.

Горький возглавил редколлегию «Библиотеки поэта», в которую вошли: Ю. Тынянов, Н. Тихонов, И. Груздев, В. Саянов, Б. Пастернак и А. Селивановский.

Задачи издания Горький охарактеризовал в статье «О „Библиотеке поэта“» (т. 26, с. 176—186), в письмах к Р. Роллану (т. 30, № 1035) и В. Саянову (т. 30, № 1100).

[2] Речь идет о книге «День мира» — коллективной работе, вышедшей в свет после смерти Горького («День мира». Под ред. М. Горького и Мих. Кольцова. М., «Журнально-газетное объединение», 1937).

О необходимости создания такой книги Горький говорил в заключительной речи на Первом всесоюзном съезде советских писателей (т. 27, с. 344—345). Книга «День мира» открывается публикацией письма Горького к М. Е. Кольцову — «Задачи нашей книги».

[3] См. письмо 41, прим. 1.

[4] О адачах издания см. статьи М. Горького: «История фабрик и заводов», «За работу!», «О работе по „Истории фабрик и заводов“» (т. 26).

45

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Давос. 22.III.1932.

Дорогой Алексей Максимович,

из Ленинграда, с которым я поддерживаю живейшую связь, дошел до меня слух, что в этом году вы поедете в Россию уже в апреле месяце. Верно ли это? Если верно, то каким путем собираетесь вы ехать — не через Швейцарию ли? И ежели да, то не через Энгадин ли? Вы, вероятно, знаете эту дорогу — *Ferrovia del Bermina* — идущую от Тирана до Сант-Морица,— нечто сумасшедшее по техническому мастерству (как, впрочем, большинство альпийских дорог) и живописности (ледники — как на ладони). Пишу вам об этом потому, что страшно хотел бы увидеть вас, судьба же моя в этом отношении удивительная: начиная с 28-го года, я никак не могу с вами встретиться, и — так или иначе — виною тому «заграница». Теперь мне с вами повидаться надо бы и по литературно-деловому поводу и в силу личной необходимости. Я же боюсь, что если я вас не «изловлю» где-нибудь здесь, в Европе, и именно весною, то осенью, когда я соберусь домой, вы, пожалуй, как раз снова уедете за границу. Если бы вы поехали через С.-Мориц, от которого дороги ведут во всех направлениях, в частности — Цюрих, Базель, Берлин и т. д., то я встретил бы вас где-нибудь на границе, около Тирана и проехал бы с вами часа два по этой самой Ferrovia del Bermina. Дело в том еще, что я дорогу эту знаю, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ на днях совершил первую экскурсию, продолжавшуюся целый день, с утра до вечера. Это была *проба* моему здоровью, я ее отлично выдержал, и потому нахожу встречу и свидание с вами в пути вполне для себя доступными, не знаю, только удобен ли такой план для вас. Право, я охотно напросился бы к вам в Сорренто, да боюсь юга, боюсь резкого перехода от гор к морю. Вряд ли когда доведется жить так близко к Италии, тут до нее рукой подать. И соблазн велик. Я никогда не бывал в романских странах, хотя бы только поглядеть на них — давнишнее и жаркое мое стремление — и немного утолить его сейчас, как никогда, возможно. Если для вас, Алексей Максимович, мой «энгадинский проект» неудобен, напишите, пожалуйста, что вы думаете о прыжке к морю, на недолгое время, весной. Само собою, я без совета врача никаких таких головокружительных предприятий совершать не буду: слишком трудно дался мне успех лечения, который позволяет вообще разговаривать о каких бы то ни было предприятиях.

Четыре месяца я не вылезал из постели. В начале января начал выходить — спустя два месяца после наложения пневмоторакса. Ваше

чудесное письмо, которое во многом очень лестно для меня, пришло в «нужный» момент — когда я привыкал к новому, неловкому и неприятному состоянию: воздух стал для меня нормированным продуктом (теперь я уже приспособился к «пайку»). Я не отвечал вам до сих пор, не желая надоедать своей болезнью. Теперь же поворот к здоровью очевиден и объективно, и по моему личному, очень хорошему, самочувствию. Объективные показатели улучшаются с каждым месяцем — палочки исчезли, эласт〈ические〉 волокна — тоже, кашель почти сошел на нет, так называемый Blutsenkung (не знаю, как переводится этот термин — «оседание» красн〈ых〉 кров〈яных〉 шариков) разительно уменьшилось, рентген очень благоприятен. Дело не только в удаче пневмоторакса, но еще и в том, что другое легкое выдержало нагрузку и, несмотря на свои дыры, работает молодцом и одновременно поправляется. Словом, мое состояние наилучшим образом выражается небезызвестной формулой: «оп-ля, мы живем!»

Но живем мы пока довольно странной жизнью, т〈о〉 е〈сть〉, главным образом, в горизонтальном положении, под надзором ревностных глаз, испытующих не только здоровье, но и кошелек. Тут решительно ничего не поделаешь: санаторий — это аппарат, выделывающий из коховых бацилл швейцарские франки. Сделать можно, пожалуй, только одно: к скандальной славе Томаса Манна («Zauberberg») [1] прибавить если не славы, то скандала [2]. Мне в этом смысле повезло: владелец санатория, в котором я лечусь, превзошел по лицемерию, ханжеству, подлому стяжанию самого Иудушку. Представьте себе этакое создание на фоне нынешнего *кризиса* — красота! Не потому ли он меня старательно удерживает от работы, что ждет от нее «возмездия»? Впрочем, речь только о нем — собственнике санатория. Лечит же меня не он, а превосходный врач и тонкий человек. Мой здешний быт зависит, конечно, больше от него, а не от Иудушки.

Пробуду я здесь еще месяца два с небольшим, до июня примерно. Потом думаю перебраться в Шварцвальд — так, по крайней мере, советует направивший меня сюда берлинский врач. Там я надеюсь устроиться не в санатории, а в пансионе или в частной квартире. Но до сих пор не знаю — когда мне можно будет вернуться в Ленинград и можно ли будет постоянно там жить. Как ваше мнение по этому поводу? Не плохо было бы поселиться в Детском Селе, думаю я. Но у нас ведь страшно трудно с жильем, удастся ли?

У меня на записочке ряд вопросов, с которыми я думаю обратиться к вам. Но вижу, что они заняли бы много места и отняли бы у вас много времени. Поэтому — до встречи.

«Изд〈атель〉ство пис〈ателей〉 в Лен〈ингра де〉» все расширяет свою работу. Тут есть известный риск — может получиться разрыв между хозяйств〈енно〉-организационными возможностями изд〈атель〉ства и общественными обязательствами, которые оно на себя берет. Векселей мы выдали много, а вот год прошел, и нам нужны дикие средства, чтобы вертелось колесо производства, между тем реально выпущенных книг *маловато*. Это не... «оппортунизм», прости господи, а *расчет* или, что то же, хозрасчет. Вот, напр〈имер〉, такие вопросы, и куча других.

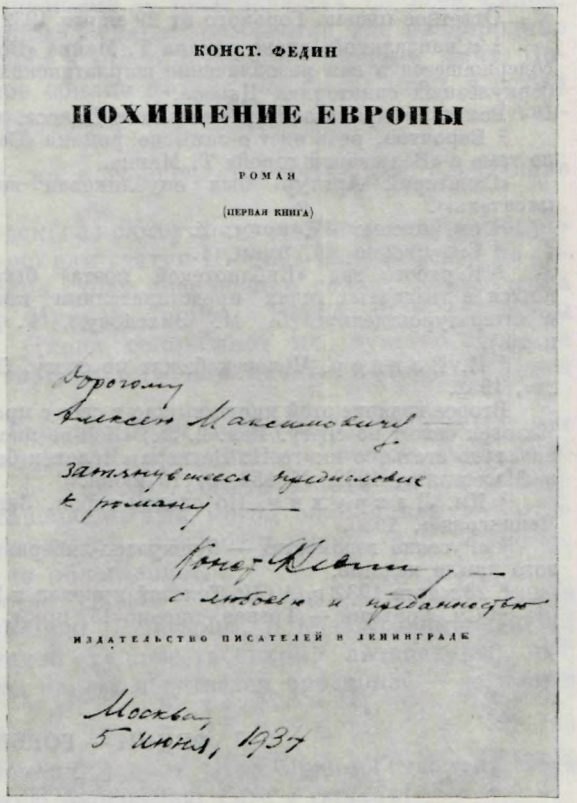
О сборнике «День» [3] ничего не слышно. А этот замысел очень хорош. Ах, сколь часто хорошие замыслы пребывают и остаются замыслами! «Серия поэтов» [4] будет наверно осуществлена. Но она *явно застопорила*. Был момент, когда в изд〈атель〉стве назревала угроза захвата этой серии формалистами и превращения всего изд〈атель〉ства в... серию поэтов [5]. Теперь это прошло. Теперь изд〈атель〉ство, испугавшись, что его проглотит серия, кажется, само проглотило серию!

Все чаще мы замалчиваем хорошие книги или вовсе не выпускаем их. Я очень рад, что вам понравилась книжка Н. Вагнера — «Человек бежит

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ К. А. ФЕДИНА ГОРЬКОМУ НА РОМАНЕ «ПОХИЩЕНИЕ ЕВРОПЫ» (Л., 1934):

«Дорогому Алексею Максимовичу — затянувшееся предисловие к роману — Конст. Федин — с любовью и преданностью. Москва, 5 июня 1934»

Личная библиотека Горького


КОНСТ. ФЕДИН

ПОХИЩЕНИЕ ЕВРОПЫ

РОМАН

(ПЕРВАЯ КНИГА)

Дорогому
Алексею Максимовичу
затянувшееся предисловие
к роману —
Конст. Федин
с любовью и преданностью

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ В ЛЕНИНГРАДЕ

Москва
5 июня, 1937

по снегу» [6]. Несмотря на стилистическую зыбкость, это — одна из лучших книг о нашей борьбе за Север. А ее как-то старались засунуть куда-нибудь под стол, под прилавок, да и автор был «на подозрении», да и мне, многогрешному, чуть-чуть за нее не попало: зачем издал? Я как раз в ту пору, расхвалив Лаврухина[7], увидел, что моя похвала — не столько на пользу, сколько во вред. Так от похвалы Вагнера (и еще двух-трех молодых) я уж воздержался.

Читаете ли вы когда-нибудь «Neue Züricher Zeitung»? Это — «Русские ведомости» [8] и вместе с тем — стальной сейф швейцарских филистеров. Однажды там была напечатана статья, доказывавшая, что в СССР чудовищно тоскуют по «индивидуализму» и что, наконец, *вы* это признали и... начали выпускать романы о «Молодом человеке 19 века». Вообще газетка в некотором смысле забавная. Ее, пожалуй, следует иметь в виду для «Дня».

Прошел слух, что в Берлин приехал Толстой [9]. Когда-то он говорил мне — или писал — что собирается к вам. Ждете ли вы? Между прочим, он советовал мне поговорить с вами о возможности полечиться мне у Манухина[10]. Вот... разыскал его письмо: «В 13 году Алексею Максимовичу было совсем плохо. Манухин в месяц довел его с кровати — до двух бутылок красного вина в день». Я слышал, конечно, об этом. Не о вине, а о вашей болезни, излеченной Манухиным. Но вино меня тоже прельщает. Не напишете ли вы мне два слова и по сему поводу?

Пожалуйста, простите за мучительную длину письма! Не утруждайте себя пространным ответом, напишите в стиле телеграммы.

Желаю вам здоровья и всего, всего доброго!

Ваш Конст. Ф е д и н

Ответное письмо Горького от 29 марта 1932 г. см. в т. 30, № 1046.

[1] «Скандальной» славе романа Т. Манна «Волшебная гора» (1924) способствовало содержащееся в нем разоблачение шарлатанских повадок врачей-коммерсантов в туберкулезных санаториях Давоса.

Роман не продавался в магазинах Давоса, и его запрещали читать больным.

[2] Вероятно, речь идет о замысле романа «Санаторий Арктур», перекликающемся по теме с «Волшебной горой» Т. Манна.

«Санаторий Арктур» был опубликован впервые в 1940 г. (М., «Советский писатель»).

[3] См. письмо 44, прим. 2.

[4] См. письмо 44, прим. 1.

[5] К работе над «Библиотекой поэта» был привлечен ряд ученых, являвшихся в двадцатых годах представителями так называемого «формального метода» в литературоведении (Б. М. Эйхенбаум, Г. А. Гуковский, Б. В. Томашевский и др.).

[6] Н. В а г н е р. Человек бежит по снегу. Л., «Изд-во писателей в Ленинграде», 1932.

Второе издание этой книги вышло в свет с предисловием Горького (Н. В а г н е р. Человек бежит по снегу. Изд. 2. Л., «Изд-во писателей в Ленинграде», 1932). Первоначально статья о книге Н. Вагнера «Человек бежит по снегу» была опубликована в «Известиях», 1932, № 159, от 10 июня.

[7] Дм. Л а в р у х и н. По следам героя. Записки рабкора. «Изд-во писателей в Ленинграде», 1930.

[8] «Русские ведомости» — буржуазно-либеральная газета, с 1905 г.— орган правого крыла кадетов.

[9] 28 марта 1932 г. А. Н. Толстой приехал к Горькому в Сорренто.

[10] См. Горький — Тренев, письмо 15, прим. 3.

46

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Давос. 5 апреля, 1932.

Дорогой Алексей Максимович — как жалко, что из моей фантастики ничего не получится, — что встречу с вами приходится отложить до осени! [1] Как бы мне опять не разминуться с вами где-нибудь в дороге...

К Роллану я охотно поехал бы [2], хотя меня смущает боязнь чересчур обеспокоить его: я для него вполне незнакомый человек. Да и достаточно ли будет для общения с ним моего немецкого языка? Напишите мне, — вы отлично знаете Роллана.

Весною я, по-видимому, никуда не двинусь. Здесь, правда, чёрт знает что делается — какие-то уральские бураны! — и чувствую я себя хуже, чем зимой, но полагаю, что эти месяцы «внизу» еще хуже. За справку о Шварцвальде большое спасибо. Ваш совет совпадает с тем, который мне дал мой немецкий (берлинский) врач: он тоже рекомендует Фрейбург, окрестности Фрейбурга.

О книге Лоренса много слышал, а Олдингтона [3] вы называете мне первый. Воспользуюсь тем, что вы пишете о Тер-Григорьяне [4], и попрошу у него эти книги.

Скажите, Алексей Максимович, знаете ли вы Акселя Мунте — шведа, живущего на Капри? Его книга о «San Michele» [5] пользуется чудовищным интересом. Я только что достал ее. По началу — нечто мистическое и напыщенно сентиментальное. Не знаю — как дальше.

Ваш «Ответ америк‹анским› корреспондентам» в «Известиях» [6] я читал с увлечением и радостью. Это очень хорошо! — не только потому, что вынуждает зарубежную, заокеанскую интеллигенцию подумать «с кем она?», но также потому, что широко и просто раскрывает «с кем и против кого мы?» — та часть трудовой русской интеллигенции, которая никогда не обольщалась никакими буржуазными коврижками. Это очень *просто* раскрыто, так как найдена конгениальная идее форма — форма, избран-

ная вами давно и сейчас — по-моему — засверкавшая со всей силой. «С кем вы...?» — самый действенный из ваших памфлетов, где разнородные факты служат обобщающей мысли и мысль объясняет каждый факт. По-моему — великолепно! А самое обилие фактов поражает меня в сотый раз — когда и каким образом успеваете вы разбираться во всех этих Альпах материала?..

Разрешите мне, ни к селу, ни к городу, сообщить вам следующие курьезы:

В гор. Филадельфии в городск⟨ое⟩ самоуправление внесен законопроект об отпуске средств на кимоно для статуи Дианы, находящейся на городской площади. То, что Диана стоит совершенно голая, обнаружила женщина-священник д⟨окто⟩р Муррей Эллис. После чего женщины Филадельфии признали, что Диана оскорбляет их чувство стыда, и побудили своих депутаток в городск⟨ом⟩ парламенте положить конец безобразию.

Французские врачи Морис Гарсон и Жан Веншу выпустили в Париже (изд. Gallimard) «научное» сочинение под названием: «Исторический, критический и медицинский опыт. — *Дьявол*»[7]. М⟨ежду⟩ пр⟨очим⟩, в сочинении устанавливается, что «старoцерковный метод заклинания и изгнания бесов представляет собою средство, которое и теперь, как когда-то, приносит если не исцеление, то облегчение».

В Лондоне, в изд⟨атель⟩стве Chatto and Windus, вышла книга критика В. Льюиса «The diabolical Principle», в коей устанавливается (на основе анализа современной художеств⟨енной⟩ литературы), что, так же, как и в *средние века*, *дьявол* обретается среди нас — *во плоти и крови*!

Да-с.

А вот нечто юбилейное. Немецкий поэт Отто Франц Гензихен, 85-ти лет отроду, написал 3-х томную биографию Гете *в стихах*!

Точка. (Ей-богу!)

Будьте здоровы. И счастливого пути!

Ваш Конст. Ф е д и н

Когда появится о договоре с Италией? [8]

Очень здорово!

[1] В письме от 29 марта 1932 г. Горький писал, что из-за его болезни «проект встретиться в Швейцарии — отпадает, к сожалению, и встретимся мы в Москве или в Ленинграде» (т. 30, с. 246).

[2] «У вас нет охоты съездить к Роллану? — писал Горький в том же письме. — Вы очень обрадовали бы старика и развлеклись бы, послушали хорошей музыки, он ведь музыкант и, говорят, серьезный» (т. 30, с. 246).

[3] В письме от 29 марта 1932 г. Горький рекомендовал Федину ознакомиться с двумя книгами английских писателей: «Смерть героя» Р. Олдингтона и «Любовник леди Чаттерлей» Д. Лоуренса:

«Читали вы книгу Ричарда Олдингтона „Смерть героя“? Весьма грубая, злая и „отчаянная“ книга, вот уж нельзя было ожидать, что англичане доживут до такой литературы! И, пожалуй, еще более красноречиво говорит о процессе распада буржуазии английская книга Лоренса „Любовник леди Чаттерлей“» (т. 30, с. 248).

[4] Паруйр Аветович Тер-Григорьян в то время был сотрудником издательства «Международная книга» в Берлине.

[5] Axel M u n t e. Das Buch von San Michele. Berlin, Th. Knaur, 1931.

[6] Имеется в виду статья «С кем вы, „мастера культуры“ (Ответ американским корреспондентам)».— «Известия», 1932, № 81, от 22 марта.

[7] Maurice G a r ç o n. Le Diable. Historique, critique, médical expérience. En collaboration avec de Dr V i n c h o u. Paris.

[8] О переговорах между СССР и Италией Горький сообщал Федину в письме от 29 марта 1932 г. Переговоры закончились 6 мая 1933 г. подписанием соглашения о торговом обмене.

47

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

⟨Сорренто. 9 апреля 1932 г.⟩

Дорогой Константин Александрович [1]—

написал Роллану, чтоб он пригласил вас [2], и буду очень рад, если это свидание состоится. Мне, почему-то, думается, что между вами и Ролланом есть — кроме идеологически общей умонастроенности — еще и субъективно сходные черты и что свидание ваше с ним будет приятно и полезно для обоих.

Спасибо за сообщение анекдотических фактов «культурной» жизни Европы, — какой это был бы отличный материал для альманаха «День»! Но, пока этого альманаха нет, я предполагаю завести в «Известиях» отдел «Новости культурной жизни Европы» [3] или что-то в этом роде и пользоваться фактами типа сообщенных вами. Так что — если вам не лень — снабжайте!

В Москву еду с проектом: отобрать человек 20—25 наиболее талантливых литераторов, поставить их в условия полнейшей материальной независимости, предоставить право изучения любого материала, и пусть они попробуют написать книги, которые отвечали бы солидности запросов времени. Здесь, у меня, Афиногенов, автор «Чудака» и «Страха», они [4] с этим проектом согласны. Возражение: создастся литературная аристократия — недействительно, «спецы» всюду необходимы. В области литературы — особенно, ибо нашего читателя обременяют словесным хламом, а подлинным нашим литераторам — нет времени учиться и работать, им слишком много приходится тратить сил на завоевание примитивных удобств в жизни: поиски дач, питания и т. д.

Я думаю, что этот проект пройдет.

Лоренс, это — недавно умерший Лоуренс, автор романа «Жезл Аарона» и др. Его «Любовник леди Чаттерлей» явился в результате пари, заключенного Лоуренсом с Норманом Дуглас [5]: кто сумеет написать наиболее эротическую книгу? Выиграл пари Дуглас, ибо его книгу никто не решается печатать, тогда как роман Лоуренса — напечатан, хотя «в общую продажу не поступает». Я не понимаю, что значит «общая» продажа. Я прочитал «Любовника» в русском издании, точнее — пробовал прочитать. Это очень плохо сделанная, очень скучная книга, скука ее кажется вызванной отчаянием и глубокой душевной усталостью. Ее соль — откровенное и детальное описание полового акта; повторенное несколько раз, оно вызывает чувство недоумения какой-то внутренней незаинтересованностью автора и отсутствием в нем эротического пафоса. Возможно, что русский перевод обесцветил, заморозил книгу, возможно, что перевод уничтожил ее иронию. Очень странная, плохая и, знаете, печальная какая-то книга. А, ведь, Лоуренс — талантлив был.

Крепко жму вашу руку. Толстой и Афиногенов посылают вам приветы.

Будьте здоровы. А. Пешков

9.IV.32.

[1] В подлиннике описка: Андреевич.

[2] Письмо Горького Р. Роллану от 9 апреля 1932 г. см. в т. 30, № 1048. В ответном письме от 12 апреля 1932 г. Р. Роллан писал: «Я с удовольствием встречусь с Константином Фединым. Скажите ему, чтобы он мне написал».— «Архив А. М. Горького», т. VIII. М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 349.

[3] Этот замысел не был осуществлен.

[4] Возможно, Горький имеет в виду и А. Н. Толстого, гостившего в Сорренто.

[5] Давид Герберт Лоуренс (1885—1930). В русском переводе роман вышел под названием «Флейта Аарона» (М., «Недра», 1925). Роман «Lady Chatterley's Lover» (1928) в СССР не издавался, как и произведения Нормана Дугласа (1868—1952).

48

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Давос. 11.IV.1932

Дорогой Алексей Максимович,

так как у вас, перед отъездом в Москву, должно накопиться много всяких дел и забот — пожалуйста, не отвечайте мне на это письмо.

Но прошу вас не позабыть о следующей моей просьбе. При первой удобной для вас возможности попросите рассказать вам о положении дел «Издательства писателей в Ленингр⟨аде⟩». Это может сделать Груздев, напр⟨имер⟩, как председатель. За последние два месяца чудовищно разваливается работа изд⟨атель⟩ства, подменяемая двумя прогрессирующими маниями — говорения и проектирования. За истекший год не реализовано, или — не начато реализацией, — ни одно из ценных прошлогодних начинаний. Технический аппарат — превосходно поставленный, состоящий всего из 4-х человек (при обороте свыше 600 000 и чистой прибыли за прошлый год в 120 000!!) — втягивается в дискуссии, перестает работать. Между тем, если изд⟨атель⟩ство существовало как общественное целое, то только благодаря своей хозяйственной «базе», благодаря тому, что оно было здоровой «хозяйственной единицей». Если сломать эту ось — мгновенно рассыплется вся общественность, а с нею исчезнет возможность заработка для 150 литераторов и художников. Все это — детски просто. Однако, подите-ка, об этом приходится мучительно много говорить.

Я не сомневаюсь, что вам удастся осуществить проект «о 20 литераторах». Это *решительно необходимо* сделать и притом— как можно скорее. В январе 31 года со мною говорил о подобном проекте Халатов. Речь шла тогда «о 50—60» литераторах. ЦК был вполне за это дело. Но оно свелось, кажется, к семге или к лососине—точно не знаю. Из 60-ти литераторов стало 160, потом — 260, потом, кажется, еще больше. Семги не хватило. И, вероятно, поэтому никто ничего не написал, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ из литераторов...

Чтобы не получилось анекдота, надо, по-видимому, упор делать на работу, на задания, которые писатели должны выполнить. Надо сказать: дорогой друг, мы ждем от вас *книгу*, достойную нашего времени и вас самих; не беспокойтесь о говядине, о дровах, об образовании детей и о башмаках для них; напишите *книгу*, больше от вас ничего не требуется. Иначе — как бы не повторилась история с семгой (о ней — чудесно может рассказать Толстой).

«Новости европ⟨ейской⟩ культуры» охотно буду сообщать вам.

За письмо к Роллану благодарю. Буду ждать приглашения и, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, в мае съезжу к нему.

Искренний привет. И будьте здоровы.

Ваш Конст. Ф е д и н

P. S. Я ставлю перед собою задачу — окончить в нынешнем году свой новый роман — «Похищение Европы». Это — по случаю выздоровления.

49

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

⟨Сорренто. 15 апреля 1932 г.⟩

Дорогой Константин Александрович[1] —

вместе с вашим письмом — от 11.IV — получил письмо Роллана, он сообщает, что рад будет познакомиться с вами, и просит вас сообщить ему, когда собираетесь приехать?

Писать ему можете по-русски, секретарша у него — русская, из Москвы, Мария — кажется, Павловна — Кудашева [2].

Халатов — ушел. Вы это знаете? На его место назначен М. П. Томский [3], человек энергичный, мне кажется, что в его руках дело пойдет лучше.

Груздева увижу тотчас по приезде в Москву. Понадобится — съезжу в Ленинград. Вообще я преисполнен добрых намерений и вполне готов мостить дороги в аду.

Афиногенов уехал в Париж, Толстой — кланяется вам, отправляемся в Москву 19-го [4].

Очень рад, что вы чувствуете себя хорошо, и впредь желаю вам того же.

Ваш А. Пешков

15.IV.32.

[1] В подлиннике описка: Андреевич.

[2] Мария Павловна *Кудашева* — впоследствии жена Р. Роллана.

[3] Сообщение о назначении М. П. Томского заведующим ОГИЗом было помещено в «Лит. газете», 1932, № 17, от 11 апреля.

[4] Горький выехал из Сорренто в Москву 21 апреля 1932 г.

50

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

С⟨ан⟩-Блазиен. 17 июня, 1932.

Дорогой Алексей Максимович,

очень благодарен вам за помощь, которую вы оказали моей жене в хлопотах ее о поездке за границу. Мы сейчас поселились вместе, и летние месяцы жена пробудет тут, а затем — уедет домой, — устраивать мне подходящее жилье. К сожалению, в моем положении вопрос о месте жилья и о самом жилье — капризная вещь и решить этот вопрос можно будет только с помощью соответствующих организаций. Лучше всего было бы поселиться под Москвой. Югу я не доверяю, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ вырос на Волге, в климате суровом, не изнеживающем, к югу мне пришлось бы долго приспособляться. Что же до гнилой нашей Маркизовой лужи, то ее приходится вовсе исключить: жить в Ленинграде врачи мне запрещают. Если не под Москвой, то буду стараться устроиться либо в Луге, либо в Детском Селе. Все эти «проблемы» должны практически решиться осенью.

Здесь пришлось остановиться на С⟨ан⟩-Блазиене, потому что в других местах Фрейбургской округи (напр⟨имер⟩, в Hinterzarten'е) немецкие полицейские взяли на себя санитарный надзор и проводят его так усердно, что разогнали всех больных. Для местных самоуправлений выгоднее, видите ли, здоровые, чем больные, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ туристы, спортсмены, так что всё кругом переделывается в парадоксальные курорты для здоровых. Но у С⟨ан⟩-Блазиена слишком уже велика туберкулезная слава, и его не «переделаешь». Одной из жертв санитарной распорядительности полиции оказался, между прочим, младший Маршак (Ильин) [1], которого выжили из Гинтерцартена, и он сейчас тоже тут, по соседству со мною, у «самого» Бакмейстера. У меня еще нет врача, — не успел обжиться, — ездить во Фрейбург отсюда не имеет смысла, к «самому» же идти мне неохота: помню хорошо ваш отзыв о нем [2], да и давосские врачи предупреждали меня о его пристрастии к эксперименту. Ильин слегка влюблен в него, даже не «слегка» и, по-моему, ежели принять в расчет состояние Ильина, — без видимых оснований. Впрочем, говорится же, что любовь всегда слепа...

Перед тем как расстаться с Давосом, я съездил на Женевское озеро, к Роллану. Бесконечно благодарен вам за это знакомство. Как жалко, что вы знаете Роллана только по переписке и книгам. Он произвел на меня большое впечатление. В нем какое-то странное соединение детскости

с бесстрашием, мягкость замечательных светло-синих глаз соединена с холодностью, какая бывает у людей очень фанатичных и смелых. Он очень хорошо меня принял, я был у него дважды и подолгу, и в разговоре он касался множества тем. (Замечательно, что мы совсем не говорили о музыке, чем я даже, как будто, доволен, потому что боялся, что Роллан может принять меня (?) за знатока музыки, а я, рядом с ним, куда как мало понимаю в ней.) Роллан расспрашивал меня о вас, удивлялся, что вы живете в Италии, где «нечем дышать» (из-за фашизма). Я сказал, что по тактическим соображениям мы вынуждены поддерживать государственную дружбу с Италией и что вы там — наш «неофициальный посол». Он с глубоким

У ДОМА СОЮЗОВ В МОСКВЕ В ДНИ I ВСЕСОЮЗНОГО СЪЕЗДА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Фотография, 17 августа — 1 сентября 1934 г.

Литературный музей, Москва

возмущением рассказал случай из вашей переписки с ним, когда ваше письмо к нему шло, кажется, несколько месяцев, и о том, как вы отнеслись к этому факту («царский деп⟨артамент⟩ полиции работал куда хуже итальянских фашистов...»). Я сказал по этому поводу, что такое отношение к вашей почте только подтверждает взгляд итальянцев на вас как на советского посла: дипломатической почтой интересуются ведь всегда сугубо...

Между прочим, Р⟨оллан⟩ интересовался тогда еще очень новым вопросом о ликвидации РАППа [3], и ему казалось странным, что как раз в это время во Франции состоялись новые выступления пролетарских писательских организаций [4].

Мне кажется, Алексей Максимович, что некоторые темы, которых касался Роллан, и некоторые факты, которые мне стали известны из разговора с ним (о Ганди, Ж. Ромене, Дюамеле), наконец — отдельные черты биографии Р⟨оллана⟩, могут быть интересны для советской общественности, и я решил написать о своей встрече с Ролланом хотя бы фельетон, или —

м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ — просто — заметки [5]. Как считаете вы? Я сейчас занят этим и через несколько дней смогу послать рукопись в Москву, лучше всего, пожалуй, в «Известия», не правда ли?

Собираетесь ли вы открыть в «Изв⟨естиях⟩» отдел «Новостей культ⟨урной⟩ жизни Запада»? [6] Я подговариваю Маршака послать вам «новости», собранные им в Германии. Есть прекомичные, напр⟨имер⟩ в области астрологии, которой в Европе последних лет чудовищно везет...

Как вы чувствуете себя под Москвою? Ведь уезжали вы в плохом состоянии. Как кашель? Долго ли вы собираетесь прожить в этом году в России?

Шлю вам привет и желаю здоровья!

Ваш Конст. Ф е д и н

Вот мой адрес: St. Blasien, Bad. Schwarzwald, «Deutsches Haus» (Bourgin) — мне.

[1] Ильин М.— псевдоним Ильи Яковлевича *Маршака* (1895—1953).
[2] См. письмо 38, прим. 1.
[3] Имеется в виду постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций».
[4] Какие выступления имеет в виду Роллан, установить не удалось. В 1932 г. была создана «Ассоциация революционных писателей и художников Франции». Членами Ассоциации были: Луи Арагон, Анри Барбюс, Жан-Ришар Блок, И. В. Кутюрье, Жорж Садуль, А. Дин и другие писатели. Ромен Роллан был избран почетным председателем этого объединения.
[5] Заметки Федина под названием «У Роллана» были напечатаны в газете «Известия», 1932, № 192, от 13 июля. С небольшими дополнениями эти заметки были перепечатаны в альманахе «Год XIX», № 9. М., Гослитиздат, 1936. (В АГ хранится экземпляр альманаха с пометами Горького на статье Федина.)
[6] См. письмо 47.

51

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

St. Blasien (Schwarzwald),
Pens. «Deutsches Haus».
24.XI.1932.

Дорогой Алексей Максимович,

на днях узнал, что вы опять в Сорренто [1]. Здоровы ли вы? Не привезли ли с севера какого-нибудь бронхита?

Надеялся скоро увидеть вас, да вот и ⟨в⟩ этот раз на моем желании приходится поставить крест. Я собрался домой, в Ленинград, и уезжаю отсюда 1-го декабря. Результат лечения *очень хороший*, пневмоторакс протекает гладко, доволен не только я, но и врачи. Дело теперь в сохранении и укреплении этого результата. Если бы я остался на предстоящую зиму здесь, то мне пришлось бы возвращаться в Лен⟨ин⟩град весною (так устроено у меня с деньгами), что, конечно, — смертельная беда. Чтобы избежать этого, я и решил ехать сейчас, — на зиму, которая, обычно, в Л⟨енин⟩граде не плоха,—а весною (март — май) приехать в Давос, на трехмесячный курс. Такие «курсы», к сожалению, придется проделывать от времени до времени, это неизбежно — особенно при пневмотораксе.

Возвращению своему я очень рад; тут я устал и слегка одичал из-за отсутствия товарищей и в атмосфере повального бедствия — национал-социализма. У Бакмейстера (к коему я никакого отношения не имею) националят решительно все — от курьера до «знатнейших» пациентов (там есть какой-то немецкий график, состоящий тоже в этой «рабочей» и «социалистической» партии). Но националят не только «знатные» дома́, а решительно каждый пансиончик, и горстка изнуренных людей (бывших рабочих прогоревшей мануфактуры Крафта) прячется в сырых и бесконечных коридорах католических корпусов. Мрак! Да тут, правда, и не

может стать иначе — уж слишком отстоялось это местечко как курорт: все делают деньги, а чтобы обеспечить сию профессию — запасаются связями с будущим вероятным хозяином — фашистом.

Так, как я работал прежде — в редакциях, издательстве и пр.,— мне сейчас работать нельзя (писать я пишу). Но ведь у нас и воздух-то другой! — и какое движение во всем, какой гул! Я сейчас своей поездке рад, кажется, больше, чем — когда-то — своему возвращению из плена. Правда — я ведь поправился, и здоровье ощущается мной как счастливый дар...

Значит, я вас опять долго не увижу, дорогой Алексей Максимович. Для вас я в числе многих, которым вы, так или иначе, помогли. Но для меня — вы— такой помощник, какого у меня не было и не будет. Поэтому у меня всегда потребность — поблагодарить вас как-нибудь получше. К сожалению, «получше» не получается!

Ив‹ан› Ив‹анович› Греков[2] сделал однажды смелую и эффектную операцию одной 20-летней девушке, развитие которой остановилось лет с 14-ти. Беда состояла в том, что тазобедренные суставы пациентки были посажены чересчур близко друг к другу. Греков выдолбил в тазу новые места для бедровых костей и расставил, посадил их шире. Девушка поправилась. Года через три Греков получил от нее письмо. Она сообщала, что за это время выросла на шесть дюймов, год назад вышла замуж и недавно *родила*! К письму прилагались две фотографии его авторши — до операции и после, уже с ребенком...

Я не хотел бы проводить полной параллели между этой счастливицей и собою (аналогия не во всем была бы в мою пользу, особенно там, где говорится об... остановившемся развитии девушки). Но вы помогали мне всегда радикально, как Греков. И вот мне приходит на ум послать вам две своих фотографии: *до* Давоса и *после*. Если бы после Давоса я был снят во весь рост... впрочем, тут аналогия опять может стать сомнительной!

Я уезжаю отсюда в Берлин, где пробуду со 2-го до 12-го декабря. Как всегда, я был бы счастлив получить от вас несколько строк. Если вы вздумаете ответить в Берлин, вот мой адрес: *Berlin W. 15, Fasanenstr., 31, Pension Körber*. В Питере мой адрес прежний (*Ленинград, 28, Просп. Володарского, 33, кв. 13*), потому что переезд в Детское, где мне, конечно, будет легче и лучше жить, пока не состоялся из-за отсутствия квартиры. К тому же тяжело заболела жена, на которой лежали все заботы о переезде. Еду я с хорошим чувством, надеясь, что зимой мне ничего не повредит, ни наши жилищные беды, ни другие недостачи и трудности.

Жму вам крепко руку, дорогой Алексей Максимович, желаю здоровья и всего хорошего.

Преданный вам
ваш К. Федин

[1] Горький приехал в Сорренто 1 ноября 1932 г.
[2] См. письмо 39, прим. 1.

52

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

‹Сорренто. 30 ноября 1932 г.›

К. Федину

Третьего дня послал вам книжку [1], а ответить на письмо удосужился только, вот, сегодня. Воет ветер, как 16 тысяч кошек, изнемогающих от любовной страсти, стреляют двери, на чердаке возятся крысы, второй день не получаю московских газет, какие-то черти клетчатые прислали

сегодня две толстущих рукописи и одну — не очень. Когда я буду их читать? Нет у меня времени! И — охоты нет рукописи читать! Начитался я, довольно!

Пожаловался и — стало легче. Не знаю, получали ли вы московскую прессу и знаете ли о «новых веяниях» в литературе? О пленуме Оргкомитета [2] и прочих событиях, кои угрожают весьма интересными и культурно ценными результатами? Подробно писать об этом я не стану. Вы сами увидите, в чем дело. Лично мне оживление в области нашей кажется весьма серьезным и глубоким. Конечно, есть люди, которые попытаются измельчить и скомпрометировать это оживление,— я говорю не о «рапповцах», которые, к сожалению, внутренно разбиты и раскололись, но могли бы сделать много доброго по новой линии, если б не этот «раскол».

Авербах [3] — талантливый парень, хороший организатор и хотя чрезмерно тороплив на выводы, но способен учиться. 〈...〉

Чрезвычайно юмористически выступил на пленуме Андрей Белый и хитро «сорадовался» Пришвин [4]. Все-таки пленум обнаружил много хорошего и — готовность дружески работать. Посмотрим...

Оживление в литературе — является отражением оживления в среде ученых [5]. Вот это, новое настроение людей науки — факт огромнейшего смысла, как мне кажется.

Очень жаль, что и в будущем году мы не встретимся. А — может быть? Я человек весьма подвижной, и, кажется, у меня будущее лето окажется менее загруженным. Спишемся и устроим встречу.

Вам следовало бы пожить на юге Италии, весна здесь — отличная!

Крепко жму руку. Если напишете из Берлина — поблагодарю! Очень интересно, какое впечатление вызовет у вас этот город.

А. Пешков

30.XI.32.

[1] М. Горький. Егор Булычов и другие Сцены. Берлин, «Книга», 1932. Книга была послана Федину с дарственной надписью: «Дорогому товарищу К. Федину, с большой дружбой, с искреннейшими пожеланиями здоровья. М. Горький. 27.XI.32. Sorrento» (книга хранится у Федина).

[2] Оргкомитет Союза писателей был создан после Постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. для подготовки Первого всесоюзного съезда советских писателей. Горький был избран председателем Оргкомитета, Федин входил в состав его членов.

Имеется в виду первый расширенный пленум Оргкомитета (открылся 29 октября 1932 г.). Пленум прошел под знаком реализации Постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций». Отчет о пленуме см. в «Лит. газете», 1932, № 50, от 5 ноября.

[3] См. Горький — Макарьев, письмо 1, прим. 2.

[4] Выступления М. М. Пришвина и А. Белого были опубликованы в «Лит. газете», 1932, № 51, от 11 ноября.

В своей речи, большая часть которой была посвящена Горькому, Пришвин говорил: «Критика должна строить свою работу так: если писатель написал что-нибудь хорошее, настоящее, пусть критика заметит это хорошее. Я приведу ясный пример относительно Алексея Максимовича 〈...〉 Среди всех людей, каких я видел, у Алексея Максимовича есть способность сорадования. Я его не знал, он был где-то в Италии, в Сорренто, а я где-то на озерах, на острове. И вдруг получаю письмо,— он плачет и смеет я. Прочитал „Черного араба“. Как трогательно, прямо заплачешь».

И во всем он так. Многие не понимали его, говорили, что Горький обманывается: обрадуется, а после оказывается ничего особенного. Но ведь важно его огромное расположение. Я рад, что имею случай теперь сказать об Алексее Максимовиче. Не мог сказать хорошо к его 40-летию, а теперь сказал».

[5] В октябре — ноябре 1932 г. в «Известиях» был помещен целый ряд сообщений, свидетельствующих об оживлении в научной жизни страны: об открытии VI менделеевского съезда («Известия», № 296, от 25 октября), о реорганизации Государственного института экспериментальной медицины во Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ) (там же), об успехах в области расщепления атомного ядра («Известия», № 311 от 11 ноября) и др.

53

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Berlin. 13.XII.1932.

Дорогой Алексей Максимович,

в Берлине меня ждал ваш «Булычов», а день спустя после приезда — получил от вас письмо. Большое спасибо за книгу и дружескую надпись на ней. О московской постановке «Булычова» много читал, буду в Москве — непременно посмотрю (уверен, что в Ленинграде — хуже) [1]. В «Булычове» меня опять поразила какая-то соблазняющая тайна ваших российских купцов — Бугровых, Морозовых [2]. Щукин лечил свою печень картинами Пикассо [3]. Если бы в трубе не было «всеуслышания», если бы, как Щукин — картинами, Булычов мог бы лечиться трубою потихоньку ото всех, он, думаю, с радостью поверил бы в нее. Изумительно это отсутствие веры и — в то же время — тоска по ней у всех «зиждителей» нашего прошлого. Вероятно здесь — одна из сторон трагедии больших ваших «купеческих» характеров и «соблазн» их как литературных типов.

Газеты все время получал и за литературными делами следил. Опять у нас начинают увлекаться разговорами. Пусть бы половину, даже четверть того, что говорилось на пленуме, попробовали обосновать в статьях. Великая была бы польза. Писатели же явно мало пишут. Рассуждать в литературе и о литературе словно отведено критике. Т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ сейчас критика в известном расстройстве, то развитие литературной мысли застопорило. Между тем, такое развитие было целью апрельского решения, наряду с другою целью — чтобы писатели писали, а не заседали.

Я не брюзжу, а так мне представляется дело по нашим газетам. Оживление должно сказаться, думаю я, в предстоящем «сезоне», т⟨о⟩ е⟨сть⟩ оживление собственно литературное, а не заседательское.

Говорил по телефону с Ленинградом: там слякоть и умопомрачение природы. Но сейчас, как будто, наступил поворот (тут стало морозно), и я думаю — можно смело ехать. Завтра отправляюсь.

На этих днях на Курфюрстендамме налетел на Вс. Иванова — чудеса! Он поехал в Париж, оттуда собирается к вам. Значит паломничество к вам уже началось, и я боюсь, что к тому времени, когда я соберусь в Сорренто (если соберусь), вы уже успеете устать от визитов. Но благодарю вас за приглашение и очень ценю его!

Весною я должен непременно в горы, в Давос или еще куда. Вот мне и хотелось бы тогда съездить к вам. Жму крепко вашу руку, желаю здоровья и всего, всего хорошего.

Ваш
Конст. Ф е д и н

На всякий случай еще раз — мой адрес:
Ленинград 28. Просп. Володарского, 33, кв. 13.

Ответное письмо Горького от 21 декабря 1932 г. см. в т. 30, № 1066

[1] Пьеса «Егор Булычов и другие» была поставлена в сентябре 1932 г Театром им. Евг. Вахтангова (Москва) и Государственным Большим драматическим театром (Ленинград).

[2] См. очерки Горького «Н. А. Бугров» и «Савва Морозов».

[3] Сергей Иванович *Щукин* (1854—1936) — московский купец, собравший богатейшую коллекцию произведений новейшей французской живописи (картины Ван Гога, Гогена, Матисса, Пикассо и др.). Щукинское собрание стало достоянием музеев Москвы и Ленинграда.

54

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

⟨Москва. 24 мая 1933 г.⟩

Дорогой Константин Александрович —

очень обрадован вашим письмом, и еще больше обрадовало бы свидание с вами, но ехать в Москву я вам решительно не советую, ибо: погода здесь осенняя, холодная и уныло гниленькая. А повидаться нам, вероятно, запретят: ко мне никого не пускают по причине гриппа, который держит меня в изоляции, в горизонтальном положении с идиотски упрямой t°: 37,7—9. Вот уже 5-й день в Москве, а ни души не вижу. Голова болит, руки трясутся и вообще: «печали и болезни вон полезли».

В Ленинграде я думал быть между 5—10 июнем, но грипп спутал мои карты, и уже не знаю, когда попаду к вам. А видеть вас и других ленинградцев необходимо до Съезда писателей. Нужно устроить ряд частных совещаний, чтоб объединить наиболее толковых и честных людей, нужно поговорить о множестве вопросов, которые должны быть поставлены пред Съездом. Говорят, будто дня через три, пять я буду работоспособен. Есть ли у вас в Москве удобное место, где вы могли бы остановиться?

Как строго поступили с вами швейцарцы! [1] Вот идиоты. И откуда у них такая наглость?

Крепко жму руку. До свидания.

А. Пешков

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] Фадину было отказано в визе на въезд в Швейцарию для лечения в Давосе. Отказ мотивировался самовольной поездкой Федина к Ромену Роллану — из Давоса в Вильнев (другой швейцарский кантон) — летом 1932 г. Подлинной причиной отказа была статья Федина о Ромене Роллане в «Известиях» (см. письмо 50, прим. 5). Подробнее об этом м. в кн.: Б. Брайнина. Константин Федин. М., «Советский писатель», 1953, стр. 157—163

55

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Ленинград. 30.V.1933.

Дорогой Алексей Максимович,

жизнь требует, чтобы вы почаще и побольше передвигались, а ваше здоровье — чтобы вы сидели на одном месте: почти каждый приезд «домой» вы отмечаете какой-нибудь болезнью, и это — право! — весьма нехорошо! Лучше ли вам сейчас? Надеюсь, предсказания докторов сбылись и вы уже поправились.

Как всегда, был рад вашему письму и особенно рад тому, что вы с такой теплотой говорите о вероятной в недалеком будущем встрече со мной. Повторяю, что — если вам будет *удобней* — я охотно приеду в Москву, буде ваш приезд сюда откладывается надолго. Свое здоровье я берегу, но поездка в Москву *летом* вряд ли повредит ему. Я останавливаюсь в Москве у знакомых в очень хороших условиях, м⟨ежду⟩ пр⟨очим⟩— на Машковом, рядом с домом, в кот⟨о⟩р⟨ом⟩ живет Екат⟨ерина⟩ Павловна.

Тем временем Съезд писателей оказался отложенным [1]. Хотя тут неизвестны никакие подробности, думаю, что дело идет не о неделях, а о месяцах: раньше сентября вряд ли созовут. По сугубо эгоистическим видам это хорошо, так как заседать и «съезжаться» не легко, летом же лично я неплохо всегда тружусь и уставать не хочется. Но в общественном отношении затяжка повредит: — немного упадет «настроение», зарядка

ослабится. Между тем Оргкомитет как учреждение *временное* не всех располагает к пристальной работе, занятия его иногда слишком вялы и все еще чересчур много организационной суеты.

Кажется, действительно интересной становится работа по написанию «Истории заводов». Знаете ли вы, что завтра в Ленинграде — большое собрание в связи с «Ист〈орией〉 зав〈одов〉»? Областн〈ая〉 редакция выпустила даже специальный сборник статей, пробных глав и материалов [2]. Книжку наверно вам пришлют. Много и успешно работают Шкапская [3] (она целиком ушла в «Историю», бросив все; подумать только, что она

К. А. ФЕДИН, ГОРЬКИЙ и А. ЛАХУТИ В ПРЕЗИДИУМЕ I ВСЕСОЮЗНОГО СЪЕЗДА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Фотография, Москва, Колонный зал Дома Союзов, 17 августа — 1 сентября 1934 г.

Музей Горького, Москва

начинала с эротико-мистических и физиологических стихов!), Мария Левберг [4], Антон Ульянский [5]. В деле этом все больше проявляется подлинной литературности, оно набирает соки, и уже чувствуется, что становится культурным явлением неизмеримой силы. Интересно! — Будьте здоровы!

Ваш К. Ф е д и н

[1] 5 июня 1933 г. в «Лит. газете», № 26, появилась заметка «Лето на подготовку к съезду», в которой сообщалось, что по просьбе республиканских и областных писательских организаций созыв съезда переносится на осень 1933 г.

[2] «Создадим историю заводов». Сборник. Лен. обл. редакция «История заводов», 1933.

[3] Мария Михайловна *Шкапская* (1891—1952) — поэтесса, очеркистка. См. письмо 60, прим. 2.

[4] См. переписку Горького с М. Е. Левберг в наст. томе.

[5] Антон Григорьевич *Ульянский* (?—1935) — советский писатель. Работал над историей Кировского (Путиловского) завода. Часть этой работы была опубликована под названием «Партийная работа в годы реакции (1907—1910 гг.). Главы из истории завода» (Л., 1935. На правах рукописи).

Вместе с М. Мительманом и Б. Глобовым А. Ульянский был автором книги «История Путиловского завода» (М.—Л., Соцэкгиз, 1939).

Федин написал предисловие к кн.: А. Ульянский. Война и плен. Л., Гослитиздат, 1936.

56

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

〈Москва. 9 июня 1933 г.〉

Дорогой Константин Александрович,

получил письмо ваше как раз в начале обострения болезни: грипп переходил в воспаление легких. Осмелюсь доложить, что это было крайне паскудно, дважды я вполне определенно почувствовал, что вот сейчас задохнусь и — навсегда! Отвратительная штука бунт птички, которая именуется сердцем,— 65 лет вела себя прилично и вдруг обнаружила желание вылететь куда-то к чёрту на кулички! Но сейчас всё у меня снова в порядке, становлюсь работоспособен и задыхаюсь — умеренно.

В Ленинград я, вероятно, не скоро попаду, из дома меня никуда не пускают и намерены увезти под Москву, где мы с вами и встретимся, если это вас не затруднит. Так что — покамест: до свидания, очень приятного для меня, ожидаю его нетерпеливо. Крепко жму вашу руку. Авербах говорил мне о встрече с вами, о выступлении вашем на собрании по «Истории заводов» [1],— очень приятно было узнать о живейшем участии вашем в этом деле. Впрочем, вы и в письме свидетельствуете о вашем интересе к этой затее — удачной, не правда ли?

Затеваю еще два предприятия [2]. Работать хочется — как младенцу материнского молока!

Всего доброго вам!

А. Пешков

9.VI.33.

[1] Имеется в виду выступление Федина на партийном совещании редакции «Истории фабрик и заводов», состоявшемся 31 мая — 1 июня 1933 г.

Речь Федина см. в сборнике «Партийное совещание „Истории заводов"». Под ред. Г. Зайделя, Я. Грузинского и Н. Попова. Ленинградская обл. ред. «Истории заводов», 1933.

[2] В письме Ромену Роллану от 6 мая 1933 г. Горький писал: «В Москве буду заниматься реорганизацией литературы для детей 〈...〉 Затем будем строить Институт по изучению всемирной литературы и европейских языков. Работы в Москве — гора!» (т. 30, с. 310).

57

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Детское Село. Екатерининский дворец.
Зубовский подъезд.
18.VI.33

Дорогой Алексей Максимович,

рад, очень рад, что вы справились с болезнью и «бунт птички» подавлен. Поздравляю вас!

Вы, вероятно, уже перебрались за город. Если отдохнули от гриппа, переезда и прочее,— напишите, какого числа (скажем — июля?) вам удобнее принять меня [1].

Буду ждать письма.

А пока — благодарю вас за радушное приглашение и еще раз — радуюсь, что вы поправились!

Преданный вам

Конст. Федин

[1] Очевидно, встреча произошла в начале июля.

58

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Детское ⟨Село⟩. 31.VIII.1933

Дорогой Алексей Максимович,

хочу попросить у вас совета. Мне, по-видимому, удастся провести самые плохие месяцы (октябрь — декабрь) за границей: разрешение мне уже дали, не вполне ясны кое-какие «технические» вопросы. Предполагаю в самом конце сентября выехать из Лен⟨ин⟩гр⟨а⟩да. Но место пребывания за границей я намечаю пока еще только приблизительно. Отпадают Германия и Швейцария: немцы меня «сожгли» [1] (как говорится — считаю за честь), а швейцарцы закрыли мне свои границы (что, собственно, говорит только об их глупости, а вовсе не о «дальновидности» и пр.). Летом я был, по вашему совету, у Хольцмана [2]. Между прочим, я вспомнил, что о нем мои давосские врачи говорили мне как об известном им превосходном московском враче: он, оказывается, работал в Давосе. Он нашел мое сжатое легкое в удовлетворительном состоянии, а про очаг в другом сказал, что «этот вулкан может начать действовать в любое время». Но, по мнению Хольцмана, в санаторном лечении сейчас нет надобности и следует лечиться, переменив режим на более подвижный: надо непременно укрепить несжатое легкое. Конечно, «подвижность» дело условное. Тем не менее, уже и то, что я не связан при выборе места лечения определенной высотой, много значит. Я намечаю поэтому либо австрийский Тироль, либо Северную Италию, район Мерана. Как ваше мнение о последнем варианте? Хороша ли именно осень в районе северных озер, например? Юг мне, к сожалению, «противопоказан», хотя Хольцман как будто не согласился с этим... Не напишете ли вы, дорогой Алексей Максимович, мне два слова по этому поводу?

Будьте добры также написать — не поможете ли вы в получении итальянской визы, если я остановлюсь на Италии? Я по сему скучному вопросу запрашивал П. П. Крючкова, но он... просто не ответил.

С громадным удовольствием вспоминаю проведенные у вас в Горках дни! Это было хорошей наградой за годами недостающее личное общение с вами. К тому же мне повезло: у меня давняя «слабость» к Вас⟨илию⟩ Ал⟨ексееви⟩чу Десницкому, и он мне... не мог «помешать». (Другие мешали!).

Что вы скажете о «Библ⟨иотеке⟩ поэта»? Она рождалась мучительно, но — как будто — недаром. Видели ли вы уже Давыдова Дениса? [3]. К сожалению, оформление начинает портиться, небрежничает народ. Надо сказать, вообще много у издательства технических и хозяйственных препон и бед, множество наделано ошибок.

Желаю вам всего лучшего. Как ваше здоровье и самочувствие? Когда собираетесь в Сорренто? Если вы поедете осенью, не разрешите ли присоединиться к вам, чтобы вместе «переехать» границу? В тех местах я совсем чужой.

Искренно преданный
Конст. Ф е д и н

Ленинград 28. Пр. Володарского, 33, 13.

Я прожил все лето и еще живу в Детском. Лето было вполне милостиво.

[1] Речь идет о сожжении немецкого перевода романа «Города и годы» («Städte und Jahre». Berlin. «Malik», 1927).

[2] Владимир Семенович *Хольцман* (1887—1943) — профессор, крупный специалист по туберкулезу. В то время — директор Центрального туберкулезного

института Наркомздрава СССР. В. С. Хольцман лечил Горького и в феврале 1933 г. жил у Горького в Сорренто.

[3] Денис Давыдов. Полное собрание стихотворений. Ред. и прим. В. Н. Орлова. Вступительные статьи В. М. Саянова и Б. М. Эйхенбаума. Л., «Б-ка поэта», 1933.

59

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

⟨Москва. 8 сентября 1933 г.⟩

Дорогой Федин—

о Тироле ничего не могу сказать, не бывал там, а от лечившихся слышал рассказы неодобрительные: места — капризные, погода ноября — декабря шаловлива. О Меране говорили врачи, как о месте «заплеванном» и гораздо более удобном для спортсменов обоего пола, чем для больных. И, будто бы, дорого. Почему бы вам не попробовать Кавказ, Тиберду, Нальчик? Устроили бы вас там удобнее и, уж наверное, лучше в смысле питания. Съездили бы туда, посмотрели, не понравится — уедете за границу.

Я в Италию и вообще за рубеж больше не поеду, остаюсь в родных палестинах, в октябре отъеду в Крым, в декабре — вернусь в Москву. А то — уедешь на зиму, и — обязательно замедляются темпы всех затеянных мною работ! К тому же и подготовка к Съезду писателей требует «оседлости» в Москве. Визу в Италию добудем немедленно, как только вы потребуете. Сижу в Москве, погода — мерзейшая, неукротимый дождь, ему уже скучно, идиоту, а он все еще «идет». Не хорошо, не правильно говорят о дожде —«идет».

Очень удручен смертью Гольцмана и Горбунова [1] — отличные человеки были они!

Очень советую вам: познакомьтесь с Алексеем Дмитриевым Сперанским и Львом Николаевым Федоровым,— крупные люди [2].

Крепко жму руку вашу, от всей души желаю здоровья. Берегите себя. Туберкулез в вашем возрасте — не велика опасность, но — все-таки вы за ним послеживайте. Болезнь иезуитская.

Привет.
А. Пешков

8—IX—33.

[1] Абрам Зиновьевич *Гольцман* — начальник Главного управления Гражданского воздушного флота, был заместителем редактора журнала «Наши достижения».
Сергей Петрович *Горбунов* — инженер, директор авиационного завода.
Гольцман и Горбунов погибли 5 сентября 1933 г. в результате авиационной катастрофы. Некрологи и статья «Памяти погибших» опубл. в «Правде», № 246, от 6 сентября 1933 г.

[2] Алексей Дмитриевич *Сперанский* (1888—1961), академик, патофизиолог. Принимал активное участие в организации Всесоюзного института экспериментальной медицины. Лев Николаевич *Федоров* (1891—1952) — профессор, в то время — директор ВИЭМ.

60

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Ленинград. 4.V.1934.

Дорогой Алексей Максимович,

«почта» моя к вам идет с некоторым запозданием, по вине праздников и неожиданного дела с «Библиотекой поэта», взволнованной и слегка растерявшейся из-за вооруженного и беспринципного наступления «Academia» [1]. Из прилагаемой записки «Библиотеки» вы увидите, так сказать, всю глубину «падения» нашего соперника. Очень просим вас поддержать

«Библиотеку», проделавшую большую научную подготовительную работу, которая даст в ближайшее время свои результаты.

Затем — самое важное: вы обещали написать несколько слов на моей записке товарищу Жданову в поддержку автономности «Издательства писателей в Ленинграде». Очень прошу вас сделать это и, по возможности, лично вручить тов. Жданову записку. Если можно, пожалуйста пришлите мне копию вашего отзыва об Издательстве.

Посылаю бандеролью рукопись М. Шкапской — «Диспозиция боя» — (ист⟨ория⟩ завода им. К. Маркса — б. Лесснер) и прилагаю письмо от автора [2]. «Диспозиция» в выборках и с сокращениями должна идти в «Звезде». Но вы, вероятно, дадите этой работе известный резонанс в Москве.

Лучше ли вам теперь и миновала ли тревога в легких? Можно ли вам работать?

Я убегаю 8-го мая в Детское, потому что здесь некогда писать и потому что Москва успела наделить меня бронхитом.

Будьте здоровы. Жму крепко руку.

Ваш Конст. Ф е д и н

[1] Весной и летом 1934 г. решался вопрос о ликвидации «Издательства писателей в Ленинграде» в связи с созданием единого кооперативного издательства «Советский писатель». Тогда же возник вопрос о передаче серии «Библиотека поэта» из Ленинграда в Москву, в издательство «Academia». Условия передачи внушали Федину серьезные опасения за дальнейшую судьбу этого издания (см. письма 65 и 66).

[2] См. письмо 5 . Имеется в виду письмо М. Шкапской к Горькому от 30 апреля 1934 г. «Два года живу я этой работой,— писала Шкапская,— она стала частью моего быта, моего сердца. Если рассказать вам все фазы этой работы,— это вышел бы целый роман или, вернее, тоже история нашей Истории. Все стадии нашей литературной и политической жизни — от постановления ЦК 23/IV до борьбы за язык, начатой вами — нашли свое отражение в нашей работе ⟨...⟩ И главное это то, что история наша, по удачному выражению Федина, заставляет не только понять, но и поверить нашему революционному прошлому, ощупать его, увидеть его во всей его яркости ⟨...⟩

Я уже давно перестала писать стихи, но работа над И⟨сторией⟩ з⟨аводов⟩ все время возвращает меня, как это ни странно, в область поэзии — настолько все это героическое и настоящее» (сб. «А. М. Горький и создание „Истории фабрик и заводов“». М., Соцэкгиз, 1959, стр. 124—125).

Горький внес в рукопись отдельные поправки и рекомендовал для напечатания во 2-й книге альманаха «Год XVII». Очерки Шкапской под указанным названием были опубликованы в альманахе «Год XVIII». М., Госиздат, 1935.

61

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

⟨Москва. 11 июля 1934 г.⟩

Тов. Федину (г. Ленинград)

Дорогой товарищ!

Я прошу вас взять на себя редактирование сборника воспоминаний об Октябре в Питере [1]. Материал будет критически выверен у нас в Секретариате «Гражданской войны». На вашу долю падет только литературная редакция.

Сборник мы думаем опубликовать к годовщине Октября.

Привет.

Главная редакция М. Г о р ь к и й

11 июля 1934 г.

Датируется по помете секретаря.

[1] К 1934 г. в редакции «Истории гражданской войны» накопилось большое количество воспоминаний, присланных в ответ на призыв Горького «К участникам гражданской войны» (т. 26, с. 116—119). По предложению Горького наиболее интересные и ценные воспоминания должны были издаваться в научно-популярной серии

«Истории гражданской войны» (см. «Постановление Главной редакции „Истории гражданской войны“»— «Правда», 1932, № 141, от 23 мая). Литературно-художественный сборник «Октябрь в Петрограде» был первым сборником из намеченных к изданию. В октябре 1934 г. Федин сообщал Секретариату ИГВ: «Первое впечатление пестроты материала сгладилось при внимательном чтении близостью темы и одним общим для всех авторов отношением к ней. Картина Октября получается довольно полной и разносторонней...» (АГ).

Работа над сборником продолжалась в 1935—1936 гг. В 1937 г. сборник вышел в свет в значительно измененном составе под названием «В дни Великой пролетарской революции. Эпизоды борьбы в Петрограде в 1917 г.» (Серия сборников по истории Великой пролетарской революции и гражданской войны 1917—1922 гг.). М., Гослитиздат, 1937.

62

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Ленинград. 8 августа 1934.

Дорогой
Алексей Максимович,

посылаю вам рукопись своего доклада, который только что кончил читать на конференции [1]. Если он вам может пригодиться как «сырье» [2] — читайте, нет — не утруждайте себя.

Много за это время здесь произошло грустного — с издательством [3] etc.

Жму вам руку и желаю всего доброго.

Ваш Конст. Ф е д и н

Простите за убогость бумаги и пр.

[1] На ленинградской писательской конференции 8 августа 1934 г. Федин прочел доклад «О прозе ленинградских писателей» (см. «Литературный Ленинград», 1934, № 38, от 11 августа).

Под названием «Художественная проза ленинградских писателей» доклад был напечатан в «Литературном критике», 1934, № 9, стр. 94—111.

[2] Т. е. как материал для доклада Горького о советской литературе на Первом всесоюзном съезде советских писателей.

[3] Имеется в виду ликвидация «Издательства писателей в Ленинграде». Сообщение об этом см. в «Литературном Ленинграде», 1934, № 36, от 5 августа.

63

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Детское Село, Екатерининский дворец.
21.IX.1934

Дорогой Алексей Максимович,

посылаю вам интересное письмо — предложение Елены Данько [1], являющееся одновременно конспектом книги о Гос〈ударственном〉 фарфоровом заводе. На мой взгляд, никто не мог бы сделать такой книги так хорошо, как Ел〈ена〉 Як〈овлевна〉 Данько, работающая на заводе как художник-производственник с начала революции. К тому же Данько — отменный литератор, со вкусом и хорошей техникой. Писательница-художница-производственник — сочетание редкое.

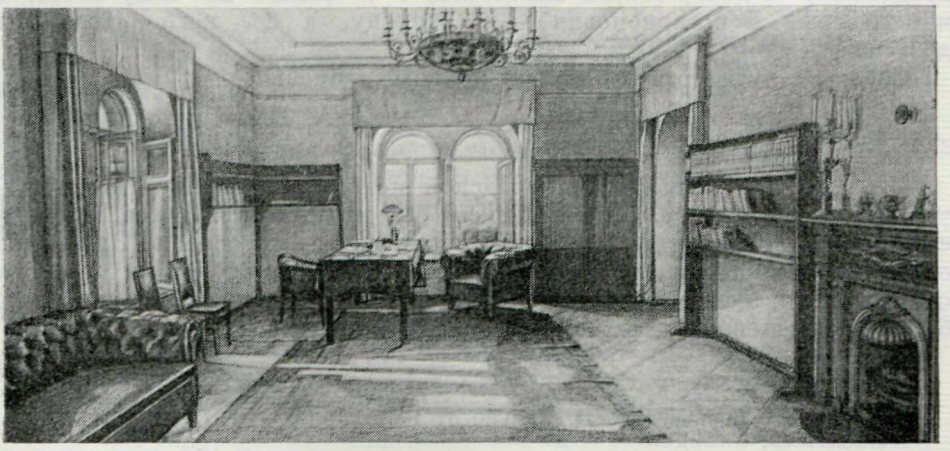
Вопрос о том, возможно ли включить такую книгу в план изданий по «Истории заводов»? Если — нет, то нельзя ли заказать Ел. Данько книгу о Фарфоровом заводе *вне серии* по «Истории»? Здешний ОГИЗ это предприятие мог бы поддержать — я говорил с тов. Рафаилом [2]. Но ваша поддержка, Алексей Максимович, только и могла бы решить дело правильно, дав ему настоящую почву и основу.

Такая моя судьба — рекомендовать, «подряжать» авторов по истории заводов, да при том—все женщин! Слава богу, они оправдывали себя.

Грустно только, что одна из них неожиданно приказала работать и жить без нее (вы наверно слышали о смерти Марии Евген〈ьевны〉 Левберг?) [3]... Мне почему-то кажется, что если Ел. Данько будет дана возможность по-настоящему взяться за дело, то у нас будет любопытнейший образец работы по «Истории заводов».

Прошу вас, Алексей Максимович, написать мне по этому поводу, и если предприятие покажется вам ценным, то не откажите отозваться и на конспект Данько.

По моим сведениям вы — в Форосе. Хорошо ли у вас? Не можете представить себе, до чего фантастично здесь бабье лето! Вот уже двадцать дней как безоблачно небо и не шелохнет! Опять пошла трава, на сирени



КАБИНЕТ ГОРЬКОГО В ТЕССЕЛИ
Рисунок карандашом А. Д. Корина, 1936 г.
Музей Горького, Москва

лопаются почки, стали петь птицы, расплодились насекомые, стрекозы летают толпами, комары-толкуны подпирают столбами твердь. Ничего не поймешь! Но так хорошо, что видно и впрямь изменяется на земле весь климатический режим.

Я сижу за второй частью «Похищения» [4], пишу о нас, о наших людях и советской земле, пишу с чувством какого-то обновления и с молодым интересом.

Взялся за редактуру книги «Октябрь в Петрограде» [5] — по истории гражд〈анской〉 войны. Книжища толстая, страсть. И довольно, как будто, пестрая.

Будьте здоровы, дорогой Алексей Максимович, и всего вам лучшего.

Ваш Конст. Ф е д и н

[1] Елена Яковлевна *Данько* (ум. 1941) — художник, работала живописцем на Государственном фарфоровом заводе им. Ломоносова в Ленинграде.

Упоминаемое письмо Данько Федину хранится в АГ.

Работа Е. Я. Данько о Фарфоровом заводе напечатана в 1938 г. в книге «Государственный фарфоровый завод им. М. В. Ломоносова. Ленинград. Художественный фарфор». Каталог. Вводная статья Е. Я. Данько.

[2] Михаил Абрамович *Рафаил* в то время заведовал ленинградским отделением Госиздата.

[3] Мария Евгеньевна *Левберг* умерла в сентябре 1934 г. (см. некролог в «Литературном Ленинграде», 1934 г., № 47 от 14 сентября).

[4] «Похищение Европы».

[5] См. письмо 61, прим. 1.

64

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

⟨Тессели. 27 сентября 1934 г.⟩

Дорогой Константин Александрович—

план Данько весьма одобряю, готов всячески помочь ей, о чем завтра извещу ее [1].

Пишу из Крыма, только сегодня приехал сюда и — попал на хорошую погоду. Намерен отдыхать здесь месяц, а с первым снегом — в Москву. Очень устал.

Виноват пред вами — не ответил на письмо ваше по поводу «Ленинград⟨ского⟩ изд⟨ательст⟩ва писателей» [2]. И сейчас не могу ответить, ибо И⟨осиф⟩ В⟨иссарионович⟩ — в отпуску, а без него — толка не добьешься.

Сердечно приветствую, желаю доброго здоровья.

А. Пешков

27.IX.34.

Вы гордитесь вашей ленинградской погодой, которая — наверно — уже испортилась, нет, вы посмотрели бы, что делается здесь! Никогда еще не видал Крыма таким великолепно нарядным осенью. Здесь хвастаются чудовищным урожаем фрукт. Лето было сухое, и виноград очень вкусен. Тепло, красочно, море — тихое. И множество птиц, особенно — перепелов.

А. П.

[1] См. письмо Горького Е. Я. Данько от 1 октября 1934 г. (т. 30, № 1133).
[2] Письмо 60.

65

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Ленинград. 27.XI.1934 г.

Дорогой Алексей Максимович,

до вас, вероятно, докатились вопли историков, критиков и исследователей литературы — редакторов и сотрудников «Библиотеки поэта» о гибели этого издания [1].

Из многих предприятий, которые обязаны своей жизнью вашему почину, «Библиотека поэта» была и остается любимейшим среди писателей. Причин тому много. Не говоря о близости писателю самой идеи великолепного дела, его осуществление было начато с очевидной удачей. Выполнить план в той форме, какую приняла уже проделанная (большей частью — подготовительно) работа, означало бы создать замечательный памятник оценки нашей эпохой всего исторического прошлого и настоящего русской поэзии. Никогда в начале работы над «Библиотекой» лично я не думал, что она примет такой размах.

«Библиотека» сейчас передана издательству «Академия», и с первых же шагов новый хозяин начал раскидывать самое основание идейного предприятия. «Хочу — бяру, не хочу — не бяру!» — таков критерий, применяемый «Академией» к книгам и планам «Библиотеки». Можно быть различных воззрений на издательскую деятельность «Академии». Это издательство насаждает добрый вкус не только своими переплетами и суперобложками. Оно отвечает перед нами, в конце концов, и своими планами. Как бы они ни были достославны, на этом основании нельзя разрушать другие планы, научно и практически апробированные. Издательству

«Академия» передана «Библиотека поэта» в целом как плановое единство, а не обрывки по принципу «хотишь — бярешь!» Формальные условия выхода «Библиотеки» не играют роли: она может выходить под любой советской маркой. Но она должна остаться *библиотекой*, как представляли себе ее вы, какой она вырабатывалась в руках ваших весьма опытных, знающих литературно-научных сотрудников. Само собою, бытие «Библиотеки поэта» не может отразиться на возможном издании других серий книг о поэзии, для других читателей и в других целях. Ведь литераторы никогда не станут возражать против количества изданий (и даже издательств!). И незачем запутывать новыми проектами (как это делает «Академия») ясный и действительно важный вопрос о том — существовать «Библиотеке поэта» или погибнуть. А именно так стоит этот вопрос.

Прошу вас, дорогой Алексей Максимович, остановиться на печальном для литературы деле «Библиотеки». Убежден, что очень скоро все мы сильно «прослезимся», когда наступит час «подсчитывать» плоды объединительной, монополистической нашей деятельности в издательской области во второй половине 1934 года. Особенно же много слез будет пролито у надгробной плиты «Библиотеки поэта», заготовляемой сейчас «Академией» в древнерусском стиле Каразина [2], с фестонами и бутончиками. К сожалению, это не шутка, а истинная бытовая правда.

Есть два возможных решения.

1. Оставить «Библиотеку поэта» сектором издательства «Советский писатель». То есть — статус-кво [3].

2. (Если решение ЦК о передаче «Библиотеки» изд⟨ательству⟩ «Академия» состоялось; документально такое решение нам неизвестно.) Включить редакционную ячейку «Библиотеки поэта» в издательское хозяйство «Академия» для плановой реализации идеи об издании «Библиотеки» под редакцией М. Горького.

Всякое другое решение упраздняет ваш замысел выпуска для литераторов исчерпывающего пособия по истории поэзии в научно проверенных и комментированных образцах.

Простите, что я так много написал. Вероятно, по поводу издательских дел я обращаюсь к вам последний раз, потому что, как видно, все ленинградские литераторы и писатели увольняются от редакционно-издательской работы на покой.

Поверьте, я говорю это без малейшей горечи или «уязвленности». Я очень рад за себя как писателя. Но именно как писатель я не в состоянии быть равнодушным к судьбе больших и увлекательных литературных планов. Отсюда это письмо.

Мое собственно-писательское дело за последнее время угнетает меня здорово: работа над материалом *сего дня* в условной форме «беллетристики», «художественной литературы» и т. д. сверхмучительна. Весь я ободрался, словно об гвозди, и этой добровольной вивисекции не видно конца-края. Все это может стать интересным не «страданиями» и прочим, но уже объективным опытом, вырастающим из практики сражений за искомое «новое качество» литературы. И тут не теоретизирование важно, а именно *опыт*.

Остальное у меня по-старому, если не считать того, что, платя дань ноябрю и поголовному гриппу, я лежу с температурой, кашлем и проч.

Как вы чувствуете себя? Отдохнули ли от Москвы и здоровы ли?

Спасибо за последнее письмо. Ваш интерес к труду Елены Данько помог ей заключить нужные условия с издательством и Фарфоровым заводом.

Будьте здоровы, приветствую вас!

Ваш Конст. Ф е д и н

От жены поклон.

Простите за машинку,— лежа могу писать только кое-как карандашом.

P. S. 27.XI — уже написав письмо, обнаружил в «Лит⟨ературном⟩ Ленингр⟨аде⟩» прилагаемую дельную статью [4].

Ответное письмо Горького от 11 декабря 1934 г. (датировка уточнена по почтовому штемпелю) см. в т. 30, № 1140.

[1] Имеется в виду коллективное письмо редакторов серии «Библиотека поэта» (Б. Томашевского, С. Балухатого, И. Андроникова, Ц. Вольпе и др.) Горькому по поводу предполагавшейся передачи этого издания из Ленинграда в Москву в изд-во «Academia» (АГ).

[2] Николай Николаевич *Каравин* (1842—1908) — писатель и художник. Постоянный сотрудник журнала «Нива».

[3] Последнее собрание пайщиков кооперативного «Издательства писателей в Ленинграде» «высказало пожелание о сохранении в новом издательстве ⟨„Советский писатель".— *Ред.*⟩ серии „Библиотека поэта", выходящей под редакцией Максима Горького...» («Литературный Ленинград», 1934, № 36, от 5 августа). Это пожелание было выполнено: серия «Библиотека поэта» была передана издательству «Советский писатель».

[4] Вырезка из газеты «Литературный Ленинград», приложенная к письму, не сохранилась. Очевидно, была послана статья «Сохранить „Библиотеку поэта"» («Литературный Ленинград», 1934, № 59, от 26 ноября). В статье выражался протест против передачи серии «Библиотека поэта» издательству «Academia».

66

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

⟨Ленинград. 29 декабря 1934 г.— 8 января 1935 г.⟩

Ленинград. 29.XII.1934.

Дорогой Алексей Максимович,

я получил из Москвы копию с вашего письма мне [1], написанного в Крыму. Не сердитесь на мое неисправимое, впрочем, не совсем серьезное «упрямство», но и в этом случае Москва оказалась предпочтенной: копия должна была бы остаться там, а оригинал — попасть в мои руки. Но случилось наоборот, так что у меня впервые за всю переписку с вами (которой я необыкновенно дорожу) появилось письмо от вас без даты и подписи.

Большое спасибо за подробный ответ касательно «Библиотеки поэта». Я передал его редакторам этого издания, так что в дальнейшем они могут вести свою работу, сообразуясь с вашим мнением о ней. Скорее всего, разумеется, «Нева с Москвой-рекой» тихо примирятся... [2]

Я не думал, что вы так невысоко расцениваете «Библиотеку» и что редакция ее настолько отдалилась от вашего замысла, что стало безразлично — где будут выходить книги в нынешнем их виде — в Конотопе или еще где. Я не был связан с «Библиотекой», а ее редактора никогда не излагали ее плана так, как он вырастает из вашего письма. Лично я представлял себе «Библиотеку» пособием для современного поэта. Вероятно, этим моим недоразумением порожден был излишне «воинственный» тон последнего моего письма, который — возможно — был вам неприятен. Если так — извините, это вышло невольно.

Однако, увы! — мне что-то жалко в исчезновении «Библиотеки». Да и вы, Алексей Максимович, вряд ли были бы против, если бы появился еще пяток-другой толстых томов с именами крупных поэтов прошлого...

Конечно, я согласен с вами, что работе по плану помешал неистребимый «самотек», что каждый стремился издать «свое», не считаясь с тем,

нужно ли оно для общего замысла, для целого [3]. Это, действительно, беда всех плановых предприятий. Но человека, подготовленного университетом к работе над началом XIX века, не так-то легко пересадить на середину XVIII-го, и потому что он не хочет и потому что—не умеет. Нехотение же здесь, думаю я, больше именно от неуменья, а не от какого-нибудь умысла.

Но все же, не находите ли вы огромной разницы между этой новой, отнюдь не «совершенной» формацией литераторов и тою, которая вступала семнадцать лет назад в революцию вполне сложившимися людьми? Ну, хотя бы — насколько же велика разница между коллегией «Всемирной литературы» и редакцией «Библиотеки поэта»? Неужели они одинаково «партикулярны» и противны общей работе в общих целях? Я часто вижу в наших литераторах, особенно — в ученых литераторах что-то смертельно схожее с былыми сюртуками большого и маленького «Олимпа». Но это — на минуту, на час, и только в одном-двух «мужах». А потом врывается целая волна новых людей, легко смывающая поверхностный налет чваного олимпизма, да и сами сюртуки распахнутся, а под ними — славная и простая гимнастерка. Оказывается: интерес к общему делу есть повсюду и литературный человек сильно изменился. Хотя возможно, что через десять лет он покажется себе — в нынешнем его виде — недостаточно изменившимся и даже смешным.

Надеюсь, что вы здоровы и желаю вам этого со всей искренностью. Когда собираетесь в Москву?

Ваш Конст. Ф е д и н

Письмо съездило в Крым и вернулось, из чего следует, что вы уже в Москве, дорогой Алексей Максимович. Приветствую вас и желаю всего доброго!

К. Ф.

8.I.1935.

[1] Письмо от 11 декабря 1934 г. (т. 30, № 1140).

[2] В своем письме Горький писал: «Мое окончательное мнение по этому вопросу таково: совершенно неважно, в какой издательской организации будет издаваться „Библиотека поэтов“ в данном ее виде и будет ли она издаваться самостоятельно, одновременно и дробно в Ленинграде, Конотопе, Москве, Обдорске и других местах.

Но было бы крайне важно и очень полезно, если б обе группы, отказавшись от смешного, старенького, традиционного „партикуляризма“, попытались объединиться и придать работе своей по истории русской поэзии хотя бы и не очень „научный“, но серьезный, стройный характер. <...> Значит — вопрос таков: возможно объединение, или „Нева с Москвой-рекой — увы!— непримиримы“?» (т. 30, с. 369).

[3] В упомянутом выше письме Горький писал: «История всякого процесса имеет свое начало. Я неоднократно говорил и писал о том, что „Биб<лиотек>у поэта“ следует начать с народной песни, с былины, с Тредьяковского, т. е.— именно „научно“ и строго хронологически.<...> От этого порядка и плана работы молча отказались. Работа сразу приняла характер работы „по линии наименьшего сопротивления“, по силе симпатии каждого „единоличника“...» (т. 30, с. 368).

67

ФЕДИН, СЛОНИМСКИЙ, ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ

<Ленинград, 22 мая 1935 г.>

Дорогой Алексей Максимович,

у нас к вам большая просьба: предоставьте нам для печатания в журнале «Звезда» четвертую книгу «Клима Самгина». С середины этого года журнал повышает качество по всем отделам. Ваша поддержка нам необходима.

Мы твердо надеемся на ваше участие. Если вы, кроме романа, предоставите нам другой материал — рассказ, статью или пьесу, мы будем вам очень благодарны.

Пожалуйста, ответьте нам.

Будьте здоровы.

Конст. Федин
М. Слонимский
Н. Тихонов

22.V.1935.

Письмо на бланке журнала «Звезда». Написано рукою Федина. Н. Тихонов, К. Федин и М. Слонимский были членами редколлегии журнала «Звезда».

68

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ, СЛОНИМСКОМУ, ТИХОНОВУ

⟨Москва. 4 июня 1935 г.⟩

Тт. Федину, Слонимскому, Тихонову

Уважаемые товарищи—

вторую половину третьей книги «40 лет» я в этом году—не кончу, а отрывки печатать — не стану. Напечатал один и жестоко изругал себя[1].

Год у меня — трудный: надобно поставить на ноги «Колхозник»[2], организовать «Б⟨иблиоте⟩ку колхозника», начать «Историю деревни»[3] и еще много прочее, а тут вот надо к парижанкам ехать на старости лет[4].

И рассказа дать — не в силах, ибо если и напишу рассказ, так отдам в «Колхозник». Деревня хочет книжки читать и «чтобы хорошие, как для господ писали».

А кроме всего прочего — Роллан приедет[5].

И начинаю дряхлеть. Обидно: по всему корпусу, с головы до пят, шерсть рыжего цвета начинает расти. А сны снятся — ужасающие: будто бы выстроил я себе дом, а в нем поселились сколопендры тысяч 16 — ни сесть, ни лечь! Вот и живи!

Крепко жму ваши руки.

А. Пешков

4.VI.35.

[1] Третья часть романа «Жизнь Клима Самгина» вышла в свет в 1931 г., одновременно в изд-вах «Книга» (Берлин) и ГИХЛ (Москва). «Второй половиной третьей книги» Горький называет продолжение эпопеи, которое после его смерти было опубликовано как четвертая часть романа «Жизнь Клима Самгина».

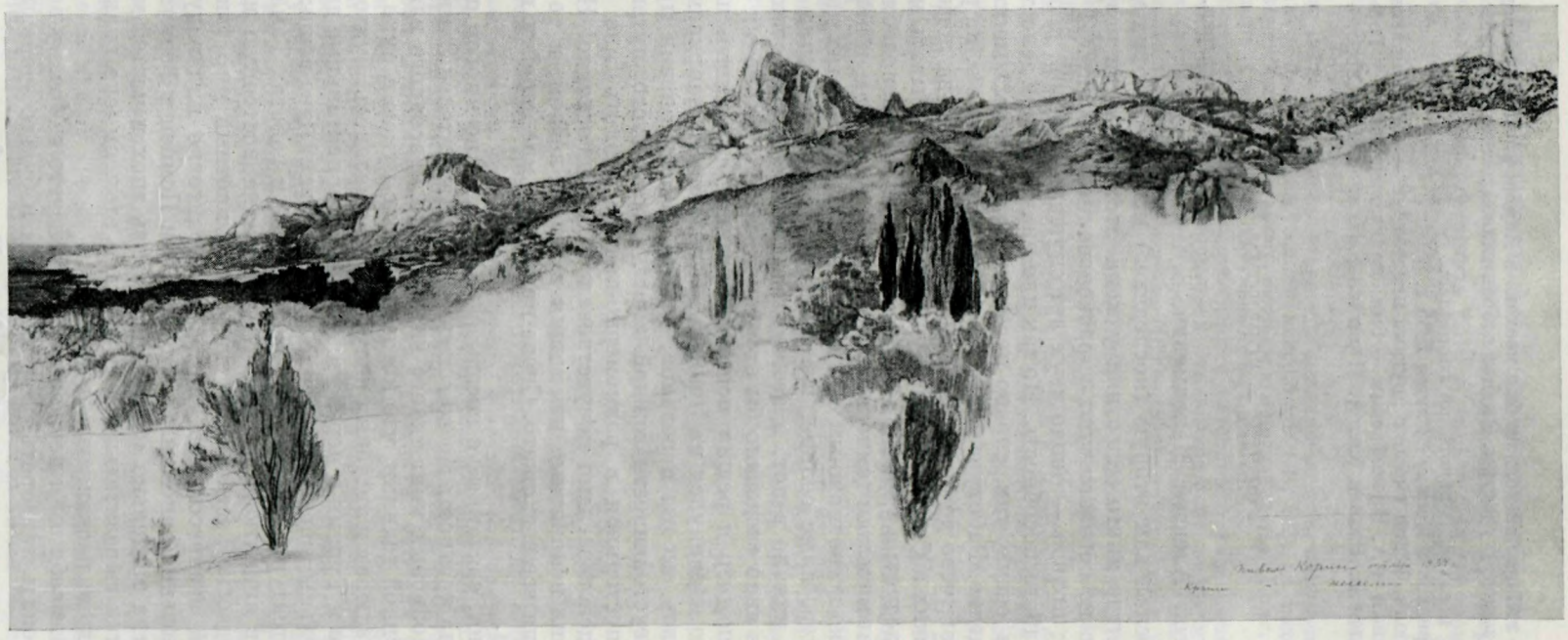
Отрывок, о котором говорит Горький, был напечатан в альманахе «Год XVI» (альманах второй. М., Гослитиздат, 1933) под названием «Бердников. Из книги „Жизнь Клима Самгина“».

[2] «Колхозник» — литературно-политический и научно-популярный журнал, созданный по инициативе Горького и выходивший при его ближайшем участии с сентября 1934 г. (см. статью «О журнале „Колхозник“», т. 27, с. 282—283).

[3] «История деревни» и «Библиотека колхозника» — литературные начинания Горького, тесно связанные друг с другом.

Издание серии книг по «Истории деревни» предполагалось организовать по типу «Истории фабрик и заводов». Цель и задачи издания изложены в двух статьях Горького, озаглавленных «История деревни». Первая статья была впервые напечатана 24 февраля 1935 г. в «Лит. газете», № 11, вторая — опубликована после смерти Горького в «Большевике», 1936, № 14 (см. эти статьи в т. 27).

«Библиотека колхозника» должна была, по замыслу Горького, быть «словесной иллюстрацией „Истории деревни“». Предполагалось создать целый ряд сборников рассказов, показывающих, каким изображался мужик в XIX столетии писателями — дворянами и разночинцами. Были намечены к изданию рассказы: «Сорока-воровка» А. И. Герцена; «Хорь и Калиныч», «Контора», «Бирюк» и другие рассказы И. С. Тургенева; «Поликушка», «Утро помещика» Л. Н. Толстого; «Тупейный художник» Н. С. Лескова; отрывок из романа «Подлиповцы» Ф. М. Решетникова; «Река играет» В. Г. Короленко; «Князь во князях» и «Последний день» И. А. Бунина; «Ночлег» В. А. Слепцова и др. (проект плана издания серии. АГ).



КРЫМ, ОКРЕСТНОСТИ ТЕССЕЛИ
Рисунок карандашом П. Д. Корина, 1934 г.
Музей Горького, Москва

[4] В июне 1935 г. Горький должен был поехать в Париж на Международный конгресс писателей в защиту культуры. Он был избран главой делегации советских писателей.

Из-за болезни поездка Горького не состоялась.

[5] Р. Роллан приехал в Москву 23 июня 1935 г.

Вскоре же, 9 июля, Федин вместе с другими писателями — С. Маршаком, Ю. Тыняновым, М. Ильиным и А. Прокофьевым — был приглашен на дачу Горького, где в то время находился Р. Роллан (см. А. Прокофьев. У Горького.— «Звезда», 1941, № 6).

69

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Ленинград. 7.I.1936.

Дорогой Алексей Максимович,

третьего дня послал вам вторую (последнюю) книжку «Похищение Европы» [1]. Невероятно много сил отнял у меня этот роман, и результаты работы очевидно не соответствуют израсходованной энергии. Я был занят им пять лет; правда — около двух лет скушала болезнь, вообще понизившая мою работоспособность. Но так или иначе я довел дело до конца и чувствую себя сейчас так, словно перешел сомнительный мосточек через коварное ущелье. Работу я кончил в октябре, и тогда же, на радости, отправился на юг, чего до сих пор не решался делать из-за легких. Почти месяц я прожил в Сухуме и успел увериться, что пребывать мне в таких местах не следует: с утра до ночи я должен был приспосабливаться к самым капризным сменам температуры, от жары до холода, к целой гамме влажностей, ко всевозможным оттенкам комбинаций из этих двух факторов, плюс ветер, плюс солнце, плюс бог знает что! В конце концов, меня буквально кинуло в пот, а этого удовольствия я уже очень давно не испытал. Мне явно следовало бы отступить, но так был велик соблазн увидеть побольше, что я решил исполнить давно задуманный план поездки в Армению и двинулся на Эривань. К сухумским капризам термометра прибавились высоты перевалов, высота самой Эривани при умопомрачающей неустойчивости южной зимы. После этого путешествия ленинградская постоянная и равномерно-подлая слякоть мне показалась раем,— я действительно почувствовал себя превосходно! Но, увы, рентген установил неприятные изменения в левом легком, в то время, как правое у меня все еще сжато. Снова приказано мне перейти на «нормальный» режим.

Зато ожидания, связанные с поездкой в Эривань, во многом оправдались, несмотря на краткость моего гощенья там. Изумителен Эчмиадзин [2] с его 10 000 рукописных книг такого виртуозного красочного изящества и такой совершенной техники, что когда я сидел с лупою в руке, прогуливаясь по миниатюрам и листовым рисункам, мне казалось, будто я разъезжаю по Персии и Турции и передо мною живут ориентальные дворцы и храмы. Замечательны (вернее: особенно меня поразили) две вещи: истоки армянской архитектуры, сейчас возрождающейся в работах Таманяна [3], *все* запечатлены в миниатюре и явно указывают на восточную интернациональность зодческой эстетики; и еще: весь животный мир (хищники, фауна) по своей экспрессивной форме, по трактовке индивидуальных качеств необыкновенно напомнили мне мозаики Помпеи и Геркуланума. Это чудесно, когда зрительно «ощущаешь» связь эпох и частей мира, и, конечно, ничто так выразительно не говорит в этом смысле, как искусство!.. Словом, я не раскаиваюсь в поездке!

Как чувствуете себя вы и неужели опять приедете в Москву во время холодов, чтобы опять захворать? Берегите себя и будьте здоровы!

Ваш Конст. Федин

P. S. Вам из Сухума должны были послать сборник абхазских сказок [4]. Получили ли? Сказки есть великолепные. Но перевод настолько убог, что зло разбирает смерть как! А ведь в Сухуме можно было найти недурного редактора — есть там такой русский — Новодворский [5], вполне грамотный человек.

[1] Вторая часть романа «Похищение Европы» первоначально публиковалась в «Звезде», 1935, №№ 6—12.

Федин послал Горькому отдельное издание романа, выпущенное Государственным издательством художественной литературы (Л., 1935) с надписью: «Дорогому Алексею Максимовичу по-старому, с любовью и преданностью. Конст. Федин. Ленинград. Январь 1936 г.» (АГ, титульный лист книги).

[2] Эчмиадзин — монастырь, резиденция католикоса, расположен в юго-западной части Армянской ССР. На территории Эчмиадзина помещаются музей древностей и старинная библиотека с богатейшими собранием древнеармянских рукописей.

[3] Александр Иванович *Таманян* (1880—1936), архитектор и общественный деятель Армении.

[4] «Абхазские сказки» с предисловием А. Хашба и вступительными статьями акад. И. И. Мещанинова и В. И. Кубка. Сухум, АБНИИК (Абхазский научно-исследовательский институт краеведения), 1935.

Книга была послана Горькому в мае 1936 г. Институтом абхазской культуры им. акад. Н. Я. Марра вместе с письмом следующего содержания:

«Институт абхазской культуры им. Н. Я. Марра Грузфилиала АН СССР посылает вам экземпляр абхазских сказок, изданных нами в 1935 году. После выхода их из печати сказки сразу же были высланы вам на московский адрес, но, как оказалось, книгу вы не получили! В письме мы просим вас, по возможности, дать и свой критический отзыв.

Сейчас Институт, ввиду большого спроса на книгу, решил выпустить сказки вторым изданием. Знаем, что сказки были выпущены с большими недостатками, вот почему, Алексей Максимович, мы и просим вас вторично дать нам свои указания, которые нам окажут неоценимую услугу при втором издании.

С приветом. Директор ИАК АН СССР Хашба А.» (ЛБГ).

[5] Иосиф Александрович *Новодворский* (1892—1949), литератор, живший в Сухуми, автор рассказов, переводчик и редактор переводов с абхазского.

70

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

⟨Тессели. 23 февраля 1936 г.⟩

Дорогой Константин Александрович [1], —

разумеется, очень нехорошо, что я только сегодня собрался ответить вам, но—в этом не только моя вина. Мне захотелось поскорее устроить ваш переезд в Москву—т⟨о⟩ е⟨сть⟩ — под Москву — я предложил П. П. Крючкову «принять меры», но тут пленум и всякое прочее, и нет Щербакова [2]. Только вчера получил сведение, что для вас отводят хорошую и, кажется, уже «обжитую» дачу на Сетуни. Там — говорят — сосновый бор и вообще — удобно. Если окажется неудобно — найдем другое место, но — только скорее уезжайте из Ленинграда!

Книгу вашу все еще не прочитал [3]. Это — простительно, ибо у меня совсем уже не остается времени для чтения! И — устают глаза.

Будьте здоровы, простите, что пишу кратко, очень устал!

А. Пешков

23.II.36. Тессели.

Печатается по секретарской машинописной копии из личного архива Горького.

[1] В подлиннике описка: Андреевич.

[2] Имеется в виду третий Пленум правления Союза советских писателей. Состоялся в Минске, в феврале 1936 г. А. С. Щербаков был в то время заведующим отделом культуры и пропаганды ленинизма при ЦК ВКП(б).

[3] Вторая часть романа «Похищение Европы». См. письмо 69, прим. 1.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. ОТЗЫВ ГОРЬКОГО О РАССКАЗАХ В. КАВЕРИНА «НИЩИЙ», ВС. ИВАНОВА «ПОВЕСТЬ О ПОРТНОМ», М. ЗОЩЕНКО «КРАСНЫЕ И БЕЛЫЕ», М. СЛОНИМСКОГО «13-я ОШИБКА»

«Нищий»

По теме — скверный анекдот из кошницы Ив⟨ана⟩ Бунина. Рассказан равнодушно и механически. Никакой тайны — как только баба пустила нищего в избу—тотчас догадываешься,что он ее или изнасилует или убьет. А раздражений для этого акта дано мало. Написано же — особенно в начале — много.

«Повесть о портном»

Вещь интересная, сделана не без грации, но — местами — чувствуется торопливость, несдержанность в словах. Некоторые приемчики отдают запахом старины, реставрировать кою едва ли следует. Напр⟨имер⟩: «будем далее называть его N».

И — не слишком ли хорошо помнит автор Гоголя, который в рассказах этого стиля беззастенчиво подражал Гофману? Засим: эпитет «легкомысленный» не оправдан. Нарочито и шутливо запутанное расположение частей очень выиграло бы, будь все части равномерны, а так — архитектура рассказа несколько тяжела.

«Красные и белые»

В отличие от прежних работ — в этой чувствуется вялость и многословие. Резкой индивидуальностью *своей* речи автор награждает всех героев, и это делает их однолицыми, особенно способствует этому манера повторять слова и фразы одни и те же, но в различных тональностях. Это очень хорошо при чтении вслух, но утомляет, когда читается глазами. Слащавость Феоктиногова — почти сахарин. Не вижу ни красных, ни белых — даны обыкновеннейшие бытовые люди, почти фотографически точные. И нет в рассказе загадки, не чувствуется попыток заглянуть *через* изображаемое в злые основы его. Вообще этот рассказ менее удачен.

«Тюха» — это есть у Андреева в «Савве».

«13-я ошибка»

Это хороший рассказ, но — в данном его виде — совершенно «нецензурный».

Пуля — в конце — слишком мелодраматически страшен. Не оправдан его садизм. Что это — от природы или от рассудка, от карьеризма? В маскараде как будто спрятан некий намек — опасный для автора. Монумент А⟨лександра⟩ III — не снят, а скрыт в ящике, так что эффектный конец фразы «нет царя в голове» — не оправдан.

Написано несколько лениво, местами же поспешно, музыка получается с перебоями, особенно — в описаниях. Девушка требует еще каких-то живых черточек, хотя и так хороша. Но — все-таки, все-таки! — в ней — жизнь, та, которая раздражает своей красотой, грацией, знанием какого-то смысла, — многим, что вызывает у Пули и ему подобных зависть, ненависть.

Во всех рассказах заметно, что внешняя логика фактов преобладает над психизмом, над внутренним содержанием их. Это — противоречит общему направлению «Серап⟨ионовых⟩ братьев»,— ведь уже можно говорить о чем-то общем в них, невзирая на различие индивидуальностей.

⟨1921 г.⟩ А. П.

Датируется Фединым; печатается по автографу, хранящемуся у него. Текст опубликован в книге Федина «Горький среди нас». М., Гослитиздат, 1943, ч. I, стр. 112—114 (см. также Конст. Федин. Собр. соч. в 9 томах, т. 9, М., Гослитиздат, 1962, стр. 200—202). Упоминаемые в отзыве произведения в печати не появлялись, кроме «Повести о портном», напечатанной, по-видимому, под названием «Чудесные похождения портного Фокина», Л., ГИЗ, 1925.

II. ГРУППА «СЕРАПИОНОВЫ БРАТЬЯ»

В 19-м году издательство «Всемирная литература», преследуя цель дать русскому читателю лучшие произведения всех литераторов Европы и Америки XIX—XX века, организовало «Студию переводчиков», чтобы воспитать кадры литературно и художественно грамотных переводчиков, способных — насколько это вообще возможно — ознакомить русского читателя с тайнами слова и красотою образов литературы европейской. Задача несколько утопическая, но, как известно, в России всего меньше боятся утопии.

В «Студии» собралось человек сорок молодежи; руководителями ее выступили члены редакционной коллегии «Всемирной литературы»: новеллист Евгений Замятин, хороший знаток русского языка; критик Корней Чуковский, филологи Лозинский[1], Шилейко[2], Шкловский и талантливый поэт Николай Гумилев.

Вскоре обнаружилось, что среди учеников «Студии» некоторые обладают несомненным литературным дарованием. Это были: Михаил Зощенко, Лев Лунц, Николай Никитин — прозаики; Николай Чуковский, сын критика, Владимир Познер[3], Елизавета Полонская, Ирина Одоевцева — поэты[4]. Руководители «Студии» выделили этих людей в отдельную группу и занялись развитием их способностей.

К этой маленькой группе постепенно присоединились: Конст. Федин, Мих. Слонимский, Вениамин Зильбер, Всеволод Иванов, Николай Тихонов, и группа приняла имя «Серапионовых братьев», взяв его у романтика и фантаста Гофмана. Все они начали писать рассказы и стихи, подвергая работы свои взаимной жестокой критике и подробной оценке руководителей. Эта критика скоро внушила им общий лозунг:

«Писать очень трудно».

Они хорошо помнят этот лозунг и при встречах шутя говорят друг другу: «Здравствуй, брат! Писать очень трудно». Талантливость этих юных людей, а также искусство руководителей их дали за два года совместного труда результаты, которые я решаюсь назвать исключительными. «Серапионовы братья» серьезно и глубоко полюбили труд литераторов, увлеклись со всею энергией юности изучением творчества. Все они жили в условиях невыносимо тяжелых, некоторые из них, истощенные голодом и холодом, нередко принуждены были лежать целые сутки, для того чтоб не так остро чувствовать голод. Хлеб и селедка считались роскошью среди них, целые недели приходилось питаться только сушеными овощами. Эти условия особенно тяжело отзывались на юношах, уже ранее подорвавших свое здоровье, каков, например, М. Зощенко, отравленный на войне ядовитым газом. И почти каждый из них еще ранее того, как почувствовал тяготение к литературе, уже испытал слишком много тяжелого. Юные годами, они вступили на поприще литературы зрелыми людьми, с хорошим знанием о человеке и с живым интересом к нему.

Нет сомнения, что многие из них погибли бы в эти тяжелые годы холода и голода, если б всех «братьев» не связывало искреннее и крепкое чувство действительной дружбы и если б они не умели самоотверженно помогать друг другу. Это они умеют. В тяжелой истории русской литературы я не знаю ни одной группы писателей, которая бы жила так братски, без зависти к таланту и успеху друг друга, с таким глубоким чувством солидарности и бескорыстной любовью к своему делу, которое я, не находя другое слово, называю священным.

Литература — поэзия и проза — есть священное писание о человеке, о горе и радости его души. Пусть нередко человек героичен и велик только в подлости, пусть он часто подл и жесток в своем героизме—художник не судья ему. Мы еще не научились строить жизнь не на грязи и не

на крови, но мы понемногу учимся понимать и любить. Мы знаем, что на земле нечего любить, кроме человека, нечем возмущаться, кроме деяний человека, нечем любоваться, кроме творчества человеком новых форм жизни и красоты.

Я слежу за духовным ростом «Серапионовых братьев» с великими надеждами. Мне кажется, что эти молодые люди способны создать в России литературу, в которой не будет ни квиетизма, ни пассивного анархизма Льва Толстого, из нее исчезнет мрачное садистическое инквизиторство Достоевского и бескровная лирика Тургенева. Русское «скифство», «евразийство» и прочие виды скрытого славянофильства или хвастливого национализма не найдут сторонников среди «Серапионовых братьев». «Серапионовы братья» аполитичны, но они активны, влюблены в начало волевое, глубоко понимают культурное значение труда и заинтересованы просто человеком, каков он есть, вне сословий, партий, национальностей и верований. Они хорошо понимают, что Россия может нормально жить только в непрерывном общении с духом и гением Запада. Лев Лунц, автор стил〈изован〉ного рассказа «Пустыня» и двух пьес «Закон» и «Бертран де Борн», недавно решительно выступил с задорным докладом «На Запад!»[5]. В этом докладе он, может быть, не очень доказательно, но с глубоким убеждением говорит, что духовное общение с Западом необходимо России, как воздух. Лунц только что кончил университет в Петербурге и как филолог командируется университетом в Испанию для изучения литературы латинских стран, в частности испанской.

Интереснейшей фигурой среди «Серапионовых братьев» является Вениамин Зильбер, фантаст, поклонник Гофмана, обладающий острым воображением и юмором, но еще не выработавший своего языка. Он очень молод, как и подобает Вениамину, но у него есть все для того, чтоб стать оригинальным писателем.

Значителен Михаил Зощенко, автор оригинальной серии «Рассказов г. Синебрюхова»[6], писатель почти уже сложившийся, он нашел свой стиль, свои слова; это, я надеюсь, вы увидите по его рассказ〈ам〉 «Виктория Казимировна» (в перев〈оде〉 «Аполлон и Тамара»[7]). Синебрюхов — русский солдат, участник пагубной европейской войны, это Санчо Панса до знакомства с Дон-Кихотом.

Много обещает Михаил Слонимский; он тоже еще не нашел пока своего пути, но он обладает упорным и осторожным характером искателя. Его сборник рассказов «6-й стрелковый полк»[8] имеет крупный успех.

Всеволод Иванов и Николай Никитин уже нашли определенное место в современной русской литературе, оба они — особенно Иванов — пишут много и весьма популярны. Они перегружены впечатлениями хаотического бытия России и не совсем еще научились справляться со своим богатейшим материалом. Мешает им и щегольство провинциализмами языка. Они слишком увлекаются местными словарями пестрой России, где почти каждая губерния говорит своими словами. Это делает их рассказы почти не переводимыми на европейские языки. Но успех не опьяняет их, наоборот: они скорее испуганы им и единодушно пишут мне: «Нас очень хвалят, и мы чувствуем, что это нехорошо для нас». Это — искренно сказано. Я вижу, как оба они стараются преодолеть хаос своих впечатлений.

О глубоком знании Всеволодом Ивановым психики русского примитивного человека говорит рассказ «Жаровня Архангела Гавриила»[9]. Герой рассказа — очень распространенный в России тип искателя незыблемой правды. Люди этого типа, не умея своей волею творить правду, часто всю жизнь свою посвящают мечтам о ней, бродяжничают в поисках ее, ждут правды, как чуда, и порою, не встретив в жизни этой правды, в сущности неясной им, становятся мизантропами, анархистами. Революция уничтожает человека, пассивно ожидающего счастья, заменяя его посте-

пенно человеком, который пытается достичь счастливой жизни усилиями своей личной воли. И — повторяю — заслуга молодой русской литературы в том, что она правильно оценивает превалирующее значение воли, не утрачивая, однако, любви к мечте о реорганизации жизни в духе справедливости. Мечта, выдумка в искусстве и жизни играет ту же роль орудия познания истины, как гипотеза в области науки. Всеволод Иванов недавно издал роман «Голубые пески». Эта книга, несколько растянутая, дает очень яркую и широкую картину гражданской войны в Сибири и проникнута объективизмом истинного художника.

Константин Федин — серьезный, углубленный в себя писатель, работающий осторожно. Он из людей, которые не торопятся сказать свое слово, но говорят его хорошо. Сейчас он пишет большой роман, и я слышу, что работа удается ему. Он учился в одном из университетов Германии, жил некоторое время в Бельгии [10].

Луиц, Федин — студенты, Зильбер — тоже студент факультета восточных языков, он изучает специально арабский язык. Вс. Иванов — сибиряк, был типографским рабочим, М. Зощенко — солдат, Николай Тихонов — тоже солдат-красноармеец.

Я не считаю себя знатоком русской поэзии, но, по общему мнению знатоков ее, Тихонов обладает очень крупным талантом. Его увлекают сильные люди, героизм, активность — как раз все то, что совершенно необходимо России и что старая литература не воспитывала в русском народе.

По словам В. Ходасевича [11], лучшего, на мой взгляд, поэта современной России, большие надежды возбуждает юноша Чуковский; его поэма «Козленок» напечатана в первой книге журнала «Беседа».

Мне очень нравятся баллады В. Познер, юноши, живущего ныне в Париже, где он учится в Сорбонне и откуда весною, кончив курс, намерен вернуться в Россию в круг «Серапионовых братьев». Он пишет свободным стихом, обладает юмором, в его поэмах странно сочетаются ирония и пафос.

Интересны и оригинальны баллады Ирины Одоевцевой.

Вот краткая характеристика тех людей, от которых не один я ожидаю обновления русской литературы, эта литература, посвятив огромное количество сил освещению проблем социального бытия, слишком мало уделяла внимания человеку самому по себе. Ныне значительность личности в процессе истории все возрастает, о чем громоподобно говорит нам история наших трудных дней.

(Сааров, 15 марта 1923 г.)

Статья была впервые опубликована в переводе на французский язык в бельгийском журнале «Disque vert», 1923, №№ 4—6 под заглавием: «Группа „Серапионовы братья". Неопубликованное письмо Максима Горького» с пометкой «Saarow, 15 mars 1923». На русском языке (в переводе с французского) под названием «Горький о молодых» эта статья появилась в сокращенном виде («Жизнь искусства», 1923, № 22). Обширные цитаты из этой статьи (тоже в переводе с французского) приведены в книге Федина «Горький среди нас. Картины литературной жизни», ч. II, М., 1944, стр. 104—110 (см. также Конст. Федин. Собр. соч. в 9 томах, т. 9. М., 1962, стр. 285—288).

В настоящем томе статья печатается по рукописной копии из архива Горького. О соответствии копии автографу свидетельствует письмо Горького Слонимскому от 13 марта 1923 г., в котором приводится отрывок из статьи (см. стр. 385).

На копии, озаглавленной «Предисловие», воспроизведена следующая надпись Горького: «Я кратко характеризую всех „Серапионовых братьев", их восемь человек».

История создания статьи известна нам из переписки Горького с бельгийским писателем Францем Элленсом (псевдоним Фр. Ван Эрменгема, род. 1881 г.), издававшим в 1922—1923 гг. журнал «Ecrits du Nord», позднее — «Disque vert». (См. «Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами». «Архив А. М. Горького», т. VIII, М., изд-во АН СССР, 1960, стр. 92—94).

Статья в журнале начинается словами, отсутствующими в русском тексте, хранящемся в АГ: «Дорогой собрат, автор рассказа „Сад" — Константин Федин — принадлежит к группе молодых русских писателей, которая носит название „Серапионовы братья". Эта группа родилась в 1919 году при следующих обстоятельствах...»

Текст французского перевода несколько сокращен по сравнению с русским оригиналом; в частности, ощущена характеристика рассказов Вс. Иванова.

В статье Горького «Серапионовы братья», предназначенной для зарубежного читателя и содержащей лаконичные характеристики каждого из «серапионовцев», литературно-общественная позиция этой группы не получила достаточно верной и объективной оценки.

Горький сумел прозорливо увидеть в первых литературных шагах К. Федина, Вс. Иванова, Н. Тихонова многообещающее начало нового искусства, рожденного Октябрьской революцией. Но он явно недооценивал вредности формалистических и других чуждых советской литературе тенденций в статьях и пьесах Л. Лунца, в рассказах молодого В. Каверина. Провозглашенные некоторыми «серапионовцами» лозунги «аполитического» искусства, идеи «независимости» художника от требований революционной эпохи тогда не встретили должного отпора со стороны Горького. Более того, в статье о «Серапионовых братьях» сочувственно говорится о художественной заинтересованности молодых писателей «просто человеком», без учета той классовой роли, которую он играет в действительности.

Здесь, как и в некоторых других горьковских высказываниях о «серапионовцах», проявились идейные заблуждения Горького начала 20-х годов приводившие его порой к мысли об отказе от сознательной политической целенаправленности в искусстве. Вскоре Горький пересмотрел эти взгляды, осудив попытки «найти свободу творчества вне строгих указаний истории, вне ее основной, организующей идеи» (т. 27, стр. 330).

Уже в 1925—1926 годах Горький критиковал «серапионовцев» за их «робость и запуганность перед лицом формального метода» (см. стр. 388). Вот как вспоминает об этом Федин, поясняя содержание своей переписки с Горьким: «Внутри кружка „серапионов" шла борьба за и против этого влияния формалистов, претендовавших не только на безусловность своих теоретических положений, но и на применение молодыми писателями на практике „норм", узаконенных вкусами формализма. Уже в 1924—1925 гг. эта борьба привела к разобщенности „серапионов". Но так как на практике скованность „законами" ОПОЯЗа давала себя все больше чувствовать, в кружке начался известный пересмотр их влияния, мешавшего основной цели молодой литературы — работе над темами войны и революции. Пересмотр „законов" формализма привел к новому сближению „серапионов" в начале 1926 года (недолговечному, впрочем). Вот почему я писал Горькому, что мы „заново сошлись, по-новому все поняв", и что живем „вопреки законодателям вкусов", вне „правил", которым стремились подчинить нас опоязовцы. И вот почему Горький назвал „законодателей вкусов" „создателями канонов", уподобив эти каноны „кандалам для души" художника. В этом смысле свободы души от „кандалов" употребил он выражение „свободные художники", что подтверждается его перепиской не со мною одним. Письма Горького, которые он посылал „серапионам", становились известными в их кругу. Стремление Горького оградить „серапионов" от формализма было хорошо им знакомо» (Письмо Федина главному редактору «Литературного наследства» И. И. Анисимову; речь здесь идет о его письме Горькому от 16 января 1928 г., начатаемом выше на стр. 498—500, и об ответе Горького от 28 января 1926 г.— на стр. 502—503).

В те же годы Горький настойчиво подчеркивал плодотворность партийной политики в сфере искусства. Так он писал в 1925 году: «На днях в „Правде" опубликована — вполне своевременно,— резолюция ЦК „О политике партии в области художественной литературы",— резолюция эта несомненно будет иметь огромнейшее воспитательное значение для литераторов и сильно толкнет вперед русское художественное творчество» (т. 29, стр. 432).

В заключительной речи на I съезде советских писателей он отмечал, что и те писатели, «которые считались беспартийными, „колеблющимися", <...> признали большевизм единственной боевой руководящей идеей в творчестве, в живописи словом» (т. 27, стр. 338), что бывшие «серапионовцы» мыслят теперь политически.

[1] Михаил Леонидович *Лозинский* (1886—1955) — поэт и переводчик.

[2] Владимир Казимирович *Шилейко* (1891—1930) — ассириолог.

[3] См. Горький — Слонимский, письмо 6, прим. 6.

[4] И. В. *Одоевцева* — поэтесса. В группу «Серапионовы братья» не входила.

[5] Имеются в виду рассказ Л. Лунца «В пустыне» и пьеса «Вне закона». Статья «На запад!» напечатана в журнале «Беседа», 1923, № 3.

[6] См. Горький — Федин, письмо 8, прим. 19.

[7] Горький ошибся: «Апполон и Тамара» — другой рассказ Зощенко.

[8] См. Горький — Слонимский, письмо 10, прим. 3.

[9] Рассказ «Жаровня архангела Гавриила» напечатан в книге Вс. Иванова «Седьмой берег. Рассказы», М., «Круг», 1922.

[10] Биографические сведения, которые сообщает здесь Горький, неточны.

В 1919—1923 гг. Федин был журналистом. Весной 1914 г. Федин поехал в Германию для усовершенствования в немецком языке. Разразившаяся война задержала его там в качестве гражданского пленного. В Бельгии в эти годы он не жил.

[11] См. Горький — Ласковая, письмо 2, прим. 1.

ГОРЬКИЙ — Е. К. ФЕРРАРИ

Переписка Горького с Еленой Константиновной *Феррари* (псевдоним Ольги Федоровны *Голубевой*, 1899—1939) относится к 1922—1923 гг.

В годы гражданской войны Е. К. Феррари работала в большевистском подполье оккупированной немцами Украины и пропагандистом в частях армии. За участие в гражданской войне была награждена орденом Красного Знамени. С Горьким познакомилась в 1922 г. В 1923 г. в берлинском издательстве «Огоньки» вышла книга ее стихов «Эрифилли».

В начале тридцатых годов Феррари сотрудничает в журналах «Красная новь», «Новый зритель», «Пионер» и др.

Ниже публикуется девять писем Горького и десять писем Феррари.

1

ГОРЬКИЙ — ФЕРРАРИ

〈Берлин. 16 апреля 1922 г.〉

Милая Елена Константиновна,

приехав сюда, не застал здесь издателей, погрузился в трясину различных делишек и — не успел еще ничего сделать с вашими стихами.

Великодушно простите, пришлю вам стихи на пасхе, а пока посылаю обещанные книжки стихов; обратите внимание на Ходасевича [1], а — особенно, на Одоевцеву [2].

Как вы живете? Хорошее воспоминание у меня о вас. Очень милый человек вы,— да будет вам хорошо на земле!

Жму руку.
А. Пешков

16.IV.22.

С праздником!

[1] В. Ф. Ходасевич. Счастливый домик. Вторая книга стихов. Пг.— Берлин, изд. Гржебина, 1922; «Путем зерна». Третья книга стихов, 2-е дополн. изд. Пг.— Берлин, 1922.

[2] И. Одоевцева. Двор чудес. Стихи (1920—1921). Пг., «Мысль», 1922.

2

ФЕРРАРИ — ГОРЬКОМУ

〈Шёнау. Вторая половина апреля 1922 г.〉
Pansion Zimmermann Schönau i/W (Baden).

Алексей Максимович, дорогой мой, ура!

〈...〉 Посылаю мой рассказ в стихах. Пока писала — казалось хорошо, но кончила — и боюсь, что недостаточно хорошо, чтоб могло быть посвящено вам. Но так или иначе — вам. Тема его мне очень близка, и потому очень важно — как вы его найдете. Моя книга рассказов подвигается медленно: три готовы, остальные еще не написаны, хотя задуманы

все. Вообще задумано страшно много, я все боюсь, что чего-то не успею сделать.

Как вы живете? Как ваше здоровье? Останетесь ли в Берлине на все лето? Есть ли у вас телефон и можно ли с вами говорить?

Вчиталась в присланные вами книжки — и Ходасевич мне очень нравится. Напрасно взвела на него поклеп. Получила 2 первых № «Новой русской книги» [1] — и не знаю, лучше ли оставаться в стороне вообще от пишущей публики или стоит подойти к ним поближе. Ремизов и Пильняк вводят меня в великое сомнение: странно как-то пишут и думают, наверное, тоже так — не по прямой улице, а всё норовят по переулкам да закоулкам, оттого-то и язык у них такой — и по-русски будто, а иной раз втупик становишься. Отрывки Пильняка «Ростиславль» [2] (в «Накануне») — то же самое. Я думаю все-таки, что лучше не только не усложнять формы, а, наоборот, упрощать ее до того, чтоб она совсем исчезла, а осталось бы одно содержимое. Впрочем, это зависит от внутренней структуры автора. Вот, напр⟨имер⟩, почитать В. Брюсова,— и как ясно рисуется его портрет, хоть его и не знать.

Алексей Максимович, не слишком часто я вам пишу?

Желаю всего хорошего. Крепко жму руку.

Елена Феррари

Датируется по письму 1.

[1] «Новая русская книга», ежемесячный критико-библиографический журнал. Берлин, изд. И. Ладыжникова, 1922, №№ 1—2.

[2] Б. Пильняк. Город Ростиславль. Отрывки из повести.—«Накануне», 1922, № 2, от 28 марта.

3

ГОРЬКИЙ — ФЕРРАРИ

⟨Сааров. 2 октября 1922 г.⟩

Елена Константиновна,

простите, что не отвечал вам до сего дня, но я перебирался из Герингсдорфа в Сааров и, вот, только что устроившись здесь,— отвечаю.

За последнее время я прочитал столько новых стихов, полученных из России, что решительно не могу оценить ваши,— как пьяный, уже не ощущаю вкуса новой бутылки вина, хотя, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, это очень хорошее вино.

Не думайте, что сказанным я уклоняюсь от определенного ответа, нет! Поверьте, что судьба начинающего писателя всегда — и всегда искренно — волнует меня.

Но — я за оригинальностью формы ваших стихов, порою, чувствую нечто неясное, плохо сделанное и — не знаю, так ли это?

И видя однообразие содержания их, тоже не знаю — так ли это? Может быть, именно в однообразии их сила? Ахматова — однообразна, Блок — тоже, Ходасевич — разнообразен, но это для меня крайне крупная величина, поэт-классик и — большой, строгий талант [1].

Меня смущает в стихах ваших «щегольство» ассонансами, нарочитая небрежность рифм и прочие приемы, в которых я чувствую искусственность и не вижу искренности.

Но — снова — так ли это?

Я — не знаю.

И вот мне хотелось бы, чтоб вы сами ответили себе на этот вопрос.

Будьте здоровы!

Как живете?

А. Пешков

Saarow. 2.X.22.

[1] Позднее Горький изменил свое отношение к стихам Ходасевича. В заметке о Ходасевиче он пишет: «Странный человек. Умен, но есть в нем жалкая торопливость заявить о своем уме всему живущему, даже мухам. Талантливо, трогательно сочиняет очень хорошие стихи, весьма искусно соединяя в них Бодлера с Верленом. Но основным ремеслом своим сделал злое слово и весьма изощрился в этом ⟨...⟩

Убежден, что реальный мир ему, символисту по должности, враждебен и противен, но очень высоко ценит маленькие удовольствия и удобства мира сего.

Вне поисков „цветов зла" ум его ленив. В оценке людей и явлений жизни — беззаботен, тороплив, и часто эта беззаботность граничит у него с обывательским невежеством» (1925 г., АГ).

4

ФЕРРАРИ — ГОРЬКОМУ

⟨Берлин, 6 октября 1922 г.⟩
Berlin, W., Kleiststrasse, 34.
6—10—22.

Милый Алексей Максимович, спасибо вам за письмо. Относительно неточных или небрежных рифм. Неужели вас бьют по слуху и пастернаковские: форма — тормоз, сиреневый — выменивать... и постоянные ассонансы Есенина? У меня это ни в коем случае не щегольство, а единственная возможная форма, так же, как и неточный ритм: паузы и затакты среди полных стоп — совершенное уподобление музыкальной фразе. Если мои рифмы звучат неискренно — значит, они плохо сделаны, но я глубоко убеждена в жизненности неточной рифмы и больших ее преимуществах перед точной: она дает новые оттенки сочетанию звуков, разнообразит его, всегда получается какое-то неожиданное закругление, изгиб. Вроде открытых окон: постоянно дует. И для чтения стихов — интересная форма — то сжимает, то растягивает голос. Если действительно так писать — ошибка,— не знаю, смогу ли дальше писать стихи. Теперь же пишу много, они меня захлестывают, не дают ни о чем другом думать и даже снятся. Несомненно, моя потенциальная сила много больше уменья и потому мне трудно ее организовать.

С прозой у меня получилось тяжело. Я показывала мои вещи (новые) Шкловскому. Он сказал, что они неплохи, но еще совсем не написаны. Этот человек, несмотря на все свое добродушие, умеет так разделать тебя и уничтожить, что потом несколько дней не смотришься в зеркало — боишься там увидеть пустое место. Я не знаю, как нужно писать. Как видно, на одном инстинкте далеко не уедешь, и литературному мастерству надо учиться, как учатся всякому ремеслу. Весь мой душевный и умственный багаж здесь мне не поможет, а учиться я уже вряд ли успею. Я хотела в самой простейшей, голой форме передать некоторые вещи, разгрузиться что ли, хотя бы для того, чтоб не пропал напрасно материал, но, оказывается, и этому-то простейшему языку надо учиться. С другой стороны, я боюсь слишком полагаться на Шкловского, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ он, хоть и прав, но, должно быть, пересаливает,— как всякий узкопартийный человек, фанатик своего метода,— говоря, что сюжет сам по себе не существует и только форма может сделать вещь. Так или иначе, но я сильно оробела, и руки на прозу у меня пока еще не подымаются.

Стихи мои не напечатаны, и надежды мало, но, может быть, это к лучшему. Работаю над ними с мучительной радостью, и кроме них у меня ничего нет и не надо. Отвлекает только халтурная работа и мысль о том, что надо вернуться в Россию. Чувствую себя скверно, следовало бы скорей уехать, но жаль прерывать писать.

Как ваше здоровье, Алексей Максимович? Говорят, что вы за лето мало поправились. Не собираетесь ли в Berlin?

Желаю вам всего хорошего.

Е. Ф.

P. S. Получила открытку от В. А.[1] и, так как в ней есть просьба, касающаяся вас, то пересылаю ее вам. В. А. все время хворал, а последнее время был вовсе плох. Очень ухудшает его состояние забота о семье, которой он теперь не поддержка. Будьте здоровы.

[1] О ком идет речь, установить не удалось

5

ГОРЬКИЙ — ФЕРРАРИ

⟨Сааров. 10 октября 1922 г.⟩

Трудно мне согласиться с вами, Елена Константиновна!

Я — поклонник стиха классического, стиха, который не поддается искажающим влияниям эпохи, капризам литературных настроений, деспотизму «моды» и «законам» декаданса. Ходасевич для меня неизмеримо выше Пастернака, и я уверен, что талант последнего, в конце концов, поставит его на трудный путь Ходасевича — путь Пушкина.

На мой взгляд — плохо, когда человек, поддаваясь нервозной и пошловатой суете будних дней, начинает говорить ее трепаным языком. Ему кажется, что это своеобразно и ново, но — по существу — это распыление души, это печальная уступка пестроте и дробности жизни, которая не любит и не хочет поэзии, и принимает ее охотно, лишь тогда, когда поэзия отражает — или — прикрашивает ее уродства.

Не сердитесь. Поэзия — это любовь.

Есенин — анархист, он обладает «революционным пафосом»,— он талантлив. А — спросите себя: что любит Есенин? Он силен тем, что ничего не любит, ничем не дорожит. Он, как зулус, которому бы француженка сказала: ты — лучше всех мужчин на свете! Он ей поверил,— ему легко верить,— он ничего не знает. Поверил и закричал на всё и начал всё лягать. Лягается он очень сильно, очень талантливо, а кроме того,— что? Есть такая степень опьянения, когда человеку хочется ломать и сокрушать, ныне в таком опьянении живут многие. Ошибочно думать, что это сродственно революции по существу, это настроение соприкасается ей лишь формально, по внешнему сходству.

Всем написанным здесь я хочу сказать, что — как мне кажется — вы не ищете себя, не хотите дойти до ощущения личной вашей ценности и своеобразия вашего, а заключаете ваше «я» в сеть кривых линий, пожалуй — чуждых вам. А хотелось бы, чтоб каждый человек оставался самим собою во всех вихрях,— это особенно ценно во дни, когда множества людей стригутся под одну гребенку.

Жму руку. Привет!

10.X.22. А. Пешков

[6

ФЕРРАРИ — ГОРЬКОМУ

⟨Берлин. 14 октября 1922 г.⟩
Berlin, W., Kleiststr., 34.
14—10—22.

Уважаемый Алексей Максимович, я получила ваше письмо. Оно подкормило червяка, который давно меня грызет. Я знаю, что роль левого искусства вообще — неблагодарная роль чернорабочего. Если — или когда — Пастернак будет писать классическим стихом, то это будет совершенно блестяще. Пикассо, создавший шедевры футуризма, возвратился к реалистической форме[1] — но какая тонкость в понимании материала и в обращении с ним, какая оригинальность неожиданной конструкции тел — чего нет у художников, не прошедших чистилища

футуризма. Я очень верю вам — у вас в подходе к искусству исторический масштаб, но посмотрите — Репин, мастер и мэтр, на старости лет увлекается футуризмом, так велика потребность обновления формального, кроме остального. Неужели вы думаете, что Хлебников был напрасно и что Ходасевич мог расцвести и не на почве современности? У меня здесь, как говорят хохлы, ум за разум заходит. Я говорила много с художниками-футуристами,— у меня создалось такое впечатление, как

ФОМА, САША, УХТИЩЕВ И ДР. НА ПЛОТУ
Рисунок В. М. Канашевича к повести Горького «Фома Гордеев», 1933 г.
Музей Горького, Москва

будто все не то заблудились, не то стоят в тупике. Убеждены в своей правоте, но не вообще, а в данный момент и для себя.

Единственная опора — инстинкт (убеждение — придумано), а искусство—любовь идет по инстинкту.

Если я стою на ложном пути,— тем хуже,— и это не имеет собственной ценности, то во всяком случае это не напрасно. Ходасевич как-то сказал мне по этому поводу, что победителей не судят. Победа будет, должно быть, за ним, а футуристам дадут в истории литературы служебную роль — злодея в ложноклассической комедии или вроде большевиков, которые пришли, сделали свое и уйдут. Работа их останется преемникам, и те ее перекроят и отшлифуют.

Вы говорите, что я не ищу себя. Я ведь тоже иду исключительно по инстинкту, но иду осторожно и боюсь крайностей, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ они всегда вредят художественности. Шкловский говорил, что я левею прямо на глазах. Не знаю, нужно ли и удачно ли, думаю, что, скорее, да, чем нет, но искренно — определенно да.

Мне очень хотелось бы поговорить с вами о методах работы и посоветоваться насчет некоторых вещей. Нельзя ли мне приехать к вам за этим на полчаса-час в ближайшее время?

Всего хорошего и спасибо вам за письма.

Будьте здоровы. Е. Ф.

[1] Имеется в виду переход Пикассо от кубистических работ к произведениям так называемого «неоклассического периода» (начало двадцатых годов).

7

ГОРЬКИЙ — ФЕРРАРИ

⟨Сааров. 15 октября 1922 г.⟩

Конечно — приезжайте, Елена Константиновна!

Есть поезд от Fürstenwald'a до Saarow'a, а от вокзала до меня — 10 минут.

Не смотрите на мои назойливые письма как на попытки учить вас и вывихнуть вам душу,— таких намерений нет у меня.

Но в даровании вашем чувствуется мною некая острота, которую, я боюсь, вы потеряете в поисках формы.

И мне хочется, чтоб вы, иногда, разрешали себе наслаждение быть простой, даже наивной.

В новшествах же стиха нередко видишь нечто акробатическое и вымученное.

Привет. А. П е ш к о в

15.X.22.

8

ФЕРРАРИ — ГОРЬКОМУ

⟨Берлин. 8 января 1923 г.⟩

Berlin, W., Kleiststr., 34.
8—1—23.

Уважаемый Алексей Максимович,

сегодня я получила письмо от С. Л. Рафаловича[1], который, не зная вашего адреса, просит меня написать вам, что в связи с тем, о чем вы говорили с Ильей Зданевичем [2], он (Рафалович) очень хотел бы повидать вас и в особенности теперь, пока у вас пребывает Андре Жермен [3]. Он будет вам очень благодарен, если вы сообщите ему (через меня), когда он мог бы к вам приехать, начиная с конца этой недели.

Пользуюсь случаем и посылаю вам мою последнюю вещь. Мне было очень приятно слышать, что «Фазилет» вам понравилась — понравится ли «Шюкри»?

Желаю всего хорошего. Е. Ф е р р а р и

P. S. Относительно стихов. У меня уже давно был соблазн вводить слова на другом языке *не переводя их*, как я, наконец, сделала здесь («лимонли, каймакли дондурма» — по-турецки — «лимонное, сливочное мороженое», «елла» — по-гречески «иди сюда», а «гель бурья» — то же самое по-турецки. Разница в счете времени — 6 часов, т. е. в полдень по турецки 6 и в полночь тоже). Вообще же при стихах этого объяснения не будет [4]. Очень хотелось бы знать, как вы это найдете?

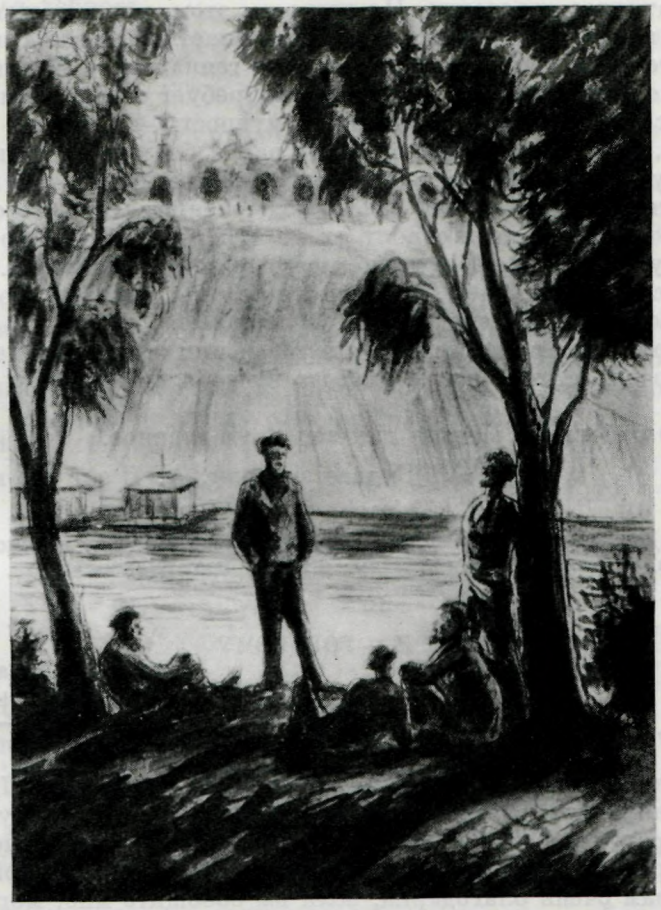
Е. Ф.

[1] Сергей Львович *Рафалович* — поэт, литературный критик.

[2] Илья Михайлович *Зданевич* — поэт и критик-футурист, в начале десятых годов был тесно связан с художественной группировкой «Ослиный хвост». После Октябрьской революции эмигрировал.

[3] См. Горький — Каверин, письмо 4, прим. 5.

[4] Речь идет о цикле стихотворений Феррари на турецкие темы, который был впоследствии опубликован в переводе на итальянский язык под названием «Prinkipo», Roma, 1925. В конце сборника был приложен перевод отдельных турецких слов, вошедших в стихи Феррари, на итальянский язык.



ПЕВЦЫ НА БЕРЕГУ

Рисунок (сепия, сангина) В. А. Милашерского к повести Горького «Городок Окуров», 1932 г.

Музей Горького, Москва

9

ГОРЬКИЙ — ФЕРРАРИ

〈Сааров. 11 января 1923 г.〉

Елена Константиновна,

будьте добры сообщить С. Л. Рафаловичу, что он может приехать, когда ему угодно,— А. Жермен здесь, живет в одном доме со мною.

Стихи ваши «Джон», «Мадам» — на мой взгляд лучше всего, что вами написано, но, разумеется, «каймакли», «дондурма» и прочие словечки

требуют объяснений, хотите вы этого или нет [1]. Иначе получается нечто вроде песнопений наших хлыстов:

Саварсай пурана
Майя дива луга.

Приготовьтесь, сейчас я начну обижать вас.

Сударыня! У вас есть ум — острый, вы обладаете гибким воображением, вы имеете хороший запас впечатлений бытия и, наконец, у вас налицо литературное дарование. Но при всем этом, мне кажется, что литература для вас — не главное, не то, чем живет душа ваша и, вероятно, именно поэтому вы обо всем пишете в тоне гениального Кусикова [2], хотя вам, конечно, известно, что каждая тема требует своей формы и что истинная красота, так же, как истинная мудрость — просты.

Надеюсь, что я смертельно поразил вас, и больше не стану отливать жестоких пуль для убийства женщины, которая может — а потому должна — найти свою форму для своего содержания. Пока же она всё еще говорит чужими словами и строит их по чужим планам. Турецкий, греческий и другие лексиконы в данном случае не могут помочь.

Ищите себя — вот завет Сааровского старца, который любит литературу и относится к вам серьезно и сердечно.

Можете ругаться и спорить, но я остаюсь при своем: вам надо выработать иную, очень *свою* форму, в этой же вы себя искажаете и можете погубить.

Вы мало работаете. Поэзия для вас — не главное.

Будьте здоровы. А. Пешков

11. I. 23.

[1] Стихи «Джон», «Мадам» вошли в сборник «Prinkipo». См. письмо 8, прим. 4.
[2] Александр Борисович *Кусиков* (р. 1896) — поэт-имажинист.

10

ФЕРРАРИ — ГОРЬКОМУ

⟨Берлин. 12 марта 1923 г.⟩
W. 62. Kleiststr., 34.
12—3—23.

Уважаемый Алексей Максимович,

не разрешите ли вы мне побеседовать с вами для газеты «Information» (орган французских радикал-социалистов) о современной русской культуре и литературе, в частности. Газету очень интересует ваше мнение по данным вопросам, и она просила меня обратиться к вам с этой просьбой.

Я буду вам очень благодарна, если вы сообщите мне, могу ли я для этого приехать и когда именно.

Посылаю вам заодно мои сказки [1] — цикл их еще не закончен.

Как вы их найдете?

Желаю вам всего хорошего.

Уважающая вас Е. Феррари

[1] Эти произведения Феррари до нас не дошли.

11

ГОРЬКИЙ — ФЕРРАРИ

⟨Сааров. 16 марта 1923 г.⟩

Поздравляю вас, Елена Константиновна, рассказы, на мой взгляд, очень удались вам!

Более того: мне кажется, что вы нашли тот, эпически спокойный, очень, в то же время, человечный тон, который ныне ищут многие менее

успешно, чем это удалось вам. И хорошо чувствуется под этим тоном, внутри его скрытая лирика. Хорошо.

И, конечно, очень советую вам продолжать эти очерки, сделать их штук 15—20, целую книжку.

Позвольте только заметить, что «Вместо предисловия» — вещь совершенно лишняя: рассказы такого тона и содержания не требуют ни преди-, ни послесловий. А сама по себе вещица не так удачна и проста, каковы следующие за нею.

Еще раз: мои сердечные поздравления.

И — всего доброго.

А. Пешков

16.III.23.

12

ФЕРРАРИ — ГОРЬКОМУ

⟨Берлин. 19 марта 1923 г.⟩
W. 62. Kleiststr., 34,
19—3—23.

Уважаемый Алексей Максимович,

меня очень обрадовало ваше письмо. Я не была уверена в том, что именно тон моих сказок покажется вам хорошим. Я продолжаю их писать и, если вы позволите, буду присылать следующие. Книжки в 15—20 сказок я приготовить не успею, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ скоро еду в Россию, а должна сдать книжку до отъезда, но до десяти, пожалуй, догоню.

Желаю вам всего хорошего.

Ваша Елена Феррари

13

ФЕРРАРИ — ГОРЬКОМУ

⟨Берлин. 22 апреля 1923 г.⟩
Berlin, W. Kleiststr., 34.
22—4—23.

Дорогой Алексей Максимович,

Ваше письмо [1] меня очень обрадовало.

Хотя с Максимом Алексеевичем я говорила *только о нем* (и только потому, что он сам меня на это вызвал), но думала действительно и о вас, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ люди говорили, что слышали обо мне «в доме Горького». Я очень рада, что это неверно о вас, и тысячу раз прошу прощенья, что думала так. Не сердитесь, ради бога,— в этом не только моя вина, и мне пришлось слишком дорого расплатиться за все версии обо мне.

Вы пишете, что моей биографии для вас не существует. Мне от нее отрекаться не нужно. Я бы гордилась моей биографией, если бы допускала, что для меня был возможен и другой путь. Но это зависело не от меня, так, как мой рост или цвет волос. Во всяком случае я твердо знаю, что никто на моем месте не сделал бы ничего лучше и больше моего и не работал для России в революцию с бо́льшим бескорыстием и любовью к ней. И мне очень больно, если вам, чтобы хорошо относиться ко мне, нужно вычеркнуть мою биографию.

Я не знаю, о какой моей пьесе В. Ходасевич говорил вам. Он не читал моих пьес. Я думаю, что он спутал — это, должно быть, поэма (и не белым, а простым стихом), что я ему читала зимой. Пришлю ее вам на днях, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ у меня ее нет сейчас. Пока же посылаю очерк «Литейная» (это будет главой повести) и две сказки. Как вы находите «Эльку»? Мне кажется, это лучше всего, что я написала, хотя все еще не так, как

надо. И вообще, я пишу не так, сама чувствую неверный тон. Я не владею ни языком, ни материалом и, кроме того, не уверена, что писать надо. Вы вот думаете, что у меня нет любви к моему ремеслу. Я не знаю. Радости от него во всяком случае мало. Но на эту безрадостность, а иногда и отчаяние, я ничего не променяю. Литература у меня не главное, а единственное, и если я ее не «люблю», то обрекаюсь ей абсолютно.

Как ваше здоровье? Желаю вам скорее поправиться — и не сердитесь, ради бога, на меня.

Елена Феррари

[1] Письмо Горького не сохранилось.

14

ГОРЬКИЙ — ФЕРРАРИ

⟨Сааров. 24 апреля 1923 г.⟩

Все три вещицы — не плохи, Е⟨лена⟩ К⟨онстантиновна⟩, и, думаю, что они пойдут во 2-м ⟨№⟩ «Беседы» [1]. Кое-что необходимо убрать—кое-какие словечки. Очень советую: не печатайте «Литейную» отрывками, весьма вероятно, что это будет удачная вещь. Хорошо «Кресту твоему».

И особенно хорошо — если вы не ошибаетесь — что литература для вас «единственное». Так и надо.

О биографии. Вы меня неправильно поняли, но, впрочем, я сам виноват здесь, если не приписал к словам: «Для меня ваша биография не существует»— так, как вы ее рассказываете, ибо у меня есть личное впечатление. Биография только одна из деталей его. Человек говорит о себе всегда неверно, и самое важное в том, что он говорит, — это: почему именно он говорит неверно?

Одни — потому, что желают ярче раскрасить себя, другие — потому, что ищут жалости, есть и еще множество причин невольной лжи человека о себе самом. Но есть люди, которые, говоря о себе, ничего не ищут, кроме себя. К таким людям я и отношу вас. В этом — нет комплимента, нет и обиды, это просто — мое впечатление, вызванное вами. Понятно?

Ну — все сие не суть важно, важно же, чтоб вы работали. Думаю, что вам пора иметь немножко веры в ваш талант. Желаю успеха от всей души.

Болен, устал. Крепко жму руку.

А. Пешков

24.IV.23.

[1] Произведения Феррари в журнале «Беседа» напечатаны не были.

15

ФЕРРАРИ — ГОРЬКОМУ

⟨Берлин. 1 мая 1923 г.⟩
W. Kleiststr. 34.
1—V—23.

Простите, милый Алексей Максимович,

что задержалась с ответом: все нездорова и, вообще, затирают разные неудачи.

Я буду очень рада, если эти мои последние вещи пойдут в «Беседе». А со «словечками» — сделайте по вашему усмотрению.

Желаю вам всего хорошего. Как ваше здоровье?

Е. Феррари

16

ГОРЬКИЙ — ФЕРРАРИ

‹Сааров, 1 мая 1923 г.›

Елена Константиновна—

слышал, что вы едете в Россию. Мне надо знать: будете ли вы там печатать ваши рассказы и какие именно?

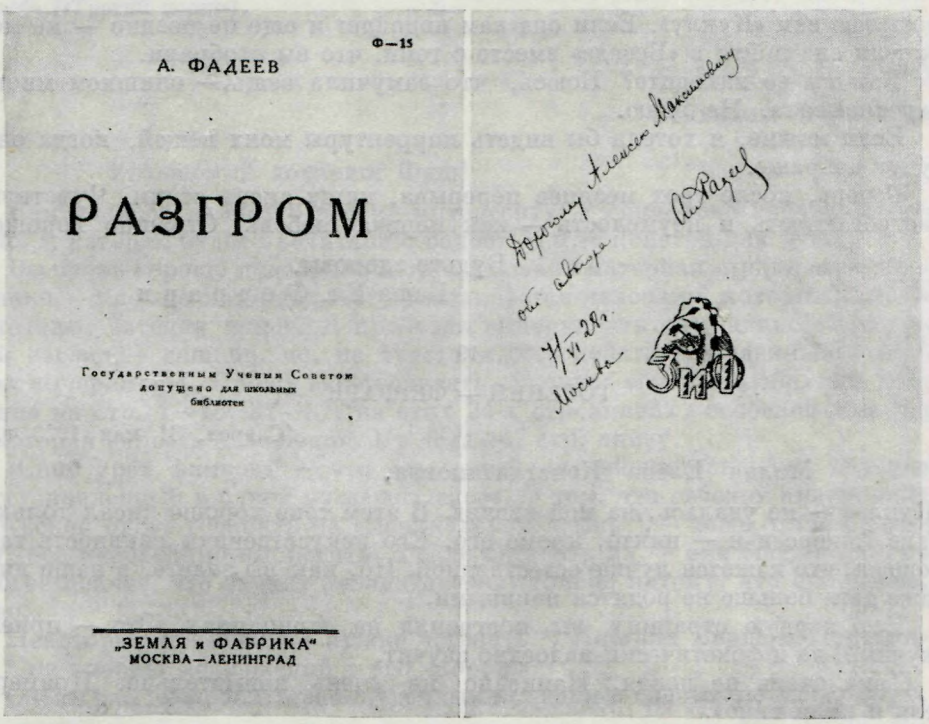
Во 2-м № «Беседы» хотелось бы напечатать «Эльку», «Коммуну», «Кресту твоему», но мы можем напечатать это лишь в том случае, если вы не станете вторично печатать их в русских изданиях.

Как вы смотрите на это? Прошу ответить.

И — доброго пути!

А. Пешков

1. V. 23.



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ А. А. ФАДЕЕВА ГОРЬКОМУ НА ПОВЕСТИ «РАЗГРОМ» (М.— Л., 1927):
«Дорогому Алексею Максимовичу от автора. А. Фадеев. 7/VI 28. Москва»
Личная библиотека Горького

17

ФЕРРАРИ — ГОРЬКОМУ

‹Берлин. 5 мая 1923 г.›
W. 62. Kleiststr. 34.
5—V—23.

Уважаемый Алексей Максимович,

у меня отправлены в Москву «Анюта», «Коммуна», «Звонарь» и «Глаза». Очень жаль, что я не знала, что вы взяли бы «Коммуну», «Эльку» и «Кресту». Я, разумеется, печатать нигде больше не буду. Через два-три

дня пришлю вам одну вещь, может быть, она сможет быть третьей вместо «Коммуны».

Когда еду — еще не знаю. Жду визы из Москвы. Боюсь, что это затянется дольше, чем я того хотела бы.

Как ваше здоровье?

Всего хорошего.
Елена Ф е р р а р и

18

ФЕРРАРИ — ГОРЬКОМУ

⟨Берлин. 21 мая 1923⟩ г.
W. 62. Kleiststr. 34.
21—V—23.

Милый Алексей Максимович,

посылаю вам «Куклу». Если она вам подойдет и еще не поздно — не может ли она пойти в «Беседе» вместе с теми, что вы отобрали.

Как вы ее находите? Боюсь, что замучила вещь,— слишком много переписывала. Не знаю.

Если можно, я хотела бы видеть корректуры моих вещей, когда они будут набраны.

Теперь, после трех месяцев перерыва, пишу снова стихи. Чувствую растроганность и неумелость — как первая любовь. Страшно хорошо.

Будьте здоровы.
Ваша Ел. Ф е р р а р и

19

ГОРЬКИЙ — ФЕРРАРИ

⟨Сааров. 31 мая 1923 г.⟩

Милая Елена Константиновна,

«Кукла» — не удалась, на мой взгляд. В этом тоне хорошо писал только Ганс Андерсен и — никто, кроме его. Его искусственная наивность так хороша, что кажется лучше естественной. Но, как вы знаете, в наши дни даже дети больше не родятся наивными.

Всю первую страницу вы построили на отрицаниях. Это — прием скучный, да и фонетически надоедно звучит.

Тема очень не новая. Написано не очень внимательно. Пример: «ели и пили вино».

Вино нельзя есть, уверяю вас! Я очень близко и давно знаком с делом употребления вина. Его всегда и всем полезно пить, но я не встречал даже среди заядлых пьяниц и обжор ни одного, который съел бы бутылку вина. Простите шутку. У меня снова разыгрался туберкулез, а это — веселая болезнь.

Рад, что вы хорошо настроены. Жму руку.

А. П е ш к о в

31.V.23. S⟨aarow⟩.

ГОРЬКИЙ — Г. С. ФИШ

Геннадий Семенович *Фиш* (р. 1903) переписывался с Горьким с 1933 г. Письмо Горького от 6 мая 1933 г. с отзывом о книге Г. Фиша «Падение Кимас-озера» опубликовано в т. 30 (№ 1090).

Ниже публикуется одно письмо Горького к Г. С. Фишу и его отзыв на книгу Фиша «Хлеб» («Третий поезд»).

〈Тессели. 29 апреля 1935 г.〉

Геннадию Фиш

Уважаемый товарищ Фиш!

Вам удалось написать весьма интересную и социально значительную вещь [1], которая будет прочитана с радостью и «с пользой для души».

Вы очень хорошо подобрали и организовали материал, яркий, новый,— однако,— кое-где материал этот прослаивается мелочами, которые мешают читателю, затеняя яркое. Я пробовал вычеркивать кое-какие фразы, на мой взгляд,— лишние, но, не чувствуя, что действую правильно, перестал вычеркивать. Прошу вас прочитать рукопись еще раз и обратить внимание на стр. 1—18, 31—37, на этих 24-х стр〈аницах〉 особенно заметна некоторая вялость изложения. Не ясна 147 стр. внизу.

«Спор трех финнов»[2] — это старинный английский анекдот, недавно восстановленный в одной из наших газет. О том, что ребенок американца и русской будет говорить на американском языке [3],— тоже старый анекдот, оба необходимо выбросить, а если оставить их,— они бросят тень на многое ценное, что звучит анекдотически, только потому, что оно свежо, ново.

Некоторые примечания нужно оставить [4]. История Вернера Лехтимяки [5] не вызовет возражений с его стороны?

Очень рад поздравить вас с удачным вкладом в советскую литературу.

Привет.

М. Горький

Датируется по секретарской помете: «29/IV—35 г.»

[1] Г. Фиш. Ялгуба (Онежские рассказы). Опубликовано в кн.: «Год XVIII. Альманах 7-й». М., 1935. В письме от 19 февраля 1935 г., адресованном редакции альманаха, Фиш сообщал: «В эту книгу вошли и фольклорные записи, и рассказы о совершенно точных исторических фактах, и личные наблюдения автора...» (АГ).

В АГ хранится машинописный текст рассказов с правкой и замечаниями Горького.

[2] В рукописи коротенький рассказ «Спор трех финнов» перечеркнут Горьким. На полях Горький сделал замечание: «Недавно было напечатано как анекдот об английском лаконизме».

[3] Речь идет о рассказе, названном в рукописи «Мериканец».

[4] Фиш в указанном выше письме от 19 февраля 1935 г. писал, что не уверен в необходимости примечаний, которыми он снабдил текст рассказов.

[5] Вернер Лехтимяки, персонаж произведения Фиша — реально существовавшее лицо. Фиш получил согласие В. Лехтимяки на упоминание его имени и фамилии.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОТЗЫВ ГОРЬКОГО О КНИГЕ ФИША «ХЛЕБ» [1]

«ХЛЕБ»

Ген. Фиш

Интересно рассказанная история путешествия финнов-большевиков за хлебом из Гельсингфорса в Омск.

Прием тот же, что в «Кимас-озере» [2], работа — менее тщательна.

Фиш написал уже три книги, но не чувствуется, что он — растет, однако ясно: он — торопится быть заметным.

В общем «Хлеб» — вещь неплохая, но я предпочел бы в «Альманахе» видеть работы молодых, «начинающих» — Соловьева [3], напр⟨имер⟩, и вообще людей кружка К. Горбунова [4].

⟨1-я половина 1934 г.⟩

Датируется по времени опубликования повести «Хлеб». Печатается по черновому автографу.

[1] Повесть «Хлеб» была послана автором в редакцию альманаха «Год XVII». Рукопись правилась Горьким. Под названием «Третий поезд» повесть напечатана в «Знамени», 1934, № 10.

[2] Г. С. Фиш. Падение Кимас-озера. Л., ГИХЛ, 1933.

[3] Возможно, Геннадий Алексеевич *Соловьев*. В 1928—1933 гг. переписывался с Горьким. Автор ряда стихотворений, напечатанных в провинциальных газетах, и повести «Белые острова» (М., ГИЗ, 1933).

[4] Козьма Яковлевич *Горбунов* (р. 1903), автор повести «Ледолом», в то время руководитель секции начинающих писателей при Оргкомитете Союза писателей.

ГОРЬКИЙ — С. Д. ФОМИН

Семен Дмитриевич *Фомин* (1881—1958) — писатель, член Суриковского литературного кружка. После Октябрьской социалистической революции работал учителем средней школы.

Переписка Горького с Фоминым завязалась в 1912 г. В советские годы Фомин получил от Горького одно письмо, которое и публикуется в настоящем томе.

О своих отношениях с Горьким Фомин рассказал в неопубликованных воспоминаниях «Алексей Максимович Горький (воспоминания, переписка, встречи)», хранящихся в АГ.

〈Сорренто. 22 апреля 1927 г.〉

Уважаемый Семен Дмитриевич!

Получил книжку ваших очень милых и своеобразных стихов [1], сердечно благодарю!

Недавно Луначарский цитировал в своем докладе на съезде Сов〈етов〉 слова Чехова об учителях [2]. Вы, конечно, понимаете, что под словами Ан〈атолия〉 Вас〈ильевича〉 я тоже подписываюсь. Думаю, что работа современных учителей в Сов〈етской〉 республике никогда еще не была так трудна и никогда раньше не требовала такого героизма, напряжения сил, бодрости духа. *Все-таки* не требовала.

Но — никогда раньше работа эта и не была так глубоко важна, как в наше время, — не могла быть так важна. Ибо — есть две грамоты: грамота правды и неправды.

Позвольте от души пожелать вам сил, и здоровья, и успехов в великом деле вашем: в проповеди грамоты правды.

И — желаю счастливых вдохновений.

А. Пешков

22.IV.27.

[1] С. Д. Фомин. Зов земли. Стихи. М., «Никитинские субботники», 1927.

[2] Речь идет о докладе А. В. Луначарского на XIII Всероссийском съезде Советов «О состоянии народного просвещения в РСФСР». Отдельное издание — М.—Л., Наркомпрос, 1927. В докладе Луначарский привел высказывание Чехова о положении сельского учителя из очерка Горького «А. П. Чехов».

ГОРЬКИЙ — О. Д. ФОРШ

В своих воспоминаниях Ольга Дмитриевна *Форш* (1873—1961) рассказывает, как она встретилась с Горьким в редакции журнала «Летопись»: «Я принесла ему рукопись „На Валааме“ ⟨...⟩ В редакции Алексей Максимович встретил меня очень приветливо, хвалил мои рассказы в „Русской мысли“...» («Из переписки с Горьким».— «Звезда», 1945, № 2). Публикуемое ниже первое из сохранившихся писем Форш позволяет установить, что знакомство с Горьким состоялось несколько ранее — в 1914—1915 гг. в редакции журнала «Современник». С этого момента связь писательницы с Горьким уже не прерывалась.

В первые годы революции Форш неизменно ощущала поддержку Горького. «Много раз в Союзе писателей, во „Всемирной литературе“, на разных заседаниях встречалась я с Алексеем Максимовичем,— вспоминает писательница.— Он очень заботился о писателях, кормил нас, учил молодых писать. Отношений отдельных у меня с ним не было. Завязались они позднее» (там же, стр. 103).

Почти каждое новое свое произведение О. Д. Форш посылает Горькому. В 1927 г. Форш провела три недели в гостях у Горького в Сорренто. Исторические романы «Одеты камнем» и «Современники» были высоко оценены Горьким. О книге «Одеты камнем» Горький писал в мае 1924 г.: «Очень интересен роман Форш» (письмо В. Ф. Ходасевичу, «Новый журнал», Нью-Йорк, 1952, № 31, стр. 190).

Форш дважды обращалась в своем творчестве к образу самого Горького: в книге «Сумасшедший корабль» (1930) и в написанной совместно с И. А. Груздевым пьесе «Начало пути» (1941). В последние годы она работала над воспоминаниями о Горьком.

Два письма Горького к Форш от 7 мая 1929 г. и 8 июня 1930 г. опубликованы в т. 30 (№№ 960, 986).

Ниже публикуется двенадцать писем Горького и шестнадцать писем Форш. Некоторые из писем Горького с сокращениями были опубликованы О. Форш в журнале «Звезда», 1941, № 6; 1945, № 2.

1

ФОРШ — ГОРЬКОМУ

⟨Между июнем 1914 г. и октябрем 1915 г.⟩.
Царское Село, Фридентальская колония, д. 54.

Многоуважаемый Алексей Максимович,

большое спасибо за искренность вашего письма [1]. Что рассказ [2] не-строен — чувствую сама, но все же, если бы он и удался, *страшное* должно было оказаться не в Мике, который просто банален и славный малый, а в самой жизни.

Еще хочу сказать вам два слова, чтобы не остаться перед вами с одной неправдой: когда вы спросили меня, почему я «Терек», я ответила вам внешне, в смысле псевдонима: «по озорству». Сейчас, припоминая в тоне вашем укоризну, соображаю, что вопрос относился, вероятно, к «Шелушее»[3].

Ну вот: от «Шелушеи» я не только отказываться не могу, но считаю ее наиболее удачной из того, что мне пока привелось написать. Тем более хотелось бы мне узнать и понять, за что она вам неприятна. Кажется ли просто чепухой, или иное что?

Когда соберетесь вы еще в «Современник»?[4]

Искренно вас уважающая Ольга Ф о р ш

Письмо датируется по упоминанию журнала «Современник».

[1] Письмо Горького не сохранилось.

[2] Имеется в виду рассказ «Гнездышко». Напечатан под псевдонимом А. Терек в журнале «Путь», 1919, № 1 (январь—февраль). Очевидно, Горький ознакомился с рукописью этого рассказа.

[3] А. Терек. Шелушея. — «Заветы», 1913, № 7.

[4] С июня 1914 г. и по октябрь 1915 г. Горький принимал участие в редактировании журнала «Современник». О. Форш сотрудничала в журнале.

2

ФОРШ — ГОРЬКОМУ

⟨Петроград. Конец апреля 1921 г.⟩

Уважаемый
Алексей Максимович,

опять вам большое спасибо! Совсем вышло «яичко в Христов день». Расписку о получении гонорара [1] я отдала Е. П. Султановой [2] для передачи вам.

Собираюсь на праздниках кончить и занести вам статью «Инопланетный Гастролер» (о Белом) [3].

Если помните, как-то в телефон вы посулили мне ордер на башмаки; если этот посул незатруднительно выполнить, была бы счастлива, ибо мучаюсь в взаимообразных в мужских, как в пароходах.

Если же вам возня, то не беспокойтесь — обойдусь.

Еще раз большое спасибо.

Ольга Форш

Датируется предположительно по содержанию. В АГ хранится письмо Горькому Р. В. Иванова-Разумника от 23 мая 1921 г., в котором он сообщает о материальных затруднениях Форш. На письме помета: «Передано 26-го».

[1] Возможно, речь идет о гонораре за перевод (или редактуру перевода) для издательства «Всемирная литература».

[2] Екатерина Павловна *Леткова-Султанова* принимала участие в работе издательства «Всемирная литература» в качестве переводчика (см. Горький — Леткова-Султанова).

[3] По-видимому, речь идет о статье Форш, посвященной роману А. Белого «Петербург». Статья была напечатана под заглавием «Пропетый гербарий» в сборнике «Современная литература». Л., «Мысль», 1925.

3

ФОРШ — ГОРЬКОМУ

⟨Петроград. 28 апреля 1923 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович,

я послала вам недавно мою пьесу «Равви» [1], сейчас посылаю вам книгу рассказов — «Обыватели» [2].

Буду рада, если напишете, что, по-вашему, мне удалось и что плохо. Про пьесу особенно интересно, пот⟨ому⟩ что драматургией хочу заняться круто. Если же вы мои книги сосватаете для перевода на немецкий яз⟨ык⟩, то буду вам очень благодарна. Деньги мне нужны до крайности; хоть бы летом иметь возможность писать не наспех!

Для «Беседы» [3] целиком собиралась послать «Живцы и Гуссова старушонка» (о живой церкви [4], заседаниях с староверами, сектантами, отсюда — новый быт и т. д.), но положение было безденежное, и пришлось одну главу отдать в № 3 «Красной нови» [5]. Не знаю, можно ли все-таки послать в «Беседу»? Две трети в печати не были, но без этой главы (кот⟨орая⟩ в «Красной нови») большой будет пробел. Как быть? Затеяно много

рассказов (из современного быта), но я могу их осуществить лишь при минимальной обеспеченности хоть на 2—3 месяца.

Я очень надеялась, что З. И. Гржебин, взявший мои книги два года тому назад (если помните, вы лично передали ему оттиски), эту обеспеченность мне доставит.

Когда А. П. Пинкевич[6] ездил в Берлин, я просила его передать мое заявление о том, что печатать мои вещи (кроме пьесы «Луковка-двоехвостка» [7]) прошу *немедленно*. Это было мне обещано, но не выполнено.

Простите, Алексей Максимович, что беспокою вас своими делами, но кроме вас нет другой надежды. Всех, кто ехал в Берлин, просила видеться по моим делам с Гржебиным, и все сказали, что он — невидимка. Прошу вас повлиять на то, чтобы *рукописи мои, которые вы передали ему в 21 г. 17 марта, были, наконец, сданы в печать*:

1) Книга рассказов: «Оцт и вино» [8].

2) Книга сказок «Что кому нравится» [9].

Последнюю книгу я прошу перекрестить по первому рассказу «*Медведь Панфамил*» (посвящен вам). К нему и обложка сделана Л. Бруни [10] (принята издательством еще в Петрограде зимой 21 г.).

Вместо подписанного мною с Гржебиным договора на 60% с прибыли прошу просто выплатить мне по листам — 50 р. *золотом* за лист (напечатанного раньше), здесь — самая небольшая оплата. Ее я и хотела бы получить от издательства.

Очень прошу, устройте мне это дело! Я прихожу в отчаяние, что и это лето не удастся мне написать большую, давно затеянную работу [11], ни окончить романа «Оглашенные» [12]. От принудительной спешки и «талантливых» набросков тупею и развращаюсь. Вот помогите собраться с мыслями и оставить хоть одну стоющую вещь! Пусть хоть меньше даст издательство, но *сейчас*! Для лета.

Алексей Максимович, не сердитесь, что пристаю с хлопотами, когда у вас своих дел куча. Но верю, что можно вас просить. Ведь мне не зря. У меня *есть* что написать, но еще немного и не хватит сил. Хоть бы два месяца спокойной работы!

Ваша «автобиография» [13] уже не литература, а большая радость. Спасибо вам. Жду очень, когда выйдет книжкой. Жму крепко вашу руку.

Ольга Форш

«Коперника» [14] Гржебин выпустил, но не шлет ни гонорара, ни авторских экземпляров.

Адрес мой: Мойка, 59, кв. 30/а, комната № 9.

Письмо датируется по почтовому штемпелю.

[1] Ольга Форш (А. Терек). Равви. Пьеса в 3 действиях. (Включена в репертуар «Мастерской передвижного театра» П. П. Гайдебурова и Н. Ф. Скарской в Петербурге). М.—Пг., «Круг», 1923.

[2] О. Форш. Обыватели. Рассказы. М.—Пг., «Круг», 1923.

[3] См. Горький — Ласковая, письмо 2, прим. 2.

[4] См. письмо 21, прим. 10.

[5] Названное произведение ни в «Беседе», ни в «Красной нови» напечатано не было.

[6] См. Горький — Слонимский, письмо 3, прим. 1.

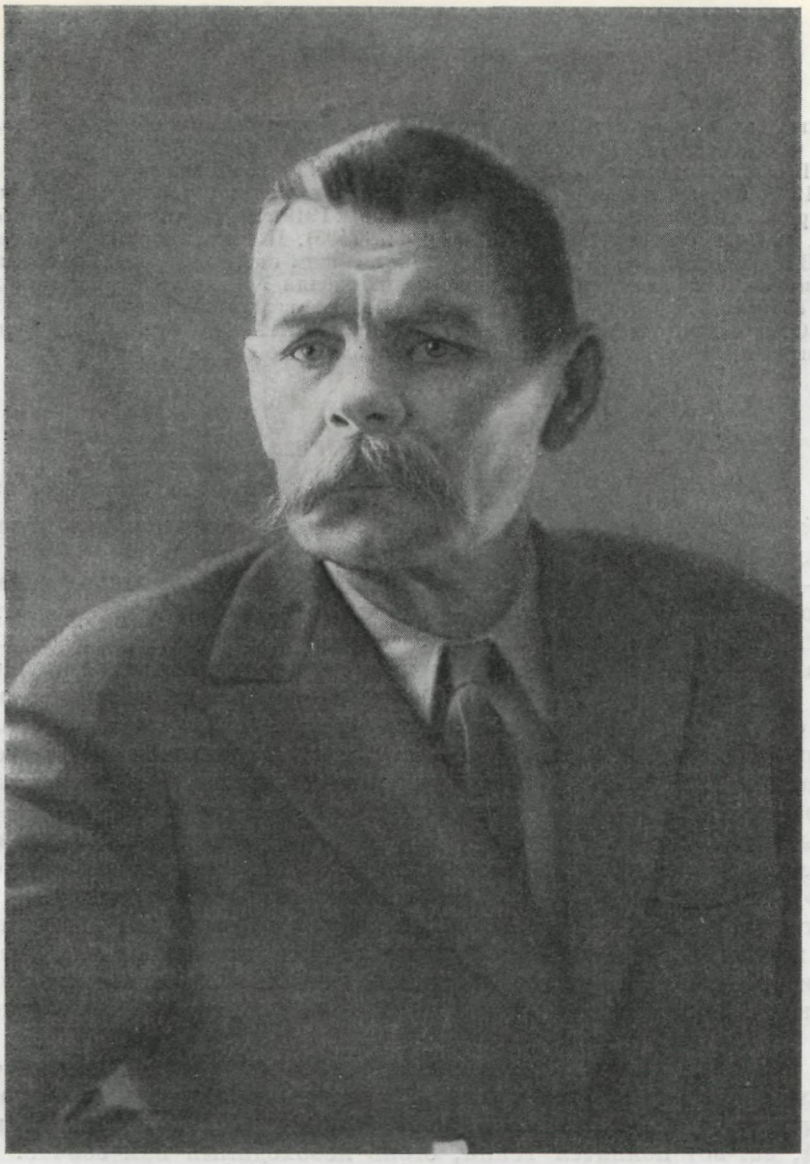
[7] Пьеса не была издана.

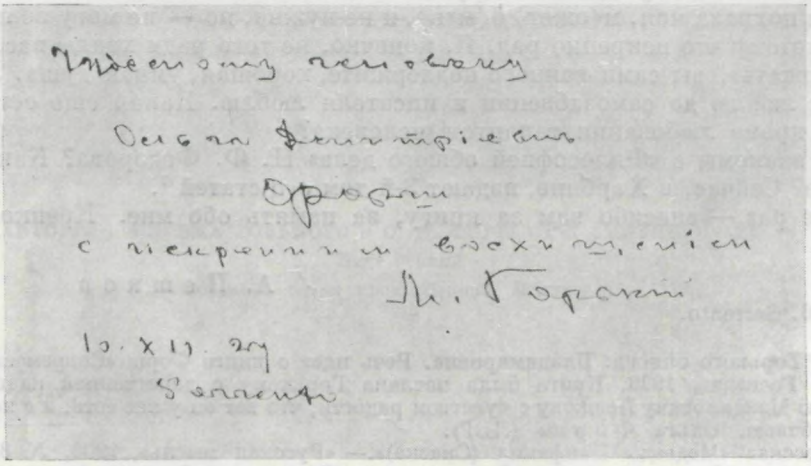
[8] Книга не была издана.

[9] Впервые книга «Что кому нравится. Сказки и рассказы» вышла в изд. И. Д. Сытина (М., 1914). В изд. Гржебина не выходила.

[10] Лев Александрович *Бруни* (1894—1948) — художник.

[11] Очевидно, имеется в виду замысел романа «Одеты камнем». В автобиографической заметке «Дни моей жизни» Форш писала: «1923 год стал поворотным в моей литературной работе, потому что я перешла от рассказов к первому историческому роману. Весь 1923 год я была поглощена, как я уже сказала, Петропавловской крепостью. Я была просто одержима крепостью: ездила к ней ежедневно, впивая в себя чувством





ГОРЬКИЙ

Фотография, Неаполь, 1924—1926 гг. с дарственной надписью: «Чудесному человеку Ольге Дмитриевне Форш с искренним восхищением М. Горький. 10.XII. 27. Sorrento»

Собрание семьи писательницы, Ленинград

и мыслью все, еще не остывшее, не рассеянное новым свежим воздухом революции» (Ольга Форш. Вчера и сегодня. М., «Правда», 1959, стр. 10).

[12] Пролог к роману «Оглашенные» напечатан в сборнике «Скифы», № 1. Пг., 1917—1918. В ответ на вопрос анкеты «Есть ли у вас новые свободные произведения для журналов и альманахов» О. Форш отвечала (в 1919 г.?): «Есть роман „*Оглашенные*“, 10 печ. листов» (Отдел рукописей ИМЛИ II—7495). Полностью роман не напечатан.

[13] В «Красной нови», 1923, №№ 1 и 2, под общим названием «Автобиографические рассказы» были напечатаны следующие произведения Горького: «Время Короленко», «В. Г. Короленко», «О вреде философии», «Мои университеты» (начало).

[14] О. Форш. Смерть Коперника. Берлин — Пг.—М., изд. З. И. Гржебина, 1922 (экземпляр книги хранится в личной библиотеке Горького).

4

ГОРЬКИЙ — ФОРШ

‹Сорренто. 5 сентября 1926 г.›

Получил вашу книгу, Ольга Дмитриевна [1], очень тронут подарком, сердечно благодарю вас.

Я — давний и почтительный поклонник вашего добротного таланта и умного — удивительно умного! — сердца вашего. Мне давно хотелось сказать вам это, и вот я очень рад, что говорю, наконец. Еще ваш рассказ в «Р‹усской› мысли» — «Медвежонок»?[2]— удивил меня рисунком и, затем, многое другое. А «Одеты камнем» — уже большая вещь, высоко ценю ее как одну из книг, кои начинают на Руси подлинный исторический роман, какого до сей поры — не было, а сейчас есть уже четыре: два ваших [3], «Кюхля» Тынянова и колоссальный «Разин» Чапыгина.

«Современники» — значительнейшая вещь, на мой взгляд. И — богатая мыслями, каждая из коих — тема большой книги, как, напр‹имер›, «невозможность влюбиться в женщину... облеченная в состояние сознания»[4],— конечно тут не только *эта* невозможность, а и всякая другая. В книге есть зияния, которые, видимо, надо объяснить условиями цензурными, но конец 12-й главы [5] смят, должно быть, по вашей вине. Извините мне эти замечания? Еще одно: вы пишете Борейша, а московского блаженного звали, как помнится, Корейша, Яков Иванович [6]. Это конечно, пустяк.

Да, хорошая книга. Меня, слышал, упрекают, что неразборчиво хвалю. Возможно, что это так и есть, ибо частенько я хвалю для того, чтоб «поддержать», раздуть огонек, м‹ожет› б‹ыть› вспыхнет пламя? Живу надеждой, вот-вот появится гений, столь необходимый нам сейчас. А художник особенно нуждается в друге.

Вам похвала моя, м‹ожет› б‹ыть›, и не нужна, но — не могу не похвалить, потому что искренно рад. И, конечно, не того ради хвалю вас, чтоб «поддержать», вы сами всякого поддержите, хорошая, умная душа. Литературу люблю до самозабвения и писателя люблю. Какая еще есть радость, кроме любования талантом человека?

Вы знакомы с «Философией общего дела» Н. Ф. Федорова? Как будто — да? Сейчас, в Харбине, издают 3-й том его статей [7].

Еще раз — спасибо вам за книгу, за память обо мне. Крепко жму руку.

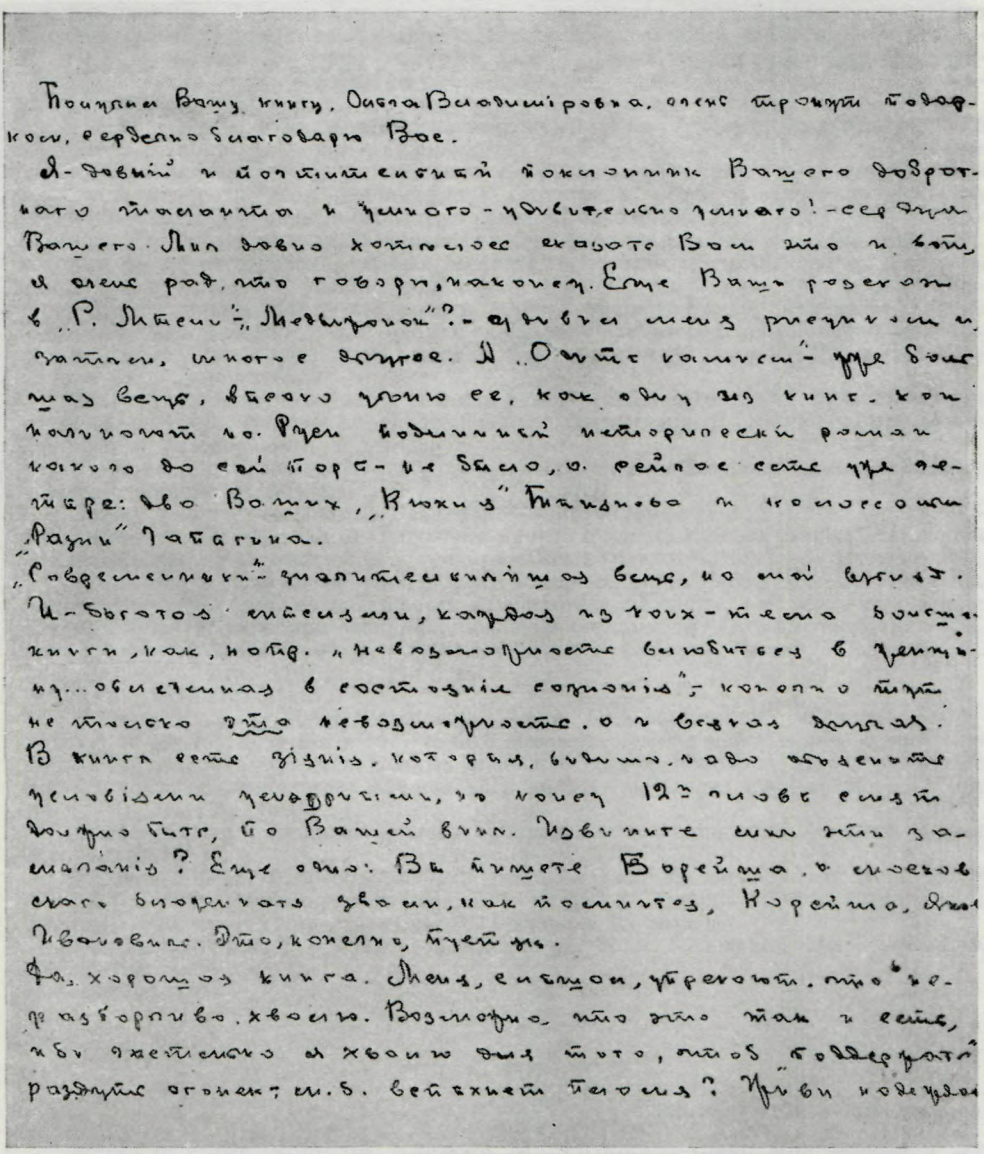
А. Пешков

5.IX—26. Sorrento.

[1] У Горького описка: Владимировна. Речь идет о книге Форш «Современники». М.—Л., Госиздат, 1926. Книга была послана Горькому с дарственной надписью: «Алексею Максимовичу Пешкову с чувством радости, что вот он у нас есть, и с искренней любовью. Ольга Форш» (ЛБГ).

[2] Рассказ «Медведь Панфамил (Сказка)».— «Русская мысль», 1909, № 8.

[3] Романы «Современники» и «Одеты камнем (Таинственный узник Алексеевского равелина)». М., «Россия», 1925.



Получил Вашу книгу, Ольга Владиміровна, очень тронут подарком, сердечно благодарю Вас.

Я — давній и почтительный поклонник Вашего добротнаго таланта и умного — удивительно умного! — сердца Вашего. Мне давно хотелось сказать Вам это и вот, я очень рад, что говорю, наконец. Еще Ваши разсказы в „Р. Мысли" — „Медвыжонок"? — удивил меня рисунком и, затем, многое другое. А „Опыт камней" — уже большая вещь, высоко ценю ее, как одну из книг, кои начинают на Руси подлинный исторический роман какого до сей поры — не было, а сейчас есть уже четыре: два Ваших, „Кюхля" Тынянова и колоссальный „Разин" Чапыгина.

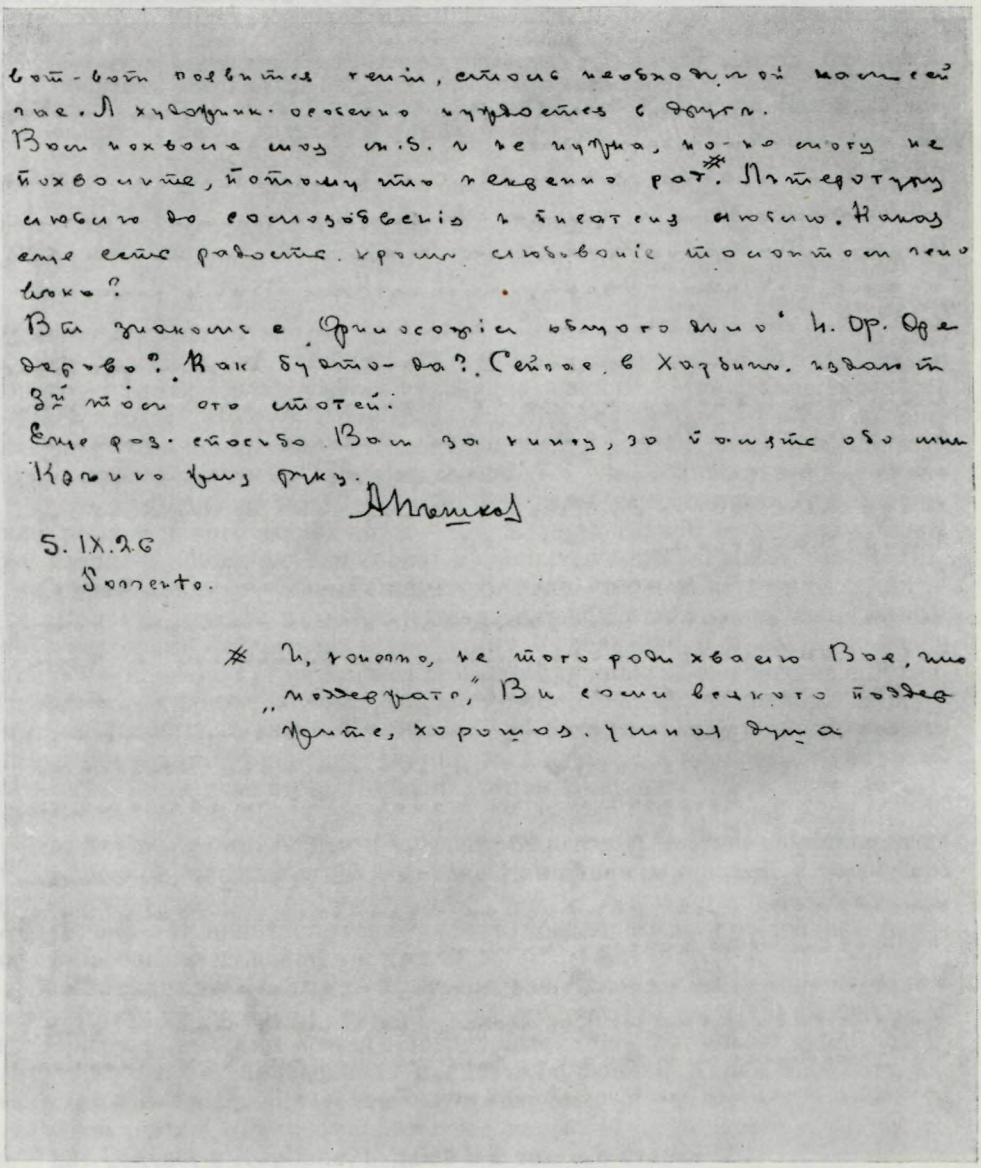
„Современники" — значительнейшая вещь, на мой взгляд. И — богатая сильными, каждая из коих — тема большой книги, как, напр. „невозможность влюбиться в женщину... обличенная в состояніе сознанія", — конечно тут не только эта невозможность, а и всякая другая. В книге есть зіянія, которыя, видимо, надо объяснить условіями цензурными, но конец 12-го главы слишком должно быть, по Вашей вине. Извините мне эти замечанія? Еще одно: Вы пишете Борейша, а московскаго благочинного звали, как помнится, Корейша, Яков Ивановичъ. Это, конечно, пустяк.

Да, хорошая книга. Меня, слышал, упрекают, что „неразборчиво хвалю. Возможно, что это так и есть, ибо частенько я хвалю для того, чтоб „поддержать" раздуть огонек; м. б. вспыхнет пламя? Живи надежда

АВТОГРАФ ПИСЬМА ГОРЬКОГО к О. Д. ФОРШ ОТ 5 СЕНТЯБРЯ 1926 г.

Лист первый

Собрание семьи писательницы, Ленинград



вот-вот появится тени, столь необходимой нам сей
час. А художник особенно нуждается в друге.
Вам похвала моя м.б. и не нужна, но-не могу не
похвалить, потому что искренно рад.* Литературу
люблю до самозабвенія и писателя люблю. Какая
еще есть радость, кромѣ любованіе талантом чело
вѣка?
Вы знакомы с „Философіей общаго дѣла" Н. Ор. Фе
дерова? Как будто-да? Сейчас в Харбинѣ издают
3й том его статей.
Еще раз спасибо Вам за книгу, за память обо мнѣ
Крѣпко жму руку.

А. Пѣшков

5. IX. 26
Sorrento.

* И, конечно, не того ради хвалю Вас, что
„поддержите," Вы сами всякого поддер
жите, хорошая, умная душа

АВТОГРАФ ПИСЬМА ГОРЬКОГО к О. Д. ФОРШ ОТ 5 СЕНТЯБРЯ 1926 г.

Лист последний

Собрание семьи писательницы, Ленинград

В предисловии к предполагавшемуся американскому изданию книги Форш «Одеты камнем» (1926, перевод М. И. Будберг, издание не состоялось) Горький писал: «Для своих романов она смело берет наиболее глубокие темы и умеет отлично разрабатывать их. В романе „Современники" она изобразила знаменитого русского писателя Николая Гоголя и столь же знаменитого живописца Александра Иванова, творца замечательной картины „Явление Христа народу". Тема романа — неизбежное противоречие между идеалом христианина и гением художника, его опытом. Противоречие это погубило Гоголя, который решил принести злой и острый талант свой в жертву религиозному идеалу, и это же противоречие изломало жизнь Иванова годами мучительных колебаний.

Третий герой романа, тоже художник по натуре, Багрецов, типично-русский человек с резко выраженной наклонностью к „необычному", наклонностью вообще свойственной русским. Эту наклонность Багрецов ощутил как самое существенное его „я" и вообразил себя демоническим характером, сильным человеком, которому „все позволено". Стремясь к свободе, к деньгам, он отравил свою жену, дал ей, уже больной, яду, и она умерла. Но оказалось, что умерла она именно от болезни, а яд, которым он хотел отравить ее, был безвредным слабительным порошком. Демонизм как будто приобретает внешне комический характер, но под внешней формой автором искусно прикрыта горькая, хотя и мягкая ирония. Роман заставляет глубоко задуматься над основным и для многих гибельным противоречием языческой природы гения с запросами христианской морали. Заставляет он подумать и о том, как высока цена „демонизма"?

Ольга Форш пишет твердой и сильной рукою мужчины, сдержанный язык ее книг убедительно точен, фигуры людей, изображаемых ею, живы и пластичны. Это талант крупный и своеобразный.

О романе „Одеты камнем" я не буду говорить, чтоб не помешать самому читателю оценить достоинства романа.

Укажу только, что Михаил Бейдеман — лицо историческое, и Ольга Форш изобразила его судьбу ни в чем не погрешив против правды. Именно такова была жизнь Бейдемана, как о том рассказали документы тайных архивов» (Черновой автограф. АГ).

[4] Имеются в виду слова героя романа «Современники» Глеба Багрецова: «Гоголь обстоятельство личное, невозможность влюбиться в женщину, как это может всякий болван, облек в состояние сознания, подобное столпникам. Отсюда заключил о себе, как о „сосуде избранном" и, чтобы не угодить в Содом, метит в святцы» (М., Госиздат, 1926, стр. 174).

[5] Гл. XII. «Колизей».

[6] Имеется в виду Иван Яковлевич *Корейш*. Сын священника, закончивший духовную академию, Корейш в 1817 г. был объявлен сумасшедшим и перевезен в Преображенскую больницу умалишенных в Москве, где и приобрел широкую известность в качестве юродивого. См. о нем: «Юродивый Иван Яковлевич Корейш», составил А. Ф. Киреев, М., 1898.

В последующих изданиях романа «Современники» написание фамилии юродивого исправлено.

[7] Сочинения Н. Ф. Федорова были изданы в Харбине несколько позднее: Н. Ф. Ф е д о р о в. Философия общего дела, т. I, выпуск 1. Харбин, 1928; т. II, выпуск 2. Харбин, 1929; третий том статей Н. Ф. Федорова не вышел.

См. также Горький — Григорьев, письмо 11, прим. 4, 5 и Горький — Пришвин, письмо 14, прим. 5, 6.

5

ФОРШ — ГОРЬКОМУ

Москва. 1926 — 20 сентября.

Ваше письмо, дорогой Алексей Максимович, было мне большой радостью. Получила я его, когда нога была еще в лубке (разбито колено) и приходилось претерпевать недуги, так что простите, что не сразу отвечаю.

То, что вы признаете «Современников» значительной вещью,— дорогая от вас поддержка в трудную минуту, когда стою пред большой работой, и, нет-нет, боюсь — подыму ли ее? Замечания же ваши, конечно, все в точку: после XII главы, прежде чем мне предать Багрецова Коньяку, предполагалось загнать его еще в один, последний тупик. На «тему» Гоголя был «Обед у Волконской» с двумя иезуитами-украинцами, после чего необходимой делалась и «Флора Тенерани»[1] (тоже без конца). И еще были затеи... Главное — ужасная спешка из-за условий жизненных и самоодергиванье, дабы не перегрузиться «фантастикой». Надеюсь в следующих

вещах скомканности избежать. Будет у меня отдельная комната и близко чудесная библиотека Акад⟨емии⟩ наук,— работать смогу лучше, чем в московском переуплотнении. Если же мне удалось дать Ал. Ив⟨анова⟩ и хоть сколько-нибудь Гоголя, и то, чем они нам живы,— я рада и этому.

Хочется сказать вам о том, что намечено мною как ближайшее — прежде всего «*Горячий цех*» в пяти тетрадях: 1) «Солдаты» (печатается), 2) «Печь Мартена», 3) «Символисты», 4) «Лазареты», 5) «Советы». Время от 1905—1920 гг.[2] Здесь о всех, кто «ковал», и о трагедии разрыва между всеми. Еще давно задуман роман «*Николай Новиков*»[3] (изумительное время по пересечению разнообразнейших идей и судеб российских). Еще комедия задумана — «*Переворот*»[4].

Я счастлива, что вы причисляете меня к зачинателям *нового* исторического романа. В этом именно полагаю свое настоящее *дело*. Думаю, что в «Одеты камнем» кое-что угадано верно. Во всяком случае, думаю, правильнее укрепившись на *сегодня*, взорвать все пограничные столбы, проставленные временем, так, чтобы в *сегодня* проступило вчера. Живое все ведь забирается и живет. И хоть мы только сейчас, но века — в нас (а не сами по себе, как полагалось раньше).

Впрочем, об этом в двух словах не скажешь, как и о Федорове, о котором удивительно, что вы помянули. Как раз читаю его том II (других не знаю). Есть вещи неприемлемые, но зато есть нечто поражающее, как *жизнь*,— чего никогда не встретишь у Вл. Соловьева. Тот рядом с Федоровым — просвещеннейший гид по «святым местам», никак не участник и разоблачитель творческих сил, еще не опознаваемых нашим дневным сознанием. Потому нелепое у Фед⟨орова⟩ волнует больше самого раз-умного соловьевского. Если вам интересно — напишу подробнее об этих вещах. У меня, знаете, такое чувство после вашего письма, что мы с вами раньше хоть виделись, но не встречались, а сейчас доспело, так что вот — встретились.

Будьте ж здоровы, Алексей Максимович, крепко жму вам руку.

Ольга Ф о р ш

Еду на днях в Ленинград, где проведу всю зиму.

Адрес мой, пока не вылечусь и не устроюсь (с добрый месяц верно), следующий: Клинский пр., д. 27, кв. 26, Ольге Дмитриевне Форш.

[1] «Флора Тенерани» — III глава романа «Современники».

[2] Замысел эпопеи в пяти частях не был осуществлен во всем объеме. Роман «Солдаты» опубликован не был. В 1927 г. вышел в свет роман «Горячий цех» с подзаголовком: «Печь Мартена». В заметке, помеченной 6 октября 1928 г., Форш сообщала: «Закончив книгу рассказов о заграницe „Лурдскими чудесами", временно оставляю начатый роман „Символисты" (продолжение „Горячего цеха"), чтобы перейти к работе для театра.

Мною задумана драма в 4-х действиях: „Екатерина и Новиков" (1770—1792). Кроме того, в сотрудничестве с И. Груздевым, работаю над пьесой „Недолет" („Пятый год")» (Отдел рукописей ИМЛИ, II — 16082).

В 1933 г. в журнале «Звезда», №№ 1, 5, 9 и 10 был напечатан роман «Символисты» без указания на то, что он представляет собой часть эпопеи «Горячий цех». В отдельном издании роман получил название «Ворон» (Л., Гослитиздат, 1934).

[3] Романа о Н. И. Новикове Форш не написала. Но образ Новикова широко раскрыт в созданной позднее трилогии о Радищеве («Якобинский заквас», «Казанская помещица», «Пагубная книга», 1932—1939).

[4] Неосуществленный замысел.

6

ГОРЬКИЙ — ФОРШ

⟨Сорренто. 27 сентября 1926 г.⟩

Обрадован письмом вашим, Ольга Дмитриевна, и буду очень благодарен, если вы найдете свободный час, чтоб поделиться со мною мыслями ва-

шими о Федорове. Первый том статей его — редкость, был он издан лет 20 тому назад в г. Верном. Третий подготовляется к изданию в Харбине почитателями Федорова; во главе их стоит некто Н. А. Сетницкий [1]. Группа эта выпустила в свет под титулом «Смертобожничество» анонимную книжку в 80 страниц [2]; цель книжки — реформа православия в духе «активности». Ход мысли обнаруживает явное влияние Фед〈орова〉 и, на мой взгляд, нечто языческое от В. В. Розанова. В критической части книжки немало интересного, но, к сожалению, «новая вера» закончена пятикратной анафемой инаковерующим. Звучит это так:

1 — всякий, кто ограничивает участие человека в деле божием, — анафема да будет.

2 — всякий, склоняющийся пред смертью самой по себе и невидящий в ней никакого срама,— анафема.

3 — отвращающийся от труда и борьбы в деле преобразования плоти своей,— анафема.

4 — оправдывающий смерть и не противящийся ей;

5 — не стремящийся к действенной борьбе тоже проклят.

Это уж нечто от протопопа Аввакума и от *разумного* фанатизма, а посему неприемлемо для меня [3]. А в общем, как признак неугасающей *сердечной* мысли, весьма интересно и гораздо ценнее малокровных размышлений князя Трубецкого о «евразийстве» [4], размышлений, тоже позаимствованных у Федорова, о чем князь и соратники его — молчат.

Большие темы в работе у вас, О〈льга〉 Д〈митриевна〉, и особенно почтенна тема «Новиков». «Современники» позволяют уверенно ждать, что это вам хорошо удастся,— Новиков, ибо у вас удивительно тонко развита интуиция в понимании прошлого, как мне кажется. Исторического романа, в подлинном смысле этого понятия, у нас еще не было, и вот он является как раз вовремя. Это — замечательно.

Не помню, писал ли вам, что очень хвалю книгу Тынянова «Кюхля» и в совершенном восторге от «Разина» Чапыгина. А вы как думаете об этих книгах? Не лень — напишите. Я от любви к литературе склонен иногда к преувеличениям, что и естественно для влюбленного.

Сердечно тронут вашими словами «вот — встретились». Я ведь давно издали любовался вашей душой, не скажу — понятной мне, но как-то и чем-то радовавшей меня. Желаю вам всего доброго. А как это вы ногу-то повредили? Трамвай? Крепко жму руку.

А. Пешков

27.IX.26.

[1] Николай Александрович *Сетницкий* — преподаватель юридического факультета в Харбине. Переписывался с Горьким в 1927—1934 гг. (письма в АГ).

[2] «Смертобожничество». Харбин, 1926.

В АГ сохранился отзыв Горького об этой книге:

«Любопытная попытка понять „православие“ монистически.

Главы IV—V могут служить доказательством факта отсталости теологии и метафизики, т. е. даже не отсталости, а следования по путям экспериментальной науки. Ибо идея бессмертия плоти явно научного происхождения и, на мой взгляд, вызвана к жизни в *этой форме* идеями Мечникова—Метальникова, работами Штейнаха, Воронова и т. д.

Умолчание о троичности божества».

[3] В АГ сохранился черновик более позднего письма Горького к Н. А. Сетницкому (1933). Горький писал: «...будучи материалистом, я могу мыслить о борьбе со смертью только как о деле практическом, требующем экспериментального исследования.

Правительство наше, весьма чутко относящееся к идеям „фантастического“ характера, постановило в 32 г. создать „Всесоюзный институт экспериментальной медицины“ — ВИЭМ, цель института: комплексное изучение жизни, работы и изнашиваемости человеческого организма. Впервые за всю историю развития медицинских наук к этому делу привлечены физики, химики и впервые же обращено должное внимание на медицину».

[4] Имеется в виду книга эмигранта С. Н. Трубецкого «Европа и человечество» (София, 1920) и его статья в сборнике «Исход к востоку» (София, 1920).

Трубецкой возглавлял группу русских эмигрантов, называвших себя евразийцами. Евразийцы выдвигали идею создания монархии, призванной объединить восточное славянство, а также ряд других народов Европы и Азии. Мистико-монархическая культура евразийства должна была прийти на смену изжившей себя романо-германской культуре Запада.

Горький писал о «евразийцах» в письме к Е. П. Пешковой (осень 1921 г.): «В Софии проф. Трубецкой объявил себя евразийцем и всех русских тоже так обозвал, а Европу со всей ее культурой предал черной анафеме...» (АГ). Позднее в письме к И. М. Касаткину от 16 февраля 1926 г. Горький писал: «И — наконец — порча русского языка, якобы „национализируя" нашу литературу, обильно льет воду на мельницу „евразийцев" — есть такая секта эмигрантов, утверждающих, что Русь — не Европа, не Азия, а Евразия» (М. Горький. Письма о литературе. М., «Советский писатель», 1957, стр. 316).

7

ГОРЬКИЙ — ФОРШ

〈Сорренто. 13 ноября 1926 г.〉

Об А. Н. Шмидт [1] мне вам, Ольга Дмитриевна, нечего добавить; в ту пору, когда я встречался с нею, я был к людям неласков и жестоко убежден, что все они живут не туда, куда следует жить и не те книги читают, и не о том говорят. Впрочем, я от убеждения этого и по сей день не совсем отрешился, но, кажется, стал терпимее, ибо алогизм жизни кое-чему все-таки учит. А〈нна〉 Н〈иколаевна〉 была для меня человек прежде всего — смешной, затем наянливый и как-то очень мешавший мне своим христолюбием. А тогда Христа в иудейскую веру обращали, как вы знаете,— и я этому делу был, в некоторой степени, причастен. Так что понимать «Аннушку» у меня не было ни времени, ни охоты. Могу лишь сказать, что все люди, встречавшиеся с нею, и самые разнообразные люди, относились к ней одинаково ласково, но это, кажется, потому что все считали ее «блаженной». В 910 году на Капри приехал с экскурсией учителей некто Белавин или Белявин, ее ученик, учитель из Касимова, человечек бойкий, неприятный, он рассказал мне о ее «успении», свидетелем коего он якобы был, но затем оказалось, что он мне похвастал.

Вас интересует: чем жил бы в глубокой старости Илья Артамонов-сын? [2] Ослеплять его — излишне, это вы сами понимаете. А жил бы он сознанием выполненной им исторической работы и чувством удовлетворения, возникающим из этого сознания. Так жили и живут многие старцы: В. В. Берви-Флеровский [3], князь Кропоткин, Н. Н. Златовратский, так, я думаю, живет Аксельрод [4] и многие другие. По-человечеству к ним надобно применить поговорку: «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало».

Лично я предпочитаю людей безутешных.

Все сказанное вами о «смертобожцах», на мой взгляд, неоспоримо правильно, правильно и указание, что от Федорова «тошнотно», как после хлороформа. И верно, что мыслитель он оригинальнейший, но мне ненавистен его взгляд на женщину, церковный взгляд, формулировал он этот взгляд так: культура — результат господства женщин «не тяжелого, но губительного». У меня по этому поводу другие мысли, кратко выражу их так: человечество обязательно возвратится к матриархату, мужчина доигрывает свою роль.

Сожалею, что не могу послать вам харбинскую брошюру учеников Федорова [5], написал им, чтоб они послали. Брошюра эта есть у Данзас [6]. Спасибо вам за интереснейшее ваше письмо. Когда и где будете вы печатать о «Символистах»? [7] Мнение ваше обо мне, разумеется, волнует меня.

Желаю вам всего доброго, О〈льга〉 Д〈митриевна〉.

А. Пешков

13.XI.26. Sorrento.

Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в семье Форш.

[1] Горький отвечает на вопросы, поставленные в письме Форш от 3 ноября 1926 г.: «Отчего от Федорова, как и от А. Н. Шмидт, как-то тошнотно, будто нанюхаешься хлороформу? ⟨...⟩ Если не трудно, прошу вас сообщить мне что-либо об А. Н. Шмидт. Кроме ее книги и удивит⟨ельно⟩ воссозданного вами ее чисто внешнего образа,— ничего не знаю. Неужто ни в чем не было значительности? Хоть неприятное, но большое какое-то (не знаю как его и назвать) у нее дарование несомненно» (АГ).

Анна Николаевна *Шмидт* (1851—1905) — автор религиозно-мистических сочинений, опубликованных после ее смерти и восторженно встреченных реакцией. Была репортером газет «Волгарь» (1894) и «Нижегородский листок» (1894—1905). См. очерк Горького «А. Н. Шмидт», впервые опубликованный в кн.: «Заметки из дневника. Воспоминания». Берлин, «Книга», 1924.

[2] Горький пишет о внуке Ильи Артамонова, в то время как Форш в письме от 3 ноября 1926 г. спрашивала его об Илье Артамонове старшем (см. письмо 8). Форш писала: «За „Дело Артамоновых" вам большое спасибо. Только жаль мне, что Илью Арт⟨амонова⟩ вы так рано убили (т⟨о⟩ е⟨сть⟩ художественно прекрасно и вовремя), но мне просто по-человечеству хотелось бы знать вот что: если такого человека довести до глубокой старости и еще ослепить, то чем бы и как жить ему?» (АГ).

[3] Василий Васильевич *Берви* (псевдоним — Н. Флеровский) (1829—1918), известный публицист-народник.

[4] Павел Борисович *Аксельрод* (1850—1928) — один из основателей группы «Освобождение труда», идеолог меньшевизма, после Октябрьской революции — активный деятель II Интернационала.

[5] «Смертобожничество». См. письмо 6, прим. 2.

[6] Юлия Николаевна *Данзас* — знакомая Горького.

[7] См. письмо 5, прим. 2.

8

ФОРШ — ГОРЬКОМУ

⟨Ленинград.⟩ 6 декабря 26 г.

У нас с вами, Алексей Максимович, недоразумение вышло. Вопрос мой по «Делу Артамоновых» относился к старшему, к деду. Мне он значительнее всех, потому что никого не «дублирует», всюду сам, «первый у источника» — словом: это он — та новая, прекрасная разновидность и раньше вами художественно закрепленного, обаятельного своей силой жизни, большого удельного веса — *человека*. Но, как и раньше, словно нарочно, вы опять оборвали такого «на бегу». А хотелось бы, наконец, досмотреть его во весь рост, и непременно до конца.

Если вопрос раскрыть, то, конечно, он идет через голову данной фигуры, как в старину говорили,— «по линии мировоззрений». Художественными воплощениями спрашивать ярче, чем голым словом, и потому еще о старом Артамонове.

Если схваченную вами этим образом бешеную волю к жизни не оборвать «на бегу», а как-нибудь изолировать, вырвать из деятельности *выраженной* и переставить в условия «творчества из ничего»,— каким *новым* творцом окажется такой? И вообще окажется ли; и еще интересней: *важно ли*, чтобы оказался?

Однако человек ведь один рождается, один умирает, с чем бы и как бы ни был он связан. И вот кажется мне — или: 1) не говорить вовсе «аз есмь», или сказав (а ваш человек, начиная с «Челкаша» и др⟨угих⟩, круче всего именно *это* и говорит), то уж необходимо и насущно такому иметь свой внутренний, ничем, никем неотъемлемый мир. Иначе, как белке в колесе, неужто пребывать в утомлении «вечного возвращения» и всяких иных форм «дурной бесконечности»? Тогда «аз есмь» вроде—симуляция... и рановато. И сколько, по-*новому* важного, могли бы сказать именно вы о *конце концов* настоящего, полновесного, земляного человека!

Боюсь, что нет ясности, не выпукло то, что хочу сказать. Надо бы опираться подробнее о материал, дать сопоставления и т. д., но сейчас невероятно киплю в работе всяческой. Если вас займет, потом еще напишу.

Ведь если у людей выходит какой-либо обмен, то о *взаимно непонятном* особенно хорошо говорить. Не правда ли? Оговариваюсь: разговор относится не к художественной работе, а к человеческому документу, который не в строках, а между и особенно волнует у иного писателя. А, может, и то, как кучер один говорил: люди, что кони, есть разномастные, да одной конюшни, а другие все чалые, да чужаки. Если «одной конюшни», хоть и разномастные (непонятности), но все-таки родня,— является особая настороженность и будто ответ, как при круговой какой поруке. И так как людям вообще мало дела друг до друга, то дорога́ хоть в этом редком случае вся правда. Это я для будущего — если согласны? А сейчас хочу спросить вас об одной давней вашей вещи, которая задела меня и помнится по сейчас. Это «Исповедь» — т⟨о⟩ е⟨сть⟩ не о всей вещи, которую очень люблю за необыкновенный разбег и смелость (и не ту, за кот⟨орую⟩ хвалила или бранила критика), а о *конце*, столь благополучно разрешающем трагедию личности. Разве *выход* — вопрос о личности разрешать поглощением ее же чем бы то ни было? Иначе: точно ли *мы* или *они* — решение *я*? Или личность самодовлеюща, трагична до конца, требуя в продвижении своем отсутствия всяких дающих опору древних «китов»? Тут, если до дна ставить вопрос,— либо пан, либо пропал (а не успокоение). Тут Сократ пьет свою цикуту, тут Данте не дрогнет спуститься во *все* круги ада и пролететь в десятое небо Эмпирея, а Гете, хоть и будет позировать гехеймратом * в окружении женских головок, но на самом-то деле *допишет* своего «Фауста». У нас же Достоевский, сказав как никто «Аз есмь»,—«из ничего» создаст огромный, гипнотизирующий напряженнейшей жизнью мир, чтобы все-таки остаться двоящимся между «осанной» и «содомом». Толстого же ощущаю просто *вне* так остро поставленных вопросов. У него будто пуповина с землей не перерезана, земля всей громадой в него переливает, отсюда и гений и незнание того, что знает и средний человек (что бы Л. Шестов [1] ни писал о нем, «созидающий и разрушающий миры», он — *принимающий*). Все муки у него называемы, а из страхов страшнейший тот, что и зверю,— смерть. Лучшие люди его смиренники, а не хозяева жизни. Насчет *хозяина* — черед за вами. Вот дайте нам «своего» Человека до конца, по-хозяйски, не пересекая его чуждыми руслами, не сбрасывая его преждевременно с рельс?!

Вот какое многословие из-за деда Артамонова. Досадно, однако, говорить безгласно и втемную, не зная, доколе выносит тебя собеседник. Сегодня, я думаю, довольно.

Дороги мне написанные вами в прошлом письме слова о «матриархате». Для меня это заветная тема, давно к ней готовлюсь. О женщине все лучшее ведь сказано мужчиной, и есть пробелы — опыт наш иной. Но женщине заговорить по-настоящему ужасно трудно. Надо не только суметь, *но и верить, что смеешь*. Слишком долго она пребыла под проклятием (Византия, философы, быт Китая, он перед метафизическим пренебрежением — ерунда). Философы особенно унизили на века. И даже Некрасов пел, «когда из мрака заблужденья... *я душу падшую* извлек». Пел и не стыдился, а себя почитал гражданином. Женский вопрос в глубине решается не юридически, а очень сложным и трудным самоосвобождением. К вам храню давнюю благодарность за нежное и рыцарское отношение к женщине. «Бабушка» ваша и «Мальва» — дорогой русский вклад в мировую сокровищницу под гетевским знаком «das ewig Weibliche»**.

Посылаю вам только что вышедшие мои «Московские рассказы» [2].

Напишите, свирепо ли Средиземное в марте-апреле? У меня есть надежда сосватать свою книжку «Вчерашний день» [3] (старые рассказы, кото-

---

* Тайный советник (нем.) — *Ред.*

** Вечно женственное (нем.).— *Ред.*

рые не вышли у Гржебина). Я хочу ехать в Париж на месяц. Попутчики есть из Батума в Марсель. Соблазняюсь, но если бури, может, сушей вернее?

Мой адрес: Литейный 9, кв. 6.

О. Д. Форш

Благодарю за то, что выписали мне «Смертобожцев».

[1] Лев *Шестов* (псевдоним Льва Исааковича Шварцмана, 1866—1938) — декадентский философ и критик, автор книги «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше» (Пб., 1905). См. отзыв Л. Толстого о книге Льва Шестова в очерке Горького «Лев Толстой» (т. 14, с. 280—281).

[2] О. Форш. Московские рассказы. Л., «Прибой», 1926.

[3] О. Форш. Вчерашний день. М.—Л., Госиздат, 1928.

9

ГОРЬКИЙ — ФОРШ

⟨Сорренто. 15 декабря 1926 г.⟩

Если для вас, О⟨льга⟩ Д⟨митриевна⟩, матриархат — «тема заветная», разрешите указать вам на две, недавно вышедшие в Берлине и, видимо, очень значительные книги: Dr. Leonore Kühn «Wir Frauen» и Margarete Weinberg «Утопии» [1]. Книги эти я знаю лишь по рассказам и рецензиям, но все, что слышал о них, меня почти восхищает и не потому только, что Кюн и Вейнберг убежденнейшие гинекократки, а по той смелости и доказательности, с которыми они говорят о «сумерках мужчины». О сем *факте* давно уже пора говорить, ибо ведь уже ясно, что мужчина-то всесторонне обанкротился и духовно иссяк.

Мое, от юности свойственное мне, преклонение и удивление пред силою женщины,— я говорю, конечно, не только о сексуальном обаянии, а о некоторой сущности ее, непонятной и, часто, враждебной мне, мужчине,— мое, говорю, чувство к женщине давно уже навело меня на мысль, что царствованию мужа Земли приходит конец и власть над миром должна перейти к жене и Матери Земли. После гнусной войны 14—18 г. это стало моим убеждением, и я знаю, что последнюю революцию сделают женщины, чему — физически — будет препятствовать Восток, конечно, более упорно, чем Запад. Сумбурно говорю? С тем возьмите, я вообще мысли мои выражаю неуклюже. Но — это мысль не вчерашнего дня, еще в 95 г. я написал рассказ «Мать»[2], за который получил самый высокий гонорар: меня на улице поцеловала за этот рассказ незнакомая мне, очень пожилая женщина, кажется — еврейка. Теперь: вы пишете: «Сколько, по-новому важного, могли бы вы сказать о *конце концов* настоящего, полновесного, земляного человека». Вы забыли прибавить: русского, ибо никаких иных людей я не знаю, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ — плохо знаю, должно быть, ибо все не русские сильные люди кажутся мне более крепко связанными изнутри, чем наши люди.

А наши люди — вот: умница и прямодушнейший Савва Морозов [3], хороший друг мой, *искренний* революционер — застрелился. Савва Мамонтов, человек поразительной энергии, красавец по духу, поставивший на ноги «иже во святых» художников наших Васнецовых, Поленова, Врубеля, Шаляпина и еще многих — угодил в тюрьму как злостный банкрот, был забыт всеми, кому он делал великое добро, и умер в настроении Тимона Афинского[4]. Гордей Чернов [5] —чудовище нижегородское, талант, разбойник, миллионер, бросив богатое дело свое на ходу, тайно ушел на Афон-старый, конечно — в монахи. Н. А. Бугров [6], удельный князь нижегородский, обладатель капитала в 60 миллионов, филантроп, говорил

мне в 903 году: «Зря по земле бегаем, А. М., милый, и оттого бегаем, что стоять крепко не на чем». Судостроитель Журавлев [7], знаменитый на Волге, после того, как сын его Борис застрелился вслед за Грибовой и Тарасовым — помните эту московскую драму? — сказал инженеру своему и приятелю: «Всю жизнь я суда строил, а пустыря в душе своей не мог застроить». Я мог бы показать вам еще десятка полтора таких же больших людей и всё — с «пустырем» в душе. Присматривался я к ним очень зорко и — с любовью. Именно — с любовью.

Русский «пустырь» — штука куда более страшная, чем это чувствовал Федор Достоевский. Кстати: он, Ф⟨едор⟩ Д⟨остоевский⟩, всю свою жизнь, мне кажется,— «смущался» девочкой той, которой бредил Свидригайлов пред самоубийством и о которой рассказал Ставрогин. Да и сам Ф⟨едор⟩ М⟨ихайлович⟩ — помнится — лично каялся кому-то, что однажды согрешил с 12-летней девочкой, которую ему, якобы, продала гувернантка [8]. (Вероятно он это выдумал для усиления ужаса пред самим собою.) Так вот, знаете, эта «символическая» девочка мучила многих русских «земляных» силачей с «пустырем» в душе. Двое из волжских пароходовладельцев из-за этой девочки попали под суд, и жена одного из них, Мария Капитоновна, предложила мужу, накануне вручения ему обвинительного акта, принять «порошок», дабы предохранить дочерей его и ее — от славы: дочери каторжника [9]. В этом же — в «девочке» — повинен был один из тульских «самоварников», фабрикант и еще кое-кто. Я не могу объяснить тяготение к «девочке» только грубейшим распутством, «извращенностью инстинкта» и т. д. Нет, это символическая «девочка», несмотря на ее реальность. Ее требует «пустырь». Я думаю, что нигде в мире нет столько преступников из любопытства, из желания ужаснуться пред собою, из озорства и т. д.— нигде, как у наших «сильных» людей.

Не знаю — понимаете ли вы меня? Я тут говорю о сумерках мужчины, о тупике, в который он давно уже попал. Это, поймите, не только социальный, но и духовный тупик. И ясно, что сказать о «конце концов» «полновесного человека» ничего веселого я не могу. А о женщине — не умею говорить так, как следовало бы. Вижу и чувствую, что она — растет, слышу, что она уже начинает говорить о себе неслыханным тоном и новыми словами. Мужчина тоже, как будто, начинает говорить о ней по-новому, конечно, все еще со скептической усмешкой, но уже более значительно, а иной раз — с задумчивостью, под которой чувствуется страшок. Мак-Орлан, Шервуд Андерсон, Лоуренс, Иоган Бойер [10], да и еще многие не только англосаксы и германцы, но и романцы, нет-нет, да и скажут что-то необычное о женщине.

Может быть, и мне удастся сказать что-то по этому поводу в романе [11], который я пишу. Очень хотелось бы. Удивительные письма получаю я из России от различных комсомолок и прочих особ женского пола.

Ну, довольно. Будьте здоровы, О⟨льга⟩ Д⟨митриевна⟩! Спасибо за книгу, хотя я ее еще не получил.

Если вам попадет на глаза книга Льва Гумилевского «Собачий переулок» — Ленинград, изд. автора, 927 год — прочитайте. Книга-то плохонькая, но фактически интересна. Тема ее — сексуальная драма в среде комсомольской. Впрочем, вам, наверное, это и без книг хорошо видно.

Крепко жму руку.
А. Пешков

«Одеты камнем» переведены на английский язык. Я написал маленькое предисловие к переводу [12].

А. П.

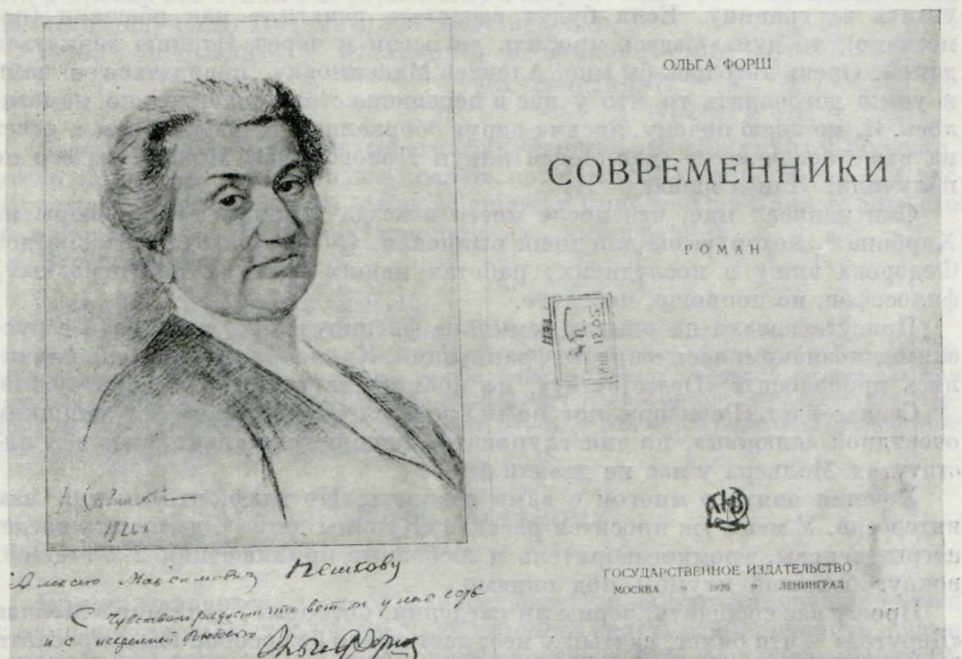
15—XII—26.

[1] См. Горький — Пришвин, письмо 18, прим. 6.

[2] Возможно, имеется в виду рассказ «Женщина с голубыми глазами».—«Самарская газета», 1895, № 197, от 14 сентября и № 199, от 17 сентября.

[3] Савва Тимофеевич *Морозов* (1862—1905). См. также Горький — Григорьев, письмо 9, прим. 1.

[4] Савва Иванович *Мамонтов* (1841—1919) — крупный промышленник и известный меценат, в октябре 1899 г. был посажен в долговую тюрьму по обвинению в растрате средств Общества Московско-Ярославской железной дороги. Замечание Горького о художниках несправедливо — см. коллективное письмо тринадцати друзей-художников (В. и А. Васнецовых, М. Врубеля, В. Поленова и др.) к С. И. Мамонтову от 9 апреля 1900 г. в томе «Художественное наследство. Репин», т. II. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 56.



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ О. Д. ФОРШ ГОРЬКОМУ НА РОМАНЕ «СОВРЕМЕННИКИ» (М.— Л.. 1926):

«Алексею Максимовичу Пешкову с чувством радости, что вот он у нас есть, и с искренней любовью Ольга Форш»

Личная библиотека Горького

[5] Гордей *Чернов* (ум. около 1900) — нижегородский купец, см. о нем в статье Горького «Беседы о ремесле» (т. 25, с. 300—302).

[6] Николай Александрович *Бугров* (1837—1911) — нижегородский купец. См. очерк Горького «Н. А. Бугров» (т. 15).

[7] Журавлев — владелец судостроительного завода в г. Рыбинске.

[8] Горький имел в виду письмо Н. Н. Страхова к Л. Н. Толстому от 26 ноября 1883 г., опубликованное в журнале «Современный мир», 1913, кн. IX. См. в связи с этим: А. Г. Достоевская. Ответ Страхову.— В кн.: «Воспоминания А. Г. Достоевской», под ред. Л. П. Гроссмана. М.—Л., Госиздат, 1925, стр. 285—292.

[9] Более подробно об этом эпизоде Горький рассказал в 1930 г. в статье «Беседы о ремесле» (т. 25, с. 299—300).

[10] Пьер *Мак-Орлан* (р. 1882) — французский писатель; Шервуд *Андерсон* (1876—1941) — американский писатель; Давид-Герберт *Лоуренс* (1885—1930) — английский писатель; Йуахан *Бойер* (1872—1959) — норвежский писатель.

[11] «Жизнь Клима Самгина».

[12] См. письмо 4, прим. 3.

10

ФОРШ — ГОРЬКОМУ

Olga Forch.
2, rue et Hôtel Lhomond près de Panthéon.
Paris V-ème.

2 июня 27 г.

Здравствуйте, Алексей Максимович,

пишу вам из Парижа, куда я недавно приехала. Госиздат купил у меня Собрание сочинений[1] (куда вошло все, кроме — увы! — сказок, в них же «Медведь»[2]— вам мною посвященный), что и дало мне возможность уехать за границу. Если будут высылать деньги — как обещали (помесячно), то думаю здесь пробыть до осени и через Италию вернуться домой. Очень хотелось бы мне, Алексей Максимович, повидаться с вами и устно договорить то, что у нас в переписке столь значительно наметилось. И, не знаю почему, письма вдруг оборвались. Я послала вам в ответ на ваше последнее — длинное в канун Нового года. Может, вы его не получили? Или я ваше?

Сын написал мне, что после моего отъезда пришла та брошюра из Харбина[3], которую вы для меня выписали. Очень благодарю вас. Идеи Федорова вижу в последн⟨их⟩ работах наших русских рел⟨игиозных⟩ философов, но попроще, победнее.

Присутствовала на опытах «смычки» фр⟨анцузских⟩ писателей с русскими, познакомилась с просто французами. Кроме «самовара», они научились произносить «Dostojevsky», но посмотреть глубже — очень чужие.

Сейчас идет «Ревизор», кот⟨орый⟩ зовется «Gouverneur» без слишком очевидной «клюквы», но так глуповато, внешне-формально, как и в институтах Мольера у нас не давали.

Хочется опять о многом с вами говорить. Не знаю, что именно вам интересно. У меня уж просится рассказ «Кукины дети»[4], да писать негде; негры, венгры, громкоговоритель и любовные приключения 2-х этажей, вокруг большой клумбы под окнами.

Прошу вас сообщить, верны ли сведения, кот⟨орые⟩ дала мне в Москве «Дерутра»[5], что билет, взятый у нее, дает право без особой визы проехать Италию до Неаполя и через Венецию в Вену? Не рискую ли с этаким билетом вовсе в Италию не въехать?

Адрес этот мой постоянный на весь июнь.

Будьте здоровы, Алексей Максимович.

Ольга Форш

[1] О. Форш. Собрание сочинений, тт. 1—7. М.—Л., Госиздат, 1928—1930.

[2] «Медведь Панфамил». Рассказ все же вошел в названное выше Собр. соч. (т. 5. «Причальная мачта». Пьесы, сказки, рассказы, статьи. М.—Л., Госиздат, 1930). Книга эта была послана автором Горькому с дарственной надписью: «Дорогому Алексею Максимовичу от Ольги Форш с посвящением „Медведя“» (ЛБГ).

[3] «Смертобожничество». См. письмо 6, прим. 2.

[4] Рассказ «Кукины дети» вошел в кн.: О. Д. Форш. Под куполом. См. письмо 22, прим. 1.

[5] «Дерутра» — немецко-русское железнодорожное акционерное общество.

11

ГОРЬКИЙ — ФОРШ

⟨Сорренто. Середина июня 1927 г.⟩

Мне кажется, дорогая Ольга Дмитриевна, что эта «Дерутра» сообщила вам нечто правдоподобное, но едва ли всю правду. *До* Неаполя вы, наверное, доедете с дерутриным,— как, впрочем, и со всяким другим билетом, но если у вас нет итальянской визы, — на берег вас, пожалуй, не пустят.

Я предложил бы вам проверить сомнение мое в италийском консульстве Парижа и, если окажется, что я прав,— немедля написать мне, чтоб я хлопотал о визе.

Видеть вас, говорить с вами был бы очень рад! Очень. Встречаете ли литераторов [1] и как они вас встретили? За некоторых из них «болит душа моя», но большинство устрашает меня злобностью своей. Никогда не понимал злобы «Христа ради».

Кажется, вы не получили одно мое письмо со вложением якутского стихотворения о звезде, на которую смотрит олень[2]; заключаю это из того, что я просил вас стихи эти ⟨прислать⟩ в Царское Село, но там они до 7 мая не были получены. Письма пропадают нередко.

Итак — побывайте у итальянцев и напишите мне.

До свидания?

А. Пешков

А по приезде в Неаполь телеграфируйте или телефонируйте: Sorrento, отель «Минерва», и, если вы поедете по ж⟨елезной⟩ дор⟨оге⟩ — мы вас встретим в Кастелламаре — Castellamare и привезем на Capo di Sorrento и накормим апельсинами, макаронами, виноградами.

Всего доброго. А. П.

Датируется по письмам 10 и 12.

[1] Имеются в виду русские писатели-эмигранты, живущие в Париже.

[2] Стихотворение «О звезде, на которую смотрит олень» было взято Горьким из полученного им в 1927 г. рукописного сборника «Образцы народной поэзии саха́ров (якутов)». Автор переводов — Гаврила Васильевич Ксенофонтов. В приветствии Первому съезду литераторов Сибири («Правда», 1928, № 92, от 20 апреля) Горький привел две цитаты из этого сборника.

12

ФОРШ — ГОРЬКОМУ

⟨Париж.⟩ 22 июня ⟨1927 г.⟩

Просто не верится, дорогой Алексей Максимович,что наконец увидимся с вами как следует, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ как хотелось видеть вас и говорить с вами еще добрых четверть века назад, в молодости, в Ялте, еще когда покойный седой Синани [1] был черен как жук. Это он неизменно мешал подойти к знаменитой скамье — знакомиться. А при нем было стыдно.

И сейчас, если бы поверила «Дерутре» (божилась, подлая), конечно, в Италию и не попала бы. Так что ваше предложение достать мне визу — единственный способ разбить злую судьбу наших «невстреч». Буду вам очень благодарна, если достанете.

Говорить же так много есть о чем, что вот начала было вам сразу, еще неделю назад большое письмо — и не кончу никак. От близости свидания просто не смогу и оч⟨ень⟩ трудно писать. Скажу сейчас только о ближайшем — 1 июля еду в Luchon с своей дочерью и знакомой франц⟨узской⟩ семьей: он, проф⟨ессор⟩ истории, она — дочь нашего известного ботаника Бородина [2]. Проведем в горах месяц. Из Luchon'а я вам напишу, когда и куда нужно выслать всё.

Советский паспорт дан мне на год, значит до мая 28 г. Осенью я бы приехала прямо в Неаполь и, уже повидавшись с вами, через Рим и Венецию отправилась бы домой. Впрочем, все зависит от капиталов Госиздата. Жду известий по этому делу.

Будьте здоровы. До скорого...

Ольга Форш

[1] Исаак Абрамович *Синани* (ум. 1917) — владелец книжного магазина в Ялте. Магазин Синани служил своего рода клубом для писателей, художников, артистов. Приезжая в Ялту, Горький часто посещал магазин Синани.

[2] Иван Парфентьевич *Бородин* (1847—1930) — академик, ботаник и физиолог.

13

ФОРШ — ГОРЬКОМУ

Luchon. 3 августа ⟨1927 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович, я вторую неделю в Люшоне, где прохожу курс лечения, повергаясь в серные пары — что происходит не столь живописно, как у древней Пифии, без треножника, скалы и пророчеств: пациентов сажают в герметически-закупоренный ящик — голова наружу, вроде как в китайской пытке. Глуповато, особенно, когда головы ссорятся с baigneus'ами *. Прочее время работаю и провожу в горах, которые здесь необыкновенно приятны: мохнатые и добрые, как коровы; снег и «вершины» — больше на открытках, или, если подняться в Superbagniéres (возит гусеница) — и то в случае если туман не съел Maladett'y.

Живу в очень хорошей и интересной семье фр⟨анцузского⟩ академика Lot, чья жена Мирра Ивановна Бородина в 12 году занималась с вашим сыном вместе с другими русскими подростками в Chantellen (рядом с Fontenay aux Roses) [1]. И вот она просит вас сообщить, не знает ли ваш сын что-либо о судьбах следующих лиц: соученицы его Нины Бердниковой, Кости (фамилии не помнит, отец был «трудовик», умер на Капри) и «дяди Орехова». Если известны — то желательны адреса этих людей.

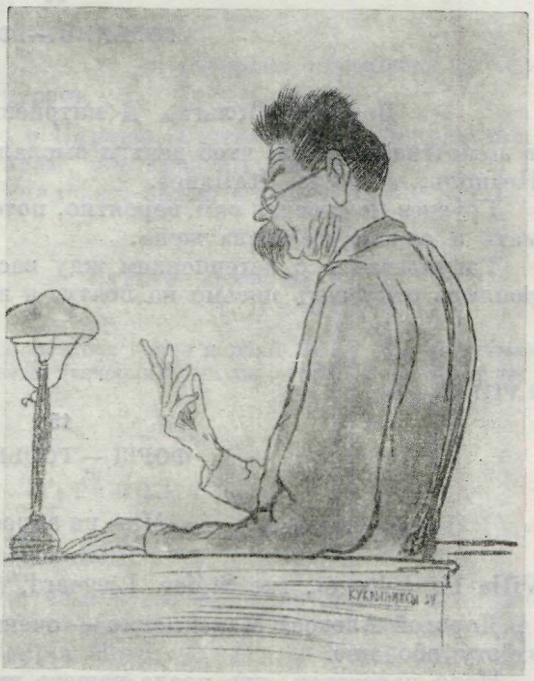
Я хочу пробыть здесь август, непременно побывать в Лурде, досмотреть, как и что там католики. Начиная от Лиможа на юг все города завидуют Лурду, все «республиканские» кюре грызут локти, изыскивая «миракли» — так сообщил мне человек под вывеской «Сапожник Генриха IV» в г. Каоре. Ехав сюда, по два-три дня останавливалась в «мертвых» городах, мало прославленных гидом, где никакие англичане не слезают,— и осталась очень довольна. Особенно этот городишко Каор, где свиньи роют трюфели по склонам гор и возвышаются над рекой башни нигде не виданного моста, изумительного (XII в.) Valentré. И народ не скрывается, говорит про свою жизнь, как говорили Одиссею встречные замечательные и обыкновенные греки. Люшон же как город — просто курорт. Как все курорты русскому испорчены Тургеневым. Преодолевать его (как пришлось в Версале преодолевать «Мирискусников» [2], чтобы свежо увидать XVIII век) — мне лень и не туда направлены мысли. Много прекрасного попорчено писателями, которые видят ярко, но «специально». И «Лурда» Золя не хочу перечитывать, потому что он все-таки написан à thèse с немудреной задачей потопить клерикалов И топить-то нечего! А вот люди, народ, со всего мира, и кто читал и не читал Золя — идут пуще прежнего. Это что? Кто они, какие, чего и почему хотят? Это мне и хочется узнать. Наблюдения над работой кат⟨олических⟩ миссий, которых уже довольно у меня набралось,— очень грустны. Как ни подправляют — живого немного.

Ну, об этом длинный разговор и лучше после Лурда, когда «досмотрю» и приеду в Италию. Да, в сентябре решительно хочу в ваши края, если, как хотели, достанете мне визу. И еще большая просьба, Алексей Максимович! Не можете ли вы, когда будете по собств⟨енным⟩ делам писать в *Ленгиз*, попросить, чтобы они прислали то, что должны мне по договору *за август* (*пятьсот рублей*), *прямо в Неаполь на ваше имя*. Если написать в августе, к сен⟨тябрю⟩, может быть, и вышлют. Я считаю, что Ленгиз должен мне это сделать (т⟨о⟩ е⟨сть⟩ выслать долларами), потому что писателям, долго пребывающим за границей, всем это делают. Паспорт мне выдан

---

* банщицами (франц.).— *Ред.*

ГОРЬКИЙ
Дружеский шарж Кукрыниксов, 1934 г.
Музей Горького, Москва



на год, пробыть я собираюсь полгода, т⟨о⟩е⟨сть⟩ до октября, и книгу дать о Западе. Путешествовать, лечиться и жить без денег довольно мудрено. И просто неумно, что делают такие затруднения с отправкой пишущему для *своей же* родины. За июль обещали мне выслать 500 руб. (столько полагается мне по договору ежемесячно, пока не выйдет вся сумма за 6 томов), а на днях сын написал, что переведут только *200*. Простите, что беспокою вас своими делами. Но опыт научил, что надо о гонораре хлопотать заблаговременно. И в тот короткий срок, который могу пробыть в Неаполе, Риме и Венеции,— хотелось бы уж не иметь материальных забот. Кроме того, надо, чтобы знали, что деньги *нужны не зря, а для поездки в Италию* (про кот⟨орую⟩, конечно, напишу). Ответьте правду, если вам это неприятно почему-либо (упоминать о высылке мне на ваше имя Ленгизу), то надо успеть попытаться как-нибудь иначе достать деньги. Может быть, найдутся у ваших знакомых какие-нибудь люди, которым важно получить деньги в России (многие ведь посылают). Они бы получили мои деньги, а я бы здесь франки или лиры, конечно, так, чтобы у них не вышло потери. Обидно, что у меня русских денег достаточно, да перевести нельзя или уж очень хлопотно и долго, а времени у меня осталось немного.

Илье Груздеву писала о своих денежных делах, но ответа нет. Предполагаю, что он в отпуску. Имеете ли вы от него известия и не знаете ли где он?

Словом, жду от вас ответа и совета как мне быть.

Будьте здоровы.
Ольга Ф о р ш

[1] Сын Горького — Максим учился в школе под Парижем, руководимой русским эмигрантом И. И. Фидлером.

[2] Художники группы «Мир искусства» — А. Н. Бенуа, К. Сомов и другие воссоздали в своих картинах стилизованный образ Версаля.

14

ГОРЬКИЙ — ФОРШ

〈Сорренто. 9 августа 1927 г.〉

Дорогая О〈льга〉 Д〈митриевна〉 —

в Ленотгиз написал, чтоб деньги выслали на мое имя возможно скорее: Неаполь, «Credito Italiano».

Груздев не отвечал вам, вероятно, потому, что у него, бедняги, умерла мать и опасно заболела жена.

Разумеется — с нетерпением жду вас. Простите, что не пишу,— тороплюсь отправить письмо на почту, я ведь живу далеко за городом.

Всего доброго.

А. П е ш к о в

9.VIII.27.

15

ФОРШ — ГОРЬКОМУ

20 VIII 1927.

Мне на адресе надо писать улицу и виллу, а то письмо может долго ходить.

Villa Paul Roger, rue Stéfen Liegeard, (chez Lot) Luchon.

Дорогой Алексей Максимович — очень, очень благодарю вас за вашу заботу обо мне.

Надо надеяться, что после вашего письма Ленгиз, наконец, вышлет деньги. Буду ждать от вас о том извещения, а если окажется и виза, то немедля и двинусь.

Прошу вас сообщить — очень ли придирчивы на итальянской границе к книгам и рукописям, чего доброго, все записки отберут? И что сделать, чтобы не отбирали?

И еще: в случае, если ехать сушей, а не морем,— могу ли остановиться на день-два в городах, которые по дороге? Или для этого нужна русскому еще особая бумага.

Будьте здоровы и, надеюсь, до скорого свидания, которого очень хочу.

Ольга Ф о р ш

16

ГОРЬКИЙ — ФОРШ

〈Сорренто. 26 августа 1927 г.〉

Дорогая Ольга Дмитриевна —

характеры италийских чиновников мне лично не пришлось изучить, по рассказам же лиц, посещающих меня, тутошние чинуши особенной свирепостью не отличаются. Рукописи — не трогают. Если вас на границе спросят: куда держите путь? — скажите: ко мне (т〈о〉 е〈сть〉 к Горькому). Это — помогает. Однако предупреждаю: становясь любезнее, власти усиливают слежку за путешественниками.

В градах и весях попутных останавливаться не воспрещено и особых бумажек для сего не требуется.

О получении денег немедля извещу. А визу вам высылать в Париж, в итальянское консульство или — куда?

Всех благ!

А. П е ш к о в

26.VIII.27. Sorrento.

17

ГОРЬКИЙ — ФОРШ

⟨Сорренто. 10 сентября 1927 г.⟩

Дорогая Ольга Дмитриевна —

визу вы можете получить только в Париже, в италийском консульстве; визы выдаются лишь на руки лицам, кои требуют их.

Груздев сообщил мне, что ГИЗ не может выслать деньги на мое имя,— писал ли я вам об этом?

Очень жду вас![1]

Будьте здоровы.

10.IX.27. Capo di Sorrento. А. Пешков

[1] Форш приехала к Горькому в Сорренто в конце ноября 1927 г. См. ее статью «В гостях у Горького».—«Красная газета» (вечерний выпуск), 1928, № 12, от 13 января.

18

ФОРШ — ГОРЬКОМУ

⟨Париж, начало декабря 1927 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

Я забыла вас попросить вот о чем: в случае, если Ленгиз все-таки надумает мне выслать деньги—то перевести их в Париж на имя моей дочери. Адрес такой: M-elle Nadine Forch. 2, rue et Hôtel Lhomond (Paris V). Очень буду благодарить. А если мне придут письма, то, пожалуйста, их в Берлин: Herr Ovady Savitch. Berlin-Halensee. Joachim Friedrichstrasse 52 II bei Hoppe. (Прошу Ивана Николаевича[1] и в «Минерве»[2] сказать — я забыла).

Жду письма от сына. Марья Игнатьевна уехала сейчас, а я в понедельник.

Будьте здоровы и до скорого свиданья.

Очень,очень рада, дорогой Алексей Максимович, что узнала вас ближе.

Всему дому мой привет.

Ольга Форш

Датируется по ответному письму Горького.

[1] И. Н. Ракицкого.

[2] Отель напротив дома Горького в Сорренто.

19

ГОРЬКИЙ — ФОРШ

⟨Сорренто. 16 декабря 1927 г.⟩

Многоуважаемая графиня Ольга Дмитриевна —

посылаю вам разрушенную Асеевыми[1] книгу «Современники» и письмо Груздева с требованием «индивидуальных мотивов». Хлещет черный дождь, электричества нет, и ничего не вижу, хотя — в очках. Такая проклятая погода бывает только в Бергене, чем он и славен. От гнусного поведения природы у меня в душе темно-коричневый мрак, и я чувствую себя всесторонне обманутым, как молодая юноша, из которой вымочили все прекрасное, снабдив его насморком и угрожая ему бронхитом. И протекает потолок.

Тем не менее Асеевы уехали на Максиме[2] в Кастелламаре и, если они не утонут в потоках, это будет удивительно.

Почему вы прислали мне оскорбительную открытку с изображением каменной виселицы?[3]

Думаете ли вы написать мне — однажды — письмо закрытое и длинное? Будьте здоровы и не забывайте меня, дорогая О〈льга〉 Д〈митриевна〉.

А. Пешков

16.XII.26. Capo di Sorrento.

Письмо датируется по содержанию. Горький ошибочно написал: 1926 г.

[1] Николай Николаевич *Асеев* и его жена Ксения Михайловна гостили в это время у Горького в Сорренто. См. статью Н. Асеева «В гостях у Горького» в кн.: «Горький. Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком», под ред. И. Груздева. М.—Л., Госиздат, 1928). В этой статье рассказывается также о пребывании Форш у Горького.

[2] М. А. Пешков ездил с Асеевыми в Кастелламаре и, как всегда, сам правил машиной.

[3] На открытке, посланной Форш Горькому в начале декабря 1927 г. с видом площади Мадлен в Париже, резко выделялся угол здания с двумя колоннами.

20

ГОРЬКИЙ — ФОРШ

〈Сорренто. 6 января 1928 г.〉

Многоуважаемая и генеральская дочь!

Остатками сил старческой души моей благодарю вас за то, что вы, наконец, оказались именно в том пункте земного шара, куда обещали прибыть[1], и что я ныне имею, кажется, достаточное основание считать вас вживе и здраве. А то уж я думал, что вас унесло в Индию или Австралию. Посылаю вам письма, вложенные в конверт с надписью на нем: «Передать О. Д. Форш». Это вы и есть О. Д. Форш. Надпись на конверте сделана потому, что я хотел послать письма Груздеву, ибо ваш адрес мною замечательно потерян.

Так как вы имеете прекрасную привычку дарить ваши книги,— вистую, посылая вам мою[2]. Книга — солидная. Рекомендую читать ее по средам и пятницам, во дни постные, мне кажется, что от этого она будет интереснее. Предупреждаю — из человеколюбия: второй том будет толще. А один китаец в IX в. до Р. Х. написал книжечку, поднять которую могут лишь четверо людей — тоже китайцев — обладающих не дюжинною силой.

Гражданка М〈ария〉 Б〈удберг〉 прислала мне с дороги между Польшей — Эстонией — Румынией и Парижем длинное, карандашом написанное письмо, которое носит характер акафиста Ольге Форш. В этом же тоне говорит о ней — О〈льге〉 Ф〈орш〉 — евразиец Сувчинский[3], проживающий в «Минерве» купно с одним из потомков Святополка Окаянного[4]. О ней же — О〈льге〉 Ф〈орш〉 — скучает известная Тимоша. И все это, в сущности, возмутительнейшее идолопоклонство.

Мною послано вдогонку вам несколько писем на Берлин, Тверь, Кременчуг и Астрахань. Все эти письма — из Парижа, кажется. После долгих трудов мною же открыт адрес Бабеля: 15, Villa Chanbelot. Paris, XV.

Разрешите не терять надежду, что вы мне пришлете обещанные порнографические и иные книги, о чем в письме вашем не сказано ни слова.

К сведению: Святополк Окаянный — бывший князь, спец по истреблению единокровных братьев.

Желаю вам доброго здоровья и всяких радостей и успехов.

А. Пешков — бывший ребенок

До свидания.

6.I.28.

[1] Т. е. в Ленинграде.

[2] «Жизнь Клима Самгина». Берлин, «Книга», 1927.

[3] Петр Петрович *Сувчинский* — литератор-эмигрант, один из участников программного сборника «евразийцев» «Исход к востоку» (София, 1921). О «евразийцах» см. письмо 6, прим. 4.

[4] Дмитрий Петрович *Мирский* (Святополк-Мирский, 1890 — 1937)— литературовед. Был в эмиграции, вернулся в СССР. См. о нем в письме Горького к М. Е. Кольцову от 23 июня 1932 г. — «Новый мир», 1956, № 6, стр. 56.

21

ФОРШ — ГОРЬКОМУ

‹Ленинград. Конец января — начало февраля 1928 г.›

Алексей Максимович! Здравствуйте!

Наконец, могу поручиться, что книги, столь гривуазно вами аттестованные (некий совр‹еменный› Пушкину критик — так же «выразился» на предмет «Руслана и Людмилы» — поздравляю вас, сударь, с единомышленником) — на пути в Сорренто![1]

Содержание: 1) Цыганы
2) Медный всадник } А. С. Пушкина
3) Деревня, карт. Верейского, текст О. Форш
4) Портреты р‹усских› х‹удожников›

Получил ли Макс Алексеев — «Чухонина»[2]? Все шаги были сделаны. Если нет,— приобрету и немедл‹енно› вышлю. Писать мне вам, после побывки, стало очень трудно. Разбаловалась разговорами — бумага раздражает. И тоскую. И солнца нет ни с свиной пятачок. И телефоны дробью...

АВТОГРАФ ПИСЬМА О. Д. ФОРШ К ГОРЬКОМУ ОТ НАЧАЛА ДЕКАБРЯ 1927 г.
Написано на открытке с видом площади Мадлен в Париже
Архив Горького, Москва

Дела же таковы: для известной вам пьесы[3], кот⟨орая⟩ разрастается уже на весь «горьковский материал», я почла за благо «сомкнуться» с биографом вашим Ильей Груздевым. Он досконально знает все многотомие и, как Вий, молниеносно указует где — что (для рабочих, мужика, купца и т. п.). Ибо добра у вас — в всесоюзном масштабе! Будем значит работать вместе. Подробно, пока не сделаю, говорить не хочется. Будет готово — пришлю. Беда, что не могу сейчас с головой в это дело уйти, необход⟨имо⟩ сдавать рассказы.

Была на вашей выставке в Пушкинском доме[4]. Портретов тьма — но весьма немногие писаны с вас (силуэт Кругл⟨иковой⟩[5] хорош). Прочим же позировали: либо беглые каторжники (и не полит⟨ические⟩, а крупноуголовные), либо солдатские большие чайники, либо незаконные сыны то ли К. Фофанова, то ли К. Бальмонта (репинский расхлябанный юнош)[6].

У тов. Ракицкого портрет похож глазами — усами, носом же — не вполне[7]. Кланяйтесь ему (Ракицкому), снился — уж не ворожит ли на меня!

Всем кланяйтесь крепко. Дарье и Марфе прошу передать замечат⟨ельные⟩ открытки Петергофских фонтанов. Пусть похваляются перед «дюком»[8]. Пусть чтут фонтаны родины! Не похуже итальянских. Гражданке Мар⟨ье Игнатьевне⟩ — пишу особо завтра, на вас, надеюсь, она уже не в бегах?! Нежный цвет Тимошу целую, Максу Алексееву вечная благодарность, что сопричел меня своей машине и промчал по италийским эмпиреям. Сейчас, без солнца — вот когда досматриваю города, горы, четырехногую радугу и трехэтажное (Honny soit qui mal y pense *) синее, бирюзовое, снежнопенное море с высот Позитано. Не ожидала, что физически так трудно перемахнуть из климата S⟨orrento⟩ — на Литейный пр. Даже главное не солнце, а сырость и мзга. Морозы всё не встают прочно.

Было выступление «Христос и Антихрист»[9] — богоспецы, живцы, мертвяки. Жаль, что чухонско-буддийского вахмистра нет. Батюшки говорили стихами, высокой и низкой прозой и политграмотой. Угробили сами себя, и красный проф⟨ессор⟩ зафиксировал: «вопр⟨оса⟩ об Хр⟨исте⟩ и Ант⟨ихристе⟩ — уже *метафизически* нет *в природе*, вопрос ставился здесь представителями церквей лишь о том, у кого он в „*приходе*“». Дожил бы В. Соловьев, свои труды б бросил, пожалуй, на бильярде бы стал играть. Один батюшка (старый) выразился: «если тихоновцы черные раки, то обновленцы... раки вареные»[10]. Finis. Больше на них ходить не стоит. Лучше не скажут.

А евразийца Сувчинского я не знаю, видала однажды безмолвно, а разговоров никаких не вела, так что симпатия его неосновательна. Спутал с кем!

Илья Груздев очень просит выслать сейчас же тот набросок, кот⟨орый⟩ я с вас сделала, а вы кооптировали. Его вышлют сейчас же вам обратно, если хотите,— он нужен в сборник [11] на ваше поношение.

Прошу вас отметить, что «странички»: «Как живет и работает М. Г.» мною не написаны. Пришлось только защитить вас от слуха, будто американец некий везет вас на показ в Америки (обе!). Утверждаю, что будете весной *здесь*[12]. Чего очень и жду.

Ольга Ф о р ш

Датируется по сопоставлению с письмами 20 и 22.

[1] Речь идет об изданиях Комитета популяризации художественных изданий при Российской Академии истории материальной культуры:
А. С. П у ш к и н. Цыганы. Рисунки Л. Ф. Майделя. Пг., 1924.

---

* Да будет стыдно тому, кто об этом дурно подумает (франц.).— *Ред.*

А. С. Пушкин. Медный всадник. Петербургская повесть. Иллюстрации Александра Бенуа. Редакция текста и статья П. Е. Щеголева. СПб. (издание было отпечатано в 1917 г.— *Ред.*), 1923.

Г. Верейский. Деревня. Рисунки на камне. Текст О. Форш. Л., 1924.

«Портреты русских художников». Автолитографии Г. С. Верейского. Тетрадь первая. Пг., 1922.

[2] Абрам Эфрос и Николай Пунин. С. Чехонин. М.—Пг., Госиздат, [б. г.].

Сергей Васильевич *Чехонин* (1878—1937) — график, был членом объединения «Мир искусства». В первые годы революции иллюстрировал множество советских изданий, работал по росписи фарфора. В 1928 г. эмигрировал в Париж.

[3] Пьеса «Начало пути» была написана Форш совместно с И. Груздевым по автобиографическим повестям Горького (М.—Л., «Искусство», 1941 г.).

[4] Выставка, посвященная 35-летию литературной деятельности Горького, в Пушкинском доме при Академии наук СССР была открыта 29 декабря 1927 г.

[5] Елизавета Сергеевна *Кругликова* (р. 1865—1941)— художник, график. На выставке был представлен силуэт Горького, сделанный в 1921 г. (хранится в фондах Музея А. М. Горького).

[6] Имеется в виду портрет Горького работы И. Е. Репина 1899 г. (масло) (Русский музей. Ленинград).

[7] Экспонировался портрет работы И. Н. Ракицкого 1927 г. (хранится в фондах Музея А. М. Горького).

[8] «Дюк» — домашнее прозвище герцога Серра Каприоло — хозяина дачи, где жил Горький.

[9] Диспут на тему «Христос и Антихрист», организованный Ленинградским союзом безбожников, состоялся в январе 1928 г. в помещении Ленинградской академической филармонии. См. о нем в журнале «Антирелигиозник», 1928, № 2.

Впечатления от этого диспута и ряда других легли в основу рассказа Форш «Живцы» (в кн.: «Пятый зверь». М., Госиздат, 1928).

[10] Речь идет о двух направлениях в русской православной церкви, сложившихся в двадцатых годах. «Живцы», «обновленцы» — сторонники так называемой «живой церкви» — движения, руководимого митрополитом Антонином (А. А. Грановским, 1860—1927), стремившимся приспособить церковную организацию к условиям советской действительности.

«Тихоновцы», они же «мертвяки» в противоположность «живцам» — сторонники патриарха Тихона (Василия Белавина, 1865—1925), возглавлявшего ортодоксальные церковные круги.

[11] В кн.: «Горький. Сборник статей и воспоминаний» под ред. И. Груздева (М.—Л., 1928) помещена статья Форш «Портреты», посвященная анализу портретных изображений Горького. Рисунок Форш воспроизведен не был. Опубликован в кн.: «Портреты Максима Горького». Изогиз, М.—Л., 1932, стр. 22.

[12] Горький приехал в СССР 27 мая 1928 г.

22

ГОРЬКИЙ — ФОРШ

⟨Сорренто. 16 февраля 1928 г.⟩

Многоуважаемая
мелкобуржуазная гражданка
и бывшая генеральская дочь!

Благоустроенный вами чайник сломал себе крышку, и синяя веревочка на ручке его, перепрев, распустилась. Соблаговолите ли вы в спешном порядке приехать сюда для реставрации чайника или же распорядитесь прислать оный чайник с присовокуплением веревочки вам в Ленинград? Третьего выхода из создавшегося положения — не вижу.

Затем — сердечно благодарю: получил превосходнейшие издания Академии [1] и купно со чады и домочадцы полюбовался ими вдосталь. И послал пославшим благодарность мою, очень пылкую притом. Соловей [2] пишет эскизы к «Памфалону»[3],— хорошо пишет. Целые дни пишет.

А кто это «Чухонин», которого я должен был получить. Чехонин[4]? Не получил я и порнографических стихотворений, вами обещанных, а без них — не могу жить. За сравнение с беглым каторжником покорнейше благодарю вас. Разрешите заявить, что вы похожи на Екатерину

Брешко-Брешковскую в молодости. Незаконным сыном Бальмонта я тоже не могу быть, ибо он, Б〈альмонт〉, родился после того, как я сделал это. Напрасно обижаете. А вот у вас есть что-то общее с папессой Иоанной. Да. А вот у меня в гостях были три поэта[5], но я вам о них ничего не скажу и даже имен не назову,— и пусть любопытство раздраженное доведет вас до бессонницы.

Милая О〈льга〉Д〈митриевна〉! Чудеснейший вы человек, честное слово! И не я один говорю это, а — все, хором, титулованные и которые просто люди. Трогательно восхищается вами Тимоша. Очень хорошо, что вы — есть и что я совершенно точно знаю это. Одно плохо в характере вашем: привычка писать письма вдоль и поперек, а также наклонность к вводным предложениям. Чехов, Антон, тоже литератор, называл вводные предложения «соседние барышни». Ну, это господь простит вам. Он и не такие грехи прощает.

Будьте здоровы и до свидания!

Самовар у вас есть? Я — чтобы посидеть с вами у самовара, часов пять. Вьюга свистит за окном, хулиганьи шансонетки поет, а мы с вами враждебно чай пьем и — вы меня, а я вас — ругаем. Упоительно! Груздеву же — привет.

А. Пешков

16.II.28.
Sorrento.

[1] См. письмо 21, прим. 1.
[2] Соловей — И. Н. Ракицкий.
[3] См. письмо 23, прим. 4.
[4] См. письмо 21, прим. 2.
[5] Поэты И. Уткин, А. Безыменский и А. Жаров гостили у Горького в Сорренто в феврале 1928 г.

23

ФОРШ — ГОРЬКОМУ

〈Ленинград.〉 26 апреля 1929.

Дорогой
Алексей Максимович,

посылаю вам свою новую книгу «Под куполом» [1], где «Лурдские чудеса» — посвящены вам. По-моему они вышли удачней прочего, кроме того, запомнилось, как хорошо вы смеялись, когда я вам кое-что оттуда рассказывала в лицах.

Мне очень грустно было, Алексей Максимович, что не привелось увидеть вас и побыть с вами как следует, по-настоящему. Я разболелась в Ессентуках, а потом, по приезде — в Ленинграде и разъехалась с вами.

Надеюсь, что еще непременно встретимся с вами и так же хорошо, как в Сорренто.

Я написала только что пьесу, которая худ〈ожественным〉 советом Госдрамы (б. Александринка) принята единогласно к постановке и очень одобрена. Ставить будет Н. В. Петров [2]. Пойдет пьеса осенью для открытия сезона. Зовется «Причальная мачта»[3], а содержание своими словами рассказывать не стану, а пришлю как только выйдет из печати вам на критику. Пьеса эта во всяком случае не *та*, которую затеяла было писать еще у вас [4], а совсем нечаянно для себя самой — написала другую. От прежней есть в черновиках три акта, и к ней вернусь непременно, умудрившись театральным опытом.

Принялась было за роман — но как-то неохота. Драматургический запал еще не разрядился одной пьесой, с разбегу еще хочется работать для театра.

Тянет меня издавна к комедии. И думаю сейчас, когда новый быт уже во многом не только «на переломе» — а отстоялся и кое в чем грозит перейти и в статику,— можно дать его уже не одним шаржем и однодневкой. И вот прошу вас, дорогой Алексей Максимович, «поискаться» для меня в несметном обилии виденного вами и указать на «материал» и темы. Буду очень благодарна и приму к сведению.

Часто вспоминаю, как хорошо было мне у вас и с вами. Шлю душевный привет Марье Игнатьевне, милой Тимоше, Макс⟨иму⟩ Алексеевичу, Ивану Николаевичу, дуку с дукинями и парным фокстерьерам, если не сбежали. Марью Игнатьевну прошу очень сообщить мне, как дела с американским изданием «Одеты камнем» [5] и вообще с ее переводом? Вышла ли книжка, выйдет ли? Писала ей два раза безответно. Верно, она была в своей труднопроизносимой стране, и мои картинки до нее не дошли.

23 мая я еду в Ессентуки опять — ибо, к сожалению, энергии на мой пай отпущено больше, чем здоровья.

Всю зиму болею.

А вы — будьте здоровы и напишите мне хорошее письмо.

Адрес прежний: пр. Володарского, д. 9, кв. 6.

Любящая вас Ольга Форш

Ответное письмо Горького от 7 мая 1929 г. опубликовано в т. 30, № 960.

[1] Ольга Форш. Под куполом. Л., «Прибой», 1929. См. отзыв Горького об этой книге в ответном письме Горького (т. 30, № 960).

[2] Николай Васильевич *Петров* (р. 1890) — народный артист РСФСР, в 1928 г.— директор и художественный руководитель Ленинградского государственного академического театра драмы им. А. С. Пушкина.

[3] Пьеса «Причальная мачта» напечатана в «Звезде», 1929, № 10. См. также: Ольга Форш. Собр. соч., т. V. М.—Л., Госиздат, 1930. Пьеса была поставлена Ленинградским государственным академическим театром драмы им. А. С. Пушкина в октябре 1929 г. (режиссер-постановщик Л. С. Вивьен).

[4] В воспоминаниях «Из переписки с Горьким» Форш пишет: «Я сделала в Сорренто попытку написать пьесу, в которой кое-что взято из рассказа Лескова „Скоморох Памфалон“. Художник Ракицкий, живший у Горького, стал делать эскизы к воображаемой постановке» («Звезда», 1945, № 2, стр. 105).

Об этой же пьесе Форш писала Горькому 29 декабря 1927 г., т. е. сразу же по приезде в Ленинград из Сорренто: «Проездом здесь Мейерхольд. Рассказывала ему, что вам понравился пропущенный через меня его гоголевский „Ревизор“ — уф! Оговорилась, что добрую половину наврала (он собирался на буд⟨ущий⟩ год в турне именно с „Ревизором“) — если здесь весной не захватите, обязательно проверьте мою интерпретацию хоть темы. Он посократил и, верно, еще теперь лучше.

Предложил к весне дать пьесу. Я должна спешно сейчас сдавать „Западные впечатления“, а потом вплотную примусь за то, что начала в Сорренто, как только первый акт будет готов — вам пришлю» (АГ).

Работа над пьесой не была завершена.

[5] См. письмо 4, прим. 3.

24

ФОРШ — ГОРЬКОМУ

⟨Ленинград.⟩ 12 V 1930.

Дорогой Алексей Максимович,

не считайте, что я вас обманула или ленюсь работать. Настоящий матерьял для «Человека в производстве» [1] будет у меня только к июлю-августу. Петру Петровичу [2] недавно в Москве я об этом говорила и просила передать вам.

К тому, что зовется очерком, у меня нет никакого вкуса. Эти очерки сейчас, что пескари в пруду, толкутся стаями, а всё не рыба. Конечно, они полезны и необходимы, но даже самые удачные не запоминаются, если не найдена особая художественная форма (Лаврухин «В поисках героя» [3]).

Мне хочется о Московской области, производство которой я избираю для своей новой работы, дать книгу в том примерно стиле, как написано у меня про Запад («Под куполом»). Для этого, конечно, надо времени побольше. Еду в конце мая в Москву, где пробуду до начала августа.

Сейчас же заканчиваю «Сумасшедший корабль» (в «Звезде») [4], где вам, не посетуйте, отводится жилплощадь на целую главу. Для уплотнения и «обрамления» попадут к вам Уот Уитмен и Васька Буслаев. Относительно последнего прошу сообщить, много ли осталось у вас под спудом? [5] Из напечатанного мне известна лишь «Похвальба» в «Моих университетах»[6]. Кажется, больше нет нигде. И какое отношение имеет пьеса Амфитеатрова [7] к этой вашей теме?

Радуюсь, милый Алексей Максимович, что увижу вас. Только были бы здоровы и не откладывали свой приезд.

Шлю поклон всему семейству и добрую память уже о далеких днях в Сорренто.

Ваша Ольга Ф о р ш

Ответное письмо Горького от 8 июня 1930 г. опубликовано в т. 30, № 986.

[1] «Человек в производстве» — книга, задуманная под влиянием Горького, предложившего Форш написать ряд очерков для журнала «Наши достижения». Позднее (в 1931—32 гг.) Форш писала Горькому об этом своем начинании: «Посылаю вам на оценку и главу из предполагаемой новой книги „Человек в производстве", о которой говорили с вами утром, среди рябушинского великолепия. Хотелось бы знать, посылать ли вам следующую главу, *о заводских газетах*, в таком же роде, или лучше по вашему впечатлению больше дать упора на рассказ и вообще беллетристику?

Основная тема всей книги — защита *полноценности человека* при механизации производства» (АГ).

О характере задуманной Форш работы, посвященной заводским газетам, позволяет судить записка писательницы, хранящаяся в рукописном отделе ИМЛИ.

«...Свой вклад я предлагаю дать в форме работы: — *Литература заводской газеты.*

Ведь завод — это микрокосм, отражающий жизнь всего громадного Союза в своей газете, и потому все в ней интересно, все — *история*» (Отдел рукописей ИМЛИ, II—7494).

В воспоминаниях «Из переписки с Горьким» Форш рассказывает о дальнейшей судьбе этой книги.

«Относительно производственных очерков, о которых были разговоры (Алексей Максимович взял с меня обещание написать серию очерков для „Наших достижений"), произошло на практике следующее: после неоднократного посещения текстильных фабрик у меня получилась только одна работа „Хамовное дело" (напечатана в книжке моей „Боковая функция"). Для дальнейшего у меня не хватало специальных знаний, и я написала Алексею Максимовичу, что нужна многолетняя подготовка, специальное образование, во всяком случае очень серьезное вживание в новое писателю дело» («Звезда», 1945, № 2, стр. 106).

В 1932 г. Форш опубликовала в «Литературной учебе», № 5 статью «Заметки о языке стенгазет».

[2] П. П. Крючкову.

[3] Дм. Л а в р у х и н. По следам героя. Записки рабкора. Л., «Изд-во писателей в Ленинграде», 1930.

[4] О. Ф о р ш. Сумасшедший корабль.—«Звезда», 1930, №№ 2, 3, 4, 6, 12. В главе «Волна седьмая» (№ 12) Горький изображен под именем Еруслана.

[5] В 1912 г. на Капри Горький предполагал написать о Василии Буслаеве пьесу или либретто для оперы с участием Ф. И. Шаляпина. Сохранился ряд стихотворных набросков. См. «Архив А. М. Горького», т. VI. М., Гослитиздат, 1957, стр. 132 — 134. См. также письмо Горького Форш от 8 июня 1930 г. (т. 30, № 986).

[6] Форш имеет в виду «хвастливый Васькин монолог», приведенный Горьким не в «Моих университетах», а в очерке «А. П. Чехов».

[7] А. А м ф и т е а т р о в. Василий Буслаев. Ревель — Берлин, «Библиофил», 1922.

25

ФОРШ — ГОРЬКОМУ

〈Ленинград.〉 Ноябрь 30, 1930.

Дорогой Алексей Максимович,

здравствуйте! Не сердитесь, что давно не пишу вам, зато крепко думала о вас,— чему доказательство получите в декабрьской книжке «Звезды».

Окончательное ваше суждение о «Сумасшедшем корабле» прошу отложить до выхода его целиком [1].

Недавно было у меня впечатление, что повидалась с вами персонально, ибо подняла вашего «Клима» одним махом. Подробный разговор откладываю до встречи весной, сейчас только скажу, что за Лидию посердилась. Уж и выдали вы ее замуж! А тут Илья Груздев сделал мне сообщение из вашего последнего письма о том, кому просватали «безумную девушку» — ну и сват! А в наказание вам, что неосновательно попрекаете «Памфлетом», вручу-ка я вам весной рукопись в 10 картинах с балетными и цирковыми нумерами и повеселюсь, что вы с ней будете дальше...

Летом, несмотря на недуги, старалась честно добыть вам обещанный материал (по производству). И не сетуйте на меня за то, что переплавился он в «Черный фонтан» [2] — книжку для детей невинного возраста. Единственная причина — честность литератора.

Чтобы писать без спецобразования о производстве, нужна или «легкость мыслей необыкновенная», или очень длительное и серьезное вживание в это новое для писателя дело. Хлестаковщиной не пленяюсь, а на второе, к сожалению, просто не хватило здоровья. Пришлось лечиться летом серьезно. Итак, познаний по производствам, оживленных фабулой, хватает только для ребят.

Очерки для читателя — право скучны, за очень малыми удавшимися исключениями, писателей, которые поселились в колхозах и т. д.

Очерки большинства — словно вдвинутое в мозги сито. Сеют, сеют, а в памяти не оседает.

Попытаюсь все-таки изобрести особый «маленький фельетон». Печально, что у нас юмор мало понимают и ценят — а без него получается оскомину набившее «задание».

Алексей Максимович, вы мне заблаговременно сообщите, когда именно думаете быть в Питере или Москве (весной ли, летом?) Мне уже скоро надо устраиваться на лечение в Боржом. Хочу сроки согласовать с вами.

Сейчас, между прочим делом, расплачиваюсь за вашу славу. Навожу критику на присланные вам рассказы в «Литучебу»[3]. Пока мало свежего, стараются писать похоже на чье-то прочитанное, чтобы поглаже. Хотелось бы, хоть коряво, косноязычно,— но *свое*. Поражает отсутствие глаза и языка в наблюдении нового быта. Все переменилось, а пишут, словно скатывают с допотопной «Нивы», заменяя только полицейского — милиционером и т. д.

Значит ли это, что, за исключением подлинных самородков, творчество уровня *среднего* не в силах оформиться без вполне отстоявшейся новой культуры? И удивительно, почему столько людей хотят быть художниками слова, не имея на то данных, между тем, как никому и в голову не придет учиться музыке без особых на то способностей. Худ〈ожником〉 слова между тем обречен быть только тот, кто, хоть в ступе его толки, не быть им не может. По-моему, лучше и честней от художества словесного удерживать, указывая на применение мысли и способности ее формулировать в иной, простейшей форме. Ведь вдребезги разобьется, если приохотить его к тому, на что «орудий производства» у него нет. Или вы того мнения, что та особая «литературная музыкальность», которая необходима

художнику слова, может быть развита, даже не будучи врожденной? По рисов<альной> школе [4] знаю — кто краски не видит от природы, идет по графике. Письма же молодых, прилагаемые к рукописям, очень интересны. Тут говорят «своим языком». Один юнош вам советует — «Крепитесь, А<лексей> М<аксимович>, и крепите нас!» Лучше не придумать,— ставлю точку. Кланяйтесь от меня всему вашему памятному дому, большим и малым, Петру Петровичу, если еще у вас, и молодоглазому Дуке с дукессами.

Будьте здоровы и непременно приезжайте.

Жду вас.

Ольга Ф о р ш

За ваше письмо и стишок— благодарю. Только до «надзвездного» переселения надо бы еще на тихой земле повидаться [5].

[1] О. Ф о р ш. Сумасшедший корабль. Л., «Изд-во писателей в Ленинграде», 1931. Книга послана с дарственной надписью: «Дорогому Алексею Максимовичу. С чувством давней близости. Ольга Ф о р ш. 1931, 17 май» (ЛБГ).

[2] Книга не была издана.

[3] Статья Форш, посвященная разбору рассказов одного из начинающих писателей, была напечатана в «Литературной учебе», 1931, № 8, в разделе «Письма из редакции». В первых номерах журнала за 1930 г. в этом разделе печатались статьи Горького.

[4] Форш училась в рисовальных школах в Киеве и Одессе. До 1917 г. преподавала рисование в киевской средней школе, а позже — в г. Пушкине.

[5] См. письмо Горького к Форш от 8 июля 1930 г. (т. 30, № 986).

26

ГОРЬКИЙ — ФОРШ

<Сорренто. 15 декабря 1930 г.>

Высокопочтенная и неугомонная критикантка! Возражаю.

Действуя по примеру Природы, коя не стесняется злокозненно соединять различных девочек с различными мальчиками, я не считаю себя ответственным за неудачные браки и даже вижу себя великодушнее оной Природы и даже нахожу ее — между нами — глупой, согласно с Артуром Шопенгауэром, немцем настолько талантливым, что многие подозревают в нем еврея. Великодушнее я себя вижу, потому что в действительности — тоже не очень умной — девица, фигуряющая в многотомном романе,— прочитанном вами в поте лица,— фигуряющая под псевдонимом Лидии Варавки — претерпела судьбу еще более густо несчастную и уродливую. Так что я, в некоторой степени, корректирую поступки Природы и действительности, о чем прошу вас покорно упомянуть в памфлете против М<аксима> Г<орького>, изготовляемом вами по социальному заказу марксистского журнала «Звезда».

Нарушение клятвы вашей написать нечто для «Н<аших> д<остижений>» не могу рассматривать иначе, как вредительство и клятвопреступление. Угрозой вашей прислать мне 10-картинную рукопись с балетными плясками и цирковыми трюками,— отнюдь не потрясен, а наоборот, искренно рад — за вас. Ибо: человеков, кои не способны приумножать талантов, евангелие от Матфея грозит ввергнуть во тьму, где «будет плач и скрежет зубов». Не хочу, чтоб вы скрежетали зубами.

В Москве я буду к 1-му мая [1], а к вам попаду чай пить в конце его, т<о> е<сть> — мая же.

«Очерки для читателя скучны» сообщаете вы, чтоб уязвить меня. Не пр-равильно! «Наши дост<ижения>» печатаются 55 т<ысяч>, дайте нам бумаги и в 31 году мы будем печатать 150 тысяч. «Туркменистанские» очерки Н. Тихонова [2] — «высокая форма» и Тихонов — извиняюсь! — утирает нос Гурию Мопассану. И не один Тихонов утирает нос ему, а так-

же многим прочим европейским сочинителям, нет, у нас развелось весьма богато талантливых очеркистов и, между ними, рекомендую вашему вниманию Всев. Лебедева «Полярное солнце» [3].

Эх, вы, Жорж-Занд, Аврора Дюдеван и воплощение скептицизма! Только юностью кучерявой души вашей и могу я объяснить озорство пера вашего. Разрешите напомнить, что известный ученый и военный цензор Евгений Аничков[4] сказал и почти доказал, что «скептицизм на самом деле консервативен». Да-с!

А другой, еще неизвестный и не ученый, совершенно убежден, что жизнь, в конечном счете, является ничем иным как «художественным» творчеством и если сегодня некто лапти плетет, так спустя некое время кто-то неизбежно воспоет оные лапти прелестными и веселыми словами:

«Эх, лапти мои, лапоточки мои».

Это вам не Платон, у которого сначала — идея, а потом — лапти, это — совершенно наоборот. И, заметьте, что никто из поэтов никогда не пел:

Люблю тебя, моя идея,
Мамаша всех мирских вещей!

Старческое легкомыслие мое и опереточное настроение, вероятно, возмутит вас, но, шэр маадам, на серьезный, соответственный возрасту моему лад — я не могу себя настроить. Ибо: третьи сутки дует сирокко, облака мчатся так низко над землей, что Сорренто — не видно, ежечасно хлещет дождь; душно, визгливо, все качается и, вообще,— кавардак! Вина бы выпить, а — не велят; людей никаких нет, книги присылают всё страшные: «Эвропатология личности и творчества Л. Толстого» [5], «Наставление правильно состязаться с раскольниками» [6] и в наставлении этом — соблазнительные слова: «Ересь — значит самомненный выбор догмата». А — надобно читать, потому что хочется узнать: чему поучал, какую ересь выдумал «самомненно» мужик Илларион Коровьи ножки, живший в 1755 г. в Черноболе? А о нем, Коровьих ножках, и нет ничего в «Наставлении». Так и всегда: ищешь усердно, а — бесплодно.

Не сердитесь, а то я вам еще чепухи напишу.

И будьте здоровы. Приехать бы вам сюда, на зеленую зиму, да и пить оливковое масло по стакану натощак, и пришла бы печень ваша в должный порядок.

До свидания!
А. Пешков

15.XII.30.

P. S. Что-то очень сильно крысы волнуются, точно перед землетрясением. А может быть это сирокко душит их. Крысы здесь — почтенные, вершков по восьми длиной.

P. P. S. Правительство тутошное организует для юношества библиотеки из литературы исключительно романтической, из одних Шиллеров, Гофманов и Клейстов. Что вы скажете по этому поводу?

P. P. P. S. В Неаполе население требует от папы, чтоб она объявила святым профессора хирургии Мизани. Факт. Профессора уже вырыли из земли и показывают желающим, желающие видя⟨т⟩: хотя сильно высох, а — нетленен.

[1] Горький приехал в Москву из Сорренто 14 мая 1931 г.

[2] Николай Тихонов. Туркменские записи.—«Звезда», 1930, № 8. Отдельное издание (с некоторыми сокращениями) —«Туркменские записи». М.—Л., «Молодая гвардия», 1931. Цикл очерков «Туркменские записи» вошел также в кн.: Н. Тихонов. Кочевники. М., «Федерация», 1931.

[3] В. Л е б е д е в. Полярное солнце. М., «Федерация», 1930.
[4] Евгений Васильевич *Аничков* (1866—?) — историк литературы и критик.
[5] Г. В. С е г а л и н. Эвропатология личности и творчества Льва Толстого. Клинический архив гениальности и одаренности (эвропатологии), т. V, выпуск III—IV. Свердловск, 1930.
[6] «Наставление правильно состязаться с раскольниками, сочиненное в Рязанской семинарии по предписанию покойного преосвященного Симона, епископа Рязанского и Шацкого». Изд. 2. М., 1815. Горький приводит слова со стр. 2: «Ересь... значит в сем смысле самомненный выбор вновь догмата, одного или многих к верованию».

27

ФОРШ — ГОРЬКОМУ

⟨Ленинград.⟩ 2 апреля 1933 г.

Дорогой Алексей Максимович,

посылаю вам первый номер «Звезды» 1933 г. с первыми главами моего нового романа «Символисты» [1]. Мне очень хотелось бы узнать ваше о нем впечатление.

Первая часть другого моего романа «Якобинский заквас» [2] напечатана этой зимой тоже в трех книгах «Звезды». Пока даны только годы учения Радищева в Лейпциге, там же учится и Гете, и дан быт немецких студентов того времени. Будут еще три части, которые охватывают годы от 1773—1791. Расцвет деятельности Н. Новикова и Радищева, до ссылки обоих.

Эти оба романа считаю самыми для себя ответственными и кладу в них много работы. Хотелось бы подробней поговорить о них с вами. Радуюсь, что скоро к нам приедете, и хочу непременно с вами повидаться, Алексей Максимович! Шлю привет всей вашей семье. Будьте здоровы сами и приезжайте.

Ольга Ф о р ш

Ленинград, В. О., Съездовская 29, кв. 17.

[1] См. письмо 5, прим. 2.
[2] Роман «Якобинский заквас» (первая часть трилогии о Радищеве) печатался в «Звезде», 1932, №№ 5, 9, 10—11.

28

ФОРШ — ГОРЬКОМУ

⟨Ленинград.⟩ 3 апреля 36 г.

Дорогой Алексей Максимович,

посылаю вам только что вышедший роман «Казанскую помещицу». Это вторая часть моей большой работы о Радищеве.

Первую часть «Якобинский заквас» я, помнится, дала вам на съезде в Москве. Будет еще третья — под заглавием «Пагубная книга»[1].

Но сейчас я пока эту работу оставляю для окончания пьесы о Камо [2] и «Женщин нашего Союза» [3].

Вот о «женщинах» и хочу с вами поговорить.

Материал так велик и разнообразен, что глаза разбегаются. Есть необычайные биографии и поступки женщин-военных, парашютисток, врачей, учительниц, современных женщин — матерей, которые ни детей своих, ни дела не оставляют.

Много нового в психологии, такого, что *подымает* общий женский средний тип. Как все это передать?

Отдельными биографиями?

Романом или пьесой?

Я еще окончательно формы не могу найти. Пожалуй, пьеса, если удастся, будет выразительнее всего. Как вы думаете?

Прошу вас, Алексей Максимович, поделитесь со мной в этом вопросе вашим опытом. *Что* выбрать как самое для нашего времени и быта наиболее типичное и его выражающее?

Присылают мне письма о том, как учатся, работают, о чем мечтают,— но чем дальше, тем задача обобщения всех этих сведений делается трудней...

Надо найти какое-то общее дело или придумать происшествие, вокруг которого растут и развертываются все эти новые женские психологии. И главное, чтобы все было совершенно натурально.

И потом, если формой брать не биографию — то новый вопрос — кого отбирать?

Необычайные военные биографии или те новые условия, которые, напр⟨имер⟩, прирожденное женщине материнство, *выводят из узкого, доселе, только домашнего круга*? Взять женщину в колхозе, в детдоме, где она так много может при желании дать и часто дает — по линии материнства?

Буду вам писать по мере того, как встанут новые вопросы, а от вас ждать материала и указаний.

Сейчас я все еще не могу вплотную заняться этой работой. Но вот на днях просмотрю рабочий сценарий «Пугачева» [4], закончу пьесу и с головой уйду в женский вопрос.

Как вы себя чувствуете? Здоровы ли? Мне бы хотелось вам и «Камо» показать!

В основу его характера взято мною очень выразительно закрепленное вами впечатление от этого необыкновенного человека.

Жду от вас ответа, дорогой Алексей Максимович, шлю вам и всей семье вашей мой привет.

Ольга Форш

Адрес мой — Ленинград, Канал Грибоедова, д. 9, кв. 125.

[1] «Казанская помещица». Роман, М., «Советский писатель» 1936; «Якобинский заквас». Роман, ч. 1. Л., «Изд-во писателей в Ленинграде», 1934; «Пагубная книга» (Роман о Радищеве). Л., Гослитиздат, 1939.

[2] Камо — партийная кличка известного революционера-большевика Семена Аршаковича *Тер-Петросяна* (1882—1922) (см. очерк Горького «Камо», написанный в 1931 г., см. т. 17, с. 335—344). Отрывки из пьесы «Камо» — «Отъезд Камо» и «Побег» были опубликованы в «Ленинградской правде», 1936, № 129, от 6 июня и № 169, от 24 июля.

В 1937 г. в «Вечерней Москве» (№ 294, от 26 декабря) было помещено сообщение о том, что Форш закончила пьесу из жизни революционера Камо. Напечатана пьеса значительно позже в «Неве», 1955, № 2.

[3] На эту тему Форш написала статью «О нашей женщине (Роль советской женщины в строительстве социализма)».—«Звезда», 1937, № 2.

[4] Ольга Форш. Пугачев. Киноповесть. — «Красная нива», 1936, № 4. Фильм по этому сценарию был поставлен на студии «Ленфильм» в 1937 г. См. рецензию М. Н.— «Правда», 1937, № 303, от 2 ноября.

ГОРЬКИЙ — Д. М. ХАИТ

Давид Маркович *Хаит* (р. 1899) переписывался с Горьким в 1927—1930 гг., посылая ему на отзыв свои произведения — повесть «Бурьян», роман «Семья Бориса Брондеса».

Ниже публикуются пять писем Горького к Хаиту. Отрывки из писем опубликованы в воспоминаниях Хаита «Письма из Сорренто».— «Лит. газета», 1938, №18, от 30 марта.

1

ГОРЬКИЙ — ХАИТУ

〈Сорренто. 1 марта 1927 г.〉

Д. Хаиту

Мне кажется, что вам следует серьезно заняться изучением русского языка, чтоб избавиться от таких неблагозвучных словосочетаний как: «решили не шить», «чтобы ничто», «чаще щупал» и т. д. Таких и подобных «описок» в книжке вашей[1] не мало, и, согласитесь, они язык ваш не украшают.

Затем: на двух страницах вы *пять* раз начинаете фразы словом «когда». Не думаю, чтоб это свидетельствовало о бедности вашего лексикона, но, кажется, это говорит о небрежности работы. Общий тон книжки несколько «кинематографичен», а это, местами, портит серьезность темы, придавая повести окраску фельетона.

Главный недостаток — язык. Я бы вам очень рекомендовал внимательно прочитать Лескова, Чехова и Бунина как знатоков великорусской речи и пуристов в отношении к языку.

Хорошо чувствуется, что материал у вас обильный, своеобразный,— это тем более обязывает вас к серьезнейшей работе над «стилем».

Будьте здоровы.

А. Пешков

29.II.27[2]. Sorrento.

[1] В письме от 10 февраля 1927 г. Хаит писал: «Шлю на ваш строгий и справедливый суд одну из первых своих повестей— „Бурьян“» (АГ). См. Д. М. Хаит. Бурьян, повесть. М., 1927.

[2] По-видимому, у Горького описка: в феврале 1927 г. было 28 дней.

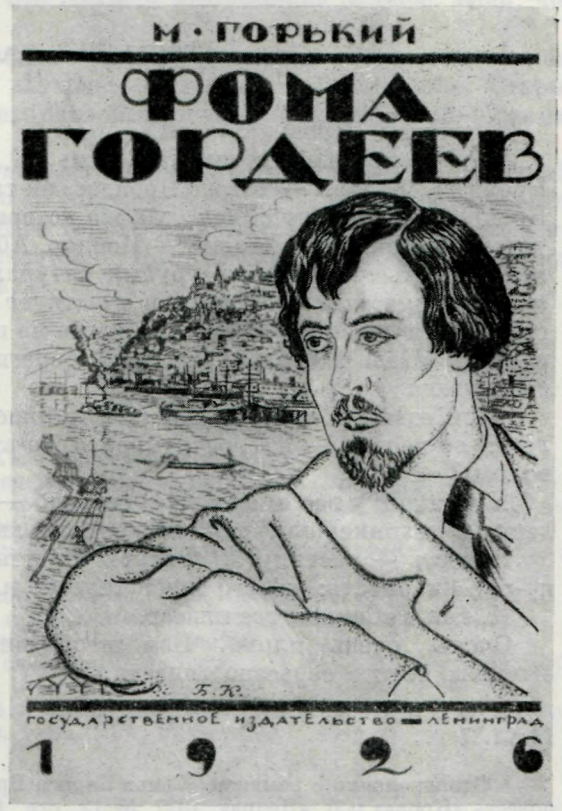
2

ГОРЬКИЙ — ХАИТУ

〈Сорренто. 12 ноября 1927 г.〉

Давиду Хаит

Вы должны были написать к «Семье Брондес» маленькое предисловие[1] и заявить в нем, что первая часть этого романа была уже напечатана десять месяцев тому назад отдельным изданием. А так вы рискуете полу-



ОБЛОЖКА ОТДЕЛЬНОГО ИЗДАНИЯ ПОВЕСТИ ГОРЬКОГО «ФОМА ГОРДЕЕВ» (Л., 1926)

Рисунок Б. М. Кустодиева

чить упрек в том, что вами одна и та же книга выпущена под разными названиями.

Мне кажется, что по поводу «Бурьяна» я вам советовал обратить внимание на небрежность и сухость вашего стиля и на плохое знание языка. Недостатки эти остались у вас в полной силе.

Нельзя писать: люди «шли, изнуренные шинелями», «они шли по *гористым* лестницам», «сжавшийся, как бумага» вместо — смятый, измятый, «поднимал на мускулах тяжести», «стоял рассвет», «сидел на двери» — разве дверь лежала на земле? — «живут медведи и устраивают погромы».

Вся книга испещрена такими небрежностями.

На стр. 40-й — событие невероятное: пристав должен был арестовать Брондеса за разбрасывание прокламаций; совершенно не объяснено, почему он этого не сделал.

На книге лежит неприятный отпечаток работы торопливой, не продуманной.

Затем: совершенно излишен грубейший натурализм: ребенок ест свой кал и т. п.

А. Пешков

12.XI.27.

[1] 20 октября 1927 г. Д. М. Хаит послал Горькому свой роман «Семья Бориса Брондеса» (Харьков, «Пролетарий», 1927). Роман состоял из двух частей: первая часть— «Бурьян» (М., «Новая Москва», 1927), ранее опубликованная отдельным изданием, и вторая часть, вновь написанная,— «Муть».

3

ГОРЬКИЙ — ХАИТУ

⟨Сорренто. 12 ноября 1927 г.⟩

Прочитал «Кровь»[1].

Это — определенно плохая вещь. К тому же это — вариант «Семьи Брондес». Лазарь — тот же Брондес, он так же топчет ногами карту, как Брондес, так же бит сыном, так же истеричен и даже, как Брондес, говорит: «Айвазовский». Леонид — Исидор, Абрам — Илья. Плюют в «Крови», как в «Семье». Такой же грубый натурализм. И — неточности: человек стоит на пристани в Нижнем и чувствует ветер «из Жегулей». Этот ветер называется «низовой» и Жегули здесь не при чем. Надпись на стене набережной: «Чаль за кольца, решетку береги, стены не касайся». У вас она перепутана

Дети едят суп «насупившись». Вы пишете: «ты не досчитывал своих волос»; во-первых,— не досчитывал*ся*, во-вторых: кто же это считает свои волосы?

Художник у вас пишет при огне, это — сомнительно, а все его рассуждения о технике дела еще более сомнительны.

Повесть — растянута. Фигуры Иветты, Ольги — не ясны. Нельзя — по-русски писать: «долго ищет галоши и *молвит*».

И, как в «Семье», все плюют.

Очень, очень плохо. Вам необходимо учиться русскому языку, если вы хотите серьезно писать.

А. Пешков

12.XI.27.

[1] Одновременно с романом «Семья Бориса Брондеса» Хаит послал Горькому свою повесть «Кровь» (Сб. «Недра», 1927, № 12, стр. 175—237).

4

ГОРЬКИЙ — ХАИТУ

⟨Сорренто. 29 ноября 1927 г.⟩

Давиду Хаит

Мне думается, что литературное дарование у вас есть и, по некоторым признакам, оно могло бы развиться весьма своеобразно. К числу этих признаков я отношу проявленную вами кое-где сжатость изложения, быстроту действия и, пожалуй, живость диалога[1].

Но у вас — на мой взгляд — отсутствует существенно важное: знание языка, его точность, пластичность и — красочность. Это — недостаток, который неизбежно будет мешать вам в работе претворения вашего опыта в живые, убедительные для читателя образы и картины.

Уклон ваш к натурализму тоже, разумеется, недостаток. Натурализм это — покорность фактам, подчинение вашей творческой воли давлению действительности. Ведь вы, человек, с действительностью не согласны? А тогда, почему же вы, художник словесного искусства, подчиняетесь ее насилию над вами? Художник должен жить не в действительности и, конечно, не в стороне от нее, а *над нею*. Тогда-то он и найдет в ней то существенное, что даст ему неоспоримо ценный материал для подлинного искусства.

Вы торопитесь писать, но «хорошо — скоро не бывает». Возьмем пример — Бабеля. Буденный украшает своих солдат и лошадей своих извне,— Бабель украсил их изнутри. Подумав ⟨над⟩ этим, вы, надеюсь, согласитесь

с Бабелем, потому что ведь его солдаты «Конармии» больше люди, чем солдаты Буденного[2].

Всем известно, что человек не очень хорош. Но интересен, важен, дорог он не этим, а тем, что и хочет, и может быть хорошим. Старик Брондес именно таков. Но вы его засорили, засыпали неудачными словами. И не только его.

Вам надобно свирепо учиться. Читайте. Посмотрите, какой отличнейший язык у М. Пришвина в его «Охоте за счастьем»[3], у Сергеева-Ценского, у Бунина в рассказах 6-го—14-го годов. Читайте и стариков. Познакомьтесь со словарем Даля, с «Великороссом» Шеина[4]. Вообще — читайте, вслушивайтесь в живую речь.

Всех благ.
А. Пешков

29.XI.27.
Sorrento

[1] В письме от ноября 1927 г. Хаит спрашивал Горького:
«Вы пишете: „необходимо учиться русскому языку, если вы хотите серьезно писать". Ну, а *вы*, Алексей Максимович, не хотите, чтобы я серьезно писал? ⟨...⟩ Я прошу вас сказать мне: есть ли у меня что-нибудь, кроме недостатков?⟨...⟩
Отсутствие ответа на это письмо я пойму как знак вашего отрицательного отношения к моему творчеству».
На этом письме Хаита пометка Горького: «Отв. 29.XI» (АГ).

[2] О полемике между Горьким и Буденным по поводу «Конармии» Бабеля см. в этом томе переписку Горького с Бабелем и Вишневским.

[3] М. Пришвин. Охота за счастьем. Собр. соч., т. I. М.— Л., Госиздат, 1927 (с предисловием Горького).

[4] П. В. Шеин. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п., т. I, вып. 1—2. СПб., 1898—1900.

5

ГОРЬКИЙ — ХАИТУ

⟨Сорренто. 21 января 1930 г.⟩

Д. Хаит

На мой взгляд «Алагирная улица»[1] перегружена словами. Вы загромоздили фабулу втрое бо́льшим количеством слов и сделали книгу скучной. Будь она короче, она была бы интересней. Драма отца не так уже нова, слишком использована — точнее: скомпрометирована— текущей литературой, и вам следовало бы отнестись к ней строже. Тем более, что вы взяли эту драму как «частный случай», а не как явление, типичное для наших дней.

Книга написана стилем переводов В. Гюго, это — тоже плохо.

Вы говорите, что *язык* Лескова «не органичен», носит характер «сказа». Стиль и язык нужно различать. Я указывал вам на Лескова как на исключительного знатока великорусской речи, как на литератора с богатейшим лексиконом. У вас язык беден. Вы часто повторяетесь, говорите одно и то же, одними и теми же словами.

И печатаете много. Надобно много писать, а печатать — поменьше.

Всего доброго.
А. Пешков

21.I.30.

[1] Давид Хаит. Алагирная улица, повесть. М., «Недра», 1930.

ГОРЬКИЙ — А. Д. ХИЛКОВ

Переписка Александра Дмитриевича *Хилкова* (1898—1947) с Горьким охватывает период с 1931 по 1934 г. В то время Хилков жил в Бельгии, куда эмигрировал после Великой Октябрьской социалистической революции. «Тут,— писал он Горькому,— после нескольких лет мальчишеского безумия, началась жизнь, началось протрезвление» (см. письмо 2).

Решительно порвав с белогвардейской эмиграцией, Хилков начинает сотрудничать в качестве журналиста в рабочей газете на русском языке «Канадский гудок». Все пережитое им послужило материалом для большого романа «Обнаженные корни», рукопись которого он послал Горькому в Сорренто, связывая с его отзывом вопрос о своем писательском будущем. В письме от 15 ноября 1931 г. Хилков писал Горькому: «Многоуважаемый Алексей Максимович, мною написан роман из жизни белой эмиграции. Не апология, но суд, и, сверх того, призыв к революции как к единственному пути, не обесценивающему жизнь человека» (АГ).

В судьбе Хилкова Горький увидел одно из свидетельств расслоения в среде белой эмиграции. Он писал по этому поводу Ромену Роллану 20 февраля 1932 г.: «Есть несколько интересных фактов психологической перестройки: например, граф Стенбок-Фермор, наследник богатых уральских промышленников, гвардейский офицер армии Вильгельма II, вступил вместе с десятком других офицеров в немецкую коммунистическую партию; князь Святополк-Мирский, сын бывшего министра внутренних дел, тоже объявил себя коммунистом, и сын князя Хилкова, проживающий в Бельгии, бывший офицер, а теперь рабочий—шахтер, внезапно порвал всякие связи с эмигрантами. Однако эти отдельные случаи нравственного возрождения еще не позволяют, разумеется, делать серьезные выводы.

Случай с Хилковым, который живет среди рабочих, знающих, что он князь,— весьма показателен» (т. 30, с. 241—242).

Хилков принял советское подданство и приехал в Советский Союз в мае 1934 г. Работая на вагоноремонтном заводе в Ленинграде, он не оставлял также литературной деятельности. Руководствуясь советами Горького, Хилков продолжал работать над романом «Обнаженные корни». Роман вышел в свет в 1940 г.

О своей переписке с Горьким Хилков рассказал в статье «Жить и работать, как Алексей Максимович» («Рабселькор», 1936, № 12).

Ниже публикуются четыре письма Горького к Хилкову и одно письмо Хилкова к Горькому.

1

ГОРЬКИЙ — ХИЛКОВУ

〈Сорренто. 2 декабря 1931 г.〉

Уважаемый гр. А. Хилков.

Разрешите откровенно сказать вам следующее:

роман ваш[1], фактически очень интересный, написан крайне многословно, «растянут» и требует солидной, весьма детальной редакторской работы.

Если вам угодно, я могу послать его в Москву, где эта работа будет сделана, после чего рукопись можно возвратить для просмотра вам. Но еще более просто будет, если вы сами пошлете рукопись по адресу —

Москва, Госиздат. А. В. Соловьеву, ГИХЛ [2] — и поставите условие: показать вам отредактированную рукопись.

Послав рукопись — известите меня, чтоб я мог предупредить Соловьева о необходимости внимательного отношения к вашему труду.

Всего доброго!

А. Пешков

2.XII.31.

Рукопись — при сем возвращаю.

[1] А. Хилков. Обнаженные корни. Роман, чч. 1, 2. Л., ГИХЛ, 1940.

[2] Имеется в виду Василий Иванович *Соловьев* (р. 1890), в то время заведующий Гос. изд-вом художественной литературы.

2

ХИЛКОВ — ГОРЬКОМУ

〈Льеж.〉 27.I. 1932.

A. Hilkoff.[3] 197, rue Ernest Solvay.
Sclessin-lez-Liége. Belgique.

Многоуважаемый Алексей Максимович, мне пишут из Москвы, что А. В. Соловьев [1] получил от вас письмо с упоминанием об «Обнаженных корнях» [2]. Большое-большое вам спасибо, что написали. Мне же сам Соловьев не ответил. Быть может, потому, что рукопись еще не дошла. Рукописи, по-видимому, долго идут. Оказывается, например, что тот экземпляр копии, который я послал несколько месяцев тому назад своей знакомой (и о котором я вам писал в последнем письме)[3], дошел лишь недавно и был передан для ознакомления В. Бонч-Бруевичу [4].

Хоть мне и совестно злоупотреблять вашей добротой, но, ввиду вашего отзывчивого отношения к моей первой просьбе, я решаюсь обратиться к вам еще раз.

Я продолжаю пробовать свои литературные силы. В остающиеся у меня от фабричной работы досуги пишу статьи и рассказы. Статьи печатаются в нью-йоркском «Рус〈ском〉 голосе» [5]. Рассказы же остаются ненапечатанными. Я не знаю — куда бы я мог их послать. Если я и напишу отсюда в редакцию какого-нибудь советского журнала, мне, наверное, ничего не ответят. А между тем, если мое перо не совсем уж бесталанное, быть может, накапливающийся у меня в ящике материал мог бы кого-нибудь заинтересовать и принести хоть какую-нибудь пользу. Исходя из такой надежды, я и решил послать вам на этот раз как образец два моих рассказа— «Ренэ» и «Банзай!», а также критическую статью—«Ветвь неплодная».

Если в этом материале вы не усмотрите ничего заслуживающего внимания, простите великодушно за напрасное беспокойство и рукописи просто уничтожьте. Если же рассказы и статья представятся вам имеющими некоторую ценность, быть может, вас не слишком затруднит направить их в какую-нибудь редакцию, черкнув мне об этом два слова. Я был бы очень рад, если бы я мог сотрудничать не только в одной нью-йоркской газете, но и в каком-нибудь советском литературном органе.

Ввиду того, что я к вам обращаюсь уже вторично, мне бы хотелось в пояснение к моим обращениям и к той работе, которую я пытаюсь выполнить своими литературными опытами, сказать несколько слов о себе самом. Но только я боюсь отнять у вас своей длинной «одиссеей» еще больше нужного времени. И потому я постараюсь ограничиться лишь краткими, общими указаниями.

Быть может, в былое время вы что-нибудь слыхали о моем отце Дмитрии Хилкове [6] или вообще о сумбурной и во многом глубоко-глубоко трагичной жизни семьи нашей. Родители мои принадлежали к разряду идеалистов — «дон-кихотов», за много взявшихся, все отдавших, отчаянно боровшихся и... в своей личной жизни в конце концов трагично, нелепо растратившихся. Семья наша была разодрана и размолота. Старшие дети были отобраны у родителей «по высочайшему повелению». Две мои сестры покончили с собой. Отец после «толстовства», раздачи имения и после революционной борьбы кинулся в бойню 14 года, и был сразу же убит. Чтобы «спасти» хоть меня — «незаконного» и «отверженного» — от участи сестер, меня крестили (уже большим), «узаконили», дали «положение» в обществе. Этим завершился печальнейший разгром всего, на что ушли силы моих родителей. И с этим разгромом закончилась их «одиссея» и началась моя собственная. «Положение», данное мне «ради спасения», явилось для меня трясиной и наклонной плоскостью, по которой я с военной (училищной) скамьи слетел до белой армии и эмиграции. Тут, после нескольких лет мальчишеского безумия, началась жизнь, началось протрезвление. Лишь в эту вторую жизнь за границей (родившись в Англии, в старой эмиграции, я провел свое детство тоже за границей) мне было суждено в качестве последнего осколка прийти к тому трудовому существованию, которое в нелепых дореволюционных условиях мои родители не смогли создать для своей размолотой семьи. И спасло и осмыслило мою жизнь в конце концов не то светское «положение» (несколько лет которого в действительности меня едва не погубили), но шахта и фабрика. Здесь, в шахте и на фабрике, для меня наконец кончился сумбур, или — как говаривала моя мать — «буча», и началась здоровая работа...

Обо всем пережитом мне хочется порой рассказать отдельной книгой. Но... я не знаю — стоит ли? Это — «затонувший мир». А кругом кипит и зовет жизнь. И, пожалуй, обращенность к пережитому и затонувшему, к прежним битвам, надеждам, «благим» идеалистическим порывам, ошибкам, срывам и горестям, горестям, горестям — может иметь смысл только в том случае, если стимулирует дальнейшую борьбу. Но не следует ли браться за борьбу более непосредственным образом? Ведь стимулов сколько угодно и в текущей жизни...

Как бы там ни было, и «старые дрожжи», и окружающая действительность «подымают» и толкают меня. Спокойно не сидится. Отсюда и мое писание. Но я пишу и спрашиваю себя — хорошо ли я делаю, что пишу? Может быть, перу моему грош цена? Может быть, другие напишут и без меня, и гораздо толковей меня всё, что надо, а мне следует впречься в дело каким-нибудь иным образом?..

Меня порой мучает этот вопрос. И я не знаю, как быть. Вот почему мне хочется поскорее хоть что-нибудь напечатать и увидеть — есть ли от моих литературных опытов какой-нибудь толк? Если нет — надо сменить «род оружия». А без дела сидеть во всяком случае тошно.

Еще раз благодарю вас за участие. Искренно преданный и уважающий вас

А. Хилков

[1] См. письмо 1, прим. 2.
[2] Упоминаемого письма в АГ нет.
[3] В письме Горькому от 5 декабря 1931 г. (АГ).
[4] 16 июня 1932 г. В. Д. Бонч-Бруевич писал Горькому: «Я несколько наслышан об А. Хилкове как о вполне добросовестном человеке, совершенно отличном от другой эмиграции и самостоятельно ставшем на позиции большевизма, за что он нередко терпит от окружающих его русских. Я отца его знал прекрасно и очень долгое время, он был очень оригинальный и интересный человек. Мне переслали работу А. Хилкова, причем его друзья, живущие здесь, в Москве, которых я тоже очень хорошо знаю, сообщили мне, что они хотят, чтобы именно вы, Алексей Максимович, просмотрели

эту работу А. Хилкова и дали бы ваш отзыв. Это беллетристика. Я посылаю вам эту рукопись...» (АГ).

[5] «Русский голос» — русская газета в Америке, знакомила читателей с жизнью Советской России.

[6] Дмитрий Александрович *Хилков* (1858—1914) — князь, офицер. Долгие годы находился под сильным влиянием толстовского учения. Пережив духовный кризис, оставил военную службу и роздал свою землю крестьянам. В 1889 г. женился на Ц. В. Винер (1860—1923), отвергнув обряд церковного брака, и двух детей своих не крестил. Мать Хилкова (Ю. П. Хилкова) добилась у Александра III приказа отлучить детей от родителей. О возвращении детей Д. А. Хилкову хлопотал Л. Н. Толстой,

ГОРЬКИЙ и С. Я. МАРШАК
Фотография, Тессели, январь — февраль 1936 г.
Музей Горького, Москва

но безуспешно. Хилкова дважды выселяли в глухие края за распространение толстовства среди духоборов и молокан. В 1898 г. ему было разрешено выехать за границу. Ко времени возвращения в Россию (1901) взгляды Хилкова изменились. Он разочаровался в толстовстве и примкнул к социалистам-революционерам. Потом совсем отошел от политической борьбы и вернулся к православию. В 1914 г. пошел добровольцем на войну и был убит.

Рассказ Хилкова об отце и о своей жизни в эмиграции Горький заключил в квадратные скобки.

3

ГОРЬКИЙ — ХИЛКОВУ

〈Сорренто. 21 февраля 1932 г.〉

Александр Дмитриевич,

статью о литературе и очерк «Банзай» посылаю в Москву, очерк «Ренэ» [1] — возвращаю, ибо он вам не удался,— слишком растянут, да и люди написаны тускло, не видишь их. Описывая людей, следует снабжать их фигуры какими-нибудь характерными особенностями, так, чтоб фигуры эти, различие их друг от друга — сразу западали в память читателя, помогая

ему вообразить героев ваших — живыми. Также и речь каждого должна чем-то отличаться от речи другого и всех,— как это мы наблюдаем в действительности. Снабжайте людей жестами, «особыми приметами» — как можно больше индивидуализируйте их. Речи каждого из нас различны не только по темам, по отношению к явлениям действительности, но и по своему строю, по «говору», по расположению слов в каждой фразе. В очерке «Банзай» вы кое-чего достигли в этом направлении.

О романе[2] я еще ничего не знаю.

Рукописи читаются редакторами в порядке очереди поступления, а пишут в Союзе Советов — тысячи людей. Придется вам подождать решения.

Крепко жму руку и желаю всего доброго.

А. Пешков

21.II.32.

[1] Очерки «Банзай!», «Ренэ» и статья «Ветвь неплодная» не были опубликованы.
[2] Рукопись романа «Обнаженные корни» была переслана Горьким в ГИХЛ. Об этом свидетельствует заметка, помещенная в «Вечерней Москве», 1932, № 167, от 21 июля.

4

ГОРЬКИЙ — ХИЛКОВУ

⟨Сорренто. Начало декабря 1932 г.⟩

Вероятно, это огорчит вас, но я должен сказать, что — по моему мнению — роман ваш неудачен[1].

Неудачное начинается с крикливого титула: «Стена смерти». Когда говорят о «стене плача» в Иерусалиме, это — понятно. Круглую, деревянную яму, в которой происходит акробатическое упражнение на мотоциклах, едва ли можно назвать «стеной». Бешеный и угрожающий гибелью бег акробатов в этой яме — слишком мало имеет общего со словесным «бунтом» детей эмигрантов. Разумеется — заголовок книги легко изменить, но — в романе все-таки остается эта, совершенно лишняя, искусственно взятая вами стена и акробаты, люди риска, ничем не похожие на «бунтарей», о которых вы рассказываете. Кесслер кончает самоубийством? Это — вами не оправдано. Длинное его письмо— хотя и многословно, однако — не убедительно. Поведение Мимы — поведение истерички, и тот факт, что она у вас отдается незнакомому парню, отнюдь не украшает ее. Гулливеру из «Возрождения»[2] вы даете возможность объяснить этот поступок девушки тем, что она в детстве «жила с большевиками» и этим испорчена на всю жизнь. Девицу эту вы не сумели изобразить, так же, как и писателя Лирина, совершенно лишнего в вашем романе. Вам, должно быть, хотелось написать «пустого человека», но пустых людей — нет, каждый из них несет в себе тот или иной груз опыта, и если у иного весь этот опыт превратился в чепуху,— это надо уметь показать. Вообще все фигуры романа сделаны очень тускло. Начали вы его откуда-то со средины, затем перешли к началу — Мима в России — а необходимо соблюдать последовательность развития действия. На 70-х стр⟨аницах⟩ спор стариков и молодежи изложен вами в форме репортерского отчета. Скомкана, недописана сцена избиения Пятина. Неестественны монологи, напр⟨имер⟩, на стр. 100. Не следует автору рассказывать своими словами то, что рассказывают друг другу герои. Это на стр. 110—113. Непонятно, кому — вам или одному из героев — принадлежит характеристика Муссолини как «великого спасителя Италии». И — наконец — уже совершенно «ни к селу, ни к городу» ввели вы в эту скучную историю Горгулова с его пальбой[3]. Нет, роман совершенно не удался вам, и если вы хотите печатать его, вам сначала нужно серьезно поработать над ним.

Возможно, что есть смысл издать его за рубежом Союза Советов, но в Союзе основной массой читателей являются люди, которым в 17 г. было 5—10—15 лет. Для них ваш роман в том виде как он есть — был бы совершенно непонятен и неинтересен.

Вы не сумели достаточно просто и убедительно показать, чего ради бунтуют дети эмигрантов? Вами не использован такой материал, как собрания в редакции «Дней» [4], дискуссия Керенского — Бунакова [5], статьи «Возрождения» и «Пос〈ледних〉 новостей» [6],— пражские настроения молодежи, Союз возвращенцев [7] и т. д. и т. п.

Печатается по черновому автографу.

Датируется по ответному письму Хилкова от 9 декабря 1932 г. (АГ).

[1] Рукопись романа «Стена смерти» была послана Горькому 5 октября 1932 г. Отрицательно оценив рукопись, Горький все же направил ее в ГИХЛ.

[2] «Возрождение» — белоэмигрантская газета, издававшаяся в Париже (1925—1936) А. Гукасовым.

[3] Белогвардеец Павел Горгулов в мае 1932 г. стрелял в президента Франции Думера с целью спровоцировать конфликт между Францией и СССР.

[4] «Дни» — белоэмигрантская газета, издававшаяся в Париже А. Керенским. Раз в две недели в редакции газеты устраивались вечера политических дискуссий.

[5] И. Бунаков (И. И. Фундаминский) — эсер, после революции — белоэмигрант. О дискуссии И. Бунакова — А. Керенского см. заметку «В стране Пасси».— «За рубежом», 1933, № 5.

[6] «Последние новости» — белоэмигрантская газета, издававшаяся в Париже (1920—1940) П. Милюковым.

[7] «Союз возвращения на Родину» (Париж) способствовал возвращению в Советский Союз трудовой части русской эмиграции. Об этом «союзе» Горький писал М. Е. Кольцову 19 декабря 1933 г. из Сорренто: «Имеете ли вы издаваемый в Париже „Наш Союз“, журнальчик, издаваемый „Союзом возвращенцев“? В нем встречается интересный материал. Не следует ли пригласить кое-кого из этого журнала к работе в „За рубежом“?» («Новый мир», 1955, № 6, стр. 159).

5

ГОРЬКИЙ — ХИЛКОВУ

〈Сорренто. 29 марта 1933 г.〉

А. Хилкову

Посылаю рецензии, полученные мною из Москвы [1]. Работа ваша оценена сурово, но — справедливо. Однако это не должно бы огорчать вас, а должно усилить вашу энергию.

Союз Советов — страна беспощадной критики и самокритики,— в этом убедит вас любой № любой советской газеты. Активные силы рабочего класса Союза работают в условиях обороны против «внешнего врага» — буржуазии всего мира — и в состоянии самообороны против «внутреннего врага» — против «ветхого Адама», т. е. против всего, что унаследовано от веков социального рабства. Активные силы рабочей компартии должны перевоспитать 160 милл〈ионов〉 людей,— вот задача, которую надобно решить быстро и с наименьшим количеством ошибок, еще лучше было бы: решить ее безошибочно.

Отсюда, из социально-революционной педагогики, вытекают все наши оценки и этим объясняется их неизбежная суровость. Поэтому вас, человека, который искренно и честно служит интересам рабочего класса, суровость оценок и суждений наших и не должна обижать, а должна — учить, и повышать вашу энергию.

В частности — жизнь русской эмиграции уже не может интересовать политически грамотного русского читателя. Это для него — мертвые люди, «дохлое дело».

Ваши романы крайне многословны, и построены очень неумело. Мне кажется, что вы достигли бы лучших результатов, попробовав силы свои

на небольших очерках бытовых условий бельгийского рабочего, мелких служащих — мелкой буржуазии[2].

Попробуйте, весьма советую. Последнюю вашу рукопись[3] увезу в Москву и, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, напечатаю ее там в сокращенном виде.

Искренно желаю вам бодрости духа.

Печатается по черновому автографу.

Датируется по секретарской помете «29 марта 1933 г.».

[1] Рецензии на романы «Обнаженные корни» и «Стена смерти», полученные Горьким из ГИХЛа.

[2] В письме М. Е. Кольцову от 23 июня 1932 г. Горький, говоря о необходимости снабжать журнал «За рубежом» очерками и рассказами на бытовые и «особенно характерные для текущего момента каждой данной страны темы», писал о Хилкове: «Мне кажется, что его можно научить писать для „За рубежом", можно и следует» («Новый мир», 1956, № 6, стр. 156).

В журнале «За рубежом» была напечатана статья Хилкова «К единому фронту. Письмо из Брюсселя» (1934, № 2, от 15 января).

[3] Рукопись статьи «Миссия русской эмиграции» была приложена к письму от 1 марта 1933 г. (АГ). Хилков сообщал, что эта рукопись является сводом некоторых его газетных статей.

ГОРЬКИЙ — А. Я. ЦИНГОВАТОВ

Алексей Яковлевич *Цинговатов* (1885—1943) — профессор, историк литературы.

В августе 1926 г. Цинговатов послал Горькому в Сорренто свою книгу об Александре Блоке. Он писал Горькому: «Вы знали Блока лично, вы прекрасно знаете эту эпоху. Мне бы очень хотелось услышать ваше суждение о моем труде» (АГ). Ответное письмо Горького положило начало его кратковременной переписке с Цинговатовым.

Ниже публикуются три письма Горького к Цинговатову и одно письмо Цинговатова к Горькому.

1

ГОРЬКИЙ — ЦИНГОВАТОВУ

⟨Сорренто. 20 сентября 1926 г.⟩

Мне кажется, Алексей Яковлевич, что ваша книжка о Блоке [1] — лучшее, что написано о нем до сего дня. Вам удалось очертить его очень ярко, местами даже физически ощутимо. Весьма правильно указание на «немецкую стихию» [2]. Я не был близок с Блоком, но немало наблюдал его и всегда казалось, что ему было бы легче жить и вырос бы он духовно еще значительней, если б родился в эпоху Тика и Новалиса, даже — позднее — Клейста. Я думаю, что «немецкая стихия» была в натуре его, дана ему непосредственно, а русскую он принимал разумом, через Соловьева, через Москву [3]. (Соловьев был великий «разумник», об этом свидетельствует его блестящий талант диалектика, а юмористические— всегда очень горькие — стихи его говорят о нем даже как о «нигилисте».) В общем же Блок был изумительно красив как поэт и как личность. Завидно красив.

Думается мне, что вами недостаточно подчеркнута «народо- и жизнебоязнь», свойственная многим людям поколения Блока, поколения, отравленного дедами и отцами, которые изображали народ огромным и страшно требовательным нищим. Отсюда его: «Мы бросаемся прямо под ноги» [4]... Он слишком много придал значения «золотым словам» мужика: «О, какое бесконечно окаянное горе сознавать, что без вас *пока* не обойдешься» [5], он не решился вычеркнуть совершенно лишнее «пока». Ибо они без Блоков *никогда* не обойдутся и должны будут создать своих Блоков. И уже пытаются создавать. Извините мне сии непрошенные рассуждения.

Несколько удивлен тем, что вы именуете Гамсуна нейрастеником [6]. Для меня он, после «Соков земли», «Санатория Тарахус», «Женщины у колодца»,— великий, величайший художник. И — мудрец.

Что думаете вы писать, о ком? Не о Есенине?

Будьте здоровы и сердечно благодарю вас за книгу.

А. Пешков

20.IX.26. Sorrento.

Печатается по машинописной копии из личного архива Горького.

[1] А. Я. Цинговатов. А. А. Блок. Жизнь и творчество. М.— Л., Госиздат, 1926. Экземпляр книги с многочисленными пометами Горького хранится в личной библиотеке писателя.

На титульном листе книги дарственная надпись: «Максиму Горькому с любовью. Автор. 27/VIII—26 г.».

[2] Имеется в виду следующее место в книге Цинговатова: «*Немецкая стихия была явно выражена у поэта* и во внешнем его облике и во внутренних симпатиях и тяготениях к германской культуре» (стр. 5, подчеркнуто Горьким).

[3] Владимир Сергеевич *Соловьев* (1853—1900) — философ-мистик, публицист и поэт. В ранний период творчества Блок испытывал сильное воздействие поэзии Соловьева и был связан с московским кружком его последователей (А. Белый, С. М. Соловьев и др.).

[4] Цитата из статьи Блока «Народ и интеллигенция» (1908): «Бросаясь к народу, мы бросаемся прямо под ноги бешеной тройке, на верную гибель».

Эта цитата приводится на стр. 44 книги Цинговатова. Горький отметил ее красным карандашом.

[5] Имеется в виду следующее место из статьи Блока «Религиозные искания и народ» (1907):

«Вот что пишет мне крестьянин северной губернии, начинающий поэт. Слова его письма кажутся мне золотыми буквами: 〈...〉„О, как неистово страдание от „вашего" присутствия, какое бесконечно-окаянное горе сознавать, что без „вас" пока не обойдешься!" Это-то сознание и есть то „горе-гореваньице" — тоска злючая-клевучая, кручинушка злая, беспросветная, про которую писали Никитин, Суриков, Некрасов, отчасти Пушкин и др.». Александр Б л о к. Собр. соч., т. 8, «Советский писатель», 1936, стр. 8—9.

[6] Горький имеет в виду следующие слова Цинговатова:

«*Северная сила была в нем* 〈Блоке.— *Ред.*〉 *без неврастении Гамсуна, без трагедий Ибсена*» (стр. 28, подчеркнуто Горьким).

2

ГОРЬКИЙ — ЦИНГОВАТОВУ

〈Сорренто. 22 января 1927 г.〉

Не представляю, уважаемый Алексей Яковлевич, чем я могу быть полезен вам в предположенной вами работе о Горьком[1].

Вы предлагаете «поделиться» с вами «мыслями и советами» — какими же и о чем? Это весьма неопределенно. Может быть, я лучше пойму вас, если вы поставите мне более конкретные вопросы? Попробуйте сделать это.

Второго письма вашего с ответом на мое я не получил; очень сожалею[2].

Желаю вам всего доброго.

Статью «Блок и Запад»[3] тоже еще не получил.

А. П е ш к о в

22.I.27.

[1] В письме от 15 января 1927 г. Цинговатов писал Горькому о своих планах: «За последнее время я много работал над Дж. Лондоном и С. Есениным, а в настоящий момент обдумываю большую — года на два — работу о Максиме Горьком 〈...〉 Если бы вы нашли возможным, дорогой Алексей Максимович, поделиться со мной несколькими мыслями и советами — я был бы вам глубоко признателен». Последнюю фразу Горький подчеркнул красным карандашом, а после слова «советами» поставил знак вопроса (АГ).

Намеченные Цинговатовым работы не были осуществлены.

В АГ сохранился также вариант публикуемого письма Горького к Цинговатову. Воспроизводим его текст:

«Не представляю, уважаемый Алексей Яковлевич, чем я могу быть полезен вам в предположенной вами работе о Горьком.

Да и неловко как-то советовать: вот что следует написать обо мне. Пожалуй, в данном случае говорит даже и не скромность — вообще, кажется, не чуждая мне,— а, скорее, это идет опять-таки от недоумения: что же можно писать о Горьком и следует ли писать? Ибо, на мой взгляд, написано очень много и не скажу, что все „это было интересно"». (На письме помета И. П. Ладыжникова «Цинговатову. Январь, 1927».)

[2] 15 января 1927 г. Цинговатов писал, что ранее им было послано письмо в ответ на письмо Горького от 20 сентября 1926 г.

[3] А. Я. Ц и н г о в а т о в. Блок и современный Запад.— «Современник», 1923, № 2. В личной библиотеке Горького сохранился экземпляр этой статьи с многочисленными пометами Горького.

3

ЦИНГОВАТОВ — ГОРЬКОМУ

Москва. 6/III 27.

Глубокоуважаемый
Алексей Максимович!

Много, очень много вопросов у меня к вам есть — по поводу художественного творчества вашего — просто не знаешь, с чего начать... Да и неудобно как-то затруднять вас...

Но *самого главного* все-таки нет... Нет *вас*, дорогой Алексей Максимович,— у нас в России. Для меня же самое главное — это увидеть живьем писателя, почувствовать его вплотную, пережить его, как «цветок неповторимый», поговорить с ним с глазу на глаз...

Блока я видел всего три раза в жизни, три раза беседовал с ним,— и этого оказалось достаточно, чтобы живой образ поэта встал для меня во весь рост и стал буквально выглядывать из всех его произведений и даже строк. Без этого я не мог бы так удачно написать о нем...

Вас я никогда не видал... Но не только мне: многим в России — я знаю — недостает живого Максима Горького.

Мне приходится преподавать в высшей и средней школе. И вот когда доходит дело до творчества Горького, то первый вопрос, который задают слушатели: «Где сейчас Горький? Почему он не едет в Россию? Когда же он к нам приедет?». Последний вопрос ставится даже с оттенком обиды («забыл про нас Горький»), ставится так остро-нетерпеливо, что — уже на свой страх — я обычно отвечаю молодежи, что Горький приедет к нам, обязательно приедет, не может не приехать...

Дорогой Алексей Максимович! Любовь к вам в Советской России очень велика, интерес к вашему творчеству огромный, усиленный. Все это, к сожалению, находит весьма слабое и робкое отражение в прессе.

Итак, глубокоуважаемый Алексей Максимович, разрешите и мне — прежде вопросов о вашем творчестве — задать вам все тот же нетерпеливый вопрос: когда же исполнятся времена и сроки? Когда мы воочию увидим Максима Горького? Когда услышим его живое слово и будем беседовать с ним с глазу на глаз?

С совершенным уважением

А. Цинговатов

P. S. Если не затруднит вас, не откажите ответить на вопрос: какие критические статьи или очерки о вашем творчестве удовлетворяют вас более других?

4

ГОРЬКИЙ—ЦИНГОВАТОВУ

⟨Сорренто. 15 марта 1927 г.⟩

Уважаемый Алексей Яковлевич —

на вопрос ваш: «Какие критические статьи или очерки о в⟨ашем⟩ творчестве удовлетворяют вас более других?» — я не могу ответить по той причине, что очень плохо помню все, что писалось обо мне. А плохо помню потому, что невнимательно читал, что объясняется малым интересом моим к самому себе или, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, преувеличенным интересом? Не знаю.

Но могу сказать вам, что дважды был очень сильно удивлен статьями обо мне людей, далеких душе моей; один из них даже враждебно относился и относится ко мне.

Это Д. С. Мережковский, статья его называлась «Не святая Русь», была напечатана в «Русском слове» в 14-ом [1] — кажется — году; заключительная строка ее гласила: «Мы — не с Толстым, мы — с Горьким». Вероятно, Мережковский очень ругал себя за эту статью. Другая статья Иннокентия Анненского [2], поэта, напечатана в одной из двух его книжек прозы. Вот и — всё. Затем писали обо мне Чуковский [3], Рогачевский [4], Протопопов [5] и — многие ⟨...⟩

Когда я приеду в Россию? Когда кончу роман [6].

Люди, которые говорят, что я «забыл их»,— не правы. Я всё помню, и память у меня неплохая на всё, что следует помнить. Живу я — в России, о чем свидетельствует почта, получаемая и отсылаемая мною. Это письмо сегодня — девятое.

Будьте здоровы, всего доброго.

А. Пешков

15.III.27.

[1] Д. Мережковский. Не святая Русь (Религия Горького).— «Русское слово», 1916, № 210, от 11 сентября.

[2] И. Ф. Анненский. Драма «На дне».— В кн.: «Книга отражений», т. 1. Пб., 1906, стр. 127—146.

[3] Имеются в виду работы К. И. Чуковского «Максим Горький».— В кн.: «От Чехова до наших дней». Пб., 1908; «Пфуль» (М. Горький. «Городок Окуров», «Матвей Кожемякин», «Исповедь»).— В «Книге о современных писателях». Пб., «Шиповник», 1911; «Две души М. Горького». Л., 1924, и др.

[4] В. Львов-Рогачевский (псевдоним Василия Львовича *Рогачевского*, 1874—1930) — литературовед. Статьи о Горьком начал печатать с 1902 г.

[5] Михаил Алексеевич *Протопопов* (1848—1915) — литературный критик. Автор статей о книге Горького «Очерки и рассказы» (Пб., тт. I—III, 1898—1899). См. «Русская мысль», 1899, №№ 5, 6; 1900, №№ 3, 4.

[6] Роман «Жизнь Клима Самгина».

ГОРЬКИЙ — А. П. ЧАПЫГИН

Заочное знакомство Алексея Павловича *Чапыгина* (1870—1937) с Горьким состоялось в феврале 1910 г., когда Чапыгин, до этого печатавшийся в периодических изданиях, задумал выпустить отдельную книгу рассказов и обратился к Горькому за советом. Горький счел издание книги преждевременным, но предложил Чапыгину участвовать в сборниках «Знания». В «Знании», однако, Чапыгин не печатался. Переписка не прерывалась до возвращения Горького в Россию.

С 1915 г. Чапыгин активно сотрудничал с Горьким в ряде изданий. Горький печатает в «Летописи» охотничьи рассказы Чапыгина, привлекает его к редактированию произведений начинающих рабочих писателей. Впоследствии Чапыгин писал: «Я помню, как он меня позвал редактировать с ним 2-й пролетарский сборник, издание „Паруса", как он делал указания о целом ворохе писаний, присланных из далекой провинции... Я не знал писателя, — а знавал я их много, — кто бы так внимательно, по-дружески и товарищески относился к начинающему писателю» (А. П. Чапыгин. Беседы с М. Горьким. «О Горьком — современники». Сб. воспоминаний и статей, стр. 21—22). В 1917 г. выходит «Второй сборник пролетарских писателей» под редакцией Горького, Чапыгина и А. Сереброва (А. Тихонова). В начале 1918 г. Горький предложил Чапыгину собрать книгу поговорок «Как говорит русский народ о себе — о мире, о труде, о лени, о пьянстве, о любви и о дружбе». Сборник, подготовленный Чапыгиным, не был издан.

По совету Горького Чапыгин берется за написание сцен из истории древней Руси. В 1919 г. он написал пьесу о князе Олеге Святославиче — «Гориславич», которую посвятил Горькому (см. письмо 6 и прим. к нему).

После отъезда Горького за границу его переписка с Чапыгиным возобновилась. Горький с глубоким сочувствием следит за творчеством Чапыгина и чрезвычайно высоко оценивает его роман «Разин Степан». В письме к Пришвину он пишет о Чапыгине как о художнике, творящем первый русский действительно исторический роман, обнаруживая изумительное проникновение в дух и плоть эпохи, изображаемой им» (т. 29, с. 478).

В ряде статей и воспоминаний Чапыгин рассказал о своих встречах с Горьким и о той важной роли, которую сыграл Горький в его художественном развитии:

«Беседы с М. Горьким».— В кн. «О Горьком — современники». М., 1928.

«По тропам и дорогам». М.— Л., ГИХЛ, 1931, стр. 292—307.

«Памяти великого учителя».— «Литературный современник», 1936, № 8.

«Воспоминания о А. М. Горьком». «Всесоюзная здравница» (Ялта), 1936, № 10, от 20 сентября. «Человек большого сердца».— «Известия», 1937, № 142, от 18 июня.

«Воспоминания о Горьком».— «Красная звезда», 1937, № 138, от 18 июня.

«Из воспоминаний об А. М. Горьком».— Альманах «Год XXI». М., 1938.

«Великий и мудрый. Из воспоминаний».— «Лит. газета», 1938, № 17, от 26 марта.

Восемь писем Горького к Чапыгину — от 9 июля 1925 г., 17 июня 1926 г., 15 января 1927 г., 20 мая 1927 г., 4 июля 1930 г., 19 мая 1934 г., 10 октября 1934 г., 13 февраля 1935 г.— опубликованы в Собр. соч. (т. 29 — письма №№ 793, 828, т. 30 — письма №№ 845, 860, 990, 1118, 1135, 1152).

Ниже публикуются девять писем Горького к Чапыгину и двадцать четыре письма Чапыгина к Горькому.

1

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

〈Петербург. 6 февраля 1910 г.〉

Алексей Максимович!

Я давно собирался обратиться к вам — мне приходилось и приходится так много встречать людей, знакомых с вами, известно также ваше милое отношение к начинающим писателям, что беру смелость прямо, как говорится, «здорово живешь», послать вам свои работы [1] и попросить написать мне о них свое мнение.

Сам я мастеровой,— приехав в город 13 лет, поступил в ученье писать вывески на 5 лет. Случайно сошелся с учениками Академии художеств [2], которые видели во мне живописный талант: отсюда мысль моя получила первый толчок в сторону беллетристики. Один из них [3] оказался любящим литературу и пишущим стихи. Я медлил знакомиться с вами, когда вы жили в России. Мало было сделано, да и теперь я пишу, как видите, вещицы, а не вещи с широким размахом, и до сих пор не научился широко изображать жизнь, кроме того, мало пишу — вероятно, шаблонная работа, хотя и дала мне краски и знание быта русских мастеровых, все-таки наложила печать уныния и робости на мою душу.

Еще раз извиняюсь, что беспокою, но крайне буду обрадован вашим ответом и отзывом.

Мой адрес: Петербург, Петербургская сторона, Большая Гребецкая ул., д. 19, кв. 4. Алексею Павловичу Чапыгину

6.II.910.

[1] По свидетельству Чапыгина, он послал Горькому оттиски своих рассказов, напечатанных в периодических изданиях (см. А. Чапыгин. «По тропам и дорогам», М.— Л., ГИХЛ, 1931, стр. 262). См. также письмо 2, прим. 4.

[2] Чапыгин дружил с учениками Академии художеств А. Г. Долнером, К. Ф. Словецким, В. Н. Хлебниковым.

[3] В. Н. Хлебников.

2

ГОРЬКИЙ — ЧАПЫГИНУ

〈Капри. Вторая половина февраля 1910 г.〉

Уважаемый Алексей Павлович!

Все присланные вами рассказы [1] своевременно были прочитаны мною; теперь я прочитал их еще раз и — не без приятного чувства удовлетворения.

Вы спрашиваете, каково мое мнение о ценности ваших рассказов? Охотно отвечаю, но — очень прошу понять мой ответ не как поучение литератора, а просто — как впечатление внимательного читателя, который любит литературу.

К достоинствам вашим — как мне кажется — следует отнести ваше знание материала, уменье наблюдать и — верное отношение к людям: отношение правдивого свидетеля их жизни, а не судьи и не учителя их. Дорогой мой — это правильная позиция, это вернейшая тропа, именно она приводит к правде и — только она!

И только ею идя,— доходят до создания таких общечеловеческих книг, каковы «М-me Бовари», «Анна Каренина» и т. д.

Стойте твердо на этой точке зрения, учитесь видеть всю многогранность каждого явления жизни, приобщайтесь прекрасной работе общечеловеческой мысли — дело пойдет хорошо!

Дам еще добрый совет: избегайте влияния людей догматических и тенденциозных, не всегда верьте, что $2 \times 2 = 4$, кто бы вас в этом ни убеждал. Пусть говорят вам: вы, Чапыгин, со временем умрете! Отвечайте этим чудакам — не уверен, может быть, подумаю! И, присматриваясь к блеску жизни, ко всем ее огням, правдиво, кратко и просто — просто! —

А. П. ЧАПЫГИН

Фотография с дарственной надписью Горькому:
«Дорогому Алексею Максимовичу на добрую память.
А. Чапыгин. 7—XI. 26»

Архив Горького, Москва

рассказывайте людям о том, как они живут. Те из них, которые поумнее, почестнее, немедленно примут ваши показания к сердцу,— в это, думаю, можно верить!

Внимательно слушайте все доводы — как и всё, исходящее от человека,— они и интересны, и значительны, но — главное: доводы! Умозаключения — часто очень искусны, но почти всегда искусственны — научные умозаключения в стороне, они устойчивее и надежнее, ибо в них всегда

больше общечеловеческого, чем в догматах морали, религии, права и других дисциплин, имеющих целью воспитать ваш ум и чувства так, как выгоднее для людей пассивных, равнодушных к общечеловеческому и ничего не понимающих, кроме личного уюта. Для них все существует постольку, поскольку не мешает им, и всякий честно работающий человек — враг их.

Ваши недостатки: однообразие тем, неровность и часто небрежность языка,— обратите внимание на отчеркнутые в оттисках места. У вас мало слов — читайте наших знатоков языка: Лескова, Аксакова, заглядывайте в словарь Даля, учитесь форме у Короленко, Чехова, Тургенева и — Пушкина. Надо знать историю тех людей, о которых сказываете: Ключевский интересно освещает историю народа, но — Соловьев еще интереснее рассказал ее, и вы его почитайте [2].

Почитайте также фольклористов: в первую голову Афанасьева [3], и не верьте, если вам скажут, что он устарел.

Рассказики, помещенные в «Шиповнике» [4], хуже других по исполнению, но — богаче языком. Мне почудилось в них, так сказать, некоторое влияние фирмы: торгуют люди страхами и ужасами, вы им и предложили немножко ходового товарцу. Извините, если ошибаюсь! Но — все-таки — на этой струнке играть не стоит: жизнь всегда страшнее самых ужасных рассказов, я кое-что знаю в этом деле.

В заключение скажу: не верьте в «чистое» искусство. Есть искусство честное и есть — нечестное, чистое же искусство есть наиболее тенденциозное, ибо оно всегда упорно и всегда безуспешно стремится доказать независимость человека от впечатлений бытия, в поте лица уверяет читателя в своей свободе, а там, где уверяют,— насилуют.

Засим — желаю вам всего доброго и — будет хорошо для вас, если вы однажды почувствуете, что пост литератора в России — пост трудный и требующий от человека строжайшего отношения к себе самому,— прежде всего.

Жму руку.
А. Пешков

Рукописи при сем возвращаю.

Датируется на основании письма 3.

В автобиографической повести «По тропам и дорогам» Чапыгин воспроизвел по памяти это письмо Горького («Земля советская», 1930, № 10—11, стр. 91). Опубликованный Чапыгиным текст был перепечатан сначала в кн.: «М. Горький. Письма к рабкорам и писателям». Библиотека «Огонек», № 55—56. М., 1936, а затем в т. 29 (№ 475). Как явствует из публикуемого здесь подлинного письма Горького, Чапыгин в своих воспоминаниях дал лишь сокращенный и неточный пересказ письма.

[1] См. письмо 1, прим. 1.

[2] Горький имеет в виду «Курс русской истории» (чч. I—V) В. О. Ключевского (1841—1911) и многотомную «Историю России с древнейших времен» (тт. I—XXIX) С. М. Соловьева (1820—1879).

Насыщенная огромным количеством документальных данных, «История» Соловьева является одним из наиболее выдающихся достижений русской буржуазной историографии.

[3] Александр Николаевич *Афанасьев* (1826—1871) — известный собиратель и исследователь русского народного творчества, автор фундаментального трехтомного труда «Поэтические воззрения славян на природу» и сборников «Народные русские сказки», «Народные русские легенды».

[4] Речь идет о рассказах «Прозрение» и «Образ», опубликованных в альманахе «Шиповник», кн. 8, СПб., 1909. Центральный эпизод рассказа «Образ» — натуралистически выписанная сцена расстрела революционной демонстрации рабочих. В рассказе «Прозрение» писатель повествует о том, как религиозный фанатик сжигает свою падчерицу.

3

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

〈Петербург.〉 23.II.910.

Дорогой Алексей Максимович!

Большое спасибо за ваше письмо и доброе отношение...

Так приятно, так бодрит, когда читаешь такое и знаешь, что есть люди среди художников слова крупные и настоящие. Спасибо за ваше внимательное отношение к моим оттискам,— для меня это очень ценно, все подчеркнутые места приму к сведению.

Вы простите мне слово *дорогой*, ибо в самом деле вы мне дороги, как сын тех же обстоятельств, только большего таланта и большей душевной яркости. Ведь массе людей многое дано с детства вместе с образованием и не приходится тратить стольких усилий на второстепенные вещи, а эти второстепенные вещи, повседневные, подготовительные — быть может, самые страшные.

Приходится подойти к стене, за которой иная жизнь и познание вещей,— с голыми руками.

Богатые счастливцы подходят, кто с молотом, кто с зубилом и ручником, чтоб сделать брешь в стене, а мы подходим только с кулаками и одной интуицией.

Мало ли нас, из мрака не вышедших, от безнадежности и отчаяния ушедших обратно в бесконечный мрак?! И вот, когда видишь такое блестящее доказательство борьбы способностей с мраком—как вы, то чувствуешь, что можно сказать вам слово людям, и звук вашего голоса будет силен и звóнок,— и поэтому вы мне еще дороже. Со мной нечто иное, дорогой Алексей Максимович, хотя брешь в стене и я сделал.

Я еще оглядываюсь; и только недавно понял, что требует искусство для компоновки картины важного, а что — аксессуары есть.

Думается мне, что в слоге и построении я еще не всё понимаю, но не распустился и стараюсь постигнуть.

Пишу я мало. Путем я все время шел и иду трудным, даже природа всунула в колеса моей телеги не одну палку, а целых 5: мне было пять операций на бедре; на это пошло периодически 15 лет [1]. Теперь, наконец, я здоров совершенно, но это отняло много крови и сил и наложило на меня, а стало быть, и на мою работу, налет мрачного. Вам не нравится «Прозрение», вам кажется, я писал по заказу, а это писано искренне. Что я плохо справился с изображением религиозного помешательства и по-своему, может быть, недостаточно наблюдал это явление, то это правильно.

«Образ» был принят Миролюбовым в «Журн〈ал〉 для всех», переименн〈ованный〉 в «Наш журнал» (его конфисковали сразу же) [2], а Миролюбову я почему-то верю, он был редактор чуткий. Вам я тоже верю и думаю, что у вас есть своя правда — вам кажется, что сюжет большой и скомкан в маленькой рамке, а потому сугубо страшен.

В «Прозрении» еще сам сюжет исключителен и особенно режет глаз.

Вы пишете учиться у Лескова — хороши его «Соборяне», но в «Полунощниках» все сплошь дешево и банально.

Афанасьева я читал и не считаю его устаревшим. Идеалы письма: «Мадам Бовари» и «Анна Каренина». К ним, конечно, и нужно приближаться по мере сил.

Меня очень привлекает Мопассан,— его гениальные изображения в «Пышке», в «Заведении Телье», «Сильна, как смерть». Вот образцы без тенденции, без поучений,— только одним-двумя штрихами показана симпатия автора к предмету, или сам сюжет приноровлен и говорит за себя.

Я боюсь, что надоел вам и все-таки в заключение буду просить вас, дорогой Алексей Максимович, просмотреть еще некоторые мои работы, а главное «Игошку» [3], которого я не имел под руками, когда посылал вам оттиски — люди, знающие меня и любящие искусство, считают рассказ этот лучшим.

Ваше мнение для меня и указания, как я уже сказал, очень ценны. Конечно, я пристаю к вам, у вас возни без меня достаточно, но если возможно будет вам согласиться на мою просьбу, то буду ждать вашего письма.

Всего лучшего желаю!

А. Чапыгин

Петербург, Петерб〈ургская〉 стор〈она〉,
Больш〈ая〉 Гребецкая, д. 19, кв. 4.

[1] В детстве Чапыгин повредил ногу, упав с лошади, и многие годы страдал от незаживающих ран.

[2] Издававшийся с 1898 г. В. С. Миролюбовым демократический «Журнал для всех» был запрещен цензурой осенью 1906 г. Та же участь постигла попытки возобновить журнал под новыми названиями: «Народная весть» (ноябрь — декабрь 1906), «Трудовой путь» (1907), «Наш журнал» (1908 — вышел только № 1, издателем был назван Чапыгин). Рассказ «Образ» был напечатан в альманахе «Шиповник». См. письмо 2, прим. 4.

[3] «Игошка» — рассказ Чапыгина, опубликованный в «Перевале», 1907, № 11.

4

ГОРЬКИЙ — ЧАПЫГИНУ

〈Капри. Март 1910 г.〉

Все присланное прочитал, возвращаю.

Мне нравятся ваши вещи, очень нравятся! Есть хорошее, добротное знание жизни, налицо — доброе, не судейское, а сердечно-свидетельское отношение к людям. Дорогой мой — «не учить, не судить, а — понимать» [1] — это — чудесно, это очень человечно сказано и, мне кажется: вы чувствуете славную правду этих слов. Искреннейше желаю вам не потерять это чувство, а — углубить его. Нигде люди не нуждаются так в добром и внимательном отношении к ним, как у нас на Руси,— очень уж трудно нам! А обращаемся мы друг с другом и зверски, и скотски грубо.

Позвольте сделать несколько частных замечаний по поводу языка:

«В суземе» [2] — рассказе, напоминающем «Андрона Голована» Н〈емировича〉-Данченко [3],— слишком много пущено местных речений,— это есть и везде, и — этого надо избегать. Зачем заставлять читателя думать над такими словами, как «чухарь», «толгач», «купороть»? «Чухарь» ваш, по-нашему, по-заволжски, будет «токун», на Горной стороне [4] его зовут «терень», а «сузем»,— по-тамбовски — пыль. И т. д. Что же — словари областные надо брать, читая вас?

Не надо брать пример с Ремизова [5], к〈ото〉рый, видимо, пишет, держа перед собою раскрытым Далев словарь. И — я, читатель, не понимаю — щегольство или озорство у него в этом?

Спрошу: разве белок стреляют пулями, а не крупной дробью? Пулей — дорого, да и шкурку, поди-ка, портит пуля-то.

Надо избегать нагромождения определений в одном и том же предложении: выбирайте всегда одно, два наиболее подходящих по данному случаю или предмету:

«Прозрачный, чистый, голубой, свежий воздух» — это много! Надо быть более скупым и — точным. В начале «Игоши» — лучший рассказ из прочитанного, вы — правы,— слово «огромный» встречается слишком часто. Читатель подумает: ишь, не хватает ему слов-то в русском языке! Он — капризный и хитрый, читатель-то!

Частое употребление союза «и» придает рассказу воющий тон — и-и-и! Это — привычка Андреева, который старается гипнотизировать читателя, вам, реалисту, она — лишняя.

Избегайте также в одной фразе одинаковых склонений: «она вст*ала*, подум*ала* и повернул*а*» — ла-ла-ла,— однообразно!

В «Приютились»[6] — «стала дрыхнуть» и почти тотчас «стало вечереть» — зачем?

Свистящие и шипящие согласования — щии, сии, шии — не украшают языка. Вообще — смотрите, чтобы такие слова, как «вдруг — испуг», не стояли рядом, и чтобы музыка прозы поистине была музыкою!

Вы извините меня за то, что я говорю о мелочах таких, вы подумайте— мелочи ли это? Язык — не мелочь.

А по поводу общего отношения к жизни я скажу так: мы, Русь, молоды и надлежит нам быть романтиками. Сологуб, словами «беру грубый кусок жизни и творю из него легенду»,[7] определил верно наше, русское, направление: мы должны обращать внимание на хорошее в жизни, на то — чему расти и жить, дурное, злое — мы не пропустим мимо глаз, мы его отметим, но — не поддадимся ему! Оно — издыхает, оно издохнет; нам нет причин возиться с мертвечиной, с гнилью.

Ваш рассказ «Приютились», по мысли его — в этой линии.

Если задумаете написать что-либо для сборников «Знания»,— готовьте к осени. Если же захотите издать книжку,— не советовал бы, рано еще! — пошлите материал К. П. Пятницкому.

Засим — всего вам доброго, бодрости духа, здоровья!

Крепко жму руку

А. Пешков

Оттиски — при сем — бандеролью.

Датируется по письмам Чапыгина Горькому от 23 февраля и 10 апреля 1910 г.

[1] Слова из рассказа Чапыгина «Игошка». См. письмо 3, прим. 4.

[2] «В суземе» — рассказ Чапыгина, опубликованный в «Журнале-копейке», 1909, № 51.

[3] Имеется в виду рассказ Василия Ивановича *Немировича-Данченко* (1848—1936) «Андрон Голован».

[4] «Горной стороной» в приволжских районах зовут правый, гористый берег Волги.

[5] Стилизованный язык А. М. Ремизова (1877—1957) — писателя, близкого к декадентским кругам, изобилует диалектизмами, архаической лексикой.

[6] «Приютились (Барыни)» — рассказ Чапыгина, опубликованный в «Пробуждении», 1907, №№ 34, 35.

[7] Горький по-своему толкует известные слова Ф. Сологуба: «Беру кусок жизни, грубой и бедной, и творю из него сладостную легенду, ибо я — поэт» (предисловие к роману «Навьи чары» (1907). У Сологуба эти слова означали требование эстетского преображения жизни.

5

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

〈Петербург. 1910, 10 апреля〉.

Дорогой Алексей Максимович!

Письмо ваше очень порадовало меня,— я давно, давно не получал таких писем.

Одно время ко мне хорошо относились В. Г. Короленко и покойный Н. К. Михайловский, но Михайловский всегда говорил, «что он не художественный критик», и делал замечания в смысле общего построения работ [1].

В〈ладимир〉 Г〈алактионович〉 делал замечания в смысле формы, но неохотно, ибо он занятой человек и главный его совет — «не торопиться с печатью». Может быть, в большинстве случаев «не торопиться» — прием

правильный, но в отдельных случаях он не подходящий и даже вредный — так как некоторых из-за безрезультатности созданного ведет к апатии.

Правда, я В〈ладимиру〉 Г〈алактионовичу〉 крайне благодарен, он поправил местами мою работу (из первых), и ее напечатали [2].

Вы иного мнения насчет начинающих, дорогой Алексей Максимович, и за это остается только искренне вас благодарить и радоваться, что есть такой — милый и отзывчивый человек, который относится настояще, по-братски. Именно так, как пишете вы, «мы, русские, относимся друг к другу и грубо и зверски». В большинстве случаев относятся грубо и зверски или с улыбкой (но фальшивой) все, проявившие так или иначе себя в литературе современной, они не ободрят, не поддержат, а тайно или явно осмеют или оттолкнут, и остается около них пустое место в виде *кумовства*. Хорошие, которых наперечет, как вы и В. Г. Короленко, в стороне и далеко.

Большое вам спасибо за «Знание»; как только представится возможность осенью — пошлю материал.

Дорогой Алексей Максимович! Вам известно, сколько на свете самозванно-критической, а главное издательской шушеры, и бог бы с ней! Но она, эта шушера, стоит у дел и вершит их,— она ценит не то, что надо ценить, она глядит в сторону всяческого кумовства и панибратства или верит отзывам мелкоты, которая обратила внимание своей критикой,— пройдясь по улице в «наряде короля» из Андерсена.

Повторяю — бог с ней! — она исчезнет, как мошка от мороза, но когда приходится пристраивать рукопись, а прислушиваться не хочется,— хочется дать свое, тогда видишь, как всесильны эти герои сегодняшнего дня, и в результате — снова неси работу в другое место.

Оттого я и печатал так:

В Москве: «Перевал»,
«Правда».

В Петербурге: «Шиповник», «Пробуждение»,
«Жизнь и социализм», «Образование»,
«Вестник Европы» [3], газ. «Страна», «Наша жизнь» [4].

Все помещено случайно, без связи, а где были связи маленькие, как в «Образовании», те издания кончились.

Издательская мелкота смотрит так: если у писателя есть книжка — стало быть, он признан, и охотно помещает и дороже платит за работу. Ради этого я очень вас буду просить — если возможно принять мой материал для издания, то не отказать мне. Этим облегчите мне интенсивность работы, ибо всякая вещь залежавшаяся отнимает время и, как человека неуверенного, расстраивает и мешает мне работать.

К материалу приложатся еще два рассказа такого же достоинства, как «Ванькино детство», напечатанных — один в «Правде», другой — «Жизни и социализме», две сказки и лирические отрывки, частью напечатанные в сборнике «Огни» памяти Башкина [5]. Такие рассказы, как «В суземе», сделанном наспех, с местным волапюком, и «Гости», в виду опасности конфискации, можно изъять [6].

Я с вами вполне согласен, что рано с книжкой выступать, но не из-за признания меня, а из-за приведенных соображений, ради будущей работы ее следует издать. Есть еще второстепенная вещь, но тоже неприятная — это некомпактность разбросанного в различных изданиях материала. Я кое-что потерял, не мог достать, и пришлось возобновлять по черновикам.

Очень прошу вас, если возможно,— издать.

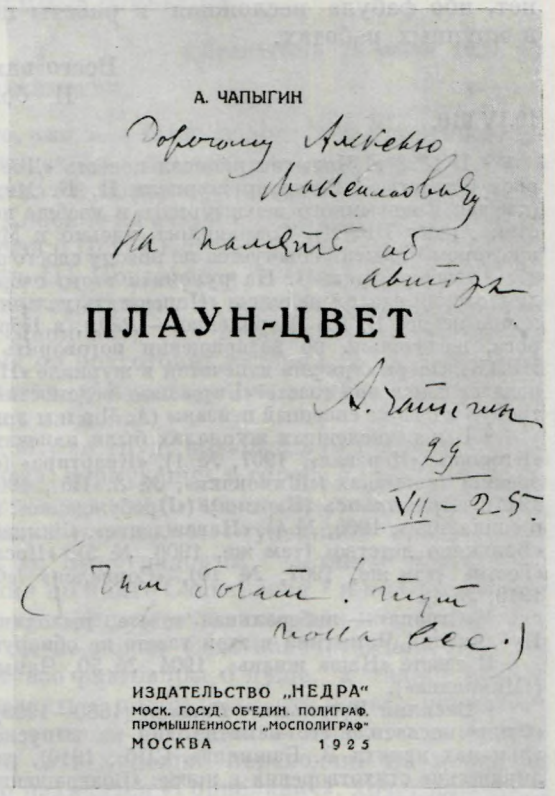
Дорогой Алексей Максимович — охотно отвечаю на ваш вопрос относительно охоты на белку:

Я родился на границе Олонецкой и Архангельской губерний, в уезде промышленников на пушного зверя и птицу, а потому, сообщая, не боюсь

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ А. П. ЧАПЫГИНА ГОРЬКОМУ НА КНИГЕ «ПЛАУН-ЦВЕТ» (М., 1925):

«Дорогому Алексею Максимовичу на память об авторе. А. Чапыгин. 29 VII 25. (Чем богат! тут пока всё)»

Личная библиотека Горького



перепутать факты: белку стреляют пулей охотнее, чем дробью. Дробовое ружье требует большого заряда и бьет не всегда удачно — рассыпает. Лес очень высокий.

Для охоты на белку у промышленников идет чаще всего пистонная, а иногда кременная мелкокалиберная винтовка, она бьет довольно сильно, а при меткости стрельбы незаменима, потому что белка несет хорошо удар и от дроби часто далеко уходит, много отнимает времени.

В винтовку пороху идет мало, а пули отливают сами (пулелейками). Пуля загоняется в нарезной ствол медным шомполом без пыжа и очень туго. Стреляют из винтовки с подстава — «посох», распиленный вдоль батог. С руки стрелять трудно, приходится идти по лесу болотами и сухим местом, очень далеко заходить иногда, даже часто в труднопроходимые места: словом, куда заведет лай собаки. В Сибири, где лес похож на наш, еще не так давно существовали промыслы на белку совсем мелкими пулями. Охотники брали с собой свернутые свинцовые прутья, откусывали зубами или щипцами пульку и загоняли таким же медным шомполом. Если пуля придется плашмя и шкурку разорвет, то это все равно — берут разорванные пополам, и цена не понижается на рваную. Если снимут шкуру с медведя по-коровьи, а не клиньями, то другое дело — там шкура ценится иначе, ибо клин вытягивается и голова перешивается на конец, отчего шкура кажется больше. 〈Далее — рисунок.〉

Я по летам уезжаю к себе и охочусь с промышленниками.

Присылаю вам два фотогр〈афических〉 снимка леса. На одном из них я со своей собакой и ученики торговой школы, которых я водил по лесу: ходить у нас, не зная троп, опасно, а по компасу постоянно— утомительно.

В заключение и непоследовательно скажу несколько слов еще о литературе: я с вами согласен, что должен быть романтизм, но у меня его пока нет, ибо фабула несложная и работы необширны. Он возможен только в крупных работах.

Всего вам лучшего!
И больше здоровья!

10.IV.910. А. Чапыгин

[1] В 1893 г. Чапыгин написал повесть «Две судьбы» и послал ее в журнал «Русское богатство». Редактор журнала Н. К. Михайловский отверг это произведение, отмечая в нем «много нецензурного и вообще неумелого» (Чапыгин. Автобиография. Архив ИРЛИ). Сохранилось письмо к Михайловскому от 30 октября 1897 г., в котором Чапыгин советуется по поводу своего рассказа «Святая ночь» (Архив ИРЛИ).

[2] Очерк «Зрячие». На рукописи этого очерка, по свидетельству Чапыгина, Михайловский сделал надпись: «Напечатать нельзя, но все-таки обращаю особенное внимание на нее В. Г.» (Короленко.— *Ред.*), а Короленко внизу написал: «Прочел в дороге, желательно по возвращении поговорить с автором» (Автобиография. Архив ИРЛИ). Очерк «Зрячие» напечатан в журнале «Новая иллюстрация», СПб., 1903, № 50, издававшемся при газете «Биржевые ведомости». «Короленко „поправил“ и особенно тронул в очерке снежный пейзаж» (А. Чапыгин. Жизнь моя. М., 1930, стр. 414).

[3] В перечисленных журналах были напечатаны следующие рассказы Чапыгина: «Игошка» («Перевал», 1907, № 1), «Квартира» («Правда», 1905, № 7), «Образ», «Прозрение» (альманах «Шиповник», № 8. Пб., 1909), «Лесной пестун» (там же, № 15, 1911), «Приютились (Барыни)» («Пробуждение», 1907, №№ 34, 35), «Фонарщик» («Жизнь и социализм», 1906, № 4), «Наваждение», «Зимней ночью» («Образование», 1905, № 60), «Ванькино детство» (там же, 1906, № 5), «Последняя дорога» (там же, 1906, № 9), «Гости» (там же, 1907, № 10), «Сорвался» («Федька-минога») («Вестник Европы», 1910, № 1).

[4] «Страна» — либеральная газета, выходившая в Петербурге в 1906—1907 гг. Публикаций Чапыгина в этой газете не обнаружено.

В газете «Наша жизнь», 1904, № 50, Чапыгин напечатал рассказ «В праздник» («Микридка»).

[5] Василий Васильевич *Башкин* (1880—1909) — писатель. В 1910 г. издательство «Огни» посвятило его памяти один из выпусков альманаха («Огни. Литературный альманах памяти В. Башкина». СПб., 1910), где Чапыгин напечатал «Наброски» — лирические стихотворения в прозе: «Возвращение», «Осень», «В старом доме», «О красках», «Вечером».

[6] За рассказ «Гости» номер журнала «Образование» был конфискован (1907, № 10).

6

ГОРЬКИЙ — ЧАПЫГИНУ

‹Петроград. 1918 г.›

Для А. П. Чапыгина

Обратите, А‹лексей› П‹авлович›, внимание на родословную Олега — Михаила Святославовича — он же Гориславич.

Записка. Текст написан красными чернилами. На обороте — синими чернилами: «Я прямо говорю».

Датируется по содержанию.

В конце 1918 г. Чапыгин уехал из Петербурга в Харьков, где изучал Летописи, Киево-Печерский патерик и создал в 1919 г. драму о князе Олеге Святославиче — «Гориславич». В своих воспоминаниях К. Федин приводит следующий отзыв Горького о пьесе: «Написал, понимаете ли, пьесу „Гориславич“, на языке XII века. Непосвященный даже не уразумеет. Поставить ее в театре нельзя. Да и прочитать — едва ли возможно. Но человек, как волшебник, перешагнул через тьму времени и заговорил языком XII века так, точно всосал его с материнским молоком. Для этого способностей мало, надо иметь нечто большее. Необыкновенные вещи надо ожидать от этого чудодея» (К. Федин. Горький среди нас, ч. I. М., Гослитиздат, 1943, стр. 133—134).

По инициативе Горького в 1920 г. пьеса обсуждалась на заседании редколлегии секции исторических картин, но ни напечатать, ни поставить в театре пьесу не удалось. В АГ хранятся черновая и беловая рукописи пьесы «Гориславич». На первом листе белового автографа надпись: «Дорогому Алексею Максимовичу Горькому с любовью посвящаю. А. Чапыгин. 1918—1919 г.».

7

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

〈Ленинград. 28 июля 1925 г.〉

Дорогой Алексей Максимович,

вы и представить себе не можете, как мне было радостно и приятно получить от вас весточку![1] Ведь и жить стоит лишь для того, сознавая, что есть люди, как вы, которые любят, ценят и понимают искусство. Таких незаменимых никем людей так мало! Спасибо за отзыв о «Разине». Я занимался XV в., XVI и XVII, а также прочел о Петре Корба [2] и еще кое-кого. Хотел писать драму «Разорение Иваном III Новгорода» [3]. «Разина» писать начал случайно: А. Н. Толстой хотел выступить с истор〈ическим〉 романом о Пугачеве, не успел и просил меня дать ему передышку [4]. Мой роман пойдет до рождества, а в то время он подготовит материалы. Я пока написал половину, 9-ть печатных листов, и чувствую, что будто взялся избу строить — я за нее, она сгреблась за меня!

Большое спасибо, дорогой А. М., за труд, который вам пришлось приложить к «Гориславичу» [5], но когда, вернувшись в город, я отыскал пьесу, то увидал, что переписчик навставлял много непонятных и чужих слов. Я ее (пьесу) исправил вместе с моим приятелем — учеником акад〈емика〉 Шахматова [6] профес〈сором〉 В. В. Виноградовым [7] — также просмотрел я ее и со стороны одежды и оружия по книге Савваитова [8] и по Срезневскому [9]. Пьеса не напечатана, и по цензурным условиям, так же, как и «Белый скит» [10] и «Лебяжьи озера» [11], не может быть напечатанной, ибо все это мистика! К мистике отнесены все разговоры о душе, а также былинность и сказочность, требуется писать о новом быте, это же все ненужное. И вот присылаю вам книгу «Плаун-цвет» [12] где, по возможности, изображаю нашу современность. Здесь есть хороший переводчик на немецкий язык В. В. Гельмерсен [13]. У него находится «Гориславич», хочет перевести пьесу языком Нибелунгов, кроме того берется перевести и «Лебяжье озеро» и «Разина», «Разина» — стилем Олеария [14]. С современностью и новыми людьми я живу в согласии. Работы мои просят. А тут был мой юбилей XX-летний, так один из ответственных и ученых коммунистов написал о моих работах довольно хорошую статью [15].

«Гориславич» очень увлекает актеров IV студии Московск〈ого〉 Худож〈ественного〉 театра, они хотели бы поставить пьесу, но цензура мешает. Блок написал о пьесе «Гориславич» хвалебный отзыв; он помещен в его сочинениях, 13 т., изд. берлинское [16].

Что еще написать вам о себе? Живу — не жалуюсь, но поехать к вам и поехал бы с великой радостью, да денег нет и приходит на ум Некрасова стих: «Уж где ему в Италию, он рад бы в Конотоп». Приблизит〈ельно〉 так [17].

Как ваше здоровье, дорогой Алексей Максимович?

Очень и очень я соскучился по вас!

Теперь я живу на *Карповке*, ул. Литераторов, д. 19, общежитие литераторов, комн. 10. Через неделю уеду в свой бывший Олонецкий Конотоп:

Вологодская губерн〈ия〉, Каргопольский уезд, Федовская почтов〈ая〉 станц〈ия〉, деревня Большой угол.

Спасибо! Рад буду снова получить от вас письмо.

Ваш А. Чапыгин

28/VII — 25.

Книги «Былое» будут вам посылать. В первых числах октября буду в Ленинграде.

[1] 9 июля 1925 г. Горький послал Чапыгину письмо, в котором высоко оценил первую часть романа «Разин Степан», опубликованную в журн. «Былое», 1925, №№ 1—2 (см. т. 29, с. 431). В письме П. Н. Зайцеву от 22 июля 1925 г. Чапыгин сообщал: «21 июля получил от Горького из Сорренто письмо — восторженно пишет о том, что напечатано в 2-х книгах „Былого". Он еще не знает рынка, свадьбы Разина и Москвы боярской с пытками и застенками» (ИРЛИ, архив Чапыгина, ф. 280, оп. 1, ед. хр. 74).

[2] Иоанн Георг *Корб* — секретарь австрийского посольства в 1698—1699 гг., автор «Дневника путешествий в Московию». Изобилующая нападками на Петра I и его ближайшее окружение, книга Корба была запрещена в России. В русском переводе книга появилась лишь в 1906 г.

[3] В архиве Чапыгина хранится большой драматический отрывок под заглавием «Борзописный сказ о детях Господина Великого Новгорода», датированный 1924 г. (ИРЛИ, ф. 280, оп. 1, ед. хр. 91).

[4] Роман о Пугачеве А. Н. Толстым не был написан.

[5] О пьесе «Гориславич» см. примечание к письму 6.

[6] Алексей Александрович *Шахматов* (1864—1920), академик, лингвист, историк древней русской культуры.

[7] Виктор Владимирович *Виноградов* (р. 1895) — лингвист, историк литературы, ныне академик.

[8] П. И. Савваитов. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1865.

[9] И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма в языке X—XIV веков». Изд. 2. СПб., 1882.

[10] «Белый скит» — повесть Чапыгина — напечатана в «Русской мысли», 1913, кн. IV—V—VI. В своих воспоминаниях Чапыгин приводит следующий разговор с Горьким в 1915 г.: «— Эх, хорошо написали вы „Белый скит", будто по карте золотом вышито.

— Иные говорят, что в нем есть мистика.

— Никакой мистики там я не нашел. Чёрт с ними, пускай говорят» (см. А. Чапыгин. По тропам и дорогам. М., ГИХЛ, 1931, стр. 200).

[11] «На лебяжьих озерах» — повесть Чапыгина, опубликованная в «Красной нови», 1922, № 2. Отдельного издания повести не было, и в собрания сочинений Чапыгина она не включалась.

[12] А. П. Чапыгин. Плаун-цвет. Сб. рассказов. М., «Недра», 1925. Книга была послана Горькому с дарственной надписью: «Дорогому Алексею Максимовичу на память об авторе. А. Чапыгин. 29.VII.25 (Чем богат! тут пока всё)» (ЛБГ).

[13] Василий Васильевич *Гельмерсен* (1886—1942) — переводчик. В 1930 г. берлинское издательство «Neuer Deutscher Verlag» выпустило в его переводе роман Чапыгина «Разин Степан».

[14] Адам *Олеарий* (ок. 1599—1671) — немецкий ученый и путешественник, автор книги «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» (1647).

[15] Г. Якубовским написано предисловие к сборнику «Федька-минога» (М., 1925).

[16] Рецензия А. Блока на драму Чапыгина «Гориславич» напечатана в Собр. соч. Блока, т. IX. Берлин, «Алконост», 1923, стр. 236.

[17] Неточная цитата из третьей части поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»:

«Свезти его в Италию
Сулились да уехали...
А он был рад-радехонек,
Какая уж Италия?
Обратно в Конотоп».

8

ГОРЬКИЙ — ЧАПЫГИНУ

〈Сорренто. 13 августа 1925 г.〉

Получил вашу книжку [1], дорогой мой Алексей Павлович,— спасибо! Ее лучшие рассказы: «Насельница», «Белая равнина», особенно хорош «У границы». Остальные написаны холодно и, как бы, подневольно. Да, судя по письму вашему, так оно и есть.

Я и знаю, и хорошо чувствую, как тяжело и сложно положение писателя в современной России. Но почему-то все крепче надеюсь, что это скоро минует. Может быть, потому надеюсь, что вижу, как успешно развивается у нас дело здоровой самокритики, но больше потому, что уверен

в неодолимости, несгибаемости русского таланта. Ведь бывали времена не только хуже, а и подлей, напр⟨имер⟩ при Николае I, когда русская литература приобрела значение мировой. То, что творится теперь, не идет в сравнение с прошлым уже лишь потому, что, несмотря на неизжитый страх пред отжившим — в этом страхе источник многих ошибок и заблуждений,— здравого смысла теперь у нас больше, чем было когда-либо. А одно из невольных и неустранимых внушений здравого смысла — признание внутренней свободы человека. Вот здесь-то, пока, и балует, играет страшок пред старинкой. Пока. Но — ненадолго, я думаю.

Может быть, это самоутешение? Не знаю. Но я «люблю верить», как на днях упрекнул меня поэт Ходасевич. Верю же я только в человека. Только в него. Это вся моя религия, весьма мучительная, но в той же мере и радостная. Так-то.

Верю и в то, конечно, что внешние давления не сломят, не исказят ваш талант, любимый мною. Вы, ни на что не глядя, будете писать «о душе, о былинном и загадочном», и дети ваших героев превосходно поймут вас. Ибо — душу из жизни — не вышибешь, а былинность и загадочность жизни все возрастает, вопреки всяким рационализмам и материализмам.

Крепко жму руку вашу, мой хороший друг.

Будьте здоровы.

А. Пешков

13.VIII.25. Sorrento.

[1] См. письмо 7, прим. 12.

9

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

⟨Ленинград.⟩ Среда. 23—XII—25.

Дорогой Алексей Максимович,

много виноват перед вами, что столько времени не ответил на ваше письмо [1], посланное мне на родину, и теперь вот собрался, наконец! Много было причин, мешающих написать вам, но, дорогой мой, кого-кого, а вас я не забываю и не забуду никогда, пока существую. Причины таковы — наша деревенская почта пока ходит, как при основателе ее Ордын-Нащокине [2], и писем за границу не принимает, а в Петербург идут письма неделю, ибо она кружит по всем закоулкам. Здесь же, когда приехал, нахлынули на меня всякие дела и главное с *романом*. Дело в том, что половину романа я печатаю в «Былом» — «Москва боярская», и ею кончаю [3]. «Былое» мало платит — 100 р. лист, да еще и с запозданием, а потому существовать на их гонорар невозможно. Подвернулось так, что Воронский — «Красная новь» — взялся печатать вторую половину [4], ибо похвально отозвался о первой, хотя и говорит, что при всех достоинствах романа — много разговоров участвующих лиц в романе. Все же печатание 2-й части — «На Волге, в Яике, Персии и Астрахани» я перенес к Воронскому. Гонорар повысился — 175 р. лист, и таким манером это мне даст возможность продолжать роман, не отвлекаясь к литературным мелочам. Относительно оттисков — я их, вероятно, буду получать и пересылать вам. Думаю, что это устроится. Вы же не оставьте написать мне ваше впечатление от работы моей.

О книге «Плаун-цвет» вы написали правду — я ее не очень ценю, как и все ушедшее от глаз моих в люди. Вы не написали только о «Лободырах»[5]. Этот рассказ многим нравился.

Книга послана издательству Ладыжникова И. П. [6] Издательство просило. И ныне же получил извещение, что один из рассказов напечатан в их журнале «Руссише рундшау» [7], но №№ журнала где-то застряли,

и я ни одного не получил. Возможно, что цензура его не пропускает в СССР.

Что еще написать вам?

Виделся с С. А. Адриановым [8], говорил о вас, и радуюсь, что вы здоровы и много работаете. Я же все нахожусь в сомнении: перешел в Москву с романом, а вдруг как повторится со мной приключение, как с неким дьяконом из Александро-Невской лавры:

В свое время в дьякона, видного корпусом и огромного ростом, влюбилась петербургская купчиха-миллионерша, хвалила его так и сяк и вдруг сказала:

— Ой, отец дьякон, да кабы вы обстригли эту свою львиную гриву, а церковное платье сменили бы на фрак, то, думаю я, бесконечно были бы милы моему сердцу!

И вот — дьякон покончил с лаврой, обстригся, надел фрак и влетел в мирском одеянии к той, кем был очарован, а она взглянула, взвизгнула, закатила глаза и закричала во вся:

— Ой, как вы безобразны, отец дьякон!

И вот послал я первые главы 2-й части Воронскому, а вдруг как после всех похвал и признаний он тоже взвизгнет? И это мне мешает работать. Хожу, починяю мебель, доставшуюся в мое ведение от Дома литераторов, крашу свою комнату и вообще жилище из сарая превращаю в комнату, где можно жить до тех пор, пока не придется уехать в другое место. Очень любят в наше время таких жильцов. Но когда все приготовлено, является лицо и накладывает печати, говоря: «Это нужно другим!» И выходит подобно средневековью, когда Ричард Львиное Сердце призывал в Англию евреев, запретил им заниматься другим, кроме ростовщичества, а когда скопилось богатство, отбирал его и выгонял скопивших золото за границу своего государства. Правда, только то, что написал я, несколько изменилось теперь, и без возмещения траты на квартиру выжить жильца нельзя, да еще и отвести необходимо ему свободное помещение, чтоб перебраться.

С «Былым» я порвал еще и потому, что им беллетристика чужда и нарушает их план и цельность журнала. Их первоначальная мысль была, чтоб я с октября 25 года по июнь — июль закончил роман, а потом писал бы и печатал А. Н. Толстой, но Толстой задержался, а потом и совсем не стал писать «Пугачевщины», и я остался один до конца 25 года. Последняя книжка с моей работой выйдет у них в половине января 26 года, а на 26 год они предлагали мне писать, но печатать хотели отдельными выпусками — тетрадками, вкладывая их в книжку. Мне это окончательно не понравилось, и мы разошлись, но разошлись без ссоры — допечатают, доплатят.

Будьте здоровы, дорогой Алексей Максимович!

Ваш А. Чапыгин

Ленинград, Карповка,
ул. Литераторов, д. 19, комн. 10.

[1] См. письмо 8.

[2] Афанасий Лаврентьевич *Ордын-Нащокин* (ок. 1605—1681) — русский политический деятель царствования Алексея Михайловича.

[3] В «Былом» был опубликован том I романа «Разин Степан» (1925, №№ 1, 2, 5, 6).

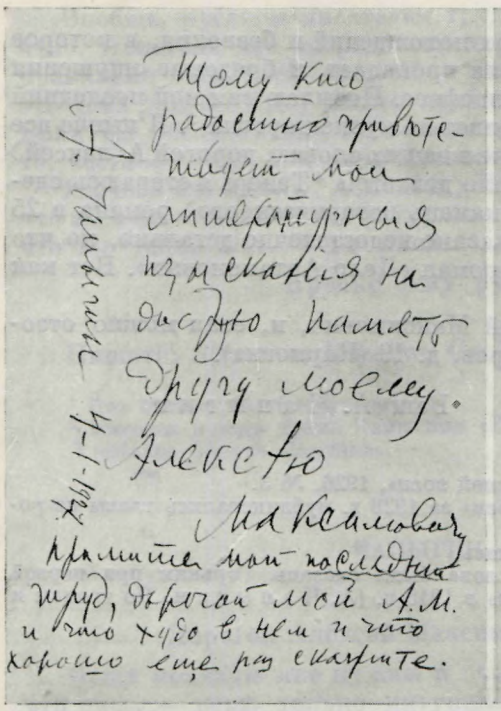
[4] Во всех номерах «Красной нови» за 1926 г. печатались тома II и III «Разина Степана».

[5] Рассказ «Лободыри» напечатан в «Красной нови», 1924, № 32.

[6] Имеется в виду Русско-германское акционерное книгоиздательство «Книга» (позднее «Международная книга»), организованное в 1921 г. в Берлине при деятельном участии И. П. Ладыжникова.

[7] Рассказ «К родным берегам» — «Russische Rundschau», 1925, № 8.

[8] С. А. *Адрианов* (1871—1941) — литературовед. В 1925 г. гостил у Горького в Сорренто.


Тому кто радостно приветствует мои литературные изыскания на добрую память другу моему Алексею Максимовичу. Примите мой последний труд, дорогой мой А. М. и что худо в нем и что хорошо еще раз скажите.
А. Чапыгин 4-1-1927

А. ЧАПЫГИН

РАЗИН СТЕПАН

РОМАН ИСТОРИЧЕСКИЙ

ТОМ ПЕРВЫЙ

АРТЕЛЬ ПИСАТЕЛЕЙ «КРУГ» 1926

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ А. П. ЧАПЫГИНА ГОРЬКОМУ НА РОМАНЕ «РАЗИН СТЕПАН» (М., 1926):

«Тому, кто радостно приветствует мои литературные изыскания, на добрую память другу моему Алексею Максимовичу. Примите мой *последний* труд, дорогой мой А. М., и что худо в нем и что хорошо, еще раз скажите. А. Чапыгин. 4—1—1927».

Личная библиотека Горького

10

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

〈Ленинград. 20 апреля 1926 г.〉

Дорогой мой Алексей Максимович!

Передо мной лежит ваш портрет, крупно напечатанный в «Красной нови» [1], и, глядя на него, такая-то тоска взяла меня по вас, что вот снова пишу, хотя на последнее письмо мое вы и не ответили. Обещался в нем я посылать вам «Красную новь» за 1926 г., но, увидав вашу работу [2], решил, что редакция и без меня то сделает, а журнал дорог — 2 р. книжка, они же пока оттисков не дали, а «Былое» прогорает! Задолжали мне, и неведомо когда получу и получу ли. И так нищенски платили, а тут еще затянули. Ну, да чёрт с ними!

Послали ли они вам VI-ю книжку с концом 1-й половины романа «Разин»?

Книжка недели полторы как вышла, и книжка декабрьская, а «Красная новь» так бежит, что скоро мне на хвост наступит! Я же запутался в пестрых узорах Персии, и идет моя телега с великим скрипом в гору. Еще нет поворота к трагедии — развязке, и еще много, много тяжелого пути впереди.

Не так давно повесился Сергей Есенин. Какая жалкая и страшная история — такой талант и душа русская, раздольная душа! Сгорел,

по-моему, он от бесконечных любовных похождений и безволия, в которое погружает ежедневное пьянство: воля пропадает, и бредовые ощущения и кошмары выступают в душе все рельефнее. Посылаю вам мой последний снимок, не осудите за ничтожный привет на куске картона [3]. Я нынче все же снял с себя тяготу, лежащую на мне в ваших словах, дорогой А〈лексей〉 М〈аксимович〉: «Вы много знаете и мало делаете!» [4] Теперь я стараюсь сделать больше, чем могу, и подымаю камень историческ〈ого〉 романа в 25 листов. Знаю, что о многом будет сказано недостаточно детально, но что делать! Радость берет, читая ваш роман «Дело Артамоновых». Вот как надо писать!

Будьте здоровы, дорогой Алексей Максимович, и, если можно отзовитесь: Ленинград, улица Литераторов, д. 19 (Карповка).

Ваш А. Чапыгин

20.IV.26.

[1] Портрет Горького напечатан в «Красной нови», 1926, № 3.

[2] В первых трех номерах «Красной нови» за 1926 г. публиковались главы из романа Горького «Дело Артамоновых».

[3] Фотография Чапыгина не сохранилась.

[4] По свидетельству Чапыгина, эти слова были сказаны Горьким при первой встрече с писателем в редакции «Летописи» в 1915 г. (А. Чапыгин. По тропам и дорогам. М., ГИХЛ, 1931).

11

ГОРЬКИЙ — ЧАПЫГИНУ

〈Сорренто.〉 1.V.26.

Дорогой мой Алексей Павлович,

я — корреспондент аккуратный и в свое время ответил на письмо ваше по адресу, вами данному, куда-то в деревню Олонецкой, а то — Вологодской губ., — не помню [1].

Спасибо вам за дружеское письмо, за память и за похвалу «Артамоновым», повести, которая более или менее сносно сделана лишь в начале ее. «Вот как надо писать»,— восклицаете вы. Нет, уж пожалуйста, не надо. А вот так бы, как вы пишете «Разина», написать 36 страниц о Василии Косом,— вот бы я был с праздником! Не вам, А〈лексей〉 П〈авлович〉, дорогой друг, говорить «Вот как»... и т. д. Когда я читаю Разина, у меня от зависти уши горят, а от радости — чуть не плачу. (Вот — черта: никогда за всю жизнь не плакал от горя, а от радости — не мало и, конечно, больше над книжками, чем над людьми.) Я этот ваш роман заставляю всех домашних читать, из второго экземпляра журнала выдрал и в Австралию послал, там у меня знакомый на сахарном тростнике деньгу зашибает, очень тонкий ценитель русского слова и старины русской знаток.

Был я уверен, что вы напишете нечто своеобразное и очень большое, еще до «Святослава» [2] верил в это, а теперь, вот, и оправдалась вера. И — как это хорошо, знаменательно, что у нас чувствуется тяга к историческому роману. Я и книгу Форш «Одеты камнем» хорошо встретил, и в «Кюхле» Тынянова много вижу. Да и сам тоже пишу нечто «прощальное», некий роман-хронику сорока лет русской жизни [3]. Большая — измеряя фунтами — книга будет, и сидеть мне над нею года полтора. Все наши «ходынки» хочу изобразить, все гекатомбы, принесенные нами в жертву истории за годы с конца 80-х и до 18-го. Тороплюсь, ибо — здоровье трещит, а жить трудно, денег и мне не платят. Пишу — не отвечают. На семи дубах Госиздата сидит какой-то неведомый человечек и — молчит непреклонно. А должен мне Госиздат — много.

Вообще, русским писателем трудно быть, это давно и многими замечено. Полагаю, что впереди еще труднее будет. Есенина мне жаль. Вы правильно оцениваете его. И — знаете что? — жизнь его и смерть — это тема для вас. Да. Никто лучше вас не поймет и не изобразит ее. Если вы после Разина не встанете на путь романиста «исторического», то, честное слово, вам надо написать роман о Поэте.

Я очень вас люблю, А〈лексей〉 П〈авлович〉. Очень. И не за то лишь, что вы замечательнейшая фигура в литературе русской, а— за всё. За то, что вы такой вот, а не иной.

Крепко жму руку. Будьте здоровы.

А. Пешков

Пишите: Sorrento, Massimo Gorki.

[1] Это письмо не обнаружено.
[2] Имеется в виду драма Чапыгина «Гориславич» (см. примечание к письму 6).
[3] «Жизнь Клима Самгина».

12

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

〈Ленинград. 8 июля 1926 г.〉

Дорогой Алексей Максимович!

Ваши похвалы мне нужны и очень ценны[1], ибо сам я часто не вижу, что пишу,— верю только интуиции, да и то бумаги перемарано очень много— напишешь, глядишь: этот кусок прочь и этот тоже, потом выбираешь. Долго приходится ходить и думать: как? Да некогда много ходить — надо поспешать, и так все время. Люди, конечно, есть, коим читаешь, но люди субъективны (одному — одно, другому — другое). Один знаток книги — давно это было — послушал кое-какие сцены, сказал: «Да... это новый тип исторического романа!». Один профессор, изучающий раскол и время протопопа Аввакума, сказал, что «это очень подлинно и ярко и очень ему нравится»! Говорил восхищенно о сцене с воеводой Самарским, а вот критика в лице Георгия Горбачева отозвалась так:

«Роман написан по-старинке: с пытками, казнями чрезмерными, с таинственными подземельями, и ничего нового не представляет» [2].

О Пильняке вы пишете сущую правду! [3] Какую ложь возвел болтун на ЦК, что дескать Фрунзе ВЦК приказал сделать операцию — у Фрунзе был рак желудка, и здесь никто ни указать, ни приказать не может, потому что человек обречен на смерть, никакой ВЦК погубить его не может,— обречен. Ложь. Но ложь Пильняку нужна, и эта косая шельма последнее время била на скандал, а хуже всего, что и Воронского замарал. Воронский — лучший из современных редакторов, а человеку, к которому В〈оронс〉кий относился более чем хорошо, марать хорошего было приятно, ибо Пильняк все-таки «человек из подполья», тут еще и старая поговорка: «бог шельму метит!». Первые вещи П〈ильня〉ка мне тоже нравились, хотя в «Голом годе» я видел много от *Белого*, но были иные, простые, вроде «Былье». Этот рассказ хорош! Потом же начал крутить и никогда до конца не доводил — начнет ладно, ярко, а кончит размазней; делает вид, что хочет сказать значительное и запутается в анекдотах. Молодые есть хорошие, верно: «Привет, Русь!» Леонов, Федин, Лавренев (отчасти), доктор Булгаков — «Роковые яйца» [4] — так, немножко с Уэллсом, но все же хорошо и умно. А молодежь? — ее современные критики в большинстве на колокольню тянут — зазвонят во вся! уйдут, а с колокольни ступенек-то нету, брякнется молодец и резвые ножки поломает. Многих так. Всеволода Иванова (талантливый) воз-

вели — звонили, а нынче сидит парень, приуныл что-то. Я верю, что справится, талантливый. Было время (старички то же делали), я раз их послал к матери — терпел, терпел, да и брякнул: Гребенщикова Георгия [5] ославили сибирским Горьким. Я сказал, что «Горький пока у нас один, другого нет». И верно ведь: какую скуку в «Чураевых» [6] развел, что скулы, зевая, свернешь, а слог газетный, и газета, где он много работал, да на войне корреспондентство не прошли ему даром,— интуиция его оглохла и ослепла. Вот-те пророчество борзописцев-критиков. И все так, хлестки черти, да души нет. Сережу [7] как вспомню — щемит душу. Жаль парня! Не часто такие бывают, но он прошел как Тореро из Ибаньеса [8]— «этот паренек, не учась, быка кладет, а дорого заплатит за храбрость!» Так и Сережа: последнее время стал воспевать кошмары, лежал на битых бутылках пьяный, истекал кровью, вылечился, написал сильное стихотворение «Снежная ночь», тройка, пылит холодом в лицо. Кончалось: «Нет проклятой тройки! Я проснулся и лежу на больничной койке». Потом «Черный человек» — поразительный кошмар белой горячки. А культура все слабее, а воли все меньше — алкоголь убивает волю.

Про Соболя [9], чтоб быть честным, ничего не скажу,— раза два я его видал в Москве, и не знал его совсем, так мелькнул только.

Молодые писатели МАПа — ВАПа, ЦАПа и других ассоциаций густо невежественны, в этом их смерть. Один со мной пространно рассуждал о том, что де «психология — это штука буржуазная, и мне — пролетарскому писателю — она не нужна». Ну и ладно! Ругаться тут не о чем, можно сказать: «Так тебе и надо!» Самое худое, что некоторые из них знают, что учиться надо и усвоить многое надо, да уж больно долго идти, а вот поскорее — отрицай всё, лупи всё словом «мещанство! буржуазное! не классовое» и прочее, читай себя, да слушай, что критики говорят. А критики ведут без компаса по тропам литературы и сами путно не знают леса, оттого здесь, в Питере, многие рабочие в библиотеках заводских кричат: «Давайте нам классиков! Современную литературу не надо».

Нынче мне Клейнборт [10] рассказывал:

Было собрание многих власть имущих редакторов. Решили, постановили: «Не печатать ничего не рабоче-крестьянского! Ближе к рабочим и крестьянам. И только такую литературу издавать». То-то будет опять макулатуры! И так лежат битком набитыми подвалы госиздатов, все идет в перемол. Беда в том, дорогой А⟨лексей⟩ М⟨аксимович⟩, что в госиздатах на редакторских стульях сидят, как на воеводском кормлении, ему бы на суконной фабрике место, а он рукописи принимает или бракует. Ну, это их дело — редакторов! Только уж государству очень убытошно.

Как-то услыхал, что будто бы вы собирались навестить нас? И возрадовалось мое сердце, да потом подумал, решил: «нет, незачем А⟨лексею⟩ М⟨аксимовичу⟩ ехать!» С Коутсом [11] простился 11 июня. Был на «Снегурочке». Эх, дирижер! Очарование. И человек настоящий, широкий. Поехали с женой в Англию, обещались к вам в Сорренто.

Сижу вот — надо Астрахань писать и к концу, по обещанию перед редактором, двигаться — а меня хоть за волосы тащи к столу! Тяжело эти камни ворочаются, а главное — машина стучит — давай! Тут они в VI книжке «Персия» — разгром Дербента — вверх ногами все персидские слова поставили: «Вай аствдз!», армянское «Ах, господи!», напечатали: «Солдат, любящий шаха» и в этом роде.

То-то ругнет меня какой-нибудь знаток-востоковед! На радость мне.

Вы себя, дорогой А⟨лексей⟩ М⟨аксимович⟩, берегите! Мне же, как наши северяне говорят: «Чёрт деет!»

Будьте здоровы, милый!

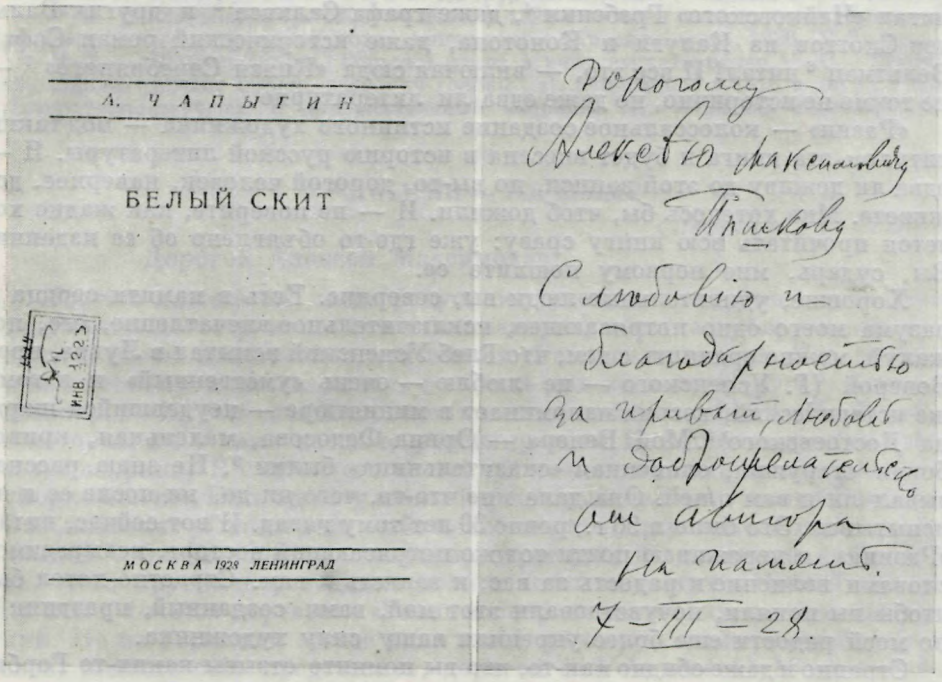
Ваш А. Чапыгин

8. VII — 26

[1] Имеется в виду письмо Горького от 17 июня 1926 г. (т. 29, № 828).

[2] Речь идет о статье Георгия Горбачева «А. П. Чапыгин (тематика и идеология его рассказов и повестей)».— В кн.: Георгий Горбачев. Два года литературной революции. Л., «Прибой», 1926. В статье говорится: «О последнем романе Чапыгина о „Степане Разине" трудно говорить до его окончания. То, что опубликовано, показывает усидчивую работу над языком, бытом и социальной жизнью эпохи, широкое и умелое развертывание сюжета, и одновременно — подчинение шаблону старого исторического романа, с ужасными казнями, необычайными побегами, сверхъестественно сильными героями, подземными тайниками» (стр. 146—147).

[3] В письме Чапыгину от 17 июня 1926 г. Горький резко отрицательно отозвался о «Повести о непогашенной луне» Б. Пильняка: «Прочитал скандальный рассказ Пильняка „Повесть непогашенной луны",— каково заглавьице? Этот господин мне противен, хотя, в начале его писательства, я его весьма похваливал. Но теперь он



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ А. П. ЧАПЫГИНА ГОРЬКОМУ НА КНИГЕ «БЕЛЫЙ СКИТ» (М.— Л., 1928):

«Дорогому Алексею Максимовичу Пешкову с любовию и благодарностью за привет, любовь и доброжелательство от автора на память. 7—III—28».

Личная библиотека Горького

пишет так, как будто мелкий сыщик: хочет донести, а — кому? — не решает. И доносит одновременно направо, налево. Очень скверно. И — каким уродливым языком все это доносится!» (т. 29, с. 470). Далее речь идет о книге рассказов Б. Пильняка «Былье». М., «Звенья», 1919, и романе «Голый год». Берлин, изд. Гржебина, 1923.

[4] «Роковые яйца», фантастико-сатирический рассказ М. А. Булгакова.— Альманах «Недра», № 6, М., 1926.

[5] Георгий Дмитриевич *Гребенщиков* (псевдоним — Сибиряк, р. 1882) — писатель, в 1916—1917 гг. активно сотрудничал в «Летописи», после Великой Октябрьской социалистической революции — эмигрант.

[6] «Чураевы» — роман Г. Гребенщикова. Берлин, 1925.

[7] С. А. Есенина.

[8] Хуан Гальердо, герой романа Винсенте Бласко Ибаньеса «Кровь и песок».

[9] В письме от 17 июля 1926 г. Горький упоминает о самоубийстве писателя А. М. Соболя.

[10] Лев Максимович *Клейнборт* (1875—1938) — критик.

[11] Альберт *Коутс* (1882—1953) — английский дирижер, родился в Петербурге; 1910—1919 гг. был дирижером Мариинского оперного театра. Неоднократно гастролировал в Советском Союзе и встречался с Горьким.

13

ГОРЬКИЙ — ЧАПЫГИНУ

⟨Сорренто. Конец июля — начало августа, 1926 г.⟩

Дорогой друг,

прочитал в очередной книге «Кр⟨асной⟩ нови» «Разина»[1] и снова изумлен, снова с праздником. Человек, который сказал вам: «Да, это новый тип исторического романа»,— сказал неоспоримую правду. Так оно и есть,— до «Разина» такой книги в русской литературе не было, «Война и мир» — по типу своему — роман не исторический. А кроме «В⟨ойны⟩ и м⟨ира⟩» — о чем же можно говорить? Я прочитал всех Р. Зотовых, Масальских [2], Загоскиных, Лажечниковых, Данилевских [3] и т. д., читал «Чайковского» Гребенки [4], даже графа Салиаса [5] и других Вальтер Скоттов из Калуги и Конотопа, даже исторический роман Софьи Вельтман [6] читал! И все это, — включая сюда «Князя Серебряного» [7] — не токмо не исторично, но даже едва ли литературно.

«Разин» — колоссальное создание истинного художника — под таким титулом эта книга и будет внесена в историю русской литературы. Я — едва ли доживу до этой записи, но вы-то, дорогой человек, наверное, доживете. Мне хотелось бы, чтоб дожили. И — не поверите, как жадно хочется прочитать всю книгу сразу: уже где-то объявлено об ее издании. Вы, сударь, мне первому пошлите ее.

Хорошие, удивительные люди вы, северяне. Есть в памяти сердца и разума моего одно потрясающее, исключительное впечатление, его, пожалуй, можно сравнить с тем, что Глеб Успенский испытал в Лувре, пред Венерой (Г. Успенского — не люблю — очень «умственный» и к тому же истерический, весьма напоминает в миниатюре — неудавшийся шарж на Достоевского)[8]. Моя Венера — Орина Федосова, маленькая, кривобокая старушка, олонецкая «сказительница» былин [9]. Не знаю, рассказывал ли я вам о ней. Она дала мне что-то, чего ни до, ни после ее я не испытывал. Это было в 96 г., ровно 30 лет тому назад. И вот сейчас, читая «Разина», я переживаю почти тот же потрясающий восторг, невыразимое словами волнение и радость за вас, и зависть к вам. Страстно хотел бы, чтобы вы поняли, почувствовали этот мой, вами созданный, праздник и по моей радости еще более укрепили вашу силу художника.

Странно и даже обидно как-то, что вы помните отзывы каких-то Горбачевых [10] — зачем вам? Вот Дивильковский в сумбурной статье своей тоже что-то написал о «Разине» [11] — но ведь это же никому не нужно! Бросьте все это, не читайте, не слушайте, не мешайте себе. Берегите себя, будьте здоровы. Крепко обнимаю.

А. Пешков

В «К⟨расной⟩ нови» понравилось мне стихотворение «Гоголь». Кто это Дружинин? [12] Молодой? Что делает Клюев? Кого из молодых поэтов вы считаете талантливым? Тихонов неплохо написал о стихотворцах [13].

Сердечно приветствую.

А. П.

Датируется по содержанию и письму 14.

[1] В «Красной нови», 1926, № 7, напечатаны главы IX («Чикмаз»), X («Жребий») и XI («Шах и послы») романа «Разин Степан».

[2] Р. М. *Зотов* (1795—1871) — автор «Леонида»; К. П. *Масальский* (1802—1861) — автор «Стрельцов», «Регентства Бирона» и др.— исторические романисты, популярные в тридцатых годах XIX в.

[3] Г. П. *Данилевский* (1829—1890) — автор исторических романов «Мирович», «Сожженная Москва», «Черный год».

[4] Е. П. *Гребенка* (1812—1848) — украинский писатель, автор исторического романа «Чайковский».

[5] Е. А. *Салиас де Турнемир* (1840—1908) — автор исторического романа «Пугачевцы» и др.

[6] Софья *Вельтман* (ум. в 1868) — автор исторического романа «Приключение королевича Густава Ириковича, жениха царевны Ксении Годуновой».

[7] «Князь Серебряный» — исторический роман А. К. Толстого.

[8] Имеется в виду рассказ Г. Успенского «Выпрямила (отрывок из записок Тяпушкина)». В других своих высказываниях Горький высоко оценивал Г. Успенского как художника, «великолепного наблюдателя деревенской жизни» (статья «Семен Подъячев», т. 24, с. 240), и в статье «Беседы о ремесле» писал: «Я думаю, что на мое отношение к жизни влияли — каждый по-своему — три писателя: Помяловский, Глеб Успенский и Лесков» (т. 25, с. 348).

[9] Свои впечатления от выступлений известной русской сказительницы и песенницы Орины Федосовой (1831—1899) на Всероссийской промышленной выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г. Горький описал в очерках «На выставке» и «Вопленница» (т. 23, с. 188—189, 230—234). См. также «Жизнь Клима Самгина» (т. 19, с. 523—526).

[10] См. письмо 12, прим. 2.

[11] А. А. Дивильковский. На трудном подъеме.— «Новый мир», 1926, № 7.

[12] П. Д. *Дружинин* (р. 1890) — поэт, в 1926 г.— член литературной группы «Перевал», его стихотворение «Гоголь» напечатано в «Красной нови», 1926, № 7.

[13] По всей вероятности, Горький имеет в виду стихотворение Н. С. Тихонова «Молодняк» («Летят рубли, вдогонку головы...»), написанное в 1926 г. («Гул земли». Литературно-научный и художественный сборник. Л., «Красная газета», 1928).

14

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

〈Ленинград.〉 17—VIII—26.

Дорогой Алексей Максимович!

То, что пишете вы, меня радует бесконечно, но я боюсь, что, читая фрагменты моего романа, это вам нравится, а когда соберу в книгу, то первое, яркое впечатление для вас от «Разина» пропадет. Уж, конечно, я вам первому пришлю книгу, а взял ее для издания «Круг» [1]. Заключен договор. В «Круге» главным состоит наш общий знакомый А. Н. Тихонов, с которым мы с вами когда-то редактировали II-й пролетарск〈их〉 писателей сборник. Я считаю его своим человеком, но пока на мои письма он упорно молчит. Есть здесь у меня драгоценный человек, некто Вас〈илий〉 Вас〈ильевич〉 Гельмерсен — большой знаток старонемецкого и нового языков [2]. Он, например, прекрасно переводил на немецкий язык Клюева, чего другие переводчики делать почти не могут. И вот Гельмерсену очень хочется перевести «Разина» современным веку языком на немецкий. Но из Германии всегда один и тот же ответ, что переводчики у нас свои. Можете себе представить, дорогой мой А〈лексей〉 М〈аксимович〉, как они не переведут, а «перевруг» «Разина» без автора. Преимущество Гельмерсена заключается в том, что во всех сомнительных и трудных случаях он будет советоваться со мной, и совместно мы справимся с задачей. А как будут заглазно обходиться заграничные переводчики, это и представить нельзя. Так вот, дорогой мой, очень вас прошу помочь нам и посоветовать какой-либо немецкой издательск〈ой〉 фирме издать «Разина» по-немецки по переводу из России, т〈о〉 е〈сть〉 от автора. Было бы прекрасно, ибо немцам всегда хотелось знать о Разине не так, как они знают из прежних работ литерат〈оров〉 о нем. Если бы такая издательская фирма нашлась и написала нам, то мы бы приступили к переводу романа.

Простите, что так осложняю ваше внимание, но тут не один я!

Еще присылаю вам устав кооперативного издательства «Современник» [3], где делают меня редактором беллетристич〈еского〉 отдела. И как редактор, в согласии со всеми участвующими писателями и учеными, мы просим вас, если можно:

1) Дать для начала какую-либо из ваших работ (условие о гонораре и прочее напишите).

2) Может быть, пожелаете быть пайщиком кооперативного издательства «Современник». И то напишите нам. В издательстве участвуют

люди, исключительные по своим заслугам. Устав и обращение в гублит прилагаю [4].

Дорогой Ал⟨ексей⟩ Макс⟨имович⟩, вы спрашиваете о Дружинине. Я не знаю его. Это молодой, начинающий? Из поэтов после Есенина я считаю очень талантливым Петра Орешина. Беда лишь в том, что у него туберкулез ушной области, что крайне опасно, и ему пить нельзя, он же пьяница... Но человек, безусловно, ценный и даровитый очень! Поэт Тихонов — умный и серьезный парень. Клюев — захирел, ибо ему печатать то, что он пишет, негде, а когда делает вылазки в современность, то это звучит вместо колокольного звона, как коровий шаркун, последнее время даже иконы писал, чтобы заработать хоть что-нибудь. Теперь он где-то в деревне, но не в Олонецкой, а Новогородской.

Спасибо вам! О критиках вы так сказали, как надо!

Вот тут на днях Виктор Шкловский что-то накукарекал о вас [5] ⟨...⟩

Бесконечно рад буду, когда придет время и я смогу послать вам «Разина».

Ваш, любящий вас
А. Чапыгин

[1] «Разин Степан» был издан изд-вом «Круг» в 1926—1927 гг.
[2] См. письмо 7, прим. 12.
[3] Это издательство организовано не было.
[4] Этих документов в АГ нет.
[5] В. Шкловский. О Пешкове-Горьком.— «Красная газета» (вечерний выпуск), 1926, № 187, от 13 августа. Вошло в книгу В. Шкловского «Удачи и поражения Максима Горького». Тифлис, Заккнига, 1926. В статье, напечатанной в «Красной газете», Шкловский критикует «Дело Артамоновых».

15

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

⟨Москва. Начало ноября 1926 г.⟩

Дорогой мой Алексей Максимович!

Ваши письма всегда *вливают* в меня (банально говорю) уверенность и бодрость, а, главное, нет человека, включая и меня самого, кто бы так внимательно и глубоко вдумывался в то, что я пишу. Теперь, чтоб порадовать вас, ибо вы настаивали,— я закончил роман по замыслу до конца — начал встречей с Ириньицей и кончил ее смертью.

Конспект таков:

1) везут (толпа)
2) земский двор и пыточные речи Разина, краткий очерк пейзажа Кремля
3) атаманы (старшины) у царя — награда царская
4) бахарь Вологжанин, песня о соколе-богатыре (народн⟨ое⟩ мифотворчество о персидск⟨ой⟩ княжне). Сын Разина
5) Ириньица — голова казненного Разина. Смерть Ириньицы. Бахарь и сын Разина.

Кончается краткой датой июня 6, 1671 г.

В ночь, как казнили Разина, пономарь Трошка сорвал кусок приговора со столба и переписывает (отрывок приговора).

Надо еще не заленившись (пока бью баклуши); написал лишь краткое воспоминание о Есенине [1], а не заленюсь, то напишу сцены в Москве:

1) везут Разина
2) земский приказ (двор)
3) у Ириньицы
4) у царя — награда Корнею Яковлеву и их торжество
5) сын Разина, смерть Ириньицы и бахарь Вологжанин.

Сегодня только что явился ко мне представитель нового Берлинского издательства [2]. Их внимание обратила на роман берлинская книжная фирма «Книга». Просят напечатать в их рабочем иллюстр‹ированном› журн‹але› еженедельном (среда) «Arbeiter Illustrierte Zeitung»[3].

О гонораре не сговорились пока, а мое настойчивое требование авторизированного перевода принимают, у меня же есть здесь замечательный переводчик [4], который переводит даже *Клюева*, с моей помощью он переведет роман, а роман ему очень нравится.

ГОРЬКИЙ В ПРЕЗИДИУМЕ I ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА КРЕСТЬЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, 6 ИЮНЯ 1929 г., МОСКВА

Рядом с Горьким за столом (слева направо): А. Я. Дорогойченко, И. А. Батрак, А. П. Чапыгин, А. А. Субботин. Позади Горького А. А. Тверяк

Фотография

Музей Горького, Москва

Как ваше здоровье, дорогой мой? Ничего так не желаю на свете, как то, чтоб судьба дала видеться и говорить с вами!

Ваш А. Чапыгин

Датируется по письмам 16 и 17.

К письму приложена почтовая открытка с репродукцией картины В. Н. Пчелина «Казнь Степана Разина». Рукою Чапыгина к названию картины приписано: «На Болоте», а ниже — следующий текст:

Разин: С паденьем головы удалой
Всему, ты думаешь, конец?
Из каждой капли крови алой
Отважный вырастет боец ...

(из драмы «Степан Разин» Вл. Гиляровского).

[1] Эти воспоминания Чапыгина не обнаружены.

[2] См. письмо 18, прим. 2.

[3] В журнале «Arbeiter Illustrierte Zeitung» за 1927 г. отрывки из романа «Разин Степан» не печатались.

[4] См. письмо 7, прим. 13, и письмо 14.

16

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

〈Ленинград.〉 17—XI—26.

Дорогой Алексей Максимович!

Что-то нет от вас весточки, а я соскучился, и вот прилагаю при сем письме последний свой снимок [1],— он лучше и крупнее первого, он вам напомнит, что надо бы написать мне. Послал я вам, правда, до этого, в письме много нелепостей, но то просил меня переслать вам издатель Некрасов, а именно: устав и просьбу сотрудничать [2]. Должно быть есть у меня какая-то судьба, которая убирает с моей дороги много мусорного и ненужного. Этот человек с профессорами, без моего согласия, взяли меня в редакторы, а я такой кислый, что не мог их послать к чёрту. Мне не нравилось, а все же разные бумаги я подписал как редактор на разрешение, и, к моему удовольствию — все пока провалилось. Смутило меня и заставило согласиться на редакторство обилие очень заслуженных людей.

Роман, худо ли — хорошо, окончил разгромом в Симбирске — раной Разина и историческим кратким сообщением о дальнейшем... [3]

В АГ сохранился лишь первый лист письма, продолжение не обнаружено.

[1] На фотографии, приложенной к письму, надпись: «Дорогому Алексею Максимовичу на долгую память. А. Ч а п ы г и н» (АГ).

[2] См. письмо 14.

[3] В «Красной нови», 1927, № 12, напечатан сокращенный вариант конца романа «Разин Степан» (без главы «Москва последняя»). Для отдельного издания Чапыгин дописал роман по плану, сообщенному им Горькому в предыдущем письме.

17

ГОРЬКИЙ — ЧАПЫГИНУ

〈Сорренто. 24 ноября 1926 г.〉

Дорогой Алексей Павлович, —

немцы, которые предлагают вам продать им «Разина», это «Malik Verlag»?[1] Если — да, то это, кажется, очень порядочные люди. О «Разине» с ним говорил, по моему поручению, Петр Петр〈ович〉 Крючков, представитель «Междунар〈одной〉 книги» в Берлине, а затем у меня был директор фирмы Эд〈уард〉 Фукс [2] и выразил мне свое согласие взять ваш перевод, о чем я вам и писал в письме, которое вы, очевидно, не получили. Думая, что вы человечина не весьма «деловая», я бы посоветовал вам вот что: вышеназванный Крючков в декабре месяце будет в Москве, адрес его вы можете узнать в магазине «Междунар〈одная〉 книга» на Кузнецком у Ивана Пав〈ловича〉 Ладыжникова или Мих〈аила〉 Конст〈антиновича〉 Николаева [3]. Крючков, человечек безусловно честный, мой приятель, и он может быть очень полезен вам для переговоров с немцами. Он их хорошо знает, и ваши интересы будет отстаивать свирепо. Вот «Разин» же — чем дальше, тем мощнее, и если вы «заленитесь», да не допишете пяти намеченных вами сцен, так это будет преступление. Симбирском книгу нельзя кончать, поверьте мне! [4] И как это можно грозить: «заленюсь»? Ведь вы не капризный юноша, которому не совсем ясна огромность задачи, взятой им на себя. Нет, уж вы не шалите. И сын Разина, и Вологжанин-бахарь, это как раз и будут колокола на колокольне, созданной вами.

Я читаю книгу с трепетом и благоговением. Вы, кажется, и сами не ясно сознаете, какое это событие в истории русской литературы, ваш «Разин», а ведь история-то литературы нашей — самое величественное 〈явление〉 русской истории, что до сей поры еще не понято и не удивило.

Но, когда-нибудь, люди, похорошев сердцем, удивятся величию словесного искусства России и удивятся пред вами, человеком, который в адовых условиях мог создать столь прекрасную и мощную книгу.

Всего доброго, дорогой.

А. Пешков

24.XI — 26. Sor‹rento›.

Эдуард Фукс — автор огромнейших книг — «История нравов», «История эротического искусства», «Женщина в карикатуре» и т. д. Зубы у него золотые, руки деловые, мозг — тевтонский.

[1] «Malik Verlag» — прогрессивное издательство, существовавшее в Берлине в 1923—1932 гг.

[2] Эдуард *Фукс* (1873—1942) — немецкий ученый-искусствовед и издатель. В 1924—1933 гг. член КПГ, в 1933 г. эмигрировал в США и отошел от политической деятельности. 12—24 октября 1926 г. вел в Сорренто переговоры об издании биографии Горького на немецком языке. Горький в дальнейшем называет следующие книги Э. Фукса: «Die Frau in der Karikatur» (1907), «Erotische Kunst» (1907), «Illustrierte Sittengeschichte» (1909—1912).

[3] Михаил Константинович *Николаев* (1882—1947) — издательский работник, в то время заведовал книжным отделом «Международной книги».

[4] См. письмо 16, прим. 3.

18

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

‹Ленинград. 9 декабря 1926 г.›

Дорогой Алексей Максимович!

То, что вы пишете о конце романа «Разин», вы совершенно правы, а что я употребил неподходящее слово (заленюсь), то для этого были причины и вот какие: мне было заявлено редакцией «Красная новь» категорически — «кончать роман к 5-му ноября!» И я кончил! В 18 дней мне пришлось написать 3 печатных листа, а материал был самый упорный, и я, почти не разгибаясь, зудил день и ночь — делал и переделывал, и снова делал,— и устал... Устал, поверите ли, ужасно. Я рассчитывал, что конец допишу для отдельного издания, но вижу, что и того не удастся, ибо завалили корректурами, гонят на перекладных с колокольчиками и по пятам. Сейчас сижу за концом романа, а первый том выходит на днях. Прислали чистовую верстку 1-го тома, и, когда я ее прокорректировал, найдя кучу ошибок, мне ответили, что «это послано вам не для корректуры, а просмотреть распределение глав!» Теперь дом покрыт, только на князьке не вышилены петухи, да не приколочены резные брови [1], а жить в нем можно... Конец романа я напишу теперь же, пока свеж материал и пока еще мои пыльные заметки по роману в глазах, а печатать конец, может быть, отдельно где-нибудь, и войдет он уже во второе издание, ежели таковое будет.

Спасибо вам за немцев, но это не Эдуард Фукс, не «Malik Verlag», а «Neuer Deutscher Verlag» [2]. Я запросил с них (ибо письмо ваше пришло позже переговоров), запросил 100 марок печатн‹ый› лист, с переводом включая.

В один день с вашим ко мне пришло письмо из Германии. Они запрашивают о количестве листов (которых я еще в точности не знаю — писал об этом в Москву). И еще просят прислать им пробный перевод одной главы чтоб судить, каково это будет? Словом, считают у коровы на рогах рубцы — скольких ‹родила› она телят, чтоб судить о ее годах.

Материал романа журналу для декабрьской книжки достался тяжкий, и я боюсь, чтобы они не выпустили чего-нибудь. В ноябрьской книжке начаты главы: «Лазунка в Москве» (они и половины не напечатали), да послана им «Астрахань—суд—расправа», «У Самарской Луки», «Симбирск» и послесловие, правда, краткое.

«Лазунка в Москве»—там еще сцены — у царя, кабак у моста, смотр царских войск, Ириньица и дьяк, анафема Разину, Лазунка и Шпынь в Наливках.

Спасибо вам, дорогой мой А〈лексей〉 М〈аксимович〉, что вы так близко принимаете к сердцу мои дела и писанье. Я же буду вам послушен и, развязавшись с корректурой, на днях примусь за конец романа. Надо кончить избу с узорами!

Любящий вас
ваш А. Чапыгин

9—XII—26.

Первый том, как только выйдет, пошлю вам! [3] Будет роман в трех книжках, должно быть листов 30 или около того?

Последнюю послал я вам свою карточку и не ведаю — получили ли?

[1] «Бровь» — карниз (плотницкий термин).
[2] «Neuer Deutscher Verlag» — берлинское издательство (1924—1930).
[3] Книга «Разин Степан», т. 1. М., «Круг», 1926, была послана Горькому с дарственной надписью: «Тому, кто радостно приветствует мои литературные изыскания, на добрую память другу моему Алексею Максимовичу. Примите мой *последний* труд, дорогой мой А. М., и что худо в нем и что хорошо, еще раз скажите. А. Чапыгин. 4—I—1927» (ЛБГ).

19

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

〈Ленинград. 5 февраля 1927 г.〉

Думаю теперь, дорогой мой, что вам не в чем упрекать меня, да и сам я вынул из души занозу, т〈ак〉 как недописанное неотвязно стояло в моем воображении, теперь же потухло. Пишу вам с 5 февраля на 6-е, нового 1927 г. Взял сегодня билет в Москву. Завтра еду на две недели: надо повидать людей; там есть кое-кто, кого я люблю, напр〈имер〉 Иван Касаткин [1] и Новиков-Прибой, и еще актеры IV студии — Бабанин [2] и иные. Через две недели вернусь и проживу здесь недели $1^1/_2$, уеду в Олонецкую на месяц и, когда осядусь снова здесь,— напишу вам. А, кстати, сегодня сообщили, что II том вышел [3], то пошлю вам перед отъездом в деревню и, возможно, к тому времени выйдет конец. Спасибо вам, дорогой А. М., за поправки [4]:

чебаки на Дону — лещи, но тут рядом (лещи) в скобках не вычеркнуто.

опорки — оборки (опечатка).

шемайка — на Дону — мелкая рыба и не то, что на Волге (эти сведения от казака некоего Бандалакова, старый мой знакомый, только вижусь с ним редко, ибо сам он был литературный человек, бросил, и теперь его книжный червь гложет, брюзжит!) Мухи, правильно вы пишете, и «ларь с сараем», и «пуки камыша» — не ладно все это, правильно, надо исправить.

Критике трудно приходится с моей книгой,— ей надо будет ползать по всем там путям и дорогам, многим и многим, чтобы дойти 〈от〉 начала и 〈до〉 конца, а критика, особенно наша, привыкла валять с плеча или по заказу от редакции: «Этого хвали! Того облюй хорошенько!», но с моей книгой она в большинстве поступает просто: «Надо читать со словарем», «Тяжело и грубо написано!». Ну и чёрт с ними.

Как ваше здоровье, дорогой мой? Вы всё же подумайте о главном капитале — здоровье, и не швыряйтесь. Побездельничайте хоть немного.

Ваш А. Чапыгин

Ответ на письмо Горького от 15 января 1927 г. (т. 30, № 845).

ГОРЬКИЙ СРЕДИ ДЕЛЕГАТОВ I ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА КРЕСТЬЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Фотография, Москва, 6 июня 1929 г.

Музей Горького, Москва

[1] Иван Михайлович *Касаткин* (1880—1940) — советский писатель.
[2] Константин Михайлович *Бабанин* (р. 1886) — актер, состоял в труппе МХАТа в 1906—1924 гг. В соавторстве с К. М. Бабаниным Чапыгин написал пьесу (по роману «Разин Степан») «Атаман Солейного бунта» (М., «Федерация», 1931). Эта пьеса была послана Чапыгиным Горькому в ноябре 1933 г.
[3] Второй том «Разина Степана» вышел в изд-ве «Круг» в марте 1927 г.
[4] В письме от 15 января 1927 г. Горький писал: «Разрешите указать на несколько описок, мною замеченных:
На стр. 79 — „Чебаки, лещи" и сноска под страницей: „Лещи". Выходит: „Лещи, лещи". В низовьях Волги чебаком иногда зовут сазана.
105 — „Шемайка" —рыба не мелкая, „шемая" или „рыбец". Курт крупнее сельди.
108 — „*пуков* камыша" — неладное слово „пук" камыша.
122 — „от ларей ларь с сараем" — непонятно и трудно читается.
125 — „мухи *всех сортов*" — не в тоне языка.
157 — „завязал *опорки*" — не оборы ли?» (т. 30, с. 8—9).

20

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

⟨Ленинград.⟩ 1—4—27.

Дорогой Алексей Максимович!

Присылаю вам I том «Степана» [1]. Мне А. Н. Тихонов написал коллективное мнение «Круга» о романе, что де «много песнопений и пиров», предлагая урезать середину и дописать конец с казнью. А так как казнь я считаю делом банальным, то, как вам известно по моему конспекту,— я отвергнул их предложение. Написал им, как я хотел и хочу дописать конец романа. Но они не отвечают. Поеду на днях в Москву и выясню. Конец допишу. Материал собран.

Ваш А. Чапыгин

[1] См. письмо 19, прим. 3.

21

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

⟨Ленинград. Июль — август 1927 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

Что-то давненько не имею от вас вести [1], милый, и соскучился!

Первое — послали ли вам из «Круга» II и III тт. [2] «Разина» — мне казалось, что упаковывали, а потому — послали?

Книга вся разошлась. Продал Госиздату Собрание сочинений, и Н-е издание «Разина» будет у них[3] — прилагаю при сем письме опечатки II и III тт.

Прошу вас написать, каково в целом, в книге, кажется вам? Посылаем вам с Григорием Петниковым его перевода книгу: «Молодая Германия XX в. *Поэзия*» [4]. Напишите также об ней свое мнение. Я уезжаю на две недели в *Новгород*, хочу посмотреть осколки старины (в Новгороде есть у меня друзья), потом вернусь и поживу еще и уеду недели через две глядеть Русь — поеду опять на Волгу.

Дорогой Алексей Максимович!

Очень вас прошу написать в Москву кому-либо из власть имущих о *Клюеве*, — его заклевали, и он бедствует, а между прочим, поэт крупный и человек незаурядный — пусть ему как-нибудь помогут. Не печатают его, и живет он по-собачьи. Жаль будет, если изведется!

Я ничего не пишу, и в голову ничто не лезет — начну с осени, а и то сказать: не дети плачут.

Как ваше здоровье, дорогой мой, и слышал я от А. Н. Тихонова, что кончили ту большую вещь о ходынках [5], ту, о которой писали как-то мне?

Ваш А. Чапыгин

Ул. Литераторов, 19.

Датируется по содержанию.

[1] Горький писал Чапыгину 20 мая 1927 г. (см. т. 30, № 860).

[2] Третий том «Разина Степана» вышел в изд-ве «Круг» в июле 1927 г.

[3] А. П. Чапыгин. Собр. соч. в 7 томах. М.— Л., Госиздат, 1927—1928. А. П. Чапыгин. Разин Степан. М., Госиздат, 1928.

[4] Григорий Николаевич *Петников* (р. 1894) — поэт и переводчик. Под его редакцией вышла книга: «Молодая Германия. Антология современной немецкой поэзии». Харьков, Госиздат Украины, 1926. Стихи переведены не только Петниковым, но и С. Городецким, М. Зенкевичем, А. Луначарским, О. Мандельштамом, Б. Пастернаком, Ф. Сологубом и др.

[5] См. письмо 11, прим. 3. В конце 1926 или в начале 1927 г. Горький закончил первый том романа «Жизнь Клима Самгина» и приступил к работе над вторым томом.

22

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

〈Ленинград. 30 июля 1930 г.〉

Дорогой Алексей Максимович!

Очень меня порадовало ваше письмо — и сообщение, что «о „Моей жизни“ напишете в поучение» [1].

Вторую книжку [2] пошлю вам, как только выйдет, но с печатью у нас идет медленно. Извините, что побеспокоил вас относительно семейства доктора [3]. Мне было просто жаль девочку — талантливая, а родители боятся за дальнейший прогресс туберкулеза,— здесь ей мало солнца. Ну, баста!

С осени хочу начать роман XVII в. о старообрядцах — Аввакум с братией — «Беглая Русь» [4].

Трудно начать, а начну, тогда придется думать и возиться — боюсь возни.

Ваш А. Чапыгин

30 VII — 30.

[1] 26 июня 1930 г. Чапыгин послал Горькому автобиографическую повесть «Жизнь моя». Л., «Прибой», 1930. 4 июля 1930 г. Горький писал Чапыгину: «Книжку получил, прочитал — очень интересная, и, как всегда у вас, много своеобразного, неожиданного, что видит только ваш хитрый и острый глаз. Кое-где почувствовал я некоторую небрежность языка, может быть, нарочито допущенную, но все же я ппррротестую 〈...〉 Вторую вашу книгу буду ждать с нетерпением. Хочется мне написать немножко и в „поучение юношам“ о вашей „жизни“» (т. 30, с. 174).

[2] Вторая автобиографическая повесть Чапыгина «По тропам и дорогам» печаталась в журнале «Земля Советская», 1930, №№ 11—12. Отдельное издание — М.—Л., ГИХЛ, 1931.

[3] В письме от 26 июня 1930 г. (АГ) Чапыгин просил Горького оказать содействие доктору Г. М. Рутенбергу в отправке его дочери на лечение за границу.

[4] Впоследствии роман был назван «Гулящие люди».

23

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

〈Ленинград.〉 1—X—30.

Дорогой мой
Алексей Максимович!

Присылаю вам снимок с барельефа, сделанный скульптором Лео Дитрихом [1] ко дню моего 60-летия: 1870—1930.

Но не за тем я посылаю вам мой портрет, чтоб напомнить, что я уж старый чёрт, а потому что хочу получить от вас вашу фотографию, которой не имел и не имею, кроме олеографий, сделанных с вас, а пора мне ее, эту фотографию, иметь — вы ведь знаете, что я люблю вас!

Вот и всё. Будьте здоровы и благополучны.

Ваш А. Чапыгин

[1] Леопольд Августович *Дитрих* (1877—1954) — советский скульптор.
На обороте снимка барельефного портрета надпись рукою Горького: «Алексей Павлович Чапыгин. Работа Лео Дитриха».

24

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

⟨Ленинград.⟩ 12—VIII—31.

Дорогой Алексей Максимович!

Присылаю вам II том «Моей жизни» [1] (книга не поправлена, ошибок много — не взыщите!). III т. наполовину написан мной (6 листов), но две редакции отказались его печатать, а в третью не понес и бросил это занятие. Все говорят — не актуально и субъективно написано, а я писал и думал, что это будет лучшая из книг, непохожая на 1-ю и 2-ю. В ней я (в III части) проводил сюжет большого рассказа о зверином быте мастеровых дореволюционного периода — рассказ прерывается вставками личных ощущений на почве голода, иногда с уходом в бредовую сторону (научно обоснованная голодная фантастика), но это не подошло.

Требуется актуальное, которое теперь растет и заливает сплошной скукой, искусство. Я смотрю на это новое (квази)искусство и думаю: недостаточно быть актуальным, нужно кроме этого иметь что-то свое, ибо у большинства пишущих нет ни лица, ни рельефного слова! Но такое вам виднее, чем мне. Будучи редактором некоторых изданий, я получал от старых коммунистов работы чисто мещанские от недостатка чувства и техники.

Не удалось повидаться с вами [2], о чем крайне сожалею — ФОСПы[3] поспорили, и я не попал вас встретить, хотя и был выбран в комиссию (встречать вас).

Напишите мне хотя бы с укоризной о моей 2-й книге жизни. Буду рад! До сентября (половины) уеду на родину: Вологодская губ., Няндомский округ, Федовская п/ст., деревня Большой угол.

Ваш А. Чапыгин

[1] А. П. Чапыгин. По тропам и дорогам. Гослитиздат, 1931, с дарственной надписью: «Дорогому А. М. Горькому на память с почтением и неизменной любовью. А. Чапыгин. 12/VIII—31».
[2] 14 мая 1931 г. Горький приехал из Сорренто в Москву.
[3] ФОСП — Федерация объединений советских писателей.

25

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

⟨Ленинград. 5 июня 1933 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

Должно быть я большой неудачник, как ни соберусь к вам, всё вы, хороший мой, недужите [1]. Говорю искренне, очень я соскучился о вас! Мне ничего не нужно, и не буду я вам докучать никакими глупыми просьбами, что когда-то делал,— так как люди всегда ноют, и я равнодушно не могу переносить их нытья.

Хотел лично засвидетельствовать вам о «Климе Самгине» свое восхищение. Наконец-то удалось добыть все три книги, а то читал в отрывках.

Со времени начала революции с таким увлечением не читал ничего, как «Самгина».

Сцена с детьми у Варавки [2] может поспорить с толстовскими «Детством» и «Отрочеством».

А Гапон, историю которого я знал от рабочих и, кроме того, читал о нем много раз,— Гапон вами дан совершенно с новой стороны. Также Ходынка и Девятое января. Так много любопытного и, вместе с тем, ведь это любопытное я знал, и людей, как будто, тех многих знавал, вроде Инокова, Дронова. И эта недавняя повседневность — у вас — истинное искусство — у иного была бы история житейского хаоса.

Есть в романе места, которые я сужу индивидуально, — другому это не покажется так: от огромного знания материала, от уменья вами дать кратко и ярко второстепенную фигуру — фон, иногда этот фон выступает на первый план, но это мне только кажется. Еще одна мелочь, придирка с моей стороны, но для меня она на краткий миг нарушает грандиозное целое — это говор колес [3].

Поезд, очень хорошо он у вас говорит, и все же много раз в стихах и прозе многие пытались это изобразить. Это, повторяю, мелочи. В целом, все это интересно и увлекательно, а о Марине хотелось бы знать дальше.

Все это меня радует — это удивительное, это искусство.

Видел и «Егора Булычова» [4], думаю, что современным драмоделам тут надо поучиться — живая, яркая жизнь, и революция чувствуется изнутри. Примите, дорогой мой, немудрое восхищение мое перед вашим мастерством и берегите себя для литературы, а также и для нас, тех, кто искренне любит вас!

А. Чапыгин

5—VI—33.

Я тщусь написать новый роман XVII в. второй половины, а назову его юридическ⟨им⟩ термином того времени: «Гулящие люди» [5].

Материал большой и противоречивый. С одной стороны — бунтари, с другой — мракобесы.

[1] 19 мая 1933 г. Горький приехал в Москву. Чапыгин, который в конце мая также был в Москве, пытался с ним увидеться, но встреча не состоялась из-за болезни Горького.

[2] См. т. 19, с. 35—36.

[3] См. т. 21, с. 203.

[4] Чапыгин видел пьесу Горького «Егор Булычов и другие» в постановке Ленинградского Большого драматического театра (премьера состоялась 25 сентября 1932 г.).

[5] Отрывок из романа «Гулящие люди» под названием «Учеба» был напечатан в «Литературном Ленинграде», 1933, №№ 24, 25. Первая часть романа — «Раскольники» — публиковалась в «Литературном современнике», 1934, №№ 9—12. Отдельное издание — Л., ГИХЛ, 1935.

26

ГОРЬКИЙ — ЧАПЫГИНУ

⟨Горки. 16 июня 1933 г.⟩

Очень сожалею, что не видел вас, дорогой мой тезка, но случилось так, что тотчас по приезде заболел гриппом, а затем началось воспаление легких, и даже был момент, когда мне показалось: собираюсь помирать. Было два таких момента. Умереть — не сумел, а двадцать дней пребывал полнейшим инвалидом, — это хуже всякой болезни! Теперь,

вот, «оклемался», вчера выехал под Москву, на дачу, где и намерен приняться за работу.

Тронут высокой — думаю: незаслуженно высокой — оценкой вашей «Самгина», мне очень приятно знать, что вы, большой, оригинальнейший художник, так ласково отнеслись к этой тяжелой и трудной книге.

Рад узнать, что вами начата работа о «гуляющих людях», интересная тема и, как это видишь по «Разину», хорошо знакомый вам материал. Нетерпеливо буду ждать книгу. «Разина» недавно снова читал, прекрасная вещь!

Был в Константинополе, видел Айя Софию [1]. Это воистину величественное здание, самое величественное из всех, какие видел я. Все, что было читано и слышано о храме этом, чудесно простом и мудром, ни мало не портит его. Работает в нем американец, говорящий по-русски, расчищает фрески и мозаику [2], отчистил уже портрет Юстиниана. Очень хотелось остаться в Константинополе дня два-три, чтоб еще разок побывать в Софии, посидеть там.

Будете ли вы в Москве еще раз? Известите заранее. Мне нужно будет посетить Ленинград, но когда я соберусь — не представляю. Сердце у меня шалит, очень устало.

Жму руку вашу. А. Пешков

16.VI.33.

[1] 16 мая 1933 г. Горький по пути из Италии в Советский Союз посетил Стамбул.
[2] Томас *Виттемор* — археолог и историк искусства (см. его книгу «The mosaics of St. Sophia et Istanbul», I — II. Oxford, 1933—1936).

27

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

〈Ленинград.〉 24.VI—33.

Дорогой Алексей Максимович!

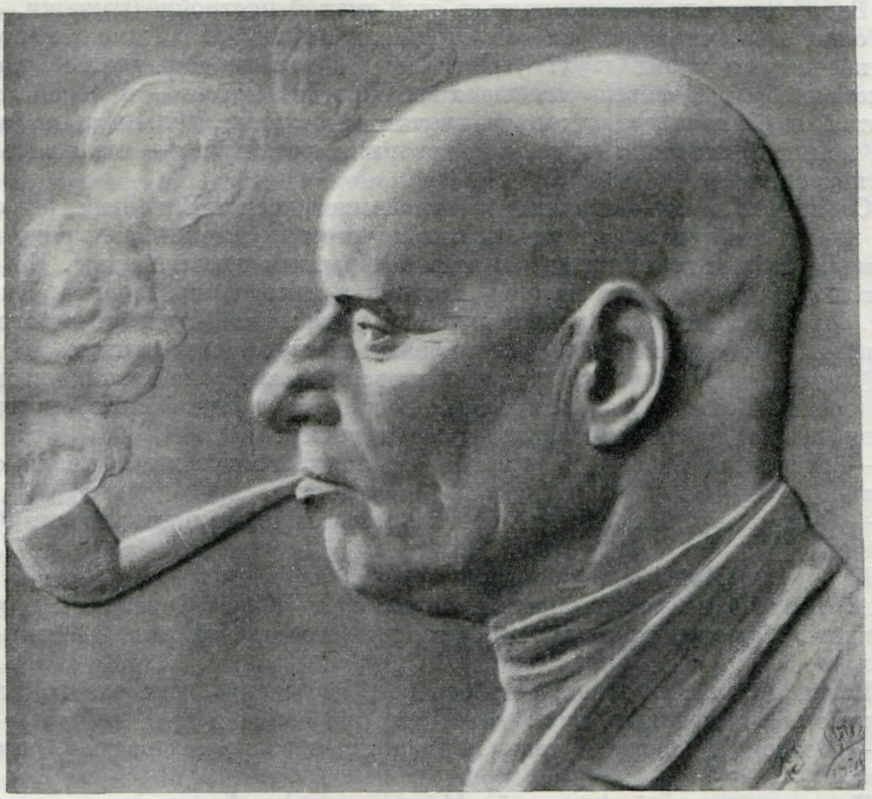
Большое спасибо за ваше милое письмо и известие о своем здоровье.

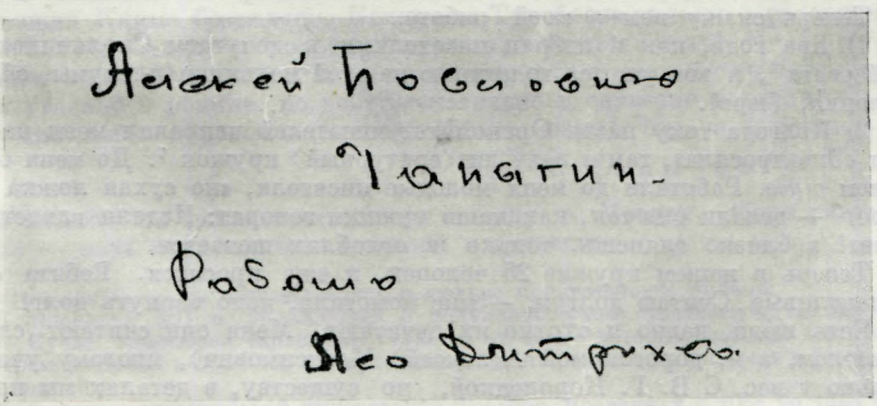
Я крепкий физически *индивид* и, кроме того, изрядно тренирован на работах с кровельщиками. С погодой не считались, лазали по крышам и вешались[1] во всякую погоду. До 60 лет (когда бывал в деревне) купался зимой — по льду в воду из бани. И все же, когда настает перемена холода на тепло, когда одно гниет, другое расцветает и пойдут кругом тлетворные сквозняки, я простужаюсь.

А вы из теплых стран пожаловали в «село боярина Кучки» [2], не выждав недели две-три. Я поехал повидать вас в Москву от холода — думал, еду в тепло! и попал в худший холод и еще на дождь,— чего у нас здесь не было.

Медицина и вообще наука делает чудеса, но до сих пор не научилась разрушить оболочку коховской палочки. Пока не научатся снимать с этой — живучей — дряни чехол, до тех пор будет по Шекспиру: «брось свои лекарства собакам...».

Сложнейшие аппараты изобретены, и нет ни одного, который бы безболезненно, легко удалял слизь из бронхов, чтоб она не пробиралась в легкие и не покрывала бы их пленкой. Когда все это случается с легкими, то какую же гигантскую работу приходится вести сердцу и немудрено, что оно ослабевает. Впрочем, всё это вы знаете лучше меня. Одно страшно, что такой большой человек и незаменимый художник слова мог бы исчезнуть!





А. П. ЧАПЫГИН

Фотография с барельефа работы Л. А. **Дитриха,** 1930 г.

На обороте надпись Горького: «Алексей Павлович Чапыгин. Работа Лео Дитриха»

Архив Горького, Москва

Ведь следовало вам посидеть в этой дивной постройке (кажется, если не ошибаюсь, что св. София — постройка VI или VIII в.? имена мастеров ее неизвестны кроме двух? [3]) Посидеть бы вам не день-два, а неделю, и попали бы в Москву в теплые дни. Свят〈ая〉 София — я о ней много мечтал, и реально видел только клочки ее мозаики, деланные на эскизах моими приятелями, и то, как говорили они, тайно — явно рисовать не позволяли.

Св〈ятая〉 София — страница пышной мистической Византии, где одна из цариц была девственница, и только из принуждения, для виду имела мужа, ибо не позволялось царицам безбрачным царствовать [4]. Ей подражали отдаленно наши царевны, дочери Алексея Михайловича. Византия, отразившаяся в уродливом зеркале допетровской Руси. «Домострой»: женщина — сосуд сатаны. Даже рубаху ночную, доходившую до пят, она не имела права распоясывать, и на этом диком фоне возникали и дикие сцены. Иван IV убил сына Ивана из-за беременной снохи, которая летом лежала у себя в светлице. Иван вошел:

— Беспоясая баба! — Ударил ее по лицу, но тут же вошел и сын, сказал:

— Одну жену, батюшка, ты угнал в монастырь, другую, что ли, убить хочешь?

И ударил Иван оскепом сына [5].

А. Толстой не мог не знать правды, но в «Князе Серебряном», чтоб обвинить Малюту, искривил историческую правду, за ним и Репин наврал.

Когда я был мальчиком — на севере у нас свекрови не раз кидались с ухватом на молодых снох:

— Беспоясая еретица! ишь ты и котыни свои, как ведьма, растрепала.

Простите, дорогой А〈лексей〉 М〈аксимович〉, обрадовался я поговорить с вами хоть письменно и лишнего наболтал!

Теперь скажу вам о моей работе.

1) Два года, как я избран писателями в депутаты Смольнинского райсовета [6], и вот уж два года мелю на этой мельнице (пленумы, обследования, бюро).

2) Полгода тому назад Оргкомитет писателей направил меня на завод «Электросила», там я веду лит〈ературный〉 кружок [7]. До меня было в нем *трое*. Работали до меня молодые писатели, «но сухая ложка рот дерет» — делали они так, как наши мужики говорят: Издали глядеть — везет! а близко глянешь, только в оглоблях шатается.

Теперь в нашем кружке 25 человек, и еще просятся. Ребята есть талантливые. Считаю долгом, — мне помогали, надо вернуть долг!

Есть люди, давно и охотно их печатают. Меня они считают своим учителем, а я, дорогой мой А〈лексей〉 М〈аксимович〉, многому учился только у вас. С В. Г. Короленкой, по существу, в деталях мы почти не работали.

Вы в моем воображении, как тот скифский царь, который сказал: «Кто истинный скиф, пусть принесет мне стрелу!»

Из медных наконечников многих и многих стрел скифский царь отлил амфору — она своим объемом вмещала сотню греческих амфор [8].

Так я принес вам свою стрелу, но и другие принесли,— и дело русской литературы, моего времени,— ваше большое дело, помимо ваших собственных произведений.

Вот теперь мой ученик и земляк М. Черноков написал первую часть своего романа «Книжники» [9], тема, затронутая до него мало, написано любопытно, ярко и серьезно. Пишет вторую часть. Для вас он как-то подобрал книжку философа Александрийца, сделанного епископом, когда

он еще не покончил с язычеством [10]. Тот, что написал похвалу «плешивости», кажется, по времени живший 200 л⟨ет⟩ после Р. Х. В то время наступали на Грецию не то готы, или гунны, хорошо не помню. Не знал, куда вам эту книжку послать (кажется, хотел передать лично), но я в Ленинграде вас не повидал, и он не пошел.

Кроме работ по беллетристике, я еще много раз участвовал в коллективном творчестве, мало знакомом нам, — это кинофильмы. Мною написаны тексты к фильмам «Златые горы» и «Солдатский сын» [11].

Кроме всего этого, я еще член Пушкинского общества по охране памятников. Итак — на мою историческую работу остается мало времени, но с осени хочу засесть только за нее — эпопея большая — от начала раскола и до стрелецкого бунта. Написаны только первые главы — из них: «Тайный кабак» и «Иверский монастырь» — отрывками я дал в журнал, их напечатали [12]; а мне после того попали «Акты Иверского монастыря» [13], и увидал я, что о монастырях — всё надо перевернуть, сделать снова. Хочу сделать так, чтоб историки не придирались, как к моему приятелю Алекс⟨ею⟩ Ник⟨олаевичу⟩ Толстому. В I части «Петра» он сделал описку: «Мужики были в нетях». В «нетях» были только воинские люди, кто обязан был быть на гос⟨ударственную⟩ службу — «конно, оружно и людно». Мужики были в бегах. И я на вечере [14] защищал А⟨лексея⟩ Н⟨иколаевича⟩, так как у него много всяких завистников.

Дорогой мой А⟨лексей⟩ М⟨аксимович⟩, вы пишете о «Самгине», что это тяжелая книга, а я ее читал с таким же интересом и нетерпением, как и «Войну и мир», «Мадам Бовари», «Таис».

Критерий мой состоит в том, что мне хочется читать и знать, а бывает много книг, блестяще написанных, и их читать не хочется. Второй признак: я до сих пор ясно вижу некоторые сцены, например — Марину, окончившую свой экстаз богородицы, как она, голая, вышла к Самгину, встала с ним рядом у зеркала, и он почувствовал, что он серый, тусклый, а она яркая и властная. Его рефлекс, неизбежный для всякого интеллигента, поразивший Клима бессилием. Похороны Туробоева, парня с разорванной на боку рубахой — «Вороти, Митрюха, или дам в ухо!» [15].

Пишет о романе Вальбе [16] и не плохо пишет, он мне кое-что читал, не все им угадано в романе, но доброжелательно и серьезно написано.

Утомил я вас, дорогой А⟨лексей⟩ М⟨аксимович⟩, будьте здоровы.

Ваш А. Чапыгин

№. Боюсь, что раньше осени не попаду в Москву. Надо увезти старуху — мать моей жены — с женой в деревню.

[1] «Вешались» — т. е. подвешивались в люльке при установке вывесок.

[2] В летописях XII в. упоминается о полулегендарном суздальском тысяцком боярине Кучке, владевшем «красными селами», на месте которых выросла Москва.

[3] Храм построен в 532—560 гг. архитекторами Анфимием из Траллеса и Исидором Милетским.

[4] Речь идет о византийской императрице Феодоре, правившей с 1054 по 1056 г.

[5] Оскеп — посох с острым наконечником. Подлинные обстоятельства убийства Иваном IV его сына неизвестны. Чапыгин следует одной из самых распространенных версий (так называемый «рассказ Посеевина»), А. К. Толстой делает царевича Ивана жертвой наветов Малюты Скуратова.

[6] Чапыгин *избирался депутатом* Смольнинского райсовета Ленинграда с 1931 по 1937 г.

[7] Этим кружком Чапыгин руководил в 1932—1934 гг.

[8] Легенда, впервые приведенная Геродотом.

[9] М. В. Черноков. Книжники. Л., Госиздат, 1934.

[10] По-видимому речь идет о книге А. А. Остроумова «Синезий, епископ Птолемаидский». М., 1879.

[11] «Златые горы» (1932), «Солдатский сын» (1934) — кинофильмы, выпущенные студией Межрабпомфильм.

[12] См. письмо 25, прим. 3.

[13] Иверский монастырь основан в 1653 г. патриархом Никоном. Акты Иверского монастыря опубликованы в кн.: «Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией», т. IV. СПб., 1842.

[14] Обсуждение первого тома романа «Петр I» состоялось 22 мая 1933 г. в Рабочем литературном университете при Ленинградском оргкомитете писателей.

[15] См. т. 21, с. 18—29.

[16] Б. С. Вальбе. О «Климе Самгине». Исторические основы горьковских «Сорока лет».— «Октябрь», 1933, №№ 1, 2; «О „Климе Самгине“».—«Лит. учеба», 1933, №№ 6—7.

28

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

⟨Ленинград. 27 мая 1934 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

Только вы можете писать, читать и углубляться в литературу... При таком несчастье я бы не мог [1].

Бесконечно благодарен вам за ваше милое и неизменно внимательное отношение к моему писанию. Спасибо вам за указания!

Вам достался дубликат, в оригинале, мне кажется, сделал примечания. Если не сделал где, то непременно исправлю! [2]

Хабар — по словарю, издан⟨ие⟩ Акад⟨емии⟩ наук, русско-славянского[3]— следующее слово: *прибыль*, прибыток. *Хабарно* — прибыльно, прибыточно (помета — народное).

Грузинское: хабарда.

Персидское: хабардор — берегись! (крик перевозчиков и переносчиков тяжестей).

Стрекава — крапива — по историку Князькову [4]. Наше северное — стрекнуло углем (горячим), отскочило, обожгло — и крапива жжет.

Пить табак — объяснено в тексте: «рог бычий, на верхнем конце дымилась трубка, в середине хлюпала вода», но дело в том, что в конце, где описан кабак в Коломне, сказано без примечаний (стали пить табак). В этом во всем вы совершенно правы.

Что в языке нашем много чужих слов, об этом что и говорить. Когда я писал «Гориславича», то нашел в летописях киевских много болгарских и греческих слов, чего нет в летописях Тверской и Софийской Новгородской.

Что мой Сенька орудует шестом [5], да еще в подклете, где толком и разогнуться нельзя — это, конечно, я допустить не мог, так как почти каждую сцену, пиша, вижу. Из шестопера моя жена Надежда Михайловна сделала шест. Я пропустил, и в оригинале надо исправить.

Кабацкие ярыги будут впереди, вашим советом, большое вам спасибо, дорогой А⟨лексей⟩ М⟨аксимович⟩, я не пренебрегу [6], ведь не даром же мои герои отправились в Москву с ватагой нищих. Ой, много еще работы с этой гулью и гилью! Хватит ли выдержки, но хочу сделать размером с «Разина».

Насчет Петра, «что он от фольклора взял свое шутейшее действо», вы, по-моему, глубоко правы. Царь Алексей держал вверху пять или шесть старцев, они ему вечерами стихи каличьи пели и сказки сказывали, и о стародавнем былины играли. На царицыной половине «дураки и дурки» потехи делали глумотворные, царевичи и царевны бывали тут же. «Шутки,— говорит Забелин,— часто были и неприличные, но никто не обижался» [7]. Что Петр Алексеевич мальчиком случался с сестрами и глумам смеялся — кто может в этом сомневаться? а что он дела отца любил и его чтил, то вот пример:

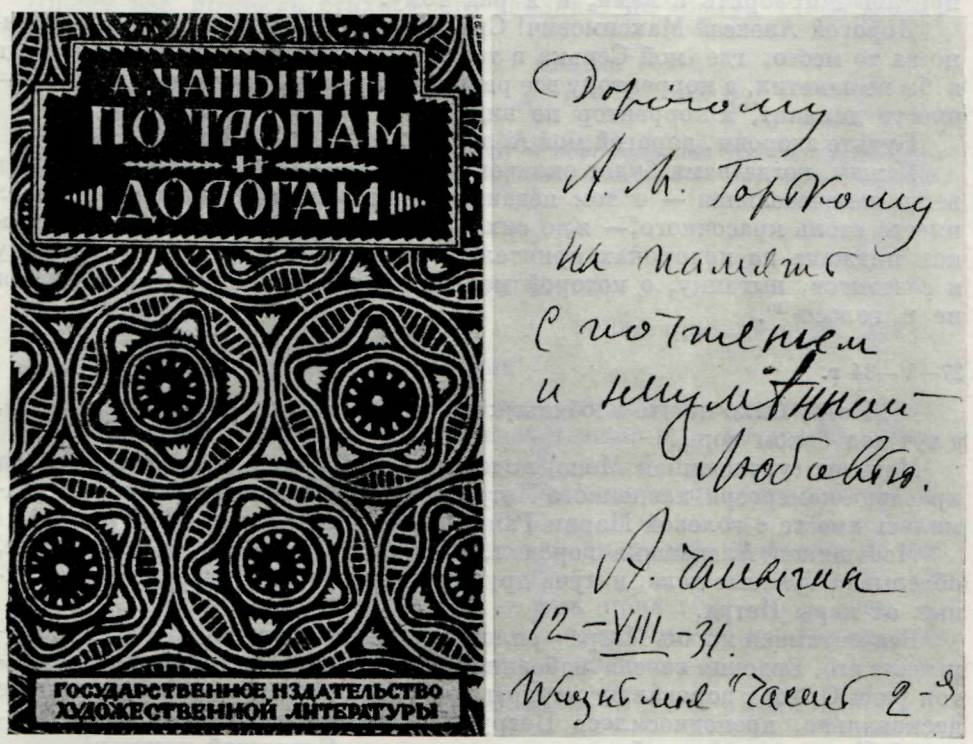
«На пиру государь разговаривал о делах отца своего, бывших в Польше. Граф Мусин-Пушкин стал дела отца его величества уничтожать, а его выхвалять. Государь так огорчился, что, встав от стола, сказал:

— Ты хулою дел отца моего, а лицемерною мне похвалою более меня бранишь, нежели я терпеть могу!»

Дергал шеей и ногу волочил.

Человек Петр был с безумием, что и говорить! Очевидец рассказывает: «Боялся тараканов и, ежели куда ехал, то впереди посылались гонцы осмотреть избы, где остановиться можно, чтоб не было тараканов, и если таковой избы не находили, тогда строили новую избу.

Официальных столов во дворце не делал, обедал вдвоем или много втроем с близкими — со столовой рядом помещалась поварня, кушанье



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ А. П. ЧАПЫГИНА ГОРЬКОМУ НА КНИГЕ «ПО ТРОПАМ И ДОРОГАМ» (М.— Л., 1931):

«Дорогому А. М. Горькому на память с почтением и неизменной любовью А. Чапыгин. 12—VIII—31. „Жизнь моя", часть 2-я»

Личная библиотека Горького

подавали в окно. После обеда, летом, уезжал спать на Неву на яхту, и кругом стоял караул, чтоб не ездили мимо».

Некоторые романисты, например Тынянов [8], приписывают Петру сифилис, а болен он был «каменной болезнью» (камни в почке). Вероятно, наследственное от деда Михаила, умер от отека — «ножками скорбел». Алексей Михайлович тоже рано умер и также был достаточно отечный.

Подражая отцу, который, идя на богомолье, покупал пряники и бублики, о Петре очевидец говорит:

«Ходил по гостиному двору, торговал товары и не преминет кренделей купить и квасу выпить».

От мучительной болезни частые бывали припадки и вспышки гнева беспричинные, граничащие с сумасшествием. Да и то сказать — много в нем сидело от жестокостей XVII в.

Летом (говорит очевидец) носил черный бархатный картуз, а зимой калмыцкую баранью шапку.

Между тем Петра часто, или чаще всего, изображают в шляпе. По свидетельству Корба, Петр пьяный на пиру так ударил Лефорта в грудь, что тот слег и вскоре умер. О смерти Лефорта он много горевал. Может быть, в пьяном виде Петру кинулась в голову обида — первый любовник Анны Монс был Лефорт. Эту путаную крошку (такой был сорт табаку) Петр, отвлекаясь с другими женщинами, почти до своей смерти любил.

Простите, что болтаю много того, что вам хорошо известно, но выпал предлог поговорить с вами, и я рад тому.

Дорогой Алексей Максимович! Спасибо вам за все указания и особенно за то место, где мой Сенька в тесном подклете орудует шестом. Ведь я бы не заметил, а корректору все равно, например, печатают: динамит— вместо диамант, а корректор не видит.

Будьте здоровы, дорогой мой А⟨лексей⟩ М⟨аксимович⟩.

Я жду, когда вами будет окончен «Самгин»,— очень любопытно. Сама вещь замечательная — о том недавнем прошлом еще никто не написал ничего столь красочного,— я до сих пор помню парня с разорванным боком пиджака на похоронах приятеля Алины [9], фигуру Гапона, Марину и сектантов, цыганку, о которой маленькая дочка говорит: «она сегодня не в голосе» [10].

Ваш А. Чапыгин

27—V—34 г.

NB. Петру было на что злобиться: за год до смерти сильно «недужил», а тут под боком воры!

Матрена (урожденная Монс) подсунула Екатерине Первой любовника красавца-камергера, казненного Петром. (Голова в банке со спиртом хранилась вместе с головой Марии Гамильтон до Екатерины II.)

Меньшиков Алексашка воровал, да и Матрена Монс брала взятки, обделывая грязные дела, и куча других воров, через Екатерину I спасенных от кары Петра.

Вся интимная жизнь Петра—сплошной обман. Анна Монс 10 лет обманывала его, Евдокия завела любовника, Екатерина тоже, а Мария Гамильтон ради Орлова воровала у царицы драгоценности, и все это, дознанное досконально, преподносилось Петру. От последнего казуса с Екатериной I Петр в гневе разбил кулаком зеркало. Сплошной кошмар!

А. Ч.

[1] 11 мая 1934 г. умер сын Горького М. А. Пешков. В письме от 19 мая 1934 г. Горький писал Чапыгину: «Дорогой Алексей Павлович, только сегодня собрался написать вам о „Гулящих людях“, хотя рукопись давно уже прочитана мною. Прочитана с великим интересом и радостью: книга будет хорошая и — надолго» (т. 30, с. 346). Далее Горький делает ряд критических замечаний.

[2] Горький указал на необходимость пояснить незнакомые читателю слова.

[3] Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук, тт. I—IV. СПб., 1847. Изд. 2. 1858—1861.

[4] С. А. *Князьков* (1873—1920) — автор книг по истории России XVI—XVIII вв. Сведения о Петре I, которые приводит ниже Чапыгин, почерпнуты им в основном из книг Князькова («Очерки из истории Петра Великого и его времени». М., 1909; «Петр Великий и его современники за границей». Пг., 1915; «Санкт-Петербург и Санкт-петербургское общество при Петре Великом». СПб., 1914) и Корба. См. письмо 7, прим. 2.

[5] «На 67 стр.,—писал Горький Чапыгину в упомянутом письме от 19 мая 1934 г.,— человек сунул руку с шестом в пасть медведя, а медведь продолжал кусать руку — это очень трудно представить» (т. 30, с. 347).

[6] В том же письме Горький заметил, что Чапыгин упустил «хороший случай показать кабацких ярыжек с их кощунственными забавами — пародиями на обедню, на отпевание пьяных, как „усопших“», и высказал мысль, что идею «Всешутейшего собора» Петр I позаимствовал у ярыжек.

[7] И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI—XVII вв. СПб., 1862.
[8] Ю. Тынянов. Восковая персона. Л., 1930.
[9] См. т. 21, с. 18—19.
[10] См. т. 19, с. 34—35.

29

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

⟨Ленинград.⟩ 10 IX 34.

Дорогой Алексей Максимович!

Прошу вас прочесть стихи моего земляка, по-моему, талантливого поэта Александра Чуркина [1].

Желаю вам здоровья и бодрости на многие годы.

А. Чапыгин

[1] Александр Дмитриевич *Чуркин* (р. 1903) — поэт-песенник. Вместе с этим письмом Чапыгин переслал Горькому письмо Чуркина и несколько его стихотворений.

30

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

⟨Ленинград. 18 марта 1935 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

Ваше письмо на моем юбилее [1] было и есть для меня великим праздником!

Вы мой любимый учитель, больше всех давший мне понимания истинного творчества:

«... только такими путями приходят к созданию великих произведений, как мадам Бовари»... [2]

Так или в этом роде когда-то с Капри писали вы мне, и я этого до сих пор не забыл.

Спасибо вам за драгоценный дар — ваш привет!

Много лет вам желаю быть здоровым и сохранным для нас всех и всей нашей литературы, равно любимой вами и мной также.

Ваш А. Чапыгин

18—III—35.

[1] Письмо-приветствие по поводу 35-летия литературной деятельности Чапыгина (т. 30, № 1152). 13 февраля 1935 г. письмо было послано Горьким А. Н. Толстому, для того чтобы оно было прочитано на юбилейном вечере, состоявшемся в Ленинграде 17 марта 1935 г.
[2] См. письмо 2.

31

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

⟨Ленинград. Апрель-май 1935 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

Задумано было у нас большое культурное дело: издание «Полиграфической энциклопедии».

В этом деле прошу я вас оказать нам помощь. О полиграф⟨ической⟩ энциклоп⟨едии⟩ вы и сами писали [1], приветствуя, считая ее делом своевременным и необходимым, заслуживающим широкого внимания сов⟨етской⟩ общественности. Но дело с тех пор, со дня вашего приветствия пол⟨играфической⟩ энц⟨иклопедии⟩ и до сих пор, не двинулось никуда! Между тем проделана огромнейшая предварительная работа, создан

«Словник» [2] и т. д., — построен фундамент, на котором давно надо бы начать строить.

Думаю я, что издание энциклопедии надо бы взять из‹дательст›ву Академии наук совместно с издат‹ельством› «Советск‹ой› энциклопедии». Без А‹кадемии› н‹аук› обойтись нельзя, так как в числе ее учрежд‹ений› имеется Институт книги, письма и документы со спец‹иальным› отделом по энциклопедиям.

Вы, дорогой мой, теперь директор ИРЛИ [3], и вам ближе всего издат‹ельство› *Академии наук*.

Второе: все мы болеем за советскую книгу. Книги оформляются плохо! Надо улучшить книгу — вернее, изыскать путь к ее улучшению. Для этого вопрос нужно изучить и сделать конкретные выводы. А потому наш Областной отдел Союза сов‹етских› издат‹ельских› работников решил обратиться в центр с ходатайством о создании в Ленинграде спец‹иального› исследовательского института [4] (прилагаем вам проект этого ходатайства).

От всей души прошу вас поддержать это наше начинание.

В Москве с этой целью будет один из работников и начинателей этого дела, литер‹атор› Пенчковский Н. Н. [5] Очень желательно, чтоб вы приняли его, и он ознакомит вас со всеми деталями полигр‹афической› энциклоп‹едии›.

А. Чапыгин

Датируется по содержанию и сопоставлению с письмом 32.

[1] Статьи или письма, где Горький писал о полиграфической энциклопедии, обнаружить не удалось.

[2] «Полиграфическая энциклопедия». Словник. Л., 1933.

[3] 24 марта 1935 г. на сессии Академии наук СССР Горький был избран директором Института русской литературы (Пушкинский дом).

[4] Такой институт создан не был.

[5] Н. Н. Пенчковский — в те годы сотрудник Ленинградского отделения Всесоюзного научного инженерно-технического общества полиграфистов и работников издательств.

32

ГОРЬКИЙ — ЧАПЫГИНУ

‹Горки. Июнь, до 19-го, 1935 г.›

Дорогой Алексей Павлович —

прочитав вторую часть «Гулящих людей», я получил впечатление: черновик, набросанный поспешно и небрежно.

Впечатление это внушается преобладанием материала речевого, диалогического в ущерб материалу вещному, описательному, изобразительному,— я неуклюже выразился, но вы поймете, о чем я говорю. Подавляющее преобладание диалога над изображением — создает в 1-й и 2-й главах ненужные длинноты и способно утомить читателя. Прибавьте сюда, что речевой язык ваш трудноват, а местами вызывает спорные мыслишки. Так, напр‹имер›, моча — «ирина» едва ли правильно, ибо Ирина — в просторечии: Орина — имя святой, а моча — в старой литературе —«урина», отсюда «урильник». Не сердитесь, что «подчеркиваю мелочи», в нашем деле мелочей нет, все важно.

Первые две главы сильно растянуты, но — не дают ясного представления о «гулящих людях», о «народе», о причинах медного бунта. В 3-й главе исчезли «кабацкие ярыжки», их провокационная роль, не удовлетворяет и обедня ярыжек. В общем же, не понравилась мне вторая часть повести, уверен, что она требует серьезнейшей работы. Сожалею, что не могу сказать ничего более утешительного для вас, да и для себя, ибо вы знаете, как глубоко волнует меня ваша работа[1].

Печатается по неподписанному черновику, сохранившемуся в личном архиве Горького. Датируется по письму 33.

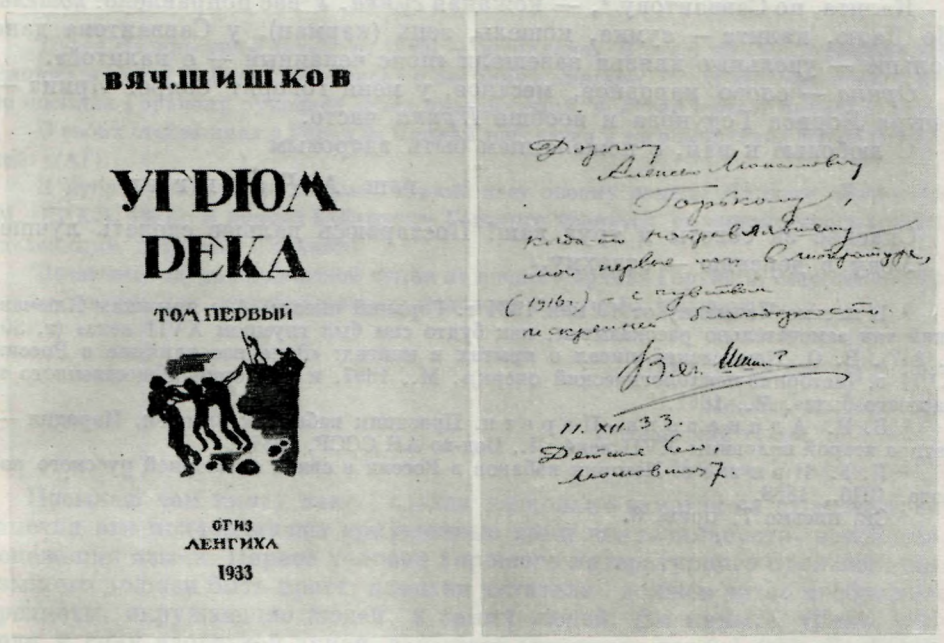
[1] На заглавных страницах рукописи «Гулящих людей» Горький сделал следующие замечания.

На листе первой тетради:

«Бегичев — медленно идет. Это нужно, чтоб показать, как, чем торговала Москва но — Бегичева сократить.

Моча — ирина, неубедительно, убедительнее — урина, откуда — и урильник.

Длинно. Преобладает диалог — почти совершенно исключая описание, изображение».



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ В. Я. ШИШКОВА ГОРЬКОМУ НА РОМАНЕ «УГРЮМ-РЕКА» (Л., 1933):

«Дорогому Алексею Максимовичу Горькому, когда-то направлявшему мои первые шаги в литературе (1916 г.) — с чувством искренней благодарности. Вяч. Шишков. 11/XII 33. Детское Село, Московская 7»

Личная библиотека Горького

На листе второй тетради:

«Диалогичность очень вредно отзывается на материале. Описания так скупы, что можно забыть, где и когда все это происходит. На стр. 36 — пожар, точно из газетного фельетона. Утомляет пристрастие к забытым словам. Люди — без жестов, без дел. Соплей много!»

На обложке третьей тетради:

«Ярыжки?» (АГ).

33

ЧАПЫГИН — ГОРЬКОМУ

〈Ленинград.〉 21.VI—35.

Дорогой Алексей Максимович!

Работа моя, конечно, нехорошая, но моя ошибка, что дал вам не полную часть II-ю, еще больше, не надо было до окончания всей части давать.

Не извиняюсь за плохую работу — плоховатость — моя усталость — юбилей, а после бесконечные приглашения выступать — я же работаю по

ночам, и договор — к сроку дать некое количество листов. О работе: вы правы, что похождения Бегичева длинны. Второе — монолога много — тоже правда, пейзажи есть, но они кратки, тонут в монологах.

Город, больших описаний давать побаиваюсь — за достоверность (недоверие, как ты это знаешь?). Бегичева — урежу.

Ко II части недописано 5 листов, а ярыги еще будут. У Ключевского о ярыгах не нашел [1]. Есть «Праздник ярыг кабацких» Адриановой-Перетц [2] и Прыжов «История кабаков» [3] у него есть. Ярыги — слово широкое.

Калита, по Савваитову [4], — кожаная *сумка*. У вас поправлено: *кошель*. По Далю, калита — сумка, кошель, зепь (карман), у Савваитова дано больше — удельные князья завещали «пояс чеканный — с калитой».

Орина — слово народное, местное, у меня говорят бояре. Ирина — сестра Бориса Годунова и вообще *Ирина* часто.

С любовью к вам, с пожеланием быть здоровым

ваш А. Чапыгин

Спасибо за советы и труд ваш! Постараюсь дальше сделать лучше. Уеду в деревню — отдохну.

[1] В письме Чапыгину от 19 мая 1934 г. Горький писал: «А о ярыжках Ключевский так замечательно рассказывал, как будто сам был глумцом XVII века» (т. 30, с. 347). В. О. Ключевский писал о ярыгах в книгах: «Западное влияние в России XVII в. (историко-психологический очерк)». М., 1897, и «История общественного и частного быта». М., 1867.

[2] В. П. Адрианова-Перетц. Праздник кабацких ярыжек. Пародия — сатира второй половины XVII века. Л., Изд-во АН СССР, 1934.

[3] И. Г. Прыжов. История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб., 1868.

[4] См. письмо 7, прим. 8.

ГОРЬКИЙ — П. В. ЧАЦКИЙ

Павел Васильевич *Чацкий* (р. 1899) — журналист. В ответ на свое первое письмо Чацкий получил от Горького записку и посылку с книгами. После этого он неоднократно посылал Горькому рукописи своих произведений, получая в ответ письма и книги.

О своих отношениях с Горьким Чацкий рассказал в воспоминаниях «Максим Горький» (АГ).

В публикуемом ниже письме Горький дает оценку роману Чацкого «Лешегоны» (М., ГИХЛ, 1931). В личной библиотеке Горького хранится экземпляр книги с многочисленными пометами Горького.

Печатается по машинописной копии из личного архива Горького, сверенной с черновым автографом; местонахождение белового автографа неизвестно.

Павлу Чацкому

Москва, 20 почт. отд.
Крюковский тупик, д. 3, кв. 2.

Москва, 27 июля 1931 г.

Посылаю вам книгу вашу, сделав несколько заметок на страницах ее: заметки эти подчеркивают допущенные вами неправильности, неясности, искажения языка. Первое условие хорошего литературного произведения: язык его должен быть прост, понятен читателю, должен четко изображать предметы, окружающие людей, и самих людей. Вы пишете: «Река, подходя к селу изогнутой лукой, замыкает свинцовое лон〈о〉вод». Сообразите: что значит «река замыкает лоно воды»? Как могут слова вырастить «пушок недовольства на подбородке»? Прочитайте все подчеркнутые места и подумайте над ними. Возможно ли, чтоб лешегоны «вслед за прохожими выкидывали в окно и посуду»? Во-первых, у вас выходит, что они выкидывали в окно и прохожих, во-вторых, неверно, что они выкидывали посуду. Посуда денег стоит, а лешегоны — скупы; они просто не давали прохожим пить и есть из своей, лешегонской, посуды. Лешегоны везде одинаково относятся к «табашникам-никонианам», я их знаю и уверяю вас, что вы ошибаетесь. Неверно, что «бабы без мужей глупели», — всюду, где мужики уходили в «отхожие промысла», бабы, занимаясь хозяйством, умнели, зачинали кустарные промысла. Неверно, что курные избы топятся, как у вас рассказывает Петр, он — врет.

Можно зардеться румянцем, но — не «в румянце», как вы пишете. «Бога оглоблю», «уткнутой рукой», «сник»?, «щеря», «тупясь», «перша», «боль, склещивающая живот», «прыснувшие мхи», «затравевший луг», «угнув стан» и прочее в этом духе — всё это плохие выдумки и порча русского языка. «Блесна» — это на что ловят рыбу, а «блесна улова» — чепуха. Вся первая часть книги испещрена такими уродствами. Рядом с ними у вас нечто еще более нелепое: «снял накипь раздражения с сердца», «злость поливала его нервозностью с головы до пят» и т. п. красóты.

Совершенно излишне писать: «Густя осталась лежать, не успев заворотить юбок». Зачем это понадобилось вам? Ведь это не могло усилить животного чувства Петра. «На голове его от волнения шевелились волосы,

когда он снимал шапку». Отчего же волосы шевелились — от волнения или оттого, что снимал шапку? Что значит: «двуперстно мотать рукой»?

Везде у вас в качестве краски действует «фуксин» — знаете ли вы, что это такое? Пословицы искажены вами. О «вишенье» барыня не спросит: «Что это такое?» На 173-й стр. стишки — «Принята, понята» не поются во время радений, это — выдумка. Книга такова, что если б я был редактором, я бы ее не пропустил в этом нелепом виде. Не буду говорить о том, что в ней много «зияний», недописанных и ненаписанных мест.

Однако, несмотря на безобразную форму книги, чувствуется, что вы могли бы написать ее значительно лучше, грамотнее. Старому литератору, мне крайне грустно видеть, как плохо вы, молодежь, работаете, как несерьезно относитесь к материалу и небрежно обдумываете ваши темы, богатые, интересные темы.

Очень советую вам: учитесь! Изучайте литературный язык, не искажайте народный, речевой. Вы очень плохо чувствуете его силу и красоту, меткость и точность.

ГОРЬКИЙ — М. Ф. ЧУМАНДРИН

Михаил Федорович *Чумандрин* (1905—1940) познакомился с Горьким в 1928 г. будучи одним из руководителей Ленинградской ассоциации пролетарских писателей.

Участие Чумандрина в редактировании журнала «Литературная учеба» и организации Рабочего театра ЛАПП послужило поводом к переписке с Горьким, длившейся с 1929 по 1932 г.

Чумандрин не раз делился воспоминаниями о встречах с Горьким на страницах периодической печати (см. его статьи: «Рабочие и Горький».— «Известия», 1931, № 131, от 14 мая; «Встречи».— «Ленинградская правда», 1932, № 224, от 24 сентября; «Наш Горький», «Максим Горький» — «Однодневная литературная газета» (Л.), 1932, от 25 сентября; «Достоинство силы», Ленгихл, 1932; «О двух уроках» — «Красная газета», 1936, № 31, от 20 июня; «Наш старик»— «Ленинградская правда», 1936, № 141, от 21 июня).

Два письма Горького к Чумандрину от 13 апреля 1930 г. и 12 июня 1930 г. опубликованы (см. т. 30, №№ 982 и 987).

Ниже публикуются шесть писем и одна телеграмма Горького и девять писем Чумандрина.

1

ЧУМАНДРИН — ГОРЬКОМУ

Ленинград—центр, Красная
улица, 25, кв. 14.
1929, 23/IX.

Алексей Максимович!

1) Я напомню вам наш разговор о карельском поэте, Яльмаре Виртанен [1]. Мы говорили о необходимости иметь ваше предисловие [2] к книге стихов этого товарища. Вы, как мне помнится, ничего не возразили в ответ на нашу просьбу.

2) Для того, чтобы вы хотя немного ознакомились с творчеством т. Виртанен, посылаю вам несколько переводов. Они очень неудачны и для печати не годились бы, но книга печатается на финском языке, так что переводы нужны только для некоторой ориентации, в данном случае, вам.

3) Я полагаю, что, пользуясь переводами и статьей из «Красной Карелии» [3],— вы предисловие напишете и облегчите нам издание книги, предполагаемой нами для широких читательских кругов Карелии.

4) Кстати, в письме в «Красную газету», которая берется издавать эту книгу, Наркомпрос АКССР пишет, что она будет рекомендована всем школам, библиотекам, избам-читальням Карелии.

Очень прошу написать и выслать предисловие поскорее по адресу: Ленинград, центр, Красная, 25, кв. 14.

С коммунистич⟨еским⟩ приветом
М. Чумандрин

[1] Ялмари Эрикович *Виртанен* (1889—1939) — основоположник карельской советской литературы, поэт, драматург, переводчик.

[2] Статья Горького о Я. Виртанене под названием «Несколько слов» была напечатана в «Красной газете», 1929, № 281, от 8 ноября (вечерний выпуск), а затем — в

переводе на финский язык, в виде предисловия к первой книге стихов Я. Виртанена «Työn Lomassa. Runoja» («Рабочий досуг»). Л., «Красная газета», 1930. На русском языке предисловие Горького опубликовано также в кн.: Я. Виртанен. Стихи, Л.— М., ГИХЛ, 1933.

[3] Горькому была послана статья Г. Богданова «Финский рабочий поэт Яльмар Виртанен. 20 лет литературной деятельности» («Красная Карелия», 1929, № 4, от 6 января).

В последнем абзаце статьи говорилось: «Однако, несмотря на огромную ценность творчества тов. Виртанена, его произведения и до сих пор еще не изданы. Стихи его разбросаны по различным газетам и журналам, а некоторые печатаются в виде песен и былин. Объединить их и издать — было бы большим общественно-полезным делом...»

2

ЧУМАНДРИН — ГОРЬКОМУ

Ленинград—центр, Красная, 25, кв. 14.
1930. 5/IV.

Дорогой Алексей Максимович.

1. Группа т. т. членов ЛАПП (в числе которых и я, и Либединский) приступила сейчас к созданию 1-го Рабочего театра в Ленинграде [1]. Основные его задачи изложены в прилагаемом письме (вернее, проекте письма)[2], которое будет разослано партийным, заводским, комсомольским комитетам и прочим рабочим организациям. Мы берем особенную установку на воспитание *рабочего* драматурга и *рабочего* актера. Мы не желаем начинать своей жизни с того, чтобы сесть на шею государству. Мы создаем своеобразный рабочий кооператив, который и даст фонд для театра. Паи самые разнообразные — от 10 рублей и до 10 000, в зависимости от заработка рабочего, вступающего к нам в кооператив, и «богатства» той или иной организации.

2. Мы полагаем, Алексей Максимович, что было бы непростительной ошибкой начать это дело без вас. Вот почему мы и просим вас дать свое согласие:

а) на вступление в число пайщиков с тем паем, который вы себе определите;

б) на вступление в число членов организационного комитета;

в) на предоставление нам для постановки своих пьес, *особенно из тех, что могут быть написаны вами в будущем, и особенно на современные темы.*

3. Мы полагаем, что ваш авторитет как писателя, пользующегося у трудящихся СССР исключительной любовью,— поможет нам с самого начала привлечь внимание к нашей затее.

4. Может быть, вы написали бы даже несколько строк для московской и ленинградской печати о наших планах (конечно, лишь в том случае, если они вам придутся по душе).

5. Не откажите, Алексей Максимович, прислать мне в *самый кратчайший срок* все ваши замечания по проекту письма [3]. Адрес — в начале моего письма.

С коммунистическим приветом
М. Чумандрин

[1] В 1931 г. на основе самодеятельных театральных коллективов фабрики «Скороход» и других ленинградских предприятий был создан театр ЛАПП (1-я опытная мастерская рабочего театра Ленинградской ассоциации пролетарских писателей им. М. Горького).

После постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. о перестройке литературно-художественных организаций театр ЛАПП был переименован в Рабочий театр-школу им. М. Горького.

[2] Имеется в виду текст обращения «От организационного комитета театра». Это обращение, подписанное М. Горьким, Ю. Либединским, М. Слонимским, Ю. Олешей,

М. Ф. ЧУМАНДРИН

Фотография, 1920-е гг.

Отдел рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Москва

В. Саяновым, М. Зощенко, Н. Тихоновым и др., было опубликовано в журнале «Ленинград», 1930, № 1, вместе с письмом Горького к Чумандрину от 13 апреля 1930 г. (см. прим. 3).

[3] В ответном письме к Чумандрину от 13 апреля 1930 г. Горький горячо поддержал мысль об организации «Рабочего театра», заявил о своем согласии стать пайщиком театра, но отказался вступить в члены оргкомитета и предоставить театру пьесу. В этом же письме Горький широко развил идею коллективного создания пьес силами самих актеров-рабочих (т. 30, № 982).

3

ЧУМАНДРИН — ГОРЬКОМУ

Ленинград—центр, Красная, 25, кв. 14.
1930. 4/VI.

Дорогой Алексей Максимович! Мы все были очень рады получить ваше письмо [1]. Общая часть письма, в которой вы развиваете свои мысли о работе над пьесой, всем нам показалась настолько интересной, что мы ее напечатали в 1-м № нового ежемесячника «Ленинград» [2], который будет вам выслан. Я, хоть и с опозданием, от лица всех т〈оварищей〉 прошу извинения в том, что письмо напечатано нами без соответствующего разрешения с вашей стороны.

Как у нас идут дела?

1. Мы связались в Ленинграде с профсоюзными и советскими организациями, в Москве — с Главискусством [3]. Представили свои планы, сметы и пр. Принципиально — самое прекрасное отношение, но в смысле создания материальной базы, конечно, дело будет труднее. Полагаться же *только* на средства от индивидуальных вложений — нельзя: во-первых, они для нас имеют значение чисто демонстративное, во-вторых, позволяю-

щее создать группу друзей театра с первых его, наиболее трудных шагов. Кроме того, как мы убедились сейчас (не без содействия ЛОСПС [4]), предположенная нами смета — мала, и нам потребуется на самом деле 140—150 000 р. на первый год. Ясно, что уже собранных денег (ваших — 2-х тысяч, тысячи — Либединского и тысячи — моей) — мало. Это скорее показатель энтузиазма группы товарищей, нежели реальный момент.

2. Чтобы добиться нужной суммы, требуются невероятные энергия и настойчивость. Я полагаю, что мы денег добьемся. Особенно я убежден в этом (опять приходится беспокоить вас, А⟨лексей⟩ М⟨аксимович⟩), если вы черкнете по нескольку строк товарищам Сырцову (СНК РСФСР) [5] и Бадаеву (Центросоюз) [6]. Вас, вероятно, удивит появление столь неожиданной в театральном деле фигуры, как тов[арищ] Бадаев. Но все дело в том, что мы создаемся как театральная *кооперация*. Центросоюз имеет, таким образом, к нам самое прямое отношение.

Наши ближайшие перспективы:

3. В основном мы должны вырастить нового актера-рабочего. Для этого, по-нашему, есть единственный путь: А.—*Обеспечить рабочему молодняку серьезнейшую и общественную и театральную учебу, привлекая для этого лучших специалистов.* Б.—*Обеспечить молодняку в процессе учебы и работы соприкосновение с наиболее интересными из современных актеров.* В.—*Обеспечить т⟨оварищей⟩ материально настолько, чтобы им не пришлось халтурить и отрываться от учебы в поисках куска хлеба.* Короче говоря, с самого начала мы против любительщинки, *за профессионализацию*. В чем дело — рабочий класс имеет право выдвигать своих лучших представителей на завоевание театральных высот.

4. Мы уже имели разговор с прекрасной (в свое время мейерхольдовской) артисткой — Бабановой, которая согласилась перейти к нам и войти в группу, которую мы называем «костяком» нашего будущего коллектива. Бабанова дает нам гарантию в том, что ею будет привлечен арт⟨ист⟩ Гарин, в прошлом тоже мейерхольдовец, отличный исполнитель ряда сложнейших ролей (Хлестаков, Чацкий и т. д.). У т⟨оварищей⟩, которые целиком окунулись в вербовку актеров для «костяка», есть все основания очень оптимистически смотреть на приход к нам таких актеров, как Баталов и Попова. Из актеров «II-го призыва», но безусловно талантливых актеров, мы имеем молодую Скопину (б. Александринский театр). Таких людей мы соберем 6—7 человек [7].

5. *Рабочие-актеры*. В конце июля мы открываем в Ленинграде прием рабочих т⟨оварищей⟩ в наш коллектив. Мы берем примерно 25—30 человек, снимаем их с производства, сажаем их на 100 (и больше)-рублевую стипендию и начинаем самую бешеную учебу. В этом у нас могут быть две опасности: 1 — мы поддадимся на удочку нетерпеливых людей и будем гнать с первыми постановками. В этом случае нам лучше не начинать работы, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ затеять такое дело, наскоро развернуть его и бесславно провалить, — *на это мы не имеем права и нас за это будет нужно повесить*. 2 — мы, исходя их самых лучших побуждений, «передержим». В результате —первая постановка будет готова через полтора-два года. Это чересчур издергает рабочую общественность. У некоторой ее части и просто посеет неверие в нашу затею. Очевидно, надо будет взять третью линию. Эта линия — установка на то, чтобы первые две пьесы и первых 10 спектаклей мы дали в конце будущего сезона (май —июнь 31 г.), потом замолчали бы до осени, доработали первые и разыграли бы 1—2 новых пьесы. Вот что было бы хорошо.

6. *Репертуар*. Я опять возвращаюсь к тому, чтобы рассказать вам, Алексей Максимович, про пьесу. При нынешнем репертуарном голоде просто нельзя не писать пьес, особенно, если, как у вас, они в голове лежат

готовыми, (стоит только прочесть ваше письмо). Вы простите мне, А⟨лексей⟩ М⟨аксимович⟩, мой тон, но я говорю совершенно серьезно, что пьеса, написанная *вами*, особенно на современную тему,— это самое лучшее, что мог бы иметь в наше время советский театр вообще, наш, *рабочий*, в особенности [8].

7. Затем, у нас есть другие предположения. Во-первых, поставить «*Высоты*» Либединского [9] в их коршевской редакции. Во-вторых, пьеса «*Газ идет*» («*Война*») — произведение бывшего солдата, отравленного газами в империалистической войне. Пьеса в начале — 2 первых акта — просто потрясает и сделана исключительно талантливо. 2 других — надо здорово переработать, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ в них силен элемент беспочвенного резонерства, а от этого пьесу надо избавить. Думаю, что после переработки из нее выйдет огромный толк. Затем «*Ледолом*», пьеса нашего товарища из МАПП — Чупкина — по роману Горбунова [10].

8. Очень значителен вопрос о режиссере. С этим у нас обстоит так — на первое время к нам идет режиссер МХАТ II тов. *Смышляев*, потом возможен приход *А. Д. Попова*, который дал пока полусогласие, но который уже ушел из театра им. Вахтангова. Вот *Попов* — это лучшее, о чем мы могли бы мечтать [11].

Как будто, основное — всё. В ближайшее время я вам вышлю ряд новых материалов и пьесу «*Газ идет*», по поводу которой мне очень хотелось бы иметь ваше мнение.

Теперь другое: в «*Ленинграде*», новом ГИЗовском журнале, которого я редактором, в основном будет печататься писатель «комсомольского возраста». Но как было бы замечательно для этого нового дела иметь от вас, Алексей Максимович, один-два рассказа, статью, очерк, отрывок из ненапечатанного и т. д. [12]

С самыми лучшими пожеланиями, с коммунистическим приветом

М. Чумандрин

Алексей Максимович, я решил одним духом написать кстати и о «Лит. учебе». Я думаю, вам понятны мои настроения, настроения человека, который до некоторой степени участвовал в создании журнала и которого журнал ни в какой мере не удовлетворяет.

1. Положим, первый № был пробным камнем. Но 2-ой с большей, нежели 1-ый, очевидностью, показывает, что у журнала наметился совершенно четкий путь к академизации. Я прекрасно помню ваши письма, где вы как раз и предостерегали нас от академизации [13]. Мы имели две очень резких стычки с Камегуловым по этому поводу, — но потом я взялся за другой журнал. Либединский болен, Тихонов в отъезде, журналом вертят даже не Камегулов, а юноши «из образованных» (если припомнить ленинское толкование этого термина). В результате мы имеем очень тяжелый, неактуальный, непрактический журнал. Мы имеем какой-то сборник корявых методических разработок [14].

2. Вы можете счесть мои слова чуть ли не за лесть (что будет неверно) — но до сих пор *в плане журнала находятся лишь ваши письма* [15], *а ведь читатель у нас совсем особый*. Важно не только знать, что *мы строим*, важно не только *знать марксизм*, — но и знать, *как отразить всё*, что мы делаем *в художественных образах*, знать, *как применить марксизм в творческой работе*. Действительно (вспоминая ваши слова), похоже, что старые гимназические учителя занялись нашим журналом [16].

3. Мне просто жаль, что такое дело, как «Лит. учеба», дело, с которым я носился с 1924 года и которое так много отняло сил и времени, особенно у *вас*, — это дело совсем не то, чего мы все хотели.

М. Чумандрин

[1] Письмо Горького Чумандрину от 13 апреля 1930 г. См. письмо 3, прим. 3.

[2] «Ленинград» — литературно-художественный и общественно-политический ежемесячник (1930—1932 гг.). Отв. редактор М. Чумандрин, с № 7—8 — А. Фадеев.

[3] Главискусство — Главное управление по делам искусства.

[4] ЛОСПС — Ленинградский областной совет профсоюзов.

[5] Сергей Иванович *Сырцов* (р. 1898—?). В 1929—1930 гг.— председатель Совнаркома РСФСР. В конце 1930 г. был снят с поста как участник троцкистской оппозиции.

[6] Алексей Егорович *Бадаев* (1883—1951). В 1930 г. был председателем Правления Центрального союза потребительских обществ СССР. В ответном письме от 12 июня 1930 г. Горький сообщал М. Чумандрину: «Прилагаю письмо Бадаеву. Сырцову писать не буду» (т. 30, с. 171).

[7] Мария Ивановна *Бабанова* (р. 1900), Эраст Павлович *Гарин* (р. 1902), Николай Петрович *Баталов* (1899—1937), Вера Николаевна *Попова* (р. 1889), Людмила Александровна *Скопина* (р. 1903) не принимали участия в работе театра.

[8] Горький повторил свой отказ в письме от 12 июня 1930 г.: «Пьесу писать — не имею времени, мне приходится работать на 3 журнала и особенно много — для „Литературной учебы“»; но добавил: «Пьесу написать — хочется, но пьеса — самая трудная форма словесного искусства и требует работы неизмеримо больше, чем роман. Возможно, что попробую и, может быть, к осени напишу» (т. 30, с. 172—173).

[9] Пьеса Ю. Либединского «Высоты» была поставлена в Московском драматическом театре (бывш. Корша) в ноябре 1929 г. Издано — Л., «Прибой», 1930.

[10] К. Я. Горбунов. Ледолом. М.— Л., Госиздат, 1930.

[11] Валентин Сергеевич *Смышляев* (1891—1936) и Алексей Дмитриевич *Попов* (1892—1961) участия в работе театра не принимали.

[12] В журнале «Ленинград» Горький не печатался, если не считать опубликования IX статьи из цикла «Издалека» (1912) в статье Пенчковского «Неизвестная статья Горького» (1931, № 6) и перепечатки очерка «И еще о чёрте» (1932, № 9).

[13] Имеются в виду письма Горького к зам. отв. редактора журнала «Лит. учеба» А. Камегулову. Одно из них (май 1930 г.) см. в «Лит. газете», 1961, № 72, от 17 июня.

[14] В письме от 12 июня 1930 г. Горький отверг обвинение в «академизме», но указал на незрелость ряда статей, помещенных в журнале (т. 30, № 987).

[15] В «Лит. учебе» (1930, №№ 1, 2, 3) были опубликованы письма Горького к начинающим писателям под названием «Письма из редакции».

[16] Имеется в виду письмо Горького к Камегулову от 9 января 1930 г. Горький писал: «...статьи для „Литучебы“ написаны как будто старенькими учителями гимназии старого времени. Не знаю, что надобно сделать для того, чтоб поднять тон статей, но сделать это — необходимо. Нужен пафос, нужна сатира и — беспощадная к мещанам...» (АГ).

4

ЧУМАНДРИН — ГОРЬКОМУ

1930 г. 22/VII.
Ленинград—центр, Красная, 25, кв. 14.

Дорогой Алексей Максимович! Вы столько раз оказывали мне помощь в разного рода моих начинаниях, что мне просто неловко еще раз обращаться к вам. Однако, дело, о котором я пишу вам, не терпит никаких отлагательств и всерьез помочь в его разрешении можете, конечно, только вы.

1. У нас в Ленинграде есть В. В. Князев, которого вы, вероятно, знаете [1]. Вообще-то он известен как поэт, сотрудничающий в газетах и тонких журналах.

2. Но он, как это известно очень немногим, с осени 1901 г. и до последнего времени работал еще и над гигантским трудом — над своей энциклопедией пословиц. Если вы прочтете его предисловие (которое посылается вам с этим письмом) [2] и уже изданную книжку [3] (она не больше, как 5—10% всей энциклопедии),— то легко поймете, что это за колоссальная работа.

3. Из⟨дательст⟩во «Академия» [4] включило всю эту работу в свой издательский план, но обратилось за субсидией в Наркомпрос. Вы сами знаете, Алексей Максимович, что поднять такое дело, как издание 150 печ⟨атных⟩ листов — дело невероятных трудностей.

4. И вот в этом-то смысле было бы крайне желательно получить вашу оценку работы в тех пределах, в каких она вам станет доступной, и (это главное) — нажим на Халатова и Наркомпрос [5]. Конечно, все это лишь

в том случае, если вы, ознакомившись с тем, что вам будет прислано, — сами найдете нужным оказать поддержку.

В расчете на желательный отклик, с коммунистическим приветом

М. Чумандрин

[1] См. Горький — Князев, стр. 194—196 наст. тома.
[2] Машинописный текст предисловия «От автора-составителя».
[3] В. В. Князев. Книга пословиц. Выборки из пословичной энциклопедии. Л., «Красная газета», 1930.
[4] Т. е. «Academia».
[5] В письме заведующему Госиздатом А. Б. Халатову от 30 августа 1930 г. Горький отрицательно оценил работу Князева (АГ).

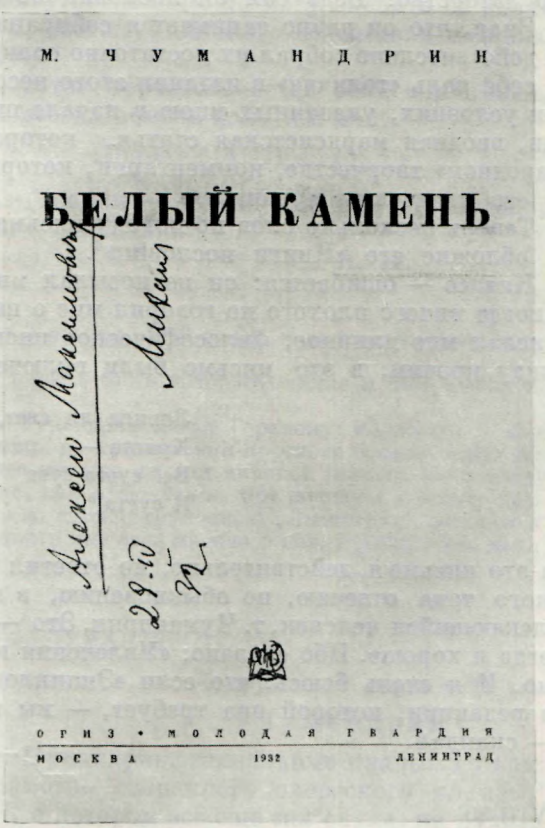
5

ГОРЬКИЙ — ЧУМАНДРИНУ

〈Сорренто. 10 августа 1930 г.〉

Дорогой товарищ Чумандрин!

Мои соображения по поводу «Энциклопедии» В. Князева таковы: это очень ответственная работа, она требует обширной вводной статьи, подробных комментарий и внимательнейшей редакции. Вводная статья должна быть посвящена теме «народная мудрость» и обнажить пред читателем, как эту мудрость заключали в афоризмы бродяги, лентяи, попы, торгаши, батраки, хозяева и т. д. Вам как марксисту должна быть понят-



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ М. Ф. ЧУМАНДРИНА ГОРЬКОМУ НА ПОВЕСТИ «БЕЛЫЙ КАМЕНЬ» (М.— Л., 1932):

«*Алексею Максимовичу*. Михаил 28.IV 32»

Личная библиотека Горького

на необходимость такой статьи, комментарий и необходимость строгой редакции. Мне кажется, что редакция должна быть двоякой: Комакадемии и — спецов фольклористов.

Заметка «От автора-составителя», написанная поверхностно, немножко хвастливо, мне очень не понравилась. Автор плохо понимает то, о чем он говорит. Такие категорические заявления его как, напр⟨имер⟩, «народ наш никогда не был христианином», говорят о том, что автор историю этого «народа» — не знает. К сожалению, «народ» был и, в массе, пребывает христианином, ибо евангельские качества терпения, кротости и пр. ему прививали 12 веков. «Христианства» в пословицах чрезвычайно много, сотни пословиц не что иное, как фразы церковных писателей, иногда измененные по форме, но никогда по существу. История старообрядчества и сектантства говорит против автора. Автор умалчивает, пользовался ли он сборниками пословиц Чулкова[1], Снегирева, Даля, Михельсона[2], Ипполитова[3] и многих других? По книжке, изданной «Кр⟨асной⟩ газетой», видно, что как будто пользовался. На это он должен бы указать, потому что, если окажется, что его «Энциклопедия» составлена по старым сборникам пословиц, — цена ей не велика. Выписывая «пословицы» из Андрея Печерского, Горького, автор уже отходит в сторону от «народного» творчества. И — почему только Печерский, Горький, а не Даль, Г. Успенский, Левитов, Голицынский [4] и т. д.?

О пристрастии «народа» к язычеству автор говорит по книге Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу», — книга эта написана в 60 гг. Со взглядами на «народное» творчество Келтуялы [5] и других писателей по этому вопросу Князев не знаком, а это знать ему следовало бы и как автору, и как составителю. Кстати: не ясно мне — в чем выразилось его авторство? Ведь сам он пословиц не сочинял?

Зная, что он давно занимается собиранием пословиц и допуская, что он действительно собрал их достаточно солидное количество, я могу взять на себя роль «толкача» в издании этого несомненно ценного труда только при условиях, указанных мною в начале письма, т. е.: редакция Академии, вводная марксистская статья, которая должна осветить вопрос о «народном» творчестве, комментарии, которые классифицируют материал по его классовым признакам.

Теперь несколько слов по поводу письма Князева к вам, написанного на обложке его «Книги пословиц»[6].

Князев — ошибается: он не посылал мне писем на Капри[7]. Никто, никогда ничего плохого не говорил мне о нем. Но года три тому назад он прислал мне длинное, философическое письмо с жалобами на жизнь и, между прочим, в это письмо были включены такие стишки:

Ленина ли свет,
Христа —
Всё суета сует
И суета [8].

На это письмо я, действительно, не ответил стихотворцу, ибо на письма такого тона отвечаю, по обыкновению, в печати. Всё. А — какой вы увлекающийся человек, т. Чумандрин. Это — в общем не плохо, но — не всегда и хорошо. Ибо сказано: «Увлечения ведут к ошибкам». Верно сказано. И я очень боюсь, что если «Энциклопедия» Князева выйдет в свет без редакции, которой она требует, — мы получим не «Энциклопедию», а — скандал.

А. Пешков

10 VIII 30

[1] Михаил Дмитриевич *Чулков* (1743—1793) — писатель, один из первых этнографов и собирателей русского фольклора — преимущественно сказок и пьес. Сборников пословиц у М. Д. Чулкова нет.

[2] См. письмо Горького Князеву, прим. 3.

[3] Ипполитов — вероятно, описка Горького. Может быть, речь идет о книге: И. И. Иллюстров. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. Сборник русских пословиц и поговорок. Изд. 3, испр. и дополн. М., 1915.

[4] Александр Петрович *Голицынский* — автор «Очерков из фабричной жизни» (М., 1861), пользовавшихся большой популярностью среди революционеров — народников. Подробнее о нем см. во вступительной статье П. Е. Щеголева ко второму изданию «Очерков фабричной жизни» (Л., «Прибой», 1927).

[5] Горький относился резко отрицательно к теории В. А. Келтуялы о том, что создателем фольклора был не народ, а представители правящих верхов общества, теории, изложенной в предисловии ко второй части первого тома «Курса истории русской литературы» (1911). См. письмо Горького к Е. Ляцкому от 9 апреля 1912 г. (т. 29, № 598).

[6] Среди книг Горького экземпляр «Книги пословиц» пока не обнаружен.

[7] Горький ошибся: Князев писал ему на Капри в 1912—1913 гг.

[8] 8 октября 1930 г. Князев писал Горькому, что эти стихи были порождены его «растерянностью» в годы нэпа (АГ).

Князеву принадлежат и другие стихотворения о В. И. Ленине, получившие в годы их выхода в свет широкое признание. См. сб. «Капли крови Ильича». Л., Госиздат, 1924.

6

ГОРЬКИЙ — ЧУМАНДРИНУ

〈Сорренто. 3 ноября 1930 г.〉

Дорогой т. Чумандрин,

я не знаю адреса В. В. Князева и очень прошу вас передать ему прилагаемое письмо [1].

Внимательно просмотрев «Книгу пословиц», не могу оценить ее иначе как скандально малограмотной и, поэтому, никакого содействия изданию работы Князева оказать не могу.

Рукопись вашу — ожидаю [2], готов прочитать ее со всем вниманием, на кое способен, и вообще готов всегда помочь вам, чем могу.

Привет. А. Пешков

За Князева — не сердитесь. Чепухи — у нас издается достаточно, увеличивать количество ее — нет оснований.

А. П.

3.XI.30.

[1] Письмо Горького к Князеву от 3 ноября 1930 г. См. в настоящем томе, стр. 194—196.

[2] Рукопись романа «Ленинград», первая часть которого вышла в свет в 1931 г. М.— Л., ГИХЛ.

В письме от 17 октября 1930 г. Чумандрин писал Горькому: «Однажды я вам уже говорил, что посылать вам свои вещи на критический просмотр боязно: вдруг вы побоитесь обругать и напишете так, что это мне не даст никакой пользы. Но последнее время (1 год — $1^1/_2$) показали мне, как я *ошибался*. Вот почему я и прошу вас: *если у вас будет время* — просмотрите мою книжку (рукопись) „Ленинград", которую я пришлю вам в конце ноября, и напишите мне свое мнение о ней. Ругательства меня не пугают» (АГ).

7

ГОРЬКИЙ — ЧУМАНДРИНУ

〈Сорренто. 5 марта 1931 г.〉

Чумандрину

Как часто возникают у вас, т. Чумандрин, гениальные планы! То вам хочется издать 150 листов безграмотно собранного словесного хлама [1], то вы затеваете «Рабочий театр» [2], о котором всё еще «ни слуха, ни духа»,

то организуете журнальчик «Ленинград» [3], кстати сказать — очень плохой. А писательство, — дело, к которому вы более или менее способны, — не двигается у вас.

Вот, теперь вам хочется организовать журнал «для изучения психологии рабочего класса» [4]. Но для изучения этой психологии уже издано огромное количество автобиографического материала, еще большее количество его лежит в архивах Истпарта [5]. Поспешное и неразборчивое печатание автобиографий уже создало весьма солидное количество графоманов и непризнанных гениев. Пора начать борьбу против засорения книжного рынка полуграмотными книгами. Вы говорите: «от Истпарта нужно четко отмежеваться», — зачем? И зачем вам понадобилось «преломление через индивидуальную психику». Убеждены ли вы, что это «преломление» не заставит вас подчеркнуть «проблему индивидуальности»? Мне кажется, что вы очень плохо знаете действительность.

Какую, собственно, психологию собираетесь вы изучать? Рабочих до Октября, эпохи гражданской войны, рабочих эпохи нэпа или же рабочих 28—31 гг.? В основных чертах это, конечно, одна и та же психология, и с нею весьма обстоятельно можно ознакомиться по партийной литературе за 13 лет, а также — по Ленину, разумеется. Но, при наличии общих черт, температура этой психики весьма различна. Накалка бойца граждан⟨ской⟩ войны и ударника наших дней — не одинакова. Ударник выпал из вашего плана, а он — в производстве — ведущая сила массы. Но не надо упускать из вида, что ударничество, в известной степени, — ставка на индивидуальность. Тут требуется — при «изучении» — много такта и осторожности. Мы видим, что ударник становится и литератором; тощие, но острые книжки изд⟨ания⟩ ВЦСПС [6] чрезвычайно характерны, и как вы лично, так и многие литераторы могли бы весьма многому научиться из этих книжек.

Кстати: ⟨в⟩ журн⟨але⟩ «Наступление» [7] есть отдел «Записки ударника».

Хотя учиться — труднее, чем учить, но уверяю вас — надо учиться. План ваш очень туманен и запутан. Это особенно видно по разделу 3, где говорится об изучении раб⟨очего⟩ класса по художественной литературе, — [где его — как класса — нет еще] — и ставится неожиданный вопрос: «только ли раб⟨очего⟩ класса»? [8]

Бросьте-ка этот ваш план, т. Чумандрин, справиться с ним вы — не в силах, да и вообще он — не нужен. Неужели вы не понимаете, что в наши дни такие затеи — детская игра? В конце концов вы предлагаете рабочим изучать свою психику по своим произведениям. Занятие сугубо «интеллигентное».

5.III.31. Привет. А. П е ш к о в

[1] См. письма 6 и 7.

[2] См. письма 3 и 4 и прим. к ним.

[3] См. письмо 4, прим. 2.

[4] В письме от 15 февраля 1931 г. Чумандрин поделился с Горьким своей новой идеей: «Я только что перечел ваши „Детство", „В людях", „Мои университеты",— писал Чумандрин,— и мне пришла в голову следующая мысль: надо создать журнал ⟨...⟩, в котором, в основном, печатать воспоминания рабочих. Такой журнал необходим для изучения „психологии рабочего класса". Я подчеркиваю всю условность этого термина, но другого подобрать пока не могу» (АГ).

[5] Речь идет об изданиях созданной в 1920 г. Комиссии по изучению истории РКП(б) и Октябрьской революции (Истпарт). В том же письме от 15 февраля 1931 г. Чумандрин писал: «Но в нашем журнале должно быть очень четкое размежевание с журналами истпартовскими и просто историческими. Ведь журналы такого типа печатают материалы, поднявшиеся или поднятые на уровень известных исторических обобщений. Это не значит, что у нас будет возможно искажение объективной действительности,— но материал будет даваться преломленным через индивидуальную психику» (АГ).

[6] Издательство ВЦСПС организовало выпуск книг рабочих-ударников. См. об этом статьи Горького 1931 г.: «Ударники в литературе», «Беседа с молодыми ударниками, вошедшими в литературу», «Беседа с писателями-ударниками по вопросам, предложенным рабочим редакционным советом ВЦСПС» (т. 26).

[7] «Наступление» (1931—1936) — ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал Западной областной Ассоциации пролетарских писателей (Смоленск). Среди отделов журнала «записки ударника», «очерки», «заметки», в которых публиковались письма ударников с заводов и фабрик, из колхозов и совхозов.

[8] В цитированном выше письме Чумандрин писал: «Нам надо в художественной литературе подойти к изучению рабочего класса. Только ли рабочего класса? ⟨...⟩ Впрочем, в предыдущих абзацах я уже писал о том, что надо будет печатать и материалы, „человеческие документы", представителей передового крестьянства и пролетарской интеллигенции и т. д.» (АГ).

ГОРЬКИЙ СРЕДИ АКТЕРОВ ТЕАТРА им. ЕВГ. ВАХТАНГОВА, УЧАСТНИКОВ ПЕРВОЙ ПОСТАНОВКИ ПЬЕСЫ «ЕГОР БУЛЫЧОВ И ДРУГИЕ», 1932 г.

На фотографии (слева направо), 1-й ряд: Н. П. Русинова, Б. В. Щукин, Горький, Ц. Л. Мансурова, К. Я. Миронов, Е. Г. Алексеева, О. Н. Басов, Б. М. Королев. 2-й ряд: Л. П. Русланов, Н. Ф. Семенов, В. В. Куза, А. Я. Ефимов

Снимок сделан на репетиции пьесы

Музей театра им. Евг. Вахтангова, Москва

8

ЧУМАНДРИН — ГОРЬКОМУ

⟨Ленинград. Март 1931 г.⟩

Алексей Максимович, я как-то писал о желании послать вам на отзыв свою новую книжку [1] и очень был рад, когда вы дали свое согласие ее прочесть и даже написать мне о своих впечатлениях.

Но у меня с нею несчастье. Вернее, наоборот. Дело в том, что вот уже два года, как я сижу над нею — книжкой в 7—8 печ. листов — и никак не могу оторваться. Я переписываю ее вот уже 6-й раз. Все-таки думаю, что к весне кончу [2].

Пока посылаю вам свои очерки [3]. Очень прошу, если они не безобразны, черкните мне хоть пару строк. Только теперь, написав очерки, ⟨понял⟩, как тяжело над ними работать.

Датируется по времени выхода в свет очерков Чумандрина «Дела и люди» (март 1931 г.).

[1] См. письмо 7, прим. 2.

[2] Работа над первой частью романа «Ленинград» была закончена в июне 1931 г.

[3] М. Чумандрин. Дела и люди. Очерки. М.— Л., ГИХЛ, 1931. Очерки явились результатом длительной работы писателя в партийной организации завода «Красный путиловец» (ныне завод им. С. М. Кирова).

9

ГОРЬКИЙ — ЧУМАНДРИНУ

〈Москва. 13 сентября 1931 г.〉

Милейший т. Михаил,—

хотел сегодня побывать у вас [1], но анафемская погода — мешает. Побывать хотел для беседы о работе «Мастерской театра импровизаторов». Стенограммы вызвали у меня впечатление, наскоро изложенное в прилагаемом письме тт. импровизаторам, письмо сообщаю вам в копии для развлечения вашего [2].

Сейчас получил вашу записку по поводу т. Ф〈ирина〉 [3]. На днях увижу его и — поговорим. Перемещение его в РАПП оказалось неосуществимым. Весьма жаль. Какой он хороший парень!

Завтра попытаюсь навестить вас.

Желаю доброго здоровья и бодрого настроения.

А. Пешков

13.IX.31.

Сообщите адрес Либединского, пошлю ему стенограммы и письмо.

На письме Горького рукою Чумандрина сделана пометка: Приехал 14/IX в 2 ч. дня. Привез книг и яблок [4].

[1] Чумандрин находился в это время в Кремлевской больнице в Москве.

[2] В начале сентября 1931 г. Горький ознакомился со стенографической записью работы над пьесой «Сапог», созданной коллективом театра ЛАПП методом творческой импровизации. В связи с этим 12 сентября 1931 г. им было написано письмо «В мастерскую импровизации».

«В общем,— писал Горький,— я обязан сказать, что работа идет правильно,— поскольку могу судить об этом по стенограммам. Мне нужно побывать на занятиях мастерской, что я и сделаю» (черновой автограф. Дата: 12 сентября 1931 г., АГ). Это письмо было опубликовано позднее со значительными сокращениями под названием «Ставьте дело широко и твердо. О Ленинградском театре ЛАПП» в журнале «Рабочий и театр», 1931, № 25, и в «Лит. газете», 1931, № 53, от 2 октября.

В том же номере «Лит. газеты» было помещено сообщение о посещении Горьким театра ЛАПП 21 сентября 1931 г.: «М. Горький дал театру ряд указаний и советов в работе над революционной импровизацией. В связи с постановкой театром ЛАПП инсценировки повести Горького „Мать“ А. М. посоветовал просмотреть работу над литературным текстом Московского Художественного театра, который, по сообщению Алексея Максимовича, ставит ряд его рассказов, в том числе и „Страсти-мордасти“».

Позднее Горький ознакомился с переработанным текстом пьесы «Сапог», присланным ему Чумандриным, и высказал свои замечания в письме театру ЛАПП от 29 января 1932 г. (т. 30, № 1039).

Письмо это было послано на имя Ю. Либединского вместе с непосредственным ответом Горького Либединскому по поводу проекта создания «Театра-вуза».

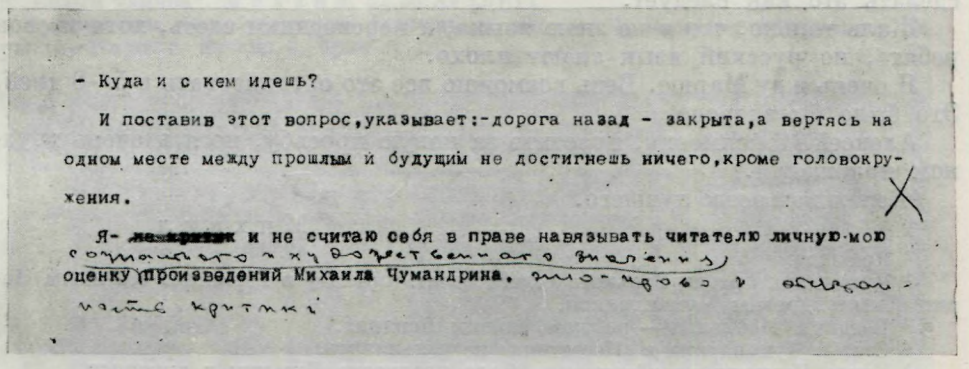
«По поводу записки о театре-вузе,— писал Горький Либединскому 26 января 1932 г.,— скажу вот что: из преподавательского плана вуза выпала задача импровизации. Мне кажется, что если строить вуз, так следовало бы придать ему некоторое отличие от обычных театральных школ. Своеобразие вуз получил бы, поставив пред собой цель: объединить актера и автора, сочинителя пьесы и ее исполнителя. Эта цель обязывает расширить преподавание, ввести историю развития драмы как литературной формы, историю театра как орудия классовой самозащиты: „театр — школа народа“,— эти слова скрывают в себе проповедническую, пропагандистскую роль театра в классовом обществе.

В моменты наибольшей безопасности, и — иногда — усталости, театр рассматривался как „зрелище“ и только.

Я понимаю, что записка недостаточно разработана, но все же не лишним нахожу указать на некоторые ее неясности. И очень защищаю введение в преподавание импровизаторской работы на текущем материале» (АГ. Письмо Ю. Н. Либединскому частично опубликовано вместе с письмом театру ЛАПП.— «Рабочий и театр», 1932, № 6, стр. 6).

[3] Семен Григорьевич *Фирин* (1898—1938) был в то время одним из работников Главного управления лагерей ОГПУ. В АГ хранится переписка Горького с Фириным за 1934—1935 гг. (см. также воспоминания Фирина о Горьком в «Лит. газете», 1936, № 36, от 19 июня).

[4] По всей вероятности эта запись относится к Горькому. Можно предположить, что в своих воспоминаниях «Наш старик» («Ленинградская правда», 1936, № 141 от 21 июня) Чумандрин ошибался, утверждая, что Горький не смог его посетить из-за болезни.



- Куда и с кем идешь?

И поставив этот вопрос, указывает: - дорога назад - закрыта, а вертясь на одном месте между прошлым и будущим не достигнешь ничего, кроме головокружения.

Я - [illegible] и не считаю себя в праве навязывать читателю личную мою оценку произведений Михаила Чумандрина.

РУКОПИСЬ СТАТЬИ ГОРЬКОГО «РАВНОДУШИЕ НЕ ДОЛЖНО ИМЕТЬ МЕСТА» (ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ ПОВЕСТИ М. Ф. ЧУМАНДРИНА «БЕЛЫЙ КАМЕНЬ» НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ), 1931 г.

Лист одного из вариантов статьи (воспроизводится частично)

Архив Горького, Москва

10

ЧУМАНДРИН — ГОРЬКОМУ

1931. 17.XI.
Берлин, Гайсбергштрассе 39, комн. 23.

Дорогой Алексей Максимович, сегодня встретился с П⟨етром⟩ П⟨етровичем⟩ [1] и чрезвычайно благодарю вас за то, что вы приняли такое участие в удовлетворении моей просьбы [2], а то я было собрался «отмежевываться» от нее, думая, что сделал глупость. ⟨...⟩

Здесь такое количество интересного, что я хожу с утра и до самого позднего вечера: Веддинг, Нейкельн и Веддинг [3]. Я завязал громадные знакомства с безработными. Просто обидно, что так мало на свете времени. Я не меньше 12 часов в сутки брожу по рабочим районам, по квартирам, часа 3 в день пишу (для «Известий»). Мне очень хочется написать вам о своих наблюдениях — но положительно не имею ни сил, ни времени. Я очень прошу потом прочесть всё в «Известиях» [4].

Скажу только, что сейчас громадное большинство рабочих Берлина живет так, что жизнь ваших героев — всей этой нищей и голодной братии — вся эта жизнь покажется недосягаемой сказкой для жителей здешних рабочих районов.

Это картина систематического, планомерного уничтожения сотен тысяч взрослых здоровых мужчин, женщин, детей. Алексей Максимович, просто рвется сердце, когда я гляжу на все это.

Белая сволочь осмеливается писать о Советском Союзе, — да если б каждый из них побывал в здешних квартирах безработных и если б каждый из них спокойно проглядел все это, — его надо было бы даже не повесить, даже не удавить, а уничтожить такой смертью, какой еще не придумали люди.

Я пишу сбивчиво и бестолково, но, поверьте мне, когда я вижу двухлетних ребят, замечательных ребят, которые целыми днями сидят в углу кровати, боясь слезть на пол: там бегают крысы; в полу громадные щели; со стен течет; комната с одним разбитым, заткнутым газетой окном, освещается керосиновым ночником — нельзя быть спокойным.

Если у меня хватит уменья написать книгу так, как я это хочу, — это будет жуткая и потрясающая книга [5]. Но, мне думается, я не сумею сделать это как следует.

Жаль только, что я не знаю языка, а переводчики здесь, хотя и свои ребята, но русский язык знают плохо.

Я очень жду Марию. Ведь возможно все это организовать в 5—6 дней. Это было бы здорово.

Алексей Максимович, простите за новую просьбу, но я в очень трудном положении.

Желаю вам всего лучшего.

М и х а и л

[1] Крючков.

[2] Чумандрин просил Горького содействовать приезду в Германию его жены Марии Александровны Чумандриной.

[3] Веддинг, Нейкельн — рабочие районы Берлина.

[4] Статьи Чумандрина в «Известиях» не появлялись.

[5] Книга Чумандрина «Германия» была прочитана Горьким в рукописи.

В письме от 29 марта 1933 г. Чумандрин писал Горькому: «Всё, что вы указали мне, Алексей Максимович, при чтении — я выполнил, а так как вы, естественно, не могли отметить всех недостатков,— я и сам набрал изрядное количество их, и очень многое выбросил, кое-что дописал, но, в общем, книга поджалась и, по-моему, стала много лучше. Уже и после того, что идет в „Новом мире“, я работал над рукописью и, например, весь раздел „В прихожей Европы“ из книги выкинут. Спасибо вам за все ваши советы и за всю ту злость, которую вы вкладывали в чтение моих вещей. Мне было бы очень тяжело думать, что впредь я буду лишен такого общения» (АГ).

В «Новом мире», 1933, №№ 1, 2, 3 и 4, были напечатаны очерки из книги М. Чумандрина «Германия». Вскоре книга вышла отдельным изданием (Л., ГИХЛ, 1933).

11

ГОРЬКИЙ — ЧУМАНДРИНУ

⟨Сорренто. Ноябрь, около 20-го, 1931 г.⟩

Виноват я пред вами, т. Чумандрин,— до сего дня не ответил на письмо. Причина — жестоко занят очень спешным делом.

Телеграмму вашу немедля протелеграфировал в Москву [1], а получив письмо — послал еще телеграмму Крючкову [2]. Каковы результаты? И — как вы чувствуете себя в каменной яме германского мещанства?

Не приехал ли Авербах? [3] Сообщите, что жду его здесь, буду очень рад видеть.

Крепко жму руку. А. П е ш к о в

Датируется по упоминанию телеграммы Горького Крючкову (см. ниже).

[1] Телеграммы Чумандрина по поводу приезда его жены в Берлин в АГ нет.

[2] Горький послал Крючкову 20 ноября 1931 г. телеграмму следующего содержания: «Просите визу Германию жене Чумандрина. Нужно, чтоб помочь его литературной работе. Г о р ь к и й» (АГ).

[3] Леопольд Леонидович *Авербах* — был у Горького в Сорренто в декабре 1931 г.

12

ГОРЬКИЙ — ЧУМАНДРИНУ

⟨Сорренто. 27 декабря 1931 г.⟩

Телеграмма

Вышлю предисловие [1] через два-три дня.

Датируется по пометам на телеграфном бланке.

[1] В письме от 9 декабря 1931 г. (АГ) Чумандрин попросил Горького «написать нечто вроде предисловия» для немецкого издания повести «Белый камень». Эта повесть была прочитана Горьким в рукописи. Впервые напечатана в журнале «Красная новь», 1931, № 12. Повесть дважды вышла отдельным изданием в 1932 г. На книге, выпущенной изд-вом писателей в Ленинграде, Чумандрин сделал дарственную надпись: «Алексею Максимовичу — с любовью и благодарностью за помощь в работе над „Белым камнем". Михаил. 32.26.X» (ЛБГ).

Предисловие было написано Горьким и выслано Чумандрину в Германию. См. Горький—Киршон, письмо 3, прим. 1.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕАТР ИМЕНИ ЕВГ. ВАХТАНГОВА

25, 28 сентября 1932 г.

в ознаменование 40-летия литературной и общественной деятельности

МАКСИМА ГОРЬКОГО

(1892—1932)

М. Горький ПРЕМЬЕРА

ЕГОР БУЛЫЧЕВ И ДРУГИЕ

сцены в трех актах

Время действия — канун Февральской Революции (конец 1916 года и начало 1917 года)

Режиссерские интерполяции: отрывки из газетных статей и исторических документов, газетные сообщения, отрывки из речей членов Государственной Думы (Милюкова, Родзянко, свящ. Филоненко и др.), отказ: А. Блока, З. Гиппус, Игоря Северянина и др.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЕГОР БУЛЫЧЕВ	В. В. Шукин	АНТОНИНА (дети от первой жены)	В. Ф. Тукская
КСЕНИЯ, его жена	А. Н. Запорожец	АЛЕКСЕЙ	М. Н. Сидоркин
ВАРВАРА, его дочь от Ксении	Д. А. Андреева	ПАВЛИН, поп	М. С. Державин
АЛЕКСАНДРА (Шура), побочная дочь	Ц. Л. Максурова	ГЛАФИРА, горничная	Е. Г. Алексеева
МЕЛАНЬЯ, игуменья, сестра жены	К. П. Русанова	ДОКТОР	Б. М. Королев
ЗВОНЦОВ, адвокат, муж Варвары	Л. П. Русланов	ТРУБАЧ	В. Г. Кельцов
ТЯТИН, его двоюродный брат	Н. Я. Мироков	ЗОБУНОВА, анахарка	Е. Д. Боксова
МОНЕЙ БАШНИН, старший приказчик Булычева	Н. Н. Лобашков	ПРОПОТЕЙ, блаженный	Н. Ф. Семенов
ВАСИЛИЙ ДОСТИГАЕВ	О. Н. Басов	ТАИСИЯ, монастырская служка	З. Н. Баженова
ЕЛИЗАВЕТА, жена его	В. С. Макарова	МОКРОУСОВ, пом. пристава	Б. М. Шухмин
		ЯКОВ ЛАПТЕВ, приказчик	Н. И. Каширин
		ДОНАТ, лоскин	В. В. Зяхов

Постановка — Б. Е. ЗАХАВА

Художник В. В. ДМИТРИЕВ

Режиссеры О. Н. Басов и А. Д. Козловский

Декорации выполнены под руководством В. М. Герасимова

Костюмы — под руководством Л. А. Банкиновой

Художественная консультация по костюмам Н. П. Ламановой

Пом. режиссера А. И. Павлинов

Парики — под руководством Д. И. Галкина

Заведующий освещением Н. Ф. Тюльпин

Машинист сцены — В. И. Сентюлев

Зав. постановочной частью А. И. Горюнов

Начало в 7½ ч. веч.

Касса театра открыта от 11 ч. утра до 8 ч. вечера

АФИША ПРЕМЬЕРЫ ПЬЕСЫ ГОРЬКОГО «ЕГОР БУЛЫЧОВ И ДРУГИЕ» НА СЦЕНЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕАТРА им. ЕВГ. ВАХТАНГОВА В МОСКВЕ 25, 28 сентября 1932 г.

Музей театра им. Евг. Вахтангова, Москва

13

ЧУМАНДРИН — ГОРЬКОМУ

1932.24.II.

Ленинград, ул. Рубинштейна, 7, кв. 20.

Дорогой Алексей Максимович, ваше предисловие мне из Берлина переслали. Я очень благодарен вам за то, что вы так охотно отозвались на мою просьбу, но теперь дело уже прошлое, я приехал в СССР, и использовать ваши строки мне незачем. Лишь крайняя необходимость вынудила меня обратиться к вам. Сейчас она прошла, и я не хочу злоупотреблять вашей отзывчивостью.

Я только прошу разрешения опубликовать под соответствующим названием ваше предисловие в нашей ленинградской прессе, но так, чтобы было изгнано всякое упоминание моего имени. Мне кажется, что предисловие и без этого имеет громадное политическое и литературное значение.

Таким образом я прошу разрешить *напечатать ваше предисловие целиком до последнего раздела, или еще лучше сделать так*:

«Я не считаю себя в праве навязывать читателю личную мою оценку социального и художественного значения произведений тов. N. Это право и обязанность критиков».

И так как дальше нет ни одного упоминания моего имени,—все обстоит прекрасно. Письмо для нас, для ЛАПП, имеет громадное значение.

Я очень жду от вас положительного ответа. Может быть, вы позволите ждать только до 10.III с. г.? Если до этого времени вы не ответите, могу ли я считать, что вы согласны на мое предложение? [1]

Могу ли я сделать так, как хочу? Дело, как видите, совсем не во мне. Я рассуждаю с точки зрения нашего движения.

Алексей Максимович, думаю, что вы разрешите мне провести в жизнь свой план. И чем скорее, тем лучше.

Всего лучшего. Доброго здоровья.

М. Чумандрин

Алексей Максимович, по заказу ГИХЛ я написал книжку «Матвей Равнодушный» [2], специально для малограмотных. Задание громадной политической важности, но как я выполнил его, судите сами. Буду очень рад, если вы черкнете мне пару слов. Дело для меня (такой «заказ»), да и не только для меня — дело новое, очень новое. Книжку посылаю.

М. Ч.

[1] Предисловие, написанное Горьким для немецкого издания повести Чумандрина «Белый камень», посвящено вопросу создания новой, пролетарской литературы. Это предисловие, как и просил Чумандрин, было опубликовано с большими сокращениями в ленинградской газете «Наступление» (1932, № 2, от 16 марта) как самостоятельная статья под заголовком «Равнодушие не должно иметь места» (см. т. 26).

Ниже мы приводим ту часть предисловия, которая не вошла в газетную публикацию и касается Чумандрина.

«Я — не критик, и не считаю себя в праве навязывать читателю личную мою оценку социального и художественного значения произведений Михаила Чумандрина, это—права и обязанности критики. Он—один из писателей, которых советская литература выдвигает ежегодно и выдвинула уже десятки. Все они прочно, физически связаны с рабочими фабрик и заводов, нередко читают рабочим свои произведения в рукописях, подвергая их критике читателей раньше, чем сдать рукопись в типографию. Таким приемом достигается тесное слияние литературы и жизни, и, на мой взгляд, этот прием, способствуя возбуждению в рабочей массе интереса к литературе, не может не влиять на ускорение культурного ее роста. Я вообще считал бы идеальными отношения непосредственной, товарищеской близости писателя с читателями,— такая близость равно поучительна для обеих сторон.

Союз Советов нуждается в сотнях прозаиков, поэтов, критиков, драматургов, журналистов, и эту армию мастеров слова нужно воспитывать не медля.

В Союзе Советов искусство слова должно служить делу культурной революции, делу создания новой индивидуальности, свободной от всего, что в прошлом уродливо ограничивало духовное развитие человека. Но ⟨так как⟩ все человечество живет в эпоху небывалого обострения классовой вражды и ненависти, творцом же ненависти в мире является чудовище капитализма, а основное ядро рабочего класса Союза социалистических Советов ставит целью своей уничтожение классового, капиталистического мира, то — само собою разумеется, что искусство рабочего класса Союза Советов должно быть и политически революционным» (АГ).

[2] В 1931 г. Ленинградское отделение ГИХЛа приступило к изданию серии книг «Библиотека начинающего читателя».

Книга Чумандрина «Матвей Равнодушный» (Л.—М., Гослитиздат, 1931) была первой книгой этой серии. Автор послал ее Горькому со следующей надписью:

«Написана эта книжка в несколько дней по экстренному заказу ГИХЛа для малограмотных.

ПЕРВАЯ ПОСТАНОВКА ПЬЕСЫ ГОРЬКОГО «ЕГОР БУЛЫЧОВ и ДРУГИЕ» В ГОСУДАРСТВЕННОМ ТЕАТРЕ им. ЕВГ. ВАХТАНГОВА, МОСКВА, 1932 г.

Сцена с попом. В роли Булычева — Б. В. Щукин, Шуры — Ц. Л. Мансурова, Павлина — М. С. Державин

Фотография

Музей театра им. Евг. Вахтангова, Москва

Это не оправдание для плохой книжки, однако она начала собой серию, больше того, именно после этого „тронулся лед".

В расчете на то, что вы, А⟨лексей⟩ М⟨аксимович⟩, прочтете эту брошюру и ругнете меня в письменном виде — на пользу и поучение. М и х а и л. 32.29.I» (ЛБГ).

В 1932 г. в серии «Библиотека начинающего читателя» вышла книга Горького «Рассказы» («Зрители», «Страсти-мордасти», «Как сложили песню» и «Рождение человека»).

14

ЧУМАНДРИН — ГОРЬКОМУ

⟨Ленинград. 15 мая 1932 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович, передаю вам просьбу *Ю. Германа*, о том, чтобы вы приняли его в один из ближайших дней. Он очень хочет поговорить с вами о своей книге [1].

Затем, рекомендую т. Миттельмана [2], очень толкового парня, бывшего секретаря ЛАПП. Он, естественно, хочет поинформироваться у вас по всем лит⟨ературным⟩ делам.

Всего лучшего. Жму руку,
лучшие пожелания.
М. Чумандрин

15.V.32.

Письмо на бланке Ленинградской ассоциации пролетарских писателей.

[1] Имеется в виду роман Ю. Германа «Вступление», кн. 1. Л., «Изд-во писателей в Ленинграде», 1931. В письме Горькому от 17 мая 1932 г. Чумандрин писал:

«Получили ли мою записку относительно Германа? Он очень хочет приехать к вам.

Как это? Можно? Парень он приятный и не давал мне покоя, желая подробно разузнать, что говорили вы о его книжке. Я рассказал что мог, но куда легче было б, если б и он сам мог поговорить с вами лично» (АГ).

Второе, переработанное издание романа (Л., ГИХЛ, 1933) было послано автором Горькому с дарственной надписью: «Алексею Максимовичу Горькому. Ю. Г е р м а н. 4/VIII—1933 г.» (ЛБГ).

[2] М. Миттельман — один из авторов «Истории Путиловского завода» (М.— Л., 1939).

15

ЧУМАНДРИН — ГОРЬКОМУ

Чумандрин, Михаил.
1932, 12.X.
Ленинград, 25, ул. Рубинштейна, 7, кв. 20.

Дорогой Алексей Максимович, просмотрел вчера в Большом Драматическом театре спектакль «Егор Булычов и другие» [1] и пришел к выводу о том, что следует поделиться с вами соображениями о том, как разрешена задача постановки вашей пьесы.

1. *Что такое ваша пьеса*? История ли это болезни и смерти конкретного купца или это типическое обобщение быта и жизни *строя*, исторически обреченного на гибель? По-моему, последнее. И Шура прекрасно укладывается в такую трактовку, так как она ярко и образно иллюстрирует собою общеизвестную марксистскую истину:«...*в те периоды, когда борьба классов близится к развязке, процесс разложения в среде господствующего класса, внутри всего старого общества, принимает такой сильный, такой резкий характер, что некоторая часть господствующего класса отделяется от него и примыкает к революционному классу, несущему знамя будущего*» [2]. Шура, разумеется, не все еще поняла и никакая она еще не революционерка и тем более — не большевичка, но она уже начинает *разбираться* в том, что представляет из себя жизнь, ее окружающая. Чёрт ее знает, какой путь выберет эта девица — умная, злая, настроенная против фальши и грязи окружающего ее мира. Из таких выходили Жанны д'Арк контрреволюции, но отсюда же *при соответствующей обработке* получались и убежденные борцы революции. Пока что ее бунт не идет дальше буржуазного радикализма, — но это у нее совсем не то, что скептицизм отца, постепенно захватываемого предсмертной паникой. Гибнет класс — и там, где у Егора — паника, у Шуры — обостряется глаз, оформляется взгляд на вещи. У Егора — распад сознания, у Шуры — оформление его. Вот в чем разница между отцом и дочерью. Вот почему — гибель Булычова это — гибель его класса. Разумеется, элемент биологический в Егоре очень силен. Но он подчеркивает лишь *социальную* сущность героя. У вас биология — не самоценный момент, а глубочайшая характеристика его общественной стоимости.

2. И это отлично поняли вахтанговцы [3]. Не случайно, что режиссерская выдумка и отсебятина (я подчеркиваю положительный смысл этого первого попавшегося термина) у вахтанговцев пошла по линии *социальных* штрихов (напр⟨имер⟩ газеты) [4]. Что сделали т. т. из БДТ? Они решили пофигурять «человеческой», «плотской» стороной Булычова и вместе с шапкой сорвали и волосы: весь Булычов, вся пьеса живут под знаком развертывающихся, усиленных и усиливающихся элементов животного, биологического, так сказать — мясного существования. Не в пример вахтанговцам, они подбавили кабатчины, богемы, натурализма и т. д. В результате, гибнут ваши образы. Взять хотя бы Алексея, дурака — Алешку. У вас это — прогнившая сволочь; тип земгусара, околачивающегося по тылам, по теплым местечкам; обиралы, сутенеры, пропойцы — будущие герои «великолепной» керенщины. И это хорошо раскрыли вахтанговцы.

В БДТ — это весельчак, забулдыга, рубаха-парень, штукарь, сорви-голова, симпатичнейший парняга. Или Достигаев — это не тот тип матерого, трижды протравленного и просушенного жулика, пренебрегающего всем, даже навечно святыми традициями буржуазного патриотизма. Ради наживы— все что угодно. Это тип, из которых вырастали громадные дельцы, герои и рыцари монополистического, интернационального, фашизированного капитала. В БДТ — веселейший старикан — не без хитрецы, не без ловкости, — а в общем всего только занятный персонаж, не больше. И Шура, в полном соответствии с общей линией спектакля

ГОРЬКИЙ
Рисунок карандашом П. Д. Корина, Тессели (Крым), 1936 г.
Музей Горького, Москва

в БДТ,—капризная,сумасбродная девичка,из пустого каприза отравляющая жизнь окружающим. В БДТ она мелка, в ней нет ни огня, ни того, что следовало бы назвать «мучительностью» (сказано неуклюже, но вы поймете меня) и что так отлично подмечено у вахтанговцев. Ведь Шура— ищущий, вдумчивый, если хотите — страдающий человек.

3. И так до самого конца. Я уже не говорю о том,что сам Булычов дан так, что в нем много от Достоевского (это болезненное, почти патологическое искание смысла жизни) и нет Горького: ведь у вас он — один из волчьей стаи капитализма, который теснится придвигающейся все ближе

и ближе революцией. И в этом, кроме обреченности, есть и своя сила. Сила, которую надо еще ломать, которую надо сломить. У БДТ враг уже добит и его следует уже пожалеть. Это не ваш вывод, это вообще не вывод, если говорить всерьез и *по-нашему*. Ваша и вахтанговская трактовка мобилизует — трактовка БДТ успокаивает и «приводит в равновесие».

4. Возможно, я в чем-то ошибаюсь, но я передаю вам ощущения человека, который пришел посмотреть Горького, а увидел чёрт знает что. Это не жалоба на театр и тем более — не кляуза. Мне просто обидно и досадно, что получилось не то, что хотелось бы видеть. Тем более, что непонятая режиссурой пьеса поставила в очень ложное положение актеров, из которых даже такие замечательные, как Казико (Шура), играли гораздо хуже своих возможностей. Попросту говоря, играли плохо. Или Монахов в роли Булычова, — ведь не случайно, что он у вас из «народа», т. е. всеми жилами и корнями связан с многомиллионной массой мелкобуржуазной стихии и из нее растет, уже вырос и поднимается. В этом его сила, в этом его и слабость. Дать эту слабость, без ощущения силы (силы, обрекаемой на свержение и гибель),— это и означает скатиться в достоевщинку. Это театр благополучно и проделал.

А красные знамена в конце и демонстрация, идущая над сценой, — это плохой плакат. Пьеса плохо понята театром. Обидно и досадно, Алексей Максимович.

Все это я написал потому, что до сих пор нахожусь под впечатлением вашей пьесы. Так именно надо строить драматургию. Вот почему я и решил переделать свою пьесу [5]. Кстати, читали ли вы ее и каково ваше впечатление? Я знаю, она еще очень сыра, но ваше мнение для меня — всё.

Прошу не понять меня плохо, я хотел просто поделиться с вами впечатлениями от спектакля и тем, как я понимаю вашу пьесу. Ежели будет время, черкните мне пару слов.

Еще: могу ли я в конце месяца подъехать к вам и, так сказать, проводить вас [6].

Жму руку, всего самого лучшего.

М. Чумандрин

[1] Премьера спектакля «Егор Булычов и другие» состоялась в Большом Драматическом театре им. А. М. Горького 25 сентября 1932 г. Роль Егора Булычова исполнял Н. Ф. Монахов, Шуры Булычовой — О. Г. Казико, Алексея — Н. П. Корн.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии (гл. I «Буржуа и пролетарии»). Сочинения, изд. 2-е, т. 4, стр. 433.

[3] Премьера спектакля «Егор Булычов и другие» в театре им. Евг. Вахтангова состоялась 20 сентября 1932 г. Роль Егора Булычова исполнял Б. В. Щукин, Шуры Булычовой — Ц. Л. Мансурова, Алексея — М. Н. Сидоркин.

[4] Имеется в виду пролог к спектаклю, сочиненный театром им. Евг. Вахтангова. В прологе перед занавесом Тятин, Звонцов, поп Павлин, Башкин и Лаптев читали выдержки из газет, в которых отражались военные и политические события 1916—1917 гг. Горький положительно отнесся к введению пролога: «Пролог — чтение газет — отличный. Его можно поставить в заслугу театру, как прием сотрудничества актера с автором» (т. 18, с. 417).

[5] См. письмо 17.

[6] 29 октября Горький выехал из Москвы в Сорренто.

16

ГОРЬКИЙ — ЧУМАНДРИНУ

〈Москва. 25 октября 1932 г.〉

Тов〈арищу〉 М. Чумандрину

Материал пьесы [1] интересный и взят интересно, крепко — за рога. Но — это почти всё, похвальное, что я могу сказать вам, автор, ибо вы

материал-то очень плохо обработали. А работать над ним нужно весьма внимательно и много. Вы пустили в него слишком много стона и вопля о человеке, о «костях» его, употребляемых как материал социалистической стройки. Партиец, революционер, вы не можете не понимать, с какой радостью встретят ваши враги это свидетельство коммуниста Чумандрина о великих трудностях соц⟨иалистической⟩ стройки, о разногласиях среди строителей и т. д. Кричит — Сезонов, а не Чумандрин? Да, конечно, но даже Чумандрин слышит и не может не воспроизвести этот стон и крик. Трудность строительства осложняется кулаками, вредителями? Ну, да, разумеется, но это тоже на радость врагам, а не на страх. На страх дано очень мало.

Сказанным я хочу подчеркнуть серьезное политическое значение пьесы и передать вам мое чувство тревоги за ее будущее. Вы должны очень глубоко и всесторонне продумать материал, прежде всего именно с этой политической, партийной точки зрения.

Детали: недостаточно четко сделаны фигуры людей, не сразу ясны импульсы, двигающие ими. Нужно, чтоб зритель сразу видел причины разногласий партийцев, сразу понял завязку драмы. Нужен более сжатый, яркий и точный язык. Акцент иностранцев предоставьте артистам сцены. Вы постройте не по-русски фразу, а уж акцент — не ваше дело.

⟨...⟩ Шютце в 3-м акте слишком неожиданно «честен», хотя и за доллары. Это превращение нужно подготовить его боязнью вредителей, — боязнью, что они скомпрометируют его. Сезонов — не фамилия. Сезон — не русское слово, и такой фамилии не может быть у нас.

Женщин мало для такой большой пьесы и все «высоко квалифицированы», нужно бы дать парочку «простых», уборщиц, что ли. Как можно более индивидуализируйте речь каждой фигуры, это поможет артисту сцены изобразить фигуру с предельной ясностью.

IV акт весь на монологах. Этим вы убьете пьесу. Монологи же совершенно обезличены, они — торопливый пересказ газетных статей.

Но — прежде всего — вы должны решить за Сезонова вопрос: в какой мере социалистическая власть может рисковать силами человека? Сезонов у вас забыл, что капиталистическое государство не ставит пред собою этого вопроса, а буржуазный гуманизм пользовался им — вопросом — в качестве только полемического средства против церкви и феодалов. Кто-то должен напомнить Сезонову и об этом, и о том, что у нас человек работает на себя, а если он — человек — этого все еще не понимает, — за сие винить некого, кроме его самого. Он и сам мог бы убрать грязь в бараке, вместо того, чтоб тратить время на игру в карты.

Вот и всё, что я могу сказать. Желаю успеха в дальнейшей работе. Очень желаю.

А. Пешков

25.X.32.

[1] М. Чумандрин. Естественная история.— «Молодая гвардия», 1933, № 2. В АГ хранится машинописный экземпляр пьесы с правкой и пометками Горького.

В письме от 29 марта 1933 г. Чумандрин писал Горькому: «После ваших указаний по поводу моей пьесы — я дважды радикально переделал ее. Указания меня настолько убедили, что невыполнение их означает одновременно и невыполнение того, что хочу я сам. Вот почему я переделываю еще раз, т. е. третий после вашего прочтения и пятый вообще. Одновременно с тем, как дать рукопись вам, я дал ее в „Молодую гвардию". Дал и забыл про нее. Вспомнил лишь тогда, когда она была уже набрана и версталась. Теперь она вышла во 2-м номере журнала» (АГ).

ГОРЬКИЙ — М. А. ШОЛОХОВ

Михаил Александрович *Шолохов* (р. 1905) познакомился с Горьким в пору работы над третьей книгой романа «Тихий Дон» и первой книгой «Поднятой целины».

Первая встреча писателей состоялась в апреле 1931 г. на даче Горького в Краскове. «После этой первой встречи с Горьким я виделся часто,— вспоминал Шолохов.—Бывало, приедешь в Москву, звонишь к Крючкову, и он договаривался с Горьким о встрече 〈...〉 В это время мы с Алексеем Максимовичем очень много говорили по вопросам литературы» (беседа с М. А. Шолоховым сотрудника Архива А. М. Горького И. С. Буквина 16 мая 1955 г. Запись И. С. Буквина. АГ).

Прочитав в 1928 г. первую книгу романа «Тихий Дон» в «Октябре» (№№ 1, 2, 3, 4), Горький писал И. М. Касаткину: «Шолохов—судя по первому тому,— талантлив...» (письмо от 31 декабря 1928 г.— См. в сб.: «М. Горький. Письма о литературе». М., «Советский писатель», 1957, стр. 375).

В статье «О литературе», впервые напечатанной в «Наших достижениях», 1930, № 12, Горький писал о Шолохове как об одном из писателей-художников, сумевших дать «широкую, правдивую и талантливейшую картину гражданской войны» (т. 25, с. 253).

В 1931 г. Горький поддержал Шолохова в его требовании печатать 6-ю часть романа «Тихий Дон» без изъятий, предложенных некоторыми деятелями РАПП («Октябрь», 1929, №№ 1, 2, 3; 1932, №№ 2, 3, 4, 5, 6).

В 1932 г. Шолохов послал Горькому отдельное издание романа «Поднятая целина» (М., «Федерация», 1932) с дарственной надписью: «Дорогой Алексей Максимович! Жму вашу руку и крепко хочу, чтобы ветры не дули, чтобы ваши кости не ныли, чтобы кашель вас не одолевал, чтобы все было у вас там хорошо. М. Шолохов. 24/XII—32» (ЛБГ).

Ниже публикуются два письма и одна телеграмма Шолохова.

1

ШОЛОХОВ — ГОРЬКОМУ

〈Ст. Вешенская. 3 июня 1931 г.〉

Телеграмма

Сегодня послал старый ваш адрес[1]. Привет. Шолохов

Датируется по телеграфному бланку.

[1] Возможно, Шолохов выслал Горькому главы 6-й части романа «Тихий Дон».

2

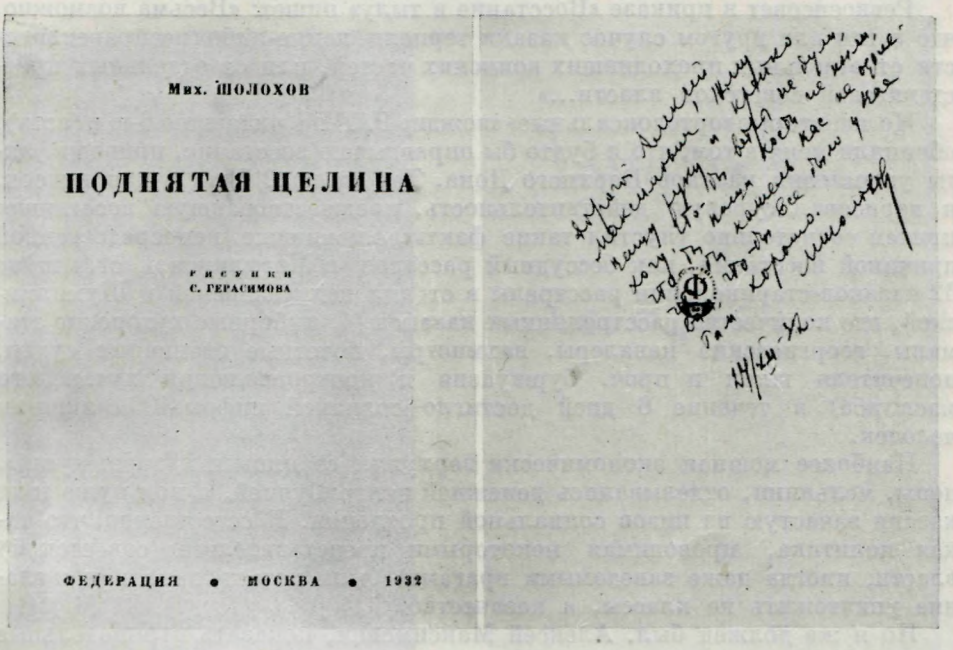
ШОЛОХОВ — ГОРЬКОМУ

Ст. Вешенская. 6 июня 1931 г.

Алексей Максимович!

На днях я послал т〈елеграм〉му Фадееву с просьбой передать вам первый экземпляр 6-й части «Тихого Дона»[1]. Этот экз〈емпляр〉 напечатан

лучше, и мне хотелось бы хоть этим облегчить вам возможность чтения, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ перепечатано вообще неважно и бумага разношерстная. Но тут не только моя вина: печатали мне в районе на старой-престарой машинке, а что касается бумаги, то это уже — бумажный кризис. 6-я часть почти целиком посвящена восстанию на Верхнем Дону в 1919 г. Для ознакомления с этим историческим событием пересылаю вам выдержку из книги Какурина «Как сражалась революция»[2] и несколько замечательных приказов Реввоенсовета.


Мих. ШОЛОХОВ

ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА

РИСУНКИ
С. ГЕРАСИМОВА

ФЕДЕРАЦИЯ • МОСКВА • 1932

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ М. А. ШОЛОХОВА ГОРЬКОМУ НА ПОВЕСТИ «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА» (М., 1932):

«Дорогой Алексей Максимович! Жму вашу руку и крепко хочу, чтобы ветры не дули, чтобы ваши кости не ныли, чтобы кашель вас не одолевал, чтобы все было у вас там хорошо. М. Шолохов. 24/XII—32»

Личная библиотека Горького

Мне хочется узнать ваше мнение о 6-й ч⟨асти⟩. Если вы найдете время прочитать, — очень прошу вас написать мне. В том случае, если вы сочтете необходимым поговорить со мной по поводу прочитанного, то дайте т⟨елеграм⟩му в Вешенскую [3], и я с большой радостью примчусь на день в Москву. Сейчас я все езжу по Севкавкраю (это — результат спора с Радеком) [4], и заехать в Москву мне легко: «семь верст ведь доброму молодцу не круг...».

Теперь несколько замечаний о восстании:

1) Возникло оно в результате перегибов по отношению к казаку-середняку.

2) Этим обстоятельством воспользовались эмиссары Деникина, работавшие в Верхне-Донском округе и превратившие разновременные повстанческие вспышки в поголовное организованное выступление. Причем характерно то, что иногородние, бывшие до этого по сути опорой совет⟨ской⟩ власти на Дону, в преобладающем большинстве дрались на стороне повстанцев, создав свои т⟨ак⟩ н⟨азываемые⟩ «иногородние дружины», и дрались ожесточенней, а следовательно, и лучше казаков-повстанцев.

В книге Л. С. Дегтярева «Политработа в Красной армии в военное время», в главе «Политработа среди населения прифронтовой полосы», автор пишет: «В гражданской войне, в практической полит‹ической› работе, мы часто грешили против этих положений, ведя борьбу со средним крестьянством. *Примером яркой ошибки может служить политика „рассказачивания" донского казачества весной 1919 г., которая привела к поголовному восстанию многих станиц Донской области в тылу Красной армии, приведшему к поражению Южфронта и к началу длительного наступления Деникина*»[5].

Реввоенсовет в приказе «Восстание в тылу» пишет: «Весьма возможно, что в том или другом случае казаки терпели какие-либо несправедливости от отдельных проходивших воинских частей, или от отдельных представителей советской власти...»

Но некоторые «ортодоксальные» «вожди» РАППа, читавшие 6-ю ч‹асть›, обвиняли меня в том, что я будто бы оправдываю восстание, приводя факты ущемления казаков Верхнего Дона. Так ли это? Не сгущая красок, я нарисовал суровую действительность, предшествовавшую восстанию; причем сознательно упустил такие факты, служившие непосредственной причиной восстания, как бессудный расстрел в Мигулинской ст‹ани›це 62 казаков-стариков, или расстрелы в ст‹ани›цах Казанской и Шумилинской, где количество расстрелянных казаков (б. выборные хуторские атаманы, георгиевские кавалеры, вахмистры, почетные станичные судьи, попечители школ и проч. буржуазия и контрреволюция хуторского масштаба) в течение 6 дней достигло солидной цифры 400 с лишним человек.

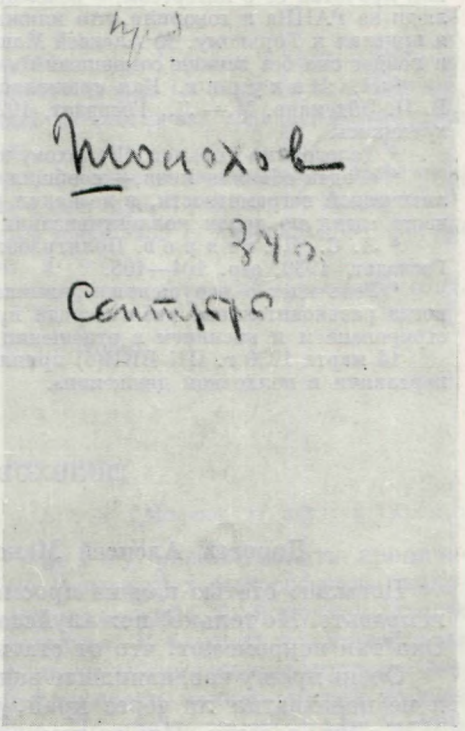
Наиболее мощная экономически верхушка станицы и хутора: купцы, попы, мельники, отделывались денежной контрибуцией, а под пулю шли казаки зачастую из низов социальной прослойки. И естественно, что такая политика, проводимая некоторыми представителями сов‹етской› власти, иногда даже заведомыми врагами, была истолкована как желание уничтожить не классы, а казачество.

Но я же должен был, Алексей Максимович, показать отрицательные стороны политики расказачивания и ущемления казаков-середняков, т‹ак› к‹ак›, не давши этого, нельзя вскрыть причин восстания. А так, ни с того, ни с сего не только не восстают, но и блоха не кусает.

В 6-й ч‹асти› я ввел «щелкоперов от совет‹ской› власти» (парень из округа, приехавший забирать конфискованную одежду, отчасти обиженный белыми луганец, комиссар 9-й армии Малкин — подлинно существовавший и проделывавший то, о чем я рассказал устами подводчика старовера, член малкинской коллегии, тоже доподлинный тип, агитировавший за социализм столь оригинальным способом) для того, чтобы, противопоставив им Кошевого, Штокмана, Ивана Алексеевича и др., показать, что не все такие «загибщики» и что эти самые «загибщики» искажали идею советской власти.

У некоторых собратьев моих, читавших 6-ю ч‹асть› и не знающих того, что описываемое мною,— исторически правдиво, сложилось заведомое предубеждение против 6-й ч‹асти›. Они протестуют против «художественного вымысла», некогда уже претворенного в жизнь. Причем это предубеждение, засвидетельствованное пометками на полях рукописи, носит иногда прямо-таки смехотворный характер. В главе — вступление Красной армии в х‹утор› Татарский, у меня есть такая фраза: «Всадники (красноармейцы), безобразно подпрыгивая, затряслись на драгунских седлах». Против этой фразы стоит черта, которая так и вопит: «Кто?!.. Красноармейцы безобразно подпрыгивали? Да разве же можно так о красноармейцах?!.. Да, ведь это же контрреволюция!..»

Тот, кто начертал сей возмущенный знак, уж наверное не знает, что кр<асноармей>цы, не кавалеристы, но бывшие в кавалерии, ездили в те времена отвратительно: спины-то у лошадей были побиты очень часто. Да и как можно ехать в драгунском седле, не подпрыгивая, «не улягая», ведь это же не казачье, не с высокими луками и подушкой. И по сравнению с казачьей посадкой, каждый, даже прилично сидящий в драгунском седле, сидит плохо. Почему расчеркнувшийся товарищ возмутился и столь ретиво высказал мне свою революционность с 3 «р», — мне непонятно.



М. А. ШОЛОХОВ
Фотография с надписью Горького на обороте: «Шолохов 34 г. Сентябрь»
Архив Горького, Москва

Важно не то, что плохо ездили, а то, что плохо ездившие победили тех, кто отменно хорошо ездил. Ну, это пустяки и частности. Непременным условием печатания мне ставят изъятие ряда мест, наиболее дорогих мне (лирические куски и еще кое-что). Занятно то, что десять человек предлагают выбросить десять разных мест. И если всех слушать, то $^3/_4$ нужно выбросить...

Думается мне, Алексей Максимович, что вопрос об отношении к среднему крестьянству еще долго будет стоять и перед нами, и перед коммунистами тех стран, какие пойдут дорогой нашей революции. Прошлогодняя история с коллективизацией и перегибами [6], в какой-то мере аналогичными перегибам 1919 г., подтверждает это. Вот своевременно ли писать об этих вещах? У вас неизмеримо шире кругозор, и мне хотелось бы получить от вас ответ на все эти вопросы.

Буду с большим нетерпением ждать от вас письмо или т<елеграм>му. Изболелся я за эти $1^1/_2$ года за свою работу и рад буду крайне всякому

вашему слову, разрешающему для меня этот проклятый вопрос. В апреле я уехал от вас из Краскова с большой зарядкой бодрости и желания работать. Спасибо вам, дорогой Алексей Максимович, за ваше теплое и внимательное отношение ко мне. Крепко жму руку и крепко желаю вам здоровья!

М. Шолохов

Конец 6-й ч〈асти〉 досылаю.

[1] Рукопись 6-й части «Тихого Дона» была передана Фадеевым Горькому. «Горький прочитал ее с интересом,— вспоминал Шолохов,— дело в том, что книгу читали люди из РАППа и говорили, что книжка не может идти без сокращений 〈...〉 Когда я приехал к Горькому, то Алексей Максимович сказал мне: „Книга написана хорошо и пойдет она без всяких сокращений“» (беседа с И. С. Буквиным).

[2] Н. Какурин. Как сражалась революция, т. II, 1919—1920. Под ред. Р. П. Эйдемана. М.— Л., Госиздат, 1926. Выдержка, приложенная к письму, не сохранилась.

[3] Телеграмма Горького Шолохову не сохранилась.

[4] «Радек обвинял меня,— сообщил Шолохов в беседе с И. С. Буквиным,— в политической неграмотности, в незнании русского мужика, и вообще деревни. Тогда я часто ездил по делам коллективизации в Северо-Кавказский край».

[5] Л. С. Дегтярев. Политработа в Красной армии в военное время. М.— Л., Госиздат, 1930, стр. 104—105.

[6] Речь идет о нарушении принципа добровольности в колхозном строительстве, когда разъяснительная работа среди крестьян нередко подменялась грубым администрированием и насилием в отношении середняка.

14 марта 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении».

3

ШОЛОХОВ — ГОРЬКОМУ

〈Ст. Вешенская. 4 марта 1934 г.〉

Дорогой Алексей Максимович!

Посылаю статью вам на просмотр [1]. Если сочтете нужным исправить, исправьте. Но только, пожалуйста, не давайте резать ее оргкомитетчикам. Они так искромсают, что от статьи останутся «рожки да ножки».

Очень прошу вас, напишите ваше мнение. То ли я написал, что нужно, и не перехватил ли через край, ругая Панферова? Смотрел последние №№ «Лит. газеты». Что-то там — ни звука на ваше письмо Серафимовичу [2]. Неужто не будут отвечать? [3] Хотя по существу и отвечать-то им нечего.

Желаю здоровья, крепко жму руку.

М. Шолохов

4/III — 34.

Адрес мой — ст. Вешенская, Азово-Черноморский край.

[1] Машинописный экземпляр статьи «За честную работу писателя и критика» (АГ. Правки Горького в тексте статьи нет). Статья написана в связи с дискуссией о романе Ф. Панферова «Бруски». Напечатана в «Лит. газете», 1934, № 33, от 18 марта вместе со статьей Горького «О языке».

[2] Максим Горький. Открытое письмо А. С. Серафимовичу.— «Лит. газета», 1934, № 17, от 14 февраля (см. т. 27).

[3] См. А. С. Серафимович. Ответ А. М. Горькому.—«Лит. газета», 1934, № 25, от 1 марта.

ГОРЬКИЙ — Г. П. ШТОРМ

Георгий Петрович *Шторм* (р. 1898) переписывался с Горьким в 1932—1935 гг.

Положительно оценивая историческую прозу Шторма («Повесть о Болотникове», «Труды и дни Михаила Ломоносова»), Горький способствовал изданию новых работ писателя и переизданию ранее напечатанных.

Шторм был одним из наиболее активных участников авторских коллективов, работавших над созданием «Истории деревни» и «Истории Горьковского края».

Личное знакомство писателей состоялось в июне 1933 г. Весной 1936 г. Шторм почти три месяца гостил у Горького в Крыму, в Тессели.

О своих встречах с Горьким он рассказал в заметке «Великий труженик» («Лит. газета», 1936, № 35, от 20 июня).

Ниже публикуются пять писем Горького к Шторму.

1

ГОРЬКИЙ — ШТОРМУ

〈Москва. 17 августа 1932 г.〉

«Мудрости эллинския не текох» [1] — я не могу рассматривать иронические сочинения гр. Кржижановского [2] со стороны их философской ценности, но мне кажется, что они достаточно интересны, и, вероятно, имели бы хороший успех в 80-х годах XIX столетия. В те годы праздномыслие среди интеллектуалистов было в моде, и дружеские споры вокруг самовара на темы достоверности или недостоверности наших знаний о мире служили весьма любимым развлечением. Позитивисты из семинаристов утверждали познавательную силу разума, люди более осторожные жаловались на неясность построений гносеологии, бойкие ребята, торопясь вкусить от радостей бытия, орудовали Пирроном [3], облекая в приличные формы простую обывательскую мысль: «А ну ее, ко всем чертям, философию! Жить надо». И все были более или менее довольны друг другом.

Мне кажется, что в наши трагические дни, когда весь мир живет в предчувствии неизбежной и великой катастрофы, лукавое празднословие — неуместно, даже и в том случае, если оно искренно.

Большинству человечества — не до философии, как бы она ни излагалась: лирически, сатирически или же — по принятому обыкновению — скучно и туманно. В наши дни как будто бы создается иная гносеология, основанная на деянии, а не на созерцании, на фактах, а не на словах. Поэтому я думаю, что сочинения гр. Кржижановского едва ли найдут издателя. А если и найдут такового, то всеконечно вывихнут некоторые молодые мозги, а сие последнее — нужно ли?

Печатается по машинописной копии с правкой, датировкой и подписью «М. Горький» рукой И. П. Ладыжникова. Текст сверен с черновым автографом.

[1] Т. е.: «за мудростью эллинской не ходил». Обычная в древнерусской литературе формула авторского самоумаления, в которой скрыто одновременно горделивое

предпочтение истины священного писания языческой эллинской науке (вместо слова «мудрость» иногда писалось «борзость» — в значении быстроты ума).

[2] Шторм передал Горькому рукописный сборник произведений писателя С. Д. Кржижановского (1887—1950). В сборник входили: повесть «Возвращение Мюнхаузена», рассказы «Неукушенный локоть», «В зрачке» и др.

[3] *Пиррон* (р. ок. 365 — ум. ок. 275 до н. э.) — древнегреческий философ, один из основоположников античного скептицизма.

2

ГОРЬКИЙ — ШТОРМУ

⟨Сорренто. 19 марта 1933 г.⟩

Г. Шторму

Повесть вашу [1], Георгий Петрович, я послал секретарю моему П. П. Крючкову — М. Никитская, 6, дабы он предложил ее редакции альманаха «Год 15-й».

Повесть интересна, неплохо сделана, хотя — несколько суховато и не так «цветисто», как хотелось бы, — от сюжетов восточных всегда ждешь больше образности и большей сложности словесного рисунка. Может быть, вы еще просмотрите рукопись? Мне кажется, в нее можно внести две-три фразы, которые несколько сблизили бы ее с действительностью, современной нам.

Перевод «Слова» [2] понравился мне, я думаю, что это вполне удачная работа. Книгу вашу [3] получил, сердечно благодарю.

Рукопись «Слова» послана тоже в адрес — М. Никитская, 6.

19.III.33

Печатается по авторизованной машинописной копии.

[1] Посылая Горькому рукопись «Повести о мудром Хикаре», Шторм писал 5 марта 1933 г.: «Это — вольная реконструкция одного „мирового памятника", от которого уцелели одни лоскутья. Повесть эта — вне обычного плана моей работы, так сказать,— в „производственных скобках", но, как мне кажется, в ней дышит подлинный классический Восток. Был бы очень обрадован, если бы получил от вас несколько строк с замечаниями по поводу „Слова" и моей восточной повести» (АГ). «Повесть о мудром Хикаре» была напечатана в альманахе «Год XVI». Альманах второй. М., 1933. «Слово о полку Игореве» в переводе Шторма, с его вступительной статьей и примечаниями вышло в Детиздате, 1934.

[2] Шторм по предложению Горького был привлечен издательством «Academia» к переводу «Слова о полку Игореве». Его перевод был напечатан в кн.: «Слово о полку Игореве». Редакция древнерусского текста и перевод С. Шамбинаго и В. Ржиги. Переводы С. Шервинского и Георгия Шторма. Редакция и вступительная статья В. Невского. М., «Academia», 1934.

[3] Г. Ш т о р м. Труды и дни Михаила Ломоносова. Обозрение в 9 главах и 6 иллюминациях. М., ГИХЛ, 1932. Книга была издана по рекомендации Горького: «На мой взгляд,— писал Горький в ГИХЛ в 1931 г.,— воспитательное значение этой вещи всесторонне значительно и полезно для нашей молодежи» (АГ). Впервые повесть была напечатана в «Октябре», 1931, № 3.

3

ГОРЬКИЙ — ШТОРМУ

⟨Москва. 25 августа 1933 г.⟩

27 июля написал я вам, Георгий? — забыл отчество! — ответ на ваше письмо и успокоился, уверенный, что ответ мой дойдет до вас. Вчера я нашел его в бумагах на столе у себя. Такие штуки бывают не часто в моем обиходе, но бывают.

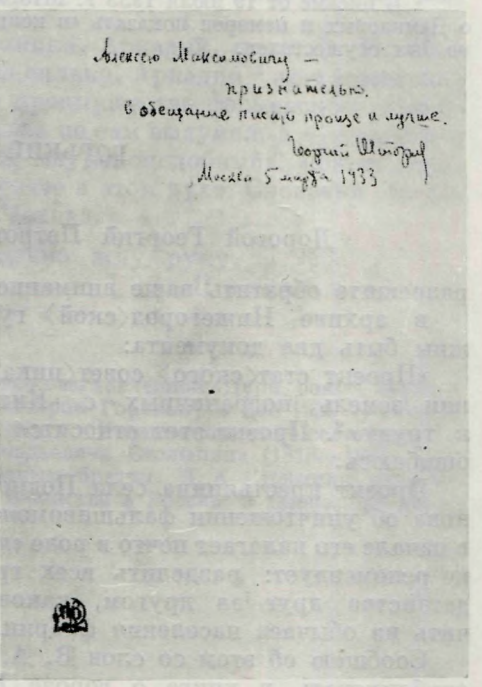
Прочитав ответ мой, нашел его сухим, изорвал. Пишу снова.

Мне кажется, что ваши сетования на «изолированность» вашу в лит⟨ературной⟩ среде не совсем правильны. Если гора не идет навстречу

Магомету, — он сам идет на гору. Вы — литератор умный, хорошо грамотный и «одаренный», у вас есть «свое лицо». Но вы сделали, покамест, только две книжки[1]. Не нахожу, что они приняты плохо. О них не пишет критика? Возможно, что это объясняется так: о них не легко писать. Но ведь всё же писали, я читал какие-то рецензии [2].

Работаете вы маловато, и я, например, не чувствую основной вашей темы. Это тоже, наверное, затрудняет суждение критики о вашей работе. ⟨...⟩

Не думаю, что вы нуждаетесь в обычных рецензиях.



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ Г. П. ШТОРМА ГОРЬКОМУ НА КНИГЕ «ТРУДЫ И ДНИ МИХАИЛА ЛОМОНОСОВА» (М.—Л., 1932):

«Алексею Максимовичу— признательно, в обещание писать проще и лучше. Георгий Шторм. Москва, 5 марта 1933»

Личная библиотека Горького

Вот что: не согласитесь ли вы несколько переделать «Повесть о Болотникове» применительно к пониманию детей старшего возраста? Я еще не знаю, потребует ли она изменений, но ее уже включили в список книг, предназначенных к изданию, организуемому Детиздатом [3]. И не попробуете ли написать нечто для детей старшего возраста на историческую тему? Или — на сказочную, но не очень «рафинированно», т. е. не так, как написано о Хикаре?

Вам необходимо больше работать. Если этому препятствует причина материальной необеспеченности, — можно добыть вам аванс, тысячи три, пять. Это предложение не должно смущать вас,— ведь вы работаете над Демидовыми [4], а трудная работа эта, конечно, требует соответственных ее серьезности условий.

Отвечайте.

Желаю всего доброго.

Ваш А. Пешков

25.VIII.33 г.

[1] Горький имеет в виду книги: «Повесть о Болотникове». Обложка гравирована на дереве В. А. Фаворским. М.— Л., Госиздат, 1930; «Труды и дни Михаила Ломоносова. Обозрение в 9 главах и 6 иллюминациях». М., ГИХЛ, 1932.

[2] См. рецензии: А. Рашковская. Георгий Шторм «Повесть о Болотникове».— «Звезда», 1930, № 2; О. Брик. Две повести Георгия Шторма.— «Лит. критик», 1933, № 3, и др.

В сентябре 1933 г. появился еще целый ряд рецензий: Л. Тимофеев. Об историзме и художественной литературе — «Книга и пролетарская революция», 1933, № 8; А. Алпатов. В первых рядах советского исторического романа.— «Художественная литература», 1933, № 9, и др.

[3] Георгий Шторм. Повесть о Болотникове. Для старшего возраста. Авторская обработка. Рис. П. Алякринского. М.— Л., Детиздат, 1937.

[4] В письме от 19 июля 1933 г. Шторм сообщал Горькому, что собирается писать о Демидовых и намерен показать «в колыбели» горнозаводской Урал (АГ). Замысел не был осуществлен.

4

ГОРЬКИЙ — ШТОРМУ

〈Москва. 10 марта 1935 г.〉

Дорогой Георгий Петрович [1], —

разрешите обратить ваше внимание на следующее:

в архиве Нижегород〈ской〉 губернской арх〈ивной〉 комиссии должны быть два документа:

«Проект стат〈ского〉 совет〈ника〉 Пич — возможно: Лик — о заселении земель, пограничных с Китаем, церковниками, не способными к труду» [2]. Проект этот относится ко времени Александра I, — если не ошибаюсь.

Проект крестьянина села Подновье — или слободы Печерской — Попова об уничтожении фальшивомонетчиков и конокрадов. Этот «проект» в начале его излагает нечто в роде «декларации прав гражданина», а в конце рекомендует: разделить всех граждан на десятки для вящего соглядатайства друг за другом, каковое соглядатайство и должно исключить из обычаев населения фабрикацию фальшивых денег [3].

Сообщаю об этом со слов В. А. Десницкого. Документы эти следует опубликовать в книге о городе Н.-Новгороде [4].

Что решили вы по поводу книжки: «Законодательство о крестьянах»? [5]

Крепко жму руку.

А. Пешков

10.III.35.

P. S. По поводу документов напишите кому-нибудь в Нижний или же сообщите В. В. Иванову [6].

[1] У Горького описка: Александрович.

[2] По-видимому, речь идет об Иване Алферовиче Пиле, генерал-губернаторе Иркутского и Колыванского местничества (девяностые годы XVIII в.). Пиль был автором ряда проектов, касающихся русско-китайской границы (сообщено ст. научным сотрудником Института истории АН СССР М. М. Штранге).

[3] Эти материалы Шторму не удалось разыскать, о чем он сообщил в своем ответном письме от 18 марта 1935 г. (АГ).

[4] Коллективный труд — «История Горьковского края», предпринятый по инициативе Горького. В бригаду писателей по созданию книги входил и Шторм, написавший вводный исторический очерк об истории Поволжья. Издание не было осуществлено.

[5] Шторм писал Горькому 18 марта 1935 г., что отправил ему наметки плана книги, посвященной бытовому и правовому положению крестьян в царской России. Книга не была издана. Материал, подготовленный Штормом, частично опубликован в виде отдельных статей: «Восстание Пугачева».— «Колхозник», 1936, № 2; «Женское рабство».— «Колхозник», 1936, № 3; «Украинские были: 1. Кармелюк. 2. Переселенцы».— «Колхозник», 1936, № 2.

[6] Всеволод Вячеславович Иванов в то время жил в окрестностях г. Горького.

5

ГОРЬКИЙ — ШТОРМУ

〈Тессели. 13 мая 1935 г.〉

Дорогой Георгий Петрович [1]—

план книги «Цари» [2] и т. д. разработан отлично, с чем вас искренно поздравляю. Книга, как будто, уже написана,— такова ясность плана. Только бы не перегрузить его избытком «словесности», за счет фактов.

Кстати: кажется, отец П. А. Столыпина, Аркадий, коего Л. Н. Толстой, видимо, знал и за что-то не любил сильно, Аркадий [3] этот занимался литературой и между прочим писал о преимуществе фермерского хозяйства над общинным. Значит: сын эту идею не сам выдумал, а — унаследовал. А отца Лев Николаевич именовал: «дуракоподобный», «контианец», «б〈.....〉, как всякий позитивист» и прочее в этом духе. Словечки эти сохранились в памяти моей от А. П. Чехова.

Сердечно жму руку.

А. Пешков

13.V.35.

[1] У Горького описка: Александрович.

[2] Речь идет о плане книги Шторма, условно озаглавленной «Цари, бояре, церковники и крестьянство», который был послан автором Горькому в мае 1935 г. Весной 1936 г. Горький ознакомился с рукописью книги. Издание книги не состоялось.

[3] Горький имел в виду Дмитрия Аркадьевича Столыпина (1818—1893), который приходился П. А. Столыпину двоюродным братом. Д. А. Столыпин написал ряд работ по вопросам экономики сельского хозяйства в России, а также брошюру, посвященную философии О. Конта.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АГ — Архив А. М. Горького (Москва)
ИРЛИ — Институт русской литературы АН СССР (Ленинград)
ЛБГ — Личная библиотека Горького
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва)
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции (Москва)
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив (Ленинград)

УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ*

Составила Н. Д. Эфрос

I. ПОРТРЕТЫ ГОРЬКОГО

Горький. Фото М. П. Дмитриева, Нижний-Новгород, 1899 г. С дарственной надписью А. А. Смирнову-Треплеву, 1899 г. АГ — стр. 391.
Горький. Рис. цвет. карандашом Л. О. Пастернака, Целендорф, близ Берлина, 1906 г., МГМ — стр. 299.
Горький. Фото, Капри, 1910 г. С дарственной надписью К. А. Треневу, 1911 г., МГМ — стр. 427.
Горький. Акв. С. В. Чехонина, Петроград, 1919 г. МГМ — стр. 377.
Горький. Силуэт Е. С. Кругликовой, Петроград, 1921 г. МГМ — стр. 173.
Горький. Фото, Сааров близ Берлина, 1922—1923 гг., МГМ — стр. 235.
Горький. Фото, Позилиппо (близ Неаполя), 1926 г., МГМ — стр. 15.
Горький. Фото, Позилиппо (близ Неаполя) 1926 г. С дарственной надписью К. А. Федину, 1926 г. Собр. К. А. Федина, Москва — стр. 493.
Горький. Фото, Неаполь, 1924—1926 гг. С дарственной надписью О. Д. Форш, 1927 г. Собр. семьи писательницы, Ленинград — стр. 583.
Горький. Портрет маслом И. Н. Ракицкого, Сорренто, 1927 г. МГМ — стр. 241.
Горький. Фото, снятое во время выступления на площади Белорусского вокзала 28 мая 1928 г. по приезде в Москву. МГМ — стр. 105.
Горький. Фото. С дарственной надписью Ф. В. Гладкову, 1928 г. Собр. Т. Н. Гладковой, Москва — стр. 67.
Горький. Скульптура С. Т. Коненкова (бронза), Сорренто, 1928 г. МГМ — стр. 205.
Горький. Рис. цвет. карандашом Кукрыниксов, Москва, 1931 г. МГМ — стр. 505.
Горький. Рис. карандашом П. Д. Корина, Сорренто, 1932 г. МГМ — стр. 517.
Горький. Фото, Москва, 1934 г. МГМ — стр. 167.
Горький на I Всесоюзном съезде писателей. Рис. цветн. карандашом Кукрыниксов, 1934 г. МГМ — стр. 457.
Горький. Рис. карандашом П. Д. Корина, Тессели, 1936 г. МГМ — стр. 691.

ГОРЬКИЙ С ПИСАТЕЛЯМИ

Горький и А. Н. Афиногенов. Фото М. А. Пешкова, Сорренто, 1932 г. МГМ— стр. 31.
Горький и В. М. Киршон. Фото, Москва, 1934 г. МГМ — стр. 189.
Горький и Л. М. Леонов. Фото, Сорренто, 1927 г. Литературный музей, Москва — стр. 265.
Горький и С. Я. Маршак. Фото, Тессели, январь — февраль 1936 г. МГМ — стр. 621.
Горький и А. Н. Толстой. Фото М. А. Пешкова, Сорренто, 1932 г. МГМ — стр. 399.
Горький и А. Н. Толстой. Фото М. А. Пешкова, Сорренто, 1932 г. МГМ —стр. 405.
Горький и А. Н. Толстой. Фото, Горки, 1934 г., МГМ — стр. 421.
Горький и К. А. Тренев на спектакле пьесы «Любовь Яровая» в Государственном Академическом Малом театре. Фото, 1928 г. С дарственной надписью Горького. На снимке, слева от Тренева, В. К. Владимиров (директор Малого театра). Музей Малого театра, Москва — стр. 439.
Горький и К. А. Федин. Фото, Горки, 1934 г. МГМ — стр. 463.

Горький. Встреча с писателями в правлении Федерации советских писателей. Выступает Ф. В. Гладков. Фото, Москва, 7 июня 1928 г. МГМ — стр. 113.

---

*СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АГ — Архив А. М. Горького, Москва
ЛБГ — Личная библиотека Горького в музее-квартире Горького на улице Качалова (ранее М. Никитской) в Москве
МГМ — Музей А. М. Горького, Москва
МТВ — Музей государственного академического театра им. Евг. Вахтангова, Москва
ОРИ — Отдел рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького, Москва

Горький. Встреча с писателями в Доме Герцена в Москве. Фото, начало июня 1928 г. Собр. Д. Д. Благого, Москва — стр. 183.
Горький в президиуме I Всероссийского съезда крестьянских писателей. Фото, Москва, 6 июня 1929 г. МГМ — стр. 651.
Горький среди делегатов I Всероссийского съезда крестьянских писателей. Фото, Москва, 6 июня 1929 г. МГМ — стр. 655.
Горький, Л. М. Леонов и А. Б. Халатов. Фото М. А. Пешкова. Сорренто, 1931 г. МГМ — стр. 247.
Горький и А. Б. Халатов с иностранными писателями: И. Бехером, Бела Иллешем, Дж. Джерманетто. Фото. Москва, у дома Горького на М. Никитской (теперь улица Качалова), 13 июня 1931 г. ОРИ — стр. 511.
Горький среди актеров театра им. Е. Вахтангова, участников первой постановки пьесы «Егор Булычов и другие». Фото, Москва 1932 г. МТВ — стр. 683.
Горький на заседании оргкомитета Союза советских писателей. Выступает А. А. Фадеев. Фото, Москва, 15 августа 1933 г. МГМ — стр. 527.
Горький на открытии I Всесоюзного съезда советских писателей в Колонном зале Дома Союзов в Москве, 17 августа 1934 г. Фото. МГМ — стр. 411.
Горький, Н. С. Тихонов и А. Н. Толстой на I Всесоюзном съезде советских писателей среди членов башкирской делегации. Фото, Москва, Колонный зал Дома Союзов, 17 августа — 1 сентября 1934 г. МГМ стр. — 413.
Горький, К. А. Федин и А. Лахути в президиуме I Всесоюзного съезда советских писателей. Фото, Москва, Колонный зал Дома Союзов, 17 августа — 1 сентября 1934 г. МГМ — стр. 545.
Горький, А. И. Безыменский и Янка Купала на I Всесоюзном съезде советских писателей. Фото, Москва, Колонный зал Дома Союзов, 17 августа — 1 сентября 1934 г. МГМ — стр. 351.
Горький, И. Э. Бабель. М. Е. Кольцов и французский писатель А. Мальро. Фото, Тесселли, март 1936 г. Собр. И. С. Зильберштейна, Москва—стр. 41.

II. ПОРТРЕТЫ ПИСАТЕЛЕЙ

В. В. Вишневский. Фото, 1930-е гг. ОРИ — стр. 51. См. также групповые портреты писателей.
И. Е. Вольнов. Фото. С дарственной надписью Е. П. Пешковой, 1914 г. Собр. Е. П. Пешковой, Москва — стр. 55.
Ф. В Гладков. Фото, 1903 г. С дарственной надписью Горькому. МГМ — стр. 71. См. также Горький в группах и групповые портреты писателей.
С. Т. Григорьев. Фото, 1925 г. ОРИ — стр. 131.
Л. М. Леонов. Фото. С дарственной надписью Горькому, 1927 г. АГ — стр. 261. См. также Горький в группах.
М. М. Пришвин. Фото, 1929 г. Собр. В. Д. Пришвиной, Москва — стр. 323.
Л. Н. Сейфуллина. Рис. В. А. Милашевского, 1932 г. Собр. художника, Москва — стр. 367. См. также групповые портреты писателей.
А. А. Смирнов-Треплев. Фото, 1914 г. Собр. Н. С. Ашукина, Москва — стр. 393.
Ю. Н. Тынянов. Фото, 1930 г. ОРИ — стр. 459.
О. Д. Форш. Портрет 1926 г. Фронтиспис книги «Современники» (см. ниже раздел IV).
А. П. Чапыгин. Фото. С дарственной надписью Горькому, 1926 г. АГ — стр. 631.
А. П. Чапыгин. Фото с барельефа работы Л. А. Дитриха с надписью Горького. АГ — стр. 661. См. также Горький в группах и групповые портреты писателей.
М. Ф. Чумандрин. Фото, 1920-е гг. ОРИ — стр. 675.
М. А. Шолохов. Фото, 1934 г. С надписью Горького на обороте. АГ — стр. 697.

ГРУППЫ

Участники пленума правления Российской Ассоциации пролетарских писателей (РАПП). Фото. Москва, 1931 г. Собр. Р. Э. Киршон-Корнблюм. Москва— стр. 279.
Ф. В. Гладков, А. Г. Малышкин, В. П. Полонский и В. С. Сварог в Магнитогорске. Фото, 1931 г. ОРИ — стр. 119.
Ф.В. Гладков, П.Г. Низовой, А.С. Новиков-Прибой, А.П. Чапыгин. Фото 1932 г. Собр. Т. Н. Гладковой, Москва — стр. 83.
А. Н. Толстой и А. Н. Тихонов. Фото, 1934 г. С шуточной надписью Горького на обороте. АГ — стр. 417.
Московская делегация на I Всесоюзном съезде советских писателей. Фото. Москва, 17 августа — 1 сентября 1934 г. ОРИ — стр. 371.
М. М. Зощенко и Ю. К. Олеша. Фото. Сняты на теплоходе, на котором в составе делегации писателей они направились в Канев для участия в праздновании 125-летия со дня рождения Шевченко, 7 мая 1939 г. Собр. Э. Ф. Ципельзона. Москва — стр. 159.

III. АВТОГРАФЫ

Письмо Горького К. А. Федину от 18 января 1925 г. Конверт, начало и конец письма. Собр. К. А. Федина, Москва — стр. 485, 486, 487.
Помета Горького на письме С. Т. Григорьева от 20 июня 1926 г. АГ — стр. 137.
Письмо Горького к О. Д. Форш от 5 сентября 1926 г. Листы первый и последний. Собр. семьи писательницы, Ленинград — стр. 589, 590.
Правка Горького рукописи очерков М. Г. Лукьянова «В краю текстильном», 1930 г. Лист 1-й машинописи. АГ — стр. 276.
Авторская правка Горького статьи «Равнодушие не должно иметь места» (Предисловие к изданию повести М. Ф. Чумандрина «Белый камень» на немецком языке), 1931 г. Лист машинописи одного из вариантов, АГ — стр. 685.
Пометы Горького на страницах романа Ф. В. Гладкова «Энергия» (М., 1933). ЛБГ — стр. 122, 123.
Правка и пометы Горького на страницах повести С. А. Колдунова «Р. S.» (М., 1933). ЛБГ — стр. 219.
Письмо О. Д. Форш к Горькому от начала декабря 1927 г. Написано на открытке с видом площади Мадлен в Париже. АГ — стр. 603.

IV. КНИГИ С ДАРСТВЕННЫМИ НАДПИСЯМИ ГОРЬКОГО И НАДПИСЯМИ ПИСАТЕЛЕЙ ГОРЬКОМУ

Горький. «Мои университеты» (Берлин, 1925) с дарственной надписью М. М. Пришвину от 15 января 1926 г. Собр. В. Д. Пришвиной, Москва — стр. 327.
Горький. Собрание сочинений, т. XVII (Госиздат, 1926) с дарственной надписью М. М. Пришвину от 20 марта 1926 г. Собр. В. Д. Пришвиной, Москва — стр. 337.
Горький. «Дело Артамоновых» (Берлин, 1925) с дарственной надписью М. М. Пришвину от 10 февраля 1926 г. Собр. В. Д. Пришвиной, Москва — стр. 355.
Горький. «Егор Булычов и другие» (Берлин, 1932) с дарственной надписью К. А. Федину от 27 ноября 1932 г. Собр. К. А. Федина, Москва — стр. 521.
В. В. Вишневский. «Первая конная» (М., 1930) с дарственной надписью от 23 марта 1930 г. ЛБГ — стр. 49.
Ф. В. Гладков. Собр. сочинений, том I и том II (М., 1926) с дарственными надписями от 24 марта 1926 г. АГ — стр. 76, 77.
С. А. Есенин. «Пугачев» (М., 1922) с дарственной надписью от 17 мая 1922 г. ЛБГ — стр. 341.
М. М. Зощенко. «Голубая книга» (М., 1935), с дарственной надписью от 17 февраля 1936 г. ЛБГ — стр. 161.
В. М. Киршон. «Рельсы гудят» (М.— Л., 1928), с дарственной надписью от 7 октября 1928 г. ЛБГ — стр. 191.
П. С. Коган. «Пролог. Мысли о литературе и жизни» (Пгр., 1915) с дарственной надписью от 16 июля 1927 г. ЛБГ — стр. 201.
Л. М. Леонов. «Барсуки» (Л., 1925), «Соть» (М.— Л., 1930), «Барсуки» (Paris, 1931, изд. на франц. языке) с дарственными надписями от 11 августа 1925 г., 25 сентября 1930 г. и 24 декабря 1931 г. ЛБГ — стр. 251, 259, 263.
М. М. Пришвин. «Родники Берендея» (М.— Л., 1926) с дарственной надписью от 8 сентября 1926 г. ЛБГ — стр. 347.
М. Л. Слонимский. «Повесть о Левинэ» (Л., 1935) с дарственной надписью от 12 мая б. г. ЛБГ — стр. 381.
Н. С. Тихонов. «Орда» (Пб., 1922), «Брага» (М.— Пб., 1922) ⟨на суперобл. — 1923⟩ с дарственными надписями б. д. и от 31 декабря 1924 г. стр. 471, 477.
А. Н. Толстой. «Хождение по мукам» (Берлин, 1922), «Петр Первый» (М., 1932) с дарственными надписями от 31 мая 1922 г. и 7 февраля 1933 г. ЛБГ — стр. 401, 407.
К. А. Тренев. «Рассказы и пьесы» (М., 1933) с дарственной надписью от 11 апреля 1934 г. ЛБГ — стр. 449.
Ю. Н. Тынянов. «Достоевский и Гоголь» (Пб., 1921) с дарственной надписью от 21 февраля 1926 г. ЛБГ — стр. 458.
А. А. Фадеев. «Разгром» (М.— Л., 1927) с дарственной надписью от 7 июня 1928 г. ЛБГ — стр. 575.
К. А. Федин. «Бакунин в Дрездене» (Пб., 1922), «Города и годы» (Л., 1924), «Братья» (Л., 1928), «Похищение Европы» (Л., 1934) с дарственными надписями от 1922 г., ноября 1924 г., 9 июня 1928 г. и 5 июня 1934 г. ЛБГ — стр. 467, 481, 499, 533.
О. Д. Форш. «Современники» (М.— Л., 1926) с дарственной надписью б. д. ЛБГ — стр. 595.
А. П. Чапыгин. «Плаун-цвет» (М., 1925), «Разин Степан» (М., 1926), «Белый скит» (М.— Л., 1928), «По тропам и дорогам» (М.— Л., 1931) с дарственными надписями от 29 июля 1925 г., 4 января 1926 г., 7 марта 1928 г. и 12 августа 1931 г. ЛБГ — стр. 637, 643, 647, 665.

М. Ф. Чумандрин. «Белый камень» (М.—Л., 1932) с дарственной надписью от 28 апреля 1932 г. ЛБГ — стр. 679.
В. Я. Шишков. «Угрюм-река» (Л., 1933) с дарственной надписью от 11 декабря 1933 г. ЛБГ — стр. 669.
М. А. Шолохов. «Поднятая целина» (М., 1932) с дарственной надписью от 24 декабря 1932 г. ЛБГ — стр. 697.
Г. П. Шторм. «Труды и дни Михаила Ломоносова» (М.— Л., 1932) с дарственной надписью от 5 марта 1933 г. ЛБГ — стр. 701.

V. ПАМЯТНЫЕ МЕСТА И ВИДЫ

МОСКВА

На площади у Белорусского вокзала в день приезда Горького 28 мая 1928 г. Фото. МГМ — стр. 109.
Библиотека Горького в доме на М. Никитской (теперь улица Качалова, 6). Фото. МГМ— стр. 243.
У Дома Союзов, в дни I Всесоюзного съезда советских писателей. Фото. 17 августа — 1 сентября 1934 г. Литературный музей. Москва — стр. 539.

СОРРЕНТО

Вилла «Иль Сорито», в которой Горький жил в 1924—1933 гг. Фото. МГМ — стр. 61.
Вилла «Иль Сорито». Общий вид. Рис. карандашом А. Д. Корина, 1932 г. МГ — стр. 305.

ТЕССЕЛИ

Дом Горького, в котором он жил в 1932—1936 гг. Рис. карандашом А. Д. Корина, 1936 г. МГМ — стр. 165.
Кабинет Горького. Рис. карандашом А. Д. Корина, 1936 г. МГМ — стр. 551.
Окрестности Тесселн. Рис. карандашом П. Д. Корина, 1934 г. МГМ — стр. 557.

VI. ТЕАТР

Программа вечера, состоявшегося 26 декабря 1927 г. в клубе научных работников в Ленинграде в связи с 35-летием литературной деятельности Горького. АГ — стр. 269.
Афиша премьеры пьесы «Егор Булычов и другие» в театре им. Евг. Вахтангова в Москве, 25 и 28 сентября 1932 г. МТВ — стр. 687.
Сцена из пьесы «Егор Булычов и другие» в постановке театра им. Евг. Вахтангова в Москве, 1932 г. Фото. МТВ — стр. 689.
Эскиз декорации Н. И. Шифрина к постановке пьесы А. Н. Афиногенова «Страх» в МХАТе, 1931 г. Масло. Театральный музей им. А. А. Бахрушина, Москва—стр. 35.
Программа премьеры комедии В. М. Киршона «Чудесный сплав» в МХАТе 22, 23, 28 и 30 мая 1934 г. Музей Художественного театра, Москва — стр. 193.
Афиша премьеры пьесы Л. М. Леонова «Барсуки» в театре им. Евг. Вахтангова в Москве 22, 23 и 28 сентября 1927 г. МТВ — стр. 253.
Сцена из пьесы Л. М. Леонова «Барсуки» в постановке театра им. Евг. Вахтангова в Москве, 1927 г. Фото. МТВ — стр. 257.
Сцена из комедии В. Ф. Плетнева «Шляпа» в постановке театра им. Евг. Вахтангова в Москве, 1935 г. Фото. МТВ — стр. 317.
Афиша премьеры пьесы К. А. Тренева «Любовь Яровая» в Малом театре в Москве 22 декабря 1926 г. Театральный музей им. А. А. Бахрушина, Москва— стр. 433.
Сцена из пьесы К. А. Тренева «Любовь Яровая» в постановке Малого театра в Москве, 1926 г. Фото. Музей Малого театра, Москва, стр. 443.

VII. ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ГОРЬКОГО

«Ниловна разбрасывает прокламации с речью Павла». Грав. на дереве Н. В. Алексеева к повести «Мать», 1933 г.— стр. 95.
«Григорий и Алеша». Рис. карандашом Б.А. Дехтерева к повести «Детство», 1935 г. МГМ — стр. 333.
«Ссора в доме Кашириных». Акв. Б. А. Дехтерева к повести «Детство», 1934—1935 гг. МГМ — стр. 179.
«Булочник Семенов и Егор». Рис. углем Б. А. Дехтерева к рассказу «Хозяин», 1932 г. Литературный музей им. Горького, г. Горький — стр. 156.
«Фома, Саша, Ухтищев и др. на плоту». Черная акв. В.М. Конашевича к повести «Фома Гордеев», 1933 г. МГМ — стр. 569.

«Самгин и ротмистр Попов». Акв., тушь Кукрыниксов к роману «Жизнь Клима Самгина», 1933 г. МГМ — стр. 101.
«Илья Артамонов». Рис., тушь Н. Н. Купреянова к роману «Дело Артамоновых», 1931 г. МГМ — стр. 89.
Обложка отдельного издания повести «Фома Гордеев» (Л., 1926). Рис. Б. М. Кустодиева — стр. 615.
«Певцы на берегу». Рис. сепией и сангиной В. А. Милашевского к повести «Городок Окуров», 1932 г. МГМ — стр. 571.
«Убийца». Рис. акв., цветн. карандашом А. А. Пластова к «Заметкам из дневника», 1928 г. МГМ — стр. 387.
«Савелий Кожемякин». Рис. углем Д. А. Шмаринова к повести «Жизнь Матвея Кожемякина», 1933 г. Третьяковская галерея, Москва — стр. 237.
«Матвей и Марфа за чаем». Рис. углем и черной акв. Д. А. Шмаринова к повести «Жизнь Матвея Кожемякина», 1936 г. МГМ — стр. 224.

VIII. КАРИКАТУРЫ

И. Э. Бабель, В. В. Иванов, Ю. Н. Либединский, А. И. Безыменский и Б. А. Пильняк. Шарж Кукрыниксов, «Читатель и писатель», 1928 г., № 6 от 18 февраля— стр. 43.
Горький. Дружеский шарж Б. Е. Ефимова,«Известия», 1932 г.,№ 266 от 25 сентября— стр. 315.
Горький. Дружеский шарж (рис.) Кукрыниксов, 1934 г. МГМ — стр. 283.
Горький. Дружеский шарж (акв). Кукрыниксов, 1934 г. МГМ — стр. 599.

IX. МЕМОРИАЛЬНЫЕ ПРЕДМЕТЫ

Чернильный прибор Горького. Работа палехского художника И. И. Голикова, 1927 г. (деталь). МГМ — стр. 211.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Составил А. Д. Левин

Аввакум, протопоп — 138—139, 587, 645, 657.
Авдеев Михаил Васильевич — 111—112.
Авенариус Василий Петрович — 455—457.
Авербах Леопольд Леонидович — 94, 104, 122, 188, 278—284, 542, 546, 686.
Аверченко Аркадий Тимофеевич — 166.
Авров Дмитрий Николаевич — 462, 465.
Агапов Борис Николаевич — 22, 371.
Адлер Бруно Фридрихович — 233.
Адрианов Сергей Александрович — 642.
Адрианова-Перетц Варвара Павловна — 670.
Азадовский Марк Константинович — 410.
Азеф Евно Фишелевич — 42.
Айвазовский Иван Константинович — 90.
Айяла Перес де — 345.
Акимов Николай Павлович — 189.
Акита Уджаку — 271.
Аксаков Сергей Тимофеевич — 632.
Аксельрод Павел Борисович — 588, 591.
Алданов (псевдоним Ландау Марка Александровича) — 504.
Александр I — 702.
Александр II — 133.
Александр III — 131—132, 621.
Александров Николай Григорьевич — 446.
Алексеев Глеб Васильевич — 107—108, 111.
Алексеев М. А. (псевдоним Брыздникова Михаила Александровича) — 527.
Алексеев Николай Васильевич — 95.
Алексеева Елизавета Григорьевна — 683.
Алексей Михайлович, царь — 642, 662, 664.
Алпатов Арсений Владимирович — 702.
Алтайский Константин Николаевич — 521.
Алфионов Яков Иванович — 356.
Альбанов Валериан Иванович — 344—345.
Альминский П.— см. Пальм А. И.
Альтенберг Петер (псевдоним Энгландера Рихарда) — 159—160.
Алякринский Петр Александрович — 701.
Алянский Самуил Миронович, 171—172.
Амантай Абдулла Гареевич — 413.
Амантаева, жена А. Амантая — 413.
Амосов Алексей Мефодиевич — 412.
Амундсен Руаль — 287.
Амфитеатров Александр Валентинович — 321, 434, 608.
Андерсен Ганс Христиан — 141, 576, 636.
Андерсон Шервуд — 477—478, 594—595.
Андреев Леонид Николаевич — 145—146, 190—191, 249, 425, 440, 474, 476, 560, 635.
Андреева (Желябужская) Мария Федоровна — 7, 16, 163, 437—438, 442, 465—466.
Андреевич (псевдоним Соловьева Евгения Андреевича) — 79—80.
Андроников Ираклий Луарсабович — 554.
Аничков Евгений Васильевич — 611—612.
Анненский Иннокентий Федорович — 628.
Анненский Николай Федорович — 267.
Антонин (Грановский А. А.), митрополит — 605.
Антокольский Павел Григорьевич — 180.
Анучин Василий Иванович — 68.
Анфимий из Траллеса — 663.
Аппель Карл Юлианович — 24.
Арагон Луи — 240, 540.
Арго (псевдоним Гольденберга Абрама Марковича) — 102—103.
Аристотель — 264.
Аркин Давид Ефимович — 410.
Аркос Рене — 385.
Арсеньев Владимир Клавдиевич — 276, 344—345, 350, 352, 360.
Арский Р.— 438.
Артамонов Михаил Дмитриевич — 6, 27.
Аршинов П. И.— 419.
Асеев Николай Николаевич — 20, 185, 213, 252, 254, 306, 498, 601—602.
Асеева Ксения Михайловна — 601—602.
Астафьев, рабочий-ударник — 366.
Атилла — 257.
Афанасьев Александр Николаевич — 24, 195—196, 632—633, 680.
Афиногенов Александр Николаевич — 5—6, 11—12, 18, 28—37, 53, 151—152, 189, 279, 536, 538.
Афиногенова Антонина Васильевна— 28, 36.
Афиногенова Дженни (Евгения Бернардовна) — 29.
Ахматова Анна (псевдоним Горенко Анны Андреевны) — 566.
Ацаркин Александр Николаевич — 254—255.
Ашукин Николай Сергеевич — 183, 393.

Бабанин Константин Михайлович — 654, 656.
Бабанова Мария Ивановна — 676—678.
Бабель Евгения Борисовна — 39.
Бабель Исаак Эммануилович — 5—6, 11, 19, 25, 38—44, 46—48, 50, 127, 134, 136, 138, 152, 252, 368, 389, 399, 475, 482, 493, 602, 616—617.
Багрицкий Эдуард Георгиевич — 111.
Багров Василий Николаевич — 6, 13, 45.
Бадаев Алексей Егорович — 676, 678.
Бадмаев Николай Николаевич — 418—419.
Бакмейстер Адольф — 523, 538, 540.
Бакунин Михаил Александрович — 21, 132, 346, 464—468, 470.
Балухатый Сергей Дмитриевич — 24, 554.
Бальзак Оноре де — 102, 129—130, 276.
Бальмонт Константин Дмитриевич — 20, 204, 440, 604, 606.
Бандалаков, казак — 654.
Барановский Николай — 225.
Барбюс Анри — 540.
Баронов Герман — 324.
Барта Александр — 371.
Басов Осип Николаевич — 192, 683.
Баталов Николай Петрович — 676, 678.
Батрак И. (псевдоним Козловского Ивана Андреевича) — 651.
Бауман Николай Эрнестович — 130, 300.
Бах Иоганн Себастьян — 259.
Бахметьев Владимир Матвеевич — 100, 102, 104, 106—108, 112.
Башкин Василий Васильевич — 636, 638.
Бебель Август — 8.
Бегичев Никифор Алексеевич — 286—287.
Бедный Демьян (псевдоним Придворова Ефима Алексеевича) — 188, 339.
Безыменский Александр Ильич — 40—41, 43, 106, 113, 351, 356, 606.
Бейдеман Михаил Степанович — 585.
Бейлис Мендель — 122, 124.
Белавин (Белявин), учитель из Касимова — 588.
Белинский Виссарион Григорьевич — 11, 77, 87, 264.
Белицкий Ефим Яковлевич — 175, 232—233.
Белобородов С. К.— 141.
Белозеров Александр Андреевич — 74—75, 510.
Белоусов Иван Алексеевич — 396.
Белый Андрей (псевдоним Бугаева Бориса Николаевича) — 25, 172, 180, 197, 233—234, 301, 311, 379, 385, 403, 456, 469, 472, 482, 497, 503, 542, 581, 626, 645.
Белых Григорий Георгиевич — 225, 242—244, 344—345, 519.
Беляев Михаил Дмитриевич — 310.
Беляков А. А.— 403—404.
Бенуа Александр Николаевич — 599, 605.
Бенуа Пьер — 504.
Беранже Пьер Жан — 290.
Бербанк Лютер — 335.
Берберова Нина Николаевна — 182, 387—388.
Берви-Флеровский Василий Васильевич — 588, 591.
Берггольц Ольга Федоровна — 279.
Бергельсон Давид Рафаилович — 371
Бердникова Нина — 598.
Березовский Феоктист Алексеевич — 371.
Бернацкий Михаил Владимирович — 444—445.
Берсенев Иван Николаевич — 314.
Бессарабов Родион, матрос — 50.
Бестужев-Марлинский Александр Александрович — 291.
Бетховен Людвиг ван — 259.
Бехер Иоганнес — 511.
Бибик Алексей Павлович — 210.
Билль-Белоцерковский Владимир Наумович — 371.
Бирон Эрнст Иоганн — 648.
Благов Федор Иванович — 53.
Благой Дмитрий Дмитриевич — 183, 212.
Блок Александр Александрович — 20—21, 127, 172, 217, 324, 331, 346—347, 522, 566, 625—627, 639—640.
Блок Жан-Ришар — 540.
Боборыкин Петр Дмитриевич — 267.
Богданов Александр Алексеевич — 113, 371.
Богданов А. (псевдоним Малиновского Александра Александровича) — 93—94, 344—345.
Богданович Татьяна Александровна — 130.
Богдановский Алексей Александрович 271.
Богораз-Тан Владимир Германович — 430—431.
Богуславский Александр Осипович — 28.
Бодлер Шарль — 234, 567.
Бойер Йуахан — 594—595.
Бонне Баптист — 150—151.
Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич — 619—620.
Борисов Леонид Ильич — 19, 107—108.
Борисов Трофим Михайлович — 348, 350, 356.
Боровой Н.— 279.
Бородаевский Сергей Васильевич — 228.
Бородин Иван Парфентьевич — 597.
Бородин Сергей Петрович — 371.
Бородина Мирра Ивановна — 598.
Бочарова Ирина Аркадьевна — 6.
Браз Т. (псевдоним Бразуля Т. А.) — 230.
Брайнина Берта Яковлевна — 99—100, 544.
Браун Николай Леопольдович — 100, 110—111.
Браун Федор Александрович — 233, 246, 388, 518.
Брем Альфред Эдмунд — 350.
Бретон Андре — 240.
Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна — 606.
Бриан Аристид — 30.
Брик Осип Максимович — 89, 702.
Бритиков А. Ф. — 437.
Бройде Соломон Оскарович — 183.
Бруни Лев Александрович — 582.
Брусилов Георгий Львович — 344.

Брюсов Валерий Яковлевич — 193, 398, 439—440, 566.
Буасье Гастон — 24.
Буачидзе Бенито Михайлович — 279.
Бубнов Андрей Сергеевич — 411—412, 414.
Бубнова Ольга Николаевна — 346—347.
Бугаев Николай Васильевич — 503.
Бугров Николай Александрович — 543.
Будберг (рожд. Закревская) Мария Игнатьевна — 42, 239—240, 251—253, 255, 258, 297—298, 300, 359, 383, 409, 411—412, 414, 585, 601—602, 604, 607.
Буденный Семен Михайлович — 38, 47—48, 616—617.
Буквин Иван Степанович — 694, 698.
Булгаков Михаил Афанасьевич — 30, 88—89, 139, 152, 389, 645, 647.
Булгаков Федор Ильич — 150—151.
Булгарин Фаддей Венедиктович — 458.
Бунаков И. (псевдоним Фундаминского Ильи Исидоровича) — 623.
Бунин Иван Алексеевич — 21, 60, 79, 305—306, 388, 398, 409, 426, 439—440, 442, 445, 556, 560, 614, 617.
Буренин Виктор Петрович — 213.
Буслаев Федор Иванович — 24.
Бусыгин Александр Николаевич — 279.
Вуташевич-Петрашевский Михаил Васильевич — 264.

В. А., не установленное лицо — 568.
Вагнер Николай Петрович — 532, 534.
Вайнштейн, домовладелец — 435—436.
Вазари Джорджо — 24.
Вальбе Борис Соломонович — 663—664.
Ван Гог Винсент — 543.
Василий Косой, князь — 644.
Васильева Елизавета Ивановна (Черубина Габриак) — 213.
Васнецов Аполлинарий Михайлович — 593, 595.
Васнецов Виктор Михайлович — 593, 595.
Вейнберг Маргарита — 342, 593.
Вельтман Софья (псевдоним Вельтман, рожд. Кубе, Елены Ивановны)— 648—649.
Венгеров Семен Афанасьевич — 210.
Венгерова Зинаида Афанасьевна — 404.
Венкстерн Наталья Алексеевна — 149.
Веншу Жан — 535.
Верейский Георгий Семенович — 603, 605.
Вересаев (псевдоним Смидовича Викентия Викентьевича) — 20, 398, 439, 447.
Верлен Поль — 193, 290, 567.
Вернадский Владимир Иванович — 139, 336—338.
Верона Гвидо да — 268.
Веселовский Александр Николаевич — 24.
Веселый Артем (псевдоним Кочкурова Николая Ивановича) — 49, 527.
Вехтен Карл ван — 111—112.
Вешнев Владимир Георгиевич — 497—498.
Вивьен Леонид Сергеевич — 449, 607.
Вигель Филипп Филиппович — 345.
Вильгельм II — 618.
Вильдрак Шарль — 385.
Вилье де Лиль Адан — 193.
Винер Цецилия Владимировна — 621.
Виноградов Виктор Владимирович — 639—640.
Виртанен Ялмари Эрикович — 673—674.
Витте Сергей Юльевич — 131—133, 140.
Виттемор Томас — 660.
Вишневский Всеволод Витальевич — 5—6, 46—52, 192, 371, 617.
Владимиров В. К.— 439.
Владиславлев И. В. (псевдоним Гульбинского Игнатия Владиславовича) — 213.
Вовчок Марко (псевдоним Маркович Марии Александровны) — 130.
Войков Петр Лазаревич — 203, 348.
Войтоловский Лев Наумович — 338—339.
Волин Борис Михайлович (псевдоним Фрадкина Бориса Михайловича) — 74, 104.
Волков Борис Иванович — 187.
Волков Михаил Иванович — 60—61.
Волошенко, владелец гимназии — 424.
Вольный Иван — см. Вольнов Иван Егорович.
Вольнов Иван Егорович (Иван Вольный) 5—6, 9, 20, 50, 52—62, 210, 441—442.
Вольнов Илья Иванович — 6, 58—59, 61.
Вольпе Цезарь Самойлович — 554.
Вольпин Михаил Давидович — 210.
Вольтер (Аруэ) Франсуа Мари — 162.
Вольфсон Илья Владимирович — 313, 514.
Воровский Вацлав Вацлавович — 10.
Воронов Сергей Александрович — 587.
Воронский Александр Константинович— 39, 69—70, 73—75, 79—83, 90—96, 101, 248, 251, 313, 331, 333 — 334, 344, 349—350, 641—642, 645.
Ворошилов Климент Ефремович — 46, 51.
Врубель Михаил Александрович — 593, 595.
Всеволодский-Гернгросс Всеволод Николаевич — 418—419.
Второв Н. (псевдоним Носкова Владимира Александровича) — 228.
Выгодский Давид Исаакович — 210.
Выставкина Екатерина Владимировна — 445—446.
Вяткин Георгий Андреевич — 68, 501, 503.

Габриак Черубина — см. Васильева Елизавета Ивановна.
Гайдар Аркадий (псевдоним Голикова Аркадия Петровича) — 491, 498.
Гайдебуров Павел Павлович — 582.
Гайдовский Георгий Николаевич — 371.
Гайм Рудольф — 291.
Гамильтон Г. О , архитектор — 409.
Гамильтон Мария (Марья) Даниловна — 666.
Гамсун Кнут — 19, 330—331, 337, 477—478, 625—626.
Ганди Мохандас Кармчанд — 476, 539.

Гапон Георгий Аполлонович — 132, 659, 666.
Гарибальди Джузеппе — 482.
Гарин Н. (псевдоним Михайловского Николая Георгиевича) — 140—141.
Гарин Эраст Павлович — 676, 678.
Гарсон Морис — 535.
Гартман Эдуард — 135—136.
Гаршин Всеволод Михайлович — 234, 343, 456.
Гастев Алексей Капитонович — 210.
Гейне Генрих — 309—310, 401—402.
Геккель Эрнст — 9, 24.
Гельмерсен Василий Васильевич — 639—640, 649, 651.
Гензихен Отто Франц — 535.
Георге Стефан — 193.
Герасим, старец — 495.
Герасимов Михаил Прокофьевич — 60, 108.
Гергель Шандор — 371.
Герман Юрий Павлович — 689—690.
Геродот — 663.
Герцен Александр Иванович — 556.
Гершензон Михаил Осипович — 346—347.
Гете Иоганн Вольфганг — 10, 18, 25, 157, 182, 234, 290—291, 482, 497, 535, 592, 612.
Гиббон Эдуард — 24.
Гильгендорф Георгий Александрович — 129.
Гильфердинг Александр Федорович — 24.
Гиляровский Владимир Алексеевич — 651.
Гиммельфарб Борис Вениаминович — 183.
Гиппиус Зинаида Николаевна — 21, 324, 341, 346, 440.
Гладков Василий Фомич — 65.
Гладков Николай Георгиевич — 257.
Гладков Федор Васильевич — 5—6, 8, 10—11, 21—23, 60, 63—124, 153, 197, 248, 254, 314, 331, 338—340, 350, 352, 371, 468, 506.
Гладкова Анастасия Михайловна — 65.
Гладкова Татьяна Ниловна — 6, 65, 67, 83, 116, 121.
Глинка Михаил Иванович — 504.
Глоба Андрей Павлович — 139.
Глобов Б.— 546.
Гоген Поль — 543.
Гоголева Елена Николаевна — 450.
Гоголь Николай Васильевич — 11, 17, 20, 48—50, 77, 79—80, 84, 87, 172—173, 262, 290—291, 314, 456—459, 470, 493, 502, 506, 560, 585—586, 596, 604, 607, 648—649, 676.
Годинер Ш. (Самуил Давидович) — 371.
Годунов Борис — 670.
Годунова Ирина — 670.
Голиков А.— см. Гайдар.
Голиков Иван Иванович — 202, 207, 211.
Голицынский Александр Петрович — 680—681.
Голсуорси Джон — 233.
Гольдберг-Вольнова Сарра Григорьевна— 56, 58.
Гольцев Виктор Викторович — 371.
Гольцман Абрам Зиновьевич — 548.
Гомер — 598.
Гонкуры Жюль и Эдмон — 85, 87.
Гончаров Иван Александрович — 486, 506.
Горбачев Георгий Ефимович — 645, 647—648.
Горбов Дмитрий Александрович — 74—75, 94, 183.
Горбунов Козьма Яковлевич — 578, 677—678.
Горбунов Сергей Петрович — 548.
Горвиц, поставщик русской армии — 132—133.
Горгулов Павел — 622—623.
Горкин И. А.— 404.
Горнфельд Аркадий Георгиевич — 10, 204, 445.
Городецкий Сергей Митрофанович — 657
Гофман Эрнст Теодор Амадей — 169, 171—172, 178, 291, 467, 470, 475, 560—562, 611.
Гофмансталь Гуго — 193.
Гребенка Евгений Павлович — 48—50, 648.
Гребенщиков Георгий Дмитриевич (псевдоним — Сибиряк) — 646—647.
Грегер, поставщик русской армии — 132—133.
Греков Иван Иванович — 524—525, 541.
Гржебин Зиновий Исаевич — 16, 24, 44, 146, 383, 385, 461, 475, 480, 565, 580, 593, 647.
Грибова, не установленное лицо — 594.
Грибоедов Александр Сергеевич — 262, 456, 458, 676.
Григ Эдвард — 129.
Григорьев Рафаил (псевдоним Лемберг-Лифшиц Раисы Григорьевны) — 510.
Григорьев Сергей Тимофеевич — 5—6, 24, 125—144, 151—152, 332, 334, 336, 344—345, 353, 360, 389, 412, 453, 460, 585.
Григорьев Тимофей (отец С. Т. Григорьева) — 136.
Григорьева — 344.
Грин Григорий — 279.
Грин Жульен — 111—112.
Гринвуд Джемс — 129—130.
Гриппенберг Бертель — 193.
Грифцов Борис Александрович — 201—202.
Гронский Иван Михайлович — 116 — 117.
Гросс, заведующий музеем в Хвалынске — 513.
Гроссман Г. А.— 404.
Гроссман Леонид Петрович — 6, 145—146, 595.
Грот Яков Карлович — 460.
Грудская Анна — 279.
Груздев Илья Александрович — 7, 12, 17, 154, 160, 171, 245, 254, 295, 306, 342—343, 354, 357, 382, 389, 398, 455—456, 491, 494, 497, 501—504, 507, 510, 514—515, 519, 521—526, 531, 537—538, 580, 586, 599—602, 604—609.
Груздева Татьяна Кирилловна — 600.
Груздева — 600.
Грузинский Я. — 546.
Гукасов Абрам Осипович — 623.

Гуковский Григорий Александрович — 534.
Гумер Гариф — 413.
Гумилев Николай Степанович — 20, 217, 561.
Гумилевский Лев Иванович — 6, 147—149, 594.
Гуров С., рабочий-ударник — 366.
Гусев Сергей Иванович (псевдоним Драбкина Якова Давыдовича)—90—91, 94.
Гусев-Оренбургский (псевдоним Гусева Сергея Ивановича) — 435.
Гуцков Карл — 44.
Гюго Виктор — 87, 617.
Гюнтер Рейнольд — 24.

Давидович А.— 527.
Давлетшина Хадия Лутфуловна — 413.
Давыдов Денис Васильевич — 547—548.
Даль Владимир Иванович — 195—196, 617, 632, 634, 670, 680.
Данзас Юлия Николаевна — 588, 591.
Данилевский Григорий Петрович — 648.
Даниловский Густав — 404.
Данте Алигьери — 161, 213, 257, 592.
Дантон Жорж Жак — 239.
Данько Елена Яковлевна — 550—553.
Даран Даниил Борисович — 358.
Дарвин Чарльз — 9, 240.
Дебо Эмиль — 24.
Девриен Альфред Федорович —320—321.
Дегтярев Леонид Сергеевич — 696, 698.
Дельтейль Жозеф — 240.
Демидов Алексей Алексеевич — 6, 13, 25, 150—154, 383.
Демидов (сын А. А. Демидова) — 153.
Демидовы,уральские заводчики—701—702.
Деникин Антон Иванович — 695.
Державин Гаврила Романович — 460.
Державин Михаил Степанович — 689.
Дерман Абрам Борисович — 440—442, 445—446.
Десницкий Василий Алексеевич — 26, 395, 547, 702.
Дефо Даниель — 85, 348.
Дехтерев Борис Александрович — 123, 156, 179, 333.
Джерманетто Джованни — 511.
Джойс Джемс — 120.
Дзержинский Феликс Эдмундович — 98.
Диац Диего — 380.
Дивильковский Анатолий Авдеевич — 648—649.
Диев Владимир Александрович — 6.
Дизель Рудольф — 147, 149.
Диккенс Чарльз — 59, 291.
Дин А.— 540.
Динамов Сергей Сергеевич — 112, 361.
Дистлер Ирина Васильевна — 6.
Дитрих Леопольд Августович — 657—658, 661.
Дмитриев Владимир Владимирович — 192.
Дмитриев Максим Петрович — 391.
Добров Михаил Александрович — 56.
Добролюбов Николай Александрович — 11, 77, 514.
Довгалевский Валериан Савельевич — 409.
Довженко Александр Петрович — 46.
Додэ Альфонс — 150—151.
Долнер А. Г., ученик Академии художеств — 630.
Доморацкая Софья Иосифовна — 6.
Дорогойченко Алексей Яковлевич—651.
Дорофеев И., участник лит. кружка «Вагранка» — 102.
Дорохов Павел Николаевич — 60—61.
Дорошевич Влас Михайлович — 378.
Дос-Пассос Джон — 120.
Достоевская Анна Григорьевна — 595.
Достоевский Федор Михайлович — 17, 21, 81, 87, 102, 145—146, 172, 245, 262—264, 267, 290, 303, 352, 456—459, 477, 482, 485, 494—495, 562, 592, 594, 596, 648, 691.
Драйзер Теодор — 111—112.
Дрие ла Рошель Пьер — 240.
Дружинин Павел Давыдович — 648—650.
Дубровин Василий Дмитриевич — 6, 12, 155—156.
Дуглас Норман — 536.
Думер Поль — 623.
Дэнглас-Юма Г. Д., художник — 320.
Дюамель Жорж — 216, 539.
Дюрер Альбрехт — 348.

Евдокимов Иван Васильевич — 91, 350.
Евсеев Павел — 279.
Евсеев Федор — 279.
Екатерина I — 666.
Екатерина II — 394, 411, 460, 666.
Елпатьевский Сергей Яковлевич — 430—431, 446.
Ермилов Владимир Владимирович —90—91, 122, 279.
Ерошин Иван Евдокимович — 111.
Есенин Сергей Александрович — 20, 39, 60, 79, 127, 177, 185, 217, 234, 341, 567—568, 625—626, 643, 645—647, 650.
Ефимов Александр Яковлевич — 683.
Ефимов Борис Ефимович — 315.
Ефрем Сирин — 195, 394.

Жакова Вера Тимофеевна — 395.
Жанна д'Арк — 492, 690.
Жаров Александр Алексеевич — 20, 40—41, 106—107, 256, 606.
Жданов Андрей Александрович — 549.
Жермен Андре (псевдоним Сандре Луи)—174, 379—381, 570—571.
Жига И. (псевдоним Смирнова Ивана Федоровича) — 14, 371.
Жижин Иван Ипатьевич — 27.
Жирмунский Виктор Максимович —389.
Жолтовский Иван Владиславович — 409.
Жорес Жан — 485.
Жорж-Занд (псевдоним Дюдеван Авроры) — 149, 611.
Жуковский Василий Андреевич — 97.
Журавлев, владелец судостроительного завода — 594—595.
Журавлев Борис, сын владельца завода — 594.
Жученко-Гернгросс Зинаида Ф.— 382.

З., друг Гете — 157.
Забелин Иван Егорович — 664, 667.
Загоскин Михаил Николаевич — 648.

Зазубрин Владимир Яковлевич — 11, 527.
Зайдель Григорий Соломонович — 546.
Зайцев Борис Константинович — 400.
Зайцев П. Н., знакомый А. П. Чапыгина — 640.
Залка Матэ — 279.
Залле В., врач — 403.
Замошкин Николай Иванович — 333—334, 343.
Замятин Евгений Иванович — 111, 171, 178, 180, 185, 223 — 224, 270 — 271, 357, 388—389, 402, 445, 478, 482—483, 497, 561.
Зарубин Павел Алексеевич — 26.
Зархи Александр Григорьевич — 371.
Захава Борис Евгеньевич — 192.
Заяицкий Сергей Сергеевич—19, 103,313.
Зданевич Илья Михайлович — 570—571.
Зедергольм Климент, иеромонах — 456—457.
Зелинский Корнелий Люцианович — 371.
Зенкевич Михаил Александрович — 657.
Зибер Николай Иванович — 24.
Зильбер В. А.— см. Каверин В. А.
Зильберштейн Илья Самойлович— 6, 41.
Зимина Серафима Сергеевна — 6.
Златовратский Николай Николаевич — 82, 195, 588.
Зозуля Ефим Давыдович — 13, 113, 183.
Золотарев Алексей Алексеевич — 55, 426.
Золотарев Сергей Алексеевич — 395.
Золя Эмиль — 77, 85, 87, 114, 117, 598.
Зонин Александр Ильич — 94, 104.
Зотов Рафаил Михайлович — 648.
Зощенко Михаил Михайлович — 5 — 6, 19, 127, 157—168, 171—175, 177, 181, 374—376, 378—380, 385 — 389, 461, 466, 468, 470, 474—475, 483, 491—492, 497—498, 560—564, 675.
Зубакин Борис Михайлович — 296—298, 300, 302, 342—343.
Зубилин Борис — см. Зубакин Борис Михайлович.
Зубов Валерьян Платонович — 402.
Зюдергейм — см. Зедергольм.

Ибаньес Винсент Бласко — 646—647.
Ибсен Генрик — 424, 626.
Иван Воин — 138—139.
Иван III — 639.
Иван IV Грозный — 662—663.
Иван, сын Ивана IV — 662—663.
Иванов Александр Андреевич — 585—586.
Иванов Всеволод Вячеславович — 9, 19, 22, 30, 43, 82, 88, 91, 104, 108, 127, 148, 152, 171, 180—181, 184 — 185, 245, 250, 252, 254, 258, 260, 338 — 339, 375—376, 378—379, 385, 389, 402, 455, 461, 466, 468, 472—476, 516, 527, 543, 560—564, 645, 702.
Иванов, сын Вяч. Иванова — 213.
Иванов Вячеслав Иванович — 172, 213—214, 347, 518.
Иванов-Разумник (псевдоним Иванова Разумника Васильевича) — 352, 357—358, 581.
Иванова (дочь Всев. Иванова) — 254.
Иенсен Иоганнес Вильгельм — 141.
Измайлов Александр Александрович — 442.
Икскуль Варвара Ивановна—.409.
Иллеш Бела — 279, 511.
Иллюстров Иакинф Иванович (Иполитов)— 680—681.
Ильин Иван Александрович — 346—347, 498.
Ильин М. (псевдоним Маршака Ильи Яковлевича) — 141, 538, 540, 558.
Инбер Вера Михайловна — 371.
Ингулов Сергей Борисович — 355.
Иоанна, папесса — 606.
Ионин Георгий Иванович — 242—244.
Ионов (псевдоним Бернштейна Ильи Иоиновича) — 453, 480, 482, 484, 491 — 492, 518.
Иофан Борис Михайлович — 409.
Иоффе Фанни Моисеевна — 6.
Ипполитов (?) — см. Иллюстров И. И.
Исбах Александр (псевдоним Бахраха Исаака Абрамовича) — 279.
Исидор Милетский — 663.
Ишемгулов Булат — 413.

Каверда Борис С.— 348.
Каверин Вениамин Александрович (псевдоним Зильбера В. А.) — 5—6, 20, 24—25, 169—186, 270—271, 374, 376, 378—380, 383, 385, 389, 461, 467—468, 470, 472—474, 476, 478, 483—484, 487, 491—492, 498, 500, 503, 507, 514, 560—564, 571.
Каверина Лидия Николаевна — 472.
Каверина Наталия Вениаминовна — 484.
Казико Ольга Георгиевна — 692.
Казин Василий Васильевич — 20, 60, 371.
Кайзер Рудольф — 380—381.
Какурин Николай Евгеньевич — 695, 698.
Калинников Иосиф Федорович — 12, 230, 311.
Калмыкова Александра Михайловна — 267.
Кальман-Леви, издатель — 355—356.
Камегулов Анатолий Дмитриевич — 677—678.
Камо — см. Тер-Петросян Семен Аршакович.
Кант Иммануил — 342—344.
Каплун С. Г., издатель — 233.
Каприола Серра — 604—605, 607, 610.
Караваева Анна Александровна — 371.
Каразин Николай Николаевич — 553—554.
Карасик Зинаида Моисеевна — 6.
Карл XII — 411.
Карпинский Александр Петрович — 272.
Карпинский В., журналист — 115—116.
Каррер (Каррьер) Мориц — 24.
Карсавин Лев Платонович — 402.
Карташев Антон Владимирович — 346—347.
Касаткин Иван Михайлович — 70—71, 94, 223, 588, 654, 656, 694.
Кассиль Лев Абрамович — 371.
Катаев Валентин Петрович — 9, 20, 96, 107, 183, 246, 249—250, 252, 255, 410.

Катаев Иван Иванович — 94.
Катенин Павел Александрович — 456.
Каун Александр — 497—498.
Кахана Моисей Генрихович — 371.
Качалов Василий Иванович — 34.
Кашин Михаил Матвеевич — 594.
Кашина Мария Капитоновна — 594.
Каширин Василий Васильевич — 146.
Каширина Акулина Ивановна — 212.
Келтуяла Василий Афанасьевич — 680—681.
Керженцев Платон Михайлович (псевдоним Лебедева Платона Михайловича)— 90—92, 507.
Керенский Александр Федорович — 623.
Кирдецов Григорий Львович — 404.
Киреев А. Ф.— 585.
Киреевский Петр Васильевич — 24.
Кириков Василий Осипович — 353.
Кириллов Владимир Тимофеевич — 108.
Кирпотин Валерий Яковлевич — 193, 527.
Кирша Данилов — 24.
Киршон Владимир Михайлович — 5—6, 187—193, 279—280, 282, 284, 371, 687.
Киршон-Корнблюм Рита Эммануиловна — 6, 279.
Кирьянов Сергей Леонидович — 279.
Клаэнский Нерсес — 24.
Клейнборт Лев Максимович — 53, 55, 69, 82, 106, 646—647.
Клейст Генрих — 295—296, 611, 625.
Клодель Поль — 193.
Клычков Сергей (псевдоним Лешенкова Сергея Антоновича) — 60, 80, 82—83, 88—89, 107, 125, 335—338, 373, 514.
Клюев Николай Алексеевич — 373, 648—651, 656.
Ключевский Василий Осипович — 24, 482, 632, 670.
Князев Василий Васильевич — 6, 24, 194—196, 678—681.
Князьков Сергей Александрович — 664, 666.
Ковалев Валентин Архипович — 245.
Ковалевская Софья Васильевна — 267.
Ковалевский Вячеслав Александрович — 6, 197—198.
Ковалевский Максим Максимович — 267, 440.
Коган Надежда Александровна — 6.
Коган Петр Семенович — 5—6, 199—216, 349—350, 447—448.
Когбетлиев Юрий Гаврилович — 6, 217.
Коген, поставщик русской армии — 132—133.
Кожевников Валентин Александрович — 134, 335.
Кожевникова (жена В. А. Кожевникова)— 134.
Козьмин Борис Павлович — 212.
Кокачио Джованни — 253—254.
Колас Лука Яковлевич — 28.
Колдунов Сергей Александрович — 218—221.
Колесникова Ольга Александровна — 6, 222.
Коллоди (псевдоним Лоренцини Карло)— 420.
Колоколов Николай Иванович — 6, 223—224, 478.
Колосов Марк Борисович — 371.
Колтоновская Елена Александровна — 412, 414.
Колчак Александр Васильевич — 477.
Колычев Осип Яковлевич — 111.
Кольцов Виктор Григорьевич — 253.
Кольцов Михаил Ефимович — 41, 149, 244, 531, 603, 623—624.
Коляда Елена Григорьевна — 6.
Комаровская Надежда Ивановна — 271.
Конашевич Владимир Михайлович — 160, 569.
Коненков Сергей Тимофеевич — 205.
Кони Анатолий Федорович — 267.
Конт Огюст — 703.
Копылова Любовь Федоровна — 225—226.
Корабельников Григорий Маркович — 279.
Корб Иоганн Георг — 639—640, 666.
Корейш Иван Яковлевич — 584—585.
Корин Александр Дмитриевич — 165, 305, 551.
Корин Павел Дмитриевич — 517, 557, 693.
Корн Николай Павлович — 692.
Корнейчук Александр Евдокимович — 454.
Корнилов, не установленное лицо — 86.
Корнфельд М. Г.— 194.
Королев Борис Мефодьевич — 683.
Короленко Владимир Галактионович — 267, 339, 365, 398, 439, 632, 635, 638, 662.
Корш Федор Адамович — 423—424.
Коршунов Василий Архипович — 6, 226.
Костерин Семен Иванович — 143—144.
Костомаров Николай Иванович — 514.
Костя, не установленное лицо — 598.
Котик Наум Генрихович— 24.
Коутс Альберт — 646—647.
Крандиевская-Толстая Наталья Васильевна — 400—403, 408—409, 411—412, 417—419.
Красин Леонид Борисович — 59, 86—87, 98, 104, 130—131, 133, 140.
Крафт, немецкий фабрикант — 540.
Крашенинников Николай Александрович — 6, 228—230.
Крестинский Юрий Александрович — 6.
Кржевский Борис Аполлонович — 345.
Кржижановский Сигизмунд Доминикович— 699—700.
Крижевский, врач — 524.
Кример Фридрих Эдуардович — 515—518.
Кронштадтский Иоанн (Сергиев Иоанн Ильич) — 337—338.
Кропоткин Петр Алексеевич — 9, 21, 132, 497, 588.
Кругликова Елизавета Сергеевна — 173, 604—605.
Крупская Надежда Константиновна — 358.
Крючков Петр Петрович — 103, 106, 118, 141—142, 152—153, 156, 174, 258—259, 288, 395, 404, 406, 409, 547, 559, 607—608, 610, 652, 685—686, 694, 700.

Ксенократов Поликарп — см. Слезавин Андрей Иванович.
Ксенофонтов Гаврила Васильевич — 597.
Кубиков Иван Николаевич (псевдоним Дементьева Ивана Николаевича) — 216.
Кубка В. И.— 559.
Кугушев Вячеслав Александрович — 132—133, 402.
Кудашева (Роллан) Мария Павловна — 538.
Кудрявцев, издатель — 39—40.
Куза Василий Васильевич — 683.
Кузнецов Степан Леонидович — 450.
Кукольник Нестор Васильевич — 370.
Кукрыниксы (Куприянов Михаил Васильевич, Крылов Порфирий Никитич, Соколов Николай Александрович) — 43, 101, 283—284, 457, 505, 599.
Кулик Иван Юлианович — 527.
Кулик Леонид Алексеевич — 286—287.
Кумов Роман Петрович — 483, 491.
Купала Янко (псевдоним Луцевича Ивана Доминиковича) — 351.
Купер Фенимор — 350.
Куприянов Николай Николаевич — 89.
Куприн Александр Иванович — 60, 430—431, 440.
Куприяновский Павел Вячеславович — 223.
Курбатов Владимир Яковлевич — 272.
Курбевиль — 220—221.
Кусиков Александр Борисович — 572.
Кустодиев Борис Михайлович — 615.
Кутюрье Поль Вайян — 540.
Кучка, боярин — 660, 663.
Кюн Елеонора — 342, 593.
Кюхельбекер Вильгельм Карлович— 456

Л. К.— 112.
Лавренев Борис Андреевич — 11, 389, 497—498, 527, 645.
Лаврухин Дм. (псевдоним Георгиевского Д. И.) — 533—534, 607—608.
Ладыжников Иван Павлович — 172—173, 318, 361—362, 383, 445, 566, 626, 641—642, 652, 699.
Лажечников Иван Иванович — 648.
Лакоба — 121.
Лакур Поль — 24.
Лапин Борис Матвеевич — 371.
Лаптев Юрий Григорьевич — 279.
Лапшин Иван Иванович — 402.
Лариков Александр Иосифович — 271.
Ласковая Фанни Григорьевна — 6, 175, 180, 184, 231—238, 242, 246, 326—327, 386, 403, 564, 582.
Ласковый (сын Ф. Г. Ласковой) — 232—233.
Лахотский Павел, протоиерей — 436.
Лахути Абулкасим — 527, 545.
Лебедев Валентин Иванович — 271.
Лебедев Всеволод Владимирович — 611—612.
Левберг Мария Евгеньевна — 6, 239—244, 545, 551.
Левин Лев Давидович — 410.
Левин Моисей Зеликович — 187, 192—193.
Левитов Александр Иванович — 195, 680.
Лежнев А. (псевдоним Горелика Абрама Захаровича) — 77—79, 94.
Лежнев Исай Григорьевич — 76.
Лейбниц Готфрид — 411—412.
Лелевич Г. (псевдоним Кальмансона Лабория Гилелевича) — 70, 72, 74, 335—336.
Ленин Владимир Ильич — 8—9, 21, 27, 33, 53, 57, 74, 85, 94, 98, 104, 130—131, 133, 140, 143, 434, 454, 482, 528, 680—682.
Леонидов — 404.
Леонидов Леонид Миронович — 34, 447.
Леонов Леонид Максимович — 5—6, 9, 11, 14, 19, 22, 30, 60, 93, 95—97, 100—101, 104, 127, 152, 163, 180, 183, 185, 245—266, 284, 388, 411, 473, 475—478, 527, 654.
Леонов Николай Иванович — 288.
Леонова (урожд. Сабашникова) Татьяна Михайловна — 249—251, 254—255.
Леонтьев Константин Николаевич — 21, 304, 306, 346, 456—457.
Лермонтов Михаил Юрьевич — 87, 263, 446—449, 482.
Лесков Андрей Николаевич — 145—146.
Лесков Николай Семенович — 11, 145—146, 249, 290, 339, 456, 469, 482, 497, 556, 605, 607, 614, 617, 632—633, 649.
Лесман — 24.
Леткова-Султанова Екатерина Павловна — 6, 267—272, 375, 389, 581.
Лефорт Франц Яковлевич — 666.
Лехтимяки Вернер — 577.
Либединский Юрий Николаевич — 43, 279, 527, 674, 676—678, 684.
Лидин Владимир Германович — 19, 70, 72, 183, 422.
Ликиардопуло Михаил Федорович — 423—424.
Липперт Юлиус — 24.
Лихтенштадт Владимир Осипович — 291.
Ло Гатто Этторе — 127, 389.
Логин, сотник — 138—139.
Лозинский Михаил Леонидович — 561, 564.
Лозовик Л., переводчик — 383.
Ломоносов Михаил Васильевич — 699—703.
Лондон Джек — 626.
Лопухина Евдокия, царица — 666.
Лосский Николай Онуфриевич — 402.
Лоуренс Давид Герберт — 534—536, 594—595.
Луговской Владимир Александрович — 260.
Лужский Василий Васильевич — 447.
Лузгин Михаил Васильевич — 279.
Лукницкий Павел Николаевич — 6, 273—274.
Лукреций Кар — 90, 95.
Лукутин Петр Васильевич — 208—209.
Лукьянов Михаил Григорьевич — 6, 275—276.
Луначарский Анатолий Васильевич — 22, 68, 118, 282, 338—339, 397, 522, 579, 657.

Лунц Лев Натанович — 127, 170—177, 180, 184, 376, 378—380, 382—386, 389, 467—468, 470, 472—476, 478, 484—485, 561—564.
Луппол Иван Капитонович — 6, 276.
Лурье, не установленное лицо — 268.
Лутохин Далмат Александрович — 9—11, 13, 126, 245, 455.
Львов Иван Васильевич — 158.
Львов-Рогачевский (псевдоним Рогачевского Василия Львовича) — 69, 183, 628.
Льюис В.— 535.
Льюис Синклер — 111.
Любимов-Ланской Евсей Осипович — 187.
Лядова Вера Натановна — 143—144.
Ляцкий Евгений Александрович — 56—57, 324, 434, 681.
Ляшко Николай Николаевич — 100, 108, 112, 371.

М. Н., рецензент — 613.
Майдель Людвиг Фридрих — 605.
Майн Рид Томас — 350.
Мак-Орлан Пьер — 594—595.
Макаренко Антон Семенович — 238.
Макаров Александр Александрович — 191.
Макарьев Иван Сергеевич — 6, 278—285, 542.
Макдональд Джемс Рамсей — 30.
Максимов Павел Хрисанфович — 7.
Малашкин Сергей Иванович — 148.
Мальро Андре — 41.
Малышкин Александр Георгиевич — 82, 94, 119, 527.
Малютин (Интин) Яков Осипович — 449.
Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович — 127.
Мамонтов Савва Иванович — 593, 595.
Мандельштам Осип Эмильевич — 657.
Мандельштам Роза Семеновна — 212.
Манн Томас — 532, 534.
Мансурова Цецилия Львовна — 683, 689, 692.
Мантейфель Петр Александрович — 360.
Манухин Иван Иванович — 437—438, 440, 533.
Маргерит Виктор — 240—241.
Марков Павел Александрович — 30, 34, 192.
Марков Сергей Николаевич — 6, 286—288.
Маркс Карл — 9, 265, 690, 692.
Марлинский — см. Бестужев-Марлинский.
Маршак Илья Яковлевич — см. Ильин М.
Маршак Самуил Яковлевич — 8, 43, 271, 410, 420, 558, 621.
Масальский Константин Петрович — 648.
Матвеев С. Д., переводчик — 478.
Матисс Анри — 543.
Матюшенко Афанасий Николаевич — 49.
Махно Нестор Иванович — 419.
Мачтет Тарас Григорьевич — 183.
Маяковский Владимир Владимирович — 14, 16, 21, 86—89, 168, 474.
Мейерхольд Всеволод Эмильевич — 68—69, 607, 677.
Мельников-Печерский Павел Иванович — 111—112, 195, 512, 680.
Меньшиков Александр Данилович — 411, 666.
Меньшутин Николай Александрович — 450.
Мережковский Дмитрий Сергеевич — 96—97, 210, 324, 334, 409, 456, 504, 628.
Метальников Сергей Иванович — 587.
Метерлинк Морис — 193, 204.
Мечников Илья Ильич — 8, 587.
Мешков Николай Васильевич — 132—133.
Мещанинов Иван Иванович — 559.
Мизани, хирург— 611.
Микитенко Иван Кондратьевич — 411.
Микулич В. (псевдоним Веселитской Лидии Ивановны) — 357—358.
Милашевский Владимир Александрович — 367, 571.
Миллер Орест Федорович — 24.
Милюков Павел Николаевич — 440, 623.
Минаев (Носов) Константин Андреевич — 102.
Минц Исаак Израилевич — 420—421.
Миролюбов Виктор Сергеевич — 54—55, 320—321, 422—426, 429—436, 442, 633—634.
Миронов Константин Яковлевич — 683.
Мирошниченко Григорий Ильич — 279.
Мирский (Святополк-Мирский) Дмитрий Петрович — 602—603, 618.
Митрофанов Александр Георгиевич — 371.
Миттельман Мордух Израилевич — 279, 546, 689—690.
Михаил Святославович, князь — 638.
Михаил Федорович, царь — 665.
Михайлов Андрей Дмитриевич — 6.
Михайлов Михаил Александрович — 402.
Михайловский Николай Константинович — 77, 267, 270, 635, 638.
Михельсон Мориц Ильич — 195—196, 680.
Мицкевич Сергей Иванович — 209.
Модзалевский Борис Львович — 152.
Молчанов Александр — 285.
Мольер Жан Батист — 239, 596.
Моммзен Теодор — 482.
Монахов Николай Федорович — 239, 242, 692.
Монахова Анна Алексеевна — 193.
Монс Анна Ивановна — 666.
Монс Матрена Ивановна — 666.
Мопассан Ги де — 365, 610, 633.
Мордвинов Борис Аркадьевич — 192.
Мориц Владимир Эмильевич — 202.
Морозов Савва, основатель текстильной фирмы Морозовых — 131—132.
Морозов Савва Тимофеевич — 130—133, 543, 593, 595.
Морозов Тимофей Саввич — 130—131.
Морозовы, текстильные фабриканты — 132.
Морской Д. И. (псевдоним Малышева Дмитрия Ивановича) — 6, 289—292.

Москвин Иван Михайлович — 34, 446, 450.
Мультон Форест Рей — 24.
Мунте Аксель — 534—535.
Муратова Ксения Дмитриевна — 461.
Мурашев Петр Васильевич — 430—431.
Муррей Эллис — 535.
Мусин-Пушкин Иван Михайлович — 664.
Мусоргский Модест Петрович — 504.
Мух, немецкий врач — 459.
Муссолини Бенито — 623.
Муттер Рихард — 24.

Накоряков Николай Никандрович — 362.
Наливкин Владимир Петрович — 132—133.
Наполеон I Бонапарт — 257.
Нарбут Владимир Иванович — 93—94, 134, 136, 138.
Наумов Евгений Иванович — 18.
Неведомский В. Н.— 291.
Неверов Александр Сергеевич — 151.
Невский Владимир Иванович (псевдоним Кривобокова Феодосия Ивановича) — 700.
Незлобин (псевдоним Алябьева Константина Николаевича) — 423—424, 428—429, 433, 440—441.
Некрасов, издатель — 652.
Некрасов Николай Алексеевич — 102—103, 222, 264, 290, 488, 592, 626, 639—640.
Немирович-Данченко Василий Иванович — 634—635.
Немирович-Данченко Владимир Иванович — 34, 269—270, 446—447.
Немирович-Данченко (рожд. Корф) Екатерина Ивановна — 269.
Немировский С.— 364.
Неттлау Макс — 464—465.
Нефедов Филипп Диомидович — 195.
Нибур Бартольд Георг — 482.
Нивинский Игнатий Игнатьевич — 189.
Низовой Павел (псеодним Тупикова Павла Георгиевича) — 83, 100, 125—126, 152.
Никандров Николай Никандрович —20, 60, 92, 440.
Никитин Иван Саввич — 626.
Никитин Николай Николаевич — 171, 176—177, 180—181, 184, 374, 376, 379, 382—385, 416, 466—467, 473—474, 476, 561—562.
Никитина Евдоксия Федоровна — 337—338.
Никифоров Георгий Константинович — 100, 106, 108, 111, 113, 527.
Николаев Михаил Константинович — 652—653.
Николаевская М. А. (дочь А. С. Смирнова-Треплева) — 392.
Николай I — 131, 641.
Николай II — 131, 140.
Никольский Николай Михайлович — 440.
Никон, патриарх — 664.
Никулин Лев Вениаминович — 9, 371, 504, 525, 527.
Ницше Фридрих — 204, 593.
Нобель — заводчики, нефтепромышленники — 149.
Новалис (псевдоним Гарденберга Фридриха) — 456, 482, 625.
Новиков Иван Алексеевич — 20.
Новиков Николай Иванович — 586 — 587, 612.
Новиков-Прибой Алексей Силыч — 55, 83, 102, 110—111, 654.
Новицкий Н. И., не установленное лицо — 13.
Новодворский Иосиф Александрович — 559.
Новокшонов Иван Михайлович — 183.
Новоселов Николай Сергеевич — 6, 293—294.
Ньютон Исаак — 137, 342.

Обрадович Сергей Александрович — 100, 102, 107—108, 110—111.
О' Генри (псевдоним Портера Уильяма Сиднея) — 120, 497—498.
Огнев Николай (псевдоним Розанова Михаила Григорьевича) — 39, 183, 225, 371.
Одоевцева Ирина В. — 561, 563, 565.
Олдингтон Ричард — 534—535.
Олеарий Адам — 639—640.
Олег, князь — 638.
Олег Святославович, князь — 629.
Олеша Юрий Карлович — 30, 103, 159, 313, 527, 674.
Ольденбург Сергей Федорович — 216, 271, 516, 518.
Ольховский Виктор Родионович — 450
Ольшевец Максим Осипович — 339.
Ордын-Нащокин Афанасий Лаврентьевич — 641—642.
Ордынский П. (псевдоним Плохова Павла Львовича) — 430—431.
Орехов, не установленное лицо — 598.
Орешин Петр Васильевич — 20, 107—108, 373, 650.
Орлов Владимир Николаевич — 548.
Орлов Константин Трофимович — 25.
Орлов М. И., денщик Петра I — 666.
Орочко Анна Алексеевна — 192.
Осинский Н. (псевдоним Оболенского Валериана Валериановича) — 70—71.
Остаде Адриан ван — 61.
Островский Александр Николаевич — 44, 107—108, 127.
Остроумов А. А. — 356, 662—663.
Остроухов Илья Семенович — 256, 259.
Острый Иван Иванович — 143—144.

П. В. — см. Мурашов.
Павел I — 460.
Павленко Петр Андреевич — 94, 260, 286, 368, 371.
Павлов, рабочий-ударник — 366.
Павлов Иван Петрович — 93, 502.
Павлов Петр Петрович — 382.
Павлович Надежда Александровна — 376.
Пальм Александр Иванович — 111.
Панаева-Головачева Авдотья Яковлевна — 269—270.
Панкхерст Сильвия — 240—241.

Пантелеев Л. (псевдоним Пантелеева Алексея Ивановича) — 225, 242—244, 344—345, 519.
Пантелеева Раиса Павловна — 6.
Панферов Федор Иванович — 188, 279, 698.
Панфилов Е.— 69.
Панч Петро (псевдоним Панченко Петра Иосифовича) — 527.
Папини Джованни — 268, 389.
Парижанин Морис — 266.
Пастернак Борис Леонидович — 5 — 6, 20, 185, 295—310, 343, 474, 497—498, 507, 531, 567—568, 657.
Пастернак Леонид Осипович — 295, 299, 308, 310.
Паустовский Константин Георгиевич — 143—144.
Пашенная Вера Николаевна — 443.
Пашуканис, не установленное лицо—20.
Пельтенбург Генрих Федорович — 524—525.
Пенчковский Николай Николаевич — 668, 678.
Пермитин Ефим Николаевич — 371.
Перцов Виктор Осипович — 48.
Петерсон Николай Павлович — 134, 335.
Петников Григорий Николаевич — 656—657.
Петр I — 18, 138—139, 357, 394, 397, 406, 411—412, 482, 639—640, 663—666.
Петров Николай Васильевич — 449, 606—607.
Петров-Водкин Кузьма Терентьевич — 357—358.
Петровский Петр Николаевич — 183.
Пешков Максим Алексеевич — 29—30, 59, 62, 113, 116—117, 247, 251—253, 255, 258, 312, 348, 396, 399—400, 405, 408, 411—412, 414—415, 573, 598—599, 601—604, 607.
Пешкова Дарья Максимовна — 116—117, 253, 420, 604.
Пешкова Екатерина Павловна — 53, 55, 59, 61, 172, 229, 236, 253—255, 268, 303—304, 383, 415, 544, 588.
Пешкова Марфа Максимовна — 116—117, 253, 420, 604.
Пешкова Надежда Алексеевна — 6, 29—30, 116—117, 251—253, 258, 408, 411—412, 414—415, 420, 602, 604, 606—607.
Пешковы, семья А. М. Горького — 179, 419.
Пий XI — 523.
Пикассо Пабло — 543, 568, 570.
Пиксанов Николай Кирьякович — 154, 214, 216, 339, 510.
Пиль Иван Алферович — 701—702.
Пильняк Борис (псевдоним Вогау Бориса Андреевича) — 5—6, 16, 19, 25, 78—80, 82, 92, 152, 173, 179—180, 182, 197, 252, 296, 311—312, 333, 378—379, 381—385, 455, 467, 469—470, 472—474, 476, 482, 503, 566, 645, 647.
Пинегин Николай Васильевич — 344.
Пинкевич Альберт Петрович — 376, 382, 401—402, 582.
Пиранделло Луиджи — 389, 477—478
Пиррон — 699—700.
Пирожкова Антонина Николаевна — 40—42.
Писарев Дмитрий Иванович — 77.
Писемский Алексей Феофилактович — 85, 87, 111.
Пластов Аркадий Александрович — 387.
Платон — 611.
Платон Иван Степанович — 450.
Платонов Андрей Платонович — 5—6, 19, 103, 313—315.
Плетнев Валериан Федорович — 6, 316—318.
Плеханов Георгий Валентинович— 104.
Пнин Иван Петрович — 460.
Победоносцев Константин Петрович — 21.
Погодин Михаил Иванович — 494, 496.
Погодин Михаил Петрович — 494, 496, 514.
Погодин Николай Федорович (псевдоним Стукалова Николая Федоровича) — 193, 454.
Подольский Георгий Леонардович — 361—362.
Подъячев Семен Павлович — 7, 441—442, 649.
Познер Владимир Соломонович — 266, 376, 383, 385, 561, 563.
Поленов Василий Дмитриевич — 593, 595.
Ползунов П. П.— 320.
Поликарпов М., участник лит. кружка «Вагранка» — 102.
Поликарпов М. А., купец, поэт-самоучка — 475—476.
Полнер Тихон Иванович — 402.
Полонская Елизавета Григорьевна — 171, 375, 379—380, 382, 561.
Полонский Вячеслав Павлович (псевдоним Гусина Вячеслава Павловича) — 9, 74, 90—91, 119, 251, 331, 338, 340, 354—355.
Помяловский Николай Герасимович — 649.
Попов Алексей Дмитриевич — 677.
Попов Н.— 546.
Попова Вера Николаевна—676, 678.
Посеевин — 663.
Постников Сергей Порфирьевич — 436.
Потанин Григорий Николаевич — 68.
Правдухин Валериан Павлович — 70, 72.
Преображенский Евгений Алексеевич — 143—144.
Пришвин Михаил Михайлович —5—6, 8, 10, 20—24, 94, 102—103, 107—108, 111, 139—141, 178—180, 209—210, 241, 319—362, 445, 514, 519, 542, 585, 595, 617.
Пришвин Петр Михайлович — 329, 334—335, 352, 359.
Пришвин-Алпатов Лев Михайлович — 328—330, 334, 354.
Пришвина Валерия Дмитриевна — 6, 323, 327, 337, 355.
Пришвина Ефросинья Павловна — 328—330, 334, 336.
Прозоровский Лев Михайлович — 450.
Прокофьев Александр Андреевич — 558.
Проскуряков Владимир Михайлович — 412.

Протопопов Михаил Алексеевич — 628.
Пруст Марсель — 120, 193.
Прутков Козьма — 58, 474, 476.
Прыжов Иван Григорьевич — 670.
Пугачев Емельян Иванович — 448—450, 639—640.
Пудовкин Всеволод Илларионович — 192.
Пукколи Лючиано — 268—269.
Пунин Николай Николаевич — 605.
Пушкин Александр Сергеевич — 11, 25, 77, 87, 93, 95, 97, 127, 131, 141, 182, 208, 220, 234, 249, 262, 310, 416, 420, 456—457, 482, 486, 568, 603, 605, 626, 632.
Пчелин Владимир Николаевич — 651.
Пятигорский, не установленное лицо — 288.
Пятницкий Константин Петрович — 228, 321, 426, 433, 435—436, 635.

Радимов Павел Александрович — 82.
Радлов Эрнест Львович — 136.
Радищев, правнук А. Н. Радищева — 513.
Радищев Александр Николаевич — 460, 513, 586, 612.
Радищин (Радищев) Николай — 376.
Разин Степан Тимофеевич — 450, 584, 650, 652, 654.
Райлян Фома — 430—431.
Ракицкий Иван Николаевич — 116—117, 241, 251—253, 255, 258, 260, 411—412, 601, 604—607.
Раскольников Федор Федорович (псевдоним Ильина Федора Федоровича) — 349—350.
Распутин (Новых) Григорий Ефимович— 319.
Рафаил Михаил Абрамович — 408, 551.
Рафалович Сергей Львович — 570 — 571.
Рахманов В. В.— 345.
Рашковская А.— 702.
Регинин Василий Александрович— 367.
Рембо Артюр — 193.
Ремизов Алексей Михайлович — 171—172, 180, 182, 311, 324, 330, 349—350, 385, 403, 469, 566, 634—635.
Репин Илья Ефимович — 569, 595, 604—605, 662.
Рескин (Раскин) Джон — 24.
Решетников Федор Михайлович — 556.
Ржига Вячеслав Федорович — 700.
Ридер, издатель — 265—266.
Рильке Райнер Мария — 159—160, 193.
Ричард Львиное Сердце — 642.
Робеспьер Максимильен — 257.
Родов Семен Абрамович — 74.
Розанов Василий Васильевич — 324, 328—329, 333—334, 336, 340, 343, 346—347, 352, 587.
Розенблюм Лия Михайловна — 6.
Роллан Ромен — 19, 21, 38, 106—108, 110, 216, 233, 239—240, 245, 266, 276, 353—354, 385, 503, 531, 534—540, 544, 546, 556, 558, 618.
Романов Пантелеймон Сергеевич — 72, 92, 104, 148, 152, 246, 248, 320—321, 483, 488, 504.
Ромась Михаил Антонович — 212.
Ромашев Борис Сергеевич — 371.
Ромен Жюль — 121, 539.
Ромм С.— 18.
Рони (псевдоним братьев Боэ Жозефа и Жюстена) — 141.
Ронсар Пьер — 201—202.
Россовский Михаил Андреевич — 6, 14, 25, 363—364.
Рубакин Николай Александрович — 150—151, 210, 212.
Рублев Андрей — 353.
Руднев Лев Владимирович — 341.
Румянцев Николай Александрович — 425—426.
Рунова Ольга Павловна — 426.
Русинова Нина Павловна — 683.
Русланов Лев Петрович — 683.
Рутенберг Г. М., врач — 657.
Рыбников Павел Николаевич — 24.

Сабашников Михаил Васильевич — 246, 475.
Савваитов Павел Иванович — 639—640, 670.
Савин Лев Моисеевич (псевдоним Льва Савелия Моисеевича) — 404.
Садовский Пров Михайлович — 450.
Садофьев Илья Иванович — 270—271, 466, 507.
Садуль Жорж — 540.
Салабанов, владелец иконописной мастерской — 146.
Салиас де Турнемир Евгений Андреевич — 648.
Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович — 127, 151, 153, 365, 474.
Самобытник А. И. (псевдоним Маширова Алексея Ивановича) — 466.
Санников Григорий Александрович — 260, 371.
Сапелов М. С., рабкор — 294, 358.
Сапунов Клавдий Николаевич — 438.
Сапунов Николай Николаевич — 438.
Саянов Виссарион Михайлович — 531, 548, 674.
Сварог Василий Семенович — 119.
Свердлов Вениамин Михайлович —208—209.
Свиньина, не установленное лицо — 228.
Свирин Николай Григорьевич — 404.
Свирский Алексей Иванович — 100.
Свифт Джонатан — 622.
Святополк Окаянный — 602.
Святополк-Мирский Петр Дмитриевич — 618.
Святополк-Мирский Д. П.— см. Мирский Дмитрий Петрович.
Сегалин Григорий Владимирович — 611 612.
Сейфуллина Лидия Николаевна — 5—6, 104, 127, 340, 342—343, 365—372, 507.
Селивановский Алексей Павлович — 279, 531.
Сельвинский Илья Львович—20, 43,100
Семашко Николай Александрович — 267—268.
Семенов Николай Федорович — 683.
Семенов Сергей Александрович — 19, 107—108, 491, 497—498, 515, 518.

Семеновский Дмитрий Николаевич — 27, 319.
Сендерленд Джебез Томас— 24.
Сенковский Осип Иванович — 24, 185—186, 458.
Серафим, священник — 512.
Серафим Саровский — 198.
Серафимович А. С. (псевдоним Попова Александра Серафимовича) — 9, 90, 102, 698.
Сервантес Сааведра Мигель — 8, 18, 39, 85, 87—88, 98, 161, 326, 482, 486, 497, 562.
Сергеев Михаил Алексеевич — 515—516, 518, 525.
Сергеев-Ценский Сергей Николаевич — 9, 13, 19—22, 106—108, 140—141, 178—179, 249, 327, 345—346, 348, 352, 400, 439, 446—450, 519, 617.
Сергий, епископ — 324.
Серебрянский Марк Исаевич — 122, 124.
Сетницкий Николай Александрович — 587.
Сивачев Михаил Гордеевич — 66.
Сидоркин Михаил Николаевич — 692.
Симон, епископ Рязанский — 612.
Синани Исаак Абрамович — 597.
Синклер Эптон — 80, 82.
Скарская Надежда Федоровна — 582.
Скворцов-Степанов Иван Иванович — 70—71, 77, 79, 242.
Скопина Людмила Александровна — 676, 678.
Скопс Джон — 240.
Скотт Вальтер — 648.
Скрябин Александр Николаевич — 504.
Скуратов Малюта — 662—663.
Славятинский Николай Андреевич — 6, 373.
Слезавин Андрей Иванович — 260, 262.
Слепцов Василий Алексеевич — 82, 556.
Словецкий К. Ф., ученик Академии художеств — 630.
Слонимский Михаил Леонидович — 5—6, 111, 127, 169, 171—175, 177, 181, 185, 312, 374—389, 402, 461, 466, 468—470, 472—476, 483—484, 487, 491—492, 515, 555—556, 560—564, 582, 674.
Смельницкий Юрий Михайлович — 344—345.
Смирнова Нина Васильевна — 19, 107—108.
Смирнов-Треплев Александр Александрович — 6, 390—395.
Смотрицкая — 477.
Смышляев Валентин Сергеевич — 677—678.
Снегирев Иван Михайлович — 195—196, 680.
Соболев Юрий Васильевич — 325—326.
Соболь Андрей (псевдоним Соболева Юлия Михайловича) — 70, 72, 126, 235—236, 646—647.
Соколов-Микитов Иван Сергеевич — 416, 468—469, 507, 527.
Сократ — 137, 592.
Солдатенков Козьма Терентьевич — 292.
Соллогуб Владимир Александрович — 348.
Соловьев Василий Иванович — 367, 619.
Соловьев Владимир Сергеевич — 136, 138, 586, 604, 625—626.
Соловьев Геннадий Алексеевич — 578.
Соловьев Сергей Михайлович — 24, 482, 626, 632.
Соловьева Поликсена Сергеевна — 440.
Сологуб (Чеботаревская Анастасия Николаевна) — 21.
Сологуб Федор (псевдоним Тетерникова Федора Кузьмича) — 20—21, 25, 204, 348, 635, 657.
Сомов Константин Андреевич — 599.
Сослани Шалва — 371.
Спенсер Герберт — 24.
Сперанский Алексей Дмитриевич — 420, 548.
Срезневский Измаил Иванович — 639—640.
Ставский Владимир Петрович — 279.
Сталин Иосиф Виссарионович — 29, 34, 528, 552.
Станиславский (псевдоним Алексеева) Константин Сергеевич — 254, 423, 425.
Станишевская, владелица гимназии — 424, 429, 435.
Старк Леонид Николаевич — 340.
Старосельский Владимир Александрович — 132—133.
Старчаков Александр Осипович — 410, 412.
Стенбок-Фермор — 618.
Стендаль Фредерик (псевдоним Бейля Анри) — 9, 239.
Степун Федор Августович — 327.
Стерн Лоренс — 291.
Стецкий Алексей Иванович — 366, 523.
Стецкий Иван Алексеевич — 116—117.
Столыпин Аркадий Дмитриевич — 703.
Столыпин Дмитрий Аркадьевич — 703.
Столыпин Петр Аркадьевич — 703.
Страхов Николай Николаевич — 595.
Струве Петр Бернгардович — 498.
Субботин Анатолий Александрович—651.
Сувчинский Петр Петрович — 603—604.
Судаков Илья Яковлевич— 34.
Султанов Ю. Н. (сын Е. П. Летковой-Султановой) — 272.
Супо Филипп — 240.
Сургучев Илья Дмитриевич — 426.
Суриков Иван Захарович — 626.
Сурков Алексей Александрович—25, 279.
Суслов И. И., художник-реставратор — 353.
Суслов Онисим З. (пседоним Резникова Онисима Марковича) — 441—442.
Сутырин Владимир Андреевич — 280.
Суханов Н. (псевдоним Гиммера Николая Николаевича) — 436.
Суханова (Флаксерман) Галина Константиновна — 466.
Сухово-Кобылин Александр Васильевич — 146.
Сухотин Павел Сергеевич — 405—406.
Сушкевич Борис Михайлович — 189.
Сытин Иван Дмитриевич — 322—323, 395, 582.
Сю Эжен — 276.

Таганцев — 20.
Тагер Евгений Борисович — 6.
Тагиров Афзал — 413.
Тальников Д. (псевдоним Шпитальникова Давида Лазаревича) — 441—442.
Таманян Александр Иванович — 559.
Тарасевич Лев Александрович — 203.
Тарасов, не установленное лицо — 594.
Тарасова Алла Константиновна — 446—447.
Татаринов Владимир Николаевич —189.
Тачалов Иван Иванович — 6, 396.
Тверской Константин К., режиссер — 187.
Тверяк (псевдоним Соловьева Алексея Артамоновича)—651.
Тейлор Эдуард — 24.
Теккерей Уильям Мейкпис — 173.
Телешов Николай Дмитриевич — 183.
Тер-Григорян Паруйр Аветович — 534—535.
Терновский Василий Николаевич — 357.
Тер-Петросян Семен Аршакович (Камо)—612—613.
Тик Людвиг — 291, 625.
Тимофеев Леонид Иванович — 7—26, 702.
Титова Мария Андреевна — 193.
Тихон (Белавин Василий), патриарх — 605.
Тихонов Александр Николаевич (Н. Серебров) — 30, 94—95, 183, 185, 392—393, 395, 410—412, 417, 484, 497, 629, 649, 656—657.
Тихонов Николай Семенович — 8, 19—20, 103, 171, 176—177, 184, 270—271, 379—380, 382, 386, 413, 461, 471, 474—479, 483, 488, 491, 497—498, 506—507, 527, 531, 555—556, 561, 563, 611—612, 648—650, 675, 677.
Толлер Эрнст — 477—478.
Толстая Людмила Ильинична — 6.
Толстая Марьяна Алексеевна — 420.
Толстой Алексей Константинович — 648—649, 662—663.

Толстой Алексей Николаевич — 5—6, 9, 14, 18, 20, 23, 25, 107, 113, 185, 193, 209, 260, 270—271, 357, 378, 382, 384, 397—421, 439, 491, 527, 533—534, 536—538, 639—640, 642, 663, 667.
Толстой Дмитрий Алексеевич — 403.
Толстой Лев Николаевич — 8, 11, 18, 21, 25, 80—81, 87, 97, 99, 120, 122, 134—135, 158, 172, 180, 182, 220, 262, 308, 329, 349—350, 365, 456, 467, 469, 482, 494, 497, 502, 504, 556, 562, 592—593, 595, 611—612, 620—621, 628, 630, 633, 648, 659, 663, 703.
Толстой Никита Алексеевич — 409.
Толстой Сергей Львович — 201—202.
Толстой Федор Иванович — 201—202.
Толстые, семья А. Н. Толстого — 412.
Толчанов Иосиф Моисеевич — 192, 253.
Томаш-Унус, коллекционер кактусов — 258.
Томашевский Борис Викторович — 534, 554.
Тонков Владимир Николаевич — 271.
Тредьяковский Василий Кириллович — 459—460, 555.
Тренев Виталий Константинович — 434—435, 446, 450, 452—453.
Тренев Константин Андреевич — 5—6, 11, 18, 20, 49, 320, 369, 398, 422—454, 480, 534.
Тренев Николай Андреевич — 437—438, 440.
Тренева, жена Н. А. Тренева — 446.
Тренева Наталья Константиновна — 431.
Трубецкие, род князей — 456.
Трубецкой Сергей Петрович — 456.
Трубецкой С. Н. — 456, 587—588.
Тургенев Иван Сергеевич — 11, 17, 138, 172, 262, 267, 397, 502, 506, 556, 562, 598, 632.
Туров В. З. — 203, 348.
Тынянов Юрий Николаевич — 5—6, 18, 171—172, 389, 455—460, 504, 527, 531, 558, 584, 587, 644, 665, 667.
Тынянова Елена Александровна — 459—460.
Тынянова Инна Юрьевна — 459—460.
Тьерри Огюстен — 24.
Тэн Ипполит — 77.
Тюрин А. А., художник-реставратор — 353.
Тютчев Федор Иванович — 96, 135, 262, 290, 483, 485.

Уайльд Оскар — 193.
Уитмен Уот — 608.
Ульянов Дмитрий Ильич — 130—131.
Ульянский Антон Григорьевич — 545.
Уманский, переводчик — 80, 448.
Урицкий Семен Борисович — 288.
Успенский Глеб Иванович — 77, 195, 267, 271, 339, 342 — 343, 648 — 649, 680.
Устюжанин Дмитрий Леонидович — 6.
Уткин Иосиф Павлович — 40—41, 106, 356, 606.
Уфимцев Анатолий Георгиевич — 225.
Ухтомский Дмитрий Васильевич — 251.
Уэллс Герберт — 278, 645.

Фаворский Владимир Андреевич — 361—362, 702.
Фадеев Александр Александрович — 19, 103, 107, 113, 122, 260, 279, 282, 313, 371, 527—528, 575, 678, 694, 698.
Файвилович Гр.— 279.
Файко Алексей Михайлович — 371.
Фатов Николай Николаевич — 70—72, 90, 92, 104, 504.
Федин Константин Александрович — 5—10, 14, 16—19, 22—23, 25, 157, 169, 171—172, 176—178, 184—185, 209, 245, 248, 260, 270—271, 331, 350, 374, 378—379, 381—382, 384—388, 404, 415, 420, 438, 455, 460—564, 638, 645.
Федина (Александер) Дора Сергеевна — 480, 483, 492, 510, 518, 524—525, 538, 554.
Федина Нина Константиновна — 171, 475, 492.
Федоров Лев Николаевич — 548.
Федоров Николай Федорович — 134, 136, 335—336, 338, 584—588, 591, 596.
Федосова Орина — 648—649.

Феодора, императрица — 662—663.
Феррари Елена Константиновна (псевдоним Голубевой Ольги Федоровны) — 6, 232, 565—576.
Фидлер Иван Иванович — 599.
Философов Дмитрий Владимирович — 324.
Фирин Семен Григорьевич — 684—685.
Фиш Геннадий Семенович — 5—6, 577—578.
Флобер Гюстав — 8, 77, 117—118, 388, 469, 482, 630, 633, 663, 667.
Фомин Семен Дмитриевич — 6, 579.
Форд Генри — 283.
Форш Дмитрий Борисович — 596, 599, 601.
Форш Надежда Борисовна — 597, 601.
Форш Ольга Дмитриевна — 5—6, 9, 13, 19—20, 22—23, 25, 134, 240, 249, 300—301, 310, 340—343, 357, 455—456, 527—528, 580—613, 644.
Фофанов Константин Михайлович — 604.
Франс Анатоль (псевдоним Тибо Анатоля) — 240, 663.
Франциск Ассизский — 138.
Фридман С., рабочий-ударник — 279, 366—367.
Фрунзе Михаил Васильевич — 78, 645.
Фукс Эдуард — 514, 652—653.
Фурманов Дмитрий Андреевич — 23—24, 75—76.

Хадисов А. М. — 413.
Халатов Артемий Багратович — 112, 141—143, 248, 272, 352—353, 367, 408, 412, 415, 453, 459, 511, 537—538, 678—679.
Хаит Давид Маркович — 6, 18, 48, 614—617.
Ханин Давид Маркович — 140—141.
Хашба А. К.— 559.
Хвольсон Орест Данилович — 388—389.
Хилков Александр Дмитриевич — 618—624.
Хилков Дмитрий Александрович — 618, 620—621.
Хилкова Ц. В.— см. Винер Цецилия Владимировна.
Хилкова Юлия Петровна — 621.
Хилковы, сестры А. Д. Хилкова — 620.
Хлебников В. Н., ученик Академии художеств — 630.
Хлебников Велемир (псевдоним Хлебникова Виктора Владимировича) — 19, 228, 569.
Хмара Александр Михайлович — 253.
Ходасевич Валентина Михайловна — 242, 244, 508, 510.
Ходасевич Владислав Фелицианович — 9, 179—182, 223, 232—233, 243, 246, 310, 326, 378, 384—388, 403, 472, 491, 498, 563, 565—569, 573, 580, 641.
Хольцман Владимир Семенович — 547—548.
Хохлов Константин Павлович — 449.

Цвейг Стефан — 158, 216, 233, 240, 514.
Цветаева Анастасия Ивановна — 296—298, 300, 302—303, 307—308.
Цветаева Марина Ивановна — 300—302, 307—308, 497.
Цинговатов Алексей Яковлевич — 6, 8, 625—628.
Циолковский Константин Эдуардович — 520—521.
Ципельзон Эммануил Филиппович — 159.
Цицерон Марк Туллий — 96.
Цюрупа Александр Дмитриевич — 133.

Чаадаев Петр Яковлевич — 456, 458.
Чагин Петр Иванович — 518.
Чадаев Василий Никифорович — 483.
Чайковский Николай Васильевич — 346.
Чан Кай-ши — 339.
Чапыгин Алексей Павлович — 5—6, 18—20, 22, 83, 181, 236, 270—271, 419—420, 584, 587, 629—670.
Чапыгина, жена А. П. Чапыгина — 663.
Чацкий Павел Васильевич — 6, 671—672.
Чебан Александр Иванович — 189.
Чемберлен Остин — 203.
Чернов Гордей, купец — 593, 595.
Черноков Михаил Васильевич — 662—663.
Чернышевский Николай Гаврилович — 77, 290—291.
Черткова Олимпиада Дмитриевна —411—421, 414, 419.
Черубина Габриак — см. Васильева Елизавета Ивановна.
Чехов Антон Павлович — 84, 87, 98, 122, 127, 207—208, 270, 290, 352, 354, 388, 397, 423—424, 442, 579, 606, 608, 614, 632, 703.
Чехонин Сергей Васильевич — 377, 603, 605.
Чингисхан Темучин — 388, 475.
Чириков Григорий Осипович — 353.
Чужак Н. (псевдоним Насимовича Николая Федоровича) — 86, 89.
Чуковский Корней Иванович — 130, 185, 270, 357—358, 360, 374, 378, 402, 465, 497—498, 561, 628.
Чуковский Николай Корнеевич — 385, 561, 563.
Чулков Георгий Иванович — 503.
Чулков Михаил Дмитриевич — 679.
Чумандрин Михаил Федорович — 6, 14, 107—108, 188, 196, 284, 673—693.
Чумандрина Мария Александровна — 685—686.
Чупкин — 677.
Чуркин Александр Дмитриевич — 667.

Шагинян Мариэтта Сергеевна —178, 371.
Шаляпин Федор Иванович — 322—323, 437, 444, 593, 608.
Шамбинаго Сергей Константинович — 700.
Шапорин Юрий Александрович — 412, 414.
Шапорина Алена Юрьевна — 412.
Шапорина Любовь Васильевна — 418.
Шахматов Алексей Александрович — 639—640.
Шварц Евгений Львович — 418.
Шведов Яков Захарович — 102.

Шевченко Тарас Григорьевич — 159.
Шеин Павел Васильевич — 24, 617.
Шекспир Вильям — 8, 25, 98, 100, 182, 506, 593, 660.
Шелли Перси Биши — 234, 482.
Шенфельд-Россов Борис Михайлович — 404.
Шервинский Сергей Васильевич — 202, 700.
Шестов Лев (псевдоним Шварцмана Льва Исааковича) — 592—593.
Шефнер, командир миноносца — 50.
Шибанов Павел Петрович — 356—357.
Шилейко Владимир Казимирович — 561.
Шиллер Фридрих — 97, 222, 488, 611.
Шифрин Ниссон Абрамович — 35.
Шишков Вячеслав Яковлевич — 68, 270, 357, 416, 527, 669.
Шкапская Мария Михайловна — 545, 549.
Шкловская (Еленская) Евгения Борисовна — 171.
Шкловская-Карди Василиса Георгиевна — 171.
Шкловский Виктор Борисович — 171—172, 174—175, 177, 184—185, 232, 360, 375—376, 378, 380—381, 384, 386, 388—389, 403, 458, 490—492, 561, 567, 570, 650.
Шлоссер Фридрих Кристоф — 24.
Шмаринов Дементий Алексеевич — 224, 237.
Шмелев Иван Сергеевич — 210, 398, 439—440, 446.
Шмидт Анна Николаевна — 588, 591.
Шолохов Михаил Александрович — 5—6, 11, 260, 527, 694—698.
Шопен Фридерик — 504.
Шопенгауэр Артур — 8, 135—136, 149, 158, 610.
Шостакович Дмитрий Дмитриевич — 244.
Шотмюллер, немецкий врач — 459.
Шпенглер Освальд — 9.
Штейнах Эуген — 587.
Штерн М., художник — 358.
Штирнер Макс (псевдоним Шмидта Каспара) — 9, 204.
Штиттельман Михаил Ефимович — 279.
Шторм Георгий Петрович — 5—6, 699—703.
Штранге Михаил Михайлович — 702.
Штраус Давид — 24.
Шулятиков Владимир Михайлович — 204.
Шуман Роберт — 401—402.
Шушканов Николай Георгиевич — 279.
Щапов Афанасий Прокофьевич — 24.
Щеголев Павел Елисеевич — 605, 681.
Щербаков Александр Сергеевич — 26, 276, 559.
Щербина Владимир Родионович — 398, 404.
Щукин Борис Васильевич — 192, 257, 683, 689, 692.
Щукин Сергей Иванович — 543.

Эйдеман Роберт Петрович — 528, 698.
Эйнштейн Альберт — 378, 388, 482—483, 502, 506.
Эйхенбаум Борис Михайлович — 271, 388—389, 534, 548.
Эйхенгольц Марк Давидович — 117—118.
Эккерман Иоганн Петер — 291.
Элиава Шалва Зурабович — 288.
Элиасберг Александр Самойлович — 354—355.
Элленс Франц (псевдоним Ван Эрменгема Франца) — 233, 385, 563—564.
Элькин — 477—478.
Элюар Поль — 240.
Энгельс Фридрих — 690—692.
Эрберг К. (псевдоним Сюннерберга Константина Александровича) — 172.
Эрдман Николай Робертович — 30.
Эренбург Илья Григорьевич — 40, 42, 88, 171, 333, 371, 384, 480, 484.
Эрлих Арон Исаевич — 371.
Эсхил — 213.
Эфрос Абрам Маркович — 113, 183, 185, 605.
Эфрос Наталья Давыдовна — 6.

Юдин Павел Федорович — 278, 280.
Юлиан Отступник — 356—357.
Юлтый Даут — 413.
Юренева Вера Леонидовна — 428.
Ютанов Владимир Павлович — 183.
Юстиниан, император — 660.

Яблонский Виктор Петрович — 279.
Яковлев Александр Степанович — 20, 152, 332—334.
Яковлев Василий Николаевич — 43.
Яковлев Николай Васильевич — 152.
Якубович-Мельшин Петр Филиппович — 267.
Якубовский Георгий Васильевич — 639.
Янаби Тухват (псевдоним Калимулина Т.) — 413.
Яншин Михаил Михайлович — 193.

Lo Gatto — см. Ло Гатто Этторе.
Lot, французский академик — 597. 598, 600.
Ovadi, не установленное лицо — 601.

УКАЗАТЕЛЬ ИЗДАНИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

«А. М. Горький и создание „Истории фабрик и заводов“». Сборник. (М., Соцэкгиз, 1959) — 549.
Альманах артели писателей «Круг» — см. «Круг». Альманах.
Альманах «Земля и фабрика» (М., 1927—1931) — 99—104, 106, 108, 110—111, 116—118.
«Антирелигиозник». Журнал. (М., 1926—1941) — 605.
«Аполлон». Журнал. (Пб., 1909—1917) — 320.
«Артель писателей „Круг“» — 73, 75.
«Атака». Сборник. (Иваново-Вознесенск, 1930) — 275.

«Беломорско-Балтийский канал». Сборник. (М., 1934)—283—284.
«Беседа». Журнал. (Берлин, 1923—1925)— 9, 175, 180, 182, 184, 231—233, 245—246, 248, 325—326, 329, 347, 385—386, 403, 472, 484—485, 496, 563—564, 574—576, 581—582.
«Библиотека колхозника». Серия книг (замысел) — 556.
«Библиотека начинающего читателя». Серия книг — 688—689.
«Библиотека наших достижений». Серия сборников (замысел) — 275—276.
«Библиотека поэта». Серия книг — 455, 459—461, 530—532, 534, 547—549, 552—555.
«Биржевые ведомости». Газета. (СПб., 1880—1917) — 322, 424, 638.
«Боевая правда». Газета (Пг., 1919—1920)— 464.
«Большевик». Журнал. (М., 1924, с 1952—«Коммунист») — 556.
«Былое». Журнал. (СПб.—Л., 1906—1924) — 639—643.
«Былье». Сборник. (М., «Звенья», 1920) — 472.
«Бюллетени литературы и жизни». Журнал. (М., 1911—1916) — 66.

«В дни Великой пролетарской революции. Эпизоды борьбы в Петрограде в 1917 г.» (Серия сборников по истории Великой пролетарской революции и гражданской войны 1917—1922 гг.) (Л., Гослитиздат, 1937) — 550—551.
«В. И. Ленин и А. М. Горький». Сборник. Изд. 2. (М., 1961) — 27.
«В. М. Киршон». Сборник. (М., «Искусство», 1962) — 192.
«Вагранка», рабочий литературный кружок — 102.
«Вагранка». Сборник. (М., 1925, 1930)— 102.
ВАПП (Всероссийская ассоциация пролетарских писателей) — см. РАПП.
«Веселый альманах». (Пг., «Круг», б. д.) — 184.
«Вестник Европы». Журнал. (СПб., 1866—1918) — 111—112, 358, 414, 445, 636.
«Вестник критической мысли и сатиры „Веретеныш“. Журнал. (Берлин, 1922) — 384.
«Вестник литературы». Журнал. (Пг.— Л.; 1919—1927) — 334, 347.
«Вехи». Сборник. (М., 1909) — 347.
«Вечерняя Москва». Газета. (М., 1923—)— 102—103, 199, 202, 229, 350, 613, 622.
ВОАПП (Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей) —280.
«Возрождение». Газета. (Париж, 1925—1936) — 232, 622—623.
«Волгарь». Газета. (Нижний-Новгород, 1890—1918) — 591.
«Вопросы литературы». Журнал. (М., 1957—) — 100.
«Вопросы литературы». Сборник. (М., Изд-во АН СССР, 1958—) — 461.
«Всемирный следопыт». Журнал. (М., 1925—1931) — 134, 136, 367.
Всероссийский союз писателей — 94.
Всероссийское общество крестьянских писателей — 94.
«Всесоюзная здравница». Газета. (Ялта, 1934—1941) — 629.
«Второй сборник пролетарских писателей» — см. «Сборник пролетарских писателей», II.

«Героика будней». Сборник. (М.— Л., 1931) — 275.
«Год XVI». Альманах. (М., 1933) — 124, 556, 701.
«Год XVII». Альманах. (М., 1934) — 197, 315, 549, 578.
«Год XVIII». Альманах. (М., 1935) — 549, 577.
«Год XIX». Альманах (М., 1936) — 540.
«Год XX». Альманах. (М., 1937) — 286.
«Год XXI». Альманах. (М., 1938) — 25, 38—39, 629.
«Город». Сборник. (Пг., 1923) — 173.
«Горький и Сибирь. Письма. Воспоминания». Сборник. (Новосибирск, 1961) — 365, 396.
«Горький. Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком». Под ред. И. Груздева. (М.— Л., 1928) — 26, 150, 154,

254, 306, 319, 342, 354, 357, 398, 602, 604—605.
«Горьковские чтения. 1953—1957 гг.» (М., Изд-во АН СССР, 1959) — 185, 276, 395, 412.
«Гул земли». Литературно-научный и художественный сборник. (Л., «Красная газета», 1928) — 649.

«Двадцатые годы». Журнал. (Издание не осуществилось) — 376, 378, 384, 466, 468.
«День». Альманах — см. «День мира».
«День мира». Сборник. (М., 1937) — 244, 530—533, 536.
«День рабочей печати». Газета. (Самара, 1923. 5.V) — 390.
«Детская литература». Бюллетень. (М., 1932—1941) — 125.
«Дни». Газета. (Берлин, Париж, 1922 — 1928) — 403, 623.
«Дом искусств». Альманах. (Пг., 1921)— 296.
«Донская жизнь». Газета. (Новочеркасск, 1905—1917) — 424.

«Евреи на Руси». Сборник. (Издание не осуществилось) — 397—398, 438, 440.
«Европа». Журнал — см. «L'Europe».
«Ежемесячный журнал». (Пг., 1914— 1917) — 27, 424, 440—441.

«Жатва». Сборник. (М., 1911) — 231.
«Живое слово». Газета. (М., 1911— 1914) — 430—431.
«Жизнь». Журнал. (СПб., 1897—1901)— 98, 100.
«Жизнь и социализм». Журнал. (СПб., 1906) — 636, 638.
«Жизнь искусства». Журнал. (Пг.—Л., 1918—1929) — 86, 464, 475, 563.
«Жупел». Журнал. (СПб., 1905—1906) — 295.
«Журнал для всех». (М., 1928—1930.) См. также «Пролетарский авангард» — 111—112.
«Журнал для всех». (СПб., 1901—1906) — 65, 414, 424, 633—634.
«Журнал-копейка». (М.,1909—1915)—635.
«Журнал славянской филологии» — см. «Zeitschrift fur slavische Philologie».
«Журналист». Журнал. (М., 1922— 1933) — 11, 246, 249.

«За рубежом». Журнал. (М., 1932— 1938) — 244, 367, 623—624.
«Забайкалье». Газета. (Чита, 1901— 1906) — 65, 68.
«Заветы». Журнал. (СПб., 1912—1914)— 54—55, 66, 68, 224, 231—232, 323, 422, 424, 429, 436, 441, 581.
«Заря». Журнал. (М., 1913—1916) — 398.
«Звезда». Журнал (М.— Л., 1924—) — 12, 18, 74, 354, 415, 419, 475—476, 516, 518, 520, 522, 549, 555—556, 558— 559, 580, 607, 610—611, 613, 702.
«Звенья». Сборники. (М.— Л., 1932— 1951) — 412.
«Земля и фабрика». Альманах — см. Альманах «Земля и фабрика».
«Земля советская». Журнал. (М., 1929— 1932) — 632, 657.
«Знамя». Журнал. (М., 1931—) — 169— 170, 172, 176, 179, 578.
«Знание». Сборник товарищества «Знание». (СПб., 1903—1913) — 423—424, 426, 433—436, 629, 635.
«Золотое руно». Журнал. (М., 1906— 1909) — 324.

«Известия». Газета. (Пг., М., 1917—) — 10, 52, 70, 86, 88—89, 91, 97, 99—100, 106, 208, 212, 229, 242, 246, 249, 260, 285, 315, 338—339, 352—353, 358— 360, 365, 380, 398, 405, 409—410, 460, 464, 534—536, 540, 542, 544, 629, 673, 685—686.
«Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук». (М.— Л., 1936—1938) — 13, 24, 26.
«Известия Петросовета» — см. «Известия».
«Изобретатель». Журнал. (М., 1929— 1938) — 144.
«Искорка». Журнал. (М., 1924—1933) — 360.
«Искра». Газета. (Лейпциг — Мюнхен — Лондон — Женева. 1900—1903) — 130.
«Исторический архив». Журнал. (М., 1955—1962) — 26.
«История городов как история русского быта» (план издания) — 393—395.
«История Горьковского края». (Издание не осуществилось) — 702.
«История гражданской войны в СССР». — 48, 51—52, 188, 213, 259— 260, 287, 404, 406, 421, 461, 526— 528, 530, 549—550.
«История деревни». (Издание не осуществилось) — 556.
«История молодого человека XIX века». Книжная серия — 533.
«История фабрик и заводов» — 197, 239, 287, 406—407, 461, 530—531, 545— 546, 549—551.
«Исход к востоку». Сборник. (София, 1921) — 603.

«Канадский гудок». Рабочая газета. (Виннипег, 1931—1939) — 618.
«Капли крови Ильича». Сборник. (Л., Госиздат, 1924) — 682.
«Книга и пролетарская революция». Журнал. (М., 1932—1940) — 702.
«Книга и революция». Журнал. (М.—Пг., 1920—1923)— 172, 224.
«Ковш». Альманах. (Л., 1925—1926) — 185, 387—389, 475, 480, 491—494, 496— 498, 500—503, 507, 514.
«Колхозник». Журнал. (М., 1934—1939)— 362, 365, 556, 702.
«Коммунистический Интернационал» Журнал. (М., 1919 — 1943) — 98, 100.
«Комсомолия». Журнал. (М., 1925— 1926) — 74.
«Комсомольская правда». Газета. (М., 1925—) — 38.
«Кооперативная жизнь». Журнал. Саратов. — 144.

«Красная газета». [Пг. (Л.), 1918—1939]— 194, 196, 270—272, 601, 650, 673, 680.
«Красная звезда». Газета. (М., 1923—)— 629.
«Красная Карелия». Газета. (Петрозаводск, 1919—)— 673—674.
«Красная летопись». Сборник (журнал). (Л., 1922—1937)— 438.
«Красная Мордовия». Газета. (Саранск, 1923—) — 262.
«Красная нива». Журнал. (М., 1923—1931) — 70—71, 91, 106, 348, 360, 449—450, 613.
«Красная новь». Альманах, кн. 1. (М.— Л., 1925—) — 40, 497.
«Красная новь». Журнал. (М., 1921—1942) — 11, 19, 28, 39—40, 48, 59—60, 69—70, 72, 74—75, 80—82, 89—91, 94—96, 99—100, 108, 150, 152, 154, 176, 179, 216, 237, 242, 248, 252, 254, 260, 265, 302, 325—326, 331, 334, 338, 349—350, 361—362, 370, 401, 406, 447, 450, 466, 468, 475—476, 565, 581—582, 584, 640—644, 648—649, 652—653, 687.
«Красная панорама». Журнал. (Пг.—Л., 1923—1930) — 267.
«Красноармеец». Журнал. (М., 1919, с 1947 — «Советский воин») —420.
«Красное Черноморье». Газета. (Новороссийск, 1920) — 68—69.
«Круг». Альманах артели писателей «Круг». (М., 1923—1927) — 39, 99, 127—128, 174, 378, 380, 468, 470, 472, 497, 503.
«Круг». Сборник — см. «Круг». Альманах.
«Кругосвет». Сборник. (М.— Л., 1925) — 129.
«Кузница». Журнал. (М., 1920—1922)— 108.
«Кузница» (литературное объединение) — 16, 63, 82, 94, 100, 106—108.
«Курьер». Газета. (М., 1897—1904) — 446.

ЛАПП (Ленинградская ассоциация пролетарских писателей)—673, 675, 688—689.
«Ленинград». Журнал. (Л., 1930—1932)— 675, 677—678, 682.
«Ленинград». Журнал. (Л., 1940—1946)— 9—10.
«Ленинградская правда». Газета. (Л., 1918—) — 157, 398, 613, 673, 685.
«Ленинские искры». Газета. (Л., 1924—) — 374.
«Летопись». Журнал. (Пг., 1915—1917)— 38—39, 68—69, 75, 147, 150, 194, 231, 437—438, 440—442, 444, 466, 580, 629, 644, 647.
«Летопись жизни и творчества А. М. Горького» (М., 1958—1960) — 75.
Леф (Левый фронт искусств), Новый Леф. Литературно-художественная группировка.— 86—90, 354, 491.
«Литература и жизнь». Газета. (М., 1958—1962) — 266.
«Литература и искусство». Журнал. (М., 1930—1931)— 113.
«Литературная газета». (М., 1929—) — 8, 45—46, 48, 113, 115—116, 121, 157 171, 217, 231, 276, 283—285, 293, 316, 361, 364—365, 528, 530, 538, 542, 545, 556, 614, 629, 677, 684, 698—699.
«Литературная Мордовия». Альманах. (Саранск, 1940—)— 262.
«Литературная мысль». Альманах. (Л., 1922—1925)— 176.
«Литературная неделя». Приложение к «Петроградской правде» (1922—1923) — 181.
«Литературная Россия». Альманах. (М., 1924) — 476.
«Литературная учеба». Журнал. (М., 1930—1941) — 124, 367, 369, 608—610, 664, 673—674, 677—678.
«Литературно - художественные сборники ЗИФа (1927—1933) — см. Альманах «Земля и фабрика».
«Литературное наследство». Сборники. (М., 1931—) — 5—7, 16, 26.
«Литературное Поволжье». Альманах. (Сталинград, 1934) — 284.
«Литературные записки». Журнал. (Пг., 1922) — 171, 174, 374, 468.
«Литературный архив». Сборники. (М.— Л., 1938—)— 424, 437, 442.
«Литературный еженедельник». Журнал. (Пг., 1923) — 69.
«Литературный критик». Журнал. (М., 1933—1940) — 550, 701.
«Литературный Ленинград». Журнал. (Л., 1933—1937) — 550—551, 554, 659.
«Литературный современник». Журнал. (Л., 1933—1941) — 374, 419—420, 455, 461, 629, 659.
«Луч». Газета. (Издание не состоялось) — 444.

МАПП (Московская ассоциация пролетарских писателей) — 102, 646, 678.
«М. Горький в воспоминаниях современников». Сборник. (М., Гослитиздат, 1955) — 319, 380, 454, 525.
«М. Горький. Материалы и исследования». Сборник. (М. — Л., Изд-во АН СССР, 1934) —396, 424, 435, 464.
«Максим Горький». «Однодневная литературная газета». (Л., 1932, 25. IX) —673.
«Минувшие дни». Журнал. (Издание не состоялось)— 516, 518.
«Минувшие дни». Альманах (Л., 1927—1928) — 518.
«Мир божий». Журнал. (СПб., 1901—1906) — 64, 414.
«Молодая гвардия». Журнал. (М., 1922—1941) — 61, 90—91, 103, 150, 366, 422, 431, 693.
«Молодая Германия. Антология современной немецкой поэзии». (Харьков, Госиздат Украины, 1926) — 656—657.
«Московский альманах». (М., Книгоиздательство писателей, 1923) — 125.
«Московский драматический альманах на 1917—1918 гг.» (М., Московское изд-во, 1917) — 440.

«На литературном посту». Журнал. (М. 1926—1932) — 74, 91, 93 — 94, 104, 116, 187, 266.
«На подъеме». Журнал. (Ростов н/Д., 1927—1935) — 113.

«На посту». Журнал. (М., 1923—1925) — 72, 74.
«На посту». Литературная группа журнала «На посту» — 73, 90, 99, 108, 121.
«Накануне». Газета. (Берлин, 1922—1924) — 378, 397—398, 400, 402—404, 566.
«Народная весть». Журнал. (СПб., 1906) — 634.
«Наступление». Газета. (Л., 1932) — 688.
«Наступление». Журнал. (Смоленск, 1931—1936) — 683.
«Наш журнал». (М., 1921) — 466.
«Наш журнал». (СПб., 1908) — 633—634.
«Наш Союз». Журнал. (Париж, 1935—) — 623.
«Наша жизнь». Газета. (СПб., 1904—1906) — 636, 638.
«Наша жизнь». Сборник. (М., «Федерация», 1931—1932) — 275.
«Наши дни». Альманах. (М.— Л., 1922—1925) — 68—69, 468, 476.
«Наши достижения». Журнал. (М.— Л., 1929—1937) — 48, 53, 223, 225, 275—276, 286, 288, 294, 319—320, 323, 356, 360, 367, 412, 548, 608, 610—611, 694.
«Недра». Сборники. (М., 1923—1931) — 59—60, 152, 389, 613, 647.
«Нива». Журнал. (СПб., 1870—1917) — 449, 554, 609.
«Нижегородский листок». Газета. (Нижний-Новгород, 1895—1917) — 591.
«Новая жизнь». Газета. (Пг., 1917—1918) — 39, 397, 399, 469, 518.
«Новая жизнь». Газета. (СПб., 1905) — 345.
«Новая иллюстрация». Журнал. (СПб., 1900—1907, 1909—1917) — 638.
«Новая Россия». Журнал. (М., 1922—1926) — 74—77, 153.
«Новая русская книга». Журнал. (Берлин, 1921—1922) — 383, 566.
«Новое время». Газета. (СПб., 1868—1917) — 329.
«Новое слово». Журнал. (М., 1905—1907) — 228.
«Новый журнал». (Нью-Йорк) — 9, 232, 310, 580.
«Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки». (СПб., 1897—1909) — 150—151.
«Новый зритель». Журнал. (М., 1924—1929) — 565.
«Новый Леф». Журнал. (М., 1927—1928) — 86, 89.
«Новый Леф». Литературная группа журнала «Новый Леф» — см. Леф.
«Новый мир». Журнал. (М., 1925—) — 42, 69—71, 74—78, 80, 82, 85, 90—91, 94, 102—103, 117—119, 146, 149, 160, 169, 189, 223, 242, 254, 260, 286, 303, 328—329, 331, 335, 339, 343, 348, 354—355, 358, 364, 370, 406—408, 410—412, 415, 420, 497—498, 508, 510—511, 513, 603, 623—624, 649, 686.
«Новый путь». Журнал. (СПб., 1903—1904) — 324.

«О Горьком — современники. Сборник воспоминаний и статей» (М., 1928)—629.
«Образование». Журнал. (СПб., 1892—1909) — 65, 414, 445, 636, 638.
«Огни. Литературный альманах памяти В. Башкина». (СПб., 1910) — 636, 638.
«Огонек». Журнал. (М., 1923—) — 99, 236, 319, 360.
«Октябрь». Журнал. (М., 1924—) — 48, 72, 113, 124, 133, 150, 156, 364, 664, 694, 700.
«Октябрь в Петрограде». Сборник.— См. «В дни Великой пролетарской революции».
«Октябрьская газета». (М., Федерация советских писателей, 8 ноября 1927 г.) — 19.
«Опояз» (Общество изучения теории поэтического языка) (формальный метод, формалисты) — 388—389, 455, 491, 532, 534, 567.
Оргкомитет ССП — 22, 278, 280, 283—284, 416, 527, 542, 545, 578, 662.
«Отечественные записки». Журнал. (СПб., 1839—1884) — 267.
«Отклики». Журнал. (Сызрань, 1919) — 463.

«Памяти Л. Лунца». Сборник. (Издание не состоялось) — 472—473.
«Партийное совещание „Истории заводов". Сборник. (Л., Обл. ред. «Истории заводов», 1933) — 546.
«Первая конная в изображении ее бойцов и командиров». Сборник. (М., ГИЗ, 1930) — 46, 48.
«Первые литературные шаги». Сборник. (М., изд. Ф. Ф. Фидлер, 1911) — 425.
Первый Всероссийский съезд крестьянских писателей — 655, 659.
Первый съезд литераторов Сибири — 597.
Первый съезд Союза советских писателей — 416, 539, 542, 544, 548, 550.
«Перевал». Журнал. (М., 1906—1907) — 634, 636, 638.
«Перевал». Литературная группа. — 78, 93—94, 108, 649.
«Перевал». Сборники. (М., 1923—1928) — 94.
«Петроградская правда». Газета. (Пг., 1918—1924) — 180—181, 464. См. также «Ленинградская правда» и «Красная газета».
«Печать и революция». Журнал. (М., 1921—1930) — 74, 91.
«Пионер». Журнал. (М., 1924—) — 144, 565.
«Пионерская правда». Газета. (М., 1925—) — 420.
«Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков». (М., «Современные проблемы». 1926)—422.
«Поволжская правда». Газета. (Царицын, 1917, с 1961 — «Волгоградская правда») — 281—282, 284.
«Поволжье». Журнал. (Сталинград, 1934—1935) — 284—285.
«Последние новости». Газета. (Париж, 1920—1940) — 623.
«Правда». Газета. (Пб., М., 1912—)—8, 19, 27, 38, 45, 48, 51—52, 63, 69, 71, 99,

107, 145, 148, 187, 208, 285, 294, 308, 341, 358, 360, 364—365, 367, 398, 407, 450, 460, 528, 548, 550, 597, 613.
«Правда». Журнал. (М., 1904—1906) — 636, 638.
«Прибой». Альманах (Л., 1925—1926)— 72, 153, 504.
«Природа и люди». Журнал. (СПб., 1889—1917) — 367.
«Приходской листок». (Пг., 1914—1916) — 437.
«Пробуждение». Журнал. (СПб., 1906—1916) — 635—636, 638.
«Прожектор». Журнал. (М., 1923 — 1935) — 66, 106, 237.
«Пролетарская культура». Журнал. (М., 1918—1921) — 91.
«Пролетарский авангард». Журнал.—см. также «Журнал для всех» (М., 1930—1932) — 112.
«Пролеткульт» (Объединение пролетарских культурно-просветительных организаций) — 94, 316, 345, 466.
«Просвещение». Журнал. (СПб., 1911—1914) — 147.
«Против течения». Газета. (СПб., 1910—1913)—431.
«Путь». Журнал. (М., 1918—1920) — 581.
«Путь». Журнал. (М., 1911—1914) — 390, 396.

«Рабис». Журнал. (М., 1920—1934) — 95.
«Рабочая газета». (М., 1922—1932) — 85.
«Рабочая Самара». Газета. (Самара, 1930—1933) — 390.
«Рабочий журнал».(М.—Л., 1924—1925)— 108.
«Рабочий и театр». Журнал. (Л., 1924—1949) — 684—685.
«Рабочий край». Газета. (Иваново-Вознесенск, 1917—) — 27, 223.
«Рабселькор».Журнал.(Л.,1926—1937),618.
РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей), ВАПП — 50—52, 74, 91, 93—94, 108, 188, 248, 278—280, 525, 539, 646, 683, 694—696, 698.
«Речь». Газета. (СПб., 1906—1917) — 322, 325.
«Ровесники». Сборник.(М.—Л., 1930)—94.
«Роман-газета» (М., 1927)— 144.
«Россия». Журнал. (М., 1922—1924)—139, 476. См. также «Новая Россия».
«Роста». Газета (Пг., 1919—1920) — 463.
«Руль». Газета (Берлин, 1920—1931) — 102—103, 348.
«Русская жизнь». Журнал. (СПб., 1905) — 441.
«Русская мысль». Журнал. (М., 1880—1917) — 229, 246—248, 320, 414, 440—441, 445—446, 580, 584, 628, 640.
«Русские ведомости». Газета. (М., 1863—1917) — 322, 533—534.
«Русские записки». Журнал. (Пг., 1914—1917)— 440.
«Русский голос». Газета. (Нью-Йорк, 1927—1939) — 619, 621.
«Русский современник», Журнал. (Л.—М., 1924) — 181, 184—185, 389, 473—476, 478, 483—484, 486, 497, 498.
«Русское богатство». Журнал. (СПб., 1879—1914) — 267, 441, 445—446.
«Русское искусство». Журнал. (М.— Пг., 1923) — 178, 180.
«Русское слово». Газета. (М., 1894—1917) — 444, 628.

«Самарская газета». (Самара. 1884—1906) — 125, 143—144, 390, 595.
«Сатирикон». Журнал. (СПб., 1908—1914) — 194.
«Сборник пролетарских писателей». I. (СПб., «Прибой» 1914)— 27.
«Сборник пролетарских писателей» II. (СПб., «Парус» 1918)—27, 629, 649.
«Сборники товарищества „Знание“» — см. «Знание». Сборники.
«Свободным художествам». Журнал. (СПб., 1910—1913) — 431.
«Северное сияние». Журнал. (Пг., 1919—1920) — 464—465.
«Северный краевед».Газета. (Архангельск, 1935—) — 286.
«Серапионовы братья». Альманах первый. (Пг., «Алконост», 1922) — 169, 171—172, 174—175, 378—379, 473—475.
«Серапионовы братья. Заграничный альманах». (Берлин, «Русское творчество», 1922) — 175, 382, 475.
«Серапионовы братья» — литературная группа — 9, 16, 23, 169—172, 174, 176—181, 184, 233, 374—376, 378—381, 383—386, 389, 461, 466—469, 471, 473—474, 476, 479, 490, 493, 500, 502—503, 505, 560—564.
«Сибирские огни». Журнал. (Новосибирск, 1922—) — 286, 365, 370.
«Сибирские сборники». (Издание не осуществилось)— 66, 68, 396.
«Сибирь». Журнал. (Новосибирск, 1925—1946) — 501.
«Сирена». Журнал. (Воронеж, 1918—1919) — 503.
«Скифы». Сборник. (СПб., 1917—1918) — 584.
«Смычка». Газета. (Иваново, 1926—1935) — 275.
«Собеседник». Журнал. (Издание не осуществилось) — 75, 492, 518.
«Советская Сибирь». Газета. (Новосибирск, 1920) — 287.
«Советское искусство». Журнал. (М.— Л., 1925—1928) — 28.
«Современная литература». Сборник. (Л., «Мысль», 1925) — 581.
«Современник». Журнал. (СПб., 1911—1915) — 56—57, 295—296, 424, 433—434, 438, 441, 483, 580—581.
«Современник». Журнал. (М., 1922—1925) — 626.
«Современные записки». Журнал. (Париж, 1921—1940) — 232, 327.
«Современный мир». Журнал. (СПб. 1906—1917) — 231, 445, 595.
«Создадим историю заводов». Сборник. (Л., Обл. редакция «Истории заводов», 1933) — 545.
ССП (Союз советских писателей) — 14, 22, 276, 284, 361, 580.

«СССР на стройке». Журнал. (М., 1930—) (издается в настоящее время под названием «Советский Союз») — 367, 518.
«Страна». Газета. (СПб., 1906—1907) — 636, 638.
Суриковский литературный кружок—579.
«Сызранский коммунар». Газета. (Сызрань, 1919—1921) — 463.

«Театр и драматургия». Журнал. (М., 1933—1936) — 34, 44, 192.
«30 дней». Журнал. (М., 1925—1941) — 42, 94, 116, 249, 255—256, 365—368.
«Трудовой путь». Журнал. (СПб., 1907—1908) — 424, 634.
«Труп». Сборник. (Париж, 1924) — 240.
«Туркменистан весной». Альманах. (М.— Л., 1932) — 260.
«1921». Альманах. (Издание не осуществилось) — 375—376, 475.

«Утро». Сборник. (М., 1927) — 153—154.
«Учительская газета». (М., 1924—) — 86, 88, 339.

Федерация писателей — см. ФОСП.
ФОСП (Федерация объединений советских писателей) — 14, 93—94, 203, 280, 658.

«Художественная литература». Бюллетень. (М., 1932—1935) — 701.
«Художественное наследство. Репин». (М.— Л., Изд-во АН СССР, 1948—1949) — 595.

«Читатель и писатель». Еженедельник. (М., 1927—1928)— 358.

«Шиповник». Альманах. (СПб., 1907—1916) — 146, 320, 632, 634, 636, 638.
«Штурм». Журнал. (М.— Л., Самара, 1931—1932) — 390.

«Энергия». Сборник. (СПб., 1913—1914) — 57.
«Эпоха». Журнал.—См. «Беседа». Журнал.

«Южные ведомости». Газета. (Симферополь, 1906—1917) — 441.
«Юный читатель». Журнал. (СПб., 1899—1906) — 414.

«Arbeiter Illustrierte Zeitung». Журнал. (Берлин, 1921—1936) — 654.
«Corriere della Sera». Газета. (Милан, 1875—) — 268—269.
«Die neue Rundschau». Журнал. (Берлин, 1889 —)— 380—381.
«Disque vert». Журнал, Брюссель, см. «Le disque vert».
«Ecrits du Nord». Журнал. (Брюссель, 1927—) 385, 563—564, см. также «Le disque vert»
«El sol». Газета. (Мадрид)— 380.
«Le disque vert». Журнал. (Париж — Брюссель, 1922—) — 169, 172, 380, 563.
«Les écrits nouveaux» — 174, 240, 379—380.
«L'Europe». Журнал (Париж, 1923—)— 19, 108, 216, 266, 385.
«Liber amicarum Romain Rolland... Hunc librum curaverunt edendum Maxim Gorki, Georges Duhamel, Stefan Zweig». Сборник. (Цюрих, Лейпциг, 1926)— 216.
«Mattino». Газета (Неаполь) — 268.
«Mercure de France». Журнал. (Париж, 1897—) — 503—504.
«Neue Züricher Zeitung» — 533.
«Nyagat». Журнал. (Будапешт, 1908—)— 169.
«Revue europpéenne» — см. «Les écrits nouveaux».
«Russia». Журнал. (Рим, 1920—1926) — 127, 389.
«Russische Rundschau». Журнал. (Берлин)— 641—642.
«The Dial».Журнал.(Лондон,1928—)— 359.
«Zeitschrift fur slawische Philologie». Журнал. (Лейпциг, 1925—) — 388—389.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ГОРЬКОГО

«А. Н. Шмидт» — 591.
«А. П. Чехов» — 579, 608.
«Автобиографические рассказы» — 584.
«Анонимам и псевдонимам» — 357—358.

«Беседа с молодыми ударниками, вошедшими в литературу» — 683.
«Беседа с писателями-ударниками по вопросам, предложенным рабочим советом ВЦСПС» — 683.
«Беседы о ремесле» — 595, 649.
«Бугров» — см. «Н. А. Бугров».

«В. Г. Короленко» — 584.
«В. И. Ленин», очерк 1920 г.— 98, 100.
«В. И. Ленин», очерк 1924—1930 гг.— 53, 57, 104.
«В людях» — 146, 369, 682.
«В мастерскую импровизации» — см. «Ставьте дело широко и твердо. О Ленинградском театре ЛАПП».
«Василий Буслаев», замысел пьесы — 608.
«Вольнов» — см. «Иван Вольнов».
«Вопленица» — 649.
«Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом» — см. «Лев Толстой».
«Воспоминания. Рассказы. Заметки». М., «Книга», 1927 — 106.
«Время Короленко» — 326, 584.
«Вступительная статья к изданию „Н. С. Лесков. Избранные сочинения в трех томах“» — см. «Н. С. Лесков».
«Вячеслав Иванов», заметка — 213.

«Голубая жизнь» — 330.
«Городок Окуров» — 477, 509, 571, 628.
«Группа „Серапионовы братья“» — 16, 169, 172, 385, 461, 561—564.

«Два купца» — 132—133. См. также «Н. А. Бугров» и «Савва Морозов».
«Двадцать шесть и одна» — 124.
«Дело Артамоновых» — 22, 86, 89—92, 94, 96, 99, 134, 153, 234, 297, 305, 330—331, 355, 369, 450, 494, 496, 498, 500, 503—504, 507—510, 512—513, 588, 591—592, 643—644, 650.
«Десять лет» — 208.
«Детство»— 146, 179, 214—216, 319, 322—324, 333, 438, 592, 682.
«Достигаев и другие» — 192, 414.

«Егор Булычов и другие» — 28, 118, 369, 414—415, 521, 541—543, 659, 683, 687, 690—692.
«Еще о механических гражданах» — 336.

«Женщина с голубыми глазами»(«Мать»),— 593, 595.
«Жизнь Клима Самгина (Сорок лет)» — 10, 22, 75, 94, 97—103, 110—111, 135—136, 153, 202, 269—270, 284, 295, 301, 303—306, 308, 319, 342, 345, 349—353, 496, 503, 513, 555—556, 594—595, 602, 609, 628, 644—645, 649, 657—658, 660, 663—664, 666.
«Жизнь Матвея Кожемякина» — 224, 237, 437, 444, 628.

«За работу!» — 531.
«Задачи нашей книги (Из письма М. Е. Кольцову)» — 244, 531.
«Заметка по поводу статьи „О двух книгах“» — 213.
«Заметка о Пришвине» — 343.
«Заметки из дневника. Воспоминания», Берлин, «Книга», 1924 — 248, 325—326, 330—332, 337, 387, 494, 496—498, 564, 591.
«Зрители» — 689.

«И еще о чёрте» — 678.
«И. И. Скворцов» — 242.
«Иван Вольнов» — 53.
«Издалека». Статья IX — 678.
«Исповедь» — 592, 628.
«История деревни» — 556.
«История фабрик и заводов» — 531.

«К участникам гражданской войны» — 549.
«Как сложили песню» — 689.
«Камо» — 613.
«Коновалов» — 448, 450.
«Короленко» — см. «В. Г. Короленко».
«Красин» — см. «Леонид Красин».

«Лев Толстой» — 97, 99, 498, 500, 593.
«Ледоход» — 319, 324.
«Ленин» — см. «В. И. Ленин».
«Леонид Красин» — 104, 106.
«Лесков» — см. «Н. С. Лесков».

«М. М. Пришвин. „Охота за счастьем“», заметка — 352.
«Макар Чудра» — 348.
«Мальва» — 123, 592.
«Мать» — 87, 93, 95, 153, 230, 684.
«Мать». Рассказ — см. «Женщина с голубыми глазами».
«Мой привет» — 208.
«Мои университеты» — 133, 326—328, 330, 446, 584, 608, 682.
«Морозов С. Т.» —см. «Савва Морозов».

«Н. А. Бугров» — 133, 543.
«Н. С. Лесков»— 146.
«На выставке» — 649.
«На дне» — 34, 65, 271, 348, 397, 446.
«Несколько слов. Предисловие к книге Я. Виртанен „Стихи“» — 674.
«Нечто об эпосе и прочем» — 168.
«Норманны». Наброски драмы — 239.

«О безответственных людях и о детской книге наших дней» — 360.
«О „Библиотеке поэта“» — 460, 531.
«О бойкости» — 46, 50, 52.
«О вреде философии» — 326, 584.
«О двух книгах» — 209, 212—213.
«О детской литературе», докладная записка в соавторстве с др. писателями — 360.
«О женщине» — 336.
«О журнале „Колхозник“» — 556.
«О книге „День мира“ (Из письма М. Кольцову)» — см. «Задачи нашей книги (Из письма М. Е. Кольцову)».
«О книгах» — 224.
«О литературе» — 108, 245, 455, 695.
«О литературе и прочем» — 52.
«О литературных забавах» — 285.
«О М. М. Пришвине» — 319, 334, 338, 341, 344.
«О „маленьких людях“ и о великой их работе» — 294.
«О музыке толстых» — 335.
«О наших достижениях» — 294.
«О новом и старом» — 208.
«О первой любви» — 326.
«О писателях-самоучках» — 396.
«О пользе грамотности» — 357—358.
«О прозе» — 124.
«О противоречиях» — 293—294.
«О работе неумелой, небрежной, недобросовестной и т. д.» — 359—360, 367.
«О работе по „Истории фабрик и заводов“» — 531.
«О Ромене Роллане» — 216.
«О С. А. Толстой» — 158.
«О „Серапионовых братьях“» — см. «Группа „Серапионовы братья“».
«О тараканах» — 9, 500—504, 506—507, 514.
«О том, как я учился писать» — 48, 133.
«О языке» — 139, 698.
«Об Анатоле Франсе» — 240.
«Ответ Буденному» — 38, 46, 48.
«Открытое письмо А. С. Серафимовичу» — 698.
«Отшельник» — 319, 326, 328—329, 331—333, 336, 352, 498, 510.
«Очерки и рассказы». Пб., 1898—1899— 628.

«Памяти Л. Лунца» — 184, 471—473, 484—485.
«Первый опыт». Послесловие к сборнику о Беломорско-Балтийском канале — 283—284.
«Песнь о Буревестнике» — 98, 100.
«Письма из редакции» — 248, 677.
«Письмо в „Литературную газету“ о М. М. Пришвине» — 319, 361.
«Письмо в редакцию газеты „Известия“» 1927 г. 19 января — 86, 88, 338—339.
«Письмо в редакцию газеты „Известия“», 1928 г. 8 апреля — 100.
«Письмо в редакцию газеты „Правда“», 1928 г. 25 февраля — 357—358.
«Письмо рабкору Сапелову» — 294, 358.
«По Руси» — 324.
«По Союзу Советов» — 225.
«Подъячев» — см. «Семен Подъячев».
«Последние» — 270—271.
«Правдивое изложение случая с почтмейстером Павловым» — 179.
Правка рукописи А. А. Демидова «Жизнь Ивана» — 150.
Правка рукописи Ф. В. Гладкова «Трое в одной землянке» — 68.
Правка рассказа В. Д. Дубровина «На поля пришла чудесная Москва» — 155.
Правка рукописей В. А. Ковалевского «Монах», «Сапожник», «Кладбище» и главы «Ситец» из книги «Хозяин трех гор» — 197.
Правка повести С. А. Колдунова «Р. S.» — 218.
Правка рукописи (без заглавия) О. А. Колесниковой — 222.
Правка рукописей С. Н. Маркова «Обновленные племена», «Мезенская прибаутка», «Донат — Китовый дружок», «Карагун и Пуоли» — 286.
Правка пьесы М. Ф. Чумандрина «Естественная история» — 693.
Предисловие к книге Л. И. Борисова «Ход конем» — 108.
Предисловие к книге Н. П. Вагнера «Человек бежит по снегу» — 534.
Предисловие к американскому изданию книги Б. Л. Пастернака «Детство Люверс» — 295, 297, 309—310.
Предисловие к американскому изданию прозы А. С. Пушкина — 310.
Предисловие к книге И. И. Тачалова «Мрачная повесть» — 396.
Предисловие к американскому изданию книги С. Н. Сергеева-Ценского «Преображение» — 348.
Предисловие к американскому изданию книги О. Д. Форш «Одеты камнем» — 585, 594.
Предисловие к немецкому изданию книги М. Ф. Чумандрина «Белый камень» — 685, 687—688.
Предисловие к французскому изданию книги Л. Леонова «Барсуки» — 266.
Предисловие к статье М. М. Пришвина «Мой очерк» — см. «Письмо в „Литературную газету“ о М. М. Пришвине».
Предисловие к «Собранию сочинений» С. Цвейга — 514.
Приветствие журналу «Поволжье» — 285.
«Призвание писателя и русская литература нашего времени» — 169.
«Пришвин» — см. «О М. М. Пришвине», «Заметка о Пришвине», «М. М. Пришвин. „Охота за счастьем“», «Письмо в „Литературную газету“ о М. М. Пришвине».

«Рабселькорам» — 294, 358.
«Равнодушие не должно иметь места» — см. «Предисловие к немецкому изданию книги М. Ф. Чумандрина „Белый камень“».
«Рассказ о безответной любви» — 325—326, 328—331.
«Рассказ о необыкновенном» — 329—331.
«Рассказы 1922—1924 гг.» — 327—329, 498—500.
«Речь на Первом всесоюзном съезде советских писателей» — 531.
«Рождение человека» — 688.
«Роллан» — см. «О Ромене Роллане».
«Русский язык», заметка — 385, 472.

«С кем вы, „мастера культуры“. (Ответ американским корреспондентам)» — 554—555.
«Савва Морозов» — 132—133, 543.
«Семен Подъячев» — 649.
«Серапионовым братьям» — см. «Группа „Серапионовы братья“».
«Сказки об Италии» — 16.
«Скворцов И. И.»— см. «И. И. Скворцов».
«Советская эскадра в Неаполе» — 47—48.
«Сомов и другие» — 188.
«Ставьте дело широко и твердо. О Ленинградском театре ЛАПП» — 683—684.
«Старик» — 445.
«Старуха Изергиль» — 98.
«Сторож» — 326.
«Страсти-мордасти» — 684, 689.

«Толстая С. А.» — см. «О С. А. Толстой».
«Толстой Лев» — см. «Лев Толстой».

«Убийцы» — 501.
«Ударники в литературе» — 682.

«Фома Гордеев» — 92, 98—99, 509, 569, 615.
«Франс Анатоль» — см. «Об Анатоле Франсе».

«Хозяин» — 123, 156.

«Челкаш» — 591.
«Человек, уши которого заткнуты ватой» — 360.
«Чехов А. П.»— см. «А. П. Чехов».

«Шмидт А. Н.»— см. «А. Н. Шмидт».

«Ярмарка в Голтве» — 444.

«Les cafards» — см. «О тараканах».

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ 5

ГОРЬКИЙ В ПЕРЕПИСКЕ С СОВЕТСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ

Статья Л. И. Тимофеева 7

ГОРЬКИЙ — М. Д. АРТАМОНОВ 27
ГОРЬКИЙ — А. Н. АФИНОГЕНОВ 28
ГОРЬКИЙ — И. Э. БАБЕЛЬ 38
ГОРЬКИЙ — В. Н. БАГРОВ 45
ГОРЬКИЙ — В. В. ВИШНЕВСКИЙ 46
ГОРЬКИЙ — И. Е. ВОЛЬНОВ 53
ГОРЬКИЙ — Ф. В. ГЛАДКОВ 63
ГОРЬКИЙ — С. Т. ГРИГОРЬЕВ 125
ГОРЬКИЙ — Л. П. ГРОССМАН 145
ГОРЬКИЙ — Л. И. ГУМИЛЕВСКИЙ 147

Приложение: Отзыв Горького о книге Гумилевского «Рудольф Дизель, его жизнь и деятельность». 149

ГОРЬКИЙ — А. А. ДЕМИДОВ 150
ГОРЬКИЙ — В. Д. ДУБРОВИН 155
ГОРЬКИЙ — М. М. ЗОЩЕНКО 157
ГОРЬКИЙ — В. А. КАВЕРИН 169
ГОРЬКИЙ — В. М. КИРШОН 187

Приложение: Замечания Горького о докладе Киршона «За социалистический реализм в драматургии». 192

ГОРЬКИЙ — В. В. КНЯЗЕВ 194
ГОРЬКИЙ — В. А. КОВАЛЕВСКИЙ 197
ГОРЬКИЙ — П. С. КОГАН 199
ГОРЬКИЙ — Ю. Г. КОГБЕТЛИЕВ 217
ГОРЬКИЙ — С. А. КОЛДУНОВ 218
ГОРЬКИЙ — О. А. КОЛЕСНИКОВА 222
ГОРЬКИЙ — Н. И. КОЛОКОЛОВ 223

Приложение: Отзыв Горького о романе Колоколова «Мед и кровь» 223

ГОРЬКИЙ — Л. Ф. КОПЫЛОВА 225
ГОРЬКИЙ — В. А. КОРШУНОВ 227
ГОРЬКИЙ — Н. А. КРАШЕНИННИКОВ 228
ГОРЬКИЙ — Ф. Г. ЛАСКОВАЯ 231
ГОРЬКИЙ — М. Е. ЛЕВБЕРГ 239
ГОРЬКИЙ — Л. М. ЛЕОНОВ 245

Приложение: Предисловие Горького к французскому изданию романа Леонова «Барсуки». 262

ГОРЬКИЙ — Е. П. ЛЕТКОВА-СУЛТАНОВА 267
ГОРЬКИЙ — П. Н. ЛУКНИЦКИЙ 273
ГОРЬКИЙ — М. Г. ЛУКЬЯНОВ 275
ГОРЬКИЙ — И. К. ЛУППОЛ 277
ГОРЬКИЙ — И. С. МАКАРЬЕВ 278
ГОРЬКИЙ — С. Н. МАРКОВ 286

Приложение: Отзыв Горького о статье Маркова «Обновленные племена» 288

ГОРЬКИЙ — Д. И. МОРСКОЙ 289
ГОРЬКИЙ — Н. С. НОВОСЕЛОВ 293
ГОРЬКИЙ — Б. Л. ПАСТЕРНАК 295

Приложения:

I. Дарственная надпись Горького Пастернаку на книге «Жизнь Клима Самгина», ч. I. М., Госиздат, 1927 308

II. Предисловие Горького к повести Пастернака «Детство Люверс» 308

ГОРЬКИЙ — Б. А. ПИЛЬНЯК 311
ГОРЬКИЙ — А. П. ПЛАТОНОВ 313
ГОРЬКИЙ — В. Ф. ПЛЕТНЕВ 316
ГОРЬКИЙ — М. М. ПРИШВИН 319
ГОРЬКИЙ — М. А. РОССОВСКИЙ 363
ГОРЬКИЙ — Л. Н. СЕЙФУЛЛИНА 365
ГОРЬКИЙ — Н. А. СЛАВЯТИНСКИЙ 373
ГОРЬКИЙ — М. А. СЛОНИМСКИЙ 374
ГОРЬКИЙ — А. А. СМИРНОВ 390

Приложение: Горький — А. Н. Тихонову. История городов как история русского быта 393

ГОРЬКИЙ — И. И. ТАЧАЛОВ 396
ГОРЬКИЙ — А. Н. ТОЛСТОЙ 397
ГОРЬКИЙ — К. А. ТРЕНЕВ 422
ГОРЬКИЙ — Ю. Н. ТЫНЯНОВ 455
ГОРЬКИЙ — К. А. ФЕДИН 461

Приложения:

I. Отзыв Горького о рассказах: В. Каверина «Нищий», Вс. Иванова «Повесть о портном», М. Зощенко «Красные и белые», М. Слонимского «13-я ошибка» 560
II. Группа «Серапионовы братья». 561

ГОРЬКИЙ — Е. К. ФЕРРАРИ 565
ГОРЬКИЙ — Г. С. ФИШ 577

Приложение. Отзыв Горького о книге Фиша «Хлеб» 578

ГОРЬКИЙ — С. Д. ФОМИН 579
ГОРЬКИЙ — О. Д. ФОРШ 580
ГОРЬКИЙ — Д. М. ХАИТ 614
ГОРЬКИЙ — А. Д. ХИЛКОВ 618
ГОРЬКИЙ — А. Я. ЦИНГОВАТОВ 625
ГОРЬКИЙ — А. П. ЧАПЫГИН 629
ГОРЬКИЙ — П. В. ЧАЦКИЙ 671
ГОРЬКИЙ — М. Ф. ЧУМАНДРИН 673
ГОРЬКИЙ — М. А. ШОЛОХОВ 694
ГОРЬКИЙ — Г. П. ШТОРМ 699

Список условных сокращений 704
Указатель иллюстраций 705
Именной указатель 710
Указатель изданий и литературных организаций 726
Указатель произведений Горького 732

В книге 171 иллюстрация

Литературное наследство, том 70

Горький и советские писатели. Неизданная переписка

Утверждено к печати
Ученым советом Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР

Редактор издательства *А. Т. Лифшиц*. Технический редактор *Г. Н. Шевченко*
Корректоры *В. Г. Богословский, Т. А. Пономарева*

РИСО АН СССР № 12—32В. Сдано в набор 15/III 1962 г. Подписано к печати 30/XII 1962 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 46 Уч.-изд. л. 63,5. Тираж 13000 экз.
Т-09134. Изд. № 439. Тип. зак. № 581.

Адрес редакции: Москва, Г-19, Волхонка 18
Телефон Г 5-29-66

Цена 3 руб.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР. Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

НОВЫЕ, РАНЕЕ НЕ ИЗВЕСТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ЧЕХОВЕ НАПЕЧАТАНЫ В ТОМЕ № 68 «ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА»

Впервые опубликованы:

творческие рукописи пьес: «Три сестры», «Вишневый сад», «Юбилей», рассказов «Невеста», «Попрыгунья», «Дама с собачкой», новонайденные юмористические рассказы;

около 150 неизданных писем Чехова. Среди них письма к писателям (Л. Н. Андрееву, В. А. Гольцеву, С. Я. Елпатьевскому, Н. А. Лейкину и др.), артистам и художникам (В. В. Билибину, А. Л. Вишневскому, М. К. Заньковецкой, К. А. Каратыгиной, Л. А. Сулержицкому, Ф. И. Шаляпину и др.), родным и близким (О. Л. Книппер, М. П. Чеховой, Г. М. Чехову и др.);

более ста писем к Чехову А. Н. Плещеева, А. И. Куприна, И. А. Бунина, В. Э. Мейерхольда, а также письма разных корреспондентов о студенческом революционном движении 1899—1903 гг.;

дневниковые записи о Чехове В. Г. Короленко, Н. А. Лейкина, В. С. Миролюбова, В. А. Теляковского и др.;

воспоминания о Чехове К. А. Коровина, К. А. Каратыгиной, М. К. Заньковецкой, Е. П. Пешковой, А. А. Хотяинцевой, И. Н. Альтшуллера и др., а также материалы из незавершенной книги И. А. Бунина о Чехове;

материалы о судьбе чеховского наследия за рубежом и о роли Чехова в развитии мировой литературы, в том числе обзоры: «Чехов во Франции», «Чехов в Чехословакии», «Чехов в Соединенных Штатах Америки» и публикация «Английские писатели и критики о Чехове»;

аннотированная библиография воспоминаний о Чехове, включающая около двухсот названий.

В томе 974 страницы, 205 иллюстраций. Цена тома 3 рубля.

Цена 3 руб.